

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

М . А . Д А В Ы Д О В

ТЕОРЕМА СТОЛЫПИНА

Санкт-Петербург
АЛЕТЕЙЯ
2022

УДК 94(47).081/083

ББК 63.3(2)5

Д 138

Рецензенты:

доктор исторических наук,
член-корреспондент РАН *Л. И. Бородкин*
доктор исторических наук *К. А. Соловьев*

Давыдов М. А.

Д 138 Теорема Столыпина / М. А. Давыдов. – СПб.: Алетейя, 2022. – 838 с.

ISBN 978-5-00165-433-9

В монографии на основании широкого круга источников обосновывается концепция, согласно которой в 1861–1905 гг. правительство империи – во многом сознательно – пыталось реализовать антикапиталистическую утопию, первую в нашей истории. Утопию о том, что в индустриальную эпоху можно быть «самобытной» великой державой, то есть влиять на судьбы мира, в принципе отвергая и игнорируя то, за счет чего добились успехов конкуренты, и в первую очередь – общегражданский правовой строй и свободу предпринимательства. Естественным следствием этой политики стало унижительное поражение в русско-японской войне, которое спровоцировало революцию 1905 г., поставившую страну на грань катастрофы. После этого алгоритм развития России изменился – началось построение правового государства, осью чего стало получение крестьянством фактической полноты гражданских прав и реализация аграрной реформы П. А. Столыпина.

УДК 94(47).081/083

ББК 63.3(2)5

ISBN 978-5-00165-433-9

9 785001 654339

@biblioclub: Издание зарегистрировано
ИД «Директ-Медиа» в российских
и международных сервисах
книгоиздательской продукции: РИНЦ,
DataCite (DOI), Книжной палате РФ

© М. А. Давыдов, 2022

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2022

Правительство красноречиво описывает блаженство, вкушаемое подданными под его державою; помещики также красноречиво доказывают, что их крестьяне лучше и счастливее всех свободных людей в мире. Правительство указывает на западные народы как на пример несчастных последствий свободного правления; помещики указывают на состояние государственных крестьян как на такое бедствие, от которого избавлены их крепостные люди.

Впрочем, ни та, ни другая власть не хочет видеть, что ее подданные сочли бы за величайшее счастье, если бы их положение хотя несколько уподобилось тому, которое должно служить им уроком и предостережением от пагубных замыслов.

Как правительство, так и помещики равно утверждают, что либеральные стремления ни что иное, как подражание Западу, нисколько не приложимое к России. Россия, по их мнению, страна совершенно непохожая на другие, имеющая такие особенности, которые делают существующий порядок единственно для нее возможным.

Никто, впрочем, до сих пор не потрудился объяснить, что это за странные особенности. Кажется, это обыкновенно то, что выгодно для властей. Аргументы следственно одинаки: это аргументы всех притеснителей.

Б. Н. ЧИЧЕРИН. Современные задачи русской жизни. 1856 г.

Заставить страну жить на основании других принципов, чем те, которые признаны всеми народами мира правильными, задача может быть правильная с патриотической точки зрения, но совершенно недостижимая и поэтому никакого значения не имеющая.

Идея эта нежизнеспособна и поэтому обречена на крушение, и утешаться тем, что подобная политика до поры до времени возможна, значит закрывать глаза на будущие последствия.

С. И. ШИДЛОВСКИЙ. Воспоминания. 1923 г.

От автора

Эта книга – о бремени истории.

О том, какую силу имеют над нами вековые демоны.

О живучести, казалось бы, отживших идей, реализация которых уже не раз ставила нашу страну на край гибели.

Мои предыдущие работы*, полагаю, подкрепили оптимистический, «позитивный» подход к пореформенной эпохе. Я показал, что модернизация Витте-Столыпина была временем успешных реформ, превративших Россию в конце XIX – начале XX в. в одну из самых динамично развивающихся стран в мире.

Вместе с тем я настаивал на том, что она, в сущности, была «модернизацией вопреки», то есть преобразованиями, которые отвергала и которым сопротивлялась значительная и влиятельная часть русского общества.

Именно с 1890-х гг., когда верховная власть начала проводить экономическую политику, которая во многом шла вразрез с доминирующими в общественном мнении (и во многом в правительстве) тенденциями, Россия начала эффективно преодолевать то громадное отставание от передовых стран Запада, которое однозначно фиксируется в середине XIX столетия.

Следовательно, если бы элиты не сопротивлялись модернизации, развитие Российской империи после 1861 г. в целом могло быть намного успешнее.

Природа данного противодействия и его многообразные для нашей истории последствия и находятся в центре настоящей книги.

Эта тема куда интереснее и масштабнее, чем может показаться на первый взгляд: ее анализ позволяет увидеть ряд ключевых проблем нашей истории с не вполне обычного ракурса.

В частности, понять, почему у многих людей первая ассоциация с царской Россией – понятия «отсталость», «незавершенные реформы», «обреченность на революцию» и т. п.

Я имею в виду не столько «метафизические» аспекты проблемы отсталости, породившие обширную литературу, начиная с Гершенкрона.

Я в первую очередь о нашем повседневном, если так можно выразиться, идейном обиходе, в котором эта отсталость обрела отдельную самостоятельную жизнь и воспринимается как некий объективный факт мироздания, вроде строения Солнечной системы.

С одной стороны, удивляться тут нечему. На то, чтобы мы с пеленок помнили об этом, за последние сто лет были потрачены гигантские ресурсы и методы убеждения, включающие ГУЛАГ.

Ведь образ царской России как отсталой страны с незавершенными реформами и ограниченными возможностями имеет смысл столько в соотношении с Россией Советской – страной успешных реформ и неограниченных возможностей, включая практику неограниченного геноцида собственного народа.

---

* *Давыдов М. А. 20 лет до Великой войны. Российская модернизация Витте-Столыпина. СПб.: Алетейа. 2016; Давыдов М. А. Всероссийский рынок в конце XIX – начале XX вв. и железнодорожная статистика. Издание второе, дополненное. СПб.: Алетейа. 2019.*

А с другой стороны – парадигма отсталости и кризиса не позволяет ответить на очень простые вопросы.

Прежде всего – как она совмещается с тем, что именно после 1861 г. русская культура завоевала безоговорочное мировое признание, что появились первые Нобелевские лауреаты и др.?

Отсталая страна может дать одно-два великих имени, но не мощный – именно мощный – взлет культуры на протяжении десятилетий.

Кроме того, обычная трактовка экономической отсталости Империи в логике сказки о «Репке» – «тянут-потянут, вытянуть не могут...» – не укладывается в сумму общеизвестных фактов.

Так, совершенно понятно, что при всех сложностях дореволюционная индустриализация отнюдь не была, условно говоря, ни строительством вертолета на Демидовской мануфактуре XVIII века, ни разведением цитрусовых на берегу моря Лаптевых, ни даже «пятилеткой в четыре года».

Самые современные заводы во второй половине XIX – начале XX в. строились, как известно, за год-полтора-два – было бы за чем и кому строить, и для этого не нужна была «сплошная коллективизация».

Столыпинская аграрная реформа за несколько лет безусловно преобразила страну к лучшему. Оказалось, что царизм способен проводить успешные масштабные преобразования.

Однако сказанное тут же вызывает встречный вопрос: а почему же заводов тогда строили недостаточно?

И почему реформа Столыпина осуществилась – как думают многие – слишком поздно? Мой ответ таков.

Я считаю, что после 1861 года Россия во многом *сознательно* де-факто реализовывала *антикапиталистическую утопию**.

Утопию о том, что в индустриальную эпоху, во второй половине XIX века, можно быть «самобытной» великой державой, то есть влиять на судьбы мира, *принципиально* отвергая все то, за счет чего конкуренты добились преуспевания, и в первую очередь – общегражданский правовой строй и свободу предпринимательства. Естественным следствием этой политики стало унижительное поражение в Русско-японской войне, которое спровоцировало революцию 1905 г.

Лишь с 1906 г. вектор развития страны начал меняться в сторону построения правового государства.

Сказанное не только поворачивает в другой ракурс привычные подходы к пореформенной эпохе, в том числе и к проблеме «отсталости», но и делает понятнее ряд актуальных – чтобы не сказать злободневных – сюжетов.

Каких?

Все мы – кто в большей, кто в меньшей степени – современники неудачных масштабных реформ, поэтому неудивительно, что в последние годы люди все чаще задумываются над тем, почему попытки либерализации России в течение последних 160 лет оказываются бесплодными, – по крайней мере с внешней стороны.

---

* И, кстати, делала это не без успеха, иначе Ленину, Плеханову и Струве не пришлось бы в 1890-х гг. тратить столько сил на доказательство того, что капитализм давно пришел в Россию.

Не так давно историк С. В. Мироненко, касаясь этой темы, апеллировал к своим воспоминаниям о перестройке. В частности, он заметил, что чем чаще М. С. Горбачев повторял, что «перестройка необратима», тем сильнее эти слова ему казались «заклинаянием человека, боящегося как раз обратного и убеждающего самого себя в правильности выбранного пути».

И действительно, продолжает свои рассуждения ученый, «каждый раз, когда в истории России начиналось коренное переустройство страны, опасность возврата к прошлому оказывалась жестокой реальностью. После реформ следовал период контрреформ, либеральный курс сменялся завинчиванием гаек, усилением реакции. Страна как-то не могла, не решалась встать на путь коренных перемен, хотя, казалось бы, осознавала их необходимость и даже неизбежность»*.

Посыл Мироненко осмыслить этот феномен, условно говоря, ватной стены, на которую натываются попытки сделать жизнь России свободнее, вполне понятен. У меня, как и у многих, есть собственный опыт приобщения к размышлениям такого рода.

В 1985 г., закончив, но еще не защитив кандидатскую диссертацию «Монополия и конкуренция в сахарной промышленности России начала XX века», я начал писать книгу «Оппозиция Его Величества» о генералах М. С. Воронцове, Д. В. Давыдове, А. П. Ермолове, А. А. Закревском, П. Д. Киселеве, И. В. Сабанееве. Люди необычных судеб, герои удивительного времени, они – в разной степени, конечно, – давали пример того, как человек может встать над своей судьбой, определяемой рождением и воспитанием. Я пытался выяснить их взгляды на Россию и русскую армию в 1815–1825 гг., т.е. в период, вмесивший и последний приступ Александра I к коренным реформам страны, и переход к реакции.

В ту пору – издержки советского истфака – мне казалось, что эта книга связана с моей диссертацией не больше, чем, к примеру, с греко-скифской археологией.

Однако, стоило мне со временем перейти от анализа статистики начала XX в. к живым людям, чью жизнь она описывала, как выяснилась ущербность этого мнения. Оказалось, что многое из того, что волновало моих героев в 1815–1825 гг., было вполне актуальным поводом для беспокойства и через полвека, в период Великих реформ, и почти век спустя, во время реформ П. А. Столыпина.

То есть за три четверти века – от Александра I до русско-японской войны – многие важнейшие, коренные вопросы русской жизни не были решены. Их поместили, условно говоря, в вечную политическую, социальную и экономическую мерзлоту, в которой многие из них существуют и сегодня.

Именно данным обстоятельством в очень большой степени обусловлено и появление антикапиталистической утопии, и антимодернизационные настроения элит (и не только элит), и тот комплекс явлений, который привычно связывается с «отсталостью» Российской империи.

И нам предстоит с этим разобраться.

Прежде всего нужно получить максимально развернутые ответы на два связанных вопроса:

1. Каким образом элементарный, казалось бы, хозяйственный сюжет о том, как выгоднее получать с крестьян подати, – посадив их на передаваемые по наследству участки или заставляя их уравнивать землю сообразно изменениям в составе семей или достат-

---

* Мироненко С. В. Россия на пути модернизации // Российская история. 2018. № 3. С. 3–4.

ке, превратился в проблему крестьянской общины, «в социальную проблему, в вопрос о судьбах России?»*

2. Почему П. А. Столыпин в 1906 г. заявил, что «наша земельная община – гнилой анахронизм, здравствующий только благодаря искусственному, беспочвенному сентиментализму последнего полувека, наперекор здравому смыслу и важнейшим государственным потребностям»**.

Кроме того, мы должны уяснить причины возникновения антикапиталистической утопии и факторы, обеспечившие ее устойчивость во времени и популярность среди представителей разных общественно-политических течений. Для этого необходимо охарактеризовать эволюцию положения дворянства и крестьянства до 1861 г., восприятия первым второго, направление аграрной политики самодержавия, развития правосознания и особенности идейной эволюции русского общества во второй четверти XIX века, во многом повлиявшие на конструкцию Великой реформы и ход модернизации.

И тогда многое станет понятнее.

Например, почему в аграрной стране, где население ежегодно в среднем возрастало на 1,5 млн человек, правительство десятки лет сознательно тормозило колонизацию почти пустой Сибири и эмиграцию из страны, а интенсификация крестьянского хозяйства стихийно началась спустя чуть ли треть века после освобождения.

Почему промышленность развивалась так слабо, что была неспособна вызвать отток лишних рабочих рук из деревни, как это было везде в мире?

Почему отсчет индустриализации всерьез начинается только с 1887 г.? А на что ушла четверть века после 1861-го? На «мучительную перестройку» промышленности, о которой говорят учебники?

Ведь цивилизация в передовых странах сделала за эти годы громадный рывок вперед. Скажем, Япония, стартовав из своего условного XVII века, перестроилась куда быстрее и эффективнее.

Список «почему» легко продолжить, однако едва ли это необходимо делать сейчас.

* * *

Автор очень благодарен друзьям и коллегам, помогавшим ему в работе над этой книгой.

Я бы хотел почтить память своего покойного научного руководителя, профессора В. И. Бовыкина, который познакомил меня с данной тематикой.

Я искренне признателен Л. И. Бородкину, И. М. Гарсковой, Т. Я. Валетову, М. В. и А. Б. Голубовским, Я. А. Гордину, Е. А. Елпатьевской, А. Б. Каменскому, И. В. Курукину, К. А. Соловьеву за ценное научное сотрудничество и душевную поддержку.

Отдельно отмечу бесценную – как и всегда – помощь моей дочери Евгении Давыдовой.

---

* Чернышев И. В. Аграрно-крестьянская политика России за 150 лет. Пг., 1918. С. IX.

** Столыпин П. А. Грани таланта политика. М., 2006. С. 498.

Пролог

9 августа 1878 г. с борта пришедшего из Любека парохода на рижский причал смотрел 22-летний датчанин.

Человек вполне сухопутный, он был измотан жестоким трехдневным штормом и только-только «начал приходить в человеческое состояние».

Позже, вспоминая этот день, он заметит: «Как и у большинства молодых людей с амбициями, у меня были очень большие представления о той роли, которую я со временем буду призван сыграть в обществе. Какой-нибудь болезненной недооценкой своих способностей я, во всяком случае, не страдал. Поэтому я был несколько разочарован тем приемом, который мы получили по прибытии в Ригу. Там была только группа тупых портовых грузчиков, слонявшихся по причалу...».

Багаж, с которым он проходил таможеню, был не вполне обычным, – большой сундук с литературой по сельскому хозяйству и даже «целый плуг», не считая других орудий. Таможенники встретили нашего героя «благо-склонно» и не стали досматривать книги, хотя обязаны были это сделать: «Должно быть, в те далекие дни у меня была внушающая доверие внешность, и, кроме того, я был, несмотря на мое немалое самомнение (или, может быть, именно поэтому), довольно наивным божьим созданием из провинции».

Мемуарист с таким зарядом самоиронии априори симпатичен читателю. Не зря, по Фазилу Искандеру, это один из признаков истинного ума и самодостаточности.

Кстати, относительно как минимум двух вещей автор не ошибался.

Во-первых, по поводу внешности, внушающей доверие.

Сохранилась его фотография, сделанная накануне отъезда в Россию.

Это мужественное и вместе с тем приятное лицо – лицо определенно незаурядного человека.

Высокий лоб с решительным клином русых, зачесанных наверх коротких волос. Твердый, немного исподлобья, спокойный взгляд светлых глаз. Крепкие, чуть скошенные скулы, подбородок, который, если верить детективам, принадлежит волевым людям. Красиво очерченный рот. Спокойно сложенные сильные руки. В целом – весьма уверенный на вид, внушительно скроенный молодой человек. Цитируя классика, «в общем такие нравятся женщинам. И на мужчин производят впечатление» (на более поздних фото это лицо уже отягощено усами и эспаньолкой – тем камуфляжем, который создает образ и в то же время стандартизирует любую внешность).

Во-вторых, не ошибся он и относительно роли, сыгранной им в истории той страны, которую он впервые увидел в Риге и в которой провел последующие 50 лет.

Не уверен, однако, что его имя знакомо читателю.

Автор цитируемых записок – Карл Андреас Кофод, человек, которому суждено было стать не больше и не меньше как провозвестником аграрной реформы, получившей в нашей истории название Столыпинской, ее видным идеологом и одним из авторитетнейших деятелей.

Он родился 16 октября 1855 г. в семье аптекаря в городке Сканнерборг в Юго-Восточной Ютландии. Его отец, сын землевладельца, стал фармацевтом вопреки мечте о сельском хозяйстве. Со временем, однако, все встало на свои места – он продал аптеку и на заранее купленной земле построил усадьбу, которую символично назвал «Доброй Надеждой».

Любовь к сельскому хозяйству отец сумел передать сыну. С 14-ти лет Карл начал практическое изучение сельского хозяйства, сначала в отцовском, потом в других имениях. В 1873 г. он поступил в Королевскую ветеринарную и сельскохозяйственную академию, которую закончил, между прочим, вторым в выпуске, чем, однако, был недоволен. Высокая международная репутация академии позже сыграла «чрезвычайно большую» роль в российской карьере Карла. Дания уже тогда считалась страной эталонного сельского хозяйства.

Два года он работал помощником управляющего имения, после чего, расширяя квалификацию, прошел курсы по практическому ведению молочного хозяйства, которыми руководил мировой авторитет в этой области профессор Т. Р. Сегельке.

Наконец, пишет автор, «движимый стремлением увидеть мир, которое присуще многим жителям севера, я летом 1878 года поехал в Россию»¹.

Почему в Россию?

Карл объясняет это «игрой случайностей». Его кузен-филолог стал воспитателем в Катковском лицее в Москве, и это, по словам Кофода, немного приблизило к нему Россию.

Однако отъезду предшествовал поступок, который трудно отнести к числу случайных и который хорошо показывает меру романтизма и здорового авантюризма, а также чувства справедливости, присущих этому необычному молодому человеку.

Когда в 1877 г. началась война России с Турцией за Болгарию, он явился в русское генеральное консульство в Копенгагене и предложил себя в качестве добровольца. Этот шаг стал как бы эпиграфом к его дальнейшей жизни.

Ему, впрочем, объявили, что Россия в нем как в солдате не нуждается: «Оскорбленный тем, что мною пренебрегли, я покинул консульство, но не саму мысль найти путь, который привел бы меня в Россию».

В итоге он присоединился к компании датчан, купивших имение Перекалье неподалеку от Великих Лук и приводивших его в порядок после пожара, – пока сделка оформлялась, все постройки сгорели.

Из Риги он поездом доехал до Витебска, а затем на почтовых до места назначения. Эта поездка оставила нам прелестную зарисовку: «Никогда не забуду впечатления красоты, которое охватило меня, когда я, после многочасовой езды по мрачному хвойному лесу, выехал из него и увидел вдруг перед собой в долине реки Великие Луки. Не сам город производил это впечатление, он был серым и ничего не говорящим. Но церкви! Опоясанные сверкающей серебряной лентой Ловати, стояли они в солнце позднего лета со своими многочисленными маленькими позолоченными куполами, которые так чудесно вырисовывались на фоне зеленых крыш и окрашенных в светлые тона стен! Казалось, я никогда прежде не видал такой захватывающей симфонии красок»².

Датчане восстанавливали сгоревшие строения, а квартировали куда у прежнего владельца купленного имения, Михаила Петровича Обьедова, «интеллигентного, образованного, одаренного, благородно мыслящего и очень красивого молодого человека». Он находился под надзором полиции за участие в студенческих беспорядках 1870 г., а его брат, после «хождения в народ» сосланный в Вятку, к этому времени уже бежал за границу.

Весьма характерно, что наш герой с самого начала серьезно взялся за русский язык («Я был прилежен. Каждый вечер я читал до 10 часов, а в 4 часа следующего утра уже опять сидел с моими книгами»).

Обьедов, с которым они сразу же сблизились, стал учить его русскому языку, т.е. поправлять его произношение, когда тот читал вслух, а Карл, который к этому времени стал Андреем Андреевичем, таким же образом учил его немецкому.

Обьедов стал его первым постоянным собеседником в России, от которого он, несомненно, многое узнал о стране. Через некоторое время А. А. познакомился с его сестрами, приехавшими из Петербурга, и «воспылал любовью к одной из них», на которой со временем счастливо женился.

Осень и зиму датчане валили лес, превращали его в строительный материал и вывозили к месту будущей стройки. Понятно, что все это было временно – Карлу «хотелось попробовать свои силы», испытать себя как специалиста. Возникали и исчезали какие-то варианты трудоустройства, но в начале 1880 г. один из них оказался реальным.

Коллега его брата, работавшего в Катковском лицее, словак из Австро-Венгрии Юрий Юрьевич Ходобай, адаптировал и переложил на русский язык знаменитую тогда латинскую грамматику Фердинанда Шульца, «за которую русские гимназисты возненавидели его имя». Впрочем, гонорара за эту работу, выдержавшую до революции более 10-ти изданий, хватило, чтобы ку-

пить имение Титово между Калугой и Тулой, а Кофода – по рекомендации брата – он пригласил туда управляющим и, судя по всему, не пожалел.

А нашему герою, «сильному как медведь», вскоре по приезде пришлось свести самое близкое знакомство с нравами русских земледельцев: «У меня были довольно сносные отношения с крестьянами, хотя мне приходилось постоянно ссориться с ними, запрещая им рубить в лесах и стравливать помещичьи поля. Одна из таких ссор, вскоре после моего вступления в должность, кончилась для меня ударом дубины по затылку, в результате чего я вынужден был уехать в Данию на 2 месяца, чтобы оправиться от этого».

Не каждый иностранец вернулся бы назад после такого дебюта. Кофод, однако, в июле 1880 г. снова был в Титово, и вскоре произошло событие из разряда тех, которые постфактум принято именовать судьбоносными.

Шла жатва, убрали овес, он верхом «разъезжал между скирдами и дирижировал крестьянами, которые возили снопы с поля домой». В этот момент ему принесли телеграмму от его старого учителя, профессора Сегельке, сообщившего, что он в Москве и хочет повидаться. Ходобай любезно отпустил его на несколько дней.

Сегельке всегда было интересно, как идут дела у его учеников; к тому же он прозорливо решил, что Кофоду будет полезно познакомиться с некоторыми незаурядными людьми.

Так и произошло. Позже автор часто с благодарностью вспоминал своего учителя за внимание и заботу. Через него он познакомился и подружился с пионерами русского молочного скотоводства и, в том числе и со знаменитым Николаем Васильевичем Верещагиным, основателем молочного дела в России, и людьми его круга, «ведущими личностями в русском скотоводстве и молочном деле». Больше других Кофод сблизился с Верещагиным, «братом всемирно известного художника. Он тоже имел душу творца, был одарен богатой фантазией и энергией, которая лишь возрастала при встрече с трудностями. Для развития русского молочного хозяйства он тратил деньги, не считая... С их помощью мало-помалу русское молочное хозяйство создавалось, и создателем его был Верещагин. Мы хорошо подходили друг к другу, так как я тоже был большой фантазер»³.

Познакомился Кофод и с В. И. Бландовым, другом и соратником Верещагина, первым крупным экспортером русских молочных продуктов, который, как и Верещагин, начинал морским офицером (они дружили с морского кадетского корпуса). Сыроварению он учился в Голландии, а затем они вместе создали артельную сыроварню в селе Коприно в Ярославской губернии.

Позже Бландов вместе с братом открыл свою фирму, стал миллионером и одним из главных воротил рынка молочных продуктов в России. В частности, он стоял у истоков сибирского маслоделия.

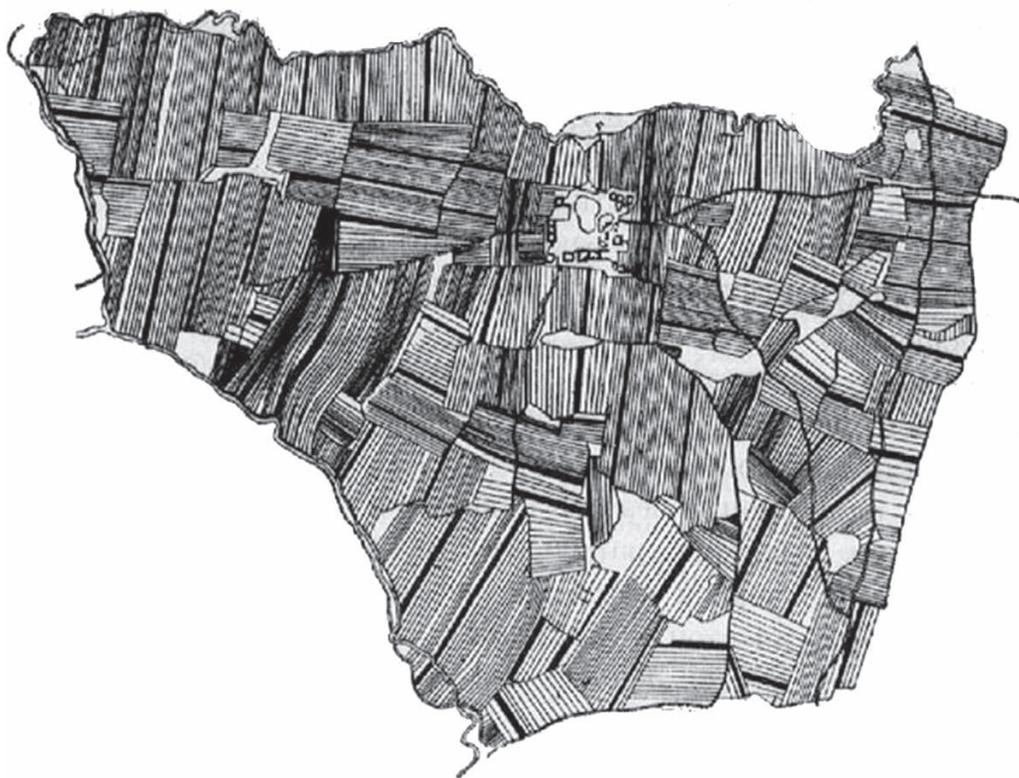

Схема 1. Деревня Орслев в Дании в 1768 г. до разверстания.
Черные полосы принадлежат одному двору.

Был там и Аветис Калантар, также ученик Сегельке, в будущем – основатель Вологодского молочного института, успевший потрудиться и в советское время.

Куда бы Сегельке ни приезжал, его всегда встречали как всемирно известного ученого. Русские специалисты по молочному делу также хотели приветствовать его и проявить лучшие стороны нашего гостеприимства.

«В один их тех памятных дней в Москве Сегельке, я и несколько наших русских хозяев собрались вечером в одном из прекрасных московских ресторанов. Главной темой разговора были меры, с помощью которых можно было бы поднять продуктивность примитивного хозяйства русского крестьянина.

Мы, датчане, заявили, что прежде всего крестьянские земли должны быть разверстаны. То есть те разбросанные земельные участки, из которых состоял крестьянский надел, должны быть собраны в одно целое вместе с принадлежащей данному крестьянину частью общих пастбищ».

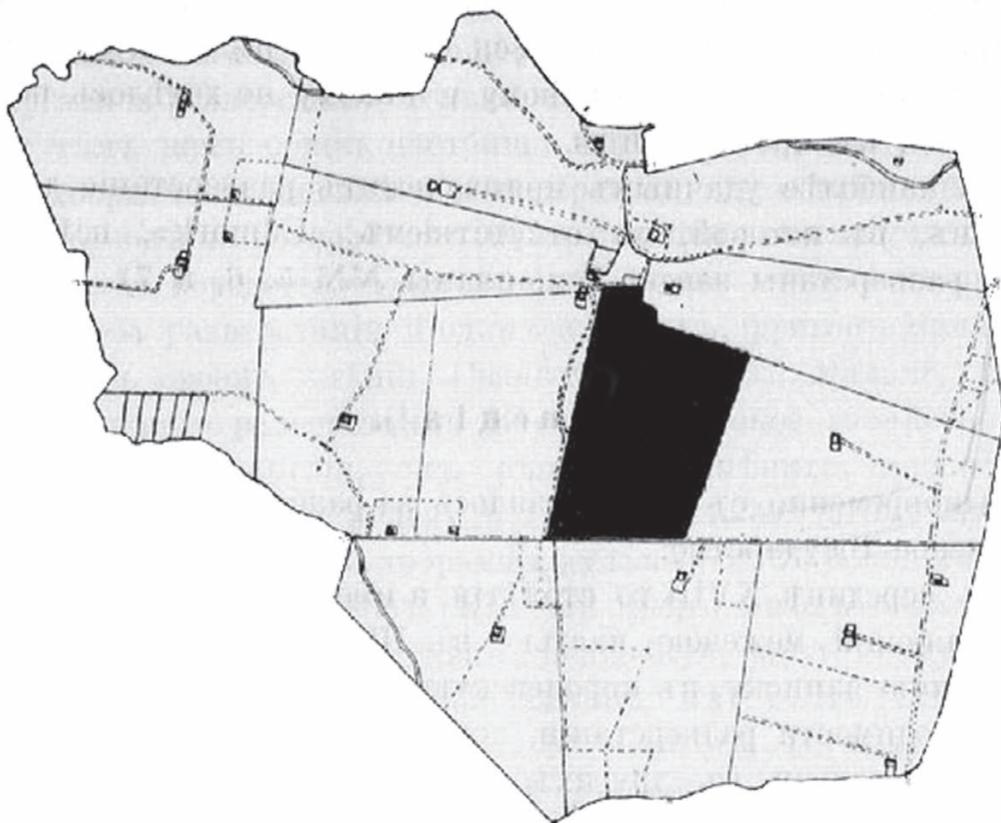

Схема 2. Деревня Орслев в Дании после разверстания. Полосы сведены воедино.

Кофод честно признается, что тогда он имел очень туманное представление о разверстании, что и понятно – в Дании оно было проведено еще в XVIII в., и это уничтожение чересполосицы было одной из важнейших причин фантастически быстрого подъема датского сельского хозяйства в течение последнего столетия. Автор просто не видел в Дании не то, что неразверстаных деревень, а даже плана такой деревни. В школе на эту проблему обращали мало внимания.

Однако какое-то понятие об этом у автора было. За два года жизни в русской деревне он видел вполне достаточно «глупых распределений земельных владений между крестьянами, чтобы понять, что прежде чем принадлежащие каждому двору участки земли не будут собраны в одно легко обозримое территориальное целое, не может быть речи о быстром подъеме крестьянских хозяйств. К тому же то, чего я не знал о значении выделов, знал профессор.

Мы с профессором мужественно защищали нашу точку зрения, но все наши аргументы отскакивали от предвзятых русских, как от стенки горох.

Они, т.е. наши аргументы, принимались снисходительно как знак нашего незнания фактического положения дел*. В известной степени так оно и было: мы бы никогда не завели разговор об этом, если бы знали, насколько большим был в то время вопрос о русском общинном землепользовании.

Мне наши хозяева посоветовали, если я намерен остаться в России и заниматься сельским хозяйством, познакомиться с сущностью общины. Тогда бы я понял, считали они, что эта форма владения является благословением для страны и что поэтому всеми силами нужно стараться сохранить ее.

Хотя это и не было сказано прямо, мы, однако, поняли, что для наших хозяев русский “мир” был областью, о которой иностранцы не имели никакого понятия, и поэтому они с полным правом могли ожидать, что мы, иностранцы, будем достаточно тактичны, чтобы не критиковать его»⁴.

Поэтому профессор деликатно перевел разговор на другие темы, и остаток вечера собеседники оживленно обсуждали артели по обработке молока, появившиеся тогда в северной России.

«Когда позднее мы с профессором обсуждали разговоры этого вечера», – продолжает Кофод – «мы не могли понять образ мыслей наших – **во всех остальных отношениях разумных** – хозяев.

Должны же они понимать, считали мы оба, что до тех пор, пока земля отдельных крестьян разбросана полосками и клочками по всей площади, принадлежащей деревне, не может быть и речи о быстром развитии крестьянских хозяйств.

Я достаточно был наслышан (и профессор – не в меньшей степени) о том, что русское общинное землепользование было не совсем таким, как датское, или, вернее, как западноевропейское. Мы знали также, что его своеобразие состояло в периодически повторяющихся переделах земли между домохозяевами. Но почему, в каких размерах и каким образом осуществлялись на практике эти переделы, мы не знали»⁵.

Тогдашние описания России иностранцами обходили данную тему.

Точно так же все русские, которых Кофод расспрашивал об этом, «не могли дать сколько-нибудь ясного ответа о сути и значении общинного землепользования. **Для них понятие “мир” было догмой, о которой не нужно и невозможно дискутировать.**

Итак, в тот момент я знал не много о характере русской общины. Но все-таки из дискуссий с нашими русскими друзьями я понял, что **их оценка общинной формы владения была больше из области чувств, чем реальной и сознательной оценкой ее характера.**

* Здесь и далее курсив в цитатах принадлежит их авторам, а жирный шрифт мне – М. Д.

Для них было достаточно, что **община была истинно русским явлением, поэтому она была вне всяких дискуссий, чем-то святым**. Но какую она сложила, и именно из-за ее **священного** характера, – она была существеннейшей помехой в проведении такого распределения земельных владений, когда каждый отдельный крестьянин получил бы причитающуюся ему часть в форме собранного, легко обозримого и удобного для обработки участка. Община была абсолютно несовместима с таким распределением земли»⁶.

Память – вещь зыбкая, и разговоры, восстанавливаемые мемуаристом по памяти много лет спустя, совсем не то, что протокольная или дневниковая запись. Однако сомневаться в точности изложения беседы Кофодом не стоит, поскольку она совершенно типична.

В этом описании интересно многое, но сейчас отмечу тот важный факт, что оппоненты датчан не были среднестатистическими представителями российского образованного класса, чей кругозор умещался в несколько цитат из Герцена и Чернышевского.

Не относились они и к народнической профессуре, у которой с наукой и научной этикой проблем было не меньше, чем у тогдашнего Святейшего Синода с веротерпимостью.

С ними спорили отнюдь не дилетанты, не умеющие отличить овса от ржи, а сугубые профессионалы, которые 20 лет находились в гуще народной жизни и **практически** знали русское сельское хозяйство.

Причем то были люди, которые все эти годы были не просто движимы идеей подъема благосостояния крестьянства, но **лично** предпринимали для этого очень серьезные усилия, в том числе и материальные. Верещагин расстался с морем в преддверии освобождения крестьян, вдруг ощутив свою **миссию**. Так же чуть позже поступил Бландов, и то, что у него окажется мощная деловая хватка и что к моменту знакомства с Кофодом у его торговли будут миллионные обороты, выяснится позже.

Всё их многолетнее подвижничество, связанное с молочным делом, с просвещением крестьян, с созданием в русской деревне новой реальности имело, среди прочего, целью дать крестьянам другую жизнь, другие заработки, вывести их из хозяйственного застоя.

Тем не менее, даже эти «во всех остальных отношениях разумные» люди, не могли выйти за рамки общепризнанных, как мы увидим ниже, догматов.

Этот вечер сыграл важнейшую роль в жизни нашего героя.

Иногда для того, чтобы твоя судьба стала частью чего-то по-настоящему масштабного и стоящего, не нужно вербоваться, скажем, на каравеллу «Санта Мария». Достаточно оказаться в интересной компании.

По-своему забавный эпизод, всего-то светский ресторанный разговор не только дал 24-летнему Кофоду огромную пищу для ума, но и во многом преопределил сценарий его жизни.

После этого памятного вечера он ясно понял, что консолидация крестьянских полосок в компактный участок невозможна, пока в русском обществе господствует атмосфера восприятия уравнилельно-передельной общины как национальной святыни.

Ему стало понятно, что никакие прагматичные доводы об интенсификации не подействуют на общественное мнение, пока он не сможет найти жизнеспособные примеры удачно проведенного разверстания – «конкретные видимые доказательства».

Много лет спустя он так описывает свои тогдашние, по его же определению, «фантазии»: «У меня не было никаких шансов, что мне удастся найти что-нибудь подобное. Но так уж я устроен, что мне бывает очень трудно отказать от осуществления чего-то, что, по моему убеждению, должно быть осуществлено, – сколько бы времени ни прошло, прежде чем я смогу приступить к этому. Ведь недаром же я ютландец!* Кроме того, я был, к счастью, оптимист – каковым, впрочем, и остался – и не питал никаких сомнений в том, что рано или поздно мне удастся найти такие разверстания, в которых я нуждался».

Он исходил из того, что было бы очень странно, если бы в такой гигантской стране, как Россия, среди сотен тысяч деревень не нашлись бы крестьяне, которым надоело, что их земли разбросаны клочками и кусками по всем полям. А если такие деревни существуют, то он сумеет их обнаружить.

Так и случилось, но только через 21 год.

Конечно, скептик всегда может сказать, что мемуарист, зная развязку, по фактам приписал себе чувства, которых на деле не было.

Проверить это не удастся.

Но в данном случае я – не скептик.

На долгие годы Кофоду была суждена роль вольтеровского Простодушного, который видел то, чего не замечало – по привычке и по «замысленности» взгляда – большинство окружающих.

Через некоторое время он был намного лучше осведомлен о том, что такое «мир».

Он уже знал, что в нынешнем виде передельная община возникла как результат податной реформы Петра I. Каждая ревизская душа должна была иметь равные с другими возможности уплатить подушную подать.

При освобождении крестьян в 1861 г. юридическим собственником выкупаемой земли после перехода на выкуп стала община (общество, «мир»), а каждый отдельный крестьянин имел право пользоваться определенной ее частью.

---

* Надо думать, что в Дании это понятие столь же комплиментарно как наше «сибиряк».

Это право было постоянным или временным в зависимости от того, было ли в данном обществе подворное или общинное землевладение.

Первое было распространено в западных губерниях, когда-то входивших в состав Речи Посполитой. Здесь у крестьян было **наследственное** право пользования теми участками пашни и лугов, на которых они фактически трудились, а также право на долю в так называемых площадях общего пользования. Община была владельцем земли лишь формально.

А в великорусских общинных деревнях «мир» периодически переделывал землю между крестьянами по своему усмотрению **в соответствии с принятой в нем системой разверстки** (по ревизским душам, по работникам и др.)

Чересполосица была в обоих вариантах, однако стабильность пользования землей при подворном владении позволяла крестьянам улучшать землю, не опасаясь потери вложенного труда при очередном переделе.

Прояснился для Кофода и вопрос о «священном характере» общины: **«Есть веские основания предполагать, что если бы русская община не стала приблизительно в середине прошлого столетия, предметом особого внимания как со стороны правительства, так и со стороны общества, то она умерла бы кроткой и спокойной смертью, так же незаметно, как и жила. Но этого не произошло.**

Как часто случалось до и после этого в русской истории, «немец» разрушил идиллию и обратил внимание всей страны на проблему.

Судьбе именно было угодно, чтобы один ученый немец, барон фон Гакстхаузен получил разрешение, под надлежащим контролем, ездить по России и собирать сведения об ее экономическом и социальном положении (в 1843 г. – М. Д.)

Он обнаружил общину, которую описал как **феномен, происходящий из русского народного характера, заслуживающий того, чтобы его заботливо сохраняли, так как он, этот феномен, защищает сельское население от пролетаризации.**

Не так уж много страниц было об этом в отличном трехтомном труде Гакстхаузена, но то, что он написал об этом, **стало водой на мельницу сильной в то время панславистской партии** (т.е. славянофилов – М. Д.). Гакстхаузенские путевые очерки стали одной из тех книг, которые никто не читает, но о которых все говорят.

Говорили, конечно же, только о тех нескольких страницах, на которых рассказывалось о «мирском» правопорядке, но представлялось это так, как будто во всем труде речь шла только об этом. Если этот ученый-иностранец, говорилось, считает, что правопорядок «мира» является достойным восхищения чисто русским явлением, которое может помешать пролетаризации сельского населения, значит, это так и есть, и мы должны защищать этот правопорядок всеми способами.

Совсем уж неадекватными стали настроения после того, как один из наиболее известных дипломатов того времени, граф Кавур, который слышал кое-что о книге Гакстхаузена, обращаясь к известному русскому революционеру Бакунину,* человеку с очень богатой фантазией, высказался примерно так: «Вам, русским, повезло, вы же в вашем мирском самоуправлении имеете палладиум против пролетаризации сельского населения!

Теперь уже все порядочные люди в России, независимо от того, были славянофилами или нет, считали, что община – это табу. Горе тому, кто поднимет на нее руку!

Так что ничего удивительного, что наше с профессором Сегельке мнение о необходимости расселения русских деревень было отклонено»⁷.

То, что пишет Кофод, – правда, но это не вся правда.

Его воспоминания, изданные в 1945 г. в Копенгагене, вряд ли были рассчитаны на публикацию в СССР, и это должно было отразиться на манере и степени подробности изложения.

Для целей Кофода-мемуариста информации, которую он сообщает датскому читателю в этом описании, было достаточно.

Для нас же сегодня – определенно нет, поскольку за рамками остается важнейший пласт идей, доживший до XXI в. нашего времени и продолжающий влиять на нашу сегодняшнюю жизнь.

Кофод, безусловно, знал все перипетии развития общинной парадигмы, прямо воздействовавшие на судьбы русской деревни, а в конечном счете – и России в целом, но, полагаю, считал излишним погружать в эти подробности своих европейских читателей. Так, он ни слова не говорит о надеждах на общину социалистов.

Поэтому мы должны расширить рамки слишком дипломатичного изложения проблемы автором, чтобы лучше понимать, каким образом «скромная» «незаметная» община стала, во-первых, мифом национального самосознания (и для многих продолжает оставаться таковым даже в эпоху межпланетных перелетов), а во-вторых, – центром не только всего строя крестьянской жизни, но и залогом политического и экономического будущего Российской империи.

Кофод с мягкой иронией говорит об общинных симпатиях русского общества как о простительной слабости уважаемого человека.

Но мы-то сегодня знаем, что слабость эта оказалась совсем **непростительной** – умиление общиной и вознесение ее на пьедестал национального самосознания, ее искусственная поддержка правительством после 1861 г. обернулись разнузданной и кровавой вакханалией черного передела 1917–1918 гг.,

---

* Не путает ли Кофод Бакунина со славянофилом Кошелевым, описавшим беседу с Кавуром об общине в своих «Воспоминаниях»?

получившей в историографии название «общинной революции», с убийствами помещиков и членов их семей, изнасилованиями барынь и барышень, поджогами и выдираньем штопором глаз у лошадей.

И поэтому приведенный разговор имеет для нас самый непосредственный интерес и невыдуманную актуальность.

Попытаемся разобраться.

Что такое агротехнологическая революция?

Все собеседники согласны, что русские крестьяне живут бедно, – иначе, зачем обсуждать вопрос о подъеме производительности их «примитивного хозяйства»?

Датчане утверждают, что коренная причина этого – чересполосица.

Понятно, что раздробленность наделов на десятки частей-полос резко повышает непроизводительные затраты времени и труда на переезды. Достаточно прикинуть, сколько времени уходит на то, чтобы перейти от одной полосы к другой, от девятой к десятой, от 19-й к 20-й и т.д. (а их бывало до ста и более). Да и Россия не Дания – даже при среднем расстоянии полос от жилья в 1,5 версты, что бывало и в небольших деревнях, хозяин надела в 10 дес. ежегодно проезжал 2–3 тыс. верст!

При этом чересполосица лишь часть куда более масштабной проблемы – проблемы радикальной перестройки экстенсивного крестьянского хозяйства, которую историки – по аналогии с промышленной – называют аграрной революцией⁸, а мы в этой книге – во избежание аналогий с российским «черным переделом» 1917–1922 гг. – агротехнологической революцией. Вне изменения отношений собственности ликвидировать чересполосность очень сложно.

И здесь нам придется сделать пространное отступление.

Деревенское расселение **всегда и везде** связано с чересполосицей, принудительным севооборотом и большими массивами земель общего пользования (луга, покосы, пастбища, лес).

Чересполосица полевых угодий вытекала из стремления крестьян к абсолютной справедливости при разделе земель. Каждый хозяин вне зависимости от площади его надела должен был вести хозяйство на одинаковых с другими условиях. То есть, немного упрощая, каждый должен был иметь свою долю в земле ближней и дальней, в хорошей по качеству, в средней, плохой и т.д. В итоге крестьянский надел состоял из отдельных частей-полосок, число которых зависело от места и времени.

При этом на пашне, когда она не засеяна, всегда пасется деревенское стадо, поэтому отдельный крестьянин не может вести хозяйство так, как ему

хочется, по личному плану. Севооборот в этих условиях можно устанавливать только сообща, и он является принудительным – все крестьяне должны одновременно обрабатывать поля, сеять одну и ту же культуру и убирать урожай и т.д. Иначе скот потопчет или потравит посевы.

Индивидуально крестьянин пользовался только усадебными и пахотными землями, а леса, сенокосы, пастбища и земли, считавшиеся неудобными, были в общем пользовании.

До начала Нового времени в таких условиях жила вся западноевропейская деревня (кроме местностей, где люди селились хуторами), причем в общей чересполосице наряду с крестьянами часто участвовали и помещики.

Очевидно, что эта система не позволяет вести самостоятельное хозяйство и препятствует проявлению личной инициативы отдельных хозяев, их желанию найти более выгодные варианты приложения своего труда (например, выращивать другие растения), а, значит, тормозит повышение уровня агрикультуры. К тому же с ростом населения эти явления усугубляются мелкополосицей и дальнотельем.

Вместе с тем, пока господствовало экстенсивное натуральное хозяйство, крестьяне мирились и с чересполосицей, и с принудительным севооборотом. Этот режим землепользования мог оставаться неизменным веками, поскольку давал определенные выгоды – прежде всего, пользование общими угодьями.

Однако по мере развития рынка, товарного хозяйства ситуация меняется. Постоянно растущим городам нужен не только хлеб, но и продукция животноводства – шерсть, мясо, масло. Но для этого нужно увеличивать поголовье скота, что, в свою очередь, требует роста кормовой базы.

Отсюда – необходимость перехода от зернового хозяйства к травопольному, т.е. включению в список выращиваемых культур кормовых трав (клевера, люцерны, вики, эспарцета), дающих сено лучшего качества и в 2–3 раза больше, чем естественные луга, и кормовых корнеплодов (картофеля, свеклы, турнепса и др.).

Однако такой переход – сложная задача, поскольку необходимо уйти от трехполья к многополью, куда, наряду с зерновыми культурами, можно было бы ввести кормовые растения. А крестьянам – как показывает история разных стран – очень трудно договориться об общем изменении системы хозяйства.

Оптимальный для них выход состоит в уничтожении чересполосицы и сведении всей своей земли в один компактный участок, отграниченный от соседей, т.е. землеустройстве.

В XIX в. в континентальной Европе вслед за промышленной началась агротехнологическая революция*, суть которой состояла в переходе от экс-

* Обе революции начались в Англии в XVIII в.

тенсивной стадии развития сельского хозяйства к интенсивной. Это выразилось в замене дву- и трехполья многопольем*, что увеличило продуктивность и рентабельность крестьянского хозяйства.

Необходимым условием ее победы стало освобождение аграрного сектора от феодальных стеснений – прежде всего **появление частной крестьянской собственности на землю**, сопровождавшееся разделом общинных земель и ликвидацией в ряде стран чересполосицы.

В отдельных странах эта революция имела свою динамику и свою специфику, но в итоге везде она была успешной, избавив Европу от многовекового страха перед голодом. Ей очень помогли научный прорыв в агрохимии в первой половине XIX в., переворот в сельскохозяйственной технике и, наконец, транспортная революция, просто изменившая жизнь человечества. При этом с середины века ряд правительств взял на себя задачу масштабного агрономического образования крестьянства. Тогда же избыточная рабочая сила начала перемещаться из сельского хозяйства в промышленность.

Особенно успешной агротехнологическая революция оказалась в Северной Европе, где пошли по пути уничтожения чересполосицы, и именно это стало главным фактором беспримерного, по мнению современников, подъема сельского хозяйства в Дании, ставшей для Запада безусловным эталоном.

Поэтому датчане знали, о чем говорили, когда уверяли собеседников, что русские крестьяне начнут богатеть только после консолидации своей земли в один компактный участок. Эта мысль настолько очевидна, что, казалось бы, спорить не о чем. Но разверстание чересполосицы было возможно при одном важнейшем условии – при изменении существующего в России порядка землепользования; в идеале крестьяне должны были стать собственниками земли, которую обрабатывают.

Однако их русские друзья были категорически не согласны с этим, считая, что общинная чересполосица имеет достоинства более важные, чем хозяйственная эффективность.

Если оценивать позиции собеседников с точки зрения **экономической целесообразности**, то приведенный разговор в ресторане вполне уместно интерпретировать в рамках примерно такой аналогии: датчане уверены, что люди должны ходить ногами, а их уверяют, что по эту сторону границы принято передвигаться ползком (или на четвереньках, на руках, или прыгая на одной ноге, в мешках – нужное подчеркнуть), и в этом залог процветания России. На полях напомним, что тема дискуссии – повышение благосостояния крестьян.

---

* «Отцом» многопольных плодосменных севооборотов считается немецкий агроном Тэер.

При этом данные способы передвижения в глазах русских людей являются необсуждаемой «догмой», имеют «священный характер», потому что связаны с общиной, которая считается «благословением для страны».

Каким образом чисто хозяйственный момент может превратиться в «святыню»?

Это возможно, если он касается чего-то большого и важного из эмоциональной сферы, из того, что задевает, трогает чувства. Ведь в жизни, безусловно, есть вещи более сильные и серьезные, чем прагматизм и рациональность.

Однако тут речь идет не о ценностях бесспорно высшего порядка – не о любви к Родине, не о чести, не о верности религии предков и т.д.

Дело в сугубо хозяйственной коллизии – всего лишь в том, как распределять пахотные и иные угодья, а это и в древнем Египте, и в Российской империи можно сделать либо более, либо менее разумно.

И почему-то неэффективная система такого распределения оказывается вдруг не просто правильной, а выступает как некая национальная святыня, чуть ли не как залог патриотизма.

То есть если убрать все кофодовские реверансы, то получается какая-то дикая история. В Россию приезжает «ученый немец» (и явно не Лейбниц) и объявляет, условно говоря, что нам «дали гораздо лучший мех», что мы обладатели сокровища, которое не замечали, хотя видели его ежедневно полторы сотни лет.

Как будто миссионер рассказал туземцам, что земля круглая. Или что яблоки, оказывается, съедобны.

Потом эту мысль со слов первого повторил другой, еще более известный иностранец, объединитель Италии Камилло Кавур, после чего настроения в обществе стали «совсем уж неадекватными» и отныне «все порядочные люди в России, независимо от того, были славянофилами или нет, считали, что община – это табу. Горе тому, кто поднимет на нее руку!».

Прямо скажем, не самая стандартная причина для коллективного помешательства.

И откуда взялась такая доверчивость? Такая нескритичность восприятия?

Почему огромная часть образованных людей России оказалась настолько простодушной, что поверила в эту идею?

Только потому, что оно льстило их самолюбию и представляло Россию в выгодном свете?

«Если этот ученый-иностранец, говорилось, считает, что правопорядок «мира» является достойным восхищения чисто русским явлением, которое может помешать пролетаризации сельского населения, значит, это так и есть, и мы должны защищать этот правопорядок всеми способами».

И вот ради этого гипотетического утверждения было решено всей страной передвигаться ползком, а не ходить ногами.

Так бывает?

Оказывается, бывает.

Однако есть в этом что-то настораживающее.

Почему национальной святыней становится то, что препятствует повышению благосостояния народа?

Почему жизненный уровень десятков миллионов крестьян приносится в жертву гипотезе, ставшей догматом?

Выгодно ли для России – глобально – такое положение?

Кофод уверен (думаю, как и многие читатели), что не может быть «благословением» для огромной страны то, что мешает людям жить (и нормально зарабатывать!), хотя сами люди со временем, безусловно, свыкаются с трудностями и по привычке могут их как бы и не замечать.

И если, несмотря на банальность этих недоуменных вопросов, такая ситуация имела место, **значит, чего-то очень важного в нашей истории мы не знаем и не понимаем.**

А надо бы знать.

Из возможных промежуточных выводов выделю следующие.

Во-первых, для русского образованного общества, как его описывает Кофод, абстрактные мысли, адекватность которых никто не верифицировал, были важнее экономической целесообразности.

А если жизненное, бытовое удобство людей и эффективность их хозяйства приносятся в жертву соображениям политическим и морально-нравственным, то это явное свидетельство **повышенной идеологизированности** этого общества. Здесь идеи определяли функционирование экономики, а не наоборот. Легко вообразить приведенный выше разговор в советском ресторане – только вместо преимуществ общины заезжим гостям доказывали бы выгоды колхозного строя.

Во-вторых, среди господствующих идей нет мысли о наделении крестьян теми общегражданскими правами, которые имеет образованное меньшинство, в частности, правом частной собственности. «Благословением» для страны считается отсутствие примерно у 85% ее жителей полноты таких прав. У общества и в мыслях нет поднять крестьян до своего статуса.

В-третьих, русскому обществу крайне важно быть непохожим на остальное человечество, и община является фирменным знаком этой самобытности.

Однако, в-четвертых, избыточное внимание и доверие к лестным для себя мнениям иностранцев говорит о том, что это общество не только чрезмерно идеологизировано, оно еще и недостаточно уверено в своей исключительности. А это, в свою очередь, – явный показатель комплекса неполноценности.

Диагноз, конечно, не ахти, но тут уж, как есть.

Историю, как и родителей, не выбирают.

Фактически эта застольная беседа русских и датских специалистов по сельскому хозяйству сфокусировала ключевые проблемы нашей невыбираемой истории.

И чтобы понять, почему данный разговор состоялся, что его породило, почему в принципе оказалось возможным, чтобы в последней четверти XIX в. интеллектуальная элита самой населенной страны Европы (и крупнейшей страны мира) считала, что приверженность неким идеям важнее эффективного крестьянского хозяйства, т.е. благосостояния деревни, мы должны понять ту специфичную обстановку, в которой оказалось русское общество за несколько десятилетий до приезда Кофода, т.е. в 1830–1840-х гг.

Строго говоря, ответ на этот вопрос можно уместить на нескольких страницах. Но тогда очень многое останется неясным.

Уж слишком окостенели за полтора века штампы, переходящие из учебника в учебник. Штампами они были не всегда, во времена Александра II и Александра III эти важные вещи были понятны всем, сейчас – немногим.

Это довольно обычная ситуация. Современники так хорошо знают свой мир, что им нет необходимости описывать его детально, и поэтому они сводят его богатство к нескольким абсолютно понятным им тезисам.

Но проходит время, и эти тезисы теряют живое наполнение, спрямляются когда-то понятные связи и детали, и в итоге возникают догматы, штампы, которые ты заучиваешь перед экзаменом, но они не насыщены для тебя жизнью. Вроде постулатов народничества – что стоит за тремя пунктами их программы, от которых давно устали школьные учебники?

Отлично помню, как я зубрил их, готовясь к поступлению на истфак МГУ, и после школы, и после армии, не очень понимая смысл, который разгадывал потом не один год.

Вот, например.

Народничество – господствующее до появления марксизма направление в русском освободительном движении 2-й половины XIX в. Его родоначальники – Герцен и Чернышевский.

В народничестве соединялись идеи утопического социализма с радикальной программой буржуазно-демократических преобразований, причем народники выступали как против пережитков феодализма, так и против буржуазного развития страны.

Народничество возникло под влиянием неудовлетворенности результатами буржуазно-демократических революций на Западе и резкого проявления социальных антагонизмов в капиталистических странах.

Главное в теориях народников – теория некапиталистического развития России и тесно связанная с нею возможность перехода к социализму, минуя капитализм, через трансформацию крестьянской общины, в которой они ви-

дели зародыш социализма в силу развитого коллективистского начала. Капитализм трактовался ими как упадок, как регресс.

Наконец, носителем прогресса для народников является интеллигенция. Она – авангард будущей революция. Народ («толпа») – лишь материал в руках «критически мыслящей личности» («героя» из интеллигентов).

Какую-то логику уловить тут можно.

Однако стоит только вдуматься, как возникают вопросы.

Ну, например.

Буржуазно-демократические революции произошли на Западе в 1848–1849 гг. Чем уж так плохи были их результаты, что жители крепостнической или вчера еще крепостнической России остались ими не удовлетворены?

Сколько мы знаем, после этих революций права простого народа расширились (например, крестьяне в ряде стран Европы стали окончательно свободными), уровень его жизни повышался, социалистические партии были легальны и заседали в парламенте, и даже в консервативной Англии в конце концов появились лейбористы.

А какие права имели 85–90% жителей России, самой отсталой в экономическом плане мировой державы?

Что же не удовлетворяло народников?

Социальные антагонизмы? А что, в тогдашней России их не было?

Почему община – коллектив неграмотных в массе земледельцев – это залог построения социализма, который всегда планировался как новая, более высокая, и даже **самая высокая** стадия развития человечества?

Как можно миновать капитализм и сразу попасть в социализм, т.е., грубо говоря, долететь до Луны на самолете, а не на ракете (для нас это так звучит)?

Как советский школьник, я знал, что без капитализма социализм невозможен, хотя о прыжке Монголии из феодализма в социализм слышал с детства, – но Монголия и тогда не считалась решающим аргументом.

Положим, народники могли этого не знать или не верить в это.

Однако они считали «капитализм в России упадком, регрессом, поскольку он ведет к расслоению крестьян, к их пролетаризации».

А разве до 1861 г. крестьяне были одинаковыми, как наголо постриженные новобранцы в казарме? Судя по русской классической литературе, не были.

И, кстати, – регресс в сравнении с чем? С крепостным правом?

Западная цивилизация в XIX в. переживает расцвет – железные дороги, пароходы, подлодки (все читали Жюль Верна), а в Лондоне с 1863 г. работает метро. И все это – благодаря капитализму!

Что-то не сходится...

Однако современные расхожие представления вряд ли помогут прояснить это недоумение, и мы будем неправы, если, исходя только из них, с порога отбросим народнические взгляды как нечто нелепое.

Ведь то, что во взглядах народников нам сегодня кажется нелогичным и даже несуразным, для тысяч и тысяч образованных русских людей во второй половине XIX – начале XX вв. было неоспоримой истиной. Не говоря уже о том, что, отвергая капитализм, они точно не были в одиночестве.

Отсюда простой вывод – мы не понимаем их точку зрения во всей полноте, нам до конца неясна их система мироздания, а потому заданные мной вопросы не весьма корректны – они смотрели на мир иначе, чем мы смотрим сейчас, и ответы у них, соответственно, были другие.

Одно это – достаточный повод для того, чтобы попытаться понять, чем их не устраивали буржуазные революции в Европе, давшие крестьянам гражданские права, почему они отвергали парламент и т.д.

Поэтому нам придется вспомнить кое-что из русской истории, некоторые ее особенности, некоторые факты, которые странным, на мой взгляд, образом не упоминаются в учебниках.

Без этого реальное – а не императивно внедряемое сверху – содержание на протяжении ста лет – содержание эпохи останется для нас неясным и непонятым в своих самых существенных чертах, а значит, мы будем иметь неверные ответы на важнейшие вопросы нашей истории.

Потому что *корни* ситуации, описанной Кофодом, выросли из той модели социально-политических и экономических отношений, которая установилась на Руси еще в средние века и во многом определила ход нашей истории.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Всеобщее закрепощение сословий

Я говорю о феномене *всеобщего закрепощения сословий* в России.

Думаю, что многим читателям данный термин незнаком, что и понятно, поскольку учебники эту тему принципиально игнорируют.

Крепостное право ассоциируется у нас, как правило, *только* с крестьянством. Тот факт, что дворянство, точнее, служилые люди по отечеству, стали крепостными государства раньше крестьян, как минимум, на век, а то и на полтора (как считать), у большинства неисториков вызывает искреннее удивление. О том, что после «Указа о вольности дворянской» Петра III (1762 г.) дворяне получили право не служить, многие слышали, однако понятие «обязательная служба», как правило, не ассоциируется с крепостным правом.

Между тем термин «всеобщее закрепощение сословий» означает, что в течение нескольких столетий, преимущественно в XVI–XVIII вв., большинство, а при Петре I – практически **все население России** – от бояр до крестьян и холопов, от священнослужителей до посадских – **было закрепощено** государством, корпорациями* или частными лицами. В большей или меньшей степени, в том или ином виде – но закрепощено.

Это было и причиной, и следствием сложнейшего процесса становления Русского вотчинно-крепостнического государства, процесса тяжкого и мучительного для жителей нашей страны.

Я убежден, что без осознания и учета феномена всеобщего закрепощения, который в огромной степени предопределил все наше прошлое и настоящее, понять историю России невозможно.

Глеб Успенский однажды тонко заметил, что русский крестьянин тащит на себе все 26 томов «Истории» С. М. Соловьева. Думаю, что в 1870-х гг. это относилось не только к крестьянству, но и ко всем жителям страны, а мы в XXI в. тащим еще и тома, которых он не успел написать.

Позволю себе напомнить некоторые известные сюжеты.

Крепостное право – это комплекс юридических норм, устанавливавших и закреплявших личную зависимость человека от его господина.

Диапазон этой зависимости был очень широк в зависимости от места и времени, поэтому термин «крепостное право», покрывающий явления разного порядка, нередко вводит нас в заблуждение.

---

* Общинами, церковной иерархией.

Если в Западной Европе XI–XV вв. речь идет о сравнительно мягких формах личной и поземельной зависимости, то в Центральной и особенно Восточной Европе – о том, что человек был лишен большей части личных прав, включая право владеть собственностью и совершать от своего имени гражданские сделки, что он был ограничен в передвижениях и не был социально защищен.

Это приближало юридический статус крепостного к статусу раба*.

Емкое объяснение феномена всеобщего закрепощения сословий, на мой взгляд, дал Б. Н. Чичерин. Ввиду особой важности позволю себе привести его целиком:

«Она (Россия – М. Д.) была открыта вторжению азиатских орд и два века состояла под игом татар. Под их владычеством совершилось в ней преобразование вотчины в государство, и это оставило роковую печать на всей ее последующей судьбе. **Для борьбы с татарами потребовалось сильнейшее сосредоточение власти**, которая встречала тем меньше противодействия, что все независимые элементы были подавлены. Отсюда большее развитие начал абсолютной монархии, нежели в какой-либо другой европейской стране.

Самые отношения государя к подданным сложились под монгольским влиянием, по типу, неизвестному европейским народам и уместному лишь в восточных деспотиях: это **были отношения господина к холопам**.

Однако и тут не обошлось без борьбы. Вольные слуги, переезжавшие от одного князя к другому и вступавшие с ними в свободные договоры, не охотно и не вдруг превратились в рабов. Они упорно отстаивали свое право отъезда, и только свирепая тирания Ивана Грозного сломила, наконец, всякое сопротивление.

Затем дошла очередь и до остального населения. Вольным крестьянам точно так же запрещен был переход от одного землевладельца к другому. И они пытались уклоняться от этого побегам, но правительство, по мере сил и средств, разыскивало их и возвращало на прежние места.

---

* Б. Н. Миронов выделяет следующие признаки крепостного права:

«1) внеэкономическая, личная зависимость от господина, в качестве которого могли выступать отдельные лица, корпорации и государство;

2) прикрепление к месту жительства;

3) приписывание социального статуса – т.е. свой социальный статус человек получал при рождении;

4) ограничения в правах на владение собственностью и на совершение гражданских сделок;

5) ограничения в выборе занятия и профессии;

6) социальная незащищенность: возможность лишиться достоинства, чести, имущества и подвергнуться телесным наказаниям без суда, по воле господина» (Миронов Б. Н. Историческая социология России: Учебное пособие. СПб., 2009. С. 240–241).

Гражданские права их не были ограничены каким-либо общим законом; но господствующее бесправие более и более их заедало, пока, наконец, они не сделались **такими же полными рабами своих помещиков, как последние были в отношении к царю.**

Государство, слагавшееся из бродячих элементов, соединенных весьма слабою связью, старалось всех их закрепить к местам жительства или служения в подчинить их государственным целям.

Закрепощение бояр и слуг неизбежно влекло за собою закрепощение крестьян, ибо надобно же было с чего-нибудь нести свою службу. Собственные средства у государства были крайне скудны; жалованья платить оно не могло. Для того чтобы служилый человек, в течении всей жизни состоявший в полном распоряжении правительства, мог отправлять свои обязанности, надобно было наделить его известным количеством крестьян.

Всеобщее закрепление сословий было неизбежным последствием тех условий, при которых слагалось Русское государство. Это была тяжелая служба, которую все должны были нести для пользы отечества. Эту службой выросла и окрепла Россия, которая через это сделалась одною из самых могущественных держав в мире.

В этой суровой школе закалился русский человек, который привык всем жертвовать и все переносить с мужественною стойкостью.

Но зато он потерял чувство права и свободы, без которого нет истинно человеческого достоинства, нет жизни достойной человека. **Рано или поздно, однако, это требование должно было проявиться у народа, носящего в себе семена высшего развития и сознание своего человеческого призвания».**

«За периодом закрепления последовал период раскрепления, который завершился на наших глазах великим актом освобождения крестьян. Начала права и свободы водворились в гражданской области, но в нравах и понятиях в значительной степени господствует еще прежний тип.

Поныне еще следы монгольского владычества и старых холопских отношений болезненно поражают в явлениях русской общественной жизни. Способ создания государства отразился на всем последующем ходе его развития»⁹.

Развивая эту мысль, Чичерин уточняет, что в России, в отличие от Западной Европы, **«не закон, а власть искони составляла центральное звено и оплот государственного строя.** Это произошло от того, что Россия, при своих огромных пространствах, при скудости и малой развитости населения, представляла хаотическую, бродячую массу, которую можно было сдерживать только внешнею силой. Недостаток внутренней связи заменялся строгим подчинением.

Отсюда безмерное развитие крепостного права, которое простиралось на все сословия и не оставляло места человеческой свободе. Вследствие этого всякое понятие о праве у нас исчезло.

Запрещение перехода крестьян без всякой общей меры, само собою, силою вещей, превратило их в полных рабов.

И со своей стороны, члены высшего сословия, даже знатнейшие бояре, считались холопами Московских царей.

Вместо уважения к закону, связующим элементом государства было беспрекословное повиновение власти.

Но именно вследствие этого **внешний порядок заступил место внутреннею.**

Всемогущее правительство было бессильно против лихоимства, произвола и притеснений собственных чиновников. Закон безнаказанно обходился и правящими и подчиненными. Одна власть старалась идти наперекор другой, а правосудия нельзя было найти нигде. Беспорядок русского управления сделался общим местом...

Такое положение вещей не могло не отразиться на обществе. **И в нем, вместо уважения к закону, искони господствовали крайности раболепства и своеволия»¹⁰.**

Эти мысли Чичерин высказал более века назад в трехтомном сочинении «Курс государственной науки», и он был вынужденно лаконичен, поскольку ему важно было объяснить, что называется, на пальцах различия в отношении к праву в средневековой Западной Европе и России.

Понятно, что в наши дни взгляд историков на рассматриваемые им сюжеты существенно усложнился. Тем не менее, полагаю, что полемическая заостренность ряда формулировок Чичерина в контексте данной книги полезна.

Итак, создание и укрепление независимой России было невозможно без полной концентрации в руках государства всех человеческих ресурсов. Это вызвало закрепощение населения – сначала элит, а затем крестьянства, которое обеспечивало несение военной службы боярами и дворянством.

Тяжелейшая борьба за независимость, за достойное место в ряду других стран сформировала русский национальный характер и превратила Россию в одну из великих держав. Однако за это было заплачено дорогой ценой, в том числе потерей «чувства права и свободы».

Вместе с тем народ России нес в себе «семена высшего развития и сознание своего человеческого призвания», поэтому для его реализации народу потребовалась свобода; ощущение своего предназначения – вещь крайне важная.

Настало время, когда Россия стала настолько сильной, что закрепощение изжило себя, и начался обратный процесс – раскрепощения населения, увен-

чавшийся в 1861 г. освобождением крестьян. Однако психология, порожденная «способом создания государства», не могла вдруг бесследно исчезнуть из жизни страны. Она продолжала влиять на отношения людей и в новую эпоху.

Чичерин опубликовал приведенные выше строки в 1898 г.

Мы знаем, **как** прожила Россия XX век и пятую часть XXI в.

Поэтому позволю себе добавить – именно психологическое наследие прошлого во многом определило и определяет течение нашей истории вплоть до нынешних дней.

В сущности, моя книга – об этом.

Две ипостаси дворянства

А теперь попробуем вкратце раскрыть точку зрения Чичерина.

Крайне важной является его мысль о том, что в Европе, благодаря феодализму, у людей развивались «чувства чести, права и свободы», в то время как у нас владычество Орды, тирания Иоанна Грозного, всеобщее крепостничество и его эволюция утвердили «привычку к беспрекословному повиновению».

Здесь можно задать недоуменного вопроса – а разве в России не было феодализма?

Не было – вопреки учебникам. Не было в качестве системы, которая на протяжении веков определяла многие сферы бытия жителей, как это было на Западе.

Можно говорить о зарождении элементов феодализма на рубеже XI–XII вв., которые в Северо-Восточной Руси были прерваны в XIII в. Иногда считают, что эти тенденции оживились в XIV – первой половине XV вв., однако эпоха Ивана III покончила с ними.

Вообще говоря, до 1917 г. ни один из русских историков, кроме Н. П. Павлова-Сильванского, никогда не говорил о феодализме в России. Его отсутствие часто считалось одним из фундаментальных отличий между Востоком и Западом Европы, наряду с католичеством, римским правом и т.д.

Феодализм «вдруг» появился в нашей истории после «Академического дела» 1929 г., когда был репрессирован цвет отечественной исторической мысли, те, кто не умер от голода в 1917–1920 гг. и не эмигрировал: С. Ф. Платонов, Н. П. Лихачев, М. К. Любавский, Ю. В. Готье, М. Д. Приселков и десятки других ученых.

Затем началось волевое внедрение в общественное сознание теории общественно-экономических формаций.

В итоге концепция, разработанная Марксом и Энгельсом на близком и понятном им материале истории Западной Европы, которая давала класси-

ческие примеры рабства и феодализма, усилиями В. В. Струве и Б. Д. Грекова была механически перенесена на историю России – принципиально иную по большинству базовых позиций, чем история Западной Европы!!!

Так возникла удивительная конструкция – «русский феодализм»: феодализм без феода, т.е. без частной собственности на землю, без **взаимных** строго фиксируемых законом обязательств вассала и сюзерена, без системы опосредования высшей власти, дающей права сословиям, и очень многого другого.

Общим с Западной Европой было одно – ограничение прав крестьянства, его сословная неполноправность, но это явление наблюдается в мировой истории едва ли не со времен Гильгамеша на разных широтах и в разные эпохи. Однако при этом на Западе – феодализм с поземельной зависимостью крестьян, в основном закончившейся в XV веке, а у нас – российское крепостничество, иногда приближающееся к рабству, иногда – равное ему. А это совсем не одно и то же.

И ежегодно с 1 сентября миллионам школьников и студентов снова рассказывают о «раннефеодальном государстве Киевская Русь», о «феодально-крепостническом строе», пережитках феодализма и пр., из чего явно и неявно следует, что наша история, хотя и имеет некоторые второстепенные отличия, но, в общем, такая же, как в Западной Европе.

Однако реальные факты никак не укладываются в эту схему.

Дело в том, что из основанного на законе феодального строя естественно вырастают правовое государство и гражданское общество, а из вотчинно-крепостнического, – нет, да и сейчас растут, как можно видеть, с огромным трудом.

Феодализм рождает рыцарство, рождает, условно говоря, Айвенго, Квентина Дорварда и четырех мушкетеров, чья жизнь не отделима от чувства «чести, права и свободы», а вотчинно-крепостническое государство – материализацию формулы «яз, холоп твой» со всеми многочисленными последствиями.

Мысли Чичерина делают понятнее тот очевидный факт, что в 1240 г., когда Батый взял Киев, Русь, в общем, была свободной страной, хотя в ней, разумеется, как и во всех европейских странах, были зависимые люди. А через 240 лет как бы вышедшее из монгольского ига единое Русское государство во многом оказалось православной калькой с Золотой Орды.

Первой в зависимость от государства попала элита.

Иван III (1462–1505) на глазах одного поколения русских людей – за 25 лет – присоединил к Москве почти все земли Северо-Восточной Руси. Окончание удельного периода и образование единого государства стало началом самодержавия, поэтому в эпохе Ивана III – корни всей последующей русской истории.

Он стал господином, вотчинником государства, и это резко изменило мodus его отношений со знатью, которая из товарищей, сподвижников великого князя быстро превратилась в его слуг, точнее, холопов. Они и начали теперь именовать себя его холопами и подписываться уменьшительными именами (например, «Васюк Шуйский»).

До Ивана III бояре и вольные слуги имели право свободного отъезда, т.е. могли переходить от одного князя к другому, причем их земельные владения оставались, как считается, экстерриториальными. Иван III начал препятствовать переезду бояр даже к своим родным братьям, а отъезд в Литву стал считаться государственной изменой*.

Социальной базой Ивана III стало войско из поместного дворянства, созданного им в массовом масштабе.

Это потребовало радикального изменения отношений собственности в стране. Проблему испомещения (размещения) дворян Иван III решил за счет вновь присоединяемых к Москве территорий.

На этих землях широко практиковался «вывод», т.е. переселение части местных землевладельцев и купцов во внутренние московские города. Больше всего от этой политики пострадал Новгород. До конца 1480-х гг. из 30-тысячного Новгорода было выведено свыше 8 тысяч представителей боярства и купечества, расселенных во внутренних городах и уездах (в Москве, на Лубянке, например, жили выселенцы из Новгорода).

Их громадные вотчины, как и земли Новгородской церкви, вопреки данному в 1478 г. обещанию, были конфискованы. В 1489 г. были выведены вятчане, «земские люди», получившие земли на юго-западной окраине, а вятские купцы были переселены в Дмитров.

Конфискованные земли великий князь передавал своим слугам (дворянам) в поместье, за что они обязаны были нести военную службу. Тем самым на этих территориях, с одной стороны, подрывалась социально-экономическая база возможной оппозиции Москве, а с другой, создавалась надежная опора великокняжеской власти и в то же время увеличивалась численность дворянского ополчения (поместного войска), ставшего основой армии.

---

* Иван III был безжалостным правителем, и в первую очередь по отношению к своим родичам. Таков был наложившийся на семейную генетику урок, вынесенный им из династической войны 2-й четверти XV в. – жестокой борьбы двух линий потомков Дмитрия Донского.

Мы знаем, что он приговорил к смерти своих родичей по литовской линии – отца и сына князей Патрикеевых (родоначальников князей Голицыных и Куракиных), которых спас митрополит, вымоливший для них постриг в монахи. А вот князь Семен Ряполовский-Стародубский был казнен. Родного брата Андрея Иван III попросту уморил голодом, а племянников, его сыновей, продержал в заключении 30 лет. Не зря Д. Н. Борисов в своей книге «Иван III» одну из глав назвал «Палач».

Поместье, в отличие от вотчины, было условной собственностью, его нельзя было ни продавать, ни передавать по наследству, ни дарить, ни завещать в монастырь на помин души.

Создание поместной системы стало началом **огосударствления земельной собственности** в масштабах страны.

Зародившись на северо-западе Руси, поместье очень быстро проникло во внутренние уезды, и считается, что в середине XVI в. площадь поместий относилась к площади вотчин как шесть к четырем.

Параллельно Власть начала массированное наступление на права церковных и светских вотчинников, все больше стесняя их право распоряжения родовыми землями. Служба теперь стала обязательной для всех землевладельцев, т.е. и для бояр также.

Усилиями Ивана III, Василия III и Ивана Грозного к середине XVI в. ни светская, ни церковная вотчина не имели правовой защиты, что практически доказала опричнина с ее конфискациями, выселениями и переселениями. Самый знатный человек мог лишиться собственности в любой момент, часто – вместе с жизнью.

Де-факто к концу правления Ивана Грозного **вся земельная собственность в стране была огосударствлена** – насколько это было возможно в конце XVI в.

Это чрезвычайно важный итог становления самодержавия. Не нужно специально пояснять, как это укрепило позиции государства.

Служилые люди, подобно натуральной повинности, несли **обязательную** военную службу, не вознаграждаемую никакими гражданскими привилегиями, порядок которой был окончательно разработан в Уложении о службе 1556 г.

Служба начиналась с 15-ти лет, когда «недоросль» становился «новиком», и была пожизненной. У тех, кто уклонялся от службы, землю отбирали и пускали в раздачу. Те, кто не являлся на службу (их звали «нетчиками», потому что в списке против их имени ставилась помета «нет»), подвергались наказанию батогами и/или лишались поместья.

Помещик владел поместьем, пока нес службу в армии. Если у него не было взрослого сына, который мог бы принять на себя обязательства отца, то земля уходила в казну и перераспределялась. Поместье не должно было выходить из «службы».

Вместе с тем естественное желание дворян людей закрепить землю за своей семьей было очень сильным, поэтому – если была такая возможность – служебные обязанности де-факто могли перелagаться на зятьев и родственников. Как говаривал С. Ю. Витте, «это слишком по-человечески».

Итак, служилые люди по отечеству, т.е. помещики, были крепостными государства, и это постепенно привело к закреплению значительной части крестьян, поскольку только они могли стабильно обеспечивать потребности солдат-дворян и их семей.

Важно понимать, что создание поместной системы было вызвано объективными причинами, а не было только плодом, скажем, скверного характера Ивана III и его потомков.

Дело в том, что Россия того времени – отрезанная от морей бедная страна с огромной территорией, редким населением и слабой торговлей, не имеющая **никаких** залежей цветных металлов и вынужденная веками ввозить не только медь, свинец и олово, но и серебро. Власть не имела возможности платить армии полноценного жалованья, как это было в куда более богатых странах Запада.

Поэтому поместье стало своего рода натуральной платой за военную службу. Однако эту специфичную зарплату требовалось еще и материализовать – превратить в еду, дом, одежду, вооружение и т.д.

Сделать это могли прежде всего крестьяне (хотя на Руси пахали и дворяне), однако они еще были свободными. Судебник 1497 г. лишь официально распространил на всю страну уже существовавшую норму о возможности ухода от помещиков в течение плюс-минус недели от Юрьева дня осеннего (26 ноября ст. стилия) с уплатой 1 рубля пожилого землевладельцу. Судебник 1550 г. повторил ее, увеличив пожилое до 1,5 рублей.

Забегая вперед, отмечу, что Иван III, несомненно, закрепит бы крестьян, имея он такую возможность. И хотя, сломав многовековую историю Руси и судьбы десятков тысяч людей, он **делом** показал подданным, «кто тут хозяин», прикрепить земледельцев к поместьям ему было не по силам.

Сделать это власть смогла лишь в 1590-х гг., когда население было обессилено безумным правлением Ивана Грозного – более чем 30-летние непрерывные войны и ужасы опричного террора привели к тому, что в науке называется «хозяйственным разорением и запустением русских земель 1570–1580-х гг.».

Слова Чичерина о том, что «самые отношения государя к подданным сложились под монгольским влиянием...это были отношения господина к холопам», хорошо иллюстрируются известным сообщением посланника Священной Римской империи Сигизмунда фон Герберштейна о Василии III: «Властью, которую он применяет по отношению к своим подданным, он легко превосходит всех монархов всего мира... Всех одинаково гнетёт он жестоким рабством... Он применяет свою власть к духовным так же, как и к мирянам, распоряжаясь беспрепятственно и по своей воле жизнью и имуще-

ством всех; из советников, которых он имеет, ни один не пользуется таким значением, чтобы осмелиться разногласить с ним или дать ему отпор в каком-нибудь деле. Они открыто заявляют, что воля государя есть воля Божья и что ни сделает государь, он делает по волей Божией... Равным образом, если кто-нибудь спрашивает о каком-нибудь деле неверном и сомнительном, то в общем обычно получает ответ: «Про то ведает Бог да великий государь»¹¹.

Иван Грозный довел эти тенденции до невысказанных для христианской страны той эпохи пределов.

Он не просто в корне изменил традиционные нормы отношений между государем и элитой, он не гнушался лично участвовать в пытках и убивать своих бояр, не говоря о простолюдинах. Реально его правление продемонстрировало, что произвол власти может не иметь границ – как Космос (оставляя в стороне вопрос о том, насколько люди XVI в. мыслили в таких категориях).

Опричнина и ее продолжение после 1572 г. ясно показали, что никто в стране – включая царского сына – не защищен от самой жестокой смертной расправы.

Трудно сомневаться в том, что опричнина задала, если так можно выразиться, определенный стандарт государственного бесчеловечия, не говоря о стандарте ужаса.

Гражданская война начала XVII в. (Смута) разрушила старый социальный порядок, однако после ее окончания он стал быстро возрождаться, а в 1649 г. Соборное Уложение закрепостило крестьян и посадских людей, прикрепив их к месту жительства (при этом кое-какие права за крестьянами оставались).

Телесные наказания по-прежнему равно распространялись на людей без различия чинов. В том числе служилые люди всех категорий как царские холопы, по обычному московскому порядку, подлежали телесным наказаниям*, которые считались нормальным средством устранения любых неполадков¹².

Разумеется, неверно представлять Россию своего рода огромной Веселой башней из повести Стругацких «Трудно быть богом», в которой круглосуточно шли бесконечные расправы.

Вместе с тем насилие было неотъемлемым компонентом русской жизни. Нэнси Коллманн, отнюдь не склонная преувеличивать различия между Россией и Европой в правовой сфере¹³, в своей монографии об уголовном

---

* В Соборном Уложении 1649 г. прямо говорится, что если бояре и воеводы без указа государя начнут отпускать со службы ратных людей и «брать с них за это посулы и поминки, то им чинити жестокое наказание, что государь укажет» (гл. VII, §11). При этом Уложение смягчает степень наказания людям высших разрядов. (Ступин М. История телесных наказаний в России от Судебников до настоящего времени. Владикавказ. 1887. С. 20). Котошихин пишет, что за разбой, пожар и другие преступления пытали всякого «какого чину ни буди: князь или боярин, или и простой человек».

судопроизводстве XV – начала XVIII вв. отмечает, что «насилие буквально пронизывало Россию изученного периода... Россия была в данный период социумом с очень высоким уровнем насилия, поскольку крепостное право было основано на насилии, вне зависимости от того, насколько широкой автономией пользовались крестьянские общины на практике. Землевладельцы наказывали крепостных кнутом; главы семей тиранически управляли молодежью и женщинами своих деревень; государство выслеживало и ловило беглых крепостных. Такой тип делегированного государственно-санкционированного насилия был изначально присущ российскому проекту государственного строительства»¹⁴. Добавлю, что с этим проектом органично сочетались и другие виды насилия.

Известный богослов и публицист XVII в. Юрий Крижанич, мечтавший о том, что Россия возглавит борьбу славянских народов против немецкой угрозы и приехавший в Москву с этим проектом, был поражен тем, что увидел: «Во всем свете... нет такого крутого правительства, как в России... всякое место наполнено кабаками, заставами, откупщиками, целовальниками, выемщиками, тайными доносчиками: люди отовсюду и везде связаны... все должны делать со страхом и трепетом... укрываться от толпы правителей или палачей»¹⁵...

Едва ли не больше он был потрясен холопским положением элит, абсолютно невозможным в Европе.

Его эмоции вполне понятны.

Рафаэль Барберини еще в 1565 г. удивлялся тому, что царь «приказывает сечь, растянув за земле, знатнейших бояр... Нет почти ни одного не высеченного чиновника, но они не гонятся за честью и больше чувствуют побои, чем знают, что такое стыд»¹⁶.

Раболепство придворных поражало иностранцев, отмечавших, что «самые турки... не изъявляют с более отвратительной покорностью своего принижения перед скипетром султана»¹⁷. До 1680 г. в дворянских челобитных сохранялась фраза: «Чтобы государь пожаловал, умилосердился как Бог».

Поэтому, выдвигая программу преобразований страны, Крижанич говорит о необходимости повышения достоинства дворянства и, в частности, считает необходимым, чтобы «князья, бояре, боярские дети могли писаться полными, а не уничижительными именами, были освобождены от наказания кнутом, батогами, клеймения, отнятия члена, пытки и смертной казни, а наказывались бы только ссылкой и отнятием почестей и должностей»¹⁸. Однако реализована эта программа была только через столетие – при Екатерине II.

Если так обращались с элитой, то легко представить, каким было положение остального населения. Понятно, что схема отношений царя со знатью автоматически репродуцировалась по нисходящей.

Так на всех уровнях самовоспроизводилось крепостное право.

Поскольку в обществе не было уважения к правам личности, то и телесные наказания не имели того позорящего значения, которое существовало в Западной Европе (попытаемся представить героев Дюма, на которых кто-то поднимает руку).

Петр I, вступив на престол, унаследовал этот порядок, при котором жестокость была условием выполнения любого дела, хоть частного, хоть государственного, и усилил его до максимума.

Об этом написано так много, что я лишь напомним о том, что важно для нашего текста.

В строительстве той России, о которой он мечтал, должны были участвовать **все** ее жители, **все** его подданные, и именно **таким** образом, какой он считал целесообразным.

Дворянство обязано было постоянно служить и давать кадры военных и гражданских чиновников, купечество – платить и давать кадры менеджеров, желательно эффективных, крестьянство – платить подати и поставлять солдат и рабочих для бесчисленных строек необъявленных петровских пятилеток, а урезанное в правах и численности духовенство – молиться за победу православного оружия и следить за оппонентами власти.

Петр окончательно закрепостил население страны.

Он максимально ужесточил государственные требования ко всем категориям населения, в том числе и к служилым людям, доведя всеобщее закрепощение сословий как архаичную мобилизационную систему до уровня определенного «регулярства».

Он уничтожил старый порядок, при котором государственные повинности падали не на все население. В армии и на флоте теперь служили те, кто раньше не служил, а налоги платили те, кто прежде не платил; – для увеличения контингента плательщиков подушной подати и рекрутов он ликвидировал холопство (холопы несли повинности только в пользу своих господ) и маргинальное состояние вольных-гулящих людей*.

Такова была плата за Империю.

В результате Северной войны в России появилась регулярная армия и флот европейского уровня, а их сохранение и развитие в будущем стали для Петра I приоритетом.

Весьма серьезно изменилось положение служилых людей, превратившихся в дворян.

* Пестрая социальная категория, куда входили отпущенные на свободу холопы, слуги, пленные и все, кто по каким-то причинам не был записан в писцовые книги, и др. Они были нетяжелыми, т.е. никому не платили податей. (Анисимов Е. В. Петр Великий: личность и реформы. СПб., 2009. С. 224; Границы и маркеры социальной стратификации России XVII–XX вв.: векторы исследования / [под ред. Д. А. Редина]. – СПб.: Алетей, 2018. С. 129–130).

Они по-прежнему служат бессрочно – до «дряхлости или увечий», но меняется сам характер службы – из периодической она становится круглогодичной и для всех начинается с низшей солдатской ступени.

При этом де-факто они по-прежнему могли лишиться своих земель, не обладая правом собственности на них, и подвергнуться репрессиям, вплоть до смертной казни.

Указ о единонаследии 1714 г. уравнивал поместье и вотчину. Первое стало наследственным владением, и указ разрешал наследовать недвижимое имущество лишь одному из сыновей, а не всем, как было раньше. Это должно было создать армию военных и гражданских чиновников, которые не имели бы отныне иного источника доходов, кроме жалованья.

Появляется чиновная номенклатура. Петр с самого начала своего царствования исповедует принцип служебной годности человека в противовес знатности и закрепляет эти тенденции в «Табели о рангах» 1722 г., радикально расширившей социальную базу Империи.

Кроме того, с 1714 г. дворянские дети обязаны учиться под угрозой запрета женитьбы. Петр считал, что только сочетание службы и образования делает человека благородным.

А что до службы, то она была настолько тяжелой, что немалая часть дворян, не хотевшая, условно говоря, 365 дней в году стоять под ружьем, уклонялась от нее, как могла.

Один за другим следовали указы о карах за неявку на смотры и службу, сама частота которых лучше всего говорит о масштабе проблемы. «Нетчики» были постоянной тревожной заботой Петра I.

Он боролся с ними весьма сурово, используя широкий диапазон угроз и взысканий – от «жестокое наказания и разорения» до конфискации имущества и лишения прав состояния, причем одновременно он стремился материально поощрять доносчиков, получавших имущество объекта доноса. И эти угрозы не были пустыми словами. Известно, что при Петре 20% поместий сменили хозяев.

Более того, указ 11 января 1722 г. фактически поставил «уклонистов» вне закона и приравнял к изменникам. *Не явившиеся на смотр «будут шельмованы, и с добрыми людьми ни в какое дело причтены быть не могут, и ежели кто таковых ограбит, ранит, что у них отымет, и у таких, а ежели и до смерти убьет, о таких челобитья не принимать и суда им не давать, а движимое и недвижимое их имени отписаны будут на Нас бесповоротно».*

Их имена должны быть «для публики прибиты к виселицам», а те, кто их поймает и сдаст властям, получают половину их имущества, хотя бы это были «их собственные люди»¹⁹.

Нежелание служить было так велико, что известны случаи, когда дворяне записывались в купечество, в однодворцы, странствовали по России, скрывая свое дворянство и даже «поступали в дворовые к помещикам»²⁰.

Обычным делом при Петре был приказ гвардейскому капралу арестовать виновных в упущениях чиновников вплоть до московского вице-губернатора и «держат в цепях, и в железах скованных», пока «совершенно не исправятся»²¹, наказание кнутом, клеймение и «вечная ссылка» за нарушение царского запрета рубить лес²².

В 1722 г. в Великолукской провинции по подозрению в сокрытии от переписи людей, по царскому указу, «было подвергнуто пытке и бито кнутом или палками 11 дворян и 85 крестьян, из них от побоев умер 1 дворянин и 10 крестьян; арестовано 7 дворян и 6 дворянских жен и детей, из них один скончался от ужасных условий содержания»²³.

Как известно, всю жизнь Петр I собственноручно избивал своих подданных разного звания и положения, а бывало, и граждан других стран. Вторые не всегда переносили это так спокойно, как первые. Когда Петр ударил палкой нанятого им для строительства Петербурга гениального архитектора Ж.-Б. Леблона, тот умер от унижения и позора²⁴.

Поэтому прав, конечно, А. В. Романович-Славатинский, замечая, что шляхетство в ту эпоху «находилось почти в *такой же крепостной зависимости от правительства, в какой от него крестьяне*»²⁵.

Однако.

Однако мы должны понимать и то, что, обратив всех в полных рабов, Петр создал великую державу.

Что благодаря ему у русских дворян и, можно думать, у русского народа появилось доселе не очень им знакомое и крайне важное *чувство победителей*, причем не кого-нибудь, а могучей шведской армии во главе с героем тогдашней Европы Карлом XII.

В прошлом остались времена, когда к русским дипломатам при европейских дворах относились с нескрываемым пренебрежением.

Это чувство со временем укрепится славой Семилетней войны, победами над турками, присоединением Крыма, созданием Новороссии и разделами Польши.

Я, избави Бог, сейчас не пытаюсь сказать, что обретенное государственное величие оправдывает страдания подданных и самые настоящие измывательства над ними – я более, чем далек от этой столь любимой сталинистами схемы.

Я лишь хочу подчеркнуть, что вне этого чувства победителей, без учета этих эмоций – нам не понять людей XVIII–XIX вв.

Правление Петра I стало вторым после Ивана Грозного апогеем самодержавия в нашей истории.

Все вышесказанное позволяет коснуться одной важной проблемы.

Даже в профессиональном сообществе понятия «самодержавие» и «абсолютизм» зачастую используются практически как синонимы и редко дифференцируются. Это – тоже результат волевого внедрения с 1930 г. решением Сталина теории общественно-экономических формаций в русскую и мировую историю, что породило перманентную «разруху в головах» наших соотечественников.

В результате правление Алексея Михайловича, который «всего лишь» установил крепостное право, в учебниках трактуется как «зарождение абсолютизма», а царствование его сына Петра I, железной рукой проведшего преобразования, кардинально изменившие страну, – как «утверждение абсолютизма».

Попробовал бы, к примеру, «король-солнце» Людовик XIV («государство – это Я») построить не то, что Петербург, но даже Таганрог, или флот в Воронеже (условные), или выкопать пару каналов петровскими методами во Франции!* Об «Утре стрелецкой казни» и не упоминаю. Надо думать, участь Бастилии решилась бы тогда намного раньше 1789 года!

В действительности, абсолютизм – это синоним европейской монархии по Монтескье. Это если и не правовое государство, то государство, которое стремится стать таковым.

А самодержавие – это возможность *по воле царя* устроить и опричнину, и провести петровские преобразования, и росчерком пера сделать десятки тысяч государственных крестьян военными поселенцами и многое-многое другое.

Первый абсолютный монарх в России – Александр II, который начал трансформацию страны в правовое государство! И тоже, замечу, по *своей* воле.

После смерти Петра I начинается постепенное раскрепощение дворянства (а также духовенства и горожан), служить становится легче, петровские строгости понемногу смягчаются.

По мнению А. Б. Каменского противоречивость реформ Петра, модернизационных по сути, но проводившихся путем громадного усиления крепостничества, сильнее всего отразилась на дворянстве. С одной стороны, оно получило условия для превращения в «полноценное сословие», а с другой, оказалось в куда большей зависимости от государства.

---

* О том, как жили и трудились строители Петербурга см. *Анисимов Е. В.* Его Величество. «Юный град. Петербург времен Петра Великого». СПб., Дмитрий Буланин. 2003. С. 105–112 и др. Замечу, что 30 тыс. рабочих, строивших Версаль, жили и работали, конечно, в других условиях, начиная с климатических.

Вместе с тем «мир новых идей, который стал известен дворянину петровского времени, светское образование, которое он теперь получал, возможность познакомиться с жизнью собратьев по сословию за границей – все это заставило русских дворян задуматься над своим положением, сословными нуждами и интересами.

С Петра процесс складывания дворянства как единого сословия начинается как процесс консолидации русского дворянства. **Суть его была в постепенном обретении сословных прав и привилегий и одновременном освобождении от государственного рабства, что означало начало борьбы дворянства с государством за свою свободу**, под знаком которой прошло все XVIII столетие.

Борьба эта имела определяющее значение для исторических судеб страны и стала возможной благодаря тому, что те же условия, которые обеспечивали процесс становления дворянского сословия, и прежде всего привилегированный правовой статус, превратили его и в самостоятельную политическую силу»²⁶.

В 1736 г. пожизненная служба дворян сокращается до 25 лет, а 18 февраля 1762 г. Петр III подписывает «Манифест о даровании вольности и свободы благородному российскому дворянству», само название которого лучше всего говорит о том, что оное дворянство доселе не имело ни того, ни другого.

«Манифест» уничтожил обязательность службы и разрешил неслужащим дворянам выезжать за границу. То есть дворяне официально перестали быть крепостными государства, что, в числе прочего, подрывало моральное обоснование крепостного положения крестьян, работа которых на господина прежде оправдывалась его службой государству.

С 1760-х гг. начинается отсчет первого, а с 1780-х гг. – второго поколения «непоротых русских дворян». Первое поколение дало генералов-героев 1812 г., второе – офицеров-героев 1812 г. и старших декабристов.

Наконец, в 1785 г. Жалованная грамота дворянству официально закрепила сословные права дворян, в том числе и дарованное им в 1782 г. право собственности на землю.

То есть за полвека после Петра I положение дворянства радикально изменилось – **юридически оно стало свободным**. Самодержавие пошло на ограничение своей власти.

Но здесь самое время подумать над промежуточным вопросом: **какие человеческие типы успели сформироваться за 300 лет такой истории?**

Часть ответа очевидна – такие, которые носили в себе все следы оскорбительного, пренебрежительного отношения государства к человеку и его правам и в целом и в бесчисленных частностях.

Могли ли забыться вчерашние, позавчерашние и более давние незащищенность, издевательства и др.?

Уместно также спросить, могло ли что-то всерьез измениться в сознании дворян от того, что их перестали пороть?

Могло – и постепенно стало меняться.

Широко известно мнение В. О. Ключевского о петровских преобразованиях: «Реформа Петра была борьбой деспотизма с народом, с его косностью. Он надеялся грозой власти вызвать самодеятельность в порабощенном обществе и через рабовладельческое дворянство водворить в России европейскую науку, народное просвещение как необходимое условие общественной самодеятельности, **хотел, чтобы раб, оставаясь рабом, действовал сознательно и свободно. Совместное действие деспотизма и свободы, просвещения и рабства – это политическая квадратура круга, загадка, разрешавшаяся у нас со времени Петра два века и доселе неразрешенная**»²⁷.

Спора нет – во множестве случаев раскрепощаемый, а позже освобожденный раб продолжал психологически оставаться рабом. Однако у части дворян, поначалу, естественно, меньшей, чтение и приобщение к культуре, полученной благодаря Петру, постепенно родило то самое чувство собственного достоинства, об отсутствии которого как о примете русского средневековья говорит Б. Н. Чичерин.

Характерно в этом смысле, как князь М. М. Щербатов уже в екатерининское время рассуждал о петровском рукоприкладстве. Царь бил приближенных, пишет Щербатов, «не разбирая ни роду, ни чинов», что противоречило обычаям, им же и введенным, потому что «многие из нас, конечно, восхотят скорее смертную казнь претерпеть, нежели жить после палок или плетей», пусть даже нанесенных «священными руками и под очами божия помазанника».

«Всякой век имеет свои нравы, а век тот, который застал Петр Великий и с воспитанными в коем людьми жил, был таков, что побои не инако, как по болезни почитали, не считая их себе в бесчестие, хотя бы те и кацкими (палаческими – М. Д.) руками были учинены».

Из разрядных книг известно, продолжает историк, что «иных» после наказания плетью «отсылали к тому головою, с кем местничался», а «иных» за какую-нибудь провинность ставили под виселицей и палач бил их по щекам. Их имен Щербатов называть не хочет, дабы не огорчать их потомков, но тогда это было обычным делом, людей эти наказания не бесчестили, «и они по-прежнему в чины и должности употреблялись».

Поэтому неудивительно, что Петр Великий со своим «горячим» нравом вел себя с другими в духе времени и «сам воспитанию своему уступал». Щербатов знал многих из «претерпевших такие наказания», но ни один из них

за эти побои не «пожаловался на Петра Великого или бы устыдился об оных сказать, или бы имел какое озлобление на него; но всех паче видел я исполненных любовью к нему и благодарностию.

А сие и доказует, что сей поступок не в порок особе Петра Великого должно приписать, но в порок умоначертанию тогдашнего времени»²⁸. Как можно видеть, эволюция чувства собственного достоинства русской элиты здесь очерчена весьма наглядно.

Впрочем, у многих дворян это чувство появилось и зримо проявилось, по меньшей мере, уже в 1730 г., когда членами Верховного Тайного Совета была предпринята попытка ограничения самодержавия Анны Ивановны, хотя и неудачная.

Далее оно развивалось во многом благодаря более гуманным, в сравнении с петровским, правлениям Елизаветы Петровны и Екатерины II.

В лице своих лучших представителей дворянство демонстрировало не только европейский уровень образования, но и достаточно независимый стиль отношений с носителями верховной власти.

Таковы братья Никита Иванович и Петр Иванович Панины, которые родились еще при Петре (соответственно в 1717 и 1721 гг.) и не раз оппонировали Екатерине II.

Таковы отстоящие от них на поколение братья Александр Романович и Семен Романович Воронцовы, родившиеся при Елизавете – в 1741 и 1744 гг.

Однако не будем *лучших* отождествлять со *всеми* и преувеличивать масштабы психологического раскрепощения дворянства – оно только начиналось и явно отставало от юридического.

Тот же М. И. Кутузов (1745–1813), по слухам, лично варил фавориту Екатерины II Платону Зубову кофе, и говорят, что «зубовская фаворитка» – обезьянка, сиживала у него на парике со всеми вытекающими – в прямом и переносном смыслах – последствиями. Впрочем, тут Кутузов был не одинок.

Павел I попытался воскресить многое из того, что уже начало забываться. Его царствование во многом было попыткой вернуть дворянство в прошлое – не буквально в петровское время, конечно, но как бы в стилистику страха.

Однако в одну реку не входят дважды, и дворяне – как умели – продемонстрировали Павлу, что его самодержавие ограничено их удавкой.

Предвижу возражение – а разве дворцовые перевороты не говорят о свободном сознании дворянства? Думаю, что нет. Ведь и преторианцы в древнем Риме – отнюдь не свободные люди. Это рабы, сделавшие бунт доходным ремеслом.

И здесь уместно привести один весьма интересный документ.

В 1801 г. посол России в Англии граф С. Р. Воронцов в напутственном письме сыну Михаилу, который уезжал из Лондона начинать «взрослую» жизнь на родине, предупреждал его, что он увидит страну, которая резко отличается от Англии, где тот вырос и где «люди подчиняются лишь закону, перед которым равны все сословия и где для человека естественно чувство собственного достоинства.

У нас – невежество, дурные нравы как следствие этого невежества и форма правления, которая, унижая людей, отказывая им во всяком возвышении души, приводит их к алчности, чувственным наслаждениям и к самой гнусной низости, и к заискиванию перед любым могущественным человеком или фаворитом государя.

Страна слишком велика для того, чтобы государь, будь он хоть новым Петром Великим, мог все делать сам, без конституции и твердо установленных законов, без независимых судов, чьи решения были бы непреложны».

В силу природы русской власти он вынужден опереться на «самого приближенного министра», который становится чем-то вроде великого визиря и повсюду назначает своих родичей и друзей, которые «будучи уверены в силе этой протекции и в своей безнаказанности, становятся пашами. Весь двор лежит у ног визиря, а вся империя следует его примеру.

Нация униженная, ослабленная, утопающая в роскоши и долгах, обладает в то же время такой легкостью характера, что она забудет ужас деспотизма, от которого страдала, когда ей разрешат носить круглые шляпы и туфли с загнутым носком.

Вы увидите, как они разговаривают настолько же свободно, насколько были раньше мрачны, запуганы и молчаливы, а поскольку нынешний государь хорош, они считают себя действительно свободными, не задумываясь над тем, что у человека может измениться характер, или что ему унаследует новый тиран. **Нынешнее состояние государства есть ничто иное, как приостановленная тирания, а наши соотечественники подобны римским рабам в дни Сатурналий, после которых они вернутся в свое обычное рабство»²⁹.**

Этот хирургически безжалостный и точный анализ рисует картину слегка европеизированной восточной деспотии, при этом картину не абстрактную, а в высшей степени конкретную – ведь не прошло еще и двух месяцев после убийства Павла I.

В 1802 г. М. М. Сперанский писал Александру I следующее: «Я бы желал, чтоб кто-нибудь показал различие между зависимостью крестьян от помещиков и дворян от государя; чтоб кто-нибудь открыл, не все ли то право имеет государь на помещиков, какое имеют помещики на крестьян своих...

Вместо всех пышных разделений свободного народа русского на свободнейшие классы дворянства, купечества и проч. **я нахожу в России два состояния: рабы государевы и рабы помещичьи. Первые называются свободными только в отношении ко вторым**, действительно же свободных людей в России нет, кроме нищих и философов»³⁰.

Несложно увидеть, насколько созвучны мысли Сперанского в 1802 г. тому, что писал Воронцов-старший в 1801 г.

Вместе с тем оба «непоротых» поколения, вступивших в жизнь в конце XVIII – начале XIX вв., в лице своих лучших представителей никоим образом не ощущало себя рабами верховной власти. Для них Россия – не деспотия, а европейская монархия в понимании/определении Монтескье, император – монарх, а они – дворяне-носители принципа Чести, системообразующего начала монархии.

Их понимание чести соответствует формуле того же Монтескье: желание почестей при сохранении независимости от власти. Честь, несомненно, ключевое понятие, на которое замкнуто все мироощущение множества дворян той эпохи.

Они ясно различали понятия «Государь» и «Отечество». Приверженность «собственно Государю» и «любовь к отечеству» не тождественны друг другу. Эти понятия могли совпадать, точнее накладываться друг на друга, а могли и не совпадать. Характерно сделанное в 1812 г. замечание Воронцова: «Приятно жертвовать жизнью, когда любовь к Отечеству ничем не отделяется от любви к своим Государям и ничто иное, как одно и то же»³¹.

Они чувствовали себя слугами престола, но не рабами, хотя жизнь, конечно, иногда вносила коррективы в это мироощущение.

Отмечу, что 10 лет непрерывных войн, которые Россия вела в 1804–1815 гг., заметно повысили у дворянства чувство ответственности за судьбы страны, а значит, и собственной значимости, чем отчасти и порожден феномен декабризма. Не зря цесаревич Константин Павлович считал, что война портит армию – у людей неизбежно повышается число степеней свободы.

Однако сейчас я говорю о *лучших* из дворян, а лучшие всегда в меньшинстве. Показателен следующий эпизод.

В 1814 г. генерал-адъютант Винценгероде в горячности дал пощечину одетому в солдатскую форму офицеру, обидевшему хозяина квартиры-саксонца, несмотря на жесткий приказ вести себя с местными жителями дружелюбно. Генерал принял его за солдата*. Будущий декабрист С. Г. Волконский

---

* Офицер раньше служил в дивизии Аркадия Суворова, сына великого полководца, воевавшей с турками, в которой по приказу командира все офицеры носили солдатские мундиры, чтобы затруднить работу туркам-снайперам. Первым подобный приказ отдал, кажется, Г. А. Потемкин.

объяснил любимому им начальнику, что тот оскорбил офицера, и «тогда добрый старик» предложил офицеру дуэль, несмотря на разницу в званиях, что законом категорически запрещалось – «благородный поступок, не оправдывающий, но некоторым образом уменьшающий вину Винценгероде».

Увы, офицер предпочел просить генерала о том, чтобы тот «при случае не забыл» представить его к награде. Волконский пишет: «Тут уже я покраснел за соотечественника и внутри себя не мог не сказать себе, что этот подлец не заслуживал моего соучастия»³².

Характерно и замечание, сделанное в 1816 г. Михайловским-Данилевским, сопровождавшим Александра I в поездке от Петербурга до Волыни. Если в Москве царю представилось 42 дворянина, то в Житомире, «весьма посредственном губернском городе» – 200. При этом в Житомире предводитель дворянства граф Илинский «произнес прекрасное приветствие его величеству, в то время как **предводители в семи великороссийских губерниях не могли при государе отворить рта и только низкими поклонами показывали свою преданность. Они более являли из себя метрдотелей, занимавших угощением, нежели представителей дворянства.**

У одного из них император спросил, почему он не был на смотре войск, происходившем поутру. – «Я распоряжался столом для вашего величества», – отвечал предводитель»³³. А ведь губернские предводители дворянства – очень важные персоны в то время, их и было менее 50-ти человек на всю Империю!

Но, как видим, некоторым из них привычнее была роль старого графа Ростова, затевавшего обед для Багратиона, чем старого князя Болконского.

При этом большинство дворян не ощущало свою зависимость от престола как нечто дискомфортное, отчасти потому, что это, в свою очередь, делало их повелителями крестьян и подначальных; так, в частности, проявляется крепостническое сознание.

Все по Державину: «Я царь – я раб – я червь – я Бог...».

Хотя, Гаврила Романович, можно думать, имел в виду менее прозаические сюжеты.

Конечно, положение дворян в эпоху Николая I разительно отличалось в лучшую сторону от положения их предков при Петре I. И все же известный эпизод с бородами славянофилов в этом плане курьезен лишь отчасти*. На

---

* Когда славянофилы начали появляться на публике в одежде, которую считали соответствующей своим взглядам, а некоторые отпустили бороду, то специальный циркуляр МВД в апреле 1849 г. объяснил, что «Его Величество почитает недостойным русского дворянина увлекаться подражанием западным затеям так называемой моды и что ношение бороды тем более неприлично, что всем дворянам предоставлено право ношения мундира, при котором отнюдь не дозволено иметь бороды». Характерно, что простые москвичи принимали славянофилов за «персиян».

деле правительство показало дворянству, что не собирается отказываться от своих прав по контролю за ним.

Однако – еще и еще повторю – все наши суждения о зависимости дворянства от государства будут односторонними, если мы не будем постоянно иметь в виду, что чувство принадлежности к непобедимой державе у русских людей после 1815 г. неизмеримо усилилось даже в сравнении с суворовскими временами.

Ведь Россия действительно открыла и закончила свой XVIII век в совершенно разных статусах. Начала она с позора Нарвы, а закончила Итальянским походом 1799 г., когда, по выражению Марка Алданова, Суворов «достиг высшего предела славы, при котором именем человека начинают называть шляпы, пироги, прически, улицы. Все это и делалось в ту пору в Европе, особенно в Англии». А потом, несмотря на позор Тильзита, Россия в конечном счете низвергла такого колосса, как Наполеон.

«Русские – первый в мире народ», «Россия – первая в мире держава», – часто повторяет в своих письмах после вступления в Париж А. П. Ермолов, и с ним, безусловно было солидарно подавляющее большинство русских дворян.

При этом Ермолов отнюдь не закрывал глаза на негативные стороны жизни страны. Однако ради такого величия с ними можно было худо-бедно мириться – в надежде на будущее их исправление.

Ощущение того, что ты часть Победоносного, пусть и несовершенного мира, – огромная вещь. Для многих людей это часто оправдание даже мрачного статус-кво – и серьезное оправдание.

Отечественная война 1812 г. стала важнейшей вехой в нашей истории вообще и в идейном развитии, в частности.

Самосознание русских людей поднялось на новый, несравненно более высокий уровень, закономерно усилив чувство национальной исключительности – ведь только России удалось остановить Наполеона.

Война и заграничные походы русской армии показали, что феномен Империи Петра I по-прежнему существует и работает. Мысль о том, что «наша отсталость» более пригодна для защиты Отечества, нежели «европейская образованность» в разных вариациях звучала в публицистике 1812 г.

Александр I, ученик Лагарпа, пропитанный идеями XVIII в., мечтал дать России свободу и политические права. Однако сделать это, не касаясь крепостничества, было невозможно, а покушения на свой образ жизни дворянство не потерпело бы. Тем не менее после 1815 г. царь на новом уровне возвращается к своим либеральным планам эпохи Сперанского.

Михайловский-Данилевский, сопровождавший Александра I в поездке по Швейцарии, в своем «Журнале за 1815 г.» отмечает, что царь неоднократно заходил в дома тамошних крестьян и что «душа его, конечно, страдала, когда

он сравнивал состояние вольных швейцарских поселян с нашими крестьянами. Сердце Государя напитано свободой, если бы он родился в республике, то он был бы ревностнейшим защитником прав народных. Он первый начал в России вводить некоторое подобие конституционных форм и ограничивать власть самодержавную, **но вельможи, окружающие его, и помещики русские не созрели еще до политических теорий, составляющих предмет размышлений наших современников. Он не мог сохранить привязанности к людям, которые не в состоянии ценить оснований, содействующих обществу счастливыми**». Из истории мы знаем, что в других странах народы требовали свои права от монархов и вступали с ними в борьбу за них, а у нас, наоборот, император пожелал «возвратить нам оные, но никто его не понимал; напротив, многие на него роптали»³⁴.

Тем не менее, победив Наполеона, Александр I даровал конституцию Польше, мечтая распространить ее и на Россию. В 1816–1819 гг. было проведено безземельное освобождение крестьяне в Прибалтике, предпринимались попытки сделать то же самое в Малороссии.

В 1818 г. он заказал людям, чье мнение ценил, подготовить свои варианты освобождения (проекты Аракчеева, Гурьева, Балугьянского), и тогда же в Варшаве под руководством Новосильцева началась работа над «Уставной грамотой Российской империи», новым конституционным проектом (его следы мы находим в «Конституции» Никиты Муравьева). Секретность в Империи была первым признаком серьезности намерений власти – об Уставной грамоте не знал даже будущий император Николай Павлович – вплоть до Польского восстания 1830–1831 гг.

Однако упорное убеждение царя в существовании всемирного антимонархического заговора в сочетании с мистицизмом (оценить который в полном объеме, на мой взгляд, могут лишь люди искренне и глубоко верующие) покончило с либеральными начинаниями. Последней каплей здесь стало восстание Семеновского полка осенью 1820 г. Финал правления Александра I был отрицанием, прямой противоположностью его началу.

Одновременно наиболее яркие представители дворянской молодежи из второго «непоротого поколения» создали тайную организацию, которая ставила целью изменение существующего строя.

Однако невозможно оспаривать тот факт, что в самом начале они видели себя не противниками, а помощниками императора, поскольку ими двигали те же стремления, что и Александром I (до поры) – видеть на своей родине свободу и право, а не вотчинно-крепостнический строй. Хотя и не сразу, но они пришли к идее освобождения крестьян.

Имея большое внешнее сходство с другими дворцовыми переворотами, их восстание, как известно, радикально отличается от них сутью – оно зате-

валось не ради смены племянника на тетю, как в 1741 г., мужа на жену, как в 1762 г., или отца на сына, как в 1801 г.), а ради свободы, законности и уважения прав человека, против рабства и произвола.

Однако, как точно заметил Б. Н. Чичерин, «именно эти возвышенные идеи были еще не по плечу русскому обществу, которое все держалось на крепостном праве. Декабристы составляли в нем ничтожное меньшинство. Это был цвет русской молодежи, но цвет, оторванный от почвы, а потому обреченный на гибель»³⁵.

Поиски свободы в декабристском ключе не были близки большинству дворянства, его устраивало статус-кво.

Итак, некоторые из промежуточных выводов, важных для этой книги, таковы.

1. К 1725 г. сформировался феномен Империи Петра I – мощного в военном отношении государства, основанного на всеобщем закреплении сословий, т.е. на полном бесправии населения.

Для Власти население страны были расходным материалом, без особенного различия в социальном положении. Веками люди были для нее, как сказали бы в XXI в., чем-то в роде одноразовой посуды – это восточная схема отношений с подданными.

2. При этом дворянство, с одной стороны, было «первым среди бесправных». На него вплоть до середины XVIII в. распространялись основные «прелести» режима – личная и социальная незащищенность, возможность наказания вплоть до лишения чести, имущества и жизни.

А с другой стороны, будучи «рабами верховной власти», дворяне одновременно были господами, а потом и повелителями крепостных.

Повторюсь: одновременное пребывание в двух человеческих измерениях не могло не отразиться на их психологии.

Этот «амбивалентный» психологический Янус очень серьезно и многообразно повлиял на нашу историю. Во многом из-за него и сегодня, а не то, что во времена Чичерина, становится стыдно за взрослых и, казалось бы, крупных людей, ведущих себя как среднестатистические дворовые.

Очень долго дворянство ощущало свою значимость и важность только в соотношении с бесправностью нижестоящих.

Элита, у которой нет подлинного сознания своих прав и своего достоинства, не будет уважать права и достоинство других людей.

И то, и другое после веков деспотизма приобретает с немалым трудом.

4. При этом ясно, что страна, жизнь которой стоит на нерегламентированном, по сути, крепостном праве, в значительной мере находится вне правового поля. Вряд ли в этих условиях может возникнуть уважение к закону – ему просто неоткуда взяться.

Тем более, что гражданские права, в том числе и право частной собственности, появляются в русском законодательстве только за 7 лет до Великой Французской революции в Жалованных грамотах Екатерины II дворянству и городам.

5. Победоносная история Империи после 1708 г. была одним из ключевых факторов, сформировавших мироощущение русского дворянства, и в большой степени русского народа в целом.

Вместе с тем мы должны знать, что военная мощь странном, на первый взгляд, образом сочеталась с малой эффективностью системы управления. К этой теме мы вернемся позже.

«Очернитель» Текутьев, или Пятое путешествие Гулливера

Таким образом, если, с одной стороны, в истории нашей остановилось и замедлилось развитие самостоятельной личности, то, с другой стороны, масса населения получила прочное обеспечение в имуществе, которое служит лучшим обеспечением первых потребностей – в поземельном наделе, и еще в постоянной обязательной связи своей с государством.

К. П. Победоносцев. Курс гражданского права.

Теперь пора посмотреть на крепостное право со стороны крестьян.

Сделать это совсем не просто, во всяком случае, не легче, чем вывести портрет среднестатистического жителя России конца 2010-х гг.

Дело в том, что и сами крестьяне, и их положение были очень разными. На одном полюсе будут тысячи предпринимателей, таких, как И. М. Гарелин, И. Ямановский, И. И. Грачев и другие, а на другом миллионы крестьян-земледельцев, чье положение прямо зависело от личности данного конкретного барина, или его управляющего.

Впрочем, об этом ниже, а пока замечу, что за последнюю четверть века восприятие крепостного права несколько изменилось.

Я хорошо помню, что люди моего поколения со школы сохраняли пусть довольно общее, но ясное представление, о том, что крепостничество, доходившее иногда до настоящего зверства, как в случае с Салтычихой и ей подобными, равнозначно тяжелому, плохому, унижительному и т.д. положению народа. И полагаю, это правильно – забывать о таких вещах нельзя, хотя, разумеется, были и совсем другие господа.

После 1991 г. мы как-то потеряли понимание того, чем было для жителей России крепостное право. Недавно я с удивлением обнаружил, что даже мои студенты-историки не совсем адекватно судят о нем, что, конечно, не слу-

чайно. («А какое дело помещику до того, как женятся крестьяне?» – заметила одна совсем неглупая девушка).

Какой, впрочем, спрос со студентов, если председатель Конституционного Суда России В. Д. Зорькин, написавший в числе прочего, две книги о Б. Н. Чичерине (!), публично заявил: «При всех издержках крепостничества именно оно было главной скрепой, удерживающей внутреннее единство нации».

Мысль Зорькина, думаю, войдет в анналы, но сама по себе она – безусловный симптом происшедшего за последние 25 лет сдвига в восприятии крепостного права. Думаю, не только мне хочется задать бестактный вопрос о том, с какой стороны «скрепы» Зорькин предпочел бы оказаться.

При этом сиюминутные мотивы такого оригинального заявления очевидны и понятны. Благостное отношение к крепостничеству не случайно совпало с ужесточением внутренней политики.

Есть и другие причины такого изменения в восприятии вполне ясных сюжетов, и анализировать их все я сейчас не буду. Замечу только, что некий флер пасторальной сентиментальности стал покрывать крепостничество где-то с середины 1990-х гг.

Тогда, с одной стороны, в качестве главного объяснения проблем нашей истории большую популярность внезапно обрел суровый климат, одним из якобы закономерных последствий которого стало считаться и крепостное право.

С другой стороны, в моду стремительно вошел «патернализм», термин с неким убаюкивающе-умиротворяющим эффектом – на мой взгляд, за счет странного привкуса защищенности. Он стал второй универсальной «отмычкой» к русской истории и отныне не фигурировал, кажется, только в кулинарных рецептах.

Идея патернализма, неизбежного как климат (прошу прощения за тавтологию), должна был смягчать наше восприятие негативных сторон крепостничества.

Конечно, отчасти это было компенсацией одностороннего подхода советской историографии, которая рассматривала проблемы крепостного права преимущественно в аспекте насилия, не слишком углубляясь в многогранный характер этого явления.

Но, как это часто бывает (и не только у нас), немедленно начался перекокс в другую сторону, и крепостничество постепенно стало трактоваться в духе адмирала Шишкова. Он, напомним, в 1814 г. в манифесте об окончании войны с Наполеоном написал о «давней» связи между помещиками и крестьянами, основанной «на обоюдной пользе... русским нравам и добродетелям свойственной». Александр I, увидев эти слова, вспыхнул и оттолкнул текст, сказав, что не может подписывать того, что противно его совести, и решительно вычеркнул слова «на обоюдной пользе основанная... связь»³⁶.

Да, эти отношения с хозяйственной точки зрения часто были взаимовыгодны. Крестьянин пользовался лесом, получал топливо, семена, а иногда и скот, но не стоит забывать, чем вызывалась такая забота. Лошади, в том числе и рабочие, требуют определенного ухода.

Однако чем больше мы акцентируем патриархальные, патерналистские, «патронатные» – теперь это так называется! – отношения между бариним и крестьянами, тем дальше в тень уходит суть, основа явления крепостничества – принуждение и насилие.

Такого рода ситуативная смена фокуса внимания – либо Салтычиха и убитый крестьянами за жестокость фельдмаршал Каменский, либо Венецианов с Клодтом, т.е. усадебная культура с патернализмом – весьма характерна для нашей историографии.

Вышесказанное вынуждает меня остановиться по этой проблематике подробнее.

Как понять, что такое крепостное право?

Чем было крепостничество как система?

Как «почувствовать себя среднестатистическим крепостным»?

Сразу скажу, что это не очень реально – крепостное право было очень разным.

Среднестатистического колхозника, полагаю, вывести легче, чем такого же крепостного, потому что положение колхозников в целом разлилось меньше.

Оброчные крестьяне жили иначе, чем крестьяне барщинные. Важную роль играли также местоположение имения, возможности хозяйственной деятельности и т.д.

Едва ли не ключевым фактором была личность владельца.

И здесь на одном полюсе мы увидим, например, крепостных графов Шереметевых из Иванова и других «бизнес-инкубаторов», реальных предпринимателей, новаторов, людей, которые внесли огромный вклад в создание русской текстильной промышленности. Господа, как правило, видели в них людей и не очень мешали им зарабатывать, запрещая, правда, строить каменные хоромы – в целях борьбы с гордыней.

А на другом – крестьян тех садистов и садисток, о которых пишет В. И. Семецкий в книге «Крестьяне при Екатерине II», где материала хватит не на один исторический фильм ужасов, притом не выдуманных, а вполне документированных.

Когда созданный в 1857 г. Александром II Секретный комитет приступал к делу освобождения крестьян, его членам были разосланы вопросы, дающие некоторые представление о правовом положении крепостных:

«1. Можно ли ныне же дозволить крепостным людям вступать в браки без согласия помещика?

2. Можно ли ныне же дать помещичьим крестьянам право приобретать собственность без согласия помещика?

3. Можно ли немедленно ограничить права помещиков относительно разбора споров и жалоб между их крестьянами?

4. В какой мере можно ныне же ограничить право помещиков относительно наказаний крестьян?

5. Должно ли ныне же неотлагательно лишить помещиков прав переселять крестьян в Сибирь?

6. Следует ли ныне же ограничить право помещиков относительно отдачи крестьян в рекруты?

7. Должно ли ныне же лишить помещиков права вмешательства в отправление крестьянами повинностей и податей?

8. Какие принять меры для более точного определения повинностей крепостных крестьян их помещикам?

9. Можно ли ныне же, немедленно допустить жалобы крепостных крестьян на их помещиков?

10. Можно ли дать помещичьим крестьянам право откупаться на волю за особо определенную цену?

11. Какие меры должны быть приняты ныне же для уменьшения числа дворовых людей?»³⁷.

Итак, увидеть, как жила крепостная деревня до 1861 г., мы не сумеем, но попытаться представить – и довольно живо, на мой взгляд, – хотя бы одну из них можем вполне, ибо у нас есть источник, позволяющий это сделать.

Особенности жанра, само его построение и специфика личности автора дают возможность, как кажется, без особых сложностей, «включить» воображение и попробовать приблизиться к той жизни.

Я очень прошу читателей, преодолев орфографию XVIII в., внимательно прочесть нижеследующий не вполне обычный текст, который я уже несколько лет предлагаю студентам для знакомства и осмысления:

«1-я. Едва не все холопы и крестьяня должности к Господу Богу не знают и в церковь для молитвы не толко в свободное время, но в великия праздники, в воскресныя и торжественныя дни ходить, в положенныя посты говеть и исповедыватца не любят.

2-я. Должности к Государю и общей ползе не толко не внимают, но и подумать не хотят.

3-я. Леность, обман, ложь, воровство будто наследственно в них положено.

4-я. Пьянство, лакомство, суеверство, примечание, шептуны – лутчее их удовольствие.

5-я. За вино и пиво господина и соседей своих со всею их и ево собственною ползою продать готов. И потому в них верности и чистой совести нет.

6-я. Господина своего обманывают притворными болезнями, старостию, скудостью, ложным воздыханием, в работе лениостию, приготовленное общими трудами крадут; отданного для збережения прибрать, вычистить, вымазать, вымыть, высушить, починить не хотят.

В приплоде скота и птиц, от неприсмотру поморя, вымышляя разные случаи, лгут. Определенныя в началство в расходах денег и хлеба меры не знают, остатков к предбудущему времени весьма не любят, и будто как нарочно стараются в разорение приводить, и над теми, кто к чему приставлен, чтоб верно и в свое время исправлялось, не смотрят, в плутовстве за дружбу и по чести молчат и покрывают, а на простосердечных и добрых людиа нападают, теснят и гонят.

7-я. Милости, показыванной к ним в награждении хлебом, денгами, одеждою, скотом, свободою, не помнят, и вместо благодарности и заслуг в грубость, леньость, в злобу и хитрость входят.

8-я. Божия наказания, голоду, бед, болезнеи и самой смерти не чувствуют, о воскресении мертвых, о будущем суде и о воздаянии каждому по делам подумать не хотят и **смерть свою за покои считают**.

9-я. Отцы их духовныя о Законе и Провидении Божии, о справедливой жизни ясно не говорят и в их противных человечеству делах не запрещают, а некоторыя их умыслы, прибавливая способы, подошряют, пьянством, завистию, ненавистию, любостыжением и неприличною их чести жизнью соблазн и повод дают, и болше неусыпно пекутца о получении своего интереса.

И по таким обстоятельствам каждому разумному и добросовестному господину в приведении упомянутых злых и коварных людиа в доброй порядок – великой труд и безпокоиство»³⁸.

Странное впечатление оставляют эти строки, эти «9 пунктов». Определенно не шедевр человеколюбия. Скорее, набросок эпитафии Homo sapiens – уровень авторской мизантропии, да что там, самого настоящего человеконенавистничества просто зашкаливает.

Кажется, что автор – очернитель человечества. Он явно не читал Ж.-Ж. Руссо, сообщившего людям, что от природы они прекрасны, а исковеркали их гнусная окружающая действительность и лживое воспитание.

Созданный им коллективный портрет внушает отвращение.

О ком пишет автор?

Что это за мир?

Кто его населяет?

Банда разбойников или каторжники на поселении?

Новая, еще более гнусная разновидность йеху, найденная Гулливером в неизвестном нам пятом путешествии?

В любом случае тут в пору вспомнить Босха, а лучше – тех грешников, которые населяют сцены Страшного Суда в ярославских, например, церквях XVII века.

Между тем это всего лишь мнение небогатого помещика середины XVIII в. о своих крепостных крестьянах.

В 1998 г. Е. Б. Смилянская опубликовала обнаруженную ею в 1989 г. в археографической экспедиции и приобретенную для Научной библиотеки МГУ рукопись, под названием «Инструкция о домашних порядках». Ее в 1754–1757 гг. написал для «неотменного исполнения во весь год» Т. П. Текутьев, тогда капитан, полковой секретарь, впоследствии подполковник Преображенского полка и Смоленский губернатор.

Текутьев женился, получил за женой приданое – село Новое и две деревеньки с 80 душами мужского пола в Кашинском уезде тогдашней Московской губернии. Как безземельный дворянин он цепко ухватился за возможность создать «родовое гнездо». Получив в полку отпуск, он поехал в Новое, прожил там год и решил создать «идеальное имение». Для достижения этой цели он составил подробнейшее руководство по, условно говоря, «боевой и политической подготовке» крепостной деревни XVIII в., неуклонное следование которому должно было привести имение в необходимый порядок.

Хотя я, понятно, был знаком с крепостными инструкциями как видом массовых источников, лично для меня этот текст стал одним из тех, которые позволяют сразу «отвоевать» большое пространство в понимании того или иного исторического феномена. В некотором роде это готовый сценарий документального фильма о крепостном праве.

Е. Б. Смилянская пишет: «Т. П. Текутьев с его выучкой полкового секретаря и верой в возможность добиться “регулярства” посредством детальных “артикулов” отдал дань наивной вере людей петровской и послепетровской поры в неограниченные силы человека разумного, возводящего «по чертежам» на “разумных началах” свой дом, государство, общество. Как Петр Великий по законам часового механизма стремился построить Империю, так по этим же законам Т. П. Текутьев, казалось бы, вознамерился в 1754 г. создать свое “дворянское гнездо”»³⁹.

Текутьев написал своего рода сельскохозяйственный регламент в петровском стиле, в котором последовательно и подробно описывается вся годовая хозяйственная жизнь имения – от проведения первой весенней борозды до осенне-зимней кампании засолки рыбы и овощей, изготовления разнообразных припасов и доставки продуктов барину в Петербург.

Из его инструкции мы узнаем множество вещей – о том, например, когда и как надо пахать землю под яровое и озимое, как разводить скот, птицу и пчел, как растить и обрабатывать лен, как бороться с вредителями, как устраивать мельницы и винокурни, как производить ткани, чем лечиться от хворостей,

как готовить постные и скромные блюда. К этому прилагается множество рецептов различных настоек, мыла, различных «конфетов» и солений и т.д. и т.п. Все – в деталях; некоторые рецепты, по моим личным наблюдениям, не устарели и сегодня. Только основная часть текста расписана на 320 пунктов. Смилянская считает, что в стремлении просчитать заранее каждую мелочь в хозяйстве Текутьев «превзошел, кажется, всех своих современников, бравшихся за перо для составления наказов управляющим».

Однако достичь поставленной цели Текутьеву было совсем непросто. Ведь приведенные выше мрачные строки – это объяснение им причин, по которым написана инструкция.

То есть в условиях задачи даны «злые и коварные люди», которых «разумный и добросовестный господин» должен привести в «доброй порядок».

А каким образом он может это сделать, если они явно не в восторге от такой перспективы?

Ответ очевиден – насилием.

Текутьев, бесспорно, был стихийным «системщиком», «логистом». Как военный человек он детально проанализировал все аспекты функционирования имения, разобрал его до «винтиков», определил уязвимые точки системы и способы их защиты, описал возможные вредные (негативные) варианты поведения крестьян в типичных хозяйственных и бытовых ситуациях и методы борьбы с ними.

Словом, он спланировал приведение имения в *свой* порядок как некую военную операцию по захвату и удержанию враждебной территории; источник порукой тому, что я не преувеличиваю.

Барин кажется тут не столько хозяином, сколько оккупантом, которого покоренное население, естественно, старается обмануть, точнее, обжулить, всегда и во всем, в любой мелочи, везде, где можно и где нельзя, и работать на которого, понятное дело, не очень-то рвется.

Помещик, судя по тексту, перманентно находится одновременно и в разведке, и в карауле, точнее, во всех видах дозора (ночного, дневного, сумеречного и т.д.), попутно выполняя обязанности комендантского взвода. Расслабиться с этим сборищем ужасно суеверных пьяниц, анархистов и безбожников, людей без «верности и чистой совести», но притом чемпионов по лени, воровству и обману, он не может.

А они, судя по тексту, в свою очередь готовы сделать хозяину гадости в любой точке подвластного ему пространства и кое в чем напоминают доведенного старшиной солдата в казарме, который начинает «играть с огнем», испытывая зыбкую грань между терпением начальства и своим неожиданно обретенным куражом.

Из текста сама собой возникает картина постоянной изнурительной борьбы, которая ведется даже не то, чтобы по плану, осознанно, а именно, что неосознанно, рефлексивно, по крайней мере со стороны крестьян.

При чтении инструкции с ее навязчивыми рефренами «жестоко сечь», «сверх того высечь нещадно», «жестоко наказывать», «без милости сечь» сразу вспоминается постоянный припев Соборного Уложения 1649 г. «казнити смертью бес пощады».

Перечисление поводов для наказания может утомить. Кажется, не остается ни одной сферы, кроме сугубо интимных, где бы человек не рисковал быть выпоротым. В тексте упоминается более 30 прямых поводов для телесных наказаний.

У Текутьева секли тех, кто работал в праздники, кто пропускал пост (это помимо штрафа), кто «при высылке на работу явитца в чем неисправен» и кто испортит межу, кто оставит покос до осени, кто плохо будет сушить хлеб, кого увидят со льном где-нибудь, кроме овинов, кто потравит посевы или порубит лес (а также и тех, кто не донесет об этом), кто по оплошности сожжет овин с хлебом, тех, кто съест или продаст семена, выданные для посева, попадет на воровстве леса и дров, кто нарушит противопожарную безопасность, кто засорит пруд, кто пойман на воровстве.

Кроме того, крестьян пороли за симуляцию болезней и членовредительство, за плохое поведение в чужой деревне, за хождение незванным в гости в другие деревни, «где пиво варено», за шинкарство (продажу алкоголя), за отдачу земли посторонним внайм, за плохой уход за своими лошадьми, за чрезмерное употребление пива и т.д.

Кажется, в этом мире безнаказанно можно было только дышать.

И так – всю жизнь – изо дня в день...

При этом ясно, что наличие десятков «узаконенных» поводов для порки на деле расширяло их число до бесконечности. Ведь в подобных случаях масштабы насилия спонтанного, «беззаконного», неизбежного при отсутствии контроля, как правило, зашкаливают.

Словом, «Инструкция» Текутьева – документ большой силы.

Он страшен своей будничностью, бесстрастной констатацией повседневного бытового бесчеловечия как чего-то абсолютно естественного – в роде восхода или заката солнца, когда насилие регламентирует каждое почти движение и действие (или отсутствие такового) крестьян. Насилие необходимо этой системе, как кислород необходим человеку для дыхания.

Это, конечно, не отчет об инспекции ГУЛАГа, но у каждого места и времени свой порог ужаса.

Барин, например, требует, чтобы «люди, крестьяня и их дети, никто сам собою и чрез посторонних никакова над собою... повреждения рублением у рук и ног палцов, порченьем глаз, рванием зубов, животных и протчих на-

ружных болезни, опасаясь душепагубного греха и по указом государевым наказания*, не делали»⁴⁰. Нарушителей после выяснения всех обстоятельств дела (зачем, почему, кто надоумил?) надо «сечь без милости», а возможных пособников – после порки сдавать в канцелярию для суда.

Не надо иметь воображение Джонатана Свифта или Айзека Азимова, чтобы вообразить мир, который регулируется этой инструкцией, поставить себя на место людей, которые его населяют, и представить жизнь, которую они ведут и при которой отрубленные пальцы и прочее членовредительство является обыденностью.

В некотором смысле этот текст – своего рода вариант архаичной антиутопии с огромным потенциалом зла.

Я не отношусь к историкам, исповедующим «классовый подход», однако лично мне после чтения этой инструкции захотелось не просто написать «Манифест Коммунистической партии», а прямо бежать к Емельяну Пугачеву, до явления которого, впрочем, оставалось еще 18 лет.

Но, может быть, Текутьев излишне строг?

Увы, нет.

Примерно в те же годы один из интереснейших людей своего времени, знаменитый Андрей Тимофеевич Болотов (1738–1833), вступил в управление купленной Екатериной II Киясовской волостью в Серпуховском уезде.

Болотов, разносторонняя натура, ботаник и лесовод, один из зачинателей отечественной агрономии (во многом благодаря ему картофель и помидоры были признаны в России), писатель-моралист был совсем другим человеком, нежели Текутьев,

Однако и он вынужден был действовать схожим образом, чтобы унять воров, хотя ему это было в высшей степени неприятно: «Господи! Как было мне тогда досадно... **Будучи от природы совсем не жестокосердным, а, напротив**

---

* 23 октября 1732 последовал именной указ Анны Ивановны – «О чинении жестокого наказания тем, кои для избежания от рекрутства, лишат себя какого либо члена, или нанесут себе другое какое увечье». Он гласит: «Понеже донесено Нам от нашего правительствующего Сената, что являются рекруты, которые не хотя служить, самим секут у себя пальцы и другие члены, и ранами уязвляют, умысля воровски, чтоб их в службу не определяли, или б и определенных оставляли, и когда оные таким умышлением от службы свободу себе получают, то подают причину другим такой же над собою вред чинить. Того ради указали Мы для пресечения оного воровства в народ сим нашим указом публиковать: ежели кто в рекруты будет назначен, а не похотя быть в Нашей службе, отсечет сам себе у руки пальцы, или иной член, или другую какую раню себя уязвит: таким, хотя б он определенными наборщиками принят был, или б еще и не принят, чинить жестокое наказание, а именно: которые и ружьем владеть могу, таких гонять спицрутен по три раза и писать в солдаты; а которые ружьем владеть от тех ран не могут, тех, с таким же наказанием, писать в извощики; а которые явятся в солдатах и в извощиках быть негодны тех бить кнутом нещадно и ссылат в Сибирь на вечное житье на заводы, а помещикам зачитать их в рекруты (ПСЗ, т. 8 5632. С. 330–331).

того, такого душевного расположения, что не хотел бы никого оскорбить и словом, а не только делом, и, не находя в наказаниях никогда ни малейшей для себя утехи и видев тогда сущую необходимость оказывать жестокости и с сими бездельниками для унятия их от злодейств драться, терзался я от того досадою и неудовольствием».

В конечном счете он прекратил воровство, завоевал авторитет у крестьян, но нельзя сказать, чтобы это досталось ему малой ценой. Гуманизм Болотова бесспорен, однако особого выбора у него не было. Разве что отказаться от должности.

Обе коллизии важны и в более широком контексте. Историк А. Г. Тимофеев писал: «Возлагая надежды на страх и жесточь, Петр Великий упустил из виду, что Москва дошла в этом направлении почти до пределов возможного, что русские люди успели уже привыкнуть к самым страшным угрозам, что боязнь кнута или казни перевешивалась чрезмерной тягостью существования низших сословий, требованиями рекрутчины или фанатизмом»⁴¹.

Иными словами, многовековая повседневность русской истории была настолько страшной, что телесные наказания стали просто рутинной и поддержания элементарного порядка без них было невозможно. Если любой даже самый мелкий командир, начальник, руководитель игнорировал данное обстоятельство, его просто не воспринимали в этом качестве. Он считался слабаком – со всеми вытекающими для дисциплины последствиями, неважно, в имени или в батальоне.

Нам сегодня это очень трудно представить, поскольку стандарты восприятия насилия очень сильно изменились, несмотря на то, что XX век дал примеры такого одичания человечества и такого запредельного зверства, которых История не знала.

Вернемся, однако, к Текутьеву.

Любопытно, что, судя по тексту, он – определенно не худший из людей, он явно неглуп, начитан, богобоязнен и имеет принципы. А Смилянская считает, что он и не худший из помещиков: «Текутьев не был ни самодуром, ни жестоким крепостником». Действительно, его инструкция в репрессивной части не выходит за рамки других документов такого рода.

Просто таковы нормативы времени и места – без насилия эта система не работала.

Если попытаться обобщить вышесказанное, то совершенно очевидно, что предшествующая история России оставила такое наследство, что иные взаимоотношения между бариним и крестьянами должны были быть, скорее, исключением.

За этой «закоренелостью» крестьянства в своих «пороках», бесспорно, стоит давность, чувствуется вполне устоявшаяся система. За нею, вновь вспоминая Г. И. Успенского, – 14 томов С. М. Соловьева из 26. Обе стороны

примерно знают, чего они могут ждать друг от друга, и ведут себя соответственно.

Говорят, в свое время Лжедмитрий I спрашивал москвичей о том, почему они такие злые, и в ответ слышал примерно следующее – «будешь тут злым, после опричнины-то!».

И это отчасти позволяет ответить на остающийся за рамками текста Текутьева вопрос о том, почему эти люди, его крестьяне, такие «злые и коварные».

В одном из пунктов инструкции читаем: «Что принадлежит до поборов и оброков с крестьян и людей, то сверх положенного излишняго отнюдь не брать, **ибо они от излишности ослабевают, в леность и жестокосердие обращаютца и никаких страхов и бою не чувствуют, великия злобы и вред господину вымышляют**»⁴².

Это очень важное мнение.

В любом состоянии, в том числе и в беспросветной жизни, которую вело большинство крепостных, всегда есть градации и, следовательно, всегда есть уровень как бы привычно-приемлемой тяжести. Его отягощение, «излишность» выключает механизмы самозащиты и включают протест – на уровне первой сигнальной системы.

А в жизни русского крестьянства за предшествующие века, несомненно, было слишком много «излишности», т.е. несправедливости, насилия, притеснений и обид, которые ожесточали сердце и в совокупности параллельно порождали равнодушие (при таком существовании однажды всё становится безразлично), а вместе с тем и «леность» как один из способов защиты от несправедливого окружающего мира.

Я говорю, в числе прочего, и о масштабном государственном насилии в виде мобилизаций «даточных людей» Алексеем Михайловичем на войну с Польшей, в виде «великих строек» необъявленных петровских пятилеток, рекрутчины и т.д.

Инструкция делает понятнее тезис о том, что крестьяне, шире – народ, были расходным материалом «цивилизации Петра I». Например, за 1699–1714 г. было мобилизовано свыше 330 тыс. даточных людей и рекрут,⁴³ т.е. 5,92% мужчин даже относительно 5570 тыс. душ мужского пола, зафиксированных 1-й ревизией (1718–1724 г.) Это примерно соответствует четырем с небольшим миллионам мужчин в наши дни.

Итак, Текутьев не был исключением, и его «дисциплинарная практика» никак не отклоняется в худшую сторону от других известных нам образцов. Но все подобные инструкции – это руководства по дрессировке, и отнюдь не морских львов. Дрессировщики людей, как это бывает при общении с опасными животными, иногда плохо кончают.

Говоря о том, что Текутьев видел залог исполнения своей программы в «мелочном надзоре и насилии», Смилянская весьма изящно завершает эту тему: «Трудно сказать, были ли действительны эти меры. Но в некотором смысле ответ на этот вопрос содержится в записи на обороте последнего листа Инструкции Текутьева, сделанной уже в начале XIX в.: «Сия книга принадлежит села Арпачева дьячку Алексею Андреянову, подаренная ему помещиком Павлом Петровичем Львовым владеть и пользоваться сим вышеписанным примечанием. Убит Павел Петрович своим крестьянином 1813 года сентября 6 дня»⁴⁴.

Другими словами, известный афоризм мадам де Сталь – «форма правления в России – это самодержавие, ограниченное удавкой», был универсальным и относился не только к носителям высшей власти, но и к мини-самодержцам, т.е. помещикам.

Инструкция Текутьева ставит еще одну из первостепенных для понимания нашей истории проблем.

Он постоянно упрекает крестьян в том, что они не хотят «верно» исполнять «свою должность», т.е. делать все то, что барин требует и что, по его мнению, выгодно для них самих. Помещик, в частности, видит пользу для крестьян в достижении ими некоторой степени зажиточности, он хочет, чтобы они были уверены в завтрашнем дне, однако они просто не думают об этом.

Почему?

Почему крестьяне всегда не согласны с господином, почему они все время сопротивляются ему?

Из многих «потому, что» назову два.

Во-первых, между ними давно, очень давно нет доверия, если оно и было когда-то.

Во-вторых, понятия выгоды и целесообразности у помещика и его крестьян не совпадают – они исповедуют разные системы ценностей, вытекающие из различия их положения и уровня культуры*.

Ведь Текутьев мыслит рационально, а крестьяне – как правило, мифологически.

И поскольку крестьяне не понимают своей пользы, то барин должен о ней заботиться сам, даже вопреки их желанию.

Точно так же рассуждал Петр I в знаменитом указе Мануфактур-коллегии 1723 г.: «Что мало охотников (заводить предприятия – М. Д.) и то правда, понеже наш народ, яко дети, неучения ради, которые никогда за азбуку не примутся, когда от мастера не приневолены бывают, которым сперва досадно кажется, но когда выучатся, потом благодарят, что явно из всех нынешних

---

* Л. Н. Толстой сообразно своим взглядам 1860-х гг., проиллюстрировал этот сюжет одним абзацем о том, как Николай Ростов «учился у мужиков и приемам, и речам, и суждениям о том, что хорошо и что дурно». (*Толстой Л. Н. ПСС. Т. 12. М.: ГИХЛ. 1940. С. 255*).

дел не все ль неволею сделано и уже за многое благодарение слышится, от чего уже плод произошел»⁴⁵.

Дилемма, что и говорить, непростая. С одной стороны, насилие, а с другой, насилие во благо, которое приносит хорошие плоды.

Но как установить грань?

И кто будет ее устанавливать?

А нужно ли вообще «насилие во благо»?

Вечная проблема...

Подводя промежуточные итоги, замечу, что село Новое с полутора сотней жителей – одно из десятков тысяч крепостных селений.

Это крошечный фрагмент громадной панорамы, но, как мы видим, его легко расширить до масштабов страны и получить некоторое, хотя и упрощенное, представление о строе российской жизни, о российской системе управления в целом.

Нетрудно протянуть пунктир от Петра I к продолжателю его дела на микроуровне капитану Текутьеву – с понятной поправкой на масштаб. В «сопоставимых ценах» Россия сопротивлялась Петру I так же, как деревня Новая сопротивлялась капитану Текутьеву.

Не суть важно, сумел он полностью внедрить задуманное или не сумел. Важно, что так было возможно ставить вопрос. Конечно, в похожем режиме жили не все 100% крепостных деревень, – но множество, несомненно, жило.

Важно и то, как вели себя крестьяне в столкновении с жизнью, в которую их загнала Судьба.

Важно, что такой дикий и жестокий мир – со всей этой **ежедневной борьбой всех против всех** (потому что крестьяне воюют не только с помещиком, но и друг с другом), с разветвленной системой насилия, со всеми каверзами, подвохами, уловками и хитростями, которые Текутьев изучил и описал, не только мог существовать, но и существовал, чему есть множество подтверждений,

«Мы знаем, что далеко не все помещики злоупотребляли своими правами и своей фактической силой над подвластными им людьми. Что кровавые эпизоды из печальной истории крепостного права – людоедство Салтычихи при Екатерине II, кровавые похождения помещиков Орлова, Побединского и Каннабиха при Александре I, или свирепости поручика Карцова и развратные поступки тайного советника Жадовского при Николае I и мн.др. тому подобные не могут быть вменены целому сословию, хотя историк крепостного права и не должен забывать о них...

Злоупотребления власти помещиков над крепостными ...не всегда они происходили и от преднамеренной злой воли помещика, или дурных его качеств. Злоупотребления эти в большинстве случаев были неизбежными

последствиями самой сущности крепостного права, неопределенности и неточности регулировавших его законов. Обусловливались они также общим духом времени – **езде** царствовавшими насилием и произволом, низким уровнем образования дворянства, при котором немислима высокая степень развития нравственного»⁴⁶.

Понимать причины событий – очень важно, но не менее важно осознавать, что наш народ вырос в именно в такой школе, и историческая «коррозия» слабо влияет на плоды подобного просвещения.

Что такое социальный расизм?

Должен признаться, что в свое время я далеко не сразу свылся с тем, что лучшие люди России эпохи Екатерины II и Александра I были **искренне** убеждены в неготовности крепостных к немедленному освобождению.

Несомненно, «классовая» корысть имела место, но было и твердое убеждение в том, что весь комплекс житейских навыков и привычек крестьянства, вся система осмысления ими окружающего мира не позволят им хоть сколько-нибудь сносно жить без власти помещика, без его руководства и управления.

Помогла и знаменитая беседа кн. Е. Р. Дашковой с Дидро, где она уподобила получившего свободу крепостного с положением внезапно прозревшего на скале посреди моря слепого человека, который до этого не знал об опасностях окружающего мира.

Убедителен был и Карамзин, который в 1811 г., рассуждая о перспективах эмансипации, в частности, отметил: «Освобожденные от надзора господ, имевших собственную земскую исправу, или полицию, гораздо деятельнейшую всех земских судов, станут пьянствовать, злодействовать, – какая богатая жатва для кабаков и мздоимных исправников, но как худо для нравов и государственной безопасности!

Одним словом, теперь дворяне, рассеянные по всему государству, действуют монарху в хранении тишины и благоустройства: отняв у них сию власть блюстительную, он, как Атлас, возьмет себе Россию на рамена – удержит ли?.. Падение страшно.

...Не знаю, хорошо ли сделал Годунов, отняв у крестьян свободу, но знаю, что теперь им неудобно воззратить оную. Тогда они имели навык людей вольных, ныне имеют навык рабов; мне кажется, что для твердости бытия государственного безопаснее поработить людей, нежели **дать им не вовремя свободу**, к которой надобно готовить человека исправлением нравственным»⁴⁷.

Впечатлили и слова Смоленского губернского предводителя дворянства кн. Друцкого-Соколинского, писавшего в 1849 г. Николаю I, что договорные отношения помещиков с крестьянами едва ли возможны из-за «низкого нравственного и умственного состояния народа, не имеющего понятия о свободе в смысле гражданском, а понимающего ее как **вольность**, в смысле естественного права, – народа, не признающего, что земля есть собственность помещиков или даже общая их с помещиками, но убежденного, что земля есть Божья; убеждения такие грозят гибелью государству»⁴⁸.

Все эти мысли, а также приведенные выше «9 пунктов Текутьева», ясно показывают, что дворянство воспринимает крестьян как представителей какого-то другого, низшего вида Homo sapiens (слова «неандертальцы» тогда не было), **никоим образом не равного им**.

И этот феномен следует назвать **социальным расизмом**.

Он, конечно, имел место не только в России: «Восприятие народа как духовно нищего, характерное для Екатерины и наиболее образованных представителей ее окружения, отнюдь не было чисто русским явлением, но своего рода общим местом Просвещения. Как отмечает современный исследователь, язык, которым просветители пользовались при разговоре о простом народе, был часто тем же, каким пользовались при разговоре о животных и детях. Считалось, что, как дети, простой народ нуждается в руководстве и контроле, и даже его просвещение, образование возможны лишь до определенных пределов»⁴⁹.

Русские дворяне многократно варьировали мысль Руссо о том, что сначала нужно освободить души рабов, а уже потом их тела (например, те же Дашкова и Карамзин). Это, в сущности, лучше всего говорит об интернациональном характере подобных идей.

Однако разница с Европой была очевидна – далеко не во всех странах у дворянства был такой объем власти над крепостными, как в России, что априори увеличивало социальное расстояние между ними и, соответственно, объем социально-психологического «презрения».

Впрочем, не будем забывать, что у нас было множество мелкопоместных дворян, которые и сами рядом со своими мужиками землю пахали (чего не было в Европе) и по образу жизни не слишком от них отличались – вспомним хотя бы финал «Капитанской дочки». И я пока не готов ответить на вопрос, в какой мере они разделяли чувства Текутьева в отношении крестьян.

Тем не менее, очевидно, что социальный расизм был оборотной стороной крепостного права и, в частности, стимулировал его постоянное самовоспроизводство. Ведь каждый вышестоящий, как мы знаем, считал себя важнее тех, кто был ниже. Бывало, что старший конюх мог пороть конюхов, а дворецкий – подчиненных ему слуг⁵⁰.

Контекст этой проблематики делает понятнее известная мысль Екатерины II о том, что русские дворяне с детства получают уроки жестокого обращения с крестьянами. «Едва посмеешь сказать, что они такие же люди, как мы, и даже когда я сама это говорю, я рискую тем, что в меня станут бросать камнями; чего я только не выстрадала от такого безрассудного и жестокого общества, когда в комиссии для составления нового Уложения стали обсуждать некоторые вопросы, относящиеся к этому предмету»⁵¹.

Поначалу императрица, безусловно, рассчитывала на то, что ей удастся хоть как-то смягчить положение крепостных. Однако быстро выяснилось, что крепостных – вслед за «невежественными дворянами», которых оказалось куда больше, чем она могла предположить, – хотят иметь и купцы, и казаки, и духовенство: «Послышался... дружный и страшно печальный крик: “Рабов!”»⁵².

Вот как это объясняет С. М. Соловьев: «Такое решение вопроса о крепостном состоянии выборными русской земли в половине прошлого века происходило от неразвитости нравственной, политической и экономической.

Владеть людьми, иметь рабов считалось высшим правом, считалось царственным положением, искупавшим всякие другие политические и общественные неудобства, правом, которым потому не хотелось делиться со многими и, таким образом, ронять его цену. Право было так драгоценно, положение так почетно и выгодно, что и лучшие люди закрывали глаза на страшные злоупотребления, которые естественно и необходимо истекали из этого права и положения»⁵³.

Конечно, объяснять участникам Комиссии 1767 г., что крепостничество – это стыдно, было бессмысленно.

Далее Соловьев пунктиром отмечает долгий и очень сложный путь преодоления этих взглядов: «Представления, которые должны были мало-помалу подорвать ценность этого права и положения в глазах лучших людей, только еще начинали, и очень слабо начинали, проникать в общество; то было представление научное о государстве, о высшей власти и отношении ее к подданным, отношении, не похожем на отношение помещика к крепостным и отнимавшем у последнего царственный колорит; потом представление о рабстве как печати варварского общества, представление, оскорбительное для людей, имеющих притязания на образованность; **представление о народности, о чести и славе народной, состоящих не в том, чтоб всех бить и угнетать, а в содействии тому, чтобы как можно меньше били и угнетали.**

Чтобы все эти представления, усиливаемые все более и более европейскою жизнью народов, сообща и распространением просвещения мало-помалу подкопали представление о высоте права владеть рабами, для этого нужно было пройти еще веку»⁵⁴.

Напомню, что Россия считалась варварской страной в том числе и потому, что в странах Запада рабами могли быть представители другой расы, но никак не белые люди.

Положение защитников крепостнического статус-кво было непростым. После Полтавы Россия вступила в Европу – нравилось это последней или нет (конечно, не нравилось). Понятно, что лучшим представителям элиты, в том числе Екатерине II, не хотелось быть там на положении Чингиз-хана или Сулеймана Великолепного, притом, что большинство дворян было вполне довольны именно таким положением, находя в этом своеобразное удовольствие. Оно даже и не подозревало о существовании Монтескье и «главного русофоба» Руссо и прекрасно себя чувствовало в качестве полноценных владельцев себе подобными.

Однако для людей, владевших пером, опровержение обвинений европейцев в «варварстве» стало очень важной задачей.

Основная линия защиты состояла в том, что самодержавие объявлялось особой формой монархии, большая сила и жесткость которой определялась громадными размерами страны; ведь и Монтескье считал, что чем больше территория, тем сильнее должна быть центральная власть.

Крепостничество также трактовалось как особенность России, в которой иностранцы в силу незнакомства с нашей спецификой понять ничего не могли, притом, что благосостояние «вольных» земледельцев Европы считалось худшим, нежели русских.

Шли годы. За последнюю треть XVIII в. человечество на Западе прожило не одну жизнь. Началось крушение Старого Мира – революции в Америке, а затем Великая Французская начали отсчет современности.

Со времен Уложенной Комиссии многое изменилось и в России. Она пережила Пугачева, две войны с Турцией, поучаствовала в трех разделах Польши, раздвинула свои границы и после Итальянского и Швейцарского походов с точки зрения внешнего могущества находилась, условно говоря, на пике имени А. В. Суворова.

В 1801 г. на престол вступил новый император. Его отец и дед были убиты, называя вещи своими именами, собственной дворней, пусть и свободной юридически. Александр I искренне желал – по крайней мере поначалу – ограничить свое самодержавие и изменить положение крепостных крестьян.

Тем самым борьба с «клеветниками России» обрела не просто актуальность, но прямую злободневность, поскольку теперь с ними неявно солидаризовалась верховная власть.

И вот в 1803 г., через несколько месяцев после закона о вольных хлебопашцах, по которому помещики получили право освобождать крестьян с землей за выкуп, Карамзин публикует свое «Письмо сельского жителя».

Это – одна из первых печатных деклараций зарождающегося русского консерватизма, которая, собственно говоря, и появилась именно тогда, когда возникла потребность «консервировать» самое необходимое из нужного – крепостное право.

Какое чтение!

Как за полвека изменился русский язык – при том, что слово «русский» еще пишется с одним «с»!

Карамзин поступает квалифицированно и остроумно – он создает то, что сейчас в науке именуется имитационной контрфактической моделью.

То есть он исходит из допущения, что планируемые Александром I реформы уже проведены, и описывает ситуацию, которая должна стать их результатом.

Рассказчик (повествование идет от первого лица), не дожидаясь «повеления свыше», несколько лет назад сразу дал своим крестьянам чуть ли не полную вольность, и вот что из этого вышло.

«Я вырос там, где живу ныне. Путешествие и служба совершенно раззнакомили меня с деревнею; однакож сделавшись рано господином изрядного имения, и будучи, смею сказать, напитан духом филантропических авторов, то есть, ненавистию ко злоупотреблениям власти, я желал быть заочно благодетелем поселян моих: отдал им всю землю, довольствовался самым умеренным оброком, не хотел иметь в деревне ни управителя, ни прикащика, которые нередко бывают хуже самых худых господ, и с удовольствием искреннего человеколюбия написал к крестьянам: «Добрые земледельцы! Сами изберите себе начальника для порядка, живите мирно, будьте трудолюбивы и считайте меня своим заступником во всяком притеснении»⁵⁵.

Возвращаясь после долгого отсутствия «к пенатам родины» (первое слово тогда писалось с большой буквы, а второе – с маленькой!), автор-филантроп был убежден, что найдет «деревню свою в цветущем состоянии; как поэт воображал богатые нивы, пажити, полные житницы, избыток, благоденствие, и сочинял уже в голове своей письмо к какому-нибудь русскому журналисту о щастливых плодах свободы», которую он дал крестьянам.

Вместо этого он увидел «бедность, поля весьма дурно обработанные, житницы пустые, хижины гниющие...». Старики, которых он помнил «еще с ребячества», открыли ему причину этих метаморфоз.

Отец героя жил в деревне и сам следил за тем, чтобы не только его, но и крестьянские поля хорошо обрабатывались. Урожаи поэтому были выше, чем у многих соседей, барин богател, а крестьяне не беднели.

А та «воля», которую «филантроп» дал последним, «обратилась для них в величайшее зло: то есть, в волю лениться и предаваться гнусному пороку пьянства». Из-за неумеренного «служения» в «храмах русского неопрятного

Бахуса», т.е. в кабаках, будни у них превратились в праздники и они теперь могут повсеместно «избавляться от денег, ума и здоровья... ибо в редкой деревне нет питейного дома»⁵⁶.

После этой минорной интродукции разворачивается описание торжества политэкономии сентиментального крепостничества, имеющего, что характерно, все признаки советского «производственного» фильма, вроде «Кубанских казаков»: «Я возобновил господскую пашню, сделался самым усердным экономом, начал входить во все подробности, наделил бедных всем нужным для хозяйства, объявил войну ленивым, но войну не кровопролитную (интересно – а какую? – М. Д.); вместе с ними, на полях, встречал и провожал солнце; хотел, чтобы и они и для себя так же старательно трудились, вовремя пахали и сеяли; требовал от них строгого отчета и в нерабочих днях; перестроил всю деревню самым удобным образом; ввел по возможности опрятность, чистоту в избах, не столько приятную для глаз, сколько нужную для сохранения жизни и здоровья».

В результате «и друзья земледелия и друзья человечества могут с удовольствием взглянуть на мои поля, село и жителей его»⁵⁷.

Разумеется, в полном соответствии с жанром, его деревня, подобно колхозу из фильма «Трактористы», приходит к изобилию и процветанию – все благодарны ему за трезвый образ жизни, получаемое от работы удовольствие, обретение «зажиточности» и т.д.

В письме присутствуют также и другие атрибуты пасторального текста – школа, достойный священник, аптека, в которой они вдвоем «творят чудеса», сад, парк, сельские праздники у господина, который лично выкопал у проезжей дороги колодец, обложил его белым камнем и, лежа на дерновом канаве, с удовольствием глядит, как люди «пьют *его* воду»...

Словом, нищая деревня превращается в миниатюрную Аркадию.

Модель построена.

Автор дал крестьянам возможность жить свободно, без господского надзора, без барщины, де-факто воплотив то, к чему призывают иностранцы и чего хочет новый император, – и ошибся. Деревня пришла в упадок, и исправить положение смогло только возвращение к старому привычному модусу отношений барина с крестьянами.

Одержанная победа позволяет автору оценить как мнения иностранцев о России, так и планы Александра I относительно изменения положения крестьян, в которых он видит стремление соответствовать чужим стандартам и угодить Европе.

Эти планы исходят из тезиса об идентичности русских и европейцев. А это в корне неверная посылка: «Иностранные глубокомысленные полити-

ки, говоря о России, знают все, кроме России. Я рассуждал так же в городском кабинете своем, но в деревне переменял мысли»⁵⁸.

Карамзин не входит в детали своего знания России, однако кое-какими сведениями делится. Как и капитан Текутьев, автор – антирусоист.

Иностранцы относят «беспечную леность» русского крестьянина на счет «так называемого рабства» – кому захочется усердно работать, если помещик всегда может отнять имущество?

Однако крестьянам «такая философия» неизвестна – «они ленивы от природы, от навыка, от незнания выгод трудолюбия».

Самостоятельно преодолеть эту природную лень они не в состоянии, помочь им сделать это и тем самым **заставить понять собственную пользу** может лишь помещик: «Один опыт мог уверить их в щастии трудолюбия. Принудьте злого делать добро: отвечаю, что он скоро полюбит его. Заставьте ленивого работать: он скоро удивится своей прежней ненависти к трудам...»

Он требует от них работы, но только такой, «для которой человек создан, и которая нужна для самого их щастия». Они ленились, пьянствовали и жили в бедности, а теперь «работают весело, пьют только в гостях у своего помещика и не знают нужды.

Сверх того обхождение мое с ними показывает им, что я считаю их людьми и братьями по человечеству и Христианству... Нет, не могу сомневаться в любви их!

Это уверение, любезный друг, приятно душе моей; но еще гораздо приятнее, гораздо сладоутнее то уверение, что живу с истинною пользою для пяти сот человек, вверенных мне судьбою. Прискорбно жить с людьми, которые не хотят любить нас: всего же несноснее жить в свете бесполезно.

Главное право русского дворянина быть помещиком; главная должность его быть добрым помещиком; кто исполняет ее, тот служит отечеству как верный сын, тот служит монарху как верный подданный: ибо Александр желает щастия земледельцев»⁵⁹.

Итак, у Карамзина позиция очень петровская («Яко дети, неучения ради...»). Отвергая идею освобождения крепостных, Карамзин излагает обычные аргументы – то, что «вольные», т.е. государственные, крестьяне живут не лучше помещичьих, что господа отнюдь не такие звери, какими видят их иностранцы и т.д.

Да, перемены возможны, но в будущем: «время подвигает вперед разум народов, но тихо и медленно: беда законодателю облететь его!». Автор желает крестьянам **«единственно того, чтоб они имели добрых господ и средство просвещения, которое, однако, одно сделает все хорошее возможным»**.

Поэтому царский указ о деревенских школах – «исполинский шаг к вернейшему благоденствию поселян», потому что «они русские: следственно имеют много природного ума; но ум без знания есть сидень».

Он сам завел школу и начал учить крестьянских детей не только грамоте, но и «правилам сельской морали, и на досуге сочинил катихизис, самой простой и незатейливой, в котором объясняются **должности поселянина, необходимые для его счастья**»⁶⁰.

Нетрудно видеть, что «Письмо сельского жителя» – важный текст, но я коснусь лишь того, что имеет отношение к нашей теме.

«Письмо» – зримое свидетельство пути, который проделала русская культура за полвека. Не говоря о том, что в середине XVIII века просто некому было *так* писать по-русски, очевидно, что за это время заметно увеличилось число тех, кто со знанием дела могли оценить отсылки автора к «иностранным наблюдателям».

Текутьеву, откровенному, как честная кинохроника, и в голову не придет уверять кого-либо, что крестьяне ему братья, рассуждать о «должности поселянина» и «добротного помещика», и уж тем более он не станет оправдываться перед какими-то иностранцами.

Вместе с тем сходство между двумя текстами очевидно.

Карамзин касается тех же болевых точек хозяйства, что и Текутьев, – насколько это было возможно с учетом особенностей жанра – от удобрения до священника и шептунов с колдунами, и даже сам написал инструкцию – «катихизис»; при этом оба хотят иметь грамотных крепостных.

Я не обсуждаю меру правоты или заблуждений Текутьева и Карамзина.

Я констатирую прогресс нравов и русского языка при отсутствии радикальных перемен в восприятии крестьян. Время Александра I далеко ушло от эпохи Елизаветы в плане культуры, но не в отношении к «земледелцам».

Да, Карамзин завел школу. Да, он считает их «братьями по человечеству и христианству», насколько искренне – другой вопрос. Во всяком случае, от человека его калибра мы были вправе ожидать такого заявления. Вспомним, как Екатерина II сетовала на то, что окружающие не понимают ее, когда она говорит, что крестьяне «такие же люди, как мы».

Ясно, однако, что большинство дворян эту точку зрения не разделяло.

В нашем распоряжении есть любопытный документ той эпохи, нюансирующий проблему социального расизма.

Известный историк и правовед тайный советник П. В. Хавский (1771–1876), сын протоколиста Егорьевского земского суда («из обер-офицерских детей»), начавший службу подкopiистом того же суда, в конце жизни так описывал одно из самых главных событий своей биографии: «В 1802 году, декабря 31, на 19-м году моей жизни произведен был я из канцеляристов в

коллежские регистраторы, т. е. в первый офицерский чин 14-го класса по чиновному состоянию...

Радостное впечатление это осталось даже и теперь, при 83-х годах моей жизни. Указ прочитан мне в присутствии Земского суда; члены сего суда поздравляют; своя братия не офицеры поздравляли с именем Ваше благородие.

Шпага при бедре моем отцовская. Надобно было идти в Егорьевский собор к присяге, как теперь помню это было в праздничный день, и после обедни народ остановился слышать присягу.

По окончании присяги, народ дал дорогу новому офицеру. После сего кстати и некстати казался у всех высших добрых для меня помещиков, а более всех благодетелей моих городничего Якова Исаковича Ганнибала и исправника Федора Ивановича Демедема...

Итак, новый офицер везде принят был как свой брат дворянин.

Между прочим нельзя таить и той радости, что меня уже теперь нельзя наказывать по старому порядку палками, взять за волосы и таскать по канцелярии и потчивать пощечинами. Хотя старый обычай и исчезал. Кандалов и стула с цепью не было в заведении Земского суда.

Часто в разговорах между благородными дамами, особенно имеющих взрослых дочек, кусали меня вопросами: что я новый офицер еще не могу купить семьи людей и никого купленных крепостных людей иметь для услуги? Дай Бог Вам быть и настоящим дворянином.

В 1805-м году Декабря 31 получил чин губернского секретаря 12 класса государственной службы. Здесь по праву имени секретаря можно было покупать крестьян с землею, и я сделался помещиком Егорьевского уезда сельца Завражья, купив дворовых человек с землею»⁶¹.

Нет нужды комментировать этот текст – все предельно ясно.

Да, бывают моментальные фотографии из начала XIX в.!

Но какой концентрированный сгусток эмоций!

На скольких страницах среднестатистического романа удалось бы раскрыть описываемые здесь чувства?

Вернемся, однако, к той мысли Карамзина, которую дворянство в массе разделяло, – о том, что «дворяне, рассеянные по всему государству, содействуют монарху в хранении тишины и благоустройства», которую Николай I переформулировал в знаменитой фразе о том, что у него есть 100 тысяч бесплатных полицмейстеров, т.е. помещиков. Точно так же они и сами смотрели на себя.

Отчасти так и было.

18 февраля 1861 г. дворянство на правах собственности владело третью населения Российской империи. Де-факто это делало помещиков органами правительственной власти, поскольку освобождало государство от забот по управлению миллионами крепостных крестьян.

Поддерживая порядок у себя в поместьях, они действительно вкладывали свою лепту в сохранение оногo в масштабах страны. При этом возникла тенденция представлять крепостное право в виде некой сделки – правительство-де «вооружило» им помещиков, одновременно обязав их опекать крестьян, кормить при неурожаях, «обстраивать и защищать от всяких обид».

Так, «Земледельческий Журнал» в 1821 г. определяет помещика как **«наследственного чиновника**, которому верховная власть, дав землю для населения, вверила чрез то и попечение о людях населенных. Он есть природный покровитель сих людей, местный их судья, ходатай за них, попечитель о немимущих и сиротах, наставник в благом, наблюдатель за благоустройством и правами».

Еще яснее выразился в 1849 г. упоминавшийся выше Смоленский губернский предводитель: «В нашем обширном отечестве, более десятка миллионов народонаселения управляется своими помещиками под руководством законов. **Правительство не имеет с ними никаких прямых отношений**».

Помещики, соединяющие в себе административную, полицейскую и судебную власть, отвечают государству «за целость миллионов народа» и их имущества, причем это **«не стоит ничего ни правительству, ни народу** (! – помета Ю. Ф. Самарина – М. Д.)»⁶².

При этом де-факто тезис «крестьян нельзя освобождать, пока они не просвещены», в конкретных российских условиях дополнялся констатацией: «А поскольку они никогда не просвещены, то их никогда нельзя освобождать».

Ибо, несмотря на разговоры о школах, дворянство, за редкими исключениями, вроде графа М. С. Воронцова, ничего не делало для этого – и в большей мере сознательно.

Напомню, что Воронцов, командовавший в 1815–1818 гг. русским оккупационным корпусом во Франции, ввел там для солдат ланкастерские школы взаимного обучения. Опыт оказался успешным, школы стали входить в моду, и с ведома и одобрения Александра для солдат гвардейского корпуса была учреждена центральная школа, в которой обучалось до 250 человек. Организацией занимался Н. И. Греч, заведовал ею поначалу И. Г. Бурцев (член «Союза Благоденствия»). Греч вспоминает: «Учение продолжалось с удивительным успехом. В конце второго месяца солдаты, не знавшие дотолe ни аза, выучились читать с таблиц и по книгам; многие писали уже порядочно. **Нельзя вообразить прилежания, рвения, удовольствия, с каким они учились: пред ними разверзлся новый мир**».

Думаю, непросто найти лучшее описание приобщения взрослых людей, прошедших в прямом и переносном смысле огонь и воду, к грамоте, к единственному известному человечеству пути преодоления мифологического сознания.

В июле 1819 г. школу посетил император. Он присутствовал на экзамене и остался очень доволен. Об этом свидетельствовали не только щедрые награды организатору и учителям, но – и это главное – приказ об учреждении таких же школ во всех полках гвардии. Собирался их открыть во 2-й армии П. Д. Киселев, ставший весной 1819 г. начальником ее штаба.

Однако «Семеновская история» все изменила. Царь, которого никто так и не смог убедить в том, что возмущение семеновцев было спонтанной реакцией на притеснения полковника Шварца, сразу же вспомнил о школах для солдат и даже решил, что Греч замешан в возмущении. Пикантность ситуации состояла в том, что в Семеновском полку школы не было, она должна была открыться через несколько дней после восстания (о чем самое высокое начальство узнало не сразу). Но судьба солдатских школ в гвардии была решена.

Даже такой человек, как П. Д. Киселев, тогда начальник штаба 2-й армии, которому Пестель читал главы «Русской правды», писал: «По моему мнению, образование действительно полезно только для людей, призванных командовать другими; обязанные же повиноваться могут без него обойтись и даже слушаются лучше». Не менее красноречив и категоричный совет дежурного генерала Главного штаба А. А. Закревского Киселеву, сделанный в разгар следствия над солдатами-семеновцами: **«Школы заводи только на нужное число письменных людей и не распространяй на всю армию»**⁶³.

Эти мысли – ключ к пониманию многих российских проблем. Ибо, несмотря на вековые разговоры о непросвещенности русского народа, дворянство, повторяю, практически ничего не делало для того, чтобы изменить эту ситуацию.

Потому что неграмотными людьми управлять проще. До поры.

Показательный пример. Когда императрица Мария-Терезия начала вводить в Венгрии свой знаменитый Урбарий, серьезно смягчивший крепостное право, то на пути реформы, кроме противодействия чиновников и помещиков, возникло неожиданное препятствие: «Бедные, забытые крестьяне, привыкшие с тупым равнодушием относиться к своей судьбе, в течение долгого ряда поколений не видевшие ничего, кроме всяких притеснений и обид, никак не хотели понять истинной цели и смысла вводимых положений и с характерным в таких случаях упорством старались видеть тут желание как-нибудь еще ухудшить их и без того невозможное положение».

Тогда Мария-Терезия в 1770 г. издала указ об учреждении начальных училищ во всех деревнях. Финансировать эти школы должны были владевшие землями помещики и духовенство, поскольку, по ее мнению, именно они в первую очередь «воспользуются выгодами, проистекающими от просвещения народа»⁶⁴.

В России доминировали другие подходы.

В то же время восприятие проблемы народа постепенно лишалось одномерности. Анненков отмечает, что летом 1845 г. на знаменитых «посиделках» западников в Соколове впервые прозвучала мысль о необходимости изменения отношения к простому народу.

«Литература и образованные умы наши давно уже расстались с представлением народа как личности, определенной существовать без всяких гражданских прав и служить только чужим интересам, **но они не расстались с представлением народа как дикой массы, не имеющей никакой идеи и никогда ничего не думавшей про себя**».

В 1842–1843 гг., пишет Анненков, многие образованные люди еще исповедовали «тип горделивого, полубарского и полупедантического презрения к образу жизни и к измышлениям темного, работающего царства... Особенно бросался он в глаза у горячих энтузиастов и поборников учения о личной энергии, личной инициативе, которых они не усматривали в русском мире. Почасту отзывы их об этом мире смахивали на чванство выходца или разбогатевшего откупщика перед менее счастливыми товарищами.

Кичливость образованности омрачала иногда самые солидные умы в то время и была по преимуществу темной стороной нашего западничества... Привычка к высокомерному обращению с народом была так обща, что ею тронуты были даже и люди, оказавшиеся впоследствии самыми горячими адвокатами его интересов и прав»⁶⁵. Автор имеет в виду прежде всего К. Д. Кавелина.

По мнению Анненкова, очень важную роль в изменении отношения к народу и «его умственной жизни» сыграл «столь много осмеянный некогда славянофилами Тургенев. Первые его рассказы из «Записок охотника»... положили конец всякой возможности глумления над народными массами. Но почва для «Записок охотника» была уже подготовлена, и Тургенев выразил ясно и художественно сущность настроения, которое уже носилось, так сказать, в воздухе»⁶⁶.

Но, полагаю, Анненков несколько преувеличил.

К 1856 г. относятся следующие мысли Б. Н. Чичерина: **«Приколотить кого-нибудь считается знаком удалства, и нередко случается слышать, как этим хвастаются даже лица, принадлежащие к так называемому образованному классу. Вообще людей из низших сословий дворяне трактуют как животных совершенно другой породы, нежели они сами.**

Дворянская спесь, столь безрассудная и вредная для общественного быта, имеет корень в крепостном праве. Дворянин знает, что он дворянин, т.е. человек по своему рождению предназначенный жить чужой работой, – и потому он личный труд считает для себя бесчестьем.

В самом деле, каким образом мелкопоместный дворянин может снизойти на какое-нибудь коммерческое предприятие или работу, поставляющую

его в личную зависимость от другого, когда у него самого есть две, три души, обязанные служить ему всю жизнь, и которых он может безнаказанно сечь, сколько ему угодно?

Со своей стороны крестьянин, который и под вековым гнетом не потерял еще хороших своих качеств, сделался также ленив и беспечен, как барин, скрытен, лукав и лишен всякого понятия о нравственном своем достоинстве.

Без сомнения, крепостное право много содействовало тому, что чувство нравственного достоинства человека и гражданина исчезло у нас совершенно, а без него нет в человеке ни благородных стремлений, ни живой и энергической деятельности, ни чувства законности и справедливости»⁶⁷.

Несколько промежуточных выводов.

1. Крепостничество было очень сложным и многоплановым явлением, его конкретное наполнение, его тяжесть и уровень жестокости в огромной степени зависели от личности владельца, местоположения, размера имения и т.д. Однако тенденция к его «идиллизации», проявившаяся в последние годы, едва ли состоятельна.

Тяглое животное надо кормить, иначе оно не сможет работать. Разумные помещики это понимали. Разумными были не все.

Поэтому, какие бы яркие примеры, выводящие нас за рамки привычного негативного отношения к крепостному праву, ни приводились, они не могут отменить того, что жизнь большей части помещичьих крестьян так или иначе описывалась инструкциями, подобными текутьевской.

При этом тормозящее влияние крепостничества на жизнь страны хорошо доказывает история русской хлопчатобумажной промышленности, созданной крестьянами Шереметевых и немногих других помещиков с более высоким экономическим и нравственным интеллектом, чем у братьев по классу. Эта история дает представление о интеллектуальном потенциале русского народа, выведенного за привычные крепостнические рамки.

А какой была история русской текстильной промышленности без Шереметевых?

2. Система, безжалостная к дворянству, разумеется, была еще более жестокой и в отношении простого народа.

Освобождение Петром III и Екатериной II дворянства от обязательной службы царю и купечества от государственного тягла не повлекло за собой освобождения крестьян от службы помещику. Более того, крепостными стали малороссийские крестьяне, которые были до этого свободными, а сотни тысяч казенных крестьян было розданы дворянам.

Это вопиющая несправедливость положила начало открытой беззаконности крепостничества, что, конечно, вполне осознавалось самими крестьянами.

3. Усилившееся размежевание (расхождение) между дворянством и крестьянами – в том числе и культурное – породило феномен социального расизма.

Его отсчет, полагаю, начался задолго до Петра I, и появление его было неизбежно ввиду всеобщего закрепощения сословий, когда каждый вышестоящий, бесправный перед следующей «инстанцией», отыгрывался на тех, кто был ниже; в бесправии, разумеется, были и свои принцы, и свои нищие.

Социальный расизм на протяжении веков в громадной степени определял всю психологическую, эмоциональную атмосферу жизни страны вплоть до 1917 г.

Он, как мы знаем, не был уникально российским явлением. Однако на Западе буржуазно-демократические революции постепенно размывали его, потому что простые люди получали гражданские и политические права (как бы ни оценивать их реальную полноту), которыми учились и со временем научились пользоваться.

В России над якобы призрачностью этих прав много потешались и до, и после 1917 г. Позже выяснилось, однако, что это был смех сквозь слезы.

Раскулачивание в крепостную эпоху

После 1861 г. в народнических кругах была очень популярной идущая от славянофилов мысль о том, что русские крестьяне не знали частной собственности и поэтому не развращены чуждыми «нам» римскими представлениями о собственности, что очень полезно для грядущего социализма.

Это неверно.

Закрепленного в законе права собственности на землю у крестьян действительно не было (но его не было и у помещиков до 1782 г.) Однако владение, имеющее все атрибуты собственности, по факту было. Этого права крестьяне разных категорий лишались постепенно, по мере укрепления государства и усиления крепостничества.

Так, в XVI в. крестьяне, объединенные в общину, были свободными людьми, хотя и с низким социальным статусом. Они несли государственное тягло, но даже на владельческой земле вполне свободно распоряжались своей землей, не говоря о приобретенной.

Земли было много, и она получала ценность только тогда, когда к ней был приложен труд. Поэтому, если вы сами выкорчевали лес, распахали целину и т.д., то получали на нее права, близкие к правам собственника и могли передавать ее своим наследникам.

Конечно, тогда не было общинного землепользования и не было переделов. Селения, как правило, были очень невелики по размерам. Главным для общины была не земля, а тягло, повинности которые она несла.

После закрепощения крестьян в 1649 г. права общины уменьшаются, она все больше зависит от правительства и помещика. Крестьян начинают продавать и покупать – пока еще с землей, а затем и без земли.

Огромную роль в ликвидации крестьянской «собственности» на землю сыграло введение Петром I подушной подати, ставшее очень важным рубежом социальной политики Империи.

Обычно этой подати в учебнике уделяется один абзац, но нам необходим краткий экскурс в ее историю, который заодно прояснит, кто и как оплачивал величие Российской империи.

Уже в середине 1710-х гг. было ясно, что Петр I исполнил свою мечту – страна обрела армию европейского уровня, и ее сохранение в мирное время стало залогом будущего влияния России на дела континента.

Пока шла война, проблема содержания войска, в большой мере дислоцированного на чужой территории, решалась ситуативно.

Но кто и как будет оплачивать ее по окончании войны?

Выход царь нашел во введении подушной подати и расселении армии на «вечные квартиры» внутри страны. При распределении войск по полковым дистриктам исходили из того, что на содержание одного пехотного солдата требуется 32,5 податных души, а на конного – 51,25.

Одного солдата-пехотинца (при расходе на него 28,5 рубля в год) могли содержать 47 крестьян при подушной подати в 70 копеек, а кавалериста – 57 крестьян, так как расходы на него и его лошадь составляли 40 рублей в год⁶⁸.

Первоначальная цифра 74 коп. с души (заметьте, не 73 и не 75! В 1726 г. ее понизили до 70 коп.), была получена путем деления суммы содержания армии и флота на численность податного населения, для выяснения которой была устроена его перепись, в итоге получившая название 1-й ревизии. Государственные крестьяне доплачивали еще 40 коп. оброчной подати – в такую сумму государство оценило повинности крепостных в пользу помещика.

В. О. Ключевский в присущей ему стилистике так охарактеризовал введение подушной подати: «На современный взгляд может показаться странным придуманный Петром способ содержания армии. При расположенном к карикатуре воображении может возникнуть и возникал вопрос: **зачем народ, только что окончивший победоносно многолетнюю войну и ценой страшных жертв и усилий оттягавший у давнего врага восточный берег Балтийского моря, – зачем было подвергать его нашествию собственных его победоносных рекрутов**»⁶⁹.

Едва ли не в каждом внутреннем уезде были расквартированы регулярные полки. Легко представить, чем обернулись для крестьянства эти «вечные квартиры».

Е. В. Анисимов пишет: «Реакция крестьян и помещиков, на земли которых вдруг начали приходить и селиться полки, была резко негативной: по-

стой – эта тяжелейшая повинность военного времени* – теперь, в мирное время, становился как бы постоянным институтом. Можно не сомневаться, стон пронесся по стране... **Постой оказывался пострашнее массовых экзекуций и ссылки**⁷⁰.

На первый взгляд, подушная система обложения, в отличие от старой, подворной имела немало плюсов.

Вместо множества различных налогов, что при прочих равных способствовало росту злоупотреблений и незаконных поборов, вводился единый сбор, вроде бы простой и понятный (чуть ли не воплощение идеи единого налога).

Однако все оказалось совсем не просто.

На содержание армии и флота правительство хотело получать заранее определенную сумму, и сокращение числа плательщиков в его планы не входило.

Это обусловило, во-первых, необходимость контроля за перемещением людей, ведь крестьянство при Петре I, как и при Иване Грозном, активно шло в бега. Так возникла паспортная система, кардинально затормозившая мобильность населения, развитие производительных сил в стране и многое другое.

Во-вторых, поскольку казна не могла постоянно учитывать смертность и рождаемость населения, она потребовала от податных единиц (общин) впредь до новой ревизии платить за все убывшие души – и за умерших, и за бежавших.

В-третьих, земельное тягло было перенесено на личность крестьянина и стало душевым тяглом, и если каждый крестьянин платит 70 коп. подушной подати, то в теории у всех «душ» в каждом селении должна быть равная возможность заплатить эту сумму. Отсюда – логичная идея распределения земли пропорционально числу наличных плательщиков и **возникновение массовых переделов** земли, с помощью которых компенсировалось изменение состава семей в промежутки между ревизиями. Понятно, что заставить крестьян переделывать землю можно было только там, где власть господина – будь то помещик, церковь или казна – была достаточно сильной, чтобы добиться этого. В крепостной деревне сделать это оказалось проще (но не везде одинаково просто).

Таким образом, **у истоков аграрного коммунизма в России стоит само правительство**. Оно же вплоть до начала XX в. будет всемерно поощрять его.

При этом сам механически вычисленный единообразный налог, который, по замыслу Петра, должен был уравнивать население в платежах казне, на деле оказался крайне неравномерным.

---

* В Центральной Европе крестьяне эмпирическим путем вывели поговорку, что лучше иметь на постое трех солдат-французов, чем одного пруссака.

С одной стороны, люди постоянно рождались и умирали, и это буквально каждую минуту меняло численность населения, зафиксированную ревизией, что делало эти цифры чистой фикцией. С другой стороны, реально платили подать не все лица мужского пола, а лишь те, кто работал.

То есть в отдельной деревне не совпадало не только наличное и ревизское число душ, но и количество наличных душ и действительных плательщиков. Поскольку с течением число работников менялось, то отдельные двory платили то за большее, то за меньшее число ревизских душ.

Наконец, размеры крестьянских наделов сильно различались, и подушная подать сразу же ударила по малоземельным и малосемейным (с небольшим числом рабочих) дворам.

Уже в 1725 г. представители таких дворов в церковных вотчинах просили начальство издать указ о уравниении «большетяглых крестьян с нами малотяглы-ми, чтобы нам против своей братьи обиды, и в платеже подушных денег излиш-него отягощения не было»⁷¹.

Первая ревизия была проведена неряшливо – кое-где население зафиксировали дважды, а в других местах пропустили целые селения и даже волости. В связи с введением новой подати усилилось бегство жителей в ненаселенные места и за границу. С тех пор в законодательстве XVIII в. фигурирует «пустота» в деревнях, т.е. отсутствие внесенных в списки плательщиков.

Подушная подать была тяжела сама по себе, но, как минимум, не меньшей тягостью для народа стал порядок ее взимания, связанный с расквартированием полков. Трижды в год в положенные сроки воинские команды во главе с земскими комиссарами и полковыми командирами объезжали свою – в полном смысле слова – кормовую территорию, и «эти вооруженные сборщики наводили ужас на население; кормясь за счет обывателей, они чинили жестокие экзекуции и взыскания»⁷².

Понятно, что в этих условиях все благие пожелания Петра I о соблюдении законности, недопущении лишних поборов с населения, об организации правильного податного счетоводства и т.д. остались мечтой.

Все получилось ровно наоборот, не говоря о том, что задолженность по платежам (т.е. недоимки) также появилась буквально с 1724 г.

Сенат уже в 1726 г. констатировал: «Платежом подушных денег земские комиссары и обретающиеся на вечных квартирах штаб и обер-офицеры так притесняют, что (крестьяне) не только пожитки и скот распродавать принуждены, но многие и в земле посеянный хлеб за бесценнок отдают»⁷³.

Екатерина I, желая выказать народу «матернее свое милосердие и попечение», решила в 1727 г. отсрочить платежи подушной подати. Ее указ об этой милости начинается с красноречивого признания в том, что «нашего Импе-

рия крестьяне, на которых содержание войска положено, в великой скудости находятся и от великих податей и непрестанных экзекуций и других не порядков в крайнее и всеконечное разорение приходят»⁷⁴.

Эта информация стала своего рода эпитафией к дальнейшей истории взимания подушной подати. Только за 1728–1748 гг. на этот счет было издано 97 (!) указов⁷⁵, примерно по 5 в год, и явно не от хорошей жизни.

Податная система как будто специально приглашала чиновников к злоупотреблениям. С самых первых месяцев взимания подушной подати она стала источником несправедливых доходов для всех, причастных к ее сбору.

С крестьян брали денег больше положенного, «вымышляли» поборы, не давали расписок и завышали недоимки, что провоцировало крестьянские побеги, «воровство и разбои» в уездах⁷⁶.

Годами с людей взимали старые недоимки, прощенные еще при Петре I.

Обычны обвинения в том, что чиновники «на ком хотят, на том взыскивают, а с других не взыскивают»⁷⁷.

Список причин недоимочности мало менялся от года к году – это бездействие местных властей, «упрямство плательщиков», «скудость и пустота».

При этом местная администрация утверждала, что «от полковников и офицеров обывателям чинятся обиды и разорения»⁷⁸, а военные, в свою очередь, обвиняли гражданских чиновников. Подобные взаимные упреки станут постоянным аккомпанементом податного дела. Справедливы были, видимо, и те, и другие.

Центральные органы были завалены жалобами на действия и офицеров, и земских управителей. Их судили, им устраивали «экзекуцию, какой кто достоин, за исключением смертной казни», но задолженности это, разумеется, не устраняло.

В 1730 г. сложено недоимок до 4 млн руб., а в 1739 г. их снова считалось свыше 1,6 млн руб.⁷⁹

Анна Ивановна взялась за дело серьезно, не жалея угроз в адрес местной администрации и ответственных лиц.

В июне 1731 г. был принят очень важный документ – новый регламент камер-коллегии, гласивший, что за поступление подушной подати помещичьих крестьян отвечал помещик или их приказчики и старосты, а за платежи дворцовых и церковных крестьян – управители вотчин.

Если подать не вносилась вовремя, то «в такие деревни для правежа тех денег» отправлялась военная экзекуция*, которая должна была «немедленно

---

* В крупные селения с долгами более 500 руб. посылали обер-офицера, двух унтер-офицеров и 5–6 солдат, в деревни с недоимкой от 100 до 500 руб. – обер-офицера и 2–3 рядовых, а туда, где долг был менее 100 руб. – унтер-офицера с двумя-тремя рядовыми. Всем им полагались кормовые деньги (соответственно 15, 5 и 3 коп в день) и сверх того – по три фунта хлеба и

править на помещиках, а где помещиков нет на прикащиках и на старостах обще, и их понуждать, чтоб они собирали с крестьян, а буде крестьяне прикащиков и старост слушать не будут, в том им вспомогать по их требованию и с тем платежем к воеводам отсылать»⁸⁰.

Однако и эти меры не привели к желаемому результату. Буквально каждая проверка действий местных властей выявляла те или иные злоупотребления и упущения.

В начале 1738 г. правительство объявило, что недоимки прошлых лет по всем сборам далеко не всегда вызываются «пустотой (отсутствием – М. Д.) или скудостью» плательщиков, но и тем, что «на знатных людях ... губернаторы и воеводы взыскивать не смеют, бояся их страха» и что помещики-«ослушники», владея деревнями в разных уездах, переезжают из одной в другую, «убегая» от платежа, а губернаторы и воеводы в чужих уездах их преследовать «не смеют».

При этом свои собственные доходы такие господа получают полностью и увеличивают их «всегдашнею крестьянскою на них работою». Из-за этого «крестьянам не токмо на подати государственные, но и на свое годовое пропитание хлеба из земли добыть или чрез какие промыслы... получить времени не достает» и они разоряются – не от государственных податей, а «от непрестанных работ помещиковых». И, наоборот, у тех помещиков, которые своих крестьян «порядочно содержат и не так отягощают», все в порядке – и платежи в казну, и собственные доходы⁸¹.

Впервые взгляды правительства на причины накопления задолженности вышли за рамки обычного тезиса о бездеятельности местных властей. Ока-

---

фунт мяса каждому, а зимой и осенью – также и лошади. Оплачивала экзекуцию, естественно, не казна. (ПСЗ. Т. 8. № 5789. С. 486–487).

Этот «праздник жизни», как можно видеть, планировался надолго и всерьез. И, кажется, не слишком сложно вообразить, как он происходил! Очень характерно, что правительство, прекрасно понимая морально-нравственный уровень своих экзекуторов, не скупилось на превентивные и весьма жесткие угрозы в их адрес за возможные злоупотребления: «Самим тем будучи на тех экзекуциях отнюдь не требовать, и других никаких предметов и обид, от чего б могла происходить крестьянам какая тягость не чинить и для своих прихотей в тех деревнях долговременно не жить; но коль скоро доимочные деньги заплатят, то им из тех деревень в тож время без всякия мешкоты вон выезжать; а на проезд тем посланным определять в каждой день не меньше 30 верст, дабы будучи в дороге, для своих прихотей время не продолжали. И того всего губернаторам и воеводам смотреть за ними накрепко, и в инструкциях писать им с подтверждением именно.

А ежели те посланные на экзекуциях будут чинить в противность сего, и сверх определенного будут брать что излишнее, и в том для своих прихотей время продолжат напрасно, таких по свидетельству судить и наказывать по военному артикулу».

Посылать надо обер-офицеров «доброго состояния, которые могли бы о всем их рапортовать подлинно, для чего в тех деревнях такая доимка чинится, от послабления ли в сборе тех денег от помещиков, прикащиков и старост, или ради какой скудости и прочей невозможности». (Там же. С. 487.)

залось, что эти власти, должны были считаться с силой и влиянием крупных землевладельцев, а чрезмерная эксплуатация многими помещиками крестьянства в свою пользу подрывала его способность исправно отбывать государственные повинности.

Фактически уже с 1730-х гг. в стране возник своего рода «податной цикл» – накопление недоимок, затем суровые и жестокие попытки выбить их из населения, жесткие угрозы в отношении местных администраций всех уровней, помещиков, низших управителей, а также крестьян-неплательщиков, которые (угрозы) в определенной степени исполнялись, однако в итоге власть была вынуждена идти на полное или частичное списание задолженности.

В последующие десятилетия будут меняться названия инстанций, ответственных за поступление платежей, будут перемены в местном управлении Империи, год за годом во множестве указов будут повторяться одни и те же требования, угрозы (иногда даже уговоры) с употреблением таких превосходных степеней, как, «деятельнейшее», «наисильнейшее», «наикрепчайшее». Вот только желаемого результата добиться так и не удастся.

Отмечу при этом, что угрозы не были пустыми – мы знаем о «бедных и неимущих помещиках, кои сами и жены и дети в доимках под караулом содержатся», или «от голода умирают», пока кормильцы пребывают «сами в галерной работе и в тюрьмах за караулом страждут»⁸².

Несложно представить, каково приходилось при этом простому народу, если дворяне работали веслом на галерах или сидели в тюрьмах.

Сказанное делает понятнее «школу», в которой воспитался наш народ.

К середине XVIII в. в крепостной деревне господствует уравнилельно-передельная община, оказавшаяся **оптимальной формой эксплуатации** – помещики и государство благодаря послушному «миру» более или менее регулярно получают свои доходы, крестьяне находятся под присмотром и повинуются «установленным властям».

И с этого времени правительство начало переносить методы вотчинного управления на казенную деревню. Тут нужно выделить две линии.

Во-первых, Екатерина II и Павел I решили усилить роль крестьянских выборных органов в податном деле, а фактически переложить на большую часть ответственности за исправное поступление платежей на само крестьянство для уменьшения, в числе прочего, влияния на эту сферу местных чиновников.

В 1769 г. у государственных крестьян была введена круговая порука по уплате податей, негативные стороны которой вполне сознавались и в то время*.

---

* Так, граф Р. И. Воронцов заметил однажды: «Обыкновенно у нас ныне прямые хлебопашцы и добрые хозяева многим отягощаются перед ленивцами, что весьма несправедли-

В частности, сбор казной с более зажиточных крестьян недоимок, накопившихся на их бедных односельчанах, на практике часто вел к деградации тех относительно немногих хозяйств, которые выбились на уровень выше среднего, притом, что переоценивать этот уровень нет никаких оснований.

Забегая вперед, отмечу, что жизнь не оправдала расчетов правительства. Множество крестьянских должностных лиц вполне логично включилось в систему грабежа своих односельчан, несмотря на подробно расписанные порядок сбора податей и меры контроля. Ведь податное дело может кому-то показаться несложным лишь в теории. Легко собирать комсомольские взносы в условиях тотальной грамотности и при наличии печатных ведомостей.

Организовать и особенно контролировать податное счетоводство, как это предусматривалось с 1797 г., в повально неграмотной деревне оказалось несколько сложнее. И откуда у морально прибитых русской историей крестьян вдруг появится массовое желание делать это? Жизнь жестко воспитала их в парадигме о законе и дышле. А тесный союз с полицией делал сельские власти фактически бесконтрольными и безнаказанными.

Во-вторых, власть решила ввести уравнительное землепользование у всех категорий государственных крестьян. Если на большей части Великороссии, как говорилось, достаточно быстро начались земельные переделы, то на севере и юге страны ситуация была иной.

Эти окраины Империи находились в особых административных и хозяйственных условиях, и там еще сохранилось свободное крестьянство.

Северные чернососшные крестьяне были одной из самых многочисленных категорий казенных крестьян⁸³. Своей пашенной землей и угодьями они владели как частные собственники, поскольку львиную их долю они отвоевывали у тайги и тундры, расчищали, осушали и приводили в порядок годами неустанного и очень тяжелого труда.

Их земля всегда была в свободном рыночном обороте, ее продавали и покупали, завещали по наследству, отдавали в приданое дочерям, в монастырь на помин души, и т.д. Все это совершалось законным порядком – составлялись крепостные акты, которые подтверждались в присутственных местах.

Ясно, что переделов северная деревня не знала. Информация о земельных участках каждого отдельного домохозяина в каждой деревни фиксировалась в особой вервной книге. Мирское тягло падало не на крестьянина, а на землю. Если земля меняла владельца, то он получал вместе с ней и тягло.

Надо сказать, что эта практика не устраивала государство, и оно еще в XVII веке неоднократно запрещало в поморских уездах продажу, заклад и

во и со вредом великим, как-то: когда бедные или справедливо назвать ленивые не заплатят государственную подать или владельческую, то оную собирают с исправных и тем самым добрые поселяне огорчаются, а ленивым дают повод больше лениться». (Труды ВЭО. 1767, Ч. 5. С. 8–9.)

отдачу земли в монастыри и требовало возвращения без компенсации назад казенных земель, проданных крестьянами, впрочем, безуспешно в обоих случаях⁸⁴.

Подушная подать внесла новые черты в данную коллизию.

Свободный оборот земли, как и всегда, вел к весьма неравномерному ее распределению внутри общины и имущественной дифференциации. К тому же немалая часть крестьянских земель перешла к купцам, посадским и даже к духовенству. Источники говорят о так называемых «деревенских владельцах», богатых людях, в том числе и крестьянах, уже тогда именуемых «**мироедами**» или «**мирососами**». Рядом с ними жили малоземельные или вовсе безземельные крестьяне, которые иногда селились на землях «деревенских владельцев» и становились зависимыми от них половниками. Таким образом, некоторые крестьяне имели своих как бы крепостных.

В итоге шло накопление недоимок, которые хотя и взыскивались, по выражению источника, «с **крепким неупустительным принуждением**», однако не слишком успешно, что не могло устроить ни центральную, ни местную администрацию.

Сначала правительство начало атаку на свободное распоряжение землей.

Межевые инструкции 1754 и 1766 гг. прямо говорят о том, что земля, на которой живут и которой пользуются государственные крестьяне, является собственностью правительства, которое одно только и имеет право ею распоряжаться.

Крестьяне впредь ни под каким видом не могли отчуждать свои земли. Закон имел обратную силу – в казну безденежно возвращались все земли, которые когда-то были отданы крестьянами на помин души, проданные, заложенные и т.д. всем, кто не платит подушной подати, от воевод до канцеляристов.

Позиция власти была предельно ясной: земли, которые крестьяне расчищали и «**под видом своих собственных** продали и заложили разных чинов людям тех провинций, или которые, быв расчищены крестьянами, отданы от канцелярий за иски, также отбирать от владельцев и межевать в число земель государственных»⁸⁵.

А. Я. Ефименко, приводя эти строки, замечает, что правительство обвиняет крестьян в узурпации прав собственности (они продают расчищенные ими земли «под видом своих собственных») и считает, что «**межевые инструкции по отношению к северному крестьянскому землевладению – да и не к нему одному – являются настоящими декретами конвента**. Если их революционный характер не вызвал в северном населении насильственной реакции, то, конечно, только потому, что издать указ еще не значило привести его в исполнение»⁸⁶. Действительно, декларировать запреты оказалось легче, чем реализовать их – легко сдаваться крестьяне не собирались.

Межевые инструкции молчали об уравнительных пределах земель, но исследователи считают, что они готовили почву для них. Во всяком случае, в Уложенную комиссию 1767–1768 гг. поступали указы черносозных крестьян с просьбами изъять земли богатых крестьян и отдать их в волости «для разделения на души».

Насколько раздражал чиновников сам факт свободного распоряжения крестьянами земель, можно судить по тому, что комиссия, умирившая волнения крестьян заонежских погостов Олонецкой губернии в 1769–1771 гг., сообщала в Сенат, что некоторые крестьяне «живут на прежних своих участках и, по **давнему беспорядку** всех из них, владеют пашенными землями без разделения на тяглы, но яко вотчинники по наследствам»⁸⁷.

«Давним беспорядком» здесь именуется то, что крестьяне считали своей собственностью расчищенную и обихоженную их предками и ими землю. Действительно, с точки зрения социального расизма эпохи торжества крепостничества это должно было казаться вопиющим безобразием*.

Оборот земли продолжался в обход закона, однако с каждым годом это становилось все труднее, особенно после реформы местного управления 1775 г., когда государственные крестьяне перешли в ведение казенных палат.

С учетом того, что мы знаем о возможностях самодержавия XVIII в., может показаться странным, что не все распоряжения верховной власти выполнялись безоговорочно. Однако тут мы сталкиваемся, во-первых, с проблемой неопределенности земельных прав, а во-вторых, с проблемой относительной слабости государственного контроля над отдельными сферами жизни страны (в историографии это именуется проблемой недоуправляемости Российской империи).

У правительства и администрации ни тогда, ни позже не было консолидированной позиции по данному вопросу. Н. М. Дружинин, замечая, что было бы крупной ошибкой ставить знак равенства между помещичьими и государственными крестьянами, в качестве первого отличия указывает на то, что право собственности казны на землю, занятую государственными крестьянами, не было столь безусловным, как у помещиков на их земли.

«Традиции далекого прошлого, когда государство было еще недостаточно сильно и свободные колонисты беспрепятственно осваивали земельные просторы государственных окраин, сохранили свое влияние и в XVIII веке. Сила векового давностного владения создавала крепкую точку опоры для крестьянских общин. В свою очередь, практика частнопроводных сделок на казенную землю путала и расстраивала правительственные планы.

---

* Эта комиссия «предлагала после отобрания земель у посторонних владельцев смешать все крестьянские земли, разделить их «на тягла по душам и по имуществу» и допустить ежегодные частные переделы, посадских же выселить для жительства в города». (Семевский В. И. Крестьяне при Екатерине II. т. 2 С. XXXIII.)

Государственная власть на протяжении XVII–XVIII веков неоднократно запрещала подобные сделки, но она сама колебалась и уступала под давлением класса землевладельцев: нередко она санкционировала заключенные акты и предоставляла право новым владельцам на определенных условиях пользоваться купленными участками.

Даже в центральном правительстве в XVIII и первой трети XIX века не было единодушного и твердого мнения по этому вопросу: такие крупные бюрократы, как Сперанский и Канкрин, склонны были отличать имущество казенного ведомства от земельной собственности крестьянских обществ. «*Dominium directum*» – право верховной собственности на государственную территорию – еще не перешло окончательно и бесповоротно в «*dominium utile*» – в безусловное право казны на обладание земельными угодьями»⁸⁸.

Отсюда – большая самостоятельность крестьян, прежде всего черносошных и однодворцев, которые до некоторой степени были свободными распорядителями своей земли и, конечно, не испытывали того гнета, который падал на крепостных.

Надо сказать, что даже во время подготовки Великой реформы проблема права собственности черносошных крестьян в Редакционных Комиссиях не решалась однозначно.

Подобное положение фиксируется вплоть до конца XIX в., когда у некрепостников обрела популярность идея отмены выкупа крестьянами земли, что означало ее национализацию, – задолго до появления слов «эсеры» и «большевики».

Милые наши «государственники»!

Эта неопределенность, даже неуверенность власти вполне видна в истории введения уравнительного землепользования на русском Севере.

К концу XVIII в. северная администрация всех уровней все настойчивее проводит идею уравнивания, видя в ней средство обеспечить уплату подушной подати. В разных районах успех этих мероприятий был неодинаков.

В 1785 г. директор экономии (чиновник казенной палаты, ведавший казенными крестьянами) Олонецкой губернии начал подготовку к уравнительному переделу. Он распорядился отобрать, правда, за компенсацию, земли, проданные и заложенные крестьянами друг другу и пустить их в передел. В том же году императрица разрешила местным купцам и мещанам в течение двух лет продать свои земли дворянам или государственным крестьянам⁸⁹.

При поддержке многих крестьян уравнительный раздел земель начался и сразу же вызвал протесты.

Торжеству «раскулачивания» помешали крестьянин Костин, имевший «великое множество» земли, которую при переделе у него отобрали и поделили между малоземельными, и несколько его собратьев по несчастью.

Они подали жалобу в Вытегорский нижний земский суд, что крестьяне насильно завладели их землей. Суд решил дело в пользу жалобщиков и предписал вернуть отнятую у них незаконно землю. Однако казенная палата, в свою очередь, велела старосте не слушаться суда (!). Земский суд рапортовал об этом губернатору Г. Р. Державину, указав, в частности, что получившие чужую землю крестьяне дают и другим повод к отъему земель у соседей и что в одной из деревень в связи с этим был ранен топором десятский и его брат⁹⁰.

Державин заступился за частную собственность, прекратил беспорядок в Пудожском погосте и изложил Сенату свое мнение – несправедливо забирать землю у тех, кто получил ее от предков или купил за свои деньги, и отдавать ее тем, кто хочет лишь воспользоваться чужим имуществом*.

Генерал-губернатор Тутолмин, однако, встал на сторону казенной палаты, его поддержал Сенат, однако утверждаться стали все же только те переделы, против которых крестьяне не возражали. В конечном счете часть земель была разделена между крестьянами и осталась в уравнительном землепользовании, а другая часть не переделывалась даже и в 1870-х гг.

В архангельской губернии ликвидация «беспорядка», т.е. права личной собственности на землю затянулась, и эмоциональный фон, на котором происходило внедрение ползучего крепостнического «коммунизма», проясняет следующая история.

В 1797–1798 г. дворцовые крестьяне были переданы в ведение вновь созданного Департамента уделов. На севере у них было такое же землевладение и землепользование, как и у черносошных. Летом 1798 г. в этот Департамент поступило донесение советника Архангельской экспедиции Григорькова. Он писал, что до 1796 г. крестьяне Сольвычегодского округа (Вологодская губерния – М. Д.) пользовались расчищенными из-под леса землями, старались удобрять их должным образом, а те, у кого не было склонности к хозяйству, шли в отход и зарабатывали там необходимое для жизни и уплаты податей.

«Таковой из самых древних времен заведенный порядок доставлял им способы быть всегда исправными плательщиками казенных повинностей, и ни в какой время доимки не оставались и все были своею участью довольны»⁹¹.

---

* Семевский пишет: «Державин утверждал, будто бы во время обозрения им петрозаводского и части вытегорского уездов он приметил «везде почти народное друг на друга негодование, от разделения земель между поселянами возрождающееся. Во всяком почти жительстве приступили к нему крестьяне толпами и требовали его рассмотрения. Трудившиеся с пролиянием своего пота и обработавшие своим иждивением и своими руками землю хлебопашцы жаловались, что у них отняли или отнимают не токмо полевые, но даже и запольные их распашки никогда не прилежавшие к трудам тунядцы или те, которые, обращаясь в других промыслах, никогда не радели удобрять земель своих и велят вместо обработанных ими загонов распахивать заросшие или совсем новые нивы». (Крестьяне при Екатерине II. Т. 2. С. 638–639.) Характерно, что пламенный уравнитель Семевский строго осудил Державина.

Однако когда Вологодская директорская экспедиция в одной из казенных волостей по просьбе лишь двух крестьян решила поделить земли по числу ревизских душ, то охотники до чужой земли, нашлись и в других волостях.

«Подстрекаемые сделанною однажды потачкою», «желая получить обработанную трудами ближнего землю, **не стыдясь своей наглости и забыв то, что они столько же могли иметь земли, если бы прилежали более к расчистке, нежели к питейным домам**», они также начали требовать уравниения.

Ясно, что «все лучшие и добросовестные крестьяне внимали таковому повелению с болезнию», потому что должны были лишиться «земли, удабренной великими трудами, и отдавать таковым, у которых нет ни способности к хозяйству, ни скота, чем бы пахать и удобрять оную».

Из-за сопротивления этих крестьян, продолжает Григорков, передел произошёл только в Пучежской волости, которая быстро «пришла чрез разделение земель в совершенное разорение», в то время как в волостях, где все осталось по-старому, «крестьяне «пребывают хотя не в излишнем, но в приличном для них довольстве»⁹².

Григорков был убежден, что после раздела земель прекратится новая их расчистка и обсушивание низин, в то время как разлив рек ежегодно уносит или засыпает песком немалые площади. Кроме того, «пашенная земля, **не имея настоящего хозяина**, лишится того многотрудного удобрения, которого здешние песчаные места требуют и каковым каждый крестьянин до сего времени питал принадлежащую ему часть, признавая ее своей собственностью»; а без такого удобрения «всякое хлебородие в непродолжительном времени должно исчезнуть»⁹³. Забегая вперед, отметим удивительное сходство аргументации сторонников частной собственности крестьянства на землю в конце XVIII и в конце XIX в.

Вернемся, однако, в эпоху Екатерины II.

В 1785 г. архангельский директор экономии предписал всем старостам и крестьянам волостей своего округа, чтобы «они все тяглые земли между собой уравнили **безобидным разделом** и где оных недостаточно, чтоб к разработке новых полевых земель приступили общими мирскими силами». Годом позже он пояснил свою мысль о «безобидном разделе»: «Справедливость требует, чтобы поселяне, платя одинаковую все подать, равное имели участие и в угодьях земляных, с коих платеж податей производится». Поэтому уравниение земель, особенно в местностях, где, помимо земледелия, недостаточно промыслов, «неминуемо нужно» для обеспечения возможности всем безнедоимочно платить подати, а также для успокоения малоземельных крестьян⁹⁴.

Ефименко не жалеет иронии для комментариев этой административной маниловщины, особенно предписания 1785 г. о коллективной мирской разработке земель, котором содержало также предложение выделить бедным ло-

шадей и скот для удобрения земли: «Всякому, кто хотя сколько-нибудь представляет местное положение: все трудности, с какими боролось крестьянство, веками выдирая из-под леса или высушивая из тундры лоскуты своих деревень, ту жадность, с какой оно цеплялось за всякий клочок годной земли, ничего не жалея, чтоб овладеть им, – легко понять всю комичность этих чиновничьих предписаний и предложений»⁹⁵.

Данные инициативы вызвали, как тогда говорили, «общий вопль», и администрацию захлестнула волна жалоб на то, что волостные старосты и выборные отнимают у законных владельцев земли, расчищенные их трудами или купленные на законных основаниях, и отдают совершенно посторонним людям.

И власть вынуждена была реагировать на эти протесты. Во-первых, из-за боязни, что прекратится новая расчистка земель. Во-вторых, тогда было понимание, что отбирать земли, на которые их владельцы имеют бесспорные, законные, т.е. утвержденные самой властью, документы, было не вполне удобно.

К тому же появилась возможность отложить уравнительный передел. Он имел смысл как средство довести землепользование бедноты до определенного уровня, который позволил бы ей платить без долгов; считалось, что в Архангельской губернии для этого нужно 9 дес. на душу. Однако раздел наличных тяглых земель не давал этой цифры. Тогда решено было передать крестьянам обширные казенные оброчные земли, а также пустопорожные места. Власть ориентировалась на указанный в межевой инструкции минимум – 15 дес. на душу. Это процесс был запущен в конце XVIII в. и продолжался не менее 20 лет.

Только в 1829–1831 гг. категорические требования Министра финансов Е. Ф. Канкрин привели к первому «генеральному равнению» (эта трагедия впечатляюще изображена Ефименко), когда в передел пошли все земли, включая родовые.

Примерно по тому же сценарию произошла замена личной собственности на землю общинным землепользованием и на другой бывшей окраине Московского государства, в районах расселениях однодворцев и малороссийских казаков, несмотря на очевидные историко-юридические, хозяйственные и этнографические их различия с черносошными крестьянами.

Однодворцы (четвертные крестьяне), напомним, образовались из служилых людей по прибору – детей боярских, казаков, стрельцов, рейтаров, драгун, солдат, копейщиков, пушкарей, затинщиков (пищальников), воротников (стража у ворот) и засечных сторожей, поселенных на южной границе государства и в Поволжье.

Предки однодворцев за защиту страны наделялись определенным количеством земли на поместном праве, и затем эти земли разделялись «в каждом роде по наследственным линиям».

Заметим, что грань между ними и нижними разрядами служилых людей по отечеству была достаточно размыта, однако Петр I включил однодворцев в состав плательщиков подушной подати и сделал частью государственных крестьян. При этом, учредив ландмилицкие полки, царь велел пополнять их однодворцами от 15 до 30 лет. Хотя при Анне Ивановне их велено было по-прежнему считать служилыми людьми, но это не остановило процесса слияния их с казенными крестьянами.

Однодворцы, несмотря на запрещение 1727 г., продавали свои земли в посторонние руки. Межевой инструкцией 1766 г. продажи эти были утверждены.

После присоединения Крыма к России в 1783 г. особое пограничное войско стало ненужным, и однодворцев окончательно уравнили с казенными крестьянами в отправлении рекрутской повинности (они служили 15 лет) и в платеже податей.

У малороссийских слободских казаков повсеместно было участковое наследственное землевладение со всеми последствиями индивидуальной личной собственности: семейными разделами, куплей-продажей, завещанием и т.п., а также неравномерным распределением земли между владельцами и накоплением недоимок.

Поэтому в первой половине трети XIX в. правительство старалось ввести у казаков общинное землевладение и в 1830–1840-х гг. в конечном счете преуспело; та же участь постигла и большую часть однодворцев. В обоих случаях начавшаяся в 1836 г. реформа Киселева стала для них, по выражению П. П. Дюшена, «настоящей мартирологией»*.

Картина крестьянского землевладения, которую мы увидим после 1861 г., местами сформировалась незадолго до Великие реформы. Так, в Раненбургском уезде Рязанской губернии более 75% государственных крестьян-общинников владели прежде землей на частном праве; в Данковском уезде таких крестьян около половины всех общинников; в Елецком уезде Орловской губернии больше половины, в Белгородском уезде Курской губернии 75%, Обоянском – еще больше и т.д. Переход от частной собственности к общинному пользованию произошел в конце 1830-х гг.

---

* По данным Брокгауза и Ефрона, в 1851 г. по формам владения землей однодворцы распределялись следующим образом: из 1190 тыс. ревизских душ 453 тыс. владели землей по четвертям, а 737 тыс. – по душам; из этих последних 204 тыс. были поселены в разное время на казенных землях, на основаниях, общих с государственными крестьянами, а 533 тыс. перешли к душевому владению от четвертного.

Раздел четвертных земель на души на законном основании, по приговору большинства домохозяев, мог иметь место лишь до 1850 г., когда было признано право однодворцев владеть поместными землями лично. Переход от четвертей на души продолжался, однако, и после того.

Аналогичным образом сотни селений в Тамбовской, Пензенской, Саратовской, Тульской, Московской и других губерниях перешли в те же годы к общине.

Рассказы крестьян позволяют понять, как это происходило. Например, в 1839–1840 гг. в Обоянском уезде Курской губернии активная агитация чиновников за переход к уравнительному землепользованию имела успех – большинство мелких собственников в расчете на поживу за счет крупных хозяев согласилось и стало уламывать остальных. «Многих подпайвали, и при этом добивались их согласия; самых упорных запугивали, нередко избивали, портили посев, увозили телеги со дворов, бывали случаи поджогов и т.п. Если оставалась небольшая часть домохозяев, не уступавших никаким натискам, несогласных на передел, тогда дело переходило к начальству в суд»⁹⁶.

Дядя П. А. Столыпина, Дмитрий Аркадьевич Столыпин приводит впечатляющий пример действий местной администрации, когда власть, исходя из знакомых нам представлений о государственной пользе, разрушила многие тысячи крестьянских хуторов на юге России.

После завоевания Крыма наиболее энергичные крестьяне «самопроизвольно» двинулись в благодатные степи Новороссии и «самобытно» расселились хуторами, приняв на себя все положенные платежи. Когда об этом сообщили в Петербург, то Екатерина II приказала оставить новоселов в покое, несмотря на то, что среди них было много русских крестьян, бежавших из крепостной неволи.

Д. А. Столыпин считает, что императрица знала о хуторском хозяйстве из сочинений уважаемого ею экономиста Кене; в своем «Наказе» для переселенцев из Вюртемберга в Поволжье она хотела, чтобы они селились подворно хуторами. Однако переселенцы привыкли жить деревнями, и «дело ограничилось подворной частной собственностью».

С началом реформы Киселева хуторян Таврической и Екатеринославской губерний в конце 1830-х гг. просто согнали с их земель и поселили «по плану большими деревнями». Так, в одном из поселений хутора были разрушены и построено село в 10 кварталов. «Это совершенно то же, что происходило в военных поселениях», – замечает автор, участвовавший в их ликвидации, когда рушили дома, зарастали бурьяном пашни и дичали сады.

Пристав 2-го стана Бердянского уезда рассказал Столыпину, помещику этого уезда, как это происходило. Ранней весной он оповестил хуторян-великоруссов, «находившихся в его стане на казенном участке, переселиться деревней в указанное место, что в продолжение лета никто из хуторян не тронулся, а так как приказание должно было быть исполнено, то в ноябре он взял понятых и сломал печи на всех существовавших там 720-ти хуторах. По свидетельству пристава, хуторяне эти были зажиточные хозяева»; к этому

сообщению сделано примечание: «Надо заметить, что в ноябре в Бердянском уезде морозы очень сильны. Сколько помню, пристав сказал мне, что в этот день мороз доходил до 20 градусов»⁹⁷.

На замечание Д. А. Столыпина, «что жаль этих хуторов, он мне отвечал, что многие тысячи таких хуторов были разрушены в Днепровском уезде Таврической губернии, также в Екатеринославской губернии»⁹⁸.

Вот в коллективном сознании народа укреплялся аграрный коммунизм.

Накануне реформы П. Д. Киселева

В данном контексте нельзя не коснуться огромной темы – реформы государственных крестьян Киселева. Напомню, что с начала XIX в. власть задумывалась о реформе положения государственной деревни, однако при Александре I дальше проектов дело не пошло.

Во внутренней политике Николая I до 1848 г. крестьянский вопрос занимал главное место. Известно, что при нем проблемами крестьянства занимались 9 секретных комитетов и было принято 367 законодательных актов, касающихся крепостных (втрое больше, чем при Александре I)⁹⁹.

Царь, безусловно, отрицательно относился к крепостному праву, однако он и не думал в связи с этим отменять сословный строй – крепостные крестьяне должны были превратиться в государственных.

Не имея возможности осветить эти сюжеты подробно, остановлюсь лишь на том, что важно для данной книги.

В 1835 г. был созван новый секретный комитет под председательством И. В. Васильчикова «для изыскания средств к улучшению состояния крестьян разных званий»; его членами были М. М. Сперанский, Е. Ф. Канкрин, П. Д. Киселев и Д. В. Дашков.

Он должен был дать экспертную оценку, во-первых, проекту Киселева об использовании конфискованных после восстания 1830-1831 гг. имений польских повстанцев и, во-вторых, проекту реформы государственной деревни Канкринина.

Несмотря на противодействие Канкринина, Комитет не считал возможным отделять реформу казенной деревни от изменений в положении деревни крепостной¹⁰⁰.

Оба преобразования должны были иметь общую идею, общий стержень.

Сперанский был убежден – и Комитеты 1826 и 1833 гг. в общем были согласны с ним, – что реформа управления государственной деревни должна быть исходной точкой разрешения крестьянского вопроса в целом, во всей его совокупности, включая и крепостное право, и дать возможность прави-

тельству влиять на помещичье дворянство. Причем главным тут было не создание новых органов управления, а изменение хозяйственного и правового статуса крестьянства.

Крепостное право должны были сменить свободные договорные отношения как на казенных, так и на помещичьих землях.

Цель реформ состояла в безземельном освобождении **всех** категорий крестьянства, а земля при этом оставалась в руках ее юридических владельцев, т.е. казны и помещиков, как это было в Прибалтике и Польше.

Крепостные крестьяне должны были получить гражданские права лиц свободного состояния, в том числе и право свободного перехода, и поэтому они могли бы «по воле своей переменять место жительства и зависимость от помещика, соблюдая предписанные условия».

Объем крестьянских работ и повинностей будет определяться обоюдным соглашением каждого отдельного крестьянина с помещиком, который дает ему участок земли в пользование.

Однако Комитет 1835 г. считал, что конечная цель не может быть достигнута сразу, одним единовременным актом. Подобный вариант казался слишком радикальным и потенциально опасным переворотом.

Поэтому Комитет выступил за постепенный переход крестьян «с одной степени на высшую», «от состояния крепостного до состояния свободы».

Таких степеней было намечено три.

1) первая – состояние великорусских крепостных крестьян с трехдневной барщиной по Манифесту 5 апреля 1797 года;

2) вторая – положение крестьян, чьи повинности точно определены законом в смысле количества и качества труда («мерная работа»);

3) третья – получение крестьянами полной свободы перехода от помещика к помещику и обработка ими владельческой земли на основании заключенных договоров, так, как это сделано законодательством 1816–1819 гг. в Прибалтийских губерниях.

Этим «переходом крестьян на третью степень, или совершенно в положение крестьян остзейских губерний, удовлетворялась бы потребность государственная, столь важная для будущего спокойствия и процветания России»¹⁰¹.

Таким образом, на повестку дня выдвигалась задача выяснения и установления «мерной работы», т.е. введение обязательных инвентарей (хозяйственных описей имений – *М. Д.*), точно фиксирующих объем барщины и соответствующего ей денежного эквивалента.

Представив царю свои соображения в мае 1835 г., Комитет Васильчикова разошелся на каникулы до ноября, когда Киселев вернулся из-за границы.

Летом произошло знаковое событие – крупное возмущение государственных крестьян в Пермской и Оренбургской губерниях, несомненно, по-

вливавшее на решение проблемы казенной деревни. В определенном смысле оно стало итогом кризисных явлений, которые наблюдались в предыдущий период.

Вообще 1830-е гг. были не самым простым временем для нашей страны.

В 1830–1831 гг. Россия пережила первую в своей истории эпидемию холеры, которую тогда не только не умели лечить, но даже не понимали, как она распространяется. Страшная болезнь унесла десятки тысяч жертв и в большой мере дезорганизовала экономику страны.

В 1832 г. началась полоса неурожаев, захвативших ряд северно-черноземных и степных губерний, а также Архангельскую и Пермскую губернии.

В 1834 г. случился новый и очень сильный неурожай, расширивший географию народных бедствий.

Правительство, разумеется, пришло на помощь крестьянам, отпустило ссуды семенами и продовольствием, однако понятно, что неизбежным результатом этой черной полосы 1830–1834 гг. стал рост недоимок.

Если в 1828 г. задолженность государственной деревни исчислялась 45 млн. руб., то к 1835 г. она составила 68 млн. руб.; средняя недоимка на одного крестьянина нередко равнялась 65 руб., в разы превышая годовой оклад податей.

Власть в июне 1832 г. рассрочила уплату долгов, превышающих половину годового оклада. Это, однако, не ослабило податного пресса – Министерство финансов действовало по логике, известной нам из XVIII в., т.е. давило на местную власть, а земская полиция – на крестьянское начальство.

Были разные варианты этого давления. На Юге, например, самым эффективным для казны способом стали «массовые принудительные отработки», когда волостные правления заключали с подрядчиками договоры о поставке рабочих, и по весне отправляли должников до конца ноября на работы. Стоило это примерно 50 руб., деньги шли в правление, минуя крестьянина, на уплату недоимок. Нетрудно представить, как это отражалось на брошенном хозяйстве*.

Таким образом, власть рубила сук, на котором сидела, – получая какие-то суммы в погашение долгов, она прямо провоцировала их накопление в

---

* Современник писал: «Невозможно исчислить всех бедственных последствий, протекающих от сих распоряжений. Престарелые родители, жены, малолетние дети оставляются работниками в домах, не только без всякого призрения, но и без всякого пропитания. Земля по большей части бывает не вспахана, скот остается без корма, словом, весь быт хозяйственный приходит в постепенное разорение. Не имея никаких средств к пропитанию, жена принуждена бывает сама зажинать серпом и едва, однако ж, успевает заработать около 10 копен ржи, овса и гречихи, чем и, должна бывает удовольствоваться с своим семейством от августа до февраля месяца и нередко до следующего благодетельного урожая, если только оный случится». (*Дружинин Н. М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. М., 1946. Т. 1. С. 199–200.*)

будущем, не говоря о том, что добрых чувств к государству подобная практика никак не добавляла. Это, кстати, как опытный генерал хорошо понимал Бенкендорф; в 1836 он предотвратил массовую отправку недоимщиков на принудительное строительство шоссе в Рязанской губернии.

Между тем Канкрин в поисках вариантов получения долгов пришел к решениям, хорошо знакомым нам сегодня.

Во-первых, он расширил круг плательщиков казенных и земских повинностей за счет пахотных и поселенных отставных солдат, а также татар и черемисов, населявших Поволжье и Приуралье, лишив обе группы имевшихся на тот момент привилегий и уравнив с остальными государственными крестьянами в отбывании податной и рекрутской повинностей.

28 ноября 1833 г. было утверждено новое «Положение о порядке взимания с казенных поселян денежных сборов на государственные подати, земские повинности в мирские расходы, также и по казенным взысканиям».

Этот «замечательный для своего времени», по мнению Н. К. Бржеского, закон сыграл очень важную роль в истории податного дела 1830–1850-х гг.¹⁰² Однако до реформы Киселева, поставившей эту сферу под контроль, применение закона далеко не всегда оправдывало надежд правительства – вводимое им счетоводство было сложным для большинства крестьян.

В начале 1835 г. Канкрин впервые получил разрешение царя на военные экзекуции как средство борьбы с недоимками. В селения, накопившие слишком много долгов, вводились специальные военные отряды – «в страх прочих неплательщиков»¹⁰³; со времен гугенотских войн подобная мера именуется драгонадой.

35 губернаторов с энтузиазмом воспользовались этим разрешением, творчески подойдя к проблеме и определяя на постой не только зимой, но и летом команды в особо «упорствующих» дворах, деревнях, волостях и даже в целом Павлоградском уезде. Министерство финансов отметило, что в 1836–1837 гг. данное мероприятие прошло весьма успешно, что неудивительно.

В зависимости от конкретной ситуации ставили иногда нескольких солдат, чаще 10–50 рядовых во главе с унтер-офицерами, но в Юрьевскую волость Новгородской губернии, из-за растраты волостных старшин накопившую много долгов ввели целый пехотный батальон.

Результата драгонады добивались за несколько дней, но иногда они требовался месяц и более. Питались военные, как правило, за счет крестьян «улучшенную пищу без вознаграждения».

Нам уже не очень сложно представить, чем оборачивался для крестьян подобный специализированный постой, когда солдаты появлялись именно с целью выбить недоимки.

И вновь приходится вспомнить человека, который рубит сук, на котором сидит. Так, в Павлоградском уезде Екатеринославской губернии удалось добиться внесения 150 тыс. руб. 12-тью казенных селениями (около 21 тыс. ревизских душ). Однако есть данные о том, что за 1836–1837 гг. государственная деревня 11 губерний, «несмотря на введение военной экзекуции» увеличила задолженность сразу на 2,6 млн. руб.

Ко всему сказанному добавилась передача немалой части казенных селений в удельное ведомство, т. е. превращение живших там крестьян в частновладельческих крепостных императорской фамилии.

Этот сюжет обсуждался с 1829 г. в связи с хозяйственными реформами Перовского. Вдаваться в его детали я не имею возможности.

Ясно, что такая комбинация со всех точек зрения была выгодна Уделам, которые еще и потребовали увеличить наделы переходивших к ним крестьян, а вот выгоды казенных крестьян априори были сомнительны.

Ясно и то, что возражать против этой меры в целом никто не решился, хотя Канкрин как министр финансов резко оспорил идею дополнительного отвода земли, к тому же запланированного в важнейшей для переселенцев – государственных крестьян Оренбургской губернии.

Проект закона был утвержден в начале 1830 г., а в начале 1835 г. последовал именной указ Сенату о передаче «всех казенных крестьян Симбирской губернии ... ныне же в удельное ведомство со всеми землями, лесами, не исключая и корабельных рощей, оброчными статьями и прочими угодьями как крестьянам сим, так и собственно казне принадлежащими».

Одновременно все удельные имения перешли с душевого оброчного сбора на поземельный. В итоге платежи удельных крестьян значительно выросли.

В ряде случаев в казенной деревне вспыхнули массовые протесты, и их нельзя отнести только за счет вполне естественного крестьянского консерватизма, вполне интернационального. Нельзя не согласиться с Дружининым в том, что в данном случае «государственные крестьяне увидели перед собой новую страшную перспективу – утрату того относительного минимума хозяйственной и правовой самостоятельности, который обеспечивался принадлежностью к казенному ведомству». И не будем забывать, что все это происходило в условиях продолжающегося сельскохозяйственного кризиса.

В ходе «обмена» в трех уездах Симбирской губернии произошли волнения 40 тысяч татарских лашман, т. е. государственных крестьян, приписанных с 1718 г. к корабельным лесам для рубки и вывозки бревен; их труд считался более тяжелым, чем у горнозаводских рабочих. Подобно однодворцам и пахотным солдатам, они не переходили в Уделы, как «простые» государственные крестьяне, но стали подчиняться этому ведомству административно «для единообразного в губернии управления».

Однако Удельная контора поняла свои права вполне «самодержавно» и стала вторгаться не только на хозяйство, но и в быт лашман, которых начали уравнивать с удельными крестьянами, заставляли вводить общественную запашку и даже пытались ликвидировать среди них многоженство (!). Естественно, как это часто бывает, возникли сопутствующие, «нагнетающие» слухи – о передаче их в Уделы и даже о насильственном крещении. Лашмане боялись, что окончательно лишатся всех своих преимуществ и права собственности на купчие земли.

Люди взбунтовались. В итоге было арестовано 25 участников волнений, часть которых сдали в солдаты, других сослали в Сибирь или отдали в смиренный дом. Удельная контора должна была расстаться с идеей запрещения многоженства.

Волнения, связанные с «обменом» вышли за пределы Симбирской губернии, поскольку та же участь грозила крестьянам других регионов, прежде всего, нижнего Поволжья и Приуралья. Возможный переход в частновладельческие крестьяне волновал людей. В данном контексте малейшие перемены в привычном порядке управления воспринимались как предвестие грядущей беды.

В 1834–1835 гг. на этой почве произошло крупное возмущение государственных крестьян Приуралья, которое вместило и удачную попытку крестьянских ходоков передать свои претензии лично Николаю I, и аресты крестьянами чиновников, и самые настоящие боевое столкновение нескольких тысяч плохо вооруженных крестьян с воинскими отрядами.

Понятно, что с точки зрения военной это движение не могло быть опасным для власти. Куда опаснее было то, что это был сложный симптом ошибочной политики.

Это восстание органично вписывалось в общий контекст проблематики государственной деревни – в падение уровня ее благосостояния, которое отчасти выражалось в росте недоимочности и т.д. Но также это свидетельствовало и о неспособности Министерства финансов справиться с ситуацией – все, что оно делало, не давало результата.

Николаю I стало очевидно, что назрела реформа управления государственными крестьянами.

Восстание на Урале 1835 г. резко актуализировало проблему управления казенными крестьянами и показало необходимость давно назревших перемен в их хозяйственном, финансовом и, возможно, юридическом положении.

Требовалось затормозить процесс их обеднения, по крайней мере – уменьшить непрерывно растущую задолженность и создать необходимые условия для разрешения вопроса о судьбах крепостных крестьян.

Царь решил выделить реформу государственной деревни из общекрестьянской проблематики, и эту сложнейшую задачу он поручил Киселеву.

17 февраля 1836 г. после придворного обеда между ними состоялся разговор, в ходе которого царь предложил Киселеву быть его ближайшим помощником в этом преобразовании, и разработать вместе со Сперанским общие принципы реформы. В финале беседы прозвучали знаменитые слова о том, что Киселев будет его «начальником штаба по крестьянской части».

Здесь уместно напомнить, что Павел Дмитриевич Киселев – одна из наиболее ярких фигур русской истории 1820–1850-х гг. Его заметил и рано выдвинул Александр I, сделавший его флигель-, а затем и генерал-адъютантом. Сравнительно позднее начало военной карьеры – в 19 лет, не отразилось не темпах его продвижения по служебной лестнице: через 10 лет он был генералом. В 1816–1817 гг. Киселев выполнил ряд ответственных поручений императора, в частности, ревизовал Бессарабию. Тогда же он подал Александру I свой первый проект изменения положения крестьян. В те годы император относился к нему с большим доверием, свидетельством чего явилось назначение Киселева в 1819 г. начальником штаба 2-й армии. На этом важном посту Павел Дмитриевич проявил себя выдающимся администратором.

Близость Киселева к служившим во 2-й армии декабристам – Пестелю, Бурцеву, Басаргину и другим стала причиной его опалы, хотя, как и в случае с Ермоловым, никаких прямых свидетельств причастности Киселева к Тайному обществу у Николая I не было.

С началом русско-турецкой войны 1828–1829 гг. его отношения с царем наладились. В 1829–1834 гг. он управлял Молдавией и Валахией (будущей Румынией), где провел ряд прогрессивных реформ, в том числе и крестьянскую. Крестьяне получили личную свободу и право перехода от одного помещика к другому, их повинности были строго регламентированы законом (инвентарями).

Киселев был человеком необычным. В нем, в числе прочего, привлекательно то, что, будучи любимцем двух непохожих друг на друга братьев, Александра I и Николая I, он никак не подстраивался под них и сохранял подчеркнута «непридворную» независимость поведения.

В случае Николая I это было особенно сложно. Ведь он выгнал в отставку всех сколько-нибудь самостоятельных генералов, начиная с Ермолова, так что на Кавказ в 1845 г. он выписал из Одессы Воронцова, в 1848 г. ему пришлось помириться с А. А. Закревским, которого он 17 лет назад уволил за излишнюю независимость, а в 1853 г. – война заставила просить вернуться на службу Н. Н. Муравьева (будущего Карского), выброшенного из армии за тот же грех. Вообще о кадровой политике Николая I лучше всего, полагаю, говорит тот факт, что его *морским* министром был *армейский* офицер кн. Меншиков!

В «Оппозиции Его Величества» я касался проблемы законности в русской армии эпохи Александра I. Надо сказать, что из моих героев этот вопрос все-

рвез заботил только Воронцова и Киселева, встревоженных крайне низким уровнем военной юстиции и выступавших за ее немедленную реформу, которая упиралась в нехватку подготовленных кадров и невнимание царя к этой стороне жизни армии.

Тот факт, что Киселев стоит у истоков новой истории целой страны – Румынии – о многом говорит. И проведенные им реформы хорошо показывают, насколько проблема законности была важна для него.

Всю жизнь Киселев был человеком принципов и, отстаивая их, часто будировал сановный Петербург резкостью характера, который, полагаю, в большой мере отразился как в открытой вражде с Аракчеевым, что в 1820–1825 гг. было не безопасным занятием, так и в знаменитой дуэльной истории.

В 1821 г. его вызвал на дуэль генерал-майор Мордвинов, один из бригадных командиров 2-й армии. Притом, что поединки были запрещены, такой вызов не соответствовал негласному дуэльному кодексу – вызывать начальника считалось некорректным. Однако дуэль состоялась, и Киселев застрелил Мордвинова (до конца жизни он выплачивал его жене жалование мужа). В письме близкому другу, А. А. Закревскому, Киселев заметил: «Мог ли я поступить иначе... Я исполнил долг честного человека... Не знаю, как дело сие будет истолковано в столице... Воля царская, и я готов пожертвовать местом за честь свою, которую в жертву принести не могу».

С самого начала реформы и вплоть до 1856 г. его порицало множество обитателей передних Зимнего дворца.

В 1836 г. никакой программы преобразований государственной деревни не существовало, однако Николай I дал Киселеву полный картбланш. Еще раз подчеркну, что реформа трактовалась царем не как изолированное мероприятие, а как начальный этап разрешения крестьянского вопроса в целом¹⁰⁴.

Громадность поставленной задачи требовала серьезной подготовки, и она была проведена в весьма сжатые сроки.

29 апреля 1836 г. было учреждено V Отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии, которое в течение 20 лет служило средоточием всех проектов по крестьянскому вопросу. Сюда стекались предложения о смягчении и ликвидации крепостного права и отсюда исходили все последующие попытки изменений.

Создание V Отделения – исходный пункт для разработки и проведения реформы по управлению государственными крестьянами.

Ревизия 1836–1840 гг.

Что охраняешь, то имеешь.

М. М. Жванецкий

В 1836 г. Киселев, согласившись провести реформы государственной деревни, начал с ревизии Московской, Псковской, Тульской и Тамбовской губерний, которая за 1836–1840 гг. разрослась в масштабное обследование положения государственных крестьян в Европейской России.

Что же показывают данные этого весьма ценного источника, подробно проанализированные Н. М. Дружининым?

Коротко говоря, если привести ситуацию, описанную Карамзиным в «Письме сельского жителя», в квадрат, куб или в пятую степень, сделать поправку на географический масштаб и насытить конкретными деталями, то мы получим представление о положении государственных крестьян.

При чтении этих материалов в голове постоянно всплывает слово из другой эпохи и иной стилистики – беспредел.

Казенная деревня – в отличие от крепостной – была территорией колоссального беспорядка, потому что помещик был кровно заинтересован в том, чтобы получать доход, а чиновников, заведовавших государственным хозяйством, волновали не доходы казны, а свои собственные.

Тут разница примерно такая же, как между частным бизнесменом, который может разориться от своего нерадения, и советским директором, который **не разорится никогда**.

Ревизия выделила три главных группы проблем.

Первая – неудовлетворительное землеобеспечение. Крестьяне были наделены землей крайне неравномерно. Сплошь и рядом в одном и том же уезде площадь наделов колебалась от 1–2 до 10–17 дес. на душу, а порядка 60 тыс. крестьян совсем ее не имели. Вообще термин «малоземелье» встречается в документах ревизии ничуть не реже, чем в народнических текстах пореформенной эпохи.

Проведенные при нажиме Канкрин в ряде районов уравнительные переделы своей цели часто не достигали. («Отобрать – отобрали, а поравнять – не поравняли»¹⁰⁵).

При наличии сотен тысяч десятин пустующей казенной земли крестьяне вынуждены были снимать землю у помещиков, а весьма часто – брать в субаренду казенные же оброчные статьи*, снятые кем-то по сговору с общинным начальством. Как и в XVIII в., помещики при полном и не всегда бес-

* Общины владели так называемыми казенными оброчными статьями – неподеленными пашнями, сенокосами, рыбными ловлями, мельницами, пристанями, перевозами и т.д.

корыстном попустительстве администрации захватывали государственные земли.

Второй важной проблемой были подати и повинности. Ситуация здесь была настолько запутанной, что с ходу разобраться с ней не могли иногда и ревизоры.

Казенная деревня платила подушную подать, земские повинности и мирские сборы. Объем двух первых определяло государство, а третьих – сами крестьяне, точнее, мирские сходы, чьи решения должна была утверждать казенная палата. Ревизоры делили эти сборы на «законные», т.е. вызванные реальной необходимостью, и «незаконные», которые произвольно требовало сельское начальство.

Вот они-то и были Клондайком для губернских и уездных чиновников, а также сельской администрации, которые всю использовали неграмотность крестьян, их забитость и привычку к подчинению.

Практика взимания мирских сборов дает яркие примеры возмутительного беззакония, из-за которого эти сборы иногда превышали подушную подать. Зато сельское начальство концентрировало в своих руках весьма крупные суммы, позволявшие им, что называется, крутиться при исполнении служебных обязанностей, не забывая и себя, любимых.

Десятками обнаруживались специально изобретенные незаконные душевые налоги, неизвестные казенной палате и не отраженные в бухгалтерии. Записи волостных правлений напоминают ситуацию XIII–XV вв., когда при проезде ханских чиновников население платило им дополнительные налоги – «поклонное», «мимоходное по дороге послу» и т.д.

Вот лишь некоторые записи расходов волостного управления, найденные екатеринославским ревизором:

«В 1826 году в проезд разных чиновников куплено водки на	65,5 руб.
Дано стряпчему	20 руб.
За купленных для стряпчего и секретаря 3 барашка	6 руб.
За 4 барашка	8 руб.
За купленную для стряпчего и письмоводителя муку	4 руб.
В 1830 году за 2 бутылки рома для городничего	4 руб.
При бытности в Бахмуте ревизора Сведерского (ассессора казенной палаты) на разные для него надобности	53 р. 60 коп.
В 1835–1836 годах при отдаче в казначейство податей издержано на гостинцы казначею и канцелярским	13 р. 40 к.
В 1837 году дано старосте на рекрутскую квитанцию	68 р.
Заплачено в кабак за взятую водку при выборе головы и писарей	23 р. 20 к.
Издержано на водку для проезжающих чиновников	1р.
Дано ремонтеру за освобождение подвод	4 р.

Подарено канцелярскому, проезжавшему с чиновником Бобово (при особых поручениях у начальника губернии)	12 р.
Издержано для сельского заседателя ...Нагорного во время ярмарки	2 р. 36 к.» ¹⁰⁶

То есть любая мелкая сошка уездного масштаба могла рассчитывать на подношение за счет крестьян.

Вести сложную бухгалтерию не всегда могли даже писари, присылаемая отчетность не заполнялась (а часто вообще не велась), контроля за собранными деньгами не было, люди платили налоги за тех, кого не было в списках и т.д. и т.п. А еще многие селения должны были покрывать растраты своих начальников. Неверно насчитанные недоимки достигали десятков и даже и сотен тысяч рублей¹⁰⁷.

В подобном хаосе ни один казенный крестьянин не знал, сколько он должен платить в год податей, сколько за ним значится недоимок, внесены ли его деньги в Уездное казначейство. Однако такая обстановка была весьма благоприятна для самых наглых и беззастенчивых хищений со стороны местной администрации*.

Самой тяжелой натуральной повинностью была рекрутская. И здесь также вскрылись крайне серьезные злоупотребления. Дружинин пишет, что поступавшие сотнями «заявления о неправильной сдаче в рекруты» были самым массовым видом жалоб¹⁰⁸.

Ревизия установила, что посемейные рекрутские списки «почти повсеместно» ведутся с нарушением закона. Волостная администрация сплошь и рядом произвольно изменяла их, подделывала, нарушая очередность семей в этих списках – разумеется, не бесплатно.

Не меньше несправедливостей творилось при сдаче рекрут. Богатеи могли не только купить охотника или зачетную квитанцию, им не сложно было подкупить сельское начальство, угостить мир несколькими ведрами водки и даже обеспечить себе поддержку бедноты**. Часто ре-

---

* В материалах ревизии есть записка черниговского помещика, который так характеризовал тяжелое положение украинских казаков: «Урядники ездят по селам и требуют с них денег то на подушные, то на земские повинности, то на содержание контор, то на содержание Волостных правлений, то на содержание станových управлений, то на мирские надобности, то на оспопрививателей и так далее. Словом, предлогам ко взысканию денег нет конца, и бедные казаки платят безмолвно, не имея никогда той утешительной уверенности, что всё уже заплачено, а напротив того, оставаясь всегда в мучительном ожидании, что через несколько времени опять придут урядники взыскивать с них деньги на какую-либо новую надобность, о которой они прежде и не слышали». (Дружинин Н. М. Государственные крестьяне... Т. 1. С. 335–336.) То же наблюдалось в Херсонской, Подольской, Екатеринославской и других губерниях в отношении других категорий государственных крестьян.

** Ревизоры сообщают, что, например, в Екатеринославской губернии мир навсегда освободил семью Онисима Кувяки от рекрутчины за 800 руб. В селе Луганском той же губернии однодворец Голодников выставил вместо себя охотника, но, чтобы оформить сделку, ему при-

крутов сдавали без согласия мира и без какого бы то ни было мирского приговора¹⁰⁹.

Третий комплекс проблем, вскрытых ревизией, касался системы управления казенной деревней.

Дружинин пишет, что отчеты ревизоров на основании множества фактов солидарно и категорично констатировали, «что вся организация выборной и коронной администрации ведет государственных крестьян к упадку и разорению. Сельские и волостные органы избирались крестьянами на мирских сходах.

«Мир», ухидивший своими корнями в глубокое прошлое, представлялся и самому Киселеву, и многим из его современников хранителем народных обычаев, крестьянским оплотом против несправедливостей и насилий.

В действительности в условиях крепостнического строя и разложения патриархальных устоев крестьянское самоуправление, за исключением северных районов, переживало состояние упадка и вырождения.

Расслоение крестьянства и давление бюрократии превратило сельскую общину в орудие деревенских богатеев и уездных чиновников. **Напрасно мы станем искать в конкретных материалах ревизии доказательства свободы, и независимости крестьянского самоуправления.**

Черты идеализации, которые придавались сельскому миру в описаниях славянофилов, быстро стираются в свете материалов киселевской ревизии.

Сухие протокольные записи ревизоров разнообразных губерний дают безрадостную картину мирской жизни государственной деревни.

Мирской сход – это прежде всего пьяная сходка, которая инсценируется деревенскими кулаками и сельскими начальниками около и внутри питейного дома.

Мирские выборы, которые в принципе являлись важнейшим актом самоуправляющейся общины, определяя состав ее исполнительных органов, проходили в обстановке полного беспорядка и пьяного угара¹¹⁰.

Деревнями и выборным начальством повсеместно заправляла кучка бойких и своекорыстных богатеев («мироедов»). Они умело манипулировали сельскими сходами, заранее покупая голоса участников за ведра водки и мелкие денежные подачки.

«Приговоры составлялись и подписывались pro forma, ни в малейшей мере не выражая мнения трудящейся массы деревни. Как правило, на мирском сходе закладывались основы того произвола и повсеместного грабительства, которым систематически подвергались государственные крестьяне».

шлось раздать чиновникам 500 руб. взятки. Деньги он занял у соседа-богатея, а в обеспечение долга заложил ему своего сына Кузьму. (Там же. С. 337–338.)

Вот как изображает выборы ревизор Московской губернии.

Активная часть «предвыборной кампании» стартует за несколько дней до схода. Тот, кто хочет стать, например, волостным головой, объезжает округу с бочонком водки с «изветами» на нынешнего носителя власти или же с широкими обещаниями в случае, если сам занимает этот пост.

«Потом собирается сход толпою, без всякого порядка и разделения даже на стороны, но всегда в сопровождении вина и буйства. Сельский заседатель, играющий с земским (исправником) в таковых случаях важную роль, предлагают или заставляют предлагать одного за другим двух или трех кандидатов, которых общество – уверены они – не изберет.

Проходит три, четыре часа, мир мало-помалу расходится, засыпает и утихает. Этим и оканчивается выбор. Затем земский со сговорившимися пятью или шестью человеками пишут приговор, означая в оном произвольно и согласившихся, и несогласившихся, или не бывших даже на сходе. Все это везется в город и тем проформенность оканчивается».

Хотя во Владимирской губернии выборы с внешней стороны были больше похожи на то, что задумывалось законом, однако их содержание и итоги были аналогичными. Ревизор сообщает, что «выборы крестьянские начинаются пирами: одни угощают крестьян, чтобы быть избранными, другие – чтобы быть уволенными». Среди первых, как правило, преобладают люди ненадежные, а среди вторых – «лица трудящиеся», т.е. хозяйственные крестьяне, торговцы, промышленники.

Баллотировка происходит с помощью лукошка картофеля и чашек, куда кладутся картофелины (один клубень – один голос). Несложно вообразить, как с ними управляют не вполне трезвые, «подгулявшие» люди, нередко набирающие в руку столько клубней, сколько могут ухватить, чтобы положить их в какую-нибудь избирательную чашку.

Затем картофелины из чашек подсчитываются, результаты записываются, однако без понимания того, что число клубней не должно превышать число собравшихся на выборы крестьян.

«Вообще на выборах шум, крик, брань, упреки, а иногда драки», которые отвращают от выборов «крестьян благомыслящих, трезвых и доброго поведения. Многие крестьяне в похвальбу себе говорят: «Я, сударь, человек тихой, на выборах, то и на сходах никогда не бывал». Если же малая часть крестьян с их и появится, то крики пьяниц заглушают их голоса. Случается, что крестьяне, не желая итти по отдаленности на выборы или сход, дают руки свои старосте, и тот кладет за них картофелины»*.

---

* Аналогичную картину дала ревизия Вятской губернии: «Кабак в мирские сходки есть, так сказать, поприще, на котором состязаются спорящие о правах своих; из кабака изливаются самые убедительные доказательства, всегда склоняющие мир на ту из тяжущих сторон, ко-

Подобные характеристики, сообщает Дружинин, совершенно обычны.

Весьма характерно, что «мироеды» редко стремились занимать выборные должности, им выгоднее было выдвигать людей из своей «клиентелы»¹¹¹.

Неудивительно, что ревизоры «единодушно отмечали невысокий умственный и моральный уровень крестьянских выборных, их крайнюю неразборчивость в способах управления и склонность к беззаконию и стяжательству.

Получив должность, «народные избранники» часто начинали третировать своих избирателей. Сельские сходы собирались лишь по крайней необходимости, нужные решения готовились загодя и протаскивались любыми средствами. Приговоры часто фальсифицировались – их составляли задним числом и хранили как оправдательные документы на случай внезапной ревизии.

Ревизоры были буквально завалены жалобами крестьян на притеснения выборного начальства, которое нечестно нарезало землю, насильственно отбирало надель, искажало ревизские сказки, нарушало рекрутские очереди, всячески притесняло и не стеснялось их пороть и которое вымогало у крестьян деньги за подачу жалобы, за выдачу паспорта, – вообще при любом удобном случае, обещавшем поживу.

Крестьянские власти наживались не только на мирских сборах, но и на махинациях с мирским оброчным хозяйством. Приговоры общинных сходов о сдаче оброчных статей по закону должна была утверждать Казенная палата. Но и здесь ревизия выявила вопиющие нарушения обязательного порядка. Цены за аренду при этом назначались бросовые, а плату сельские начальники нередко попросту клали себе в карман¹¹².

Растраты собранных податей – на сотни, тысячи и даже десятки тысяч рублей – были довольно обычным делом.

Материалы ревизии содержат весьма негативную информацию о действиях местной администрации, которая, подобно офицерам после введения

торая их предлагает. Кому из крестьян нужны голоса, тот обещает поставить на мир известное количество вина и поставляет оное пред начатием прений, – после сего дело его выигрывается. То же средство употребляется при склонении голосов на выборах. Кто при этом не купит вина, на того падают самые тягостные должности; кто же ставил вино на мир, тому достаются в удел обязанности более легкие». По этой причине сходками управляют зажиточные крестьяне. Чем ближе к их началу выставляется водка, тем выше она котируется. Выпитое перед самой сходкой «более обязывает крестьянина, нежели то, которое выпито им накануне».

Так, черниговский ревизор говорит: «Выбирают в начальники тех, которые могут напоить избирателей и которых притом надеются впоследствии за вино иметь на своей стороне». По данным калужской ревизии, «мир торгуется с кандидатами; кто из них большее количество ведер вина выставит на угощение миру, тот им и избирается». Подобные же отзывы мы находим в ревизорских отчетах Тамбовской, Тверской, Курской, Орловской, Киевской и других губерний». (Дружинин Н. М. Государственные крестьяне ... Т. 1. С. 348.)

подушной подати, трактовала государственную деревню как свою «законную» кормовую территорию.

Ревизию захлестнула волна жалоб – «бесчисленных и во многих случаях весьма верных» – на уездных чиновников. Ревизор Вятской губернии докладывал: «Они справедливо ропщут и на равнодушие Казенной палаты, и на притеснения земских и волостных начальников... и по многим другим предметам».

«Брали, сколько с кого хотели, просто – грабили среди белого дня», – пишет екатеринославский ревизор, изумленный тем, что открытые им бесчинства имели место не в степной глубинке, а рядом с городом, на глазах у губернской администрации.

Больше всего притесняла государственную деревню земская полиция. Перманентные поборы натурой и деньгами, насилия и вымогательства – ее обычный модус операнди.

Так, воронежский ревизор особо отмечает негативное влияние становых приставов: «Люди сии большею частью необразованные и безнравственные, притом облеченные большою властью, беспощадно обирают казенных поселян, и ежели прибавить к этому, что исправники и стряпчие тоже не упускают извлекать свои пользы, то в сложности выходит, что казенный поселянин при нынешнем порядке вещей, по крайней мере, вчетверо угнетен противу прежнего»¹¹³.

Приставы самочинно обкладывали крестьян поборами в свою пользу, могли заставить работать в своем имении на барщине, а бывали и случаи страшнее, когда, например, во время расследования доноса о сектантстве садист земский исправник с комиссией три месяца «мучил» жителей 37 селений Курской губернии¹¹⁴. Подозреваемых пытали самым жестоким образом*.

И это был не единичный факт.

Ужас положения крестьян заключался в том, что практически они не могли защититься от подобных насилий: «Ревизия 1836–1840 годов документально установила, что местные судебные органы не отвечали своему назначению и являлись рассадником волокиты и беззакония»¹¹⁵.

Судебные дела, начатые для защиты интересов казенной деревни и ее жителей, без всякого движения лежали десятилетиями. Смоленский ревизор нашел 649 таких незаконченных дел, ряд которых был начат в 1811–1813 гг. (в рязанских судах дела лежали и с 1799–1802 гг.), в Екатеринославской губернии нашли 1477 нерешенных дел, а в Таврической – 3597. Показательно, что обычной практикой было не приведение вынесенных приговоров в исполне-

---

* Показательно, что этот конкретный садист отделался легким испугом. Против него открыли дело, однако уездный судья был его зятем, и истязатель остался не только на свободе, но и в своей должности.

ние. О том, что вся верхушка местной администрации беззащитно покрывала преступления друг друга, можно и не упоминать.

В ряду мздоимщиков видное место принадлежало окружным лесничим и землемерам, деятельность которых ревизоры описывают в «самых отрицательных красках».

В ведении окружного лесничего и его аппарата было выделение государственным крестьянам лесных участков, разрешения на рубку леса и привлечение к ответственности за самовольные порубки. Все это могло быть предметом продажи и было им. Так, в Ярославской губернии 987 казенных селений (41,9 тыс. ревизских душ) имели годовые лесосеки, а 929 селений (50,1 тыс. душ) остались без них. Не только положенный им по закону участок леса, но и билеты на вырубку нескольких деревьев крестьяне получали за взятки. Порубки без разрешения нещадно преследовались, но можно было и откупиться. Чиновниками казенное имущество воспринималось примерно так же, как сто лет спустя общенародная собственность.

Очень важную роль в жизни государственной деревни играли землемеры, которые фактически разрешали земельные споры и определяли в натуре границы и площадь крестьянских наделов.

От могли реализовать решение суда, а могли свести его на нет, могли дать чуть больше или меньше земли крестьянам, а могли – и соседним помещикам за счет государственных имуществ и т.д. Ясно, что эти услуги во многих случаях также были платными.

В определенном смысле **квинтэссенцией всего изложенного** выше является то, что **во всех** уездных казначействах Тверской губернии старосты, вносившие собранные с селения подати, могли получить квитанцию об уплате денег **только за взятку (!!!)**. Если староста не давал «положенного» рубля, его брали измором. То же практиковалось и в Подольской губернии¹¹⁶.

Отдельную и очень грустную страницу истории государственной деревни составляет проблема пьянства, обострившаяся после возобновления в 1827 г. откупной системы.

Если помещики и управляющие удельными имениями были не очень заинтересованы в пьянстве своих крестьян, то в казенной деревне кабаки открывались беспрепятственно. Так, в Московской губернии 1 кабак приходился на 843 душ мужского пола в помещичьих деревнях и на 167 душ в казенных. Для Орловской губернии соответствующие показатели равны 1569 и 334, для Саратовской – 4574 и 1040, для Казанской – 5399 и 1474 души¹¹⁷, а для 15 великорусских губерний* в 1837 г. – 2691 и 701 душа¹¹⁸.

---

* Владимирской, Вологодской, Воронежской, Калужской, Костромской, Курской, Московской, Нижегородской, Орловской, Псковской, Пермской, Рязанской, Смоленской, Тверской и Тамбовской.

Откупа развращали администрацию всех уровней самым фактом своего существования – слишком велики были соблазны, т.е. взятки, получаемые чиновниками. Так, «купленная» полиция разрешала открывать кабаки там, где этого делать не полагалось и в запрещенное время (не только ночью, но даже и во время праздничного богослужения), «а водка рассычалась по постоянным дворам и продавалась проезжающим. Крестьяне пропивали не только деньги, но и одежду, и инвентарь и др.».

Особый доход давали кабаки, открытые возле волостных правлений, – по сговору между откупщиками и местным начальством. И ревизоры считали, что инициаторами «доброй половины мирских сходов» были кабатчики – сходы часто заканчивались поголовным пьянством.

Ревизоры утверждали, что за водку «иногда погубляется участь семейств, из которых берут под разными неправильными предложениями последних работников; оказывают потворство ворами и мошенникам, которые за сие угощают сходку», а нередко вместо наказания взыскиваются деньги для пропой*.

В Тульской и Курской губерний ревизия установила, что по соглашению с откупщиками полиция взыскивала подати и оброки не сразу же после уборки урожая, а спустя некоторое время – чтобы продавшие хлеб крестьяне оставили часть денег в кабаке.

С корчемством крестьян, т.е. незаконным изготовлением или продажей спиртного, откупщики боролись так яростно, что дело иногда заканчивалось смертоубийствами**.

Дружинин пишет, что под руководством объездчиков питейных контор они производили «настоящие набеги» на казенные селения, врываясь с понятыми в избы, обыскивая хозяйственные постройки и огороды, иногда жестоко избивая заподозренных крестьян. Как опытные негодяи, они не гнушались подбрасывать невинным людям спиртное, чтобы склонить их «закончить дело миром – покупкою у кабатчика определенного количества откупного вина. Такие же сделки заключались между кабатчиками и крестьянами, если по случаю свадьбы или семейного праздника отдельные хозяева варили у себя пиво: за всякую варку пива, разрешенную, хотя и ограниченную законом, крестьяне обязывались купить определенное, назначенное кабатчиком количество ведер вина»¹¹⁹.

* В одном из курских селений ревизор нашел подлинный приговор сельского схода по делу лесного сторожа, укравшего несколько дубов. Приговор гласил: «В наказание Зубкова за худое поведение и воровство взять у него лошадь лучшую с упряжью, и корову, и четыре овцы, и которые есть у него дубы, и обществом пропить без всяких поворотов». (*Дружинин Н. М. Государственные крестьяне... Т. 1. С. 370.*)

** В губерниях, входивших когда-то в состав Речи Посполитой, крестьяне по закону имели право на выделку вина.

Жившие в Казанской и Вятской губерниях удмурты издавна варили так называемую кумышку, которую тогда считали родом пива и которая имела для них религиозное значение. Местные откупщики начали жестокую борьбу с этим обычаем. У крестьян производились массовые обыски, нарушителей сажали в тюрьму, давили огромными штрафами и, разумеется, били.

Дружинин приводит пример, когда пойманный со стаканом кумышки, купленным за 10 коп., вятский крестьянин Андрей Мохначев был присужден к уплате штрафа – покупке из кабака пяти «законных» ведер вина, каковой приговор, и был исполнен, «разумеется, при содействии местной полиции».

Нам известны случаи, когда подобный беспредел встречал серьезный отпор со стороны крестьян. Так, осенью 1837 года в Казанской губернии агенты откупщиков и местная полиция начали изъятие сваренной кумышки, удмурты трех деревень с палками и другими подручными средствами атаковали их и, избив понятых и нескольких чиновников, прогнали из деревни. Против крестьян открыли военно-уголовное дело и посадили зачинщиков в тюрьму. Аналогичный случай зафиксирован годом раньше в Курской губернии. Накануне местного престольного праздника откупщики и полиция захотели изъять самогон у крестьян. В начавшемся побоище крестьяне убили двух поверенных откупщика. В итоге 43 крестьянина оказались в тюрьме¹²⁰.

Итак, ревизия обнаружила, условно говоря, царство использованных возможностей определенного спектра.

Все, что можно было продать, продавалось.

Воистину, «что охраняешь, то имеешь».

Реформа государственной деревни П. Д. Киселева

Обдумывая план реформы, Киселев лично осмотрел ряд уездов Петербургской, Псковской, Московской и Курской губерний и 17 мая 1837 г. представил царю свои впечатления вкупе с некоторыми итогами ревизий, а также план реформы.

Его диагноз неутешителен: **«Безнравственность установленных властей и самих крестьян достигла высшей степени»** и требует адекватных мер для уничтожения злоупотреблений, которые до основания расстроили крестьянское хозяйство, «породили в них нерасположение к труду, и без того мало вознаграждаемому, и тем остановили, а в некоторых случаях уничтожили надлежащее развитие государственного богатства».

Важнейшей причиной бедности крестьян, особенно там, где не было дополнительных заработков, Киселев считал «повсеместное грубое невежество крестьян» и злоупотребления крестьянских должностных лиц, которых вы-

бирают из числа «поселян самых порочных и которые **суть первые орудия всех притеснений и беспорядков**».

Общее расстройство казенной деревни усугубляется пьянством, с которым эти крестьянские власти не только не борются, но, наоборот, из корыстолюбия всеми силами помогают его распространению, что подтверждают «многие мирские приговоры». Ситуацию могло бы изменить просвещение деревни, хотя бы минимальное, но духовенство об этом не думает, а школ очень мало.

Опытный человек, Киселев отмечает, что насколько крестьянская беднота доверяет правительству, ожидая от него улучшения своего положения, настолько сельское начальство и «богачейшие поселяне» будут против любых перемен, т.к. **«нынешний беспорядок управления доставляет особенные выгоды»**¹²¹.

Поэтому он считает, что начинать преобразования нужно не с податной системы, а именно с системы управления. И только тогда, когда новые власти завоюют авторитет у крестьян «правильностию и твердостью своих действий», можно будет приступать к переменам в налоговой сфере.

У него есть весомый аргумент – положение дел в удельных имениях осмотренных им губерний. Хотя они также находятся в ведении Министерства финансов, у них осталась собственная администрация, не подчиняющаяся земской полиции, а потому удельная деревня живет «без недоимок и без тех неурядиц, которыми обременены казенные крестьяне»¹²².

Прежде всего Киселев – вопреки предшествующей традиции – решает строить реформу на основе общины, поскольку она поможет избежать пролетаризации деревни и избавит Россию от появления класса неимущих и опасных для ее политического спокойствия людей*.

За счет чего Киселев рассчитывал изменить жизнь государственной деревни к лучшему?

Он понимал, что можно переложить подати с душ на землю, о чем давно мечтало правительство, что можно вообще создать любую систему сбора

* Уместно отметить, что не все дворяне были согласны с Киселевым и славянофилами в оценке политических преимуществ общины. В 1839 г. во время обсуждения проекта будущего закона об обязанных крестьянах кн. Меншиков в специальной записке резко высказался против идеи выкупа земли целыми общинами: «Не от отдельно обязанных обывателей опасаться должно неповиновения, но от общин, которым дается политическое бытие, огражденное материальными силами людного соединения, способного к сопротивлению и, следовательно, к неповиновению. От неповиновения же недалек переход к явному мятежу, и князю Меншикову неизвестно, чтобы где-либо допущены были условия с общинами низшего класса народа... Для упрочения власти правительства и общественного спокойствия не соединять, а разобщать должно силы материальные: Divide et impera». Это, видимо, первое известное нам указание на опасность протестного потенциала общины, высказанное на высоком уровне. (Заблоцкий-Десятковский А. П. Граф П. Д. Киселев и его время. Т. 4 С. 206–207.)

налогов, которая будет казаться разумной на бумаге, но не станет работать в жизни и обернется новым бременем для народа, если не уничтожить главный изъян нынешнего управления – обилие **безответственных** инстанций, каждая из которых норовит поживиться за счет крестьян, не знающих своих законных прав.

Поэтому было необходимо уничтожить **реальную неподконтрольность** в податном деле как сельской, так и коронной администрации, сделать должностных лиц ответственными за исполнение своих обязанностей и разрушить смычку между ними, минимизировав число людей, кровно заинтересованных в беспорядке.

А сделать это было возможно, только поставив все уровни управления под жесткий контроль и устранив все, что способствует беззаконию в деревне, позволяя общинному начальству манипулировать сельскими сходами и отдельными крестьянами (прежде всего – неорганизованность самих сходов).

Казенной деревне была нужна ответственная и справедливая администрация, которая играла бы, если угодно, роль разумного и в целом справедливого помещика, каким Л. Н. Толстой в эпилоге «Войны и мира» видел Николая Ростова.

Тогда крестьяне поверят в то, что новые власти хотят для них справедливости и умеют ее добиться. Они должны почувствовать себя защищенными. И здесь важнейшую роль играет упорядочение податной системы – крестьяне должны четко знать, за что они платят и сколько. Соответственно, вся налоговая самодеятельность сельского начальства должна быть ликвидирована.

Необходимо было отойти от привычного потребительского отношения казны к крестьянам и дать им возможность более достойной и осмысленной жизни, в которой будут школы, больницы, мелкий кредит, агрономия.

Требовалось упростить и специализировать управление, создав ведомство, чиновники которого будут заниматься только государственными крестьянами и их благополучием.

Поэтому государственные земли и живущее на них население были изъяты из управления Министерства финансов и казенных палат и переданы в ведение учрежденного в 1837 г. Министерство государственных имуществ (далее: МГИ) во главе с Киселевым.

В губерниях были созданы палаты государственных имуществ. Губернии делились на несколько округов во главе с окружными начальниками (офицерами).

Округа распадались на волости, а волости – на сельские общества довольно крупного размера (до 1500 душ), куда могли входить несколько селений. Привычное выборное начало сохранялось, однако с важными изменениями.

Так, сельские сходы теперь были двух видов. На обыкновенный, который собирался трижды в год, приходили выборные от каждого пяти дворов. Расширенный сход, в котором участвовали все домохозяева, созывался лишь в двух случаях – раз в три года для избрания сельского начальства и для переделов земли. Таким образом, сход переставал быть толпой, часто нетрезвой и плохо управляемой.

Соблюдение порядка в деревне регулировалось особым Сельским полицейским уставом.

Вводился суд двух инстанций – сельской и волостной, которые в своей деятельности должны были руководствоваться Сельским судебным уставом.

Кроме того, в пакет «Сборника постановлений по управлению государственных имуществ», входили Устав о сельском хозяйстве, постановления о благоустройстве в селениях, об обеспечении продовольствия и об общественном призрении, Устав врачебный, путей сообщения, пожарный, о паспортах. Это были тематически сгруппированные извлечения из Свода законов¹²³.

Закон скрупулезно расписал важнейшие для жизни крестьян вещи, в частности, детально регламентировал порядок сбора податей, выполнения повинностей и многое другое.

В совокупности это должно было серьезно упорядочить жизнь деревни.

Хозяйственно-податные аспекты крестьянской жизни контролировали окружные начальники. Они далеко не всегда были рыцарями добра и справедливости, и нареканий на них со стороны современников было немало. Нередко это были наглые взяточники, и их, говорят, не принимали в порядочном обществе.

Однако при всем том они были ответственными чиновниками, имели должностные обязанности, и их деятельность в свою очередь, тоже контролировалась. И это не могло не отразиться на положении дел.

Киселевская система управления зиждилась на существующем законодательстве. Права и обязанности всех инстанций и всех должностных лиц – от министра до сельского писаря – были четко и весьма подробно расписаны. Это Киселеву постоянно ставили в вину недоброжелатели, недовольные якобы излишней регламентацией*.

---

* В связи с этими претензиями вспоминается его близкий друг А. А. Закревский. С одной стороны, на всех постах, которые он занимал до 1831 г., проявлялся его «фирменный» стиль – выдающееся умение оптимизировать работу тех учреждений и структур, которыми он руководил, будь то Главный штаб, министерства или хозяйство собственных имений. А с другой, Закревского очень часто упрекали в формализме и педантизме. На современный русский язык эти упреки из XIX в. переводятся примерно так: он стремился заставить чиновников выполнять те указанные в законе должностные обязанности, за которые они получали жалованье – не более того. Киселев в этом плане был его единомышленником.

За недостатком места я хочу сейчас акцентировать то, что особенно важно для изложения.

Киселев с самого начала заявил, что его приоритет – не интересы казны, а повышение благосостояния деревни. Достичь этого он намеревался «попечением» (читай: патернализмом), заботой о «нравственном образовании крестьян» и охраной тех прав, которые они имели, согласно Своду законов.

Необычен был и взгляд нового министра на податной вопрос в целом: «В России нельзя и скажу более, не должно в настоящем ребяческом ее положении стремиться к возвышению до последней возможности государственных доходов»¹²⁴.

Киселев был уверен в том, что «каждый сверх меры исторгнутый от плательщиков рубль удаляет на год развитие экономических сил государства». Рост доходов казны должен зависеть не от внезапного и произвольного повышения налогов, а от тех средств, которые есть у населения. Пока его быт не улучшится, любое новое требование увеличенных платежей приведет к росту недоимок и уничтожит в зародыше развитие самостоятельности плательщиков. А отбирать последнее у бедняка – значит выносить «приговор всякому будущему преуспеянию»¹²⁵.

Апеллируя к «Жалованной грамоте городам» Екатерины II (1785) и другим законам, он трактовал цель своей реформы как переход «сельского состояния от неустройства к законному порядку, подобно тому, как Городовое положение дало устройство городскому состоянию»¹²⁶. В случае успеха треть жителей страны, получают «новое направление к нравственному и хозяйственному устройству»¹²⁷.

Киселев был убежден, что проводя столь масштабную перемену в жизни миллионов людей, «необходимо означить положительно пределы дарованных» им личных и имущественных прав, «указать ясно обязанности поселян и определить меру их ответственности, так как **полная известность этих условий более или менее обеспечивает самую неприкосновенность прав**, предупреждает нарушение обязанностей, устраняет произвол и служит залогом нравственного улучшения». Важную роль в этом сыграют также школа и «благонадежные священники»¹²⁸.

Жизнь деревни регулировалась Сельскими полицейским и судебным уставами. Так, в первом из них было 7 глав: 1) об обязанностях в отношении веры, 2) о соблюдении общественного порядка и Высочайших учреждений, 3) о сохранении правил нравственности, 4) об охранении личной безопасности, 5) о безопасности во владении имуществом, 6) о врачебном благоустройстве, 7) об охранении от пожаров. Все 112 статей Устава были основаны на действующих законах.

Биограф Киселева отмечает, что его герой, «**зная младенческое состояние народа, желал облегчить ему способ понять свои гражданские обязанности**». Он считал эту задачу настолько важной, что распорядился о чтении Сельского полицейского устава в крестьянских училищах, а многие статьи Устава были введены в тексты прописей¹²⁹.

В основе этих действий Киселева лежало убеждение в том, что «из полного рабства нельзя и не должно переводить людей полуобразованных вдруг к полной свободе».

Критики славянофильского толка отвергали необходимость Сельского судебного устава, считая, что крестьянам нужно было дать возможность судиться в своих делах на основании существующих у них обычаев.

Это замечание чрезвычайно важно не только само по себе, но и в контексте этой книги, поскольку за ним, как мы увидим, стоят два принципиально разных подхода к жизни крестьянства.

Заблоцкий-Десятовский, считавший издание судебного устава «одним из лучших памятников законодательной деятельности графа П. Д. Киселева», заметил по этому поводу, что в странах, где судьи руководствуются обычным правом, как, например, в Англии, оно основано на прецедентах, «т.е. на **предыдущих судебных решениях, конечно, записанных**. У наших крестьян ничего подобного не существовало. Оставить крестьян в отношении их домашнего суда, в особенности по проступкам, без всякого руководства, значило бы узаконить полный произвол, дать неограниченный простор диким, жестоким инстинктам необразованной массы»¹³⁰.

Почему это правильная точка зрения?

Потому что тот или иной ответ на вопрос – судить ли по уставу (закону) или по обычаю – дает два варианта развития правосознания населения, а значит, и страны вообще.

Если мы хотим в конечном счете сделать из крестьян крепостной эпохи граждан благоустроенного, как говорили в XIX в., государства, то в идеале они, безусловно, должны иметь единое правосознание, как в принципе его должны иметь жители любой страны – тем более такой огромной, как Россия*.

Если же мы хотим получить историко-этнографический музей-заповедник русского обычного права, то можно и нужно культивировать в десятках тысяч общин на территории 5 млн кв. км обычаи, что и произошло после 1861 г.

Редакционные Комиссии, многое заимствовавшие у Киселева, уберут писаное право из практики волостного суда, который будет принимать реше-

* Разумеется, я не забываю о национальной разнородности жителей Российской империи.

ния, руководствуясь обычаем, который, как считали члены Комиссий, существовал в каждой местности.

И во множестве случаев это обернулось вакханалией беспредела, торжеством худшего, что было в людях. К чему привело оставление «без всякого руководства» крестьянского «домашнего суда», действительно узаконившего «полный произвол» можно судить по бесчисленным негативным отзывам о практике этого суда, которые содержатся в источниках*.

Славянофилы считали, что крестьяне самодостаточны, а Киселев знал, что нет.

Я не буду обсуждать онтологическую проблему регламентации народной жизни. Она бывает очень разной. Замечу, однако, что критики Киселева – это те, кто в 1840–1850-х гг. владеют крестьянами как вещами, как коровами и лошадьми и могут, к примеру, проиграть их в карты.

Многим казалось, что Киселев просто пересаживает в государственную деревню практики и нормы деревни крепостной.

Чем все эти уставы – не улучшенная и дополненная инструкция Текутьева?

А тем, что они основаны на нормах действующего законодательства, а не усмотрении одного отдельно взятого барина.

Тем, что они приучают людей к сознанию своих прав и обязанностей (помимо обязанности платить, сколько велено начальством), и таким образом, вводят их в единообразное правовое поле.

Тем, что они не только имеют в виду рост благосостояния крестьян (помещики тоже бывали хорошими), но и проводятся в условиях стабильного налогообложения – подати в 1836–1856 гг. не растут.

---

* Вот один из них: «Особенно важные неурядицы в крестьянскую жизнь вносят Волостные Суды. Эти учреждения, как известно, для руководства при решении гражданских и частью уголовных дел, не имеют никаких определенных законов и постановляют свои приговоры на основании местных обычаев. Уже самый факт существования действующих по неписанному обычному праву судов в стране, обладающей развитой гражданственностью и стремящейся к успехам в области промышленности на мировом рынке, представляется странным.

Но кто близко знаком с деятельностью Волостных Судов, тот хорошо знает, как, с одной стороны, не обеспечены личные и имущественные интересы крестьянина и какая неуверенность и даже страх овладевают им, если ему приходится защищать свои нарушенные интересы при помощи своего сословного суда; а с другой – с каким самоуверенным нахальством возбуждаются в Волостных Судах самые неосновательные иски бесцеремонными в нарушении чужих прав людьми. Указанное явление происходит из того, что обычное право дает полный простор произволу, бороться с которым не в силах никакой административный надзор.

...В настоящее время в практике редкого Волостного Суда нельзя не встретить прямо противоположных решений по совершенно аналогичным делам... Между тем волостными Судами ведаются чрезвычайно важные имущественные интересы крестьян и им предоставлена огромная власть в наложении взысканий за преступления уголовного характера в виде присуждения к телесному наказанию. (Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. XIX. Курская губерния. СПб., 1903. С. 161.)

В деревне уменьшается беспорядок, крестьяне перестают быть дойными коровами для грабителей во власти.

А еще тем, что комплекс остальных мероприятий реформы реально меняет жизнь крестьян к лучшему и расширяет их горизонты.

За 19 лет министерства Киселева было подготовлено 483 законопроекта, касавшихся государственной деревни¹³¹.

Помимо упорядочения и расширения крестьянского землевладения, он планировал комплекс мер – продовольственных, агрономических, санитарных, просветительных и других, который должен был поднять благосостояние крестьян и повысить их платежеспособность. Предполагалось, что это даст хороший пример помещикам.

Вот некоторые итоги реформы.

Из свободных казенных земель было отведено нуждавшимся крестьянам около 2,6 млн. дес.¹³²

На 500 тыс. дес. было поселено 56 тыс. безземельных крестьян. Сельские общества получили в пользование более чем 2 млн. дес. леса¹³³.

Из малоземельных районов на свободные государственные земли было переселено около 170 тыс. душ крестьян, получивших около 2,5 млн. дес. (от 8 до 15 десятин на душу)¹³⁴.

Крайне важной мерой стало изменение порядка отбывания рекрутчины. До реформы она была устроена на основе очереди отбывания, где в списках числились крестьяне от 15 до 35 лет. То есть человека в течение 20 лет могли забрать в солдаты в любой набор. Киселев постановил, что призыв происходит только в 20 лет путем жеребьевки, и тот, кто вытащил удачный жребий, больше не беспокоится на этот счет¹³⁵.

Резко сократилось число кабаков.

В государственной деревне было открыто 1178 вспомогательных касс, где крестьяне могли получать хозяйственные ссуды на весьма льготных условиях. В среднем ежегодно выдавалось ссуд более чем на 1,5 млн. руб. При этих учреждениях мелкого кредита возникли 515 сельских сберегательных касс. Появились первые крестьянские сберкнижки, первые официальные крестьянские сбережения.

МГИ организовало 3262 сельских запасных магазина и 10 больших центральных, из которых крестьяне при необходимости «довольно щедро и без больших формальностей» получали помощь зерном как на питание, так и на семена¹³⁶.

Важное место в деятельности МГИ заняла борьба с пожарами. За 1842–1856 гг. ежегодное число сгоревших домов колебалось в пределах 10,2–23,1 тыс., а в 1848 г. – 32,5 тыс.¹³⁷ С 1853 г. начало планомерно вводиться добровольное страхование от огня – в среднем в год выдавалось около 600 тыс. руб.

Разработаны правила застройки селений, на основании которых были перестроены после пожаров 13,4 тыс. селений. Было построено 600 казенных кирпичных заводов, рассеянных по всей России, доставляли на льготных условиях дешевый кирпич, и в деревне начали появляться чуть ли не первые каменные дома¹³⁸.

В 1853 г. МГИ организовало взаимное страхование с крупным оборотом в 600 тыс. руб.

История медицины в России только начиналась. Киселев сразу обратил внимание на эту сферу. Министерство имело увеличивающийся штат врачей, фельдшеров, повивальных бабок, оспопрививателей, в губерниях были созданы постоянные больницы. Скот лечили ветеринары и коновалы.

В Москве была открыта фельдшерская школа на 150 человек, кроме того, их готовили при клиниках¹³⁹. Было устроено обучение крестьянок акушерскому искусству.

Во время эпидемий устраивались временные больницы, появились сельские аптечки.

И 27 лечебниц, более 150 врачей на жалованье и свыше 100 без жалованья, но с правами на чин и выслугу пенсии, и 420 фельдшеров¹⁴⁰, были, конечно, каплей в море. Но ведь раньше море обходилось без этой капли.

Оспа была кошмаром тогдашней деревни. Киселев развернул борьбу с ней. В 1845 в МГИ было почти 7 тыс. оспопрививателей, а к 1855 г. 90% рождаемых младенцев получали прививку оспы¹⁴¹.

За время министерства Киселева школьная сеть выросла с 60 училищ до 2536, а число учащихся – с 1,8 до 112,5 тыс., среди которых было почти 20 тыс. девочек¹⁴².

Было открыто 425 богаделен с 3,2 тыс. призреваемых¹⁴³. Строились церкви, причем причту вменялось в обязанность преподавание грамоты крестьянам и руководство первой медицинской помощью в несчастных случаях. Причту давали деньги на заведение опытных полей, образцовых ульев, плодовых садов и т.п.

Как ни судить о реформе Киселева, эти результаты следует признать значительными.

С. А. Князьков, резюмируя итоги реформы, отметил «значительный и очень заметный» подъем благосостояния государственной деревни: «Это очень почтенный результат для 18 лет деятельности... Эта загнанная, забитая и засеченная, по выражению современника, часть земледельцев России, над которой до П. Д. Киселева был господином и барином всякий человек в мундире и с кокардой на головном уборе, заметно оправилась и поправилась.

Это и выразилось очень отчетливо в возрастании цифры поступавших с государственных крестьян налогов и уменьшении их недоимок, причем самое количество сборов за все это время повышено не было»¹⁴⁴.

Новая постановка податного дела МГИ, переложение оброчной подати с душ на землю, проведенное в 18 губерниях привели к впечатляющим результатам. Вместо заоблачных недоимок 1820–1830-х гг. мы видим, что средний недобор податей за 1848–1858 гг. составил всего 2,08%, а если исключить неурожайный 1848 г. и военный 1855 г.*, то это показатель будет равен 0,06%. У помещичьих крестьян за те же годы недобор составлял 3,79%¹⁴⁵.

Киселев перевел на положение государственных крестьян крепостных черносошных и однодворцев, купил в казну 178 имений, продававшихся за долги владельцев – только этим он в сумме изменил к лучшему судьбу более, чем ста тысяч человек.

Он настоял перед императором на прекращении часто практиковавшегося обмена казенных имений на удельные.

Всеми этими мерами он хотел провести и укрепить в практике государственной жизни взгляд на государственных крестьян как на свободных сельских обывателей, живущих на казенной земле, а не крепостных казны.

Киселев думал о подобию издания для государственной деревни варианта Жалованной грамоты 1785 г. и даже подготовил ее, однако при Николае I это было нереально. Обсуждался даже вопрос об организации выкупа государственными крестьянами занятых ими казенных земель.

Вместе с тем реформа имеет все признаки места и времени. Безусловно, темным пятном на ней является продолжение крепостнического «раскулачивания», о котором упоминалось выше.

Резюмируем вышесказанное.

Реформа Киселева дает нам весомый повод оценить политику государства в отношении крестьянства за полтора века от начала реформ Петра I.

Закрепощение 1649 г. не сразу полностью обезличило крестьянство – это произошло с введением подушной подати, в основе которой лежал ревизский счет душ. По точной мысли Н. К. Бржеского, «все крестьянство таким образом было приведено к одному знаменателю: правительство не знало плательщиков, ни их платежных средств; были только „души“, – те несчастные души, о которых даже в исходе XVIII столетия, поднявшего на Западе знамя гуманизма и прав человека, у нас заботились отнюдь не более, чем о домашнем скоте»¹⁴⁶.

Во всех действиях государства «резко проводился взгляд на крестьянина, как на существо, которое живет не для себя, не для удовлетворения своих духовных и материальных потребностей, а для надобности государственной – для платежа податей.

Крестьянин XVIII столетия – это ничто иное, как **аппарат для выработки подати**; если этот аппарат находился в крепостной зависимости

* Тогда из-за войны оклад податей впервые увеличился на 5 млн. руб.

частного лица, то он кроме подати вырабатывал в пользу помещика оброк и отбывал разного рода повинности»¹⁴⁷.

Это очень емкие слова, за которыми – огромная часть нашей истории.

Подушная подать стала одним из факторов резкого ужесточения режима, и, несомненно, повлияла на формирование образа мышления нашего народа, поставленного в необходимость гораздо большей ценой, чем прежде, оплачивать в прямом и переносном смысле не только само существование вотчинно-крепостнического государства, но и его весьма активную внешнюю политику.

Одновременно она изменила ряд коренных условий ведения ими хозяйства. Под нажимом владельцев и казны пределы земли стали неотъемлемой чертой крестьянского земледелия, хотя крестьяне далеко не безропотно восприняли этот, по выражению Чернышева, «фискальный», или «крепостнический коммунизм». Введение круговой поруки также во многом обусловило рост напряженности внутри собственно крестьянства. Она способствовала становлению многих негативных явлений, в том числе и социального иждивенчества.

Восприятие крестьянина как «аппарата для вырабатывания подати» благополучно перешло из XVIII века в XIX.

Казенная деревня была в ведении Министерства финансов, а главной его заботой было поступление податей в казну. И люди, их платившие, интересовали правительство только в этом качестве, хотя с конца XVIII в. немало было сказано красивых слов о «попечении» над крестьянами, оставшихся, впрочем, словами.

Ради подушной подати можно было «раскулачить» черносошных крестьян, перевернуть все жизненные понятия сотен тысяч людей, и воспитывать веру в то, что царь всегда сделает так, как нужно большинству (крепостническая демократия) и т.д.

С одной стороны, Киселев продолжил эту линию и ввел, хотя и не полностью, уравнительное землепользование у однодворцев и казаков.

А с другой, его реформа во многом была прорывом.

Впервые в истории России было создано министерство, в ведении которого находилось 20 млн. налогоплательщиков, которое гласно объявило своей главной целью подъем их благосостояния, а фискальные мотивы отодвинуло на второй план. Правительство едва ли не впервые увидело в крестьянах людей. Оно впервые сделало для них что-то, кроме кормежки в неурожайные годы.

Реформа Киселева коснулась многих болевых точек будущей Великой реформы 1861 г.

Уверенный в опасности перехода «из полного рабства» «вдруг к полной свободе», он предпринимает попытку введения государственных крестьян в правовое поле, поскольку это путь выхода из психологического наследия русской истории.

Киселев понимает, что рано или поздно режим изменится. А столетия беззакония – плохая школа для этой новой жизни. И он хочет приучать людей к ней постепенно.

Ведь грядущее освобождение неотвратимо поставит перед Россией ряд сложнейших проблем, помимо баланса распределения помещичьей земли и платежей за оную.

И одной из главных здесь будет проблема сознания, сформированного в крепостничестве. Киселев считал, что перемены в этом сознании сами собой не произойдут.

Поэтому я считаю его преобразования рубежом в крестьянской политике Империи, потому что это была – в числе прочего – попытка подготовки миллионов людей к свободе. Насколько она могла быть успешной в тогдашних условиях – другой вопрос. Однако убежден, что в той конкретной ситуации и намерения Киселева дорогого стоят.

Вместе с тем еще раз подчеркну – правительство своими, что называется, руками почти полтора столетия до Великой реформы насаждало в русской деревне аграрный коммунизм – по причине его тактических удобств. О стратегических последствиях этой политики задумывались немногие.

О «как-нибудь» и «кое-как»

В 1907 году С. Ю. Витте, подводя итоги русско-японской войны, заметит: «Российская империя, в сущности, была военной империей; ничем иным она особенно не выдавалась в глазах иностранцев. Ей отвели большое место и почет не за что иное, как за силу».

Так было и в петровские времена после Полтавы, так и было и при Александре I и его брате. Не зря тогда граф М. С. Воронцов однажды язвительно заметит, что у нас «командование дивизией почитается верхом человеческого совершенства».

Вместе с тем мы должны понимать, что военная мощь России нимало не коррелировала с тем, как работали внутренние механизмы обеспечения боеготовности русской армии, а шире – российская система управления вообще, поскольку все было взаимосвязано.

Важную информацию в этом плане сообщает известная записка графа А. Ф. Ланжерона «Русская армия в год смерти Екатерины II», задумывавшаяся им как введение к мемуарам о российском периоде своей биографии*.

Надо сказать, что еще не зная о ее существовании, я с юности множество раз повторял высказанное в ней мнение автора о русском воинстве, вычитанное, помнится, у Петрушевского, которым (мнением) всегда несколько тщеславился. Пересказывал я его примерно так: «Судя по размерам внутреннего беспорядка, русская армия должна была бы быть одной из слабейших в Европе. Между тем она является одной из сильнейших. Объяснить данное противоречие я не могу, я могу на него только указать»**. Собственно говоря, для объяснения данного парадокса Ланжерон и написал этот текст.

Так и возникают аргументы в пользу спорного, но для многих из нас лестного соображения о «загадочной русской душе».

Записка – панорамный очерк внутреннего устройства и повседневности армии, как бы миниэнциклопедия. Автор касается весьма широкого круга вопросов, которые, как правило, игнорируют парадные батальная живопись и литература – от рекрутских наборов до характеристики генералитета, от бесконечных финансовых махинаций до военного образования, от повседневной жизни солдат и офицеров до порядка чиновпроизводства, от телесных наказаний до устройства артелей и обозов, от сибаритства военных до вредной для службы роли гвардии и т.д. За недостатком места я коснусь лишь того, что важно для нашего изложения, опуская, увы, множество колоритнейших деталей и характеристик.

В центре записки – впечатляющая картина удивительного беспорядка и масштабных злоупотреблений.

---

* Граф А. Ф. Ланжерон (1763–1831), генерал от инфантерии, видная и колоритная фигура той великой эпохи. Участник войны за независимость США, он, будучи уже полковником королевской французской армии, в 1790 г. тем же чином перешел на русскую службу и в том же году сражался со шведами при Роченсальме и штурмовал Измаил; при Екатерине II получил в командование полк. Уже генералом он участвовал во ряде войн начала XIX вв. Так, знаменитую сцену, когда в 1-м томе «Войны и мира» М. И. Кутузов засыпает на военном совете перед Аустерлицем, Л. Н. Толстой взял из его мемуаров.

Он также был одним из тех французов, которые начинали строить Одессу и о которых одесситы хранят благодарную память. Писал пьесы, привечал А. С. Пушкина во время южной ссылки и т.д. Написанную в 1796 г. записку он дополнил в 1826 г. замечаниями, позволяющими судить о переменах, произошедших за 30 лет.

** В оригинале эта мысль звучит так: «Начну с утверждения, которое, полагаю, будет признано справедливым, когда прочтут нижеследующие главы. Русская армия, по своему составу и господствующим в ней злоупотреблениям, должна бы была быть худшею в Европе, а между тем она является в ней одною из лучших. Постараюсь привести причины такого странного противоречия; но я могу скорее лишь настаивать на действительности этого явления, чем представить удовлетворительные ему объяснения».

Собственно говоря, по концентрации абсурда (как мрачного, так и забавного) Записка – это своего рода забористый коктейль из, условно говоря, Босха и Брейгеля, в котором, кстати, фигурирует и корабль – «громадное золоченое судно», которое возил с собой командир Кинбурнского драгунского полка бригадир Федор Апраксин, чтобы, переправляясь через реки, «давать на нем серенады»¹⁴⁸.

Это во многом определяется тем, что Ланжерон – опытный европейский офицер, с устоявшимися взглядами на жизнь и службу, а также и представлением о достоинстве военного, который из-за революции попал в другой мир с иной системой ценностей. В некотором смысле он стал вольтеровским Простодушным.

И что же он увидел?

Армию, которая, в сущности, функционирует за счет гигантской коррупционной схемы. Воровство в ней не просто поставлено на «промышленную основу», но имеет системообразующий, базовый характер.

Армию, где полковые командиры подкупом или страхом вовлекают подчиненных в преступные махинации с полковыми деньгами, и где достаточно низка служебная дисциплина – в том числе и из-за воровства.

В этой армии полковники часто живут в поразительной роскоши – в окружении свиты из прихлебателей и любовниц, на которых очень часто и женятся.

Это армия, в которой процветает жестокость в отношении солдат, где дают до 300, а то и 500 ударов за «пустую ошибку» на ротном ученье, где «негодяи... распивая чай перед своею палаткою», забавляются тем, что бьют «без всякой причины целую дюжину людей ради своего маленького развлечения».

В свою очередь, эта армия сама часто жестока по отношению к обывателям даже на территории Империи.

Это армия, где далеко не всегда присутствует служебная справедливость, где чины часто не заслуживают, а «хватают», и где знатность рода и знакомство с властью преобладают куда важнее истинных служебных заслуг.

И господствующее в стране крепостничество, хотя автор прямо этого не говорит, множеством примет отражается в повседневной жизни и солдат, и офицеров, в отношениях людей друг с другом и т.д.

Беспорядок начинается при самом комплектовании армии, т.е. с поставки рекрутов. Их рост, возраст, наружность, здоровье и даже личные качества строго регламентируются законами, но они, подобно многим другим законам в России, легко обходятся, и потому полки получают много новобранцев, которые не должны были бы служить.

Сдача в рекруты приводит людей в отчаяние. Кто-то плачет и рвет на себе волосы, кто-то увечит себя*, если может решиться на это, кто-то уходит в

* Ланжерон пишет, что «есть деревни, в которых все мужчины без исключения повырывали у себя по 5 или 6 зубов или отрезали по пальцу на руке».

бега, остальные долго горюют о родных местах и трудно привыкают к солдатчине.

Весь комплекс мероприятий, связанных с реализацией воинской повинности, – от выбора рекрутов в деревнях до доставки их в полки сопровождается такими злоупотреблениями, что до места назначения доходит едва половина взятых в службу людей.

Часть их умирает по дороге «от болезней, усталости, с горя и от дурного обращения. Другая часть просто напросто крадется провожающими их офицерами, которые показывают их умершими в дороге, а затем продают или отсылают в свои имения, если имеют их; наконец, часть из числа прибывающих бракуется.

В итоге из набора в 100 тысяч человек через год в строю остается половина¹⁴⁹ (конец этой вакханалии положил Павел I).

В центре записки – огромный мир беззакония, коррупции и воровства, зачастую неприкрытых, в который так или иначе вовлечены сотни тысяч людей – от рядовых до генералов, а также гражданских лиц, – причастных к добыванию и дележу («распилу», как сейчас говорят) громадных сумм, на которые должна функционировать армия, т.е. питаться, обмундировываться, кормить лошадей и т.д. А кроме того – воевать.

Эта четко отлаженная противозаконная система довольно органично встроена в государственный механизм и является его важной частью. Правительство о ней прекрасно осведомлено*, но не торопится ее уничтожить – и потому, что экономит на ее существовании огромные деньги, и потому, что просто не в силах пресечь ее целиком, даже если бы и хотело (это чревато уничтожением армии). То есть нельзя сказать, что оно совсем равнодушно к правонарушениям, но существующие меры контроля явно не достигают своей цели.

Реально мы видим ситуацию, корни которой уходят в московский период, – не имея возможности платить чиновникам достойную зарплату (и вовремя!), снабжать армию всем необходимым по действительной стоимости, правительство платит меньше положенного и закрывает глаза на злоупотребления, с помощью которых подчиненные выходят из финансовых затруднений.

Провиант и обмундирование поставляются в армию через две комиссии, характеризуя которые автор замечает: «Смею сказать, что вообще никогда не существовало и нигде не существует более наглых мошенников, чем чинов-

---

* Ланжерон отмечает, что «императрица отлично знает, что чиновники, во время своей службы, иногда имеют средства обходиться без жалованья, и что то, которое она дает им, как военным, так и гражданскими чинам, никоим образом не хватает на их содержание». (Русская Старина. 1895 № 4. С. 148.)

ники этих комиссий, и то, что они воруют ежегодно у казны, невозможно исчислить»¹⁵⁰.

Провиантские чиновники не блистали честностью и в королевской Франции, однако там они не носили мундира и «генералы приказывали их вешать». В России же это – офицеры, «ворующие до такой степени непристойно, что быстро наживаемые ими громадные состояния должны были бы открыть глаза правительству», но оно предпочитает оставаться слепым в этом плане. Их часто отдают под суд, но ни одного наказанного из них автор не видел; схожую ситуацию он отмечает в Англии.

Чиновники из комиссии снабжения обмундированием просто вздувают цены на него и они – «лишь жалкие воришки» по сравнению с провиантскими офицерами, которые разоряют свою страну «тысячами способов», среди которых, однако, доминируют два.

1) Сговор с полковыми командирами и капитан-исправниками (уездные начальники) о фиктивном установлении более высоких цен на провиант, чем те, которые есть в действительности.

2) Определение находящегося в магазинах хлеба якобы сгнившим, покупка (заготовка) нового и тайная продажа старого¹⁵¹.

Быть провиантским чиновником настолько выгодно, что этими должностями в Петербурге торгуют, так же, как и полками.

Ясно, продолжает автор, что достойный человек не станет жить такой жизнью, **которая в принципе может испортить кого угодно**; впрочем, провиантмейстеры моралью не обременены. Так, комиссионер полка Ланжерона майор Петр Нартов был человеком «презренным и негодным», которого выгнал прочь родной отец. На него заводилось три или четыре уголовных дела, он открыто мошенничал в карты, и тем не менее купил в Петербурге значительный округ и ворочал огромными суммами. Автор два года наблюдал, «как он обкрадывал казну с одинаковыми беззастенчивостью и бесстыдством», а под конец потом украл у Ланжерона несколько тысяч рублей, оставленных им на столе. И при всем том **«это был один из более еще честных людей своей компании»**¹⁵².

Эпицентром армейского мошенничества является полковая канцелярия, где круглые сутки 30 писарей заняты фабрикацией бесчисленного количества бумаг. Помимо того, что все приказы по полку записываются в особую книгу, с которой снимаются копии для каждой роты, существуют еще 13 специально прошнурованных книг, которые рассылает за своей печатью военная коллегия. В одну записывают жалованье, в другую – провиант, третья предназначена для казначейства и т.д. Приход и расход **каждого предмета** фиксируется в книгах, и дважды в год все офицеры своими подписями удостоверяют, что все необходимое поступило в полк и все было израсходовано правильно¹⁵³.

Если офицеры недовольны командиром, они могут отказать ему в своей подписи, что может стать для него большой проблемой. Однако такое случается редко, потому что «обыкновенно застрашенные или подкупленные своими начальниками офицеры подписывают, не читая; если же они и придираются к тем, которые позволяют себе слишком большие злоупотребления, то часто лишь для того, чтобы сорвать какую-нибудь подачку, после чего делают все, что от них желают»¹⁵⁴.

Так мера, которая в принципе должна была бы уменьшать злоупотребления, поскольку делала и офицеров ответственными за происходящее в полку, наоборот, способствовала росту воровства – ведь «в случае чего» командира пришлось бы судить вместе со всеми офицерами. Поэтому предпочитают никого не трогать, и все махинации остаются безнаказанными.

Именно отсюда вытекает мысль Ланжерона о том, что «не существует страны, в которой было бы столько предосторожностей против злоупотреблений, как в России, и ни одной, где бы их совершалось столько».

Понятно поэтому, что вынужденный все время писать и считать полковник должен стать «настоящим прокурором» (во французском смысле термина). В силу этого храбрый боевой офицер, который умеет «лишь сражаться» и достойно командовать своим полком на войне, «считается в России очень дурным полковым командиром».

Наибольший доход полковникам приносит содержание лошадей, точнее, махинации с фуражом и их поголовьем. Не говоря о том, что упряжные лошади овса не получали, он всегда мог, снизив число установленных казной повозок, уменьшить соответственно на 40–50 голов число лошадей в сравнении с положенным по закону.

Если полк квартирует в таком районе, где в случае форсмажора можно за 24 часа купить 200–300 упряжных лошадей, то тогда их можно в полку не иметь. В этом случае эти «мертвые» лошадиные «души» приносят полковнику «громадные» деньги.

Доход зависит от места дислокации полка и от цен на фураж. При прочих равных Ланжерон определяет его в 5 тыс. руб. для егерского батальона, в 8 тыс. для пехотного полка и в 15 тыс. руб. для гренадерского полка. (Напомню, что средняя величина оброка в конце XVIII в. считается в 5–8 руб.)

Часто в кавалерийских полках не хватает 300 лошадей до положенного числа, но этот фокус приносит их командирам 25, 30 и даже 50 тыс. рублей дохода. Они стремятся не только уменьшать поголовье своих лошадей и положенный им рацион, но и завышать закупочные цены фуража.

Капитан-исправники и городничие (начальники городов) обязаны ежемесячно давать главнокомандующему сводку рыночных цен, чтобы тот понимал, по каким ценам закупают фураж полковые командиры. Однако военные

чиновники подкупают гражданских, и те удваивают и утраивают представляемые цены.

Эти доходы, пишет Ланжерон, «хотя и общеприняты, являются настоящими мошенничествами», как и те, которые получаются от махинаций с числом солдат, их обмундированием и пищевым довольствием.

1) Командир полка, не сообщая точно число умерших и бежавших солдат, присваивает себе их жалование за 5–6 месяцев, а иногда и за год-два.

2) Он требует из комиссий все необходимое для обмундирования своих «мертвых душ» и к тому же отрезает два-три вершка от того, что дается на наличных солдат. В итоге возникают «целые склады сукна, холста, кожи и пр., которые служат ему» для того, чтобы одевать своих слуг, обивать свои экипажи, дарить своим друзьям или подкупать городничих; если эти запасы становятся слишком велики, их можно просто продать.

3) Ланжерон пишет, что «доход от пищевого довольствия солдат отвратителен, но громаден», он доходит до 12 тыс. руб. в гренадерском полку¹⁵⁵.

Тут начинались махинации с расписками крестьян о том, что они якобы кормили солдат за деньги. Командир, вместо того, чтобы брать натурой из провиантских комиссий муку и другие съестные припасы, получает на их покупку деньги. Понятно, что он ничего не покупает (крестьяне вынуждены кормить солдат даром) и из полученных денег, которые полностью причитаются солдатам, дает им только часть, а остальными делится с ротными, а те, в свою очередь, – с фельдфебелями.

Все они солидарно обманывают солдат относительно действительной цены провианта. Иногда полковой командир договаривается с солдатами, предлагая им какие-нибудь деньги, а если они их не берут, то угрожает выplatить крестьянам все, что им причитается.

«Этот доход очень преступен и очень опасен», по мнению Ланжерона, и «если бы солдаты принесли на это жалобу, то полковой командир лишь с трудом мог бы выпутаться из такого дела».

Однако если он, получив деньги на провиант, все-таки покупает его по более низкой цене и раздает солдатам натурой, «то доход этот весьма справедлив и не представляет, как и доход от фуража, никакой опасности».

При этом Ланжерон считает, что будь доходы полковых командиров поменьше (т.е. не будь они «школой разврата») то, будучи не слишком вредны для службы, они бы сэкономили деньги казне и были очень выгодны для армии.

Дело в том, что казна отпускает на покупку упряжных лошадей, на постройку повозок, на содержание госпиталя, канцелярии и т.д. заведомо меньше того, что они реально стоят (иногда четверть необходимого), и полковник восполняет разницу из своих доходов.

При этом «казна требует от него все, а иногда и более, чем бы следовало», хорошо понимая, что в отставку он из за этого не подаст. Не будь у него доходов, он потребовал бы от правительства «действительную цену всякой вещи, и цена этой вещи была бы громадна».

Наконец, надо помнить, что полковой командир отвечает за все и он обязан без всяких отговорок в 24 часа – если прикажут – выступить в поход.

Поэтому он выходит в путь и «прибывает на место назначения, иногда с трудом, но все-таки прибывает. Если в дороге он теряет лошадей, то теряет своих и покупает других; если они были казенные, то он покажет, что их погибло вдвое, донесет, что повозки поломались, пошлет жалобы на комиссионеров и пр. и будет стоять на месте».

В то же время, если бы казна взяла на себя покупку всего перечисленного, то этим бы занимались те самые мошенники из обеих комиссий, «а я говорю и еще раз повторяю, что из всех воров, рассеянных по земле, эти чиновники самые наглые и самые ненасытные»¹⁵⁶.

Наконец, малое жалованье, которое получают русские офицеры «физически не позволяет им существовать, и правительство было бы вынуждено его удвоить, если бы не знало, что полковые командиры часто помогают им и кормят их».

Ланжерон делает характерное замечание: «Доходы эти в том виде, в каком они существуют, хотя и оправдываемые необходимостью и обычаем, внушают иностранцу на первых порах отвращение, которое всегда и везде возбуждает ложь и воровство, но, мало-помалу, благодаря примеру, щекотливость притупляется, и привыкают не краснеть уже более за эти доходы, почитая их вполне необходимыми»¹⁵⁷.

Логическим выводом из сказанного является тот факт, что первое сражение, которое русская армия дает «в какую бы то ни было войну», согласно реляциям и донесениям командиров полков, оказывается, весьма кровопролитным.

Как правило, все люди и лошади, которых не достает до комплекта, показаны в них убитыми. Аналогично и с боеприпасами. Поскольку полковым командирам возмещается весь порох и пули, выпущенные, по их сообщениям, во врага, то даже в полку, который и близко не видел неприятеля, оказываются большие людские потери и истощение всех зарядов.

При этом в русской армии, как и во всякой другой, есть, конечно, инспекторы, обязанные бороться с подобными злоупотреблениями, обуздывать казнокрадство и давать «примеры строгости». Но эта система не работает.

Наконец, Ланжерон завершает свое описание: **«Из всего здесь прочитанного видно, что я был прав, говоря, что русская армия должна была быть наихудшею в Европе.»**

Каким же образом происходит, что она одна из лучших? Русский солдат приписывает это Николаю Угоднику, а я приписываю это русскому солдату; действительно, благодаря тому, что он лучший солдат в мире, победа всюду ему сопутствует»¹⁵⁸.

А дальше следует прочувствованный и несомненно искренний гимн: «Воздержный как испанец, терпеливый как чех, гордый как англичанин, неустрашимый как швед, восприимчивый к порывам и вдохновению французов, валлонов и венгерцев, он совмещает в себе все качества, которые образуют хорошего солдата и героя».

При этом Ланжерон говорит, что он показал русскую армию и существующие в ней злоупотребления точно. Да, изображение «сурово, и строгость его испугала меня самого; я перечел это описание несколько раз и не нашел в нем ни единого слова, которое следовало бы изменить. Я утверждаю, что оно составляет сущую правду»*.

Однако, продолжает Ланжерон, если помнить, что со времен Полтавы русские побеждали во всех войнах, которые они вели, то резонно спросить – чего бы не смогла совершить русская армия, если бы «существовала человеческая власть», настолько могущественная, чтобы исправить описываемые им злоупотребления?

И тут же уточняет, что так думает он, но отнюдь не его русские сослуживцы. Их точка зрения просто оглушает: «Я встречал между ними людей, отличавшихся величайшими достоинствами, которые говорили мне с убеждением, что **именно этим самым злоупотреблениям армия их обязана своею силою.**

Недостаток дисциплины, поощряемый примером начальников, случайность повышений, позволяющая всякому на него надеяться, возможность грабежей, веселость, порождаемая отсутствием порядка, роскошь полковых командиров, прельщающая и заманивающая тех, которые надеются сделаться ими, **наконец этот всеобщий и терпимый беспорядок**, – все это сделалось необходимым для русской армии, **и искоренение злоупотреблений имело бы своим последствием недовольство и уныние, которые остановили бы рвение и желание.**

Имели бы, говорят, превосходную немецкую народную армию, но ни в каком случае не имели бы русских солдат»¹⁵⁹.

В общем, что и говорить, бывают емкие высказывания. Очень интересная иллюстрация на тему «достоинства как продолжение недостатков».

---

* Информация Ланжерона подтверждается множеством других источников. См., например, *Татарников К. В.* Русская армия времен Екатерины Великой: взгляд изнутри [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники.

Начну с того, что, конечно, не 100% русских офицеров думало подобным образом, однако ясно, что эти слова дорогого стоят.

Итак, Ланжерон, выросший в другой цивилизации, смотрит на русское воинство со стороны, с привычной для себя европейской точки зрения. Он недоумевает, поскольку привык к тому, что мера внутренней организации той или иной армии и ее успехи на поле боя более или менее соответствуют друг другу.

А вот в России это соотношение загадочным образом нарушается.

Огромная коррупция и множество реальных изъянов (жестокость, дисциплина, несправедливости и др.), которые сломали бы, по Ланжерону, кого угодно и где угодно, в России, по крайней мере, не препятствуют успехам. Причем настолько, что многие офицеры считают их залогом побед.

Потому что империя Петра Великого – это особый мир, особая цивилизация, которая основана на, деликатно выражаясь, факультативном соблюдении законности и которая при этом побеждает всех врагов. Причем Ланжерону до конца непонятно – побеждает «вопреки» или «благодаря» своим недостаткам.

Известно, что бывают успешные люди, которые не укладываются, не вписываются ни в какую регламентацию, ни в какое расписание, ни в какую «обыкновенную таблицу умножения», используя выражение Глеба Успенского.

Видимо, то же можно сказать и о некоторых народах, особенно выросших вне правового поля.

Они умеют совершать подвиги и «по расписанию», и вне оно, и залогом этого является то, что они «за ценой не постоют» и издержек особенно считать не привыкли, поскольку важнее всего результат.

Мы помним слова Б. Н. Чичерина о том, что в «суровой школе» нашей истории «закалился русский человек, который привык всем жертвовать и все переносить с мужественною стойкостью», потеряв, однако, «чувство права и свободы».

Полагаю, не будет ошибкой утверждать, что описанная в Записке система жизнедеятельности армии не только более или менее соответствовала мироощущению множества военнослужащих, но и способствовала оптимизации упомянутых Б. Н. качеств.

При этом у Ланжерона хватает примеров отсутствия у военных людей «чувства права и свободы», примеров сочетания «геройства и низости».

Вообще весь текст Ланжерона о победоносном беспорядке, – он не о свободе, он, скорее, о воле, которая, в отличие от свободы, с порядком несовместима¹⁶⁰.

Странным – или совсем не странным – образом рассказ Ланжерона 20 лет спустя подтверждает его младший современник, будущий знамени-

тый историк 1812 г. генерал А. И. Михайловский-Данилевский, тогда флигель-адъютант Александра I. В своем «Журнале» он рассказывает о возвращении императора и двух его младших братьев в 1815 г. домой из покоренного Парижа.

18 октября в Берлине он записывает, что государь «час от часу становится строже, и великие князья принимают на себя вид Катонов по службе, **забывая или, быть может, не зная, что в русском царстве и в русской армии первое правило: как-нибудь.**

Михаил Павлович сказал вчера при многих особах: «Нашим офицерам нельзя давать воли».

Присутствие иностранцев помешало мне ему отвечать, что русские офицеры одни во всем свете, на которых лежит величайшая ответственность, с которых за все взыскивают, которые редко имеют средства к содержанию себя и у которых нет в виду ни спокойной жизни в отставке, ни призрения после тяжелых ран. **При бедности они самые исправные, при малом воспитании самые храбрые, неутомимые и послушные.**

Теперь, продолжает автор, мир заставит уйти в отставку многих отличных офицеров, и вот тогда-то начальство поймет, насколько несправедливо было обращаться с ними, исходя лишь из «правил строгости».

На их место придет неопытная молодежь, а также множество иностранцев, и «страшно подумать», во что превратится русская армия через несколько лет. Если захотят уничтожить основу того, «чем она доселе была славна, то должно употребить несчетные суммы на лучшее содержание и образование офицеров и солдат; **но тогда армия Румянцева, А. В. Суворова, Кутузова похожа будет на австрийскую и на прусскую, не будет напора, натиска, уверения в победе, презрения к неприятелю, не услышать слов: «Ура! С нами Бог!»;** но медленность и систематический порядок заменят быстроту, которой она преимущественно отличается, эгоизм и скупость офицеров – **место братской их жизни, где смерть и радость пополам»¹⁶¹.**

Очень важные мысли.

Начнем с четкой оппозиции – молодые великие князья «принимают вид Катонов по службе», а Михаил говорит о том, что русских офицеров надо держать в дисциплине, в строгости. Напомню, что это говорится об офицерах победоносной армии, возвращающейся домой из покоренного Парижа.

Флигель-адъютант упрекает великих князей в том, что они забыли или просто еще не знают, что главное правило в России – «как-нибудь».

Что он вкладывает в это определение, исходя из контекста?

На мой взгляд, продолжение его мыслей позволяет говорить о том, что русские офицеры поставлены властью в не самое приятное, хотя и уникальное положение (они «одни во всем свете»).

С одной стороны, она им мало платит, не обеспечивает достойной жизни в отставке и не заботится должным образом о них после тяжелых ранений. Да и слова о «малом воспитании» я бы тоже отнес к числу упреков правительственной политике*. То есть власть относится к своим верным слугам «как-нибудь».

А с другой, она с них «за все взыскивает».

Да, повсюду на офицерах лежит «величайшая ответственность», но в других странах к ним другое отношение, их лучше образуют, больше платят и т.д. Тем не менее, русские офицеры являют собой образец исполнения воинского долга, братства ратного и человеческого.

Принципиально важно, что Михайловский-Данилевский **прямо** связывает успехи и блестящие достоинства русской армии с недостаточным содержанием и даже образованием («воспитанием») офицеров и солдат.

Да, союзники в этом плане выглядят лучше, но мы лучше выйдем на поле боя, а это главное.

Войны с Наполеоном – чемпионом человечества – показали, что культурная благоустроенная Европа в борьбе с ним оказалась несостоятельна. Победила его отсталая, бедная Россия и русская армия, в которых главное правило – «как-нибудь», приносящее, тем не менее, осязаемые результаты.

Это вновь заставляет вспомнить Чичерина – о суровой закалке русского человека, «который привык всем жертвовать и все переносить с мужественной стойкостью», и даже схожую по настроению мысль Генрика Сенкевича из «Крестоносцев»**.

Поэтому перспектива превращения русской армии в подобие армий союзников неприемлема для автора. Это будет и диагнозом, и приговором всему, что важно и ценно для него.

Да, Михайловский-Данилевский, подобно множеству дворян, вполне осознает, что жизнь армии, как и жизнь страны в целом, проходит в феерическом беспорядке, поскольку «в русском царстве и в русской армии первое правило: как-нибудь».

Однако это не помешало России стать «первой державой в мире».

---

* Слабость российского военного образования на фоне европейского была очевидна; 90% русских офицеров-участников Бородинского сражения умели лишь читать и писать по-русски.

** «Доспехи у поляков были лучше, кони рослей, рыцари тоже были лучше обучены и ни в чем не уступали западным. Избалованных воителей Запада шляхтичи превосходили и физической силой, и способностью переносить голод, холод и ратный труд. Обычаи их были проще, панцири грубее, но закал крепче, а их презрению к смерти и беспримерной стойкости в бою даже в те времена не раз удивлялись приезжавшие издалека французские и английские рыцари». Характерно и определение, которое дает писатель своим героям: «Поколение, которое носило в сердцах предощущение грядущего величия».

Думаю, что можно говорить о более или менее распространенном убеждении дворянства в относительной эффективности такого строя жизни. Любые попытки насадить строгую регулярность сделают из уникальной России какую-нибудь Пруссию или Австрию. А наше превосходство над ними – аксиома.

Вот такая у нас цивилизация.

Полагаю, вряд ли можно сомневаться, что «как-нибудь» ограничивается только проблемами офицерского корпуса.

После смерти Екатерины II прошло почти 20 чрезвычайно насыщенных лет, из которых больше половины Россия вела непрерывные войны.

Вольница эпохи «матушки» во многом стала преданием – едва ли кто-то из полковых командиров мог теперь заменить вензель императора своим гербом, как это делал командир Козловского пехотного полка Иван Бибииков, или заставлять танцевать полонез во время учений пехотному строю, подобно командиру Смоленского драгунского полка В. Н. Чичерину (деду Бориса Николаевича).

Реформы Павла Петровича и Александра I многое изменили в русской армии, о чем говорит в примечаниях 1826 г. и сам Ланжерон. Многое, но отнюдь не все.

В частности, военно-интендантская система по-прежнему была не только источником несправедливых доходов, но и слабым местом русской армии в целом, о чем говорит не только почти коллапс ее снабжения в 1806–1807 гг., отчасти отраженный Л. Н. Толстым в истории Василия Денисова во 2-м томе «Войны и мира». Как известно, по приезду в 1815 г. в Петербурге царь отстранил управляющего Военным министерством князя Горчакова.

Однако и снабженческие трудности далеко не исчерпывали всех армейских проблем. Будь мне в 1980-х гг. известна мысль Михайловского-Данилевского, я бы непременно поставил ее эпиграфом к своей книге «Оппозиция Его Величества», в которой анализируется ряд этих проблем, ибо о чем бы ни рассуждали мои герои, все это характеризовалось словом «как-нибудь».

Пройдет почти 110 лет, и в феврале 1925 г. В. В. Шульгин отправит В. А. Маклакову обширный текст, в котором есть такие строки:

«Когда разразилась японская война, в известной среде русского общества, которая раньше болела квасным патриотизмом, и была еще при Тургеневе убеждена, что мы весь мир “шапками закидаем”, в этой среде было распространена пошлая острота: “Ну что такое японцы – макаки”. Для не знающих естественной истории поясню, что макаки – это род обезьян.

На это будто бы однажды престарелый М. И. Драгомирова, киевский генерал-губернатор и командующий войсками округа, хорошо знавший русскую армию с ее достоинствами и недостатками... сказал: “Они-то макаки, да мы-то кое-каки”.

В этой фразе слишком много мысли для такого малого количества слов.

Драгомиров как бы предсказал судьбу японской кампании. Огромная русская армия, которая, казалось бы, раздавит, как комара, маленькую Японию, была поведена в бой по всем принципам “кое-какства”...

Нового способа ведения войны не знали. В первом бою под Тюренченом прорывались сомкнутыми колоннами с музыкантами впереди. Пулеметов не имели вовсе. Обо всяких разрывных снарядах, объединявшихся тогда под именем “шимозы”, не имели понятия, почему тот же Драгомиров пробурчал однажды – они нас шимозами, а мы их молебнами; в бой шли в белых рубахах, не подозревая, что на свете существуют защитные цвета, и, что самое скверное, – перевооружали артиллерию во время войны.

Начали же морскую войну тем, что в первый же день объявления войны прозевали японские миноносцы и позволили им войти в собственную гавань, вывести из строя три больших корабля и безнаказанно уйти.

Впрочем, это пышно расцветшее “кое-какство” сказалось во всей нашей дальневосточной политике. Неизвестно для чего мы влезли в Корею, кое-как, по небрежности затронули Японию, о которой не имели не малейшего представления, ибо разведка велась тоже кое-как, и затем полезли в войну, хотя, как показал опыт, к войне были совершенно не готовы.

Между тем войны ничего не стоило избежать или, по крайней мере, оттянуть. Но ведь японцы с обезьяньей точностью, до последнего винтика скопировавшие лучшую армию в мире – немцев, конечно, были макаки. В конце концов точные обезьяны разбили гениальных кое-каков¹⁶².

Сам Шульгин трактует «кое-какство» как «небрежность, неточность, недобросовестность», что кажется явным сужением поля термина, исходя из текста его монолога – ведь к этим определениям трудно свести дилетантскую внешнюю политику и провальную боевую подготовку армии и флота, стоивших России позора, перед которым померкли Аустерлиц и Крым.

Тут нужно говорить прежде всего о недостаточной компетентности власти на высших ее уровнях, о причинах которой позволяет судить конкретная информация Шульгина.

И когда погружаешься в историю русско-японской войны поневоле вспоминаются строки Ланжерона о том, что успехи России в главных отраслях военного искусства невелики. А причиной тому – «не столько беспечность двора», мало заботящегося о военном образовании, «сколько национальные предрассудки... Их самолюбие является причиной этого невежества, и невежество его поддерживает».

Многие русские офицеры, продолжает автор «считают **искусство и науку в военном деле не только бесполезными, но даже и опасными** (это было мнение князя Потемкина, которое он при мне поддерживал двадцать раз).

Искусство передвижений, расположения войск лагерем, составление диспозиций, сложные и искусные маневрирования, образцовые произведения искусства и тактики, высокие соображения Густава-Адольфа, Конде, Тюренна, Люксанбурга, Виллара, Мальборо, Евгения Савойского, Лаудона, Фридриха почитаются русскими за пустые химеры; их штыки и их казаки составляют всю их науку и, за исключением Румянцева, Каменского, Игельстрома и Прозоровского, я не знал ни одного генерала, русского родом, который не был бы пропитан этими смешными принципами»¹⁶³.

Вспоминается и самое настоящее презрение к военной науке, которое любовно культивирует Л. Н. Толстой в «Войне и мире»*.

Однако, справедливо возразят мне, с тех пор ситуация с военным образованием у нас кардинально изменилась, и конкурс в военные академии зашкаливал.

Это правда.

Но, судя по тому, что нам известно, это не убергло наши вооруженные силы от неудач. Некоторые, условно говоря, газоны и вправду надо стричь 300 лет.

Между «как-нибудь» как основным правилом «русского царства и русской армии» А. И. Михайловского-Данилевского и «кое-как» М. И. Драгомирова лежит 90 лет. Воистину, в обоих высказываниях «слишком много мысли для такого малого количества слов».

И если мы интуитивно – и, убежден, – абсолютно верно улавливаем общее, что есть между ними, то это означает, что оба они покрывают типологически схожие явления.

Это значит, что за время правления четырех императоров и 10 лет царствования пятого в чем-то важном, а, возможно, главном Россия не изменилась.

Почему так произошло мы, надеюсь, поймем позже.

---

* Во время франко-прусской войны 1870–1871 гг. И. С. Тургенев, сочувствовавший немцам, писал 24 августа 1870 г. И. П. Борисову: «Я очень хорошо понимаю, почему Толстой держит сторону французов. Французская фраза ему противна, но он еще более ненавидит рассудительность, систему, науку, одним словом, немцев. Весь его последний роман («Война и мир» – М. Д.) построен на этой вражде к уму, знанию и сознанию, и вдруг ученые немцы бьют невеж французов!». (Русский архив. 1910. Кн. 4. С. 617.)

Правосознание «азиатства»

Мы, холопы твои, волочимся за судными делами на Москве в приказах лет по пяти и по десяти и болше, и по тем судным делам, нам, холопом твоим, указу [решения] нет. И мы, холопы твои, с московские волокиты вконец погибли...»

*Коллективная челобитная дворян царю
Михаилу Федоровичу 3 февраля 1637 г.*

Нам сие велми зазорно, что... и у бусурман суд чинят праведен, а у нас вера святая, благочестивая, а судная росправа никуды не годная

И. Т. Посошков. «Книга о скудности и богатстве»

Не надеюсь я истребить плутни и воровство, но уменьшу непременно. А теперь на некоторое время и приостановились. Насчет грабительства говорю речи публично, и для удобнейшего понятия в самых простых выражениях.

А. П. Ермолов. 1817 г.

Русский либерал теоретически не признает никакой власти. Он хочет повиноваться только тому закону, который ему нравится.

Б. Н. Чичерин

Дореволюционная русская мысль была пронизана антиправовыми идеями, совокупность которых известна под не совсем точным названием «правовой нигилизм». Право очень часто понималось в России как нечто специфически западное, привнесенное извне, и отвергалось по самым разным причинам: во имя самодержавия или анархии, во имя Христа или Маркса, во имя высших духовных ценностей или материального равенства.

Анджей Валицкий. Философия права русского либерализма

Мама, здесь ни с кем нельзя договориться!

*26-летний математик, перехавший из России
в Германию. 2020 г.*

Фактически еще одним развернутым эпиграфом к этой главе являются известные мысли Н. Г. Чернышевского о российском «азиатстве» (1859), которыми мне хочется предварить рассмотрение данной тематики.

Семантику термина он раскрывает так: **«Азиатством называется такой порядок дел, при котором не существует никакой законности, не существует неприкосновенности никаких прав, при котором не ограждены от произвола ни личность, ни труд, ни собственность»**¹⁶⁴.

Закон здесь беспомощен, ибо господствует насилие, и более сильный может безнаказанно творить со слабейшими все, что ему угодно, а поскольку человеческих понятий у него нет, то им управляют только прихоти – добрые или дурные. Какой вид каприза возобладает в данной конкретной ситуации – первый или второй – зависит от самодурства сильного.

Верховенство этого самодурства безгранично, и каждый «азиатец» в общении с более сильным человеком стремится только угодить ему, иначе сильнейший, не видя покорности и раболепия, просто раздавит его.

«Мы часто обвиняем азиатцев за их раболепство», – заключает Чернышевский, – «но что же им делать, когда закон у них... бессилён? Водворите у них законность, и ... они сделаются такими же людьми, как мы, европейцы!»¹⁶⁵.

Не только вычеркнувшему в 1859 г. эти мысли цензору понятно, кого на самом деле имеет в виду Чернышевский, употребляя оборот «мы, европейцы».

Кстати, безжалостно заезженная мысль Пушкина о государстве как «единственном европейце» в России, говорит ровно о том же. Ведь из нее прямо следует, что, кроме одушевленного в этом случае государства, точнее, правительства, все остальные жители страны таковыми не являются.

Нет, мы – не европейцы, уже прямо говорит в другом месте Чернышевский, которого очень раздражала модная мысль о якобы «молодости России». Он считал, что века русской истории сформировали нашу «натуру», привив весьма специфичные навыки и черты характера, преодолеть которые нам крайне трудно.

«Основное наше понятие, упорнейшее наше предание», – констатирует Чернышевский, – «то, что мы во все вносим идею произвола... **Каждый из нас маленький Наполеон или, лучше сказать, Батый.**

Но если каждый из нас Батый, то что же происходит с обществом, которое все состоит из Батыев?

Каждый из них измеряет силы другого, и, по зрелом соображении, в каждом кругу, в каждом деле оказывается архи-Батый, которому простые Батыи повинуются так же безусловно, как им в свою очередь повинуются баскаки, а баскакам – простые татары, из которых каждый тоже держит себя Батыем в покоренном ему кружке завоеванного племени, и, что всего прелестнее, само это племя привыкло считать, что так тому делу и следует быть и что иначе невозможно»¹⁶⁶.

А кроме этой многовековой привычки, у нас немало других, ей родственных.

«Весь этот сонм азиатских идей и фактов составляет плотную кольчугу, кольца которой очень крепки и очень крепко связаны между собой, так что

бог знает, сколько поколений пройдут на нашей земле, прежде чем кольчуга перержавеет и будут в ее прорехи достигать нашей груди чувства, приличные цивилизованным людям»¹⁶⁷.

Я намеренно начинаю с этих строк. Они дают, на первый взгляд, несколько утрированную картину российских правопорядка и правосознания, однако, безусловно, заслуживают внимания.

Поскольку говорят то, о чем не принято упоминать «при всех», цитируя анекдот о Петре I и будущем адмирале, тогда лейтенанте Мишукове*.

Неудивительно, что почти все мысли Чернышевского в 1858 г. пали жертвой цензуры.

Однако не все разделяют эту пессимистичную точку зрения на роль права в истории нашей страны. Так, А. Васильев пишет о «банальном и неверном представлении большинства современных мыслителей, и в частности юристов, о низкой правовой культуре в России (так называемом, биче России – правовом нигилизме): отрицании права и его ценности для российской цивилизации. Главное заблуждение, в которое при этом впадают ученые, – оценка русской правовой культуры с точки зрения западноевропейских теорий верховенства права и закона в жизни общества как естественных прав человека во главе с идеалом свободной личности»¹⁶⁸.

Никак не претендуя на ответственное наименование «мыслителя» и не будучи при этом юристом, признаюсь, тем не менее, что вполне разделяю эти «банальные и неверные представления». И делаю это, надо сказать, не в одиночестве.

Можно понять эмоции Васильева. Он, видимо, искренне уверен в правоте своих героев-славянофилов и стремится защитить их учение от тех, кто, подобно мне, считает верховенство права и закона в жизни общества необходимым условием процветания последнего, и кого не слишком убеждают

---

* «Флотского лейтенанта [Захара] Мишукова Петр очень любил и ценил за знание морского дела и ему первому из русских доверил целый фрегат. Раз – это было еще до дела царевича Алексея – на пиру в Кронштадте, сидя за столом возле государя, Мишуков, уже порядочно выпивший, задумался и вдруг заплакал. Удивленный государь с участием спросил, что с ним. Мишуков откровенно и во всеуслышание объяснил причину своих слез: место, где сидят они, новая столица, около него построенная, балтийский флот, множество русских моряков, наконец, сам он, лейтенант Мишуков, командир фрегата, чувствующий, глубоко чувствующий на себе милости государя, – все это – создание его, государевых рук; как вспомнил он все это да подумал, что здоровье его, государя, все слабеет, так и не мог удержаться от слез. «На кого ты нас покинешь?» – добавил он. «Как на кого, – возразил Петр, – у меня есть наследник-царевич». «Ох, да ведь он глуп, все расстроит». Петру понравилась звучавшая горькой правдой откровенность моряка; но грубоватость выражения и неуместность неосторожного признания подлежали взысканию. «Дурак! – заметил ему Петр с усмешкой, треснув его по голове, – этого при всех не говорят». (Ключевский В. О. Сочинения. М. 1989. Т. 4. С. 33.)

рассуждения о том, что для русского народа мораль важнее закона*. К тому же историк, в том числе и историк права, должен, на мой взгляд, не оправдываться, а объяснять.

Увы, явно недостаточная ценность права в русской истории, низкая правовая культура населения нашей страны, правовой нигилизм, который является вовсе не «так называемым», а самым настоящим бичом России, – вещи настолько очевидные и притом банальные, что не требуют пространных доказательств.

Это вполне понятное и естественное следствие всеобщего закрепощения сословий, которое априори не предполагает повышенного внимания к правовой стороне бытия. Читатели уже имеют некоторое представление о том, в каком юридическом поле веками жила наша страна**.

Р. Уортман пишет, что в отличие от Европы, где положение судов и юриспруденции – при всех сложностях – было в известной степени почетным, «самодержавие в России, всегда отстаивавшее превосходство исполнительной власти, пренебрегало отправлением правосудия, и это пренебрежение разделялось чиновничеством и дворянством.

Презрительное отношение к суду вполне устраивало чиновников, не желавших придерживаться рамок законности, и дворян, привыкших лицезреть власть в руках величественных правителей, воплощавших собою государственную мощь, которым они могли подражать в своих поместьях»¹⁶⁹.

Проблема, конечно, несколько шире простого нежелания чиновников жить по закону и стремления дворян подражать верховной власти.

Как говорилось, всеобщее закрепощение сословий было мобилизационной моделью, пусть и архаичной. И читателям не нужно объяснять, как мало эта модель, построенная, по модному выражению, на «ручном» управлении страной, сочетается с правопорядком и насколько для нее исполнительная власть важнее законодательной – царям были нужны послушные воеводы и губернаторы, а не самостоятельные судьи и прокуроры. У дворян же издавна была привычка решать свои проблемы неформально, привычка так или иначе договариваться.

Отсюда восприятие права как чуждого элемента в нашей привычной жизни; частный случай такого восприятия – характеристика славянофилами римского права как «жестокоего» – ведь там «*dura lex sed lex*».

Сказанное, разумеется, не означает, что в стране не было законов, не было судебной системы, и правосудие отсутствовало по факту. Это далеко не так. Есть даже мнение, что, например, в XVII в. отечественная система уголовного

* А для какого народа, кстати, не важнее? Чудную комедию «Закон есть закон», кстати, не на Мосфильме поставили.

** В сущности, моя книга «Оппозиция Его Величества» – в большой своей части говорит об этом.

наказания была вполне сопоставима с западными образцами, что Россия в этом плане – один из вариантов нормы¹⁷⁰.

Эта система по множеству объективных причин работала скорее плохо, чем хорошо, о чем повествует множество источников, не говоря уже о выразительных народных пословицах и поговорках. Достаточно сказать, что даже в первой половине XIX в. встречались неграмотные судьи¹⁷¹.

Весь имперский период самодержавие стремилось строить деятельность правительства на основе идей европейского права, что подтверждают попытки судебных реформ. Вместе с тем это стремление сплошь и рядом находилось в противоречии с вековыми житейскими традициями населения, а также и с привычками самих монархов, которые зачастую были неспособны выполнять собственные законы. Мы помним мысль Ланжерона о том, что нет страны, где властью принято так много «предосторожностей против злоупотреблений, как в России», и нет страны, где бы их не совершали в таком огромном количестве.

Ни Петр I, ни Елизавета Петровна, ни Екатерина II, ни Павел, ни Александр I не смогли, хотя и пытались, составить новое Уложение законов.

Только в 1830-х гг. появился, наконец, «Свод законов»*, т.е. русское право удалось кодифицировать лишь с 10-й попытки (как считать)¹⁷².

Мы знаем, что государственный механизм в значительной мере был поражен коррупцией, которая нередко затрагивала и высших чиновников.

Мы имеем представление о системе военного интендантства.

Нам известны результаты ревизии государственной деревни 1836–1840 гг., которые также несложно экстраполировать на остальные сферы жизни страны. Иногда источники и литература рисуют такие картины то-

---

* При этом о справедливости некоторых его норм можно судить по одному примеру из категории «капля-океан»: случившемуся примерно в те годы, когда славянофилы утверждали приоритет правды внутренней над правдой внешней.

Однажды в Московской губернии трое государственных крестьян решили ограбить раскольничье селение. Жители села застали их в тот момент, когда они, выломав окно, ворвались в один из домов для грабежа. Двое убежали, а третий – Лупп Федотов был пойман на огороде без верхней одежды, сброшенной им под выломанным окном.

Федотов сознался перед становым приставом в преступлении, подтвержденном сверх того 13-тью свидетелями под присягой и 11-тью бесприсяжными показаниями. Московская уголовная палата вынесла Федотову соответствующий приговор. Однако Сенат, рассмотрев это дело, положил следующую резолюцию: «Как Лупп Федотов в уездом суде отрекся от учиненного им при следствии становому приставу сознания в учиненном им воровстве; показания же 24 человек раскольников, против него отобранные в противность 217 статье XV т. Св. зак., не имеют силы доказательств, почему Луппа Федотова оставить только в подозрении и освободить от присужденного ему Московскою уголовною палатою; станового же пристава за то, что он, вопреки 217 ст. XV тома, допустил раскольников под присягою против православного в свидетели предать уголовному суду». (Столетие Министерства юстиции.... С. 77–78).

тального, повсеместного беззакония и воровства, которые не сразу уместятся в голове.

А потом в памяти всплывает, что любимой пьесой Николая I был «Ревизор». Затем вспоминаешь, как император отреагировал на информацию о том, что из примерно полусотни его губернаторов лишь ковенский А. А. Радищев и киевский И. И. Фундуклей не брали взяток, причем даже с виновных откупщиков, что тогда как бы вообще не считалось за взятку: «Что не берет взятку Фундуклей – это понятно, потому что он очень богат, ну а если не берет их Радищев, значит, он чересчур уж честен»¹⁷³.

И это сразу очерчивает «пейзаж» эпохи – «что охраняешь, то имеешь!».

Что там такие по-своему естественные мелочи, как, например, поборы землемеров и лесников с государственных крестьян, если Н. П. Дубенский, директор Департамента государственных имуществ Министерства финансов, до реформы Киселева ведавший казенной деревней, скупал пожалованные другим чиновникам аренды и незаконно получал земли казны! Его отдали под суд, но дело ограничилось лишением его звания сенатора.

Вот несколько показательных фактов.

Конечно, мы не можем считать повесть А. С. Пушкина «Дубровский» историческим источником о судебной практике конца XVIII – начала XIX вв., однако в нашем распоряжении есть и вполне реальные истории такого рода*.

Так, будущий могущественный руководитель внешней политики Империи и ее канцлер А. А. Безбородко в бытность еще статс-секретарем Екатерины II (вторая половина 1770-х гг.) был пожалован казенным именем в Малороссии. Вводить его во владение приехал специальный поверенный, тут же заявивший претензии на часть смежного поместья дворянина Покорского, которое якобы раньше принадлежало пожалованному селению. Специальная комиссия, присвоив себе не положенные ей по закону судебные права, присутствовала Безбородко не только спорную землю с живущими на ней крестьянами, но и все остальное имение Покорского «взамен иска за насильственное владение»¹⁷⁴.

* К. П. Победоносцев отмечает: «В нашей истории вовсе не выработалась идея формального различия между вотчинными и личными правами... не выработалось и понятие о безусловном значении права собственности. Посему нечего искать в нашей истории и абсолютных доказательств вотчинного права: в спорах о праве собственности, о землях, о недвижимости, предметом и целью производства служит не вопрос о том, чье право есть абсолютное, а о том, чье право лучшее, которая сторона оправдала свое право перед другой стороной».

Это понятие, продолжает автор, соответствует «неопределенности нашего юридического быта» в котором идея полной абсолютной собственности до новейшего времени не нашла себе строго определенной юридической формы. Поэтому поземельные права проявлялись, главным образом, «во владении, так что при столкновении прав владения то оставалось в силе, которое было крепче и могло перед другим оправдать себя». (Победоносцев К. П. Гражданское право. М.: Статут. Т. 1. С. 731.)

Началась долгая тяжба между Покорским и Безбородко, который тем временем подарил имение тайному советнику О. С. Судиенко. Все судебные инстанции, включая Общее собрание Сената, несмотря на огромное влияние Безбородко, решили дело в пользу Покорского.

Дело перешло в XIX век. Министр юстиции И. И. Дмитриев внес об этом сенатский рапорт на имя Александра I в Комитет министров. Во время его обсуждения председатель Департамента законов Государственного Совета граф В. П. Кочубей (племянник Безбородко) как попечитель детей умершего Судиенко возбудил ходатайство о пересмотре этого решения в Государственном Совете. Однако этому органу по закону запрещалось принимать жалобы по тяжбам, и Комитет министров также единогласно постановил исполнить принятое Сенатом решение.

Однако через несколько дней Кочубей сумел переубедить членов Комитета министров, они отменили только что принятую резолюцию и приняли новую, по которой сенатское решение все-таки было передано для пересмотра в Департамент духовных и гражданских дел Государственного Совета¹⁷⁵. Кочубей добился своего.

Какой там «Дубровский» с его несправедливостями уездного разлива! Уездов в России уже тогда были сотни...

Негативные мнения о работе судебной системы могли бы составить увесистый том.

Официальное юбилейное издание истории Министерства юстиции объясняет «печальное положение нашего правосудия» в момент вступления Николая I на престол тем «непроницаемым хаосом», какой «представляли собою те законы, коими надлежало руководствоваться судьям при исполнении своих судейских обязанностей»¹⁷⁶. И к концу его правления ситуация не слишком изменилась.

Ключевский пишет, что в начале правления этот царь, желая вникнуть в положение дел, рассылал ревизоров, которые «вскрывали ужасающие подробности». Оказалось, например, что в Петербурге никогда не проверялась ни одна касса, все финансовые отчеты были заведомо фальшивыми, а несколько чиновников с сотнями тысяч рублей бесследно исчезли. Указы Сената подчиненные учреждения игнорировали. Около 130 тыс. человек сидело в тюрьмах, ожидая решения по двум миллионам дел, открытых в судебных местах. Согласно отчету министра юстиции, в 1842 г. во всех служебных местах империи не было завершено еще 33 млн. дел.

«Под покровом канцелярской тайны», – продолжает В. О. Ключевский, – «совершались дела, которые даже теперь кажутся чистыми сказками. В конце 20-х годов и в начале 30-х производилось одно громадное дело о некоем откупщике; это дело вели 15 для того назначенных секретарей, не считая пис-

цов; дело разрасталось до ужасающих размеров, до нескольких сотен тысяч листов. Один экстракт дела, приготовленный для доклада, изложен был на 15 тыс. листов.

Велено было, наконец, эти бумаги собрать и препроводить из Московского департамента в Петербург; наняли несколько десятков подвод и, нагрузив дело, отправили его в Петербург, но оно все до последнего листа пропало без вести, так что никакой исправник, никакой становой не могли ничего сделать, несмотря на строжайший приказ Сената; пропали листы, подводы и извозчики»¹⁷⁷.

Чем не сюжет для сериала?

Проведенная в 1840 г. ревизия департаментов С-Петербургского надворного суда обнаружила такую картину, что Николай I после знакомства с ее результатами «в порыве благородного негодования написал следующие строки: *“Неслыханный срам; – беспечность ближнего начальства неимоверна и ничем не извинительна; Мне стыдно и прискорбно, что подобный беспорядок существовать мог почти под глазами Моими и Мне оставаться неизвестным”*»¹⁷⁸. Наряженные вслед за этой новые ревизии выявили, что «произвол и небрежение правосудия достигли в некоторых судебных местах неимоверной степени».

В сущности, о чем говорить, если сам министр юстиции граф Панин дал через директора департамента Топильского взятку в 100 руб. тем судейским, которые разбирали дело о приданом его дочери?¹⁷⁹

Эту тему можно развивать еще долго.

А теперь, учитывая все сказанное выше, зададимся простым вопросом – какое правосознание могло воспитаться в подобных условиях у жителей страны, – от императора до крестьянина, включая дворян и чиновников?

Ответ прост – разумеется, нигилистическое.

Русский дворянин в принципе не мог вынести из реальной жизни уважения к праву как феномену.

Если ребенок с детства усваивает, что для ему подобных владеть живыми людьми так же естественно, как уметь читать, если он вырастет в мире, построенном на идее неограниченного крепостного права, если, став офицером или чиновником, он наблюдает или сам участвует в том, что Коллманн деликатно именуется «экономикой даров», а мы – просторечно – коррупцией, то носителем каких правовых понятий он может быть в зрелом возрасте?

С судом он сталкивается большей частью, когда судится за поместья и наследство, – замечу, в условиях «неопределенного юридического быта» и беззащитной манипуляции законодательством.

Откуда там было взяться пиетету к законодательству?

Отдельными людьми правовой нигилизм выражался сугубо индивидуально и мог облекаться в разные формы.

Напомню известную мысль Н. М. Карамзина из «Записки о древней и новой России»: «В России Государь есть живой закон; добрых милует, злых казнит... наше правление есть отеческое, патриархальное. Отец семейства судит и наказывает детей без протокола, так и монарх в иных случаях должен необходимо действовать по единой совести»¹⁸⁰. Эта мысль, на мой взгляд, едва ли не лучшее из определений патернализма.

В Отчете III Отделения за 1842 г. читаем: «Преимущество самодержавной власти состоит прежде всего в том, что самодержавный властитель имеет возможность поступать по совести и в определенных случаях бывает даже вынужден пренебрегать законом и решать вопрос так же, как отец разбирает спор своих детей; ибо законы – это создание человеческого ума, и они не могли и не могут предусмотреть все намерения человеческого сердца»¹⁸¹.

Таким образом, один из крупнейших интеллектуалов и тайная полиция одними и теми же словами говорят о **необязательности** применения закона, о возможности и даже необходимости его избирательного действия и пр.

Мотивы у них при этом, возможно, не вполне одинаковые*, но это и не важно. И, конечно, не случаен системоцентричный образ царя-отца семейства, членами которого являются все дворяне, а при случае – и весь народ страны.

А. Валицкий пишет, что «враждебное или по крайней мере глубоко подозрительное отношение к рациональному правопорядку можно в большей или меньшей степени обнаружить во всех отсталых и периферийных обществах, а особенно в тех, где модернизация приняла вид вестернизации и где поэтому современная правозаконность представляется враждебной их самобытной культуре и свойственной только Западу В дореволюционной России такая тенденция была, вероятно, особенно выразительна»¹⁸². Однако он не склонен преувеличивать «природную вражду между русским характером и духом законов».

Валицкий весьма убедительно помещает правовые воззрения русских людей в контекст идейных исканий европейской мысли XIX в.; так, славянофилов он именует «романтическими антилегалистами».

Для нас сейчас это не очень важно.

Проблема была не столько в том, кто и под чьим влиянием критиковал в России право и законы в XIX в., а в том, что новейшие философские искания

---

* III Отделение отражало взгляд царя на то, что он является единственным источником законодательства и единственным авторитетным его интерпретатором. Карамзин же тут ясно показывает, почему дворянство против конституции и намеченных Александром I и М. М. Сперанским реформ. Установление большей законности, усиление роли права в жизни страны сокрушит крепостное право, а такой сценарий неприемлем для дворянства.

наслаивались на вынесенный из средневековья правовой нигилизм. Большинство русских дворян и знать не знало ни о Ж. де Местре, ни о романтической критике европейскими мыслителями рационализма Великой Французской революции и др.

Однако истории, в том числе и семейные, типологически близкие к описанным С. Т. Аксаковым, знали многие. Одних этих историй было достаточно, чтобы поселить у него самого, его детей, «Багровых-правнуков», и их современников весьма скептическое отношение к правопорядку – в широком смысле.

Напомню, что, пытаясь объяснить слабость в нашей истории правового начала, К. С. Аксаков изобрел теорию о внутренней и внешней правде, противопоставляя нравственную оценку явлений механически действующему законодательству.

Поскольку для русского народа, по его мнению, «внутренняя» морально-нравственная «правда» всегда была важнее «внешней правды» закона, то это – в числе прочего – доказывало преимущества нашего этического подхода к жизни над эгоизмом западной культуры, построенной на «безжалостном» римском праве, которому и дела нет до «всех намерений человеческого сердца».

Славянофилы, как известно, активно использовали теорию М. М. Погодина о том, что европейские государства основаны на завоевании власти, а Русское – на ее призвании.

Поэтому эти государства могли быть только принудительным соединением оккупантов и покоренного населения, и римское право со своим формализмом и стремлением разобрать богатство жизни на мельчайшие детали оказалось подходящей *внешней* формой, чтобы поддержать эту искусственную конструкцию.

А на Руси взаимоотношения между государством и народом складывались, по славянофилам, принципиально иначе. Здесь народ понимал, что он должен «хранить и чтить» добровольно призванную им в лице Рюрика власть, а власть, в свою очередь, осознавала, что народ, пригласивший ее, не является «униженным рабом, втайне мечтающим о бунте», он – «свободный подданный, благодарный за ее труды и друг неизменный».

Однако, заметим мы, подобные отношения должны основываться на полном доверии между обеими сторонами. Но как быть, если вдруг однажды доверие нарушится? В жизни такое случается. Значит, нужны какие-то обязательства, нужна гарантия того, что согласие будет сохраняться.

На это К. С. Аксаков дает знаменитый ответ: **«Гарантия не нужна! Гарантия есть зло. Где нужна она, там нет добра; пусть лучше разрушится жизнь, в которой нет доброго, чем стоять с помощью зла. Вся сила в идеале.»**

Да и что значат условия и договоры, как скоро нет силы внутренней? Никакой договор не удержит людей, как скоро нет внутреннего на это желаяния. Вся сила в нравственном убеждении. Это сокровище есть в России, потому что она всегда в него верила и не прибегала к договорам»¹⁸³.

Что и говорить – сформулировано сильно и красиво! Хотя русская история и не вполне подтверждает сказанное.

Нельзя, однако, не вспомнить Н. А. Бердяева заметившего на этот счет, что «гарантий прав человеческой личности не нужно в отношениях любви, но отношения в человеческих обществах очень мало походят на отношения любви» и что «отрицание правовых начал опускает жизнь ниже правовых начал»¹⁸⁴. Правоту Бердяева подтверждает вся история крестьянского правопорядка после 1861 г., в основе которого лежали конструкции славянофилов и итоги эволюции которого Россия подвела в ходе катаклизмов начала XX в.

Напомню две известные и, увы, вечно актуальные для нас мысли родоначальника левого народничества А. И. Герцена:

1. «Мы повинемся по принуждению; в законах, которые нами управляют, мы видим запреты, препоны и нарушаем их, когда можем или смеем, не испытывая при этом никаких угрызений совести»¹⁸⁵;

2. «Правовая необеспеченность, искони тяготевшая над народом, была для него своего рода школою. Вопиющая несправедливость одной части законов вызвала в нем (русском народе – М. Д.) презрение к другой. Полное неравенство перед судом убило в нем в самом зародыше уважение к законности. Русский, к какому бы классу он ни принадлежал, нарушает закон всюду, где он может сделать это безнаказанно; точно так же поступает правительство. Это тяжело и печально для настоящего времени, но для будущего тут огромное преимущество»¹⁸⁶.

Плюсы беззакония для будущего мы оценим чуть ниже, а пока заметим, что эти хрестоматийные мысли Герцена настолько верны, точны и так категорично сформулированы интонационно, что кажется, будто его не устраивает положение, при котором народ и власть как будто соревнуются в наплевательском отношении к закону.

Однако такое предположение было бы неверным. Герцен был законченным правовым нигилистом – и как социалист, и как де-факто славянофил – не только из-за критики несовершенства Европы, но и из-за наплевательского отношения к европейской культуре, науке и праву.

Чичерин вспоминает: «Я говорил ему (Герцену – М. Д.) о значении и целях государства, а он мне отвечал, что Людовик-Наполеон ссылает людей в Кайенну.

Я говорил, что преступление должно быть наказано, а он отвечал, что решительно не понимает, каким образом учиненное зло может быть исправлено совершением другого, такого же зла»¹⁸⁷.

Герцену принадлежит такая, например, мысль: «Разве какому-нибудь юристу легко признаться, что все уголовное право – нелепая теория мести; что лучший уголовный суд – очищенная инквизиция; и что в лучшем кодексе – нет ни логики, ни психологии, ни даже здравого смысла?»¹⁸⁸. Под этими словами подписался бы и Л. Н. Толстой.

А вот еще одна весьма характерная, чисто славянофильская сентенция: «Западное мирозерцание, с его гражданским идеалом и философией права, с его политической экономией и дуализмом в понятиях, принадлежит к известному порядку исторических явлений и вне их несостоятельно»¹⁸⁹.

Иными словами, правовое государство не является ни магистралью развития всего человечества, ни идеальной целью автора. Оно вообще не обязательно.

Правовые воззрения Герцена вполне проясняются, когда он специально рассматривает эту тему. Многие из русских, пишет он, и, в частности, Чаадаев недовольны «отсутствием у нас того элементарного гражданского катехизиса, той политической и юридической азбуки, которую мы находим... у всех западных народов.

Это правда – и если смотреть только на настоящее, то вред от этих неустоявшихся понятий об отношениях, обязанностях и правах делает из России **то печальное царство беззакония**, которое ставит ее во многих отношениях ниже восточных государств.

В самом деле, идея права у нас вовсе не существует или очень смутно; она смешивается с признанием силы или совершившегося факта. (то есть «батыевщину» сознает не только Чернышевский – М. Д.)

Закон не имеет для нас другого смысла, кроме запрета, сделанного властью имущим; мы не его уважаем, а квартального (т.е. полицейского – М. Д.) боимся...

Нет у нас тех завершенных понятий, тех гражданских истин, которыми, как щитом, западный мир защищался от феодальной власти, от королевской, а теперь защищается от социальных (т.е. социалистических – М. Д.) идей: или они до того у нас спутаны, искажены, обезображены, что самый яростный западный консерватор от них шарахнет назад.

Что, в самом деле, может сказать в пользу неприкосновенной собственности своей русский **помещик-людосек**, смешивающий в своем понятии собственности огород, бабу, сапоги, старосту?

Все это так.

Но тут-то мы сейчас и разойдемся»¹⁹⁰.

Чем же его не устраивает взгляд Чаадаева и его единомышленников на законность, с которым он собирается расходиться и действительно расходится?

Тем, что, находясь на почве законности, невозможно совершить вожденный прыжок из крепостного права в социализм. Ведь Запад именно из-за

«привязанности» к правовому началу никогда не сможет перейти к социализму.

Он начинает убеждать читателя в диалектических преимуществах «печального царства беззакония», вспоминая, например, как писатель и дипломат князь П. Б. Козловский сообщил «очернителю» маркизу де Кюстину, что в русском обществе существует недостаток «рыцарских понятий», с которыми связано не только самоуважение, но и уважение личного достоинства в других людях.

Мысль совершенно правильная, пишет Герцен. Только представьте, что было бы с Россией, «если б у нас вместо выслужившихся писарей и вахмистров, вместо царской дворни и разных Собакевичей и Ноздревых была, например, аристократия вроде польской? Для дворян это было бы лучше, нет сомнения; они были бы свободнее, они шире бы двигались, они бы не позволяли ни царям обращаться с собою, как с лакеями, ни лакеям на службе обращаться с ними по-царски – против этого спорить нельзя».

Однако в этом случае вряд ли можно было бы думать об освобождении крепостных с землей. Поэтому лучше, что «наших тамбовских Роганов и калужских Ноальи» миновал рыцарский закал и что они только оделись в рыцарские доспехи, подобно дикарям, которые на Маркизских островах приходили на корабль к Дюмон-Дюрвилю «в европейских мундирах с эполетами, но без штанов»¹⁹¹.

Один этот фрагмент позволяет судить об уровне Герцена-политика (и не только), но это сейчас неважно.

Дело не в том, что и в странах с сильными правовыми традициями крестьян освобождали с землей (Пруссия, Австрия, Венгрия и др.) и что не было в Европе единственного варианта наделения крестьян землей, о чем к 1859 г. он не мог не знать.

Существенно иное – он просто не задумывается о весьма вероятной возможности сохранения беззакония в России и после эмансипации, основанной на нарушении закона. Или же он думает, что правовой нигилизм исчезнет сам собой с ликвидацией крепостного права? Но это уж как-то чересчур примитивно!

Его социализм похож на финал волшебной сказки – мы не знаем, что будет потом, будут ли ее героини действительно «жить-поживать, да добро наживать».

В целом складывается впечатление, что он довольно слабо понимает, о чем пишет. Сомневаться в том, что элементарные понятия у него «спутаны» не хуже, чем у «помещика-людосека», не приходится. Если он искривлен, конечно.

Развивая мысль о том, что в отсутствии уважения к правопорядку как со стороны народа, так и со стороны правительства есть позитивные моменты,

он, совсем по В. Б. Шкловскому, тут же проговаривается: «На первый взгляд совершенно ясно, что уважение к закону и его формам ограничило бы произвол, остановило бы всеобщий грабеж, утерло бы много слез и тысячи вздохнули бы свободнее... но представьте себе **то великое и то тупое** уважение, которое англичане имеют к своей законности, обращенное на наш свод.

Представьте, что чиновники не берут больше взяток и исполняют буквально законы, представьте, что народ **верит**, что это **в самом деле** законы, – из России надо было бы бежать без оглядки»¹⁹².

Это пишет Герцен, бежавший из России ровно из-за невозможности жить в беззаконии? Правда, неплохо устроивший при этом свои материальные дела.

Жизнь полна якобы «странных сближений». Через 22 года, в 1881 г., И. С. Аксаков заметит: «Нас обыкновенно упрекают в недостатке чувства **легальности**, но если бы можно было себе представить такую губернию, в которой бы строго-настрого, безукоризненно честно стали бы применяться все тысячи статей всех 15-ти томов Свода законов, то, **конечно, от такого навождения легальности – все население бежало бы вон, куда-нибудь в Азию, в безлюдную, безчиновную степь.**

Нас спасает именно то, что вся эта казенщина претит нашей русской природе; что трудно даже найти между **штатскими** чиновника, который бы имел культ своего мундира, верил благоговейно в букву закона и в формальную правду; обыкновенно так: мундир нараспашку, а из-под мундира халат!

Все это, конечно, безобразно, исполнено внутреннего противоречия, но казенное благообразие было бы едва ли не хуже. Это уже благообразие смерти»¹⁹³.

Конечно, весьма забавно наблюдать у двух выдающихся представителей интеллектуальной элиты страны тождественный импульс – бежать из России, в которой начнут исполняться законы, которая, не дай Бог, станет превращаться в правовое государство!

Замечу также, что обоим властителям дум даже в голову не приходит попытаться найти ту грань в исполнении законов, которая могла бы предотвратить их бегство. Воистину, по Чичерину, каждое понятие у нас предстает в виде безусловном, как будто необъятные просторы отечества отпечатались у нас в мозгах¹⁹⁴.

Перед нами яркий пример «маятникового мышления» русского образованного класса – либо «всеобщее беззаконие», либо «великое и тупое уважение» к закону. Середины, как водится, нет.

Получается, что произвол и всеобщий грабеж, слезы и несвободное дыхание тысяч людей (а мы-то знаем, что миллионов!) лучше стремления к тотальному соблюдению правопорядка. Мысль о том, что России, возможно,

не помешала хотя бы условная треть такого уважения к закону, какое было в Англии, автором не обсуждается. И таков был стиль мышления многих его современников. По этому именно поводу Чичерин в 1862 г. напишет свою бессмертную статью «Мера и границы»¹⁹⁵.

Правовое государство им не только не нужно, они даже не понимают его необходимости. Думается, во многом это неизбежное следствие воспитания целого народа в стилистике, условно говоря, «Рота, становись! Равняйся! Смирн-а! Нале-ву, шагом марш!».

Герцен все время говорит о правах личности после установления социализма, однако во всех его рекламных проспектах будущей жизни мы не найдем ни слова о том, как будет устроен этот «новый дивный мир» с юридической точки зрения, как будут обеспечены там права людей, которые он намерен примирить с общинным диктатом над личностью.

В новой жизни, которую он планирует для России, правовое государство не просматривается. Видимо, этот мир будет так прекрасен сам по себе, что уж как-нибудь все устроится-утрясется.

Но нам-то понятно, что их идеальные миры – и славянофильский, и герценовский – будут слепком с Российской империи первой половины XIX в., т.е. азиатством в псевдосоциалистической обертке.

Мысль о том, что без закона один произвол легко может превратиться в другой, и третий, и пятидесятый – им была недоступна, как и законы усложнения жизни, которые хотя бы в теории понимал Чернышевский (потому что и его социализм, как мы увидим, намерен жить вне закона).

Здесь уместно вспомнить известную мысль К. С. Аксакова о том, что «помещичья власть – в некоторой части имений барщинских и в имениях чистоброчных вообще – служила для крестьянина как бы стеклянным колпаком, избавляющим их от государственной регламентации, от **наружного административного благоустройства**.

Под защитой этих стеклянных колпаков жила жизнь нашего народа во всей самобытности своих начал, при отсутствии той чуждой нашему духу **определенности**, которая равняется **ограниченности** и уродует живое, изнутри образующее себя, начало»¹⁹⁶.

Словом, прав был поэт-юморист Б. Алмазов, характеризуя правовые взгляды славянофилов (и не только) таким восьмистишием:

По причинам органическим
Мы совсем не снабжены
Здравым смыслом юридическим
Сим исчадьем сатаны.
Широки натуры русские,

Нашей правды идеал
Не влезает в формы узкие
Юридических начал.

За этими шутливыми строками – огромная тема.

Ведь натуры действительно широки, кто будет спорить?

И во множестве пунктов, позиций, пластов жизни это громадный плюс.

Мысль о стеклянном колпаке дискуссионная, но слова красивые, как и многие слова Аксакова.

Это, разумеется, тоже о широте натуры.

Только **здесь** – это оправдание «батыевщины».

Потому что в других ситуациях широта натуры оборачивается своей противоположностью.

Закон эту широту в рамки не ставил – а только «батыевщина», позволяющая барину, который, по словам Сперанского, был рабом царя, чувствовать себя царем в отношении своих рабов-крестьян или солдат*.

Таким образом, перед нами законченная и твердо выверенная – насколько это возможно – концепция правового нигилизма. Многие образованные люди страны не желают жить в правовом государстве – они, выросшие в другом мире, не понимают, **что** это такое и зачем нужно.

Тут огромная психологическая проблема, нерешенная доселе.

От славянофилов и Герцена идет непрерывная традиция пренебрежительного отношения большей части русского общества к зафиксированным в законе правам человека, к политической борьбе и конституционализму.

Характерно замечание Герцена (1853) о том, что уже в начале 1830-х гг. под влиянием Июльской революции 1830 г. и восстания в Польше «в России потеряли веру в политику; там стали подозревать бесплодие либерализма и

---

* Когда-то в «Оппозиции Его Величества», изучая отношение своих героев к возможности введения строго правопорядка в армии, я пришел к выводу о том, что как ни парадоксально, но для А. П. Ермолова и его единомышленников «ценимая ими выше всего военная мощь Империи оказывалась ... неотделимой от неграмотности, от забитости «нашего солдата», который устраивал их только таким, каков он есть: мужиком, сменившим армяк на мундир, лапти – на сапоги, барина – на офицера. В этом – залог могущества России. Главное, чтоб барин оказался добрым. “Правление наше отеческое, патриархальное”.

Восприятие Ермоловым и Закревским солдатской проблемы в целом повторяло их отношение к возможным реформам в России. Ибо переход от патриархального управления армией к управлению, основанному на твердой законности, – это калька аналогичного перехода в масштабах всей страны. Всемогущему командиру соответствует всемогущий царь. Законы не главное, хватает и циркуляров. А тот Закон, который стал бы своего рода армейской конституцией – не нужен, как не нужна конституция России» (Давыдов М. А. Оппозиция Его Величества... М.: ЗебраЕ. 2005. С. 297–298).

бессилие конституционализма»¹⁹⁷. Не исключено, однако, что он задним числом приписывает русским людям чрезмерную прозорливость – ведь на этих идеях в большой мере строилась уже пропаганда тогдашнего социализма, твердившего о мнимом правовом равенстве людей при капитализме и иллюзорном избирательном праве.

Конечно, немного удивительно, что люди, жившие в России в 1820-х гг., т.е. не очень сведущие в *свободной* жизни, воспринимают либерализм и борьбу за конституцию как нечто несущественное и беспомощное. А с другой, оно и понятно – волевые командирские методы решения главных проблем для них были куда как привычнее. После 1861 г. такое высокомерно-презрительное отношение станет банальностью и для правых, и для левых народников, и для множества интеллигентов Серебряного века.

Вместе с тем сказанное не нужно воспринимать упрощенно.

Далеко не все русские дворяне обкрадывали казну и мыслили в категориях правового нигилизма. Многим из них хотелось походить на афинян, спартанцев и римлян, а не на персонажей Гоголя или собственных предков*. Для героев «Оппозиции Его Величества» казенные деньги были дороже собственных.

Уже тогда были такие люди, как Воронцов и Киселев – и не только они, понимавшие, что равнодушное отношение к праву и правопорядку является системной угрозой для будущего страны.

Как ни оценивать правление Николая I, надо понимать, что он много сделал для развития закона и законности. Кроме того, это при нем уже подрастали и выросли не только будущие неподкупные юристы 1860-х гг., но и такие личности как Чичерин.

Проблема была в том, что великую державу во второй половине XIX в. на пренебрежительном отношении к праву было не построить. Непонимание этого элитами обошлось России по самой дорогой цене.

---

* Деда М. С. Воронцова звали «Роман-большой карман», и не думаю, что это было лестное для Семена Романовича и Михаила Семеновича семейное предание.

Как зарождалось новое общественное настроение

Откройте хоть 12 000 новых кислот; направьте аэростаты машиной электрической изобретите средство убить 60 000 человек в одну секунду: несмотря на все это нравственный мир Европы будет все-таки тем, что он уже есть: умирающим, если не совсем мертвым. С высоты своей уединенной обсерватории, летая по темным пространствам и туманным волнам будущего и прошедшего, философ, обязанный ударять в часы современной истории и доносить о переменах, совершающихся в жизни народов, – все принужден повторять свой зловещий крик: «*Европа умирает!*».

Виктор-Эфемион-Филарет Шаль

И таких неучей демократия выносит на первое место в государстве; как после этого не согласиться с теми, которые думают, что большинство голосов бывает всегда на стороне глупости по самой простой причине, потому, что на свете больше дураков, нежели умных»

В. Ф. Одоевский о президенте США Джексоне

Завидую внукам и правнукам нашим, которым суждено видеть Россию в 1940 г., стоящую во главе образованного мира, дающего законы в науке и искусстве, и принимающую благоговейную дань уважения от всего просвещенного человечества.

В. Г. Белинский

Нам стыдно было бы не перегнать Запада. Англичане, французы, немцы не имеют ничего хорошего за собою.

А. С. Хомяков

Сама по себе идеологема «особого пути» – вещь не оригинальная... Порой это не лишено комизма. В странах Латинской Америки одно время пользовались популярностью клише, звучащие для нашего уха забавно и узнаваемо: «аргентинская державность», «особая чилийская всечеловечность», «перуанский народ-богоносец».

А. В. Оболонский

Следующая глава немного похожа на отрывок из «Хрестоматии по истории общественной мысли».

Это и понятно – мы должны коснуться таких глобальных сюжетов, как «Россия и Запад», появления русского мессианизма, русского социализма, которым пересказ идей противопоставлен и где без длинных цитат не обойтись*.

* Эти темы настолько громадны, что я кратко коснусь лишь общеизвестных сюжетов, важных для этой книги.

После победы над Наполеоном русское общество дозрело до получения ответов на вопросы: «Кто мы?», «Зачем мы?», «Куда мы идем и для чего?».

П. Н. Сакулин точно заметил, что «вся николаевская эпоха в своем внутреннем содержании представляет один непрерывный процесс национального и общественного самоопределения»¹⁹⁸.

Но такое самоопределение могло произойти только в соотношении с Европой и опиралось оно на исключительное положение, обретенное Российской империей в 1812–1815 гг.

Идея уникальности и могущества России, что называется, разлитая в воздухе, во всей атмосфере постнаполеоновской эпохи, была прямым следствием потрясающего взлета национального самосознания в 1812–1814 гг., потребовавшего переосмысления роли и места России в окружающем мире.

Этот патриотический подъем, эта национальная гордость сообщили иное качество привычному русским людям (не только дворянам) чувству непобедимости России, ставшему уже в XVIII в. неотъемлемым компонентом их мироощущения.

Оборотной стороной этого мироощущения было нарастающее отторжение Запада, иногда дифференцируемого, но чаще выступающего в коллективной ипостаси как нечто однородно-враждебное. Антиевропеизм во многом вырос из чувства превосходства над европейцами и осознания того, что именно Россия, вспоминая Пушкина, своей кровью искупила «Европы вольность, честь и мир».

Конечно, сказанное не нужно понимать буквально – в источниках есть немало и восторженных строк об успехах европейской цивилизации. Однако в мейнстриме со временем оказывается именно глубокая антипатия и критика, временами перерастающая в ту самую ненависть, без которой не бывает определенного вида любви.

Для характеристики настроений эпохи в высшей степени характерны мысли Д. В. Давыдова (1818) из письма князю П. А. Вяземскому: «Ты мне пишешь о сейме*... Народ конституциональный есть человек отставной в шлафоре, на огороде, за жирным обедом, на мягкой постели в спорах бостона.

Народ под деспотизмом: воин в латах и с обнаженным мечом, живущий за счет того, кто приготовил и огород, и обед, и постель; он войдет в горницу бостонистов, задует свечи и заберет в карман спорные деньги.

Это жребий России, сего огромного и неустрашимого бойца, который в шлафоре и заврется, и разжиреет, и обрюзгнет, а в доспехах умрет молодцом.

Поздравляю тебя и княгиню с сыном.

---

* Вяземский в 1818 г. сопровождал Александра I в Варшаву, где на открытии Сейма царь произнес речь о том, что конституция Польши – пролог русской «вольности».

Дай Бог вам видеть его не на сейме, а с миллионом русских штыков, чертившего шпагою границу России, с одной стороны, от Гибралтара до Северного мыса; а с другой, – от Гибралтара же чрез мыс Доброй Надежды до Камчатки»¹⁹⁹.

Не всегда поэты так ярко мыслят прозой.

Конечно, в каждой шутке есть доля шутки. Однако Денис Давыдов – весьма тонкий камертон настроений русского дворянства. Поэтому и высказанный с такой интонацией масштаб претензий к карте мира – вся Евразия с Африкой в придачу – не только весьма впечатляет, но и проясняет многое в изучаемой теме.

Например, происхождение армейской поговорки николаевской поры – «Не ваше дело, господа прапорщики, Европу делить. Смотрите-ка получше за своими взводами». Понятнее становится и восприятие дворянством определенных характеристик «деспотизма».

Опуская «шинельные» стихи Жуковского и Пушкина, вспомним, что через 20 лет историк М. П. Погодин, называвший Пруссию «нашими пятидесятью губерниями»²⁰⁰, напишет: «Россия! Что за это чудное явление на позорище мира!

Россия – пространство в 10 тысяч верст длиною, по прямой линии от средней почти реки европейской чрез всю Азию и Восточный океан до дальних стран Американских! Пространство в 5 тыс в шириной, от Персии ... до края обитаемой земли, – до северного полюса.

Какое государство равняется с нею? С ее половиною? Сколько государств равняются ее 20-м, 50-м долям?

Россия – поселение из 60 млн. чел... А если мы прибавим к этому количеству еще 30 миллионов своих братьев, родных и двоюродных, славян, рассыпанных по всей Европе...

Мысль останавливается, дух захватывает! – Девятая часть всей обитаемой земли, и чуть ли не девятая всего народонаселения.

Пол-экватора, четверть меридиана!

...Спрашиваю, может ли кто состязаться с нами, и кого не принудим мы к послушанию? В наших ли руках политическая судьба Европы и следственно судьба мира, если только мы захотим решить ее?

В истине слов моих можно удостовериться еще более, представивши себе состояние прочих европейских государств...

Сравним теперь силы Европы с силами России... и спросим, что есть невозможного для русского государя?

Одно слово – (и) целая Империя не существует, одно слово – стерта с лица земли другая; слово – и вместо их возникает третья – от Восточного океана до моря Адриатического.

Сто лишних тысяч войск – и Кавказ очищен (это он в 1839 г. пишет! – М. Д.)...

Сто тысяч войска – и проложены военные дороги до пограничных городов Индии, Бухары, Персии...

Пусть выдумают русскому государю какую угодно задачу, хотя подобную тем, кои предлагаются в волшебных сказках! Мне кажется – нельзя изобрести никакой, которая была бы для него, с русским народом, трудна»²⁰¹.

Непосредственность Погодина у современников вошла в поговорку – «что другой только подумает, – Погодин скажет», и можно не сомневаться, что подобные мысли в то время были распространены достаточно широко. А вот датируемое 1848 г. известное стихотворение Тютчева «русская география»:

Москва, и град Петров, и Константинов град –
Вот царства русского заветные столицы...
Но где предел ему? и где его границы –
На север, на восток, на юг и на закат?
Грядущим временам их судьбы обличат...
Семь внутренних морей и семь великих рек...
От Нила до Невы, от Эльбы до Китая,
От Волги по Евфрат, от Ганга до Дуная...
Вот царство русское... и не прейдет вовек,
Как то провидел Дух и Даниил предрек.

Поэтому удивительно не появление во второй четверти XIX в. русского мессианизма. Наоборот, было бы странно, если бы он не возник, – на фоне такого-то мироощущения и мировосприятия.

Рост антизападных настроений – продукт действия многих факторов, которые давно и подробно расписаны в литературе, посвященной зарождению славянофильства.

Его принято трактовать как русский вариант общеевропейского процесса отторжения либерализма и капитализма, направленного против индивидуализма и рационализма западной цивилизации. Историография, встраивая славянофилов в контекст эпохи, справедливо связывает их, в частности, с романтизмом, отвергавшим рационалистическое Просвещение, и влиянием немецкой философии. Однако абсолютно те же факторы, в сущности, формировали умонастроения и других мыслящих русских людей.

Напомню лишь, что эпоха после падения Наполеона и Венского конгресса 1815 г. вообще стала временем активного пробуждения национального самосознания у народов Европы.

Комментируя этот процесс, Чичерин писал: «Каждый народ воображал себя первенствующим деятелем в истории человечества. Французы смотрели на себя, как на великую, передовую нацию, призванную обновить человечество, посеять в нем начала свободы и права. Немцы украшали своих предков всеми добродетелями и признавали себя главными представителями всех начал нового мира; христианский период истории именовался германским.

И мы, в свою очередь, не отставали от других. И у нас возникла патристическая школа, которая считала Россию представителем будущего, призванным сменить гниющий Запад на историческом поприще и обновить весь мир»²⁰².

Однако так думали, конечно, не только славянофилы, которых имеет в виду Чичерин, но и другие современники.

Весьма энергично и точно обрисовал тот *нерв*, те настроения, которые двигали значительной частью русского общества, в том числе и славянофилами, в неприятии Запада, Анненков: «Люди озлобились против векового, нескончаемого учения, на которое присуждались этой (западной) литературой, и против послушничества, неизбежно с ним сопряженного.

Носить одно прозвание ученика европейской жизни и цивилизации всю жизнь, на бессрочное и неопределенное время, сделалось уже неспособно русскому образованному миру. **Неодолимая жажда повышения, выхода в иное, более высшее и почетное звание, на каких бы то ни было основаниях и резонах, почувствовалась всем обществом сразу.**

Движение имело, как всякое социальное движение, свою законную причину и свою долю необходимости. Оно было вызвано отчасти надменностью, нестерпимым самохвальством ближайших наших учителей из немецкой братии, которая и не скрывала своего презрения к обществу, опекаемому им на всех пунктах.

Сюда присоединилось еще и влияние кровной ненависти Европы к государству, которое никогда не жило с ней общей жизнью, вошло, как проходец, в ее состав, помимо ее воли и гаданий, и располагает остаться на своем месте, не слушая ругательств и проклятий»²⁰³.

Эта энергия раздражения против Запада, которая фиксируется уже в XVIII в., была понятным и закономерным явлением.

В. П. Аксенов, погружившийся в русскую литературу XVIII в., чтобы преподавать ее своим американским студентам, был поражен тем, что «романы, написанные холеными и высоко образованными людьми в напудренных париках и серебряных камзолах, эдакими русскими маркизами на высоких красных каблуках по последней парижской моде, несли в себе совершенно отчетливую, если не воинствующую антизападную идеологию», имея в виду, например, А. П. Сумарокова, и М. М. Хераскова.

Так, действие утопических романов «Новейшее путешествие» Левшина и «Сон Кидалов» Чулкова протекает почему-то на Луне, однако в обоих произведениях высмеивается интерес русских людей к западной науке (то есть, уточняет Аксенов, знаменитое советское «низкопоклонство перед Западом»), которую авторы считают антитезой православию²⁰⁴.

«Сильнейшая антизападная сатира была выражена в романе другого князя, Щербатова, – «Путешествие в землю Офирскую». Здесь в аллегорической форме бросается обвинение главному «западнику» Петру I, который выступил против «природы вещей» и разрушил «древнюю добродетель, созданную величайшими людьми истории».

С тех пор так и пошло в российской утопическо-сатирической литературе, то есть в сфере дворянских фантазмов. Если уж изображались западные страны, то назывались «Игноранцией» или «Скотинией», если же речь шла о славянской земле, то именовалась «Светонией». Антизападничество входило в контекст актуальной идеологии определенной и очень влиятельной аристократической среды»²⁰⁵.

Конечно, не все так однозначно было в российской интеллектуальной элите конца XVIII – начала XIX вв., однако совершенно понятно, что 1812 год никак не добавил русским людям симпатии к Западу. Не пользовалась поддержкой дворянства и внешняя политика Александра I в эпоху Конгрессов, в которой видели забвение национальных интересов в угоду Англии и Австрии, как, например, во время Греческого восстания 1821 г.

М. О. Гершензон отмечал, что в свое время римляне, учившиеся у греков, не забывали их одновременно порицать. Так же в средние века поступали англичане и французы по отношению к своим учителям-итальянцам, а немцы критиковали своих учителей-французов. Точно так же русские люди «протестовали против западного просвещения тем сильнее, чем более приходилось проникаться им»²⁰⁶.

Ученичество плохо сочеталось с мироощущением русского общества после 1815 г.

Реставрация Бурбонов не сделала Европу счастливой и спокойной. Там продолжалась бурная модернизация со всеми своими достоинствами и изъянами, с неизбежной пролетаризацией части населения, его борьбой за свои права и явлением социализма. Революции и революционеры никуда не исчезли.

Все это кипение жизни обходило Россию стороной, однако русские люди привыкли смотреть на Запад и необходимо должны были осмысливать происходящее там.

Критика европейских экономических порядков, которые еще не осознаются как капиталистические, но по факту являются таковыми, начинается у нас до прихода социализма.

С одной стороны, она часто сопрягалась с апологией крепостничества, а шире – с апологией российского статус-кво – по контрасту, от противоположного.

С другой стороны, она быстро стала самоценной – капитализм отвергался как вариант развития, уже апробированный человечеством, и вариант заведомо порочный, аморальный и т.д.

Что касается первого аспекта, то мы помним, что еще в XVIII в. русские дворяне, защищая крепостничество, доказывали, что в Европе народ при всех вольностях живет намного хуже, чем наши крепостные*. Что, как им казалось, вполне оправдывал факт личной несвободы крестьян (и кого угодно вообще).

Однако после 1815 г. эта идея неожиданно перешла из разряда теоремы в статус аксиомы.

Капитализм воспринимался как продукт эгоизма разобщенных личностей, которым революции дали слишком много прав. Считалось, что этот строй разорил крестьянство, породив миллионы нищих пролетариев, ставших горячим материалом для социальных потрясений. И это то, чего Россия должна избежать. Показательно, что среди обличителей мира наживы был, например, министр финансов Е. Ф. Канкрин, который, по тонкому замечанию М. И. Туган-Барановского, делал это «языком Сисмонди или народников нашего времени»²⁰⁷. Критика Канкриня выглядит особенно пикантно на фоне упоминавшихся выше военных экзекуций по выколачиванию недоимок из российских крестьян.

Резкое ухудшение положения простого народа на Западе – одна из главных тем русской публицистики. Общим местом стало сопоставление «ложных вольностей» Запада, породивших, как думали в России, неразрешимые социальные противоречия, с нашей якобы пасторальной патриархальностью, сравнение жизни западного пролетария и русского крепостного, который неизменно оказывался в более завидном положении.

Аргументы брались из европейской же литературы, у того же Сисмонди и ранних социалистов – прием, обычный для русских журналистов еще в XVIII в.

Но в сознании русских людей, весьма поверхностно знакомых с европейскими коллизиями, «ужасы» и «бедствия» Запада часто преувеличивались и от того приобретали гомерический, неадекватный масштаб.

Так, в 1817 г. в «Духе Журналов» говорилось, что в Англии народ «называется **вольным** и имеет право дышать и говорить беспошлинно», однако нигде нет большего числа нищих и нигде народ не отягощен в такой степени налогами, как в этом «просвещенном государстве».

---

* Историк И. Н. Болтин писал: «Земледельцы наши прусской вольности не снесут, германская не сделает их состояния лучшим, а с французской помрут они с голода». Ему вторил Д. И. Фонвизин, который находит состояние «наших крестьян... несравненно счастливейшим», чем в «изобильнейших» районах Франции. Список можно продолжить.

В тексте английские крестьяне уподобляются «вольному зайцу» в лесу, о котором никто не заботится, а русский крестьянин – «домашней лошади, которая хоть на привязи стоит и на нас работает, но зато хозяин о ней печется, кормит, поит, чистит и холит ее: она и тогда сыта бывает, когда поле покрыто снегом».

Столь же жалким оказывается положение крестьян в Германии, для которых «доля русского крепостного» – недостижимый идеал. «О несчастное слово вольность! – Здешние (рейнские) мужики все *вольны*. – Вольны, как птицы небесные; но так же, как они бесприютны и беззащитны, погибают от голода и холода. Как бы они были счастливы, если бы закон поставил их в неразрывную связь с землею и помещиками... Могут ли такие люди пламенеть любовью к отечеству. Его нет у них... Было время, когда состояние крепостных людей в России почиталось от иностранцев рабским и самым жалостным. Теперь они узнали свое заблуждение»²⁰⁸.

В сущности, критика Запада во многом была борьбой с подступающим чуждым миром, где, в частности, у простолюдинов есть права.

Весьма обычны были замечания о том, что «житье наших мужиков есть самое беззаботное и счастливое... Самый здоровый и веселый народ есть земледельческий». Земледельцы – смысленный народ, и это объясняет восторги иностранцев перед «природным умом» русского мужика, который немедленно его лишится, став «батраком, как иностранный».

Зарыв зерно в землю, земледелец ждет его оплодотворения, и поэтому он набожен и покорен царю, «привязан к родимой земле своей, которая его возростила». Фабричный ждет всего от машины, а о боге вспоминает только в болезни. Скопища сотен или тысяч «мастеровых, живущих и работающих всегда вместе, не имеющих никакой собственности, питает в них дух буйства и мятежа. Частые мятежи в английских мануфактурных городах служат тому доказательством»²⁰⁹.

В журналах подсчитывали число нищих и батраков, писали о плохом питании, высокой смертности, росте преступлений и т.д. Наши же крестьяне благоденствовали, даже уходя на фабрику, – но русскую, патриархальную.

В 1841 г. славянофильский «Москвитянин» сообщает, что нашим рабочим, в отличие от английских, не грозит крайняя бедность, поскольку в России практически нет людей, которых кормит только заводской станок.

На фабрики зимой нанимаются крестьяне, летом возвращающиеся на землю, причем наши «фабричные мастеровые ведут себя не только удовлетворительно, но даже хорошо... Кому не случалось слышать, проезжая мимо фабрик, какими веселыми песнями сопровождается работа наших фабричных. Можно ли где-нибудь, кроме святой Руси, иметь рабочему средства, кроме лучшего хлеба и каши гречневой, употребить в день два фунта говядины?»²¹⁰.

При этом критика капитализма имела отнюдь не абстрактный характер. События в Европе прямо влияли на принятие правительством очень важных решений.

С 1837 г. Киселев начал реформу положения государственных крестьян на основе общины. Сделано это было вопреки всей предшествующей традиции, исходившей из идеи внедрения частной собственности в государственной деревне.

Прекрасно сознавая экономическую неэффективность общины, он убедил Николая I, что община – это проблема прежде всего политическая. Да, душевое землепользование с переделами вредит хозяйству, но имеет в то же время свои плюсы, поскольку устраняет возможность появления пролетариев.

Поэтому политический выигрыш от сохранения общины, по Киселеву, превышает ее хозяйственные изъяды. Так **в первый раз в общинном вопросе политика была поставлена выше хозяйственной пользы**, т.е. **благополучия крестьян**.

Европа 1830–1840-х гг. давала все новые доказательства опасности пролетариата, который стал главным фактором усиления революционного движения. Тогда считалось, что пролетариат – это общественное зло, которое грозит любой стране неисчислимыми бедствиями и потрясениями. Даже слово «пролетарий» воспринималось как ругательное.

Поэтому понятно удовлетворение, с которым официальный «Журнал министерства внутренних дел» замечал, что такие «зловещие» вещи, как «пауперизм» и «пролетариат», не имеют в нашем языке соответствующих слов²¹¹.

Конечно, критика капитализма не исчерпывала список претензий к Западу, причудливо сочетавшихся с идейными исканиями русского общества.

Катализатором этих исканий во многом стало «Философическое письмо» П. Я. Чаадаева (1836 г.), в котором за Россией отрицалось и прошлое, и настоящее, и будущее – главным образом, по причине принятия православия от «растленной Византии»*.

* Кого могли оставить равнодушным его слова: «Века и поколения протекли для нас бесплодно. Глядя на нас, можно сказать, что по отношению к нам всеобщий закон человечества сведен на нет. Одинокие в мире, мы миру ничего не дали, ничего у мира не взяли, мы не внесли в массу человеческих идей ни одной мысли, мы ни в чем не содействовали движению вперед человеческого разума, а все, что досталось нам от этого движения, мы исказили. Начиная с самых первых мгновений нашего социального существования, от нас не вышло ничего пригодного для общего блага людей, ни одна полезная мысль не дала ростка на бесплодной почве нашей родины, ни одна великая истина не была выдвинута из нашей среды; мы не дали себе труда ничего создать в области воображения и из того, что создано воображением других, мы заимствовали одну лишь обманчивую внешность и бесполезную роскошь...

В крови у нас есть нечто, отвергающее всякий настоящий прогресс. Одним словом, мы жили и сейчас еще живем для того, чтобы преподать какой-то великий урок отдаленным по-

Собственно говоря, после этого письма и выходят на сцену западники и славянофилы.

Характеризуя идейную атмосферу постдекабристского времени, Анненков писал, что «образованный русский мир как бы впервые очнулся к тридцатым годам, как будто внезапно почувствовал невозможность жить в том растерянном умственном и нравственном положении, в каком оставался дотопе».

Общество уже не хотело просто плыть по течению событий, не думая, куда его несет. «Все люди, мало-мальски пробужденные к мысли, принялись около этого времени искать, с жаром и алчностью голодных умов, основ для сознательного разумного существования на Руси».

Естественно, продолжает Анненков, что на первый план сразу же вышло желание понять внутренний смысл нашей истории, чтобы получить «представление о месте, которое мы занимаем в среде европейских народов», и о том, что нужно сделать для того, чтобы это место было «во всех отношениях почетным. Все зашевелилось»²¹².

Однако у многих, подобно Погодину, не было ни малейших сомнений, в том, что Россия **уже** занимает самое почетное место в подлунном мире.

томкам, которые поймут его; пока, что бы там ни говорили, мы составляем пробел в интеллектуальном порядке». (*Чаадаев П. Я.* Полное собрание сочинений и избранные письма. М.: Наука. 1991. Т. 1. С. 330.)

Эффект появления данного текста был очень сильным.

Герцен писал: «"Письмо" Чаадаева было своего рода последнее слово, рубеж. Это был выстрел, раздавшийся в темную ночь; тонуло ли что и возвещало свою гибель, был ли это сигнал, зов на помощь, – весть об утре или о том, что его не будет, – все равно надобно было проснуться».

После «Горе от ума» не было ни одного литературного произведения, которое сделало бы такое сильное впечатление. Между ними – десятилетнее молчание, 14 декабря, виселицы, каторга, Николай...

Говорить было опасно – да и нечего было сказать; вдруг тихо поднялась какая-то печальная фигура и потребовала речи для того, чтоб спокойно сказать свое *lasciate ogni speranza...* (Оставьте всякую надежду (итал.)).

Что, кажется, значит два-три листа, помещенных в ежемесячном обозрении? А между тем, такова сила речи сказанной, такова мощь слова в стране, молчащей и не привыкнущей к независимому говору, что "Письмо" Чаадаева потрясло всю мыслящую Россию. Оно имело полное право на это...

Разумеется, такой голос должен был вызвать против себя оппозицию или он был бы совершенно прав, говоря, что прошедшее России пусто, настоящее невыносимо, а будущего для нее вовсе нет, что это «пробел разума, грозный урок, данный народам, - до чего отчуждение и рабство могут довести».

Но оно и не прошло так: на минуту все, даже сонные и забытые, отпрянули, испугавшись зловещего голоса. Все были изумлены, большинство оскорблено, человек десять громко и горячо рукоплескали автору». (*Герцен А. И.* Собрание сочинений... Т. 9. С. 139–140.)

Это как бы подразумевалось той достаточно планомерной и последовательной критикой жизни Запада, которую мы встречаем у отдельных современников.

Так, В. П. Титов, дипломат, автор популярной повести «Уединенный домик на Васильевском», в 1836 г. писал В. Ф. Одоевскому, что «Германия похожа на старичка очень опытного, очень почтенного, но который на старости лет иногда завирается, ходит с костылем, тяжелоовато шаркая плисовыми туфлями, и сам чувствует свою дряхлость».

Титов считает, что Россия должна вспомнить свою самобытность. У петровских реформ был свой исторический смысл, однако «нам» пора «возвращаться постепенно к самим себе».

Запад тоже понимает необходимость выйти на новый путь, но не может этого сделать, потому что носит тяжелые «кандалы», мешающие свободно идти. Это во-первых, католицизм, породивший «протестантство – недоноска, полурелигию», а во-вторых, «феодалность, ведущая к представительности», т.е. парламенту.

Счастье России в том, что у нее нет ни протестантизма, ни феодальности. Это сообщает ей «ковкость» и облегчает возвращение к старине.

«Наша церковь построена просто, патриархально; она не имеет на душе таких грехов, как римская. **Отношения наши к правительству, взятые в своем начале, суть отношения семейные, детей к главе семейства.** Между ними не нужно письменных договоров и власть не принуждена ни бороться, ни торговаться с партиями и цехами.

Следственно, дай Бог, чтобы все это так и осталось; России бесполезны радикальные реформы, которых Европа ищет в поте лице своего и не находит. Для частных улучшений дорога не закрыта (у нас в России – М. Д.)»²¹³.

А сам Одоевский в конце 1830-х гг. убежден, что «ни социальная жизнь Запада, основанная на экономическом рабстве, ни его политический строй с господством охлократии не могут возбуждать нашей зависти. Франция – политический вулкан, Англия – сплошная торговая контора, Америка – страна рабства и меркантилизма, Испания – очаг нечеловеческой жестокости»²¹⁴.

Внешне Запад остается христианским, но на деле он погряз в язычестве. Там повсеместно царят меркантильные заботы и желудочные интересы, там «ухо загрубело от стука паровой машины; на пальцах мозоли от ассигнаций, акций и прочей подобной бумаги». В этих условиях говорить об искусстве то же самое, «что рассказывать о запахе кактуса (человеку) лишенному обоняния»²¹⁵. О назначении искусства там давно забыли.

Франция страна революций, пролившая реки человеческой крови, находится в «беспрестанном нервическом припадке». Ее духовную жизнь растлеывает меркантилизм, страна «дряхлает и клонится к упадку»²¹⁶.

К ней заслуженно присоединится и Англия, где «все принесено в жертву золоту», где «фабрикант «заставляет ребенка работать 20 часов в сутки для своей наживы». Да, англичане «прекрасно делают перочинные ножики», «но худо то, что они успехи своей промышленности купили ценою человеческого достоинства». Рабочий у них стал машиной²¹⁷.

Но в минуту испытаний мир увидит, «какою паровою машиною они скрепят распадающиеся члены полусгнившего состава? Увидим, в чем состоит последнее торжество вещественной пользы, увидим страшный урок народам, продающим свою душу за деньги»²¹⁸.

Америка воспроизводит все пороки Англии, возможно, еще сильнее и ярче.

Одоевский убежден, что Запад ждут тяжелые испытания, если он не пойдет, что находится в тупике, и не обновит свою жизнь контактами с Россией.

Столь же категоричен и М. М. Погодин: «Да, будущая судьба мира зависит от России... Какая блистательная слава!

...Кто взглянет беспристрастно на европейские государства, тот, при всем уважении к их знаменитым учреждениям, при всей благодарности к их заслугам для человечества, при всем благоговении к их истории, согласится, что **они отжили свой век, или по крайней мере истратили свои лучшие силы**, то есть, что они не произведут уже ничего выше представленного ими в чем бы то ни было: в религии, в законе, в науке, в искусстве.

...Разврат во Франции, леность в Италии, жестокость в Испании, эгоизм в Англии, явления общие, принадлежащие к отличительным признакам, неужели совместны с понятиями о счастье гражданском, не только человеческом, об идеале общества, о граде Божиим?

Златой телец – деньги, которому поклоняется вся Европа без исключения, неужели есть высший градус нового европейского просвещения, христианского просвещения? Повторяю, где же добро святое?»²¹⁹.

Весьма масштабно выступил в 1841 г. профессор Московского университета Шевырев, которому мы обязаны оборотом «гнилой Запад»²²⁰.

«Драма современной истории», по его мнению, состоит в противостоянии России и Запада.

Оно продолжает самые «знаменитые единоборства всемирной истории» – между Персией и Грецией, Грецией и Римом, Римом и германцами: «Запад и Россия стоят друг перед другом, лицом к лицу. Увлечет ли нас он в своем всемирном стремлении? Пойдем ли мы в придачу к его образованию? Составим ли какое лишнее дополнение к его истории?

Или устоим в своей самобытности? Образует мир особый по началам своим, а не тем же европейским? Вынесем из Европы **шестую часть мира... зерно будущему развитию человечества?**

Вот вопрос – вопрос великой... Решать его – во благо России и человечества – дело поколений нам современных и грядущих»²²¹.

Затем Шевырев характеризует положение культуры и религии в отдельных странах, что является для него главным критерием их нынешнего состояния.

В отличие от Одоевского он старается быть объективным, однако идея отыгранной европейцами роли ясно звучит и у него. Так, «Италия совершила свое дело. Ее искусство стало собственностью всего образованного человечества. Она эстетически воспитала Европу – и всякий миг благородных ее наслаждений, столько украшающих жизнь нашу, есть дар бескорыстной Италии»²²². Но в настоящем ее культура неподвижна.

Хотя Англия «корыстно присвоила себе все блага существенные житейского мира; утопая сама в богатстве жизни, она хочет опутать мир узами своей торговли и промышленности»²²³ он все же находит слова восхищения для английской промышленности, для достижений ее техники. Однако после Вальтера Скотта и Байрона она ничего не дала человечеству.

Шевырев обильно цитирует французского публициста Ф. Шаля, прямо заявившего, что «народы европейские, как будто с единодушного согласия, нисходят до какого-то ничтожества полукитайского, до какой-то слабости всеобщей и неизбежной» и повторяет вслед за ним, что «Европа умирает!», что Запад «изнемогает»²²⁴.

Для России важнее всего ситуация во Франции и Германии.

Обе страны «были сценами двух величайших событий, к которым подводится вся история нового Запада, или правильнее: **двух переломных болезней, соответствующих друг другу. Эти болезни были – реформация в Германии, революция во Франции: болезнь одна и та же, только в двух разных видах**».

Со стороны можно подумать, что болезнь уже ушла, что произошел перелом недуга, и обе страны стали вновь развиваться нормально.

Но это неверно. Болезни породили «вредные соки», которые продолжают отравлять обе страны, давая «признаки будущего саморазрушения».

Мы, русские, «в наших искренних, дружеских, тесных сношениях с Западом... не примечаем, что имеем дело как будто с человеком, носящим в себе злой, заразительный недуг, окруженным атмосферою опасного дыхания.

Мы целуемся с ним, обнимаемся, делим трапезу мысли, пьем чашу чувства... и не замечаем скрытого яда в беспечном общении нашем, не чуем в потехе пира будущего трупа, которым он уже пахнет!

Он увлек нас роскошью своей образованности; он возит нас на своих окрыленных пароходах, катает по железным дорогам; угождает без нашего труда всем прихотям нашей чувственности расточает перед нами остроумие мысли, наслаждения искусства...

Мы рады, что попали на пир готовый к такому богатому хозяину... Но **мы не замечаем, что в этих яствах таится сок, которого не вынесет свежая природа наша...** Мы не предвидим, что пресыщенный хозяин развратит ум и сердце наше; что мы выдем от него опьяненные не по летам, с тяжким впечатлением от оргии, нам непонятной...»²²⁵.

Так, во Франции «великой недуг породил разврат личной свободы», который дезорганизует все государство. Франция горда завоеванной политической свободой, однако каковы ее плоды? Не говоря о том, что «развитие ее промышленности стесняется год от году более своеволием низших классов народа», чего добились французы этим приобретением в сфере религии и культуры?

По мнению Шевырева, немногого. Они «злоупотреблением личной свободы уничтожили в себе чувство религии, обездушили искусство и обесмыслили науку», а в литературе не дали ничего, кроме Бальзака и Гюго.

Беда Германии – религиозный раскол, и германскую литературу и искусство автор разносит в прах, как и французскую.

Грядущее, считает Шевырев, за Россией, которая «сохранила в себе чистыми три коренные чувства, в которых семя и залог» ее будущего: «древнее чувство религиозное», «чувство государственного единства», т.к. «царь и народ составляют одно неразрывное целое» и «сознание нашей народности»²²⁶.

Вполне внятный манифест «теории официальной народности».

Список подобных высказываний легко продолжить.

Итак, многими интеллектуалами той эпохи Россия и Запад воспринимаются как две если не прямо, то потенциально враждебные силы, причем в характере претензий к оппоненту русские люди вполне солидарны:

1. Кризис веры и духовности. Для русских людей это настолько важно, что нам сегодня это не очень просто понять. Александр I еще в 1815 г. заметил, что «во Франции живет 30 миллионов скотов, одаренных литературно. Да и может ли быть что-то там, где нет веры?»²²⁷.

2. Господство «вещественной цивилизации», нацеленной на материальные блага, которая забыла, для чего живет человек. Это привело к торжеству эгоизма и корыстолюбия и закономерно отодвинуло идеалистические компоненты бытия – религию, культуру и искусство на задний план, что оценивалось как явный симптом деградации.

Олицетворяла эту цивилизацию в первую очередь Англия, однако схожие процессы фиксируются и во Франции, и в Германии.

3. Политическая нестабильность Европы, воспринимаемая как очевидный признак ее близкого крушения. Мечущийся в тщетных попытках решить свои проблемы Запад противопоставлялся России, стоявшей незыблемо «яко гора Сион среди всемирных треволнений»²²⁸.

Пока Европу раздирали социальные противоречия, Россия безмятежно вкушала величавый покой, обладая самой сильной армией и патриархальными нравственными устоями, которые призваны были устыдить погрязшую в эгоизме Европу и дать ей пример настоящих взаимоотношений между людьми.

При этом нередко звучит мысль о желательности изолировать Россию от тлетворного влияния Запада, о разрыве культурных контактов.

4. В разных вариантах (и не в не самой дипломатичной форме) фигурирует мысль об усталости, апатии, упадке, и близкой смерти «старой Европы», на смену которой неизбежно придет «молодая» Россия. Не Турция же, и не Америка со своим рабством!

Подход тут был антропоморфный – дескать, да, европейцы добились всего, чего могли, все уже совершили, и теперь медленно, но неизбежно будут угасать. Такого рода мысли иногда кратко, иногда развернуто высказывались в то время разными людьми в разных вариантах, так что в их распространенности сомневаться не приходится.

Эти идеи вкупе с «геополитическим» осмыслением окружающего мира после 1815 г. во многом объясняют появление русского мессианизма.

Он мог быть религиозно-мистическим, как у бывших Любомудров, славянофилов и Чаадаева*, а мог быть атеистическим, как у Белинского и Герцена.

Выражалось это мироощущение у всех по-разному. Так, Белинский, как видно из эпиграфа к этой главе, сам того не зная, однажды заложил штамп советской пропаганды, позавидовав потомкам.

Бывали варианты и поплоче. Так, журнал «Маяк» утверждал, что Россия не будет повторять путь, пройденный Европой: «Нет, мы пойдем своим путем. Теперь уже твой черед, обольстительный Запад, узнать поближе святую Русь и от нее заимствовать истинные стихии народной жизни»²²⁹.

---

* Специально изучавший эти сюжеты Сакулин приходит к выводу, что «сам Шеллинг и другие немецкие мыслители прямо или косвенно наталкивали на идею о возможном мессианизме России»; речь идет прежде всего о Баадере, который проповедовал превосходство православия и с которым, как и с Шеллингом, некоторые русские интеллектуалы были хорошо знакомы лично.

Исследователь отмечает: «Мы вправе утверждать, что известная часть русского образованного общества 30-40-х гг. обнаруживает сильное тяготение в сторону иррационального и что религиозные искания в ее настроении главенствующее положение. Более того, мистика образует целое течение в умственной жизни этой эпохи, составляя продолжение и развитие традиций эпохи предшествующей. У Чаадаева и Киреевского она служит даже основой их мировоззрения и идеологии». То же относится к Одоевскому и близким к нему людям: «Вопрос о русской самобытности вообще сливался в их представлении с грандиозной идеей о нашей мировой миссии» (Сакулин П. Н. Из истории русского идеализма... Т. 1. С. 381–382).

Славянофилы

Кульминации эти настроения достигли у славянофилов, которые дали развернутое обоснование противоположности России и Запада в виде более или менее законченной системы*.

Здесь уместно заметить, что термины «славянофилы» и «западники» спекулятивно-провокативные.

Первый как бы подразумевает безусловный патриотизм, а второй – недостаточный, поскольку из него **явно** следует приверженность Западу, что бы это не означало, а **неявно** – недовольство Россией, неважно почему.

Между тем тут речь не о любви к Родине, а о разных подходах к понятию «культура».

Славянофилы, по определению Чичерина, ожесточенно восставали «против реформ Петра, сблизивших нас с Европою; в классах, причастных европейскому образованию, они видели отщепенцев от Русского народа, а в русском мужике идеал всех совершенств. Плоды европейской науки отвергали с презрением как несовместные с православными взглядами, а древнюю русскую историю строили на основании фантастических представлений о каком-то идеальном согласии. В настоящее время трудно поверить, что все эти детские мечтания могли сочиняться и разделяться умными и образованными людьми, каковы несомненно были первые славянофилы». «Это была настоящая секта. В основании лежали возвышенные и верные начала: глубокое нравственно-религиозное чувство и пламенный патриотизм, но то и другое искажалось преувеличением, узостью и исключительностью»²³⁰.

К западникам относились люди самых разных взглядов – православные и атеисты, идеалисты и позитивисты, социалисты и либералы и т.д., которых объединяла не какая-то общая теория, как славянофилов, а «уважение к науке и просвещению» и понимание их важности для преодоления отсталости России.

Источником знаний была Европа, и поэтому они приветствовали начавшееся при Петре I сближение с нею, считая это «великим и счастливым событием в русской истории», хотя и не все из них, подобно Белинскому, были готовы на каждой площади и улице поставить ему «алтарь». При этом они не закрывали глаза на «детские болезни» процесса приобщения «младенческой страны» к более высокому типу цивилизации, но считали, что вылечить их могло время и более глубокое постижение и усвоение западной культуры, но вовсе не реставрация и культивирование допетровских порядков.

Напомню, что для **славянофилов Россия и Запад – это два противоположных мира, две принципиально отличные друг от друга цивилизации.**

* Тема это настолько громадная, что я коснусь лишь некоторых тезисов, важных для нашей книги.

Первая при этом превосходит вторую, поскольку в России возвышенное доминирует над земным, духовное над материальным, чувства над расчетом, эмоциональное над рассудочным, цельность восприятия мира над его аналитическим разложением на компоненты, «вера и предания» над «формальным разумом», а в конечном счете – коллективизм над индивидуализмом.

В каком-то смысле, упрощая, можно сказать, что для славянофилов Россия и Запад соотносятся как брак на небесах и брак по расчету с контрактом (вспомним хотя бы сравнение Михайловским-Данилевским русских и иностранных офицеров).

Противоположность цивилизаций заложена историей. Россия избежала действия трех ключевых факторов, сформировавших Европу, – католицизма, греко-римского наследия (в первую очередь римского права) и германского завоевания.

Поэтому Россия, благодаря православию как истинному христианству и его воплощению – общине, в целом избавлена от таких пороков Запада, как эгоизм отдельной личности, как рационализм, расчетливость, рассудочность, корыстолюбие, беззастенчивое господство сильных над слабыми и т.д. – всего того, что породило социальные конфликты, поставившие Европу на грань крушения.

Соответственно, Запад отрицается славянофилами как мир индивидуализма и конкуренции, породивших гибельный «социальный вопрос» (т.е. противоречие между трудом и капиталом), и, напротив, утверждается первенство России как носительницы культуры, основанной на общинном, коллективистском начале, а значит, более высокой в морально-нравственном отношении.

Они считали, как мы знаем, что в Европе в основе государственности лежал, выражаясь современным языком, оккупационный режим, т.е. вражда покоренных народов к поработителям и стремление последних утвердить свою власть.

Добровольное же призвание Рюрика новгородцами породило, как говорилось, известную гармонию, ведь власть «явилась у нас желанной, не враждебной, но защитной и утвердилась с согласия народного». Поэтому и государство основано на «мире и согласии».

Если на Западе власть утвердилась по праву сильного, то в России по тому, что народ осознал ее необходимость. Она пришла по воле народа, «как званый гость», поэтому русская система взаимоотношений между людьми в корне отличается от западноевропейской.

Отсюда – различный ход истории и различное понимание свободы на Западе и на Руси.

В Европе завоевание привело к подчинению народа государству, т.е. к внешней правде, к закону, который позволяет держать людей в узде. И од-

нажды «начавшись насилием», господством сильного над слабыми, Европа должна была «развиваться переворотами», в том числе и революциями, приведшими ее к нынешнему коллапсу.

На Руси народ и государство добровольно разделили сферы влияния, свои функции и права.

К. С. Аксаков так характеризует это размежевание: «Отношения царя и народа определяются: правительству – сила власти, земле – сила мнения. На Земском Соборе торжественно признаются эти две силы, согласно движущие Россию: власть государственная и мысль народная»²³¹; «Внешний закон, внешняя правда в обширном и вместе определенном смысле, есть государственное устройство, *государство* одним словом»²³²; «Человеку, как общественному лицу и как народу, предстоит путь внутренней правды, совести, свободы, или путь правды внешней, закона, неволи. Первый путь есть путь общественный, или лучше, земский; второй путь есть путь государственный. Первый путь есть путь истины, путь вполне достойный человека»²³³.

Народ (земля) и государство выступают у Аксакова как два своего рода полюса магнита, как два автономных актора истории. Русский народ после призвания продолжает жить обособленно от государства, своей собственной жизнью, идя «путем внутренней правды». Государство осуществляет правительственные функции, прислушиваясь к мнению народа, не связанного с ним никакими обязательствами, и не вмешивается в его жизнь.

В адресованной Александру II «Записке о внутреннем состоянии России» (1855 г.) Аксаков писал: «Правительству – неограниченная свобода правления, исключительно ему принадлежащая, народу – полная свобода жизни и внешней и внутренней, которую охраняет правительство. Правительству – право действия и, следовательно, закона; народу – право мнения и, следовательно, слова. Вот русское гражданское устройство!»²³⁴.

Избрание Романовых в 1613 г. было новым призванием власти, народ вновь не захотел «государствовать», это исказило бы «чистоту народного начала». Не случайно, славянофилы так любили десятилетие, когда Земский собор 1613 г. практически не распускался, потому что новая власть после многолетней Гражданской войны не обрела еще авторитета, и собор, чье мнение в таких условиях было весомо, активно участвовал в нормализации жизни страны.

Однако продолжавшееся столетиями размежевание функций и прав между народом и государством ликвидировал Петр I. Он сделал то, что сделал народ на Западе, только с обратным знаком. Там народ незаконно поставил себя над государством, взяв власть в свои руки путем учреждения парламента и конституции, а Петр I подчинил народ государству и утвердил внешний закон над «внутренней правдой». Европеизация исказила основное начало

русской истории и подчинила Россию чуждой культуре. Отсюда – негативное отношение славянофилов к Петру.

Различия между «завоеванием» на Западе и «призванием» на Руси породили также и различное понимание свободы: «Рабское чувство покоренного легло в основании западного государства; свободное чувство разумно и добровольно призвавшего власть легло в основании государства русского. Раб бунтует против власти, им не понимаемой, без воли его на него наложенной и его непонимающей. **Человек свободный не бунтует против власти, им понятой и добровольно призванной**»²³⁵.

Поэтому Запад, где государство основано на насилии и вражде, переходя от рабства к бунту, «принимает бунт за свободу, хвалится ею и видит рабство в России».

Напротив, Россия «хранит у себя признанную ею самую власть, хранит ее добровольно, свободно, и поэтому в бунтовщике видит только раба с другой стороны, который так же унижается перед новым идолом бунта, как перед старым идолом власти; ибо бунтовать может только раб, а свободный человек не бунтует»²³⁶.

Эти мысли очень важны. В рамках этой логики вечное российское рабство, о котором так много писали европейцы, начиная с Герберштейна, оказывается истинной свободой. Ими же определяется и правовая концепция славянофилов, с которой мы в общих чертах уже знакомы.

Как правило, в историографии более или менее подробным изложением взглядов славянофилов на отличия между Россией и Западом все и заканчивается.

Однако не говорится главного: славянофильство было формой **«национального русского христианского утопического социализма»**, по определению историка С. С. Дмитриева²³⁷, впервые заявившего об этом еще в 1940 г.

Между тем **только в этом контексте** все подчеркиваемые ими различия между Россией и Европой обретают, на мой взгляд, настоящий смысл. Что, кстати, радикально меняет привычную родословную социализма в России.

Однако прежде, чем коснуться этой темы, попытаемся рассмотреть противопоставление России и Запада, исходя из оппозиции **системоцентризм – персоноцентризм**.

По мнению поставившего данную проблему А. В. Оболонского²³⁸, к этим двум «противоположным традициям, двум взаимоисключающим взглядам на мир» сводятся – на уровне идеальных типов – все известные нам человеческие цивилизации, невзирая на их громадное многообразие. Ведь две указанные «традиции» («антропологии», «этики») имеют огромное влияние практически на все области жизни того или иного общества.

Глобально эти взгляды разделяет диаметрально противоположный подход к окружающему миру: в первом случае высшая ценность – Система, какой бы она ни была, во втором – Человек.

В персоноцентристской шкале «индивидуум является высшей точкой», или по Протагору, «мерой всех вещей». Все явления окружающей действительности трактуются с точки зрения человеческой личности.

Соответственно здесь доминирует тип мышления, ориентированный на эту личность, признающий и даже исходящий из идеи «неповторимости духовной сущности, автономности и самоценности **каждого** человека», причем важность отдельного индивида отнюдь не определяется мерой его значимости в политической, социальной, культурной и прочих сферах.

Он важен самим фактом своего существования.

Напротив, в системоцентричной шкале человека как бы нет или он выступает как нечто второстепенное, подсобное, которое может сыграть большую или меньшую роль в «достижения неких надличностных целей», необходимых для системы.

Большей частью речь идет о «растворении человеческого “Я” в интересах Империи, Царственной Особы, Культа, Обычая, Идеологии или просто Государства».

Общим знаменателем здесь выступает «отсутствие представления о самоценности человеческой индивидуальности», о том, что человек рождается не для того, чтобы стать винтиком или гайкой в механизме какой-либо системы. Индивид при таком подходе всегда средство и никогда не цель.

Это и понятно, поскольку в данной традиции безусловным приоритетом являются интересы Целого, как бы оно не именовалось, и в первую очередь его **стабильность**. Естественно, что «ориентация на воспроизводство одних и тех же условий определяет неразвитость и неприятие индивидуалистского сознания, тенденцию к доходящему до полного самоотречения отождествлению своих интересов с интересами социального целого – рода, племени, общины или более широких образований.

Внутреннее жизненное равновесие для члена такого коллектива достижимо лишь через полную гармонию с Системой, которая, в свою очередь, сохраняет устойчивость лишь благодаря соответствующему поведению своих членов».

Понятно, что исторически первым был системоцентризм, а в ходе буржуазных революций XVI–XIX вв. в ряде стран Европы и Северной Америки о себе все громче стал заявлять и со временем утвердился персоноцентризм*.

---

* По мнению А. В. Оболонского, «первые заметные вспышки персоноцентристского мышления мы видим в античном мире».

Однако процесс перехода от системо- к персонцентризму, к торжеству либерализма, к правам человека протекал очень сложно и противоречиво.

Думаю, не требует специального обоснования тезис о том, что Россия со времен Ивана III была, безусловно, системоцентричной страной. Достаточно вспомнить приводившуюся выше мысль К. П. Победоносцева о том, что хотя в русской истории развитие самостоятельной личности «остановилось и замедлилось», однако население в своей массе имеет прочный прожиточный минимум в виде земельного надела, а также «в постоянной обязательной связи своей с государством». Понятно, что с известной поправкой это относится и к дворянству до его раскрепощения.

Нетрудно видеть, что построения славянофилов и их единомышленников системоцентричны, что вполне естественно.

Приключения социализма в стране крепостной общины

В социализме ... есть магия, которая обещает бесконечность неизвестного счастья, так как помимо самых общих рекомендаций он не предлагает никаких институтов, а лишь альтернативу всем существующим институтам – которые могут быть не только либерализмом и капитализмом, но и самодержавием и крепостничеством, в зависимости от времени и места.

Мартин Малиа

Крайне важно понимать, что в то время социализм воспринимался не так, как в наши дни.

Он еще совершенно не имел сегодняшних коннотаций, воспитанных кровавым XX веком, который прошел под его знаком. Во всяком случае, ни «Великий перелом», ни «ликвидация кулачества как класса», ни «Голодомор», ни ГУЛАГ им не подразумевались.

Не подразумевались теории и такие социалисты как Ленин, Сталин, Троцкий, Мао и Пол Пот. Хотя в реальной жизни уже встречались Белинский и Бакунин, а чуть позже – Нечаев и Ткачев, готовые, по крайней мере на словах, к любым жертвоприношениям во имя грядущего счастья человечества.

Напомню, что социализм возник как реакция на торжество экономического и политического либерализма в Западной Европе в конце XVIII – начале XIX вв. Экономический либерализм выступает за свободную конкуренцию, за невмешательство государства в экономику, основанную на частной собственности и свободе контракта. Политический либерализм говорит о равенстве прав всех людей от рождения, от природы, не говоря уже об их равенстве перед законом.

Начавшаяся в передовых странах Запада модернизация – следствие воплощения этих идей в жизнь, продукт освобождения личности и экономики

от пут и ограничений средневековья – буквально на глазах одного поколения радикально преобразила жизнь человечества.

Вместе с тем бурное развитие капитализма привело, с одной стороны, к невиданному подъему производительных сил Запада, а с другой, к громадному имущественному расслоению.

Поэтому социализм стал ответом на несправедливое, по мнению многих, распределение создаваемого обществом богатства, причем он сразу же приобрел черты *системы* глобальной критики и даже отрицания едва ли не всей современной цивилизации. Экономические вопросы тут – лишь часть общей проблематики. Социалисты позиционируют себя как новых христиан.

В основе социализма лежало радикальное отторжение имущественного неравенства, породившего, с одной стороны, множество негативных общественных явлений, а с другой, будто бы в корне противоречившего идее природного равенства людей, которая уже в XVIII в. стала неоспоримой аксиомой и была увековечена в 1789 г. в «Декларации прав человека и гражданина».

Дело в том, что либерализм понимает это как равенство всех перед законом. Однако социалисты считают, что истинное равенство состоит не в равенстве прав людей, а в равенстве их доходов. Соответственно, социалисты требуют имущественного уравнивания – «никто не должен испытывать лишений, в то время когда другие живут в излишествах».

С некоторым упрощением ход мысли социалистов таков.

Если все люди от рождения имеют равные права, то у них должна быть возможность материализовать это равенство в реальной жизни. Но поскольку одни богаты, а другие бедны, то те, у кого нет ничего, кроме физической силы, должны эту силу продавать, чтобы богачи пользовались продуктами их работы. Данное обстоятельство делает политическое и юридическое равенство издевкой над обездоленными.

Их право принимать участие в выборах наравне с остальными классами не имеет для них значения, во-первых, потому, что голодного человека волнует еда, а не выборы, а во-вторых, потому, что реалии политической жизни – давление имущих классов и подкуп ими избирателей – делают это право чистой фикцией.

Поэтому невозможно мириться с ситуацией, при которой одновременно с растущим материальным богатством «к стыду общества зияет язва нищеты, порождающая разврат и болезни».

И здесь сразу возникает большая проблема.

Либерализм не только говорит о том, что люди равны, но и том, что они, по возможности, должны быть свободны в своих действиях, т.е. что регламентация взаимных отношений между людьми должна быть минимизирована.

Другими словами, либерализм предполагает соревнование людей с равными природными правами, фактически – соревнование их способностей.

Однако жизнь показала, что свободное соревнование личностей приводит – как в спорте – к делению людей на лидеров и аутсайдеров, сильных и слабых, богатых и бедных – и, соответственно, к господству первых над вторыми.

Выяснилось также, что полная свобода не обеспечивает большей части человечества якобы обещанных ему благ. Ведь ликвидация всех средневековых стеснений отдельной личности, упразднение сословий и цехового устройства ведет к обнищанию и пролетаризации массы населения, к ужесточению экономической борьбы, с одной стороны, а с другой, – к концентрации капиталов в руках немногих.

Поэтому большинству людей соревнование способностей неинтересно, поскольку оно (большинство) его проигрывает.

И вариантов решения этой коллизии только **два**.

Либо человеческая психика внутренне переродится и люди избавятся от присущих им от природы недостатков и начнут относиться друг к другу в соответствии с духом Евангелия, прежде всего – перестанут притеснять друг друга. Другими словами, человечество должно переродиться. А много ли шансов на это **вне** рамок христианского учения, **без** его воздействия?

Либо люди вернуться к той самой регламентации, от которой их освободили революции XVIII века и их идеи. Другими словами, вернуться к системочентричности, которая, на первый взгляд, куда лучше обеспечивает прожиточный минимум.

Социализм обречен вращаться в этом замкнутом круге, что он и делал последние сто лет, – впрочем, без особого успеха, вывешивая лозунги свободы на фасаде своего «царства равенства (свободы)» и устраивая ГУЛАГ внутри него.

Но во второй четверти XIX в. этого еще не знали.

Анненков приводит наиболее яркие, «ослепляющие и оглушающие» мысли тогдашних социалистов, которые волей-неволей повсюду приковывали внимание людей, поскольку ставили под сомнение незыблемые, казалось бы, представления.

Между знаменитыми тезисами «собственность – это кража» и «нам предоставлен только один вид свободного труда – грабеж»*, помещался вполне впечатляющий ряд афоризмов:

– «Торговля и сословие купцов, ею созданное, не что иное, как паразиты в экономической жизни народов»;

---

* Первый тезис принадлежит П.-Ж. Прудону (1809–1654), второй – портному Вейтлингу (1809–1871), которого К. Маркс считал одним из своих учителей.

- «результаты коллективного труда рабочих достаются даром патрону, который всегда оплачивает только единичный труд»;
- «способности рабочего не дают ему права на большую долю вознаграждения, будучи сами даром случая»;
- «искусство и талант суть уродливости нравственного мира, схожие с уродливостями физическими, и никакой оценки и оплаты не заслуживают»;
- «рабочий имеет такое же право на произведенную им ценность, как и заказчик ее»;
- «цивилизация Европы есть прямое порождение праздных ее сословий» – и т.д. и т.п.

Уже из этого видно, что социализм – учение, успешно легитимизирующее зависть, чувство, вообще говоря, довольно стыдное. Конечно, приведенными мыслями этот цитатник потенциальных грабителей, постепенно входивший в обиход человечества, не исчерпывался.

Если выстроенные системы социалистических взглядов, как, например, Сен-Симона и Фурье, были далеко не безупречны и заслуженно критиковались, то степень обоснованности подобных будораживших воображение идей никто не проверял: **«Сила этих громоносных положений заключалась не в их логической неотразимости, не во внутренней их правде, а в том, что они возвещали какой-то новый порядок дел и как будто бросали полосы света в темную даль будущего, открывая там неизвестные, счастливые области труда и наслаждения»**²³⁹.

Взгляд Анненкова уместно дополнить мнением его младшего современника Ф. М. Достоевского. Вспоминая – в контексте нечаевщины – собственный опыт приобщения к социализму, он объясняет, как воспринимался социализм в России конца 1840-х гг. и чем обеспечивалась его привлекательность:

«Что были из нас (петрашевцев – М. Д.) люди образованные – против этого... не будут спорить. Но бороться с известным циклом идей и понятий, тогда сильно укоренившихся в юном обществе, из нас, без сомнения, еще мало кто мог.

Мы заражены были идеями тогдашнего теоретического социализма. Политического социализма тогда еще не существовало в Европе».

Он вырос позже – «из нетерпения голодных людей, разжигаемых теориями будущего блаженства» и суть его «покамест состоит лишь в желании повсеместного грабежа всех собственников классами неимущими, а затем «будь что будет». Ведь, продолжает Достоевский пока неясно, что каким будет будущее, а «решено лишь только, чтоб настоящее провалилось».

Однако **«тогда понималось дело еще в самом розовом и райско-нравственном свете... Зарождавшийся социализм сравнивался... с христианством и принимался лишь за поправку и улучшение последнего, сообразно веку и цивилизации.**

Все эти тогдашние новые идеи нам в Петербурге ужасно нравились, **казались в высшей степени святыми и нравственными и, главное, общечеловеческими, будущим законом всего без исключения человечества.**

Мы еще задолго до парижской революции 48 года были охвачены обаятельным влиянием этих идей. Я уже в 46 году был посвящен во всю правду этого грядущего «обновленного мира» и во всю святость будущего коммунистического общества еще Белинским.

Все эти убеждения о безнравственности самых оснований (христианских) современного общества, о безнравственности религии, семейства; о безнравственности права собственности; все эти идеи об уничтожении национальностей во имя всеобщего братства людей, о презрении к отечеству как к тормозу во всеобщем развитии, и проч. и проч. – всё это были такие влияния, которых мы преодолеть не могли и которые захватывали, напротив, наши сердца и умы во имя какого-то великодушия.

Во всяком случае тема казалась величавою и стоявшей далеко выше уровня тогдашних господствовавших понятий – а это-то и соблазняло.

Те из нас, то есть не то что из одних петрашевцев, а вообще из всех тогда зараженных, но которые отвергли впоследствии весь этот мечтательный бред радикально, **весь этот мрак и ужас, готовимый человечеству в виде обновления и воскресения его**, – те из нас тогда еще не знали причин болезни своей, а потому и не могли еще с нею бороться»²⁴⁰.

Большой популярностью пользовалась знаменитая тогда книга Л. фон Штейна «Социализм во Франции» (1842 г.), серьезно повлиявшая не только на Маркса и Энгельса, но и на М. А. Бакунина. Он уверял, что она открыла ему «новый мир», в который он «бросился со всею пылкостью алчущего и жаждущего. Мне казалось, что я слышу **возвещенье новой благодати, откровенье новой религии возвышенья, достоинства, счастья, освобожденья всего человеческого рода**»²⁴¹, после чего, собственно, и началась его революционная деятельность. Фон Штейн поразил и Ю. Ф. Самарина, начавшего строить на его идеях славянофильский социализм.

Социализму, привлечшему внимание к тяжелому положению трудящихся, были подвержены люди разных поколений и разного происхождения и социального положения. Да и как он мог оставить людей равнодушными, если был основан на идеях добра и сострадания. Он стал восприниматься как панацея от несправедливости и несовершенства бытия.

Но у всех свои представления о несправедливости мироздания и способах ее исправления, поэтому и существуют разные варианты социализма*.

* Почти век спустя Людвиг фон Мизес заметит, что «на любого сторонника социалистической политики смотрят как на адепта Блага, Нравственности и Благородства, как на самоотверженного борца за необходимые реформы, короче, как на человека, который бескорыстно служит своему народу и всему человечеству, и прежде всего как на честного и бесстрашного искателя истины.

Вспоминая своего учителя, знаменитого историка Т. Н. Грановского, Чичерин говорит, что тот сердечно сочувствовал свободе и всему тому, что могло «поднять и облагородить человеческую личность». Поэтому он приветствовал первые проявления социализма, нацеленного на уменьшение страданий людей и установление братских отношений между ними, хотя и понимал несостоятельность средств, предлагавшихся для обновления человечества. Это отношение перечеркнул июнь 1848 г., когда «социализм выступил на сцену как фанатическая пропаганда или как дышащая злобой и ненавистью масса»²⁴².

Схожей была и эволюция отношения к социализму самого Чичерина, поначалу верившего в его «великое значение» для подъема благосостояния народа и для торжества всеобщего братства: «Как двадцатилетний юноша я, понимаю, сочувствовал крайнему направлению*, а потому для меня громовым ударом были июньские дни, когда демократическая масса, в которую я верил, вдруг выступила без всякого повода и без всякого смысла, как разнузданная толпа, готовая ниспровергнуть те самые учреждения, которые были для нее созданы».

Забегая вперед, отмечу, что пройденный Достоевским и Чичериным путь отторжения красивой социалистической идеи по плечу оказался не всем.

Социализм прочно поселился в головах множества людей, и нам нужно знать, что с этого времени социалисты разных категорий были во всех лагерях, включая правительственный.

То есть, условно говоря, не все образованные люди в России были ярко-красными, но оттенков красно-розового и просто розового хватало. Поэтому идейный фон эпохи, предшествовавшей освобождению крестьян, и последующая идейная эволюция русского общества останутся неясным без учета его социалистической «грунтовки» 1840–1850-х гг.

Славянофилы разделяли многие идеи западных социалистов, в том числе и возражения против «святости закона и частной собственности».

В центре построений славянофилов, как известно, стоит община.

Безусловно, прав экономист В. В. Святловский, связывая в этом плане родословную славянофильства через чешских и польских ученых-славистов Добровского, Копитара, Суравецкого, Мацеевского, Шафарика и Лелевеля с И. Г. Гердером, которого иногда называют отцом-основателем славистики.

А всякий, кто подходит к социализму с меркой строгого научного анализа, объявляет-ся носителем зла, негодяем, наемным слугой корыстных классовых интересов, угрожающих благосостоянию общества, и полным невеждой». (*Мизес Людвиг фон. Социализм. Экономический и социологический анализ. М.: «Catallaxy». 1994. С. 19.*) Фон Мизес характеризует ситуацию XX в., но она, безусловно, существовала уже в веке XIX.

* Узнав «однажды ночью» от однокашника по университету, что во Франции началась революция, Чичерин, по собственному признанию, «пришел в неистовый восторг, влез на стол, драпировался в простыню и начал кричать: «Vivi la Republique!». (*Чичерин Б. Н. Воспоминания... Т. 1. С. 87.*)

Святловский особенно выделяет роль и значение основоположника романтической школы в польской историографии Иоахима Лелевеля, который в ряде работ доказывал, что быт древних славян отличался от быта других народов тем, что был основан на общинности. Она была характерна исключительно для славянского мира, который тем самым был противоположен остальной Европе, построенной на индивидуализме. По Лелевелю, древние славяне были демократическим народом, который управлялся народным собранием («вече»).

Вплоть до принятия христианства славянский мир стоял на «общинном землевладении, мирном захвате земли, исключительном предпочтении мирных занятий, любви к свободе и презрению к рабству»²⁴³. По мере распространения христианства славяне постепенно теряют эти особенности, и в первую очередь это коснулось русских (славян), у которых древнее самоуправление было подавлено заимствованным из Византии самодержавием. Поляки держались дольше всех, и Польское государство реализовало «древнеславянский общий идеал во всем блеске и величии», поскольку в нем было народоправство «на началах равенства, свободы и братства». Однако это противоречило таким устоям западной цивилизации, как римское право, католицизм, феодализм, которые подавили общинный строй. Когда Польская республика переступила через свои идеалы и лишила народ его суверенных прав, она прекратила свое существование.

Идеи Лелевеля подхватил и развил Вацлав Мацеевский, а затем великий польский поэт Адам Мицкевич, сделавший их достоянием Европы. Он был первым профессором славянской словесности в Коллеж де Франс, и его лекции по истории славянских литератур, в которых он популяризировал теорию общинного быта Лелевеля, имели огромный успех.

Святловский пишет: «Лекции Мицкевича привлекали толпы слушателей и служили громкою злобою дня в обществе и печати. Так в начале 40-х годов из стен „College de France» возвещено было Европе „открытие» неведомого раньше славянского мира. В нем многие, заслушавшись восторженной речи славянского патриота, увидели **воплощение тех идеалов общежития, к которым тщетно и мучительно стремилась цивилизация в течение тысячелетий.** Это был тот же самообман, которому поддался в свое время Руссо, видевший в Польше частичное воплощение своих идеалов»²⁴⁴.

В историографии вопрос о приоритете «открытия общины» до сих пор остается предметом дискуссии, однако для нашего изложения этот сюжет не слишком важен²⁴⁵.

Разумеется, славянофилов построения поляков не устраивали, и, создавая свое учение, они высшие характеристики славянского духа и гармоничное устройство быта древних славян отнесли к России.

И – важнейший момент! – они обогатили идею русского мессианства своим вариантом общинного православного социализма, который может решить проблемы Запада, а заодно исключит революционные потрясения в России.

Анненков писал: «Кому не известно, что, собственно, *русский* социализм или то, что можно назвать народными экономическими представлениями, заключался в очень ясных и узких границах, состоя из учения об общинном и артельном началах, то есть из учения о владении и пользовании сообща орудиями производств.

В этом скромном, ограниченном виде, данном всей нашей историей, *русский* социализм и был поставлен впервые на вид славянофилами, с прибавкой, однако ж, что он может служить не только образцом экономического устройства для всякой сельской и ремесленной промышленности, но и **примером сочетания христианской идеи с потребностями внешнего, материального существования**», «всесветным экономическим принципом, который мог бы быть годен для всякого хозяйства»²⁴⁶.

Как понимать эти слова?

Думается, так.

Да, «гниющий Запад» сам пришел к тому, что необходимо создать новый мир, новую, справедливую жизнь, которую европейцы связывают с социализмом и коммунизмом. Однако построить такой мир они могут только с помощью России, в которой сохранились главные органические начала – община, где смиряются амбиции личности, и – православие, высшая религиозная форма, в которой сочетаются идеи социализма и коммунизма. И это есть всемирный, «всесветный экономический принцип».

Христианство, по мнению славянофилов, далеко не исчерпало своих возможностей и прежде всего в сфере социальной. Современность требует создания общества, основанного на **действительно христианских, евангельских началах**. Тогда нравственные обязанности индивида, устанавливаемые христианством, будут переведены в юридические нормы.

В частности, Ю. Ф. Самарин отмечал: «Христианская религия проповедует богатому уделять от своего имущества бедному. Новое общество поймет, что так и должно быть... То, что составляет обязанность богатого, есть право бедного. Всякий человек должен иметь собственность: это его право. Следовательно, собственность должна быть общею. И много других вопросов социальных разрешится тем же образом»²⁴⁷.

Здесь нужно вспомнить, какое огромное значение придавали социалисты коллективизму, созданию объединений людей в борьбе с миром капитала.

Н. Х. Бунге писал, что из самого термина «социализм» следует, что он – в противоположность индивидуализму – ставит своей задачей создание обществ, союзов, ассоциаций людей, разобщенных в борьбе за существование.

Основа современного общества, по социалистам, заключается в положении «*chacun pour soi et Dieu pour personne*» (каждый за себя и Бог за всех), которое провозглашает беззащитность слабого и отсутствие всякого содействия и помощи со стороны других лиц, вследствие индивидуалистического строя общества.

Для того, чтобы вывести человека из состояния беспомощности, нужна ассоциация – общение людей в производстве, во владении и пользовании имуществом, а также и в потреблении»²⁴⁸.

Община и была идеальной ассоциацией такого рода, одухотворенной при этом православием. Будучи «основой, грунтом всей русской истории» (Ю. Ф. Самарин), она была создана естественно, а не искусственно, и изначально строилась на примирении интересов, а не на борьбе. И Россия должна воспользоваться этим проявлением «народного духа», пронесенным через века, для дальнейшего развития страны.

Переделами земли община предупреждает пролетаризацию, обезземливание крестьянства, а значит, и антагонизм между собственниками земли и теми, кто ее лишился. Поскольку крестьянин-общинник одновременно и производитель, и «предприниматель», т.е. владелец того, что он произвел, то в общине производитель не становится жертвой интересов производства, как это ежедневно происходит при капитализме.

Поэтому славянофилы надеялись, что сохранение и развитие общинного устройства позволит России избежать революции.

По мнению Хомякова, община препятствует, с одной стороны, возникновению противоречия между трудом и капиталом и пауперизацию населения, которую можно наблюдать в пока преуспевающей Англии («В ней страшные страдания и революция впереди»).

А с другой, она тормозит дробление земельной собственности и «разъединенность» социума, которые существуют во Франции («Разъединенность же есть полное оскудение нравственных начал; а... оскудение нравственных начал есть в то же время и оскудение сил умственных»).

Отсюда вывод: «Итак, община столько же выше английской фермы, которой бедствия она устраняет, сколько и французской, которая, избегая бобыльства физического, вводит бобыльство духовное и дает городам такой огромный и гибельный перевес над селом».

От крестьянской, земледельческой общины возможен прямой переход к общине промышленной. Артель – осуществление общинного принципа, перенесенного из земледелия в промышленность, где она имеет аналогичное значение – осуществление народного духа, нравственного закона справедливости, стремление к равенству.

Община для славянофилов в конечном счете превращалась в «нравственный союз людей», «братство», «торжество духа человеческого». Отсюда вы-

текало отождествление понятий «община и земля», – вся русская земля есть большая община²⁴⁹. Идея оказалась живучей – о том же полвека спустя с пафосом будут заявлять эсеры во главе с Виктором Черновым.

Учение об общине – апофеоз системоцентричности.

Удивляться будем?

Полагаю, не только у меня приведенная выше критика Запада порой вызвала удивление.

Почему Россия, какой она была во 2-й четверти XIX в., в лице своих интеллектуалов предъявляла к Европе претензии нравственного свойства и почала ее?

Как могло случиться, что умнейшие русские люди, живя в отсталой культурно и экономически стране с крепостным правом и неграмотным на 90% населения и т.д., видели себя спасителями цивилизованного мира от неминуемой гибели?

Неужели они думали это всерьез?

Чем они собирались его спасти? Какими снадобьями?

Что такого они могли предложить, чего не знал Запад?

Другой тип взаимоотношений между людьми? Как между крестьянами и помещиками? Или как между Николаем I и дворянством?

Православную веру?

Между тем наше недоумение объясняется просто – тогда и Запад, и Россия оценивались с другой точки зрения, исходя из других критериев.

Но каких?

Ведь, кажется, есть вечные параметры сравнения – уровень развития культуры, экономики, образования и грамотности, уровень свободы граждан, наконец. И едва ли Николаевская Россия была тут лидером.

Все верно.

Однако это отнюдь не исчерпывает проблему.

Что делать народу, который, хотя и отстает по указанным «параметрам», но нисколько *не* чувствует себя ущемленным? Который считает себя самым могущественным на поле боя и который при этом, несомненно, ощущает свой интеллектуальный и духовный потенциал, пусть пока и нераскрытый?

Надо объявить отставание мифом, точнее, вывести его за скобки привычной диагностики, привычных сравнений, наметить другое поле для сопоставления, а также ввести столь любимое в России будущее время, отложив на грядущее ликвидацию неграмотности и др.

Вся критика Запада одновременно была ВЫБОРОМ ПУТИ.

И здесь не очень важно было то, что наши наблюдатели, что вполне естественно, не очень понимали европейскую жизнь.

Н. А. Ерофеев в своей прекрасной работе «Туманный Альбион» показывает, как это происходило, как в то самое время, когда Англия вошла в пору расцвета и могущества, в сознании русских людей формировался образ стоящего на краю гибели «дряхлого Альбиона».

Этот образ «не был итогом изучения реальности, а возник как бы априорно, т.е. еще до того, как явились факты, способные его подкрепить. Тем не менее он оказал сильное и длительное влияние на русские представления об Англии: он не только окрасил эти представления в определенный цвет, но, позволив соединить воедино отдельные разрозненные факты, предопределил возникновение единой и связной картины»²⁵⁰.

В основе этого образа лежала специфичная оценка духовной жизни Англии, вытекавшая из тогдашней шкалы ценностей русских людей.

Эта шкала ставила на первое место не материальные достижения и успехи, а именно духовные ценности, идеальные аспекты бытия. И это оправдывало изъяны русской жизни – бедность населения, отсталую экономику и многое другое. «В результате все успехи англичан на поприще материальной жизни отнюдь не вызывали в России восхищения или зависти»²⁵¹.

Более того, технические достижения лишь укрепляли мнение, что британцы слишком поглощены практической, вещественной стороной своей жизни, материальными заботами, так что на мысли о вечном времени у них остается немного.

Ерофеев заключает: «Перед нами – яркий пример того, как предвзятая точка зрения мешает не только правильно понимать, но даже наблюдать и видеть то, что есть. В самом деле, надо было страдать настоящим ослеплением, чтобы отказывать в духовных ценностях стране, которая дала миру великих поэтов, писателей и философов»²⁵².

Тем не менее, Одоевский, Шевырев, Погодин и славянофилы отстаивали право России идти **своим** путем. И они во второй четверти XIX в. исходили из других приоритетов, нежели многие из нас.

В *их* мире о числе университетов и грамотности населения даже не вспоминают.

Здесь технический прогресс не является абсолютной ценностью, поскольку в обществе еще нет понимания его принципиальной важности для цивилизации.

В этом мире вопрос о необходимости строительства железных дорог дебатруется буквально в гамлетовском дискурсе «быть или не быть», хотя, казалось бы, для России с ее пространствами это не требует доказательств. И даже такой умный человек, как граф Е. Ф. Канкрин, аргументировал их ненужность для России мыслью о том, что они будут поощрять бродяжничество.

Россия – патриархальная страна, и в этом качестве она осуждала непохожий на себя мир со своей собственной точки зрения, что вполне естественно.

Декабристы – это доли процента от тысяч русских офицеров, побывавших в Европе. Остальные делали другие выводы, или не делали их совсем. Мир модернизации русские люди не знали, не понимали, да и не хотели знать. Им было вполне комфортно в привычной среде.

Необсуждаемый критерий № 1 в этой системе ценностей – военная мощь.

Уместно, полагаю, здесь привести фрагмент из известного письма Герцена историку Жюлю Мишле: «Там (на востоке Европы – М. Д.), как темная гора, вырезающаяся из-за тумана, виднеется враждебное, грозное царство; порою кажется, оно идет, как лавина, на Европу, что оно, как нетерпеливый наследник, готово ускорить ее медленную смерть.

Это царство, совершенно неизвестное двести лет тому назад, явилось вдруг, без всяких прав, без всякого приглашения, грубо и громко заговорило в совете европейских держав и потребовало себе доли в добыче, собранной без его содействия.

Никто не посмел восстать против его притязаний на вмешательство во все дела Европы.

Карл XII попытался, но его до тех пор непобедимый меч сломился; Фридрих II захотел воспротивиться посягательствам петербургского двора; Кёнигсберг и Берлин сделались добычей северного врага. Наполеон проник с полумиллионом войска в самое сердце исполина и уехал один украдкой, в первых попавшихся пошевнях. Европа с удивлением смотрела на бегство Наполеона, на несущиеся за ним в погоню тучи казаков, на русские войска, идущие в Париж и подающие по пороге немцам милостыню – их национальной независимости.

С тех пор Россия налегла, как вампир, на судьбу Европы и стережет ошибки царей и народов. Вчера она чуть не раздавила Австрию, помогая ей против Венгрии, завтра она провозгласит Бранденбург русской губернией, чтобы успокоить берлинского короля»²⁵³.

Этот фрагмент несколько усложняет наше представление об этой проблематике – в сравнении с уже известными нам мыслями русских людей того времени.

А критерий № 2 – политическая стабильность. Революция в России никому не нужна.

Здесь ценят дух народа, который проявляется в годину испытаний, как в 1812 г., и, в числе прочего, доказывает наше моральное превосходство над эгоистичными и расчетливыми европейцами.

О том, какое нравственное превосходство над миром свободных людей может иметь страна с крепостным правом, мы скажем чуть ниже.

А пока заметим, что в ряде пунктов критика Запада была совершенно справедливой.

Вильчек как-то великолепно сказал, что «заря капитализма была такой мрачной, что Маркс ее принял за закат».

Ведь, согласитесь, трудно ожидать иного отношения, кроме негативного, к таким «прелестям капитализма», как детский труд у станков, рост нищеты и др. так что реакция русских людей, на мой взгляд, вполне нормальная – даже сейчас, почти двести лет спустя, человечество отнюдь не смирилось с этим.

Однако эти обвинения девальвирует одно печальное обстоятельство – их выдвигают представители господствующего сословия в стране, где половина населения – крепостные крестьяне, а остальные – хотя лично свободны, но также являются «аппаратом для выработки податей».

Например, для Аксакова, как и для Одоевского, высшим воплощением порока Запада являются – кто бы мог подумать? – США: «Северная Америка вся насквозь проникнута эгоистическим, холодным началом и вся представляет обширную общественную сделку людей между собою, лишенную всякой любви, сделку спокойную, крепкую, ибо основанную на себялюбивом расчете; разве только личные страсти могут на минуту заставить забыть этот расчет; в пределах же сделки эти страсти действуют со всею своею пожирающею силою.

Нигде нет такого полного признания этой личности в каждом, как в общественной сделке Северной Америки; нигде нет такой страшной деятельности, устремленной, главное, на выгоду, как в Северной Америке; и зато нигде нет такого страшного эгоизма, такого бездушного тиранства и унижения себе подобных, как в Северной Америке, разводящей и продающей людей, искалеченных общественною сделкою, людей, не признаваемых людьми, несчастных негров.... Самое сильное проявление начала личности и условности, самую резкую противоположность началу общины и свободе жизни представляет в наше время Северная Америка. Это великолепное общество-машина.

Не таково, конечно, призвание человека. Духовные потребности живут в нем и не падают в борьбе с материальным смыслом. Но есть русский народ, верующий в высокое начало общины, народ, который должен сказать миру слово жизни и разума»²⁵⁴.

Что и говорить, прекрасные слова! Если забыть о том, что их пишет не самый бедный русский помещик, чья семья, чьи единомышленники и друзья в тот момент владели тысячами «почти» негров только с кожей белого цвета, которые, как известно, были предметом рыночного оборота.

Как крепостная Россия может осуждать рабство в США?

Может, ибо крепостное право для множества образованных людей – никоим образом не рабовладение. Достаточно вспомнить «Выбранные места из переписки с друзьями» Н. В. Гоголя.

Крепостничество – это система социального патронажа, это покровительство сирым и убогим крестьянам.

Притом же такая аберрация, как любил говорить в подобных ситуациях С.Ю. Витте, «это слишком по-человечески».

Вспомним Уложенную комиссию 1767 г., когда депутаты, мечтавшие о дармовой рабочей силе, требовали крепостных и не скрывали этого.

Уже в конце XVIII в. подобная откровенность «на людях» стала не очень приличной и потребовался некий фиговый листок. Так набрала популярность идея о крепостном праве как своего рода системе социального обеспечения, без которой крестьяне пропадут. И этого стали держаться. Что ж, логично.

Дворянство в массе по-прежнему не считало крепостничество злом, а Одоевский, например, был убежден, что в 1900 г. дворяне будут сдавать экзамен на звание помещика²⁵⁵.

В то же время капитализм критиковался с позиций нравственных как нечто чудовищно аморальное.

Напомню известную мысль А. С. Пушкина: «Прочтите жалобы английских фабричных работников: волосы станут дыбом от ужаса. Сколько отвратительных истязаний, сколько мучений! Какое холодное варварство, с одной стороны, с другой – какая страшная бедность! Вы думаете, что дело идет о строении фараоновых пирамид, о евреях, работающих под бичами египтян? Совсем нет: дело идет о сукнах г. Смита или об иголках г. Джэксона. Кажется, нет в мире несчастнее английского работника: но посмотрите, что делается там при изобретении новой машины, избавляющей вдруг от каторжной работы тысяч пять и шесть народу и лишаящей их последнего средства к пропитанию. У нас нет ничего подобного...»

Взгляните на русского крестьянина: есть ли и тень рабского унижения в его поступи и речи? О его сметливости и смыслености и говорить нечего. Переимчивость его известна: проворство и ловкость удивительны... В России нет человека, который бы не имел собственного жилища. Нищий, уходя скитаться по миру, оставляет свою избу. Этого нет в чужих краях... Судьба крестьянина улучшается со дня на день»²⁵⁶.

Это очень важный фрагмент.

Конечно, несложно прокомментировать его иронически – дескать, Пушкин сострадает не судьбе своих (и чужих!) крепостных, а горькой участи британского пролетариата!

Однако это слишком примитивное объяснение.

Все сложнее, поскольку, в сущности, здесь – как и почти всегда в то время при обращении русских людей к этой проблематике – **попытка оценивать Запад и Россию в контексте проблемы Великого инквизитора.**

Наша страна вместе со всем человечеством не одну сотню лет пытается разрешить дилемму, которую часто обозначают так: что лучше для людей: раздать им рыбу или вручить им удочку, чтобы они могли ловить ее сами?

Что правильнее: гарантированная пайка или возможность самому определять свою жизнь?

Что справедливее: сытость в рабстве или рискованная свобода?

Конечно, каждый подобные вопросы решает для себя самостоятельно (И этот ответ не столь очевиден даже и в начале XXI в. Нельзя не заметить, что многие люди в постсоветской России выбрали бы привычный гарантированный прожиточный минимум).

Однако иногда за народ ответ дает его элита.

Русское дворянство вместе с Пушкиным в массе, безусловно, считало правильным ответом первый из предлагаемых, и здесь речи нет о лицемерии, о примитивной «защите своих классовых интересов». Точнее, эти интересы, конечно, присутствуют, но это не противоречит искренней вере в чисто бытовые преимущества крепостного состояния.

Коллективный идеал помещиков той эпохи, полагаю, может быть выражен так: «Ничто не препятствует русскому мужику наслаждаться счастливым бытом и довольством в жизни. Он имеет участок земли, который возделывали его отец, дед и прадед и который он почитает своей родиной...

Нашему мужику недостает только некоторой воздержанности от горячих напитков, строгой нравственности в семейном быту, ясных понятий о своем долге (перед кем, интересно? – М. Д.) и искусстве; иначе он был бы Крезом перед иностранными крестьянами и блаженнейшим созданием в земледельческом мире.

Народный обычай равного раздела земель между всеми поселянами, жителями одного ведомства, есть признак народного доброжелательства и братского союза, которым можно гордиться и который носит на себе превосходный отпечаток глубокого христианского чувства»²⁵⁷.

Некоторые дворяне сочли бы излишним пафос, с который излагаются эти мысли, и не все из них были склонны в таких случаях апеллировать к христианским чувствам, однако остальные идеи автора вряд ли бы вызвали возражения.

Таково химически чистое отношение большинства дворян к народу.

Таков общий для большинства образованных русских людей взгляд, вытекающий из социального расизма и патернализма.

При этом неадекватное восприятие русскими людьми Запада вовсе не было отвлеченной проблемой.

Напомню, что император Николай I так до конца и не смог осознать, как устроена политическая система в Англии, и это в большой мере обусловило ту бесшабашность, с которой Россия начала Крымскую войну²⁵⁸.

Вдумаемся! Главный человек в стране не понимает не устройство телеграфа и не 2-й закон термодинамики, а то, как принимаются решения правительством страны, которая считается основным оппонентом России на международной арене. И некому объяснить ему этот бинот Ньютона.

Как это возможно?

Sapienti sat...

Приезд «ученого немца»

«Timeo Danaos et dona ferentes»

В том, что к середине XIX в. община уже превратилась в миф национального самосознания, огромную роль сыграл труд упоминавшегося в начале этой книги барона Августа фон Гакстгаузена (1847 г.).

Этот немного подзабытый «герой» нашей истории «открыл», как говорили в XIX в., общину в 1843 г., когда с разрешения правительства и за его счет несколько месяцев путешествовал по России.

Его прозрения, в большой мере навеянные общением со славянофилами в Москве были весьма неожиданными и, строго говоря, выходили за рамки, очерченные выше Кофодом (община – продукт «русского народного характера» и защищает крестьянство от пролетаризации).

Он объявил, что «во всех других странах Европы глашатаи социальной революции ополчаются против богатства и собственности: уничтожение права наследства и равномерное распределение земли – вот лозунг этих революционеров. **В России такая революция невозможна, так как утопия европейских революционеров в этой стране получила в народной жизни свое полное осуществление**», поскольку в общине все равны и каждый новый ее член получает свою долю земли²⁵⁹.

То есть западные социалисты борются за ситуацию, которая *уже* реализована в русской крепостной общине! Да, в Европе это, возможно, будет сделано немного иначе, чем в России, и тем не менее!

Туган-Барановский отмечал, что прусский консерватор нашел в России панацею от социальных бед, угрожавших Западу: **«Крепостная Россия Николая I оказалась воплощением мечтаний французских революционеров, и каким удивительным воплощением!**

Не только не угрожающим гибелью порядку, собственности и монархическим принципам, но, наоборот, являющимся самым крепким оплотом реакционной Европы, страной самой сильной власти и самого образцового порядка».

Поэтому Гакстгаузен считает, что этот «удивительный общинный строй заслуживает того, чтобы позаботиться о его сохранении», а поскольку внедрение западных форм промышленности неизбежно разрушит его, то он категорически против индустриализации России.

Тот факт, что живущие в общине крестьяне несвободны, что они не являются владельцами обрабатываемой ими земли, его нисколько не смущает.

Это, скорее, смущает нас – ведь мы привыкли, что социализм – по крайней мере, на словах – это синоним понятия «свобода», а здесь оказывается, что крепостничество и даже его облегченный вариант у государственных крестьян – оптимальная форма для реализации социалистических идей!

Нельзя, видимо, лучше и эффективнее уравнивать крепостничество и социализм, чем это сделал Гакстгаузен.

Ведь если A равно B , то ведь и B равно A .

Тот факт, что именно Гакстгаузен впервые гласно поставил фактический знак равенства – пусть и примерного равенства – между нашим крепостным правом и западным социализмом хорошо понимали современники.

Именно в этом смысле, полагаю, Дмитрий Аркадьевич Столыпин, двоюродный дядя реформатора, отмечал, что Гакстгаузен первым «под влиянием социалистических идей на Западе открыл у нас общину. Восхваление общины, к чему стремились коммунисты того времени и что, казалось, было осуществлено крепостною общиной в России, – идея прямо пришедшая к нам с Запада, такую ее и выставил барон Гакстгаузен Западной Европе.

До тех пор мы все знали общину на практике, и никто из современников, могу это утверждать, не думал о ее восхвалении до появления книги барона Гакстгаузена. Для всякого беспристрастного лица увлечение общиной есть увлечение западными воззрениями на социализм»²⁶⁰.

О том же фактически писал и Чичерин: Это (сельская община – *М. Д.*) был один из коньков славянофильской школы, которая в нашей сельской общине видела идеал общественного устройства и разрешение всех грозных экономических вопросов, волнующих Западную Европу. Известный путешественник барон Гакстгаузен именно с этой точки зрения написал свою книгу о России»²⁶¹.

И это обстоятельство крайне важно для понимания идейных пружин нашей истории последних 150-ти лет.

Поразительно, однако, как внимательно в нашей стране прислушиваются к **благожелательным** мнениям иностранцев! Как дорожат комплиментами! До сих пор, кстати. При всем высокомерном отношении к Западу, который не вышел ни территорией, ни размахом души.

Между тем, с точки зрения «теории заговора» весьма вероятно, что ни одна операция никакой разведки, никакие группы или агенты «влияния» ни-

где и никогда не имели такого поистине сокрушительного успеха, как непреднамеренная «операция Гакстгаузен»!

Так или иначе Гакстгаузен сильнейшим образом содействовал идеализации общины и оказал огромное влияние на выработку мировоззрения всего русского общества середины XIX в., хотя ясно, что именно славянофилы подтолкнули его, условно говоря, к месту, где зарыт клад. Он серьезно подкрепил ключевой пункт социально-экономической идеологии славянофилов – тезис об общине как истинной выразительнице «народного духа» России*.

С этих пор подхваченный славянофилами тезис Киселева об общине как гарантии от пролетаризации крестьянства, стал восприниматься множеством умеющих читать людей как незыблемая истина, вроде шарообразности земли; и противники П. А. Столыпина отстаивали его в 3-й Государственной Думе 60 лет спустя.

Здесь еще нужно помнить, что это теперь мы знаем произведения славянофилов, а в то время их идеи для широкой публики гласно прозвучали именно в работе Гакстгаузена.

Кстати, его роль не ограничилась тем, что в 1847–1852 гг. он как бы поставил «знак качества» на воззрениях славянофилов и придал им европейскую известность. Его авторитет в глазах Александра II был настолько высок, что он сыграл определенную роль в подготовке реформы 1861 г.

Я не собираюсь демонизировать Гакстгаузена (хотя и принижать его роль было бы неверно). Важнее понять, почему его мысли оказались так востребованы. Думается, что едва ли «проект Гакстгаузен» имел бы такой оглушительный успех, если бы он одновременно не *угадал* и не *угодил*.

То есть если бы его построения не соответствовали мыслям и желаниям – тайным и явным – русского общества видеть в России *ничто* большее, чем просто задавленное самодержавием громадное пространство.

Это очень большая тема.

Для нас сейчас важна идея о том, что это *ничто* в будущем позволит России дать человечеству, в числе прочего, образец новых по-настоящему духовных взаимоотношений между людьми, о чем твердили славянофилы.

Ведь то глобальное значение, которое они придавали «русскому социализму», – т. е. общине, дающей «всесветный» пример сочетания «христианской идеи с потребностями внешнего, материального существования», т. е., попросту говоря, с жизнью, – получало в трактовке Гакстгаузена не только подтверждение, но и более масштабное звучание.

* В. И. Герье говорит, что «писатели славянофильской школы, конечно, и до знакомства с книгой Гакстгаузена превозносили общину, но лишь в этическом, а не в аграрном смысле. Сам Кошелев засвидетельствовал в 1858 году, что 20 лет пред тем общинное землевладение было неизвестно в литературе и «первые статьи о нем были встречены с негодованием и даже с насмешкой и пренебрежением». (Герье В. И. Второе раскрепощение. Общие прения по указу 9 ноября 1906 г. в Государственной Думе и в Государственном Совете. М., 1911. С. 8.)

Так, волшебным образом Россия переставала быть «задворками Европы» и как бы оказывалась впереди всего мира в движении к «светлому будущему», становилась своего рода маяком человечества.

Эти идеи были крепко усвоены поколениями российского образованного класса и стали мифом национального самосознания.

О чем звонил «Колокол»?

В обществе юном, которое не привыкло еще выдерживать внутренние бури и не успело приобрести мужественных добродетелей гражданской жизни, страстная политическая пропаганда вреднее, нежели где-либо. У нас общество должно купить себе право на свободу разумным самообладанием, а вы к чему его приучаете? К раздражительности, к нетерпению, к неустойчивым требованиям, к неразборчивости средств. Своими желчными выходками, своими не знающими меры шутками и сарказмами, которые носят на себе заманчивый покров независимости суждений, вы потакаете тому легкомысленному отношению к политическим вопросам, которое и так уже слишком у нас в ходу.

Б. Н. Чичерин. «Письмо издателю Колокола»

На людей, чьи поступки до такой степени зависят от настроения, нельзя возлагать никакой серьезной ответственности.

Стефан Цвейг

Дальнейшая судьба идей славянофилов в большой мере связана с яркой, местами обаятельной и даже феерической, однако абсолютно безответственной фигурой основателя крестьянского (общинного) социализма, т.е. левого народничества, А. И. Герцена.

Герцен исключительно важен для нашей истории, поскольку именно с ним в огромной степени связано развитие не только революционных идей, но и русского общества в целом.

Внебрачный сын богатого дворянина И. А. Яковлева к 30-ти годам он дважды побывал в ссылке – сначала как один из лидеров студенческого кружка в Московском университете, а затем как критик работы полиции. Вернувшись в 1842 г. в Москву, он стал активным западником, выделяясь явным тяготением к социализму и к революционному радикализму.

В 1846 г. после смерти отца, оставившего ему вполне приличное наследство, он сумел получить иностранный паспорт и в январе 1847 г. с семьей и матерью уехал за границу – как оказалось, навсегда.

«С отъездом Герцена на Запад», – пишет историк Мартин Малиа, – «началась величайшая авантюра в его жизни: эмиграция превратила его из мел-

кого журналиста, пишущего корявые гегельянские трактаты и второсортную социальную беллетристику для московских интеллектуалов, в крупную революционную фигуру». Благодаря свободе слова он первым из русских стал «разрабатывать и распространять свою особенную национальную теорию революции».

Если бы он не сумел уехать из России именно в тот момент, его место в истории было бы действительно скромным – он был бы радикальным Грановским или двойником Белинского. Еще год, и было бы слишком поздно, ведь, начиная с 1848 года и до смерти Николая I, было чрезвычайно сложно покинуть Россию и практически невозможно для человека с таким прошлым, как у Герцена»²⁶².

Его публицистическая деятельность в Париже с самого начала была исполнена антибуржуазным, а шире – антизападным пафосом, причем в плане беззастенчивого поношения Европы он перещеголял чуть ли не всех славянофилов. Поэтому традиционный взгляд на него как на западника требует уточнения.

Считается, что итогами прокатившихся по Европе в 1848–1849 гг. революций, особенно французской, которую он наблюдал вблизи, Герцен оказался смертельно разочарован, и именно это чувство лежит у истоков народничества. Это та самая неудовлетворенность итогами буржуазно-демократических революций на Западе, о которой говорится в начале этой книги.

Во множестве текстов, авторы которых верят «Былому и думам», утверждается, что потеряв веру в потомков Дантона и Робеспьера, которые не оправдали его высоких ожиданий и оказались мещанами, он якобы и изобрел свой «общинный социализм».

Ряд специалистов, однако, убедительно показывает, что это «разочарование», которому в истории русской революционной мысли придается едва ли меньшее значение, чем открытию Коперника в истории науки, было имитацией, литературной постановкой. Западом он был недоволен еще в Москве.

Тот же Малиа справедливо считает, что «никакая мыслимая Европа не смогла бы удовлетворить» тем идеалам, с которыми он пересек границу. Более того, «Герцен отреагировал бы гораздо сильнее, чем он сделал это, если бы революция увенчалась успехом и установила бы благие либеральные республики везде западнее России, или если бы революции не случилось вообще»²⁶³.

Судьбоносные теории рождаются по-разному. Это я к тому, что теория, в конечном счете искалечившая историю России, а попутно и неисчислимое множество судеб во всем мире, – таково мое твердое убеждение – родилась не в результате просветления личности масштаба Франциска Ассизского, Мартина Лютера или протопопы Аввакума.

Получается, что она – результат всего-то мистификации ну очень свободлюбивого и взбалмошного русского барина, грезившего о материализации своей версии «мечтательного бреда», как называл социализм Достоевский, и обманутого в этих ожиданиях, человека крупного, в своем роде очень яркого и весьма одаренного литературно, но не более того, и уж никак не годящегося на роль апостола.

Думаю, что этот факт, наряду с тем, что крестьяне Петрашевского сожгли построенный им для них фаланстер *a la Fourier*, – один из эпиграфов к судьбе социализма в России.

Разочарование такого эпического масштаба подразумевало либо крайнюю депрессию, либо поиск нового идеала.

Считается, что, так до конца и не смирившись с нравственным падением европейцев в 1848–1849 гг., Герцен прочел два первых тома опуса Гакстгаузена, с которым он в 1843 г. общался в Москве. Перед его взором, как он сообщает, забрезжила «едва заметная полоска на востоке, намекающая на дальнейшее утро, перед наступлением которого разразится не одна туча»*.

После этого он быстро и весьма беззастенчиво переформатировал идеи славянофилов и Гакстгаузена и, убрав из них христианскую составляющую, выдвинул теорию «общинного социализма», сыгравшую огромную роль в идейном развитии русского общества.

Теперь он – вопреки тому, что думал в 1843–1844 гг. – был согласен, что в русской уравнительной-передельной общине *уже* воплощены те идеалы эгалитаризма, демократии и пр., о водворении которых в обществе «грезят» социалисты Запада.

Поэтому эта община не только станет основой будущего социалистического строя в России, но и спасет мир в целом – на меньшее он, подобно славянофилам, согласен не был.

Теперь он был солидарен с ними в том, что ни тяжелейшая русская история, ни века крепостного права не отразились на душевных качествах народа. Поэтому только русский мужик является потенциальным носителем новой, не мещанской и не буржуазной жизни. Крестьянский мир в потенциале содержит в себе возможность «гармонического сочетания принципа личности и принципа общинности, социальности»²⁶⁴. Воистину – Руссо живее всех живых!

Однако его модель спасения человечества отличалась от славянофильской.

Уже к 1848 г. Герцен был законченным анархистом, что, в общем, немудрено при николаевском прессинге, и его идеалом была свободная федерация самоуправляющихся общин, «коммун».

---

* Читая подобные строки Герцена, лично я всегда сожалею о том, что он не стал путешественником. Ведь Ливингстон всего на год моложе его! Какими африканскими пейзажами, какими описаниями восходов и закатов мы обогатились бы!...

Только она могла разрешить главное из существующих, по его мнению, противоречий – между личностью и обществом. Как и большинство социалистов, он пытался убедить человечество, в том, что в коллективе возможно свободное гармоничное развитие личности (отцу в свое время явно следовало отдать его в кадетский корпус!).

И поэтому Герцен хотел не трансформации, а ликвидации государства в принципе – как явления мироздания.

Подобно большинству русских людей, писавших на подобные темы, он справедливо решил, что «умирающей», «пережившей себя» Европе такого «дивного нового мира» не построить. В частности, потому, что она – эпицентр мировой буржуазности и мещанства, которым в герценовском светлом будущем места нет. Он и здесь совпадал со славянофилами.

Европейцы, слишком привязанные к своему прошлому, к своей системе жизни, к обеспеченным правам личности и многому другому – в принципе не могут спасти мир от этой беды, поскольку даже здешние пролетарии (не говоря о буржуазии) сплошь мещане. Другими словами, вместо того, чтобы 25 часов в сутки думать о вечном и высоком, о преображении человечества в отсутствие государства, они всего лишь хотят завтра жить лучше, чем сегодня, а о счастье рода людского вспоминают только на митингах.

И это было пошло и низко в глазах весьма состоятельного джентльмена А. И. Герцена, аристократа духа, в жизни не державшего в руках ничего тяжелее охотничьего ружья и, возможно, саквояжа.

Надо сказать, что в ту пору антимещанство уже было очень в тренде; Герцен чутко улавливал модные интеллектуальные тенденции. Так, «показательным героем 1850-х годов был Гюстав Флобер, который описывал, как буржуазные «бакалейщики» своими костюмами, своей нарочитой респектабельностью доводили его буквально до физических страданий. Флобер, который не упускал случая назвать себя «Гюставус Флоберус Буржуаненавидящий» (*Gustavus Flaubertus Bourgeoisophobus*), писал в своем обычном тоне Жорж Санд: «Аксиома: ненависть к буржуазии – начало пути к добродетели»²⁶⁵.

Итак, поскольку человечество, условно говоря, приговорено к социализму, то именно синтез западных социалистических идей с русским общинным миром обеспечит победу социализма и оживит дряхлеющую западную цивилизацию.

Отныне он убежден, что Россия обновит Европу своей «молодой кровью».

Тут уместно заметить, что хотя его тонкую натуру «оскорбляло» мещанство европейцев, толк в деньгах он знал, в отличие от Бакунина с Огаревым.

Напомню его в своем роде уникальную по изяществу операцию с Николаем I, которого он вынудил вернуть свое наследство. Царь, дважды ссылав-

ший его, но зачем-то выпустивший за границу, в 1849 г. наложил секвестр на его имущество. Тогда Герцен фиктивно продал последнее Джеймсу Ротшильду, а тот сообщил царю, что ему не стоит ждать денежного займа, пока он не снимет арест с состояния Герцена и не перешлет в Париж его денежный эквивалент. Царь вынужден был подчиниться²⁶⁶. Легко вообразить, как торжествовали Герцен с Ротшильдом и что чувствовал император всероссийский.

При содействии Ротшильда Герцен даже стал богаче, он вложил часть капитала в заметно подорожавшую, благодаря стройкам барона Османа (уничтожившего Париж «Трех мушкетеров») парижскую недвижимость. Другую часть он вложил в весьма прибыльные американские облигации. Наконец, он не брезговал заниматься спекуляциями, которые, благодаря помощи Ротшильда, имели удачный исход.

Все это не уменьшало его ненависти к европейскому «мещанству», которую он сумел передать поколениям наших соотечественников.

Небольшая ремарка.

Повествование у нас не строго хронологическое, и я вынужденно должен продолжить сюжет о Герцене, хотя он в основном разворачивается после 1855 г. Этого требует структура текста.

10 июня 1853 г. в Лондоне Вольная русская типография выпустила первую прокламацию («Юрьев день! Юрьев день!»), а через 4 дня Николай I повелел занять Дунайские княжества – началась Крымская (Восточная) война.

В течение двух лет Герцен, наряду со своей беллетристической и воспоминаниями, печатал социалистическую публицистику, в которой без устали и весьма изобретательно охаивал «гнилой Запад», на контрасте непременно превознося социалистические перспективы России и уравнилительно-передельной общины, спасшей «русский народ от монгольского варварства и от императорской цивилизации, от выкрашенных по-европейски помещиков и от немецкой бюрократии»²⁶⁷.

Не могу не заметить, что его блестящий стиль странным образом сообщает этим текстам не вполне обычный привкус какого-то элитарно изощренного занудства, которого, к примеру, в силу примитивности были лишены аналогичные и также успешно наводящие тоску поношения «мирового империализма» в советской печати сто лет спустя.

Характерно, что уже в первой брошюре «Юрьев день! Юрьев день!» он объявляет читателям, что ради эмансипации готов на все: «Страшна и пугачевщина, но, скажем откровенно, если освобождение крестьян не может быть куплено иначе, то и тогда оно не дорого куплено. Страшные преступления влекут за собой страшные последствия... Наше сердце обливается кровью при мысли о невинных жертвах, мы вперед их оплакиваем, но, склоняя

голову, скажем: пусть совершается страшная судьба, которую предупредить не умели или не хотели»²⁶⁸.

Кроме того, он аккуратно печатал адресованные ему письма видных европейских революционеров (из разряда «привет-привет»), а также информировал читателей о таком, например, актуальном для России сюжете (да еще и в разгар Крымской войны!), как празднование в Лондоне годовщины революции 1848 г. и т.д.

После смерти Николая I Герцен решил издавать «Полярную звезду», которую претенциозно квалифицировал как «обозрение освобождающейся Руси».

Надо сказать, что дебют его как издателя не вызвал восторгов его старых друзей. За исключением его воспоминаний («Былого и дум»), публикуемые тексты никак не устраивали русских читателей, поскольку тематически они были совершенно чужды большинству из них.

Т. Н. Грановскому давно не нравилось то, что он писал в эмиграции. В октябре 1855 г., накануне своей внезапной смерти, Грановский сообщил К. Д. Кавелину, что доктор П. Л. Пикулин, две недели гостивший у Герцена, привез много рассказов о нем и первую книгу нового альманаха: «Утешительного и хорошего мало. Личность осталась та же, не стареющая, горячая, благородная, остроумная, но деятельность ничтожная и **понимание вещей самое детское**. Для издания таких мелочей не стоило заводить типографию...

И что за охота пришла человеку разыгрывать перед Европой московского славянофила, клеветать на Петра Великого и уверять французских *refugies* (здесь – политических эмигрантов) в существовании сильной либеральной партии в России? У меня чешутся руки ответить ему печатно в его же издании (которое называется «Полярною звездою»). Не знаю, сделается ли это»²⁶⁹.

В конце 1855 года Кавелин и Чичерин отправили Герцену совместное письмо за подписью «Русский либерал».

В литературе это письмо, как правило, упоминается лишь в качестве своего рода первотолчка к изданию Герценом «Голосов из России», а между тем оно заслуживает более пристального внимания, ибо в некотором смысле это первая печатная декларация отечественного либерализма.

Первую часть письма написал Кавелин, вторую – Чичерин. Содержательно и стилистически текст действительно распадается надвое. В первой части дается общая характеристика положения страны в контексте 40-летней репрессивной (запретительной) политики правительства. Вторая содержит анализ герценовской пропаганды в свете реальных проблем страны.

Герцен не привык получать подобных корреспонденций, что видно из его слегка растерянного по тону предисловия к публикации.

Письмо, пишет он, «умное и дельное (хотя я и не согласен с ним) и которое решительно ничего бы не потеряло – если б вежливость выражений была наравне с их откровенностью. Я оставил неблагородное слово «фарса», унижительные обвинения, что «я разыгрываю комедию»; я оставил также страшное недоверие ко мне, вызвавшееся в просьбе не исказить рукописи.

Не думаю, чтоб неизвестный мне автор хотел меня оскорбить – и отношу эти «крепкие слова» и выражения к нашей непривычке говорить без ценсорского надзора. Да если б – и тогда истинное удовольствие, которое мне доставляет печатание первых рукописей, присланных из России, совершенно искупает несколько гневный тон выговора, сделанного мне строгим петербургским начальством»²⁷⁰. Ирония тут, конечно, герценовская, но некоторая как бы ошарашенность, не слишком обычная для его текстов, также присутствует.

Явление Чичерина

Нам нужно независимое общественное мнение – это едва ли не первая наша потребность, но общественное мнение, умудренное, стойкое, с серьезным взглядом на вещи, с крепким закалом политической мысли, общественное мнение, которое могло бы служить правительству и опорой в благих начинаниях, и благоразумною задержкою при ложном направлении.

Чичерин. «Письмо издателю Колокола»

И здесь самое время несколько ближе познакомиться с неоднократно упоминавшимся на страницах этой книги Б. Н. Чичериным (1828–1903), на мой взгляд, одним из самых удивительных умов, которых родила Россия за последние лет триста (XIX в.). Разумеется, я лишь вкратце коснусь тех аспектов жизни этой эпической личности, которые важны для нашего изложения.

Чичерин был ярким представителем той части русского общества, которую не устраивала узость и догматизм славянофилов и Герцена, отторжение культурного значения Запада, а также общегражданских прав и ценностей. Чичерин и его единомышленники видели, что самобытность в трактовке славянофилов и Герцена – это банальная отсталость, и верили в то, что будущее Империи состоит в развитии европейских начал, культуры и науки, в образовании, просвещении народа, и в постепенной трансформации страны в правовое государство.

Сын богатого тамбовского помещика, он в 1849 г. закончил юридический факультет Московского университета.

При этом в конце 1853 г. факультет отверг его выпускную работу «Областные учреждения России в XVII веке». Декан Баршев сказал ему, что он пред-

ставил администрацию «в слишком непривлекательном виде», а профессор Орнатский назвал диссертацию «пасквилем и ругательством на Древнюю Русь»*. Защита состоялась только в 1857 г., когда ослабели цензурные строгости.

Годом раньше в «Русском вестнике» появилась его ставшая знаменитой статья «Обзор истории развития сельской общины в России» (см. ниже).

С 1861 г. занимал должность профессора государственного права в родном университете.

В конце 1862 г. Александр II пригласил его преподавать эту дисциплину наследнику Николаю Александровичу**, к великой беде России умершему в 1865 г. Цесаревич, по словам Чичерина, обещал быть самым образованным и либеральным монархом не только в русской истории, но и в мире.

В 1866 г. Чичерин опубликовал докторскую диссертацию «О народном представительстве».

В 1868 г. вместе с рядом профессоров вышел в отставку в знак протеста против курса, проводившегося новым министром народного просвещения Д. А. Толстым.

После этого он стал активным земским деятелем, работал в так называемой «Барановской» комиссии по изучению железнодорожного дела в России и писал непревзойденные научные труды, до сих пор сохраняющие свое значение.

В 1882 г. Москва избрала его своим городским головой, но уже в 1883 г. Александр III приказал ему подать в отставку из-за речи, произнесенной во время коронационных торжеств, в которой Чичерин выразил надежду на сотрудничество власти с земским движением. Царь расценил это как призыв к конституции. Московская городская дума сделала Чичерина почетным гражданином столицы.

По возвращении в свое имение Караул он продолжил научные занятия, выйдя за привычные рамки философии, юриспруденции и истории.

Его гениальность вполне проявилась в том, что, начав в конце шестого десятка жизни изучать физику, химию и высшую математику, **он открыл планетарную модель атома**²⁷¹. За четверть века, замечу, до опытов Эрнеста Резерфорда и теории Нильса Бора!

Опираясь на таблицу Д. И. Менделеева и анализируя изменения плотности химических элементов, Чичерин пришел к выводу, что «...все различие атомов зависит от количества и распределения содержания в них материи...»,

---

* Характерно замечание Чичерина: «Что было делать? Не мог же я извращать источники и видеть в древнерусской администрации вовсе не то, что в ней было, а что хотелось в ней видеть профессорам юридического факультета».

** Первое предложение Чичерину было сделано еще в 1859 г.

в атоме «...центральные элементы электроположительны, а периферические электроотрицательны...», то есть «...атом, с своим центральным ядром и вращающимися около него телами, представляет аналогию с солнечной системой. Атом есть микрокосм, вселенная в малом виде».

Работы Чичерина были опубликованы в 1888–1889 гг. в «Журнале Русского физико-химического общества», почетным членом которого он был избран по рекомендации Менделеева. Впрочем, реальной поддержки в широком продвижении своей теории Б. Н. от него не получил.

В 1889 г. увидела свет его двухтомная монография «Система химических элементов».

Он писал вплоть до конца своей жизни. На рубеже веков вышел его знаменитый «Курс государственной науки», а в 1901 г. – во многом пророческий текст «Россия накануне XX столетия». Вышел, естественно, в Берлине.

Вернемся, однако, в середину XIX в.

Чичерин считал себя учеником Т. Н. Грановского и К. Д. Кавелина, был убежденным западником и участвовал в их дискуссиях со славянофилами.

Кстати, любопытна первая реакция на их идеи его, 16-летнего провинциального юноши, приехавшего в Москву готовиться к поступлению в университет: «Разумеется, я не мог еще тогда понять сущности философских вопросов, о которых шла речь. Но вся проповедь славянофилов представлялась мне чем-то странным и несообразным; она шла наперекор всем понятиям, которые могли развиваться в моей юношеской душе».

Я пламенно любил отечество и был искренним сыном православной церкви; с этой стороны, казалось бы, это учение могло бы меня подкупить. Но меня хотели уверить, что весь верхний слой русского общества, подчинившийся влиянию петровских преобразований, презирает все русское и слепо поклоняется всему иностранному, что, может быть, и встречалось в некоторых петербургских гостиных, но чего я, живя внутри России, от роду не видал.

Меня уверяли, что высший идеал человечества – те крестьяне, среди которых я жил и которых знал с детства, а это казалось мне совершенно нелепым.

Мне внушали ненависть ко всему тому, чем я гордился в русской истории, к гению Петра, к славному царствованию Екатерины, к великим подвигам Александра. Просветитель России, победитель шведов выдавался за искажителя народных начал, а идеалом царя в «Библиотеке для воспитания» Хомяков выставлял слабоумного Федора Ивановича за то, что он не пропускал ни одной церковной службы и сам звонил в колокола.

Утверждали, что нам нечего учиться свободе у Западной Европы, и в доказательство ссылались на допетровскую Русь, которая сверху донизу установила всеобщее рабство. Вместо Пушкина, Жуковского, Лермонтова меня

обращали к Кириллу Туровскому и Даниилу Заточнику, которые ничем не могли меня одушевить.

А с другой стороны, то образование, которое я привык уважать с детства, та наука, которую я жаждал изучить, ожидая найти в ней неисчерпаемые сокровища знания, выставлялись как опасная ложь, которой надо остерегаться, как яда. Взамен обещалась какая-то никому неведомая русская наука, ныне еще не существующая, но долженствующая когда-нибудь развиться из начал, сохранившихся неприкосновенными в крестьянской среде.

Все это так мало соответствовало истинным потребностям и положению русского общества, до такой степени противоречило указаниям самого простого здравого смысла, что для людей посторонних, приезжих, как мы, из провинции, не отуманенных словопрениями московских салонов, славянофильская партия представлялась какой-то странной сектой, сборищем лиц, которые в часы досуга, от нечего делать, занимались измышлением разных софизмов, поддерживая их перед публикой для упражнения в умственной гимнастике и для доказательства своего фехтовального искусства. Так это представлялось не только нам, еще незрелым юношам, но и моим родителям»²⁷².

Как говорилось, в 1856 г. Чичерин опубликовал работу, в которой показал, что древность передельной общины и ее уникальность, столь важные для построений славянофилов и Гакстгаузена, является мифом.

К этому времени академическая наука уже знала, что такая же форма общины была и у других народов, что она вообще характерна для древнейшего родового быта и постепенно разлагается вместе с этим общественным строем. Надо сказать, что сам Чичерин после чтения Гакстгаузена был вполне убежден в том, что эта община, которая исчезла на Западе под воздействием развития цивилизации, в России сохранилась как рудимент далекой старины.

Однако изучение древнерусских памятников показало ему то, чего никто не ожидал. Из них следовало, что крестьяне в средневековой России были собственниками своих участков, распоряжались ими по своей воле – продавали, передавали по наследству, завещали в монастыри на помин души (мы уже знаем, что у черносошных крестьян русского Севера и однодворцев такой порядок землевладения сохранялся до конца XVIII в., а кое где и до эпохи Николая I).

Та уравнильно-передельная община, которую в середине XIX в. славянофилы принимали за институт, существовавший со времен Киевской Руси, была плодом податной реформы Петра I и Межевых инструкций. При этом Чичерин показал, что община не была застывшей формой общегития, что она эволюционировала.

Чичерин пишет: «Без малейшей предвзятой мысли я изложил результаты своих чисто фактических исследований, которые привели меня к заключе-

нию, что нынешняя наша сельская община – вовсе не исконная принадлежность русского народа, а явилась произведением крепостного права и подушной подати.

Произошел гвалт. Славянофилы ополчились на меня как на человека, оклеветавшего Древнюю Русь»²⁷³.

Начавшаяся в 1856 г. публицистическая деятельность Чичерина имела очень важное значение для пробуждения русской мысли.

С одной стороны, он публиковал научные работы по социальной истории, а также по истории государства и права России и Западной Европы, имевшие резонанс в обществе, а с другой, активно участвовал в работе Вольной типографии Герцена, написав ряд важных текстов для «Голосов из России», а также либеральных изданий того времени.

Чичерин оказался самым настоящим «возмутителем спокойствия», всеобщим раздражителем – нам сейчас даже трудно представить, до какой степени.

С его именем связаны первые значимые идейные конфликты внутри русского общества, особенно в первое десятилетие нового царствования. С ним яростно полемизировали славянофилы, Герцен, Чернышевский и их сторонники, вроде Шелгунова, а позже и их идейные наследники – вплоть до Н. А. Бердяева и П. Б. Струве. Его читал и даже конспектировал Маркс.

И как его только не обзывали! «Русский немец», «гувернементалист», «зануда-профессор», «важный преждевременный старец»...

«Старцу», замечу, в 1858 г. исполнилось 30 лет.

Что же не устраивало его противников?

Почему его противники так нервничали?

Начну, пожалуй, с конца.

Мало того, что у него были радикально иные взгляды на ключевые проблемы страны, – думаю, что оппонентов раздражала манера их изложения.

Бернард Шоу однажды написал великому скрипачу Яше Хейфецу – пожалуйста, возьмите хотя бы одну неверную ноту, чтобы мы понимали, что вы живой человек.

Я убежден, что нечто похожее чувствовали противники Чичерина, и по-человечески их где-то можно понять. Он просто бесил их своим, по определению С. Н. Сыромятникова, «эллински ясным умом», своей невозмутимостью и изумительной, неотразимой логикой своих построений.

У него был удивительный дар мыслить четко, он умел мастерски препарировать самые сложные проблемы и доносить их до читателей в понятном виде. При этом свою точку зрения он всегда отстаивал твердо и бескомпромиссно.

Конечно, эта его уникальная способность раздражала – уж Герцена-то с Чернышевским, не говоря о славянофилах, он зацепил всерьез.

Оппонентам оставалось придирается по мелочам, отбиваться, условно говоря, краплеными картами, упрекая Чичерина в недостатке темперамента, в досрочной старости и т.п., хотя его тексты излучают такую мощь, такую силу *живой* мысли, что им, как и Бернарду Шоу в случае с Хейфецом, в данном случае стоит посочувствовать.

Теперь о взглядах.

Прежде всего – у сторонников общины он выбивал из рук такой важный козырь, как идею о ее изначальности в русской истории, а значит, и моральную санкцию на ее сохранение в дальнейшем.

Однако важнее было то, что для многих в принципе были неприемлемы его подходы к начавшемуся масштабному реформированию страны, в основе которых лежала идея союза правительства и здоровой части образованного класса.

Напомню, что Чичерин – главный теоретик государственной школы в русской историографии, к которой относятся также его преподаватель К. Д. Кавелин и С. М. Соловьев. Их объединяло убеждение в основополагающей роли государства в русской истории.

Теория всеобщего закрепощения сословий разработана в первую очередь именно Чичериным, и мы в общих чертах уже представляем, каким он видел ход русской истории.

Отмечу лишь, что он отвергает трактовку славянофилами идеи Погодина о призвании варягов. На становление же Русского государства, на формирование государственной власти повлияло ордынское иго, поработившее народ и приучившее его к покорности: «В России образцом служила восточная деспотия».

Поэтому и проблему «Россия – Запад» он ставит совершенно иначе, чем славянофилы. Если в Европе господствовало начало права, то в России – начало власти, начало силы. Там государство создавалось «снизу», благодаря стараниям общества, а у нас – усилиями самого государства, которое все насаждало «сверху». С учетом условий, в которых оказалась Русь после 1240 г., это было естественно и абсолютно неизбежно.

Государство обременило все сословия тяжелыми повинностями и закрепостило их, получив такую силу, которой никогда не имело на Западе. При этом «подчинение дикой орде оторвало Россию от Европы и подавило в ней всякие зачатки умственного движения. Мы на два века отстали от других европейских народов». В конце XV в. возродилось государство, но не та интеллектуальная жизнь, которая была ему необходима для развития и без которой не могло быть и речи о равноправии России с другими странами.

Это предопределило громадное значение петровских реформ, вновь сделавших Россию членом европейской семьи. Страна тем самым не отрекалась от своей самобытности, она восстанавливала «порванную нить», поскольку всей своей историей она принадлежала Европе, шла тем же путем, исходя из тех же начал. Чтобы двигаться дальше, ей необходимо было усвоить западное просвещение.

Когда Российская империя окрепла, началось обратное раскрепощение и уравнивание сословий в правах. Окончательно этот громадный процесс будет завершен с окончанием освобождения крестьян, и тогда сословный порядок будет заменен общегражданским. Что, кстати говоря, и произошло после 1906 г.

Ясно, что в этой схеме главный актер русской истории и воистину «единственный европеец» – государство, независимое от общества. Однако для дальнейшего прогресса страны в середине XIX в. необходимо единение государства и общественности.

Оппоненты Чичерина – а это значительная часть русского общества – думали иначе. Они считали, что роль правительства, напротив, надо минимизировать. И тут огромную роль, помимо пришедшей с Запада интеллектуальной моды на «невмешательство» правительств в «жизнь народов», сыграла всеобщая ненависть к бюрократии Николая I.

Чичерин вполне разделял эти чувства современников, однако считал, что сделать этого не удастся. Можно не любить государство, можно и нужно его критиковать, однако русскую историю не переписать, она такая, какая есть, и надо понимать, что реформы возможны только по его инициативе и при его участии. Например, об освобождении крестьян у нас говорили много и долго, но от слов к делу перешел только Александр II.

И ключевая проблема состоит в том, что общественность должна наладить с Властью продуктивный диалог, а не вставать в позу придирчивого и взыскательного критика. Конечно, для этого нужна и добрая воля правительства, его желание действовать в союзе с лучшими силами общества, иначе все вернется в николаевскую эпоху.

Да, власть несет с собой груз вековых самодержавных замашек и привычек и не может перестроиться моментально.

Да, она привыкла «тащить и не пущать», привыкла давить на подданных, а противоположный жанр для нее в новинку, и здесь ей требуется понимание, сочувствие и поддержка подданных, а не подталкивание под руку, не скороспелые обвинения, упреки и т.п.

Примерно это он и пытался объяснить анархисту Герцену, но тот, натерпевшийся от Николая I, его не понимал и обвинял в «губернентализме», в апологии государства.

Именно Чичерин поставил актуальную до сих пор проблему нашей истории – проблему мощного государства, в котором соблюдаются права человека. В идеале он видел мудрое и сильное правительство, которое сознает, что для его успехов необходимо правовое государство. В этом и заключался прежде всего его либеральный консерватизм.

Увы, множество образованных русских людей не понимало и не осознавало необходимости такого государства. Достаточно вспомнить того же Чернышевского, несмотря на его глубокие мысли об «азиатстве».

По существу, Чичерин оказался одним из немногих, кто понял, каким образом в России могут проводиться успешные реформы.

Он пытался донести до современников мысль, что политика – это искусство возможного. К сожалению, общество в этом плане было инфантильным и не могло быть другим. Десятилетия принудительного молчания поневоле ограничивали горизонты. Видели внешность, но не заглядывали вглубь.

Общественность воспринимала действия Александра II и его правительства через призму «мрачного семилетия» Николая I (1848–1855), то есть с априорным недоверием и подозрением в неискренности намерений, что было вполне понятно. Элементарная психологическая оппозиция «Мы – Они», где «мы» – это общество, а «они» – правительство, продолжала господствовать во многих умах.

Те, кто пережил перестройку, будучи взрослыми, и воспринимали ее позитивно, помнят, полагаю, те, как минимум, сложные чувства, которые обуревали нас при сомнениях в искренности М. С. Горбачева, вынужденного действовать в сложнейшей ситуации противоборства с консервативными силами, чего мы, простые люди, конечно, не понимали.

И во второй половине 1850-х гг. люди были склонны паниковать, когда видели в работе Редакционных Комиссий не то, что хотели видеть. В первых рядах тут, к сожалению, был Герцен, которым манипулировали его корреспонденты и который заражал и заряжал своей истеричностью таких же сомневающихся, как он, людей.

Поэтому для многих современников спокойная, взвешенная позиция Чичерина, которая определялась его глубоким постижением русской истории, была неприемлемой. Герцену и множеству мини-герценов подобный взгляд был недоступен. По старой холопской привычке проще было обвинить оппонента в том, что он так или иначе подкуплен правительством.

Следующей важной претензией к Чичерину была его приверженность правопорядку, той самой «определенности», которая, по К. С. Аксакову, несовместима с русскими людьми.

Чичерин и его единомышленники понимали, что правовой нигилизм – темная часть наследия нашей истории и что стране, которая начала переход к правовому государству, необходимо другое восприятие законности.

«Одиночество» Чичерина во многом предопределялось этим.

Кроме того, он был одним из немногих, кто, подобно Киселеву и Соловьеву, понимал, что века деспотизма не могли пройти даром для русского народа и русского общества и что навыки свободной жизни не берутся из воздуха.

Увы, его взвешенность и разумность оказались не в чести у эмоционально не очень уравновешенного русского общества.

Этот великий русский мыслитель в пореформенную эпоху оказался мало востребован. Его идеи глобально оказались не нужны ни правительству, ни русскому обществу. И это вполне конкретно характеризует и первое, и второе.

Вместе с тем его мечты о свободе русского народа с 1906 г. начали реализовываться – в Столыпинской аграрной реформе.

Герцен в апогее

Вернемся к «Письму русского либерала». Его основные тезисы таковы.

После низвержения Россией Наполеона, начиная с Венского конгресса 1815 г., правительство попирает русскую мысль: «С этого самого времени мы, русские, главные виновники восстановления общего мира, были заподозрены нашим же собственным правительством в опасных и разрушительных замыслах.

С тех пор мы... играли печальную и позорную роль совоспитанника французского дофина: Европа бунтовала, меняла династии и формы правления, а нас за это наказывали*.

Система предупреждения политических преступлений дошла у нас до того, что русской мысли нельзя было дышать под невыносимым гнетом. Так для ее развития пропали целых сорок лет мира и спокойствия, когда она могла бы сложиться и окрепнуть в разумную форму»²⁷⁴.

За эти же 40 лет притеснений в России сформировалась и окрепла «алчная, развратная и невежественная бюрократия», уверившая царя, что только она охраняет его корону, и вставшая между ним и народом.

В результате царь и Россия разучились понимать друг друга. Бесспорные факты, в том числе и Крымская война, доказали, что такие отношения губительны для страны: **«Мы от них потеряли всю свою политическую и военную славу и значение; они произвели невежество и низкое раболепство, а эти, в свою очередь, породили современное безголовье».**

---

* Когда французский наследник (дофин) совершал какую-то провинность, наказывали не его, а мальчика, товарища его детских игр. В наши дни схожий феномен обычно именуют «бомбежкой Воронежа».

Император, изолированный от страны лживыми верноподданнейшими докладами и отчетами, не знает народа и видит в подданных «опасного врага, более или менее искусно скрывающего свои разрушительные замыслы»²⁷⁵.

Ситуация изменится лишь тогда, когда «русская мысль» прямо и откровенно выскажется в печатном виде за границей. Это, конечно, не пройдет незамеченным и даст монарху возможность убедиться, что его подданные отнюдь не просыпаются с мыслью «подкопать и разрушить престол»²⁷⁶.

Нового «благонамеренного» государя нужно убедить в том, что «русская мысль, представляемая горстью просвещенных и порядочных людей», не является угрозой ни ему, ни «даже невежественной бюрократии». Эта «мысль», которую правительство 40 лет отталкивало от себя, стала бессильной и почти заглохла в «ничтожестве и бездействии».

Да, революции в итоге не случилось, однако страна «померкла извне, замерла физически и нравственно внутри». Власть может пойти по старому пути, и тогда не будет ни возмущений, ни заговорщиков, но она «загубит страну, иссушит все ее живые соки» и положение России станет еще мрачнее.

Однако если царь изберет другую дорогу, то русская мысль «всегда будет ему верной, надежной, истинно полезной союзницей»²⁷⁷.

Таково «истинное положение дел в России», и, констатирует «Русский либерал», оно серьезно расходится с точкой зрения Герцена.

Далее следует искренне комплиментарная оценка его дарований и «блистательной литературной деятельности», его чрезвычайно «благотворное влияние на русскую мысль» до отъезда за границу и столь же откровенное сообщение о несогласии «огромного большинства просвещенных и благомыслящих людей в России» с его образом мыслей после 1847 г.²⁷⁸

На этом первая часть письма заканчивается. Едва ли ее продолжение было приятным чтением для Герцена. Назвав этот текст выговором, сделанным «несколько гневным тоном», Герцен явно смягчил краски.

Чичерин, во-первых, продемонстрировал, насколько, по его мнению, не совпадает то, что делает Герцен, с подлинными интересами страны, а во-вторых, он последовательно, по пунктам показал, в чем видит несостоятельность его программы в целом.

Он говорит Герцену, что международная революционная среда, в которой он очутился в эмиграции, заставила его забыть тревоги, надежды и стремления своих соотечественников.

Да, людям интересны «Былое и думы», но отнюдь не «бесплодная социальная пропаганда», которую он упрямо ретранслирует на Россию.

Как можно совместить его публикации с теми проблемами, которые прежде всего волнуют сейчас русское общество?

Россия ведет тяжелую войну, которая поглощает все ее силы, которая обнажила ее язвы и пробудила ее. Оказалось, что европейцы по-прежнему учителя, а мы – несмотря на все внешнее величие – по-прежнему ученики, которым надо еще очень много работать, чтобы сравняться с этими «могучими бойцами», которым подвластны все достижения цивилизации.

А он, Герцен, убеждает русских людей, что «эти грозные враги не что иное, как догнивающее тело, готовое сделаться нашею добычею! Видно, еще не совсем они сгнили, это мы слишком больно чувствуем на своих боках».

Россия думает о том, как освободить крестьян и не разрушить при этом страну, она мечтает о свободе совести и отмене или хотя бы ослаблении цензуры.

А Герцен пишет «о мечтательных основах» социализма, не имеющих ни малейшего «практического интереса» для России.

Мыслящие русские люди будут рады «столпиться около всякого сколько-нибудь либерального правительства и поддерживать его всеми силами, ибо твердо убеждены, что **только через правительство у нас можно действовать и достигнуть каких-нибудь результатов**. А вы проповедуете уничтожение всякого правительства и ставите прудоновскую анархию идеалом человеческого рода. Что же может быть общего между вами и нами? На какое сочувствие можете вы рассчитывать?»²⁷⁹.

Далее следует серьезная критика идей о том, что Россия призвана обновить Европу (см. ниже).

Примкнув к европейским революционерам, продолжает Чичерин, Герцен вместе с ними мечтает о низвержении существующего порядка вещей, о разрушении исторически сложившегося строя жизни, «о господстве низших классов народонаселения», которых они призывают к насильственному обновлению мира.

Но напрасно он думает, что в России его поймут и поддержат: «К нам революционные теории не только не приложимы: они противны всем нашим убеждениям и возмущают в нас нравственное чувство».

При этом Чичерин говорит, что, в отличие от «русских и западных тупоумных консерваторов» он понимает «значение революций».

«Вечный закон всемирной истории» таков – революция неизбежна там, где «где господствует упорная охранительная система», которая не позволяет обществу развиваться и двигаться вперед. Но это – «печальная необходимость... грустная сторона человеческого развития», и счастлив тот народ, который сумел избежать насильственных переворотов.

Поэтому «потоки невинной крови, которые льются в междоусобных войнах, возбуждаемых нетерпимостью, вызывают в нас одно чувство горести и негодования против виновников кровопролития».

Сделать же из революции политическую доктрину, проповедовать мятеж и насилие как единственное средство для достижения добра, сделать из ненависти благороднейшее чувство человека, поставить кровавую купель непременно условием возрождения, это, воля ваша, оскорбляет и нравственное чувство, и убеждения, созданные наукою.

Ваши революционные теории никогда не найдут у нас отзыва, и ваше кровавое знамя, развевающееся над ораторскою трибуною, возбуждает в нас лишь негодование и отвращение»²⁸⁰.

Сказано более чем ясно.

Но и это не все. Чичерин атакует саму систему мышления оппонента и его манеру осмысления истории.

Как и все революционеры, Герцен утверждает, что человечество прожило свою предыдущую историю неправильно, что «монархи и попы» злонамеренно скрывали от него истину и в собственных интересах «искажали в нем умственные и нравственные понятия». Поэтому нужно низвергнуть все, что существует, «обагриться кровью» и начать работу заново.

Но откуда ему известно, что заново получится лучше?

Социалисты считают себя «новыми христианами, призванными к вторичному обновлению мира». Однако христиан укрепляла «вера в спасителя, принесшего на землю слово искупления; они в своей проповеди отрицали земное во имя небесного, откровенного им самим Сыном Божиим»²⁸¹.

А на что могут опереться революционеры?

На убежденность в своей правоте?

Но на чем основана их самонадеянная уверенность, что только они – «единственные обладатели истины»?

История человечества – это «тысячелетия медленного и мучительного развития», люди «в борьбе и страданиях вырабатывают себе жизненные начала, упорным трудом создают формы общественного быта, кровью своих мучеников и бойцов запечатлевают каждый шаг вперед, каждое завоевание мысли и труда».

И вдруг появляются некие индивиды, которые объявляют, что все эти века усилий и мучений были напрасны, что все, созданное доселе – «ряд обманов и заблуждений», и призывают человечество разрушить «старое здание», утверждая, что только они смогут построить новое. Но эти люди не получили «откровение свыше», напротив, они отвергают и откровения, и авторитеты.

Чичерин предлагает Герцену, «человеку мысли и науки», оставить «это учение Прудону с братьею... легкомысленной партии красных республиканцев, всегда готовых ринуться на разрушение и не имеющих силы для созидания». Эти люди, «столь же неисправимые, как французские аристократы, это племя, вечно выезжающее на звонких фразах и не имеющее ни малейшей

доли политического смысла», уже погубило своим безумием республику во Франции и привело к власти Луи-Наполеона²⁸².

Наконец, Чичерин критикует манеру Герцена мыслить полярными, крайними категориями – либо 100%, либо 0%, либо все, либо ничего – и не видеть середины (замечу, что это и в наши дни весьма распространенный способ смотреть на мир).

Герцен не понимает, что в истории действует «закон постепенности», он высокомерно-презрительно относится ко «всем средним формам и ступеням... всем посредствующим звеньям исторической цепи», а ведь их созидание и есть «практическая задача современной истории», именно в них заключается жизнь стран и народов, благодаря им человечество движется вперед.

«Вы воображаете, что перейти от одной формы быта к другой так же легко, как переехать из Москвы в Лондон, и предлагаете нам плод своих мечтаний и размышлений для непосредственного осуществления в жизни. Это как яблоко, которое мы должны проглотить, чтоб вдруг измениться с головы до ног. Неужели же нам нужно напоминать вам, что всякий народ должен воспитаться до известной формы жизни, и что история, как природа, не делает скачков?»²⁸³.

Да, в истории бывают внезапные катаклизмы, во время которых ненадолго актуализируются «самые крайние теории», но затем, «успокоившись, народ опять-таки возвращается в прежнюю точку и продолжает свое шествие, медленное и постепенное, но зато уже неизбежно достигающее цели».

Чичерин задает Герцену крайне важный вопрос – почему он считает, что именно русский народ наименее связан своей историей и поэтому он якобы легче других может порвать с привычным строем жизни?

Неужели за 8 лет на чужбине он забыл, что «мы народ по преимуществу привязанный к преданиям и привычкам? Вы видите в нас семя будущих социальных учреждений; но **ведь для того, чтобы семя принесло плод, нужно сначала, чтоб оно развилось в целое дерево.**

Это историческая азбука, которую странно вам напоминать. Но, отрешившись от исторической почвы, вы, по-видимому, забыли и самую азбуку»²⁸⁴.

Тем неожиданнее выглядит заключительная часть письма, в которой Герцена призывают к реальной деятельности на благо России.

Новое правительство готово к переменам: «Вы сами это поняли и написали к императору Александру II письмо, исполненное благородных чувств и горячей любви к народу».

Нас радует, что вы можете писать другим тоном, нежели каким вы пишете все ваши социальные статьи... В письме своем вы изъявляете готовность прекратить свою пропаганду, лишь бы правительство сделало что-нибудь для России. Прекращать пропаганду нет надобности, но вам необходимо переме-

нить ее тон и направление, и это вы должны сделать для России; вы должны даже принести в жертву свои убеждения, если хотите принести отечеству какую-нибудь пользу.

России до социальной демократии нет дела; у нее другие интересы; животрепещущие вопросы, поглощающие ее внимание, возвращаются в другой сфере. **Укажите нам с должною умеренностью и с знанием дела на внутренние наши недостатки, раскройте перед нами картину внутреннего нашего быта так, как отчасти делаете это в своих «Записках», и мы будем вам благодарны, ибо свободное русское слово великое дело.**

Вы удивляетесь, отчего вам не шлют статей из России; но как же вы не понимаете, что нам чуждо водруженное вами знамя?»²⁸⁵.

Чичерин советует Герцену начать издание другого направления, чем «Полярная звезда», и тогда у него не будет недостатка в сотрудниках, само издание будет лучше распространяться в России и встретит меньше препятствий даже со стороны властей, чем сейчас. А в случае если он не может изменить своей тональности, то лучше ему писать по-французски, ибо в настоящее время он пишет для Франции, а не для своей страны.

«Вот вам наша откровенная исповедь, вот как мы понимаем дело.

И со всем тем, не сочувствуя теперешней вашей деятельности, решительно не становясь под ваше знамя, мы, чрез отсутствие всякой тени гласности в России, вынуждены искать для современной русской мысли пристанище и великодушного крова у вас»²⁸⁶.

Несомненно, Герцен много думал над этим письмом, над ситуацией в целом и в итоге принял, как оказалось, самое выигрышное для себя решение.

Он начал новое издание – «Голоса из России», – где помещались присылаемые ему статьи, которые не могли увидеть свет на родине. В июле 1856 г. первую книжку «Голосов» открывало письмо «Русского либерала». Опубликованные в ней тексты самому Герцену активно не нравились,* но это был отличный рекламный ход. Он заманивал публику – правдивость этих статей, автоматически равная оппозиционности, вовлекала в орбиту его влияния новых читателей.

«Голоса» разрушили стену между Герценом и русским обществом, которое через них начало выговариваться за годы молчания. Недостатка в материалах Герцен больше не испытывал, популярность его резко выросла.

И тогда 1 июля 1857 г. он выпустил в свет первый номер «Колокола», объявленный приложением к «Полярной звезде». Он быстро стал бестселлером, завоевал публику, обрел громадную популярность и сделал его издателя одним из важнейших людей своего времени, что согласно подтверждается мно-

---

* В своих частных письмах Герцен называл тексты Кавелина и Чичерина «совершенно ложными статейками», «дурными» и «осиплыми» голосами. (Т. XXVI. С. 67, 48,54.)

гими мемуаристами. Это был голос правды (снова вспоминается перестройка – очереди за газетами, передаваемые друзьями – в очередь – ксероксы романа А. Рыбакова «Дети Арбата»).

Современник вспоминал позже: «К концу 1856 года, когда успокоились все волнения коронации, небо стало хмуриться и воздух стал грязниться... Это было начало, зародыш той эпохи, – увы! – долголетней и смутной, которая столько горя принесла России наравне со столькими благами намерениями.

Началась совсем новая политическая жизнь. Забыт был Николай I, забыты были святые страды Севастополя, все принялось жить и сосредоточивалось около чего-то нового. Это новое, смешно вспомнить, был Герцен...

Явился новый страх – Герцен; явилась новая служебная совесть – Герцен; явился новый идеал – Герцен. Герцен основал эпоху обличения. Это обличение стало болезнью времени... Едва мы выходили из училища, то начинали слышать разговоры о Герцене; в военно-учебных заведениях... Герцена брошюры читались, сваливаясь с неба, и я помню при встрече с юнкерами-сверстниками разговоры о том, что у них классы делятся на герценистов и антигерценистов... во всех министерствах забили тревогу; везде явились корреспонденты Герцена из министерства... знали, что Герцен имеет читателей в Зимнем дворце»²⁸⁷.

А. Н. Куломзин, в ту пору студент Московского университета, вспоминал позже, что любимым «занятием наиболее интеллигентных студентов было посещение тайных собраний для совместного чтения “Колокола” и для обсуждения разных вопросов дня. Собrania эти были обставлены необыкновенной таинственностью, в душной комнате, где царил запах водки и бесконечного количества выкуриваемых папирос и трубок... На страже у ворот становился опытный в распознавании субинспекторов студент. В действительности вечера эти были вполне бессодержательны, кроме как для любителей водки...

Идеалы, проповедуемые в “Колоколе” и на сходках, были: освобождение крестьян, гласный суд, отмена телесных наказаний, свобода печати, развитие самоуправления, уничтожение повсеместного взяточничества, облагораживание администрации и суда.

Именно счастье нашего поколения, что его идеалы были достижимы и в большинстве случаев достигнуты за нашу жизнь»²⁸⁸.

Подготовка крестьянской реформы с конца ноября 1857 г. стала гласной, согласно царским рескриптам, стали создаваться губернские комитеты для выработки условий освобождения. Отступить правительству теперь уже было сложно.

На создание комитетов Герцен 18 февраля 1858 г. отреагировал статьей «Через три года», которая начиналась и заканчивалась знаменитым признанием: «Ты победил, Галилеянин!».

Русские люди по достоинству оценили этот жест, популярность «Колокола» возросла еще больше. Это время было, возможно, лучшим для Герцена – сам он позже назовет его своим апогеем²⁸⁹. Он определенно почувствовал себя очень важным.

Начался его звездный час. В Лондоне не было отбоя от посетителей.

Позже он напишет: «Тогда... *мы были в моде*, и в каком-то гиде туристов я был отмечен между достопримечательностями Путнея...

Недоставало только для полного торжества искреннего врага... и долго ждать его не пришлось».

Эту упоительную для него идиллию и гармонию нарушил Чичерин, который и стал «искренним врагом».

В своих воспоминаниях Чичерин пишет, что значение «Колокола», первой русской газеты, свободной от цензуры, в то время было громадно. Он «жадно» читался, все тайно доставляемые номера ждали с нетерпением и передавали из рук в руки. «Здесь в первый раз обличалась царствующая у нас неправда, выводились на свет козни и личные виды сановников, ничтожество напыщенной аристократии, невероятные дела, совершающиеся под покровом тьмы, продажность всех, облеченных властью.

Назывались имена; рассказывались подлинные события. Перед обличением Герцена трепетали самые высокопоставленные лица. **С подобным орудием в руках можно было достигнуть того, что было совершенно недоступно подцензурной русской печати. Можно было действовать на недоумевающее правительство, сдерживать его и направлять на правильную стезю».**

Но именно в этом плане «Колокол» был очень слаб, и скорее мог дезориентировать и правительство, и общество, чем наметить какую-либо четкую программу; «в нем выражался весь Герцен, огненный, порывистый, нетерпеливый, раздражительный, полный блеска и ума, но кидающийся в крайность и не умеющий оценить существующие условия жизни»²⁹⁰.

Чичерин считает, что полную несостоятельность Герцена как политического теоретика показала уже «Полярная Звезда». Насколько его воспоминания пленяли всех «художественною прелестью, живостью и теплотою», настолько же раздражали его прежних друзей «нелепые социалистические статьи».

В «Колоколе» Герцен от вопросов теории перешел к практике, однако несмотря на то, что «условия были необыкновенно благоприятны», как издатель он вновь оказался несостоятелен.

Публикация статей шла бессистемно и противоречиво, и о том, что называется разумной и выверенной издательской политикой, говорить было сложно.

Ведь для нее нужны были умеренность и стратегическое видение ситуации, т.е. качества, которыми Герцен не обладал.

Конечно, всегда важно, **что** говорится, но, когда имеешь дело с пестрой аудиторией, важно и то, **как** говорится.

«Колокол» во многом стал весьма бессистемным собранием негатива и компромата, излагаемого довольно развязным ерническим тоном, в чем легко убедиться, открыв почти любой его номер.

Например, в самом первом была помещена статья «Августейшие путешественники», в которой обсуждались зарубежные вояжи членов императорской семьи, которые, по мнению Герцена, активнее всех воспользовались открытой Александром II возможностью ездить за границу: «Снова на всех дорогах в Европе (кроме английских!) показали великие князья, охотящиеся по немецким невестам, и бывшие немецкие невесты в русском переводе с патронимическими именами.

Снова вдовствующая императрица дала Европе зрелище истинно азиатского бросанья денег, истинно варварской роскоши. С гордостью могли видеть верноподданные, что каждый переезд августейшей больной и каждый отдых ее – равняется для России неурожаю, разливу рек и двум-трем пожарам...

Александра Феодоровна, воспитанная в благочестивых нравах евангелически-потсдамского абсолютизма и расцветшая в догматах православно-петербургского самовластия, не могла тотчас прийти в себя и найтиться после высочайшей потери.

Ей было больно видеть либеральное направление нового императора, ее смущал злой умысел амнистии, возмутительная мысль об освобождении крестьян» и далее в таком же развязном духе, включая упоминание о России, «так ловко поставленной на мель ее покойником, что без англо-французской помощи его бы никто и не стащил (имеется в виду, что только поражение в Крымской войне оставляет России шансы на выход из кризиса – М. Д.).

Все это, замечу, Герцен пишет о покойном отце Александра II и его пока живой матери. Опускаю вопрос – а откуда ему известно направление ее мыслей?

А во 2-м номере помещена его статья «Революция в России», которая заканчивается так: «Конечно, нелегко перейти от военного деспотизма и немецкой бюрократии к более простым и народным началам государственного строения... Разумеется, мудрено видеть истину, если одним не позволяют говорить, а другие [за] интересованы, чтоб скрывать.

Государь ничего не видит из-за строил и лесов канцелярии и бюрократии, из-за пыли, поднимаемой маневрирующими солдатами; и поэтому пра-

вительство, вступив в эпоху реформ, идет ощупью, хочет и не хочет, а те, которые могли бы дать совет, те бьются, как рыба об лед, не имея голоса.

Для того, чтоб продолжать петровское дело, надобно государю так же откровенно отречься от петербургского периода, как Петр отрекся от московского. Весь этот искусственный снаряд императорского управления устарел. Имея власть в руках и опираясь, с одной стороны, на народ, с другой – на всех мыслящих и образованных людей в России, нынешнее правительство могло бы сделать чудеса, без малейшей опасности для себя.

Такого положения, как Александр II, не имеет ни один монарх в Европе, – но кому много дается, с того много и спросится!».

Что сказать об этой смеси неспровоцированного панибратства и манер плохого школьного учителя, претендующего, понятно дело, на всезнание и всепонимание?

Как трактовать рекомендацию царю «откровенно отречься от петербургского периода, как Петр отрекся от московского»?

Он должен перенести столицу в Нижний Новгород и там республику объявить и т.д.?

Объем данной книги не позволяет развить эту тему.

Однако тут есть принципиальный момент, который вновь заставляет вспомнить перестройку.

Для каждой новой эпохи довольно естественно самоутверждаться за счет предыдущей.

Множеству людей есть, что сказать плохого о том, что было. Неизвестные тебе разоблачения читаются с интересом, как дополнение того, что ты знаешь сам, и как подтверждение твоей собственной правоты. Популярность «Колокола» выросла на этом.

Однако здесь важна и нужна мера, разумный баланс между критикой и конструктивными предложениями.

Читатели этой книги знают, что в жизни николаевской России негативных фактов было несть числа. И если львиную долю газетной площади занимает подобная информация, разбавленная призывами к лучшему мироустройству в виде немедленного перехода крепостнической России к социализму, трудно считать такое издание серьезным. Теряется смысл.

Какая польза стране от гибрида журналов «Крокодил» и «Коммунист»? Особенно в период, когда она приступает к решению коренных проблем своей истории!

По мнению Чичерина, Герцен находился под сильным влиянием Чернышевского и его петербургской компании, шпиговавших его «всякими ложными известиями, всеми подобранными на улице сплетнями, всеми раздутыми новостями; они раздражали его впечатлительные нервы, и он приходил в не-

годование, раздражался потоком брани и становился слеп ко всему остальному».

В середине сентября 1858 г. Чичерин приехал в Лондон в надежде, что, апеллируя к мнению его старых московских друзей и показав реальное положение вещей в стране, он сможет убедить Герцена несколько умерить темперамент.

Две недели они активно общались, и оба оставили воспоминания об этом. Доверия больше вызывает Чичерин. Он быстро понял, что миссия была обречена на неудачу: «Я нашел прежнего Герцена, оставившего по себе столько воспоминаний в старой Москве, общительного, живого, бойкого, остроумного; разговор был блестящий и разнообразный; он лился потоком, переходя от одного предмета к другому, пересыпанный то живыми рассказами, то игривыми шутками, то острыми замечаниями. Это была неудержимая сила, сверкающая и пышущая во все стороны.

Но под всем этим ослепительным фейерверком скрывалось полное отсутствие серьезного содержания. Даже то, что было вынесено из России, погибло в крушении европейской революции...

Все теоретические вопросы разрешались у него остроумными сближениями, юмористическими выходками.

В сущности, у него был ум совершенно вроде изображенного им доктора Крупова, склонный к едкому отрицанию и совершенно неспособный постичь положительные стороны вещей. **В практических вопросах дело обстояло еще хуже.**

Когда я указывал ему на необходимость трезвого и умеренного образа действий при предстоящих в России великих преобразованиях, он отвечал, что это чисто дело темперамента...

Весь этот крупный талант погибал в бесплодном бесновании, которое могло только сбить с толку неприготовленные и неокрепшие умы»²⁹¹.

Если Чичерин, как мы видим, вспоминает об этом общении по крайней мере с уважением к личности оппонента, то у Герцена в ненапечатанных при его жизни главах «Былого и дум» интонация другая: «Осенью 1857 года приехал в Лондон **Чичерин**. Мы его ждали с нетерпением: некогда один из любимых учеников Грановского, друг Корша и Кетчера, он для нас представлял близкого человека. Слышали мы о его жесткости, о консерваторских веллететах (стремлениях), о безмерном самолюбии и доктринаризме, но он еще был молод... Много угловатого обтачивается течением времени.

– Я долго думал, ехать мне к вам или нет. К вам теперь так много ездит русских, что, право, надобно иметь больше храбрости не быть у вас, чем быть... Я же, как вы знаете, вполне уважая вас, далеко не во всем согласен с вами.

Вот с чего начал Чичерин.

[Он] подходил не просто, не юно,* у него были камни за пазухой,.. Свет его глаз был холоден, в тембре голоса был вызов и страшная, отталкивающая самоуверенность. С первых слов я почувал, что это не противник, а враг, но подавил физиологический сторожевой окрик – и мы разговорились.

Расстояния, делившие наши воззрения и наши темпераменты, обозначились скоро. С первых дней начался спор, по которому ясно было, что мы расходимся во всем. Он был почитатель французского демократического строя и имел нелюбовь к английской, не приведенной в порядок свободе. **Он в императорстве видел воспитание народа и проповедовал сильное государство и ничтожность лица перед ним.**

Можно понять, что были эти мысли в приложении к русскому вопросу. Он был гвернементалист (государственник – М. Д.), считал правительство гораздо выше общества и его стремлений и принимал императрицу Екатерину II почти за идеал того, что надобно России. Все это учение шло у него из целого догматического построения (теории всеобщего закрепощения сословий – М. Д.), из которого он мог всегда и тотчас выводить свою философию бюрократии.

– Зачем вы хотите быть профессором,– спрашивал я его,– и ищите кафедру? Вы должны быть министром и искать портфель.

Споря с ним, проводили мы его на железную дорогу и расстались, не согласные ни в чем, кроме взаимного уважения»²⁹².

Надо сказать, что этот текст банально вводит читателя в заблуждение.

Чичерин *никогда* не мог проповедовать «ничтожность лица» перед государством – *весь пафос* его творчества от первой до последней строчки пронизан таким зарядом свободы, какой Герцену с его революционным общиннолюбием и не снился. Это вызывало уважение даже таких идейных оппонентов Б. Н., как Н. А. Бердяев и П. Б. Струве (оппонентом был до поры).

Мы уже знакомы с чичеринской концепцией реформ. А для него, – как позже для С. Ю. Витте и для П. А. Столыпина, – в отличие от Герцена, сильное государство – это правовое государство. Оно – в идеале – не только не противоречит достоинству свободной личности и самой свободе как таковой, но, напротив, черпает в нем силу, чего анархисту Герцену было уже не понять по определению.

Просто подобное государство нигде – особенно в России – не создается, условно говоря, декретом Совнаркома. Это дело времени, но главное – доброй воли как самого государства, так и его граждан. Учиться надо обеим сторонам.

---

* В год отъезда Герцена за границу Чичерину было 19 лет, и в Москве они были «слегка знакомы».

Но дело было не только в государственничестве Чичерина.

Он, в отличие от многих, осознавал меру зрелости, точнее, незрелости общества, продолжающего воспринимать новое правительство, твердо вставшее на путь реформирования страны, в контексте правления Николая I.

Не было даже понимания того, что Александр II не может моментально отказаться от 40 лет, проведенных в Зимнем дворце, не может перестать жить привычной жизнью, общаться с теми, кто его окружает и кого он знал с детства, тем более в угоду Герцену и его корреспондентам.

Между тем 20 сентября 1857 г. вышел сдвоенный 23–24 номер Колокола с «Письмом из Петербурга», в котором говорилось, что царь боится «топора». Герцен эти строки никак не прокомментировал.

В следующем 25-м номере «Колокола» (15 октября) помещено «Письмо к редактору» с прямым призывом к крестьянам: «На себя только надейтесь, на крепость рук своих: заострите топоры, да за дело – отменяйте крепостное право, по словам царя, снизу! За дело, ребята, будет ждать да мыкать горе; давно уже ждете, а чего дождались?..».

11 октября Чичерин прислал письмо, в котором интересовался мнением Герцена относительно «отличных» речей царя по поводу эмансипации, и заметил, что Герцену, недавно писавшему, что Александр II не оправдал возлагавшихся на него надежд, придется «опять принести покаяние». Он вновь призвал Герцена *умерить* тон, не быть слишком запальчивым и скорым на выражение своего мнения, ведь «серьезный журнал должен прежде всего избежать упрека в легкомыслии».

1 ноября Герцен перенес личную полемику в публичную плоскость и напечатал программный текст «Нас упрекают», важный для понимания его характера.

Эта короткая статья начинается с заявления, что его деятельностью многие недовольны.

Либеральные консерваторы упрекают его за слишком резкие нападки на правительства, а «красные демократы» – за то, что он хвалит императора (когда тот «делает что-нибудь хорошее») и верит, что тот желает освободить крестьян. Славянофилы критикуют его за западничество, а западники, понятно, за славянофильство.

А вот «прямолинейным доктринерам» (читай: Чичерину), не нравится его «легкомыслие и шаткость». Именно этим людям он и отвечает (хотя упрекают его все).

Герцен признается в непоследовательности, но, говорит, что в этом виноват не только он один. Просто у России такой непоследовательный царь, который, несмотря на начатую им официальную подготовку освобождения

крестьян, еще не выгнал со службы, как кучеров с лакеями, всех соратников отца.

Поэтому, пишет Герцен, «шаткость в правительстве отразилась в наших статьях. Мы, следуя за ним, терялись и, откровенно досадуя на себя, не скрывали этого. В этом была своего рода связь между нами и нашими читателями. **Мы не вели, а шли вместе; мы не учили, а служили отголоском дум и мыслей**, умалчиваемых дома. Ринутые в современное движение России, мы носимся с ним по переменному ветру, дующему с Невы»²⁹³.

То есть его миссия, его «путь самурая» – быть зеркалом размышлений читателей, не более того, он никоим образом не учитель, не руководитель какой-то партии.

Это не он один такой непоследовательный, это Россия такая непутевая, и он вынужден быть таковым же вместе с ней.

Конечно, продолжает он, «доктринеры на французский манер и гелертеры* на немецкий, люди, производящие следствия, составляющие описи, приводящие в порядок, твердые в положительной религии или религиозные в положительной науке, люди обдуманые, точные доживают до старости лет, не сбиваясь с дороги и не сделав ни орфографических, ни иных ошибок; а люди, брошенные в борьбу, исходят страстной верой и страстным сомнением, истощаются гневом и негодованием, перегорают быстро, падают в крайность, увлекаются и мрут на полдороге – много раз споткнувшись»²⁹⁴.

Как сильно сказано!

До этого момента все прекрасно.

То есть Герцен – настоящий подвижник, паладин, пылающий страстью, верный своей мечте и своей миссии, чья судьба – «сгореть на работе», как говорили в советское время, а Чичерин – скучный ученый сухарь, все разложивший по полочкам и живущий по расписанию.

Ясно, кто нам симпатичнее – уж точно не те, кто дует на воду и не делает ошибок.

Однако эта симпатия моментально улетучивается, когда этот прекрасно формулирующий самурай объявляет, что, вообще говоря, для него не важно, каким путем в истории достигается желаемая цель: «Средства осуществления бесконечно различны, которое изберется... **в этом поэтический каприз истории – мешать ему неучтиво.**

Освобождение крестьян с землею – один из главных и существенных вопросов для России и для нас.

Будет ли это освобождение “сверху или снизу” – мы будем за него!

Освободят ли их крестьянские комитеты, составленные из заклятых врагов освобождения – мы благословим их искренно и от души.

* Узкий, сухой специалист, ученый педант.

Освободят ли крестьяне себя от комитетов, во-первых, а потом от всех избирателей в комитеты – мы первые поздравим их братски и также от души.

Прикажет ли, наконец, государь отобрать имения у крамольной аристократии, а ее выслать, – ну хоть куда-нибудь на Амур к Муравьеву, – мы столько же от души скажем: “Быть по сему”».

Это не значит, продолжает он, что именно таковы его рекомендации и что ситуация не может разрешиться иначе, но «так как главное дело в том, чтоб крестьяне были освобождены с землею, то **из-за средств спора мы не поднимем**»²⁹⁵.

В русском языке есть выражение для обозначения подобной позиции – моральная нечистоплотность.

То есть сначала Герцен отрешивается от серьезной роли, от положения учителя, руководителя общественного мнения, он – всего лишь перышко, которое летает по ветру с Невы.

Это, конечно, кокетство пополам с фиглярством. К концу 1858 г. он прекрасно понимал, что значит его мнение для множества читателей.

А пятью строками ниже автор фактически говорит им, что цель оправдывает любые, в том числе и кровавые, средства и что этому «поэтическому капризу истории» не учтиво препятствовать.

Лично меня особенно впечатляет эта готовность «братски (!) и также от души» поздравить крестьян в случае, если они «освободят» себя от членов комитетов, т.е. попросту пережут их. Притом сделать это из Лондона.

Этот манифест самовлюбленной безответственности, когда властитель дум согласен «на топор», на новую Пугачевщину, поскольку цель – освобождение крестьян с землей – вполне оправдывает средства, «взорвал» Чичерина – по его собственному признанию: «Ссылаться на темперамент, отвечать легеньким издевательством, когда дело идет о благе отечества, о важнейших его интересах, о величайших преобразованиях, изменяющих весь его исторический строй, казалось мне недостойным не только возвышенного ума, но и благородного сердца».

Чичерин ответил знаменитым «Письмом издателю “Колокола”».

Герцен напечатал письмо Чичерина с предисловием, в котором ожидаемо представил себя несправедливо гонимым.

Начался скандал. Либеральный лагерь, – т.е. сторонники освобождения крестьян, – раскололся. Большинство во главе с Кавелиным обвинило Чичерина чуть ли не в предательстве.

Герцен долго публиковал письма в свою поддержку со скупыми выражениями благодарности.

Тут бы ему и остановиться. Но нет!

Действительно, характер – это судьба.

Герцен пошел вразнос, не сумев или не захотев, что, на мой взгляд, вернее, трезво и адекватно посмотреть на вещи.

Вслед за ссорой с Чичериным последовал разрыв с чуть ли не боготворившим его Кавелиным, потом с Тургеневым, а затем почти со всеми старыми знакомыми вообще. Повторюсь, он стал ощущать себя очень важным и относиться к себе слишком серьезно.

Тем горше был последующий крах «Колокола», который в 1863 г. поддержал поляков и Польское восстание, чего русские читатели по вполне понятным причинам не поняли и не приняли.

Проверка подлинности

Теперь пора разобраться в том, насколько верны приведенные выше рассуждения русских интеллектуалов того времени об общине.

Начнем с того, что в публицистике конца XVIII – первой половины XIX в. не раз возникает образ огромной Империи, состоящей из тысяч малых монархий-поместий. И мнение о том, что вотчинное управление, в сущности, было самодержавием в миниатюре, вполне справедливо.

Власть помещиков-«монархов» реализовывалась главным образом через крестьянскую общину («мир», «общество»).

Во избежание недоразумений и недопонимания коснемся сначала вопросов семантики.

В нашем массовом сознании понятие «община» традиционно имеет позитивные коннотации, априори вызывает симпатию, поскольку с ней связано представление о группе единомышленников, соединенных важным общим делом, неотделимым от взаимопомощи, взаимовыручки и других безусловно положительных явлений.

Однако в исторической науке это один из тех терминов-ловушек, которые обозначают явления, с одной стороны, в чем-то схожие, иногда даже близкие, а с другой, весьма серьезно различающиеся по внутреннему содержанию, так что на бытовом уровне восприятия это часто порождает проблемы интерпретации.

К числу таких терминов относится, например, и «крепостное право», которое не было одинаковым на западе и востоке Европы, «социализм» и др.

Схожая путаница имеет место в отношении сельской общины, которая в широком смысле является одной из форм общежития, и уже поэтому может быть очень разной.

Не думаю, что кто-то будет спорить с тем, что крепостная деревня с бариним и телесными наказаниями, советский колхоз, советский же дачный кооп-

ператив с 6 сотками и ограничениями по параметрам жилища, коттеджный поселок начала XXI в. и т.д. являются формами человеческого общежития в сельской местности. Не думаю так же, что кому-то нужно специально доказывать, насколько это разные формы общежития.

То же и с термином община. Поэтому всякий раз нужно четко понимать, о какой именно общине идет речь, иначе мы будем подменять одни явления другими, вкладывая в них один и тот же смысл, что недопустимо.

В каждую эпоху нашей истории значение сельской общины определялось, во-первых, отношением крестьянина к земле и, во-вторых, теми обязанностями, которые на общину возлагало государство.

Поэтому разными были общины до и после закрепощения крестьян в 1649 г., а от них в свою очередь, отличалась община периода 1725–1861 гг. (после введения подушной подати – с подразделением на общины крепостных, государственных и удельных крестьян), и совсем другим феноменом была пореформенная община.

При этом все они оставались формами общежития людей в сельской местности и все были общинами, однако положение крестьян – всех вместе и каждого в отдельности – в них весьма серьезно различалось.

Мы уже знаем, что к середине XVIII в. выяснилось, что уравнильно-передельная община является эффективной формой эксплуатации крестьян. И главным помощником барина в управлении был «мир», т.е. крестьянский сход во главе с назначенной или выборной администрацией. Конечно, функции мира в управлении крепостными и его роль в жизни крестьян различались в отдельных имениях, что заметно даже по русской классической литературе.

Работы по истории отдельных вотчин подтверждают, что каждое поместье, в сущности, было мини-монархией в монархии, часто со своими особенностями, которых не было у других помещиков. Так, в костромском имении А. В. Суворова крепостные могли продавать друг другу землю.

Мирское управление и общинное землепользование стали организационными устоями крепостной системы, потому что мир, выполняя все распоряжения барина, контролируя жизнь крепостных, отвечал перед ним круговой порукой за исправное течение дел – чего не было в XVI–XVII вв. – и тем самым кардинально облегчал ему управление.

Главной идеей «политэкономии крепостничества», не всегда, впрочем, реализуемой, была максимальная загруженность земли и крестьян – они не должны были простаивать втуне. А главной обязанностью мира была реализация этих руководящих принципов на основе уравнильного землепользования.

Каждый двор при прочих равных должен был получать столько земли, сколько мог осилить – не больше, не меньше. Таким образом, мир должен был равнять землю по работникам.

Если двор ослабевал, то у него отнимали часть земли и прибавляли ее сильным дворам. Это называлось свалкой-навалкой наделов. Если неравномерность распределения земли становилась значительной, проводился передел земли у всех дворов.

Таким образом, уравнительное землепользование, поднятое на щит славянофилами и Герценом, с большим пафосом назвавшим его в 1859 г. «правом на землю», которым передельной общине обладает каждый крестьянин, в реальности было ни чем иным, как «правом на тягло», «правом» за одинаковую для всех земельную пайку работать на барина и государство.

Теперь вспомним хотя бы Текутьева и зададимся вопросом – каковы были шансы у общины в подобных условиях сохранить в неприкосновенности «народную душу», как утверждали славянофилы и Герцен, а затем народники?

Далее.

Мы знаем, что до выхода в 1856 г. работы Чичерина общим было убеждение в древности передельной функции общины; впрочем его выводы не изменили позицию ее поклонников.

Важно знать и то, что впервые о вреде переделов земли заговорили еще при Екатерине II, когда был поднят вопрос о необходимости перехода от трехполья к плодосменным севооборотам, позволяющим сократить или совсем ликвидировать паровое поле и ввести травосеяние. Напомню, что земледелие интенсифицируется прежде всего таким образом.

И в дальнейшем критика общинных порядков со стороны продвинутых помещиков и агрономов не затихала вплоть до реформы 1861 г. Причем авторы, писавшие при Екатерине II и Павле I, при Александре I и Николае I высказывали те же самые мысли о негативных сторонах переделов, чересполосицы и принудительного севооборота²⁹⁶, что участники Особого совещания С. Ю. Витте в 1902–1904 гг. с понятной поправкой на стилистику русского языка.

Так, И. Я. Вилкинс в 1834 г. поставил проблемы, которая страна не смогла решить в течение последующих 70 лет. Он писал о губительном воздействии чересполосицы, из-за которой крестьянские поля плохо удобряются, плохо обрабатываются, но хуже всего то, что при чересполосице вся деревня должна выстраиваться по уровню самых слабых домохозяев.

Добросовестный хозяин, у которого есть возможность качественно обработать свой участок, не может распорядиться этой возможностью по собственной воле и желанию. Он должен приспособливаться к тому, чего хотят его более слабые или более ленивые соседи.

Если бы не чересполосица, он, конечно, посеял бы свой озимый хлеб к 1 августа, поскольку в России ранний сев самый надежный. У него уже готовы и пашня, и семена, однако он должен ждать, т.к. большая часть односельчан еще и не начинала пахать под сев, а пока вся деревня не отсеется, скот пасется на паровом поле.

Весной он бы раньше посеял яровое, а летом раньше убрал бы пустоши и выпустил бы на них свою живность, потому что на паровом поле скоту есть уже нечего. Однако никто из соседей еще и не начинал эти работы, а он один не может указывать целой деревне, где каждый в своем праве, не хуже других.

Отдельные крестьяне уже тогда были готовы к травосеянию или к переходу к многополью, но при общине сделать это невозможно, а перейти к новой культуре всей деревней крестьяне никогда не решатся по своей закосности.

Именно эта косность, по Вилкинсу, является главной причиной того, что крестьяне не только сами не отваживаются, «без особого принуждения заводить у себя что-нибудь небывалое, а особенно нерусское, но готовы препятствовать в этом и другим»²⁹⁷.

Словом, идея о том, что община с ее переделами, чересполосицей и принудительным севооборотом – тормоз для развития крестьянского хозяйства, к концу 1850-х гг. была весьма широко распространена среди помещиков. Поэтому они вполне логично защищали частную крестьянскую собственность на землю.

Более того, так же думало и правительство.

Реформа Киселева, как мы знаем, была построена на общине. Однако именной указ Николая I от 9 декабря 1846 г. «О наделении государственных крестьян семейными участками земли» предоставил Министерству государственных имуществ право в виде опыта давать крестьянам-переселенцам вместо душевого раздела земли семейные наследственные участки.

В указе цитировался Высочайше утвержденный доклад П. Д. Киселева, где на основе «многих исследований и опытов» делался вывод о том, что «одна из главных причин бедности государственных крестьян в великороссийских губерниях есть ныне существующий порядок пользования землями и разделения оных».

И много-, и малоземельные селения, как правило, не могут получать из земли достойной отдачи. Этому мешают, во-первых, переделы, из-за которых крестьяне «не имеют ни охоты, ни выгоды» обрабатывать наделы с должным усердием, а во-вторых, дальноземелье пашни и сенокосов, нередко разбросанных в противоположных концах дачи», что часто создает «чрезвычайные затруднения» как для удобрения и усердной обработки земли, так и для своевременной уборки урожая.

Обе эти причины, говорится далее в указе, порождают в крестьянине «беспечность и равнодушие», изменить которые может только переход от нынешнего подушного раздела земель к наследственным семейным участкам, «которые бы не переделялись, не были раздробляемы и переходили от отца к сыну, внуку и так далее»²⁹⁸.

Уже в следующем году 1847 г. один из будущих лидеров Редакционных Комиссий князь В. А. Черкасский в своей «Записке Тульских дворян об освобождении крестьян» писал: «О вреде общинного владения крестьян излишне было бы... распространяться – вред сей слишком очевиден», «блистательным доказательством» чего является как указ 1803 г. «О свободных хлебопашцах», так и указ 1846 г.²⁹⁹

Князь Черкасский считал общину примитивным институтом, который пока еще необходим, но который исчезнет в ходе дальнейшей эволюции. В 1857 г. он выражал уверенность в том, что с течением времени – по мере развития «гражданственности», роста населения и подъема цен на землю – на смену общине придет частная собственность крестьян на землю. Ю. Ф. Самарин также говорил, что тренд экономического развития состоит в постепенном уменьшении земельных прав общины и параллельном росте прав отдельных домохозяев³⁰⁰.

Таким образом, и правительство, и немало помещиков в 1840–1850-х гг. сознавали, что община тормозит развитие крестьянского хозяйства, и понимали преимущества частной собственности на землю.

Однако, несмотря на ясное понимание изъянов общинного землевладения и землепользования, они солидарно выступают за сохранение общины.

Почему?

Только ли потому, что в эту проблему с 1830-х гг. вмешались политические расчеты?

Что возникает концепция «вечной» «самородной» общины, идея о переделах земли и уравнительном землепользовании как нашей национальной особенности, которая предохранит страну от мучительного западного пути развития?

Да, об общине говорится много красивых слов, и часто вполне искренне.

Однако эти слова никак не отменяют того простого факта, что уравнительно-передельная **община является оптимальной формой для эксплуатации крестьянства в условиях сословно-тяглового строя при низком уровне агрикультуры.**

Я не собираюсь высчитывать здесь долю общинного романтизма и утилитарных расчетов в восхвалениях общины, однако забывать о них – непродуктивно.

Так или иначе следует признать, что, как ни печально, в основе идейного развития русского общества со второй четверти XIX в. лежал «нас возвышающий обман».

Как мы знаем, настоящая община с конструкциями славянофилов в большинстве случаев имела мало общего. И тому же Хомякову не хуже ревизоров Киселева было известно, что реальная община – вовсе не тот гармоничный идиллический мир, который он рисовал в своих текстах. Ведь он был практически хозяином, и еще в 1842 г. писал, что «строгое устройство мира приводит крестьян небожиков и плохих в тяжелую зависимость от крестьян расторопных и трудолюбивых», что бедные крестьяне в общине зависят от богатых, что в общине встречается «чрезмерная глупость или неисцелимая лень», а среди крестьян есть «ленивые и негодяи»³⁰¹.

Но это знание, так сказать, внутреннее, для себя, а община как парадная витрина идеологии – совсем другое дело.

Такого рода двойственность, весьма похожая на банальное лицемерие, была характерна и для Герцена. Возьмем его идею социалистического потенциала общины, который волшебным образом должен быть превращен в полноценный социализм, на чем 60 лет стояло левое народничество. Эпитет «волшебный» тут не случаен, ибо магический компонент, безусловно, присутствует в построениях Герцена, хотя и не всегда явно.

Чичерин еще в «Письме русского либерала» замечал, что немного, видимо, у Герцена надежды на то, что идеалы социализма можно воплотить в жизнь «путем разума и просвещения», если он думает, что «полудикая, еще погруженная в вековую дремоту» Россия может преобразовать и обновить Европу.

«Что нашли вы такого в русском мужике, в этом несчастном страдальце, который Бог знает еще когда пробудится к сознанию своих способностей и к деятельности самостоятельной и разумной?»

Конечно, он умен и сметлив; конечно, нравственный его характер заслуживает уважение, и мы, русские, любим его как основу нашей национальности. Но что же он сделал для того, чтоб можно было ожидать от него будущего возрождения человечества?

И что вы нашли в русской общине, в этом полудиком зародыше общественного быта, где земля принадлежит государству, предмету вашей ненависти, а крестьянин-крепостной или немногим лучше крепостного?

Вы видите в ней нечто в роде коммунизма, и радуетесь этому явлению, которое как будто подтверждает ваши теории. **Но такой коммунизм устроить весьма легко; нужно только, чтобы существовали землевладельцы и рабы»**³⁰².

И Герцен, продолжает Чичерин, забыл, что точно так же устроены в России общины крепостных крестьян в поместьях и что именно они и стали «первообразом всем общинным учреждениям в России»³⁰³.

Тезис о том, что средневековые поземельные отношения неграмотных крестьян, ментально также живущих в тех временах, не первый век задавленных вотчинно-крепостническим государством, могут соответствовать мечтам, надеждам и чаяниям людей, живущих в самых передовых цивилизованных странах Запада, не выдерживает никакой критики.

Если Герцен желает фактами подтвердить свои социальные взгляды, ему нужно взять общины не крепостные, как в России, а свободные, которые, будучи полностью независимы, обходятся без личной собственности. Подобные общины в изобилии встречаются у дикарей, например, у американских индейцев, у арабов и «негров», и Герцен вполне может указывать на них «как на будущих благодетелей человеческого рода».

Образованы они еще хуже, чем русские крестьяне, или, по терминологии Герцена, «они еще менее испорчены ложным просвещением» и незнакомы с развращающим человека гнетом государства. Иными словами, у них нет «никаких исторических преданий», которые помешали бы им воспринять его «обольстительные теории».

И если Герцену хочется быть до конца честным и последовательным с самим собой, то ему не нужно останавливаться на России: «Идите дальше; представьте нам негра как существо самое неразвитое и самое угнетенное, а потому именно долженствующее возродить человечество, развращенное историческим просвещением»³⁰⁴.

Таким образом, Чичерин переводит прекраснородные руссоистские рассуждения о преимуществах отсталости в практическую плоскость.

Видя, что человечество – такое, как оно есть, каким его сформировало прожитое прошлое, что Западная Европа как продукт своей истории не позволяют воплотиться в жизнь его теориям, Герцен пытается найти успокоение «в тех сферах жизни, куда не проникало еще историческое развитие» и где «мечтательные теории... столь же мечтательным образом» намного проще подвести под человеческую жизнь.

Он строит себе «фантастическое будущее», а в настоящем надеется **«на еще неразвившиеся слои человеческих обществ, на те классы людей, в которых потому-то и можно все найти, что в них еще ровно ничего нет»**³⁰⁵.

Чичерин прав.

Вчитаемся: «В избе русского крестьянина мы обрели зародыши экономических и административных установлений, основанных на общинном землевладении, на аграрном и инстинктивном коммунизме... Нужно освободить элементы русской общинной жизни от примесей, внесенных в нее монголизмом и царизмом, бюрократией и немецкой военщиной посредством режима приказов, крепостного права и т. д., и, приняв эти элементы как естественный

отправной пункт, развить и просветить их социальными идеями Запада на благо всеобщей науки о процветании человечества»³⁰⁶.

Звучит увлекательно, однако абсолютно нереалистично.

Немедленно возникают минимум два вопроса – из многих.

Во-первых, то, что он называет «примесями» «монголизма и царизма, бюрократии и немецкой военщины», «крепостного права и т.д.», – является, по сути, всей русской историей. Как можно рассчитывать на сколько-нибудь быстрое освобождение народа от своей истории, если таковое вообще возможно?

Во-вторых, – если и предположить, что это все-таки удастся сделать, – кто и каким образом в отсталой стране с 50 млн неграмотных крестьян будет заниматься развитием и просвещением их «социальными идеями Запада на благо всеобщей науки о процветании человечества»?

А вот как Герцен соотносит перспективу развития России с опытом человечества: «Серьезный вопрос не в том, которое состояние лучше и выше – европейское, сложившееся, уравновешенное, правильное, или наше, хаотическое, где только одни рамы кое-как сколочены, а содержание вяло бродит или дремлет в каком-то **допотопном растворе, в котором едва сделано различие света и тьмы, добра и зла.**

Тут не может быть двух решений.

Остановиться на этом хаосе (русском) мы не можем... но ... чтобы **сознательно** выйти из него, нам предстоит другой вопрос...: есть ли путь европейского развития единый возможный, необходимый, так что каждому народу, – где бы он ни жил... – должно пройти им, как младенцу прорезыванием зубов, срастанием черепных костей и пр.?

Или оно само – частный случай развития, имеющий в себе общечеловеческую канву... И в таком случае не странно ли нам повторять теперь всю длинную метаморфозу западной истории, **зная вперед le secret de la comedie** (здесь: развязку – *франц.*)»³⁰⁷.

Опять-таки звучит красиво – в типично герценовском стиле.

И очень похоже на упоминавшийся прыжок Монголии «из феодализма в социализм».

Но что за этим стоит?

Каким образом превозносимый им «коммунизм в лаптях» может обеспечить процветание русского крестьянства, если сейчас оно живет «в каком-то допотопном растворе, в котором едва сделано различие света и тьмы, добра и зла»?

Как можно **«сознательно»** выйти из такого хаотического состояния, где плохо различаются белое и черное? Тут и ошибиться недолго, приняв одно за другое.

Какой степени инфантилизма нужно обладать, чтобы, живя в городе, где через 4 года откроется метро, всерьез писать, что западный мир, якобы дошедший до своего предела, спасет «какой-то тусклый свет» «от лучины, зажженной в избе русского мужика»?

И еще с ноздревским фанфаронством смаковать: «...Этот дикий, этот пьяный в бараньем тулупе, в лаптях, ограбленный, безграмотный, этот пария... этот немой, который в сто лет не вымолвил ни слова и теперь молчит, – будто он может что-нибудь внести в тот великий спор, в тот нерешенный вопрос, перед которым остановилась Европа, политическая экономия, экстраординарные и ординарные профессора, камералисты и государственные люди?»

В самом деле, что может он внести, кроме продымленного запаха черной избы и дегтя?

Вот подите тут и ищите справедливости в истории, мужик наш вносит не только запах дегтя, но еще какое-то допотопное понятие о **праве каждого работника на даровую землю**. Как вам нравится это? Положим, что еще можно допустить **право на работу**, но **право на землю**?..

А между тем оно у нас гораздо больше чем право, оно факт; оно больше чем признано, оно существует. Крестьянин на нем стоит, он его мерит десятинами, и для него его право на землю – естественное последствие **рождения** и **работы**. Оно так же несомненно в народном сознании, так же логически вытекает из его понятия родины и необходимости существования возле отца, как право на **воздух**, приобретаемое дыханием, вслед за отделением от матери»³⁰⁸.

Хочется спросить – а дальше что?

В этом фрагменте есть все – и вздетые руки, и театральный пафос зазывалы, и фальшивый восторг рекламщика, и горделивое поглядывание в сторону тупой европейской профессуры и государственных людей – «Знай наших!».

Нет только здравого взгляда на окружающий мир. Судя по тексту (не факт, что он так думал на самом деле), он искренне не понимает, о чем пишет.

Он, повторюсь, не осознает, что приводящее его в восторг «право на землю» – это не право на свободу, на собственность и достаток, а лишь «право на тягло», на равное с другими тяглецами «право» вкалывать на барщине, или платить оброк казне или барину, причем без возможности отказаться от этого сомнительного удовольствия в любой удобный момент*.

* Вообще, когда читаешь эти строки, поневоле вспоминается фон Мизес, сетовавший на то, что в нашем мире подобные откровения являются предметом научных исследований, глубокомысленных рассуждений и т.д.; становится искренне жалко герценовцев, вынужденных изобретать изощренные интерпретации этого потока мыслей.

И не менее поразителен часто цитируемый финал рассуждений Герцена, декларирующий, что «задача новой эпохи, в которую мы входим, состоит в том, чтоб на основаниях науки сознательно развить элемент нашего общинного самоуправления до полной свободы лица, минуя те промежуточные формы, которыми по необходимости шло, плутая по неизвестным путям, развитие Запада.

Новая жизнь наша должна так заткать в одну ткань эти два наследства, чтоб у свободной личности земля *осталась под ногами* и чтобы общинник был совершенно *свободное лицо*»³⁰⁹.

В голове сразу всплывают строки из гимна СССР о «союзе нерушимом республик свободных».

Тут ведь одно из двух – или республики свободны, или союз нерушим. Третьего не дано.

Либо человек – собственник земли, и тогда она у него точно «под ногами», а он является «совершенно свободным лицом».

Либо он «общинник», и тогда он получает от мира земельную пайку, как раньше получал ее от помещика, чтобы тянуть тягло, и «совершенно свободным лицом» он быть не может по определению.

Герцену ли, не самым простым путем получившему свое наследство, не знать, что истинная свобода обеспечивается собственностью, а не просто периодически передуваемой землей, которая неизвестно кому принадлежит? Так поступают, как верно заметил Чичерин, с рабами и крепостными.

На основаниях какой науки он собирается из неграмотных крепостных, которые из поколения в поколение были *вещью*, одним махом, «без промежуточных форм» сделать полностью свободных людей?

Как называется эта наука?

Как называется человек, высказывающий подобные идеи и претендующий при этом на роль лидера общественного мнения?

Вообще, как можно обосновывать идеалы свободы и справедливости на нормах, выросших из крепостных отношений? Ах, да, крепостное право ведь не повлияло на душу народа...

Социализм на Западе возник в результате развития самого передового высокотехнологичного общества, к тому же создавшего все, чем веками гордилась христианская культура.

Как можно уравнивать с ним практики средневекового института, даже если Герцен не верил Чичерину в том, что переделы возникли как способ пропорционального распределения повинностей и сбора налогов?

Мысль о том, что архаичные поземельные отношения неграмотных крестьян могут одушевить мечты, надежды и чаяния людей, живущих на вершине цивилизации, не выдерживает никакой критики.

Она позволяет оценить высоту полета фантазии автора, но плохо характеризует здравомыслие как его самого, так и тех, кто принимал эти байки на веру.

Конечно, между лодкой-долбленкой и авианосцем есть общее – оба держатся на воде. Однако движутся они по ней неодинаково и, вообще говоря, представляют собой разные стадии освоения человечеством окружающего мира. Не говоря о том, что навыки строительства лодки-долбленки не помогут построить даже баркас.

Когда пытаешься понять, каким же чудом будут реализованы герценовские мечтания, на ум приходят только два актора и оба относятся к низшим водоплавающим позвоночным, прославленным в русском фольклоре, – это «золотая рыбка» и героиня сказки «По щучьему велению».

Здесь закономерно возникает вопрос о мере его искренности.

И сразу обнаруживаются весьма интересные вещи. Как всегда, все оказывается еще сложнее.

Вот три его дневниковые записи 1843 г.

1) «Наши славянофилы толкуют об общинном начале, о том, что у нас нет пролетариев, о разделе полей – все это хорошие зародыши, и долею они основаны на неразвитости.

Так, у бедуинов право собственности не имеет эгоистичного характера европейского; но они забывают, с другой стороны, отсутствие всякого уважения к себе, глупую выносливость всяких притеснений, словом, возможность жить при таком порядке дел. Мудрено ли, что у нашего крестьянина не развилось право собственности в смысле личного владения, когда его полоса не его полоса, когда даже его жена, дочь, сын – не его? Какая собственность у раба; он хуже пролетария – он *res*, орудие для обрабатывания полей. Барин не может убить его – так же, как не мог при Петре в известных местах срубить дуб, – дайте ему права суда, тогда только он будет человеком»³¹⁰.

2) Вот как он комментирует лекции, которые А. Мицкевич в 1840–1842 гг. читал в Коллеж де Франс: «Мицкевич – славянофил, вроде Хомякова и Со, со всею той разницей, которую ему дает то, что он поляк, а не москаль, что он живет в Европе, а не в Москве, что он толкует не об одной Руси, но о чехах, иллирийцах и пр. и пр. И когда цвело это общинное устройство? В период величайшей неразвитости. Бедуины – демократы, и патриархализм имеет в себе своего рода семейно-общинное начало»³¹¹.

3) После чтения пьесы Кальдерона «Алкальд из Саламеи» он записывает: «Велик испанский плебей, если в нем есть такое понятие о законности, – вот он, элемент, вовсе не развитой у нас, не токмо у мужика, но и у всех. **У нас оскорбленный или снесет как раб, или отомстит как взбунтовавшийся холоп.** Я смотрю здесь непрерывно на низший класс, в всегдашнем соприкосновении с нами, – чего недостает ему, чтоб выйти из жалкой апатии?

Ум блестит в глазах, вообще на десять мужиков, наверное, восемь неглупы и пять положительно умны, сметливы и знающие люди... Они не трусы – каждый пойдет на волка, готов на драке положить жизнь, согласен на всякую ненужную удаль, плыть в омуте, ходить по льду, когда он ломается, etc.

А, видно, как Чаадаев говорит в своей статье чего-то недостает в голове, мы не умеем сделать силлогизм европейский. **Эта община, понимающая всю незаконность нелепого требования, не признающая в душе неограниченной власти помещика, трепещет и валяется в ногах его при первом слове!**»³¹².

Вот вам и основоположник общинного социализма!

Вот и нетронутый крепостничеством потенциал народа и общины!

Вот вам и искреннее якобы непонимание сути собственных мыслей!

Таким образом, он прекрасно знал, о чем ему с Огаревым писал М. А. Бакунин: «Вы все готовы простить, пожалуй, готовы поддерживать все, если не прямо, так косвенно, лишь бы оставалось неприкосновенным ваша мистическая святая святых – великорусская община, от которой вы мистически ждете спасения не только для великорусского народа, но и для всех славянских земель, для Европы, для мира. Вы запнулись за русскую избу, которая сама запнулась, да так и стоит века в китайской неподвижности со своим правом на землю.

Почему эта община, от которой вы ожидаете таких чудес в будущем, в продолжение десяти веков прошедшего существования не произвела из себя ничего, кроме самого гнусного рабства?

Гнусная гнилость и совершенное бесправие патриархальных обычаев, бесправие лица перед миром и всеподавляющая тягость этого мира, убивающая всякую возможность индивидуальной инициативы, отсутствие права не только юридического, но простой справедливости в решениях того же мира и жестокая бесцеремонность его отношений к каждому бессильному и небогатому члену, его систематичная притеснительность к тем членам, в которых проявляются притязания на малейшую самостоятельность, и готовность продать всякое право и всякую правду за ведро водки – вот, во всецелости ее настоящего характера, великорусская община»³¹³.

В литературе изменение позиции Герцена по этой проблематике так или иначе сводится к его идейной эволюции после пресловутого эпического разочарования в мещанской западной цивилизации.

Мне эти объяснения интеллектуального регресса яркой мыслящей личности не кажутся убедительными. В то, что Герцен, грубо говоря, стал глупее, не очень верится. Думаю, скорее, речь идет о сознательной смене публичной позиции, о перемене плюса на минус и т.д., причем в корыстных, «маркетин-

говых» целях. Не он первый. И в истории, и в наши дни мы видим бездну схожих примеров.

Другими словами, полагаю, в Европе он писал не то, что думал.

Во всяком случае, в его искренности сомневались многие из знавших его лично. Было во всей этой затее с общинным социализмом нечто, отдающее интеллектуальной ноздревщиной вкуче с хлестаковщиной.

Как показывает Анненков и подтверждает М. Малиа, ему крайне важно было утвердить себя в качестве Большого революционера в политэмигрантском «Интернационале» того времени, и наличие в России якобы зародыша социализма в виде общины как бы повышало его статус. Да он и сам слегка проговаривается в «Былом и Думах».

В. И. Герье вспоминает: «Интересен в этом отношении рассказ, переданный мне очевидцем. В самом начале 60-х годов у Герцена, в Ницце, собрались однажды корифеи тогдашнего революционного движения – Маццини, Орсини и др. Речь зашла о социализме, о его надеждах и видах на будущее за границей. Герцен с своей стороны указал на то, что и Россия может примкнуть к этому движению, в ней уже есть готовые организации – это ее сельские общины. – «La russie a la commune». И сказав это, он обернулся к своему соотечественнику со словами: «Им все можно говорить, они ничего не знают о России». Эти слова и пренебрежительное выражение лица, которым они сопровождались, показывают, что Герцен относился довольно скептически к своему парадоксу.

Но в России парадоксу верили и социалистические вождения в русском обществе немало способствовали культу общины»³¹⁴.

Окончательный диагноз социализму Герцена и (во многом) его последователей поставили К. Маркс и Ф. Энгельс.

Они, как известно, не раз критиковали Герцена. Я не буду вдаваться в подробности их заочной неприязни, объяснять стилистику отношений, точнее, их отсутствия и пр. Об этом кое-что написано, преимущественно защитниками Герцена и русского освободительного движения.

«Классики марксизма», по вполне понятным причинам, реагировали на идеи Герцена об обновлении Европы русской «молодой кровью» с энтузиазмом профессора, которому гимназист объявил, что может объяснить, в чем смысл жизни, а заодно переагрузить его научную карьеру.

С особой язвительностью они отмечали, что русский помещик Герцен узнал о существовании общины у его крестьян от заезжего иностранца.

В 1867 г. в первом издании «Капитала» Маркс говорит, что при определенных обстоятельствах нельзя исключить «омоложения Европы при помощи кнута и обязательного вливания калмыцкой крови, о чем столь серьезно пророчествует полуроссиянин, но зато полный москвитин Герцен (заметим,

между прочим, что этот беллетрист сделал свои открытия относительно “русского коммунизма” не в России, а в сочинении прусского регирунгсрата Гакстгаузена)»³¹⁵.

По Энгельсу, суть проблемы такова.

Социализм на Западе намерен разрешить существующие в современном мире противоречия путем новой организации жизни людей, которая необходимо требует перехода всех средств производства, в том числе и земли, в собственность всего общества.

Как же соотносится с тем, что на Западе еще только предстоит создать, русская общинная собственность?

Способна ли она стать «исходным пунктом народного движения, которое, перескочив через весь капиталистический период, сразу преобразует русский крестьянский коммунизм в современную социалистическую общую собственность на все средства производства, обогатив его всеми техническими достижениями капиталистической эры?».

Нет, отвечает Энгельс. В русской общине, как и в германской марке, кельтском клане, индийской и других общинах «с их первобытно-коммунистическими порядками» за сотни лет существования никогда не возникал стимул «выработать из самой себя высшую форму общей собственности».

Все они под влиянием растущего товарного производства и обмена постепенно теряли «свой коммунистический характер и превращались в общины независимых друг от друга землевладельцев... Нигде и никогда аграрный коммунизм, сохранившийся от родового строя, не порождал из самого себя ничего иного, кроме собственного разложения».

Поэтому коренное преобразование общины возможно только после победы пролетарской революции на Западе, которая поможет России сельскохозяйственными технологиями и деньгами.

Следовательно, надежды, которые на общину возлагают в России – ложные: «Каким образом община может освоить гигантские производительные силы капиталистического общества в качестве общественной собственности и общественного орудия, прежде чем само капиталистическое общество совершит эту революцию?»

Каким образом может русская община показать миру, как вести крупную промышленность на общественных началах, когда она разучилась уже обрывать на общественных началах свои собственные земли?»³¹⁶.

В каком-то смысле Энгельс формулирует приведенные выше мысли самого Герцена образца 1843 г., только куда более масштабно. Впрочем, едва ли они когда-нибудь понимали социализм одинаково.

Возникновение нового общественного настроения

Итак, реальная крепостная община была не очень похожа на романтические конструкции славянофилов, которые просто сочинили красивую сказку, придумав себе народ, как люди иногда придумывают себе возлюбленных, приписывая им все мыслимые достоинства.

Проблема была в том, что эта сказка **адекватно соответствовала внутреннему мироощущению** множества русских людей – однако, как мы знаем, не всех.

Оценивая значение славянофилов, Чичерин писал, что в их «учении русский народ представлялся солью земли, высшим цветом человечества.

Без упорной умственной работы, без исторической борьбы, просто вследствие того, что он от одряхлевшей Византии получил православие, он становился избранником Божиим, призванным возвестить миру новые, неведомые до тех пор начала.

И среди этого народа носителем его самосознания являлся маленький кружок славянофилов, которые выступали как пророки будущего и обличители современного человечества. Они возносились на недостижимую высоту, с которой они в безграничном самоуслаждении презрительно смотрели на гниющий западный мир и на жалких поклонников этой отживающей свой век цивилизации.

И патриотизм, и религиозное чувство, и народное самолюбие, и личное тщеславие – все тут удовлетворялось.

Но, конечно, все это было не более чем чистое фантазерство, лишённое всякого научного, как исторического, так и философского, основания»³¹⁷.

Чичерина эти построения не устраивали, и у него было немало единомышленников.

Вместе с тем мы понимаем, что трудно устоять от соблазна считать свой народ «солью земли».

Трудно равнодушно воспринимать учение, которое тешит «и патриотизм, и религиозное чувство, и народное самолюбие, и личное тщеславие».

Сплав самодовольства с мессианством – сильный наркотик. Мы знаем, что в течение последних 180-ти лет аргументы славянофилов всюду использовались и используются в наши дни пропагандистами самых разных направлений, даже враждебных друг другу. И – воспринимаются миллионами людей, живших в Российской империи, в СССР и живущих в современной России. Приятно сознавать свою принадлежность к народу-«Божьему избраннику».

Тем более, когда эта идея словно бы получает подтверждение на международном уровне.

Книга Гакстгаузена имела достаточно широкий резонанс в Европе. Общиной, как мы знаем, заинтересовался «объединитель Италии» Камилло Кавур.

Славянофил Кошелев, встречавшийся с ним в 1858 г., восторженно передает его «замечательные слова: «Да, я вижу, что вы имеете такое учреждение, которое спасет вас от многих бедствий, ныне терзающих Европу и грозящих ей в будущем нескончаемыми беспорядками. **Вы очень счастливы: для вас будущее нестрашно**»». Кошелев уверяет, что Гакстгаузен, «которому, наконец, мы (славянофилы – М. Д.) втолковали смысл и значение русской общины» понял ее «только умом – как статистический факт, а вовсе не как зародыш, как залог великой будущности России», а вот Кавур «душою» воспринял «наш народный дух и превосходство нашей общины»³¹⁸.

Точка зрения Кавура была очень популярна в России. Знаменитый адвокат Ф. Н. Плевако вспоминал в начале XX в.: «Мы с восторгом цитировали фразы, кажется, **Кавура, сказавшего, что русская община в руках русского Царя – сила, стоящая самой громадной армии, и не хотели ничего, кроме общины**. Упрочив законодательными контрфорсами сию ветхую храмину, мы не замедлили воспользоваться ею для многообразных социальных и правительственных целей»³¹⁹.

Плевако, как и тысячи мыслящих русских людей, к началу XX в. избавился от общинных иллюзий. Однако его слова хорошо показывают меру их гипнотического воздействия.

О том же пишет, например, и видный государственный деятель А. Н. Куломзин – славянофильский «взгляд на нашу общину, как на носительницу чего-то особенного, как на великую панацею от грядущих зол пауперизма, получил полное и весьма искусное развитие в тогдашней экономической русской литературе.

Взгляд этот необычайно льстил национальному самолюбию, и не удивительно, что чересчур многие не славянофилы беззаветно поверили этому учению.

У меня взгляд этот так сильно засел в голове, что ни путешествия по Европе, ни созерцание там успехов земледелия в руках частных собственников, ни прилежное изучение политической экономии не изменили моих взглядов. Лишь смутное время 1905–1906 гг., указавшее на тот социалистический путь, который развила община в быту крестьянского сословия, окончательно меня отрезвило»³²⁰.

В то же время очевидна и наша неприятная слабость к снисходительным похвалам каких-то иностранцев.

Однако дело было, конечно, не только и не столько в желании людей слышать о себе приятное.

Нам сейчас не очень просто понять, насколько вся указанная выше проблематика была важна и актуальна для людей того времени.

Это было не просто самоутверждение, это не было проблемой патриотизма или космополитизма (а вопрос и тогда демагогически ставился в этой плоскости), и не специальным сюжетом о том, должна ли Россия подражать Европе или намеренно оригинальничать.

Это был конкретный вопрос реальной политики не очень далекого будущего – куда идти стране?

Новейшее развитие Запада из России виделось нагромождением неразрешимых противоречий, которые должны были непременно погубить его.

Отсюда возникали законные вопросы.

Если развитие Запада полно потрясений, страданий и жертв, то зачем России нужно идти его путем?

Если прогресс промышленности чреват ростом численности беспокойного и опасного пролетариата, бывших разоренных крестьян, то зачем нам промышленность?

Мы видели, что невиданный технический прогресс Запада для русских людей отнюдь не был безусловной ценностью.

Зачем же тогда ломать существующий порядок, при котором каждый крестьянин обеспечен землей?

Отсюда вытекала не только апология крепостного права, но и отрицание необходимости индустриализации (конечно, звучали и другие голоса).

Понятно, что подобная недооценка промышленности и непонимание ее важности всегда были характерны для отсталых земледельческих стран, но это утешает мало (тогда вопрос рассматривался не абстрактно, а вполне конкретно).

Очень сильна была идея о том, что Россия должна остаться аграрной страной, а промышленность нужно развивать в форме кустарных заведений и «патриархальных» фабрик.

Так или иначе совокупными усилиями славянофилов и близких к ним по взглядам интеллектуалов, а также Гакстгаузена с конца 1830-х гг. начинается формирование **нового общественного настроения**, кристаллизации которого содействовала деятельность Герцена и Чернышевского.

Важнейшим фактором его зарождения видится необходимость психологического совмещения небывалой военной мощи Империи с реальным положением дел внутри страны – и даже с осознанием ее отсталости.

Его важнейшими компонентами* стали:

---

* Ясно, что каждый из этих компонентов заслуживает нескольких диссертаций, из которых написаны лишь некоторые. Поэтому надеюсь на адекватную оценку моего вынужденного лаконизма.

1. Идея самобытности русского исторического развития, превратившаяся в своего рода «религию», т.е. уверенность в неповторимости, уникальности положения России в тогдашнем мире и в морально-нравственном превосходстве русских над эгоистичными расчетливыми европейцами, живым доказательством чего считалась уравнительно-передельная община.

На практике это оборачивалось высокомерным отторжением опыта человечества и фактическим убеждением, что, условно говоря, действие экономических и других законов развития человечества заканчивается на русской границе.

2. Неотделимое от этого мессианство – Россия воспринималась как маяк и спаситель всего мира; господствовала уверенность в том, что, благодаря общине, она решит социальный вопрос лучше и легче, чем Европа.

Православный компонент мессианства атеисты, понятно, не разделяли, но атеистами были не все.

3. Выраженный антиевропеизм, антикапиталистические, а шире – антимодернизационные настроения, неявная склонность к автаркии. Будущее России виделось только на контрасте, на противопоставлении Западу.

4. Приверженность различным вариантам социализма – от христианского у славянофилов до атеистического революционного у левых народников, а также политика государственного социализма, проводившаяся Александром III и Николаем II, с которой мы познакомимся ниже.

Уравнительно-передельная община, лежавшая в основе этого нового общественного настроения, превратилась в миф национального самосознания, символизирующий наше морально-нравственное превосходство над «гнилым» меркантильным Западом*.

Она воспринималась как живое воплощение христианских ценностей. Тезис о том, что община – гарантия от пролетаризации деревни, во многом предопределивший конструкцию реформы 1861 г. (помимо фискально-полицейских соображений), стал аксиомой, а община «вошла для многих в **неизменный инвентарь национальных святынь, подлежащих охранению**»³²¹.

Все перечисленное выше было неотделимо от низкого уровня правосознания русского общества, вполне естественного после веков порожденного крепостничеством правового нигилизма.

---

* Кошелев А. И.: «Общинное начало не есть шестое чувство, коим Бог одарил славянина, но оно есть скрижаль завета, вверенная нам, как *позднейшим* деятелям на мировом поприще.

Ни Тьер, ни Гизо, ни прочие ученые и талантливые люди не защитят на Западе права собственности, осаждаемого пролетариатом, и не излечат язв, растравленных в общественном теле до крайности развитой личностью. Такой переворот может быть произведен лишь словом, исходящим из уст не отдельных личностей, а целого народа, народа юного, несмотря на тысячелетнее его существование». (Кошелев А. И. Самодержавие и Земская дума. М.: Институт русской цивилизации. 2011. С. 323.)

Это новое настроение само по себе было программой, в частности, во многом предопределившей не только подготовку и реализацию крестьянской реформы, но и идейное развитие пореформенной России вообще.

Выросшее из мессианства оно, повторюсь, было как формой самоутверждения, так и одновременно **и своего рода самозащитой русского общества от грядущей модернизации.**

Поэтому оно во многом предопределило общественное и идейное развитие нашей страны в пореформенную эпоху, став психологической основой антикапиталистической утопии.

Считаю важным еще раз подчеркнуть, что превращение общины в национальную святыню имело и другую сторону, о которой не стоит забывать: для власть имущих она была оптимальной формой эксплуатации и контроля деревни. И наивно думать, что данный аспект был на периферии сознания тех, кто принимал решения перед Крестьянской реформой и после нее. Конечно, об этом не принято было говорить вслух, но иногда люди проговаривались.

Всего один пример. Товарищ обер-прокурора 2-го «крестьянского» департамента Сената (позже правитель канцелярии МВД) Н. А. Хвостов был одним из главных деятелей, загнавших в конце XIX века деревню в правовой хаос сенатских толкований ее жизни.

В декабре 1904 года в Особом совещании С. Ю. Витте он с пафосом говорил, что «группа истинно русских людей не может никогда помириться ни с упразднением общины, ни с уничтожением семейного быта крестьян», и укорял «космополитов», которые думали, «что здесь, в России, можно сделать все то, что уже сделано в Западной Европе, что земля и у нас может быть распродаваема, как на Западе, что нам нечего бояться пролетариата, потому что в Западной Европе тоже существует пролетариат.

В настоящее время нам – националистам остается только просить о том, чтобы не делали вреда тому, что у нас есть самобытного – тому, что на Западе уже испорчено непоправимо, и в чем нам вскоре вся Западная Европа будет завидовать, то есть нашей общине, нашим обеспеченным неотчуждаемой землей крестьянам и др.». В заключение он ссылаясь на «гениальные умы» Кавура и Бисмарка, утверждавших, что «вся сила России заключается в общинном устройстве, в ее обеспеченных землях крестьянах»³²².

Что и говорить, принципиальный человек, хотя и с высокой потребностью в чужой зависти.

Между тем хорошо знавший Хвостова К. Ф. Головин характеризовал его как «усердного и зоркого стража полной сохранности общины», убежденного, «что мирское владение – один из верных устоев русского государства», прикасаться к которому «он не позволял» – так как только община, по его

мнению, обеспечивает помещикам «полевых рабочих, которых не хватило бы при подворном заселении»³²³.

Я не собираюсь строить догадки на предмет искренности апологетов общины, будь то помещики, или революционеры, но убежден, что их славословия в ее адрес весьма часто прикрывали куда более приземленные вещи.

Во всяком случае, очевидно, что социальный расизм задавал рамки восприятия элитами окружающего мира. Прикрываемый разными, даже совершенно противоположными, на первый взгляд, мнениями, он оказал очень сильное воздействие не только на Великую реформу и аграрную политику правительства после 1861 года, но и на подходы общественности всех цветов политического спектра к пореформенному развитию страны.

Примечания к первой части

1. *Карл Кофод*. 50 лет в России. М. 1997. С. 22–23.
2. Там же. С. 27.
3. Там же. С. 37.
4. Там же. С. 38.
5. Там же. С. 8–39.
6. Там же. С. 39.
7. Там же. С. 50, 52.
8. История Европы. Т. 5. М.: Наука. 2000. С. 16–26.
9. *Чичерин Б. Н.* Курс государственной науки. Т. 3. М. 1898. С. 52–53.
10. Там же. С. 403–404.
11. Россия XV–XVII в в глазами иностранцев. Л., 1986. С. 51–53.
12. *Романович-Славатинский А.* Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права. СПб., Типография МВД. 1870. С. 228.
13. *Коллманн Н. Ш.* Преступление и наказание в России раннего Нового времени. М.: НЛО. 2016. С. 7.
14. Там же. С. 528–529.
15. Цит. по: *Тимофеев А. Г.* История телесных наказаний в русском праве. СПб., 1904. С. 81–82.
16. Там же. С. 87.
17. Там же. С. 72.
18. *Романович-Славатинский А.* Дворянство в России... С. 228.
19. ПСЗ, том 6. № 3874. С. 478.
20. *Романович-Славатинский А.* Дворянство в России ... С. 187.
21. ПСЗ, том 5. № 3460 С. 758–759.
22. ПСЗ том 6. № 3509. С. 127.
23. Цит. по: *Миронов Б. Н.* Российская империя: от традиции к модерну. СПб., 2015. Т. 2. С. 17.
24. *Анисимов Е.* Поучительные истории. Жан Батист Александр Леблон // Неприкосновенный запас. 1999. № 3; <https://magazines.gorky.media/nz/1999/3/pouchitelnye-istorii-zhanbatist-aleksandr-leblon.html>. Дата обращения 24. 03. 2021.
25. *Романович-Славатинский А.* Дворянство в России ... С. 147.
26. *Каменский А. Б.* От Петра до Павла. Реформы в России XVIII века: опыт целостного анализа. М.: РГУ. 1999. С. 158.
27. *Ключевский В. О.* Сочинения. Т. 4. М.: Мысль. 1989. С. 320.
28. *Щербатов М. М.* Избранные труды. М.: РОССПЭН. 2010 С. 126.
29. Архив князя Воронцова. Т. 17. М., 1880. С. 5–6. (Перевод С. А. Фокина).
30. *Сперанский М. М.* Избранное. М.: РОССПЭН. 2010. С. 207–208.
31. *Давыдов М. А.* Оппозиция Его Величества М.: ЗебраЕ. 2005. С. 37.
32. *Волконский С. Г.* Записки. Иркутск: Восточно-Сибирское издательство. 1991. С. 239.
33. *Шильдер Н. К.* Император Александр Первый. Его жизнь и царствование. СПб., 1904, том IV. С. 60.

34. Михайловский-Данилевский А. И. Мемуары. 1814–1815. СПб.: РНБ. 2001. С. 146, 307.
35. Чичерин Б. Н. Россия накануне 20 столетия. Берлин. 1901. С. 6–7.
36. Шишков А. С. Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова. Берлин. 1870 г. Т. 1 С. 308–309.
37. Заблоцкий-Десятовский А. П. Граф П. Д. Киселев и его время. СПб., 1882. Т. 4. С. 266.
38. Смилянская Е. Б. Дворянское гнездо середины XVIII в. (Тимофей Текутьев и его «Инструкция о домашних порядках»). М., Наука. 1998. С. 33.
39. Там же. С. 10.
40. Там же. С. 43.
41. Тимофеев А. Г. История телесных наказаний в русском праве. СПб., 1904. С. 82.
42. Смилянская Е. Б. Дворянское гнездо... С. 29.
43. Очерки истории СССР. Россия в первой четверти XVIII в. Преобразования Петра I. М., Изд. АН СССР. 1954. С. 164.
44. Смилянская Е. Б. Дворянское гнездо... С. 20.
45. Анисимов Е. В., Каменский А. Б. Россия в XVII – первой половине XIX века: История. Историк. Документ. М.: МИРОС, 1994. С. 13–14.
46. Романович-Славатинский А. Дворянство в России... С. 306–307.
47. Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России в ее историческом отношении. М.: Наука. 1991. С. 73.
48. Заблоцкий-Десятовский А. П. Граф П. Д. Киселев ... Т. 2. С. 282
49. Каменский А. Б. От Петра I до Павла I. Реформы в России XVIII века. Опыт целостного анализа. М., РГГУ. 1999. С. 355.
50. Семевский В. И. Крестьяне при Екатерине II. СПб., 1903. С. 147.
51. Записки императрицы Екатерины Второй. СПб., 1907. С. 174.
52. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Мысль. 1988. Кн. 14. Т. 27. С. 95.
53. Там же. С. 93.
54. Там же.
55. Вестник Европы. 1802. С. 44–45.
56. Там же. С. 45–46
57. Там же. С. 46–49.
58. Там же. С. 51.
59. Там же. С. 58–59.
60. Там же. С. 52–53.
61. Река времен. Книга 1. М.: Эллис Лак. 1995. С.175.
62. Самарин Ю. Ф. Сочинения. М. 1878. Т. 2. С. 30.
63. Давыдов М. А. Оппозиция Его Величества. М., 2005. С. 294–297.
64. Тарле Е. В. Крестьяне в Венгрии до реформы Иосифа II // Собрание сочинений в 12-ти тт. М.: Наука. 1957. Т. 1. С. 51.
65. Анненков П. В. Литературные воспоминания. М.: Художественная литература. 1983. С. 256–257.
66. Там же. С. 257.
67. Чичерин Б. Н. О крепостном состоянии // Голоса из России. С. 159.

68. Анисимов Е. В. Его Величество. Петр Великий: личность и реформы. СПб.: Питер. 2009. С. 206.
69. Ключевский В. О. Подушная подать и отмена холопства в России // Соч. в 9-ти томах. М.: Мысль. 1990. Т. 8. С. 202.
70. Анисимов Е. В. Петр Великий: личность и реформы... С. 207.
71. Чернышев И. В. Аграрно-крестьянская политика ... С. 34.
72. Бржеский Н. К. Недоимочность и круговая порука сельских обществ. СПб., 1897. С. 43.
73. Там же.
74. Там же. С. 44.
75. Историческое обозрение 50-летней деятельности МГИ 1837–1887 СПб., 1888. Т. 1 С. 10.
76. ПСЗ. Т. 7. № 4637; Т. 8. № 5638; Т. 9. № 6872.
77. ПСЗ. Т. 9. № 6621.
78. ПСЗ. Т. 7. № 4857.
79. Там же. Историческое обозрение 50-летней деятельности МГИ 1837–1887. Т.1
80. ПСЗ. Т. 8. № 5789.
81. ПСЗ. Т. 10. № 7494.
82. ПСЗ. Т. 11. № 8080.
83. Семевский В. И. Крестьянепри Екатерине II Т. 2 С. XXXI.
84. Дружинин Н. М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. М.: Изд. АН СССР. 1946. Т. 1. С. 28–29.
85. Ефименко А. Я. Исследования народной жизни. Вып I. М., 1884. С. 327, 328.
86. Там же. С. 327.
87. Бржеский Н. К. Недоимочность и круговая порука... С. 103–104.
88. Дружинин Н. М. Государственные крестьяне ... Т. 1. С. 3.
89. Семевский В. И. Крестьянепри Екатерине II. С. XXXIII–XXXIV.
90. Там же. С. 636–637.
91. Воронцов В. П. (В. В.) К истории общины в России. Материалы по истории общинного землевладения. М., 1902. С. 14.
92. Там же. С.15.
93. Там же.
94. Бржеский Н. К. Недоимочность и круговая порука... С. 104–105.
95. Ефименко А. Я. Исследования народной жизни... С. 334.
96. Столыпин Д. А. Столыпин Арендные хутора. Пенза 1997. С. 111–112.
97. Там же. С. 113.
98. Там же. С. 184.
99. Реформы в России. С древнейших времен до конца XX в. В 4 т. М.: Политическая энциклопедия, 2016. Т. 2. С. 394.
100. Дружинин Н. М. Государственные крестьяне ... Т. 1. С. 282.
101. Заблоцкий-Десятовский А. П. Граф П. Д. Киселев ... Т. 2. С. 9.
102. Бржеский Н. К. Недоимочность и круговая порука... С. 143.
103. ПСЗ. 2-е собрание. Т. 8. Ч. 1. № 8813.
104. Заблоцкий-Десятовский А. П. Граф П. Д. Киселев ... Т. 2. С. 16–17.

105. *Ефименко А. Я.* Исследования народной жизни ... С. 353.
106. *Дружинин Н. М.* Государственные крестьяне ... Т. 1. С. 330–331.
107. Там же. С. 335.
108. Там же. С. 370.
109. Там же. С. 337.
110. Там же. С. 346.
111. Там же. С. 349.
112. Там же. С. 353–354.
113. Там же. С. 355.
114. Там же. С. 355–356.
115. Там же. С. 357.
116. Там же. С. 359–360.
117. Там же. С. 369.
118. *Заблоцкий-Десятовский А. П.* Граф П. Д. Киселев ... Т. 2. С. 45.
119. *Дружинин Н. М.* Государственные крестьяне ... Т. 1. С. 371.
120. Там же. С. 371.
121. *Заблоцкий-Десятовский А. П.* Граф П. Д. Киселев ... Т. 2. С. 20–21.
122. Там же. С. 21–22.
123. Там же. С. 173.
124. Там же. С. 177.
125. Там же.
126. *Андреева Т. В.* «Труднейшее дело совершилось и именно: переход третьей части всего народонаселения к систематическому управлению и порядку» // Петербургский исторический журнал. № 2 (2018) С. 150.
127. Там же. С. 156.
128. *Заблоцкий-Десятовский А. П.* Граф П. Д. Киселев ... Т. 2. С. 56–57.
129. Там же. С. 172–173.
130. Там же. С. 172.
131. *Дружинин Н. М.* Государственные крестьяне ... Т. 2. С. 8.
132. Там же. С. 186.
133. Великая реформа. В 6 томах. М. 1911. том 2.
134. *Дружинин Н. М.* Государственные крестьяне ... Т. 2. С. 189.
135. Великая реформа. Т. 2. С. 226.
136. Великая реформа. Т. 2. С. 225–226.
137. Там же. С. 272.
138. Там же. С. 271; Великая реформа. Т. 2. 226–227.
139. *Дружинин Н. М.* Государственные крестьяне ... Т. 2. С. 263–264.
140. Там же. С. 264–265.
141. Там же. С. 267; Великие реформы. Т. 2. С. 227.
142. *Дружинин Н. М.* Государственные крестьяне ... Т. 2. С. 249–250; Великие реформы. Т. 2. С. 228.
143. *Дружинин Н. М.* Государственные крестьяне ... Т. 2. С. 269.
144. Великая реформа. Т. 2. С. 228.
145. *Бржеский Н. К.* Недоимочность и круговая порука... С. 160–161.

146. Там же. С. 363.
147. Там же. С. 82.
148. Русская Старина. 1895, № 4. С. 163.
149. Там же. № 3. С. 149.
150. Там же. С. 150.
151. Там же. С. 151.
152. Там же.
153. Там же. № 4. С. 150.
154. Там же.
155. Там же С. 159–161.
156. Там же. С. 162.
157. Там же. С. 162.
158. Там же. № 5. С. 199–200.
159. Там же. С. 201–202.
160. *Шмелев А. Д.* Еще раз о русских словах свобода и воля // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2018. № 3. С. 681.
161. *Михайловский-Данилевский А. И.* Мемуары... С. 319.
162. Спор о России: В. А. Маклаков – В. В. Шульгин. Переписка 1919–1939 гг. М.: РОССПЭН. 2012 С. 234.
163. Русская старина. 1895. № 5. С. 194–195.
164. *Чернышевский Н. Г.* Суеверие и правила логики // Сочинения: в 2 т. М.: Мысль. 1987. Т. 1. С. 750.
165. Там же.
166. *Чернышевский Н. Г.* Апология сумасшедшего // Сочинения: в 2 т. М.: Мысль. 1987. Т. 2. С. 305.
167. Там же. С. 305–306.
168. *Васильев А.* Государственно-правовой идеал славянофилов М.; Институт русской цивилизации. 2010. С. 156–157.
169. *Уортман Р. С.* Властители и судии: развитие правового сознания в императором России. М.: НЛО. 2004. С. 11.
170. См.: *Коллманн Нэнси.* Преступление и наказание в России раннего нового времени. М.: НЛО. 2016.
171. Министерство юстиции за сто лет. 1802–1902. СПб., 1902. С. 73.
172. *Уортман Р. С.* Властители и судии ... С. 22.
173. *Зайончковский П. А.* Правительственный аппарат самодержавной России. М.: Мысль. 1978. С. 156.
174. *Дмитриев И. И.* Взгляд на мою жизнь: записки действительного тайного советника Ивана Ивановича Дмитриева. М., 1866. С. 207–211.
175. Министерство юстиции за сто лет... С. 41–42.
176. Там же. С. 53.
177. *Ключевский В. О.* Сочинения. Т. 5. С. 247–248.
178. Министерство юстиции за сто лет... С. 69–70.
179. Там же. С. 75.

180. *Карамзин Н. М.* Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М.: Наука. 1991. С. 102.
181. Цит. по: *Валицкий Анджей.* Философия права русского либерализма. М.: Мысль, 2012. С. 48.
182. Там же. С. 10–11.
183. *Аксаков К. С.* Государство и народ. М.: Институт русской цивилизации. 2009. С. 306.
184. *Бердяев Н. А.* Русская идея. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Изд-во АСТ, 2020. С. 51.
185. *Герцен А. И.* Собрание сочинений в 30-ти тт. М.: Издательство АН СССР. 1956. Т. 7. С. 143.
186. Там же. С. 251. «В России за государством видимым нет государства невидимого, которое было бы апофеозом, преображением существующего порядка вещей, нет того недосягаемого идеала, который никогда не совпадает с действительностью, хоть и всегда обещает стать ею. Ничего нет за этими заборами, где нас держит в осаде сила, превосходящая нашу».
187. *Чичерин Б. Н.* Воспоминания. В 2-х тт. Москва: издательство им.Сабашниковых. 2010. Т. 1. С. 391.
188. *Герцен А. И.* Собрание сочинений... Т. 14. С. 163.
189. Там же. С. 161.
190. Там же. С. 168–169.
191. Там же. С. 169–170.
192. Там же. С. 170.
193. *Аксаков И. С.* Сочинения. Том. 5. М., 1887 С. 53–54.
194. *Чичерин Б. Н.* Несколько современных вопросов. М.: ГПИБ. 2002. С. 67.
195. Там же. С. 67–72.
196. *Аксаков К. С.* Замечания на новое административное устройство крестьян в России. Лейпциг. 1861. С. 8.
197. *Герцен А. И.* Собрание сочинений ... Т. 12. С. 76.
198. *Сакулин П. Н.* Из истории русского идеализма. Князь В. Ф. Одоевский. М., 1913. Т. 1. Ч. 1. С. 3.
199. *Старина и Новизна.* Кн. 22. М., 1917. С. 26.
200. *Пыпин А. Н.* Характеристики литературных мнений от двадцатых до пятидесятых годов. СПб., 1906. С. 213.
201. *Погодин М. П.* Историко-политические письма и записки в продолжение Крымской войны. М., 1874. С. 2, 7, 10.
202. *Чичерин Б. Н.* Курс государственной науки. Т. 2. С. 375–376.
203. *Анненков П. В.* Русская современная история в романе И. С. Тургенева «Дым» // Воспоминания и критические очерки. Т. 2. СПб., 1879. С. 346.
204. *Аксенов В. П.* Старые песни о глупом // Зеница ока. Вместо мемуаров. М.: Вагриус. 2005. С. 136–137.
205. Там же. С. 138.
206. *Гершензон М. О.* Избранное. Т. 3. Москва–Иерусалим: Гешарим. С. 533.
207. *Туган-Барановский М. И.* Избранное. Русская фабрика в прошлом и настоящем. М.: Наука. 1997. С. 310–311.

208. Чернышев И. В. Аграрно-крестьянская политика... С. 96–97.
209. Там же. С. 97.
210. Туган-Барановский М. И. Русская фабрика ... С. 301.
211. Цит. по: Ерофеев Н. А. Туманный Альбион. Англия и англичане глазами русских. 1825–1853. М.: Наука. 1982. С. 124.
212. Анненков П. В. Литературные воспоминания... С. 204–205.
213. Сакулин П. Н. Из истории русского идеализма... С. 336–337.
214. Там же. С. 584.
215. Там же. С. 573, 574.
216. Там же. С. 576.
217. Там же. С. 577, 580.
218. Там же. С. 582.
219. Погодин М. П. Историко-политические письма... С. 12.
220. Варпетян А. Критические заметки П.Б. Струве о происхождении идеи «гниющего Запада» // Философский полилог. Выпуск 2 (2017). С. 136–142.
221. Москвитянин. 1841 № 1. С. 220.
222. Там же. С. 224.
223. Там же. С. 221.
224. Там же. С. 245.
225. Там же. С. 247–248.
226. Там же. С. 292–294.
227. Михайловский-Данилевский А. И. Мемуары... С. 319.
228. Цит. по: Ерофеев Н. А. Туманный Альбион ... С. 135.
229. Там же. С. 156.
230. Чичерин Б. Н. Воспоминания ... Т. 1. С. 306.
231. Аксаков К. С. Государство и народ... С. 434.
232. Там же. С. 334.
233. Там же. С. 597.
234. Аксаков К. С. О внутреннем состоянии России // Очерки русской философии. Антология. М.: 1996. С. 166.
235. Аксаков К. С. Государство и народ ... С. 304.
236. Там же. С. 305.
237. Дмитриев С. С. Славянофилы и славянофильство // Историк-марксист, 1941, № 1. С. 85–97; Он же. Вопросы Истории. 1993. № 5. С. 24–39.
238. Оболонский А. В. Драма российской политической истории: система против личности. М.: Институт государства и права. 1994.
239. Анненков П. В. Литературные воспоминания... С. 261–263.
240. Достоевский Ф. М. Дневник. Статьи. Записные книжки. М., Т. 1. 1845–1875. С. 409–411.
241. Бакунин М. А. Собрание сочинений и писем. 1828–1876. Т. 3. М., 1935. С. 441.
242. Чичерин Б. Н. Московский университет С. 52.
243. Святловский В. В. История экономических идей в России. Пг.: Начатки знаний. 1923. С. 180.
244. Там же. С. 180–181.

245. Цвайнерт Й. История экономической мысли в России. 1805–1905. М., Издательский дом ГУ ВШЭ. 2008. С. 175–176; Эткин А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. М.: НЛО. С. 216–222.
246. Анненков П. В. Литературные воспоминания... С. 260–261.
247. Дмитриев С. С. Раннее славянофильство и утопический социализм // Вопросы истории, 1993, № 5. С. 35.
248. Бунге Н. Х. Очерки политико-экономической литературы. СПб., 1895. С. 61–62.
249. Рубинштейн Н. Л. Русская историография. М.: ОГИЗ. 1941. С. 278.
250. Ерофеев Н. А. Туманный Альбион ... С. 158.
251. Там же.
252. Там же. С. 159.
253. Герцен А. И. Собрание сочинений... Т. 7. С. 310–311.
254. Аксаков К. С. Государство и народ... С. 268–269.
255. Сакулин П. Н. Из истории русского идеализма... С. 586.
256. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в 10 томах. М.: Изд. АН СССР. 1958. Т. VII. С. 290–291.
257. Туган-Барановский М. И. Русская фабрика... С. 303.
258. Ерофеев Н. А. Туманный Альбион ... С. 279–304.
259. Туган-Барановский М. И. Русская фабрика... С. 303–304.
260. Столыпин Д. А. Арендные хутора. Пенза. 1897. С. 171.
261. Чичерин Б. Н. Воспоминания... Т. 1. С. 299.
262. Малия Мартин. Александр Герцен и происхождение русского социализма. 1812–1855. М.: Университетская библиотека А. Погорельского, 2010. С. 452.
263. Там же. С. 454.
264. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 29–30.
265. Вихавайнен Тимо. Внутренний враг: борьба с мещанством как моральная миссия русской интеллигенции. СПб.: Издательский дом «Коло», 2004. С. 36–37.
266. Малия Мартин. Александр Герцен... С. 519–520.
267. Герцен А. И. Собрание сочинений ... Т. 7 С. 323.
268. Там же. Т. 12. С. 83.
269. Летопись жизни и творчества А. И. Герцена (1851–1858). М.: Наука. 1976. С. 455–456.
270. «Голоса из России». Выпуск первый (I–III). М.: Наука. 1974. С. 5–6.
271. Чичерин Б. Н. Воспоминания... Т. 2. С. 478–480.
272. Там же. Воспоминания... Т. 1. С. 145–146.
273. Там же. С. 337–338.
274. «Голоса из России». Выпуск первый (I–III). М.: Наука. 1974. С. 12–13.
275. Там же. С. 14.
276. Там же. С. 15.
277. Там же. С. 17–18.
278. Там же. С. 19–20.
279. Там же. С. 21–22.
280. Там же. С. 25–27.
281. Там же. С. 27–28.

282. Там же. С. 28–29, 33.
  283. Там же. С. 30–32.
  284. Там же. С. 32.
  285. Там же. С. 33–35.
  286. Там же. С. 35–36.
  287. *Мещерский В. П.* Воспоминания. М., 2001. Захаров. С. 39–40.
  288. *Куломзин А. Н.* Пережитое. Воспоминания... С. 48–49.
  289. *Герцен А. И.* Собрание сочинений ... Т. 11. 295.
  290. *Чичерин Б. Н.* Воспоминания... Т. 1. С. 389–390.
  291. Там же. С. 390.
  292. *Герцен А. И.* Собрание сочинений ... Т. 9. С. 248–249.
  293. Там же. Т. 13. С. 362.
  294. Там же.
  295. Там же. С. 363.
  296. *Чернышев И. В.* Аграрно-крестьянская политика ... С. 80–87.
  297. Там же. С. 83–84.
  298. ПСЗ. 2-е собрание. Т 14. № 20684. С. 624–625.
  299. *Трубецкая О. Н.* Материалы для биографии князя Черкасского. Т. 1. Кн 1. М., 1901.
- С. 2.
300. *Чернышев И. В.* Аграрно-крестьянская политика... С. 85.
  301. *Хомяков А. С.* Сочинения. Т. 3. С. 83–84.
  302. Голоса из России... С. 23.
  303. Там же.
  304. Там же. С. 23–24.
  305. Там же. С. 24–25.
  306. *Герцен А. И.* Собрание сочинений... Т. 13. С. 179.
  307. Там же.
  308. Там же.
  309. Там же.
  310. Там же. Т. 2. С. 288.
  311. Там же. С. 334.
  312. Там же. С. 363.
  313. Цит. по: *Ермолов А. С.* Наш земельный вопрос. М., 1906. С. 282–283.
  314. *Герье В. И.* Второе раскрепощение... С. 8.
  315. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Изд. 2. М., 1962. Т. 22. С. 448.
  316. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Изд. 2. М., 1962. Т. 22. С. 444–445.
  317. *Чичерин Б. Н.* Воспоминания... Т. 1. С. 307.
  318. *Кошелев А. И.* Записки. М.: Наука. 2002 С. 79–80.
  319. Труды Местных комитетов. XXXXI. Тамбовская губерния. СПб., 1903. С. 268.
  320. *Куломзин А. Н.* Пережитое... С. 45–46.
  321. *Герье В. И.* Второе раскрепощение... С. 8.
  322. Протоколы по крестьянскому делу. СПб., 1905. Протокол № 2, заседание 11 декабря 1904. С. 2.
  323. *Головин К. Ф.* Мои воспоминания. 1881–1894 гг. В 2-х тт. СПб., Т. II. С. 245.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Великая реформа

Крымская война, в которую Россия ввязалась в сознании своей непобедимости, многими в стране воспринималась как «священная война, борьба за православие и славянство, окончательное столкновение между Востоком и Западом, которое должно было вести к победе нового, молодого народа над старым, одряхлевшим миром»¹; Европу, как мы знаем, к этому времени стало модно считать старушкой. Тютчев еще в 1850 г. в стихах призывал Николая I короноваться в святой Софии «как всеславянскому царю».

В привычном ключе размахнулся и Погодин: «Я спрошу только, обозревая всю нашу историю в продолжении тысячи ее лет, нашла ли Россия центр своей тяжести?

Нет. Она его ищет, но еще не нашла. Центр тяжести ее зачался сперва в Новгороде, но не надолго. Потом перекинулся он в Киев. Потом двинулся опять назад, на север, тремя приемами, во Владимир, Москву, Петербург. Теперь он в Петербурге.

Но неужели он там останется?

Это физически нельзя. Крайняя точка 15000-верстной линии не может остаться надолго ее центром! Представьте себе маятник: его качание было от Новгорода к Киеву, а потом от Киева к Петербургу.

Из Петербурга размах не может остановиться нигде, кроме Константинополя...

Но ведь Константинополь ведь тоже будет на краю, как и Петербург?

А славяне-то, которые простираются до Адриатического моря, до пределов Рима и Неаполя к Западу, а к северу до среднего Дуная и Эльбы? Соответственна ли эта почтенная окружность для нового нашего центра Константинополя?»².

Однако при Альме, Инкермане, Балаклаве, Черной речке и Евпатории выяснилось, что «закидать шапками» наспех собранные войска «гнилого Запада» не так просто, как воображала большая часть общества.

Черeda поражений после десятилетий самовлюбленной трескотни о нашем могуществе стала шоком – не меньшим, можно думать, чем в свое время были Аустерлиц и Фридланд.

Но в 1854–1855 гг. речь шла не о превосходстве военного гения Наполеона, а об элементарном техническом отставании России от передовой Европы, которое не могла компенсировать храбрость солдат и офицеров.

В Крыму индустриальное общество одержало победу над «феодалным». Наши парусники не могли сражаться с англо-французскими пароходами, и Нахимов просто затопил Черноморский флот, в некоторых сражениях русскую пехоту с ее устаревшими гладкоствольными ружьями просто расстреливали из нарезных штуцеров; от Балаклавы до Севастополя англичане проложили железную дорогу (с санитарным поездом), которая серьезно облегчила жизнь союзникам и т.д.

Поражения в Крыму и героическая, но безуспешная оборона Севастополя показали принципиальную несостоятельность николаевского режима, который, подавляя живые силы страны, подрезал собственные корни. Прозрела даже часть записных оптимистов.

Смерть Николая I в феврале 1855 г. создала абсолютно новую ситуацию.

Современники оставили немало схожих характеристик вступления на престол Александра II, и понятным образом все они связаны с Надеждой (нечто похожее было в начале Перестройки). Иногда ее высказывали даже в письмах, адресованных царю (например, К. С. Аксаков, Герцен)

Настроения тех месяцев Чичерин описывает так: «Пораженное в самых заветных своих чувствах, в сознании своей мощи, русское общество с неудержимой силой стремилось выйти из того невыносимого положения, в которое поставил его беспощадный и слепой деспотизм Николая I-го.

«Свободы! свободы!» слышалось отовсюду.

Жившие в то время помнят то сладкое чувство облегчения, которое охватило русское общество, когда, после тридцатилетнего гнета, вдруг, с высоты престола, послышались кроткие и милостивые слова. “Простить, отпустить, разрешить!”... сколько заключается в этих немногих словах. Полные надежды, все взоры устремились к новому монарху. Никто в то время не мечтал о конституции, но все ожидали реформ. В “Голосах из России”, напечатанных в Лондоне, эти стремления нашли себе выражение»³; «Несмотря на продолжавшуюся войну, общее настроение в эти первые дни нового царствования было радостное и полное надежд. Все чувствовали, что дышать стало свободнее; все сознавали необходимость поворота во внутренней политике и с каким-то трепетным ожиданием устремляли взор к престолу»⁴;

«Мертвенная инерция, в которой Россия покоилась до Крымской войны, и затем безнадежное разочарование, навеянное Севастопольским погромом, сменились теперь юношеским одушевлением, розовыми надеждами на возрождение, на обновление всего государственного строя»⁵;

«Настроение общества... было именно похоже на голубое, совсем ясное, весеннее небо. Веяло чем-то радостным, чем-то благодушным, искренним, будто исчезли куда-то плачущие и печально озабоченные люди; везде их места заняли веселые и наслаждающиеся жизнью»⁶.

Русское общество заговорило в конце Крымской войны, когда сам собой возник «самиздат» того времени – множество рукописных записок, проектов, писем, касающихся злободневных проблем русской жизни. Замечу, что крепостное право к числу таких проблем относилось не всегда – николаевская действительность и сама по себе была большой мишенью.

Огромную популярность обрели строки из знаменитого стихотворения Хомякова, призывавшего Россию к покаянию:

«В судах черна неправдой черной
И игом рабства клеймена,
Безбожной лести, лжи тлетворной
И лени мертвой и позорной,
И всякой мерзости полна».

А определение Валуева «сверху блеск, снизу гниль» из его ходившей по рукам записки стало жестким резюме николаевского режима.

С. М. Соловьев позже отмечал: «У всех, начиная с самого императора и его семейства, было стремление вырваться из николаевской тюрьмы, но тюрьма не воспитывает для свободы, и потому легко себе представить, как будут куролесить люди, выпущенные из тюрьмы на свет, сколько будет обмороков у людей от непривычки к свежему воздуху.

Первым делом было бежать как можно дальше от тюрьмы, проклиная ее; следовательно, первое проявление деятельности интеллигенции должно было состоять в ругательстве, отрицании, обличении, и все, что говорило и писало, бросилось взапуски обличать, отрицать, ругать; а где же созидание, что поставить вместо разрушенного?

На это не было ответа, ибо некогда было подумать, некому было подумать, не было привычки думать, относиться критически к явлению, сказать самим себе и другим: «Куда же мы бежим, где цель движения, где остановка?»⁷.

Крайне важно понимать, что русское общество было достаточно незрелым – и интеллектуально, и психологически. Это тоже было прямым следствием угнетения мысли при Николае I и острого дефицита образованных людей *на всех ступах жизни*. Во многом отсюда тот «умственный хаос», о котором говорят многие мемуаристы.

Началась постепенная либерализация режима, которая, впрочем, шла очень непросто. Обновлялся высший эшелон власти, из которого удалялись

наиболее одиозные фигуры прошлого царствования. Немного расширилось пространство свободы мысли и слова. Перестали ограничивать число студентов в университетах, на Запад «для усовершенствования в науках» за счет казны поехали молодые ученые, смягчилась цензура, хотя обсуждать политические вопросы и, в частности, освобождение крестьян, разрешили далеко не сразу. Начали публиковать запрещенные сочинения русских писателей, в том числе и Гоголя, работы опальных прежде славянофилов велено «рассматривать обыкновенным цензурным порядком».

Особый резонанс вызвало прощение государственных преступников, декабристов и петрашевцев, лишенных прав состояния и сосланных в Сибирь или сданных в солдаты. Им и их детям вернули все права, в том числе титулы и потомственное дворянское достоинство, и разрешили жить везде, кроме обеих столиц. Напомню, что цесаревич Александр еще в 1837 г. просил отца простить декабристов, с которыми он познакомился в Сибири. Были амнистированы участники польского восстания 1830–1831 гг. Затем – ликвидированы ненавистные народу военные поселения.

Это, конечно, не могло не вызвать эмоционального подъема в обществе, который, наряду с ширящимися слухами о подготовке эмансипации крестьян, во многом определил общественную атмосферу первых лет царствования Александра II.

Многим было ясно, что по окончании войны Александр II должен заняться внутренними проблемами Империи – тут необходимость истории и надежды общества совпадали.

Но – как заняться?

Чем именно заняться?

Как стране жить дальше?

Что конкретно нужно делать?

Это были самые злободневные, воистину животрепещущие вопросы, на которые не было единого ответа.

Об этом сложнейшем времени нужно писать отдельно.

Если с критикой с самого начала нового царствования было все в порядке, то с конструктивной программой было сложнее. Мы с детства знаем, что Крымская война показала «гнилость и бессилие царизма».

Однако в ту пору связь между катастрофой в Крыму и крепостничеством не для всех была очевидна, далеко не все понимали (или делали вид, что не понимали), что в основе поражения лежало крепостнический режим, пропитавший все поры государственного организма, десятилетия показухи и неадекватного восприятия самих себя.

Поэтому неверно думать, что русское общество дружно бросилось освобождать крестьян.

Так, представители старшего поколения, в том числе соратники Николая I зачастую не видели необходимости в кардинальных переменах. Можно сказать, что, дескать, оно и понятно, эти люди банально устарели – ведь они в юности пережили Тильзит, воевали с Наполеоном. Однако это будет упрощением, потому что с ними были солидарны и более молодые представители дворянства, которых устроили бы некоторые послабления николаевского режима, возможность «дышать и говорить» более свободно, но которые вовсе не стремились лишать себя привычного образа жизни.

Тем не менее, проблема ликвидации крепостного права постепенно властно выдвинулась на первый план.

С. М. Соловьев, говоря о «либеральных речах», критиковавших прошлое и настоящее и требовавших «лучшего будущего», отмечает, что «было бы странно», если бы их главной темой «не стало освобождение крестьян. О каком другом освобождении можно было подумать, не вспомнивши, что в России огромное количество людей есть собственность других людей (причем рабы одинакового происхождения с господами, а иногда и высшего: крестьяне – славянского происхождения, а господа – татарского, черемисского, мордовского, не говоря уже о немцах).

Какую либеральную речь можно было повести, не вспомнивши об этом пятне, о позоре, лежавшем на России, исключавшем ее из общества европейских, цивилизованных народов?

Таким образом, при первом либеральном движении, при первом веянии либерального духа, крестьянский вопрос становился на очередь. Волею-неволею надобно было за него приниматься. Кроме указанного нравственного давления указывалась опасность для правительства: крестьяне не будут долго сносить своего положения, станут сами отыскивать свободу, и тогда дело может кончиться страшною революциею. Освобождение совершилось.

Сто лет тому назад Екатерина, спросившая Россию относительно освобождения крестьян, услышала ответ резко, решительно отрицательный... Александр II не спрашивал об этом у России, и конечно, если б вопрос был подвергнут тайной всеобщей подаче голосов (исключая, разумеется, крепостных), то ответ, надобно полагать, вышел бы отрицательный»⁸.

Ликвидация крепостничества была задача колоссальной важности и сложности, перед которой самодержавие долго пасовало. Даже попытки его ограничения встречались помещиками в штыки.

Вдумаемся.

Реформа 1861 г. прямо затронула жизнь и судьбу, с одной стороны, примерно 130 тысяч помещиков и членов их семей, а с другой, 23 миллионов крепостных обою пола (в 1880 г. население Франции составляло 37,4, Италии – 28,9, Испании – 16,3 млн. чел.).

И все они были живыми людьми с именем, фамилией, биографией и своим внутренним миром!

Какое бесконечное разнообразие конкретных условий жизни, которые часто тянутся не одну сотню лет! Какое сплетение судеб, историй, жизненных ситуаций – да всего, что можно представить!

Мыслящая часть элиты понимала, что вернуть России положение, легкомысленно потерянное в Крыму, могут только коренные реформы ее внутреннего строя.

Крепостное право было основой жизни страны, основой самодержавия, экономики, армии, финансов. Оно консервировало средневековую экономику и не позволяло начать экономическую модернизацию, тормозило социальную мобильность и внутреннюю миграцию, а значит, урбанизацию и т.д.

Кроме того, оно было фактором социальной напряженности, хотя значение этого фактора не нужно слишком преувеличивать*.

Вместе с тем – вопреки мнению советской историографии, крепостничество отнюдь не находилось в состоянии кризиса, и реформа вовсе не была «вырвана у самодержавия» народными волнениями. Строго говоря, не будь Крымской войны, крепостное право могло стоять еще не одно десятилетие.

Главным фактором его отмены стало изменение отношения верховной власти к самой возможности эмансипации.

Об изменении участи крепостных думала Екатерина II, думали и даже что-то предпринимали ее внуки, Александр I и Николай I. Однако все они – люди безусловной храбрости и сильной воли – не решились пойти на радикальные меры.

Время для освобождения пришло в середине XIX в., и во многом потому, что общество стало гуманнее, в жизнь вошли новые поколения с иными, чем у отцов, ценностями. Для части дворян крепостничество было не только социальным анахронизмом, но и моральным скандалом, отравлявшим жизнь страны сверху донизу. Вернувшийся из Сибири декабрист Н. В. Басаргин говорил, что в его время лишь 5% дворян понимали, что крестьян нужно освободить, а теперь таких дворян – примерно треть.

Во имя общегосударственных интересов Александр II в очень непростых для России условиях решил на изменение всего жизненного уклада Империи.

Именно его личная добрая воля стала главным двигателем Великой реформы. Его поддерживал младший брат великий князь Константин Николаевич, председатель Государственного Совета, им очень помогла их тетка, весьма влиятельная великая княгиня Елена Павловна.

---

* Впрочем, есть мнение, что каждый дворянин хотя бы раз в жизни подвергался опасности со стороны простолюдинов.

К этому времени в истеблишменте появились люди, готовые разработать и осуществить реформу, причем представители старшего поколения были там в меньшинстве.

Я не имею возможности рассказать о подготовке Великой реформы так подробно, как она того заслуживает.

А жаль, ибо в самом этом процессе есть сюжет с драматичной интригой, есть мощное кипение страстей, есть нарастающее предчувствие трагедии и, наконец, сама трагедия – крушение привычного векового образа жизни русского дворянства.

Это как бы пролонгированные «Унесенные ветром», развернутые на 180 градусов, с развязкой в виде несравненно более страшной Гражданской войны.

Но сейчас все это уместается на пяти страницах учебника.

Как нам хоть дверь приоткрыть? Запах почувствовать?

Увы...

Впрочем, существуют мемуары и богатая историография.

Главный вопрос ликвидации крепостного права – земельный. Сколько земли сохранят помещики и сколько получают крестьяне? В Европе он везде решался по-разному. В германских государствах процесс освобождения растянулся на долгий срок.

Оценивая реформу 1861 г., мы должны помнить, что поначалу крестьян хотели освободить без земли – так, как это сделал Наполеон в Пруссии и будущем Царстве Польском в 1807 г., а затем и Александр I в Прибалтике в 1816–1819 гг. – однако в конечном счете землю они получили.

Напомню, что новый министр внутренних дел С. С. Ланской во время коронации Александра II в 1856 г. вел переговоры с предводителями дворянства, тщетно пытаясь побудить их к подаче соответствующих ходатайств – прямо заставляя помещиков царь тогда не хотел. Только литовский генерал-губернатор Назимов пообещал привезти ходатайство от тамошних дворян. И сдержал слово: через год именно с этих губерний начнется подготовка реформы.

В январе 1857 г. был создан очередной Секретный комитет по крестьянскому делу.

Летом император получил письмо Гакстгаузена, в котором тот советовал освобождать крестьян с землей, непременно сохраняя общину.

В октябре того же года Назимов привез обещанный адрес дворянства литовских губерний. Ответный царский рескрипт с изложением принципов освобождения был готов 20 ноября и одобрен Секретным комитетом*.

---

* 1. Помещики сохраняют право собственности на всю землю, но крестьянам дается усадьба за выкуп, а кроме того, земля, за которую они платят оброк или несут барщину.

Любопытно, что рескрипт был сразу же набран в типографии и срочно отправлен поездами всем губернаторам и предводителям дворянства⁹. Ланской боялся, что наутро члены комитета одумаются, – так и случилось, но было уже поздно, фельдъегеря были в пути. Через неделю его опубликовали в официальной правительственной газете «Le Nord», издававшейся на французском.

Столичные дворяне безмолвствовали, но правительство сумело выйти из положения, прибегнув к уловке, на которую вряд ли пошел бы Николай I, – предыдущие их ходатайства на другую тему были использованы как предлог, и 5 декабря 1857 г. был издан рескрипт на имя петербургского губернатора П. Н. Игнатьева. Оба рескрипта напечатал «Журнал МВД», и их разрешалось перепечатывать всем СМИ. Это была уже официальная гласность, отступить было некуда.

С этого момента начинается обсуждение отмены крепостного права в печати. Рескрипты разрешали дворянству создавать на местах губернские комитеты и разработать проекты «улучшения быта» крестьян для своих губерний. Тогда еще думали, что отдельные губернии могут иметь свои законы об освобождении.

Дворянство не скрывало своего негативного отношения к действиям правительства. Современник отмечает, что «повсюду тогда складывался тот сорт людей», прототипом которых был столичный уездный предводитель дворянства Н. А. Безобразов и которые соединяли «вполне крепостнические взгляды» с открытой бранью в адрес правительства и царя. Этим людям тогда «довольно метко» прозвали «крепостниками-гарибальдийцами»¹⁰. Их фронда, кстати, была наказуема*.

В 1858 – начале 1859 гг. открылось 46 губернских комитетов (именно по этому поводу Герцен сказал о победившем «Галилеянце»).

Секретный комитет переименовали в Главный комитет по крестьянскому делу. В губернских комитетах дворяне разделились на фракции – прежде

2. Крестьяне распределяются на сельские общества, а помещикам предоставляет вотчинная полиция.

3. «При устройстве будущих отношений помещиков и крестьян должна быть обеспечена исправная уплата государственных и земских податей и денежных сборов». (Захарова Л. Г. Самодержавие и отмена крепостного права в России. М.: МГУ. 1984. С. 76).

* «Люди, громко выражавшие неудовольствие по поводу освобождения крестьян, рисковали не только попасть в немилость, но и подвергнуться карам более чувствительного рода. Когда Безобразов, например, представил государю записку, в которой ссылался на дворянскую грамоту Екатерины II, отрицал право верховной власти отнимать у помещиков землю, Александр II сделал на полях записки очень резкую отметку, велел сказать ее автору, чтоб он выбрал уездный город, где намерен поселиться. Безобразов, кажется, ответил просьбой – таким уездным городом выбрать себе Париж, на что Государь будто бы, сказал, что шуток не любит, и от себя уже назначил Безобразову местом пребывания – Козлов. И пример этот был далеко не единственным». (Головин К. Ф. Воспоминания. Т. 1. С. 46–47).

всего, сторонников и противников реформы. Дело доходило до потасовок, многие имели телохранителей. Самарин ходил на заседания с револьвером (Ленин потом называл эти дискуссии непринципиальной борьбой за меру уступок).

Идею о безземельном освобождении поколебало восстание крестьян в Эстонии весной 1858 г. Царя убедили в том, что бунт – следствие именно такого варианта эмансипации. Неудачной оказалась попытка освобождения без земли удельных крестьян – крестьян оно не устроило. Позиции крепостников заметно пошатнулись.

В верхах стала набирать популярность мысль о том, что конечная цель реформы должна состоять в уничтожении вотчинной власти помещиков, в превращении бывших крепостных в собственников своих наделов и приобретении их к гражданским правам.

Этот поворот был связан с влиянием генерал-адъютанта Я.И. Ростовцева, которому царь доверял абсолютно и который убедил его поддержать наделение крестьян землей.

4 декабря 1858 г. правительство приняло новую программу.

Помещик отдает крестьянам усадьбу и часть земли, более или менее сопадающую с той, которой они пользуются в настоящее время. Эту землю крестьяне при помощи правительства выкупают в собственность, – т.е. казна оплачивает дворянству крестьянскую свободу и землю, а крестьяне должны будут возвращать государству ссуду.

Хотя большинство членов Главного комитета было против потери помещиками их земли, пусть и за выкуп, считая это нарушением права частной собственности, провозглашенного Екатериной II, царь решительно прекратил дискуссию.

Тем временем число присылаемых из губерний проектов, ориентированных на старую программу росло, а правительство уже выбрало новый путь. От идеи губернских законов отказались.

Нужен был общий закон, и для его выработки создали специальный орган во главе с Ростовцевым – Редакционные комиссии (административную, хозяйственную и финансовую, но работали они вместе, поэтому обычно используется множественное число).

Комиссии, куда вошли 17 представителей от министерств и ведомств и 21 приглашенный эксперт, замыслились как второстепенный технический орган, однако реформу разработали именно они.

Лидером был выдающийся 40-летний чиновник Н. А. Милютин (брат будущего военного министра Д. А. Милютина). Царь назначил его товарищем министра внутренних дел, но лично вписал в указ – «временно». Милютина в Петербурге ненавидели и считали красным, как в свое время и его дядю П. Д. Киселева.

В Редакционных Комиссиях преобладали относительно молодые (1810–1820-х годов рождения) и пока не самые чиновные представители либеральной бюрократии – А. П. Заблоцкий-Десятовский, Я. А. Соловьев, братья Н. П. и П. П. Семеновы*, С. М. Жуковский, будущие министры финансов Бунге и Рейтерн и др. Очень важную роль сыграли видные славянофилы Ю. Ф. Самарин и князь Н. А. Черкасский. После смерти Ростовцева в феврале 1860 г. его место занял упоминавшийся выше министр юстиции граф Панин.

Все члены Комиссий хотели свободы крестьянам, но понимали ее неодинаково. По ряду важнейших вопросов единства между ними не было, и многие решения стали компромиссными экспериментами.

В губернских комитетах крепостники были в большинстве, и Комиссии стали поддерживать либеральное меньшинство, широко используя гласность как средство подготовки умов – протоколы заседаний сразу же печатались во всеобщее сведение.

Темпы работы Комиссий впечатляют – было проведено 409 заседаний за год и 7 месяцев¹¹, т.е. примерно 5 заседаний в неделю. Они торопились, понимая неустойчивость своего положения, – реформа была предметом острейшей борьбы в элите. Эта спешка, однако, даром не прошла.

У Наполеона среди множества крылатых фраз есть и такая – главное ввязаться в бой, а там видно будет. Последние лет двести она очень популярна у политиков, особенно у тех, кто в конечном счете терпел фиаско – из-за непонимания того, что Наполеон имел в виду себя – чемпиона человечества, а вовсе не их. Да и он не всегда принимал верные решения.

Даже из нашего пунктирного изложения ясно, что Россия «ввязалась в бой», т.е. начала важнейшую в своей истории реформу в большой спешке и не имея притом четкого плана.

К чему же пришли Редакционные Комиссии?

Весь корпус документов, подписанных Александром II 19 февраля 1861 г. включает 17 законодательных актов.

Давайте **вспомним основные условия освобождения крестьян.**

Помещичьи крестьяне объявлялись лично свободными и получали права государственных крестьян – свободу вступления в брак, право на самостоятельное заключение гражданских сделок и ведение судебных дел, право на владение движимым и недвижимым имуществом, право на свободное занятие промышленностью и торговлей, право отлучаться с места своего проживания, поступать в любые учебные заведения, переходить в другие сословия. С началом Великих реформ крестьяне могли быть избраны в присяжные заседатели новых судов и органы земского самоуправления. Однако реализацию многих из этих прав закон ставил в зависимость от решения общины.

* П. П. в 1906 г. станет Семеновым-Тян-Шанским.

Помещики, признаваемые собственниками всей земли в каждом отдельном имении, обязаны были наделить бывших крепостных усадьбой и полевым наделом, за пользование которыми крестьяне временно – вплоть до перехода на выкуп – несли барщинные и оброчные повинности. Отсюда термин «временнообязанные» крестьяне, т.е. не перешедшие на выкуп.

Принципиально важно, что **наделение крестьян землей носило принудительный характер**, потому, что правительство хотело сохранить крестьян как основных налогоплательщиков.

Кроме того, у множества дворян всегда была самая настоящая массовая фобия, что, получив свободу, крестьяне начнут нравственно разлагаться, станут мигрировать в города и другие районы страны, что якобы могло иметь непредсказуемые последствия.

В течение 9 лет крестьянин вообще не мог отказаться от надела, но и позже сделать это было весьма сложно.

После перехода на выкуп они именовались «крестьянами-собственниками», хотя реальное содержание этого громкого термина отличается от обычного.

Выкупная сделка могла заключаться по обоюдному согласию сторон (помещиков и крестьян) и по одностороннему требованию помещика.

Размеры наделов определялись местными положениями (всего 4). Согласно «Положению для Великороссийских, Новороссийских и Белорусских» крестьян, охватывавшему 34 губернии Европейской части страны, они делились на три полосы – черноземную, нечерноземную, степную.

Полосы, в свою очередь, делились на «местности» (от 10 до 15 в каждой полосе). Для каждой «местности» устанавливались «высшая» и «низшая» норма наделов – в диапазоне от неполных 3 до 12 дес.

Если до реформы крестьянский надел был больше «высшего» надела, то закон разрешал отрезать часть земли в пользу помещика. Аналогично, если надел оказывался меньше «низшей» нормы, то крестьянину добавляли земли. Так и появились пресловутые «отрезки» и «прирезки».

Четверть высшего надела, установленного для данной «местности», крестьянин мог получить бесплатно – официально такой надел назывался «дарственным» (неофициально – «нищенским», «кошачьим» и др.). Такие наделы взяли 640 тыс. крестьян (порядка 6% крепостных), преимущественно на степных окраинах, где они рассчитывали на дешевую аренду, т.к. земли там было много и стоила она недорого. Это расчет оправдался, но лишь отчасти.

Дарственный надел, вопреки традиционной историографии, был выгоден далеко не всем помещикам, многие из которых нуждались в деньгах, т.е. в выкупе, а не в земле. Источники и литература опровергают утверждения о

том, что помещики в массовом порядке заставляли крестьян брать такие наделы*. Введение этой нормы было серьезным изъяном реформы.

Если в 9-ти западных губерниях наделы крестьян выросли на 18–20% (за счет «прирезков»), то в большинстве центральных губерний (в 27 из 31) они сократились на 20–30%.

В целом по стране отрезка составила около 20%. Однако если бы дарственные крестьяне взяли полный надел, то эта цифра уменьшилась бы до 12–13%. А это большая разница.

В результате – средний душевой надел помещичьих крестьян (они составляли 47,3% всего крестьянства) составил 3,4 дес. Величина отрезки – около 18%.

Юридическим собственником земли выкупаемой земли считалась община, хотя свой надел каждый домохозяин выкупал самостоятельно (см. ниже). При этом община не имела права продавать наделы (неполная собственность). Так появилась новая форма землевладения – «надельная».

В западных губерниях землепользование было подворным, земля передавалась по наследству и не было переделов земли.

Как крестьяне выкупали землю?

Правительство исходило из того, что помещики не должны потерять прежних доходов. Поэтому выкуп равнялся такой сумме, при помещении которой в банк помещик получал в виде 6% годовых сумму старого годового крестьянского оброка**. Это называлось капитализацией оброка из 6%.

Общий объем выкупной суммы по России составил 867 млн руб. Посредником в выкупной операции между помещиками и крестьянами выступило государство, которое дало крестьянам кредит в размере 80% выкупной суммы (75% при получении неполных наделов). Эту ссуду крестьяне должны были возвращать государству в течение 49 лет. Остальные 20–25% они должны были выплатить помещикам по договоренности: сразу или в рассрочку, деньгами или отработками.

Нельзя сказать, что условия выкупа всегда были выгодны помещикам. Во-первых, они получали причитающиеся им выкупные суммы не деньгами,

---

* Есть немало свидетельств «роковой ошибки крестьян, не сумевших предвидеть будущее. К чести наших землевладельцев следует сказать, что не они в огромном большинстве случаев навязывали эти даровые наделы крестьянам, а напротив, сами крестьяне в первые годы после освобождения рвались на них, несмотря на уговоры мировых посредников и самих помещиков, которые оказывались более дальновзоркими, чем крестьяне». (Ермолов А. С. Неурожай и народное бедствие. СПб., 1892. С. 111)

** Например, если оброк равнялся 10 руб. в год, то пропорция имела следующий вид:
10 руб. – 6%
X (сумма выкупа) – 100%;
Выкуп равен 166 руб., 66 коп.

а специально выпущенными ценными бумагами – 5%-ми выкупными свидетельствами, которые, конечно, котировались ниже номинала.

Во-вторых, государство отняло в свою пользу 425 млн руб., которые помещики были должны казенным банкам. В итоге государство должно было выплатить помещикам всего 268,6 млн руб. (80% от 867 млн руб. = 693,6 млн руб.; $693,6 - 425,0 = 268,6$ млн руб.)¹².

В качестве посредника этой выкупной операции государство в период с 1862 по 1907 г. получило около 1,5 млрд руб., но эта сумма – никоим образом не является прибылью казны, как это часто пишут*.

Статья 165 Положения о выкупе допускала выход из общины и единоличную выплату выкупных платежей, но это было под силу лишь зажиточным крестьянам. В 1893 г. единоличный выкуп фактически был отменен.

Центром жизни деревни становились заместившие собой помещика уравнильно-передельная община и органы крестьянского самоуправления.

Важнейшей частью реформы было двухуровневое (сельское общество-волость) «крестьянское общественное управление», созданное по образцу реформы Киселева, однако с некоторыми важными отступлениями. Его структуру и функционирование мы подробно рассмотрим ниже.

Для обеспечения платежей и повинностей по примеру государственной деревни была введена круговая порука.

Хотя сельские старосты и волостные старшины подчинялись властям – мировому посреднику, судебному следователю и полиции – в своей внутренней жизнедеятельности община стала практически автономной.

Реально она получила огромную власть над своими членами, которой часто распоряжалась очень плохо, – далее мы в этом убедимся.

В 1863 г. нормы «Положения» были распространены на удельных, а в 1866 г. и на государственных крестьян, которым с 1886 г. также пришлось выкупать свои наделы у казны.

Средний надел удельных крестьян (3,9% всего крестьянства) равнялся 4,9 дес. Отрезка – 1,7%;

Средний надел государственных крестьян (48,8% всего крестьянства) был равен 5,7 дес. Они сохранили всю землю полностью.

На тех же принципах – предоставление крестьянам личной свободы и наделной земли за повинности, с правом выкупа наделов – была проведена крестьянская реформа на национальных окраинах России.

---

* М. Д. Долбилов считает, что ко времени прекращения выкупной операции общая сумма прибыли за 1862–1907 гг. составила примерно 41,5 млн руб. (Долбилов М. Д. Проекты выкупной операции 1857–1861 гг.: к оценке творчества реформаторской команды // Отечественная история. 2002. № 2. С. 32).

Крестьяне становились лично свободны, землю они получали и выкупали на установленных правительством условиях, а по завершении выкупа через 49 лет становились ее собственниками.

Дискуссия об общине

С началом гласности сторонников освобождения (именно их звали тогда либералами – от *libero*) весьма серьезно разделила бурная полемика по поводу общины. Она шла не только в СМИ, не только «в кулуарах», но даже и в Редакционных Комиссиях, отразившись в итоге в Общем Положении 19 февраля 1861 г. К этому времени община уже превратилась в самый сложный клубок проблем, в котором сплелись разные интересы, сюжеты, линии.

Эта дискуссия имела сложную динамику, и с приливами и отливами она продолжалась вплоть до 1917 г. При этом противники общины, среди которых в 1860–1890-х гг. были весьма видные представители общественности, крупные чиновники и даже министры, вплоть до начала аграрной реформы Столыпина будут в меньшинстве.

Несколько упрощая, замечу, что внешне это всегда выглядело как спор о том, где лучше жить человеку – у себя дома или в общежитии.

В сущности, это была полемика о выборе пути развития России – либо пути утверждения крестьянской частной собственности и неотделимых от нее прав человека, что позволило бы реализовать огромный потенциал Великих реформ, либо пути коллективизма, при котором общегражданские права 80% населения ограничиваются, а модернизация, соответственно, тормозится.

В тех конкретных условиях это был – выбор либо западноевропейского пути или модифицированного, но привычного крепостнического.

Всем было понятно, что эксплуатировать крестьян через общину гораздо удобнее, однако ее сторонники, разумеется, оперировали аргументами идеалистическими и социальными.

Противники общины печатались в основном в «Русском Вестнике» М. Н. Каткова и «Экономическом примечании» И. В. Вернадского. Отстаивали общину славянофильские журналы «Русская Беседа», «Сельское благоустройство», а также «Колокол» и «Современник»

У обеих сторон были аргументы, заслуживающие внимания.

Так, Вернадский критиковал хозяйственную архаичность общины, утверждая, что только частная собственность является залогом успешного процветающего хозяйства, в то время как община спасает лентяев и бездельников от голодной смерти.

Частная собственность дает человеку уверенность не только в завтрашнем или послезавтрашнем дне, а и в том, что это чувство уверенности будут разделять и его потомки. Собственность – это навсегда (не случайно крестьяне-общинники землю, которую после 1861 г. они покупали в личную собственность, называли «вечной»). И это мощный стимул для таких трудовых усилий, которые в конечном счете неизбежно поднимут благосостояние массы крестьянства.

Вместе с тем крестьянам нет смысла улучшать передельную землю и вкладываться в нее. Притом же община не избавит деревню «от бедности и нищеты, которые всегда и везде неизбежны, как добро» и зло, как свет и тень».

У Вернадского было немало единомышленников – М. Н. Катков, Б. Н. Чичерин, экономист А. И. Бутовский и другие авторы «Русского Вестника», а также члены «аристократической» оппозиции¹³ и т.д.

Против общины в печати тогда были высказаны практически все те доводы, которые мы слышали в первой половине XIX в. и услышим перед началом Столыпинской реформы.

В то же время мнение о том, что в 1861 г. община в том или ином виде хотя бы на первое время, должна была остаться – во многом было справедливо.

Безусловно, сохранение общины само по себе минимизировало социальные риски власти, причем в разных аспектах.

Радикально изменять модус привычного, устоявшегося крестьянского общежития в момент глобального преобразования, которое по определению должно было нарушить привычную жизнь 23 миллионов человек, едва ли было разумно. Ростовцев (и не он один) утверждал, что народ нуждается в крепкой власти, которая могла бы заменить собой устранившую помещичью власть.

Поскольку реформаторы очень боялись воздействия бывших господ на вчерашних крепостных, было решено, что помещик будет иметь дело только с миром, из-за чего во многом и было создано крестьянское самоуправление.

Община была необходима и для успеха выкупной операции. Податного аппарата, который мог бы заменить помещика, в деревне не было, поэтому понятна боязнь власти возложить на отдельных крестьян бремя платежей и повинностей. Отсюда введение круговой поруки, связавшей всех общинников.

То есть по целому ряду чисто технических причин для правительства община была предпочтительнее, проще. С. Ю. Витте писал на этот счет, что «когда приходится в сложной материи делать работу спешно, гораздо легче ее делать огульно, нежели детально. Гораздо легче иметь как материал для действия, в данном случае для наделения землею, единицы в несколько ты-

сяч людей, нежели отдельных людей. Поэтому с точки зрения технического осуществления реформы община была более удобна, нежели отдельный домохозяин. С административно-полицейской точки зрения она также представляла более удобства – легче пасти стадо, нежели каждого члена сего стада в отдельности»¹⁴.

При этом индивидуализация землевладения потребовала бы немалых затрат на резкое увеличение корпуса землемеров (проблема, с которой в первую очередь столкнется Столыпин, когда выяснится, что землеустройства хотят миллионы дворов).

Словом, община имела очевидные практические удобства для реализации разработанного проекта реформы, позволявшие отложить «на потом» ряд сложных проблем. Ведь созданные Редакционными Комиссиями «Положения» имели временный характер.

При этом хозяйственные недостатки общины, напомним, были понятны и Гакстгаузену, Самарину, и тем более князю Черкасскому; в отличие от своих последователей 1870–1900-х гг. они не считали, что крестьянство должно быть сослано туда навечно.

И, хотя ясно, что правительство пошло по самому простому для себя пути, аргументы в пользу общины были весомыми, особенно если считать их доводами в пользу временного, адаптивного характера ее сохранения с перспективой дальнейшей трансформации в нечто иное.

Это если считать так.

Однако надо четко понимать, что – помимо приведенных выше аргументов – сохранение общины было предрешено позицией Александра II и его единомышленников из истеблишмента, разделявших то новое общественное настроение, о котором мы уже знаем и с которым – поскольку в его основе лежала община – удивительно гармонировала вся крепостническая генетика русского общества.

Крестьянская реформа планировалась как социальная, т.е. нацеленная на смягчение социальных противоречий в обществе.

Эта социалистическая в своей основе идея родилась в Европе, но именно поэтому западный тип экономического развития, основанный на частной собственности и приведший к пролетаризации населения и революциям, по мнению тех, кто принимал решения, был неприемлем для России.

Редакционные Комиссии в очень большой степени (хотя и не полностью) находились под влиянием славянофильской парадигмы, и когда они стали определять контуры новой жизни страны, было ясно, от чего они постараются уберечь крепостную деревню.

В любом случае это должен был быть вариант, противоположный западному, как его – весьма упрощенно – понимали в России. Реформаторы оттал-

кивались от европейской модели развития в обратную сторону – по крайней мере в отношении будущего крепостных крестьян. Путь, который, как считалось, прошел простой народ на Западе, для нашего народа был исключен.

Следовательно, давать крестьянам землю в частную собственность нельзя, потому что все беды Запада – от нее. Может быть, в отдаленном будущем, после выкупа – через полвека, которые в 1861 г. воспринимать реалистично невозможно.

Может быть...

Полвека еще прожить надо.

«Бухгалтерский» подход, или кто кого ограбил?

Всесторонняя и взвешенная оценка освобождения крестьян – вещь сложная.

С привычной нам точки зрения реформу 1861 г., разумеется, сложно трактовать как прокрестьянскую, но известно, что ей недовольны были и помещики.

Разочарованы были обе стороны – потому что ждали другого.

С. В. Мироненко принадлежит верная, на мой взгляд, характеристика крестьянской реформы: «Великая, но неудачная»¹⁵. Она была компромиссом между крестьянами и дворянством, причем, как показало время, далеко не лучшим из возможных.

Внимание литературы уже 160 лет сконцентрировано преимущественно на размерах наделов и величине платежей. Безусловно, это важные, но не исчерпывающие тему проблемы. Напомню, что первоначально вообще планировалось безземельное освобождение. Не зря Н. Я. Эйдельман писал, что преобразование могло быть намного тяжелее для крестьян.

При этом условия освобождения крестьян в России были намного выгоднее, чем у крестьян в Пруссии, Австрии, Венгрии, не говоря о Польше и Прибалтике.

Попробуем разобраться в проблеме величины крестьянских наделов – ведь из-за отрезков к реформе сразу приклеили ярлык «грабительской»*.

Мы привыкли оценивать реформу только с точки зрения крестьян. Однако это не вполне справедливо, потому что была и другая сторона. Мы помним,

---

* Обычный симпатичный демократический аргумент таков – крестьяне считали, что земля принадлежит им.

Однако всегда ли представления крестьян являются абсолютным аргументом?

Ведь одновременно множество крестьян было не очень в курсе, что солнце не вращается вокруг земли, что земля не плоская, верило в леших и домовых, а некоторые считали иконы богами, как сообщает А. Н. Куломзин.

что государство попросту реквизирировало у помещиков часть их собственности.

Я знаю, что немало наших современников с энтузиазмом скажет – и правильно! Так и надо! Это справедливо!

Однако уверен, что у многих этот энтузиазм испарится, если к ним сейчас придет наше правительство и заявит – а продайте-ка мне в интересах государства часть вашей приватизированной жилплощади, чтобы я разместил на ней, предположим, мигрантов, которые помогут нам побыстрее встать с колен.

Все ли сторонники классовой справедливости будут в восторге от такого предложения?

Впрочем, реновация типологически отчасти похожа на такую ситуацию.

При этом Редакционные комиссии были нацелены на то, чтобы крестьяне в основном сохранили ту землю, которой они пользовались до 1861 г. (принцип *status-quo ante*), и чтобы отрезки имели место в исключительных случаях.

Между тем проблема величины наделов была крайне сложна. Во-первых, конкретные хозяйственные условия России были бесконечно разнообразны.

Имена делились на 4 основных типа.

В чисто барщинных у крестьян была меньшая часть земли.

В смешанных, где наряду с барщиной был и оброк, наоборот, большая.

В чисто оброчных имениях (в Нечерноземье) крестьяне пользовались практически всей землей помещика.

В батрацких они были совсем лишены земли.

Так что сохранить полностью наделы в оброчных имениях означало попросту выкинуть дворян вон из родовых вотчин, а в батрацких крестьян обязательно требовалось наделить землей.

Во-вторых, не корректно сравнивать крепостные наделы с наделами, полученными по реформе, поскольку это величины далеко не всегда соизмеримые – ведь и до, и после 1861 г. крестьяне получали землю, исходя из разных принципов и критериев.

До 1861 г. крепостные крестьяне сплошь и рядом наделались землей не по ревизским душам, а по «тяглам» (чаще всего – это муж с женой), т.е. по числу реальных наличных работников, т.к. помещики стремились к оптимальному использованию рабочей силы своих крепостных.

Число ревизских душ определяло сумму подушной подати крестьян данного имения в пользу государства от переписи до переписи. Но оно, как известно, все время менялось, на чем и построен сюжет «Мертвых душ». А повинности в пользу барина несли живые люди, отсюда и тягольная разверстка, выгодная для помещиков. Однако выгоды у каждого из них были свои, как и количество земли в поместье, поэтому площадь тягла очень разнилась и не

стояла в прямой связи с процессом жизнеобеспечения крестьян; часто тягла давались как бы «на вырост».

Поэтому правительство в интересах крестьян и приняло более справедливую ревизскую разверстку 1857 г., а не крепостную – тягольную. В рамках принятой концепции освобождения это был лучший путь.

Возможны ли были иные варианты? Да, возможны, о чем ниже.

При определении минимальной площади наделов Комиссии исходили из их величины в барщинных хозяйствах потому, что именно они соответствовали главной идее реформаторов – обеспечить жизнедеятельность крестьян.

Если крестьяне на таких наделах могли кормить и себя, и господина, то их площадь должна была оказаться достаточной, когда они получают свободу и уйдут с барщины.

Конечно, в каждом конкретном случае сохранить полную соразмерность было невозможно. При громадном разнообразии конкретных житейских ситуаций можно было стремиться только к соблюдению справедливой средней пропорции, что и было сделано.

К тому же нельзя было дать одним крестьянам большие наделы, а другим, живущим рядом, малые. В рамках логики правительства, не свободной от привычного аграрного коммунизма, это было бы несправедливо и не очень умно.

Можно ли было в реальных условиях 1861 г. соблюсти в отношении каждого из 130 тысяч имений и миллионов крестьянских семей полную справедливость? Едва ли.

Поэтому, можно думать, что избранный вариант был для крестьян не худшим из возможных. Безусловно, нередко помещики стремились выгадать за счет крестьян. Но было немало и обратных примеров, когда дворянство демонстрировало свои лучшие качества, которые мы привыкли связывать с этим понятием.

Следующая претензия связана с тем, что крестьяне переплатили за землю.

Ряд историков сейчас оспаривает этот взгляд. В частности, Б. Н. Миронов доказывает, что налоги и платежи на душу населения после 1861 г. были меньше, чем до реформы, а выкупная операция была в конечном счете выгодна крестьянам.

С учетом инфляции (64%) цена надельной земли в 1907–1910 гг. была выше той, по которой они ее выкупали на 32%

Надо помнить, что из-за инфляции тяжесть выкупных платежей постепенно снижалась, что в течение 45 лет (1861–1906 гг.), надельная земля кормила, поила и одевала крестьян и что после выкупа она превратилась в огромный капитал¹⁶.

Другое дело, что выкуп в нечерноземных губерниях, где помещики получали доход не от земли, а от промысловых оброков крестьян, был намеренно завышен. Однако проведенное в 1881 г. понижение выкупных платежей привело ситуацию к норме.

Бенефициаром реформы, конечно, оказалось государство, но вряд ли оно подозревало, чем обернется этот тактический выигрыш.

Так что стандартные претензии к Великой реформе на фоне того, что крестьяне получили право на свободный труд, не слишком убедительны.

Более того, их значимость, которой я отнюдь не оспариваю, все же не столь велика, как обычно считается. К сожалению, народническая литература заложила традицию слишком серьезного, чуть ли не телеологического отношения к отрезкам и платежам, т.е. к внешним «параметрам» жизни крестьян, однако на деле этот взгляд, как мы увидим, просто уводит нас в сторону от реальных изъянов реформы.

Что не так с Великой реформой?

По моему убеждению, ключевой вопрос состоит вовсе не в том, кого – крестьян или помещиков – «больше ограбили» и сколько было уплачено за землю.

Куда важнее для судеб нашей страны было то, что реформа не позволила ни крестьянам, ни помещикам, что называется, найти себя в новой жизни, в новой реальности, что в массе они не смогли эффективно адаптироваться к рыночным условиям, что «коридор» возможностей для их мирного сосуществования и эволюционного развития их хозяйств, чего искренне хотели Александр II и его соратники, оказался очень узким.

И произошло это не потому, что крестьяне потеряли землю или переплатили за свободу, а потому, что, как мы увидим, наспех собранная – во многом экспромтом – временная конструкция реформы вопреки тому, что планировалось в 1861 г., превратилась в постоянную, что реформа, условно говоря, застряла даже не полдороге, а лишь выйдя из прихожей за дверь.

В то же время сохранение временной конструкции реформы способствовало дальнейшему разобщению крестьянства и помещиков, которые в итоге получили сплоченный против них коллектив, (что и предвидели в 1860 г. современники).

Раньше они могли держать его в узде не только принуждением, но и взаимными выгодами, договариваться, а теперь их резко разделили, обособили и противопоставили друг другу (и попутно включив механизм психологической компенсации за прошлые унижения).

Отчасти это было сделано намеренно, и не только из-за опасения возможных рецидивов крепостничества. У Редакционных Комиссий был и другой расчет.

Реформа была не только победой бюрократии над дворянством, но и торжеством демократического цезаризма – царь освободил крестьян и заставил господ отдать часть земли. В частности, он хотел быть царем для всех крестьян.

Демократический цезаризм Наполеона III, «крестьянского императора», был тогда в большой моде.

В 1865 году Н. А. Милютин говорил на этот счет, что «прежде дворянство стояло между государем и частью подданных, но ... и тогда уже не было никого между царем и государственными крестьянами. Теперь же вместо 10 млн, имеющих прямое общение с царем, 20 млн, – вот и все различие. Управление по-прежнему будет состоять из элементов интеллигенции без различия сословий, призываемых к правительственной деятельности правительственной властью»¹⁷.

Далее.

Перефразируя известную мысль Бенкендорфа, можно сказать, что настоящим пороховым погребом под Империей стало принципиальное решение, определившее все течение реформы, а именно то, что помещики по приказу правительства за выкуп отдают часть своей земли крестьянам.

То, что императору пришлось фактически заставить помещиков продать крестьянам землю, нарушив тем самым принцип незыблемости частной собственности, имело многообразные и весьма неприятные последствия.

Надо ясно понимать, что Великая реформа де-факто была реквизицией, т.е. оплачиваемым видом экспроприации.

При этом крестьяне не оценили и не могли оценить, как того хотелось императору, «благородство» дворянства, как бы поделившегося с ними своей собственностью, поскольку здесь встретились два противоположных и непримиримых подхода.

Реформа стала столкновением двух стадий сознания – мифологического и рационального.

Большая беда России состояла в том, что к середине XIX в. в ней одновременно жило как бы два разных народа, говорящих на одном языке, но имеющих абсолютно разную психологию, – образованные люди и простой народ, о чем мы уже имеем некоторое представление.

Народ, на 90% состоявший из крестьян, ментально жил в средневековье, потому что со времен условного Алексея Михайловича не имел возможности изменить эту ситуацию. Психологию меняет школа, образование, а русские элиты боялись просвещения народа – невежественными людьми легче управлять.

В результате у крестьянства, за редкими исключениями, не было цивилизованного правосознания и, в том числе, представления о частной собственности, так же, как и о свободе, и о многом другом. Они жили сформированными в средние века представлениями об окружающем мире.

Отсюда – катастрофическое непонимание по ряду ключевых проблем между крестьянами, с одной стороны, и правительством и помещиками, с другой, и, в частности, разная интерпретация сути реформы.

Напомню, что тезис «земля Божья (Царская), но нашего пользования» возник задолго до отмены крепостного права, еще в те времена, когда крепостное право оправдывалось тем, что, дескать, барин воюет, защищает царя, отечество и нас заодно, а мы его кормим. Ведь крепостное право и было введено как средство, как способ содержания дворянской армии.

Века принудительного труда формировали в крестьянском сознании твердое убеждение: право на землю имеет только тот, кто ее непосредственно обрабатывает. Идея дворянской собственности на землю с этим взглядом, понятно, не сочеталась, крестьяне ее просто не воспринимали. Отсюда вековая мечта о «черном переделе», т.е. захвате всех некрестьянских земель (помещичьих прежде всего) и последующем равном их разделе.

Поэтому Сперанский и Киселев, осознававшие мощную угрозу столкновения двух мировоззрений, крестьянского и дворянского, еще в Комитете 1835 г. были готовы на безземельное освобождение не только крепостных, но и государственных крестьян, лишь бы минимизировать влияние этих взглядов.

Казалось бы, данная проблема должна была привлечь внимание Редакционных Комиссий.

Увы...

Разумеется, уже в 1861 г. среди крестьян упорно шли слухи, что обнаруженные Положения – подделка, составленная помещиками и чиновниками, чтобы скрыть настоящую «Царскую волю», т.е. передачу им всей земли. Точно так же они думали о «золотых грамотах» и в XVIII в.

Поэтому они упорно ждали передачи им оставшейся ее части или, по крайней мере, – очередной прирезки. Об этом постоянно говорят самые разные источники второй половины XIX – начала XX вв.

Желание Александра II и реформаторов – дать крестьянам помещичью землю, т.е. чужую собственность, хотя бы и за плату, было, конечно, гуманным и нравственным. Напомню, что в 1842 г. Самарин писал: «Христианская религия проповедует богатому уделять от своего имущества бедному. Новое общество поймет, что так и должно быть... То, что составляет обязанность богатого, есть право бедного. Всякий человек должен иметь собственность: это его право. Следовательно, собственность должна быть общему. И много других вопросов социальных разрешится тем же образом»».

Однако подмена закона нравственностью – опасная вещь.

На этом, т.е. на смешении и фактическом уравниении понятий законности и «высших нравственных начал», которые, по мнению правительства, диктовали необходимость наделения крестьян помещичьей землей, Редакционные Комиссии буквально поймал депутат 1-го приглашения Шидловский.

Он отметил, что «выражение «высшая нравственность» вкралось с некоторого времени для затемнения нарушения законов и действий произвола.

Нравственности низкой нет, следовательно, нет и нравственности высшей; она одна для всех; она, например, всегда твердит: располагать чужим без воли хозяина есть насилие... В новейшее время деление нравственности на степени и выражение «высшие начала» часто встречаются в сочинениях с направлением коммунизма и социализма», а потому, говорит депутат, ему «странно было встретить то же выражение в соображениях новейших законосоставителей», т.е. у Редакционных Комиссий¹⁸.

Депутат Грабянка заметил: «пора вместе с новой реформой, заняться воспитанием народа на основании твердых начал. В нравственном отношении каждое произвольное распоряжение чужой собственностью должно произвести извращение основных начал гражданской жизни. Смешивать права пользования, не отделив их резкою чертою от права собственности, – значит дать народу неясные понятия о собственности, и выгодами мнимыми заманить существенные нравственные выгоды, которые должны быть в виду законодателей»¹⁹.

А вот как 34 депутата 2-го приглашения прокомментировали пункт проекта Положения, объявляющий, что после реформы «помещик ни в каком случае не обязан... увеличивать крестьянский поземельный надел».

Такие обещания относительно будущего, резонно заметили они, не слишком успокаивают, поскольку им противоречит то, что предлагается в настоящем.

Если сейчас помещики должны принудительно отдать всю площадь крестьянских запашек, то нет гарантии, что с ростом населения правительство вновь не возьмет на себя задачу удовлетворения «новых потребностей» выросшего в численности крестьянства.

«Та же самая государственная потребность, которая побуждает к утверждению существующего надела за крестьянами, может быть призвана для увеличения надела увеличившегося народонаселения. Если нынешние предположения правильны и законны, то нельзя не признать законными подобные меры и для будущего времени.

Никакая государственная потребность не может состоять в том, чтобы принимать меры несправедливые в отношении к частной собственности. Закон не может определять правила для уклонения от законности.

Редакционные Комиссии стараются о том, чтобы снабдить крестьян возможно большим количеством земли; но средства для достижения этой цели не могут быть в нарушение прав собственности. Все интересы общественной жизни так тесно связаны между собою, что нарушение одного из коренных начал, на которых утверждается общество, поведет к расстройству всего общественного организма»²⁰.

И депутаты, как мы знаем, оказались абсолютно правы – дополнительная прирезка помещичьей земли стала главным лозунгом всех партийных программ оппозиции в 1905–1906 гг., которая этим обеспечивала себе народную поддержку.

И виновато в этом было правительство.

Вот, например, статья 3-я Общего Положения о крестьянах гласит: «Помещики, сохраняя право собственности на все принадлежащие им земли, предоставляют за установленные повинности в постоянное пользование крестьянам усадебную их оседлость и сверх того, для облегчения их быта и для выполнения их обязанностей перед правительством и помещиком, то количество полевой земли и других угодий, которые определяются на основаниях, указанных в местных положениях».

Из этого абзаца, которому в современном русском языке соответствует мысль о необходимости кормления рабочей лошади, ясно, что крестьяне получили от государства земельную пайку, прожиточный минимум, который позволит им работать и на казну и на бывшего барина (до заключения выкупной сделки), платить подати и нести повинности, не умирая при этом с голоду.

Подчеркну очевидно – именно государство определило размеры землеобеспечения, которое должно дать крестьянам возможность исполнять свои податные обязанности. Оно выступило здесь главным актором.

Но тем самым правительство как бы взяло на себя ответственность за соблюдение созданного им положения – крестьяне всегда должны иметь достаточно земли для обеспечения их быта и выполнения обязанностей перед казной.

Другими словами, власть как бы морально обязалась давать крестьянам землю дополнительно, если ее будет не хватать. Во всяком случае, такой взгляд на статью 3 возможен, и неудивительно, что крестьяне его разделяли.

С ростом населения после 1861 г. наделы уменьшились. И хотя крестьянские платежи со временем также понизились, но какие расчеты здесь могут быть убедительными?

И что должны были думать крестьяне? Они, естественно, ждали новой прирезки. Хотя в тексте Положения говорится ровно обратное – нового наделения землей не будет, но в тех конкретных условиях данная декларация

весьма похожа на рассказ ребенку, что в доме есть секретная комната, откуда можно взять живой воды один-единственный раз, но больше никогда.

Через несколько лет после реформы С. М. Соловьев напишет в «Воспоминаниях» о том, что сопровождало реформу: «Голоса помещиков были заглушены либеральными криками литературы, сосредоточенной в столицах.

Дело было произведено **революционным** образом: употреблен был нравственный террор; человек, осмелившийся поднять голос за интересы помещиков, подвергался насмешкам, клеймился позорным именем крепостника, – а разве у него была привычка поддерживать свое мнение?

Пошла мода на либеральничание: люди, не сочувствовавшие моде, видевшие, что нарушаются их самые близкие интересы, пожимали плечами или втайне яростно скрежетали зубами, но противиться потоку не могли, не смели и молчали. Как бы то ни было, переворот был совершен с обходом самого трудного дела – земельного.

Крестьян наделили землею, заплативши за нее помещикам.

Красные торжествовали: у прежних землевладельцев отняли собственность и поделили между народом, замазавши дело выкупом, но выкуп был насильственный! Глупые славянофилы торжествовали, не понимая, на чью мельницу они подлили воды: им нужно было провести общинное землевладение!

Во многих местах с самого начала уже крестьяне не были довольны наделом, – что же будет с увеличением народонаселения?

Для простого практического смысла крестьян естественное и необходимое решение вопроса представлялось в новом наделе, и они стали его дожидаться как чего-то непременно долженствующего последовать. Стали дожидаться.

... Крестьянин пьянствует и терпит нужду, не имеет, чем уплатить податей; он уже испытал **правительственный или революционный** способ действия для перемены своей судьбы и надеется, что таким же способом произойдет и новая перемена: правительство, царь нарежет крестьянам еще земли»²¹.

То есть Соловьеву было понятно, что государство само спровоцировало ожидания крестьянами новой прирезки, и, разумеется, он не случайно дважды употребляет эпитет «революционный», характеризуя действия правительства.

Вот, например, что пишет на этот счет Н. Г. Гарин-Михайловский, купивший в 1880-х годах имение в Самарской губернии. Окрестные крестьяне были уверены, что в очень непродолжительном времени вся земля у помещиков будет отобрадена и возвращена им, поскольку они – единственные, кто имеет на эту землю законное право. Помещики-то на земле не работают, значит, и права не имеют. И крестьяне истово ждали царского указа об этом к каждому Новому году.

В определенном смысле реформа 1861 г. стала началом пореформенного государственного социализма.

И Александр II, и Александр III официально пытались развеять надежды крестьян на дополнительную прирезку земли, но тщетно – эти мечты дожили до 1917 г. и были реализованы.

С. Ю. Витте, благодаря которому крестьянский вопрос в конце XIX – начале XX вв. был вновь поставлен на повестку дня, писал в 1907 г., что «великий акт» 19 февраля 1861 г. наделил крестьян землей, однако это наделение было принудительным, т.к. помещиков заставили подчиниться самодержавной воле императора.

Само по себе освобождение крестьян «с точки зрения гражданских норм и самосознания не возбуждает никаких принципиальных и политических отрицаний». А вот то, что царь заставил дворян отдать крестьянам свою землю – проблема иного порядка, поскольку «с точки зрения гражданского самосознания, как оно установилось со времен Римской империи», этот акт полностью противоречит «этому самосознанию, принципу свободы и незыблемости собственности».

Разумеется, «можно преклоняться и восторгаться этим актом – это другой вопрос», но нужно четко понимать, что в действительности он является «нарушением принципа собственности, принесением в жертву принципа собственности политическим, может быть, неизбежным, потребностям».

А раз стали на этот путь, естественно было ожидать и последствий сего направления. Но этого не только тогда не понимали, но многие не понимают или не желают понимать и теперь».

А между тем, пишет Витте, подводя итог пореформенному неокрепостничеству, мысли крестьян текут примерно в таком направлении: «Раз ты попечитель, то, если я голодаю, корми меня. На сем основании вошло в систему кормление голодающих и выдающих себя за голодающих».

В сущности, наши налоги в мое время (до войны), сравнительно с налогами других государств, были не только не велики, но малы. Но раз ты меня держишь на уздечке, не даешь свободы труда и лишаешь стимула к труду, то уменьшай налоги – нечем платить.

Раз ты регулируешь землевладение и землепользование так, что мы не можем развивать культуру, делать ее интенсивнее, то давай земли по мере увеличения населения. Земли нет. – Как нет, смотри, сколько ее у царской семьи, у правительства (казенной), у частных владельцев? – Да ведь это земля чужая. – Ну так что же, что чужая. Ведь государь-то самодержавный, неограниченный. Видно, не хочет дворян обижать, или они его опутали. – Да ведь это нарушение права собственности. Собственность священна. –А при Александре II собственность не была священна – захотел и отобрал, да нам дал. Значит, не хочет.

Вот те рассуждения, которых держится крестьянство. Эти рассуждения есть результат самим правительством устроенного их быта, и затем, конечно, они раскалены бессовестным огнем революции»²².

То есть даром подмена закона нравственностью не прошла. Ясно также, что реформаторы не очень задумывались над тем, как их высокоморальный порыв будет воспринят крестьянами – тем более в перспективе.

И лично мне трудно спорить с мнением К. И. Зайцева о том, что «идея черного передела заложена в основах наделения крестьян, принятых реформой»²³.

Однако нам важно понимать, что проблема была не только в формальном нарушении права собственности помещиков, но и в том, как власть обошлась с реквизированной землей.

Поэтому здесь логично повторить вопрос – а были ли другие варианты реформы?

Были.

Примерно в те же годы в русской Польше и в Японии правительство также нарушало существовавшие отношения собственности и брало в свои руки распоряжение помещичьей землей, выплачивая владельцам компенсацию. Однако оно сразу же отдавало крестьянам эту землю в собственность, не затевая, как в России, тяжелой выкупной операции на полстолетия.

Жестокая – даже не ирония, а самая настоящая издевка истории состоит в том, что те же самые люди – Милютин, Самарин и князь Черкасский с благословения того же самого императора Александра II – провели в связи с восстанием 1863–1864 гг. весьма удачную крестьянскую реформу в Польше.

К началу 1860-х гг. стало очевидным, что там, где крестьянство владело землей на правах частной собственности, оно оставалось равнодушным к любой революционной агитации; революция 1870 г. во Франции окончательно подтвердила это. И наоборот.

Поэтому, вознамерившись навсегда оторвать крестьян Польши от мятежного дворянства, имперское правительство выбрало единственно правильный путь.

Не вдаваясь в детали, отметим главное. Согласно указам 19 февраля 1864 г., крестьяне получили в полную собственность ту землю, которой фактически пользовались, ее недра, а также все постройки, живой и мертвый инвентарь. Кроме того, они могли требовать возвращения всех земель, несправедливо отнятых помещиками в предыдущие годы. Они получили право охоты, рыбной ловли, выделки и розничной продажи вина и сохранили право пользования господскими пашнями и лесными угодьями, т.н. «сервитутами»*.

---

* Право получать из помещичьего леса топливо, иногда строевой лес на ремонт строений, листья и хвою на подстилку для скота, право пасти скот в помещичьем лесу, а иногда на парах или жнивьях.

При этом они не могли закладывать постройки отдельно от земли. Брать в залог и покупать крестьянские усадьбы могли только крестьяне. Земли нельзя было дробить на части меньшие 6 моргов (3 дес.). Разрешался обмен чересполосицы.

В результате крестьянам прирезали из помещичьих и казенных земель около 2 млн моргов (1 млн. дес.).

Сперва планировался выкуп крестьянами повинностей, но затем правительство решило вознаграждать помещиков за счет казны, создав для этого особый денежный фонд.

В 1859 г. в Польше было 424,7 тыс. крестьянских усадеб, в 1872 г. – 657,6 тыс. при 8,3 млн моргах земли²⁴.

Итак, первое отличие этой реформы от российской было в том, что в Польше крестьяне получили в собственность всю землю, которая фактически была в их владении.

Второе – польские крестьяне были избавлены от мучительной выкупной операции.

Результат реформы известен – повышение благосостояния польского крестьянства и отсутствие аграрного вопроса в том масштабе, в каком он был в России. Да и в 1905 г. накал страстей в польской деревне был куда ниже, чем в России, крестьяне боролись за сервитуты, но не за землю.

Почему в не слишком дружественной Польше правительство своими руками провело агротехнологическую революцию, а российским крестьянам уговило куда менее выигрышный путь развития, вполне понятно.

Когда у правительства нет идеологической зашоренности, когда оно открыто для экономических идей, у него больше возможностей вести эффективную политику. А если оно сковано идеологией – новым общественным настроением, например, – список имеющихся вариантов невелик.

Упомянутое настроение к Польше отношения не имело, поэтому там власть пошла по общеевропейскому пути. И выиграла.

Польский вариант был применим и в России, пожелай правительство основать институт частной крестьянской собственности на твердом основании. Нужно было, как это сделали в Польше, зафиксировать в форме частного права те имущественные поземельные отношения во всем их многообразии, которые были налицо ко времени реформы.

А чем обернулась наделение земель?

Подрывом идеи, на которой можно было основать начало частной собственности. Ведь крестьянин получил в 1861 г. надел не потому, что эту землю поколениями обихаживали его предки, а потому, что государство, которому были нужны его подати и повинности, выделило ему для этого земельную пайку²⁵.

Разница, кажется, невелика. Но это лишь на первый взгляд.

Дело было не в размерах прирезок и отрезок (где-то помещики были очень даже щедры).

А в том, что Землю, которая должна была быть личной собственностью, сделали общим достоянием, которое по тем или иным принципиальным основаниям подлежало переделу.

Ну и развития какой крестьянской психологии можно было ожидать в этих условиях?

Предвижу возражение – в России начала 1860-х гг. не было инфраструктуры, землемеров и др.

Это правда. Но не было и постановления ЦК ВКП (б) о сроках коллективизации. Не было на нашей границе и готового вторгнуться неприятеля. Впереди были десятилетия мирной жизни, за которые было вполне возможно создать сеть землемерных училищ, профессию землемера престижной и т.д.

Строго говоря, можно было растянуть процесс освобождения на 10 или 20 лет.

Словом, те 45 лет, которые прошли от реформы Александра II до реформы Столыпина можно было использовать по-другому.

Добавлю также, что действие негативных факторов освобождения даже в принятом варианте могло быть нейтрализовано – хотя бы частично – таким позитивным изменением жизни деревни, таким значительным подъемом благосостояния крестьян, который заставил бы многих из них махнуть рукой на барскую землю и, если не забыть о ней совсем, то лишить, условно говоря, статуса «бельма в глазу».

Разумеется, пошло бы на пользу и сближение уровня правосознания народа и элит после 1861 г. Ведь, казалось бы, элементарным является сообщение о том, что крестьян, вышедших из векового крепостного права, в принципе было необходимо приучать к таким понятиям, как правопорядок, законность и др. – так, как учат людей грамоте и счету.

А что получили крестьяне?

Организацию жизни, которая попросту испытывала несовершенство человеческой природы, которая укрепила их выработанный веками крепостничества правовой нигилизм и, как мы увидим, стала мощным фактором деградации и пролетаризации значительной части русской деревни.

Судьба реформы: «Нет ничего более постоянного, чем временное»

Положения 19 февраля – некогда великая хартия русского крестьянства – стали для него неловкою, стеснительною рамкой, неспособною охранять его разрушающийся строй и в тоже время мешающею новым порядкам складываться правильно и успешно. Такова всегдашняя судьба устарелых законов

К. Ф. Головин

Итак, Россия пошла своим путем.

Оценить его воистину самобытный характер позволяет краткий анализ аграрной политики правительства в 1861–1886 гг.

Дело в том, что крестьянская реформа, которую учебники обычно трактуют как полноценно завершенную, наподобие земской и судебной, в 1861 г. таковой никоим образом не считалась.

Положения 19 февраля считались *временной* конструкцией, предназначенной для юридического обеспечения переходного этапа жизни деревни – от момента официального объявления реформы до перехода крестьян на выкуп, т.е. до подписания ими уставных грамот.

То есть главной задачей Положения было урегулирование и регламентация временнообязанных отношений освобожденных крепостных и помещиков, чему прямо посвящено едва ли не 90% статей.²⁶

О том, что реформаторы ясно понимали временный характер создаваемых ими законов, говорит хотя бы реплика князя Черкасского во время обсуждения проблем волостного суда: «**Это пишется на 5, 10 лет, а там видны будут потребности.** Правительство принуждено будет сделать во всем реформы»²⁷.

Таким образом, предполагалось, что через некоторое время Общее Положение будет пересмотрено, реформа пойдет к окончательному завершению, а юридическое и хозяйственно-экономическое положение крестьян будет соответствовать провозглашенным 19 февраля целям и задачам, включая уничтожение податного состояния.

Ведь само по себе прекращение крепостной зависимости было крайне важным, но лишь первым шагом в процессе глобального решения проблем российского крестьянства.

После этого, согласно элементарной логике, необходимо было уяснить, насколько адекватна в своих основных компонентах вновь созданная система жизнедеятельности бывших помещичьих крестьян (самоуправление, податное дело и т.д.), и в соответствии с этим внести необходимые коррективы. Это был один из мотивов установления 9-летнего срока для пересмотра Положений 19 февраля.

Кроме того, нужно было понять, каким образом будут адаптированы к новой жизни остальные категории крестьянства – бывшие государственные и бывшие удельные крестьяне, чей правовой статус (и землевладение) был иным, чем у крепостных.

Та же логика требовала после проведения в 1864 г. судебной и земской реформ постепенно ввести крестьян в общий порядок управления и суда, чтобы ликвидировать их изоляцию, вызванную прежде всего опасением воздействия помещиков на бывших крепостных. То есть нужно было убрать особое крестьянское начальство, преобразовать волостное крестьянское самоуправление в мелкую земскую единицу (волостную), которая будет встроена в систему земского самоуправления, и, наконец, организовать правовую жизнь деревни на основе твердых норм писанного закона.

Понятно, что сам масштаб реформы требовал непрерывного мониторинга, а главное – твердого желания со стороны правительства ее дальнейшей разработки, углубления и расширения.

То есть была необходима ясная программа дальнейших действий. А она, как выяснилось, отсутствовала.

Время шло, все меньше оставалось временнообязанных крестьян, деревня достаточно активно включилась в модернизацию, и созданное в 1861 г. крестьянское самоуправление, которое прежде всего было призвано не допустить возможного крепостнического «камбэка», давно решило эту задачу и категорически не соответствовало новым условиям.

Те «5, 10 лет», о которых говорил князь Черкасский* и которые должны были прояснить для правительства новые «потребности» деревни давно прошли, однако о продолжении реформы никто и не думал.

События пошли по другому сценарию.

Б. Н. Чичерин отмечает, что сельский быт после 1861 г. нуждался в дальнейшем совершенствовании, поскольку «Положение» 19 февраля лишь положило начало этому процессу: «Оно занялось главным делом – уничтожением крепостного права и заменю его новыми отношениями, основанными на свободе; все же остальное оно предоставило дальнейшему движению законодательства, по указаниям жизни.

Оно установило даже 9-летний срок для пересмотра многих узаконений.

Но когда этот срок истек, законодательная деятельность уже остановилась. Все работники, приложившие руки к „Положению 19 февраля», сошли

* В этом контексте следует отметить, что князь Черкасский, быстро оценив изъяны «Положения» и протестный потенциал общины, высказывался за облегчение выкупа земли в частную собственность отдельными крестьянами, что послужит к постепенному водворению в селениях полных собственников, враждебных всякому движению полукрепостных масс, и в которых начало собственности получит для себя лучшую опору». (Трубецкая О. Материалы для биографии кн. В. А. Черкасского. Т. 1. Кн. 2. М., 1904. С. 299–300).

со сцены. Место их заступила реакция, опирающаяся на бюрократическую рутину.

В это время в петербургских высших сферах не оставалось уже ни одного человека способного начертать путный закон. Все было предоставлено на произвол судьбы, а то, что делалось, было ниже всякой критики. Русское правительство как будто истощилось в громадном усилии и затем погрязло в полном бездействии»²⁸.

Хотя эта суровая оценка имеет под собой глубокие основания, она все же требует уточнения.

В конце 1860 – начале 1870-х годов группой высших администраторов и придворных была предпринята, по выражению историка В. Г. Чернухи, «хорошо организованная попытка пересмотреть» установленный 19 февраля 1861 г. «принцип сохранения общинного землевладения»²⁹. Главную роль в этой группе играли шеф жандармов граф П. А. Шувалов и давний друг царя фельдмаршал князь А. И. Барятинский, писавший, в частности, Александру II, что существование общины может быть выгодно только для «коммунистов», что необходимо «поощрить частную собственность крестьян» и тем самым «задушить зародыши коммунизма, поощрить семейную нравственность и повести страну по пути прогресса»³⁰. Есть серьезные основания считать, что император сочувственно воспринимал эти доводы.

Однако ожидаемого в 1874 г. пересмотра аграрной политики в сторону индивидуализации крестьянского землевладения не произошло. Барятинский, обиженный на то, что царь утвердил военную реформу Д. А. Милютина, ушел в частную жизнь, а Шувалов был отправлен послом в Берлин. Позиции противников общины резко ослабели. А в 1875 г. начался Восточный кризис, итогом которого стала война 1877–1878 гг. Он переключил внимание власти на внешнюю политику.

С другой стороны, именно с середины 1870-х годов современники фиксируют мощный рост прообщинных симпатий общественности, в полной мере проявившийся в правление Александра III. В частности, К. Ф. Головин сообщает, что поначалу в созданном им интеллектуальном кружке «Эллипсис» только Ф. А. Левшин и он были сторонниками личной крестьянской собственности, в то время как В. Г. Трирогов, А. С. Ермолов, А. Н. Куломзин, С. С. Бехтеев и другие защищали общину и коллективизм – для крестьян. Позже они изменили позицию³¹.

По замечанию современника, крестьянская реформа вместо того, чтобы развиваться вглубь и вширь, растеклась по поверхности³².

После отстранения Н. А. Милютина от участия в делах реформы «в высших административных сферах было забыто», что после 1861 г. предполагалось издание Сельского устава (как это было у Киселева), реформа полиции,

местной и губернской администрации. Незавершенным осталось устройство крестьянского и местного управления, а вновь возникавшие учреждения не имели должной связи с существующими³³.

По факту – правительство просто сложило руки.

Суть крестьянского законодательства вплоть до 80-х гг. состояла не в творческой разработке основных начал реформы 1861 г., а лишь в механическом распространении на многочисленные категории *некрепостных* крестьян законодательства о временнообязанных крестьянах, притом же с явными нарушениями в ряде случаев особых прав собственности некоторых разрядов государственных крестьян.*

В результате в законодательстве повсеместно появились *крестьянские надельные*, отведенные крестьянам в пользование за повинности, т.е. оброк.

Крестьянская собственность, которую 19 февраля провозгласили конечной целью преобразований, в расчетах власти постепенно ушла на задний план, как бы растворилась, а ее место «с *неуловимой постепенностью*» заняла новая форма собственности – особое крестьянское надельное землепользование. 50 млн крестьян обретались теперь на огромном массиве однородных «надельных» земель, владение и пользование которыми регулировалось особыми правилами, весьма далекими от обычного режима землевладения.

Вот таким странным, на первый взгляд, образом временный статус землевладения бывших помещичьих крестьян превратился в общий для всего крестьянства и к тому же теперь он был законсервирован на десятилетия вперед.

Закон зафиксировал это в 1874 г., когда были ликвидированы раздражавшие МВД своей независимостью мировые посредники и введены уездные присутствия по крестьянским делам, а полиция получила возможность влиять на жизнь деревни в связи с выбиванием недоимок, что имело весьма пагубные последствия.

Это означало, что, вопреки первоначальным расчетам, было окончательно решено временное состояние деревни считать постоянным.

Показательно, что к этому времени изъяны созданного в 1861 г. крестьянского самоуправления и суда стали вполне очевидны, однако мысли об их преобразовании не возникало. Власть связывала недостатки со слабым надзором за крестьянами на всех уровнях управления.

Таким образом, ни общинное, ни подворное землепользование так и не были полноценно разработаны на уровне законодательства, из-за чего сложившийся к 1874 г. юридический статус крестьянства исключал применение к ним норм общегражданского права (X тома Свода законов), регулировавшего важнейшие права личности.

* Исключая выгодные крестьянам западных губерний законы, принятые из-за польского восстания 1863–1864 гг.

То есть крестьянство осталось ограниченным в правах сословием, изолированным от других сословий в плане суда и управления, прикрепленным к общине и зависимым от нее и от указанных выше опекающих крестьянство инстанций. Отсюда знаменитая характеристика Кахановской комиссии (см. ниже) положения крестьянства – государство в государстве.

Страховский охарактеризовал эту ситуацию следующим образом: «Можно было предполагать, что леса, поставленные в 1861 г. для будущего здания крестьянского управления, будут, наконец, заменены капитальными стенами, возведенными прочно, по строго обдуманному плану. Случилось, однако, иначе. К лесам, разрушавшимся без призора, были назначены смотрители – и только»³⁴.

Это произошло по многим причинам, в том числе и потому, что глобально верховная власть оказалась не готова к полноценной реализации потенциала своих же преобразований.

Вместе с тем немалую роль сыграло и то, что статус-кво устраивало едва ли не преобладающую часть русского общества, которая не хотела видеть иного вектора развития страны, кроме общинного.

В короткий период оживления либеральных тенденций при «диктатуре Лорис-Меликова», были подготовлены некоторые законы, направленные на улучшение положения деревни. Приняты они были уже после гибели Александра II.

Кроме того, в 1880-х гг. стала меняться податная стратегия правительства – оно начало уменьшать крестьянские платежи и увеличивать налоги на имущие категории населения и бизнес, центр тяжести был перенесен на косвенное налогообложение.

В 1880 г. был отменен соляной налог.

В 1881 г. были понижены выкупные платежи и принят закон об обязательном выкупе, знаменовавший официальное окончание переходного периода после реформы 1861 г.

Крестьяне получали льготы по аренде и покупке казенных земель

18 мая 1882 г. был открыт Крестьянский поземельный банк.

Манифестами 1880 и 1883 г. с крестьян были сложены 47 млн. руб. недоимок.

В 1885 гг. была отменена подушная подать, что имело огромное экономическое и правовое значение.

Обычно об этом говорят лишь в контексте уменьшения крестьянских платежей более чем на 55 млн. руб.

Однако значение данного акта куда шире – этим самым юридически уничтожалась вековая обособленность крестьянства, возникшая на податной почве. По логике вещей, за этим должна была последовать полная правовая

интеграция крестьян с остальными сословиями. Напомню, что паспортная система была введена Петром I именно в связи с подушной податью (как и термин «податное сословие»). Однако в этом плане ничего сделано не было.³⁵

Отмечу также, что в начале 1880-х гг. большие надежды на слияние крестьян с другими сословиями связывались с Кахановской комиссией, занимавшейся реформой местного управления³⁶.

В целом ее проекты считаются относительно удачной попыткой объединения крестьян с другими сословиями в плане управления и суда. Констатируя повсеместный упадок крестьянского сословного самоуправления, комиссия поставила на повестку дня введение мелкой земской всесословной единицы.

Однако когда проекты поступили на рассмотрение общего собрания комиссии (конец 1884 г.), куда были приглашены также представители местной администрации и дворянства, они встретили весьма сильную оппозицию, нацеленную на сохранение крестьянской обособленности и сумевшую затормозить работу комиссии. Это дало повод новому министру внутренних дел гр. Д. Толстому закрыть ее в 1885 г.

С приходом Толстого в МВД начинаются контрреформы, откровенно нацеленные на дальнейшее усиление правовой изоляции крестьянства, и период выраженной политики государственного социализма в деревне, который непосредственно примыкает к аграрной реформе Столыпина.

Примечания

1. *Чичерин Б. Н.* Воспоминания... Т. 1. С. 247.
2. *Погодин М. П.* Историко-политические письма ... С. 187.
3. *Чичерин Б. Н.* Россия накануне 20 столетия... С. 9–10.
4. *Чичерин Б. Н.* Воспоминания... Т. 1. С. 256.
5. *Милютин Д. А.* Воспоминания. 1860–1862. М.: РОССПЭН. 1999. С. 39–40.
6. *Мещерский В. П.* Воспоминания... С. 36.
7. *Соловьев С. М.* Мои записки для детей моих, а если можно, и для других // Сочинения. М., 1995. Т. 18. С. 646–647.
8. Там же. С. 648–649.
9. *Захарова Л. Г.* Самодержавие и отмена крепостного права в России. 1856–1861. М.: МГУ. 1984. С. 78.
10. *Головин К. Ф.* Воспоминания. Т. 1.
11. *Захарова Л. Г.* Самодержавие и отмена крепостного права... С. 144.
12. *Проскурякова Н. А.* Россия в XIX веке: государство, общество, экономика. Учебное пособие для вузов. М.: Дрофа. 2010. С. 384.
13. *Христофоров И. А.* «Аристократическая» оппозиция Великим реформам. Конец 1850 – сер. 1870-х гг. М.: Русское слово. 2002.
14. Из архива С. Ю. Витте... Т. 2. С. 38.
15. *Мироненко С. В.* Великая, но неудачная. К 150-летию крестьянской реформы 1861 года // Великая крестьянская реформа 1861 года и ее влияние на развитие России: Сборник докладов Всероссийской научной конференции, посвященной 150-летию отмены крепостного права: Изд-во РГАУ-МСХА им. К. А. Тимирязева, М., 2011. С. 17–19.
16. *Мионов Б. Н.* Благополучие населения и революции в имперской России: XVIII – начало XX века. М.: Новый хронограф. 2010. С. 319–321.
17. Цит. по: *Христофоров И. А.* «Аристократическая» оппозиция... С. 244.
18. *Скребицкий А.* Крестьянское дело в царствование императора Александра II. Материалы для истории освобождения крестьян. Бонн на Рейне 1862. Т. 2-1. С. 92.
19. Там же. С. 527–528.
20. Там же. С. 109–110.
21. *Соловьев С. М.* Мои записки для детей моих... Т. 18. С. 649, 654.
22. Из архива С. Ю. Витте... Т. 2. С. 49–50.
23. *Зайцев К. И.* Административное право. Ч. 2. Прага 1923. С. 180.
24. Великая реформа... Т. 5. С. 291–301.
25. *Зайцев К. И.* Административное право ... С. 80.
26. *Страховский И. М.* Крестьянские права и учреждения. СПб., 1903. С. 163.
27. *Семенов Н. П.* Освобождение крестьян в царствование императора Александра II. СПб., 1890. Т. 2. С. 487.
28. *Чичерин Б. Н.* Воспоминания ... Т. 2. С. 14.
29. *Чернуха В. Г.* Крестьянский вопрос в правительственной политике России (60–70 годы XIX в.) Л.: Наука. 1972. С. 145–146.
30. Там же. С. 150.
31. *Головин К. Ф.* Воспоминания... Т. 2. С. 70.
32. *Страховский И. М.* Крестьянский вопрос в законодательстве и законосовещательных комиссиях после 1861 г. // Крестьянский строй. Сборник статей. Т. 1. СПб., 1905. С. 383.
33. *Бунге Н. Х.* Загробные заметки // Река времен. Книга 1. ... С. 207.
34. *Страховский И. М.* Крестьянские права и учреждения... С. 168.
35. *Страховский И. М.* Крестьянский вопрос. С. 417.
36. Там же. С. 420.

НАЧАЛО РОССИЙСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

Антикапиталистическая утопия при капитализме

Как общее руководящее начало экономической политики надлежит знать, что только равновесие сельскохозяйственной и промышленной деятельности народа является залогом мощи и независимости государства.

Страны исключительно земледельческие в конечном своем результате обречены на бедность и политическое бессилие. Мириться с положением колоний и житниц можно лишь под давлением жестокой необходимости. Поэтому исключительная земледельческая идеология должна быть, под углом зрения народного хозяйства, отвергнута, как сулящая нам печальное будущее.

В. И. Ковалевский

Вообще вопрос о значении промышленности в России еще не оценен и не понят. Только наш великий ученый Менделеев, мой верный до смерти сотрудник и друг, вопрос этот понял и постарался просветить русскую публику. Надеюсь, что его книга по этому предмету принесет пользу русскому обществу. Конечно, когда он был жив, говорили, что он пишет так, потому что подкуплен, заинтересован.

С. Ю. Вумме

При Александре III Россия вступила на путь модернизации*.

Классической модернизацией называется процесс фундаментального перехода от аграрного традиционного общества к современному индустриальному.

В общем виде принято выделять первичные («органичные», эндогенные) и вторичные («неорганичные», «догоняющие», экзогенные) модернизации. Первые происходили в большинстве стран Западной Европы и США, где указанные процессы при всей их сложности шли естественно, были закономерным («логическим») следствием предшествующей истории.

---

* Сейчас термин «модернизация» используется в различных смыслах: «для обозначения широкого перехода от традиционности к современности; для характеристики преобразований, которые осуществляются современных современных обществах; для объяснения усилий, предпринимаемых странами «третьего мира» с целью приблизиться к характеристикам наиболее развитых обществ; для описания трансформаций, переживаемых постсоциалистическими странами». (Побережников И. В. Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации. М.: РОССПЭН, 2006. С. 8.)

Экзогенные модернизации в XIX в. имели место в странах с деспотическими режимами – России и Японии (позже в Турции). Эпитет «неорганичная» подчеркивает тот факт, что история этих стран не предполагала модернизацию как естественный вывод из прошлого, как новую фазу предыдущего развития. Соответственно, модернизация начиналась там в менее благоприятных, чем на Западе, исходных условиях.

Модернизация отнюдь не сводится, как иногда считается, к созданию крупной тяжелой промышленности.

Основными характеристиками модернизированного общества являются правовое государство, гражданское общество, соответствующая уровню эпохи экономика (развитая индустрия, интенсифицированное сельское хозяйство), и формирование рационального автономного индивида.

Модернизационные процессы развиваются, таким образом, в нескольких взаимосвязанных сферах – политической, социальной, экономической, культурной и психологической – разумеется, с разной интенсивностью.

Ограниченность российской версии экзогенной модернизации особенно заметна при сопоставлении с японским ее вариантом.

Как считается, обе страны они хотели воспользоваться плодами достижений Запада – промышленных, научно-технических, культурных и т.д. – в сходных целях: Россия для того, чтобы вернуть статус великой державы, а Япония – чтобы его получить.

При этом обе страны дорожили своим прошлым, культурой и традициями и собирались превращаться в некую усредненную «западную» страну.

Однако к решению поставленных задач они подошли по-разному.

Напомню, что реализация «Клятвы пяти пунктов»* привела к следующим результатам. За 1868–1873 гг. Япония, несмотря на настоящую гражданскую войну, покончила с феодальной раздробленностью и крупным феодальным землевладением, упразднила сословное неравенство, легализовало сделки на землю, стала всемерно поощрять частное предпринимательство, что в сово-

---

* Шестого апреля 1868 г. император Муцухито (Мэйдзи) принес знаменитую «Клятву пяти пунктов»:

«1. Будут организовываться общественные собрания, и все государственные дела будут решаться в соответствии с общественным мнением.

2. Правители и управляемые одинаково должны посвящать себя служению народу.

3. Военным и гражданским чинам, а также простому народу будет предоставлена возможность проявить личную предприимчивость и активность.

4. Будут устранены все дурные обычаи прошлого, и все действия будут проводиться на основе справедливых законов.

5. Полезные знания будут заимствоваться во всем мире, и таким путем будут укрепляться основы империи». (История Японии. В 2 т. М., Институт востоковедения РАН. 1998. Т. 2. С. 31.)

купности создавало необходимые предпосылки для быстрого развития капитализма.

В 1872 г. введена всеобщая воинская повинность, которая должна была окончательно подорвать позиции самураев. Создана стройная административно-бюрократическая система управления, основанная на равенстве сословий, на усилении роли казны и единой финансовой системы страны, на подчиненных центру регулярных воинских подразделениях. Аграрная реформа ликвидировала крупное феодальное землевладение, выкупленное государством на выгодных для знати условиях. В 1872 г. был легализован принцип частной собственности на землю: разрешена купля-продажа земли и проведена поземельная перепись, в ходе которой владельцы вместе с документами получали землю в собственность. Все крестьяне юридически были объявлены собственниками, хотя не все ими остались. В 1872 г. был принят закон о всеобщем начальном четырехлетнем образовании,¹ по которому мужчины и женщины всех сословий получили равное право получить образование.* В начале 1880-х появились первые политические партии, а в 1889 г. – парламент.

Россия сознательно пошла другим путем.

Результаты обе страны сверили в 1904–1905 гг. в Порт-Артуре, на полях Маньчжурии и в Цусимском проливе.

И Япония, в считанные годы покончившая с долгим Средневековьем, убедительно доказала состоятельность *своего* подхода к модернизации.

Как такое могло произойти? Ведь, скажем, в 1875 г. подобная перспектива показалась бы неудачной шуткой.

А случилось это потому, что Япония воплощала в жизнь продуманную *программу* всесторонних и притом *радикальных* преобразований, характеризуя которые Уинстон Черчилль заметил, что «за период жизни менее чем двух поколений, не имея никакого опыта, кроме своего далекого прошлого, японцы шагнули от двуручного самурайского меча к броненосцам, нарезным орудиям, торпедо и пулемету «Максим»; такая же революция произошла и в промышленности»².

Японцы сумели осознать, что во второй половине XIX в. без ликвидации средневековых стеснений и сословных перегородок, без общегражданского строя, основанного на равенстве граждан в юридическом отношении, невозможно ни создание и укрепление государственной мощи, ни раскрепощение личностного потенциала населения, что в данную эпоху является залогом успешного развития нации во всех сферах жизни – от бизнеса и изобретательства до науки и культуры.

---

* В 1886 году было введено обязательное 4-х летнее начальное образование, которое с 1900 года стало бесплатным. К концу XIX века его получало уже около 85% японских детей. По этому показателю к началу XX века Япония сравнялась с Великобританией.

Япония из-за этого отнюдь не стала среднестатистической европейской страной – она создала не либеральное государство, а конкурентоспособный государственный организм, сохранив при этом свои богатейшие исторические традиции. Она «просто» сумела, используя достижения и опыт Запада, оплодотворить потенциал японского народа, оптимизировав его лучшие качества, значительно повысить уровень того, что сейчас называется «человеческим капиталом», и резко ускорить свое развитие.

Благодаря реформам Япония сумела вдохнуть новую энергию в привычную жизнь, сумела сплотить нацию, дать ей новые цели и смыслы.

Россия же после 1861 г. во многом *сознательно* фактически реализовывала гигантскую *антикапиталистическую утопию* – первую в своей истории.

Утопию о том, что во второй половине XIX в., в индустриальную эпоху, можно быть «самобытной» великой державой, т.е. влиять на судьбы мира, отвергая все то, за счет чего конкуренты добились процветания, и в первую очередь – общегражданский правовой строй и соответствующие права всего населения, а также свободу предпринимательства.

Поэтому Россия лишь модифицировала, пусть и весьма серьезно, многие, но далеко не все из ключевых аспектов своего бытия, за 50 лет не отважившись пройти и половины пути, пройденного японцами за пять.

В итоге в начале XX в. Российская империя была единственной мировой державой, которая обходилась без парламента и не подпадала под определение правового государства, где 80% населения не имело права собственности на обрабатываемую землю и свободы передвижения, где не произошла агротехнологическая революция, отсутствовали полная свобода предпринимательства, всеобщее начальное образование и многое другое. И где крестьян до 60 лет *по закону* можно было пороть – вплоть до августа 1904 г.

Одним из результатов такой политики стало, в частности, нарастание кризиса аграрного перенаселения в ряде губерний страны.

Едва ли не лучшее объяснение его причин принадлежит, на мой взгляд, известному экономисту Б. Д. Бруцкису. Он видел их в недостаточных темпах экономического развития, не соответствовавших ни международному положению Империи, ни исключительно высоким темпам прироста ее населения.

Правительственная политика не позволила интенсифицировать крестьянское хозяйство, не обеспечила развития промышленности настолько мощного, что она могла бы оттянуть избыточную рабочую силу от наделов. Кроме того, власть 30 лет «упорно задерживала колонизацию окраин» и вплоть до реформы Столыпина «бессмысленно тормозила эмиграцию за океан».

В этих условиях быстро растущее крестьянство, особенно общинное, «скоплялось на своих наделах и, меняя очень медленно свои системы хозяй-

ства, создавало избыточное предложение рабочих рук и избыточное количество едоков»³.

При этом **«самые основы сословно-тяглового строя правительство по-прежнему оберегало, как свой палладиум.** По-прежнему у правительства не было настоящего доверия ни к общественной, ни к индивидуальной самодеятельности, и существовала определенная боязнь просвещения.

Социально-экономический процесс привел к тому, что в огромной стране, правительство которой при этом желало играть одну из первых ролей в мировой политике, основное производство, на котором зиждилось все благосостояние страны, лежало в руках крестьянства. А между тем **отрицались все предпосылки,** которые дали бы крестьянам возможность покончить с пережитками натурального хозяйства и стать культурными сельскими хозяевами»⁴.

Очень важные слова.

С одной стороны, это весьма емкое описание едва ли не главного парадокса нашей пореформенной истории – глубокого несоответствия между уровнем амбиций элит и теми средствами, с помощью которых они воплощали эти амбиции в реальную жизнь. Страна, претендующая на роль одного из мировых лидеров, упорно сохраняла вынесенные из эпохи Венского конгресса представления об основах мировой политики, о том, что такое статус великой державы и каким образом он поддерживается в индустриальную эпоху.

А с другой, фактически – это обвинение в недостаточной квалифицированности и даже некомпетентности правительства Империи, оказавшегося не на высоте стоящих перед ним задач. Даже в тех ограниченных рамках, в которые были поставлены производительные силы страны после 1861 г., можно было сделать намного больше.

При этом важно знать, что на этом долгом пути отрицания государственного здравого смысла рядом с правительством часто был надежный союзник (иногда – сообщник) – **большая часть общественности,** в том числе и так называемой передовой, которая сходилась с «ненавистным режимом» в неприятии и отторжении капитализма.

Поэтому когда в 1890-х гг. вектор экономической политики в большой мере изменился, и стартовала модернизация Витте–Столыпина, общество начало жестко оппонировать власти и по этой проблематике тоже.

Ставший министром финансов Витте понимал необходимость оживления торговли и производства путем создания новых предприятий и строительства железных дорог, интеграции отдельных частей Империи во все-российский рынок. И действительно, его мероприятия «привили нашему дряхлому хозяйственному организму известную бодрость, пробудили его

от спячки и усилили в нем жизненные силы; они придали нашей деятельности ускоренный темп и оживили его притоком свежих сил и новых начинаний»⁵.

Введение в 1891 г. протекционистского тарифа резко повысило уровень антииндустриализма в русском обществе, и критика промышленной политики стала одной из важнейших тем публицистики разных направлений.

С одной стороны, правительство (как почти всегда) не смогло внятно разъяснить общественности стратегические выгоды перемен, назревшую необходимость превращения России в страну развитой промышленности, а с другой, люди не очень-то были расположены к восприятию объяснений, оправдывающих их переплаты за товары здесь и сейчас. Каким образом индустриализация поможет решить аграрные проблемы, очень многим людям – и даже с высшим образованием – было попросту недоступно.

Рост денежного хозяйства, капитализма трактовался не как естественная и неизбежная фаза исторического процесса, не как смена устаревшей формы хозяйства более прогрессивной – а к концу XIX в. об этом в Европе знали везде, кроме России, но как вражеское нашествие капиталов, губящее наш исконный экономический строй.

Характерно, что так думали не только левые народники, но и люди совсем другого интеллектуального уровня, например, К. Ф. Головин и С. С. Бехтеев. Здесь уместно напомнить, что в России в конце 1850-х гг. на тысячу жителей в возрасте от 20 лет и старше насчитывалось 9 человек с высшим и средним образованием (0,9%), в 1897 г. – 16 человек (1,6%), а в 1917 г. – 40 (4,0%). Конечно, законченное образование имели не все те, кого мы считаем образованными.

Очень модной стала тема искусственного насаждения правительством индустрии в ущерб сельскому хозяйству. В этом плане весьма интересны рассуждения участников Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности С. Ю. Витте. Совещание знаменовало, как мы увидим, перелом в оценке обществом общины и вообще ситуации в аграрном секторе, однако в том, что касалось промышленности, мнения Комитетов оказались на уровне 1840–1850-х гг.

Так, Бахмутский уездный комитет Екатеринославской губернии (на его территории находилась Юзовка и десятки других заводов) отметил, что «финансовая политика России, под давлением мировой борьбы на существование, была поставлена в необходимость искусственно навязать фабрично-заводскую промышленность, пренебрегая интересами потребителя»⁶.

Казалось бы, в каком другом районе России общественность могла бы яснее убедиться в том, **что** дает стране индустрия? Разве не благодаря промышленности расцвел и обогатился этот край (о чем мы вскоре узнаем)? Где еще в России крестьяне получили столько выгод от развития фабрик, заво-

дов, шахт, рудников и железных дорог, как в Екатеринославской и смежных с ней губерниях?

Но нет.

По этой логике огромные залежи угля, железа, поваренной соли, марганца и ртути, которыми была полна Екатеринославская губерния, нужно было оставить в земле и не пытаться их «искусственно» извлекать.

Это мнение отнюдь не было единичным – с ним солидаризовались комитеты Харьковский, Киевский, Казанский, Смоленский и Нижегородский, а в Тульском комитете было сказано, что «можно создать искусственно подогретую промышленность, но нельзя создать искусственный рынок; все искусственное, не соответствующее естественным условиям – обречено на гибель, и вот мы видели искусственно созданный расцвет фабрично-заводской промышленности, который не успев расцвести – уже завял»⁷. В Казанском комитете продукция отечественной фабрично-заводской промышленности была уподоблена ананасам, «выращенным в оранжерее русского помещика: они могут ласкать хозяйский взор, но не годятся для наживы», а приток капиталов в индустрию был назван «государственной ошибкой»⁸.

В основе подобных взглядов лежало, в частности, твердое убеждение в том, что у России свой путь, и примеры Запада нам не указ.

Замечу, что тогда (и не только тогда) элиты всех ведущих держав считали свое развитие самобытным, настаивали на своей особости – так устроены люди. Однако за мировое первенство они соревновались, условно говоря, в узаконенных видах спорта, а не изобретали свой собственный, чтобы стать в нем чемпионом – за отсутствием конкурентов. То есть им, в отличие от российских элит, не нужно было объяснять важность бессословного общества, прав человека, свободы экономики и многого другого.

Только поражение в русско-японской войне, ставшая *настоящим потрясением* для жителей страны, и спровоцированная ею революция 1905 г. ясно показали цену «самобытного» утопизма – Россия оказалась на грани крушения.

И тогда наиболее дальновидная часть истеблишмента выступила за смену алгоритма развития страны. П. А. Столыпин зафиксировал это в известных словах: «Преобразованное по воле монарха Отечество наше должно превратиться в государство правовое».

Тем самым Россия встала на общемировой путь.

Мы должны понять, почему это произошло так поздно.

Первая утопия: как это было

С особенным раздражением мы, рудничные инженеры Донецкого бассейна, относились к той общественной недоброжелательности, которой мы подвергались за якобы эксплуататорское отношение промышленности к рабочим, по существу же за то, что мы занимались промышленным делом.

В наличии рудников, в их быте, в том, что они вносили в местную жизнь, хотели видеть только дурное – сказывалась исконная неприязнь, почти ненависть русского интеллигента к промышленности, к возможному накоплению, подозреваемому богатству. Эта неприязнь связывалась всегда с обязательностью сожалительного плача над меньшим братом. Много было в этом легкомыслия, незнания и нежелания знать.

А. И. Фенин

Мы помним, что в пореформенную эпоху образованный класс страны вступил с Новым общественным настроением, в котором антикапиталистические и антибуржуазные настроения, нередко густо замешанные на социализме, играли более чем значимую роль.

И основные характеристики модернизированного общества вписывались в это настроение, мягко говоря, не полностью.

Первая часть этой книги, полагаю, дает представление о том, сколько препятствий стояло на пути создания:

- правового государства в стране с «неопределенным юридическим бытом» (К. П. Победоносцев) и слабым правосознанием жителей;
- гражданского общества людьми, прошедшими школу крепостничества, – от императора до крестьян;
- рациональной личности в стране с минимальной грамотностью;
- современной экономики в стране, где правительство, полтора года лет с энтузиазмом насаждавшее аграрный коммунизм, не осознавало требований времени и скептически воспринимало мировой опыт.

Перспектива индустриализации по-прежнему отвергалась немалой частью образованного класса, видевшего Россию аграрной, но не промышленной страной. Громадное значение промышленности для укрепления мощи страны и ее обороноспособности адекватно не воспринималось. За рамки выносилась полуфеодалная казенная военная промышленность, противопоставлявшаяся «социально чуждым» частным предприятиям.

Понятно, что подобная недооценка роли индустрии и непонимание ее важности всегда были характерны для отсталых земледельческих стран, но японцы почему-то смогли преодолеть этот стереотип.

Разумеется, вышесказанное не нужно понимать прямолинейно.

Никто, условно говоря, не произносил с самых высоких трибун речей на пленумах и съездах в духе «мы вас, капиталистов, закопаем» (хотя кое-что близкое по смыслу, – но не по стилистике! – попадалось), никто не вешал соответствующих плакатов, не выпускались почтовые марки с обязательствами, сколько фабрично-заводской продукции мы не произведем и т.п.

Утопия не была неким «плановым заданием», выполняемым всегда активно и осознанно, – просто на пути капитализма стояли мощные институциональные препятствия, которые со временем укреплялись и которые поддерживало общественное мнение. Очень многое шло просто по инерции крепостной эпохи, и у меня нет уверенности, что это всегда происходило сознательно, т.е. с полным пониманием последствий тех или иных действий.

Разумеется, на деле капитализм в стране развивался, строились железные дороги, возникали новые предприятия и т.д. Великие реформы действительно преобразили страну.

Я говорю о том, что его развитие, точнее, развитие производительных сил шло недостаточно интенсивно, и во многом потому, что российские элиты, в отличие от западных, не считали его приоритетной задачей.

Считается, что целью модернизации было в первую очередь возвращение России статуса великой державы, однако проводилась она весьма специфично.

Историк Л. Е. Шепелев писал: «Капитализм как буржуазный общественный строй (т. е. в современном нам широком понимании этого слова) не мог быть непосредственной целью политики царского правительства по классовым соображениям и не был такой целью в действительности.

Капиталистическая система хозяйства ... – вот то единственное, что принималось правительственной политикой в качестве полезного элемента – средства достижения развития крупной промышленности в стране»⁹.

С этим мнением нельзя не согласиться. Правительство, с одной стороны, не могло создать «настоящего» капитализма, а с другой стороны, оно искренне этого не хотело – по соображениям морально-нравственного свойства.

Не могло потому, что для этого нужно было отказаться от основы государственной политики – сословно-тяглового строя и дать подданным общегражданские «буржуазные» свободы, в том числе ввести частную собственность крестьян на землю и юридически уравнивать всех граждан вне зависимости от сословной и вероисповедной принадлежности и т.д. Ни правительство, ни общество не были готовы к столь радикальным переменам в окружающей действительности. Понимания органической взаимосвязи и взаимообусловленности уровня экономики и степени гражданских свобод у них не было.

Поэтому царизм брал у индустриальной эпохи то, что считал нужным, и игнорировал остальное, не понимая, что в эпоху *непрерывного* усложнения прогресса такой избирательный подход заранее обрекает Империю на новый виток отставания – там, где власть, а не рынок решает, что нужно стране, неизбежно возникнут проблемы с технически сложными производствами, способными воплощать бесчисленные новации.

А не хотело потому, что капитализм со всеми своими атрибутами воспринимался в России как абсолютное зло и притом совершенно апокалиптически.

Понятно, что Россия не была одинока в своем неприятии капитализма – ведь его критику русские журналы заимствовали из западных источников. Антибуржуазный, антимещанский как бы «Интернационал» де-факто появился куда раньше организации Маркса и Энгельса.

Подробный анализ этого сюжета увел бы нас далеко в сторону. Замечу лишь, что такой концентрации антикапиталистических настроений, какая была в России, причем не только в интеллектуальной среде, но и во властных структурах, включая самые высшие, не было ни в одной из ведущих стран того времени.

Мы располагаем **тысячами** страниц официальных правительственных документов, литературы и публицистики всех цветов политического спектра, художественной литературы и источников личного происхождения, которые в разной форме подтверждают эту мысль.

Из множества мнений за недостатком места приведу пять, но показательных.

В 1885 г. С. Ю. Витте (!) опубликовал статью «Мануфактурное крепостничество», в которой призывал бороться с идеологией «манчестерства», т.е. свободного развития капитализма, «чтобы не уродовать духовно и телесно русский народ», который **«выстрадал терпеливо крепостное право»**, но может не справиться с «новым рабством...[с] мануфактурным крепостничеством»: «Неужели необходимость увеличения отвлеченного “богатства страны” посредством развития русских мануфактур поведёт и у нас к ломке нашего исконного строя, к обращению хотя бы части русского народа в фабричных автоматов, несчастных рабов капитала и машин?»¹⁰.

Один из последних могикан Редакционных Комиссий Н. П. Семенов писал в 1896 г.: **«Гнет капитала невыносим для свободного духа человека.** В сравнении с этим гнетом бывшая у нас крепостная зависимость крестьян представляется легкой (!!! – М. Д.), и если правительство думало бы когда-нибудь серьезно вести Россию по пути, в конце которого стоит обнищание народных масс, то стоило ли бы поднимать столько хлопот для освобождения крестьян, чтобы променять путавшую их веревку на железные цепи, надева-

емые на настоящие рабочие руки эгоизмом и бездушием собирателей капитала?»¹¹.

В. К. Плеве в 1897 г., полемизируя с Витте в Особом совещании по делам дворянства, утверждал: «Имеется полное основание надеяться, что Россия будет избавлена от гнета капитала и буржуазии»¹².

Министр иностранных дел М. Н. Муравьев в 1899 г. на совещании у Николая II заметил, что вместе с иностранным капиталом «проникают в население идеалы и стремления, присущие капиталистическому строю», и правительство не может смотреть на это равнодушно¹³.

Таким образом, со времен Е. Ф. Канкрин восприятие капитализма крупными бюрократами не изменилось*.

А вот мнение кумира «народолюбивой» интеллигенции Н. К. Михайловского: «Кредит, промышленность, эксплуатация природных сил страны – все это вещи сами по себе прекрасные», однако «если они направлены не ко благу непосредственно трудящихся классов», то дают «только средства обирать народ. Всякому известно, что когда акционерная компания берет на себя какое-нибудь производство, то она разоряет в районе своих действий все мелкие хозяйства и вводит нищету... Поэтому всякому понятно, что вся публицистика, ратующая за развитие кредита... за умножение акционерных обществ в России, за развитие отечественной промышленности – ратует за гибель и нищету русского народа»¹⁴.

Соответствующим образом общественное мнение оценивало предпринимательство и предпринимателей, – достаточно вспомнить, что русская классическая литература не дает ни одного положительного образа бизнесмена (исключая Штольца, – если, конечно, считать его таковым).

П. А. Бурыйшкін пишет об этом со сдержанной обидой¹⁵, а вот А. А. Вольский менее академичен: «Практика показала, что на «культурном» (по крепостнической традиции) языке нашего любезного отечества слово «промышленник» сделалось почему-то синонимом слова «мошенник», «кровопийца», «эксплуататор» и прочих, не менее лестных, определений. Такая практика вошла в плоть и кровь нашего общественного мнения»¹⁶.

Тут дело не только в механической ненависти общества к капитализму под предлогами морального свойства. Проблема намного глубже.

Разные источники говорят о неприязни большей части общества не просто к капитализму, а к производительному труду как таковому. Подобный «аристократический» взгляд характерен для образованных людей и других традиционных стран; в Латинской Америке он актуален и в наши дни.

П. Б. Струве в статье «Интеллигенция и народное хозяйство» (1908) констатирует, что в ходе революции 1905 г. рухнуло «целое мирозерцание»,

* С. Ю. Витте в 1885 г. еще не был бюрократом, однако говорил вполне искренне.

оказавшееся несостоятельным. В его основе лежало соединение «идеи личной безответственности» и «идеи равенства».

Экономический прогресс, продолжает Струве, всегда зиждится на том, что более производительная система вытесняет менее производительную. Это не расхожая, как часто считает «школьный марксизм», а весьма «тяжеловесная истина». Люди не всегда постигают ее многообразный смысл, ее объемное наполнение.

Более производительная система не есть бездуховная абстракция. Большая *производительность* всегда подразумевает «более высокую личную *годность*» членов общества. А эта *годность* есть сумма определенных душевных качеств, таких, как «выдержка, самообладание, добросовестность, расчетливость».

В ходе революции 1905 г. идею личной *годности* утопили в «идее равенства безответственных личностей». Носитель идеи личной безответственности заявляет, что во имя равенства всех людей он требует таких-то мер, безотносительно того, может ли он «*оправдать*» это требование своим личным поведением».

Носитель идеи личной *годности* говорит: «Я требую того-то и того-то, и берусь оправдать это требование своим *личным поведением*»¹⁷.

Воспитанной на идее безответственного равенства русской интеллигенции никогда не была доступна сама суть экономического развития общества, равно как и тот факт, что неотъемлемый элемент более эффективной хозяйственной системы – «человеческая личность, отмеченная более высокой степенью *годности*».

Интеллигенция «в ее целом не понимала и до сих пор не понимает значения и смысла промышленного капитализма. Она видела в нем только “неравное распределение”, “хищничество” или “хапание” и не видела в его торжестве победы более производительной системы, не понимала его роли в процессе хозяйственного воспитания и самовоспитания общества».

Разные взгляды на экономическое развитие обусловлены, по Струве, различием в религиозном мирозерцании.

Экономическое мировосприятие русской интеллигенции может базироваться либо на том «безрелигиозном механическом рационализме», который породил «*доктрину*» западноевропейского социализма, своего рода общественный атеизм», либо на том религиозном народничестве, которое ярче всех представляет Л. Н. Толстой, выставивший идеалом человека «Иванушку-дурачка».

Струве заключает: «Оба эти, резко, до враждебности различные мировоззрения сходятся в одном, что **они не уважают и не любят в человеке “силы” и не различают в людях “качества”, т.е. именно того, в чем суть идеи личной *годности***»¹⁸.

В 1893 г. Толстой опубликовал статью «Неделание», в которой солидаризуется с мнением Лао-цзы, что бедствия человечества происходят не потому, что люди не сделали того, что нужно, а потому, что они делают то, что не нужно. Поэтому жить было бы куда проще, если бы люди «соблюдали неделание».

«Пусть каждый усердно работает», – рассуждает Толстой, – «Но что? Биржевой игрок, банкир возвращается с биржи, где он усердно работал; полковник с обучения людей убийству, фабрикант – из своего заведения, где тысячи людей губят свои жизни над работой зеркал, табаку, водки. Все эти люди работают, но неужели можно поощрять их работу?»¹⁹.

Он категорически не согласен с тем, что труд, особенно на Западе, считается добродетелью, – это точка зрения муравья из басни.

Труд не большая добродетель, чем питание, и считать труд достоинством – не меньше «уродство» (термин Толстого – *М. Д.*), чем возведение в достоинство и добродетель процесса поглощения пищи.

Более того, по Толстому, в современном «ложно организованном обществе» труд – своего рода нравственный анестетик, как табак или алкоголь, позволяющий камуфлировать «неправильность и порочность» своего бытия: «Когда мне рассуждать с вами о философии, нравственности и религии, мне надо издавать ежедневную газету с полмиллионом подписчиков, мне надо организовать войско, мне надо строить Эйфелеву башню, устраивать выставку в Чикаго, прорывать Панамский перешеек, дописать двадцать восьмой том своих сочинений, свою картину, оперу». Этот «пустой и большею частью вредный труд» оправдывает ту бессмысленную жизнь, которой в массе живут люди²⁰.

Толстой, разумеется, обойдется без моих комментариев, однако здесь важно то, что он артикулирует весьма распространенную среди русских образованных людей точку зрения.

В 1913 г. Совет съездов представителей промышленности и торговли выпустил обзор деятельности III Государственной Думы в этой сфере. В частности, там говорится, что думская трибуна могла бы стать важным и нужным «источником оздоровления русской общественной атмосферы, крайне неблагоприятной для всякой широкой экономической деятельности».

В действительности, деловых ораторов в Г. Думе было очень мало, слушать же их не хотели. Принадлежность данного деятеля к торгово-промышленному классу возбуждала недоверие в его взглядам, а излюбленными ораторами думского экономического большинства ... были люди с кустарным умом и с кустарными приемами работы, принижающие трибуну великого народа.

Думская атмосфера в экономических вопросах представляла интересную комбинацию **интеллигентской неприязни ко всякой производительной**

деятельности – с густой струей крестьянской враждебности ко всяким другим формам народного хозяйства, кроме хождения за сохой»²¹.

Вот такой аккомпанемент и сопровождал российскую модернизацию.

И правительство, и общественное мнение очень волновали чрезмерные, по их мнению, доходы предпринимателей²².

Можно как угодно относиться к капитализму, но **настоящий** капитализм – это всегда права, в том числе и права человека. Они могут реализовываться в большей или в меньшей степени (вопрос места и времени), но это – **права**.

Антикапитализм – что в мягком варианте 1861–1905 гг., что в жесткой и жестокой версии 1917–1991 гг. – это всегда ограничение или отсутствие прав.

Мы помним, что при Николае I одной из причин европейских потрясений считалось обилие прав, полученных людьми. Упрек где-то понятный со стороны людей, этих прав не имеющих.

Но после 1861 г. те, кто отрицал капитализм и поддерживал уравнилельно-передельную общину как олицетворение «равного распределения», даже не подозревали о том, что крестьяне не меньше их достойны иметь те общегражданские права, которые во всей полноте имеют они сами, в том числе и «право на неравенство».

Конечно, в России было множество людей, которые подобно Н. Г. Гарину-Михайловскому, одному из строителей Транссиба (и не только), могли сказать, что верят в творческую силу капитализма, в то, что «железная дорога, фабрика, капиталистическое хозяйство несут в себе сами культуру, а с ней и самосознание», что железная дорога и интенсивное сельское хозяйство являются средством «более быстрого развития жизни, хотя бы экономической, с которой придет и остальное»²³.

Однако, увы, не они определяли общественный климат, в котором господствовало категорическое отторжение «мира наживы», превратившееся в один из маркеров нашей самобытности.

Конечно, определенную роль в этом сыграло то, что критика раннего капитализма в России была воспринята слишком серьезно. К середине XIX в. русское общество явно было перекормлено его ужасами. В итоге капитализм дружно порицали и обитатели Зимнего дворца, и посетители явочных квартир.

Однако глобально подобное отношение – продукт всей русской истории и культуры в самом широком их значении, а его корни в первую очередь следует искать в наследии православия²⁴, вспомним, хотя бы С. Н. Булгакова*.

---

* «Православие не стоит на страже частной собственности как таковой, даже в той степени, в какой это еще делает католическая церковь, видящая в ней установление *естественного* права... Православие не может защищать капиталистической системы хозяйства как таковой, ибо она основана на эксплуатации наемного труда, хотя и может до времени мириться

Общеизвестно, что промышленность после 1861 г. развивалась недостаточно интенсивно, чтобы привлечь на фабрики и заводы лишние рабочие руки из деревни. Однако в литературе об этом уже свыше ста лет сообщается как о некоей априорной данности, вроде наклона оси орбиты Земли.

Между тем оба феномена имеют вполне «рукотворный» характер. Слабое развитие промышленности – это не вердикт Истории Российской империи, это закономерное следствие *осознанной* торгово-промышленной политики правительства. Эта политика, в частности, не предполагала предоставления предпринимательству полной свободы, подозрительно воспринимала иностранные капиталы и множеством архаичных ограничений затрудняла образование новых предприятий и торгово-промышленную деятельность вообще²⁵.

В то же время демографический взрыв – в огромной мере результат действия созданного реформой и искусственно поддерживавшегося до 1906 г. общинного режима, прямо поощрявшего рождаемость. При этом община, ограничивавшая – в числе прочего – свободу передвижения крестьян, тормозила не только образование рынка свободной рабочей силы.

Во всех ведущих странах соответствующие духу времени военные реформы подкреплялись созданием промышленности, способной производить современное вооружение для армии и флота. Однако факты говорят о том, что у российских элит попросту не было сколько-нибудь ясного понимания этого пласта проблем. Так, реальная история пореформенной индустриализации демонстрирует отсутствие у Власти в течение 1860–1880-х гг. должной энергии и стратегического видения в подобных вопросах. Об обществе и говорить не приходится – за немногими исключениями.

Если в Японии проводилась прицельная приватизация промышленности, то у нас в приоритете был казенный военпром, ставка на который давно себя не оправдывала. Казенные заводы были весьма похожи на советские предприятия в том отношении, что разориться они не могли в принципе, а качественной продукции производили явно недостаточно, будучи при этом черной дырой в бюджете Империи.

В свете этой информации не кажется случайностью, что во время войны 1877–1878 гг. Россия, в отличие от Турции, оказалась без современного флота. А ради чего тогда вся внешняя политика Империи 15 лет строилась вокруг отмены условий Парижского трактата, которая с большой помпой произошла в

с ним в виду его заслуг в поднятии производительности труда и его общей производственной энергии». (Булгаков С. Н. Православие: Очерки учения православной церкви. М., 1991. С. 366–367.) В то же время «мы имеем совершенно достаточное основание для *положительного* отношения к социализму, понимаемому в самом общем смысле, как отрицание системы эксплуатации, спекуляции, корысти» (Там же. С. 362).

1871 г.? Помпой все и ограничилось – Россия, в отличие от Турции, не имела не только современного флота на Черном море, но и дальнобойной стальной артиллерии, а из пехотинцев лишь каждый пятый имел усовершенствованную винтовку «бердан № 2»²⁶.

Избранный вариант развития страны был бы менее утопическим, если бы Российская империя умерила свои внешнеполитические аппетиты и сконцентрировалась на освоении *уже* завоеванной гигантской территории, равной 1/6 земной суши.

Однако было весьма наивно, не понимая, за счет чего враги и конкуренты опережают нас, сохранять во второй половине XIX и начале XX вв. прежний масштаб претензий к географической карте и реанимировать амбиции образца 1815–1853 гг., имея в качестве государственного базиса общинный вариант некрепостничества, неграмотное на 80% население и промышленность, которой не дают свободно развиваться.

Здесь дурную роль – как всегда и везде в подобных случаях – сыграли воспоминания-наркотик о былом военном величии XVIII – первой половины XIX в.

Как теперь понятно, в середине XIX в. наша страна априори имела немало возможностей для того, чтобы силой вещей стать одним из мировых лидеров не только по размерам территории и по количеству солдат, которые она могла поставить под свои знамена.

Когда задумываешься о том, почему этого не произошло, на ум поневоле приходит следующая аналогия.

В определенном смысле Россия повторила – конечно, в других условиях, на другом уровне и в другое время – судьбу Испании, которая, казалось бы, после открытия Америки была обречена на роль первой в мире державы, однако довольно быстро утасла, не использовав предоставленные ей шансы.

И в том, и в другом случае роковую роль сыграл феномен, который именуется исследователями как цивилизационный или культурный код, имевший выраженную антибуржуазную, антикапиталистическую направленность

Нам сейчас не столь важны разночтения в терминологии, важно, что речь, в сущности, идет об очень схожих явлениях – о сложнейшем комплексе архетипов сознания, воспитанных всей предшествующей историей и культурой страны.

У них – психология победившей католической Реконкисты, «дух кастильских средневековых воинов, который практически несовместим с капитализмом» и, в частности, подразумевает «презрение ... даже к производительной деятельности как таковой».

У нас – ментальность православной страны, трудно выходящей из всеобщего закрепощения сословий.

Тем не менее модернизация развивалась, и развивалась успешно, невзирая на все вышесказанное. Если в качестве конечного аргумента Власти в стране не фигурирует ГУЛАГ, то жизнь всегда берет свое.

Как начиналась индустриализация

В 1856 г. Россия в определенном смысле оказалась в ситуации, схожей с посленарвской, – с поправкой на обстоятельства и время. И в большой мере это касалось развития индустрии.

Победа в Северной войне в большой мере была обусловлена тем, что Петр I жесткими силовыми методами, с огромным напряжением сил страны, смог создать основанную на принудительном труде металлургическую и металлообрабатывающую промышленность, прежде всего уральскую. Отметим, что технологический уровень самого производства тогда был относительно низким.

С внешней стороны эта промышленность довольно долго работала успешно – уже в 1730-х гг. Россия стала мировым лидером по выплавке чугуна и оставалась им до конца столетия.

При этом военная техника свыше 100 лет *радикально* не менялась, поэтому импульса, данного Петром I, Империи хватило для сохранения статуса европейской державы вплоть до Крымской войны. А вот ко времени обороны Севастополя отставание от Англии, в которой уже произошла индустриализация, и Франции, где она началась, стало огромным.

Крымская война, в числе прочего, ясно показала масштабы несоответствия крепостной промышленности требованиям времени. Стало понятно, что на крепостной мануфактуре нельзя сделать ни паровоза, ни парохода, ни даже современной винтовки.

Помимо современного вооружения, России были нужны железные дороги, паровозы, вагоны и десятки тысяч верст рельсовых путей, поскольку Империя целостно выглядела лишь на географической карте. И она должна быть стать страной, в которой все это будет все это производиться.

Индустриализация – важная часть модернизации любой страны, однако в России сложности ее проведения усугублялись тем, что едва ли не все сферы экономики страны – транспорт, сельское хозяйство, промышленность, кредитную систему, а также законодательство – в середине XIX в. характеризовали эпитеты «устаревшая» либо «недостаточно развитая».

К этому нужно добавить практическое отсутствие свободных капиталов, современного менеджмента, свободного рынка труда, квалифицированной рабочей силы в сколько-нибудь значительном количестве, а также архаич-

ный уровень предпринимательского интеллекта нарождающейся буржуазии, иную, чем в Западной Европе, трудовую этику, плохо сочетающуюся с обществом модерна, иное отношение к труду вообще, поскольку века крепостничества – не лучшая школа трудового энтузиазма.

Значительная часть населения – вне зависимости от социального положения – была психологически инертна, что неудивительно, поскольку история приучила его к тому, что Власть все решает сама за своих подданных.

Это неудивительно – века вотчинно-крепостнической истории России наложили и на нее саму, и на 60 миллионов ее жителей (вне зависимости от их социального и имущественного положения) вполне определенный психологический отпечаток.

Сам жизненный строй, сама психологическая атмосфера крепостного государства никак не способствовала формированию у его жителей той энергии, той предприимчивости, той созидательной инициативы, без которых западноевропейский мир не мог бы развиваться столь динамично и которая так ярко прослеживается на истории великих технических открытий середины-конца XVIII в. в Англии – от летучего станка Кея, прялки «Дженни» Дж. Харгривса и мюль (мул) – машины (универсальной прядильной машины) С. Кромптона до парового двигателя Дж. Уатта и прокатного стана Г. Корта и многого другого.

А много ли удалось воплотить в жизнь Кулибину, Ползунову, братьям Черепановым и тем неизвестным изобретателям, которые наверняка были у нас и о которых мы даже и представления не имеем, потому что их таланты не были востребованы?

Эти российские проблемы могли разрешаться лишь *постепенно*.

В начале 1860-х гг. само правительство не скрывало, что «находится в совершенном неведении о средствах к упрочению и развитию промышленных интересов страны»²⁷, кроме одного пункта – железных дорог.

Их масштабное строительство в 1860–1870-х гг. стало едва ли не главным экономическим приоритетом и знаком обновления страны.

Именно они стали главной движущей силой экономической модернизации страны. Без них поступательное развитие народного хозяйства было бы невозможно. К тому же бои в Крыму показали их важность и с военной точки зрения.

Железнодорожное строительство повсюду в мире имело очень важное значение, но для России его роль была еще больше из-за огромной территории. Мы не очень понимаем истинной роли пространств, которыми так привыкли гордиться. Железные дороги давно стали обыденностью, и нам не так просто представить, как они изменили жизнь человечества полтора века назад, сократив расстояния на порядки.

Н. Я. Эйдельман писал об этом: «11 декабря 1796 г. в Иркутске начались соборный благовест и пушечная пальба в честь нового императора: рано утром примчался правительственный курьер (начиная с Павла, он будет именоваться фельдъегерем), который всего за 34 дня преодолел расстояние в 6 тыс. верст от столицы на Неве до губернского города на Ангаре. Больше месяца Иркутск жил под властью умершей Екатерины II. Камчатка же присягнет только в начале 1797-го... 6 тыс. верст, разделенные на 34 дня, около 180 верст в сутки, – курьерская скорость... С древнейших времен до первых паровозов максимальной скоростью человеческого передвижения была быстрота лучшего коня или тройки, колесницы: примерно 20 километров в час на коротком пути, и меньше, если делить длинные версты на долгие часы. Поэтому в 1796 г. Россия – страна огромная, медленная (в 30–40 раз медленнее и, стало быть, во столько же раз “больше”, чем сегодня); страна, где от обыкновенного черноземного гоголевского городка три года скачи – ни до какого государства не доедешь»²⁸.

При Николае I дороги стали чуть лучше, и фельдъегеря делали в сутки 300–350 верст, но не сказать, чтобы это им давалось легко²⁹.

Кстати, увековечивший любовь русских к быстрой езде Н. В. Гоголь однажды, «отчаянно спеша», 11 суток добирался из Курска до Москвы. В другой раз он «безостановочно» ехал 4 дня из Петербурга до Москвы и 7–8 дней от Москвы до Малороссии³⁰.

А теперь представим, с какой скоростью передвигались по стране товары и грузы (например, чугун с Урала на Луганский металлургический завод), сколько это стоило и как тормозило экономическое развитие страны!

Наша территория была своеобразным коэффициентом, умножение на который повышало значение рельсовых путей. В России железные дороги, связывая воедино отдельные части огромной страны, открывали тем самым доступ нашей сельхозпродукции на внутренние и внешние рынки, прежде недостижимые из-за отдаленности, и в то же время делали доступными аграрные районы для фабрично-заводских товаров.

Раньше торговля могла быть только посреднической, и товары проходили через несколько рук, пока попадали от производителя к потребителю, что сильно повышало их конечную стоимость и т.д. Фактически те самые рынки сбыта, ради которых Европа захватывала колонии в Африке и Азии, в России, благодаря железным дорогам, оказывались рядом.

Железные дороги сильнейшим образом стимулировали развитие тяжелой промышленности, поскольку требовали миллионы тонн рельсов и железнодорожного оборудования, сотен паровозов и тысяч вагонов ежегодно.

Напомню, что промышленность принято делить на легкую (отрасли так называемой группы Б, производящие предметы и продукты потребления) и тяжелую (отрасли группы А, производящие средства производства).

Капиталистическая индустриализация всегда начиналась с легкой промышленности, и лишь затем подъем отраслей группы Б давал предпосылки для ускоренного развития группы А. Вековая доминанта легкой промышленности вполне понятна – ее основные отрасли – текстильная и пищевая обслуживают массовый рынок, повседневные нужды миллионов людей.

А вот потребности человечества в металле и металлических изделиях быстро и глобально возрастают с появлением парового транспорта, произведшего революцию в жизни человечества. Паровозам нужны вагоны, рельсы, стрелки, мосты, мастерские, водокачки и т.д., пароходам – новые порты, причалы, портовые краны, доки и др. Затем появляются современные водопровод, канализация, трамваи, метро. И тогда начинается становление индустриальной тяжелой промышленности, которое невозможно без современной химии, электроиндустрии и т.д.

При проведении индустриализации основным является вопрос об источниках накопления, т.е. вопрос о том, за счет каких средств будут строиться новые предприятия. Долго считалось, что для стран классического капитализма этими источниками были эксплуатация колоний, экспроприация непосредственных производителей, усиление эксплуатации рабочих. Выяснилось, однако, что куда более важную роль играли внешние и внутренние займы, военные займы, контрибуции.

В дореволюционной России индустриализация протекала по классической схеме. Отрасли группы Б доминировали вплоть до Первой Мировой войны, хотя характер этого лидерства к 1914 г. значительно изменился.

Огромной проблемой России было отсутствие свободных денег. Поэтому и строительство железных дорог, и бурная «индустриализация Витте» были сильнейшим образом связаны с иностранным капиталом. Здесь Россия также шла в русле общемировых тенденций – иностранный капитал сыграл очень важную, а иногда и решающую роль в индустриализации не только США, но и ведущих европейских стран. Однако постепенно стала расти величина и значимость для индустриализации внутрироссийских накоплений.

То есть во второй половине XIX – начале XX в. наша страна могла рассчитывать на помощь западных стран капиталами и специалистами, могла использовать научно-технические достижения Запада и его опыт в сфере организации крупного производства и достаточно успешно воспользовалась этим.

Поэтому, как и в более богатых странах Европы и США, железные дороги в России строил частный иностранный капитал, который требовал от правительства гарантии прибыли в размере 5%, и оно пошло на это. Если прибыль была меньше, разница возмещалась.

Курс на частное железнодорожное строительство, взятый государством, вызвал настоящий бум, знаменитую «железнодорожную горячку» 1867 – середины 1870-х гг.

В 1863 г. длина рельсовой сети равнялась 3,5 тыс. км, в 1873 г. – 16,1 тыс., в 1893 – 32,6 тыс., в 1903 – 58,1 тыс., в 1917 г. – 78,0 тыс. км, и строилось еще 15,3 тыс. км.³¹ Россия занимала 2-е место в мире по протяженности рельсовых путей после США.

Диаграмма 1

В 1860–1870-х гг. железные дороги соединили главные хлеботородные местности с промышленными районами, крупнейшими городами, портами и основными речными пристанями. В 1880–1890 гг. были построены Закавказская и Среднеазиатская дороги, а в 1891 г. началось сооружение Транссибирской магистрали.

Россия в середине XIX в., как мы знаем, была аграрной страной, несмотря на относительно большое число мелких ремесленных заведений в городе и деревне, более крупных предприятий типа мануфактуры и немалое число фабрик и заводов.

Большая часть рыночной продукции производилась мелкой кустарной промышленностью.

После 1861 г. начался упадок тех предприятий, которые использовали принудительный труд крепостных крестьян, – будь то в горно-металлургической промышленности Урала, или в сфере дворянского предпринимательства (суконные, полотняные, стекольные, винокуренные и отчасти сахарные заведения). Они довольно долго, но безуспешно пытались приспособиться к переменам.

В то же время фабрики, использовавшие пусть и не всегда вольно-, но все же наемный труд оброчных крестьян-отходников, прежде всего хлопчатобумажные, сумели куда лучше адаптироваться к новым условиям.

Именно в хлопчатобумажной отрасли, ставшей ведущей в промышленности России, начался в 1830-х гг. промышленный переворот, благодаря которому в стране появились крупные и вполне современные по уровню оборудования фабрики. Россия и здесь шла в русле общемировых тенденций, хотя и с понятным запозданием.

С возникновением при Екатерине II купеческих, а затем и крестьянских мануфактур в стране постепенно появились предприниматели, нередко занимавшиеся этим делом не одно поколение, психологически готовые к радикальным переменам в своем деле и обладавшие капиталами, чтобы оплатить эти перемены. Имелись и кадры потенциально обучаемых рабочих.

Поэтому промышленный переворот в отраслях группы Б в России начался фактически сам собой, естественным образом.

В 1840 г. Англия разрешила экспорт своих текстильных станков. С 1842 г. фирма 21-летнего Людвиг Кнопа стала монополистом-посредником в поставке английского оборудования на русские фабрики, сыграв совершенно исключительную роль в модернизации хлопчатобумажной промышленности. Почти все хлопчатобумажные фабрики Центрально-Промышленного района России были выстроены конторой Кнопа, в 1877 г. возведенного Александром II в бароны.*

Получив заказ на строительство фабрики, пронумеровав его, контора общала своим агентам в Англии, что такому-то номеру необходима такая-то фабрика. «Получив из Англии все чертежи и указания... контора отправляет их в том виде, как получила, на строящуюся фабрику, если там находятся директора англичане, которым будет поручена новая фабрика; если же таких англичан нет, то вручает все это вновь назначенному ею же самому директору...

Как только стройка подвигалась к концу, появлялись английские машины в полном ассортименте, а с ними и английские монтеры. Последние были совершенно независимы не только от директоров и механиков фабрик, но и от конторы Кноп. По делам своим они переписывались лично каждый со своим заводом»³². С течением времени по мере подготовки русских специалистов число иностранцев на фабриках, естественно, уменьшалось.

В сущности, чтобы запустить большое текстильное производство, достаточно было построить помещение оптимальной архитектуры (образцы были в Европе), в котором могло разместиться нужное количество станков, обучить под руководством заграничных инструкторов местных рабочих, оборудовать склады и т.д.

* Нынешний глава Еврокомиссии Урсула фон дер Ляйен – праправнучка Людвиг Кнопа.

При этом на ткацком станке в принципе работать проще, чем на токарном или слесарном, или возле домны. Это подтверждается высоким процентом женского и даже детского труда в текстильной промышленности.

Понятно, что крестьяне далеко не сразу отказались от привычных домотканых тканей, но спрос на хлопчатобумажные ткани после 1861 г. неуклонно возрастал, и это стимулировало рост их производства, использование технических новаций, применение лучших станков и машин.

Совсем другая ситуация была в отраслях группы А. В середине XIX в. создать современную металлургическую и металлообрабатывающую промышленность в России было несравненно сложнее, чем текстильную или пищевую.

Чтобы убедиться в этом, вспомним вкратце историю горнозаводской промышленности.

Усилиями Петра I Россия из страны, ввозящей железо, превратилась в страну, которая его вывозила. Выплавка чугуна в 1725 г. достигла огромной по тем временам цифры в 6,5 млн. пуд.

Однако эти успехи были достигнуты дорогой ценой. Несколько заводчиков получили громадные земельные владения, площадью с европейские княжества, и огромные привилегии – вплоть до права иметь свой суд и полицию и быть независимыми от местной власти. Они повелевали десятками тысяч людей, прикрепленных к заводам на таких же почти основаниях, как крепостные крестьяне к земле, и до 1762 г. могли покупать новых!

Но эти же привилегии, укреплявшие монопольное положение заводчиков на рынке, парализовали их предприимчивость и инициативу. Монополия действительно ведет к загниванию, отсутствие конкуренции часто лишает даже умных людей стимула к усовершенствованиям, к улучшению техники производства.

Несколько цифр. В 1767 г. в России было выплавлено 9,6 млн. пуд. чугуна. В то же время в Англии и Франции около 1790 г. аналогичный показатель составил порядка 4,5 млн. пуд., в Пруссии – 1 млн. пуд., а США – около 0,5 млн. пуд.

В 1783–1784 гг. англичанин Генри Корт, как говорилось, изобрел прокатный стан и разработал процесс пудлингования. В 1800-х гг. Англия догнала Россию по производству чугуна, в 1820 г. обошла вдвое, а в 1850 г. выплавляла примерно в 14 больше.

В 1825 г. в Англии открылась первая в мире железная дорога общего пользования, и к 1850 г. длина сети составила свыше 10 тыс. км. В середине 1850-х гг. Генри Бессемер изобрел процесс производства стали в конвертерах, и началась современная металлургия. В 1863 г. в Лондоне открылось метро.

И это далеко не все свидетельства того, насколько технический прогресс и производство зависят от уровня свободы общества, а значит, и свободы предпринимательства.

В России между тем металлургия была в застое, который удивляет тем больше, что прибыль частных заводов была весьма значительной. То есть рынку металла не хватало, и это, казалось бы, должно было побудить заводчиков увеличить производство. Однако их, видимо, устраивал статус-кво.

А степень упадка казенных заводов Урала наглядно проявилась уже во время Отечественной и Крымской войн, когда пушки десятками разрывались на пробах. В Севастополь за время осады оттуда поступило лишь 43 орудия, хотя потребность в пушках большого калибра была огромной. Принудительный труд и примитивная техника металлургии Урала больше не имели перспектив.

Железнодорожное строительство в Европе почти повсеместно вызвало бум металлургии, металлообработки и машиностроения, работавших преимущественно на собственном сырье.

У нас все было иначе. Правительство прекрасно понимало, что железные дороги нужно строить из российских материалов, и не из соображений патриотизма, а из сугубой прагматики – невозможно вымостить такую большую страну, как наша, импортными рельсами. Однако эта задача была не по плечу бывшей крепостной промышленности.

Почти 20 лет правления Александра II ушло на то, чтобы в стране появились современные металлургия и металлообработка.

Несмотря на регулярные Высочайшие повеления, тысячи верст железных дорог были построены из привезенных беспрошлинно импортных материалов и изделий, равно как и преобладающая часть подвижного состава. Ждать, пока появится собственное производство, не позволяли стратегические интересы.

Так пошло с первой в России Царскосельской дороги (1836–1838 гг.), для которой все, вплоть до последнего болта, было привезено из-за границы. Но ее длина лишь 27 км, и это был первый опыт. Однако он задал тренд.

Николаевская железная дорога полностью, а Санкт-Петербургско-Варшавская частично были построены из импортных рельсов, несмотря на повеление Николая I об использовании исключительно русских материалов.

Правда, подвижной состав для Николаевской дороги строили в Петербурге, отдав в 1844 г. казенный Александровский чугунолитейный завод (ныне Пролетарский) в аренду механикам из США Гаррисону и Уайнессу. Этот первый в стране завод работал почти исключительно на привозимых из-за границы беспрошлинно материалах. За 24 года завод выпустил 200 паровозов, 253 пассажирских вагона и 2700 вагонов товарных и платформ и др.

Характерно, что попытка создать в 1853 г. в Петербурге еще один паровозный завод окончилась неудачей.³³

Суммарная стоимость железнодорожного импорта составила многие миллионы рублей, что «катастрофически увеличивало пассивную часть внешнеторгового баланса страны»³⁴.

В середине 1860-х гг. рельсового производства в России практически не было, паровозы делал один Александровский завод (несколько штук в год), вагоны – семь.

Проблема заключалась в том, что металлургией и металлообработкой некому было заняться!

Дефицит профессионалов в этой сфере был настолько острым, что в 1868 г. Министерство финансов и Министерство путей сообщения после двухлетней переписки решили вызывать «через публикацию лиц, желающих заняться устройством в России заводов для приготовления железнодорожных принадлежностей»³⁵.

В конце концов за 1868–1878 гг. правительство смогло изменить ситуацию. Чтобы стимулировать производство рельсов, паровозов и вагонов было решено дать некоторым заводам большие казенные заказы по высокой цене с выдачей задатков – при условии, чтобы все было произведено из русского сырья. За каждый паровоз, изготовленный таким образом, полагалась премия в 3 тыс. руб. Одновременно на две трети увеличились таможенные пошлины на паровозы и на тендеры.

Когда во всем мире началась замена железных рельсов стальными, правительство и здесь постаралось заинтересовать отечественный бизнес, премируя их выделку из русских материалов. Эти меры оказались успешными – появились новые и расширились уже действующие заводы.

Однако остается фактом, что на 1 января 1884 г. лишь 23,9% стальных рельсов были действительно российскими, а остальные 76,1%, хотя и были сделаны в России, но в основном из импортного чугуна и стального лома.

За 1870–1898 гг. выплавка чугуна в России выросла с 20,3 до 132,2 млн. пуд., т.е. в 6 с лишним раз.

И почти половину этого количества дал новый Южный промышленный район³⁶.

Два героя индустриализации России

Пореформенная индустриализация России связана прежде всего с Новороссией, с Донецко-Криворожским бассейном.

Создание на юге России центра металлургии и металлообработки, работающего на местном сырье было давней идеей правительства.

В Екатеринославской губернии оказались прекрасные условия для развития металлургии. На востоке ее, в Донецком бассейне,^{*} на площади около 60 тыс. кв км были огромные залежи высококлассного минерального топлива, начиная с каменного угля разных марок и кончая антрацитом. В западных уездах губернии находилась богатая железная руда с содержанием железа до 67%, а также залежи марганца, известняка, доломита и огнеупорной глины.

Факультативно эти природные богатства занимали правительство чуть ли не со времен Петра I. По преданию, он, взглянув на образцы угля во время Прутского похода, сказал, что «сей минерал» пригодится нашим внукам. Геологические изыскания в регионе проводились и по заданию Г. А. Потемкина.³⁷

Завоеванной Екатериной II Новороссии и вновь созданному Черноморскому флоту требовалось много металла, и желательно, произведенного ближе, чем на Урале или Олонецких заводах.

Поэтому с 1790-х гг. казна в течение 75-ти лет пыталась организовать на Юге эффективное чугунолитейное производство, и эта история стоит нашего внимания.

В конце XVIII в. английский флот принял на вооружение новые эффективные пушки. Идея принадлежала генералу Роберту Мелвиллу, а изобретателем стал воплотивший ее в жизнь на шотландском заводе «Каррон» Чарльз Гаскойн. Поэтому пушки назывались каронадами (а также гасконадами).

Глава Черноморского адмиралтейства вице-адмирал Н. С. Мордвинов, считавший, что флот надо вооружать чугунными каронадами, сумел убедить правительство в необходимости построить металлургический завод на Юге.

Некоторая пикантность ситуации заключалась в том, что Гаскойн с 1786 г. по контракту работал в России начальником Олонецких горных заводов и уже отлил сотни орудий для русской армии и флота.

В 1794 г. он осмотрел известные месторождения железной руды в районе Славяносербии и выбрал место для завода, а Екатерина II в 1795 г. подписала указ «Об устройении литейного завода в Донецком уезде при речке Лугани и об учреждении ломки найденного в той стране каменного угля».

^{*} Строго говоря, он располагался на территории дореволюционных Екатеринославской, Харьковской, Таврической губерний и Донской области.

На строительство завода выделялась громадная сумма в 715,7 тыс. руб., чуть ли 1% бюджета страны! Гаскойну разрешили выписать из Англии нескольких мастеров, пока не появятся русские специалисты. Александровский завод в Петрозаводске должен был изготовить машины и механизмы для нового предприятия и зимой отправить их на наемных подводах.³⁸

В 1799 г. там впервые в России была проведена плавка железной руды на каменноугольном коксе; вообще многое в отечественной металлургии впервые случилось там. Однако наладить промышленную выплавку чугуна из местных руд и угля не удавалось. Домны простаивали. Бездорожье тормозило поставки угля. Завод работал исключительно на привозном металле, прежде всего уральском; понятно, во что обходилась его доставка!

Стремясь увеличить выпуск продукции, Гаскойн, во-первых, ввел систему премий для работников и, во-вторых, за двойную плату выкупил у рабочих все праздничные дни (!), кроме двух дней Рождества и двух дней Пасхи.³⁹

И хотя неудачи преследовали завод, со временем он сыграл очень важную роль в обеспечении Новороссии и Черноморского флота металлом, оружием и боеприпасами, особенно во время Крымской войны.

Однако выплавить чугун на местном угле там не смогли ни на рубеже XVIII–XIX вв., ни в первой половине XIX в., хотя завод не раз пытались перестроить. В 1845–1870 гг. казна предприняла еще три безрезультатные попытки наладить свою металлургию на Юге (Керчь, Корсунь, Лисичанск).*

Выдающееся упорство, с которым правительство ставило именно на казенное производство, весьма примечательно – частное предпринимательство и тогда, и позже было у него как бы на подозрении.

Эта череда перманентных неудач вызвала обращение к частной инициативе. Так, С. С. Поляков получил концессию на сооружение Курско-Харьковско-Азовской железной дороги под условием строительства на Юге крупного железодельательного завода, но даже он, человек с выдающейся деловой сметкой, не справился с этой задачей (позже он продаст концессию англичанину Джону Юзу).

* Д. И. Менделеев так прокомментировал эти 75-летние безуспешные усилия правительства наладить на Юге казенную выплавку чугуна: «Хоть и были способные к делу люди, но не было головы, знатока, а с казенной обстановкой не было и настойчивости...»

Можно с уверенностью сказать, что главную причину этих неудач составляет тот порядок, которым ведутся казенные технические предприятия. Если бы избрали лицо, не столько знающее, сколько способное, да дали бы ему, во-первых, доверие, т.е. свободу действия, во-вторых, капитал и, в-третьих, выгоду личную при успехе предприятия, тогда бы, конечно, с половинами затрат давно бы уже достигли желаемого.

А то назначали и жалованье платили по чиновному производству, доверием не снабжали, отчетов бумажных требовали массу, заставляли класть печи сверху, – все оттого и рушилось». (Менделеев Д. И. Собрания сочинений в 25 т. М.-Л.: Издательство АН СССР. 1950. Т. 19. С. 669–670.)

Неудача постигла и князя С. В. Кочубея, получившего в 1866 г. концессию, аналогичную поляковской. В конце концов он переуступил ее тому же Джону Юзу, создателю «Новороссийского общества каменноугольного, железного и рельсового производства».

Именно Юз стал первопроходцем Южного промышленного района.

Он, не зная ни языка, ни обычаев, ни условий жизни, приехал на свой страх и риск в незнакомую страну, «поселился в заброшенном крае, где нельзя было найти даже самое скромное жилье, не говоря уже о найме квалифицированных рабочих. Тем не менее он стал основателем первого металлургического гиганта, положившего начало возникновению нового экономического региона империи»⁴⁰.

Джон Джеймс Юз (правильно: Хьюз) был весьма колоритной фигурой. Он родился в 1814 (или в 1815 г.) в Мертир-Тидвиле в Южном Уэльсе⁴¹ в семье инженера-металлурга и пошел по стопам отца. Уже в 28 лет он приобрел судовой верфь, в 36 лет купил металлургический завод в Ньюпорте, затем лишился их и поступил инженером на Мильвольский сталепрокатный завод, через несколько лет став его директором.

Юз обрел международную известность благодаря своим изобретениям – высококачественной броне, успешно прошедшей испытания в Британском Адмиралтействе, и артиллерийскому «юзовскому» лафету, принятому на вооружение английским и другими флотами.

На этой почве состоялось его знакомство с русскими инженерами – знаменитым героем обороны Севастополя генералом Тотлебенем, укреплявшим тогда Кронштадт (Адмиралтейство решило заказать Юзу броню для форта «Константин» и не только), и полковником Герном, который, как считается, и предложил ему выкупить концессию у Кочубея.⁴²

Окончательное решение Юз принимал в Новороссии, куда он поехал, чтобы увидеть все своими глазами. Сделав выбор, он заплатил Кочубею 30 тыс. руб. серебром, 24 тыс. ф.ст. в акциях создаваемой компании; Кочубей становился ее почетным директором, который должен был обеспечивать контакты с российским истеблишментом. Затем Юз перезаключил с русским правительством договор на свое имя, а в начале июля 1869 г. в Лондоне была зарегистрирована «New Russia Company Ltd» с капиталом 300 тыс. ф. ст. (около 3 млн. руб. – М. Д.).⁴³

Правительство было заинтересовано в добыче Юзом местных полезных ископаемых и выплавке из них чугуна и железа, а также в производстве рельс.

С одной стороны, договор давал Юзу немного времени для организации производства, но с другой, предоставлял ему целый ряд крупных льгот⁴⁴.

Летом 1870 г. 8 кораблей с оборудованием для завода, обогнув Европу, прибыли в Таганрог. Юз привез с собой необходимый штат мастеров и опыт-

ных рабочих. Чернорабочих вербовали в северных губерниях. Юз прикупил небольшую усадьбу у помещика Смольянинова и поселился в простой крытой соломой хате, которую впоследствии он бережно сохранял.

Первая плавка в домне произошла в апреле 1871 г., но через три дня начались проблемы и печь остановили. Однако Юз преодолел все трудности, и с 24 января 1872 г., когда была вторично задута домна, началось производство железных рельсов, причем впервые в России каменноугольный кокс начал использоваться не в порядке «лабораторного» эксперимента, как это было до сих пор.

Юз сразу же построил многопрофильный металлургический комбинат со вспомогательными подразделениями, строительными и ремонтными мастерскими.⁴⁵ Выполнив первый правительственный заказ, он получил новый – и процесс пошел.

Менделеев писал, что «г-н Юз, сам знаток дела, был мастером в Англии, привез оттуда мастеров. Ни крупных ошибок, ни долгих остановок, конечно, помимо мелких, неизбежных случайных неудач, завод г. Юза не терпел, выгоды давал, дает и – будем думать – станет и впредь давать; **пустыню, степь превратил в кусочек Англии**, хоть рядом с английскими рабочими пользуется и массой русских сил... Словом, недавняя пустыня ожила, результат очевиден, успех полный, возможность доказана делом». При этом выплавка Юзом чугуна на коксе давала в среднем на домну втрое больший эффект в сравнении с уральскими заводами: «А уход-то ведь тот же»⁴⁶.

Одновременно с Юзом в Сулине был построен завод Пастухова, но дело там наладилось уже в 1890-х гг.

Однако у Юза была проблема – чугун плавился из местной руды с низким (около 40%) содержанием железа, которая требовала поэтому тщательной сортировки и не могла обеспечить больших объемов производства. И, несмотря на огромные залежи угля, железодельная промышленность Юга едва ли стала бы флагманом отечественной индустрии, если бы в западной части Екатеринославской губернии, в Кривом Роге, не были бы открыты богатые залежи железной руды.

О них знал еще Г. А. Потемкин, планировавший строительство там ряда заводов, но после его смерти об этом забыли, а позже утвердилось мнение, что в Донецком регионе нет серьезных предпосылок для развития металлургии.⁴⁷

А вслед за тем произошла так называемая Кульшинская оказия – история в совершенно гоголевской стилистике (и в гоголевское время!). В 1830-х гг. Горный департамент командировал своего чиновника унтершахмейстера Кульшина для «разносторонних геогностических изысканий в криворогском районе». Кульшин подтвердил результаты проведенной при Потемкине экспедиции проф. Леванова, открывшего залежи железных и медных руд, камен-

ного угля, каолина и сланца (аспида) при слиянии рек Ингульца и Саксаганки.

При этом Кульшин сообщил начальству, что в Кривом Роге якобы есть богатые и крайне выгодные в эксплуатации залежи каменного угля. Горный департамент поверил ему на слово и отправил туда добывать уголь, дав денег и две роты военных поселян «в бесконтрольное распоряжение».

Позже выяснилось, что Кульшин деньги присвоил себе, вместо двух обещанных угольных шахт вырыл две глубоких ямы в черном углистом сланце, а поселян сдал в аренду окрестным помещикам.

Начальство потребовало отчета о сделанных работах. Кульшин отрапортовал, что «приключившимся наводнением обе шахты залиты», вся техника разрушена и потоплена, и просил о немедленной высылке денег на восстановление шахт и оборудования, обещая в ближайшее время «самые блестящие результаты». Однако вместо денег – точно по Гоголю – из Петербурга приехал ревизор, Кульшина судили, лишили прав состояния и сослали в Сибирь.⁴⁸

После этого в столице стали весьма скептически относиться к самой идее существования в Кривом Роге каких-либо минеральных богатств.

Однако они были найдены заново.

Это открытие связано с удивительной фигурой Александра Николаевича Поля. Для меня его необыкновенная личность – одна из тех, которые ярко воплощают мощь *позитивного* интеллектуального и нравственного потенциала пореформенной России.

Его дед Иоганн (Иван Иванович) фон Польш, шведский подданный, родившийся на острове Эзель (Сааремаа), поступил на русскую службу солдатом в 1786 г. и дослужился до капитана (по другим данным – до майора). Он участвовал в войне с Турцией 1787–1791 гг., затем проделал с А. В. Суворовым Итальянский поход, был взят в плен Массеной и возвращен Наполеоном вместе с другими пленными в Россию. В награду за службу он получил 1500 десятин земли в Верхнеднепровском уезде Екатеринославской губернии.

Он женился на дочери соседа, помещика Маламы, из старого валашско-украинского рода; среди его сыновей был Николай Иванович Польш, участник Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов, подпоручик, уволенный в 1816 «за болезнью».

Выйдя отставку, Н. И. Польш жил в родовом имении (125 крестьянских душ обоего пола) и вскоре женился первым браком на дочери соседнего помещика А. Ф. Яковлевой. Овдовев, он вторично женился на Анне Павловне Полетика, внучке знаменитого наказного атамана Левобережья Павла Полуботка, и их старшим сыном был родившийся в 1832 г. Александр.

Родство со легендарным гетманом, арестованным Петром I и умершим в Петропавловской крепости, с детства погрузило мальчика в интереснейший мир истории Запорожья, его «лыцарей»-казаков и вообще в «старину».

Мальчиком он лазал по бабушкиным чердакам и чуланам, «везде отыскивал разные предметы древности и уже с тех пор стал питать к ним особенное пристрастие»⁴⁹. Так появляются стихийные археологи – до сих пор.

Мать разговаривала с детьми на русском и украинском языках, отец – на немецком, гувернеры – на французском и немецком. Александр с серебряной медалью закончил Полтавскую гимназию и поступил на юридический факультет Дерптского университета (там преподавали на немецком), с блеском сдал 11 экзаменов и поразив комиссию свободным знанием шести языков.

Его дипломная работа, написанная по-немецки, называлась «Исторический обзор попыток Японии в освоении мировых рынков» (!)⁵⁰. В 1854 г. «студент дипломатических наук» Александр Поль, сдав свой экзамен «очень хорошо», по выходе из университета получил степень и права кандидата дипломатических наук» и «десятый служебный чин при вступлении на гражданскую службу».

Однако сделать дипломатическую или академическую карьеру ему не пришлось. Отец умер, и семеро детей, в том числе четверо от первого брака отца, остались без кормильца (мать Поля скончалась ещё раньше). Александр взял на себя ответственность за братьев и сестер и вернулся в родное имение.

Погрузившись после «дипломатических наук» в сельское хозяйство, он, не будучи богатым от рождения, сумел сделать весьма приличное состояние образцовым хозяйствованием, разведением породистых лошадей и крупного рогатого скота, а также строительством кирпичных заводов.

Параллельно с этим он занимался историей, археологией (тогда раскапывать курганы мог, кто угодно) и изучал родной край также и с геологической точки зрения.

Благодаря врожденному благородству, твердому характеру и образованию он быстро выдвинулся в среде дворянства своей губернии. Когда началась подготовка к Великой реформе, он стал одним из двух членов губернского комитета второго приглашения от Екатеринославской губернии, которые участвовали в работе Редакционных Комиссий.

В это время ему было 28 лет, и когда в сентябре 1860 г. депутаты встречались с императором в Зимнем дворце, Александр II, имея в виду А. Н. Поля, выразил свое удовлетворение тем, что «в решении вопроса об освобождении крестьян от крепостной зависимости принимают участие и такие молодые силы»⁵¹.

Поль был одним из тех русских людей, которые, «значительно опережая свое время», хотели развязать крепостные отношения не только между крестьянством и дворянством, но также между отдельными крестьянами и общиной.⁵²

Подпись Поля стоит под цитированными выше отзывами членов губернских комитетов второго приглашения, которые резко оппонировали проектам Редакционных Комиссий и правоту которых подтвердила жизнь.

После реформы он был избран членом губернского крестьянского присутствия, много и активно работал в земствах уездном и губернском, всегда отклоняя предложения занять оплачиваемую должность председателя земского собрания (деньги за работу в земстве он принципиально получать не хотел), избирался почетным мировым судьей и т.д. К общественным делам, как, впрочем, и ко всему в жизни, он не относился формально.

При этом он по-прежнему вел раскопки и исследовал степь. Однажды в 1866 г. он зашел в Дубовую балку у правого берега речки Саксагани, недалеко от селения Кривой Рог. Это было удивительно красивое место – леса, скалы, пещеры, насыщенные артефактами разных эпох.

И здесь Поль обнаружил богатые выходы железной руды.⁵³ Затем он нашел асбест (горный лен), сухие пласты красок, сланец и даже крупные породы граната^{54, 55}.

У него хватало интеллекта и образования, чтобы понять потенциальный масштаб своей находки.

Следующие пятнадцать лет его жизни ушли на то, чтобы реализовать это открытие и внедрить его в жизнь.

Понимая важность независимой научной экспертизы, Поль поехал в европейские университеты с образцами своей руды. Авторитетные эксперты заверили его, что руда содержит 70% металла. В 1872 г. один из них, горный инженер Лео Штриппельман*, приехал за счет Поля лично обследовать найденные месторождения.

В итоге Штриппельман написал и опубликовал в Лейпциге монографию, которую Поль перевел на русский язык и издал, дополнив перевод многочисленными замечаниями, что как бы сделало его соавтором (обе книги напечатаны за его счет). Книгу он разослал в министерства, а также отдельным лицам, которые, по его мнению, могли заинтересоваться этим открытием⁵⁶.

Штриппельман очень высоко оценил качество и перспективы разработки месторождений. Они с Полем выдвинули, во-первых, идею соединения криворожской железной руды с углем Донбасса, и, во-вторых, мысль о строительстве в Николаеве металлургических предприятий. Как человек государственного ума Поль еще тогда говорил, в частности, что в Николаеве нужно построить судостроительный завод, что случилось лишь в 1895 г. (знаменитый «Наваль»).

---

* Р. Линднер говорит, что он был владельцем сталелитейного завода в силезском Герлице, а ещё раньше – полномочным директором «горного и литейного производства его королевского величества курфюрста Фридриха Вильгельма I Гессенского».

Параллельно Польша купил Дубовую Балку и соседнюю Гданцевку, а затем арендовал на 85 лет 18,6 тыс. дес. земли.⁵⁷

Теперь проблемой номер один стали капиталы, которые позволили бы начать правильную разработку месторождений.

И тут-то начались трудности, оказавшиеся непреодолимыми.

К планам Поля и правительство, и современники отнеслись равнодушно.

Дополнительные исследования, проведенные, как иностранным, так и русскими горными инженерами не сдвинули дела с мертвой точки.⁵⁸

Лишь весной 1875 г. МГИ направило экспертную комиссию на Криво-рожье, которая подтвердила выводы немецких ученых и, не скрывая своего восхищения высоким качеством железных руд, объявила, что Польша открыл «второй Урал».⁵⁹

В феврале 1876 г. Польша писал главе МГИ П. А. Валуеву, что открытое им месторождение может произвести переворот в производстве Россией металла, однако у него нет средств для открытия предприятия. Частного кредита в России для такого рода начинаний практически нет. Хотя можно занять иностранные капиталы, но на эту меру он решится лишь в крайнем случае, в том числе и потому, что **«имущество, подобное Кривому Рогу, не должно... сделаться достоянием иностранцев: оно слишком ценно и желательно оставить его во владении благонадёжных русских людей. Преобладание же иностранцев в предприятии будет равняться отчуждению в их руки такой многоценной собственности»**.

Поэтому он просит содействия правительства и просит «исходатайствовать» ему «разрешение учредить общество на паях», целью которого будет **«вытеснение с наших рынков железа и стали иностранных заводов»**⁶⁰.

В 1878 и 1879 гг. были проведены новые экспертизы, но все было бесполезно – и правительство, и российское бизнес-сообщество на призывы Поля не реагировали.

Постепенно в Екатеринославе (и не только) Польша приобрел репутацию не то, чтобы совсем ненормального – для этого он был слишком крупной и неординарной фигурой, но все же человека серьезно «сдвинутого» на своих несуществующих, как считалось, полезных ископаемых, причем «фанатик Кривого Рога», «фанатик Дубовой балки» были еще не самыми обидными прозвищами.⁶¹

В истории мытарств Поля поразительно и другое. Легко представить, сколько душевных сил у него отнимали эти безуспешные попытки пробить своим энтузиазмом стену равнодушия. Тем не менее он продолжал и свою активную общественную деятельность, и занятия животноводством, отмеченные медалями того же МГИ, и собирание своей уникальной коллекции древностей.

Крайне важно, что с начала 1870-х гг. Поль продвигал также **идею строительства железной дороги, которая соединила бы Донбасс с Кривым Ро-гом через Екатеринослав**. Его предложение поддержало губернское земство, а в 1874 г. – 1-й съезд горнопромышленников Юга России. В апреле 1875 г. император утвердил проект железной дороги. За два года до начала войны с Турцией дело не сдвинулось, затем проект отложили из-за войны, а потом о нем благополучно «забыли». Эти неспешные темпы решения насущнейших народнохозяйственных проблем – еще одна иллюстрация упомянутых выше подходов правительства к индустриализации.

Между тем приближалась неминуемая развязка злоключений Александра Николаевича – банкротство: «Долголетние геологические изыскания, приглашение дорогостоящих специалистов, поездки в Петербург и за границу, покупка имений Гданцевки и Большой Дубовой, наконец, затрата более 150 тыс. руб. на археологические изыскания и расходы по устройству своего археологического музея, – все это привело Поля чуть ли не к полному разорению. Все обширные имения были заложены, золотые и серебряные вещи как из музея, так и фамильные драгоценности находились также в залоге в различных банках; кредит был исчерпан и подорван вконец»⁶².

Настал тот самый «крайний случай», о котором он писал Валуеву.

Отдав полтора десятка лет важнейшему для страны делу и пройдя до конца весь путь пророка, которого свое отечество считало как бы за «городского сумасшедшего», Поль в 1880 г. достал у ростовщиков 1000 рублей «под тройной вексель и за какие-то баснословные проценты» и уехал в Париж.⁶³

Вскоре он вернулся оттуда миллионером.

«Прежние антагонисты, порицатели и насмешники стали ярыми поклонниками и восхвалителями». Поль внес в банки более 500 тыс. руб., погасив свои долги и вернув домой бесценную коллекцию, которая позже стала основой Екатеринославского музея.

В Кривом Роге началась добыча руды, а в экономической истории России – новый период.

В Париже А. М. Поль встретился с французским предпринимателем-железнодорожником, директором «Железнодорожного общества Париж–Лион» и владельцем крупных металлургических заводов в Алжире Поленом Талабо. Тот оказался куда прозорливее российского истецлишмента и всех отечественных «капитанов бизнеса», вместе взятых, и моментально оценил идеи нашего героя. Талабо согласился на основание закрытого акционерного общества «Криворожское анонимное общество минеральных железных руд» с уставным капиталом в размере 5 млн. франков. За сутки было выпущено 10 тыс. акций по 500 франков каждая. Дирекция общества состояла из французов и российских подданных в равном соотношении. Поль был не только крупнейшим акционером, но и одним из директоров компании.⁶⁴

Для Поля настал новый этап жизни, когда судьба сменила гнев на милость, и его планы, точнее, его мечты стали материализовываться.

В следующем 1881 г. был утвержден устав «Общества криворожских руд» и началось строительство Криворожской железной дороги, за которую Польш боролся столько лет.

Как говорилось, после 1878 г. о ней «**совершенно забыли**». Новые ходатайства Поля успеха не имели. Но «не было бы счастья, да несчастье помогло» – в Екатеринославской губернии случились неурожаи, для заработка населению требовались общественные работы, и в Петербурге вспомнили об этом проекте⁶⁵. Характерно, что и тогда «значение разрешенной к постройке дороги весьма многими подвергалось сомнению»⁶⁶.

Правительство ассигновало на дорогу 30,9 млн.руб., из которых почти 4 млн. предназначались на сооружение в Екатеринославе железнодорожного моста через Днепр.

Мост – безотносительно строительства железной дороги – был отдельным проблемным сюжетом жизни не только Екатеринослава, но и региона вообще. На обоих берегах Днепра постоянно (иногда неделями) стояло порядка 200–300 фур, и переправа каждой стоила не менее трех рублей – огромные для крестьян деньги. Польш был уверен, что строительство моста окупится за год, и оказался прав.

В мае 1884 г. дорога торжественно была открыта. Двухъярусный мост (с гужевым верхним ярусом), построенный по проекту академика Белелюбского, в то время был самым длинным в Европе и получил золотую медаль на Всемирной выставке в Париже 1889 г.⁶⁷

Эта дорога, позже переименованная в Екатерининскую, соединила Кривой Рог с Донецким угольным бассейном, благодаря чему криворожская руда только и получила свою настоящую ценность; достаточно сказать, что Юз до 1884 г. возил ее из Кривого Рога на волах и лошадях! После открытия дороги деятельность «Новороссийского общества», естественно, вышла на новый уровень.

Итак, простой факт соединения железной дорогой Кривого Рога и района Юзовки привел, как мы увидим, к возникновению Донецко-Криворожского бассейна, превратившего Новороссию в динамический центр отечественного народного хозяйства и сыгравшего едва ли не ключевую роль в промышленном подъеме 1890-х гг. и индустриализации России вообще.

Отсюда следует простой, но весьма важный вывод – если бы дорога начала строиться в течение двух лет от утверждения царем проекта (апрель 1875 г.) и до объявления войны туркам (апрель 1877 г.), что было **вполне реально**, то Южный промышленный район возник бы на 10 лет раньше.

Нужно ли пояснять, как это изменило бы развитие народного хозяйства России?

Здесь я хотел бы заметить следующее.

О таких людях, как Польша, Голливуд любит снимать фильмы и правильно делает, поскольку подобные ленты дают точку опоры людям, которые способны изменить мир к лучшему в прямом смысле этого слова, но по дороге могут и не выдержать постоянной борьбы с инертностью, близорукостью и равнодушием окружающих.

Столкновение романтиков с жизнью редко заканчивается благоприятно. Вот и в истории Александра Николаевича Поля есть подобие хэппи-энда, однако не сам хэппи-энд.

Почему?

Потому что в 1890 г. он умер от разрыва сердца в возрасте 58 лет.

15 лет бесплодных скитаний по петербургским канцеляриям, 15 лет бесплодных попыток пробить стену недоверия, непонимания и инертности правительств, 15 лет иронии, насмешек и подмигиваний за спиной даром не проходят.

15 лет, потраченных на доказательство очевидного, – это очень по-русски.

Прав был его друг археолог Д. И. Эварницкий: «Нужно было иметь непреклонную силу воли, неистощимую энергию и почти нечеловеческие усилия, чтобы поставить громадное дело на надлежащий путь»⁶⁸.

И все же титаническая борьба А. Н. Поля за преобразование Юга России в конечном счете увенчалась успехом.

Потому что после его возвращения из Парижа и строительства железной дороги индустриализация стала нарастать лавинообразно и началась своего рода цепная реакция невиданного усложнения жизни края.

В 1885 г. общество Брянского завода, первым оценившее новую ситуацию, начало строить возле Екатеринослава Александровский завод, который дал первый металл в 1887 г. (один из крупнейших в СССР Днепропетровский завод имени Петровского)*.

В 1889 г. образовалось Южно-Днепровское металлургическое общество, построившее завод в 30 верстах от Екатеринослава в селе Каменском (знаменитом в советской истории Днепродзержинске).⁶⁹ В 1906 г. в семье рабочих этого завода родится мальчик Леня Брежнев.

В 1891 г. вступил в силу новый протекционистский таможенный тариф. Тем самым правительство как бы объявило, что иностранному бизнесу, что отныне нужно строить заводы в России и не рассчитывать на таможенные льготы.

---

* Не случайно Л. Б. Кафенгауз именно этот год берет за точку отсчета в своей классической монографии «Эволюция производства России (последняя треть XIX в. – 30-е годы XX в.)» М., Эпифания, 1994.

Момент был выбран правильно, поскольку без моста через Днепр действие тарифа, возможно, было бы не столь впечатляющим.

Если в середине 1880-х гг. на Юге было два больших металлургических завода – Юза и Пастухова, то к концу 1890-х гг. их насчитывалось уже 17. При этом 13 из них были построены иностранным капиталом.

Я не буду утомлять читателей их перечислением (подробнее см.: *Давыдов М. А. Двадцать лет до Великой войны... С. 296–306*). Отмечу только обстоятельства возникновения Никополь-Мариупольского горного и металлургического общества. Его не без протекции Витте создали в 1896 г. американцы, получившие заказ на производство труб для керосинопровода на Кавказе. Они купили в США трубопрокатный завод и полностью перевезли в Мариуполь.

Характерно, что к сборке они приступили в декабре 1896 г., а уже 1 февраля 1897 г. завод заработал. Строить завод ударными темпами им пришлось потому, что условия, выставленные Мариупольской городской думой при составлении договора, исключали долгострой, как сказали бы сегодня. Дума объявила – если в течение полутора лет после покупки земли не начнется выплавка руды, то земля вернется к городу без возврата уплаченных денег, причем в собственность города поступят безвозмездно и все возведенные за это время на той земле постройки.

Надо ли удивляться тому, что в том же 1897 г. первая домна дала первый металл? Без малейших намеков на «Великий перелом», замечу.

ПРОИЗВОДСТВО ЧУГУНА НА ЗАВОДАХ УРАЛА И ЮГА РОССИИ (тыс. пуд.)

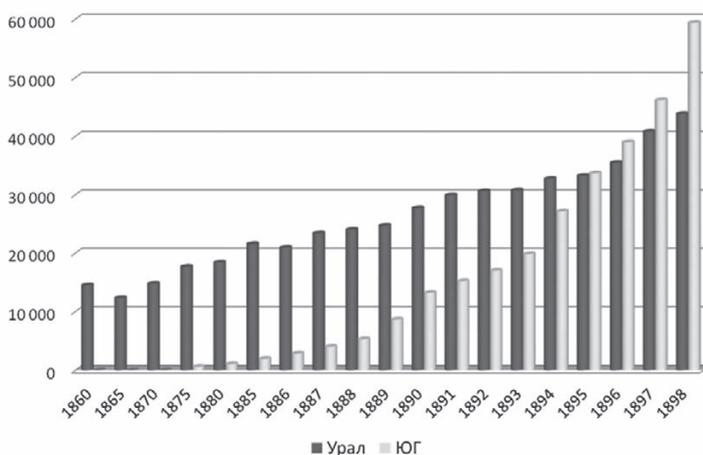

Диаграмма 2

Вернемся, однако, к «цепной реакции» перемен.

Дело в том возникавшие один за другим в 1890-х гг. крупные металлургические предприятия дали жизнь **десяткам** механических, трубопрокатных, машиностроительных и металлообрабатывающих заводов часто с миллионными капиталами не только в Екатеринославской, но и в других южных губерниях – Харьковской, Полтавской, Херсонской и Таврической, а также Донской области.

В их числе были такие гиганты, как судостроительный завод в Николаеве (современный Черноморский судостроительный завод), Харьковский и Луганский паровозостроительные заводы, вагоностроительные заводы в Горловке, Дружковке и Екатеринославе, завод эмалированной посуды в Луганске (таких в России в конце XIX в. было только три). В массе эти предприятия были основаны иностранным капиталом.⁷⁰ Многие из них работали буквально до недавнего времени.

Помимо крупных заводов, на Юге появилось множество менее значительных металлообрабатывающих заводов и мастерских, на которых были заняты тысячи рабочих, производивших необходимую рынку продукцию (сельскохозяйственные машины и орудия, гвоздильное, проволочное и др.).

Системообразующим было и влияние металлургического производства на возникновение силикатной промышленности⁷¹. На Юге появилось множество больших и малых предприятий, занятых обработкой глины, каолина, кварца и их переработкой в огнеупорные и керамические продукты (террако-ту, фарфор, фаянс, кафель), производством черепицы, кирпичей, труб, а также бетона, цемента и т.п.

Началось развитие стекольной промышленности. Бельгийцы в 1896–1897 гг. построили в Донбассе два завода, один из которых производил зеркала. В Одессе начал работу бутылочный завод – также бельгийский.⁷²

В последней четверти XIX в. в Новороссию, безусловно, переместился динамический центр развития Европейской России, и роль индустриализации в этом была громадной, поскольку преобразование отечественной промышленности повлияло и на развитие сельского хозяйства.

Стоит ли удивляться тому, что население Екатеринослава, который в 1862 г. был заурядным губернским центром с 19,5 тыс. жителей, в 1897 г. составляло свыше 121 тыс. человек?

Понятно, что новые заводы прямо влияли на благосостояние тех, кто был с ними непосредственно связан. Однако не меньшим было и их опосредованное воздействие на самые разнообразные аспекты жизнедеятельности региона и на интересы людей, которые, на первый взгляд, как будто ничего общего с ними не имели.

Диаграмма 3

Это влияние выразилось в появлении новых вспомогательных отраслей производства и сфер человеческой деятельности, в образовании новых населенных пунктов-зародышей будущих городов, сразу становившихся новыми потребительскими рынками для аграрной продукции, в подъеме благосостояния уже существующих городов, в развитии портов и т.д.

Для крепления шахт были необходимы лесные стройматериалы, которые в Донбасс поставляли из Полесья. Так в индустриализацию включались белорусские лесовладельцы и множество крестьян, рубивших этот лес и привозивших к реке,* плотовщики и речники, перевозившие его по Днепру до Екатеринослава, владельцы тамошних многочисленных лесопилен, построенных для обслуживания каменноугольной промышленности, их служащие и рабочие.

Только для креплений шахт лесоматериалов привозилось на сотни тысяч рублей. Велики были и потребности вагоностроительных заводов. Лес был нужен для постройки новых предприятий и для городского строительства в бурно разраставшемся Екатеринославе.⁷³ А горожане нуждались в дровах.

* Брандт замечал, что «едва ли крестьянин, рубящий близ Гомеля или Мозыря лес и перевозящий его на своей убогой лошадке к пристани или к станции железной дороги, даже имеет представление о том, что своей работой и заработком он обязан существованию где-то далеко на Юге иностранного металлургического завода, который своей потребностью в минеральном топливе вызвал к жизни устройство шахты, требующей для своих креплений тот самый лес, который этот крестьянин рубит и перевозит». (Брандт Б. Ф. Иностранцы капиталы... Ч. 2. Там же. С. 314.)

Сказанное иллюстрирует статистика. В 1874 г. в Екатеринославе был только один лесопильный завод, а в 1896 г. – 15.

Если в 1885–1888 гг. лесных стройматериалов в Екатеринослав по Днепру не поступало вовсе, то в 1889 г. их прибыло сразу 13,6 млн. пуд., а в 1894 г. – 18,3 млн пуд. и т.д.

Равным образом до 1889 г. в Екатеринослав дров по Днепру не привозили, а с 1889 г. по 1895 г. их прибытие выросло с 301 до 2274 тыс. пуд.

Теперь нам легче представить степень влияния вновь возникшей южной металлургии на благосостояние многих тысяч людей, на первый взгляд, прямо не связанных с нею.

Понятно, что уже в период строительства и оборудования металлургические, а затем и все остальные предприятия давали серьезный заработок множеству рабочих, токарей и слесарей, подрядчиков и перевозчиков, грузчиков, словом, всем, кто в той или иной форме принимал участие в стройке или обслуживал тех, кто в ней участвовал.

Естественно, значение заводов как источника заработков выросло еще больше с началом производства – им ежедневно было нужно сырье, топливо, различные материалы, которые кто-то добывал, продавал, грузил, перевозил и разгружал, а затем тысячи собственно заводских рабочих и служащих производили продукцию, которую потом также грузили, перевозили и т.д.

В пылу концептуальных споров о судьбах российской модернизации и российского крестьянства мы как-то забываем об этой прозаической и как бы банальной ее стороне.

В 1870 г. в Юзовке жило 164 человека, в 1884 г. – 5,5 тысяч, а в 1897 г. – уже 29 тысяч. В 1900 г. в ней насчитывалось 797 домов, не считая рабочих общежитий, больницы, дезинфекционной станции, школы и Спасской церкви на 5 тысяч прихожан.

Все, кто так или иначе был связан с производством, были потребителями самых разнообразных товаров и услуг, и чем больше они зарабатывали, тем больше потребляли продуктов питания, одежды, обуви, предметов роскоши и т.д., в свою очередь давая больше дохода булочникам, мясникам, бакалейщикам, галантерейщикам, мануфактуристам, портным, сапожникам, мебельщикам, учителям, докторам, аптекарям, парикмахерам, гастролирующим артистам, журналистам и др. Слесарь Никита Хрущев, курский крестьянин по происхождению, был вполне доволен своей жизнью в Юзовке.

Добавлю, что параллельно увеличивались доходы земских и городских обществ от обложения налогами старых и новых промыслов, а доходы казны – от роста потребления облагаемых акцизом товаров. Не бедствовали и содержатели увеселительных заведений.

Пикантная деталь. Согласно «Списку фабрик и заводов», британский подданный Айвор Иванович Юз (сын Джона Юза) владел «Южнороссийской пивоварней», построенной в 1882 у станции Рудничная (Рутченково). Как не вспомнить, что его дед по матери поставлял пиво рабочим завода Юза в Ньюпорте. Надо сказать, у такого непыльного, на первый взгляд, бизнеса, как продажа пива отцовским рабочим, была и оборотная сторона – в 1887 г. полторы тысячи забастовщиков Рутченковских рудников ворвались на пивоварню и выпили все запасы.

Отдельного исследования заслуживает воздействие металлургической промышленности на развитие сельского хозяйства.

Во-первых, появление железных дорог в недавно еще пустынной или малонаселенной степи открыло местным крестьянам возможность сбыта сельхозпродукции по всей стране, а также и на экспорт через близкие азово-черноморские порты. Это был мощный стимул для расширения производства.

Во-вторых, возникновение новых потребительских центров в виде фабрично-заводских поселков и посадов также поощряло рост запашек, скотоводства, молочного хозяйства, огородничества в окрестных крестьянских хозяйствах.

За 10 лет после строительства Екатерининской железной дороги и ее ветвей запашка выросла в 4,5 раза. Если в первые годы перевозка хлеба не превышала 2 млн. пуд., к концу десятилетия она увеличилась в 11 раз. В районе Екатеринослава появились 24 крупных паровых мельницы.⁷⁴

Подводя некоторые итоги, замечу, что даже столь кратко изложенная история Джона Джеймса Юза и Александра Николаевича Поля демонстрирует, на мой взгляд, насколько трудным было то, что на двух-трех страницах учебника выглядит само собой разумеющимся и настолько банальным, что не оставляет пищи воображению.

Хочу еще раз подчеркнуть, что, на мой взгляд, именно благодаря двум этим личностям, умевшим принимать решения и отвечать за них, стал возможен промышленный подъем 1890-х и началось буквальное преобразование огромной территории (равной по площади современной Великобритании), которая еще в 1860-х гг. фактически оставалась тем самым Диким Полем, которое средневековые хронисты именовали Scythia и Sarmatia и где еще встречались сайгаки и даже тарпаны.

Лично я считаю роль Поля чуть более значительной, разумеется, никоим образом не умаляя при этом значимости «везунчика» Юза, а также министров финансов М. Х. Рейтерна, Н. Х. Бунге, И. А. Вышнеградского и С. Ю. Витте.

Но Юз боролся прежде всего с природно-климатическими условиями и уже во вторую очередь с несовершенством человеческой природы.

Полю было намного труднее. Без Кривого Рога, а, значит, без Поля, без его неукротимой энергии и веры в свою звезду, будущее Новороссии было бы другим – и не только промышленное*.

Нелегкие пути модернизации

Запомнилось, что часто в договоре попадались слова “буде” и “поелику” и что каждый пункт начинался словами: “Автор не имеет права”. Один, впрочем, пункт нарушал единообразие этого документа – это был пункт 57-й. Он начинался словами: “Автор обязуется”.

М. А. Булгаков «Театральный роман»

Мы далеки от мысли отрицать необходимость известного надзора за хозяйственной деятельностью, в которой эгоистические побуждения могут влечь за собою нарушение общих интересов. Но мы не допускаем в этом деле того усмотрения, которое способно нередко привести в полное уныние всякую полезную деятельность.

Закон и власть должны быть проникнуты единством намерений, в которые должны входить развитие и всяческое поощрение производительных сил страны. Не в создание им препятствий, а в устранении таковых власть должна видеть свое призвание...

При принятии мер к развитию промышленности надо иметь в виду прежде всего ту пользу, которую извлекают из нея страна и население, а не доходы предпринимателей. Эти последние не должны затемнять собою значения всего дела. А между тем, сколько затруднений создается нашей административной практикой частной предприимчивости только потому, что она сулит инициаторам высокую прибыль.

П. В. Литвинов-Фалинский

В истории А. Н. Поля как в капле воды отразились характерные особенности развития предпринимательства после 1861 г.

Трудно представить, чтобы во второй половине XIX в любой из ведущих стран мира такая несложная задача, как строительство 400 км железной дороги в степи, пусть и с мостом через широкую реку, решалась бы свыше 10 лет.

---

* Ощущение **Нового** Света (кстати, так назывался один из районов Юзовки), которое испытывали современники, осваивавшие тогда Северное Причерноморье, отчасти заметно, как мне кажется, в топонимике Новороссии. Там встречаются, в частности, Лакедемоновская и Мыс-Добронадеждинская волости Таганрогского округа Области Войска Донского, село Ватерлоо Одесского уезда, колония Нью-Йорк в Бахмутском уезде (не одному же Тому Сойеру жить в Санкт-Петербурге!).

И проблема, конечно, была не в производственных трудностях, а в том, что разрешить такую стройку мог только Петербург. Через 12 лет Н. Г. Гарин-Михайловский, сам инженер-железнодорожник, с большим трудом сумевший пробить в МПС разрешение на первую в России узкоколейную железную дорогу, напишет: «Опека чиновника губит дело. В Бельгии не спрашивают разрешения на типы, на постройку, – просто строят, как мы строим дома, и вывешивают объявления о приеме грузов и пассажиров, когда дорога готова. Жизненность там дороги зависит от ее приспособленности к требованиям страны, рынка»⁷⁵.

История возникновения Донецко-Криворожского бассейна, помимо прочего, показывает, насколько народное хозяйство было задавлено правительственной регламентацией.

В России и в индустриальную эпоху господствовали дореформенные подходы, когда правительство «на всякий случай» затрудняло внедрение нового, исходя из идеи «как бы чего не вышло». Препоны развитию бизнеса стояли снизу доверху, и он зачастую был не бегом с препятствиями, а настоящей полосой препятствий.

Предпринимательство развивалось в условиях, невозможных в любой из тех стран, с которыми Россия на равных «общалась» на международной арене. И даже в стране, к которой она относилась пренебрежительно, например, в Японии.

Такое положение во многом было создано сознательно.

К осени 1862 г. завершилась работа комиссии во главе с А. Ф. Штакельбергом, которая с 1859 г. занималась широким кругом вопросов, касающихся развития промышленности и торговли, в частности, пересмотром фабричного и ремесленного уставов, условиями появления и функционирования промышленных предприятий, юридическим статусом их владельцев, предпринимательскими организациями, комплексом проблем государственного руководства промышленностью, а также взаимоотношениями капиталистов и рабочих и др.

Комиссия подготовила проект нового Промышленного устава и пять томов материалов, опубликованных для обсуждения⁷⁶.

Проект исходил из идеи всеобщности промышленной деятельности: «Самостоятельное производство разного рода промыслов, на основании настоящих правил, предоставляется во всех местностях империи как русским подданным, так и иностранцам всякого звания и сословия и обою пола».

Эта идея закреплялась установкой на то, что «содержатели промышленных заведений и вообще люди, занимающиеся производством промыслов, не составляя отдельного сословия, подчиняются общим, правительством установленным учреждениям и властям и подлежат государственным, земским и общественным повинностям каждый по своему званию или сословию».

Гильдейская и цеховая организация предпринимателей упразднились⁷⁷.

Теперь промышленники «подлежали ближайшему ведению общественных учреждений», в городах – ведению дум или органов, их заменяющих, а в сельской местности – сельских общественных управлений, которые должны были также надзирать за возникновением и работой самих промышленных заведений и выдавать свидетельства (билеты) «на открытие или продолжение действий на очередной год промышленных заведений «по уплате установленных пошлин».

«Общий надзор за промышленностью» по-прежнему возлагался на «главные местные начальства»; в центре ими были Министерство финансов и Министерство внутренних дел «по принадлежности»⁷⁸.

Комиссия считала главной задачей промышленного законодательства предоставление «полного простора собственной инициативе рабочего сословия (здесь: предпринимателей – М. Д.) и лучших его представителей. Остальное сделает время и распространение в народе более здравых понятий о лучших способах производства».

Отмечалось, что до нынешнего времени «главной трудностью правительственной политики было незнание действительных условий развития промышленности и ее нужд. Такое положение не могло “сохраняться без опасения подорвать в основе интересы нашей промышленности”. В связи с этим важнейшее значение Комиссия придавала созданию предпринимательских организаций. “Промышленность и промышленники должны иметь средства к заявлению своих мыслей и желаний пред правительством”»⁷⁹.

Л. Е. Шепелев отмечает, что «изучение проекта Промышленного устава и других материалов Комиссии Штакельберга убеждает, что она исходила из того, что развитие промышленности в России пойдет по тому же пути, как и на Западе, но несколько предвосхищала это развитие и недооценивала обстоятельства, затруднявшие и сдерживавшие его, связанные в первую очередь с сохранением в стране самодержавного режима»⁸⁰.

Полагаю, слова историка о «предвосхищении» и «недооценке» можно понимать примерно так: Комиссия переоценила здравый смысл правительства.

Опубликованные материалы Комиссии имели широкий резонанс. Сбор отзывов не был закончен даже в 1870 г. «В конечном итоге законопроект вызвал много возражений, которые не удалось согласовать».

Новый Промышленный устав так и не был утвержден. Просто в действующее законодательство были внесены изменения, «не имеющие органической связи с остальными устаревшими его отделами». Сохранились, хотя и с некоторыми изменениями, гильдейская и цеховая организации⁸¹.

То есть, проекты, позволявшие России развивать производительные силы в соответствии с мировым трендом, что и делали наши враги и конкуренты,

были отвергнуты. Власть ограничилась тем, что, условно говоря, подкрасила старый фасад.

В России бывает так, что приходит государственный деятель, энергия которого расчищает завалы предыдущей эпохи, упорядочивает настоящее и готовит почву для будущего. Ришелье, Кольбер, Бисмарк – из этой плеяды.

В России пореформенной эпохи такими людьми последовательно оказались С. Ю. Витте и П. А. Столыпин.

Витте, совершенно непредсказуемо, можно сказать, чудом взлетевший к вершинам власти и изменивший историю, стал министром финансов, когда на Юге уже началось строительство новых заводов.

И что же он увидел?

Экономику, опутанную архаичным законодательством конца XVIII – первой половины XIX в., **буквально ни в одной** сфере торгово-промышленной деятельности не отвечавшим требованиям времени; в огромной стране от Владивостока до Варшавы насчитывалось целых 8 (восемь) коммерческих училищ⁸².

Это касалось законов о бирже, о комиссионной деятельности, о торговых и промышленных товариществах и обществах (датируемых 1807 и 1836 гг.) и т.д. В России не было современного патентного права*, цивилизованной системы регистрации фирм и торгово-промышленных учреждений, действенного контроля за системой мер и весов и многого другого.

Например, сохранял силу закон, по которому «хозяину дозволялось унижать приказчика мерами домашней строгости». А неполнота российского законодательства была такой, что иногда коммерческие суды должны были «руководствоваться нормами германского торгового уложения»⁸³. Эти курьезные, казалось бы, моменты на деле отражали очень важные вещи.

В промышленности и торговле анахронизм сословно-тяглового строя проявлялся весьма остро. Так, предприниматели из крестьян и мещан, отлучаясь из обществ, к которым они были приписаны (причислены), должны

---

* Витте писал: «Постановка дела по выдаче у нас привилегий (патентов – М. Д.) представляется совершенно устаревшею и неправильною, вызывая справедливые нарекания на то, что **существующими законоположениями русские изобретатели не только не поощряются к изобретательности, но даже не могут получить надлежащего ограждения своих прав**, к ущербу для отечественной промышленности».

Главный недостаток в порядке рассмотрения прошений о выдаче привилегий заключается в том, что то учреждение, на котором по закону лежит эта обязанность (Совет торговли и мануфактур), не может, по нынешнему своему составу, обеспечивать компетентности, беспристрастности и скорости решения этого рода дел. С другой стороны, и самые основные положения закона о привилегиях, относящиеся, по времени их издания к первой трети и даже началу текущего столетия (1812 и 1838 годы), совершенно не соответствуют нынешнему положению нашей промышленности». (Витте С. Ю. Собрание сочинений и документальных материалов. В 5 тт. М.: Наука. 2006. Т. 4. Кн. 1. С. 95).

были получать от них так называемый «вид на жительство». И если сельское или мещанское общество его не выдавало, что случалось довольно часто, то они не могли продолжать начатое ими торговое или промышленное дело. Это было самое массовое косвенное ограничение права заниматься бизнесом (его отменила только реформа Столыпина, давшая крестьянам фактическую полноту гражданских прав).⁸⁴

Купечество, как известно, было освобождено от телесных наказаний, пользовалось свободой передвижения и имело бессрочные паспорта. В 1898 г. реорганизация системы налогообложения промышленности и торговли поставила вопрос о сословных правах купечества. Было решено уже существовавшие привилегии купечества сохранить, но отделить их от права на торгово-промышленную деятельность (в любом объеме). Это выразилось в разделении единых купеческих свидетельств на промысловые и гильдейские. Принадлежать к 1-й гильдии купечества могли лишь те, кто выбрал промысловые свидетельства не менее чем на 500 руб.; ко 2-й – выбравшие промысловое свидетельство на сумму более 50 руб. Но дополнительно они должны были приобрести гильдейские свидетельства»⁸⁵. Не вдаваясь в детали, замечу, что эта информация, возможно, казалась бы естественной в XVIII – первой половине XIX в., но подобная средневековая детализация экономической деятельности выглядит очень странно в эпоху англо-бурской войны.

Став министром финансов, Витте вскоре представил свою программу развития народного хозяйства страны, пронизанную идеей острой необходимости модернизации правового обеспечения торговли и промышленности.

В Европе, писал он, развитие промышленности было органической частью ее жизни и истории, оно шло вместе с прогрессом науки, техники и общей культуры. Частный бизнес там должен был только «делать свою работу», поскольку его интересы всегда ограждались законодательством.

Россия же должна почти с нуля создать современную промышленность, пропустив, в отличие от Европы, ряд последовательных стадий, и сделать она это может только при эффективном содействии правительства⁸⁶.

Однако человек, решивший открыть в России новое дело, продолжает Витте, сталкивается с большими сложностями. Он «должен с самого начала и одновременно выполнить **столько разнообразных и трудных задач для того, чтобы расчистить почву для своего предприятия, что это оказывается большею частью непосильным для отдельных лиц (! – М. Д.)**».

Поэтому государство должно не столько регламентировать бизнес, сколько помогать ему морально и материально в каждом отдельном случае, поскольку для созидания народного богатства важны не только крупные, но также средние и мелкие предприятия.⁸⁷

Необходимо облегчить условия открытия новых фабрик и заводов, что само по себе должно усилить приток частных капиталов в промышленность и «оживить предприимчивость» отечественного купечества.

Главный порок законодательства, продолжает Витте, заключается в том, что для создания нового или расширения уже работающего предприятия любого размера в любой отрасли требуется предварительное разрешения местной, а часто и центральной администрации.

Между тем контакты, переписка между различными административными инстанциями «сопряжены с большими проволочками», излишними расходами и потерей времени, а «предъявляемые к нашим промышленникам требования относительно самого устройства и содержания» их заведений далеко не всегда оправданы⁸⁸.

Проблемы бизнеса усугубляются тем, что на местах все эти вопросы решали не чиновники Министерства финансов, а малокомпетентные представители МВД, и поскольку в стране на этот счет не было **«четкого, а иногда и всякого законодательства»**, то в разных губерниях местные органы принимали очень разные решения⁸⁹.

Думаю подобное положение в общих чертах весьма знакомо нынешним бизнесменам. Последствия, полагаю, можно также специально не пояснять.

К сожалению, ситуация не изменилась ни при Витте, ни после него. Министр торговли и промышленности в 1909–1915 г. С. И. Тимашев* писал в воспоминаниях, что организация и деятельность промышленных предприятий были «обставлены» в России «ужасающими ... стеснениями» и что нужны были «большое мужество и энергия, чтобы не спасовать перед... формальностями»⁹⁰.

В 1908 г. управляющий отделом Министерства торговли и промышленности П. В. Литвинов-Фалинский констатировал: «Для широкой хозяйственной деятельности у нас не имеется благоприятной обстановки. Деятельность эта покоится на самоинтересе населения, – важнейшем возбудителе всякой производительности. Но она часто не только не находит у нас поддержки и поощрения, но, наоборот, встречает ряд стеснений и затруднений, мелочно опутывающих всякую предприимчивость. Эти стеснения нередко убивают инициативу и на преодоление их приходится затрачивать, в прямой вред делу, массу энергии».

Да, публичные интересы иногда требуют ограничения свободы хозяйственной деятельности, «но как далека от этих целей та придирающая опека, которая формальными тисками связывает нашу хозяйственную жизнь. Многие вполне безвредное, подчас вовсе воспрещено, а остальное требует разре-

---

* Он добился принятия закона о государственном страховании рабочих от несчастных случаев. Умер в 1920 г. в советской тюрьме.

шения того, чего вовсе не следовало бы подвергать каким либо ограничениям». Например, почему нельзя строить фабрик и заводов в Московском уезде, если понятно, что промышленность тяготеет к крупным городам?⁹¹.

Ограничения хозяйственной деятельности «особенно ощутительны для мелкой, но зато многочисленной предприимчивости, слабо вооруженной возможностью преодолевать их.

Изданный в начале прошлого столетия ремесленный устав давит мелкое городское производство формальностями цехового строя, от которого ремесленники не знают никакой пользы.

Ради чего всякий, желающий изготовлять или чинить сапоги, мебель, предметы одеяния и пр. принуждается к предварительной выучке, записи в цех, экзаменам и другим стеснениям, а главное – к разного рода поборам*, носящим характер весьма неопределенного в своих размерах налога на труд», притом, что от обязательного ремесленного ученичества учащиеся «не ощущают ничего похожего на обучение»⁹².

И так – или очень похоже – было на всех уровнях экономической деятельности.

Особой и **крайне** важной проблемой нашей экономики было акционерное законодательство – ведь в индустриальную эпоху именно акционерные общества могли аккумулировать большие капиталы.

Во всех развитых странах существовала явочная (регистрационная) система создания акционерных обществ, при которой для возникновения новой компании было достаточно формально зарегистрировать в административных или судебных органах ее устав, составленный сообразно нормам общего законодательства. Тем самым исчезала возможность административного произвола и волокиты, не говоря об экономии времени и сил.

В России «Положение о компаниях на акциях» (1836 г.) предусматривало концессионную (разрешительную) систему, при которой новая компания возникала только после законодательного утверждения ее устава правительством.

Понятно, что такой порядок априори тормозил акционерное учредительство, ставя к тому же компании в полную зависимость от властей. Помимо прочего, это приносило большие убытки, особенно во времена промышленных подъемов, когда время обретало особую ценность.

Данная система сохранялась прежде всего в связи с весьма жесткими ограничениями деятельности «нежелательных элементов», т.е. иностранных подданных и лиц иудейского вероисповедания, которые не могли занимать-

---

* Однако и запись в цех не избавляла ремесленника от ограничений деятельности. Так, пекарь, получивший свидетельство на производство собственного булочного ремесла, не имел права, «без особых повинностей в цех», печь пирожки из кислого теста (Там же).

ся определенными производствами, владеть предприятиями в ряде районов страны. Им **прямо запрещалось** приобретать земли: первым в 21 губернии Западной России и ряде других местностей, вторым а вторым – вне городских поселений 15 губерний черты еврейской оседлости и повсеместно вне этой черты.⁹³

Хотя формально большинство этих законов не относилось к акционерным компаниям, их действие распространилось и на компании, участниками (акционерами) которых были дискриминируемые лица. Ограничения со временем только нарастали. При этом евреи-иностранцы дискриминировались вдвойне – и как иностранные подданные и как иудеи. По закону, лишь «по особым уважениям» им могло быть разрешено «только временное пребывание в империи... для производства торговли и банкирских операций при условии платежа первогильдейских пошлин»⁹⁴.

Конечно, буквальное соблюдение этих ограничений не позволило бы экономике России добиться даже тех результатов, о которых мы уже говорили.

Поэтому был найден более или менее приемлемый компромисс.

Министерство финансов давило на Комитет министров, который в виде исключения утверждал уставы «отдельных компаний с акциями на предъявителя (владельцами которых могли быть и дискриминируемые лица) при условии, однако, что правления этих компаний будут состоять полностью или хотя бы в большинстве из недискриминируемых лиц». В этом случае компании (а их было до 70% от общего числа учреждаемых) могли купить до 200 десятин земли.⁹⁵

Витте писал в мемуарах: «Закон или, вернее, произвол в образовании акционерных обществ (все сие творилось в Комитете министров) всячески стеснял их развитие. Сколько раз я ни поднимал вопрос о введении явочной системы при образовании акционерных обществ, я всегда встречал затруднения в МВД вообще и у Плеве в частности и особенности»⁹⁶. Произвол был неизбежен, потому, что у Комитета министров не было четкой правовой базы для принятия решений.

Одной из важнейших проблем русской индустриализации была неотделимая от акционерного законодательства проблема иностранного капитала.

При дворе, в правительстве и обществе были очень сильны негативные настроения по поводу его участия в народном хозяйстве (как известно, это было характерно не только для России).

Ксенофобия тут достигала высокого накала, и в ход шли ржавяющие аргументы о «распродаже родины», с которыми читатели хорошо знакомы и по нынешнему времени.* Кстати, сколько можно судить, эта ксено-

---

* Вот некоторые из них: «Вопрос об иностранных капиталах стал за последнее время не только модным у нас вопросом, но и крайне серьезным. На наших глазах важнейшие есте-

фобия пополам со шпиономанией не принесла нашей стране ни малейшего успеха.

Россия была небогата капиталами, а русский бизнес, как мы видели на примере Поля, не был готов рисковать тем, что имел. Однако деньги для индустриализации были нужны здесь и сейчас, и препоны иностранным капиталам тупо тормозили экономическое развитие Империи.

В лекциях наследнику великому князю Михаилу Александровичу Витте объяснял, что «капиталы, как и знания, не имеют отечества. Раз богатство создано, оно стремится туда, где в нем наибольшая нужда, где его лучше оценят, лучше сумеют им воспользоваться.

Как это ни ясно само по себе, как ни отчетливо свидетельствует об этом история, однако нередко высказывается мнение об опасности привлечения иностранных капиталов. Приток иностранных капиталов грозит будто бы самобытности страны, и если не спешить, то можно обойтись и собственными капиталами для создания промышленности и новых капиталов.

Но великая страна не может ждать»⁹⁷.

При любом удобном случае, в каждом докладе Николаю II Витте снова и снова вкратце пересказывал историю индустриализации стран Запада, в которой иностранные капиталы сыграли громадную роль (а для США, уже ставших лидером мировой экономики, эта роль была решающей), объяснял, что Россия – не Китай и не Египет и не может попасть в зависимость от иностранцев.

Он говорил о том, как вредны для развития Империи ограничения иностранного капитала, и занимался ликвидацией экономической безграмотно-

---

ственные богатства России одно за другим переходят в руки иностранных компаний, и все мы чувствуем, что переход этот что-то уж очень напоминает не то какое-то нашествие на Россию, не то прямую ее экономическую оккупацию» (Шарапов С. Россия будущего. М.: Институт русской цивилизации. 2011. С. 174).

«Страна, откуда ссужают капиталы, богатеет, а страны, куда их занимают, беднеют вследствие постоянной дани в виде роста на занятые капиталы; кроме того, там главнейшие работы переходят в руки иностранцев, а эти последние, пренебрегая местными материалами и орудиями производства, все выписывают из-за границы. За границу же уходят и все прибыли от предприятия»; «Заем внешний ставит государство в зависимость от внешней посторонней силы, будут ли этой силой иностранное правительство, или иностранные банкиры, или множество отдельных иностранцев, держателей выпущенных за границей заемных обязательств». (Васильев Аф. Миру – народу. Мой отчет за прожитое время. СПб., 1908. С. 789, 852).

«Группы чужеземцев при помощи трестов и синдикатов делают распоряжителями природных богатств страны и фактическими собственниками крупных хозяйственных единиц. Это неизбежное зло водворения в государстве иностранной предприимчивости требует, как мне кажется, особого внимательного к себе отношения и осторожности... Заявления о новых акционерных компаниях поступают ежедневно, и к 1904 г. целые обширные районы нашего отечества могут оказаться в экономической зависимости от иностранцев» (Материалы по истории СССР. Т. 6. М.: АН СССР. 1959. С. 204).

сти императора и его министров, живших в какой-то параллельной реальности и не понимавших элементарных вещей.

К сожалению, в России даже министрам приходилось объяснять, что сельское хозяйство и промышленность связаны неразрывно, потому что промышленность – исход для деревни и т.д.

И что если мы сами не можем построить завод, то почему бы не разрешить сделать это иностранцам, которые дадут работу русским людям, сделают товары, которые иначе пришлось бы за валюту ввозить из-за границы и т.д. И если они вывозят за свой риск и труды некоторому прибыль (что бывало не всегда), то это не повод бить тревогу.

Он – как на лекции – рассказывал, что Англия достигла современного богатства во многом благодаря систематическому привлечению денежного и человеческого капитала из других стран. Так, фабриканты-протестанты, изгнанные из Бельгии и Франции при Филиппе II и Людовике XIV, наладили там производство шерстяных, льняных, шелковых, стеклянных и писчебумажных изделий, часовую и железоделательную промышленность. Итальянцы занимались в Лондоне финансами, из Испании и Португалии пришли изгнанные отсюда евреи, а из ганзейских городов и Венеции – «купцы с своими кораблями и торговыми познаниями, капиталом и духом предприимчивости». Со временем иностранцы растворились, а Англия вышла из этого процесса сильной и могущественной как экономически, так и политически.

Беспрецедентное экономическое развитие США во многом – продукт английского капитала, хотя, разумеется, ни о какой зависимости американцев от англичан ни в политике, ни в экономике говорить не приходится.

Успех Витте имел относительный. В тяжелой борьбе против мощного «патриотического» лобби он обратился за поддержкой к Д. И. Менделееву, и тот в 1898 г. написал Николаю II письмо, доказывающее необходимость привлечения иностранного капитала.

Рассуждая в мемуарах на эту тему, Витте отметил, что при нем в Россию пришло не менее 3 млрд. руб. иностранных капиталов и что все занятые деньги пошли только на производительные цели, они находятся в капиталах страны. **«Нашлись люди, и теперь их немало, которые ставили и ставят мне это в вину. О глупость и невежество! Ни одна страна не развилась без иностранных капиталов.»**

Когда против иностранных капиталов ведут войну так называемые «истинные русские люди» (кажется, это счастливое название пустил в ход сам император), то это понятно, ведь это или отпетые, или наемные безумцы, но ведь нередко о вреде иностранных капиталов толкуют, и даже в газетах, люди, имеющие претензии на знания.

Во все время управления мной Министерством финансов мне приходилось отстаивать пользу иностранных капиталов, и в особенности в Комитете Министров (ярые противники были И. Н. Дурново, Плеве и генерал Лобко*).

Его Величество, **по обыкновению**, полагал резолюции то по одну, то по другую сторону». Он даже созвал особое заседание, которое должно было решить – полезны ли иностранные капиталы или нет.

Витте там заявил, что иностранных капиталов он не боится, а боится «совершенно обратного, что **наши порядки обладают такими специфическими, необычными в цивилизованных странах свойствами, что не много иностранцев пожелают иметь с нами дело**. Конечно, если бы не делалась во время моего управления финансами масса затруднений иностранным капиталистам, то иностранные капиталы пришли бы в гораздо большем количестве...»⁹⁸.

В одном из докладов он называет несколько крупных предприятий с миллионными капиталами, которые не начали работать из-за указанных ограничений.

И это в стране, где главной темой был аграрный кризис!

Витте, кстати, особо подчеркивает, что его управление железными дорогами и промышленностью отвлекло от земли 4–5 млн. человек, а с семьями порядка 20–25 млн. Тем самым он «как бы увеличил земельный фонд на 20–25 млн. дес.»⁹⁹.

Естественно спросить – а чем вызывалась такая близорукость государственных мужей и самого главного из них?

Часть ответа, полагаю, содержится в характеристике главы МВД В. К. Плеве, которую дал В. И. Гурко: «При всем своем природном уме, при всем стремлении широко охватить вопросы государственного строительства, отнюдь не погрязая в текущие мелочи управления, Плеве все же не был в состоянии подняться до истинно государственного понимания вещей и на деле был тем, что некогда было сказано про Сперанского, а именно – огромный чиновник...

Он искренне был убежден, что главным, если не единственным, средством вывести Россию на торную дорогу своего дальнейшего развития было приспособление правительственного, по преимуществу административного, аппарата к быстрому и дельному разрешению множества безнадежно застрявших в правительственных учреждениях мелких и крупных административных реформ.

---

* И. Н. Дурново – министр внутренних дел до 1895 г., в 1895–1903 гг. – председатель Комитета министров; Плеве – в 1894–1902 г. – государственный секретарь, с 1896 г. – статс-секретарь Е. В., с 1899 г. – министр статс-секретарь Великого княжества Финляндского, в 1902–1904 гг. – министр внутренних дел; П. Л. Лобко – с 1899 г. государственный контролер.

Мешало Плеве проникнуться иными взглядами, едва ли не больше всего остального, его малое знакомство или, вернее, совершенное незнакомство со сложными экономическими проблемами современности.

Плеве принадлежал к той плеяде русских государственных деятелей, которые и по образованию, и по самому строю всего народного хозяйства той эпохи, к которой они принадлежали, не постигали того значения, которое приобрели в России в последнюю четверть XIX в. вопросы народного хозяйства».

Они мысленно продолжали жить во временах натурального хозяйства, когда отдельные хозяйства в массе были самодовлеющими единицами и функционировали вне общей экономической жизни страны. В этот период «почти вся государственная экономика сводилась к стремлению сбалансировать государственный бюджет доходов и расходов».

В силу этого в центре внимания находилось «государственное, более или менее механическое, хозяйство», а хозяйство «народное (здесь, полагаю, Гурко употребляет термин в значении частное хозяйство – М. Д.) почти совершенно ускользало не только от воздействия, но даже из поля зрения государственной власти». О нем думали в той мере, в какой оно пополняло казну деньгами, но не как об отдельной проблеме.

«Администраторы того времени лишь смутно сознавали происшедшую коренную перемену во всем социальном строении государства, и в них еще вовсе не проникло понимание, что при новых экономических условиях, когда весь народный организм составляет одно сложное хозяйственное целое, отдельные части которого находятся в тесной зависимости друг от друга, административные мероприятия лишь скользят по поверхности народной жизни и не в состоянии оказать на нее существенного влияния»¹⁰⁰.

Вообще характерной чертой имперской правительственной системы была величавая неспешность, как будто на ее календаре были 1830–1840-е гг.

Очень важный для вооруженных сил страны закон о казенных поставках и подрядах был принят в 1830 г. В 1863–1888 гг. его пересматривала «Особая комиссия» во главе с Философовым, но за 25 лет решить проблему не смогла.

Вопрос был передан в Государственный Совет, который «ввиду сложности предмета» образовал новую комиссию, которая трудилась еще 16 лет, до 1904 г.

Однако после учреждения Государственной Думы и нового порядка обсуждения законопроектов, Совет министров создал следующую комиссию, которая, наконец, в 1909 г., через 46 лет (!) подготовила проект пересмотра устаревшего закона. Можно представить, как это отразилось на деле обороны страны¹⁰¹.

Не зря уральские промышленники в феврале 1905 г. напоминали правительству, что «реформа акционерного закона стоит на очереди более 30 лет,

пересмотр паспортной системы потребовал 45 лет и до сих пор еще не закончен в самой важной своей части – отмене паспортов. Издание нового вексельного устава было плодом 12-ти комиссий – на протяжении 55 лет. Развязка поземельных отношений растянулась на полстолетия»¹⁰².

При этом всякий раз, когда можно было раздвинуть рамки законодательства, дать людям больше свободы, власть стремилась – часто совершенно рефлекторно – на всякий случай их сузить. Серьезной модернизации правового обеспечения предпринимательства так и не произошло. Так, закон об акционерных обществах 1836 г. отменило Временное правительство.

А ведь речь шла о вещах в полном смысле слова судьбоносных...

К. Ф. Шацилло писал, что Россия могла кормить самую большую в мире армию, но не могла вооружить ее в соответствии с требованиями времени. В частности, наша промышленность в принципе не могла производить некоторые виды новейших вооружений.

При этом «ненависть» к иностранному капиталу не мешала размещать за границей оборонные заказы на гигантские суммы, в то время как отдельные русские частные заводы начали получать военные заказы лишь перед русско-японской войной. Только неспособность «полуфеодального» казенного военпрома справиться с намечаемыми программами привела к появлению в России частной военной промышленности как специальной отрасли хозяйства. За 1910–1914 гг. ее создали русские банки, вложив 100 млн. руб. К. Ф. Шацилло отмечает, что «к началу мировой войны в этой отрасли было возведено или находилось в стадии строительства 11 стапелей для линейных кораблей, около 50 стапелей для эсминцев и подводных лодок, крупнейшие в Европе артиллерийские, пороховые и снарядные заводы. Все они были оснащены новейшим высокопроизводительным оборудованием, рационально организованы, и казенные заводы не могли тягаться с ними ни в ценах, ни в сроках исполнения заказов»¹⁰³.

Однако вместо разумной координации действий казенных и частных военных заводов, как это было сделано в Германии еще во времена Бисмарка, правительство по-прежнему видело в предпринимателях врагов.

Накануне Первой Мировой войны правительство вошло в новое прямое столкновение с бизнесом (опять на почве дискриминации «лиц иудейского вероисповедания»), однако реакция последнего была столь резкой и острой, что оно вынуждено было пойти на попятный¹⁰⁴.

И в начале XX в. Россия не только не стала страной с полной свободой предпринимательства, но, напротив, и правительство, и Дума не слишком задумывались о повышении промышленного потенциала страны накануне первой в истории человечества тотальной войны. Думское большинство, например, на пике промышленного подъема 1909–1913 гг. постоянно беспокоилось

о том, что необходимо сдерживать «чрезмерное развитие частной промышленности и ее укрепление»¹⁰⁵. Через два-три года эти же люди будут обвинять правительство в нехватке снарядов и патронов.

Непонимание элитами аздов народного хозяйства в условиях неуклонного технического прогресса обернулось для Империи тяжелейшими последствиями, которыми полна история Первой Мировой войны.

Так, В. В. Поликарпов, разбирая опыт неудачного приобщения России, невзирая на упорные усилия профессуры и инженеров, к новейшим военным технологиям (конкретный случай с использованием атмосферного азота) среди причин указывает крайне скудное обеспечение экспериментаторов финансовыми и техническими средствами, не позволявшее развернуть работы всеерьез. «Эта особенность научно-технического прогресса в предвоенные годы (как свидетельствуют данные, относящиеся также, например, к военно-оптической или автомобильной технике) имела не случайный, а системный характер и составляет существенную черту историко-научного и историко-технического контекста, без учета ее невозможно понять обстоятельства времени и места»¹⁰⁶.

Другим отрицательным фактором, препятствовавшим созданию важнейших военных производств (на мой взгляд, даже более существенным) автор считает «враждебное отношение бюрократического аппарата империи к проявлениям частной инициативы, усвоенное даже наиболее прозорливыми и просвещенными деятелями военно-технической мысли и практики»¹⁰⁷.

Понятно, чем это обернулось в соответствующее время.

Достаточно сказать, что за 1915–1917 гг. наша артиллерия получила 1448 тяжелых и осадных орудий разных калибров, из которых лишь 41,6% (602 ствола) были сделаны в России. Союзники поставили и две трети бездымного пушечного пороха и свыше 50% взрывателей к снарядам¹⁰⁸. Подобных примеров не счесть.

НАРОДНИКИ И НАРОДНИЧЕСТВО

Очень странное сближение

Никогда еще в суждениях об общинном быте не проявлялось такой непримиримой разногласицы, как за последние годы. Объясняется это, конечно, тем, что новое статистическое богатство попало в руки такому обществу, у которого неведение относительно фактов соединилось с обилием предвзятых идей. А ничто, известное дело, так упорно не держится, как предвзятое суждение, принятое на веру.

К. Ф. Головин. 1887 г.

В торгово-промышленной сфере Россия, несмотря на доминанту антикапиталистических настроений, волей-неволей должна была идти по западному пути – обойтись без крупной промышленности было невозможно.

Сдвинуть утопию в аграрной сфере было намного труднее. Здесь агрессивную и успешную «оборону» держали народники всех видов.

Парадоксально, но для судеб нашей страны важнее оказались их **представления** о развитии сельского хозяйства после 1861 г., нежели реалии самого этого развития. Поэтому мы должны понимать как первые, так и вторые.

Однако по порядку.

Народничество – продукт нового общественного настроения – было самым влиятельным идейным течением пореформенной эпохи.

Н. А. Бердяев отмечал, что «у нас было народничество левое и правое, славянофильское и западническое, религиозное и атеистическое. Славянофилы и Герцен, Достоевский и Бакунин, Л. Толстой и революционеры 70-х годов – одинаково народники, хотя и по разному...

Религиозное народничество (славянофилы, Достоевский, Толстой) верили, что в народе скрыта религиозная правда, народничество же безрелигиозное и часто антирелигиозное (Герцен, Бакунин, народники-социалисты 70-х годов) верило, что в нем скрыта социальная правда... **Народничество нередко бывало враждебно культуре** и во всяком случае восставало против культурупоклонства»¹⁰⁹.

Вполне адекватно оценивает масштаб народнической идеологии и К. И. Зайцев (будущий архимандрит Константин), отмечавший, что «так называемое **народничество** нельзя представлять как узкую партийную революционную догму; это было весьма **широкое и могучее духовное течение**, которое только у экстремистов приобретало революционную заостренность»,

что народниками были «политики самых различных взглядов, от крайних реакционеров до самых ярых революционеров, как ученые и писатели разных направлений и руководимые разными, а часто прямо противоположными ображениями»¹¹⁰.

В сущности, народники – это большинство образованных людей, часто имевших противоположные взгляды на будущее России, но солидарно выступавших за ее развитие на основе общины*.

Уже поэтому большинство российских политических течений (позже – партий) справа налево имели единый «общинный» знаменатель. И даже марксисты, посмеивавшиеся над народниками, как «неправильными» социалистами, как минимум, в отрочестве, подобно Ленину, были народниками и, подобно им, верили в уникальность исторического пути России и вполне разделяли их мессианиззм.

На левом фланге этого удивительного, на первый взгляд, конгломерата находились представители «общинного социализма», на крайнем правом – те, кого называли «охранителями», в том числе и два последних императора, а между ними – тогдашние либералы.

Однако такая солидарность министров и террористов вызывает вопросы, особенно с учетом того, что одни убивали других, а те отправляли их в Сибирь, а иногда и вешали.

Я уже писал, что злейшие враги могут любить одну женщину, слушать одинаковую музыку и болеть за одну футбольную команду. Это естественно и лишь показывает причудливость жизни.

Но если политические враги, мечтающие уничтожить друг друга, солидарно поддерживают один и тот же институт, играющий огромную роль в жизни страны, то здесь не просто недоразумение. Это значит, что в данном институте есть нечто ценное, что привлекает, что устраивает все стороны.

В учебниках об этом «странном сближении» обтекаемо говорится, что по разным причинам общину поддерживали различные политические течения.

Однако странность тут только кажущаяся. Выше говорилось о том, что община – оптимальная конструкция для контроля и эксплуатации крестьянства.

Если отбросить словесные декорации, отмечу, что община была испагична своим защитникам тем, что она была основана *на принуждении мил-*

* С. Ю. Витте писал об этом: «защитниками общины явились благонамеренные и почтенные «старьевщики», поклонники старых форм, потому что они стары, полицейские администраторы, полицейские пастухи, которые почитали более удобным возиться со стадами, нежели с отдельными единицами, разрушители, поддерживающие все то, что легко привести в колебание, и, наконец, благонамеренные теоретики, усмотревшие в общине практическое применение последнего слова экономической доктрины – теории социализма». (Витте С. Ю. Из архива С. Ю. Витте. Т. 2. С. 40.)

лионов людей к консервации отсталой минималистской схемы общежития. А это серьезно упрощало управление этими людьми.

С долей упрощения можно утверждать следующее.

Для левых народников община – в силу упрощенного понимания социализма – имела «великое социальное значение», будучи «эмбрионом» нового строя. А народ России должен был здесь сыграть роль объекта в гигантском социалистическом эксперименте.

Для правых народников, т.е. «охранителей», община была опорой статус-кво, удобным административным органом, к тому же обеспечивающим помещиков дешевой рабочей силой.

Примерно по тем же причинам общину поддерживали те, кто считались умеренными либералами и выступал за «правовой порядок» – в основе большинства аграрных контрреформ Александра III лежали именно земские петиции.

Разница была в том, что первые видели в роли управляющего народом «передовую» интеллигенцию, вторые – земских начальников-чиновников МВД, а третьи – земство. При этом все они воспринимали российскую деревню как кормовую территорию.

И – по большому счету – **конкурировали они прежде всего за мандаринат, за кормовую площадь, каковой им представлялась русская деревня** – неважно под какими лозунгами!

Так или иначе они мечтали о богадельне на 1/6 часть земной суши, в которой они были бы важными людьми.

В частности, именно поэтому вплоть до реформы Столыпина аграрная революция у нас была невозможна по факту. Ведь тогда крестьянам пришлось бы давать права и собственность!

Правые народники этого не хотели открыто, а левые – застенчиво потупившись.

Правым нужны дешевые рабочие руки и неприкосновенность устоев.

Левым – пространство для социалистических экспериментов под их чутким началом. Они десятилетиями говорили и писали о крестьянских правах (**не** упоминая право собственности на землю), о крестьянской свободе, но ведь если крестьяне будут по-настоящему свободны, вдруг им захочется уйти из общины? (что и произошло!) И тогда прощай «эмбрион» социализма и светлое будущее, которым они так хотят руководить!

Сказанное можно проиллюстрировать и другим способом.

Гакстаузен, как мы знаем, еще в 1847 г. фактический уравнил крепостное право и социализм. Ведь если мечты западноевропейских социалистов воплощаются в русской крепостной общине, то, следовательно, крепостничество и есть адекватная среда для реализации социалистических идей.

Экономист И. В. Мозжухин писал: «В 1847–1852 гг. появляются в свет «Исследования» бар. Гакстгаузена. Мастерски набросанными чертами автор рисует громадное социально-политическое значение общины как оплота России от пролетариата, пауперизма, социалистических и коммунистических доктрин, от которых столь сильно страдает Западная Европа. В сравнении с этим положительным значением общины возможные вредные влияния ее на прогресс сельского хозяйства ему представляются совершенно ничтожными...»

Мысли, развитые Гакстгаузенем, предопределили содержание всех споров об общине в течение последнего полувека. Мы не будем здесь следить за перипетиями этого спора, начавшегося полемикой Чернышевского с Вернадским, гимнами общине Герцена, возведением ее к высотам русского национального духа у Герцена и славянофилов, провидением в ней больше, чем в чем-либо другом, то опоры для социалистических надежд, как у Чернышевского и его последователей, то оплота существующего строя, как у Гакстгаузена, Победоносцева и других. Широкие социальные горизонты, раскрываемые общинным владением, затушевывали в глазах защитников его некоторые темные стороны с точки зрения сельскохозяйственного прогресса»¹¹¹.

Итак, община оказалась фокусом, в котором удивительным, хотя и странным, образом сошлись чаяния противоположных общественных сил.

На первый взгляд – парадокс.

С одной стороны, община – «оплот России от пролетариата, пауперизма, социалистических и коммунистических доктрин» и «оплот существующего строя», т.е. самодержавия.

С другой стороны, она – «опора для социалистических надежд», которая «открывает широкие социальные горизонты»; она – *уже* начало социализма.

Как такое может быть одновременно?

Как можно в одно и то же время защищать Россию от социализма и коммунизма, т.е. гарантировать существование самодержавия – варианта восточной деспотии, построенного на лишении большинства населения гражданских прав, и вместе с тем давать надежду на построение в стране этого самого социализма, который обещает народу свободу и процветание?

Можно, если осознать, что обещаемая социализмом свобода – миф.

Можно – если существующий самодержавный строй и социализм рассматривать не как антитезу, не как противоположные начала, в чем нас активно уверяли последние 150 лет, а как ипостаси одного и того же феномена, в основе которого лежит гражданско-правовая неполноценность основной массы жителей страны.

Только в одном случае эта неполноценность оправдывается «самобытными» путями русской истории, а в другом – интересами народа, который,

будучи «коммунистом, социалистом по инстинкту», якобы безмерно счастлив находиться в принудительном союзе, т.е. общине.

Чем отличается планировавшееся эсерами **поголовное** земельное равенство, которое они намеревались неуклонно поддерживать, от того, что было в уравнильно-передельной общине до 1905 г.? Тем, что в общину поступили бы конфискованные у помещиков земли?

Эсеры хотели отменить частную собственность на землю и превратить ее в общенародное достояние с запретом купли-продажи. Однако крестьянская земля до 1906 г. тоже была неотчуждаема и находилась вне рыночного оборота. Разве что царизм в ту пору насильно уже никого не уравнивал – это решала община.

Другими словами, – вопреки всей пленительной демагогии – грядущий социализм, подобно самодержавию, применительно к большинству населения России мыслится здесь как модифицированный, «улучшенный» вариант крепостничества (притом куда более жесткий для народа).

И в силу этого разница между первым и вторым вариантом развития страны не столь велика, как между, скажем, картинами «Арест пропагандиста» и «Торжественное заседание Государственного Совета», написанными, кстати, одним и тем же художником – И. Е. Репиным.

Следовательно, ключевой вопрос состоит в том, кто, условно говоря, заседает в «Государственном Совете», – Герцен с Чернышевским или Плеве с Победоносцевым.

Вот и все*.

Родословная левого народничества

Всякое мировоззрение зиждется на вере и на фактах. Вера – важнее, но зато факты – сильнее. И если факты начинают подтачивать веру – беда. Приходится менять мировоззрение. Или становиться фанатиком. На выбор. Не знаю, что проще, но хорошо знаю, что хуже.

Братья Стругацкие

Приводимый в Прологе этой книги советский вариант объяснения левого народничества скучен до зевоты.

Но как же может быть скучным то, что определяло мировоззрение сотен молодых людей, увлекало их на борьбу – часто с риском для жизни, заставляло жертвовать собой?

Поэтому предлагаю читателям более интересный вариант экскурсии в эту тему.

---

* Я, конечно, слегка утрирую, но именно слегка.

В 1918 г. видный русский экономист Н. П. Макаров издал в Харькове небольшой, но исключительно емкий очерк под названием «Социально-этические корни в русской постановке аграрного вопроса». В нем он ретроспективно осмыслил истоки начавшего осенью 1917 г. всероссийского погрома под названием «черный передел», который позже будет торжественно именоваться «реализацией “Декрета о земле”» и в который русская интеллигенция внесла немалый личный вклад.

Этот текст очень важен для проблематики нашей книги.

Начнем с эпитафии, который Макаров взял у К. Р. Кочаровского, одного из авторов аграрной программы эсеров: «Земля в ее интегральности, земля – как всеобщее условие, земля как почти весь реальный для нас мир – как конкретность того жизнерадостного пантеистического настроения души, которое сменяет у современного человека старые рабские религии, есть нечто огромное, бесконечное, таинственное...

И проникновение в эту бесконечность, это творческое завладение чем-то не имеющим границ, это переступание пределов за пределами, отодвигание завес за завесами, эти сияющие чудотворные дали развития человечества на земле – это есть нечто, пожалуй, еще более бесконечное, таинственное, непостижимое... отблески этой будущей зари уже рдеют сквозь ночь, сквозь предрассветный кровавый туман, в борьбе творческого труда за землю, **в борьбе народного трудового права за “освобождение земли” во всех предтечах грядущего великого лозунга “земля и человечество”**».

Свой текст Макаров начинает с комментария: «Религиозным экстазом веет от слов К. Кочаровского, взятых нами как эпитафия к нашему очерку. **В этом религиозном поэтизировании земли слишком много переживаний русской интеллигенции; это очень и очень типичные настроения,** с которыми в России подходили, да и сейчас подходят к земельному вопросу.

Читатель, не поленитесь прочесть этот эпитафия, он потрясающе глубоко перечувствован автором, хотевшим спуститься в недра вопроса. Этот эпитафия навеет на вас настоящее “религиозно-земельное” настроение россиян, без этого “религиозно-земельного” настроения многое останется непонятным. И корни этого настроения в русской идеологии уходят в ее далекое прошлое»¹¹².

По правде говоря, после ознакомления со словами Кочаровского первым моим чувством была некоторая оторопь пополам с недоумением, а затем немедленное желание понять – а это что такое вообще?

О чем это?

Неужто о шариковском «взять все и поделить»?

«Читатель», т.е. я, «не поленился прочесть» еще и еще раз. Спора нет, с религиозным экстазом, с «потрясающе глубоким перечувствованием» и «исключительной проникновенностью» тут все в порядке.

НО!

Неужели эти строки взяты из статьи со довольно скучным названием «Общие замечания о борьбе за землю в связи с историческим отбором хозяйственных форм», помещенной в сборнике «Борьба за землю», в которой речь идет о дележке территории, условно говоря, между Новым и Старым Осколом, между Коротояком и Валуйками?

Неужели автор этого текста жил в обществе с железными дорогами и электрическими лампочками, телеграфом и телефоном, подводными лодками и цеппелинами, имел возможность проехать по железной дороге от Владивостока до Гамбурга, и от Нью-Йорка до Лос-Анджелеса и был современником таких людей, как Амундсен и Нансен, братья Райт, Блерио и Сикорский?

Мне, кажется, нечто похожее *могли* чувствовать Колумб и Магеллан, Васко да Гама и Семен Дежнев, может быть, колонисты на Марсе, первооселенцы Нового Света, мечтающие пройти тысячи миль, выпитая их в себя как часть Божьего мира и увидеть Океан на другом конце неизведанного континента. Не уверен при этом, что даже романтики XIX в. смогли бы с таким пафосом поэтизировать полет Юрия Гагарина.

Если же заменить у Кочаровского слово «земля» на слово «любимая» и произвести нужные стилистические замены в оборотах «борьба народного трудового права» и пр., то могу сказать определенно – далеко не все мужчины могут *так* чувствовать любимую женщину и уж тем более *так* описать свою любовь. Правда, смущают обороты «старые, рабские религии», к чему-то в этом сиянии фигурирует «кровавый туман»... Автор не склонен *просто* наслаждаться своими чувствами, он прямо пишет, что нацелен на какую-то борьбу. С индейцами? С марсианами?

Словом, Фрейд, возможно, нашел бы слова для адекватной характеристики этих почти эротических строк. Я не берусь.

Однако комментарий Макарова не оставляет места для читательской иронии. Он не удивляется тому, что у русской интеллигенции было не просто желание решить проблему крестьянского малоземелья, а «религиозное поэтизирование земли», «настоящее «религиозно- земельное» настроение», имевшее массовый характер и стоившее интеллигентам «слишком много переживаний», без учета которых ее действия и настроения останутся непонятным.

На мой взгляд, это какой-то первобытный анимизм индейцев бассейна Амазонки, а не восприятие людей, считавшихся сто лет назад образованными и даже «передовыми».

Лично мне во всем этом определенно видится некая аномалия.

Вместе с тем приведенное мнение Макарова заслуживает самого пристального внимания – ведь он определенно знал, о чем говорит.

Но если эти «религиозно-земельные» переживания являются «очень и очень типичными настроениями» русской интеллигенции при решении аграрного вопроса, тогда многое становится понятным.

Такой клубок «накрученных» эмоций, «религиозное поэтизирование земли» и другие атрибуты «Серебряного века» – априори предполагают у их носителей какой-то чувственный перебор, чрезмерную экзальтированность пополам с инфантилизмом и истеричностью.

Однако эти качества, смею думать, не слишком уместны в политической деятельности. Они категорически исключают способность четко и рационально решать поставленные задачи, а однопартийцы Кочаровского их себе ставили, да еще и какие!

Так вот.

Этот эпиграф позволяет нам закольцевать тему.

На одном полюсе социалистического народничества стоит Кочаровский со всем этим эмоциональным стриптизом, а на другом – наглядно проявившаяся весной и летом 1917 г. абсолютная неготовность эсеров к эффективным практическим действиям по реализации своей программы.

Самая многочисленная в стране партия, переживавшая тогда невиданный всплеск популярности, не сумела воспользоваться уникальным шансом, который ей дала судьба после отречения Николая II, и бездарнейшим образом обошлась с этим шансом.

Единственное, в чем они преуспели, – в дезорганизации жизни, в подрыве тыла воюющей России и в расчистке дороги для большевиков.

Вот ненавидеть, бомбу взорвать, заколоть или застрелить безоружного человека, на худой конец, агитировать, – это они умели.

А делать что-то конструктивное, практическое – нет. Чувственная поэтизация обыденности этого не предполагает.

Это замечание относится и к значительной части тех, кто в большей или меньшей степени разделял их идеи (притом, что в России за полвека после 1861 г. заметно выросло число людей, делом доказавших свое желание и умение строить и работать – словом, созидать).

Между двумя этими полюсами – избытком романтических эмоций в отношении весьма прозаических вещей и практической бездарностью в их реализации – и помещается вся история социалистического народничества. Ведь второе вытекает из первого.

Макаров берется охарактеризовать те идейные построения, из которых выросла русская постановка аграрного вопроса, поскольку иначе «свежий человек» не сможет понять «современную аграрную идеологию».

И мы примем его предложение, потому что это хороший путеводитель по нашей теме, хотя в общих чертах мы с этой идеологией уже знакомы.

Макаров ведет аграрные программы современности от «старых, старых мыслей и дум лучших русских людей». На «психологическом романтизме славянофилов» основаны «идеальные настроения» значительной части общечеловечности, на «реализме» западников – ее «идейный материализм».

Тезис об особых путях русской истории, выдвинутый «славным трио Кириеевского, Хомякова и К. Аксакова» включал и «индивидуально-этическую и социально-этическую философию; ею они окрасили свою социологическую концепцию; отсюда те этические квасцы, бродильная сила которых обладает поражающе длительным действием»¹¹³.

Какие же пункты программы славянофилов так повлияли на русских людей?

- «1) Отвращение и ненависть к “гниющей Европе”;
- 2) протест и социально-этическая боязнь “пролетариатства”;
- 3) органическая ненависть “восточного” человека к жестокому римскому праву с его защищенной частной собственностью, с его экономическим либерализмом как естественным логическим выводом для экономической политики;
- 4) идеализация прошлого натурального патриархального строя;
- 5) вера во всемирно-историческое значение православия;
- 6) квалификация русского народа как самого христианского народа;
- 7) квалификация поэтому и русской истории как идеальной, этически особо ценной истории».

Мы видим уже знакомые положения славянофильской программы, точнее, нового общественного настроения. Свежей является оценка Макаровым значения этих мыслей: «Как много во всем этом скрытой идеологической силы для последующих социальных настроений...».

Однако славянофильскому взгляду на мир противостояли «холодные западники», которые объясняли русскую историю, но не любили ее, воздавали должное масштабу социальной силы христианства, но были к ней равнодушны и считали, что ее время прошло. Они «холодно» взирали на Западную Европу и «чуждо твердили», что нам надо у нее учиться.

Нет, говорит – как отсекает – автор, «здесь был чистый холодный поток, в нем **не было ни русской задумчивости, ни русской мечты, здесь не было романтизма** – и не сюда уходили главные корни последующих русских социально-идеологических настроений»¹¹⁴.

Трудно переоценить важность этих мыслей.

«Главные корни» уходили в перечисленные пункты программы славянофилов; ими как бы предлагается любоваться со стороны – словно пейзажем, который находится в личной собственности каждого интеллигента, который можно эдак, по-хозяйски, по-ноздrevски, окинуть взором и обвести рукой вдоль линии горизонта.

При этом ясно, что отнюдь не адекватность этой программы реалиям окружающего мира была главным фактором, обеспечившим ее популярность. Ведь разговор не о том, насколько убедительны приводимые аргументы, в какой мере они верифицируются, а лишь о наличии/отсутствии таких далеких от рационализма материй, как «русская задумчивость», «русская мечта», романтизм и т.д. Что-то от Татьяны Лариной, романов Тургенева и песни «Вечерний звон» – категорий явно не научных. То есть речь у Макарова не об истине, не о том, кто прав, а о том, что приятнее слышать!

Западники для русской интеллигенции недостаточно эмоциональны, они слишком «холодны» и рассудочны.

А идеи славянофилов симпатичны именно своей «завлекательностью».

Во-первых, это «отвращение и ненависть к “гниющей Европе”» и всему, что от нее исходит, а во-вторых, превознесение отечественных самобытных начал в максимально широком диапазоне.

То есть набор довольно примитивный – но действенный. Славянофилы говорят то, что многим людям хочется слышать. Так сказка овладевает обществом.

Макаров продолжает: «”Народ это крестьянин”, – говорили славянофилы, – “не по числу, а как единственный носитель русской народности”.

Разве недостаточно этой мысли и формы, чтобы создать “народолюбство” и “народничество” интеллигенции?

И заглядывая в этот манящий идейный омут, развертывая этот бесконечно смутно сплетенный клубок, они хранили в понятии “народ” дорогие, ценные элементы.

Личность христиански-самоотрекающаяся от своих прав, смиряющаяся и добровольно входящая в общину; близость христианской общины к земельной общине, почти тождественность их; близость земельного общинного равенства христианскому этическому принципу; “любовность” славянская, могущая у некоторых славянофилов сочетаться даже с круговой порукой как возможным внешним проявлением “христианской любовности” (Хомяков), славянство и община как два выражения одного и того же духа, личность, не подавляемая в общине, но лишь не терпящаяся в своем “бунте” (К. Аксаков) и т.д. и т.д.».

Очень важный фрагмент.

Конечно, Макаров «спрямляет» философию славянофилов, но для него крайне привлекательны «почти тождественность... христианской общины к земельной общине», а шире – близость «христианского этического принципа» нормам жизни крестьянской общины в соединении со «славянством», «славянство и община как два выражения одного и того же духа» и т.д.

Потому-то столь естественно и убедительно выглядят риторические вопросы, вытекающие из сказанного: «...**Разве из всего этого можно было**

русской интеллигенции не захватить особого этического отношения к общине?

Разве не здесь лежат идейные корни нашей любви к общине, которая делает то, что “социальный вопрос в России невозможен”*, которая как принцип социального “самоотречения” (Ю. Самарин) есть начало доброе, но в то же время и анархистическое – в противоположность государству, началу злomu в силу его принудительного принципа»¹¹⁵.

И поскольку для Макарова этический аспект – главный, то он констатирует: «Важно во всем этом и то, что *первоначально* община была рассмотрена славянофилами именно с *этической* стороны, а не с социологической, исторической или экономической; этическая оценка подчинила себе всякое иное рассмотрение»¹¹⁶.

С одной стороны, он выделяет приоритет этики у славянофилов, а с другой, мы снова видим, какую важную роль для интеллигенции играет «красивость» построения как элемент социального анализа действительности и чрезвычайно желанная ее (действительности) составная часть.

Хотя для Макарова социализм славянофилов не был «настоящим» социализмом в понимании народников, но он точно уловил в их построениях социалистические тенденции: «От этого романтического “манящего омота”, как мы увидим сейчас, пошли дальнейшие большие, дорогие русской интеллигенции мысли и чувства.

У славянофилов не было социализма, но ведь их “христианская община” (она же и крестьянская община) отдавала каким-то анархическим христианским коммунизмом. Отрицать же анархичность русской народнической идеологии, так же как и некоторый уклон по временам к примитивному коммунизму едва ли можно... Переход к социализму от славянофильства был не труден при этих условиях».

Макаров считает Герцена «социалистическим славянофилом», поскольку видит у него «то же славянофильское отвращение к западноевропейскому капитализму» ту же «ненависть к буржуазии и собственности как к “мещанству”», тот же страх «пролетариатства», поскольку, как мы уже знаем, и западноевропейские пролетарии исповедуют мещанские идеалы.

И хотя, по Герцену, «прошлое русского народа – темно», а «настоящее – ужасно ... но на будущее у него есть права», вытекающие из наличия общины, чем и обосновывает Герцен свою веру в возможность немецанского пути развития России. В 1859 г. Герцен постулирует «требования, которые завладели далее душою и сердцем русской интеллигенции: право каждого на землю, общинное владение, мирское управление»¹¹⁷.

Так Герцен стал «обоснователем русского народнического социализма».

* Напомню, это означает, что в России невозможна социальная революция.

Мы уже знаем, что ни Герцену, ни русской интеллигенции не приходило в голову то элементарное соображение, что пресловутое «право на землю», которое якобы *уже* осуществлено в уравнильно-передельной общине, в конкретных российских условиях означало для крестьянина лишь «право на тягло». Но ведь они даже не задумываются об этом!

Макаров считает, что «**в историко-философской этике Герцена, в его исторической концепции, при которой у России есть своя историческая миссия в мире... разгадка того, почему так крепки идейные устои русского народничества**»¹¹⁸.

Нельзя не заметить, что историческая концепция Герцена – это концепция, походя отметающая *всю* русскую историю: «Мы свободны от прошедшего, потому что наше прошедшее пусто, бедно, узко. Невозможно любить такие вещи, как московский царизм или петербургский империализм»¹¹⁹. А «историческая миссия» России в его трактовке, напомню, заключается в том, чтобы продемонстрировать мещанскому человечеству, как надо жить без мещанства, – так, как живут в крепостнической уравнильно-передельной общине, – других задач наша страна в рамках этой логики не имеет.

Чернышевский, принявший эстафету от Герцена, хотя и оспаривал его тезис о том, что Европе без России не видать социализма, во многом был солидарен с ним и верил, что, благодаря общине, Россия может избежать капитализма.

При этом Чернышевский выдвинул на первый план проблему **распределения, а не проблему производства**. Община ценна своим распределительно-справедливым началом, а кроме того, она панацея от «пролетариата» и «возможный центр кристаллизации для будущего социалистического строя».

Он выступает за уничтожение всякой *частной* собственности на землю, ее национализацию и последующий уравнильный раздел, потому что это правильно с точки зрения этики. Макаров считает, что именно здесь лежат «глубокие корни современной постановки аграрной проблемы; **бросить на службу этической идее все** – вот страстное, властное требование, вот чем так сильны и завлекательны были писания Чернышевского». Стоит только убрать частную собственность, и справедливость («социальная этика») восторжествует – «в этом вся сила власти этих мыслей»¹²⁰.

Понятно, что общечеловеческие ценности для таких построений слишком скучны.

Зачем российскому народу полнота гражданских прав?

Русская интеллигенция как продукт крепостничества вообще удивительно равнодушно относилась к проблеме права, а особенно – к *чужим* правам – ведь для многих ее представителей «право на землю» стояло выше «права на жизнь», что ярко продемонстрировал народовольческий террор.

Зачем крестьянам частная собственность на землю? От нее «ужасы капитализма», землю же делить надо!

Чернышевский вслед за Сисмонди настаивает, что «основная идея учения о распределении ценностей» состоит в достижении такого порядка, при котором «количество ценностей, принадлежащих лицу, определялось бы посредством арифметического действия, где делителем ставилась бы цифра населения, а делимым – цифра ценностей»¹²¹. Позже Михайловский прямо скажет, что национальное богатство есть нищета народа, и что «лучше пусть меньше будет национальное богатство, но более равномерный доход получают народные массы»¹²².

Полиграф Полиграфович Шариков, думаю, сильно возгордился бы, узнав, какие авторитетные у него предшественники.

И вновь повторю, что отнюдь не реалистичность этих идей обеспечила их популярность. Оценим вербальный ряд: «богатый кладезь, из которого долго и щедро русская идеология удовлетворяла свою духовную жажду», «чистый холодный поток, в нем не было ни русской задумчивости, ни русской мечты, здесь не было романтизма», «романтический «манящий омут», «народническое сердце, полное трепетного романтизма, мечтательно повторяет: «право каждого на землю», «богатое чувство, богатое стремление, хотя и в разладе с мрачным “сущим” земли».

Есть ли смысл комментировать утопии? Ведь здравомыслие и прагматизм жанром волшебной сказки отнюдь не предусмотрены. Вот только, когда целые поколения рождаются, чтобы сделать былью сказку, придуманную когда-то безответственными идеалистами, как правило, происходят трагические повороты мировой истории. И во имя этих сказок кровью умываются континенты.

Нужно ли доказывать, насколько оторваны от окружающей действительности такие конструкции, в которых романтизм и «красивость» ценятся выше меры адекватности, в которых жизнь десятков миллионов людей оценивается в рамках эстетического ряда?

В высшей степени характерно при этом, что на 27 страниц брошюры Макарова прилагательное «этический» встречается 66 раз и еще 12 раз употребляется слово «этика».

Интересная этическая система, в которой нет места достоинству личности, а только «уравнительной справедливости»!

«Бросить на службу этической идее все»!

А суть «этической идеи» – не в том, чтобы раскрепостить и развивать производительные силы народа, не в том, чтобы научить его, как можно эффективнее работать и соответственно жить лучше, не в том, чтобы открыть ему богатство мировой культуры, наконец.

Нет, смысл этой идеи другой. Во-первых, оставить навсегда сначала 60, затем 80 и, наконец, сто и более миллионов людей в казарме, именуемой общиной. Во-вторых, подбросить им пару десятин помещичьей земли и в силу этого считать «себя любимых» благодетелями, а крестьян облагодетельствованными. В-третьих, заставить их делить поровну свое скудное состояние, которое в силу общинных порядков не могло не быть таковым, и, наконец, решить за них, что они теперь счастливы и объявить свою миссию исполненной, а этическую идею реализованной.

После чего величаво контролировать процесс распределения, бдительно подстригая всех под одну гребенку. Об этом очень ясно говорят аграрные проекты Временного правительства, составленные эсерами! Они всерьез хотели всех крестьян уравнивать с землепользованием – правда, узнав, что придется переселять 20 млн. чел., несколько опешили, чем отчасти и воспользовались большевики.

Описание Макаровым дальнейшей эволюции народничества показывает, в частности, как далеко уходят в своем радикализме и нарастающем невежестве ученики, не только образованные *хуже* учителей, но и не так тонко чувствующие, словом, более примитивные. Все сомнения и метания Герцена (да и Чернышевского) к концу XIX в. были забыты – последователи взяли у них то, что их устраивало – без лишних умственных сложностей. Прежде всего «право на землю» – с ним ошибки быть не могло.

Вообще говоря, в массовом народничестве как в капле воды отразился весь, условно говоря, набор бактерий данного водоема – недостаток общей культуры, верхоглядство, апломб невежества, нетерпимость к чужому мнению, некритичное восприятие всего, что кажется полезным для «Дела» и пр. Все это давно и точно описано в «Вехах». Герцен под конец жизни хлебнет с этой публикой горя и, судя по всему, поймет, кого он приобщил к делу свободы.

Таким образом, построения славянофилов, модифицированные Герценом и отчасти Чернышевским, оказали сильнейшее влияние не только на русский народнический социализм, но и на идейное развитие общественной мысли 2-й половины XIX в. вообще. Слишком многое у них льстило национальному самолюбию, и каждый при желании мог найти там что-то привлекательное для себя.

Ведь идеализировать «прошлый натуральный патриархальный строй» (т.е. общину времен крепостного права!) и ненавидеть «жестокое римское право с его защищенной частной собственностью, с его экономическим либерализмом» могли как люди верующие, так и атеисты, как люди с прекрасным образованием, так и самодовольные недоучки, как те, кто считал историю России «идеальной, этически особо ценной историей», так и те, кто вслед за

Герценом находил в ней только крепостнические «гносности», «германскую татарщину» и мечтал начать ее (историю) заново.

В действительности так и происходило. Те или иные идеи славянофилов, в повседневной жизни сильно диффузировавшие с социализмом, разделял не весь образованный класс, однако безусловно преобладающая и в некоторых своих сегментах влиятельная его часть, включая последних императоров. С. Ю. Витте, например, признается, что в начале 1890-х гг. в крестьянском вопросе, т.е. по отношению к общине, находился под влиянием славянофилов.

А вот как эти идеи восприняли революционеры.

Вера Фигнер сообщает, что осенью 1876 г. была разработана программа, позже названная «народнической», целиком принятая «Землей и волей», а затем отчасти и «Народной волей». В основе этой программы лежал тезис о том, что русский народ, как и другие народы, имеет свое самобытное мирозерцание, обусловленное его предшествующей историей.

Поэтому революционеры в своей деятельности должны отталкиваться от присущих народу желаний и стремлений «и на своем знамени выставить» те идеалы, которые он уже осознал. В сфере экономики таким идеалом выступает «земля и трудовое начало как основание права собственности». Народ считает, что земля – это божий дар и что она может принадлежать только тем, кто ее обрабатывает, поэтому он ждет, что рано или поздно она полностью перейдет к нему.

«На этой земле народ живет по своим исконным обычаям – общиной; с ней он ни разу не расставался вовсе свое тысячелетнее существование, ее же он придерживается с традиционным уважением и теперь»¹²³. Идеал народа – «отображение всей земли в пользу общины» – вполне совпадает с тем, чего требует социализм. И во имя этого идеала следует начинать борьбу. А с народными «упованиями на государя как на защитника, покровителя и источник всех благ» нужно бороться явочным порядком, доказывая на фактах, что он таковым не является.

Словосочетание «социалисты-народники» Фигнер объясняет так. Они тем самым указывали, что, будучи социалистами, они преследуют не абстрактные конечные задачи социализма, а те осознанные народом потребности и нужды, в основе которых лежит «социалистическое начало и принципы свободы»¹²⁴.

«Народная воля» ставила ближайшей экономической целью «передачу главного орудия производства – земли в руки крестьянской общины», а в сфере политической – замену царского самодержавия «самодержавием всего народа» путем государственного переворота.

Л. А. Тихомиров пишет об этой программе более развернуто, добавляя важные детали и нюансы. После разгрома «хождения в народ» Марк Натан-

сон бежал из ссылки и «явился в Петербург с «новой идеей». **Эта новая идея состояла именно в «народничестве».**

Мы раньше были «пропагандистами» и «развивали народ», прививали ему «высшие» идеи. Новая идея состояла в открытии, которое впоследствии развивалось в «Основах народничества» Каблица (Юзова), но гораздо лучше изложена в программе кружка Натансона, да отчасти вошла и в программу «Народной воли».

Решено было, что народ русский имеет уже те самые идеи, которые интеллигенция считает передовыми, т.е. он, народ, отрицает частную собственность на землю, склонен к ассоциации, к федерализму общинному и областному.

Учить его было нечему, нечему и самим учиться. Требовалось только помочь народу в организации сил и в задаче сбросить гнет правительства, которое держит его в порабощении.

Отсюда «народники» стали разнообразными «бунтарями», с очень анархическим оттенком. А именно захвата власти они не признавали, а допускали лишь «дезорганизацию правительства»¹²⁵.

Подход, конечно, безответственный, зато простой и удобный. Это делает понятной настойчивость, с которой народники приписывали крестьянству свои социалистические идеи. Неудивительно, что события 1917–1920 гг. покажут, насколько они **не понимали** деревню.

Таким образом, перед нами социалистическая версия антикапиталистической утопии, для достижения которой требуется лишь национализация земли – как первый шаг.

В 1854 г. Ю. Ф. Самарин писал: «Не нам, единственным во всей Европе представителям этого права (крепостного – М. Д.), поднимать камень на социалистов. Мы с ними стоим на одной доске, ибо всякий труд невольный есть труд, искусственно организованный. Вся разница в том, что социалисты надеялись связать его добровольным согласием масс, а мы довольствуемся их вынужденною покорностью»¹²⁶.

«Новая идея» и была попыткой русских социалистов самочинно получить якобы «добровольное согласие масс» на «искусственно организованный» подневольный труд – по принуждению, как известно, работать можно не только на помещика, но и на социалистическое государство.

Легко заметить также, как усложнился после 1861 г. социальный расизм.

Родословная нищеты, или как нам придумать Россию

К сожалению, наше общество сильно предубеждено против всех крестьян, сколько-нибудь разбогатевших, которых оно называет кулаками и мироедами, как будто несомненным признаком нравственных качеств мужика служит его бедность.

К. Ф. Головин

Все эти системы и положения (о крестьянском хозяйстве) представляли и представляют из себя чаще всего или не что иное, как облеченные в форму несомненных и установленных истин ходячие обобщения из отрывочных наблюдений, распространенных среди известных классов населения и среди самих крестьян и сильные исключительно своей распространенностью и привычностью (Многие авторы по наиболее важным и наименее выясненным вопросам так и аргументируют: «всем известно», «ни для кого не тайна» и т.д., совершенно упуская из вида, что именно то, что кажется «всем известным» требует особенно тщательной проверки и критики в виде противодействия усыпляющему мысль влиянию формул и обобщений обычного мышления).

Н. Н. Черненков

А как же развивалось сельское хозяйство?

Обратимся к цифрам.

За 1856–1897 гг. население Империи увеличилось в 1,8 раза – с 71,6 до 128,2 млн. чел., т.е. было больше, чем в Англии, Германии и Франции, вместе взятых, и в 1,5 раза больше, чем в США. За столетие доля России в мировом народонаселении выросла с 5,3 до 7,8%. Несмотря на высокую детскую смертность, естественный прирост до 1861 г. после 1861 г. был равен 1,52% в год. Фактически в конце XIX – начале XX вв. число жителей Империи ежегодно возрастало на 1,5–2 млн.

Из-за крепостного права население по территории страны размещалось весьма неравномерно. Так, в 1867 г. в северно-черноземных губерниях (входившие в состав Центрально-Черноземного, Средневолжского, Малороссийского и Юго-Западного экономических районов), занимавших 17,0% площади Европейской России было сконцентрировано 41,4% ее населения.

В то же время на огромных пространствах степей Новороссии, Предкавказья и Юго-Востока, в сумме занимавших 26,2% территории, обитало лишь 17,4% жителей. Центрально-Промышленный район занимал 6,9% территории Европейской России с 13,5% жителей.

После 1861 г. активнее всего заселяется Новороссия и Предкавказье. Однако эффективное освоение территории страны тормозило стремление власти удерживать крестьян в общине, «в оседлости».

Реформа застала русское сельское хозяйство на крайне низкой технико-агрономической ступени развития. Трехполье господствовало как в Нечерноземье, так и в давно освоенных частях черноземной полосы. В степях преобладало еще залежное хозяйство с экстенсивным скотоводством.

После 1861 г. в Нечерноземье запашка сократилась, а в черноземных губерниях, напротив, выросла почти в полтора раза, что было связано прежде всего со строительством железных дорог. Зерновые культуры занимали 97% пашни, а незерновые и технические – лишь около 3%.

Реформа 1861 г. обусловила такую серьезную перемену, как переход крестьян от натурального хозяйства к меновому, рыночному – во многом из-за необходимости платить подати в деньгах.

Нужда в деньгах в условиях отсталого средневекового земледелия привела к тому, что крестьяне начали распахивать все, что было возможно и даже то, чего распахивать было категорически нельзя, например, овраги. Если на окраинах пашня росла за счет миллионов десятин степной целины, то в северо-черноземных губерниях – за счет распашки лугов и пастбищ, что нарушало нормальное соотношение различных угодий в хозяйстве, расширяя при этом малопродуктивное трехполье.

Центр зернового производства постепенно сместился на степной Юг и Юго-Восток, как бы замкнутые на порты Черного и Азовского морей, через которые шла основная часть хлебного экспорта. На Юге преобладали более дорогие красные хлеба – пшеница и ячмень, а в центре – серые хлеба, рожь и овес.

В целом позитивные сдвиги в сельском хозяйстве бесспорны.

Напомню, что во второй половине XIX в. Россия стала одним из ведущих производителей хлеба в мире, занимая 2-ю позицию после США и поставляя на международный рынок 50% мирового сбора ржи, 20% пшеницы, треть ячменя и четверть овса. Экспорт составлял примерно 20% чистого (т.е. валовый урожай минус семена) сбора хлебов и был главной статьей дохода от внешней торговли.

За последнюю четверть века повысилась и урожайность зерновых у крестьян – с 31 до 43 пуд/дес, шло, хотя и медленно, распространение усовершенствованной сельхозтехники.

За 1864–1894 гг. среднегодовые чистые сборы хлебов и картофеля по пятилетиям выросли со 152,8 до 265,2 млн четвертей, или в 1,7 раза. Выросли и чистые сборы на душу населения – с 2,48 до 3,07 четв. (на 19,2%).

Даже по расчетам В. И. Ленина, население за 40 лет выросло на вдвое меньшую величину, чем урожаи всех хлебов и картофеля, что повысило почти в полтора раза количество их сборов на одну душу населения. То есть в целом для страны росли как производительность сельского хозяйства, так и общие размеры его производства.

За 1886–1900 гг. сборы всех хлебов в 50 губерниях возросли на 500 млн. пудов. В 1895–1900 гг. общая посевная площадь под зерновыми в Империи составляла 75,7 млн. десятин, а сбор – около 3,3 млрд. пудов.

Таким образом, за 30 лет после реформы урожая зерновых хлебов увеличились с 2 млрд. до 3,3 млрд. пудов – темпы для того времени довольно значительные. Но рост производства хлеба шел прежде всего за счёт южных и юго-восточных районов, в то время как в черноземном центре показатели были куда скромнее. Усилилась специализация районов, расширились посевы специальных культур и др.

Однако, несмотря на эти достижения, пореформенная эпоха устойчиво ассоциируется с аграрным кризисом и обнищанием народа. Большинство наших современников по-прежнему считает, что главной причиной Революции было бедственное положение народных масс.

Это, разумеется, не случайно.

Одиозный образ пореформенной России был создан левыми народниками. В общественной мысли после 1861 г. они первыми разыграли классический «треугольник Карпмана», в котором роль «жертвы» была отведена народу, роль «преследователя» – самодержавию и помещичьему дворянству (чуть позже к ним добавилась и буржуазия), а «спасителем» выступала «передовая» интеллигенция*.

Я уже писал о том, что весь окружающий мир трактовался ею с точки зрения презумпции виновности власти. В первую очередь это касалось главного объекта ее почитания, заботы и даже любви – народа, страдающего по милости самодержавия. Интеллигенция сильно задолжала крестьянству за то, что умеет писать, читать не по складам, и знает, кто такой Микеланджело. Долг этот она возвращает борьбой с царизмом и со временем вернет, выведя народ к светлому социалистическому будущему.

Важно заметить, что «плач» над судьбой крестьянства – один из главных компонентов пресловутого «народолюбия» – был отнюдь не бескорыстным. Взамен интеллигенция присвоила себе право говорить от имени народа, выдавая свои социалистические взгляды за крестьянские.

Забегая вперед – эта «ноющая историография» несла в себе мощный критический заряд по отношению к царизму, в силу чего в этой своей ипостаси она с дополнениями и вошла в советско-марксистское объяснение отечественной истории, артикулированное Сталиным в «Кратком курсе истории ВКП(б)», а затем вплоть до конца 1980-х годов только уточнявшееся.

---

* В этом тексте, как и в других своих работах, под интеллигенцией пореформенной эпохи я, исходя из известного определения П. Н. Милокова, подразумеваю политически активную и политизированную часть образованного класса, прежде всего левых народников и марксистов, а также радикальную часть кадетов.)

Именно синтез «ноющей» и советской историографии и породил современный негативистский, пессимистический подход к пореформенной эпохе. Его метафорой вполне может служить картина И. Е. Репина «Бурлаки на Волге».

Мы должны четко понимать, что после 1861 г. в сознание общества десятилетиями, год за годом, методично вдалбливалась идея народных бедствий.

Страдания крестьян – истинные и мнимые – стали предметом весьма однообразных по форме, содержанию и мотивации описаний, часто имевших явно спекулятивный характер и различавшихся только степенью нарочитости трагизма (драматизма). Со словом «деревня» коррелировали только слова вполне определенного эмоционально-депрессивного спектра. В рамках этой логики народу в России в принципе не могло быть хорошо, – я нисколько не преувеличиваю.

Начатая Герценом «эпоха обличения» в России продолжалась вплоть до 1917 г. (затем ее сменила другая). Тут большая часть ответа на вопрос, почему вся пореформенная история России нам представляется в черном свете. Об этом нужно писать диссертации, но такой возможности у нас нет, и поэтому я постараюсь быть кратким.

Для левых народников борьба с «ненавистным режимом» ради грядущей Справедливости была едва ли не главной жизненной задачей; о судьбах России они не думали. И если в этой борьбе обычным средством считалась взрывчатка, что уж говорить о тенденциозных, а то и сфальсифицированных текстах! Многие авторы были готовы на любое интеллектуальное шулерство, лишь бы это шло на пользу Делу.

После 1861 г. в России верным средством обрести широкую популярность была оппозиционность. Такой была общественная атмосфера, исключая, пожалуй, некоторое затишье в 1880-х гг., связанное с гибелью Александра II.

Тут все бывало довольно жестко. Достаточно вспомнить, например, что после смерти Александра III студенты освистали В. О. Ключевского за теплые слова в адрес умершего императора, и это далеко не единственный подобный факт.

Разумеется, людям, пишущим об экономике, был необходим критический запал в степени выше средней. Их популярность мало зависела от уровня профессионализма – важно было писать о страданиях народа, о малоземелье и защищать прелести общины.

Именно таким образом обрели известность такие люди, как врач Воронцов (В. В.), Даниельсон (Ник-он) и множество других дилетантов, не всегда способных правильно сосчитать в столбик¹²⁷.

Сельское хозяйство, шире – экономика вообще, были темами, на которые, как считалось, мог рассуждать любой – примерно, как сегодня о футболе

или истории. Не зря экономист И. А. Стебут как-то заметил, «что обсуждать вопросы сельского хозяйства у нас считает себя вправе всякий, даже не получивший не только специального, но и общего образования». Тут важно было только соблюдать политкорректность.

Из этого вытекал тот прискорбный факт, что люди, считавшиеся профессионалами, попросту заигрывали с общественным мнением. К концу XIX в. убеждение в разорении деревни стало общим местом, и пишущие об этом, замечает Макаров, **«уже за одно это становились авторитетны и уважались, ибо в этом пессимизме состояла отчасти наша идеологическая борьба со старым режимом, который почитался главным виновником этих бед»**¹²⁸.

Специалисту, который старался анализировать жизнь деревни объективно, грозила потеря аудитории и репутации.

В этом плане у нас есть два показательных примера, которые позволяют лучше представить общественную атмосферу после 1861 г.

Первый касается одного из крупнейших аграрников эпохи – А. С. Ермолова, министра земледелия двух последних императоров, автора ряда фундаментальных трудов по русскому сельскому хозяйству (и не только), до сих пор не потерявших своего научного значения.*

Книга Ермолова о голоде 1891 г. «Неурожай и народное бедствие» стала сенсацией для мыслящей части общества (не без ее влияния в 1893 г. Александр III создал министерство земледелия и назначил автора его главой). Ермолов убедительно проанализировал причины неготовности деревни к катаклизму, среди которых, на первое место поставил влияние передельной общины.

Конечно, его диагноз не мог устроить «народолюбивую» интеллигенцию и «передовое» общественное мнение. По большому счету эта публика просто не замечала его книги, т.к. они наглядно показывали несостоятельность левых подходов к аграрному вопросу.

Таков был общественный тренд, такой была тогдашняя политкорректность.

А вот – в пандан – судьба земского врача из Тамбовской губернии А. И. Шингарева. В 1901 г. он издал книжку «Вымирающая деревня. Опыт санитарно-экономического исследования двух селений Воронежского уезда» и «проснулся знаменитым»**. Вплоть до октября 1917 г. Шингарев был очень

* Уже много лет мои студенты-историки обязательно реферируют его книгу «Наш земельный вопрос» (СПб., 1906) – одну из тех работ, которые, что называется, ставят мозги на место. Показательно, что даже его партийный оппонент Кауфман высоко ставил его выдающуюся компетентность, что было тогда не очень принято. Правда, Кауфман, кажется, так и остался единственным.

** В 2001 г. журналист А. Павлов напечатал заметку «Ошибка доктора Шингарева» с подзаголовком «Деревня, которой он предрек гибель сто лет назад, умирает толь-

видной фигурой в своей среде – депутатом трех Государственных Дум от партии кадетов, главным партийным специалистом по финансовой (!) проблематике и даже председателем военно-морской (!!!) комиссии Думы в 1915–1917 гг. По странной иронии судьбы пиком его карьеры стал пост министра земледелия Временного правительства в марте-мае 1917 г.

В конечном счете не принесла «Вымирающая деревня» счастья своему автору. В январе 1918 г. он вместе с другим видным кадетом Ф. Ф. Кокошкиным был убит в тюремной больнице пьяным «революционным караулом».

Но это будет потом, а с 1901 по 1917 гг. вопрос о том, чье мнение было более влиятельным, кто был популярнее как аграрник, – настоящий профессионал или земский врач – не стоял.

Римляне в этих случаях говаривали: «Sapienti sat».

В 1873 г. Комиссия Валуева отметила, что крестьянское хозяйство в переходное время оказалось «гораздо счастливее» помещичьего, т.к. не только не испытало серьезных пертурбаций, но, благодаря реформе, «стало свободно располагать двойными рабочими силами».

Однако, говорится далее в докладе, с точки зрения сельского хозяйства необходимо различать два явления – улучшение быта крестьян и улучшение собственно крестьянского хозяйства. Эти два явления совершенно различны и часто не зависят одно от другого: «Хозяйство может идти дурно, а быт улучшаться в зависимости от труда на других поприщах промышленности и вне сельского хозяйства».

ко сейчас», опубликованную хотя и в неакадемическом, но, тем не менее, уважаемом издании – «Общей газете». Она заслуживает нашего внимания: «В 1901 г. земский врач Шингарев выпустил брошюру «Вымирающая деревня», которая потрясла либеральную Россию. С цифрами и фактами в руках он предсказал скорый конец воронежской деревеньке Ново-Животинное. Земский врач стал знаменитостью – молодой вождь мирового пролетариата Владимир Ленин не раз цитировал выкладки из его брошюры. А деревенька, видевшая войны и революции, несмотря на предсказание, пока еще жива.

В 30-е годы в Ново-Животинное приехал писатель-коммунист Поль Вайян Кутюрье, чтобы лично убедиться, как хорошо живут советские крестьяне в некогда вымирающей деревне. Деревеньке не дала пропасть советская власть – таков был его вывод. И этот нехитрый постулат с тех пор эксплуатируется в школьных учебниках истории.

Однако в советские и постсоветские времена сгинули тысячи деревень, городов и поселков. Почему же уцелело Ново-Животинное?.

Объяснить феномен его живучести помогла сотрудница здешнего музея Елена Виноградова. У нее чудом сохранились расчеты Шингарева. И по ним выходит, что деревня просто не могла сгинуть в суровые времена самодержавия».

И рождаемость в деревне превышала смертность и рацион питания был далек от того, что советские люди привыкли считать голодным.

Типичный пример семантической инфляции. (Общая газета. № 47 (433), 22–28 ноября 2001 г.)

По данным Комиссии, есть районы, в которых быт крестьян улучшился, но хозяйство «осталось в прежнем первобытном состоянии», в других местностях и то, и другое поднялось на более высокий уровень, однако в ряде районов и быт крестьян, и их хозяйство ухудшились.

Благоприятной в целом была ситуация в северо- и юго-западных и южных губерниях. В Малороссии «быт и хозяйство крестьян почти не изменились, но однако скорее заметно направление к улучшению», особенно там, где развивается табаководство.

«Во всех же центральных нечерноземных губерниях, восточных и северных, быт крестьян, по общим отзывам не улучшился, или улучшился мало, хозяйство же в большинстве местностей или осталось в прежнем положении или значительно ухудшилось». Комиссия установила факт переобремененности великорусского Нечерноземья выкупными платежами¹²⁹.

Народники материалы и положительную часть выводов «помещичьей» Комиссии в целом проигнорировали.

Это неудивительно.

Публицистический пессимизм в отношении деревни возник практически сразу же после 19 февраля 1861 г. – Герцен, Огарев и Чернышевский моментально осудили грабительскую якобы реформу, едва ли успев, надо думать, подробно ознакомиться с текстом законодательных актов. Их точка зрения для очень многих задала контекст восприятия на десятилетия вперед.

Научный же пессимизм принято начинать с книги Ю. Э. Янсона «Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах», заложившей традицию некорректного подхода к проблемам русской деревни.

Янсон пришел к выводу, что крестьянские наделы недостаточны для нормальной жизни (малоземелье), а доход, получаемый с них, не соответствует высоте выкупных платежей. Поэтому деревню ждут тяжелые испытания. При этом его исходные посылы были неверными, он использовал сомнительные источники, всю оперировал фиктивными средними цифрами и т.д.

Предвзятость его подходов была очевидна, а впоследствии стала ясна и несостоятельность расчетов. Кауфман позже писал: «В основе его заключений о недостаточности земельных наделов крестьян нечерноземной полосы лежит средний урожай сам-3; между тем, как выяснено современной урожайной статистикой, средний урожай в нечерноземных губерниях никак не ниже, чем сам-5 – достаточно внести эту поправку, чтобы от конечного вывода Янсона не осталось ничего»¹³⁰.

Однако апокалиптическим выводам этой неряшливо написанной книги была суждена историческая судьба. С одной стороны, они обратили на себя внимание правительства и, как считается, в какой-то мере повлияли на понижение с 1881 г. выкупных платежей.

А с другой, эта работа сыграла важнейшую роль в нарастании потока «ноющей» литературы, которая отсчитывала кризис деревни с реформы 1861 г. и обвиняла во всех бедах правительство.

Кауфман прямо писал, что «Опыт» стал «одним из наиболее крупных этапов в развитии русской общественной мысли, которая в течение ряда последующих десятилетий текла по проложенному этим трудом Янсона руслу»¹³¹, т.е. по разработке таких беспроектных сюжетов, как малоземелье, «непомерные» платежи и крестьянская нищета в целом.

Сказанное не нужно понимать прямолинейно. В жизни, конечно, все было несколько сложнее.

Пока во второй половине 1870-х гг. не появились первые работы земских статистиков и ряд очерков крестьянской жизни, общество имело о деревне довольно туманные представления. Личные впечатления были у многих, но сколько-нибудь полная картина отсутствовала.

Ошибочно считалось, что до 1861 г. крестьянство было однородным в силу господства натурального хозяйства. Общинное землевладение выступало как бы олицетворением среднего арифметического равенства, и поэтому масса крестьянства в основном трактовалась как некая гомогенная целостность, которой противопоставлялись «мироеды»* и прочие «эксплуататоры»¹³².

И когда земская статистика выявила значительную дифференциацию крестьянства, это стало как бы сенсацией, которую объявили следствием эмансипации, хотя сколько-нибудь серьезных оснований для такого вывода не было.** Просто идея «грабительской реформы» в принципе не предполагала позитивного развития деревни.

Поэтому уже с 1870-х гг. важной темой стала не динамика крестьянского хозяйства, а его «упадок», «обеднение» и «разорение». Одни считали, что эта деградация охватывает лишь часть деревни, а другим она казалась тотальной, и именно эта точка зрения победила.

---

* Уже в 1860-х гг. (реально – раньше) в печати началась, с одной стороны, сознательная дискриминация «кулачества», т. е. зажиточной части деревни, причем в стилистике, предвещающей эпоху «сплошной коллективизации», а с другой, параллельная фаворитизация бедноты. Нередко к первому относились «просто» трудолюбивые крестьяне, а ко второй – лодыри и пьяницы.

** Народник А. В. Пешехонов в 1897 г. отмечал, что, хорошо изучив имущественную неоднородность крестьянства в статике, «мы» плохо представляем ее динамику. «Мы не имеем достаточных фактических данных» для утверждения, что в процессе сельскохозяйственного права обеднение массы сопровождается накоплением капиталов и обогащением хотя бы немногих. «Мы не имеем права утверждать даже, что "хозяйственный мужичок" – группа многоземельных и многолошадных – представляет из себя явление новое в экономической жизни. Вполне вероятно другое, противоположное предположение». (Русское Богатство, 1897. № 7. С. 36–37.) О том же писал и В. И. Ленин в «Развитии капитализма в России».

Доминирующим стало представление о том, что все большая часть крестьянских хозяйств идет к «фактической пролетаризации».

Иными словами, речь шла не о **двустороннем** процессе дифференциации крестьян, когда, наряду со слоем обедневших дворов, возникает довольно многочисленный слой зажиточных, а о более или менее одностороннем процессе «разорения» части хозяйств, от которого выигрывают «эксплуататоры» и «чуждые крестьянству элементы».

Как писал экономист Черненко, «эти общие представления имели громадную важность для всего последующего времени», поскольку так или иначе «наложили свой отпечаток на большую часть нашей литературы, на господствующие в обществе взгляды и на самые исследования народной жизни, а в частности, – и на большую часть земско-статистических работ»¹³³.

Такие тезисы, как упадок крестьянского хозяйства, уменьшение поголовья крестьянского скота, рост численности безлошадных и безкоровных дворов, снижение урожайности и вообще **любые** негативные характеристики положения крестьянства «**стали общими местами или даже как бы аксиомами**, не нуждающимися в точных доказательствах, хотя фактическая их обоснованность с течением времени едва ли заметным образом подвинулась вперед»¹³⁴.

Это предопределяло характер земских обследований. Много позже, уже в 1920 г., Н. П. Макаров отметит, что особая важность крестьянского вопроса для народников обусловила «соответствующую его постановку, сводящуюся к **установлению обнищания, разложения деревни** в области познания реальности жизни **и к требованию земли** в области программных построений».

По большому счету – это **приговор** народнической литературе.

Земские статистики с «чрезвычайным вниманием» фиксировали именно «упадочные» хозяйства, список категорий которых сам по себе весьма красноречив: «отсутствующие, безнадельные, беспосевные, сдающие надельную землю, безлошадные, бескоровные, без крупного рогатого скота, без всякого скота, без инвентаря, бездомовые и т.д.».

Куда меньше их занимала полная группировка хозяйств данного селения по размерам и типам, а на «достаточные», т.е. зажиточные хозяйства они и вовсе обращали мало внимания. Из-за этого ряд сюжетов деревенской экономики, особенно важных для крепких хозяйств, как, например, вненадельные заработки, уровень использования наемного труда и др. оставались на периферии их внимания.

Поясню сказанное. Представьте, что вы сегодня проводите полевое исследование и хотите дать статистическое описание любой сколько-нибудь полноценно функционирующей современной деревни. Конечно, у вас должна быть разработана программа с набором признаков, характеризующих

положение, состояние каждого двора и его обитателей. Конечно, вы должны обследовать все дворы с равным вниманием и равной мерой подробности. Это азбука профессии.

И когда вы проведете свою маленькую перепись, вы, разумеется, сгруппируете обследованные дворы в соответствии с выбранными критериями – занятиями обитателей, их доходами, наличием или отсутствием автомобиля, ТВ-тарелки, инета, канализации, газовых баллонов, домашней библиотеки и т.д., учтете влияние инфраструктуры. И затем начнете анализ данных. А как иначе получить сколько-нибудь объективную картину?

Но земским статистикам важно было установить число бедных. И уже тогда их часто упрекали в односторонности, не позволяющей увидеть, как живет деревня в целом, а иногда и в том, что они чуть ли не намеренно показывают, будто живущих в достатке крестьян не существует.

Предвзятыми, конечно, были не все. В 1890-х гг. появились более объективные специалисты, которые, наряду с «упадочными», фиксировали «многочисленные группы» «зажиточных» и даже «богатых» крестьян.

Кроме того, статистики в массе скрывали от читателей, что в общине далеко не всегда присутствуют обещанные славянофилами и Герценом солидарность и единодушие, что в ней налицо борьба интересов, крупные противоречия, часто нет переделов земли и других признаки внутриобщинной гармонии¹³⁵.

Тем не менее, пессимистические настроения в литературе и публицистике усиливались в силу все большей политизации проблем деревни. Их закономерно усилил смертный голод 1891–1892 гг., сыгравший очень важную роль в формировании так называемой парадигмы кризиса и пауперизации.

Макаров отмечает: «Все мрачнее гляделось народникам на деревню. Нищета, забитость, вымирание, психическое притупление – вот как (очень ошибочно) народническая мысль все чаще начинала характеризовать русскую деревню. **Это было даже нужно – так как, казалось, что, говоря о нищете деревни, люди борются с ненавистным политическим строем; это было тупое оружие русской интеллигенции в ее руках против правительства.**

Почти преступно-официальным считалось и не разрешалось экономически-оптимистично смотреть на русскую деревню. Разговор о «прогрессивных течениях» русской деревни звучал каким-то диссонансом в этом настроении; «надо удивляться, что оно живет и сохраняется при таких условиях» почти в этих словах писалось тогда о крестьянском хозяйстве»¹³⁶.

Тут дело не только в целенаправленном вранье, ярким примером которого является ряд текстов из нашумевшего в свое время двухтомника «Влияние урожая и хлебных цен на разные стороны экономической жизни»¹³⁷.

Лично я не сомневаюсь, что множество статистиков было как будто в шорах, было запрограммировано – они видели то, что хочется и игнорировали все, что не вписывалось в принятую систему взглядов. При свободе печати настроения такого рода, однажды возникнув, уже не ослабевают. Оппозиции слишком выгодно их поддерживать.

К концу XIX века аграрный вопрос окончательно превратился в вопрос политический: **«Не признавать малоземелья представлялось равносильным признанию справедливости существовавших и политического строя и социальных отношений»**¹³⁸.

На фоне апокалиптических картин обнищания крестьянства по меньшей мере странно выглядит невнимание народников к реальным причинам упадка деревни, к тому, что действительно тормозило развитие ее производительных сил.

Так, они явно игнорировали самый настоящий вечный двигатель обеднения российской деревни – семейные разделы. На этой проблеме нужно остановиться чуть подробнее.

Уже на Валуевской комиссии из тех респондентов, которые прямо ответили на вопрос о причинах обеднения крестьян, 42,5% указали на семейные разделы, 17,8% на общину, 13,7% – на круговую поруку, 13,7% на пьянство, 6,8% на изъяны крестьянского самоуправления, а 5,5% – на нехватку удобрений и отсталую агротехнику.

По поводу семейных разделов Комиссия провела дополнительный опрос 360 человек, 80,3%¹³⁹ которых отметили крайне негативное влияние на хозяйство **«почти повседневного раздела семей, дробящего рабочие инвентари и препятствующего отхожим заработкам»**¹⁴⁰.

Замечу, что для помещиков до 1861 г. большая крестьянская семья была очень выгодна. В плане платежей и повинностей она, несомненно, была более устойчивой, чем малые семьи. Вспомним, что Николай Ростов не разрешал своим крестьянам делиться.

После реформы стремление людей к самостоятельной семейной жизни и независимости получило большой размах*, что совершенно естественно. По данным МВД за 1861–1882 г. в 46 губерниях произошло 2371,2 тыс. семейных разделов¹⁴¹, которые отнюдь не увеличили число крепких крестьянских дворов.

Семья не могла делиться менее чем на две. Это значит, что на месте 2,4 млн старых хозяйств появилось, как минимум, 4,7 млн новых и, конечно,

* «Тем сильнее действовали важнейшие внутренние причины: обеднение, семейные разделы, разорительное пьянство и неумение держать деньги в руках. Против разделов помощи не было никакой. Когда бабы ссорятся, братьям волею или неволею приходится расставаться, хотя это и ведет к нищете, а с освобождением сила баб возросла. Меткая русская пословица говорит: «семь топоворов идут вместе, а две прялки врозь». (Чичерин Б. Н. Воспоминания ... Т. 2. С. 235).

ставших менее сильными хозяйствам. При этом в семьях с 1–2 душевыми наделами разделы случались, как минимум, не реже, а скорее, чаще, чем в семьях с 3–4 и более наделов¹⁴².

Так, например, в Олонецкой губернии за 1858–1882 гг. народонаселение возросло на 12,0%, а число семей – на 43,0%. Если бы размеры семей оставались прежними, то прирост населения вызвал бы образование всего 4115 новых семейств, а их возникло в 3,6 раза больше – 14 752.

В 1858 г. на семью приходилось 1,78 работников, считая за работников 50% мужского населения, а в 1882 г. – 1,38.

В Псковской губернии население за 1861–1880 гг. увеличилось на 20%, а число семей на 50%. Число действительно произведенных здесь разделов (44 993) на 25 134 превысило количество разделов, «обусловливавшихся естественным приростом населения». Количество работников мужского пола на семью с 1,94 упало до 1,53.

Таким образом, по информации МВД, на сто дворов, в начале 80-х гг., в Олонецкой губернии приходилось 138 работников, а в псковской – 153, т.е. из ста дворов в Олонецкой губернии не менее 62, а в Псковской – не менее 47 имели всего по одному работнику. Раньше таких дворов в Олонецкой губернии насчитывалось 22, а в Псковской всего 6 на сто.

Следовательно, в первой губернии за 22 года число одноробочих дворов увеличилось почти втрое, а по второй – даже в восемь раз¹⁴³.

Семейные разделы нередко приводили к появлению дворов с третью или половиной надела, которые вынуждены были сдавать эту землю в аренду, зарабатывать на стороне по отдельности или всей семьей, часто такие крестьяне превращались в батраков, продающих свою рабочую силу и лишенных хозяйственного инвентаря.

П. П. Семенов, комментируя проблему безлошадных хозяйств, отмечал, что после 1861 г. число дворов из-за разделов выросло «сильнее, чем население». Крестьянская земля 20 лет только дробилась между делившимися дворами, так что многие из них почти утратили возможность вести самостоятельно свое хозяйство и превратились, конечно, иногда только временно, в дворы безлошадные, батраческие или промышляющие отхожими промыслами». В этих условиях лошадь часто «становится ненужной». Единственный работник идет в отхожий промысел или поступает в батраки, а если и он умирает, то семья ждет, пока не подрастет старший из ее подростков. Но стоит батраку или отходнику заработать небольшой оборотный капитал, а подростку повзрослеть, он может возвратиться на сданный в пользование односельца надел, купить лошадь, и безлошадный двор снова станет конным¹⁴⁴.

Поэтому, заключает Семенов, доля безлошадных дворов не является критерием крестьянского благосостояния, что подтверждают материалы военно-

конских переписей. Например, в Орловской губернии меньше всего безлошадных дворов (14,8%) в одном из худших уездов – Трубчевском, а больше всего в лучших – Елецком (30,3%), Орловской (33,4%), однако средняя величина душевых наделов у них почти одинакова (соответственно 2,9, 2,7 и 2,7 дес.)¹⁴⁵.

Таким образом, семейные разделы – одна из ключевых и притом совершенно объективная причина обеднения большей части деревни, до поры никак не связанная с политикой правительства.

Однако в таком ракурсе данная проблема для земских статистиков была не интересна – в отличие от фиксации их последствий, то есть роста числа бедных хозяйств. Прямо обвинить власть в разделах было бы чересчур даже для них, однако можно было не обвинять власть в этом прямо – достаточно показать, как много «нищих» крестьян. Кто будет доискиваться причин нищеты, если «каждому ясно», что в этом виновато правительство?

Далее. Читатели, надеюсь, помнят разговор в ресторане между русскими и датскими специалистами по сельскому хозяйству относительно влияния чересполосицы на благосостояние крестьян.

Однако в огромной народнической литературе серьезного анализа этой темы мы не встретим, только комичные для профессуры отговорки по принципу «сам дурак!», т.е. указания на то, что чересполосица есть и при подворном владении, и даже в Западной Европе при частной собственности, как, например, у Посникова и Каблукова¹⁴⁶. Есть и такой аргумент – град при чересполосице не так страшен – одну полосу побьет, другая уцелеет. В том, что град бывает проблемой, никто не сомневается, но разве в нем корень аграрного вопроса в России?

В этом плане крайне показателен рассказанный С. Т. Семеновым случай из собственной практики общения с тогдашними – без иронии и преувеличения – властителями сельскохозяйственных дум читающей публики.

Осознав вред мелкополосицы для крестьянского хозяйства, он обратился к московским земским агрономам с предложением начать борьбу с этим злом. Простой крестьянин Семенов был писателем-самородком и учеником Л. Н. Толстого, и он сумел добиться, чтобы его выслушали.

На его докладе, помимо уездных агрономов, присутствовали и такие сверхавторитетные в народнических кругах профессора, как тогдашний московский губернский агроном В. Г. Бажаев, Н. А. Каблуков и А. Ф. Фортунатов.

Однако, пишет Семенов, «отношение всех присутствовавших к предлагаемой мною мере и плану, впоследствии принятому земской агрономией (! – М. Д.), оказалось такое сдержанное, что не дало никаких практических результатов.

Мелкополосица была признана самым разумным способом распределения общественной земли, строго и справедливо равняющим неровные

угодья, и изменение этого способа было бы ненужным нарушением веками сложившихся привычек легко и прекрасно разверстывать между собою общественное богатство»¹⁴⁷.

Комментировать этот позор я не стану.

Разумеется, я не имею в виду, что народническая литература на 100% недостоверна или что в русской деревне была благостная жизнь. Отнюдь.

Вместе с тем я считаю, что нам в течение столетия навязывается неверное понимание нашей собственной истории. В массовое сознание внедрен специально отобранный усеченный набор «полуправдивых» фактов, который интерпретируется вполне определенным образом.

Другими словами, наша история попросту фальсифицируется.

Ведь полуправда – «худшая ложь» – раздвигает границы манипуляций до бесконечности.

И это стало возможным в огромной степени потому, что существует крайне важная герменевтическая проблема – проблема семантической инфляции.

Это основной **дефект восприятия** эпохи.

Что такое семантическая инфляция?

Заблуждения, заключающие в себе некоторую долю правды, самые опасные.

Адам Смит

Под нею я подразумеваю тривиальный факт изменения с течением времени семантики, смыслового наполнения ряда терминов, в том числе и самых простых, которые изменились, потому, что принципиально другой стала сама жизнь.

«Презентизм», т.е. механическое проецирование (перенесение) нашего сегодняшнего понимания и восприятия отдельных явлений, терминов и т.д. на прошлое, недопустим, поскольку способен извратить понимание истории*.

Весьма показательна, что работа И. Н. Данилевского «Киевская Русь глазами современников и потомков (IX–XI вв.)» открывается параграфом «Понимаем ли мы автора древнерусского источника?», который демонстрирует, насколько это сложно.

Сразу замечу, что на злодеяния Салтычихи понятие семантической инфляции не распространяется – эти преступления и в XVIII и в XXI вв. трактуются совершенно одинаково.

---

* Очень мягкий, отчасти курьезный вариант сказанного – героини фильмов о древности и средневековье, произносящие зажигательные феминистические тексты.

Но так бывает не всегда.

Например, люди пореформенной эпохи, т.е. не самые далекие наши предки*, в такие понятия, как «голод», «нужда», «непосильные платежи», а также «насилие», «произвол» и др. вкладывали не совсем тот смысл, который вкладываем мы сейчас.

Наши современные представления об этих феноменах вытекают из исторического опыта советской эпохи, а он был принципиально *иным* и неизмеримо более трагичным.

Особенно неприятны перемены в бытовании термина «голод» и сопряженных с ним.

До революции 1917 г. термин «голод» служил для обозначения любого крупного неурожая хлебов в нескольких губерниях (в том числе и считающегося смертным голодом в 1891–1892 гг., совпавшего с эпидемией холеры, которая унесла большую часть жертв), при котором автоматически начинал действовать «Продовольственный устав» 1864 г. и жители пострадавших районов получали от государства продовольственную помощь.

Л. Н. Толстой как человек, знавший цену слову, чтобы точнее описать ситуации с неурожаями в 1890-х гг., прибегал к уточнению – «индийский» голод, т.е. смертный: «Если разуместь под словом «голод» такое недоедание, вследствие которого непосредственно за недоеданием людей постигают болезни и смерть, как это, судя по описаниям, было недавно в Индии, то такого голода не было ни в 1891-м году, нет и в нынешнем (1897 г. – М. Д.)»¹⁴⁸.

В более широком контексте термин «голод» тогда широко употреблялся для характеристики *любого* дефицита. В литературе, в публицистике и в аналитических текстах можно встретить такие словосочетания, как «сахарный голод», «металлический голод», «хлопковый голод», «нефтяной голод», «дровяной голод», «мясной голод» и т.д. С этой точки зрения у нас сейчас «пармезанный» и «хумусный голод».

Такова была языковая норма, вытекавшая из дореволюционной системы координат «плохо/хорошо». В каждый исторический период у живущего поколения есть своя система негативных ценностей, в которой ранжированы и определенным образом вербализованы отрицательные явления окружающей действительности – сообразно с мерой представлений эпохи и жизненных впечатлений живущих в это время людей.

У каждого времени свой «среднестатистический» порог печали и страданий. Да, безотрадное положение народа России часто было предметом спекуляций, однако список достойных людей, искренне сострадавших нужде простых людей, отнюдь не исчерпывается В. Г. Короленко, Л. Н. Толстым и Г. И. Успенским.

* Например, мой прадед, расстрелянный в 1941 г. в Херсоне, родился в 1860 году.

В рамках представлений своего времени, в тогдашней системе нравственных координат «плохо/ хорошо», когда голодом категорически именовался не только реальный голод 1891–1892 гг., но и любой позднейший неурожай, а правительство **было обязано** помогать голодающим **по закону**, а не только из соображений нравственности, авторы, старавшиеся быть объективными, часто были правы. Правы потому, что оценивали окружающий мир, исходя из исторического опыта *этого* мира.

Все эти тексты фактически одномоментно обесценились после переворота 25 октября 1917 г., создавшего новую, чудовищно жестокую систему координат во всех сферах бытия.

Старые представления о бедствиях и страданиях человечества в считанные месяцы были девальвированы введением «красного террора», продовольственной диктатуры, продотрядов и продразверстки, людоедством периода Гражданской войны и голода 1921–1922 гг., не говоря о коллективизации и голоде 1932–1933 гг.

Слова «голод», «произвол», «насилие» и другие подобные получили новое и куда более страшное наполнение, и многие из тех, кто походя ронял их в своих писаниях, лично столкнулись с другими смыслами этих емких терминов.

Так, «голод» стал обозначать смертный голод с людоедством. Для громадного большинства жителей нашей страны самая первая ассоциация с этим словом – голод блокадного Ленинграда, а затем – голод 1932–1933 гг., т.е. трагедии, далеко отстоящие от дореволюционных «голодовок», – неурожаяев, сопровождавшиеся продовольственной помощью правительства.

Однако советскими и постсоветскими историками эти недороды – иногда по недопониманию, но чаще преднамеренно – трактуются (и соответственно их читателями воспринимаются!) уже **в меру этого нового знания**, полученного в советскую эпоху, то есть, именно как реальный смертный голод с людоедством.

В 1921–1922 гг. большевики этого не стеснялись и не скрывали – об этом писалось открыто. У Сталина в 1930-х гг. были уже другие представления об агитации и пропаганде.

Здесь необходимо особо подчеркнуть, что в течение всей истории человечества каннибализм был главным критерием **настоящего смертного** голода. Тем не менее, мы продолжаем называть одним и тем же словом «голод» и недороды с «Царским пайком», и «Голодомор» 1932–1933 г., и трагедию Блокады, и голод 1946–1947 гг.

Совершенно ясно, что в данном случае мы имеем дело с неверным употреблением термина – есть четкий разрыв между его истинным значением и теми смыслами, которые в него вкладываются в настоящее время.

Это привело к серьезнейшим деформациям наших представлений о прошлом. Простой пример – во время «голода» 1906–1907 гг., когда правительство выделило на продовольственную помощь 169,8 млн. руб. (порядка 4% бюджета), жители наиболее пострадавших губерний тратили гигантские суммы на алкоголь, а в сберегательных кассах тех же губерний росла наличность.

Так, население лишь 12-ти (!) из 90 губерний и областей России за июль 1905 – июль 1907 гг. (для большинства этих губерний оба года были неурожайными), выпили водки на сумму, превышающую стоимость боевых кораблей Балтийского и Тихоокеанского флотов Империи и других вооружений, потерянных в ходе русско-японской войны¹⁴⁹.

Может быть, этим историкам стоит задуматься над тем, почему их оценки подобных «голодовок» не совпадают с мироощущением жителей России конца XX – начала XXI вв.?

Ведь во время голода 1921–1922 гг., а затем 1932–1933 гг. и 1946–1947 гг., у миллионов людей, *действительно умиравших от голода*, от того, что просто *нет еды*, не было возможности выбирать между хлебом и спиртным.

Недопустимо, чтобы недороды царского времени и блокадный голод Ленинграда именовались одинаково.

Если не осмыслить данный феномен всерьез, если не ввести жесткую поправку на «семантическую инфляцию», то можно оставить мысль о том, что мы имеем сколько-нибудь адекватное представление об истории России после 1861 г. Если постоянно не иметь этого в виду, то об объективном изучении истории России можно забыть.

Сказанное, безусловно, относится и к другим терминам негативного спектра. Если Столыпинская аграрная реформа – «произвол и насилие», то какие слова в русском языке мы отыщем для коллективизации? Если дореволюционная деревня была нищей и разоренной, то какие эпитеты мы подберем для деревни колхозной – с законом о трех колосках, предусматривавшем лишь две меры наказания – 10 лет и расстрел?

Понятно, что – в сравнении с советской эпохой – Российская империя жила, так сказать, в вегетарианском мире, в котором не было людоедства, prodrazверстки, зверского раскулачивания, массовых репрессий по социальному и национальному признакам, ГУЛАГа, а также «Большого террора», не говоря о среднем и малом.

Однако эта информация, разумеется, не делает фиктивными нужду и недоедание людей во время неурожая царского времени – и не только неурожая. Никто не оспаривает ни произвола власти, ни того, что до 1917 г. в народной жизни было много скверного.

Я говорю об данной проблематике вовсе не для того, чтобы девальвировать трудности и реальные бедствия народа при царизме и объявить их «не настоящими» на том основании, что, дескать, в СССР было еще хуже, а чтобы

исключить, по возможности, презентизм. Чтобы мы проблемы дореволюционной жизни оценивали не абстрактно, а конкретно – то есть помня о том, какой масштаб обрели эти проблемы в советское время.

Советская история доказала на глобальном материале весьма простую вещь – оценочные понятия «плохо» и «хорошо» имеют множество градаций, подобно тому, как уровень некоторых угроз (опасностей) обозначается в цветах – синий, желтый, красный.

Так вот – мы должны оценивать исторические явления не абстрактно, а в их истинную цену, в полном контексте, и не путать, условно говоря, цвета.

А историки, используя те или иные термины, особенно связанные с такой эмоционально острой темой как голод, должны ясно, без малейшей двусмысленности понимать и объяснять, что они обозначают.

Малоземелье и аграрное перенаселение

Левые народники *главными* причинами упадка деревни после 1861 г. считали малоземелье, высокие платежи за землю, «голодный экспорт» хлеба, проявлением чего было низкое потребление хлеба на душу населения.

Пора верифицировать эти тезисы.

Среди быстро выяснившихся изъянов реформы на первом месте стояли завышенные выкупные платежи прежде всего в Нечерноземье, превышавшие финансовые возможности деревни. Серьезное уменьшение податей в 1880-х гг. привели ситуацию в норму.

Тем не менее, считается, что Россия в конце XIX – начале XX вв. переживала аграрный кризис. Это несомненное преувеличение – странно рассуждать о кризисе, будто бы охватившем всю страну, в ситуации, когда целый ряд ключевых параметров развития сельского хозяйства имеет позитивную динамику.

Безусловно, корректнее говорить о нарастании кризисных явлений в некоторых районах Европейской России, а именно: в северно-черноземных губерниях между Волгой и Днепром, где в 80-х гг. эти явления стали обозначаться достаточно рельефно.

Их корни лежат еще дореформенной эпохе. Выше говорилось о неравномерности распределения населения по территории страны. Еще до 1861 г. на крестьянских землях в районе северного чернозема плотность населения была более 50 чел. на кв. вер., что намного превышало порог нормального функционирования трехполья. После реформы она продолжала расти, и старые экстенсивные формы сельского хозяйства уже не обеспечивали полную занятость населения.

В Центрально-Черноземном и Средневолжском районах из-за господства общинного режима рост населения был заметно больше, а возможностей для промыслов и отхода намного меньше, чем в Нечерноземье, где понижение податного бремени убрало симптомы кризиса.

Отсюда – чрезмерное сгущение населения на неизменяемой площади наделной земли, которое интеллигенция, как и крестьяне, стала именовать малоземельем. Однако, как мы увидим, малоземелье – не слишком основательное объяснение нарастания кризисных явлений в северно-черноземных губерниях.

Адекватно они интерпретируются с помощью понятия «**аграрного перенаселения**». Под этим понимается факт **несоответствия между численностью сельского населения и источниками его существования**, в силу чего крестьянам трудно максимально эффективно приложить свой труд в условиях данной конкретной местности.

Аграрное перенаселение объясняет ситуацию в максимально широком диапазоне и трактует как феномен, связанный со всем строем экономики страны, в том числе и с сельским хозяйством, не сводя его, однако только к размерам крестьянских наделов.

Предвижу вопрос – а в чем, строго говоря, разница-то?

Ведь земли у крестьян не станет больше, на какую бы позицию мы ни встали – ее не хватает в обоих случаях.

Разница вот в чем.

Адепты идеи малоземелья исходят из так называемой **натурально-хозяйственной концепции** (далее: НХК) развития сельского хозяйства, на которой основана вся народническая оценка аграрной проблематики.

Из самого термина «НХК» следует, что крестьянское хозяйство должно быть натуральным, как это большей частью было до 1861 г., что оно должно самообеспечиваться всем необходимым (едой, одеждой, инвентарем) и не иметь отношения к рынку.

Соответственно, главное здесь – количество земли, неважно какого качества, неважно, где и как расположенной, и безразлично кем обрабатывающейся. Все остальное, весь окружающий мир в своей огромной сложности игнорируется – крестьянин должен жить **только** за счет доходов, который дает надел, величина которого заранее предопределяет их величину.

Следовательно, и площадь крестьянских земель должна расти в том же темпе, что и численность населения деревни. А поскольку этого не происходило, то именно отсюда вытекала идея о малоземелье как основе аграрного кризиса. Отсюда же и единственный в рамках этой логики вариант решения проблемы – прирезка, дополнительное наделение за счет некрестьянских земель, которых якобы должно хватить для удовлетворения нужд деревни.

При таком подходе крестьянство (и аграрный сектор в целом) как будто переносится на изолированный остров, оно самодостаточно и не зависит и не нуждается ни в промышленности, ни в торговле. Что крестьянин произвел, то он и потребил.

Рассматривая наделы как единственный источник крестьянских доходов, НХК безоговорочно осуждала заработки крестьян на стороне и трактовала их только как свидетельство упадка хозяйства, а не как показатель стремления людей заработать больше денег. Это примерно то же самое, как если бы в наши дни никто не мог бы трудиться по совместительству, сдавать квартиру и т.д.

Тем самым деревня как бы отсекалась от модернизации, в которой народники видели временную досадную помеху. Конечно, возможности заработать на стороне у всех были разными, но они были.

НХК игнорирует связь доходов с количеством и качеством прилаемого к земле труда, и термин «интенсификация» – не из ее понятийного аппарата.

Кроме того, НХК отвергает рынок как одну из «язв капитализма» и исходит из идеи, что заработок на стороне – это форма «утонченной эксплуатации и потому неприемлем. Вот так «самобытно» в России усвоили Маркса. Забавно, что все это говорилось о крестьянах, которые еще недавно даром работали на барщине и добывали оброк!

Таким образом, НХК банально не предполагала никакого подъема сельского хозяйства, ни о каких перспективах развития она не говорила. Речь шла только о поддержании какого-то жизненного уровня населения.

Это – продовольственный подход к проблемам деревни. Он доминировал в доиндустриальную, натурально-хозяйственную эпоху, когда главной задачей сельского хозяйства было обеспечить несвободным крестьянам прожиточный минимум. Аграрный сектор и промышленность тогда развивались достаточно независимо друг от друга.

Лучшую, на мой взгляд, характеристику этой «теории» дал К.Ф. Головин, отмечавший, что в основе мер, предлагаемых левыми народниками, лежали «две главные идеи: быт земледельческого населения следует устроить так, чтобы оно могло обходиться без постороннего заработка, и народное сельское хозяйство должно быть рассчитано не для вывоза, а для потребления дома.

Нужды нет, что при этих условиях Россия не только никогда не достигнет крупного промышленного развития, но что и земледелие останется у русского народа на довольно низком уровне... Цель производства не барыш, за которым гонится только капиталистически эгоизм, а лишь обеспечение народа от нужды.

Пусть урожаи будут низки, пусть русское производство сохранит свое теперешнее однообразие, и у русского мужика не окажется свободных де-

нег, – лишь бы он был сыт и твердо сохранился у него старинный общинный уклад, – об остальном заботиться незачем. И если нам приходится выбирать между экономическим прогрессом и свободой народа от растлевающего влияния капитализма и наемного труда, мы лучше откажемся от мишурных успехов, купленных дорогой ценою народного порабощения»¹⁵⁰.

А вот если устранить малоземелье, «непосильные» подати и «хищничество кулаков», прекратить искусственное развитие правительством крупной промышленности за счет мелкой кустарной, то «медовые реки потекут опять, как текли они некогда – вероятно, при Василии Темном. Русская земелька вся подчинится благодетельному общинному строю и, навек закабаленная трехполью, не будет знать других орудий, кроме сохи-ковырялки и деревянной бороны, уже знакомых ей и до призвания варягов. Русский мужичок будет есть кашу с собственной нивы, одеваться в тулупы с собственных овец и в посконные рубахи, сотканые дома. Словом, водворится навек царство благополучия, равенства и – добавлю от себя – нищеты и застоя»¹⁵¹.

Сказано удивительно точно.

А концепция аграрного перенаселения подразумевает, что кризис является результатом целого комплекса причин, обусловленных всем социально-экономическим и политическим строем страны и прямо связывает негативные явления с влиянием уравнилельно-передельной общины.

Это – народнохозяйственный подход к данной проблематике. Он органичен для индустриального периода, когда необходимо поступательное развитие всей экономики в целом, чего требует новый этап соревнования наций. Земля – уже не только средство пропитания, она становится важным и ценным орудием производства в народном хозяйстве. И работать на ней должны не все подряд, а те, кто хочет и может это делать. Данный подход, в частности, не предполагал ликвидации частновладельческих хозяйств ввиду их огромной роли в развитии сельского хозяйства.

Аграрное перенаселение – продукт антикапиталистической Утопии, оно выросло из обусловленных ею юридических и иных препятствий свободному развитию экономической жизни. Общинный режим, все, что тормозило индустриализацию, прогресс торговли и транспортной сети, все, что мешало полноценному использованию естественных богатств Империи, колонизации ее окраин, все, что замедляло развитие кредитной кооперации, – все это прямо и косвенно подготовило и возникновение аграрного перенаселения¹⁵².

Поэтому те, кто говорил об аграрном перенаселении, выступали **за изменение экономического строя страны, за раскрепощение ее производительных сил**, то есть – за предоставление крестьянам общегражданских прав, в том числе и права собственности на надельную землю. Иными словами, за отмену, пусть и постепенную, общины, ликвидацию при помощи землеустрой-

ства изъятий общинного землепользования (чересполосицы, дальноземелье и др.) и за предоставление свободы промышленности и торговле.

Именно в этом была суть русского аграрного вопроса.

А сейчас мы должны разобраться в аргументах сторон.

Что не так с понятием «малоземелье»?

Причинная связь, будто бы имеющаяся между нашим малоземельем и крестьянской нуждой, считается, как известно, у нас чуть ли не аксиомой. Это одно из тех положений, которые становятся непреклонной истиной потому, что повторяются часто.

К. Ф. Головин. 1881

Надо сказать, что тактика непрерывного повторения оказалась вполне эффективной – малоземелье и сегодня многими считается главной, если не единственной, причиной и аграрного кризиса конца XIX – начала XX в., и Русской революции 1917 г.

Однако мы знаем, что термин «малоземелье» и до 1861 г. встречается в источниках не намного реже, чем в народнической публицистике. Мы помним, что по этой причине правительство дважды «раскулачило» государственных крестьян, а Киселев переселял десятки тысяч малоземельных крестьян в Юго-Восточные степи и Предкавказье.

В конце XIX – начале XX вв. наделы в Европейской России колебались от 0,25 дес. до 15 дес. на душу. Однако, несмотря на такую огромную разницу в землеобеспечении, наблюдатели часто не видели особых различий в благосостоянии крестьян. Нередко на меньших наделах они жили зажиточнее, чем на крупных, а на худшей земле лучше, чем на черноземе.

В то же время в России не было региона – вплоть до Сибири и казачьих станиц Северного Кавказа с душевыми наделами в 20 и более дес.* – где люди не жаловались бы на малоземелье. При этом часто они не обрабатывали и ту землю, которая у них была.¹⁵³

То есть малоземелье – отнюдь не продукт реформы 1861 г. И, во всяком случае, понятие относительное.

Попытаемся оценить привычную «историю болезни» русской деревни (отрезки и демографический взрыв) с точки зрения хозяйственно-экономической.

Внешне, кажется, не о чем спорить – вроде бы все понятно и все по делу.

Однако кое-что – в первую очередь факты и элементарный здравый смысл – мешает согласиться с этой простой и как бы логичной схемой.

* Напомню, что 1 десятина равна 1,09 гектара.

Во-первых, вызывает подозрения именно эта ее простота.

Очевидно, что мы имеем дело с явной логической и психологической подменой, когда характеристики части явления переносятся на целое и отождествляются с ним.

Помещичьи крестьяне, которых коснулись отрезки, составляли 47% всех крестьян. И мы помним, что если бы дарственные крестьяне (6% крепостных, или 3% всех крестьян), получили полные наделы, то отрезки уменьшились бы с 18–20% до 12–13%. То есть нас пытаются уверить в том, что факт потери 94% бывших крепостных 1/7–1/8 части земли стал фатальным для судеб страны. Это несерьезно.

В то же время остальные 53% крестьян получили свою землю практически полностью, причем в больших размерах, чем бывшие крепостные. Однако по умолчанию считается, что отрезки – причина упадка *всей* деревни, а не ее *меньшинства* – помещичьих крестьян. Ведь никто не говорит об особом кризисе бывших крепостных, настаивают именно на плачевном положении крестьянства в целом.

Но если это так, и кризис коснулся и помещичьих крестьян, получивших в среднем 3,4 дес. на душу, и удельных с 4,9 дес., и государственных с 5,7 дес. на душу, то условия освобождения оказываются вообще не при чем.

Во-вторых, принять тезис о малоземелье как главном факторе упадка деревни мешают конкретные факты.

Крестьяне в России и абсолютно, и относительно получили земли намного больше, чем в Пруссии, Австрии, Венгрии и других европейских странах.

В 1905 г. средние цифры наделов в Европейской России колебались в диапазоне от 3,8 дес. на двор в Подольской губернии до 65,1 дес. в Олонецкой; среднее по 50-ти губерниям равнялось 10,2 дес. на двор. То есть землеобеспечение сильно различалось по губерниям, районам и по категориям крестьян.

Около четверти всех хозяйств в 50-ти губерниях имело до 5 дес. на двор наделной земли, а 42% – не более 10 дес. Конечно, были и в полном смысле слова малоземельные крестьяне, но они отнюдь не доминировали в русской деревне.

В то же время в Австрии на крестьянский двор в среднем приходилось 5,1, во Франции – 4,4, в Германии – 4,1 дес., и крестьянство там преуспевало.

При этом в Германии и во Франции 72–77% всех хозяйств, а в Бельгии даже 90,1% имели менее пяти гектаров земли, т.е. менее 4,5 десятин.

В Германии крестьянин, имевший от двух до пяти гектаров (1,8–4,5 дес.) считался «клейнбауэром» – т.е. полным, хотя и мелким хозяином, который иногда может нанимать работников и живет доходом от своего участка. А владелец 6–10 дес. – «миттельбауэр», «хозяин средней руки»; он уже работает на рынок и, как правило, держит батраков¹⁵⁴.

Эти факты – главные для понимания сути аграрного вопроса в России, и именно от них нужно отталкиваться при его анализе.

Почему в Европе на вдвое меньшей площади наделов крестьяне преуспевали, а в России, по словам экономиста А. А. Кауфмана, переходили «от постоянного недоедания к полной голодовке»¹⁵⁵, собирая на элитном черноземе урожаи в 2–3 раза меньше?

Модные у нас еще и до 1917 г. ссылки на плохой климат отбрасываем сразу ввиду их полной несостоятельности¹⁵⁶. Тот же Кауфман выразительно озаглавил один из разделов своих лекций так: «Причина низкой производительности наделных земель не климат, а плохое хозяйство»¹⁵⁷.

Ответ известен – там произошла агротехнологическая революция, которая не только повысила уровень агрикультуры и инфраструктуры сельского хозяйства, но и оптимизировала крестьянский труд, оставив на земле наиболее ответственных и работоспособных людей. Индустриализацию там никто не тормозил, а значит, урбанизация шла полным ходом и лишние рабочие руки находили себе применение в промышленности и городах

Таким образом, проблема русской деревни была не в количестве земли, а в отсталых приемах и условиях ее обработки. Земли крестьянам в огромном большинстве случаев не хватало для того, чтобы вести архаичное экстенсивное хозяйство, не соответствовавшее ни условиям времени, ни росту численности населения.

Осмывлив этот факт, Кауфман ввел понятия абсолютного и относительного малоземелья. Под первым он понимал наделы, которые «уж совсем не могут дать необходимых средств существования»¹⁵⁸, и это положение, «не может быть устранено никаким иным способом, как расширением крестьянского землевладения»¹⁵⁹.

Под вторым – ситуацию, которая «вытекает из кризиса существующей системы хозяйства и которая само собою устранится» с переходом к более высокому уровню агрикультуры. То есть тут речь идет о неэффективном использовании крестьянами имеющейся земли, и именно с ним ученый в основном и связывал аграрный кризис¹⁶⁰. Так он на понятном кадетам и эсерам языке говорил о необходимости интенсификации.

Я уже писал, что малоземелье, условно говоря, является «проблемой 53-го бензина». Это не история с отсутствием транспортного средства. Это история его неверного использования. Попробуем представить, что в **современный** автомобиль заливается бензин с октановым числом 53, а затем подумаем, насколько быстро на нем можно будет передвигаться. Марка бензина в данном случае – это сумма количества и качества крестьянского труда.

Агрономические знания крестьян оставались на уровне средневековья (современники иногда вспоминали времена Гостомысла), и для их просвещения в России вплоть до 1909 г. делалось очень мало.

Режим средневекового же общинного землепользования с принудительным трехпольем и чересполосицей, не говоря о переделах земли, тормозил введение улучшений.

Кроме того, 30–40% земли в общине ежегодно простаивало под паром (в Европе – 6–8%), и одно только введение многопольных севооборотов могло бы повысить площадь обрабатываемой земли не менее как на 20–25 и даже на 30 млн. дес. – безо всякой ее национализации или «отчуждения за справедливую цену»*.

Эта величина, превышавшая всю сельскохозяйственную площадь тогдашней Германии, была сопоставима с площадью крестьянской аренды – порядка 27 млн. дес.¹⁶¹, т.е. с тем, что планировалось отнять у помещиков в самую первую очередь.

Поэтому магистральный путь выхода России из аграрного кризиса был понятен – переход от общины к частной собственности крестьян на землю, введение многополья и агрономическое просвещение крестьянства.

Да, это было непросто, однако человечество, как мы знаем, уже имело успешный опыт решения этих проблем. И почему мы должны были оказаться хуже других?

А. С. Ермолов по этому поводу заметил, что если Западная Европа, кроме Италии и Испании, приложив к земле знания и капиталы, смогла создать цветущее сельское хозяйство, если тамошние земли, плодородие которых не идет в сравнение с «нашим богатейшим в мире черноземом», дают отличные урожаи, то и нам не стоит отчаиваться: **«Надо только отрешиться от искания новых, неведомых миру путей, отказаться от стремления удивить мир осуществлением нигде не испытанных, на практике неприложимых теорий, примириться с мыслью, что и нам следует идти обычным проторенным нашими западноевропейскими соседями путем, не обольщаясь идеей, что мы какой-то особенный народ, для которого общие экономические законы не писаны...»**

Нужно проникнуться убеждением, что **труд, знание и капитал** такие же мощные двигатели прогресса у нас, как и везде в мире, а земля лишь одно из орудий сельскохозяйственного производства¹⁶².

Увы...

Именно от идеи «особенного народа» отрешиться было труднее всего.

---

* По П. И. Лященко, территория Восточно-Европейской равнины (1875 г.) распределялась следующим образом: Из общей площади 458,8 млн. дес. (5,01 млн кв. км) пашня занимала 98,2 млн. дес. (21,5%), сенокосы – 54,6 млн. дес. (11,9%), леса – 138,6 млн. дес. (30,2%), неудобные земли – 167,4 млн. дес. (36,4%). Под паром находилось около 32 млн. дес., т.е. около 33% пашни.

Уже в 1880-х гг. вполне подтвердились печальные прогнозы относительно экономического будущего общинного земледелия, которые высказывались перед реформой 1861 г. и с которыми во многом были согласны и Самарин, и Гакстгаузен. Просто кризис наступил раньше, чем они предполагали.

Как на это отреагировала народническая часть общественности?

Дилетантской критикой, а нередко и поношением опыта Запада, ритуальными гимнами общине с припевом-причитанием о малоземелье, жутких плащежах и недоимках. О том, что обезземеленное крестьянство в Европе живет куда лучше наших «владеющих землей» общинников, они деликатно умалчивали.

При этом народническая профессура и «вольнопрактикующие экономисты», вроде Воронцова (В. В.), начали, условно говоря, протаскивать верблюда через форточку, т.е. яростно доказывать, что в общине можно ввести агрономические улучшения, что чересполосица – совсем не страшно, а иногда даже и выгодно, что инициатива и предприимчивость «нашему» крестьянину ни к чему – забалуется.

Все это говорилось и печаталось десятилетиями изо дня в день. Но как бы не старались народники доказать, что агрономические улучшения совместимы с общиной, получалось у них плохо. Конечно, были общины, вводившие травосеяние, но исключения есть всегда. И происходило это весьма непросто, как показывает С. Т. Семенов.

Однако общин на российских просторах насчитывалось 150–200 тыс., и 5 тыс., введших травосеяние, о которых говорит Б. Д. Бруцкус, явно не делали погоды.

Что не так с понятием малоземелье –2

Почему трактовка малоземелья в духе НХК не позволяет объяснить жизнь деревни после 1861 г.?

Начнем с того, что абсолютно одинаковые (равноценные) по размерам и плодородию наделы могут приносить своим хозяевам разный доход в зависимости от ряда факторов:

1. От меры усердия и трудолюбия хозяев. Подобно тому, как два водителя на одном и том же автомобиле сплошь и рядом демонстрируют вождение неодинакового качества, так и два хозяина на соседних участках могут и весьма часто будут работать с разной эффективностью.

2. От того, находится ли земля в частной или общинной собственности.

Источники ясно говорят о том, что к своей купленной в собственность земле крестьяне относились принципиально иначе, чем к общинной, и работали на ней несравненно эффективнее.

Вот типичные оценки: «Рельефный пример преимущества участкового (частного) владения перед общинным... представляют выкупленные и выделенные в собственность из общей мирской земли участки отдельных крестьян. При самом поверхностном взгляде на такой участок видна заботливая рука хозяина, пекущегося о своей собственности с первого же года ее получения: лощины и овраги укрепляются и заравниваются, на паровое поле вывозится навоз, самая обработка земли резко отличается от соседней общественной»¹⁶³; «Сравним мелкое крестьянское хозяйство на вечных (частных) и наделных землях. Мы видим повседневно, что на вечной земле хлеб **все-таки** родится, так как она удобряется, она свободна от рытвин, где таковые образуются, – заплетаются плетнем и заброшенной пустопорожней вечной земли нет; вечные луга не изрыты водомоинами, свободны от кочек, расчищаются и оберегаются от свиней. Вообще вечными землями очень дорожат и хозяйство на них ведется более или менее удовлетворительно, в зависимости от уровня культурного развития земледельцев и их сельскохозяйственных познаний. Совсем не то замечается относительно наделных земель...»¹⁶⁴. Этот разительный контраст современник объясняет тем, что в одном случае крестьянин полный собственник земли, а в другом временный пользователь.

3. От того, идет ли речь о чересполосном или о компактном, консолидированном (собранном воедино) участке земли типа хутора или отруба; очевидно, что во втором случае работать гораздо проще и удобнее.

4. От общего уровня культуры населения, в том числе и агрикультуры; – 5 дес. в Германии или Франции кормили хозяев лучше, чем 15–20 дес. в Самарской, к примеру, губернии.

5. От возможности пользоваться кредитом.

6. Результаты хозяйствования сильно зависят от рыночных условий, т.е. от близости удобных путей сообщения, уровня включенности района во все-российский рынок и/или наличия/отсутствия по соседству приемлемых рынков сбыта.

Мы помним, как стимулировали зерновое производство железные дороги, как оживил Донецко-Криворожский бассейн сельское хозяйство Новороссии, сделав из каждого завода и каждой шахты пусть и не всегда большой, но стабильный рынок сбыта.

7. Благосостояние большой части деревни очень зависело от доходов, которые она могла получить от соседних вненаделных земель.

Во-первых, эти земли можно было взять в аренду. Ее выгодность зависела от формы (натуральной или денежной, годичной или многолетней), а также соотношения между ценой аренды и доходностью земли.

Если в данном районе густота населения была небольшой, то аренда была дешевой. Тогда даже при малом наделе крестьяне хозяйствовали успешно,

как, например, дарственники в ряде восточных губерний, жившие не хуже не только крестьян на полном наделе, но даже и государственных крестьян.

Напротив, в Центрально-Черноземном районе, где и до 1861 г. население было стущено и где спрос на землю часто был выше предложения, помещики чрезмерно поднимали цены за аренду.

Во-вторых, источником заработков для крестьян было крупное частное или казенное хозяйство.

Например, податные инспекторы Харьковской губернии сообщали в 1893 г., что в Купянском и Валковском уездах, где у крестьян доходы «почти исключительно земледельческие», налоги лучше платят бывшие государственные крестьяне, получившие большие наделы, нежели бывшие помещицы, и притом не чересполосные.

Однако в других уездах более исправными оказываются владельческие крестьяне, несмотря на худшие наделы, поскольку «нередко они имеют большую возможность арендовать землю в соседних владельческих экономиях или находят в последних заработок (Богодуховский, Волчанский и Харьковский уезды)»¹⁶⁵.

Классическим для России примером позитивного влияния крупного интенсивного хозяйства на благосостояние соседних крестьян является Юго-Западный край, где господствовало высококультурное помещичье хозяйство и были десятки, а затем и сотни сахарных заводов. Крестьяне там были хуже всех обеспечены землей, и тем не менее аграрный кризис их коснулся куда в меньшей степени, чем лучше наделенных землей крестьян районов, лежащих на восток от Днепра.

А вот весьма показательный пример, наглядно демонстрирующий, с одной стороны, значение внеадельной земли для крестьянских доходов, а с другой, сугубый примитивизм традиционного подхода к проблеме землеобеспечения.

За несколько лет до революции 1905 г. А. С. Ермолов еще в ранге министра земледелия побывал в одном очень крупном имении в Саратовской губернии, купленном Крестьянским банком и перепроданном затем по частям местным крестьянам.

Из 42 тыс. дес. общей площади крестьянам досталось свыше 32 тыс. дес., а остальная территория с центральной усадьбой, тонкорунным овцеводством, поливным садом на 60-ти десятинах и лесами стала собственностью Министерства земледелия. Попутно в ходе ликвидации имения было закрыто 12 владельческих хуторов, каждый из которых был почти самостоятельным хозяйством, имевшим богатый живой и мертвый инвентарь, содержавшим большой штат наемных рабочих и дававшим крупные заработки окрестным крестьянам.

Крестьяне эти на двор имели не более 2,75–3 дес., т.е. были малоземельными в прямом смысле слова. После покупки имения их землевладение выросло в несколько раз – до 17–18 дес. на двор (с учетом старых наделов).

«И что же?», – пишет Ермолов, – «Когда я был в имении и говорил с крестьянами, поздравляя их с покупкою... я к удивлению своему, услышал от них лишь новые жалобы на свою судьбу.

«Земли у нас много теперь стало, это точно», говорили они, «однако против прежнего живется нам, почитай, что и хуже. От одной земли богат не будешь, одним хлебом не проживешь, да и всей земли не осилишь (! – М. Д.). Прежде у нас на графских хуторах большие заработки были, и на подати, и на всякую потребу домашнюю деньги добывать можно было – с весны заработки начинались.

А теперь куда пойдешь, – поблизости господских экономий нет, все свои же братья-крестьяне закупили, ближе 40–50 верст и копейки зашибить негде. На своей-то земле, когда еще урожая дождешься, да и не всякий год она, матушка, хорошо родит, а прежде на господских землях заработки были верные, в хороший год больше, в плохой – поменьше, однако, без работы никогда не сидели. Нонче же и на своей земле пуще прежнего горя намыкаешься, а вдаль нам забиваться неохота».

И крестьяне, продолжает Ермолов, конечно, абсолютно правы: в общем они от всей этой операции, «закупившись землею, не только не выиграли, а скорее проиграли. Между тем, когда нынче осенью (1905 г. – М. Д.) волна разрушений пронеслась над Саратовскою губернией, и они последнюю, уцелевшую в руках казны, бывшую графскую усадьбу в лоск разнесли – неужели можно предположить, что и в данном случае малоземелье было тому причиною?»

Еще хуже стало положение крестьян в ряде уездов средней России, где земли через Крестьянский банк купили не местные жители, а переселенцы из других уездов и губерний. Здесь крестьяне потеряли, во-первых, заработки в ликвидированных частных экономиках, а во-вторых, возможность аренды земель, которые раньше они снимали у помещиков и которых новые поселенцы им уже не дадут ни за какую цену.

«Тут и земельного утеснения против прежнего стало больше, и заработки пропали, – уходи в степь на работу, – да и там работы стало меньше с тех пор, как разные косилки, да жатки, да паровые машины в ход пошли, и были уже случаи разгрома молотилок и жаток даже в степях, и многие тысячи народа возвращаются теперь с дальних отхожих промыслов ни с чем, побираясь Христовым именем... Значит, и дома стало хуже, и на стороне не отыграешься»¹⁶⁶.

Эти емкие примеры говорят о многом, и, в частности, показывают упрощенность народнического подхода к проблеме землеобеспечения.

Наконец, крестьяне также могли зарабатывать и активно делали это не только в соседних, но и более отдаленных районах, причем не только сельским хозяйством.

Отхожие промыслы, отход, – огромная часть народной жизни, один из корневых фактов русской экономической действительности, по-прежнему был одним из важнейших источников формирования крестьянского бюджета, причем его значение после 1861 г. закономерно возросло.*

Практически невозможно найти губернию, исключая Прибалтийские, в которой бы отход не играл бы заметной роли в крестьянских занятиях и доходах.

В широком смысле отход – это любой заработок, доступный крестьянину. Вместе с тем его нельзя сводить только к поискам заработка – одновременно это и способ занять себя и разнообразить свою скучную для многих деревенскую жизнь. Для множества крестьян он превратился именно в образ жизни (бурлаки Белорусские), будучи естественным следствием размывания патриархального мира, растущей урбанизации и пр.

О масштабах отхода можно отчасти судить по тому, что Перепись населения 1897 г. зафиксировала 10 млн. чел. не в тех местностях, где они родились. И ясно, что в дальнейшем этот процесс только нарастал.

Настоящая история этой «**бродячей, рабочей Руси**» еще не написана.

Я, к сожалению, лишен возможности остановиться на этой проблеме сколько-нибудь подробно и вынужден ограничиться несколькими общими замечаниями.

Огромную роль играл отход в степь, где не хватало рабочей силы, – в Новороссию, Заволжье (Самарская, Оренбургская, Уфимская губернии) и на Северный Кавказ.

Сельскохозяйственные рабочие двигались на юг и юго-восток из громадного региона, включавшего как северно-черноземные, так и Белорусские и другие нечерноземные губернии.

* В 1858 г. экономист А. И. Бутовский писал: «Многочисленные артели бурлаков, извозчиков, плотников, каменщиков, огородников, штукатурщиков, косарей, вольнаемных работников всякого рода, ежегодно из конца в конец расхаживающие по всем направлениям нашего обширного отечества, суть по большей части затыглые, а также излишние тягловые общинники, не находящие употребления своему труду на родимых полях. Большие фабрики в Московской, Рязанской, Владимирской и других губерниях, содержимых купцами, не имеющими права владеть населенными имениями, преимущественно действуют работниками из сего класса людей.

Расстояния, на которые таким образом расходятся наши поселяне, поистине удивительны: Костромские крестьяне ходят гурьбою косить сено в Ставропольскую губернию и проникают до казачьих линейных станиц; рязанские и тульские мужики уходят в Кронштадт, где работают на верфях и в арсеналах. Так сила вещей преодолевает искусственные преграды, возникающие из человеческих устройств; так назло укрепления главной массы народонаселения, рабочие силы распределяются однако в России, смотря по надобностям промышленности. (Русский Вестник. Т. 16. М., 1858. С. 31–32).

Степной отход, с одной стороны, давал средства к существованию огромной, не находящей дома дела рабочей массе, численность которой иногда оценивали примерно в 5 млн. душ обоего пола, а с другой – превратил южнорусские степи в центр хлебного производства.

Менее известно другое направление отхода, когда в нечерноземные поместья привозили рабочих из Рязанской, Тульской, Тамбовской, Орловской и частью Пензенской губерний¹⁶⁷.

При этом отхожие промыслы не ограничивались только сельским хозяйством. Люди работали там, где могли заработать, исходя из собственных знаний и умений, а также меры осведомленности о том, где нужна рабочая сила.

Так, в Нечерноземье, где отход в отдельных уездах захватывал значительную часть мужского населения, выделяли четыре категории отхода:

1) черный – отход на работы, не требующие квалифицированной рабочей силы (чернорабочие в городах, на железных дорогах, на стройках, ломовые извозчики, дворники и т.п.);

2) фабричный;

3) деревенский ремесленный*;

4) городской ремесленный.

Больше всего людей занималось вторым и третьим видами отхода.

Сельские ремесленники не бросали при этом земледелие, поскольку работали большей частью зимой. Переходя из одной деревни в другую, странствующие портные или валенщики обшивали и обували «целые тысячи крестьянских семей и, исколесив сотни верст, возвращались к началу полевых работ в свою деревню, очень часто удаленную от района приложения их труда на 200 или 300 верст».

Очень часто отход был сознательной переквалификацией, изменением образа жизни. Особую категорию составляли так называемые «питерщики», т.е. рабочие, занимавшиеся ремеслами, востребованными в столицах и крупных городах – плотники, столяры, обойщики, паркетники, маляры, слесаря, кузнецы, бондари, обручники, печники, водопроводчики, мясники, переплетчики, мелкие торговцы, приказчики и т.д.

Отход в город был фактическим уходом человека с земли. Отныне его контакты с деревней ограничивались посылкой денег семье, которая совершенно самостоятельно и независимо от него вела сельское хозяйство, и периодическими приездами на какое-то время, по праздникам и т.д.¹⁶⁸

---

* Плотники, столяры, токари, кузнецы, бондари, стекольщики, коновалы, деревенские портные и сапожники, валенщики, шерстобиты. Люди занимались также тепличным делом, драочным, корзинным, яличным, корьевым промыслами, гонкой смолы и дегтя, жжение угля, пилкой и возкой дров, производством папиросных гильз, плетением сетей и неводов, извоз и пр.

То, что эта ситуация была более или менее типична для всех промышленных губерний подтверждают описания С. Т. Семеновым своих земляков-«москвичей», т.е. односельчан, постоянно живущих в столице и периодически приезжающих в родную деревню на побывку.

Очень важно, что в разных губерниях источники отмечают обратную тягу к земле у крестьян, оседавших на несколько лет в городах или на хороших заработках.

Отмечается «масса примеров, когда так называемые питерщики, скопив на отхожем промысле кое-какой капиталец, возвращались в свою деревню, там покупали землю и заводили свое хозяйство... Приобрести собственную землю, чтобы иметь под старость верное пристанище и обеспеченный кусок хлеба, это заветная мечта каждого живущего на отхожем промысле». Вернувшись домой они прекрасно работают, а их хозяйство, благодаря скопленным на стороне средствам, идет нередко лучше, чем у тех, кто никуда не уходил¹⁶⁹.

Надо сказать, что география отхода была обширной и вполне неожиданной для тех, кто свyksя со школьным образом русского крестьянина, застывшего в полной безысходности на своем жалком клочке земли.

Крестьяне из Калужской губернии жили в Екатеринославе и на Кавказе, уроженца Владимирской губернии можно было встретить в любом сколько-нибудь важном пункте от Лодзи до Порт-Артура, не только на Сормовских заводах, но и в Москве, Петербурге, даже Баку и Сибири¹⁷⁰ и т.д. Иногда в отход шли с семьями¹⁷¹.

В нашей литературе о темных сторонах отхода написано немало грустно и горького – и во многом справедливо.

Отход, особенно южно-степной, сам по себе был рискованным вариантом временного трудоустройства, и, конечно, правы те, кто подчеркивает эту его сторону. Случалось, и расчеты не оправдывались, и многие возвращались ни с чем или с небольшими деньгами; кто-то и пропивал, прогуливал заработанное.

Однако в корне неверно представлять отхожие промыслы чем-то сплошь гнетущим и мрачным, своего рода передвижным казематом Шлиссельбургской крепости, как это делала народническая и советская историография¹⁷².

Конечно, бывало всякое, но отнюдь не только плохое.

Очевидец пишет, что «огромная масса общинников» не может и хочет прикладывать свой труд к земле. «Все лучшее, наиболее развитое и энергичное уже давно стремится покинуть деревню, уже давно идет в отхожие промыслы, ищет заработка на стороне, справедливо считая невыгодным заниматься земледелием на надельной земле...

При существующих в деревне порядках всякий сколько-нибудь энергичный, расширивший свой кругозор, крестьянин уже не в состоянии вести

сельское хозяйство, не в состоянии подчиниться тем порядкам, которые господствуют в общине, и не будучи в силах реагировать на массу, не в силах побороть всю массу неблагоприятных условий, оставляет свой надел и идет в отхожие заработки, которые сулят ему и большую выгоду и большой простор для самостоятельности.

Бежит все талантливое, наиболее сознательное, остаются в деревне элементы наиболее невежественные, наиболее тупые, неспособные к развитию, не умеющие рассчитать своих выгод и потому принужденные в борьбе за существование остаться позади»¹⁷³.

Материалы Особого совещания Витте, опираясь на статистику, говорят, что крестьяне Нечерноземья «легко находят высокий заработок в отхожих промыслах на фабриках или заводах»¹⁷⁴, что масса местного населения идет на отхожие промыслы и из своих заработков в сумме «высылает на родину несколько миллионов рублей»¹⁷⁵.

О том, что отхожие и местные промыслы значительно поддерживают платежеспособность населения сообщает и множество губернских совещаний Центрально-Черноземного района. Например, в Курской губернии в 1902 г., по сведениям податных инспекторов, на заработки ушло порядка 260 тыс. чел. (80% из которых – мужчины), которые заработали свыше 9 млн. руб. Так, среди крестьянского населения Рязанской губернии в большом ходу была поговорка «нас кормит не земля, а Москва»¹⁷⁶.

Постепенно появились и экзотические варианты отхода. Так, в 1893 г. податной инспектор Новозыбковского уезда Черниговской губернии, указывая, что исправное поступление податей зависит от заработков на местных и отхожих промыслах и что большая часть населения уходит зимой в соседние хлебородные губернии для мелкой торговли (коробочниками), для скупки тряпки и щетины, продажи конопляного масла, между делом замечает, что 5–6 уроженцев трех селений «находятся на заработках в Питсбурге, в Северной Америке»¹⁷⁷.

Это были, можно думать, первые ласточки.

В трудах Особого совещания Черниговской губернии в 1903 г. говорится, что из Новозыбковского и отчасти Суражского уездов артели рабочих шли не только на юг России, но и в Варшаву «и за границу (надо думать, в Германию – М. Д.), в последнее время они перешагнули даже за океан, в Америку, где новозыбковцы приобрели себе прочную репутацию прекрасных рабочих, по силе и ловкости не имеющих себе конкурентов».

Интересно, что крестьяне «пробрались в Америку совершенно втихомолку, не только без ведома или содействия наших заграничных агентов и консулов, но тайком вообще от начальства. Долгое время отлучки в Америку хранились между населением в глубочайшем секрете, и лишь случайно один

из земских начальников во время ревизии кассы волостного правления, обратив внимание на получение значительных денежных сумм по переводам чрез заграничные банкирские конторы (! – М. Д.), узнал из расспросов, что эти деньги высылаются рабочими, отправившимися в отхожие промыслы; когда же стал расспрашивать, где они находятся на заработках, то долго не мог уяснить себе ответа: что рабочие находятся в какой-то “Америце”»¹⁷⁸.

Легко вообразить себе эмоции земского начальника...

Этот случай был отнюдь не уникальным. Так, «многие крестьяне, батраки и даже хозяева» из Таращанского уезда Киевской губернии отправлялись на заработки в США, оставляя на несколько лет свои хозяйства и семьи на попечении родственников. Отмечается, что их трудолюбие и аккуратность в работе весьма ценятся на заводах, где они работают, а «врожденная им бережливость и непривычка к роскоши» позволяет им ежегодно присылать семье на содержание 100–150 рублей, а после 4–5-летнего пребывания в Америке привозить домой в среднем 1000–1500 рублей. И здесь мы видим обратную тягу к земле, отмечаемую для «питерщиков» Нечерноземья.

В подобных случаях отход был смелым и энергичным средством за относительно короткое время вырваться из нищеты; возникает естественная аналогия с северными заработками в СССР.

Источники фиксируют важный «антропологический» момент: «Рабочие-крестьяне часто возвращаются изнуренными усиленной работой, но привозят с собою сбережения, обеспечивающие их благосостояние, и привыкают к добросовестному отношению к труду и работодателям, притом приучаются понимать потерю рабочего дня и утверждают, что в Америке, кроме воскресных дней, они праздновали лишь те, в которые не могли найти работы.

В этом они расходятся с земляками, которые охотно уходят с работы в самое страдное время, отговариваясь праздниками, «попраздниками» и базарными днями именно в горячее время, когда уборка хлеба не терпит отлагательства. Свободное передвижение рабочих на отхожие промыслы, хотя бы в Америку, может дать исключительно благоприятные результаты как в нравственном, так и в материальном отношениях»¹⁷⁹.

О том, что крестьяне уезжают за океан, высылают родным деньги, а потом возвращаются, говорят и в Виленской, Ковенской и Гродненской губерниях, где отъезд за океан часто был просто нелегальной эмиграцией, а не просто отходом. Помещики там просто били в колокола, утверждая, что речь идет об угрозе экономике края.

Как мы увидим, данное явление, начавшееся именно как «открытие Америки», со временем становилось все более массовым.

Модернизация была в разгаре, жизнь миллионов людей менялась и, конечно, не умещалась в убогие пределы, очерченные народнической литературой.

Итак, даже то небольшое, что мы узнали сейчас, показывает, что натурально-хозяйственная трактовка слишком упрощает развитие деревни после 1861 г. Концепт малоземелья не объясняет нарастание кризисных явлений в ряде губерний между Днепром и Волгой.

Все, как всегда, было сложнее.

Злоключения урожайной статистики

Статистика хлебных урожаев во всем мире плоха и построена на гипотезах, а у нас она совсем наивно-первобытна.

Д. И. Пихно

Те самые крестьяне, которые ни за что не покажут урожая в 80 пудов с десятины...

Ф. Щербина

Опасливо-недружелюбное отношение населения является одним из серьезнейших затруднений для правильного функционирования статистики.

А. А. Кауфман

До сих пор у негативистов очень популярен такой способ демонстрации убожества Российской империи, как вычисления среднего урожая и среднего потребления хлеба на душу населения и сопоставление его с данными других стран.

Отсюда особая ценность для них урожайной статистики Центрального статистического комитета МВД (далее: ЦСК МВД), источника по определению весьма сомнительного в силу самой методики сбора данных и определения урожайности.

Тут большая и очень интересная проблема.

Я отношусь к тем историкам, которые считают эту статистику недостоверной, занижающей информацию, и достаточно подробно аргументировал свою точку зрения в книге «20 лет до Великой войны»*. Поэтому сейчас я лишь напомню основное с парой свежих примеров.

Полемика вокруг этого источника началась еще в XIX в., и ее до сих пор движут вовсе не интересы науки. Уже с 1870-х гг. из-за политизации аграрной проблематики данные об урожаях перестали быть нейтральной, т.е. справочной статистической информацией.

* Давыдов М. А. 20 лет до Великой войны... С. 48–118.

Заведомо заниженная статистика урожаев – а иной она и не могла быть, поскольку была основана на опросах населения – как будто специально предназначалась для иллюстрации тяжелого положения крестьянства. И, соответственно, она сразу же начала играть важную роль в публицистической борьбе народников с правительством.

Тот же Янсон и его единомышленники стали – вопреки устоявшемуся противоположному мнению – осторожно проводить мысль о том, что урожайная статистика может считаться приемлемой, поскольку-де размеры занижения ею сборов велики не принципиально, никак это, впрочем, не доказывая. Просто рос список людей, которым эта точка зрения была выгодна в пропагандистских целях.

Утверждения о низком уровне урожайности и потребления населения, о вечном «недоедании» и «голодовках», были краеугольным камнем народнической литературы; в тех же целях ее использовала и советская историография.

Кто не видел низких душевых показателей потребления хлеба в России, сравниваемых с аналогичными данными стран Запада, из чего следует, что Империя была страной дистрофиков, а вовсе не мировой державой?

Однако по порядку.

Мы не очень задумываемся над тем, насколько сама по себе сложна и масштабна задача – наладить сбор полноценной урожайной статистики, причем не в Бельгии, например, которая вся умещалась на территории одного Новоузенского уезда Самарской губернии, а в самой большой стране в мире с неграмотным в массе населением! Не зря Кауфман называл ее «едва ли не труднейшей из отраслей» статистики.

На бумаге это кажется несложным – мы должны знать площадь посева, количество посеянного и собранного зерна. Тогда вычтя из валового сбора семена и разделив полученную величину на площадь, мы получим урожайность.

В жизни все несравненно труднее.

Вопрос в том, какова засеянная площадь, кто производит подсчеты необходимых величин и каким образом.

После 1861 г. площадь пашни в России (без пара) оценивается не менее, чем в 60 млн. дес., т.е. 655, 5 тыс. кв. км – это больше Пиренейского полуострова на Хорватию. А если считать 80 млн. дес. – 874 тыс. кв. км – это почти Пиренеи плюс Италия.

В идеале мы должны измерить валовые сборы и урожайность на всех полях, расположенных на этом огромном пространстве, т.е. в каждом селении и в каждом поместье. Селений более 500 тысяч, поместий несколько десятков тысяч. При этом точная площадь полей была известна далеко не всегда. Кауф-

ман пишет, что «в большей части великорусской трехпольной области – крестьяне не знают меры площадей».

Считается, что корректно вычислить объем урожая можно, проведя так называемый пробный умолот, – т.е. подсчет количества зерна, полученного после обмолота хлеба, собранного с определенного небольшого участка данного поля, минус семена. Затем полученные показатели умножаются на всю засеянную площадь.

Но какова эта площадь? На всем ли ее протяжении хлеба выросли одинаково? Ведь качество почвы и рельеф местности далеко не всегда однообразны – иначе откуда бы взялась чересполосице?

Представим площадь пашни селения хотя бы в 500 дес. (5,5 кв. км).

Можно ли считать, что один умолот на этом пространстве дает более или менее точную картину? Конечно, нет.

Мы должны произвести как можно больше пробных умолотов.

Но сколько их должно быть для получения точной картины? Понятно, что чем больше, тем лучше, но сколько именно? И кто будет этим заниматься? И кто заинтересован в такой точности?

Но это 500 дес. А в стране таких десятин 60 миллионов.

Аналогичные трудности испытывали статистики во всех странах, хотя в Европе территория была меньше, а уровень культуры населения выше.

Точных данных об урожаях нет и сейчас, хотя понятно, насколько за 150 лет усовершенствовались методы учета. Так, известно, что в США 1950-х гг. данные двух главных центров сельскохозяйственной статистики «отличались друг от друга по уборочной площади основных культур от +0,6 до –24,6%, по производству – от +6,0 до –13,4%»¹⁸⁰.

Думаю, порядок проблем понятен.

Фактически у русских статистиков не было другого способа определения урожайности, кроме корреспондентского, т.е. основанного на том или ином другом варианте опроса населения. На нем была основана вся официальная статистика урожаяев – Центрального Статистического комитета МВД (далее: ЦСК МВД), которая считается наиболее достоверной, Министерства сельского хозяйства и земская.

ЦСК МВД в итоге пришел к такому решению. В каждое волостное правление он отправлял 12 бланков, из которых шесть передавались для заполнения помещикам, а шесть – заполнялись данными о посевной площади и урожаях каждого из хлебов в шести конкретных крестьянских хозяйствах с большими, средними и малыми наделами. Затем выводилась средние показатели посевов и сборов каждого из хлебов по волостям. Сумма волостей давала показатели уезда и т.д.*

* Статистик Осипов отмечает, что ЦСК сейчас «с величайшей поспешностью и с таким же количеством ошибок» выпускает ежегодно два издания с урожайной статистикой. Для

При этом проверять показания волостных писарей, как правило, было некому. Не случайно на доставляемой ими статистике неангажированные современники оттачивали свое остроумие.

И поэтому не случайно, у этих современников был глубокий и оправданный скепсис по поводу «нашей первобытной и не претендующей ни на какую точность статистики урожаев»¹⁸¹.

Кауфман, всю жизнь занимавшийся этими проблемами, свое описание трудностей, возникающих при определении урожайности заканчивает так: «В конце концов приходится сказать себе, что все вообще данные об урожаях, получаемые какими бы то ни было способами, являются не точными цифрами, а лишь более или менее грубыми приближениями»¹⁸².

Итак, получение достоверных сведений об урожаях – задача технически крайне сложная, а по мнению ряда статистиков, просто невыполнимая.

Однако в России, помимо организационных проблем, с урожайной статистикой были связаны и проблемы ментальные.

Замечу, что для большинства современников недостоверность урожайной статистики, в том числе и ЦСК МВД, была такой же *банальностью*, как для советских людей – приписки в этой советской жизни вообще и в колхозах, в частности, только с обратным знаком. В колхозах показатели завышались, а до революции урожаи, численность поголовья скота и т.д. занижались – из «податных опасений», т.е. боязни увеличения налогов.

Говоря о том, что статистику урожаев приходится основывать на информации крестьян, Кауфман отмечает, что «в этой области показания являются особенно ненадежным источником и открывают простор для особенно сильных, вольных и невольных, уклонений от действительности: в показаниях об урожае... слишком сильную роль играет субъективный момент; с исключительной силой выступают в этой области мотивы, могущие побуждать заинтересованных лиц преуменьшать действительность»¹⁸³. Кроме того, в этой сфере «особенно легко и просто» придать неверным сведениям относительно правдоподобную форму, а обычные приемы контроля работают плохо.

большой оперативности он «получает все сведения о посевах и урожаях непосредственно от волостных правлений и чинов уездной полиции. **Сколько в этих листочках пишется вздору – это хорошо известно** не только ЦСК, не только лицам, занимающимся сельскохозяйственной статистикой, но всем землевладельцам, всем станovým, всем волостным писарям». Информация об урожае озимых поступает в ЦСК к 15 сентября, а об урожае яровых – к 15 октября. Но к этому времени «получается лишь сырой и непроверенный материал; худо ли, хорошо ли, но ЦСК делает этому материалу некоторую проверку в том хотя бы направлении, чтобы исключить из подсчета **сведения явно вздорные или прямо нелепые**, на что, конечно, уходит немало труда и времени». После этого ЦСК проводит огромную работу по перемножению площадей на урожаи и по суммированию этих произведений по волостям и уездам». (Осинов Н. К вопросу о статистике урожаев СПб., 1901. С. 71, 67, 69–70).

Н. Осипов писал: «Регистрация (сведений об урожаях – М. Д.) в глазах населения долгое время, если не навсегда, сохранит **фискальный характер**; да и в действительности она, без сомнения, имеет таковой оттенок, так как, в конце концов, главнейшая ее цель – по крайней мере в России – заключается или в определении податной силы населения... или в выяснении продовольственных потребностей. Далее, какие бы формы ни были придуманы для регистрации... все-таки регистрация эта будет вторжением в частнохозяйственную жизнь населения, которое равно неприятно как для регистраторов, так и для населения; и это последнее всегда будет относиться к ним, по меньшей мере, недружелюбно»¹⁸⁴.

Статистик и публицист С. М. Блеклов пишет, что вопрос об урожайности вызывал «невольные и вольные уклонения. Это было потому, что везде, где является необходимость в цифре, крестьяне, как и следовало ожидать, затрудняются в ответе; и потому, что было боязно, “как бы наша деревня не показалась богаче других”. Если и частные владельцы иногда дают такие скромные цифры при определении производительности своих земель, что, пожалуй, могут вызвать жалость к их тяжкому положению, то такая же скромность вполне понятна и в крестьянах.

В Z-ской губернии сведения об урожайности приурочивались к десятине; мы спрашивали, сколько коп дала десятина такого-то посева и сколько мер намолачивалось с копы.

В N-ской, где счет на десятины редко встречается, такого вопроса нельзя было предлагать; там мы определяли урожай “сам-сколько”. Это способ, как известно, далеко не дает такой ясно и определенной картины урожайности, как предыдущий, ибо на величину чистого урожая оказывает влияние разница в густоте посева, и местности с одинаковым “сам-столько-то” могут быть на самом деле весьма неодинаковы по высоте урожая на десятину. Иногда в одном и том же уезде встречаются значительные различия в густоте посева по местностям»¹⁸⁵.

Большой проблемой было вычисление «среднего или еще нормального» урожая. «Когда мы спрашивали о разных степенях урожая, о том, каков урожай посредственного качества, крестьяне большею частью отвечали колеблясь, нерешительно, поправляя друг друга», причем явно ощущалось стремление «дать возможно скромную цифру»¹⁸⁶.

Потом требовалось еще спросить об урожаях на разных почвах. При этом, если количество ржи, высеваемой на душу во всех дворах было почти одинаковым, то иначе было с овсом, ячменем и другими культурами – тут все зависело от личных предпочтений.

Конечно, подобная информация девальвирует данные ЦСК МВД с их мифической якобы точностью.

Но проблема не ограничивалась урожаями. Множество источников, характеризующих разные сферы жизни народа после 1861 г., однозначно рисуют *повсеместное нежелание* людей сообщать представителям власти (или тем, кого они принимают за таковых) *любую* правдивую информацию о своем материальном положении, если эта информация может быть расценена как свидетельство их (людей) определенного достатка.

С. М. Блеклов говорит, что статистикам приходилось встречать «совсем нелюбезный прием или же упорное недоверие» и у представителей «наиболее просвещенных местных сословий», в том числе у духовенства. Даже в этой среде не всегда получалось встретить сочувствие в своему делу или же убедить, что земская статистика «не ловушка» и не пустяк.

«Неудивительно поэтому, что и крестьяне при приезде статистиков весьма часто прежде всего соображали, не к карману ли их относится этот экстраординарный визит. А это обуславливало недоверчивое отношение к собиранию сведений.

Чем более глуха данная местность, тем чаще можно было встретить в ней недоверие к заезжим гостям. У нас есть такие дикие углы, население которых представляет поражающую пучину невежества. В таких пропастных местах приезде посторонних приписываются иногда совсем душепогубительные цели.

Мне пришлось читать, что в каком-то глухом уезде одной из поволжских губерний статистика возвели в совсем неожиданный ранг, а именно он сочтен был за самого князя тьмы, перепись же ознаменовывала приближение страшного суда. Бедный статистик спокойно вел свое дело и не подозревал о своем высоком чине; только какая-то случайность открыла ему, какими глазами смотрят на него крестьяне. А сочли его за антихриста из-за того, что он переписывал, не скидая почему-то черных перчаток, и таким образом, скрывал, по мнению крестьян, свои адские когти»¹⁸⁷. Конечно, такой полет фантазии был не везде, но момент показательный. Блеклов отмечает, в частности, нежелание крестьян говорить о своих промыслах¹⁸⁸.

Можно уверенно констатировать, что значительная, как минимум, часть населения страны воспринимала разного рода опросы, анкеты, обследования* и т.п. в контексте угрозы возможного повышения платежей, и уже в силу этого стремилась так или иначе преуменьшить размеры своего благосостояния, в какой бы форме оно не фиксировалось.

Стремление «прибедняться», «бить на жалость», естественно вытекавшее из нашей крепостнической истории, было свойственно множеству простых людей и в деревне, и в городе.

* Они по-прежнему ассоциировались у населения с переписями-ревизиями времен крепостного права, т.е. с податями, и нередко вызывали весьма неадекватную реакцию.

Речь идет не только о волостных писарях, из «податных опасений» уменьшавших «на всякий случай» величину урожая, но и о переселенцах в Сибирь и столыпинских хуторянах, которые в расчете на правительственное пособие (или его повышение) занижали при опросах свой достаток, о белошвейках, которые при проведении переписи 1897 г. не хотели, чтобы были зафиксированы их дополнительные заработки (не дай Бог, запишут в цех!), о крестьянах, из которых одни боялись вкладывать свои деньги в соседние кредитные кооперативы, а везли их подальше, чтобы никто не знал о том, сколько у них денег, а другие не брали сельхозтехнику на земских прокатных станциях из страха, что за это введут новый налог и т.д.¹⁸⁹ Так, агрономы Землеустроительной комиссии Донской области, хотевшие провести обследование крестьянских хозяйств, чтобы выработать адекватную программу агрономической помощи, судя по тексту, встретили у крестьян, говоря деликатно, не весьма дипломатичный прием.

Показательны в этом плане колоритные примеры известного земского статистика Ф. Щербины, который говорил, что если поставить крестьянину общий вопрос о качестве почвы и урожайности, то в ответ «вы услышите, что в данном обществе у крестьян собственно и почвы нет... а урожаи бывают так низки, что крестьяне ежегодно не собирают даже семян»¹⁹⁰. А если спросить крестьян, какую роль у них играет, допустим, рыболовство или какого-нибудь иной промысел, то чаще всего ответ будет примерно такой: «Так только, время проводим», или: «какой у нас промысел, – разве в воскресенье на пирог рыбы наловишь»¹⁹¹. Вывести крестьян на откровенность, говорит опытный Щербина, было совсем непросто.

Крестьяне не доверяли статистике во всех ее видах, и она точно не воспринималась крестьянами как нечто, призванное облегчить им жизнь.

Примерам этому несть числа. Ниже мы познакомимся с журналистом Н. Карабановым, проводившим в 1909–1910 гг. обследование украинских переселенцев-хуторян в Калужской губернии. Он пишет, что в его «опросном листе было два щекотливых вопроса: “сколько денег привез с собой” и “сколько намолотил пудов”.

Дело в том, что переселенцы не хотели верить мне, что я – сотрудник газеты, и на все мои заверения только лукаво улыбались себе в усы. “Говори, мол, сколько хочешь, а нас не надуешь”. **Они ждали получить пособие от правительства, жаловались мне на задержку, просили выхлопотать прибавку и старались изо всех сил казаться беднее».**

В один из первых же дней Карабанов осмотрел несколько хуторов и, в частности, одного богатого садовника, привезшего с собой около 4 тыс. руб. Во время обследования, он отсутствовал, и эту информацию автору сообщила его жена. На следующий день, «он почтительно подошел ко мне и стал выра-

жать сожаление, что накануне его не было дома, что мне дали там неверные сведения.

Я уже хотел было вынуть свежую карточку, чтобы вновь занести правильные данные. Но в дальнейшем оказалось, что он боялся того, что дома указали на знание им садоводства. «Какой же я садовник? Я не учился нигде. Все это жинка выдумала», – плакался он.

Я указал ему, что и соседи его подтвердили это, и помещик хвалил его как садовника, что, наконец, это не играет существенной роли. Объяснил ему, что я – сотрудник газеты. Тогда он, видя, что я отказываюсь поверить ему, начал просить меня, чтобы я не помещал его профессии в своем отчете, – «а то не выдадут пособия».

Карабанову пришлось уверять человека, что знание какого-либо ремесла не мешает ему получить 150 рублей от правительства. Только тогда он немного успокоился, однако «остался при своем мнении, что лучше этого бы не помещать».

На другом хуторе также отсутствовавший «чоловик», узнав об опросе, разыскал автора и «начал уверять, что я так смутил его “жинку”, что она перепутала и наговорила мне Бог весть чего.

Случалось и так, что мне отвечали на вопрос об урожае одно, а при осмотре и проверке оказывалось совершенно другое.

Однажды выяснилось это таким образом. Малоросс после опроса просил меня снять его с семейством. Было уже темно, я отказался и обещал зайти на другой день. Только после того, как я снял его, он сознался, что накануне он уменьшил мне количество и качество урожая, приняв меня за чиновника. Повел меня в хату, показал зерно. Оно было действовал прекрасное – чистое, крупное, тяжелое.

Был и еще один способ узнать правду – за чаркой горелки, но часто мне некогда было терять времени и приходилось ограничиваться перекрестным допросом переселенцев»¹⁹².

Итак, крестьяне в принципе не желали распространяться о своем до- статке.

Однако в случае урожайной статистики эти имманентные тенденции перешли в иное качество. Начиная с голода 1891 г., в невиданных прежде масштабах развернулась правительственная продовольственная помощь (170 млн. руб. в 1891–1892 гг., около 8% имперского бюджета за эти годы), которая с 1892–1894 гг. стала сопровождаться списанием многих десятков (в сумме – сотен) миллионов рублей долгов.

Это быстро и радикально изменило ситуацию с продовольственной помощью – **у крестьян появился мощный дополнительный стимул занижать размеры урожаев.** Данный феномен более чем убедительно подтверждается многочисленными, в том числе и архивными документами¹⁹³.

Податные инспекторы разных губерний, а также правительственные ревизоры раскрывают детали этого процесса, солидарно констатируя серьезный рост социального иждивенчества населения. Характерно при этом, что «податные опасения» у крестьян отнюдь не исчезли, напротив, в их сознании они весьма органично соединились с этим иждивенчеством.

С. И. Шидловский вспоминает, что в его районе Воронежской губернии вопрос о продовольственных ссудах впервые возник в 1891 г.

Соседним крестьянам, спросившим у него совета, брать ли ссуду, он рекомендовал не делать этого, поскольку они сами посчитали, что могут обойтись без нее. Больше они к нему не обращались. По их мнению, он «своим советом не брать ссуды принес им большие убытки, (потому) что соседняя деревня, находившаяся в таком же продовольственном положении, как и они, все-таки ссуду взяла и потом эту ссуду ей простили, а они никакой ссуды не брали и им ничего не простили, что для них убыточно»¹⁹⁴.

Через несколько лет в их местности в связи с возможным неурожаем провели предварительную опись наличных продовольственных хлебов – ржи, пшеницы, гречи и овса. «Увидев это, одна деревня... на следующий год не посеяла ни одной борозды продовольственных хлебов, а всю назначенную под них землю засеяла подсолнухом, растением гораздо более выгодным, в твердой уверенности, что недостаток продовольственных хлебов будет ей восполнен казною, что на самом деле и осуществилось».

Крестьяне прекрасно поняли, какие выгоды можно извлечь из существовавшей постановки продовольственного дела.. В итоге, пишет Шидловский, **«расчет на пособие и ссуды вошел во многих местностях в нормальный крестьянский бюджет»**¹⁹⁵.

Вопрос – можно ли было в таких условиях рассчитывать на предоставление достоверной информации о величине урожаев?

Конечно, нет.

Вышесказанное делает попросту несостоятельными вековые манипуляции негативистов с урожайной статистикой и опирающиеся на нее рассуждения о крестьянстве, в течение полувека (!) якобы «балансирувавшем на грани голода».

Вместе с тем, поскольку вектор искажения информации ясен, мы, разумеется, можем использовать статистику ЦСК МВД – за неимением другой, более совершенной. Надо лишь понимать, что в действительности ситуация с урожайностью в России конца XIX – начала XX вв. была лучше, чем показывает ЦСК. Ряд историков вводит увеличивающие поправки к его данным.

Был ли «голодным» экспорт хлеба?

НХК родила и другое мифологическое построение негативистов – голодный экспорт хлеба*, т.е. идею, что хлеб из России вывозится в ущерб питанию ее жителей. Здесь этот подход распространяется на масштабы всероссийского и даже международного рынка. Россия не должна торговать!

В стране с рыночной экономикой, какой была Российская империя, оборот «голодный экспорт», вообще говоря, может существовать только как эмоциональная реплика в обыденном бытовом разговоре, в таком приблизительно контексте – «у нас люди голодают, а они хлеб вывозят».

В большой мере распространение оборота «голодный экспорт» и было спровоцировано ситуацией голода 1891 г., когда министр финансов Вышнеградский, недооценив информацию о грядущем бедствии, затянул с принятием защитных мероприятий, а в итоге под натиском общественного мнения запретил экспорт хлеба вообще, что имело весьма негативные последствия для нашей страны.

Именно в этом контексте его сакраментальная фраза «Сами недоедим, а вывезем» из неудачной шутки умного человека превратилась в одно из сакральных доказательств бесчеловечной сущности царизма, – негативисты без него не могут обойтись уже свыше ста лет.

Однако с точки зрения элементарного здравого смысла идея «голодного экспорта» – нелепость. Этот провокативный оборот подразумевает некий, пусть и не всемирный, но заговор против здоровья российского крестьянства. Если довести эту идею до логического конца – или абсурда, что в данном случае совершенно одно и то же, – то выходит, что одной из приоритетных задач правительства Империи было максимальное ухудшение положения собственного народа. Для этого оно, в числе других средств, использовало и экспорт хлеба. При этом вывоз хлеба становится чуть ли не единственной причиной недоедания крестьян.

С точки зрения политической экономии «голодный экспорт» – полная бессмыслица.

В рыночной экономике экспорт – часть процесса обмена, часть торговли, течение которой определяется соотношением спроса и предложения – и только.

Товар идет туда, куда его притягивает цена. Если произведенная продукция не может быть реализована в своей стране, поскольку внутренний рынок уже насыщен ею, то она продается за границей. Это элементарно.

---

* Подробный анализ этой проблематики см. *Давыдов М. А.* Всероссийский рынок... Издание второе дополненное. С. 152–310; 813–887. *Давыдов М. А.* «20 лет до Великой войны»... С. 97–117.

Поскольку продавцу важно достичь наилучшей цены, ему безразлично, куда будет отправлен его хлеб, в Кострому или в Палермо, это «решает» рынок. Продавец часто и не знает этого – он продает свою продукцию и получает живые деньги.

В конце XIX – начале XX вв. за оборотом «голодный экспорт» стояла та мысль, что из-за «непосильных податей» крестьяне вынуждены продавать свой хлеб на рынке в ущерб собственному питанию.

Это возможно, если, во-первых, в стране существовала очень жесткая система взимания налогов, во-вторых, если эти платежи государству занимали основное место в крестьянских расходах, и, в-третьих, если вывоз хлеба играл все возрастающую роль в хлебном хозяйстве стране.

В 2016 г. на все три вопроса я дал отрицательный ответ.

ЭКСПОРТ ХЛЕБОВ ИЗ РОССИИ ПО ПЯТИЛЕТИЯМ (ТЫС. ПУД.)

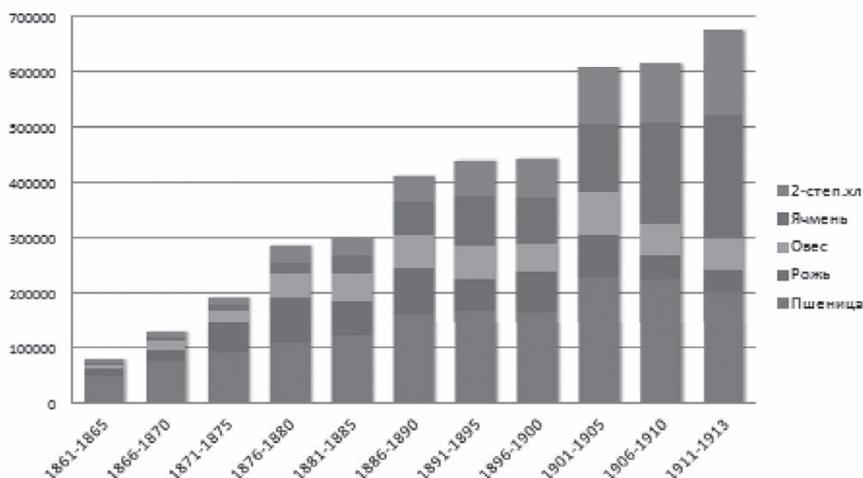

Диаграмма 4

О динамике хлебного экспорта и эволюции его структуры можно судить по диаграммам 1–2.

Вплоть до предвоенного пятилетия пшеница с большим отрывом лидировала среди экспортных культур. Вывоз ее по абсолютной величине возрастал, но доля в хлебном экспорте постепенно падала: с 42% в 1889–1893 гг. до 29–31% в 1911–1913 годах.

Экспорт ячменя стабильно возрастал по обоим показателям, и к началу Первой Мировой войны он стал главной экспортной культурой.

Вывоз ржи после подъема в 1880-х гг. устойчиво снижался и в абсолютном, и в относительном выражении – с 16,9% в 1899–1903 гг. до 5,5% в 1909–1913 гг.

Средний вывоз овса по пятилетиям растет, но экспорт его наименее стабилен и имеет тенденцию к снижению.

Экспорт второстепенных хлебов, большую часть которых составляли кукуруза, отруби и жмыхи, увеличивался как в количественном, так и в относительном выражении. В отдельные годы он превышал 20%.

Структура хлебного экспорта

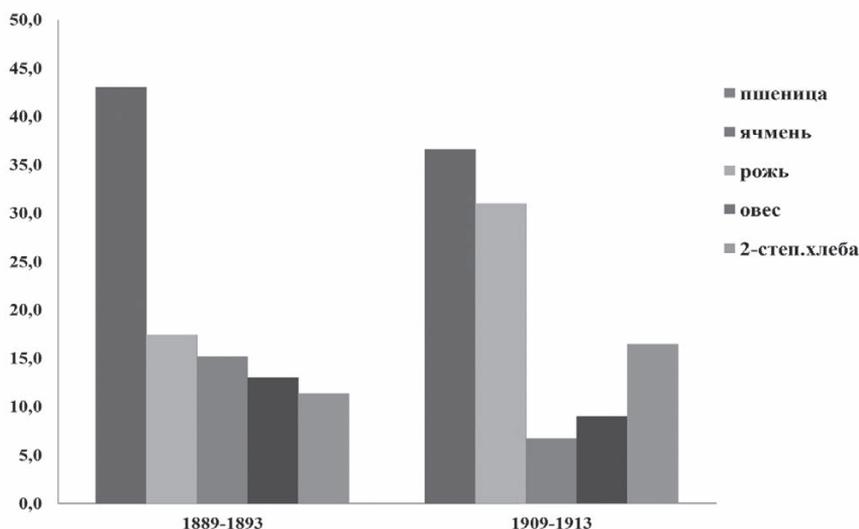

Диаграмма 5

Сопоставление статистики урожаев и экспорта главных хлебов* показывает, что урожаи в конце XIX – начале XX вв. продолжали расти, но доля вывоза в урожае всех главных хлебов, за исключением ячменя, уменьшалась, причем иногда и в абсолютном выражении**.

При этом в 1894–1913 гг. экспорт ржи ежегодно уменьшался в среднем на 2742 тыс. пуд., а экспорт овса – на 193 тыс. пуд. В контексте темы «Голодный экспорт хлеба из России» отрицательные тренды вывоза главных крестьянских хлебов – ржи и овса – выглядят, полагаю, достаточно пикантно.

* Ржи, овса, пшеницы и ячменя.

** Реально же процент экспортируемого из страны хлеба был еще ниже – во-первых, потому что урожаи были выше, чем показывает статистика ЦСК МВД, а, во-вторых, из-за того, что мы не учитываем сборы в Азиатской России; то есть вывоз хлеба из Томской, например, губернии зафиксирован, а урожаи в ней – нет.

Мое исследование показало, что в конце XIX – начале XX вв. экспорт хлеба из России возрастал главным образом за счет лишь восьми губерний степной полосы – Екатеринославской, Херсонской, Таврической, Ставропольской, Самарской и Саратовской губерний, а также Донской и Кубанской областей.

Проведенный недавно анализ поставок хлеба в порты Черного и Азовского морей усилил этот вывод, показав огромную роль речных, каботажных и гужевых перевозок в эти порты из Новороссии и Предкавказья¹⁹⁶.

Производство пшеницы и кормового ячменя на Юге страны в конце XIX – начале XX вв. наращивалось примерно так же, как добыча энергоресурсов в наши дни. Там же производилась и основная доля экспортной ржи.

Однако в масштабах зернового хозяйства Империи вывоз хлеба в конце XIX – начале XX вв. играл, в сущности, сугубо вспомогательную роль. За 20-летие было вывезено лишь 15,0% всех собранных главных хлебов, а суммарный среднегодовой прирост экспорта главных хлебов составлял лишь 11,1% суммарного же прироста заниженных урожаев, и то лишь за счет ячменя.

Русское сельское хозяйство определенно не «работало на Запад».

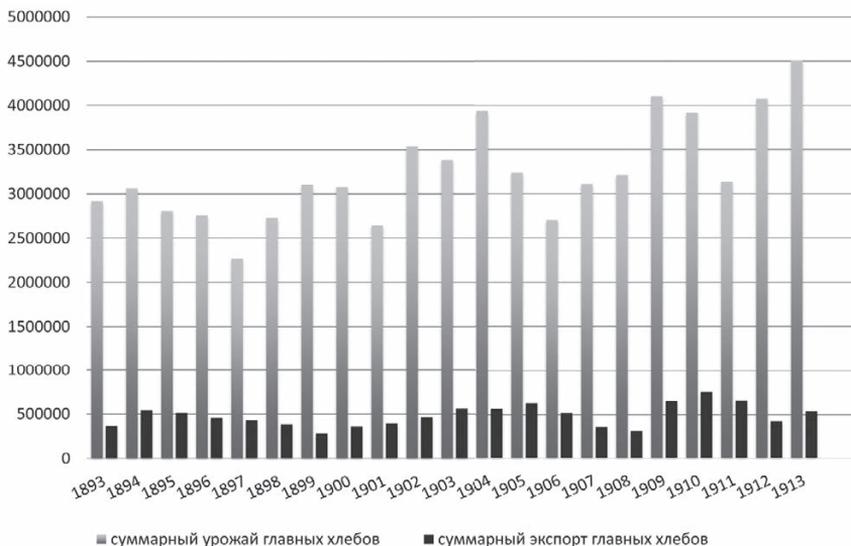

Диаграмма б. Суммарный урожай и экспорт главных хлебов в 1894–1913 гг. (тыс. пуд.).

Итак, тезис о «голодном экспорте», точнее о негативном воздействии экспорта хлеба на питание крестьян не находит подтверждения в статистике производства, вывоза и перевозки хлебных грузов, а также других источни-

ках. Преобладающую, и притом перманентно возрастающую роль в торговле хлебом играл внутренний рынок, что абсолютно естественно вытекает из законов рыночной экономики.

Однако эта идея оказалась весьма удобной пиар-находкой из разряда – «чем нелепее, тем лучше», и успешно эксплуатируется свыше ста лет, поскольку в течение этого периода потребность в негативном имидже имперской России была высока.

А теперь коротко напомним, что произошло после 1917 г., нерыночная экономика стала реальностью.

Надо сказать, что наша история дает воистину страшные примеры материализации лживых мыслей и слов.

Настоящий голодный экспорт был тогда, когда Сталин ограбил крестьянство в коллективизацию так, как никаким татаро-монголам вкупе с крепостническим государством не снилось, и вывез изъятый хлеб за границу, чтобы купить заводы, заплатить Альберту Кану и др., уморив голодом миллионы людей. А до этого, напомним, во время Гражданской войны была своего рода репетиция коллективизации – продовольственная диктатура, комбеды и продразверстка, когда хлеб также реквизировали «за бесплатно», обрекая людей на голодную смерть. Ленин звучно именовал это «непосредственным переходом к коммунистическому производству и распределению». И уже в 1922/23 г. хлеб начали вывозить.

В несколько меньшем масштабе ситуация повторилась в 1946–1947 гг., когда «государство рабочих и крестьян» сознательно пошло на голод, накапливая запасы для отмены продовольственных карточек и предстоящей денежной реформы 1947 года. При этом из «соображений престижа» оно не только отказалось от международной гуманитарной помощи, но и вывезло 2,5 млн. тонн зерна в страны Восточной Европы

Мифологический характер тезиса о «голодном экспорте» весьма наглядно выступает при сопоставлении стоимости хлебного экспорта и величины питейного дохода. Диаграмма 4 заставляет, как мне кажется, задуматься о многом в наших знаниях и представлениях о своей истории.

На графике питейный доход сравнивается с суммарной стоимостью экспорта всех хлебных грузов. При этом я не учитывал ввоз спиртного из-за границы.

Негативисты более ста лет уверяют читателей, что из-за вывоза хлеба, который был главной статьей имперского экспорта, народ вынужден был голодать. Действительно, за предвоенное 20-летие 1894–1913 гг. Россия выручила от продажи всех хлебных грузов 10 361,7 млн. руб., – это три годовых бюджета России в 1913 г., это огромные деньги!

Однако за те же 20 лет питейный доход казны составил 11 756,7 млн. руб. То есть, голодающий, по мнению пессимистов, народ выпил водки на сумму,

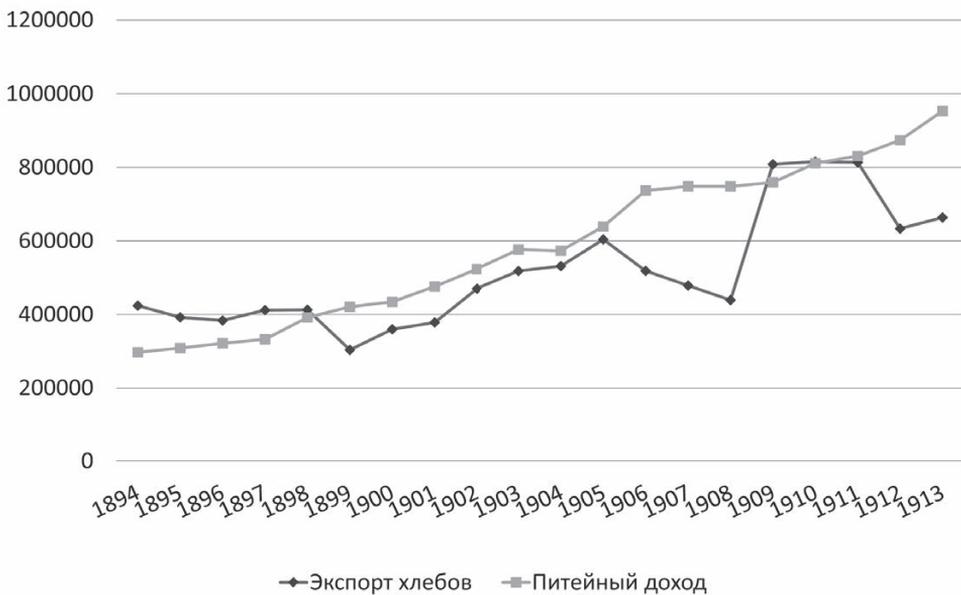

Диаграмма 7. Сопоставление стоимости хлебного экспорта и питейного дохода в 1894-1913 гг. (тыс. руб.)

превышающую стоимость вывезенного за счет его голодного желудка хлеба на 13,5%. Среднегодовая цена хлебного экспорта составила соответственно 518,1 млн. руб., а питейного дохода – 588,3 млн. руб.

При этом средний ежегодный прирост стоимости вывезенных хлебов равнялся 20,9 млн. руб., а питейного дохода – 35,1 млн. руб., т.е. в 1,7 раза больше.

Эта информация дополняет диаграмму 4, показывающую, что оба процесса развивались схожим образом – по нарастающей, однако потребление водки росло энергичнее.

Если положение, при котором стоимость выпитой населением водки составляет не 10 и не 20% экспорта хлеба %, а свыше 80–90%, а затем свыше 10 лет намного ее превосходит, может именоваться «голодным экспортом», тогда в толковых словарях русского языка что-то нужно исправлять.

Как можно видеть, в 1913 г. питейный доход достиг астрономической цифры в 952,8 млн. руб., т.е. был лишь на 16 млн. руб. (примерно 1,5%) меньше суммарного бюджета министерств военного, морского и народного просвещения, притом что бюджет страны в 1913 г. составлял порядка 3,4 млрд. руб. Замечу, что «Большая флотская программа», которая должна была вернуть России статус морской державы, стоила 430 млн. руб.

Напомню также, что по потреблению алкоголя Россия при этом отнюдь не находилась в числе мировых лидеров.

Я, разумеется, не буду сейчас обсуждать феномен удовлетворения человеческих потребностей, столь же сложный, сколь и интересный для понимания любой исторической эпохи.

Однако приведенная информация, полагаю, сама по себе показывает, что более чем вековые народническо-марксистские причитания о несчастной доле жителей Империи и прежде всего крестьян стоят недорого. Во всяком случае, куда дешевле экспорта картофельной муки.

Переделы, недоимки и продовольственная помощь

Обратимся к **проблеме недоимок**, давно мифологизированной негативистской историографией.

Непрерывный рост задолженности деревни после 1861 г., а также ее неспособность противостоять участвовавшим неурожаям всегда фигурируют среди главных доказательств ухудшения положения крестьян.

Диаграмма 8. Доля недоимок к окладу всех казенных сборов со всех сельских сословий (%).

Для объяснения и того, и другого у народников была «универсальная отмычка» – малоземелье и «непомерные» платежи.

Однако статистика говорит, что эти построения абсолютно несостоятельны.

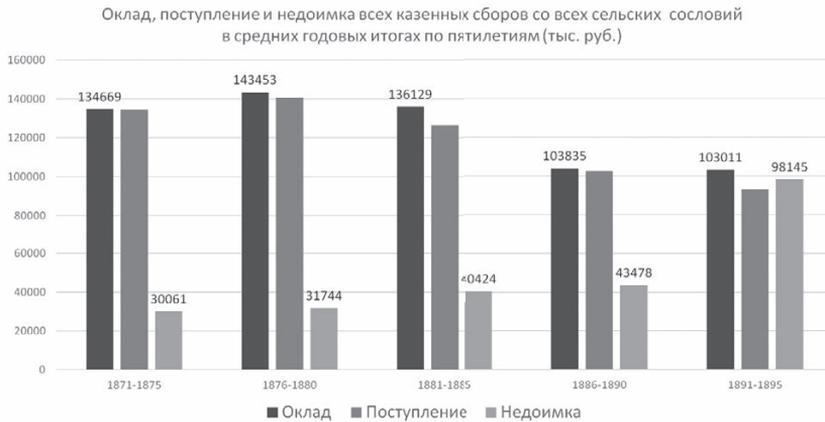

Диаграмма 9. Среднегодовые оклад, поступление и недоимка всех казенных сборов со всех сельских сословий по пятилетиям за 1871–1895 гг.

У нас есть очень серьезные аргументы – погубернская статистика, во-первых, недоимок, во-вторых, получения продовольственной помощи, и в-третьих, земельных переделов.

Их сопоставление показывает принципиально важную вещь – подавляющую часть как недоимок, так и правительственных ассигнований пострадавшим от неурожая сосредоточили одни и те же губернии Европейской России, в которых переделы земли шли наиболее интенсивно.

Таблица 1 показывает, что на 18 губерний (в массе черноземных) с задолженностью свыше 1 млн. руб. приходится 93,9% всей суммы недоимок по окладным сборам и 95,1% по выкупным платежам 50-ти губерний Европейской России. Следовательно, остальные 32 губернии вполне справлялись с несением «непосильного» податного бремени, что важно само по себе.

Таблица 1. Губернии-лидеры по сумме недоимок в 1897 г. (тыс. руб.)

Губернии	Недоимки	Доля общин без переделов (%)	Губернии	Недоимки	Доля общин без переделов (%)
Казанская	12911	24,4	Саратовская	4619	24,4
Самарская	10728	34,1	Симбирская	4092	47,6
Воронежская	9064	33,8	Оренбургская	3904	46,7
Нижегородская	8214	23,8	Пермская	3713	64,7
Орловская	6520	60,2	Курская	3424	70,7
Тамбовская	6249	59,9	Уфимская	2848	46,0
Пензенская	5540	28,0	Харьковская	1985	70,5

Губернии	Недоимки	Доля общин без переделов (%)	Губернии	Недоимки	Доля общин без переделов (%)
Тульская	5361	74,5	Псковская	1111	77,4
Московская	4725	39,5	Всего 18 губерний	99645	
Рязанская	4637	65,0	Империя	106133	

Источник: Ежегодник Министерства финансов. Выпуск 1900 г. СПб., 1901. С. 102–113, 117. Подсчеты автора; Россия. 1913 год. Статистико-документальный справочник. СПб., 1995. С. 67–68.

Ведь негативисты эту проблему без малого полтора столетия назад подавали так, будто недоимки – это всеобщее явление. Я, к примеру, довольно долго заблуждался на этот счет, пока не взялся за анализ податной статистики.

Из таблицы 2 следует, что 93,5% продовольственной помощи также сконцентрировано в 18 губерниях, 16 из которых входят в предыдущий список.

Таблица 2. Губернии-лидеры по получению государственной продовольственной помощи в 1891–1908 гг. (тыс. руб.)

Губернии	Ассигнования казны	Доля общин без переделов (%)	Губернии	Ассигнования казны	Доля общин без переделов (%)
Самарская	64473	34,1	Вятская	18979	37,7
Саратовская	60709	24,4	Орловская	16920	60,2
Казанская	52365	24,4	Рязанская	16544	65,0
Симбирская	32134	47,6	Оренбургская	12758	46,7
Уфимская	28282	46,0	Пермская	9097	64,7
Тамбовская	27561	59,9	Псковская	8542	77,4
Воронежская	26518	33,8	Херсонская	7084	71,9
Тульская	24755	74,5	Курская	5201	70,7
Пензенская	24495	28,0	Всего 18 губерний	456343	
Нижегородская	19926	23,8	Империя	488145	58,5

Источник: Ермолов А. С. Неурожаи и продовольственный вопрос... Т. 2. С. 7–28; Отчет по продовольственной кампании 1910–1911 гг. Управления сельской продовольственной частью МВД. СПб., 1912. С. 102–103; 1913 г. Статистико-документальный справочник. СПб., 1995. С. 67–68.

Диаграмма 10. Распределение наделной земли между бывшими государственными, помещичьими и удельными крестьянами в самых недоимочных губерниях.

Карты 1 и 2 в Приложении показывают, что эти губернии образуют единый массив, охватывающий Центрально-Черноземный район, Среднее и Нижнее Поволжье, а также Приуралье; за его пределами остаются лишь Псковская, Херсонская (продовольственная помощь) и Московская, Псковская и Харьковская губернии (недоимки).

Версия о том, что причина проблем в нехватке земли, отпадает сразу же. Во-первых, потому что в этом списке мы видим губернии с разным землеобеспечением, в том числе и очень крупным, а во-вторых, потому, что главными недоимщиками были государственные крестьяне с заведомо **большими** наделами.

Изменение податной стратегии правительства с 1880 г. сильно уменьшило задолженность в нечерноземных губерниях, однако со второй половины 80-х гг. она начала резко расти в Черноземье. Это было связано с тем, что после перевода государственных крестьян на выкуп в 1886 г. они немедленно стали платить хуже, чем раньше.

Податная статистика показывает, что в 1888 г. недоимки по выкупным платежам составили 29,7 млн. руб., из которых на государственных крестьян падало 42,3%, на помещичьих – 53,9%, а на удельных – 4,1%.

В 1897 г. задолженность выросла в 3,5 раза – до 103,9 млн. руб., причем государственные крестьяне сосредоточили 63,3% этой суммы, помещичьи – 33,2% и удельные – 3,5%.

За эти 10 лет недоимки казенных крестьян увеличилась в 5,3 раза (на 52,3 млн. руб.), помещичьих – в 2,2 (на 18,5 млн. руб.), удельных – в 3 раза (на 2,4 млн. руб.).¹⁹⁷

То есть преобладающую часть недоимок накопили государственные крестьяне – с наибольшими наделами и таким же нежеланием платить. Рост этот тем более удивителен, что происходит на фоне уменьшения общего объема платежей с деревни (см. слайд №).

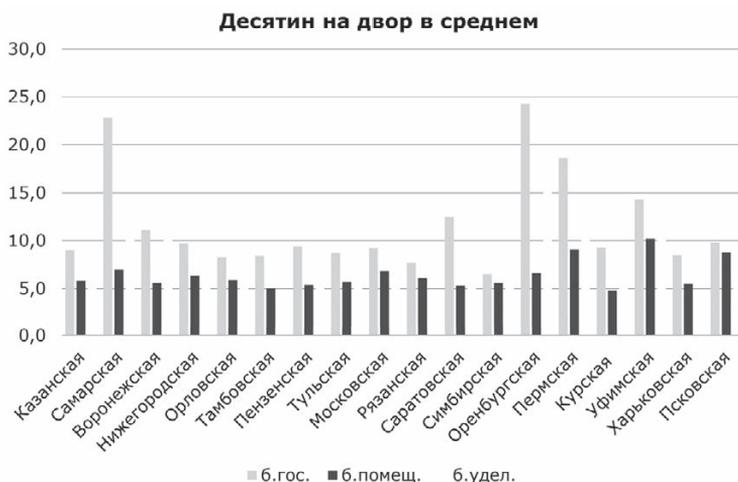

Диаграмма 11. Среднее землеобеспечение бывших государственных, помещичьих и удельных крестьян в самых недоимочных губерниях в 1905 г. (дес. на двор)

Итак, версия малоземелья не проходит.

Что же в таком случае объединяет эти губернии?

То, что это губернии с самым сильным общинным режимом, т.е. такие, в которых уравнильные переделы имели наибольший размах, – они либо затронули подавляющее большинство общин, либо преобладающую часть крестьян и их земель.

Связь объема недоимок и размеров продовольственной помощи с интенсивностью переделов очевидна.

Как можно видеть, первые 4 губернии – Казанская, Самарская, Воронежская и Нижегородская имеют небольшую долю беспеределных общин – 24–34%, в то время как у семи замыкающих таблицу губерний она колеблется от 46 до 71%. То же касается и продовольственной помощи.

Таким образом, чем интенсивнее шли переделы земли, тем больше накапливалось у крестьян долгов и тем больше слабело крестьянское хозяйство, тем хуже оно было готово к неурожаям.

Тот факт, что губернии-лидеры по переделам являются одновременно лидерами по сумме казенных долгов и по получению продовольственной помощи, безусловно, – **диагноз**.

В этих таблицах и диаграммах как будто материализовались все, что говорилось с конца XVIII в. о негативном влиянии общины на жизнь русской деревни и те печальные прогнозы относительно ее (общины) будущности, которые делались накануне освобождения.

Очевидно, что общинный режим, созданный Великой реформой, так или иначе ослаблял крестьянское хозяйство и способствовал накоплению долгов. Отрицательная роль этого фактора после 1861 г. резко возросла и, в частности, потому, что раньше переделы случались относительно редко, например, у государственных крестьян раз в 15–20 лет, после новой ревизии, а теперь они могли произойти **в любой момент** – достаточно было собрать большинство голосов на сельском сходе. Это ставило крестьян в полную неопределенность относительно сроков пользования землей.

Представьте, что ваш участок, на улучшение которого вы затратили немало сил и времени, может быть у вас отобран – хоть завтра или послезавтра и без всякого вознаграждения за сделанные затраты.

Практика фермерства в Западной Европе и Прибалтике показывала, что неполная собственность на землю сама по себе не была препятствием для продуктивного земледелия.

Хотя фермер – временный арендатор земли, он совершенствует хозяйство, улучшает и удобряет участок, который ему не принадлежит. Ведь он знает, во-первых, что срок аренды достаточно продолжителен, а во-вторых, что ему возместят затраты на повышение качества земли. Все это прописано в контракте, и он вполне уверен в том, что его труды не пропадут даром.

И если в Нечерноземье иногда можно было встретить общины, где не переделывали удобряемую землю, то в черноземных губерниях, которые и страдали от неурожаев, они были исключением.

Здесь в одних общинах землю делили каждый год, а в других сроки передела заранее известны не были – это зависело от того, удастся ли собрать кворум для схода, т.е. теоретически – опять-таки в любой момент. Тут возникала тревожная неопределенность, и в таком психологическом стрессе люди жили иногда годами.

Понятно, что в этих условиях улучшать и удобрять надел было невозможно. Зато возникало понятное желание выжать из земли побольше, пока она твоя.

Почва с каждым годом все больше выпахивалась и истощалась, и все реже давала сколько-нибудь сносные урожаи, особенно если метеоусловия были плохими.

Кроме того, после 1861 г. в общине сплошь и рядом стало **невозможно провести даже те агрономические приемы, которые практиковались до реформы.**

Ясно, насколько важно в засушливых местностях, т.е. в тех же черноземных губерниях, накопить и сохранить в земле влагу. Для этого необходимо весной как можно раньше распахать (поднять) пары под озимые, а осенью вспахать поля, на которых весной будут сеять яровые (вспашка под зябь). Тогда разрыхленная земля лучше пропитывается влагой и посеянное зерно развивается в более благоприятных условиях; мы помним, что Вилкинс в 1834 г. говорил, что у нас ранний сев самый верный.

Однако после 1861 г. в черноземной полосе крестьяне почти сплошь распахали луга и выгоны под посевы, нарушив оптимальное соотношение между угожьями.

В итоге скот теперь можно было пасти *только* на паровом поле и на поле, где собран урожай. Из-за этого ранний подъем паров и вспашка жнивья под зябь стали почти невозможными. Поэтому из-за принудительного севооборота слишком поздняя распашка паров (чаще всего в конце июня), стала неизбежной.

Отдельный крестьянин, как мы помним, не мог вспахать свой участок раньше других, потому что этим он помешал бы выпасу скота. Не мог он и посеять на своем паровом участке кормовые травы, чтобы увеличить запас сена для своих животных. Все было бы незамедлительно вытоптано и съедено общинным стадом. Та же проблема, по Броделю, была и во французской деревне.

А изменить это сочетание неустойчивости землепользования с принудительным севооборотом один человек был не в силах: «всякое нововведение, всякое изменение рутинных форм и приемов хозяйства **всегда** встречает энергический отпор* со стороны большинства, перед которым невольно замолкает робкий голос инициаторов всякого рода нововведений»¹⁹⁸.

Неудивительно поэтому ослабление крестьянских хозяйств в губерниях с высокой интенсивностью земельных переделов.

Что же касается недоимок, то поскольку податное дело всецело стало компетенцией крестьянского самоуправления, нам сначала надо поближе познакомиться с созданным в 1861 г. общинным режимом.

---

* А насколько зависели урожаи от улучшенной культуры (хотя бы от качественных семян) и удобрения можно было судить по сопоставлению крестьянских полей с помещичьими и колонистскими, на которых сборы тех же хлебов всегда были, как минимум, на 20–30% выше, а зерно лучше качеством – при равенстве всех прочих условий, включая плохую погоду.

Крестьянское самоуправление – общие замечания

Как говорилось, в большинстве жизненно важных для крестьян вопросов община заняла место помещика, заместив его в делах хозяйственных, бытовых и даже государственных и получив почти все его права, – от распоряжения землей и налогами до порки односельчан и ссылки их в Сибирь.

Реформа строилась на идее полной автономии внутренней жизни общины от внешней среды. Начальство требовало от нее уплаты податей, соблюдения правопорядка и др., но как она этого добивалась было ее делом.

Тем самым реформаторы как бы объявили, что, по их мнению, крестьяне, прожившие 200 лет в крепостном праве, готовы к самостоятельной и полноценной – без опеки помещиков – гражданской жизни. Все это было в духе знакомых нам построений о якобы не потревоженной веками тяжелейшей русской истории душе народа, которую спасла община.

Важнейший момент – писанный закон был исключен из крестьянской жизни. Все решения сельский сход принимал на основании обычая, который якобы существовал в каждом селении.

При этом крестьяне, как предполагалось, будут жить в соответствии с идеалами соборности, общинного братства и единства. Это не было полной утопией – немало общин более или менее соответствовало этим ожиданиям. В то же время неудивительно, что во многих других случаях новая система обернулась беспощадной противоположностью искомой реформаторами идее справедливости и общего процветания.

Это было неизбежным следствием несовместимости принципов, на которых строилась реформа.

Если попытаться рассматривать Положения 19 февраля 1861 г. как литературное произведение, то легко увидеть, что с точки зрения логики повествования уровень его невысок. Оно полно явных противоречий и носит все следы спешки. Сейчас бы сказали, что автора явно поджимал дедлайн. В сущности, так оно и было.

Крестьяне освобождены от власти помещиков и получили некоторые гражданские права, однако на деле оказались в зависимости от общины, поскольку именно она давала санкцию на их реализацию.

С одной стороны, реформа создает практически независимое крестьянское самоуправление, то есть реформаторы считают крестьян достаточно «взрослыми» для того, чтобы, условно говоря, самостоятельно открывать Америку новой жизни.

А с другой, они трактуют их в духе Текутьева, т.е. как кандидатов на сдачу в рекруты, если не в острог, потому что обставляют дарованную свободу

рядом жестких ограничений и вводят совершенно крепостнические по духу средства взыскания податей.

С одной стороны, Положение утверждает за крестьянами семейное право, но с другой, разрешение на семейные разделы дает община.

Крестьянам объявлена свобода передвижения, они могут теперь идти в город, учиться и др., но только с согласия общества.

Им дарована личная свобода, нет больше ни барщины, ни оброка – а между тем пахать, сеять, убирать хлеб можно только по указаниям и с разрешения схода.

Крестьянин выкупает у государства полученный им надел, однако выкупаемой землей распоряжается община, а сама земля считается не его собственностью, а «общественной»; (легко представить, во что превратился бы, например, выкупаемый на таких условиях таксистами таксопарк).

Уплата податей и повинностей обеспечивается круговой порукой всех членов общины.

Наконец, крестьянин 9 лет не может отказаться от надела (да и потом сделать это было очень непросто) – то есть **пользование выкупаемой им землей с самого начала было не правом свободного человека, а повинностью, тяглом.**

Таким образом, торжественная ликвидация крепостного права до некоторой степени оказывается фикцией.

А если добавить к этому право общины пороть своих членов и даже отправлять их в Сибирь, то возникает не весьма лестная, но убедительная аналогия с крепостничеством, пусть и облегченным.

Конечно, с сравнении с тем положением, которое рисуют приведенные выше вопросы Секретному комитету в 1857 г., прогресс налицо. И тем не менее все это очень далеко от того, что во всей остальной Европе вкладывалось в понятие «освобождение крестьян».

В любом случае понятно, что сформированная реформой среда обитания менее всего подходила для воспитания цивилизованного правосознания.

Особо нужно отметить исключение из крестьянской жизни писаного закона (Киселев, как мы помним, построил свои Уставы на букве «Свода закона»).

В этом контексте занятно вспомнить, что у каждого барина, например, у Текутьева, тоже было *свое* обычное право, а у некоторых так прямо и кодексы.

Не буду задавать бестактного вопроса о том, какие правовые обычаи могут существовать у крестьян после веков крепостного права.

Я спрошу о другом – а что думали государственные люди-реформаторы об идее воспитания единого правосознания у 50 млн крестьян в огромной стране? Это нужно было великой России или нет?

Дав крестьянам «пайку», прожиточный минимум в виде надела, от которого они не могли отказаться, государство четко обозначило свои приоритеты – крестьяне для него по-прежнему оставались «аппаратом для выработки податей».

Вновь созданная система, как и крепостная, подходила для эксплуатации этого «аппарата», поскольку обе системы не подразумевали, что крестьяне живые люди со своими чувствами.

Наиболее тяжелые последствия имело получение общиной полноты распоряжения земельно-податными вопросами.

Раньше она решала их под контролем помещика или окружного начальника, которые, как правило, защищали отдельных крестьян от злоупотреблений сельских властей и от насилия сходов.

Общих переделов земли по своему желанию община производить не могла. Принципиально важно и то, что вступившие в рабочий возраст крестьяне получали землю из состава свободных помещичьих или казенных земель, и занималась этим, понятно, отнюдь не община, а соответствующее начальство.

После 19 февраля 1861 г. в руках общины оказалась и земля, и подати, которые она разверстывала по своему усмотрению, в силу чего получила беспрецедентное влияние на достаток каждого из крестьян.

Последствия этого во многих случаях были самыми плачевными. После 1861 г. во множестве случаев **ведение хозяйства в общине стало борьбой за распределение неизменяемого объема ресурсов** со всеми вытекающими последствиями.

Понятно, что по мере роста населения нужда в земле неизбежно должна была возрастать. Ясно и то, что в подобных ситуациях лучшие человеческие качества проявляются далеко не всегда и не везде.

Громадный объем власти и неподконтрольность крестьянского самоуправления в земельно-податных вопросах прямо подталкивали часть крестьян к использованию его в своих интересах, в результате чего община, повторюсь, фактором дезорганизации и деградации деревни.

Ведь она как «коллективный помещик», подобно настоящему барину, далеко не всегда поступала по совести и справедливости, она тоже действовала не по закону, а «по обычаю» и имела как любимчиков, так и изгоев.

В Нечерноземье и кое-где в Поволжье, где, как мы знаем, выкупные платежи поначалу были высокими*, крестьяне часто отказывались от «наделов-

---

* Достаточно типичную ситуацию описывает С. Т. Семенов, крестьянин подмосковного Волоколамского уезда: «Всех обременяли тяжелые подати. Кроме выкупных, земских и государственных, тогда еще собиралась подушная подать... В среднем на двор ложилось около 50 рублей... А где было взять такие деньги? От земли все отрекивались, как от лихой напасти, и ее приходилось навязывать «силом»» (Семенов С. Т. 25 лет в деревне. М., 1915. С. 2).

разорителей», просто бросали их, арендовали землю на стороне, уходили на заработки, переселялись, иногда происходило массовое «бегство с земли».

Это привело к появлению пустующих наделов, за которые, однако, община должна была платить. Ей было жизненно важно вносить деньги вовремя и не доводить дело до практического применения круговой поруки.

Поэтому земля тех, кто ушел на сторону передавалась («наваливалась») тем, кто мог ее поднять, осилить, т.е. более обеспеченным и работоспособным дворам, которые были в состоянии вынести большие платежи. Это, как мы помним, «свалкой-навалкой тягол» или «скидкой-накидкой душ»¹⁹⁹.

Иной была ситуация в Черноземье, где доходность надельной земли превышала лежавшие на ней платежи или между ними не было явного дисбаланса.

Тут все шло примерно так, как до 1861 г., – надел не был в «тягость», платежи поступали исправно, а значит, не было и потребности в свалках-навалках. Надел умершего домохозяина переходил к его родственникам, крестьяне, шедшие в отход, сдавали свою землю в аренду. Община иногда получала выморочные или заброшенные наделы и поступала с ними по своему усмотрению (отдавала нуждающимся, кому-нибудь сдавала, делала из них выгон для скота и т.п.). Каждое хозяйство пользовалось наделом как бы на подворном праве, земля переходила по наследству, могла завещаться и даже продаваться, делилась между членами семьи. Община не вмешивалась в это почти свободное распоряжение землей²⁰⁰.

На рубеже 1870–1880-х гг. положение начало меняться.

Во-первых, модернизация набирала ход, были построены 25 тыс. км железных дорог, что изменило экономическую жизнь целых районов. Ценность земли повсеместно стала расти, железнодорожный транспорт произвел революцию в условиях сбыта сельхозпродуктов, а это при хороших ценах стимулировало расширение как помещичьей, так и крестьянской запашки; арендные цены безостановочно повышались. Во-вторых, в 1880-х гг. платежи заметно снизились.

Это остановило нарастание кризисных явлений и не только в Нечерноземье, где эта проблема была особенно острой. **Почти повсеместно выкупные платежи стали соответствовать доходности наделов.** Теперь надельная земля уже не была в тягость, а работать на ней стало выгодно.

Спрос на землю резко вырос, и тогда в деревне появились люди, которые оспаривали земельный статус-кво и потребовали общего передела на новых основаниях. Прежде всего вернулись те, кто когда-то бросил надел, а кроме того, повзрослевшая молодежь, не внесенная в ревизские сказки (их называли «заревизными» и «малолетами»), заявила претензии на получение наделов.

Понятно, что с этим категорически были не согласны крестьяне, «вынесшие на своих плечах тяжелые платежи первых лет, “сподобившие землю” своими трудами. Эти “державцы” наделов... прямо заявляют что земля их собственность, ибо они вносили за нее выкупные; крестьяне же государственные утверждают что разверстывать землю можно только при ревизии, “самовольной же ревизии” они не допустят, да и начальство не разрешит. Крестьян этих возмущала мысль о возможности “бунтовать землю переделами” и потерять свои “сподобленные” полосы»²⁰¹.

Натиск «возмутителей спокойствия» был особенно силен в Центрально-Черноземном, в Средне- и Нижневолжском районах, где земледелие стало прибыльным, а промышленных заработков было немного.

1880-е стали временем жестокой внутриобщинной борьбы за земельное уравнение, сопровождавшейся «тяжбами, жалобами, побоищами, убийствами и поджогами. В ожидании передела прекращалось уваживание, корчевка пней, окапывание от суслика. К середине восьмидесятых годов заревизское поколение одолевает “державцев” наделов, и **широкая волна насильственных переделов проходит по всему центрально-черноземному и приволжскому району**»²⁰².

Парадигма уравнения снова победила – в русской деревне произошло очередное «раскулачивание». Волна переделов 80-х гг., безусловно, подкосила нормальный ход жизни деревни и определенно не помогла крестьянам накопить запас необходимой устойчивости в годы перед голодом 1891 г.

В историографии определенного идейного сегмента очень популярны рассуждения о том, что Столыпинская аграрная реформа раскалывала-де крестьянство и усиливала напряжение в деревне. Можно подумать, что до 1907 г. деревня была воплощением социального мира и справедливости! Например, кровавая волна переделов 1880-х гг. обвинителями Столыпина упорно не замечается.

Позволю себе задать вопрос.

Какие представления о справедливости, собственности, правовом порядке, своих правах, а значит, – и о своем месте в этом мире могли вынести из этого периода своей жизни миллионы русских крестьян, затронутых беспределом конца 1870–1880-х гг.?

Ведь к этому времени они почти 20 лет выкупали – и выкупили! – значительную часть своей земли (ее идеальной доли). Теперь оказалось, что все их многолетние усилия и заработанные деньги были потрачены впустую.

Современный аналог этой ситуации выглядит так. Представьте, что вы платите ипотеку за определенный метраж жилплощади, но через какое-то время объявляют, что у вас отбирают сколько-то оплаченных вами метров, однако деньги не вернут.

Чудные эмоции!

Однако этот сценарий прошел не везде. **Статистика говорит о том, что в 58% общин переделов не было;** они так и назывались – беспередельные общины.* К началу аграрной реформы Столыпина в них жило порядка трети крестьян, и это совсем не мало. Если 58% беспередельных общин объединяли 33% крестьян, а 42% передельных – почти две трети, то ясно, что не переделялись преимущественно общины относительно небольшие по численности. Тут крестьянам удалось отстоять свои права и, возможно, не вполне парламентскими средствами.

Разверстка по ревизским душам сохранилась здесь без каких-либо корректив в пользу неревизских; известно немало случаев, когда осталась в неприкосновенности даже дореформенная (!) разверстка. В этих общинах наделы переходили к женщинам, завещались и продавались, причем обычно согласие общества не требовалось. Конечно, хозяйственная обстановка в таких общинах была более благоприятной.

И наличие переделов, и их отсутствие определялись решениями сельских сходов, поэтому сейчас мы рассмотрим новые органы самоуправления.

Крестьянское самоуправление: человек в коллективе

Сельский сход в несколько сот человек ничего, кроме полнейшего безобразия, из себя представить не может

К. Ф. Головин

Мы знаем, из каких людей состоит сход. У людей этих нет и в зародыше долга общественного служения

Е. П. Дахневский

Анализ этой проблематики в книге «20 лет до Великой войны»²⁰³ позволил мне сделать вывод о том, что несовершенство нового крестьянского самоуправления проявлялось, главным образом:

- 1) в чрезмерной власти сельских сходов, ставших воистину безапелляционными вершителями судеб крестьян;
- 2) в невысоких личностных качества множества крестьянских должностных лиц;
- 3) в отсутствии единой правовой базы для принятия сельским сходом решений, поскольку писанный закон был исключен из крестьянского быта.

---

* В исключительных случаях передел допускался для взаимовыгодного устранения чесполосицы.

В итоге самоуправление, которому предназначалась роль гаранта справедливости в новой жизни крестьян, во множестве случаев стало подсобным инструментом богачей в достижении своих целей.

Создавая автономное самоуправление, творцы реформы очень рассчитывали на то, что в новых условиях община проявит якобы присущие ей мудрость и справедливость, что крестьяне сумеют осознать выгоды самоуправления и воспользоваться ими, «мир» будет разумно и честно управлять хозяйственными и общественными делами, а крестьянские должностные лица – заботливо и ответственно выполнять свои обязанности. Однако этим романтическим надеждам не было дано осуществиться.

Комиссиям, в отличие от Киселева, не приходила в голову банальная мысль о том, что такие надежды ни в малейшей степени не коррелируют с уровнем развития народа, только что вышедшего из векового рабства, и притом в массе неграмотного и невежественного.²⁰⁴

Весьма быстро выяснилось, что людей, за столетия приученных к постоянному контролю, нельзя внезапно предоставлять самим себе, поскольку это чревато включением тех механизмов коллективной психологии, которые пробуждают в этих людях отнюдь не евангельские добродетели.

Центром системы самоуправления стал сельский сход, который обсуждал и разрешал *весь* комплекс проблем данного конкретного общества и решения которого принимались большинством в 2/3 участников. Делами сход руководил по своему усмотрению и притом бесконтрольно. Власти могли отменять только те его приговоры, которые были составлены с формальными нарушениями.

При этом закон совершенно не защищал права и интересы отдельных общинников от более чем возможного произвола схода; деятельность схода – и даже податная – вообще *никак* не регламентировалась.

В итоге сходы получили беспрецедентный объем полномочий, который не имел аналогов не только в дореформенной России, но даже и в странах Запада, а хозяйственная зависимость «крестьянина-собственника» от мира оказалась сильнее зависимости западноевропейского крепостного от сеньора в самые тяжелые времена феодализма.* Хотя, конечно, и легче крепостного российского.

---

* Этот крепостной экономически зависел от феодала, но был лично свободен и «имел право пожизненного неотъемлемого владения» своим участком земли – в отличие от нашего общинника, землеобеспечение которого могло быть изменено миром в любой момент.

«Обладая, следовательно, правом, которого даже не имел феодальный владелец, мир пользуется затем следующими строго феодальными привилегиями: от него зависит признать или не признать действительность завещательного распоряжения крестьянина, равно как наследственные права преемника – *droit de main morte*; мир имеет право узаконить продажу земли, состоящей во владении отдельного крестьянина и сдачу ее в аренду или отказать в том сторонам – *droit de lods et de ventes*; от мира зависит дать или не дать согласие на раз-

В сходах участвовали представители всех дворов данной общины, а нередко – все желающие. Если в небольших общинах это было приемлемо, то в средних и крупных селениях сход зачастую превращался в собрание десятков и сотен людей, притом не всегда трезвых, что не слишком способствовало деловому обсуждению важных проблем. Никаких требований к личности участников схода Положения не выдвигали (мы помним, что у государственных крестьян выбирались своего рода депутаты от нескольких дворов), и это тоже играло негативную роль.

Поскольку собрать необходимое число голосов бывало трудно, то разговоры нередко писались «заглазно, часто лживо», подписи у крестьян брали позже. Из-за неграмотности крестьян это открывало возможность разных злоупотреблений²⁰⁵.

Сходы, как мы знаем, принимали решения, исходя из «обычая». Источники однозначно говорят о том, что множество сходов постепенно перестало быть носителями народно-правовых обычаев, если таковые и были, а очень часто – и элементарной человеческой справедливости. Пресловутый «обычай» стал эвфемизмом для обозначения сиюминутных решений «случайно образовавшегося» на сходе большинства в две трети участников (в некоторых общинах кворума не могли собрать годами).

В сущности, большинство проблем можно было решить, собрав эти 2/3 и выставив нужное число ведер водки.

дел семьи и тем самым допустить или задержать образование самостоятельной семьи—droit de formariage; мир может через полицию вытребовать отсутствующего своего члена—droit de poursuite; мир имеет право вмешательства в хозяйственную обработку и способы культуры отдельных крестьян на их надельных участках – banalite.

Вот в сущности самые главные и наиболее тяжелые для крестьян права феодального владельца; однако, некоторые из них относятся ко времени личной, а не земельной зависимости крестьян, и в период последней постепенно исчезают и заменяются выкупными за них платежами или определенной пошлиной.

Между тем мир имеет перечисленные привилегии во всей полноте; характерно, что он пытался даже установить произвольное обложение отдельных крестьян, соответствующее первичному феодальному праву— taille et corvee a merci, существовавшему в период личной зависимости (серважа); эти попытки, к счастью, пресечены Сенатом.

Феодальные права учитывались в виде поборов, сперва произвольных, а затем, с прекращением личной зависимости, в виде пошлин, размер коих устанавливается выкупными сделками или определялся обычаем и фиксировался в сборниках кутюмов. Мир учитывает свои права в первичном порядке, т. е. путем произвольных поборов, а не точно установленных пошлин.

Все это указывает, что имущественная зависимость крестьянина от мира может быть без всяких натяжек приравнена к феодальной зависимости, притом в первичной, наиболее тягостной ее форме» (Риттих А. А. Зависимость крестьян от общины и мира... С. 176–179).

А между тем было известно, что феодальная зависимость крестьянской земли была одной из главных причин упадка благосостояния народных масс на Западе, понижения уровня хозяйственной культуры и периодических голодовок.

Сходы стали объектами манипуляции со стороны «мироедов» (думаю, многие из тех, кто служил в армии, помнят, как такое манипулирование происходит в казарме). Во множестве селений перевес получили «наиболее вредные элементы общества»²⁰⁶, которые стали использовать сход в своих целях и постепенно захватили в свои руки все мирское хозяйство. А там нередко было что захватывать.

Именно отсюда вытекал принимавший иногда сюрреалистические формы системный беспорядок сельского самоуправления, а также избрание в старосты людей слабых и неспособных, постоянные общественные пьянки, беззащитное нарушение прав отдельных крестьян, как правило, бедных, словом, все те негативные явления, которые многие современники фиксировали в пореформенной деревне. Кое-что об этом можно прочесть не только у Успенского и Гарина-Михайловского, но и в материалах ревизии Киселева в 1836–1840 гг.

Неудивительно, что в таких условиях сельский сход очень скоро потерял тот нравственный авторитет, без которого не может успешно работать ни один орган самоуправления.

Не будучи в состоянии противостоять явной несправедливости, сход сам во многих случаях превратился в послушное орудие в руках тех, кто был в этом заинтересован, кому это было выгодно и нужно²⁰⁷.

В этих условиях здоровые элементы деревни стремились дистанцироваться, по возможности, от жизни общества, как это было и в 1836–1840 гг. Постепенно многие сельские сходы превратились в сборища, куда достойным людям попросту не хотелось ходить – они не желали мारаться и участвовать в заведомой несправедливости.

В течение 1860–1900-х гг. множество самых разных источников в один голос и весьма убедительно говорят о капитальном ухудшении качественного состава сходов.

Уже в 1868 г. псковский губернатор Б. П. Обухов писал: «Сельские и волостные сходы служат действительною школою деморализации населения, которое приучается видеть в действиях их отсутствие всякой законности, на место которой ставится часто безапелляционный произвол, склоняемый в ту или другую сторону более или менее значительным количеством водки. Выбираемые сходами лица сельского и волостного управлений... за весьма редким исключением совершенно не соответствуют своему назначению.

Кроме неспособности и неразвитости, точному исполнению обязанностей очень часто мешает им полная зависимость от сходов, которые назначают им вознаграждение за отправление общественной службы», а они «преимущественно заботятся об угождении сходам, жертвуя для этого своими прямыми обязанностями»²⁰⁸.

Тогда петербургский вице-губернатор П. Ф. Лиленфельд-Тоаль уподобил власть сельского схода власти помещика, «только уже не единоличной, а собирательной, выражающейся большинством голосов на сельском сходе». Сдача не в очередь в солдаты «неисправных» крестьян, ссылка в отдаленные губернии «порочных», порка сходами провинившихся однообщественников – вот «наш народный «линч», вот карательный кодекс нашей общины...

Притом власть общины, как нравственно безответственная власть случайного большинства грубой и неразвитой толпы, какую представляется еще наш сельский сход, более тяжелым гнетом ложится на отдельных членов общества, чем прежняя безответственная перед законом, но связанная нравственными узами и руководимая экономическими расчетами единоличная власть помещика.

Оттого желательно, чтобы наш крестьянин поскорее высвободился из под этого нового крепостного права»²⁰⁹.

В 1873 г. в докладе Комиссии Валуева отмечается, что «редкий сход обходится без пьянства. Дела решаются под влиянием угощения водкою. Штрафы назначаются водкою». Зачастую на сходах верховодят «худшие люди в селениях», под влиянием которых принимаются «неправильные и несправедливые» решения²¹⁰.

Нижегородское губернское совещание в 1894 г. отмечало, что «сходы безучастно относятся к вопросам об общинных интересах, не понимая их значения и не думая о будущем. Каждый член схода преследует личные выгоды, выгоды данной минуты». Отсюда – полное равнодушие деревни к общественному благоустройству и призрению, «хищническая эксплуатация» лесов, истощение земли, растраты должностными лицами общественных денег и дележ по душам общинных капиталов.

Аналогично относятся крестьяне к личным проблемам своих односельцев – к опекам, к семейным разделам и т.д. Сходы для решения таких вопросов воспринимаются как тяжелая повинность, поэтому «естественно, что крестьяне, созванные на сход», рассчитывают на компенсацию в виде спиртного с «виновников» схода.

До введения института земских начальников «ни один сход не обходился без вина: пили на счет лиц, имеющих дело до сходов, на счет нанимаемых писарей и пастухов, на счет должностных лиц, утверждая их отчеты, пили на мирские деньги, когда обсуждали мирские дела».

Совещание считает, что «невыгодные для крестьян разверстки земельных угодий при введении в действие Уставных грамот и при выкупах, даровые наделы, займы на тяжелых условиях, неосновательные иски, разоряющие крестьян, а иногда и самоуправство, доводящее общества до судебной ответственности, все это – последствия необдуманных решений темной неграмотной толпы, увлеченной злонамеренными или бестолковыми крикунами»²¹¹.

В трудах Особого совещания С. Ю. Витте содержатся десятки негативных характеристик сельских сходов. Так, член Борисоглебского комитета указывает, что крестьяне, не имеющие никакого представления ни о своих правах, ни о своих обязанностях, не понимают, как правильно вести общественные дела: «За ведро вина они готовы выбрать кого угодно в какую угодно должность, постановить как угодно приговор, правого сделать виноватым, виноватого правым, продать свои собственные интересы; полуграмотный писарь делает из их выборных властей все, что хочет; умный и зажиточный кулак вершит по своему усмотрению и в своих личных интересах всем обществом»²¹².

А какой в этих условиях была роль крестьянского начальства?

По закону должности сельского старосты и особенно волостного старшины были видными и влиятельными (старшина получал 600–1200 рублей в год – зарплата агронома или учителя). Обширному кругу их обязанностей соответствовал большой объем предоставленных прав. Их мнения часто определяли решения сходов и волостных правлений.

Если сельский сход реформаторы представляли себе, условно говоря, чем-то средним между заседанием спартанских старейшин (герусией) и собранием рыцарей очень большого Круглого стола в его крестьянской ипостаси, то избираемый сходом сельский староста, а также и волостной старшина, мыслились, надо думать, архонтами, т.е. носителями вековой житейской мудрости и справедливости, которые обладают заслуженным праведной жизнью авторитетом. И нельзя сомневаться, что во многих случаях так и было, однако часто бывало и совсем другое.

Государственное значение общины после 19 февраля изменилось, изменился – в сравнении с задуманным – и реальный статус должностных лиц. Волостной старшина фактически стал правительственным агентом, исполнителем бесчисленных распоряжений и предписаний всех министерств и ведомств, что отодвинуло на периферию его обязанности по крестьянскому управлению.

К тому же после 1874 г. в податном деле он оказался в полной зависимости от полиции, и заботы о взыскании недоимок стали для него куда важнее забот о благосостоянии волости. То же относилось и к сельским старостам, на которых давили уже старшины.

Эта ситуация не только мешала их работе, но и роняла их авторитет в глазах крестьян, поскольку им приходилось прибегать к суровым мерам для взыскания податей и недоимок со своих избирателей – иначе полиция их штрафовала, арестовывала и даже отстраняла от должности. С престижем и почетом это не очень сочеталось.

В стране ежегодно арестовывались многие тысячи старост и старшин, причем арест (от трех до семи дней) они отбывали в арестантских помещениях при квартирах станowych приставов в изысканном обществе воров, коно-

крадов и других преступников. Уже одно это отвращало наиболее уважаемых и уважающих себя крестьян от избрания на общественные должности*.

Как и в случае сельских сходов, самые разные источники фиксируют «крайнее» качественное ухудшение состава крестьянских должностных лиц.

В материалах Комиссии Валугева читаем: «У крестьян в настоящее время выбранный ими староста соединяет в своем лице – и хозяйственные, и административные, и полицейские дела. Но старосты выбираются не по доверию общества; безвозмездная служба старосты возлагается обыкновенно как повинность – на менее энергическое лицо из семейства, еще не отбывшего рекрутской послуги. Для более важных хозяйственных дел, ходатайств, устройств – избираются особые поверенные. Старосте своих дел общество обыкновенно не доверяет. – Где ему, говорят старики.

Административные действия старосты заключаются в том, что он стоит без шапки перед сходом и выслушивает приказания мироедов, которые по-

---

* При этом с арестами не все было однозначно – Г. И. Успенский пишет о липовых арестах с тактической целью дать старостам моральное право усиленно насаждать на недоимщиков: «В один прекрасный день становой пристав, разгневанный тем, что старшина хоть и дерет, но не получает результатов – подати идут слабо, по обязательствам и постановлениям волостных судов не платят, – сажает в темную *самого* (о небо!) старшину. Это надолго уничтожает в обиженных мирянах-пахарях возможность логического мышления.

«И *ихнему* брату *тоже* достается, – думает простодушный сосед. – Ишь ведь, *самого* старшину запер...» Стало быть, старшина не все сам командует – ихнего брата тоже «подбадривают».

Арест старшины успокаивает соседа, но старшина, возвратившийся из-под ареста, неумолим. Под ногами теперь у него твердая почва.

– Вы что ж, анафемы, со мной делаете? Докуда будет эта ваша подлость? Когда вам добром говоришь, рыло воротите, а я за вас сижу в холодной, не пимши, не емши! У меня сена за три-то дня погноено на сто рублей. (При этих словах все сознают свой грех.) Чем я буду кормить скотину?.. (Опять все «чувствуют».) Плевать мне на ваше жалованье-то – только от дому отбиваешься, «возжамшись» с вами, с пьяницами, да отразишься в холодной из-за вас, анафем... Я вам добром говорил, так не слухали, – н-ну теперича уж не па-тирь-плюю! Теперича стану пас-ссступ-па-а-ать!

И, конечно, – ложись!..

Но знаете ли, что это за канальская штука? Конечно, сажают становые и «взаправду», но очень часто старшина, явившись к становому, по-приятельски говорит: «Пришел к вам с просьбой». – «В чем дело?» – «Ни много, ни мало: посадите меня в холодную. Избаловались мои мужичонки, способов нету! Не платят, пьют... Ничего не поделаешь. Обколотил все руки. Ворчат... Сажайте – по крайности тогда я уж произведу... Всё же они почувствуют»...

Становой делает «проформу», и старшина, числясь в холодной (с течением времени все *это* узнается и оценивается по достоинству), пьет чай у знакомых купцов, а спать идет в холодную. Я сам пивал чай у себя в доме со старостами, которые тоже для получения права свирепствовать числились в «холодной». Предположим, что маневр этот производится в видах государственной пользы; но, получив право свирепствовать, новообращенный свирепствует заодно и в видах собственной пользы». (Успенский Г. И. Собрание сочинений в 9-ти тт. М.: ГИХЛ. 1956. С. 139–140).

том, иногда, возьмут его с собою в кабак, говоря: «Ну, иди уж и ты – ты ведь староста».

Полицейские действия старосты заключаются в том, что он проводник и укрыватель систематического неисполнения полицейских правил и предписаний, действуя и тут опять под руководством мироедов.

Позволительно... назвать такой порядок вещей отсутствием управления. А такой порядок вещей ведет крестьян к теперешнему их своеволию, к отсутствию у них всякого благоустройства и благочиния, к разврату, воровству, пьянству и проч. Нравственное разложение, конечное обеднение и податная несостоятельность – вот конечные результаты такого положения вещей»²¹³.

МВД в 1887 г. так охарактеризовало сельское самоуправление: «Растраты общественных сумм, превышение и бездействие власти, явные насилия и произвол, неисполнение закона, лихоимство и другие преступления и проступки по должности сделались в течение последнего десятилетия (1875–1885) обычным явлением в среде как волостных старшин и сельских старост, так и других должностных лиц крестьянского общественного управления»²¹⁴. Так, например, в одной из юго-восточных губерний с 1875 по 1880 г. привлечено было к ответственности 720 сельских должностных лиц, растративших в сумме 227 тыс. руб.

В Особом совещании Витте о сельской администрации, которая часто пополняется «худшим элементом крестьянства», доминировали крайне негативные отзывы. Отмечается, что крестьянское начальство в силу неграмотности в большинстве случаев просто неспособно эффективно выполнять свои обязанности, к тому же у него часто отсутствуют те личные качества, которые могли бы обеспечить справедливое отношение к интересам людей.

При этом сельские старосты выступали как «слуги двух господ», ибо были крайне зависимы и от начальства, и от своих односельчан, находясь «поистине между молотом и наковальней».

П. А. Слепцов, один из земских начальников Саратовской губернии сообщал, что если изредка в старосты попадет «порядочный, нравственный, трезвый, хозяйственный и добросовестный» человек, то это «почти неизбежно» приводит к двум результатам в зависимости от того, попал ли он на службу против своего желания, или же сам хотел этого.

В первом случае он за «год-два становится неузнаваемым и особенно, если не обладает сильным характером, превращается под влиянием всяких соблазнов деревенской службы из трезвого, способного и добросовестного крестьянина в пьяницу и сумасбродного – под влиянием власти – дебошира».

Во втором, если он выполняет свои обязанности «добросовестно и честно, не поддаваясь тем бесчисленным, на каждом шагу встречающимся соблазнам, устоять пред которыми может лишь сильный характер, то при первом удоб-

ном случае... **его неминуемо поджигают и нередко разоряют**», что Слепцов и подтверждает многочисленными конкретными примерами²¹⁵.

Конечно, как всегда и везде в подобных случаях, все было индивидуально – подобно уровню дедовщины в Советской армии. Источники говорят и о достойных людях, выбиравшихся в старосты, однако не они, увы, определяли жизнь пореформенной деревни.

Итак, мы можем уверенно говорить, что во многих общинах **два основных элемента системы крестьянского самоуправления – сельский сход и должностные лица – работали** скверно, не будучи в состоянии эффективно выполнять обязанности, возложенные на них законом.

Именно поэтому, как говорилось выше, вновь созданный реформой формат уравнительно-передельной общины сыграл очень важную и весьма деструктивную роль в развитии русской деревни после 1861 г.

Впрочем, фактически крестьянское самоуправление было новым лишь по дате создания – 19 февраля 1861 г. По сути же оно заново смоделировало ситуацию, исчерпывающе обрисованную ревизией 1836–1840 гг., – с аналогичными последствиями. Бывшие помещичьи крестьяне окунулись в нее после крепостничества, а бывшие государственные – как бы вернулись в докиселевские времена.

Что не так с недоимками?

Теперь обратимся к тезису негативистов о том, что **рост недоимок** является объективным показателем падения уровня жизни крестьян.

Я весьма подробно разобрал эту проблему в книге «20 лет до Великой войны»²¹⁶, и сейчас постараюсь быть кратким.

На деле недоимки не являются показателем бедности крестьянства, равно как исправные платежи и отсутствие долгов не доказывают их зажиточности²¹⁷.

Хотя, разумеется, были люди, которым действительно было трудно платить, но это никак не относится ко всей массе задолженной деревни.

Проблема глубже и сложнее.

Начнем с того, что условно можно назвать податной психологией.

В основе негативистского подхода лежит мысль о том, что каждый нормальный (рациональный) человек всегда платит налоги, а если он этого не делает, значит, у него нет денег. Поэтому рост долгов говорит о бедности населения.

Логика уязвимая.

Едва ли налоговые органы и сегодня рассчитывают, что люди просыпаются утром с мечтой к вечеру заплатить по счетам за ЖКХ. Тем менее подобные

надежды оправданны в отношении пореформенного крестьянства с его многовековым тяжелым «налоговым» опытом.

И, кстати, из чего следует, что бывшие крепостные крестьяне в «податном отношении» были рациональными людьми? Что они смотрели на платежи в том же ракурсе, что и интеллигенты, горевавшие об их судьбе, но не принадлежавшие к податным сословиям?

Крестьяне не одно столетие имели дело с казной, и наивно думать, что за это время они не научились «применяться к условиям местности», не изобрели никаких защитных механизмов, хоть как-то смягчавших тяжесть податных притязаний государства, которое поколениями только драло с них шкуру и слишком мало давало взамен.

Понятно, что в пореформенную эпоху они принесли все старые навыки и стереотипы восприятия налоговой проблемы. Во всяком случае, о том, что правительство регулярно прощало недоимки, они не забывали.

Кроме того, податная дисциплина везде была разной. В одних селениях крестьяне были приучены платить*, а в других относились к этому спустя рукава.

Фактическое объяснение проблемы крестьянской задолженности с привычной негативистской трактовкой общего имеет не больше, чем дьяк Крякутный с историей российского воздухоплавания.

Статистика недоимок показывает поразительные перепады суммы долгов как по волостям одного уезда, так и по отдельным общинам одной и той же волости, которые априори живут в одинаковых условиях. Рядом с безнедоимочными селениями находятся такие, где недоимки равны 5–6 годовым окладам, и разгадку этого феномена не стоит искать в экономической сфере.

Банальный факт – в одной деревне на зажиточных крестьянах лежит большая недоимка, а в соседней крестьяне «с трудом перебиваются на неурожайной земле, имеют малые наделы, не ходят в отхожие заработки и, однако, исправно выполняют свои податные обязанности перед правительством».

Показательный пример. В 1897 г. податной инспектор Ядринского уезда самой задолженной Казанской губернии пытается выяснить, почему Балдаевская волость, находящаяся в несравненно лучших экономических условиях, чем Чувашско-Сорминская, платит казенные сборы намного хуже.

В пределах первой волости есть винокуренный завод, хлебная пристань, рядом находится уездный город – т.е. условия сбыта хлеба, овощей и фруктов хорошие (в ряде селений развито садоводство и огородничество) и, кроме того, крестьяне могут подработать на стороне.

---

* Чичерин пишет: «Иногда в одном и том же селе оказывается, что все раскольники живут богато, а все православные в бедности. Однако и среди православных встречаются, в особенности небольшие, деревни, где крестьяне, смиренные и работающие, пользуются довольством и исправно уплачивают все подати». (Чичерин Б. Н. Курс государственной науки. М., 1898. Т. II. С. 192.)

А во второй волости у крестьян доходы только земледельческие, а сторонних заработков нет, – лишь «кое-какая мелочная торговля».

В отношении крестьян обеих волостей принимаются одни и те же – и не самые жесткие – меры взыскания налогов (личные понуждения недоимщиков к уплате податей, иногда аресты и штрафы недоимщиков, сельских старост и сборщиков податей).

Поэтому инспектор объясняет различную исправность платежей «особыми условиями жизни крестьян этих волостей, традициями, привычками, обычаями их».

Так, крестьяне Чувашско-Сорминской волости, «до сих пор придерживаясь исстари установившейся привычки – своевременно уплачивать подати, делают это помимо расстройств своего хозяйства и, по-видимому, без особенного усилия с своей стороны». Кроме того, «лично на себя они расходуют незначительно и, таким образом, имеют возможность сохранять в годовом своем бюджете баланс по большей части без дефицита».

В Балдаевской волости картина обратная: «Близость города, завода, хлебной пристани оказывают здесь своеобразное неблагоприятное влияние на платежную способность населения, ввиду того, что жизнь крестьянина Балдаевской волости обставлена заметно большим комфортом, почему личные расходы его, превышая много раз расходы крестьянина Чувашско-Сорминской волости, являются наибольшей статьей годового бюджета, который в большинстве случаев балансируется сравнительно значительным дефицитом исключительно на счет податей».

Сознавая, что время «выколачивания податей» миновало, крестьянин безучастно смотрит на все «личные понуждения властей», недоимки не погашает и произвольно отдалает срок уплаты, а если и сделает кое-какую экономию, то старается завести торговлю, покупает бочку керосину, ящика 2 табаку, мыла, спичек и пр. и продает это или у себя дома или на базарах. За последнее время замечался особенный наплыв на базарах таких торговцев. В казначействе (уездном) не хватает запаса бланков билетов на мелочной торговле (в декабре 1897 г. и в январе 1898 г.) для удовлетворения требований таковых мелочных торговцев»²¹⁸.

Итак, бесспорный факт – долги накапливаются вне зависимости от экономического положения селений и от размеров податей, которые в 1890-х гг. были отнюдь не выше, чем до 1861 г., когда, как говорилось, недоимки чуть превышали 2% оклада, т.е. положенных платежей.

И причину непрерывного роста податной задолженности крестьян нужно искать в системе крестьянского самоуправления, неотъемлемой частью которой стало податное дело, основанное на круговой поручке.

По закону на сельском сходе и старосте лежала раскладка по дворам всех денежных податей и натуральных повинностей (казенных, земских и мирских), ведение счетоводства, контроль за должностными лицами, причастными к общинным финансам, и взыскание недоимок. При этом сход должен был предупреждать накопление долгов.

Однако составители Положения не удосужились объяснить вчерашним крепостным, каким образом они могут этого добиться – их просто поставили в известность, что таковы отныне их обязанности в данной сфере.

Другими словами, Редакционные Комиссии широким жестом фактически предложили неграмотным на 95% крестьянам в каждой отдельной общине *самостоятельно* создать систему сбора податей, видимо, благодушно полагая, что уж с подобным пустяком они справятся играючи. Кажется, такой веры в творческие силы народа, в нашей истории не будет вплоть до 1905 г., когда В. И. Ленин решил, что Советы народных депутатов – шаг вперед в сравнении с «буржуазной демократией».

До 1861 г. в государственной и удельной деревне податное дело было под контролем начальства, которое также защищало интересы отдельного плательщика от возможного их нарушения общиной. В крепостной деревне эти интересы охранял помещик или управляющий.

Ряд губернских комитетов во время подготовки реформы настаивал на том, чтобы мирской приговор о раскладке податей утверждался вышестоящей инстанцией.

Аналогичную позицию занимало и Хозяйственное отделение Редакционных Комиссий: «Внутренняя раскладка в сельском обществе казенных денежных и натуральных повинностей между крестьянами предоставляется усмотрению обществ. Каждому члену общества, имеющему уважительные причины быть недовольным сделанной миром разверсткою, представляется приносить на оную жалобу местным учреждениям или лицам, указанным в положении»²¹⁹.

Общее присутствие Редакционных Комиссий одобрило это заключение, **но его почему-то не оказалось в Общем Положении** о крестьянах 19 февраля 1861 г.

Как это могло произойти?

Теперь раскладка всех сборов и повинностей относилась к компетенции сельского схода, его приговоры признавались окончательными и не подлежащими обжалованию «при обыкновенных условиях». Эта ситуация не имела аналогий ни в каких других сферах российского податного законодательства, которое везде и всюду оберегало интересы отдельных плательщиков от произвола или простых ошибок тех, кто раскладывал подати. Предусматривался порядок как и собственно раскладки, так и апелляции на нее. Например, в

польских губерниях подати внутри селений раскладывались самими крестьянами сообразно решениям сходов, однако там были четкие правила, ограждающие людей от беспредела.

Только с 1889 г. земский начальник мог отменять мирские приговоры, составленные с нарушением интересов отдельных лиц, но лишь по жалобе потерпевших, а жаловаться осмеливались немногие. Конечно, удивительно, что за почти **30 лет** после 1861 г. правительство не удосужилось исправить эту ситуацию!

А теперь попытаемся представить, сколько несправедливостей произошло на этой почве!

Вводя круговую поруку, Комиссии, разумеется, ориентировались на реформу Киселева, когда реорганизация податного дела, как мы знаем, позволила к середине 1850-х гг. фактически ликвидировать недоимочность и обеспечить приличный уровень благосостояния крестьян.²²⁰

При проектировании реформы 1861 г. столкнулись два противоположных подхода – реалистичный киселевский и романтический славянофильский.

Однако Комиссии, взяв киселевскую схему, совершенно проигнорировали все, что сделало его мероприятия успешными. Результаты этого юридического экспромта во многих случаях оказались плачевными, что и неудивительно.

Созданная реформой система самоуправления поставила деревню ровно в то самое положение, в котором казенные крестьяне находились до 1837 г. и которое исчерпывающе описывают материалы ревизии 1836–1840 гг., – с поправкой на начавшуюся модернизацию, железные дороги и другие приметы нового времени.

Основные требования разумно организованной податной системы состоят прежде всего в том, что законом точно определяются – сумма налога, основания раскладки налога и способы ее обжалования, время взимания и ответственность за несвоевременный платеж.

То есть люди должны знать – сколько и за что конкретно они платят, как можно оспорить платеж, если они считают его несправедливым, когда они обязаны вносить деньги и чем чревата просрочка.

Киселевская система соответствовала этим критериям. В сущности, – это образец вполне вменяемого, если так можно выразиться, «патернализма с человеческим лицом». Она была понятной и справедливой, она не полагалась слепо на человеческие качества подвластных и исполнителей и почти исключала возможность злоупотреблений, что и принесло свои плоды.

У государственных крестьян с 1838 г. **буквально все** аспекты податного дела были подробно и разумно регламентированы законом, и на всех стадиях

был обеспечен действенный контроль за действиями должностных лиц и счетоводством. Все участники процесса – от крестьянина до окружного начальника и палаты государственных имуществ – знали свои права и обязанности.

Организация податного дела после 1861 г. дает образец беспорядка, который выдается из общего ряда даже на фоне отечественных стандартов.

Не вдаваясь в детали²²¹, замечу, что сложно вообразить большой хаос. Права должностных лиц определены не были, никаких правил по раскладке и сбору повинностей, ведению счетоводства, контролю за собранными деньгами не существовало, – все это должен был определить сход. Как не было и «вышестоящего» контроля за этой сферой деятельности общества.

Разные виды платежей курировались разными инстанциями: за выкупные платежи отвечали – мировые посредники (потом земские начальники), за земские сборы – земство, а взыскивала их и недоимки полиция. Мирскими сборами занималось само крестьянское самоуправление.

При этом инстанции не всегда «дружили» друг с другом, несогласованность их прав и обязанностей нередко приводила к взаимным конфликтам. А это в свою очередь давало крестьянам свободу маневра между двумя «начальствами», т.е. возможность не платить вовремя.

На практике абсолютно обычной была ситуация, когда объем платежей зависел «исключительно от благоусмотрения сельских властей и полиции, от большей или меньшей напряженности взыскания», и «в сущности никто из домохозяев не знал заранее, сколько с него потребуют в уплату повинностей»²²², с чем мы уже встречались в государственной деревне до 1836 г.

В итоге организация податного дела у помещичьих крестьян не только не соответствовала стандартам, но как будто нарочно испытывала несовершенство человеческой природы, поскольку ввела запутанную систему платежей, сложную для неподготовленных людей бухгалтерию и создала благоприятные условия для злоупотреблений и для манипулирования житейскими ситуациями и людьми. В довершение ко всему эта система оказалась неспособна к эффективному контролю за деньгами.

У государственных крестьян строгий контроль за податным делом был нацелен *на своевременную выборку* платежей у каждого отдельного крестьянина, что успешно препятствовало образованию и накоплению недоимок.

После 1861 г. деятельность мировых посредников и полиции концентрировалась почти полностью *на взыскании недоимок*²²³.

Крестьяне разных регионов были согласны с тем, что могут платить подакти частями в течение всего года и тем самым предупреждать накопление недоимок. Но для этого староста или сборщик должен был постоянно следить за доходами каждого двора, знать его мелкие заработки, из которых склады-

вался бюджет этого двора и немедленно изымать их (на чем и была построена система Киселева).

В небольших общинах так чаще всего и происходило. Но в обществах с десятками и сотнями дворов, каких в задолженных губерниях было большинство, это было нереально. Во всяком случае, сельским сходам в силу их индифферентности это было не по силам.

Крестьяне быстро отвыкли от дореформенных порядков, когда правильное исполнение их податных обязанностей контролировалось помещиками.

А сельские власти полноценно заменить их не могли, не случайно податные инспекторы 16-ти из 18-ти наиболее задолженных губерний отмечают «слабость надзора» как одну из главных причин появления недоимок.

Многим сходам, как мы знаем, нужны были не достойные, а относительно нетребовательные должностные лица. Однако чем хуже поступали деньги, тем жестче полиция давила на старост.

И в этом, повторюсь, заключалась большая житейская проблема, потому что хотя сельское начальство прямо зависело от полиции, но его зависимость от сходов была еще сильнее. Требовательный и принципиальный староста часто воспринимался как враг, ему сокращали содержание, старались выжить с должности и даже после того, как он уходил, ему продолжали мстить, «обделяя землей и лесом, притесняя пастбищем, нанося всякие обиды и оскорбления». Известны случаи, когда сходы выплачивали премию арестованным за малое податное усердие старостам и старшинам²²⁴.

Так что проявлять активность на этой ниве зачастую было просто опасно. Во многих местностях Московской губернии по нескольку раз выбирали только нетребовательных старост, а «если бы староста вздумал принимать меры против неплательщиков, то его «не только не выберут, но, пожалуй, сожгут. Волостные старшины также преследуют только личные свои цели»²²⁵.

В результате из-за бездействия старост и старшин в январе-августе постепенно установился обычай откладывать уплату податей до осени, игравший важную роль в накоплении задолженности. Все привыкли к тому, что к 1 июля поступало столько платежей, сколько удавалось собрать, а внимание местной администрации концентрировалось на последней трети года, когда шла усиленная выборка подати.*

---

* Ровно по этому поводу А. С. Ермолов писал, что беда не в том, что крестьянин должен платить податей 3–4 рубля с души в год, а то, что нередко ему, чтобы получить один рубль приходится продавать за рубль то, что стоит два-три рубля, продать не вовремя, в момент, когда предложение превышает спрос. Может быть, пишет Ермолов, при иной податной системе и иных способов взимания налогов крестьянин мог бы платить и больше, чем платит сейчас, а главное – платить без такого ущерба для своего кошелька, как это происходило в конце 1880-х гг.

Таким образом, первичное появление недоимки обуславливалось равнодушным отношением сходов и старост к своим податным обязанностям.

В то же время у людей был такой сильный мотив откладывать платежи, как круговая порука.

Один из податных инспекторов Саратовской губернии писал в 1901 г.: «Большим тормозом к успешному ведению дела взимания окладных сборов служит круговая порука... Боясь круговой поруки, многие крестьяне-плательщики, имея полную возможность уплатить сборы, не желали погашать недоборы в том расчете, что если сами они своевременно уплатят причитающийся с них оклад, то все равно придется платить за других, т.е. придется платить два раза»²²⁶.

Таких примеров – множество. Источники согласно отмечают, что из-за круговой поруки даже вполне зажиточные крестьяне стали максимально затягивать платежи, резонно опасаясь, что вовремя внесенная подать станет основанием для дополнительного платежа за соседей-недоимщиков.

Вольно было писать Хомякову, что круговая порука обусловлена самой природой «русского мужика», что такая взаимная ответственность улучшает положение крестьян, что она связана с «русским понятием о священном долге взаимного вспоможения».

Легко быть нравственным за чужой счет. А вот крестьянам совершенно не хотелось отдуваться «за того парня», очень часто пьяницу и лодыря.

Запаздывание с уплатой стало формой своего рода самозащиты крестьян от несправедливости податной системы. Платили теперь только по настоятельному требованию властей.

Под воздействием всех этих факторов недоимка стала заурядным явлением, как бы неотъемлемым компонентом податного дела.

Как правило, она вовсе не была индексом крестьянской бедности, особенно с учетом того, что значительную часть недоимщиков составляли богатеи, о чем современным певцам народных страданий странным образом ничего неизвестно.

В общинных губерниях задолженность состоятельных крестьян, в том числе и сельского начальства, была явлением широко распространенным и едва ли не повсеместным, по уездам их считали тысячами. Среди них были люди, которые, помимо наделной, владели 40 и более десятинами собственной земли, занимались солидными промыслами и крупной торговлей (иногда на десятки тысяч рублей), имели бакалейные и мануфактурные лавки, мельницы, содержали почтовые станции и т.п. Отдельной строкой шло крестьянское начальство. На богатеев-должников падало иногда до 50% недоимок тех или иных селений, однако их не только не привлекали к круговой поруке за других недоимщиков, но и деликатно *не понуждали к платежу за себя*²²⁷.

А в это время у мелких недоимщиков для погашения долгов отбирали для продажи даже скот.

Еще одним фактором недоимочности стало активное использование крестьянским начальством служебного положения в личных целях. Растраты ими общественных средств – нередко многотысячные – стали банальностью*. Земские обследования называют одним из факторов недоимочности «частые растраты должностных лиц»²²⁸.

Приведенных данных вполне достаточно, чтобы понять, насколько далеки от действительности фарисейские причитания негативистов о задавленном налогами крестьянстве. Это, разумеется, не означает, что не было крестьян, для которых платежи были действительно тяжелыми, но это вовсе не касалось всех или большинства крестьян.

Таким образом, недоимки, с одной стороны, стали самозащитой людей от несправедливой податной системы, основанной на круговой поруке, а с другой, были естественным следствием плохой организации податного дела.

Замечу, что способы взыскания задолженности прямо зависели от настроений начальства, т.е. от личного взгляда представителей местной администрации на исполнение служебных обязанностей. Так, одни из податных инспекторов были серьезно настроены на применение жестких мер, другие наоборот, были терпимы и, как минимум, «не жаждали крови» недоимщиков, особенно бедных, и между этими полюсами, как и всегда, помещалось, учитывая российские пространства, бесчисленное количество градаций. К тому же несогласованность позиций полиции, земских начальников и податных инспекторов давала крестьянам определенную свободу маневра, которую, впрочем, нужно особо определять в каждом отдельном случае.

Создается впечатление, что и власть порой смиряется с пороками податной системы, она не может и, возможно, не хочет всегда и везде выколачивать подати.

При всем том очевидно, что если у крестьян была малейшая возможность не платить вовремя, то многие из них, если не большинство, не платили.

Если вспомнить известную мысль о том, что в жизни есть две неизбежные вещи – смерть и налоги, – и поэтому налоги надо платить, то ясно, что не все российские крестьяне были готовы воспринимать эту максиму в полном объеме – налоги они не трактовали в категории «неизбежности». И «повинна» в этом была русская история.

---

* Характерный пример – в Рязанской губернии «хорошие люди, строгие по жизни, в старости нейдут, уклоняются от этой должности», поэтому сходы часто избирают «людей самых сомнительных качеств, которые, чтобы быть избранными, подпивают мир, имея в виду в будущем попользоваться мирскою копейкою».

В целом же, на мой взгляд, совокупность источников позволяет представить податное дело российской пореформенной деревни как некий довольно странный мир, весьма далекий от соображений «механической» рациональности, которую ему приписывает традиционная историография, поскольку в нем действуют силы, имеющие нередко противоположную направленность.

Идея-оборотень: уравнительно-предельная община как фактор пролетаризации русского крестьянства

Мироед настоящий, коренной – непременно оратор с несомненным литературным дарованием, психолог...

Г. И. Успенский

Когда закон основан на построениях, не имеющих почвы в условиях действительной жизни, он остается мертвою буквою²²⁹.

Н. К. Бржеский

Хотя недоимки и не являются четким показателем неплатежеспособности русской деревни, и долги, лежавшие на каком-то конкретном селении, далеко не всегда означали, что его жители сидят без денег, но, разумеется, бывало так, что отдельные крестьяне по разным причинам были не в состоянии заплатить здесь и сейчас.

И в тысячах случаев это становилось поводом для их разорения миром.

Безответственность общины в податном деле, вытекающая из ее бесконтрольности, была выгодна и полиции, и сельским властям.

Для полиции с 1874 г. наблюдение за ходом платежей и взыскание недоимок стало малоприятным доведением к основным обязанностям, однако вышестоящее начальство оценивало ее деятельность в том числе и по этому показателю (сейчас это называется «палкой»). Из стремления получить как можно больше денег часто вытекала предельная неразборчивость в приемах и способах их взыскания.

Полиция имела право продавать за долги крестьянское имущество по описям, утвержденным крестьянскими учреждениями, но это было довольно хлопотно.

А вот община могла совершать такие продажи без всяких ограничений. Поэтому полиция предпочитала давить на старшин и старост, те, в свою очередь, объясняли миру, в чем смысл жизни, а он, управляемый богатеями,

опасающимися круговой поруки, и не стесненный никакими правилами, без всяких описей нередко продавал последнюю движимость недоимщика и тем самым безнаказанно в конец разорял своих бедных односельчан²³⁰. В таких случаях выражение «пустить по миру» обрело особенно зловещий смысл.

Вот что сообщает неприменный член Рязанского губернского присутствия Н. В. Протасьев: «В течение года староста или сборщик кое-как всеми правдами и неправдами вырывает кое-что у крестьян на уплату податей; но когда к концу года исправник начинает грозить, а затем и в действительности сажает под арест старшин и старост, эти в свою очередь начинают грозить сходу круговой порукой, и тогда под влиянием богатых мужиков, нежелающих платить за недоимщиков, хотя и за ними самими числится недоимка (богатый мужик большей частью последний платит недоимки), сход выбирает уполномоченных, которые вместе со старостой ходят по дворам недоимщиков, пьяные и безобразные, срывают подачки с недоимщиков за отсрочку, а в противном случае тащат со двора все, что попало, и продают, за что попало. В это время кулаки и мироеды скупают за бесценку скотину, за бесценку же снимают в аренду наделы недоимщиков, по добровольному якобы соглашению с ними, и в конце концов полдеревни разорено, – но определенная часть недоимки уплачена. Гроза круговой поруки отстранена, а вся недоплаченная часть недоимки оказывается оставшейся за богачами»²³¹.

При этом, добавляет Протасьев, **«если бы представитель полиции при принудительном взыскании допустил десятую долю того произвола и того разорения, которое у всех на глазах допускается самостоятельным миром, то для такого полицейского чина не нашли бы подходящей скамьи подсудимого, а мужицкий “мир” творит все это безнаказанно»**²³².

Несомненно, аналогичный беспредел происходил не только в Рязанской, но и в других общинных губерниях, поскольку это было неизбежным следствием созданной в 1861 г. конструкции жизни деревни.

Однако общинный арсенал вариантов пролетаризации односельчан этим не исчерпывался.

Здесь уместно вспомнить, что Г. И. Успенский выделяет два типа деревенского обогащения.

Вот как он характеризует первый из них: «Миллионы людей живут в совершенно одинаковых условиях труда; все они одинаково зависят от этого солнца, от этого дождя, от этого града и т. д.; все они понимают друг друга, понимают печали и радости, хотя не думают, чтобы все и во всем были «под одно».

Над правильным дележом земли, над одинаковыми условиями труда есть счастье, сила, ум, талант, с которыми ничего не сделаешь «силой», которых не искоренишь, но которые проявляются на одном и том же деле, на земледелии, которые учат незнающего, дают пример, образчик лучшего.

Возьмем пример: рядом живут два крестьянина; один богатеет с каждым годом, другой с каждым годом отстает от него, но этот отстающий знает, что сосед его богатеет потому, что сильнее его, потому, что ловчей работает, что он встает до свету, что на его полосу пал дождь, когда не пал на другие...

Но это неравенство для него понятно, не возбуждает ненависти, Не может возбуждать, – он знает, что, будь он силен так же, как сосед, и случись с ним то же, что с соседом, – и он бы стал богатеть.

Это понятное неравенство.

Тут все понятно, тут можно поучиться, перенять. В крайнем случае только можно вздохнуть от зависти, но поступить с таким богачом «своим средством» (поджогом – М. Д.) не придет никому в голову...

У нас, и у богача, и у бедняка, – средства равны, труд одинаков, одним и тем же процессом мы достаем хлеб, но неодинаковы таланты, силы, дарования, счастье...»²³³.

Немалая часть крестьян подняла после 1861 г. свое благосостояние именно благодаря возможностям, которые дала модернизация, т.е. пошла по первому пути. Обогащение таких крестьян повышало средний уровень достатка всей деревни, потому что оно шло не за счет соседей, а приходило извне.

Второй тип обогащения связан с теми, кого Успенский именует «мироодами», «шаромыжниками, которые поняли дух века» и стали наживать богатство грехом, за счет соседей.

В этом случае шло перераспределение уже имеющихся достатков, что приводило не к повышению общего среднего уровня зажиточности селения, а к резкому росту неравенства, – одни поднимались по мере того, как деградировали другие.

И среди множества несправедливых способов обогащения весьма действенной была податная система. Кулаки стали паразитировать на раскладке податей* и репрессивных правах мира в отношении недоимщиков.

* В основе раскладки платежей и разверстки земли между отдельными дворами лежало число душ, которые числились за семьей.

То есть с внешней, формальной стороны это выглядело справедливо. Однако по сути такая разверстка не была уравнительной, ибо число душ далеко не всегда положительно коррелировало с платежеспособностью, которая измерялась прежде всего количеством работников, рабочего скота и т.д.

В итоге бедные относительно платили намного больше богатых. Раскладка подати по земле давала выигрыш многосемейным дворам с большим числом работников в сравнении с малосемейными, где рабочих рук было немного. То есть многосемейное хозяйство при одинаковом числе наделов с малосемейным бедняком имело больше возможностей пользоваться общинной землей и угодьями.

Разверстка по земле была неуравнительна еще и потому, что не учитывала количество скота. Подать, разложенная по душам, одинаково ложилась и на надел бедняка, у которого скота могло и не быть вовсе, и на богатого домохозяина с целым стадом. (Все эти проблемы громко заявят о себе в ходе аграрной реформы Столыпина).

После 1861 г. ведение хозяйства в общине проходило, как мы помним, в условиях неизменяемого объема ресурсов, и борьба за землю внутри нее была борьбой за то или иное распределение земли между отдельными дворами.

И тут кулакам очень помогало право мира устраивать не только общие, но и частные переделы («свалку-навалку» душ), которые далеко не всегда происходили в податных целях.

А между тем община получила это право под условием, **что именно путем такой дополнительной разверстки она будет погашать задолженность.** Однако на практике де-факто установился порядок, когда общество, на котором висела недоимка, без смущения устраивало частные переделы и отбирало у людей землю.

Интересный вопрос – как вообще у реформаторов, у которых «язва пролетариатства» была своего рода круглосуточным кошмаром, которые создали всю эту общинную систему ради предотвращения обнищания крестьянства, возникла идея лишения недоимщиков надела?

В государственной и удельной деревне **в редких случаях** у нерадивых крестьян по закону можно было отобрать землю, однако происходило это только под контролем властей. То есть до 1861 г., несмотря на круговую поруку, законы защищали интересы должников от потери надела.

Редакционные Комиссии видели проблему иначе – в полном соответствии с заветами Хомякова образца 1842 г.: «При первой неисправности каждого поселянина за него отвечает мир, которого он составляет только частицу; за каждую недоимку отвечает мир; за нерадивое и дурное исполнение обязанностей в работе отвечает точно также вся община»²³⁴.

Сделав общество хозяином наделной земли, они и лишение надела поставили в один ряд с другими мерами взыскания с недоимщиков.

Это казалось им справедливым потому, что они исходили из идеи **реальной, действительной** круговой поруки, при которой долги общины подлежали взысканию в полном объеме путем дополнительной раскладки **на все общество**, на каждого его члена. То есть если в общине 200 дворов, то недоимка будет поделена на 200 частей – на всех, по-соборному.

И самое удивительное – Милютин и его соратники верили, что это правило будет свято соблюдаться в десятках тысяч общин, рассеянных на миллионах квадратных верст! Они ведь, условно говоря, сами подсунули вору даже не отмычку, а просто ключ!

Понятно, что это капитальной важности условие на практике выполнялось не всегда, и наделы отбирались у недоимщиков вне зависимости от того, взыскивалась ли недоимка со всего сельского общества или нет²³⁵.

Поневоле вспомнишь мысль К. Ф. Головина о том, что реформаторы знали русскую деревню не лучше, чем «внутренность Африки»!

Кстати, по закону лишать общинника надела можно было только после того, как будут опробованы все другие, более гуманные меры. Однако эта оговорка абсолютно нивелировалась тем, что следить за ее исполнением было некому, и меньше всего тут можно было рассчитывать на сельское начальство. Применялись, как правило, две меры – продажа движимости и отобрание надела.

Круговая порука стала «отличным средством для всякого рода прижимок» беднейшей части общинников «исправными», зажиточными домохозяевами: «Под предлогом круговой поруки менее исправные домохозяева получают нередко менее того количества земли, на которое они имеют право; вдовы, с малолетками или юношами сыновьями, почти всегда обижены при разделе земли; земля лучших качеств тоже достается более зажиточным крестьянам. При возражении со стороны обиженных слышится всегда один и тот же ответ: «ты недоимщик слабосильный, а мы за тебя плати подати и отбывай повинности», после чего обиженный молчит, хотя на самом деле его же, обиженного, в первую голову наряжают для исполнения какой-либо натуральной повинности, а недоимки и текущие платежи взыщут, если возможно, с него же, не уплатив ни одного гроша за обиженного землей при разделе ее по домохозяевам»²³⁶.

Стремление мироедов к полному или частичному захвату земли односельчан часто реализовывалось в силу их влияния на сходах.

Под предлогом скидки и накидки тяглов у бедняков нередко отбирался весь надел и они становились безземельными. Чтобы устранить подобный беспредел, Сенат постановил, что сход может лишить домохозяина всего надела только в случае, **прямо указанном в законе**, т.е. если он злостный недоимщик. Тогда сходы стали отбирать не весь надел, а часть его, но такую, что человек уже не мог вести самостоятельное хозяйство²³⁷.

Опросы губернаторов Министерством внутренних дел выявили многочисленные случаи, когда у бедных (как правило) общинников стараниями богачей отбирали землю, нередко за водку. Так, Орловский губернатор, отмечал в 1888 г., что в его губернии «поражает многочисленность жалоб на произвольное отнятие сельскими обществами у отдельных своих членов земельных наделов и передачу их другим членам тех же обществ» и что подобное положение, вытекающее из взгляда на общину как на бесконтрольного распорядителя своей землей, крайне деморализует крестьянство; он настаивал на точном определении прав каждого общинника на свой надел²³⁸.

Согласно источникам, продажа крестьянского скота, часто предшествовавшая лишению надела, стала для кулаков удобным способом безнаказанно угнетать бедных соседей, методично доводя их до полного разорения с тем, чтобы они сдали надел за бесценок.

Бедняки шли на все и принимали на себя *любые* обязательства, лишь бы не допустить продажи скота, и в частности, занимали деньги у мироедов для срочных платежей на очень тяжелых условиях.

В итоге доведенные до грани разорения они сами сдавали свою надельную землю зажиточным соседям. Например, в Самарской губернии (без Ставропольского уезда) в аренде находилось 10% всей крестьянской надельной земли.²³⁹

Венцом общинной справедливости был тот факт, что эта сданная кулакам земля нередко возвращалась в аренду к своим же хозяевам, но по цене вдвое-втрое большей. Просто вопиющее торжество правды!

Понятно, что все вышеописанное могло иметь место лишь при круговой поруке в уравнильно-передельной общине.

То, что речь идет о пороках именно общинного землепользования, подтверждается – по контрасту – картиной, которую мы видим в северо-западных и юго-западных губерниях с подворно-наследственным крестьянским землевладением, которые были самыми исправными плательщиками податей и никогда не имели продовольственных долгов.

Здесь каждый хозяин знал, сколько он должен платить и за что, поскольку оклад выкупных платежей был установлен выкупными актами, а остальные налоги волостное правление раскладывало в четком соответствии с неизменяемой площадью выкупаемого участка, зафиксированной в официальных подворных книгах. Сельский сход не принимал участия в раскладке податей, а за своевременным взносом домохозяевами выкупных платежей следило сельское и волостное начальство.

В подворных губерниях крестьянская администрация, применяя меры взыскания, не могла опираться на безответственность сходов. Поэтому она была вынуждена следить за тем, чтобы текущий оклад своевременно пополнился – это именно то, чего не было в общинных губерниях и что лежало в основе накопления недоимок.

По отношению к недоимщикам применялся весь спектр наказаний, за исключением изъятия надела. В крайнем случае волостное начальство могло сдать весь или часть полевого надела в аренду с торгов, но только с разрешения уездных крестьянских властей.

Вообще вся приведенная информация об общинном беспределе – прекрасная иллюстрация мысли П. А. Столыпина, высказанной им в 1907 г. в известном письме Л. Н. Толстому: «Теперь единственная карьера для умного мужика быть мироедом, т. е. паразитом. Надо дать ему возможность свободно развиваться и не пить чужой крови»²⁴⁰.

И ужас здесь не только в беспардонной и воистину безжалостной эксплуатации чужой беды, чужой слабости, а иногда простого невезения.

Ужас и в том, во-первых, что система создала все условия для того, чтобы быть негодяем стало выгодно (*Почему ты ведешь себя как мерзавец? – Потому что могу!*), и во-вторых, в накоплении у людей одного из самых тяжелых чувств – чувства безысходности. «Куда ни кинь, везде клин!».

От долгой работы с документами по этой теме возникает устойчивое ощущение противоестественности происходящего, которое знакомо моим ровесникам (а теперь – и многим молодым людям), сталкивавшимся в советское время не только с несправедливостью под флагом справедливости (нынешняя эпоха хотя бы об этом молчит, хотя эмоции вызывает те же), но и с обыденностью тотального абсурда. К тому же абсурда, возведенного в ранг здравого смысла...

Поневоле согласишься с П. П. Дюшеном, который жестко заметил: «Крестьяне говорят: “мир – плохой хозяин; у мира – нет души”. Последнее так же справедливо, как и первое. **Всюду замечаемое нравственное одичание крестьян несомненно происходит от разлагающего влияния мирских порядков. Подчиняясь роковой власти, крестьянин внутри своей души не может признать безобразный мирской приговор правильным и, сознавая свою беспомощность, начинает верить в господство зла**»²⁴¹.

Когда-то мое знакомство с писателем Н. Г. Гариным-Михайловским началось с основанного на реальных событиях рассказа «Волк» – воистину страшного, даже душераздирающего изображения пореформенной общины. Подлинная история, которая легла в основу рассказа, вкратце такова.

Самарские крестьяне нашли в лесу неизвестного мальчика трех лет. Его привезли в деревню, где он и жил «с тех пор, как приبلудная собачонка, по избам. С десяти лет сдали его миром в подпаски, и стал он гонять свиней. Вырос, сам пастухом стал. Приписали его к обществу, стал крестьянином. Охотник до церкви был, выучился у дьячка грамоте».

В этой местности было много раскольников. Однажды мальчика назначили в услужение к приехавшему миссионеру, который стал брать его с собой на беседы с раскольниками, «а потом и одного уж стали посылать. И так он знал святое писание, что раскольник ему текст, а он ему три».

Мальчик сдал экзамен на миссионера, и через три года этот миссионер «выхлопотал ему место попа в Уральске к казакам; они все там раскольники. Ну и вот, мир не отпустил. И раньше завидовали: «Что такое, свиной подпасок выше нас хочет быть?» Всякую каверзу ему делали, – в холерный... год чуть не убили его за то, что полиции помогал больных разыскивать... Не пустили... Насчитали на нем недоимки шестьсот рублей: заплати, тогда и иди на все стороны... Просился на рассрочку – не пустили. Стал пить, – теперь пьянее его и на селе нет, – без просыпу, валяется по кабакам да под заборами, а те радуются: “Хотел больше нас быть – последним стал”».

Что тут сказать?

Разумеется, не все общины были такими, в источниках есть и другие примеры. Однако Гарин показывает, какими бывали последствия бесконтрольной власти, полученной в 1861 г. коллективом, периодически превращающимся в стадо.

Председатель Камышинской уездной Земской управы Н. Д. Михайлов в 1902 г. отмечал, что нередко община притесняет своих членов «решительно без всяких выгод для себя, а по какой-то бессмысленной неприязни к ним или просто из зависти», например, затрудняет выдачу приговоров поступающим в учебные заведения или какого-нибудь удостоверения для предъявления в присутственное место, выбирает в должности людей, десятки лет уже не живущих в селе и т.п. А если и смилостивится и составит приговор, «то только после долгих унижительных просьб и почти всегда с выпивкой».

А в тех случаях, когда хотя бы отчасти затрагиваются интересы самой общины, она становится «положительно беспощадной» по отношению к своим членам. Известно, насколько плачевно положение «вдов и сирот, лишаемых наделов и чуть не изгоняемых даже с усадеб».

В подтверждение сказанного Мельников приводит один случай, «характеризующий “сердечное” отношение общества к своему однообщественнику».

Один крестьянин села Саламатина Камышинского уезда усыновил двухлетнего мальчика, которому общество вместе с другими приемышами сначала «нарезало землю», потом решило ее отобрать, но не смогло.

В 1902 г. этот юноша достиг призывного возраста, и они вместе со стариком-отцом обратились к общине за приговором, «удостоверяющим, что приемыш был усыновлен до 4-летнего возраста» и что в силу этого он как единственный сын в семье может «пользоваться льготой 1-го разряда».

Однако общество взамен потребовало, чтобы он отказался от полученной земли, и поскольку он это требование не исполнил, то приговора не получил. Так единственный кормилец семьи пошел в солдаты.

Мельников говорит, что «каждому, знакомому с крестьянской жизнью, известны сотни случаев такого отношения схода к своим однообщественникам. Они лучше всего характеризуют то отеческое и заботливое отношение крестьянского общества к своим сочленам, о котором так любят распространяться теоретики, видящие в общине средство от всяких невзгод в крестьянской жизни.

А ссылка в Сибирь без суда, иногда только по проискам какого-нибудь мироеда?!»²⁴².

Крестьянский правопорядок

Крестьянин. Я слышал, что волостные суды изменять хотят. Это будет хорошо.

Вопрос. Разве крестьяне им недовольны?

Ответ. Да как же ими довольными быть, помилуйте? Народ все неразвитый – слепой слепого водит. В судьи все мироеды попадают, из-за магарыча дело решают. Кто их опойт, тот и прав. Суд ведь должен быть для бедного человека, а у нас только сильный и богатый может добиться от него правды: богатый магарычи ставит, а сильный, если он с писарем знаком, ничего не подарит, разгонит судей, прикрикнет на них, и дело за ним останется.

М. И. Зарудный «Законы и жизнь».

Итоги исследования крестьянских судов».

Я очень часто присутствую в качестве зрителя в волостном суде и вынес полное убеждение в его несостоятельности. Глубоко заблуждение, что у крестьян есть местный обычай. Обыкновенно его создают при помощи ведра вина.

*Труды местных комитетов Особого совещания
Московской губернии.*

12 марта 1905 года, выступая на одном из последних заседаний Особого совещания, Витте сказал: **«Россия составляет в одном отношении исключение из всех стран мира. Исключение это состоит в том, что систематически, в течение двух поколений, народ воспитывается в отсутствии понятия о собственности и законности.»**

Подобный пример едва ли найдется в какой-либо другой стране.

Какие исторические события явятся результатом того, затрудняюсь сказать, но чую, что последствия будут очень серьезные».

Реформа 1861 г., продолжает Витте, трактовала ограничения крестьянских прав собственности на землю как временную меру, которая исчезнет по окончании выкупа, и едва ли считала идеалом отсутствие у крестьян понятия о собственности.

Однако на деле крестьянство воспитывалось «в условиях уравнительного землепользования, т.е. в условиях, исключающих всякую твердость и неприкосновенность прав отдельных лиц на их земельное владение».

В результате «никакого понятия о собственности в сознание крестьян не внедрилось. Этого понятия не мог создать у крестьян не только порядок владения землей, но и вообще весь характер их правоотношений.

Ведь правоотношения нормируются не точным писаным правом, а часто «никому неведомым», по словам Комитетов (Особого совещания – М. Д.),

обычаем, причем спорные вопросы разрешаются частью волостным судом, т.е. судом темным и небезупречным, а частью даже в административном порядке: сходом и попечительной властью начальства.

При таких условиях для меня является огромный вопросительный знак: что может представлять собой империя с 100-миллионным крестьянским населением, в среде которого не воспитано ни понятия о праве земельной собственности, ни понятия о твердости права вообще.

И мне представляется, что, если идея воспитания крестьян в условиях уравнительного землепользования и вообще в условиях, отдаляющих их от общего правопорядка, будет и далее проводиться с таким же упорством, то Россия может дожить до грозных исторических событий.

...Раз крестьяне в себе не имеют чувства собственности, то, очевидно, они не будут уважать и чужой собственности»²⁴³.

Витте знал, о чем говорил, и каждая запятая здесь стоит на своем месте. Это было одно из его, увы, сбывшихся горестных провидений относительно будущего нашей страны.

Что стоит за этим резким и емким заявлением, в большой мере подводящем итог 44-летней аграрной политике Империи?

Объем данной книги не позволяет раскрыть с надлежащей полнотой ни мысли С. Ю., ни тему в целом. Для этого нужна не одна диссертация.

Однако ясно, что Витте имеет в виду тот специфичный правовой режим, установленный в деревне освободительной реформой, те многочисленные ограничения личных, имущественных, шире – гражданских прав, ставшие неотъемлемой частью жизнедеятельности крестьянства после 1861 г.

В традиционной историографии все эти сюжеты и их роль в крестьянской повседневности надежно отгорожены от читателя малоземельем, огромными платежами и низкими подушевыми показателями урожайности.

Проблема жизни, ведения дел, мироощущения (в широком смысле), морального самочувствия людей в условиях правовой небезопасности их быта этой литературой даже не рассматривается.

Мы, грубо говоря, не задаемся вопросом, как смотрит на мир человек, который до старости не властен ни над собой, ни над продуктами своего труда и зачастую даже над материальными результатами своей жизни, насколько таковыми может считаться нажитое имущество.

Ограничения, если так можно выразиться, были многоцелевыми, однако львиная их доля работала на обеспечение фискальных интересов казны.

Мир, мы помним, был собственником земли и круговой порукой отвечал перед правительством за все повинности, лежащие на ней (казенные, земские, мирские). В силу этого главной его функцией была разверстка земли и повинностей между отдельными дворами, податная исправность которых зависела от усилий их членов и была зоной ответственности домохозяев.

Поэтому мир, отвечавший за сумму повинностей, повелевал, точнее, ограничивал гражданские права отдельных домохозяев, а, они в свою очередь, делали то же в отношении домочадцев.

19 февраля 1861 г. эти очень серьезные ограничения трактовались как временные, предназначенные лишь на переходный период – до окончания выкупа. Уже здесь было плохо скрытое лукавство – хорош переходный период в полвека! На деле же в крестьянской политике по-прежнему доминировали вековые дворянские фобии.

Однако впоследствии законодательство не только не ослабило эти ограничения, что было бы логично ввиду постепенного уменьшения суммы выкупного долга, но, наоборот, сделало их еще сильнее и придало им статус постоянных.

Конструкцию жизни, сложившуюся на этой основе, назвать иначе, чем уродливой, нельзя.

О планировавшемся при подготовке реформы введении Сельского устава власть благополучно позабыла и превратила деревню в территорию, где господствовал полумифический обычай.

Другими словами, правительство сознательно поставило три четверти населения вне сферы действия положительного гражданского закона, по своей воле загнав Россию в положение, беспрецедентное для страны, претендующей во второй половине XIX в. на мировые роли.

Если собрать все только опубликованные факты вопиющей правовой анархии и беспредела в пореформенной российской деревне, происходившие на «законных» основаниях и с ведома властей, то получится многотомная хрестоматия. Чтение хотя бы части любого тома, полагаю, повысило бы у многих читателей артериальное давление, поскольку эта книга гарантированно была бы коллекцией историй возмутительных несправедливостей – житейских, человеческих, коллективных и т.д.

Вот лишь несколько фактов.

Община – собственник земли. Однако по завершении выкупа каждый общинник, как мы знаем, имел право требовать выделения себе в частную собственность надела, соответствующего его доле участия в приобретении этой земли. Тем самым крестьяне получили перспективу стать наследственными собственниками обрабатываемой ими земли – пусть и в относительно отдаленном будущем. Помним мы и о праве досрочного выкупа надела по статье 165.

Однако выкупные платежи обеспечивались круговой порукой всех общинников, и общине разрешалось проводить переделы земли в соответствии с рабочей силой отдельных семей.

Поэтому если до окончания выкупа происходил общий передел и надел крестьянина уменьшался (например, из-за изменения численности семьи

вместо трех душевых наделов осталось два или один), тем самым община отнимала у него идеальную долю собственности, уже приобретенную многолетними выкупными платежами. Ведь выплаченные деньги ему никто не вернет. Потому что бухгалтерии, на которой можно было основать подобные расчеты община создать не смогла. То есть фактически люди зачастую выкупали землю не для себя, а неизвестно для кого. (Повторюсь – представьте, что вы сколько-то лет выплачиваете ипотеку за 4 комнаты, а потом вас переставляют на 2 комнаты, но деньги, уплаченные за 4, для вас пропали!).

Что при этом должны были чувствовать крестьяне? О каком правосознании тут может идти речь?

Таким образом, важнейший законодательный акт, регулирующий ключевые аспекты жизни крестьянства, содержал в себе два взаимоисключающих принципа – частной и коллективной земельной собственности. Первый превращал крестьян в самостоятельных хозяев своей земли, чье благосостояние определялось энергией их труда и предприимчивости, а второй де-факто подчинял их жизнь произволу сельского схода.

Реформа фактически искусственно и принудительно привязала людей к земле, и они как бы вынуждены были ей пользоваться. Выделить свой надел в подворное владение после 1893 г. было практически невозможно.

Совсем оставить деревню было трудно, поскольку ликвидировать свое хозяйство по адекватной цене можно было только с согласия мира, не говоря о целом ряде других стеснений (так, даже временная отлучка зависела от согласия родителей, домохозяина, сельских властей, а при недоимках – и мира).

Мы много говорим о вреде переделов и уже знаем, что, хотя переделы были в меньшинстве общин, однако в них жило две трети крестьян.

Временность владения, повторюсь, лишала людей стимула к нормальному хозяйствованию, причем речь шла не только о пашне с кормовой площадью – в источниках есть примеры, когда переделались огороды, виноградники, сады и сохранный отдельными крестьянами лес.

Безусловно, факт отсутствия переделов сам по себе – плюс. Однако тот факт, что передел мог состояться в любой момент (и не только по желанию схода – например, после указа о 12-летних переделах земские начальники часто заставляли крестьян беспередельных общин их проводить!) также подрывал устойчивость владения. При этом переделы – не единственная проблема.

Предположим, что вы все-таки решили покинуть свою деревню – неважно, почему.

Если община еще не погасила свою выкупную ссуду, то желающие совсем уйти из нее крестьяне не имели законных прав продать свою полевою землю и усадьбу. Более того, и возможная их продажа, и сам их уход зависел от того, готов ли мир поручиться, что выплатит остаток выкупного долга. Нередко

мир поступал так, как описано в рассказе «Волк», т.е. выставлял непомерные финансовые требования.

В общинах, на которых не лежал выкупной долг (например, перешедших на дарственный надел), крестьяне хотя и не должны были просить у мира разрешения на уход, но также не имели законного права продать свой надел и усадьбу – возможность продажи полностью зависела от общины, исключая случаи, когда усадьбу покупал член той же общины.

Крестьяне-подворники были в куда лучшем положении. Независимо от того, выкупили они свои участки или нет, они не должны были просить у общества согласия на увольнение, а закон определял их права по реализации стоимости своей наделной земли²⁴⁴.

Тем не менее, и с ними случилась характерная история, ярко демонстрирующий уровень правовой культуры российской бюрократии.

Неряшливая публикация переселенческого закона 13 июля 1889 г. вызвала неприятное и притом всеобщее недоразумение. Опуская детали, скажу, что если подворный владелец сначала продавал свой участок, а потом объявлял о желании переселиться, то закон был на его стороне и ему никто не мог помешать.

А если он не продал землю, то с ходатайством о переселении он – из-за неверного понимания местными властями закона – терял право самостоятельного распоряжения своей собственностью и оказывался в положении крестьянина – общинника. Естественно, подворники обходили закон и уезжали, но кто сосчитает, сколько денег они не довели до Сибири, «умасливая» односельчан?

Только в 1901 г. МВД разъяснило ситуацию, и этот бред закончился²⁴⁵. Но ведь 11 лет крестьяне подворных губерний, лидировавших по переселению, при полном попустительстве правительства, не сумевшего издать закон так, чтобы его поняли собственные чиновники, подвергались несправедливой дискриминации, уменьшавшей их и без того скудные достатки, и даже ведшей «к разорению».

Проблемы крестьянства резко усложнились после того, как при Александре III в формирование аграрной политики активно включился Сенат, в огромной степени усиливший правовой хаос в деревне.

В частности, он решил, что подворный и усадебный участок, а также движимость, необходимая для ведения хозяйства, составляют «принадлежность крестьянского двора или семьи, притом семьи не родственной, а рабочей». Поэтому домохозяин оказался лишен права завещательного распоряжения, а его кончина не открывала наследства, если был жив кто-то из числящихся в составе двора.

Соответственно, человек не мог передать имущество тому из своих детей, кто постоянно жил с ним и помогал ему вести хозяйство. Напротив, после его

смерти имущество переходило ко всем членам двора, включая и тех, кто жил на стороне и не работал в хозяйстве. Зачастую имущество доставалось дальнему родственнику и даже чужаку в обход близких родных – и только потому, что они числились отдельным двором.

Однако и тут не обошлось без странностей. Нарушая, с одной стороны, столь естественное для каждого человека желание о «посмертном переходе имущества к близким по крови или по привязанностям людям», тот же самый Сенат – в полном противоречии с этим – разрешал, с другой стороны, домохозяину, пока он был жив, не только сдавать упомянутое имущество в аренду, но даже и продавать его без ведома остальных соучастников этой – как бы – общей собственности.

Отмечу, что домохозяином мог быть не только отец, но и старший брат, отчим, боковой родич или свойственник – как старший во дворе. Конечно, это прямо нарушало имущественные интересы младших членов двора. Видимо, не один В. И. Ленин имел в гимназическом аттестате четверку по логике.

Сенатская конструкция подворного владения – вопреки закону 1886 г. о регламентации семейных разделов – прямо их стимулировала, усугубляя процессы дробления земли.

Отцы при жизни спешили выделить любимых сыновей, чтобы не попасть в обрисованную выше ситуацию. Иначе тем досталась бы лишь небольшая часть имущества, поскольку весь «рабочий союз в составе двора», в том числе и живущие на стороне его члены, получают равные права на достояние умершего домохозяина.

Домохозяином зачастую был дальний родственник. В этих случаях для сохранения от его возможного произвола своей части общего имущества выделиться стремились все члены двора. Неудивительно, что порой семейные раздоры заканчивались убийствами и каторгой. На этом фоне о жалобах, тяжбах и немалых расходах для получения согласия мира на раздел можно и не вспоминать²⁴⁶.

А чем обернулся для крестьян закон 1893 г. о неотчуждаемости наделов?

В общине человек не мог продать надел без согласия мира, при подворном же владении он сплошь и рядом не имел возможности придать этой продаже законную форму, т.к. у крестьян отсутствовали формальные доказательства владения, что требовалось законом для совершения сделки.

Разумеется, несмотря на все запреты, земля продавалась и в общине, и в подворье.

При этом община по закону мало того, что имела право запретить продажу, но, если крестьянин, например, переселенец, навсегда уходил из этой деревни, могла потребовать от него бесплатно (!) сдать выкупавшийся им десятилетиями надел и даже заплатить остаток выкупа.

Поэтому нетрудно представить, какие огромные расходы в пользу мира несли люди, чтобы получить приговор схода, санкционирующий переход прав собственности²⁴⁷.

У подворников сплошь и рядом совершались частные сделки, которые не имели никакой юридической силы и которые оборачивались постоянными тяжбами и отъемом купленной земли.

Весьма обычный случай. Крестьяне одной из полтавских волостей, решившие переселиться в Ставрополе, продали землю и уехали. Однако вскоре они вернулись назад, «завалили суды просьбами и отняли купленные у них земли, разорив хозяйство покупателей». Подобных примеров было очень много²⁴⁸.

В трудах Курского комитета Особого совещания Витте есть история о пригородных слободах губернского города – Казацкой, Стрелецкой и Ямской. Усадебная земля здесь очень ценилась, и шла ее активная мобилизация.

Люди, купившие усадьбы, построились, завели хозяйство, сады и спокойно владели ими до 1890 года, однако сенатские толкования «семейной» крестьянской собственности положили этому конец.

В 1890 году к одному из покупателей, приобретшему землю 20 лет назад, наследниками продавца был предъявлен иск об изъятии усадебной земли из его владения. Волостной суд и уездный съезд отвергли иск, однако губернское присутствие, руководствуясь толкованием Сената «семейной» собственности, встало на сторону истцов.

После этого, понятное дело, в волостные суды пошла волна аналогичных исков, в результате чего множество людей «было изгнано из насиженных гнезд» и окончательно разорилось²⁴⁹. Характерно резюме этой истории в Своде трудов комитетов Особого совещания: «Вся практика... судебно-административных учреждений полна аналогичными случаями», «массой жалоб, тяжб и разорений»²⁵⁰.

Если целью Сената было установление правовой анархии в деревне, то она, безусловно, была достигнута.

Насколько созданный реформой 1861 г. и законом 1889 г. порядок суда обеспечивал защиту крестьянских интересов?

Статья 135 Общего Положения о крестьянах провозглашала: «Волостной суд решает дела по совести, на основании имеющихся в деле доказательств. При разрешении тяжб и споров между крестьянами, в особенности же дел о разделе крестьянского наследства, суд руководствуется местными обычаями».

Споры о наличии/отсутствии в русской деревне обычаев шли всю пореформенную эпоху и нам не очень интересны. Мы помним, как относился к этой проблеме Киселев. Знаем и то, что обычное право было предметом умиления и гордости народников. По мере усложнения жизни реализм, однако,

начал брать верх. Все чаще стали говорить о том, что такого права не существует, а использование того, что выдается за него, «открывает широкий простор для самого грубого произвола».

Вот лишь один пример.

Крестьянка курского села Вишнева Ирина Ельникова просила Беловский волостной суд изъять из владения ее брата и племянника 7,33 четвертей земли как приданое ее умершей матери. Волостной суд присудил истице 1/3 наследственной земли и вышестоящие инстанции утвердили это решение, отвергнув апелляцию.

Во втором деле тот же волостной суд на тех же основаниях отдал крестьянкам того же села Вишнева Екатерине Титовой и Прасковье Бабичевой (урожденным Клыковым) 4 четверти земли. Однако в этом случае апелляцию удовлетворили, поскольку ответчик заявил, что в Вишневе нет обычая, по которому сестры наследовали бы в материнском имуществе при живых братьях, и уездный съезд установил, что такого обычая якобы действительно нет²⁵¹. А кто и за сколько писал справку о том, что обычай отсутствует? Кто проверит?

Что тут комментировать? А ведь эти случаи – две капли в море...

Источники в целом негативно характеризуют личный состав волостных судов. Пополнялся он далеко не лучшими людьми, так как хозяйственные крестьяне уклонялись от выбора в судьи, как от бремени, отрывающего их от дел.

Все сказанное выше о крестьянском самоуправлении естественно относится и сфере правосудия, хотя, конечно, не охватывает 100% явления. Волостные судьи очень часто были принижены в экономическом и правовом отношениях, что ставило их в зависимость от всякого влиятельного лица – урядника, волостного старшины, кулаков. О земских начальниках не стоит и говорить.

Естественны поэтому нарекания современников на нередко невысокий нравственный и умственный уровень волостного суда, принимавшего решения, весьма далекие от правосудия.

Важно иметь в виду, что после 1861 г. в деревне постепенно сложилась следующая коллизия.

Многие крестьяне в сфере имущественных отношений вошли в соприкосновение с общим правопорядком потому, что жили и работали в городах, владели внеадельной недвижимостью, вступали в договорные отношения с некрестьянами, потому что занимались ремеслом, промышленностью или торговлей.

Неудивительно, что они восприняли многие существенные положения общего гражданского права. Например, у крестьян «сложилось убеждение в праве распоряжения надельной землей, завещания ее, наследования в поряд-

ке родственной близости, неотъемлемой принадлежности определенной доли из неразделенного наследства, и крепость таких имущественных отношений охраняется, в громадном числе случаев, силой народного правосознания».

Решения волостных судов зачастую также были основаны на подобном заимствованном из писанного «обычном праве». Однако эти решения постоянно отменялись крестьянскими учреждениями, которые были обязаны руководствоваться сенатскими разъяснениями о семейной собственности и несостоятельности любых сделок о недвижимости, совершенных не в крепостном порядке. А прибегнуть к нему крестьянам не позволяли другие решения того же Сената (!). В итоге имущественные права миллионов людей оказывались, выражаясь деликатно, «спорными и неустойчивыми»²⁵². Очень похоже на вариацию «басманного правосудия».

Уже в Валуевской комиссии 1872 г. подавляющее большинство респондентов в один голос говорит об отсутствии у крестьян уважения к чужой собственности. Дальнейшая эволюция правопорядка в деревне могла лишь ухудшить ситуацию.

Даже если представить, что все волостные судьи, все земские начальники – были бы идеальными адептами справедливости, они все равно ничего не могли бы поделать с немыслимым в индустриальную эпоху положением, когда они должны были решать самые близкие, самые насущные дела миллионов людей, не имея никакой положительной опоры в законе.

В силу сказанного внешне справедливые обвинения крестьян в правовом нигилизме, в неуважении закона и законности и т.д., внутренне, однако, не вполне состоятельны.

Потому что игнорируют естественный вопрос – а откуда бы у крестьян – из их конкретной жизни – появилось такое уважение?

Н.Н. Львов, выступая в III Думе, очень точно отметил, что итогом функционирования общинного режима стало формирование «бесправной личности и самоуправной толпы: тех двух начал, которые угрожают прежде всего гражданскому строю, не интересам землевладельцев, а именно, водворению гражданских свобод, которые мы должны водворить в крестьянском мире. Состояние масс в таком виде есть угроза для правового государства»²⁵³.

Вот чем, в частности, обернулся дореформенный правовой нигилизм дворянства, плавно трансформировавшийся в правовой нигилизм большей части образованного класса.

НЕОКРЕПОСТНИЧЕСТВО ПОРЕФОРМЕННОЙ ЭПОХИ

Социальный расизм после 1861 г.

Изложенное показывает, насколько – с внешней стороны – социальный расизм после 1861 г. изменился и усложнился.

Глубокие мысли на этот счет высказал крупный чиновник МВД, впоследствии губернатор И. М. Страховский, заметивший, что и в обществе, и в литературе упорно держится представление о крестьянине, как о существе особого рода: «И в паточной маниловщине, идеализирующей “добрых поселян”, – и в мистическом преклонении перед народом как перед сокровищницей каких-то особых духовных сил, – и в ожесточенном презрении к мужику, для которого будто бы нужны ежовые рукавицы, – и в попечительном властолюбии над крестьянством, во всех оттенках отношений к крестьянам, объектом этих отношений всегда является какой-то собирательный тип крестьянина вообще, вне времени и пространства.

По обычному представлению, крестьянин или мужик – это особое существо, в рубахе и лаптях, приверженное к ковыряню земли и живущее в простоте и грубости, по деревням и селам строго замкнутыми патриархальными общинами.

Так ему и надлежит – думаем мы», и поэтому прикрепляем крестьян к общине, разрешая им в лучшем случае уезжать из деревни по паспортам, а также отказываем им в получении высших сословных прав, ибо обладание ими противоречит привычному крестьянскому типу.

«Мы оберегаем цельность этого типа, как зубров в Беловежской пуще»²⁵⁴.

Преследуя воображаемые интересы воображаемого «нормального» крестьянина, «мы», продолжает автор, без стеснения серьезно ограничиваем его имущественные и личные права, изобретаем для него вместо нормального управления – попечительство, вместо закона – мифические обычаи, вместо общего суда – какие-то «домашние расправы» с розгами и т.д.

Как только речь заходит об изменении крестьянского законодательства, «мы сейчас мысленно примеряем эти изменения к собирательному типу крестьянина, и если находим, что старые порядки более подходят к этому типу, то очень решительно отказываемся от всяких новшеств» под тем предлогом, что они, конечно, хороши сами по себе, но бытовым особенностям этого вымышленного земледельца не соответствуют.

Забывая или не зная, что последние порождены многолетней политикой обособления крестьянства, мы принимаем их за нечто, существующее само

по себе, и продолжаем давно не актуальную политику изоляции именно из-за наличия этих особенностей.

«Путем какого-то непонятого заблуждения мысли случайный результат принимается за причину и основание.

Стоит только отказаться от этого заблуждения и мы, наконец, увидим в крестьянине не загадочное существо особой породы, а просто человека со всем присущим ему разнообразием общечеловеческих запросов и потребностей.

Мы откроем в нем тогда богатый запас дремлющих сил не того мистического характера, который грезился народникам, а сил реальных и жизненных, которыми, несмотря на все неблагоприятные условия, создана и расширена русская земля от моря до моря».

Это силы долго душили подушная подать и власть помещиков. Крепостного права давно нет, «но осталось еще крепостное право идеологии, тем более жестокое и беспощадное, что оно оправдывает себя “пользами и нуждами” воображаемого крестьянина»²⁵⁵.

Сказано сильно, однако, как мы увидим, недостаточно сильно. Конечно, многие, как верно говорит автор, придерживались таких взглядов по инерции, по тому, что просто всерьез не задумывались на эту тему.

Однако было немало людей, которые продолжали видеть крестьянство в рамках крепостных инструкций XVIII в. – иногда с поправкой временную девиацию. Они действительно «ожесточенно» презирали мужика, считали, что ему необходимы «ежовые рукавицы» и что без «попечения» ему не обойтись.

Справедливости ради заметим, что после 1861 г. число открытых носителей идеи интеллектуальной и моральной неполноценности крестьянства уменьшилось. Публичная откровенность такого рода выходила из моды, но недостаточно быстро. Не зря же Витте в своих мемуарах постоянно говорит о том, что правительство и дворяне воспринимают крестьян как «полудетей», «полуперсон»; о совещаниях объединенного дворянства он замечает, что «дворяне эти всегда смотрели на крестьян как на нечто такое, что составляет среднее между человеком и волком»²⁵⁶ и т.д.

Характерна в этом смысле фигура Д. Ф. Самарина. Человек по складу весьма догматичный, заметно уступавший старшему брату в масштабе личности, он был ярким противником личной крестьянской собственности и, соответственно, выкупной операции, о необходимости отмены которой он заявил еще в 1861 г.

В 1881 г. он был лидером большинства экспертов («сведущих людей»), обсуждавших аграрный вопрос и требовавших отмены ст. 165 о досрочном выкупе наделов.

Его «Мнение большинства экспертов» – манифест воинствующего социального расизма и некрепостничества, который в кристально чистом виде

показывает, как воспринимала народ значительная и влиятельная часть дворянства.

Крестьянин трактуется не как человек, имеющий такие же права, как Д. Ф. Самарин или любой из экспертов, а опять же как «аппарат для выработки податей», как существо, на которое правительство возложило обязанность платить налоги и повинности, для чего наделило его землей.

Два момента наиболее показательны.

Самарин начинает с того, что досрочно выкупивший свой надел по ст. 165 крестьянин освобождается от круговой поруки. Между тем она – «бремя, возлагаемое государством на целое сельское общество с целью обеспечить исправную уплату податей или повинностей или выданных обществу в ссуду денег».

Поэтому Самарин не считает справедливой ситуацию, при которой человек, выкупивший свою землю, тем самым слагает с себя «ту долю ответственности за других», которая на нем лежала, и «самовольно» (!) возлагает ее на остальных общинников, у которых нет возможности сразу выкупить свои наделы.

Прелестная логика!

Особенно если примерить ее на себя!

«Если взаимная ответственность добровольно принята на себя обществом, или обязательно возложена на него законом, то едва ли вправе закон выделять из ответственности некоторых членов без согласия общества»²⁵⁷.

Интересно, а когда это у русских крестьян был выбор – принимать или отвергать круговую поруку? Их кто-то спрашивал об этом?

Не менее примечательно и продолжение.

Из права общины проводить переделы земли, пишет Самарин, следует, что у каждого отдельного домохозяина есть только право временного пользования полученным участком,

Поэтому тот факт, что он в течение какого-то периода времени вносил выкупные платежи сообразно площади полученной им земли, не дает ему права получать в личную собственность «то самое количество земли, за которое он вносил выкупные платежи», как гласит ст. 165. (!!!)

Это, по Самарину, «нарушает право собственности общества».

«Может случиться, что домохозяин в продолжение 20 лет пользовался по мирской разверстке только двумя душевыми наделами и по этому числу вносил выкупные платежи. Через 20 лет вследствие увеличившегося состава семьи этого домохозяина, общество представляет ему 4 душевых надела. Справедливо ли признать за ним право воспользоваться новой разверсткой и закрепить за собою навсегда посредством взноса соответственной выкуп-

ной ссуды, право на отведенные ему 4 душ надела, тогда как он продолжение 20 лет участвовал в выкупе только двух наделов?»²⁵⁸.

Показательно, что рассмотреть обратную ситуацию ему в голову не приходит.*

Самарин считает, что крестьянин, выкупивший свой надел, собственником быть не может, а должен сдать его в общину. А что же он тогда выкупал? Свои крепостные повинности, отвечает Самарин.

Конечно, для этих людей крестьяне – рабочие лошади, не более того.

Рядом с Самариним стоит такой государственный деятель, как министр внутренних дел И. Дурново и его единомышленники, выступавшие против строительства Транссиба (см. ниже).

Безусловно, крайние в этом плане взгляды выразил С. А. Нилус в ходе работы Мценского уездного комитета Особого совещания С. Ю. Витте. Он как бы проговорился за всех своих единомышленников.

Он заявил, что «просвещение деревни ни к чему не ведет и поэтому совершенно не нужно. К чему учить мужика, когда этим темным мужиком создано государство русское, когда пред этим темным мужиком и теперь трепещет вся Европа. Нет, в основе государственной жизни лежит другой принцип, именно, русское государство устроилось верой Божией, но теперь этот принцип нарушен, и мы в Комитетах должны отметить и указать, что вера падает, что родители не могут справиться с детьми, дети не слушают родителей».

Вопросы веры надо поставить во главе всего и, кроме того, указать то значение, которое должно играть в государственной жизни дворянство.

Государство российское должно управляться Помазанником Божиим, а главными помощниками Его должны быть дворяне, которые издревле были руководителями деревенской жизни.

Нилус оговаривается, что он не стремится поднять вопрос о крепостном праве, но он хочет восстановить то доброе, что было при крепостном праве. Он полагает, что власть всегда должна быть попечительная, так сказать, лю-

* Между тем они не были редкостью: «По букве закона право хозяина над надельной землей принадлежит сходу, а исполнителем его распоряжений является сельский староста. Но разве неизвестно, как пользуется своими правами первый и как исполняет свои обязанности второй?... Крестьянин всю жизнь работал, выкупал землю, вкладывая часто деньги, добытые членами семьи на посторонних заработках, а пришел передел, и ему достается вместо прежнего количества земли вдвое-втрое менее, на что кормиться нельзя, остальная же земля переходит члену общины, который слишком мало или нисколько не потрудился в общем деле; умирает он – семья остается без куска хлеба, теряя все, что, в сущности, приобрел кормилец». (Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. XXIV, Нижегородская губерния. СПб., 1903. С. 139–140). А. С. Ермолов, говоря в Особом совещании С. Ю. Витте о причинах аграрных беспорядков, также привел подобный пример как свидетельство сугубой несправедливости положения крестьян.

бовная, а в крепостное право таковая и являлась в лице помещиков - дворян. Пропали дворяне, и пропала такая власть. Мужуку и живется гораздо хуже, чем при крепостном праве, потому что у мужика теперь нет власти руководящей, а крестьянин требует себе руководителя»²⁵⁹.

Официальное возвращение к «истокам», к «духовным скрепам» началось с воцарением Александра III.

В крестьянской политике эту идею повернуть время вспять олицетворял министр внутренних дел граф Д. А. Толстой. Он открыл эпоху аграрных реформ, ознаменовавших переход правительства к откровенной изоляции крестьянства от общегражданского правового поля, причем – во многом по инициативе и с одобрения большей части общества.

Свой взгляд на проблемы деревни он внятно объяснил, продвигая закон о семейных разделах.

Отмечая их пагубное влияние на платежеспособность деревни, он не оспаривал того факта, что в основном они вызываются не беспечностью крестьян, а причинами нравственного порядка – семейными ссорами и противоречиями.

Однако он, что называется, на голубом глазу утверждал, что эти ««несогласия и раздоры являются в большинстве случаев проявлением общего упадка дисциплины среди крестьянского населения в свою очередь, отсутствия каких-либо ограничений для развивающегося в последнее время духа своеволия и распущенности»²⁶⁰. А потому, если крестьяне будут сознавать, что уйти из семьи «по произволу» невозможно, то ссор неизбежно станет меньше.

Этот чудный образчик душевной тупости и глухоты как будто сформулирован Текутьевым.

В 1886 г. было принято два закона. Один затруднял семейные разделы, второй объявлял нарушение сельскохозяйственными рабочими (в массе крестьянами) договоров о найме на работы уголовно-наказуемым преступлением. (Закон 12 июня 1886 г.)

12 июля 1889 г. появилось Положение о земских начальниках, в котором ясно проявились вотчинные тенденции попечительства над крестьянами. Земские начальники получают огромные дискреционные права в плане попечения над крестьянскими учреждениями.

Положение не только подтверждало существование обособленного крестьянского управления, но и меняло крестьянское право в области суда и управления, подчиняя при этом все крестьянские органы самоуправления опеке «специальных органов по управлению крестьянами, которые построены были на сословно-дворянском начале».

Этот же закон резко расширил компетенцию волостного суда, получившего в свое ведение все споры о надельном недвижимом имуществе и вообще споры и иски ценою до 300 руб. (ранее – до 100 руб.).

Наконец, в 1893 г. была установлена неотчуждаемость крестьянской надельной земли и фактически отменен досрочный выкуп наделов по ст. 165.

В том же году определено, что переделы земли не могут происходить чаще, чем раз в 12 лет. На деле, как говорилось, приводило к тому, что земские начальники заставляли крестьян переделываться там, где никаких переделов не было.

На фоне перечисленных актов началось законотворчество Сената, окончательно обособляющее крестьянское право на началах подворной, семейной собственности.

Перечисленные законы обычно трактуются как свидетельство глубокой реакционности власти. Это верно лишь отчасти, поскольку они – кроме закона о земских начальниках – были инициированы многочисленными земскими ходатайствами 1870–1880-х гг., требовавшими упорядочения системы крестьянского самоуправления, поддержки и сохранения общины, защиты помещиков от своеволия наемных рабочих и жаловавшихся на вредное влияние частых переделов на уровень крестьянского земледелия.

Так что проблема сложнее, чем может показаться на первый взгляд.

Здесь нужно иметь в виду, что новое законодательство во многом было вызвано очевидной несостоятельностью системы крестьянского самоуправления, ставшей мощным фактором дезорганизации и пролетаризации деревни.

В этом плане показателен закон о земских начальниках.

В литературе достаточно сказано о его реакционной стороне, и во многом справедливо. В то же время, полагаю, что введение этого института следует оценивать и в контексте повсеместного упадка крестьянского самоуправления и дезорганизации общинной жизни – как запоздалую попытку уменьшить произвол и анархию сельских сходов и крестьянского начальства.

При этом Страховский считает, что так называемое «попечительство» земских начальников, т.е. их заботы об экономическом и нравственном преуспевании крестьян, когда они пытались выступать не в качестве чиновников, а качестве «местных вотчинников» провалилось²⁶¹.

Другое дело их деятельность по надзору за правильностью и законностью действий крестьянского начальства: «Нельзя не сознаться, что за немногими случайными исключениями со времени введения земских начальников **стало больше порядка и меньше злоупотреблений в волостных правлениях**, постепенно искореняется пьянство на сходах, надежнее охраняются от расхищения мирские суммы, улучшается мирское счетоводство, возобновляются прекратившие свое существование ссудные кассы, пополняются хлебозапасные

магазины и т.д. Эта сторона деятельности земских начальников заслуживает полного внимания и сочувствия»²⁶².

Однако мы довольно хорошо знаем, **что** в их деятельности сочувствия не вызывает никакого. С. Т. Семенов, в частности, отмечает, что с их появлением вновь обострился ушедший было в тень антагонизм между крестьянами и дворянами.

Итак, возвращение к «скрепам» обернулось торжеством неокрепостничества.

Споры вокруг Транссиба

Теперь – в начале XXI века – понятно, что Россия завоевывалась впрок.

Однако даже в 1880-х гг. огромные просторы Сибири, Степного края и Средней Азии не были по-настоящему интегрированы в жизнь Империи. Лишь в 1890-х гг. началось строительство Великой Сибирской магистрали. Средняя Азия до начала движения по Ташкентской железной дороге в 1907 г., соединившей ее с Европейской Россией, практически была островом (верблюжьи караваны до Оренбурга к этому времени потеряли значение).

Витте, фактически руководивший строительством Транссиба, был не первым, кто понимал сугубую важность проблемы реальной интеграции Европейской и Азиатской частей России, но первым, кто реально смог преодолеть инерцию и изменить историю. Он же, как это часто бывало, наметил задачи для будущего.

Я уже касался ряда сюжетов, связанных с созданием этой магистрали, роли в нем С. Ю. Витте и оппозиции сооружению этой дороги, которая существовала в правительстве²⁶³.

Напомню лишь, что Витте был поражен, узнав, что за многолетним противодействием истеблишмента сооружению железной дороги в Сибирь стоит, помимо старых дворянских фобий, такой «государственный» мотив, как боязнь роста цен на рабочую силу из-за возможной миграции малоземельных крестьян. Эта позиция была мощным трендом в коллективном сознании правых.

Действительно, сейчас это кажется диким – как можно строить подобную магистраль и не иметь в виду при этом колонизацию Сибири?

Оказывается, возможно все, и Витте не преувеличивает ни на йоту – даже в том, что его усилия квалифицировались как «революционные».

Ф. Г. Тернер отмечал: «То, что прежде, в дореформенное время, считалось делом самым естественным и необходимым, т. е. выселение избытка населения на свободный земли, то, что не только дозволялось и поощрялось,

но даже прямо предписывалось законом, то после 1861 года стало представляться делом крайне опасным, которое не только не следует поощрять, но которому даже следует препятствовать всеми мерами, – делом, о котором даже не следует говорить. Вопрос о переселении получил характер неблагонадежного: человеку благонадежному, консервативному не следовало и касаться его»²⁶⁴.

Опубликованные недавно воспоминания А. Н. Куломзина, управляющего делами Комитета по строительству Сибирской железной дороги* (далее: КСЖД), добавляют в нарисованную Витте картину важные детали, характеризующие управленческий класс тех, кто в этот период принимал важнейшие решения, а также особенности бытования социального расизма в конце XIX в.

Куломзин показывает, что до лета 1895 г. Комитет был арендой постоянного изнурительного противостояния с МВД, глава которого И. Н. Дурново во всей красе олицетворял худшие черты крестьянской политики Империи. Поневоле вспоминается характеристика, данная этому деятелю А. Ф. Кони: «Представительный выездной лакей, попавший в силу злосчастной судьбы в министры внутренних дел и участвовавший вместе со всей бюрократией в умышленном держании народа в глубоком невежестве»²⁶⁵. Если бы данная претензия была единственной!

Противостояние Витте и КСЖД с МВД выходило за рамки противоборства сторонников и противников проведения дороги в Сибирь. Оно было борьбой либерального подхода с неокрепостничеством, борьбой за другое видение аграрного вопроса, и в конечном счете – за другую государственную политику. При этом Николай II занимал вполне разумную позицию.

Куломзин говорит, что в ходе этой работы Николай II «выказал лучшие стороны своей личности. Дело было ему поручено отцом, который успел по главным вопросам высказать свою определенную волю, между прочим, резко расходящуюся с мнением Дурново.

Поэтому для наследника, а затем молодого императора «не могло быть места колебаниям. Вся эта эпоха, предшествовавшая Японской войне, была лучшим временем в новом царствовании, когда мрачные несчастья, сопутствовавшие царствованию позднее, не успели еще наложить на характер молодого государя тот отпечаток мистицизма и фатализма, которые так печально отразились во всем его существе»²⁶⁶.

Куломзин подчеркивает важность деятельности Витте, которому «принадлежала не только первоначальная мысль проведения Сибирского пути и заселения Сибири, но и выдающаяся роль в быстром проведении громадного

---

* В 1893–1902 гг. он совмещал с этой должностью свой основной пост – управляющего делами Комитета министров.

по одному только своему протяжению железнодорожного пути, сопряженном со столькими затруднениями и неожиданностями»²⁶⁷.

Он непосредственно участвовал в решении разнообразных проблем, тесно связанных с Транссибом и имевших глубокие последствия для внутренней жизни не только Сибири, но и Европейской России.

Особо выделяет Куломзин значение Н. Х. Бунге, «участие которого в делах Комитета в первые два года его существования имело решительное и самое благотворное влияние на направление его деятельности, влияние, сохранившееся» и после его кончины.*

Витте, говорит Куломзин, очень широко поставил проблемы, связанные со строительством Сибирской дороги, причем **«на первом, конечно, плане у него был вопрос о мировом значении дороги»**.

Особенно поучительным примером для Витте была построенная в 1880-х гг. Канадская дорога Монреаль–Ванкувер, протяженностью 4,5 тыс. км (тогда самая длинная в мире), которая прорезала громадный район, по характеру местности очень схожий с Сибирью, только населенный еще реже.

Дорога очень быстро вызвала серьезный подъем земледелия на огромном пространстве пустынной до того центральной Канады, потому что администрация дороги отводила каждому желающему ферму в 160 акров – под гарантию исполнения им установленных правил освоения участка²⁶⁸.

Еще в 1880 г. выращенного на этой территории хлеба едва хватало на то, чтобы прокормить немногочисленных жителей, а в 1891 г. – через пять лет после начала движения – только урожай пшеницы дал избыток для вывоза в 30 млн бушелей (79,2 млн. пуд. – М. Д.).

Вдоль главной линии железной дороги и ее ветвей, длина которых уже сейчас 1200 миль (1800 верст), выросло множество больших и малых населенных пунктов – «за короткое время своего существования Канадская дорога оживила и оплодотворила огромную пустыню, ею прорезываемую».

Да, на это были затрачены большие средства, но теперь это предприятие, которое при открытии движения переживало большие финансовые труд-

---

* Один из множества примеров этого влияния. Бунге настоял, чтобы Комитет Сибирской дороги, по примеру Комитета министров, не имел никакой исполнительной власти, а занимался лишь общим направлением и координацией деятельности отдельных министерств, оставляя на ответственности министров решение конкретных проблем. Особенно это касалось сюжетов, связанных собственно со строительством самой дороги (заключения подрядов и т.п.).

Бунге был уверен, что в таком огромном деле не обойдется без злоупотреблений, пусть и мелких. Поэтому важно, чтобы имя Цесаревича не ассоциировалось с подобного рода делами. Время показало правоту мудрого сановника. «Вопросы о злоупотреблениях неоднократно были поднимаемы, причем Сибирский комитет имел вполне развязанные руки для назначения проверок и ревизий, каковыми правами он троекратно широко воспользовался, организовав обширные поверочные комиссии». (Куломзин А. Н. Пережитое... С. 406.)

ности, дает свыше 8 млн. долл. (16 млн. руб.) чистого дохода, хотя до постройки дороги густота населения на территории, по которой она проходит, была вдвое меньше, чем в настоящее время в Сибири.

От ее конечного пункта, Ванкувера, пароходы ходят в Йокогаму и Гонконг. Конечно, подобная будущность ждет и Сибирскую дорогу. При этом колонизация Сибири даст необходимый выход малоземельной части крестьянства²⁶⁹.

Куломзин говорит, что «ярим противником» Витте выступил И. Н. Дурново, придравшийся к словам о Канадской дороге. Дурново настаивал, что земли переселенцам возможно будет отвести лишь по окончании устройства старожилов. Поскольку соответствующий закон об их землеустройстве еще не был издан, то это «равнялось приведению всех дел к нулю»²⁷⁰.

Дурново дружно возражали все участники заседания. Наследник, в частности, «указал на необходимость насаждения среди крестьянского населения Сибири образцовых крестьянских хозяйств».

В итоге предложение Витте было одобрено, и принято решение об образовании межевых партий для отвода участков переселенцам.

Надо сказать, что в тот момент колонизационное законодательство, по мнению Куломзина, «представляло, можно сказать, совершенную *tabula rasa*»²⁷¹.

Между тем поток переселенцев не иссякал, они «десятками тысяч бродили по Сибири без пристанища и устройства». Землю им рано или поздно отводили немногочисленные землемеры, работавшие в Тобольской и Томской губерниях.

Нередко люди селились без разрешения на понравившихся им местах, иногда на свободных землях казны, а иногда между уже существующими селениями по согласию старожилов, а подчас и без него. Тогда начиналась «бесконечная переписка. Каждое такое дело неизменно начиналось с постановления властей о насильственном удалении переселенцев с занятых ими мест, а пока шли бумажные препирательства между властями, деревня все росла, и фактическое приведение в исполнение решения о выселении переселенцев делалось с каждым днем все менее возможным»²⁷².

Настойчивость новопоселенцев в итоге побеждала, и «их с грехом пополам устраивали». Но они давали заразительный пример. Оставленные на самовольно занятых ими местах, они писали на родину о том, как им хорошо, привлекая тем самым новых переселенцев. Подобным образом иногда возникали целые волости. Куломзин в 1896 г. побывал в одной из таких волостей, которая за 15 лет разрослась «в целый ряд цветущих селений».

«Особенно счастливы» были новоселы, обосновавшиеся в глухой тайге в сравнительно близости от городов. Начальство нередко и не знало о них. «Они жили безбедно, скромно, никого не беспокоя, не платя никаких нало-

гов, и это делалось как-то само собой. Таких селений, как я позднее удостоверился, было в Сибири многие сотни».

Однако самыми, по выражению Куломзина, «злачными местами» были киргизские степи Акмолинской области, «представлявшие беспредельный простор никем не занятого девственного чернозема» (то, что в 1950-х гг. будет называться целиной).

Здесь с конца 1870-х гг. генерал-губернатор Западной Сибири Казнаков водворил «ряд богатых, цветущих селений», и их высокое благосостояние привлекало новых переселенцев.

Однако позиция администрации с тех пор изменилась. Близорукие премники Казнакова, «находившиеся в руках» местного уездного начальства, которое, в свою очередь, «было на содержании киргизских старшин», не считали колонизацию степей русскими крестьянами важной, сообщали в Петербург о том, что свободной земли для этого нет и т.д. Дело доходило до весьма серьезных конфликтов на национальной почве²⁷³.

Собственно говоря, перед открытием Транссиба было необходимо создать полноценный переселенческий закон, в котором был бы разработан вопрос о порядке оставления переселенцами родных мест, определены местности, для которых выселение части крестьян было наиболее актуально и т.д.

Однако, пишет Куломзин, здесь «неодолимым препятствием» была позиция Дурново, «**в глазах которого переселение являлось актом бесцельного шатания крестьян**» опасным для интересов помещиков, так как могло снизить арендные цены на землю. А их поддержание на максимально высоком уровне министр считал одной из главных задач МВД.

Стоило лишь коснуться этих вопросов, Дурново всегда отвечал, что переселенческий закон 1889 г. достаточно определенно нормирует движение за Урал. Если дать переселенцам больше льгот, то начнется массовое выселение, «с которым невозможно будет сладить»²⁷⁴.

К тому же круг компетенции КСЖД ограничен Сибирью, и он должен думать об устройстве переселенцев на местах, а заботы об их отъезде с родины всецело лежат на МВД, и КСЖД не подобает вторгаться в район его деятельности.

Что касается такого шедевра российской бюрократической мысли, как переселенческий закон 13 июля 1889 г., то напомним, что он образовывал как бы парную скульптуру с изданным днем раньше «Положением об установлениях, заведывающих крестьянскими делами», вводившим, в частности, земских начальников. И, конечно, был таким же образчиком неокрепостничества.

Согласно 1-й статье, крестьяне могли переселяться только с предварительного разрешения двух министров (!) – внутренних дел и государственных имуществ. Разрешение выдавалось при соблюдении двух условий. Во-первых,

если министры признают «причины, вызвавшие ходатайство о переселении», уважительными, а во-вторых, если в наличии будут свободные участки казенной земли. Переселенцев, не получивших разрешения, администрация возвращала в места приписки²⁷⁵.

Что и говорить, интересное было представление у творцов закона, а также всех, кто его принимал, о функциональных обязанностях министров Российской империи, о распределении их служебного времени и т.д. Неважно, что на деле согласие давал вице-директор соответствующего департамента*.

Во что это выливалось на практике?

Понятно, что переписка между министрами не была делом одного дня или одного месяца. Между тем нередко переселенцы, решившие покинуть родное село, не дожидались ее результата, трогались в путь и оказывались самовольцами. Если их ловили в пределах Европейской России, то насильно возвращали домой, но, перейдя за Урал, они устраивались наравне с теми, кто получил разрешение.

Они ехали до Волги по железной дороге, затем по Каме плыли до Перми, оттуда по железной дороге до Тюмени, далее по Иртышу и Оби до Омска или Томска. Другие группы от Тюмени двигались сухим путем на Ялуторовск, Ишим и Тюкалинск в Акмолинскую область или от Оренбурга в ту же область.

Когда железная дорога дошла до Челябинска, открылся новый сухопутный путь внутри Сибири на Курган и Петропавловск.

Куломзин отмечает: «Средства передвижения были самые примитивные: по Волге, вверх по Каме и по системе западносибирских рек переселенцы следовали за пароходами в палубных баржах, в которых они располагались под прикрытием палуб в труппных трюмах без воздуха и воды.

Для переезда по сухому пути они покупали телегу и лошадь в месте схода с железной дороги или баржи, а иногда муж с женой сотни верст везли своих детей на тачке. Часто переселенцы следовали с родины вплоть до Сибири пешком, при своих возах. При таких способах передвижения до 10 % переселяющихся погибало в пути, другие пребывали в места водворения истощенные болезнями и долго не могли поправиться»²⁷⁶.

Незадолго до открытия Сибирского комитета по ходатайству и инициативе Тобольского губернатора Богдановича бывший Комитет для помощи пострадавшим от голода 1891 г. построил на оставшиеся неизрасходованными средства вместительные бараки и больницы в Тюмени, где переселенцы несколько недель дожидались открытия навигации, а те, кто запоздал осенью

---

* Так и воображаешь себе министра колоний или кого-то в этом духе в любой стране, западнее Варшавы, который тратил бы время на решение подобных вопросов. Это тот случай, когда комментарии точно излишни.

иногда проводили и зиму», «легкие бараки» в Ялutorовске, Ишиме, Тюкалинске и ряде других пунктов.

Теперь, когда было понятно, как будут попадать переселенцы в Сибирь, нужно было обеспечить соответствующую инфраструктуру по путям их следования. Все это были задачи совершенно новые для бюрократии.

При этом МВД, продолжает Куломзин, тормозило все, что могло, поскольку в основе его взглядов на переселение «лежали оставшиеся от крепостного права понятия о крестьянах как о привязанных к своей земле обязательных пахарях, которые не должны иметь каких-либо идеалов вне узкой сферы своего нищенского домашнего быта, а тут еще боготворение общины, из которой никто не должен сметь выходить». И Куломзин вновь подчеркивает убежденность МВД в том, что облегчение переселения на Восток приведет к тому, что «туда уйдут все арендаторы помещичьих земель, и цены на землю упадут».

Кроме того, МВД считало разрешать переселение можно только богатым крестьянам. КСЖД пришлось выдержать «упорную борьбу» с товарищем (заместителем) Дурново Стишинским, который требовал ассигнований именно для таких переселенцев.

Куломзин замечает, что «давнишний идеал министерства заключался в том, чтобы, всемерно оттеснив административными мерами народное стихийное движение, которым является повсюду эмиграция, достигнуть практической возможности водить, так сказать, переселенцев в Сибирь “на веревочке”».

В разное время министерство воображало себе такую картину, что вот можно мерами администрации поднять такую-то деревню, перевезти ее заботливыми попечениями чиновников на новые места, там снабдить всем нужным на казенные средства, начиная с готовых изб, скота и земледельческих орудий, и затем внушить им заботливость о себе под зоркими очами чиновника»²⁷⁷.

В разные годы, пишет Куломзин, «такое эльдорадо» то должно было благодействовать неимущих, которых требовалось сбыть из европейских губерний как беспокойный элемент, то, наоборот, как в 1893 г., зажиточных.

МВД доказывало, что переселенцы недостаточно успешно устраиваются в Сибири потому, что большинство из них бедняки, которым совершенно не нужно покровительство, а значит, и не нужно улучшать «гигиенические условия во время следования их на Восток». Напротив, следует поощрять известное число относительно состоятельных крестьян и на них обратить усилия»²⁷⁸.

На заседании 30 ноября 1894 г. вступивший на престол Николай II заявил, что решил оставить под своим непосредственным руководством,

дело, завещанное ему отцом, и что он надеется «на дружное содействие ему к проведению Сибирского пути скоро, дешево и прочно».

Не все, однако, правильно это поняли. Дурново не собирался сдаваться, и заседание 3 мая 1895 г., имевшее «громадное влияние» на весь дальнейший ход переселений вылилось в настоящую бюрократическую баталию.

На повестке дня было обсуждение записки по переселенческому делу Нижегородского губернатора Баранова, который весной 1894 г. весьма успешно справился с внезапным наплывом в Нижний Новгород 12 тыс. переселенцев, двигавшихся на Пермь. Он нанял баржи и пароходы и быстро доставил туда людей, чем заслужил всеобщее и справедливое одобрение.

В своей записке он особое внимание обращал на значительное число обратных переселенцев, причину чего он видел в бедности большинства переселенцев. Теперь же, возвращаясь назад разоренными и обнищавшими, они становятся «крайне опасным на месте элементом». Поэтому Баранов, «послушный намекам МВД», предлагал допускать к переселению только состоятельных крестьян»²⁷⁹.

Остроту этому заседанию придавал тот факт, что Куломзин узнал через знакомых, служащих в МВД и не одобрявших крепостнические подходы своего начальства, что Дурново решил в этом году начать в отношении самовольцев репрессии, которые за последние годы вышли было из обыкновения.

Он разослал губернаторам циркуляр с требованием, чтобы в волостных и сельских обществах было объявлено, что те, кто переселяется самовольно, будут лишены льгот по удешевленному проезду, врачебно-продовольственной помощи и не получают казенной земли. Более того, их вернут как с пути, так и из Сибири по этапу, а затем будут судить по статье, предусматривавшей арест от 2 недель до 3 месяцев.

Дурново намеревался делать это вопреки тому, что Александр III, начиная с 1892 г., неоднократно разрешал отвод казенных земель самовольным переселенцам.

Более того, как бы в пику этим новациям, связанным с начавшимся строительством Транссиба, МВД 2 июля 1894 г. решил, что получить разрешение на переселение в 1895 г. смогут только те, кто напишет ходатайства губернскому начальству за три месяца – не позднее 1 октября 1894 г. С учетом размеров России и скорости коммуникации между Властью и сельскими обществами срок был определен издевательски короткий. А тех, кто не успел или не знал и все-таки поехал, должны были ловить, возвращать и сажать под арест.

Куломзин продумал меры противодействия, однако важнее было другое. «Молодой государь», – пишет он, – «был слишком в то время заинтересован переселенческим делом, чтобы не пожелать поставить вопрос этот ребром, и мне даже не пришлось убеждать Его в необходимости этого. Препятствовать

переселению значило отнять у всего дела сооружения Сибирской линии главный его нерв»²⁸⁰.

Открывая заседание Николай II сказал, что размеры переселения сейчас таковы, что «это явление народной жизни» следует воспринимать без каких-либо опасений. Поэтому крайне нежелательно насильственными мерами возвращать самовольцев, так как они, порвав связи с своими общинами и обнищав в пути, едва ли будут встречены с энтузиазмом прежними односельчанами.

Дурново приехал, взбешенный тем, что его уличили «в попытке задушить все переселенческое дело. Доказывая с горячностью необходимость насильственного возвращения самовольных переселенцев, Дурново **четыре раза** возвращался к этому вопросу» и, по тогдашнему выражению Куломзина, «с яростью ходил в атаку на председателя», т.е. Николая II, настаивая на подчинении переселения «всей процедуре разрешений из центра»²⁸¹.

Витте сообщил заседанию, что за последние 7 лет переселилось 300 тыс. чел. и что при ежегодном приросте населения Империи в 1,5 млн. чел., это не может оказать негативно повлиять на экономику страны. Насильственно задерживать это движение нельзя, потому что оно всегда обойдет любые препятствия. Это доказывается тем, что за последние годы самовольцы составляют 78% общего числа переселенцев. Данный процесс, конечно, не нужно пускать на самотек, а необходимо руководить им в интересах государственной политики.

Наиболее энергично, пишет Куломзин, выступал Н. Х. Бунге, который отметил, что в 47 европейских губерниях насчитывается 726 тыс. безземельных крестьянских дворов, в 137 уездах 20-ти губерний 385 тыс. дворов сдают свои наделы в аренду другим крестьянам, а в 107 уездах 17-ти губерний 479 тыс. дворов совсем не имеют рабочего скота.

Таким образом, сказал он, переселение крестьян вызывается самыми насущными потребностями, поэтому ставить ему преграды бесцельно. Задачей правительства не может быть задержание переселенцев, хотя бы и самовольных, его задача – правильная организация этого движения²⁸².

После его речи Дурново опять поднял вопрос о том, что в текущем 1895 г. «всячески следует» возвращать самовольцев назад в соответствии с законом 1889 г.

И тут уже Николай II «выразил решительное повеление, чтобы в нынешнем году, подобно тому, как это делалось при его отце, впредь до выработки новых переселенческих правил, всем переселенцам, которые придут в Сибирь, были отведены казенные земли, с распространением на них утвержденных 5 июня 1894 года правил о правительственных пособиях нуждающимся»²⁸³.

Тогда Дурново стал настаивать на возвращении хотя бы тех самовольцев, которых поймают в пределах Европейской России.

Участники совещания, в том числе Витте и граф Воронцов-Дашков, более или менее отбили и этот натиск. Было решено, что если переселенцы достигли хотя бы Нижнего Новгорода, Казани или другого узлового пункта переселенческого движения в пределах европейских губерний, то насильственное их возвращение неприемлемо, как и тех, кто доехал до Сибири.

А целые партии переселенцев можно было останавливать только в исключительных случаях и только с разрешения МВД, «чем и была возложена на министра ответственность за каждую произвольную в этом направлении меру».

Заключение Комитета гласило, что все, кто прибыл в Сибирь в 1895 г. должны быть там водворены и получить правительственные пособия.

Вскоре умер Н. Х. Бунге, и это была большая потеря для России.

Его место председателя Комитета министров занял Дурново, который стал таким образом непосредственным начальником Куломзина, который уже 12 лет был управляющим делами Комитета.

Вишенкой на торте в истории с этим государственным деятелем является замечание А. Н. по его поводу: «Что касается собственно направления самих решений Комитета, то **я редко встречал человека более непонятливого, чем И. Н. Дурново, если дело было сколько-нибудь сложное.**

Мелкие дела он тщательно прочитывал... но читал ли большие, сложные дела, в этом докладчики всегда сомневались. После предварительного подробного доклада оставалось большое сомнение в том, что он усвоил себе суть дела...

Поэтому канцелярия отчеркивала и подчеркивала в печатном экземпляре председателя представления министра существенные части, отдельные фразы, на полях или в отдельной записке, кратко излагала суть вопроса.

На заседании председатель добросовестно прочитывал заметки по нанесенному на его экземпляре тексту. Когда министр начинал спорить, Дурново мог еще сказать несколько слов, но в случае настойчивости со стороны оппонента дело могло получить совсем неправильное направление»²⁸⁴.

И вот когда задумываешься о том, что такой светоч интеллекта реально влиял на жизнь огромной страны, рассылал циркуляры, продвигал законы, вроде фактического запрета досрочного выкупа и неотчуждаемости надельной земли, ломая при этом Бунге, которому он разве что башмаки достоин был чистить, то вспоминается мнение одного знакомого, который в минуты злости любит повторять, что «неразумнее русского дворянства только польское, потому что оно на 120 лет раньше потеряло свою государственность»...

И это с Дурново во многом связано то, что Леонтович точно определил, как дегенерацию правительства. Слава Богу, там были и другие люди.

Государственный социализм без правового государства

Государственный социализм, широко практикуемый у нас в области экономическо-финансовой политики, не только не способен вдохнуть жизнь в больной организм России, но еще более умерщвляет его.

А. А. Вольский

Замечу также, что антикапиталистическая утопия хотя бы факультативно не может не быть социалистической.

Есть веские основания квалифицировать крестьянскую политику Александра III – наряду с введением в 1880-х гг. фабричного законодательства* – как русский вариант «государственного социализма», явления, широко распространенного на Западе во второй половине XIX в.

Предвижу законное недоумение некоторых читателей, потому что многих из нас учили, что под луной есть только одни настоящие социалисты – марксисты-ленинисты. Несколькими этажами ниже располагаются наивные недотепы-утописты, т.е. народники, и уж меньше всего это святое слово может быть связано с царизмом.

Как всегда, все сложнее.

Революции 1848–1849 гг. и жесткая масштабная критика темных сторон капитализма вызвала попытки устранить эти недостатки, не разрушая при этом самого экономического строя.

Так появились мирные, не нацеленные на революцию варианты социализма – христианский, государственный, и даже консервативный. И множество ученых-экономистов, образовавших целую школу, стали все активнее выступать за государственное, законодательное вмешательство в экономику.

Такой важный принцип либеральной доктрины, как минимальное воздействие государства на развитие народного хозяйства, фактически был отброшен, поскольку он вел к народным массам к нищете, увеличивал социальное расслоение т.д.

Во всех ведущих странах ученые и политики самых разных взглядов – консерваторы, клерикалы, этатисты и приверженцы либерализма – агитируют за государственное вмешательство в социальную жизнь трудящихся и в то же время пытаются пробудить в обществе сознание того, что интересы его слабейших членов необходимо охранять, пытаются вызвать чувство общественной солидарности (к чести России, это чувство масштабно проявится во время голода 1891–1892 гг.).

---

* Первые попытки введения рабочего законодательства относятся к эпохе Николая I. Они были не слишком удачны (*Туган-Барановский М. И.* Русская фабрика... С. 206–219).

Лидером здесь стала Англия, где первые рабочие законы появились еще в 1819 г. А затем в ведущих странах Запада развернулось принятие множества законов, ограничивающих или даже совсем запрещающих фабричный труд женщин и детей, регламентирующих соблюдение гигиены, уменьшающих продолжительность рабочего дня, и начинается страхование рабочих от старости и болезней.

Параллельно сначала в Англии, а затем и на континенте образуются профсоюзы рабочих (тогда они чаще именовались ассоциациями рабочих), которые помогали своим членам при безработице и организовывали стачки для достижения более выгодных контрактов. В то же время начинается развитие кооперативного движения, способствовавшего подъему благосостояния трудящихся масс.

Рабочее законодательство в разных странах имело общие черты.

Во-первых, более или менее подробно регламентировались взаимоотношения рабочих и работодателей, во-вторых, вводилась фабричная инспекция, в-третьих, фиксировалось рабочее время женщин и несовершеннолетних, а в некоторых странах также и взрослых, в-четвертых, определялся порядок выдачи зарплаты, в-пятых, вводились третейские суды между хозяевами и их служащими, в-шестых, устанавливались стандарты соблюдения гигиены на фабриках и в жилищах рабочих, в-седьмых, появляются разные варианты обязательного страхования от несчастных случаев, болезни и потери работоспособности и т.д.²⁸⁵

Россия не осталась в стороне от этого процесса, и в 1880-х у нас также появляется рабочее законодательство и фабричная инспекция.

В этой сфере сразу же возникла терминологическая путаница – какие меры считать социалистическими, а какие просто естественными, нормальными и т.д.

Конечно, только по недомыслию можно было считать такие вещи, как создание инвалидных касс и организацию призрения, как запрещение работы детей и беременных женщин, обеспечение нормальной гигиены на рабочем месте (например, установление вентиляции на фабриках) и другие подобные меры социализмом.

Нам сейчас важно понимать, что под государственным социализмом в то время понимали проведение государством мер социального характера, направленных на улучшение положения простого народа и на преодоление социальных антагонизмов. Эти меры, как мы видели, имели весьма широкий спектр, а иногда выливались в относительно цельную политику, как «прусский социализм» Бисмарка.

На ситуацию в России сильнее всего повлиял, пожалуй, созданный в 1872 г. в Германии «Союз социальной политики», идеи которого в значительной степени были реализованы Бисмарком.

В этот «Союз» вошли весьма авторитетные экономисты, которых не без иронии стали именовать «социалистами кафедры» («катедер-социалистами»). Они требовали социальных реформ, поскольку слабые люди «в экономической борьбе нуждаются в специальной заботе со стороны государства»²⁸⁶.

В частности, помимо социального законодательства, они выступали за уменьшение прямых налогов на трудящихся и не считали свободу рыночного оборота земли беспспорной ценностью.

Они больше других обращали внимание на аграрный сектор и считали, что тенденция к концентрации земли в немногих руках не соответствует интересам государства и должна им решительно пресекаться. Оптимальным они считали вариант, когда наряду с частной (мелкой) собственностью существует государственная и коллективная, имеющие большое будущее.

Эти ученые считали, что в современных условиях государство обязано было защищать аграрный сектор от угрозы финансового капитала, и, в частности, поддерживать крестьянство «как оплот существующего строя против руководимого социалистами пролетариата, а также как самую здоровую часть населения, ценную с военной точки зрения»²⁸⁷.

В России государственный социализм имел свою понятную специфику.

Прежде всего поле деятельности для государства здесь было несравненно более обширным, чем на Западе, особенно с учетом громадного государственного хозяйства, которого в таких размерах там не было. Как не было и 80–90–100 миллионов крестьянского населения, которое и стало главным объектом приложения усилий Власти.

Пролетариат количественно был еще невелик, множеством интеллектуалов он и за пролетариат не считался, поскольку в его составе преобладали крестьяне. Более того, народники долго отрицали само наличие пролетариата в России.

Ключевым для понимания политики государственного социализма в России является, по моему мнению, глубокое внутреннее родство, фактическое уравнение крепостничества и западноевропейского социализма, о котором писал Гакстгаузен, Ю. Ф. Самарин и другие. Напомню мысль Самарина о том, что «мы» как крепостники и социалисты «стоим на одной доске», потому что ратуем за подневольный, «искусственно организованный» труд.

Для того, чтобы в правовом государстве ввести социалистические меры, связанные с ограничениями прав личности, требуется революция, на худой конец чрезвычайное положение. Во всяком случае, совершенно иная сила власти, чем была в Европе*.

---

* С этим во многом связаны постоянные упоминания славянофилов, Герцена, Чернышевского и т.д. о том, что Россия более благоприятная среда для социализма, что Западу труднее расстаться со старыми привычками и правами – то есть изъятие прав предполагалось заранее.

А у нас власть веками стояла на урезании этих прав (дворянство в сравнении с крестьянами было свободно, но полноты гражданских прав не имело) и вообще не очень привыкла стесняться.

Поэтому западные призывы к усилению государственного вмешательства в экономику и социальную сферу находили в России совсем иной отклик и обретали куда больший масштаб. Таким образом, изменение терминологии позволяло правительству считать привычные патерналистско-крепостнические практики социалистическими и быть, что называется, в тренде.

То есть – с учетом особенностей нашей истории – чувствовать себя, условно говоря, Большим Добрым Баринном.

В России поклонники государственного социализма были и среди экономистов, и среди чиновников.

Патерналистские тенденции правительства были поддержаны левой частью общества. Идеи катедер-социалистов, перенесенные на русскую почву народнической профессурой (А. И. Чупровым, Н. А. Карышевым, А. С. Посниковым и др.), прекрасно вписались, с одной стороны, в антикапиталистические настроения русского общества, а с другой, в вынесенные из крепостной эпохи традиционные подходы правительства, декорируя при этом неокрепостничество в пристойные по тому времени одежды.

Разумеется, нелепо искать буквального соответствия между экономической политикой Александра III и доктриной катедер-социализма.

Однако нельзя не увидеть и безусловного сходства. Хорошо известно мнение Витте о «глубоко сердечно» отношении Александра III к бедам и нуждам крестьян и «русских слабых людей вообще», о том, что он старался быть «покровителем-печальником русского народа, защитником русского народа, защитником слабых».

Как известно, «забота о слабых» – один из постоянных аргументов в пользу сохранения и поддержания общинного режима. Дело даже не в болезненной реакции общественности на слова Столыпина о ставке на сильных, а в том, что все, буквально все, что делалось в патерналистском ключе трактовалось обществом как защита слабых, как забота о слабых.

Мы помним об изменении налоговой стратегии правительства, о снижении податной нагрузки на крестьян.

С 1893 г. государство, как говорилось, начинает методично списывать с крестьянства многомиллионные продовольственные долги («Царский паек»), проводит в рамках продовольственной помощи комплекс мероприятий, которые должны помочь деревне.

В совокупности эти меры значительной частью истеблишмента и общества трактовались как государственный социализм а ля Бисмарк – с учетом российской специфики.

И аграрные контрреформы, которые во многом были запоздалой попыткой властей отреагировать на давно начавшийся распад крестьянского самоуправления, и законотворчество Сената недвусмысленно усилили официальный патернализм.

Однако подавалось это, с одной стороны, как возвращение к традиционным «духовным скрепам» и пр., а с другой, имело куда более современную идейную упаковку, поскольку эти меры также проводились в контексте «заботы о слабых», которые самостоятельно не могут устоять в борьбе с опасностями окружающего мира – кулаками, ростовщиками и пр. Община в таком контексте становится своего рода богадельней, в которой крестьяне, по крайней мере, имеют какую-то гарантию выживания.

Напомню брошенное С. Ю. Витте замечание о том, что «после проклятого 1 марта реакция окончательно взяла верх» и «община сделалась излюбленным объектом Министерства внутренних дел по полицейским соображениям, прикрываемым литературою славянофилов и социалистов»²⁸⁸.

У этих мероприятий был четкий «демократическо-цезаристский» подтекст – царь реально заботится о вас, крестьянах, не дает помереть с голоду, разориться и т.п. Следствием этой политики, явно не укреплявшей правосознание народа, стал быстрый и мощный рост иждивенческих настроений последнего.

При этом сформированную крепостнической эпохой психологию крестьянства это не поколебало и не могло поколебать, ибо бесплатная продовольственная помощь – дар Царя-батюшки – вполне вписывалась в то, что мы привычно именуем «царистскими иллюзиями» русского народа, с той лишь разницей, что «Царский паек» был вполне осязаем. Не зря П. А. Столыпин позже скажет о «развращающем начале казенного социализма».

Эти мероприятия не только были вполне в духе времени, но в данном контексте привычная вековая патерналистская схема управления страной, повторяюсь, вдруг обретала иной и как бы более значительный смысл, не говоря о симпатичном антураже.

«Бисмарковский» подход к социализму, адаптированный к российской специфике, был весьма привлекателен для тогдашней бюрократии, поскольку открывал принципиально новые возможности для усиления своей роли в стране. При этом никакому условному Лассалю у нас не нужно было общаться с условным же Бисмарком и объяснять выгоды такой политики.

Еще в 1868 г. петербургский вице-губернатор Лилиенфельд отмечал, что «чисто социалистический оттенок... несколько захватывает» даже «нашу бюрократию»²⁸⁹.

А вот как характеризует Куломзин занимавшего в 1881–1892 гг. пост министра государственных имуществ М. Н. Островского: «По своему казенному

направлению (он) всегда сочувствовал либеральному образу мыслей с большой примесью славянофильства, т.е. национального стремления при условии, конечно, всемогущего действия бюрократии. Он искони сочувствовал свободе печати, заботам о благосостоянии народа и был более чем врагом крупной собственности...

В его взглядах на частную собственность отразились до известной степени социалистические идеалы. В его мечтаниях надлежало бы признать государство верховным распорядителем земельного фонда с раздачей его частным лицам лишь во временное владение»²⁹⁰. Именно этот взгляд Островский провел в законе о поземельном устройстве крестьян в Западной Сибири, что привело к установлению этого порядка и в Забайкалье, т.к. создавать разные режимы в отдельных частях Сибири было невозможно.

В 1894 г. весьма осведомленный К. Ф. Головин писал: «Ученые, даже просто чиновники, занятые социальным вопросом и более или менее носящие казенное клеймо, обнаруживают сильные поползновения к урезыванию поземельных прав. Наиболее опасные враги землевладения насчитываются не среди революционеров, а в числе таких деятелей, которых прикрывает очевидная благонамеренность, их верность государственному началу.

В самом деле, нередко приходится выслушивать из очень чиновных уст, что целью аграрной политики должна быть национализация поземельной собственности. Лица, облеченные властью, с легким сердцем высказывают такие чисто социалистические взгляды, потому что поглощение личной собственности государством им кажется одним из пунктов той современной нам политической программы, которая поставила себе задачей усиление государственного вмешательства...

С тех пор, как у нас был поднят вопрос о влиянии выкупной операции на крестьянское землевладение, в официальных сферах неоднократно высказывалось мнение, что выкупные платежи не должны вовсе подлежать погашению, а что их, напротив, следует обратить в постоянный налог, превращая таким образом крестьянские наделы в государственную собственность»²⁹¹. Впервые, однако, впервые подобные идеи были озвучены сразу после 19 февраля.

Идея отмены выкупных платежей и преобразования их в оброчную подать, т.е. фактическую экспроприацию выкупавшейся крестьянами свыше четверти века земли, о которой говорит Головин, была очень популярна в публицистике определенного сорта.

За этот бессовестный обман крестьян выступал и действительный тайный советник Н. П. Семенов*, один из немногих еще живых в 1890-х гг. со-

* «Следует устранить выкупную операцию как бывших владельческих, так и для государственных и прочих наименований крестьян, превращением ежегодных **выкупных** плате-

трудников Редакционных Комиссий, и такой, казалось бы, либеральный деятель, как К. Д. Кавелин, убеждавший своих читателей в том, что сделать это совсем несложно*.

Отмечу и социально-расистское желание этих уважаемых в обществе людей воспользоваться крестьянской малограмотностью.

Характеристику, которую Гурко дал Плеве, можно отнести ко множеству видных представителей русского образованного класса. Это позволяет отчасти понять ту фантастическую близорукость, с которой большая часть правительства и элит Империи подходила к проблемам социально-экономического развития страны.

В 1909 г. на IV съезде представителей промышленности и торговли А. А. Вольский сформулировал неотложные задачи, стоявшие перед страной.

Среди мероприятий общего характера он выделил:

1) Скорейшее введение всеобщего обучения и расширение профессионального образования;

2) Всемерное поощрение самодеятельности народа путем создания профессиональных союзов и экономических кооперативов;

3) Развитие в населении чувства собственности и законности путем содействия к скорейшему переходу от общины к частному (хуторскому и отрубному) хозяйству и «путем строго соблюдения законов представителями правительственной власти».

К этому перечню он сделал замечание, которое многое раскрывает в этой теме: «Я понимаю, что в нашей стране государственного социализма, где до последнего времени делалось, отчасти же делается и до сих пор все, чтобы

жей в вечные **оброчные** платежи за предоставленные крестьянам в **неотчуждаемое** владение земли...

Замену выкупа оброчными платежами облегчится участь крестьян бывших крепостных, так как их оброчные взносы могут быть приравнены к оброчным платежам бывших государственных крестьян, и нет сомнения в том, что если некоторое общее уменьшение крестьянских платежей, за приобретение ими в собственность их наделных участков, теперь же неотложно последует, хотя и под условием замены прав собственности **неотчуждаемостью** землевладения, то **крестьяне останутся довольны этой облегчающей их переменой**, и она пройдет тем незаметнее, чем значительнее будет возможное понижение для них платежей, **ибо наш крестьянин предпочитает всегда ближайшую и непосредственно представляющуюся ему выгоду – отдаленным, хотя и большим выгодам, для него неосязательным**. С этим согласится всякий, кто только знает русский народ». (*Семенов Н. П.* Освобождение крестьян в царствование императора Александра II. Выводы и заключение. СПб., 1894. С. 65.).

* «Личные расчеты крестьян между собою очень запутаны; сверх того, далеко не все крестьяне имеют «ясное» (!) понятие о юридическом характере выкупных взносов. Твердо они знают только то, что взносом выкупных платежей они приобретают землю в собственность, но какую именно, частную и личную, или общественную – об этом они в большинстве случаев имеют лишь сбивчивое и неясное представление». (Цит. по: *П. Д. (Дюшен П. П.)* Наша деревня. М., 1900. С. 297.)

искоренить в населения чувство собственности, самостоятельности и даже законности, искренний и решительный переход к осуществлению вышеприведенных положений вовсе не легок.

Тем не менее сделать это надо, ибо в промедлении кроется большая опасность. Я знаю, что у наших поборников государственного социализма по этому поводу станет перед глазами призрак демократического социализма, при борьбе с коим все забывается и все ставится на одну карту»²⁹².

Целыми десятилетиями, поясняет свою мысль Вольский, наше правительство ничего другого не делало, как насаждало государственный социализм сверху, «нередко торгуясь на повышение с социал-демократами из-за влияния на рабочий класс».

Поэтому ему не нужно удивляться, что своими действиями оно само вызывает к жизни социализм демократический, потому что оно не дает людям естественных, нормальных прав и тем обращает их к революционерам, которые ему обещают эти права. Натиску социал-демократов может противостоять только консолидация «более уравновешенных и спокойных элементов» общества в разнообразные и всевозможные союзы.

Таким образом, политика русского государственного социализма исходила из того, что перечисляемые Вольским явления, которые давно были банальностью в любой цивилизованной стране, в России считались опасной предпосылкой возникновения демократического социализма и блокировались опекой и патернализмом.

ПОРЕФОРМЕННАЯ ДЕРЕВНЯ ГЛАЗАМИ Г. И. УСПЕНСКОГО

Шесть деревень Успенского и Гарина-Михайловского

До сих пор мы оперировали данными источников и специальных исследований.

Полагаю, что теперь пора предоставить слово такому знатоку сельской жизни, как Глеб Иванович Успенский, наблюдателю очень умному, тонкому, честному и притом весьма остроумному.

Как мы увидим, Успенский не лил елей в уши, не приспособливался к модным и политкорректным веяниям того времени. Громадный плюс его творчества заключается в том, что его безусловная любовь к народу – это любовь искренняя и настоящая, которая смотрит на объект любви с открытыми глазами.

Он относится к крестьянам без того обычного народнического придыхания, в котором за версту сразу чувствуется фальшь, он воспринимает их ясно и трезво, с сознанием не только их достоинств, но и недостатков. Именно поэтому его работы не имеют ничего общего с пресловутым «народолюбием» русской интеллигенции.

Через все творчество Успенского красной нитью проходит стремление **понять** жизнь простых людей, а не трактовать ее в соответствии с заранее заданными клише (как это делает, например, Энгельгардт в своих «12-ти письмах из деревни»).

Поэтому он постоянно пишет о сугубой невозможности вникнуть в деревенскую жизнь, исходя из привычного жизненного (городского) опыта, из стандартов рациональной жизни.

Деревня, говорит автор, ежедневно предъявляет горожанину такие факты, которые для него, выросшего в другой среде, непостижимым образом нарушают привычную для него логику жизни, «самые непоколебимые, самые истинные истины».

Этот тезис он иллюстрирует очерком «Три деревни», в котором описываются три уже почти слившиеся друг с другом соседние деревни в Самарской губернии, дела и порядки которых ему довелось близко наблюдать.

Селения, пишет автор, и в отношении земли, и по размерам платежей различаются очень сильно. «Да и народ в одной не таков, как в другой, а в другой не таков, как в третьей: в одной народ – разиня, в другой – первый работник, в третьей – и разиня, и ленивый, да еще и плутоватый»²⁹³ (замечу,

что традиционная историография никогда не оперировала такими понятиями как личностные качества крестьян).

Эти различия не были случайными.

Самое крупное село – Солдатское (реальное название – Гвардейцы²⁹⁴) было основано поселенными здесь гвардейцами. По легенде, один из них сообщил Екатерине II о каком-то заговоре, за что «вся рота или полк» получили в награду земли и угодья, причем в таком количестве, что поселенцы имели огромный доход: «жили они – «лучше не надо» – катались как сыр в масле... Деревенское предание, касаясь этих блаженных времен, рисует их, к сожалению, только в виде пьянства: «иной, рассказывают, уж совсем готов, лежит на земле, подняться не может... ну таким, братец ты мой, прямо в рот лили».

За прошедшие сто лет село постепенно теряло полученные «всевозможные льготы» – большую часть земли крестьяне «сами продали, а деньги пропили; да и казна поурезала их», однако и оставшегося было довольно для того, чтобы Солдатское было несравненно богаче соседей и могло продолжать «пьянство предков без посрамления». В селе было три мельницы, приносящие чистого дохода до двух тысяч рублей в год, еще пятьсот рублей давали рыбные ловли и полторы тысячи рублей – два кабака²⁹⁵.

Соседняя деревня Разладино (звучит по-некрасовски, настоящее название – Заглядино²⁹⁶), также отличалась от большинства бывших крепостных селений России. Каким-то неизвестным Успенскому образом ее крестьяне, числясь в удельном ведомстве, «попали-таки лет с 60–70 тому назад в крепостную зависимость», однако «все суровости барщины» их миновали.

Последняя барыня, по словам помнивших ее стариков, была человеком «крайне добрым», хотя, «конечно, секала и она – без этого уж никак невозможно; *но*, бывало, рассказывают, смотрит она, матушка, как секут, а сама плачет; как чуть мало-мало – сейчас: “дурнота со мной! перестаньте, будет!”».

Барыня отдала своим крестьянам всю землю даром, поскольку не имела ни детей, ни наследников. Поэтому разладинцы никогда не платили налогов свыше двух рублей с души в год²⁹⁷.

Третья деревня, Барское (настоящее название – Сколково²⁹⁸, «обыкновенная русская, бывшая крепостная деревня», у которой мало земли, но платежей намного больше, чем у соседей, и которая работает в поте лица, не имея притом, помимо 200 руб. с кабака, посторонних доходов. «Она знала крепостные порядки доподлинно; знала барщину, барина, дворню, претерпела все крепостные тяготы и теперь несет на плечах своих новые порядки. Больше о ней покуда сказать нечего»²⁹⁹.

Таким образом, в материальном плане деревни различались весьма серьезно. И вполне естественно предположить, замечает Успенский, что село Солдатское, имеющее угодья и достаток, живет лучше Разладина, у которо-

го нет угодьев и доходных статей. А оно, почти не платящее податей, в свою очередь, **должно** жить зажиточнее Барского, которое и платит много, и земли имеет мало (к тому же отрезанной далеко от деревни), и расположено в неудобном месте, и даже воду берет из крошечного ручейка в аршин шириной.

И все эти предположения окажутся абсолютно неверными, говорит автор.

«Хуже и глупей из всех трех деревень живет самая богатая, именно село Солдатское». Их доходы от оброчных статей, от мельницы, рыбной ловли и т.д. с большим запасом перекрывают абсолютно все подати – мирские, волостные, земские, казенные, и у них ежегодно гарантированно должны были оставаться деньги на общественные нужды.

Успенский собственноручно посчитал по окладному листу все требуемые с села платежи, добавил 200 рублей на экстренные расходы (которых не бывало!) и получил сумму, куда меньшую того, что Солдатское имело от мельницы, рыбных ловель и кабаков. У него приход превышает расход, а на деле селу не достает 1000 рублей, потому что его жители умудряются так устроить свои дела, что им вечно не хватает денег, и поэтому, истратив все постоянно растущие мирские доходы, они непременно взимают дополнительно еще «рубля по три с души».

С точки зрения элементарного здравого смысла эта ситуация непостижима, но она бесспорно существует.

Село тратит деньги только на платеж податей. Оно не возит своих больных за счет общины в больницу, не кормит сирот и нищих на общественные суммы, «вот разве одно: село Солдатское очень часто ссылает по мирским приговорам своих односельцев в Сибирь».

И у автора возникают естественные вопросы: «Отчего село Солдатское до сих пор, с самого основания, не подумало завести хоть какую-нибудь школу, хотя (бы) в виду воинской повинности, а в Сибирь ссылают своих сыновей выучилось? Отчего народ села Солдатского неряшлив, распущен, нагл, жаден и глупо-форсист? Отчего именно в селе, где есть все условия для мирского довольства и для известной порядочности ежедневного обихода, – такое неряшливое разгильдяйство, общественная бессвязица и бестолковщина: куча нищих, есть вору, куча мирских грабителей?»³⁰⁰.

Ответ мы узнаем чуть позже.

Недоумение вызывает и положение разладинца: «Земля у него есть, и родит она хорошо, налога он почти не платит, а посмотрите на разладинского мужика: изба гнилая, солома гнилая, сам мужик вял, туп и понятием не тверд – все поддакивает, а оказывается, и не понимает, о чем речь; постоянно жалуется на баб – бабы, вишь, ему досаждают; жену бьет, а сам трус первой руки; «пужлив» перед барином, перед... А взявшись за дело, только клянчит,

удивляется, как это все трудно, и беспрестанно ропщет на цену. Словом, разладинский мужик – мужик «брюзга»... Бабы, которых разладинские мужики бранят, немного лучше, потому что большею частью берутся из чужих, работающих деревень; но и те скоро раскисают с этими брюзжащими мужиками».

Бестолковое «брюзжание» характерно для них и в мирских делах. Кабак сперва сдадут одному, потом другому, с обоими продешевят, а потом до них дойдет, что лучше было бы нормальную цену взять с одного. Или взяли и отдали практически задаром (за 10 руб. в год) на речке место под мельницу. Мельник, понятно, перегородил речку плотиной и залил грязью прекрасный родник, откуда деревня всегда брала воду. ««И какой дурак это выдумал?» – сердятся они друг на друга, старые на молодых, молодые на старых, и пьют гнилую воду»³⁰¹.

«Как ни покажется странным, а лучше всех живет и умней всех крестьянин деревни Барской. Он есть истинный современный крестьянин, несущий всю массу крестьянской тяготы без всякого – послабления испокон веку. Он платит большие подати и бьется круглый год исключительно над земледельческой работой, и покрывает подати, да мало того: живет несравненно аккуратней, чище и разладинских и солдатских.

В Барском не редкость встретить умницу, человека твердого, железного характера, изучившего до тонкости свои отношения к людям, с которыми ему приходится делать дело. А делает он и берется делать дела только такие, какие доподлинно знает. Предлагали им возить навоз в селитряные бурты и деньги давали хорошие – не поехали и угощением не соблазнились, отказались, «потому дело это не наше!»

До последнего времени они не заводили кабака: находились между ними люди, которые умели оберегать мир от этой беды. Разделов семейных у них мало, так как в этом – бессилье, а им нужна сила для работы; работа у них на первом плане и действительно кипит в руках.

Работают все отлично. Мальчик плачет: «тятка, *жалеючи его, на работу не взял...*»³⁰².

Итак, крестьяне, которые знали настоящее крепостное право и больше других претерпели на своем веку, получившие плохую землю, обремененные податями, вопреки всем здравым смыслам на свете «оказываются порядочнее, положительно умнее, даровитее, зажиточнее и честнее» тех крестьян, у которых есть все внешние условия для того, чтобы их личная домашняя жизнь была «лучше, достаточней, вольней», но которые, кроме кабака, ничего не выдумали, а живут при этом «бедно, пьяно, фальшиво, они равнодушны к ближнему, к миру, к самим себе и к своим семьям».

И, завершает анамнез автор, деревня, преуспевающая с материальной точки зрения, «как бы лишена даровитых людей. Есть мироеды и мироопива-

лы, а умного, характерного мужика нет; взамен того имеется обилие фальшивых мужичонков, которые за рубль продадут отца родного, наобещают с три короба, а ничего не сделают, недорого возьмут соврать и надуть»³⁰³.

Описанную коллизию Успенский комментирует с помощью удивительно емкого и точного образа, характеризующего ту ментальную пропасть, которая всегда отделяет от реалий деревенской жизни людей, строящих свои соображения о благосостоянии деревни на рациональных как будто аргументах (площадь наделов, размеры платежей и т.д.).

Попытки оценивать эту жизнь, исходя из привычного городского опыта, из стандартов рациональной жизни он называет «обыкновенной таблицей умножения». Она – синоним безусловной, безоговорочной точности. Кто будет спорить с тем, что трижды три – девять?

Понятно, что, согласно этой таблице, солдатские должны преуспевать, а барские – прозябать.

Однако деревня, пишет автор, ежедневно предъявляет горожанину (т.е. ему самому!) факты, которые ломают логику, сформированную городской жизнью.

Казалось бы, «два, умноженное на два, разве может дать в результате что-нибудь кроме четырех?

Ежедневный деревенский опыт доказывает вам, что не только может, но постоянно, аккуратно изо дня в день дает – не четыре, даже не стеариновую свечку, а бог знает что, дает нечто такое, чего нет возможности ни понять, ни объяснить, к объяснению чего нет ни дороги, ни пути, ни самонаименованной нити»³⁰⁴.

Ну не могут, исходя из привычных логических, рациональных критериев, Солдатское и Разладино жить хуже Барского, не могут, потому что не должны! Потому что этого не может быть никогда.

И те, и другие, и третьи – крестьяне, живущие рядом в абсолютно одинаковых природно-климатических условиях – на самарском черноземе, и неужели не работают те условия, которые, как мы знаем со школы, определяют жизнь дореволюционной деревни? Ведь – с внешней стороны – одни преуспевают, другие живут поскромнее, но в любом варианте куда легче, чем третьи, у которых земли меньше, а податей больше.

Однако именно эти третьи живут достойно со всех точек зрения.

Этот феномен писатель именуется «деревенской таблицей умножения» и просит читателей вообразить положение человека, который сто раз в день пытается умножить два на два, сто раз в день надеется получить четыре, и сто раз в день убеждается, что расчеты его в корне неверны, поскольку получаются «стеариновые свечи и сапоги всмятку», т.е. безалаберно-пьяная жизнь Солдатского и «брюзжащее» прозябание Разладина.

Успенский с тонким юмором описывает, как мучительно он пытался примирить собственные критерии оценки мироздания с тем, что видел в деревне, пока, наконец, не пришел к «азбучным» выводам, а именно: **«деревня действительно не знает вашей таблицы умножения и умножает по-своему потому-то и потому-то, вследствие чего и получаются сапоги всмятку»**³⁰⁵.

Пытаясь разгадать смысл этой «непонятной тайны непонятной деревенской таблицы умножения», Успенский приходит к выводу, что главной причиной безусловного человеческого и нравственного лидерства жителей Барского является их работа на крепостной барщине, приучившая их к систематическому труду, ответственности и т.д. Вывод небесспорный, однако, в нем безусловно есть по меньшей мере часть правды.

Как же нам в начале XXI в. оценивать рассказ Успенского?

Понятно, что Глеб Иванович не бесстрастен, ибо возмущен.

Понятно также, что в описании главных моментов он объективен.

Можно соглашаться или отвергать его вывод о барщине как главном объясняющем факторе. И вместе с тем мнение Успенского дорогого стоит, хотя в сельской России того времени найдутся и обратные примеры.

Изображенная автором картина, во-первых, демонстрирует значительное – в реальности бесконечное – разнообразие деревенской жизни в пореформенной России, которое игнорируется традиционной историографией, стремящейся все максимально усреднить и упростить.

Во-вторых, его очерк – весьма убедительное литературное подтверждение данных источников о том, что внешние условия жизни крестьян отнюдь не всегда являются главным фактором их благосостояния. Пока ограничимся этим.

Информацию Успенского дополняет описание еще трех самарских деревень, сделанное Н. Г. Гариным-Михайловским, – купленной им Князевки (Юматовки), Садков и Успенки (подробнее см. ниже).

В первой из них крестьяне вышли на дарственный надел. Показательна причина, по которой они это сделали. В деревню вернулся отставной солдат, брат одного из крестьян, и сообщил, что от царя пришла золотая грамота, в которой сказано, что тех, кто пойдет на полный надел снова вернут в крепостное право. Крестьяне поверили, «присягнули промеж себя: друг дружку не выдавать» и целовали образ.

Никакие уговоры и убеждения помещика и властей не помогли, однако ликовать, «что они так ловко отвертелись от полного надела» крестьянам пришлось недолго. В этом районе цены на землю резко пошли вверх – с 3 до 5, а потом и до 7–8 рублей с десятины за посев одного хлеба. При этом земля стала родить вдвое хуже³⁰⁶.

Словом, в момент покупки Гариним-Михайловским имения, их положение было далеко не блестящим, хотя они переписались в мещане, чтобы уменьшить платежи. Соответственно, стандартной общины у них не было, однако в селении верховодили 5–6 богатеев.

Деревня вынуждена была задорого снимать землю для посева и выгон для скота, которого из-за отсутствия нормального пастбища у нее и так было меньше, чем нужно. Приезд нового помещика был для крестьян, не считая кулаков, манной небесной, но об этом ниже.

Садковцы вышли на полный надел. С точки зрения материальной они жили куда лучше крестьян Гарина, хотя имели худшие поля. «Общий тон деревни поражал своею порядочностью, сплочённостью и единством действий. Они сами сознавали своё преимущество перед другими деревнями.

– Наше село дружное, работающее. Мы не любим скандалничать».

Сами крестьяне объясняли это тем, что их господа из рода графов Зубовых «исстари были хорошие и жалели мужиков».

Жители деревни делились на две как бы партии – богатых и бедных, и жили не вполне тривиально.

Полученными по реформе 1861 г. душевыми наделами ведали бедняки, «и всё устраивалось в интересах бедных».

А вот богатые, которых, видимо, правильнее называть зажиточными, со здали товарищество из сорока человек и арендовали на шесть лет соседнюю землю, ведя там независимое от односельчан хозяйство.

«Дела их шли прекрасно. Земля, без всяких особенных улучшений, выхаживалась отлично и, если не было урожаев вроде немецких (как в соседней колонии меннонитов – М. Д.), то не было урожаев вроде князевских. Во всяком случае, на арендованных богатыми землях урожаи были несравненно выше, чем на душевых наделах (т.е. у бедных – М. Д.)

– Как же сравнить! – говорили садковские зажиточные крестьяне. – **Разве мир может сравниться с нами?** У нас человек к человеку подобран, у нас сила берёт, у нас сбруя, снасти, лошади – ты гляди что? – а у них немощь одна. У нас, один на другого глядя, завидуют друг дружке: один выехал пахать – глядь, и все тут, никому не охота отстать, быть хуже другого, а у них? **Пока делёжка будет идти, время-то сева уйдёт, а у нас земля раз на все шесть лет делённая.** На душевой земле у нас вдвое хуже против покупной родится.

– А зачем вы не назмите (не удобряете – М. Д.) вашу товарищескую землю?

– Не рука. Своя была бы, стали бы назмить, а так, начнём назмить землю, выхаживать, а придёт новый срок, хозяин на землю-то прибавит»³⁰⁷.

Несколько лет назад в селе возникла какая-то секта, в которой состоят исключительно богатые крестьяне. Они посещают церковь и отличаются от православных разве что тем, что носят белые рубахи. Все сектанты «в высшей

степени трудолюбивы, деятельны, полны интереса к жизни. В этом отношении они составляют полную противоположность с остальными крестьянами, несомненно принадлежащими к православной церкви»³⁰⁸.

Село Успенка разительно похоже на Солдатское в описании Успенского: «Громадное по размерам, было заселено в начале девятнадцатого столетия гвардейцами. Природные условия очень выгодные. **Крестьяне со своих оброчных статей получают столько, что им хватает на все повинности. Сверх этого, они имеют надел пятнадцать десятин на душу. Несмотря на всё это, крестьяне живут так же плохо, как и князевцы.**

В миру у них продажность идёт страшная. «Каштаны»* («подкулачники» или кулаки-мироеды – М. Д.) процветают. Поле деятельности для них, при сдаче разных угодий, обширное... Всё это люди с громадными голосами, нахалы, без правды и совести. Без подкупа их ни одно дело на сходке не поддается. С помощью их, напротив, всю деревню можно водить за нос. Рыбная ловля, мельница, луга, – всё это идёт, при их посредстве, за бесценок»³⁰⁹.

Мы слегка коснулись жизни лишь шести деревень двух соседних уездов одной из 50 губерний Европейской России и убедились в том, насколько разной была жизнь живших по соседству крестьян и как трудно привести ее к общему знаменателю.

Каждое селение – это отдельная история, это свой особый мир со своей атмосферой, своим отношением к труду, своей коллективной психологией, которая зависела от множества факторов (истории села, от той «химии», которая определяется теми, кто задает тон в коллективе и т.д.).

И не землеобеспечение механически предопределяет уровень жизни крестьян – жители Успенки с 15-тью десятинами на душу живут так же плохо, как князевцы, вышедшие на «кошачий» надел и вынужденные землю арендовать. Впрочем, садковские богатеи тоже арендовали землю и жили припеваючи, – разница была та, что трудолюбие не было сильной стороной жителей Князевки.

Безусловно все описанное Успенским и Гариным должно было отразиться в подворных описаниях этих уездов.

Там, конечно, будут фигурировать и размеры наделов, и градация дворов по посевам и численности скота, и средняя урожайность, и недоимки, обнаружатся и социальная дифференциация и сельский пролетариат, и остальные прибабасы земской статистики, безусловно важные в определенном сегменте анализа.

Но отразится ли в цифрах хозяйственная бездарность солдатских, и усердие барских? А ситуация Садков?

* Коштанник и коштан вост. мироед, живущий на мирской кошт, счет (но может быть это слово и с чувашского или пермяцкого), ходатай по мирским делам, ходок; горлан и коновод на сходках; бранн. плут и обманщик, ябедник, пролаз и тяжбник. (Словарь Даля.)

Ведь земская статистика – это «обыкновенная таблица умножения».

Смогут ли цифры заполнить пробел между собой и живыми людьми, которых мы как будто увидели, благодаря таланту Успенского и Гарина, их внутренним миром, их мыслями, всем тем, что делает жизнь осмысленной или бессмысленной?

Боюсь, что нет.

И главное – сможем ли понять глубинный смысл того, о чем говорят оба писателя?

А говорят они, на мой взгляд, о том, что человек как «искорка Всевышнего», по словам С. Ю. Витте, важнее площади наделов и объема податей.

И все же остается вопрос почему?

Как понять, чем объяснить столь разительные различия в жизни шести соседних деревень?

Есть ли здесь общий знаменатель? По какой таблице умножения мы будем это считать?

Что было в их атмосфере такого, что одни не использовали свои возможности жить «чище, зажиточней, вольней», а другие, не имея их преимуществ, работали и жили достойно?

Ответ обоих авторов идентичный, хотя у Успенского и не прямой, – способ организации жизни крестьян, т.е. община, уравнилельно-передельная община.

Совершенно очевидно, что в Солдатском и Разладине «мир» играет сугубо отрицательную, разлагающую роль, а в Барском – наоборот, по крайней мере с точки зрения хозяйственной.

Успенский до конца жизни так и не смог произнести приговор общине, что вполне понятно. Но это делают его тексты – за него.

Гарин писал свою повесть, уже избавившись от народнических иллюзий, с которыми он ехал в 1883 г. в деревню (восстановить общину и т.д.), поэтому он весьма конкретен. Плачевное положение Князевки и Успенки определяется резко негативной ролью общины, просто в Успенке больше возможностей для мирской продажности и воровства.

Сложнее интересный случай Садков. Здесь община как бы присутствует, но только как «община для бедных» – «Разве мир может сравниться с нами?», – говорит один из богатых крестьян. Он и другие члены товарищества – как бы факультативные общинники (им надо платить подати за свои наделы), но и только.

Во всяком случае, Гарин акцентирует внимание на том, что здесь зажиточные крестьяне – это очень важно – богатеют не за счет бедняков, а за счет своего разумно и рационально организованного труда.

Они оставляют надельную землю бедным (свои наделы, видимо, сдают односельчанам), создают товарищество, снимают землю, делят ее сразу на

6 лет, избавляются от переделов и работают в свое удовольствие. А если они купят землю, что не исключено, тогда удовольствие будет полным – они начнут ее удобрять.

Таким образом, мы снова видим, что община может иметь как деструктивное, так и конструктивное значение в жизни крестьян. И этот вывод очень важен.

Беда в том, что вся народническая историография и ее наследники исходят именно из обыкновенной таблицы умножения. Отсюда и непонимание ими происходивших в деревне процессов.

Пример «Трех деревень» раскрывает лишь один из ракурсов неприменимости «обычной таблицы умножения» для оценки сельской жизни после 1861 г. Однако Успенский идет дальше и демонстрирует несостоятельность общепринятой трактовки аграрных проблем вообще.

Тайны народной жизни

В рассказе «Равнение “под-одно”»³¹⁰ он пытается осмыслить то, что сам называет «загадками народной жизни» и что на поверку оказывается следствием поверхностной и притом предвзятой оценки «народолюбивой» частью общества этой жизни. И здесь он также находится вне народнического треугольника Карпмана.

Автор приглашает читателя поучаствовать вместе с ним в этом увлекательном процессе с помощью прессы, которую все привыкли ежедневно просматривать.

Осенью 1880 г. поволжские губернии постиг сильный неурожай – сразу после уборки хлеб стоил очень дорого – почти 2 рубля за пуд, а месяц спустя и больше. В таких житницах, как Самара и Саратов, печеный хлеб шел по невиданно высокой цене – 4–5 коп. за фунт.

Люди, «принимающие близко к сердцу народное горе», посылали в газеты корреспонденции, переполненные жуткими фактами – где-то «вдова-крестьянка повесилась от голода», где-то целые деревни сплошь голодают, корреспонденты в каждой избе видят «истомленных, опухших людей, которые ничего не ели вторые и третьи сутки... Хлеб, присылаемый из голодных мест в редакции газет, потрясает своим ужасным видом». Скотина при этом продавалась за бесценок; коровы – за рубль, много за два, жеребята-двухлетки шли за 50 коп., телята по гривеннику, а лошадей отдавали чуть не даром³¹¹.

И вдруг эта безусловная, «совершенно непреложная, неопровержимая» картина «голода» и «неурожая» неожиданно осложнилась новым и абсолютно загадочным обстоятельством – тот самый хлеб, который сразу после уборки стоил 2 рубля за пуд, начал дешеветь.

Читатель придет в недоумение и будет прав. Ведь обычно к весне хлеб всегда дорожает, т.к. за зиму запасы истощаются, на рынке предложение его ниже, а цена выше.

А тем временем цена падает с каждым днем. В августе она была два рубля, в январе – около полутора, а в марте – 90 коп.

То есть происходит что-то невероятное. «Что за чудо? Откуда такая благодать?... Хлеба **не могло** быть потому, что неурожай полный, видимый, ясный для всех и каждого. Опухшие мужики – не фантазия, а факт, удостоверенный сведущими и добросовестными людьми». Часть хлеба ушла на экспорт, земства купили то, что смогли купить, но явно не очень много, и этот хлеб «должен быть съеден народом».

Итак, очевидно, что в стране нет хлеба, а он все дешевеет и дешевеет. К маю, когда обычно он сильно подымается в цене, он идет по 80 коп. за пуд, в июне – по 70 коп.

«Что за чудеса? Откуда взялся хлеб?»

Вряд ли он привозной, поскольку при недороде хлеб дорожает везде, даже в урожайных районах, и уж тем более по весне. Однако «чудо» налицо – цены падают «и притом где ж? – в том самом месте, где осенью люди ели кору, где баба повесилась с голоду, где продавали ребят...».

В конце концов «недоумевающий читатель» узнает то, о чем однажды весной сообщили все газеты: ««Крестьянин такой-то, выехав на базар продавать хлеб, был несказанно изумлен, узнав, что цена хлеба упала с 2 руб. до 70 коп. за пуд. Возвратившись домой с непроданным хлебом, он затосковал и в ночь с такого-то числа на такое-то повесился в риге на вожжах под самым переметом».

Господи боже наш! – восклицает читатель, у которого все эти известия с самой осени ложились камнем на душу, – да что ж все это означает?

То женщина вешается, потому что хлеб 2 рубля, то мужик вешается, потому что он 70 коп. Что же будет, если вместо голода господь пошлет урожай, хлеб упадет в цене, спустится до 25 коп.?

Если вешаются от дешевизны, как и от дороговизны, то при хорошем урожае должна развиваться сушая эпидемия самоубийств: начнут топиться, накладывать на себя руки... **А урожай, как на грех, тут и есть. «Небывалые всходы!», «Зерно дало 14 колосьев по 80 зерен!», «С десятины получилось до 200 пуд. чистого хлеба!»**³¹².

Читаешь и не знаешь, продолжает Успенский, радоваться или плакать.

И вправду, «несмотря на огромный, небывалый урожай, уже слышатся голоса: «Едва ли крестьянин улучшит свое благосостояние... Дешевизна хлеба при дороговизне скотины... Самая плохая лошадь на Покровской ярмарке продавалась не менее ста рублей, теленок 12–15 руб., корова – 40–60 руб.», и т. д.».

И возникает чувство, что перспектива громадного урожая – знак какой-то новой беды. ««Буди воля твоя!» – говорите вы со вздохом», не понимая тем не менее, откуда вопреки всему появился дешевый хлеб.

«Это загадка номер первый»³¹³.

Однако пресса не замедлит предоставить «и загадку номер второй и третий».

Так, в статье «Санитарное состояние русской деревни», написанной, по уверению автора, на основании «самых точных сведениях, доставленных земскими управами», говорится об огромном росте смертности в деревне за последнее десятилетие из-за отвратительных гигиенических условий. Читатель видит «целые страницы ужасающих цифр» рождений и смертей, где приоритет вторых над первыми сомнению не подлежит.

Точка зрения автора статьи кажется настолько неоспоримой, что пылкое воображение Успенского уже рисует себе «поле, усеянное костями, по которому медленно ходит становой (пристав), подобно Руслану, изумленный этими «мертвыми костями», – становой, недоумевающий, с кого же получать ему подати»³¹⁴.

Причину катастрофы автор статьи видит в плохом питании, а его причину – в «недостаточности земельных наделов».

«Страшна и ужасна такая ужасная смертность», продолжает Успенский, но если ее причина в малоземелье, то, согласно общинным порядкам, наделы убылых душ должны раскладываться на живых, которые, получая после покойников больше земли, могут хотя бы временно повысить свое благосостояние.

Не тут-то было!

В статье «Об отхожих промыслах» говорится, что, «и помимо смертности, малоземелье гонит народ из деревень... Массы брошенных земель встречаются повсюду. Избы с заколоченными окнами и воротами свидетельствуют, что человеку, поставленному в невозможность существования, оставалось одно – бросить все и уйти, куда глаза глядят...».

В этой статье на «основании сведений, доставленных земскими управами», доказывается, что отхожие промыслы опустошают деревню не менее эффективно, чем дифтерит и смертность, превышающая рождаемость. И главная причина состоит в «малоземелье, недостаточности наделов, не обеспечивающих самого элементарного пропитания»³¹⁵.

Читатель статьи, однако, остается в недоумении, пытаясь сообразить, а кому же все-таки достается земля, брошенная умершими и ушедшими в отход?

А затем он натывается на статью «О переселении» и вообще перестает что-либо понимать. В тексте «да, да, разумеется, – с помощью информации земских управ» говорится, что «опустошенная смертностью, дифтеритом, си-

бирской язвой и отхожими промыслами деревня, – деревня с забитыми воротами и окнами, – высылают ежегодно целые толпы переселенцев».

Корреспондент сообщает, что через его город «целыми вереницами тянутся» переселенцы в Тобольскую губернию – примерно 300 человек при ста подводах.

Это сообщение появляется одновременно с известиями об опустошении из-за чрезмерной смертности и опустошении из-за отхожих промыслов. Однако если появилось много пустых наделов, то становится непонятно – зачем же тогда искать земли за тысячи верст?

На сей раз, как выясняется, крестьяне переселяются от чрезмерной густоты населения.

«Как так? Люди мрут, как мухи, санитарные и гигиенические условия безбожны – и вдруг оказывается какая-то густота? Но густота налицо».

«Достоверные источники» уверяют, что «за десятилетний период времени в такой-то местности», в противоречие с другой местностью, людей умерло мало, или даже «никто не умер, а народилось видимо-невидимо».

Результатом стал такой рост «густоты населения», что на каждую (наличную) действительную, а не ревизскую, душу недостает и по четверти десятины во всех трех полях. А значит, этот вот излишек населения, разумеется, «в полном смысле слова обреченный на голодную смерть дома», тронулся в путь искать новых мест³¹⁶.

Но тут читатель «включает» здравый смысл и начинает задавать неудобные вопросы. Откуда у этих нищих взялась сотня подвод, на которых они продефилировали через город N? Если им самим нечего было есть, то как они смогли купить лошадей, телеги, скотину и т.д.? До Западной Сибири ехать полгода, и все эти дни и месяцы надо чем-то самим питаться, кормить лошадей и коров, а это деньги и немалые!

А вообще говоря, что за выгода бедняку ехать за 3–4 тысячи верст на другой край земли, чтобы из нищего в родных местах превратиться в нищего на чужбине?

Если, допустим, ему в Томской губернии землю дадут бесплатно, то ведь избу, лошадь и все необходимые хозяйственных принадлежности он должен будет купить сам. А на какие средства? Он же нищий!³¹⁷

Недоумение читателя нарастает еще больше.

Однако успокоиться ему не дано.

В новом номере газеты рассказывают о партии переселенцев из 30-ти семей, едущих в Томскую губернию. Среди них есть две семьи весьма зажиточных крестьян, один из которых имел на родине свыше 100 десятин собственной земли, 15 голов рогатого скота, 10 лошадей. Свое имущество он вез на шести подводах, куда впряжены были его собственные лошади.

Замешательство читателя в этот момент должно перейти в растерянность: «Народ мрет от малоземелья, но остающаяся после умерших земля неизвестно куда девается. Народ бросает землю – и опять эта земля, брошенная, никому не приносит добра. Мрет, бросает, – стало быть, пустыня остается? –

– Нет, не пустыня, а, напротив, необыкновенная густота, – до такой степени необыкновенная густота, что на действительную душу приходится едва по 1/4 десятины, чего недостаточно для прокормления даже в течение месяца...

И вот массы этого бедного, нищего народа пускаются в путь за несколько тысяч верст на **своих** лошадях, на **своих** харчах, которых в течение 6 месяцев потребуется этим неимущим не менее как на 200 руб. на человека и скотину...

Но мужика, переселяющегося от 100 десятин собственной земли, – читателю уж ровно нечем объяснить: ни смертность, ни прирост, ни малоземелье, ни дифтерит, ни кровавый понос, ни что другое, никакие цифры, хотя бы самые достоверные, – тут не помогают. Богач-мужик прет в неведомую даль вопреки всяких уверений и доказательств – и окончательно сбивает с толку читателя...»³¹⁸. И это далеко не все, что вызывает вопросы.

Чтобы разрешить все эти загадки, Глеб Иванович придумывает собеседника, «человека, более или менее озабоченного народным делом», и начинает с этим воображаемым читателем диалог.

Автор как будто слышит его негодующий вопрос: «Так что же, неужели, по-вашему, все, что пишется о народных несчастьях, вздор и чепуха? Неужели все это – пустые фразы и ложь? И, наконец, возможно ли издеваться над народными несчастьями, когда я сам, собственными своими глазами...», и т.д.»³¹⁹

Нет, отвечает Успенский, все, что пишут о народных бедствиях – «сухая правда». Бывает и много хуже.

ОДНАКО!!!

Крайне важно, что в то же время Успенский чувствует, «что во всем этом полчище ужасов есть еще что-то, что неприятно отравляет искренность скорби, искренность рыданий о народной массе...

Есть в этой массе достовернейших бедствий какая-то черта, которая воспитывает во мне какие-то враждебные побуждения, рождает какие-то недобрые мысли относительно той же самой народной массы, которые мешают только сочувствовать, **только** любить, **только** верить...

Почему-то, одновременно со скорбью, с желчным упреком интеллигенции (здесь – земству – М. Д.) – рождается желание какого-то инстинктивного движения кулаком в эту же самую народную массу...

Чувствуется, что тут, в ней же, есть какая-то неправда, язвы, червоточина... Начинают даже рисоваться такие «народные» морды, которым весьма бы желательна даже сибирская язва...

Обыкновенно в подобных случаях люди сочувствующие молчат, глотают, так сказать, эти дурные, неведомо откуда рождающиеся, побуждения. Бывало, сочувствуешь-сочувствуешь и голоду, и дифтериту, и малоземелью, и опять голоду, а на душе не только не ощущается подобающего гнева, не только не пробуждается энергии, необходимой для подвига, для борьбы, а **прямо сказать – только апатия, оскомина досады...** »³²⁰.

Примечательные слова!

Автор мысленно продолжает беседу с читателем, который, «хочет «вести беседу о проклятых вопросах деревенской жизни», искренне сочувствует народу и преисполнен «искреннейшим благоговением к “общинному землевладению” и искреннейшим негодованием против так называемой интеллигенции».

«Откуда, – вопрошает меня воображаемый собеседник, – взялся хлеб, когда был неурожай, и почему этот хлеб подешевел, вместо того чтобы подорожать?..

– Хлеб, милостивый государь, был там же и взялся оттуда же, где был и голод. В одних и тех же деревнях люди умирали с голоду, ели кору, пухли и т.д. – и в тех же самых деревнях были люди, которые не умирали с голоду, а напротив – поправлялись и толстели; в одних и тех же деревнях были люди, которые продавали лошадь за рубль серебром, – и были другие люди, которые ее покупали за этот самый рубль и которые теперь продают ее назад за сорок и пятьдесят рублей...

– При общинном землевладении? – с негодованием (как мне кажется) перебивает меня воображаемый собеседник.

И как мне ни трудно огорчить вопрошателя, но, скрепя сердце, я говорю:

– При общинном... Увы, при общинном землевладении!

– В одних и тех же деревнях?

– В одних и тех же.

– А смертность?

– Точно то же и со смертностью: мрут больные, голодные, худородные, а отъевшиеся – здоровы и невредимы. .. Одни мрут, как мухи, а другие толстеют, как борова.

– В одних и тех же деревнях?

– В одних и тех же.

– И при общинном землевладении?

– При общинном...

Лицо воображаемого собеседника моего вспыхнуло яркою краской негодования... Он, как мне кажется, готов был отвернуться от меня, прекратить разговор; но оскорбление, которое нанес я ему своими ответами, до того взволновало его, что, **отворачиваясь и негодуя, он гневно задает мне, так сказать «в упор», такой вопрос:**

– Так вы что же... вы думаете, что хлеб был припрятан у одних в то время, как другим нечего было есть?

Слово «припрятан», признаюсь, коробит меня. Я был бы очень доволен, если бы собеседник мой не произносил такого грубого слова, требующего от меня не менее грубого, жестокого ответа, но делать было нечего, и, собравшись с силами, я решаюсь произнести ужасное слово:

– Увы, – говорю я, содрогаясь, – припрятан!

Сказав это, я чувствую, что мороз пробежал у меня по коже. Я сам до такой степени потрясен этим словом, что едва я выговорил его, как у меня является непреодолимое желание «поправиться», сказать что-нибудь другое, помягче; но, вопреки усилиям, хотя и сам не верю, что **я опять, подобно ворону Эдгара Поэ, прокаркал:**

– Припрятан!..

Опять хотел поправиться, – и опять прокаркал:

– Увы, припрятан! Увы!..

– При общинном землевладении? – весь багровый от негодования, вопрошает воображаемый собеседник, видимо желая, чтоб я почувствовался, опомнился.

Но я, как бесчувственный истукан, не могу ни придумать, ни вымолвить чего-нибудь иного, кроме того же грубого ответа:

– При общинном землевладении, – говорю я и, чтобы хотя сколько-нибудь смягчить неприятное впечатление моей грубости, прибавляю: – Увы, увы, увы!

Но воображаемый собеседник уже не смотрит на меня, – он не хочет на меня смотреть и не говорит со мною»³²¹.

Успенский уязвлен этим пренебрежением, «таким высокомерным нежеланием видеть и знать правду текущей минуты», поэтому он, игнорируя «надутые негодованием щеки собеседника» и даже его возможное невнимание, высказывает следующие важные мысли.

Тому, кто действительно печалится о народе и хочет быть ему полезным, нужно отбросить крайне вредную мысль о том, что русское общество делится, во-первых, на «народ, общину, деревню», во-вторых, на «кулаков, грабителей» и, в-третьих, на «ничего не делающую интеллигенцию».

Это популярное, но неверное деление «приучает как к неосновательному негодованию, так и к не менее неосновательным надеждам»³²².

Дело в том, что наличие общины не препятствует ежедневному возникновению в среде обычных, рядовых общинников, а вовсе не кулаков-живорезов, самых неприглядных, а то и просто отвратительных житейских ситуаций, резюмируя которые Успенский с горечью констатирует, что «все они угнетены и все угнетают».

А кулаки при этом отнюдь не инородное тело – они постоянно порождаются самим строем современной деревенской жизни. «Живорез» является результатом «общего расстройств деревенского организма, он есть цвет, корень которого в земле, в глубине всей совокупности условий народной жизни»³²³.

Здесь самое время заметить, что воображаемый собеседник возник в 1882 г. как продукт полемики Успенского со своими критиками.

Уже первые чисто деревенские очерки Успенского, позже собранные в «Деревенском дневнике», встретили массивное осуждение апостолов народничества.

Напомню, что в 1870-х гг. вовсю шла прямая идеализация деревни, народных «устоев» и «трудовой этики» крестьянства, которое изображалось как особый социальный и моральный тип высшего порядка и в таком качестве противопоставлялось другим классам общества.

Поэтому честные и откровенные очерки Успенского «народолюбцы» встретили в штыки.

«Меня упрекали в непонимании народной души, в преувеличении дурных сторон народной жизни и, наконец, вообще в неправильном толковании явлений современной деревенской действительности», – вспоминал потом Успенский.

Недовольны были все – славянофилы, народники либеральные и революционные. По нему прошли такие монстры народничества, как Ткачев, Плеханов, Каблиц и др.

Огорчилась, например, Вера Фигнер: «Зачем рисовать деревню такими красками, что никому в нее забраться не захочется и всякий постарается от нее подальше»³²⁴. Успенский прокомментировал: «Она требует: подай ей мужика, но мужика шоколадного!». Того же, в сущности, требовал и Плеханов, тогда еще земледелец.

Клевета на народ!

Матрица кампаний поношения людей, говорящих неприятную правду, до 1917 г. мало отличалась от того, что было в советское время, разве что собраний трудовых коллективов не устраивали. В наши дни собрания заменил интернет.

А ведь Успенский не просто правдив, он беспощадно правдив, не говоря о том, что чувствует жизнь на порядок глубже и тоньше своих оппонентов.

В ноябре 1878 г. Успенский ответил своим критикам, что не может согласиться с приписыванием ему «специальности – ругать народ, «чернить» мужика».

Негативную реакцию на свои очерки Успенский связывает прежде всего с появившимся в литературе «каким-то странным, небывалым взглядом на

положение народа – взглядом, если можно назвать (как говорят дети) – *неправдышным*»³²⁵.

Происхождение этого взгляда, по Успенскому, таково.

Пореформенная атмосфера была насквозь пронизана упоением от отечественной самобытности и, соответственно, уничижительным антиевропеизмом.

Европа была презираема, европейские порядки были отвратительны, поскольку казались ложными. Русский человек казался «как бы случайно, на живую нитку, пристегнутым» к этим порядкам. И такое сознание было очень важно – отторжение, отталкивание от загнивавшей корыстной Европы создавало как бы подъемную силу для оживавшей «русской души», которая «понеслась было, как птица, ввысь, понеслась смело, фантазируя, не стесняясь и все норовя устроить по-новому...»³²⁶.

Однако жизнь оказалась куда сложнее.

Со временем обществу пришлось осознать – хотя и не сознаться – в том, что «живая нитка – не нитка, а канат» и что «западноевропейских язв в русском человеке так же много (или почти так же), как и в его подлиннике, да, вдобавок, и неевропейские-то черты русского человека также оказались с язвами»³²⁷.

Общество пыталось «остановить маховое колесо европейских порядков, увлекавшее нас на ненавистный путь всяческой неправды, нас, которые не хотят ее, которые хотят по чести, по совести и всё такое...», засовывая в спицы колеса такие «бумажные препятствия», как «славянская раса, славянская идея, православие, отсутствие пролетариата и т.д.».

Однако «все это, доказанное на огромном количестве листов бумаги, было смолото и растреплено не перестававшим махать колесом, которое как бы говорило при этом русскому человеку: все это вздор! Пролетариат у тебя и есть и будет в большом количестве... Ты фарисей! Обманщик, сам обворывающий себя и жалующийся на какую-то Европу! обманщик и лжец! трус! лентяй! Сербская война была опытом на деле доказать, что все обвинения, раздававшиеся собственно в сознании каждого, кто хотел доказать, – неправда...»³²⁸.

Успенский, поехавший в Сербию, считает, что опыт оказался неудачным.

Однако литературе и обществу, попавшим на «ложную дорогу самовосхваления, самопрославления», было трудно смириться с этим новым и еще более тяжелым разочарованием и начать непростую работу над собой.

Поэтому, прокляв раздвоенную и мелкодушную интеллигенцию, они обратили все свое сочувствие на народ, однако сочувствие это оказалось достаточно специфичным: «Появилось какое-то слащавое, чтобы не сказать слюнявое, отношение к народу... Всякое деловое отношение к народу считалось

как бы неуместным. Народ стали просто хвалить за его непочатое, непосредственное чувство, а о том, в какой школе воспитывается это чувство, по какой дороге оно идет и пойдет – об этом не говорилось»³²⁹. Под школой Успенский подразумевает те условия, в которых деревня оказалась после 1861 г.

Доходит до смешного. Какие-то совершенно пустячные ситуации, например, некий парень укутал проезжему ноги (Успенский подозревает, что без двугривенного тут не обошлось)³³⁰, один мастеровой дал закурить папиросу и не спросил за это на водку и т.д. вдруг стали трактоваться как проявление «непосредственного чувства» народа и залог спасения общества: «С таким-то сердцем... как у такого народа, да это что ж такое будет!».

Кстати, замечает Успенский, если на таких фактах «строить радующие и радужные теории будущего, то какую блистательную будущность должен я предсказать так называемому гнилому Западу» на том основании, что «один гнилой западник», с которым он в проливной дождь ехал на омнибусе по Парижу проехал несколько лишних длинных улиц, хотя ему давно нужно было выйти, только потому, что у Успенского не было зонтика, и парижанин держал над ним свой зонтик!

А если иметь в виду, что приезжих в Париже несколько больше, чем на деревенской дороге и что они не являются для парижан «предметом развлечения» и что, наконец, «человек этот сделал доброе дело не от нечего делать, а в силу сознания какой-то обязанности, то во сколько раз этот поступок будет выше поступка «одного из славных русских лиц», воспеваемых автором»³³¹?

Тем не менее «на таких-то тоненьких, как пленка кипяченого молока, как папиросная бумага, фактах стали выстраиваться в литературе добродушные, милые взгляды на народ. Можно даже сказать так, что литература стала строить народу глазки»³³².

Понятно, что в этом «неправдышном», «миловидном направлении» реальные проблемы народной жизни отошли на далекую периферию.

Понятно также, что его ревнителям очерки Успенского пришлось не по нутру, поскольку нарушали их душевный покой. Эти люди только-только изобрели «средний, сочувствующий меньшему брату и ни к чему не обязывающий взгляд, только что успели поуспокоиться»³³³, а тут...

К тому же интеллигенция преуменьшает и нивелирует реальные проблемы деревни из-за, во-первых, неадекватных надежд на общину, а во-вторых, в силу «слишком обесцвеченного» взгляда на само понятие «народ», который с недавних пор стал представляться почти такой же «коллективной однородностью, как, например, «овес», или «сено», или «икра»»³³⁴.

В этой усредненной трактовке «народ – это что-то одномысленное, какая-то масса, где все частицы и во всем совершенно равны друг другу, одномысленны, одинаковы даже в нравственных побуждениях». Успенский замечает,

что для него такая «коллективная однородность деревни хуже аракчеевских казарм». Трудно точнее сформулировать исходные изъяны традиционной историографии, вытекающие именно из подобных подходов!

Подобное странное «равнение вытекает из слишком нерассудительного поклонения пред общинным землевладением, а главным образом пред ритуалом распределения общинных земель.

Это распределение также сделалось предметом неумеренного идолопоклонения и неумеренных надежд.

Пред ритуалом распределения земель и угодий по душам и т.д. стали ступшевываться все другие человеческие стороны деревенской жизни: **нет ни восхода, ни заката солнечного, нет ни баб, ни девок, ни свиданий, ни песен, – все исчезло пред межевými знаками и межевými ямами.**

Народ только и делает, что говорит о принципах обычного права, да о межевых знаках; с детских лет крестьянин якобы только и думает, что о кольшках, столбиках, о дележе лугов и т. д. и т. д. Деревенские люди, если сходятся поговорить, то говорят непременно о высшей межевой справедливости.

Иной раз кажется, что все деревни наши населены кандидатами на судебные должности, штудирующими Пахмана или Якушкина. Пишут целые романы, в которых авторы воодушевляются планами генерального межевания, купчими крепостями и нотариальными актами»³³⁵.

Это очень важные мысли. Успенский бьет в болевые точки народнического миросозерцания и «ноющей» историографии.

Ужасно то, пишет Успенский, что это идолопоклонство перед совершенством распределения земли, т.е. перед идеальным уравниванием «**источников существования**» привело к абсолютно неверному выводу, что **подобная безупречность будто бы характеризует и все остальные аспекты жизни крестьян-общинников.**

Из-за этого человек, который хочет «служить народу», попав в деревню, не понимает, где находится.

Он ждет ежедневного, постоянного подтверждения якобы олицетворяемой в понятии «община» справедливости, а натывается совсем на другое.

Например, на то, что государственная продовольственная помощь во время неурожая распределяется сообразно доведенному до аптекарской точности распределению земли. Однако на деле «при таком-то совершенно правильном распределении» беднякам достаются крохи, а львиная доля помощи оказывается в руках богатеев, у которых есть еще запасы хлеба прошлых урожаев и которые пускают помощь в оборот (это подтверждается множеством источников).

Такая раздача помощи исходит из круговой поруки общины, из того, что «здесь все друг за друга, а на деле такая раздача заставляет даже припрятывать

хлеб, у кого он есть, чтобы даром не отвечать понапрасну» за бедноту. И это далеко не единственный пример подобной несправедливости³³⁶.

В подтверждение того, что в корне неверно «подводить «под одно»» всех деревенских жителей и все деревенские мнения и желания», Успенский приводит изумительное, на мой взгляд, по точности сравнение.

Предположим, что водопровод в Петербурге находится в общинном владении и что вода из него равномерно распределена по всем зданиям города, от дворца до лачуги за Нарвской заставой, и притом совершенно одинаковая вода, идущая из одного источника по одним и тем же трубам, которую каждый получает «по надобности его».

Можно ли на основании того, что вода распределяется «одинаково и правильно», спрашивает Успенский, считать, что равным образом **«цели, желания, стремления»** тысяч людей, живущих в тысячах квартир, также одинаковы – хотя бы до некоторой степени?

Правильно ли будет думать, что если вода распределяется между жителями «на основании потребностей каждого, «сколько кому надо»», то и материальные средства горожан распределяются так же равномерно и притом «сколько кому надо»³³⁷?

Конечно, нет.

То же имеет место в деревне.

Между тем уравнилельно-передельная община породила в обществе «фантазии» такого именно сорта, и совершенство межевых отношений эксплоатируется на отношения нравственные, что неверно.

Конечно, продолжает Успенский, у деревни есть общие интересы, которые сплавивают ее воедино. Крестьян объединяют любые известия и слухи о земле, потребность в земле, угодьях, да и вообще все заботы об источниках жизни, и ради этого они могут думать и поступать солидарно.

Однако ведь и Петербург, безусловно, «восстанет **весь**, как один человек, если я запру водопровод, да и Москва возликует, – вся Москва, от дворца до Грачевки, – если я объявлю, что «будет водопровод»!»

Однако это не спасет ни один, ни другой город от тех общественных противоречий, которые в них существуют³³⁸.

И он приводит действительно душераздирающие примеры, показывающие бесчеловечие общинного режима.

Он показывает, как далеки фантазии народников от реальных проблем деревни. А проблемы эти заключаются в том, что Россия и русские люди после 1861 г. проходят школу новой жизни.

Старое незаконное крепостничество имело одно неоспоримое преимущество перед нынешним «полноправием», а именно: «искренность этой незаконности».

«Что хочу, то делаю» и «ты мне подвержен» – эти два положения, управлявшие русской деревней, были до такой степени всем деревенским жителям явно незаконны, что решительно не было никакой надобности заподозривать в отношениях к помещику какой-нибудь подвох.

Дело было совершенно ясное; оставалось только изучать владельца, изучать его повадки, прихоти, привычки... Хотя и не всегда помещик представлял собою предмет, достойный изучения, тем не менее крестьянской мысли была работа, было о чем подумать, **а главное, была некоторая мирская связь в виду одинаково над всеми стоящего беззакония**»³³⁹, – отмечает Успенский.

Эта мирская связь в силу того, что произвол мог задеть всех в равной степени, иногда могла всерьез сплотить крестьян, могла сконцентрировать деревню на каком-нибудь действии, как, например, 80 семей гаринской Князевки, не захотевших по воле барина переселиться в другое место и просто исчезнувших из деревни в одну прекрасную ночь. Понятно, что строй крепостной деревни был безобразен, «но безобразие... было явно, просто, бесхитростно».

После реформы началась **другая жизнь**.

Теперь крестьянина уверяют, что он стал таким же свободным, как помещик, что он сам управляет своей жизнью, – то есть его как будто хотят поднять с колен и т.д.

Однако во всем чувствуется «какая-то нескончаемая фальшь и даже лицемерие».

Крестьянин не понимает, что ему можно и чего ему нельзя, он спотыкается и недоумевает на каждом шагу, натываясь при попытке задуматься на **«сухой, мертвый взгляд педагога, вместо ожидаемой, по сладости речи, симпатичной, доброй физиономии»**³⁴⁰.

Педагогу, т.е. властям, нужны от него только платежи: «Вся куча повелительных наклонений низвергается в деревенскую глушь в виде простого требования денег...

Всякая, самая благороднейшая мысль, направленная на общую пользу, откуда бы она ни шла, дойдя до деревни, превращается в простое требование денег. Проекты «оздоровления», «образования», «поднятия народной нравственности», «оживления народа», словом – всякая **благая** мысль, как только начала приводиться в исполнение, непременно начинается в каком-нибудь Слепом-Литвине прямо со «взносов».

В Петербурге, в губернском городе, в уездном – идут разговоры, проекты, доказательства, прения; слышны разные, бесспорно умные слова: «развитие», «улучшение», а в Слепом-Литвине, во имя этих прекрасных проектов и слов, происходит только **раскладка**. Из таких слов, как «образование», «развитие», «улучшение», в Слепом-Литвине, неведомо каким образом, образуются со-

вершенно другие и всегда грустные слова: “по гривеннику”, “по двугривенному”, “по полтине”. И все эти гривенники и полтинники вносятся «без всяких разговоров», а если и не вносятся в должном количестве, то все-таки каждый, старается заплатить, чувствуя, что за ним есть недоимка»³⁴¹.

А созданный реформой 1861 г. режим общинной жизни таков, что больной человек никогда не одолжит у кулака деньги на то, чтобы съездить в город взять лекарства, но на уплату податей – возьмет, причем за любой процент.

На общинном сходе за водку можно решить, что угодно – от бытовых проблем до преступлений, но только не «преступления против педагогических требований», прежде всего необходимости платить, которые с такой силой и неуклонностью «предъявляются деревне» что «они уже значительно изменили и те порядки, которые созданы были когда-то самою деревней».

Поэтому, говорит Успенский, можно восхищаться «аптекарем совершенством», с которым – до «драхм и унций» – община делит землю, но нельзя не видеть, насколько изменился «первоначальный идеал» под влиянием «интересов совершенно посторонних»³⁴².

На уравнительной справедливости дележки земли, пишет Успенский, **«нельзя уже строить особенно пленительных фантазий насчет справедливости деревни вообще к человеку»**, убеждать себя, что «у нас “всякий” равен “всякому”», поскольку фигурирующее при разверстке слово **«душа»** теперь вовсе не означает души и человека, обладающего ею вообще.

«Ведь вот Федюшка оказался не имеющим души. Ни в водах, ни в лесах, ни в полях, составляющих общественное имущество, ему не принадлежало ни сучка, ни рыбки, ни лоскута земли»³⁴³, – отмечает автор, у которого все время перед глазами стоит безродный сирота Федюшка, ставший из-за равнодушия мира вором – конокрадом и убитый оправданными потом по суду односельчанами*.

И не только Федюшка лишен права «считаться душою».

Успенский описывает существующие принципы разверстки – по едокам, по работникам, по душам, и говорит о новом искусственном значении души в крестьянском обиходе.

Если семья из шести человек имеет две платежные души и одного работника, то это означает, что из шести человек только двое «вкушают прелести переделов, а четверо сидят на шее двоих».

А вот старуха с дочерью и внучкой, не имеющие работника, в числе душ не считаются, а значит, все трое «не участвуют ни в лесах, ни в водах, ни в землях, а мерзнут от холода и побираются христовым именем». Если в семье, при шести человеках, умирает работник как представитель «души», то все шесть человек становятся бездушными.

* Замечу, что Плеханов, разумеется, назначил виновным в судьбе Федюшки царизм.

То есть каждая деревня имеет намного больше «подлинных человеческих душ», чем «патентованных», однако они не пользуются тем, что принадлежит общине³⁴⁴.

И очень тяжелое впечатление от этого разговора прямо наводит Успенского на такие вопросы, которые представляются «при малом знакомстве с деревенскими порядками почти неразрешимыми. Судите сами.

Деревня, где живет горемыка-сторож, не считающий себя нищим, деревня бесспорно самая богатая, какую только я когда-нибудь и где-нибудь видел (речь явно о Солдатском – М. Д.)». Да и вся степная Самарская губерния так щедро наделена естественными богатствами», что со своими урожаями в сам-20, а часто и больше, не зря считается настоящей житницей России.

«Роскошные (в буквальном смысле) луга» дают изобилие корма для скота, реки, впадающие в благодетельницу-Волгу настолько полны «съедобным живьем, что его, как говорится “ловить не переловить, есть не переест”». А сколько всякой птицы, всякой дичи гуляет по луговым «мокринам», по этим многочисленным степным озеркам, прячущимся в высокой душистой, изумляющей разнообразием порой траве! “Благодать!” – вот что можно сказать, глядя на всю эту естественную красоту, на все это природное богатство местности...».

И в добавление к этим природным богатствам у деревни есть и денежное подспорье – ссудо-сберегательное товарищество, в котором участвуют все 70 дворов. Хотя в этом селении нет школы и фельдшера, но с 19 февраля 1861 г. никогда не было и «**ни единой копейки недоимки**»³⁴⁵.

Что же еще нужно, спрашивает Успенский, «чтобы человек, живущий здесь, был сытым, одетым, обутым и уж во всяком случае не нищим?

Так непременно должен думать всякий, кто знает, что общинное, дружное хозяйство – не только спасенье от нищеты, а есть единственная общественная форма, могущая обеспечить **всеобщее** благосостояние.

Так должен думать всякий, кто знает, что лучшей земли нет в свете, что из таких природных богатств, в соединении с общинным дружным владением ими, может выходить только добро и что наделенная ими община может только “улучшать” свое благосостояние.

И, представьте себе, среди такой-то благодати не проходит дня, чтобы вы не натолкнулись на какое-нибудь явление, сцену или разговор, который бы мгновенно не разрушил все ваши фантазии, не изломал все вычитанные вами соображения и взгляды на деревенскую жизнь, словом – становятся вас в полную невозможность постичь, как, при таких-то и таких условиях, могло произойти то, что вы видите воочию»³⁴⁶.

Вот, например, по соседству с крестьянином, накопившим 20 тыс. руб., живет старуха с внучками, у которой нечем топить, не на чем приготовить

обед, «если она не подберет где-нибудь “уворуючи” щепочек, не говоря о зиме, когда она мерзнет от холода.

– Но ведь у вас есть общинные леса? – с изумлением восклицаете вы – дилетант деревенских порядков.

– Нашей сестре не дают оттедова.

– Почему же так?

– Ну стало, выходит – нет этого, чтобы, тоесь, всем выдавать...

Или:

– Подайте Христа ради!

– Ты здешняя?

– Здешняя.

– Как же это так пришло на тебя?

– Да как пришло-то! Мы, друг ты мой, хорошо жили, да муж у меня работал барский сарай и свалился с крыши, да вот и мается больше полгода!.. Говорят, в город надоть везти; да как его повезешь-то?.. Я одна с ребятами... Землю мир взял...

– Как взял? Зачем?

– Кто ж за нее души-то платить будет? Еще, слава богу, души сняли: видят – силы в нас нету.

– А работника нанять?

– На что его наймешь-то? Откуда взять?

– Как откуда? У вас есть своя касса, из ваших же собственных денег: там, наверное, и твоего мужа деньги. У вас касса есть общественная!.. Я знаю, там несколько сот рублей... Ты можешь заплатить за работу, и у тебя будет свой хлеб... Зачем тебе побираться? Проси там денег: там деньги ваши, собственные.

– Ну как же! Дадут “они” “нам”... Подайте Христа ради, что вашей милости будет!...»³⁴⁷.

А почему сторож, о котором говорилось выше, «член общины не может найти поручителя в 15–20 рублях», в то время как у сельского схода есть общественные суммы, а в селе есть банк, получающий кредит на 15 тыс. руб.?

И этот общинник исключает для себя возможность поправить свои дела работой, «которая у него, да и у всех его односельчан под носом, когда всем видно, что 20 рублей он отработает».

И автор задает вопрос: «Что ж это за волшебство? Что это за порядки, при которых в такой благодатной стране, при таком обилии природных богатств можно поставить работающего, здорового человека в положение совершенно беспомощное, довести до того, что он среди этого эльдорадо ходит голодный с голодными детьми и говорит:

– Главная причина, братец ты мой, – пищи нету у нас – вот!

В этакой-то роскошной стране, при общинном-то хозяйстве, в местности с кассами, банками, в местности, где нет недоимок, работающему, обремененному семьей человеку – нет пищи?

Что ж это за порядки такие?

Согласитесь, что если бы в этой деревне на семьдесят дворов вы встретили только этого сторожа, только старуху и бабу, о которых было сказано выше, то и тогда они должны бы поставить вас в тупик. Но что скажете вы, когда такие непостижимые явления станут попадаться вам на каждом шагу; когда вы ежеминутно убеждаетесь, что здесь, в богатой деревне, ничего не стоит “пропасть” человеку так, даром, за ничто, пропасть тогда, когда все благоприятствует противоположному? Очевидно, что в глубине деревенских порядков есть какие-то несовершенства интеллектуальные, достойные того, чтобы обратиться на них внимание»³⁴⁸.

В «Трех деревнях», описывая поразительную, можно сказать, изощренно фундированную изобретательность мира в изыскании возможностей для коллективной выпивки, автор с горечью говорит, что «крестьянский ум, талант, мысль, вообще вся сила его природной даровитости... действует и тут – отрицать ее нет никакой возможности», но эти качества расходуются не на решение действительно насущных человеческих интересов деревни, а на то, как заставить соседа поставить миру ведро-другое водки.

А вот в таких делах, которые принесли бы «миру существеннейшую пользу, облегчили бы положение его, которые бы помогли поступить мирскому человеку действительно по-божески, – в таких-то именно делах, как на грех, в мирском деревенском жителе исчезает все: внимательность, наблюдательность, даже исчезает самая тень справедливости»³⁴⁹.

В отличие от пьянства и платежей, для таких дел в общине не существует ни ритуалов, ни обычаев. Поэтому «нельзя не заплатить в срок оброка, аренды; но молча смотреть, как мрут «горлушком» дети, – можно». Нельзя соседу простить сорока кольев, нельзя не обмыть любой пустяк, но можно за водку на волостном суде сделать любую несправедливость и «можно растратить крестьянскую казну в сотни, тысячи рублей...»³⁵⁰. Мы уже знаем, что слова Успенского подтверждаются множеством источников.

Успенский приходит к неприемлемому для всех народников выводу о том, что кулачество в деревне возникает органично, из самого способа организации жизни после 1861 г.

Вот каким он видит один из вариантов появления мироедов (были и другие).

Представьте себе, предлагает автор, положение крестьянина, который еще не настолько «одеревенел», что ему жалко своего ребенка и он не хочет, «чтобы тот умер как-нибудь случайно, “горлушком”», подобно множеству других

детей, не хочет, чтобы его милого мальчика «колотил палкой какой-нибудь фельдфебель, чтобы его сек этот мир за баловство, за неплатеж повинностей».

И если это крестьянин осознал, в каких порядках он живет, то не возникнет ли у него мысли уйти в другое место, «где полегче, где поинтересней и посправедливей?»³⁵¹.

А уйти отсюда необходимо, потому что невозможно объяснить миру, что умирающие дети, фельдфебели и порка – это неправильно, не по-божески. Мир эти вопросы не интересуют, потому что каждый крестьянин поодиночке задавлен им и уже не верит в то, чтобы община когда-нибудь подняла подобные проблемы.

И вот тогда, пишет Успенский, у человека появляется желание нажить денег и бросить эту жизнь, потому что второе подразумевает первое. И в эту минуту «в человеке талантливом, даже сердечном, который понял свое собственное положение, – начинает зарождаться кулак, сначала во имя полного нравственного одиночества (а о том, что отдельный человек в общине одинок, автор говорит постоянно – *М. Д.*), а потом, со временем, и уж просто во имя наживы»³⁵².

Неразборчивость в средствах тех людей, кто не желает оставаться в дураках, «доходит до поразительнейших размеров», поскольку созданная после 1861 г. система крестьянской жизни не требует от человека «особенно строгой нравственности».

Появление кулачества, «этой аристократии современной деревни», еще больше ухудшает положение простого мужика и еще более ограничивает его мысль. Не меньше, чем на уплату податей, он трудится на кулаков, приспособивших к своим интересам «несовершенные формы современного общинного землевладения». Уравнительная система на поверку и так несправедлива, но «аристократия» вынуждает многих из тех, кто считается податной «душой», уступать им свои владения, причем, пишет Успенский, один иногда распоряжается наделами пяти-шести человек³⁵³.

Ну, и сколько же настоящих хозяев в деревне, если вычесть из общего числа жителей селения всех, кто не имеет и по закону права пользования землею, и помнить все, что автор уже сказал по этому поводу?

Едва ли не главная проблема деревни, по Успенскому, состоит в том, что жизнь крестьян лишена высшей цели – обязанность платить подати не может быть ею. Оставив позади жизнь, в которой все – и хорошее, и дурное – зависело от помещика, они, «незнающие, неумелые и неразвитые» не понимают своего теперешнего положения. Рядом нет людей, которые могли бы внести в общинную жизнь новую мысль, которые бы могли бы «новыми взглядами» осветить эту жизнь, и в нынешних условиях им просто неоткуда взяться.

И здесь он предъявляет счет адептам «неправдышного» взгляда на крестьян, т.е. пресловутым «народолюбцам», включая и воображаемого собеседника, которые отмахиваются от проблем деревни ссылкой на влияние кулаков, а «спасение и блестящее будущее» видят в межевых ямах и столбах, восхищенно усматривая при этом «проявления общинного начала в том, что вот эти два крестьянина выпили каждый по отдельной рюмке, закусили **одним** яйцом и т.д.»³⁵⁴.

Когда речь идет о великих идеях, изменивших умственную жизнь высших классов, то всегда говорят о личностях, которые внесли их в общество, преобразив его, и это естественно.

Почему же «смешно, и странно, и глупо» желать того же для деревни?

«Почему же для деревни нужна только земля, частые или редкие переделы; почему нужно увеличение только наделов, выгонов и вовсе не нужны идеи, которые бы освежили этот ссыхающийся на копейке деревенский ум?

Почему так много забот и внимания сочувствующая народу пресса уделяет недоимке?

Почему такие энергические усилия энергических умов направляются на изобретение способов, которые бы уничтожили это народное бедствие?

Вообще, почему бедствие – только налоги и недоимки?..

И почему не бедствие и не предмет внимания – то удивительное обстоятельство, что «не внемлющая и не дающая ответа» народная масса поминутно выделяет из себя такую массу хищников, кулаков, мироедов, возводящих (как, например, конокрады) разграбление своего брата крестьянина до степени промышленности, торгового предприятия, вроде, например, торговли шерстью, оптовой торговли льном и т.д.»³⁵⁵?

А ведь реальная торговля этими продуктами могла бы стать в деревне доходной статьей, но эта мысль не находит почему-то в крестьянской среде хорошего организатора.

Почему селение сдает за 200 рублей и 10 ведер кабак, причем делит эту сумму на всех (каждому досталось по 2 рубля с копейками), но ни у кого из общинников не возникло и мысли помочь обделенным людям, которые живут рядом с ними, «собирая кусочки, перебиваясь со дня на день».

Очевидно, заключает Успенский, «что тут есть действительно какая-то недоимка, только не в крестьянском кармане и не в кассе контрольной палаты, а в народном уме, развитии и сознании.

Не будь именно этой второй недоимки, разве 200 рублей общественных денег могли бы оказаться лишними в бедной деревне, где в 70-ти дворах, наверное, есть десяток сирот, малых и старых, где есть десятки хворых, беспомощно валяющихся где-нибудь в грязных сенях под дверью, где нет человека, кроме кабатчика, который бы умел прочесть письмо и написать ответ? Разве

могла бы тогда деревня чувствовать себя “невиновной”, убив Федюшку, перед которым она кругом виновата?»³⁵⁶.

Он с горечью констатирует, что у нас нет людей, которые, прекратив сочувствие народу на словах, «приняли бы к сердцу весь этот ужас деревенских порядков» и сочли бы своим долгом жить среди крестьян, отдавая им свои знания и открывая им «возможность видеть и понимать такие вещи, которые теперь уткнуты в самый темный угол *собственных* своих нужд, забот и горя»³⁵⁷.

Успенский все время мечтает о том, чтобы в деревню пришел настоящий учитель – «не отставной солдат и не полуграмотный дешевый педагог, оболванивающий деревенские поленья, а умный, вполне образованный человек, проникнувшийся важностью дела: – только тогда деревня может рассчитывать на то, что ребятишки ее узнают в самом деле что-нибудь путное»³⁵⁸.

И вот такой человек нашелся.

ЭКСПЕРИМЕНТ ИНЖЕНЕРА ГАРИНА-МИХАЙЛОВСКОГО

В 1883 г. отставной 30-летний инженер-путеец Н. Г. Михайловский купил в Бугурусланском уезде Самарской губернии имение Юматовка (Гундоровка) с двойной целью – поднять благосостояние, во-первых, своей семьи, а во-вторых, соседних крестьян.

События, происшедшие в последующие три года описаны им в повести «Несколько лет в деревне», подарившей нам писателя Н. Гарина, более известного как Гарин-Михайловский. Его возвращению в эти же места в 1890-х гг. посвящена повесть «В сутолоке провинциальной жизни». На эти произведения я и опираюсь в анализе.

Поскольку далее я говорю о литературных произведениях, а не о мемуарах или другом источнике, я буду оперировать номинациями автора, Н. Г. Гарина-Михайловского. То есть буду именовать его Гариным, деревню Князевкой и т.д.

Явление героя

Николай Георгиевич Михайловский (1852–1906), сын генерала, был на 3 года моложе С. Ю. Витте, на 10 лет старше П. А. Столыпина, т.е. принадлежал к поколению, которое сформировалось после 1861 г.

Гарин-Михайловский – фигура по-человечески очень привлекательная. Это тот редкий тип человека, который вызывает общую симпатию, совершенно не пытаясь стать всеобщим любимцем, под кого-то подстроиться, всегда оставаясь самим собой.

Он был из породы А. Н. Поля – по масштабу личности, по мировидению, по восприятию интересов страны как своих собственных – и обратно. Это благодаря таким, как он, модернизация шла вперед. При этом он продолжал традиции таких русских чиновников, как А. П. Ермолов, М. С. Воронцов, И. В. Сабанеев, П. Д. Киселев и других, которые к государственным деньгам относились куда более трепетно, чем к своим.

Он был храбрым мужчиной и «просто» хорошим человеком. О его человеческих качествах можно судить хотя бы по тому, что он, не задумываясь, бросился в штормовое море под Батумом, спасти тонувших турок и т.д.

Успенский как-то заметил, что «в русском человеке есть *все*, только он сам не знает, что именно ему-то самому нужно, и от этого он способен исполнять решительно все...».

Так вот, Гарин-Михайловский демонстрирует нам прекрасный противоположный образец русского человека – образец таланта, направленного на созидание.

Его имя носит, в частности, привокзальная площадь в Новосибирске, потому что во многом благодаря его усилиям Транссиб пошел «правильным» путем...

Словом, он принадлежал к тому типу настоящих «людей дела», который обделен вниманием русской классической литературы, часто предпочитавшей обедневших внучат Обломова и безвольных потребителей крыжовника.

К 30-ти годам автор имел за плечами не менее шести лет довольно насыщенной, не стандартной и отнюдь не кабинетной «взрослой» жизни и накопил богатые жизненные впечатления.

Студентом Института путей сообщения, как и многие его сотоварищи, он поработал кочегаром. Получив в 1878 г. диплом инженера, он во время войны 1877–1878 гг. участвовал в строительстве портов в болгарском Бургасе и Бату-ми, потом строил Бендеро-Галацкую и Закавказскую железной дороги.

В отставку он вышел потому, что не мог видеть воровства, процветавшего в частном железнодорожном строительстве (казенных дорог тогда в России не было).

Купив за 75 тыс. руб. имение, которое за пять лет удвоилось в цене, и кое-что понимая в сельском хозяйстве, он решил начать другую жизнь.

К этому времени он пришел к выводу, что человечество весьма неразумно борется за существование. Вместо того, чтобы эксплуатировать неисчерпаемые богатства природы, которые находятся у них под руками, люди направляют свою энергию на вымогательство у более слабых.

Это было особенно заметно в деревне, рядом с источником этих богатств. «Глупо и дико видеть», – пишет автор, – «как все силы человека направлены на то, чтобы как-нибудь отнять последнюю каплю у ближнего, когда соединёнными усилиями можно овладеть целым источником»³⁵⁹.

Поэтому он и хотел изменить эту ненормальную ситуацию, причем не считал задачу «особенно трудной». Ему казалось, что стоит только научить крестьян эффективным приёмам борьбы с природой, и они сами поймут, «как дико и нелепо бороться с ближними», тем более, что там, где он купил имение, имелся пример подобного отношения к делу.

Такого рода заявления, на мой взгляд, может сделать человек, как минимум, достойный и неравнодушный, с развитым чувством долга и ясным сознанием своих обязанностей в этом мире. И притом достаточно уверенный в себе и своей правоте. Однако и самоуверенный тоже – он ведь хочет как бы пересоздать человечество! Впрочем, это вполне в духе времени, отсчет которого начался даже не Сен-Симоном и продолжается поныне.

«Жена и я – оба мы страстно стремились в деревню. Перспектива свободной, независимой деятельности улыбалась нам самым заманчивым образом.

Цели, которые мы решили преследовать в деревне, сводились к следующим двум: к заботам о личном благосостоянии и к заботам о благосостоянии окружающих нас крестьян»³⁶⁰, – так начинается рассказ автора об одном из самых важных периодов его жизни.

Гарин, конечно, был далеко не первым образованным русским человеком пореформенной эпохи, считавшим, что он должен, обязан поделиться с крестьянами своими знаниями и тем самым изменить их жизнь к лучшему. Варианты «хождения в народ» бывали разными.

Однажды у него, генеральского сына, крестника Николая I, прямо вырываются слова о том, что он хочет возместить долг тем, кто веками работал на его предков.

Жизнь Гарина в Князевке была, если так можно выразиться, капиталистическим вариантом либерального народнического миссионерства в действии, причем настоящим, без обмана, без агитации и пропаганды против существующего строя.

Капиталистическим потому, что он не закатывал глаза и не падал в обморок при словах «прибыль», «проценты» и «найм рабочей силы». Он прямо пишет, что хотел обеспечить благосостояние своей семьи.

Но одновременно – поднять и благосостояние окрестных крестьян. И для него счастье этих нескольких сотен людей было очень важно.

И это была теория реальных дел – малых и не очень малых – в действии.

Поднять благосостояние семьи он рассчитывал за счет создания крупного интенсивного хозяйства. Здесь его энергия нашла широчайшее поле для применения.

За образец он взял хозяйство немцев-меноннитов, поселившихся неподалеку в начале 1850-х гг. и ставших со своими урожаями в сам-30 легендой этих мест. Колонисты, что называется, задали Гарину «планку».

Его открытая широкая натура восприняла деревенскую жизнь «на ура!», и он «отдался делу с такою любовью, какой не предполагал в себе», научился пахать и делал это с «наслаждением» и т.д. и т.п. На третий год его урожай ни количественно, ни качественно не отличался от урожая меноннитов.

Хуже дело обстояло с доходностью – стоимость работ в Князевке была заметно выше, потому что он, во-первых, «нарочно» повысил заработную плату, считая её явно недостаточной, а во-вторых, из-за его «инженерной» привычки делать всё быстро. Только личный опыт убедил его, что деревне «скорость и стоимость обратно пропорциональны между собою»³⁶¹.

Оказалось, что инженерные навыки и знания весьма полезны и в сельском хозяйстве: «Привычка к большому делу, привычка обобщать, делать правильные выводы, привычка быстро применяться к местным условиям, привычка обращения с рабочими, – всё это сильно помогало мне. Технические познания дали мне возможность воспользоваться благоприятными местными условиями».

Так, на территории его имения, расположенного на водоразделе, было две речки, начинавшиеся и впадавшие в другую реку на его же земле. Проведя нивелировку, он понял, что их можно соединить в одну, благодаря чему его мельница стала в 2,5 раза мощнее, а ее доходность сразу утроилась.

Это позволило ему построить водяную молотилку, что резко удешевило молотьбу. А рядом появились амбары, куда транспортеры (элеваторы) механически пересыпали уже очищенный хлеб, и «с последним поданным в барабан снопом последняя горсть зерна попадала в амбар, и воровство зерна – это зло нашего хозяйства – у меня не имело места»³⁶².

Чтобы хлеб осенью не сгнивал в снопах из-за непогоды, что нередко случалось, он устроил крытые сараи и сушилки.

Он организовал пеклёванное дело (сортировку муки с помощью специальных устройств), ввел новую тогда и очень выгодную культуру – подсолнечника и, соответственно, устройство маслобойки для получения подсолнечного масла.

Гарин развёл фруктовый сад, посадив до 2 тысяч (!) фруктовых деревьев.

Однако его «страсть к быстроте» обходилась довольно дорого, и в итоге 40 тыс. руб., составлявших его оборотный капитал, через год растаяли. Тем не менее, он с оптимизмом смотрел в будущее³⁶³.

* * *

Декларированные им цели означали, что он уверен в возможности примирить свои интересы с крестьянскими.

Посмотрим, что у него получилось.

Заботы о крестьянском достатке Гарин разделил на частные, имевшие филантропический характер, и общие, которые должны были поднять общий уровень их достатка.

К частным мерам относились «поддержка и помощь увечным, старым, не имевшим ни роду, ни племени, вдовам, солдатским жёнам, пока их мужья отбывали повинность. Сюда же относилась льготная поддержка – ссуда деньгами каждой семье, в случае неожиданных расходов: свадьбы, падежа скота, пожара и проч»³⁶⁴.

Его жена оказывала крестьянам медицинскую помощь и открыла школу, память о которой хранится до наших дней³⁶⁵ (в Сети можно встретить воспоминания потомков тех крестьян, которые в ней учились).

Они устраивали у себя дома рождественские елки для крестьянских детей и обеды с их родителями.

То есть Гарины фактически завели своего рода систему социального обеспечения, которая теоретически должна была быть во всех общинах, но на практике встречалась далеко не всегда, притом их система, конечно, была куда щедрее.

Общие меры подъема благосостояния князевцев заключались в следующем.

Во-первых, крестьяне за очистку его леса бесплатно забирали себе весь собранный хворост – ценное для них топливо.

Во-вторых, он задешево отвёл им 200 дес. пастбища³⁶⁶.

Если бы он ограничился своим хозяйством, филантропией в отношении крестьян, сбором хвороста, предоставлением им дешевого выгона и сдавал бы князевцам землю по божеской цене, то, весьма вероятно, что не было бы красивого города Новосибирска и чудесного писателя Гарина-Михайловского. Потому что он тогда преуспел бы на аграрной ниве, и быть бы Князевке настоящей степной экономией.

Но этого не случилось, поскольку гвоздем его программы, над которой он размышлял примерно год, было **принципиальное изменение отношения крестьян к земле вообще**.

Однако сначала мы должны познакомиться с аудиторией, т.е. с деревней, которую Гарин намеревался облагодетельствовать – это облегчит понимание дальнейшего. Мы уже знаем о том, что у отдельных селений, как и у людей, была своя социальная «генетика», которая прямо влияла на многое в их жизни.

История Князевки началась с того, что один из последних представителей угасающего рода князей Гундоровых получил в XVIII в. в этих малонаселенных местах землю. Для ее освоения он вывел из Тульской губернии 80 крестьянских дворов. В начале XIX в. он продал имение соседнему помещику Юматову, а крестьян снова решил переселить – из-за их неважного поведения, которое старый князь Болконский скорее всего квалифицировал бы как «дикое».

Однако крестьяне переселяться не захотели – и «вся деревня в один прекрасный день точно сквозь землю провалилась: остались только избы да дворы; всё же живое, как владельцы, так и скотина, исчезло... Побившись месяца два и не найдя никого, князь отстал от крестьян и передал их Юматову.

Князевцы любят вспоминать об этом времени, но, по обыкновению, скупы на слова.

– В поляном лесу жили, – в норах, как лисы. Сейчас есть след. Руками хлеб мололи... Ничего, Господь помог, вытерпели...»³⁶⁷.

Юматов «был лют и охоч до баб», что и сыграло роковую роль в его судьбе, потому что «исторический факт таков: Юматова убили ночью, нанеся ему до ста ран».

Организовано все было солидно. «Подходящих людей», т.е. киллеров, говоря новейшим русским языком, выписали из Казани, и две недели кормили и поили их», дожидаясь верного момента.

Дело раскрылось и 40 дворов отправились в ссылку в Сибирь, о чем вспоминать не любили: «Греха много было... Вытерпели...»³⁶⁸.

Затем они активно поучаствовали в разорении сына Юматова.

Позже был убит и одуревший от власти односельчанин-приказчик, тиранивший деревню уже после 1861 г.³⁶⁹

То есть князевцы были с историей и с норовом.

Все это не только дополняет наше представление о крепостничестве, но и показывает, что каждое селение имело свой «коллективный характер», свой коллективный темперамент, из которых вытекала способность или *неспособность* этих конкретных крестьян **на коллективный** поступок.

Не каждое селение имело такой «бэкграунд» и, возможно, Князевка априори была не лучшей площадкой для экспериментов.

По приезду Гарины понемногу начал знакомиться с внутренним миром крестьян, и его «поражали, с одной стороны, сила, выносливость, терпение, непоколебимость, доходящие до величия, ясно дающие понять, отчего русская земля «стала есть».

С другой стороны – косность, рутинная, глупая, враждебная отношение ко всякому новаторству, ясно дающие понять, отчего русский мужик так плохо живёт»³⁷⁰.

И те, и другие качества имели в основе Веру, часто доходящую до непреклонного фатализма.

Бог занимал центральное место в системе крестьянского мировосприятия. Он – судья, верховный решитель и распорядитель, Он – надежда и помощник. С ним связано все хорошее, и все плохое – ним у каждого свои личные отношения.

«Бог всё»³⁷¹, – резюмирует Гарин.

Вековой хозяйственный консерватизм деревни – часть этих взаимоотношений. К примеру, сеять можно только тогда, когда снег сойдет сам, а посыпать его золой, чтобы ускорить процесс – богопротивное дело: «По-нашему, это быдто против Бога. Его святая воля снег послать, а я своими грешными руками гнать его буду»³⁷².

И побороть этот подход было очень трудно.

В то же время у крестьян существует параллельный мир домовых и леших, потому что все то, что «необъяснимо, с одной стороны, что не подходит под понятие о Боге, с другой – заполнено у крестьян ведьмами, русалками, домовыми, лешими и пр.»³⁷³

Крестьяне встретили семью Гарина с недоумением, недоверием и вместе с тем с понятным интересом – они не очень-то умещались в традиционные представления крестьян о господах.

Его жена была поглощена деревенскими делами не меньше мужа, причем автор настаивает, что работала она больше, чем он.

Специальный мастер обучал ребят гончарному ремеслу. Сделанные ими горшки продавались на ближайшем базаре и приносили некоторый доход. Дети гордились этими деньгами, а их родители – радовались³⁷⁴.

Ко взрослым автор обращался «господа» и при каждом удобном случае, приказав подать чаю, вел беседы на всевозможные темы: сегодня история, завтра политическая экономия, сельское хозяйство, политика – в зависимости от того, с чего начинался подобный разговор³⁷⁵.

Очень трогательные, светлые страницы посвящены описанию святок и других праздников, которые чета Гариных устраивала для крестьян – с развозом подарков, с ряжеными, с детской елкой, на третий день отдаваемой детям «на разграбление», с обедом отдельно для баб, отдельно для мужиков – с водкой и сладями и т.д.³⁷⁶

Конечно, в доме Н. М. Карамзина, не говоря о Текутьеве, невозможно представить ничего подобного. Менялось время, менялись люди.

Итак, новые помещики держали себя с крестьянами весьма демократично, как бы по-товарищески.

Как же князевцы оценивали появление этих необычных господ с их причудами?

Здесь Гарин фактически выделяет два отдельных пласта этого сюжета – во-первых, «классовое» восприятие их как помещиков, а во-вторых, сугубо человеческое восприятие их как конкретных помещиков.

Первый аспект в конечном счете безусловно определял второй.

Что касается второго ракурса, то, пишет Гарин, вопрос о том, зачем и почему новые бары *так* заботятся о них, долго был для крестьян неразрешимой загадкой. Какое-то время была популярна мысль о том, что Гарин хочет получить от царя крест. Однако время шло, а креста он не получал, и тогда возникла версия заботы барина о «душеньке своей»: «О спасении своём заботится». На ней все и успокоились, кроме изгнанных было богатеев, уверявших, что Гарин вскоре покажет остающимся «куку»³⁷⁷, т.е. кукиш.

Понемногу князевцы оттаяли: «Теперь их открытые, добродушные лица смотрели приветливо и ласково. Их манера обращения со мной была свободная и, если можно так сказать, добровольно-почтительная»³⁷⁸.

В то же время **как помещики** Гарины оценивались так, как вообще все помещики оцениваются всеми крестьянами. И понять это вне исторического контекста невозможно. Века крепостничества даром, конечно, не прошли.

Прежде всего помещики – Чужие, которых можно обманывать, как угодно. По отношению к ним допустимо любое обжуливание и надувательство. Ими можно и нужно пользоваться.

Этот социальный пласт жизни существовал совершенно независимо от установившихся неплохих чисто человеческих отношений, которые развивались параллельно существовавшим архетипам крестьянского сознания, и, судя по тексту, не пересекались.

Один из архетипов, который Гарин справедливо считает всеобщим, как мы помним, заключался в непоколебимой уверенности крестьян в том, что в самое ближайшее время у господ отберут землю и отдадут им, поскольку они единственные, кто имеет на нее право. Обычно эта операция ожидалась к новому году, притом ежегодно! За информацией по этому вопросу крестьяне нередко обращались к Гарину, но его разъяснения, что их надежды напрасны, эффекта, конечно, не имели. Ему просто не верили, поскольку, дескать, не в его интересах было говорить им правду³⁷⁹.

При этом в силу того, что земля и лес только временно считались гаринскими, крестьяне не видели большого греха в том, чтобы тайком попользоваться ими, накосить, к примеру, травы или нарубить леса, надрать лыко и т.д.

Аргументация у крестьян в Самарской губернии на этот счет была та же, что и в Тульской, и в Московской, и во всех остальных: «Не он лес сажил, не сам траву сеял, Бог послал на пользу всем. Божья земля, а не его.

– А деньги-то за землю ён платил?

– Кому платил? – чать Божья земля. Кому платил, с того и бери назад, а Богу денег не заплатишь. Хоть лес взять, к примеру. Не видали его, не слышали николи, вдруг, откуда взялся: «мой лес». А ты всю жизнь здесь маячишься, на твоих глазах он вырос: «не твой, не тронь». Он его растил, что ль? Бог растил! Божий он и, выходит, на потребу всем людям. Ты говоришь: «мой», а я скажу: «мой». Ладно: днём твой, а ночью мой»³⁸⁰.

Миллионы аналогичных разговоров в течение полувека после 1861 г. велись на всем громадном пространстве Российской империи, на всех широтах и в большинстве губерний. Их силу Власть недооценила – и это был роковой просчет.

Итак, пишет Гарин, в глазах крестьян помещик был эдаким временным злом, которое нужно до времени перетерпеть, не забывая, однако, при этом извлекать из него посильную выгоду для себя.

А извлекать пользу крестьяне умели, и автор приводит довольно колоритные описания того, как окрестные крестьяне весьма беззастенчиво обманывали его, где и как могли – себе во благо.

Они спокойно брали то, что он им давал добровольно, однако, сверх этого, стремились выпросить ещё. Гарин чаще всего понимал их уловки, но он не был мелочным человеком, и шел на выгодные крестьянам сделки, потому что видел в их поведении в эти минуты всю их нужду, все их «богатые способности, страстное желание и бессилие вырваться из своей безвыходной бедности»³⁸¹.

То, что подобное потребительское отношение к приезжающим в деревню господам, примитивное социальное иждивенчество было для крестьян нормой, можно видеть, например, в рассказе «Малые ребята» Успенского. Но герой рассказа Иван Иванович был, что называется, слабаком, а Гарин им не был ни разу.

Но дела это не меняло. «Земля наша, а барином надо пользоваться». И они это делали.

Позволю себе привести размышления на эту и смежную темы С. Т. Семенова. Он пишет о том, как по возвращении в деревню его огорчало, что «в нравственной стороне крестьянской жизни начали выясняться большие дефекты, характеризовавшие моих односельцев вовсе не с такой стороны, с которой мне хотелось бы их видеть».

Речь шла о длительных самовольных порубках чужого леса («он не чужой, а Божий, – говорили мне. – Хлеб с поля грех брать, потому его сеяли, над ним трудились, а над лесом кто трудился?.. Так думало в деревне большинство, и уверенность, что на их стороне правда, была непоколебимая»), о подворовывании во время извоза в Москве, о котором «говорилось... откровенно, безо всякого помысла о том, что этим неудобно хвастаться.

Некоторые не стеснялись даже и делать такие вещи на виду».

Семенов рассказывает о том, что мужики, промышлявшие возкой льна, заезжали с нагруженными возами домой, открывали возы, «выбирали там лучшие связки льна, оставляли их дома, а на их место клали свои худшего качества.

Таким образом, обменивши пять пудов льна, каждый получал рублей на 10 от обмана, кроме платы за извоз. Обменявши так весь свой лен, некоторые покупали плохой лен у соседей и мешали его. При сдаче же льна в большой партии малое количество плохого не замечалось, и всем это сходило с рук»³⁸².

«Такая легкость в отношении к чужой собственности и уверенность, что в этом нет ничего предосудительного, были сначала мне непонятны. Как же это так? – думал я. Есть заповедь, которая прямо говорит: “не укради”; есть статьи закона, строго карающие присвоение чужого, и все-таки нарушение этих установлений делается настолько явно, как будто бы это самое обычное дело.

Мало этого, такими поступками некоторые были склонны хвастаться, хотя грехами, более невинными, они бы хвастаться не решились.

Я долго ломал над этим голову и пришел к тому убеждению, что делающие так не верят тому, что это **грех; греховность такого рода поступков не вошла в их сознание** же, ну, настолько, например, как уверенность в недопущении употребления скоромного в постный день, начать работать поутру неумывшись и т.п.

Ни внушениями от других, ни практикой жизни не воспитано в них чувства недозволенности этого, а напротив, воспитывалось другое.

Во всей своей прошлой жизни стесненный в пользовании дарами природы, а часто и произведениями рук своих, крестьянин, желавший этим пользоваться, мог делать это только “урывом”, тайком. **А так как обстоятельства, стеснявшие его, длились целые века, то этот способ вошел в такое обыкновение, что крестьянское общественное мнение приучилось относиться к нему безразлично.**

Такое отношение переходило из поколения к поколению и сохранилось до наших пор, когда условия несколько изменились. Что это именно так, видно из того, что легкое отношение к чужой собственности многими допускается только к чужим и людям другого положения. Мужик, с легким сердцем обменивающий лен, не возьмет у соседа клок сена, не решится переменить косы, грабель, и таких большинство»³⁸³.

Итак, постепенно крестьяне стали принимать и воспринимать Гариных.

Но этой душевностью нельзя было обольщаться. Потребительское отношение доминировало, они были готовы принимать благодаяния, пока не видели в них угрозы своему пониманию пользы (выгоды).

В целом же между ними была пропасть, природу которой, повторюсь, можно понять только в историческом контексте.

* * *

Вернемся, однако, к программе Гарина.

Главной проблемой Князевки была, естественно, нехватка пашни.

Уровень крестьянского земледелия Гарин оценивает как крайне низкий: «Напрасно думают, что мужик хорошо знает свойства своей земли и условия своего хозяйства; **он полный невежда в агрономических познаниях и страшно в них нуждается. Отсутствие знания, апатия к своим интересам, отсутствие правильного понимания условий,** в которые он поставлен, **поразительны.** Здесь крестьянам необходима энергичная посторонняя помощь: сами они не скоро выберутся из своего застоя»³⁸⁴.

Как и в тысячах других черноземных селений у князевцев отсутствовала осенняя вспашка под яровые для удержания влаги («до весны-де далеко, кто там жив ещё будет!»), яровые они сеяли поздно, сев был излишне густым. Кроме того, большим злом были переделы земли: «Хлебородность правильно обрабатываемой из года в год земли с каждым годом растёт. При ежегодном же переделе хорошо обработанная в этом году земля попадает на будущий год к бессильному бедняку-мужику, который, при всём желании, ничего другого не сделает, как только изгадит её, – и сбруя плохая, и снасть плохая, и лоша-дёнка плохая, да и сам-то от ветру валится»³⁸⁵.

Землю удобрять они не хотели и были чрезвычайно консервативны: «Крестьянин страшный рутинер. Много надо с ним соли съесть, пока вы убедите его в чём-нибудь»³⁸⁶.

Все это *не*-делание оправдывалось формулой «Мир велик, не один человек, – не сообразишь».

Гарин проанализировал ситуацию и выстроил следующую логическую цепочку.

Первым следствием выхода на сиротский надел в 1861 г. стало ослабление общины. А после того, как князевцы переписались в мещане, чтобы не платить подушной подати, община «окончательно подорвалась», поскольку она во многом лишилась главных рычагов воздействия на крестьян – земельной и податной власти.

Но тем самым, по мнению Гарина, рухнул единственный оплот против кулачества. Подтверждение своей правоты он видел в получивших полный надел соседних деревнях, где благосостояние крестьян было неизмеримо выше, а кулаки имели куда меньшее влияние, чем в Князевке.

Поэтому Гарин решил, что – помимо внедрения удобрения, правильной пашни и других нововведений – он обязан вернуть своих крестьян «к их прежнему общинному быту»³⁸⁷.

Вот так – не более и не менее.

При этом он сознавал, насколько сложна взятая им на себя задача, понимал что ему будут сопротивляться как кулаки, так и обленившиеся и опустившиеся бедняки, однако не представлял другого пути подъема благосостояния деревни.

Он считал, что **«нужно всю деревню заставить действовать, как один человек»** (напомню, что именно об этом, о таком единстве деревни все время мечтал Глеб Успенский).

Для этого требовалась сила, и она у него была. Его власть над крестьянами «была почти безгранична» – он не мог их лишить только воздуха, а все остальное было в его руках, включая кладбище, по поводу чего мужики часто шутили: «Мы и до смерти, и после смерти ваши».

Гарин считал, что «**гнушно**» использовать такую силу в своих интересах. Однако употребление «**силы для их блага, когда доводы не действовали**»³⁸⁸, было, по его мнению, единственным вариантом достижения цели.

«Яко дети, неучения ради...»

Что же, это вполне себе петровско-социалистическая мечта – «всю деревню заставить действовать, как один человек».

Нашего героя, однако, хорошо характеризует то, что он иногда все же сомневался в справедливости нарисованной им себе картины и в том, «действительно ли так необходимо было заставлять крестьян отрешиться от их способа ведения дела?»

Однако в итоге он решил, что повысить благосостояние князевцев возможно, если они согласятся сделать следующее:

1) Взять по контракту с ним на 12 лет столько земли, сколько им нужно – под условием круговой поруки;

2) Разделить землю между отдельными дворами один раз на «все 12 лет совершенно равномерно по качеству, как между богатыми, так и между бедными»;

3) Ближнюю к деревне землю они должны удобрять, и с этой целью весь навоз деревня будет «вывозить зимой на ближайшие паровые поля»;

4) под яровые культуры земля должна пахаться с осени³⁸⁹.

Сформулировав эти условия, не раз обсуждавшие в тогдашних СМИ, Гарин начал действовать, однако предварительные переговоры успеха не имели. Чичков, главарь богатеев, изо всех сил старался доказать несостоятельность его предложений.

Тогда Гарин, собрав сход, поставил ему ультиматум: либо крестьяне соглашаются на его условия, либо он будет сеять один, а они станут его работниками. Чтобы смягчить впечатление от своего напора, он объявил, что отпустит им лес на льготных условиях для подновления изб и построек.

Чичков, вертевший сходом, как ему хотелось, был уличен в обмане и Гарина, и крестьян. В итоге после скандала, закончившегося уходом богатеев из деревни, крестьяне приняли контракт.

Это был счастливый момент в жизни Николай Георгиевича: «Засыпал я с лёгким сердцем... Такие минуты переживаются редко, но чтоб их пережить, не жаль годов труда и невзгод... Ушёл я с прежней своей арены – и на смену мне явились десятки, может быть, более талантливых людей, тогда как здесь уйди я – и некому заменить меня. И если после долгой жизни я достигну заветной цели – увижу счастье близких мне людей – моей семьи и трёх, четырёх сотен этих заброшенных, никому ненужных несчастных, то я достигну того, больше чего я не могу и не хочу желать»³⁹⁰.

Однако для того, чтобы поднять крестьян до уровня, который позволял им начать ведение «правильного хозяйства», он должен был открыть им

серьезный кредит – до 1,5 тыс. руб., потому что в одних дворах лошадей не было совсем, а в других их не хватало – сообразно числу работников. Кредит был рассрочен на несколько лет под условием различных зимних работ.

«Крестьяне энергично взялись за дело. Мысль, что они снова станут правдашными крестьянами, что у них снова заведутся амбары (большинство, за ненадобностью, их продало), в сусеках которых не мыши будут бегать, а хлеб будет лежать, что на гумнах **снова будут красоваться аккуратно сложенные клады хлеба, веселила крестьян и придавала им энергии.**

Прошёл год. Деревня значительно преобразилась, и мужики весело поглядывали на свои аккуратные или совсем новые, или подновлённые избы»³⁹¹.

Поначалу все пошло хорошо. Крестьяне обстроились, урожай был отличный. Он помирился с пятью изгнанными богатеями, хотя он и предвидел, что они будут баламутить народ. Решение это оказалось роковым.

Их попытка найти счастье на стороне оказалась неудачной. Они приписались к одной мордовской деревне с душевым наделом в 15 дес. Хватало всего – и земли, и леса, и воды. Оказалось – вопреки народническим идеям – что не в одной земле счастье. В итоге они «как посчитали-то за год, так и увидели, что без малого половину денег-то порастрясли. Копили годами, а прожили годом»³⁹².

Очень быстро он понял, что совершил ошибку, но даже и представить не мог ее масштаба.

Богатеи снова сели деревне на шею, которую она с готовностью подставила – они начали сдавать в долг по дешевке (3 рубля вместо 10) будущую работу на жатве. Гарин, узнав об этом, поднял цену на свою жнитву, и почти все крестьяне пошли на это, но часть все равно одолжилась еще и у богатеев. Не задумываясь о будущем, они брали в долг у Гарина, а если тот отказывал, то у кулаков³⁹³.

Из текста повести прямо следует, что многие крестьяне не просто плохо понимали, как надо строить свой бюджет, – они элементарно не могли свести вместе разные статьи своих расходов. У большинства из них не было не то, что стратегии ведения хозяйства, но даже сколько-нибудь ясного хозяйственного плана, элементарного расчета, не было системы приоритетов – все для них как будто шло в одну цену.

Зато была отработанная за века система оправдания собственной безалаберности (в этом они напоминали разладинцев Успенского), которая включала невозможность все предусмотреть и Господа в качестве верховного арбитра.

В итоге они оказались по уши в долгах, а виноватым, естественно, считали его: «Работаем, как лошадь, а толков никаких; так, в прорву какую-то идёт. Хуже крепостного времени выходит... Что за беда! **Бывало, зиму-зимскую**

на печи лежали, горя не знали, а тут, почитай, все с отороженными носами ходим. Ты гляди: буран ли, мороз ли, а ты всё неволишь: айда, да айда!»³⁹⁴.

В отношениях с большинством крестьян явно наметилась трещина.

Ее усугубил неурожайный год.

Крестьяне приписывали неудачу озимых редкому посеву и говорили Гарину, что он «ошибил» их, и теперь они будут без хлеба.

Когда подошло время сева ярового, оказалось, что из-за холодов на вспаханной с осени земле вылез – как будто специально посеянный – сорняк козлец. Вывести его можно было, перепахав землю заново, но мужики отказывались это делать и говорили, что не надо было пахать с осени: «Этак и станем по пяти раз пахать, да хлеба не получать, а кормиться чем будем?.. Нет уж, что Бог даст, а уж так посеем»³⁹⁵.

Он предупреждал князевцев, что они останутся без хлеба, что им просто не повезло – ведь он предупреждал их о том, что раз в 10 лет такой вариант с осенней пашней бывает, и надо просто исправить ситуацию, пока еще это возможно. Однако крестьяне угрюмо молчали. Озимые тем временем пропадали, и Гарин решил перепахать свои озимые поля и засеять их яровыми культурами – пшеницей, полбой, гречей и преимущественно подсолнухом.

Крестьяне страшно удивились тому, что он заново пашет озимь, но примеру его последовать не захотели, ссылаясь на то, что «по-нашему... это дело Божье. Даст Господь – будет, а не даст – ты её хоть насквозь пропаши, ничего не будет»³⁹⁶.

Заново перепахали землю немногие, а у остальных не уродились ни озимые, ни яровые. Крестьян охватил, по замечания Гарина, «табунный ужас и страх за будущее» – одни в ожидании предстоящего голодного года начали продавать («мотать») лишнюю скотину, большинство сократило запашку под озимые почти вдвое, продавали амбары, новые избы.

Он ободрял их, призывал не падать духом, поскольку беда еще не пришла, уговаривал не продавать скот по дешевке и постройки за полцены, не уменьшать посевы, обещал, что не бросит их – напрасно.

Как можно видеть, Гарин вел свою линию вполне твёрдо и прямолинейно, однако его одолевали сомнения и он не мог не видеть, что дело продвигается совсем не так гладко, как ему представлялось теории.

Было понятно, что в первую очередь речь шла о неблагоприятном стечении климатических условий. Как назло, случился редкий год, когда весенняя пашня не получилась. Однако кроме этой очевидной причины, было и нечто другое, мешавшее делу, что выходило за рамки авторского кругозора.

Оставался нерастворимый осадок взаимного непонимания.

Пространство для контакта резко сузилось.

Он пытался объективно разобраться в ситуации и понять, почему каждый его шаг наталкивается на постоянное враждебное упорство со стороны

крестьян? Ведь то, что он навязывал им, было, безусловно, полезно, и лучше всего это доказывали его собственные поля.

Почему они не верят в успех? Не могут же они не понимать, что в этом прогрессе залог их будущей силы?

Да, конечно, он видел, что во всех их действиях присутствует лень, но природа этой лени была для него ясна: «свежая живая рыба в реке и та же вялая, сонная рыба в садке – наглядная параллель, дающая объяснение, почему крестьянин без знания, без земли и без оборотного капитала будет и ленив, и беспечен»³⁹⁷.

Всё это было Гарину вполне понятно, и, упрекая крестьян в лености, он хотел лишь подстегнуть их. Цели эти упреки, однако, не достигали, зато вызвали нарастающее отторжение. Он походил на человека, который шел «к толпе с руками, которые переполнены всяким добром, предназначенным для неё, а лица этой толпы уже кривятся и раздражением, и злобой»³⁹⁸.

Он искренне не понимал, что они видят мир по-другому, и это такая сфера жизни, в которой призывы довериться, делать, «как я», работают не всегда. Он просто не слышал того, что ему говорили люди.

Он весьма удачно совершил поездку в Рыбинск, продал хлеб на 25% дороже цены, которая стояла в Бугуруслане³⁹⁹. И это открывало перспективы.

Возвращаясь, он переживал тот знакомый, убежден, читателям чудесный момент, когда успех окрыляет человека жаждой новых свершений.

Он уже мечтал о командировке в США от земства для изучения элеваторного дела, о строительстве первого элеватора, о непосредственном выходе на Лондонский рынок и продаже пшеницы по двойной цене, о превращении Князевки в большое село с церковью, с сельскохозяйственной школой, агрономической станцией, о дешевой железной дороге от села к элеватору и урожае в 400 пудов. И о том, что крестьяне «уже давно стали собственниками земли»⁴⁰⁰.

Жизнь, однако, сильно разошлась с этими мечтами. За время его поездки случилось страшное и, видимо, неизбежное.

По приезду он узнал, что его гордость – мельница с молотилкой – сгорели.

Они не были застрахованы – из-за «русского авось».

Однако теперь, после пожара, Гарин стыдился страховать остальное имущество, полагая, что этим он оскорбит своих крестьян, поставит под сомнение их непричастность⁴⁰¹.

Подобная щепетильность оказалась явно не у места – вскоре на глазах у гостей, приехавших на крестины гаринского сына, загорелся громадный новый амбар, куда только что ссыпали прекрасный урожай подсолнечника – примерно на 30 тыс. руб.⁴⁰²

Потом настала очередь амбаров с хлебом⁴⁰³.

Это было фиаско.

Если мельницу можно было списать на случайность, то здесь отпали мейшие сомнения.

Страницы, описывающие чувства Гарина, испытать которые не пожелаю никому из читателей, читать спокойно трудно.

Гарин сумел – не хуже персонажа сыщицкого романа – «вычислить» поджигателя – старшего сына Чичкова и арестовал его⁴⁰⁴.

Правосудие ему пришлось вершить в одиночку.

А деревня тем временем напилась и двинулась к барскому дому.

Тут-то выяснилось, что и он с семьей, несмотря на все, что он сделал для князевцев за эти годы, был совершенно не застрахован от участи своих предшественников: «Мы все мгновенно вскочили и бросились к окну. Моё сердце сильно стучало.

Вдоль садовой ограды медленно, растянуто двигалась толпа мужиков к усадьбе. Крик, ругань пьяных голосов, по мере приближения, всё больше и больше стихали.

Я стоял точно очарованный. Мысль, что они могут явиться, ни разу не приходила серьёзно мне в голову. Зачем они идут? Требовать освобождения Чичкова? А если я откажусь? Они покончат с нами...

С нами? С людьми, которые только и думали, только и жили надеждой дать им то счастье, о котором они и мечтать не смели? Для чего покончить? Чтоб опять подпасть под власть какого-нибудь негодяя вроде Николая Белякова?

Передние вошли во двор и с недоумением остановились, ожидая задних.

Вон стоит пастух, сын той старухи, которой мы некогда сделали русскую печь, выстроили новую избу. Теперь эта изба, эта печь его. Куда девалась его благодушная патриархальная фигура, которою мы так часто любовались с женой, когда, бывало, под вечер, во главе своего стада, он величественно и спокойно выступал, как библейские пастухи, неся на плече знак своего сана – длинный посох? Теперь борода его всклокочена, он сгорблен, шапка сдвинута на бок, глаза скошены, в лице тупое выражение не то какой-то внутренней боли, не то бешенства.

Рядом с ним стоит Андрей Михеев, которому прощено столько недоимок, сколько у него волос на голове. Он слегка покачивается; оловянные глаза, без всякого выражения, бессмысленно и тупо смотрят на мой дом, ноги расставлены. Он тоже ждёт остальных или, может быть, старается вспомнить, зачем он пришёл сюда? А вот и старый негодяй Чичков, их новый командир, что-то суетливо и спешно объясняет толпе... Вид его вызвал во мне прилив дикой злобы, смешанной с какою-то ревностью.

Я, со всею моею наукой, со всею моею любовью, со всею моею материальной силой, физически уже побеждён в сущности этим простым, необразованным негодяем. Теперь он посягает на последнее: он хочет заставить меня обнаружить и нравственную несостоятельность, – он хочет заставить меня струсить, хочет вынудить исполнить его требование. Мысль, что человек, мною лишённый былой власти над толпой, теперь опять стал коноводом её – и где же? у меня во дворе, откуда он всегда так позорно изгонялся – жгла меня.

– Нет, негодяй, и теперь ты не долго покомандуешь. Нет, это не твоя толпа, которую ты умел только грабить. Это мои – и только ценою жизни я их тебе уступлю.

И, сдерживая охватившее меня чувство, я отворил дверь и стал медленно спускаться к толпе. Меня не ждали со стороны флигеля и заметили, когда я подошёл почти в упор.

Моё неожиданное появление, вероятно, взбешённое, решительное выражение лица произвели ошеломляющее впечатление на Чичкова. Какое-то невыразимое бешенство охватило меня. Я бросился к нему... Дальнейшее я смутно помню. Передо мной мелькнула и исчезла испуганная фигура Чичкова, и я очутился лицом к лицу с молодым Пимановым, сыном караульщика.

– Почему твой отец не на карауле?

Не помню, что он ответил мне, но помню его нахальную, вызывающую физиономию.

– Шапку долой! – заревел я и двумя ударами по лицу сбил его с ног.

– Батюшка, помилуй! – закричал благим матом Пиманов.

Этот пьяный, испуганный крик решил дело.

Передо мной с обнажёнными головами стояла пьяная, но покорная толпа князевцев, а сбоку меня – дворня и самовольно ушедший из-под ареста урядник. Чичков скрывался за изгородью.

Я опомнился»⁴⁰⁵.

На следующий день пришло известие о том, что мать его жены больна раком, и они уехали. В имении появился жесткий управляющий.

Чичкова признали виновным, но крестьяне присяжные отпустили его⁴⁰⁶.

Когда через пару лет Гарину пришлось вернуться, выяснилось, что поджигал не старший, а младший сын Чичкова, который умер и перед смертью покаялся, что амбары сжег он и раскрыв все дело.

Оказалось, что 5 богатых дворов решили устроить 5 пожаров и бросили жребий. Тот, кому выпало жечь мельницу, нанял за полведра водки пастуха, сына той старухи, которой Гарины выстроили избу с печью, а другой для поджога склада с подсолнухами нанял Михеева.

За эти два года, как выяснилось, «и Чичков рехнулся... и Михеев от опоя умер, и пастух пропал без вести, да и все богатеи не добром кончили – обедняли, последними людьми стали»⁴⁰⁷.

Едва ли такой исход был хэппи-эндом для Гарина, но для крестьян – определенно.

В начале зимы голодного 1891 года, пять лет спустя, он снова приехал в Князевку, чтобы предпринять вторую попытку осуществить свои мечты.

5 лет он много думал и много работал – в том числе и над собой. Главный урок пережитого и передуманного он определил так: «Я не приобрел еще одного диплома... но я приобрел **компас самосознания**, с помощью которого я мог ориентироваться.

Я ехал теперь в Князевку и понимал горьким своим собственным опытом, что добрыми намерениями и ад услан, что петлей и арканами даже в рай не затащишь людей, что в моей деятельности в Князевке я с ног до головы и с головы до ног был крепостником.

Как лучший из отцов командиров доброго крепостного времени, я тащил своих крестьян сперва в какой-то свой рай, а когда они не пошли, или, вернее, не могли и идти, потому что рай этот существовал только в моей фантазии, я им мстил, нагло нарушая все законы, посягая на самые священные человеческие права этих людей.

И это делал я, человек, который благодаря своему диплому считал себя образованным. Что же говорить о других, и такого образования даже не имеющих, но не менее твердо желающих создать благо для этих несчастных?

Что сказать об этих несчастных, над которыми я, человек без всяких прав власти, человек равный с ними перед законом, мог мудрствовать и проделывать с ними все вплоть до изгнания их из родины?

И в какой ад мы все желающие можем, наконец, превратить жизнь деревни в нашем благом намерении создать ей свой рай?»⁴⁰⁸.

Пережив голодный год – разумеется, он помогал крестьянам, чем мог, – Гарин поначалу не знал, что делать дальше. Однако конец неопределенности положил пожар Князевки, выгоревшей дотла.

Как на это мог отреагировать человек его калибра?

«В такое мгновение так отвратительна жизнь, если не хочешь помочь.

И я сказал всем этим несчастным:

– Не надо плакать, я дам вам лес, деньги, хлеб, дам работу. Я не буду вас больше неволить и насиловать, живите, как хотите, пока идите, занимайте мои помещения и не плачьте больше!

Но они плакали, бедные страдальцы земли, может быть, и я плакал. Это был тот редкий порыв с обеих сторон к братству, любви, состраданию, когда

кажется, что если б охватил он вдруг все человечество, то и горе земли сторе-ло бы все бесследно, вдруг и сразу в этом огне чувства»⁴⁰⁹.

У Гарина было мало наличных денег, но сумел занять необходимое, а бревна на избы дал из своего леса. Характерно, что его помощь «враждебно взбудоражила всю округу» – вплоть до того, что соседний батюшка (!) с амво-на упрекал его в нарушении нового лесоохранного закона.

В губернию пришла холера, которой переболел он сам.

А вскоре на одной вечеринке он познакомился с агрономом Лихушиным, который предложил ему продуманный план превращения Князевки в доход-ную экономию с интенсифицированным 12-польным хозяйством. При этом план имел смысл только в случае строительства железной дороги в их мест-ности⁴¹⁰.

Гарин, сам будучи профессионалом до мозга костей, мог оценить профес-сионализм других и дал ему свое полное согласие.

Он сумел найти деньги, составил проект дешевой узкоколейки в 400 верст, которым заинтересовал уездные земства, и смог пробить его в Петербурге.

Тем временем с весны в Князевке началась невиданная дотоле жизнь.

Появилась разнообразная сельхозтехника (плуги Сакка, рядовые сеял-ки, всевозможные бороны, сенокосилки, жатки, молотилки, сортировки для семян). Рабочий скот и специально выписанный племенной. Всю Князевку разбили на хутора, жилые помещения, сараи для машин, амбары и сушильни. В оврагах делали пруды, а речки приспособляли для будущего орошения.

«Работа кипела и в поле. Лихушин, ставя идеалом своевременность по-сева, торопился и нагнал... сотни людей и лошадей... Надо знать неподвиж-ность деревни, отсутствие всякого представления здесь о времени, чтобы оце-нить энергию, нужную для того, чтобы вызвать такую кипучую жизнь»⁴¹¹.

Тем временем дорога была построена и быстро преобразила местность, ставшую реальной частью всероссийского рынка.

«Деревни пестрели интеллигентным элементом, ласковым, любящим, от-зывчивым», создавались дома трудолюбия с мастерскими, ткацкими усовер-шенствованными станками.

«В Князевке Лихушин и Шура давно уже устроили столярную и ткацкую мастерские, образцовое пчеловодство... Молодые столяры и пчеловоды вы-писывали журналы, увлекались Горьким».

Бабы ткали сарпинку и в зимний день выручали до 40 коп. А летом жен-ская поденщина доходила и до 80-ти, в то время как «прежде 20 копеек нигде не найдешь».

Князевцы вследствие громадного хозяйства на лето частью превращались в разного рода досмотрщиков по работам, частью ушли на железную дорогу,

частью в город. Уходили, превращаясь там понемногу в мастеровой народ. Ходили в пиджаках, связи с деревней не прерывали, но и назад не хотели.

А другие, наоборот, упорно продолжали свое хозяйство, знать не хотели никаких новшеств, предпочитали свою работу какой бы то ни было поденщине и бедствовали: спокойные, стойкие, твердые в вере отцов»⁴¹².

Вскоре случился такой громадный урожай дорогих культурных хлебов, что у Гарина, за вычетом всех расходов и убытков, очистилось свыше ста тысяч рублей.

Но «полным торжеством Лихушина была сельскохозяйственная выставка, первая в нашем уезде».

Князевские экспонаты получили первый приз, и это было справедливо⁴¹³.

Таким образом, вторая попытка Гарина оказалась более чем успешной и не менее поучительной, чем первая.

Уроки эксперимента

А теперь попытаемся еще раз осмыслить изложенное.

Глобально, конечно, это история о том, что, вспоминая классику, «осчастливить насильно – нельзя».

Эксперимент Гарина-Михайловского обнажил большую часть проблем, стоявших перед русским сельским хозяйством.

Мы должны понимать, что фактически Гарин попытался в рамках одного отдельно взятого имения провести два варианта аграрной реформы, при которой создается образцовое крупное хозяйство и одновременно поднимается благосостояние крестьян.

Для темы этой книги эта история важна еще и потому, что ребром ставит одну из ключевых проблем дореволюционной публицистики – перспективы взаимоотношений помещиков и крестьян. Точка зрения левых народников была проста – помещики должны уйти из деревни, им там нет места.

Верно ли это?

Сам того не сознавая, Гарин провел контрфактическое моделирование, но не виртуальное, как Н. М. Карамзин в «Письме сельского жителя», а самое настоящее, реальное.

Гарин по приезде дал крестьянам все, чего требовали народники всех мастей:

– землю сообразно рабочей силе семьи;

– дешевое пастбище;

– дешевый кредит – притом, что их платежи как дарственников были минимальны;

– материальную помощь при каждом удобном случае, а также школу и лечение.

А сверх того самого себя в роли доброжелательного совестливого руководителя, который, несмотря на приверженность капитализму как более производительной системе, о деревне рассуждает с легким социалистическим акцентом, который не очень думает о прибыли, а занимается, по понятиям того времени, филантропией больше нужного.

По обыкновенной таблице умножения он был обречен на успех.

По деревенской таблице – катастрофа была неизбежна.

Его комсомольский, как сказали бы в XX веке, – в хорошем смысле – задор и напор столкнулся с ватной стеной вековых предубеждений.

Его попытки рационализировать крестьянское хозяйство сообразно выработанной им программе, потребовавшей от князевцев приложения больших, чем обычно, усилий, они отвергли. Хуже того, они поступили с ним «своим средством», как говаривал Г. И. Успенский, т.е. сожгли его имущество и фактически сделали его банкротом.

Почему?

Я вижу три главных причины.

1. Первая лежит в исторически сложившейся крестьянской психологии, построенной на глубочайшем врожденном недоверии к власти, к помещикам в первую очередь.

Да, какую-то роль в его поражении сыграло неудачное стечение обстоятельств (неурожайный год), однако главная причина кроется в дурной психологической наследственности крепостничества.

Изменить эту психологию могло только время и просвещение, появление нового поколения, вернее, поколений, прошедших через школу.

Крестьяне не верили в его искренность, его мотивация не входит в понятный им репертуар барского поведения – он либо «за крест» старается, либо «за душеньку».

Возможность искреннего сотрудничества не укладывается в их жизненный опыт*.

До 1861 г. Гарин мог бы приказать, условно говоря, декретом Совнаркома делать по-своему, так же, как П. Д. Киселев волевым командирским решением внедрял картофель на поля государственных крестьян.

А в 1884 г. он может заставить их только экономически, поставив в тяжелое положение. Да, конечно, в лучших целях и с лучшими побуждениями, для их же пользы тянуть их в рай против их воли, но все это называется – «осчастливить насильно».

---

* Еще в 1820 г. А. П. Ермолов, оценивая перспективы освобождения крестьян в России, писал: «У нас народ удобен рассуждать исключительно в свою пользу, которую весьма понимает, и по малому еще образованию не допускает совместность польз другого состояния людей...»

То, что при этом он часто готов расстелиться перед ними, их мало трогает, потому что их предубеждения как айсберг, который еще не готов таять, за ними – все «26 томов Соловьева», весь опыт предыдущей истории.

Он как бы «добрый барин», – но это факт *его* биографии. Тем легче им пользоваться – и они это делают. Он действительно для них себя не жалеет и, конечно, ждет благодарности. Она, может быть, и бывает, ситуативная, но она никак не отменяет главного – он помещик, он зло, пусть и временное.

Эта история показывает глубину и ширину пропасти между крестьянами и господами. Да, жгли его не все князевцы, но даже оставляя в стороне проблему общей их осведомленности, среди конкретных поджигателей было двое из тех, кого он облагодетельствовал.

Но ведь и помимо пожара – пьяная науськанная толпа была в пяти минутах от погрома. Так что в плане моральной ответственности **все хороши**. Несмотря на многократные заверения в любви и благодарности, на школу, лечение и елки с праздниками.

Гаринский сосед, помещик Чеботаев, с самого начала бывший противником его «заигрываний», как он это называл, с крестьянами, прямо считал, что интересы помещиков и крестьян примирить невозможно, как невозможно добиться тех гармонических отношений с крестьянами, о каких мечтала семья Гариных.

Он проиллюстрировал казус Гарина такой историей: «Позвали вы человека и сказали ему: «Вот тебе рубль». – «За что?» – «Так, ни за что». – «Спасибо». И на другой день позвали и дали, и на третий, и на четвертый, и так далее, приучив себя давать, а их брать. И в один прекрасный день, когда вместо рубля вы дали им полтинник, они обиделись и стали жечь вас»⁴¹⁴.

И как ни грустно, но в этом жестком мнении была большая доля правды. Чеботаев считал, что между помещиками и мужиками нет ничего общего, их интересы диаметрально противоположны, поэтому нечего ждать искреннего сближения.

Большая ошибка рассчитывать на крестьянскую признательность, на возможность откровенных – без второго и третьего «дна» – отношений с ними. Они с молоком матери всосали убежденность в том, что помещик – их враг, что он «дармоед и паразит», а земля принадлежит им. И гаринская готовность платить им больше обычного и давать больше, чем они просят, еще больше убеждают их этом.

И Гарину не стоит обманывать самого себя и пытаться переделать их жизнь сообразно своим «неосуществимым иллюзиям», из которых ничего толкового выйти не может. Отношения между сторонами должны быть сугу-

бо деловыми. Ему нужна их работа, а крестьянам – его земля. Если он дает им землю и не обманывает их при этом, то уже это хорошо, но на этом отношения и должны заканчиваться.

Если он хочет им помогать – пожалуйста, но это нужно делать таким образом, чтобы его помощь не стала для крестьян поводом думать, что теперь он **обязан** им помогать всегда.

При этом надо сознавать, что он как помещик не может иметь на них серьезного влияния. Он может прожить с ними сто лет, однако весь его «столетний авторитет подорвет любой пришлый солдат самую нелепою сказкой»⁴¹⁵. Им нужна школа, больница, хороший священник – дайте им это. Однако не нужно строить здания на песке, «да не обрушится оно и не погубит строителей».

Примерно то же он услышал от двух крестьян, чье мнение ценил, «которые выдавались из толпы своим более широким пониманием явлений жизни, отличались своей способностью обобщать факты».

Но дело было не только в недоверии.

2. Текст ясно показывает, что большинство крестьян Князевки – носители мифологического сознания. И в полном соответствии с идеями школы Чайнова он не хочет работать сверх необходимого минимума. Рациональная «рыночная» психология им не понятна и не нужна. В этот «рай для благородных», цитируя Стругацких, они не хотят.

Да, возможно, рассуждает условный князевец, я буду жить лучше, но **я не хочу** для этого прикладывать те усилия, которых требует для меня мой незваный благодетель! Мне вполне комфортно в этих пусть не самых роскошных, но **привычных** условиях.

Со времен Текутьева прошло 130 лет и дворянство перешагнуло за это время через несколько интеллектуальных эпох.

Миллионы крестьян во многом остались теми же, ибо им не дали измениться.

И Гарин, сталкиваясь с архаичным мировосприятием крестьян, с вековыми привычками и суевериями и т.д., начинает до смешного походить на Текутьева, тоже жаловавшегося на непонимание крестьянами своих «выгод и польз» – с понятной поправкой на разность времен, темпераментов, образования и эволюции русского языка.

Все усилия обоих помещиков рационализировать жизнь своих крестьян наталкиваются на упорное сопротивление – так волны разбиваются об утес без особого ущерба для утеса.

Что стоит за этим?

Опыт десятков поколений предков как залог выживания. Потому что эта схема, укладываемая в их схему отношений с природой, с Богом, освящена временем.

Однако и это не все.

3. Вековой консерватизм, работавший против Гарина, поддерживался стадностью. Оказалось, что даже и в князевской урезанной общине общинное сознание работает вполне эффективно. Консерватизм крестьян – вещь естественная. Однако община укрупняла его, как и все вообще.

Упомянутый выше рассказ Гарина «Волк» – настоящий обвинительный акт – и не только общине-волку, но и всей этой безмозгло-близорукой части русского общества, которая затвердила три с половиной неверных тезиса из Аксакова и Герцена, пополам с Чернышевским, о том, как в общине хорошо и как нам по этому поводу якобы завидует все человечество, и для которой во всех бедах деревни виноват только «проклятый режим».

Тем удивительнее мне было узнать, что в Князевку Гарин прибыл убежденным адептом общины и поначалу хотел ее восстановить в полном объеме.

Однако Князевка на 180 градусов изменила его взгляды на общину. Он быстро понял, насколько далеки от жизни народнические иллюзии, насколько стадность делает масштабнее любое отдельно взятое личное чувство и, **прежде всего**, негативного характера, идет ли речь о нежелании возить навоз или закрывать кабак.

А уж сцена наступающей на его дом пьяной толпы, когда он, реально опасаясь за жизнь жены и детей, нашел в себе мужество выйти к ней в одиночку, наглядно показала размеры и опасность протестного потенциала этого стада. А напиться стаду несложно.

Неудивительно, что его прообщинный энтузиазм угас.

Итак, попытка реформирования одна отдельно взятой деревни по народническим рецептам провалилась. Хотя, быть может, в другой деревне с не столь брутальной «генетикой», у него получилось бы лучше.

А вот во второй свой приезд Гарин весьма успешно фактически прорепетировал Столыпинскую аграрную реформу.

Сосед Чеботаев, возможно, был прав применительно к той конкретной ситуации – засыпать пропасть, за века возникшую между помещиками и крестьянами, невозможно.

Однако иногда через пропасти строят мосты.

Проект Лихущина как бы и построил мост между Гариным и деревней, вырвав крестьян из привычного мира и круга жизни, быстро и заметно расширив их умственные горизонты и очевидно улучшив их благосостояние. Притом без всякого принуждения.

Вторая попытка изменила условия задачи. Гарин дал крестьянам индивидуальный выбор, не зависящий от общины. Хочешь, сотрудничай с ним, хочешь, веди хозяйство по-прежнему.

Гарин отделался от общины, часть крестьян посадил на хутора, а другую часть – развязал с землей, расширил их круг занятий и промыслов, кто-то при этом ушел в город и т.д. А кто-то продолжал бедствовать, но исключительно по своей воле.

И тем самым Гарин дал ответ на вопрос, возможно ли взаимовыгодное сосуществование помещика и крестьян, возможно ли примирить их интересы.

Оказалось, что возможно.

Новая Князевка стала примером эффективного симбиоза помещиков и крестьян.

Отсюда вытекала рекомендация правительству – если оно хочет поднять уровень сельского хозяйства, ему нужно освободить крестьян от общины и сделать это именно волевым командирским решением.

Примечания ко второй части

- 1 История Японии. В 2 т. М., Институт востоковедения РАН. 1998. Т. 2. С. 29–76. См. также.: *Дацшиен В. Г.* Новая история Японии. 2007. Красноярск. 2007. С. 113–134; *Дейноров Э.* История Японии. М., АСТ: Астрель. 2011. С. 552–615; *Мещеряков А. Н.* Император Мэйдзи и его Япония. – М.: Наталис – Рипол классик, 2006; *Севастеев В. В.* Очерки истории Японии. От Токугава Иэясу до Хасимото Рютаро. Владивосток. Издательство Дальневосточного университета. 2008. С. 154–161; *Теймс Ричард.* Япония. История страны. М., Эксмо. СПб., Мидгард. 2009. С. 178–190.
- 2 *Черчилль Уинстон.* Вторая Мировая война. В 6 т. М.: Воениздат МО СССР. 1955 г. Т. 3. С. 560.
- 3 *Бруцкус Б. Д.* К современному положению аграрного вопроса. Пг, 1917 г. С. 8.
- 4 *Бруцкус Б. Д.* Аграрный вопрос и аграрная политика. Пг., 1922. С. 70.
- 5 *Литвинов-Фалинский В. П.* Наше экономическое положение и задачи будущего. СПб., 1908. С. 53.
- 6 Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Екатеринбургская губерния. СПб., 1903. Т. XII. С. 83.
- 7 Там же. Тульская губерния. СПб., 1903. Т. XLIII. С. 362.
- 8 Там же. Казанская губерния. СПб., 1903. Т. XIII. С. 103.
- 9 *Шепелев Л. Е.* Царизм и буржуазия во второй половине XIX века. Л.: Наука. 1981. С. 19.
- 10 *Витте С. Ю.* Собрание сочинений и документальных материалов. В 5 т. М.: Наука. 2002. Т. 1, кн. 1. С. 514–516.
- 11 *Семенов Н. П.* Освобождение крестьян в царствование императора Александра II. О будущем крестьянского сословия и России. СПб., 1896 г. С. 17–18.
- 12 Цит. по: *Симонова М. С.* Кризис аграрной политики царизма накануне первой русской революции. М.: Наука 1987. С. 43.
- 13 Материалы по истории СССР. Т. 6. М.: Издательство АН СССР. 1959. С. 204.
- 14 Цит. по: *Туган-Барановский М. И.* Русская фабрика... С. 508.
- 15 *Бурыйшкін П. А.* Москва купеческая: мемуары. М.: Высшая школа. 1991. С. 50–70.
- 16 *Вольский А. А.* Производительные силы и экономическо-финансовая политика России. 2-е исправленное издание. М., 1905. С. 2.
- 17 *Струве П. Б.* Избранные сочинения. М., РОССПЭН. 1999. С. 81–82.
- 18 Там же. С. 83.
- 19 *Толстой Л. Н.* ПСС. Т. 29. М., 1954 С. 186–187.
- 20 Там же. С. 187.
- 21 Промышленность и торговля в законодательных учреждениях. 1907–1912. М., 1913.
- 22 *Литвинов-Фалинский В. П.* Наше экономическое положение ... С. VIII, 54, 63, 142.
- 23 В сутолоке провинциальной жизни // *Гарин-Михайловский Н. Г.* Собрание сочинений в 5-ти томах. М.: ГИХЛ. 1958. Т. 4. С. 423.
- 24 Данная проблема – ключевая для работы Й. Цвайнерга см.: *Цвайнерт Й.* История экономической мысли в России. 1805–1905. М., Издательский дом ГУ ВШЭ. 2008. С. 21–23, 32–34, 38–39, 167–188, 356–372 и др.; *Керов В. В.* Се человек и дело его... Конфессионально-этические факторы старообрядческого предпринимательства. 2-е изд. М., Экон-Информ. 2016. С. 344–368.

- 25 *Шепелев Л. Е.* Царизм и буржуазия во второй половине XIX века... С. 193–253; *Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш.* Сергей Юльевич Витте и его время. СПб.: Дмитрий Буланин. 1999. С. 67–122 и др.
- 26 История СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. М.: Наука. 1968. т. V. С. 250.
- 27 *Шепелев Л. Е.* Царизм и буржуазия во второй половине XIX века... С. 33.
- 28 *Эйдельман Н. Я.* Грань веков. М.: Мысль. 1982. С. 8.
- 29 *Курукин И. В.* Бирон. М.: Молодая гвардия. 2006. С. 227–228.
- 30 Энциклопедический словарь Гранат, том 20, стлб. 10.
- 31 Источник: *Дробижев В. З., Ковальченко И. Д., Муравьев А. В.* Историческая география СССР. М., 1973. С. 257.
- 32 *Туган-Барановский М. И.* Русская фабрика... С. 366–367.
- 33 *Брандт Б. Ф.* Иностранные капиталы... Ч. 2. С. 18.
- 34 *Шепелев Л. Е.* Царизм и буржуазия во второй половине XIX века. Л., Наука. 1981. С. 92.
- 35 *Брандт. Б. Ф.* Иностранные капиталы. ... Ч. 2. С. 20.
- 36 *Давыдов М. А.* 20 лет до Великой войны... С. 276–279.
- 37 *Брандт Б. Ф.* Иностранные капиталы. Их влияние на экономическое развитие страны. В 2-х ч. СПб., 1898. Ч. 2. С. 43–44.
- 38 История Луганского края. Учебное пособие. Луганск. Альма-матер. 2003. С. 186–188.
- 39 Там же. С. 191.
- 40 *Поткина И. В.* Возникновение южного экономического района: Юзовский завод // Индустриальное наследие. М., 2007. С. 125.
- 41 Там же. С. 124.
- 42 Русский биографический словарь. СПб., 1912. Т. 24. С. 318–319.
- 43 *Поткина И. В.* Возникновение южного экономического района... С. 127.
- 44 Подробнее об условиях договора см.: *Поткина И. В.* Джон Юз и Новороссийское акционерное общество // Предпринимательство и предприниматели России от истоков до начала XX века. М., 1997. С. 306–308.
- 45 *Поткина И. В.* Возникновение южного экономического района... С. 132.
- 46 *Менделеев Д. И.* Сочинения. Т. 19. С. 669–67.
- 47 *Брандт Б. Ф.* Иностранные капиталы... Ч. 2. С. 50.
- 48 Там же. С. 50–51.
- 49 *Эварницкий Д.* Музей Поля // Исторический вестник. 1890. № 42. С. 795.
- 50 *Линднер Р.* Предприниматели и город в Украине.: 1860–1914 гг. (Индустриализация и социальная коммуникация на Юге Российской империи). Киев–Донецк: ЧП «ИД Кальмиус», 2009. С. 183.
- 51 *Синявский А. С.* Александр Николаевич Польш. Биографический очерк к открытию здания Областного музея его имени. Екатеринослав. 1905. С. XXXIV.
- 52 *Бржеский Н. К.* Общинный быт и хозяйственная необеспеченность крестьян. СПб., 1899. С. 7.
- 53 *Эварницкий Д.* Музей Поля... С. 795–796.
- 54 *Брандт Б. Ф.* Иностранные капиталы... Ч. 2. С. 52.
- 55 *Эварницкий Д.* Музей Поля... С. 796–797.

56 «Южнорусские месторождения магнитных железных руд и железного блеска в Екатеринославской (Верхнеднепровский уезд) и Херсонской губерниях. Исследование горного инженера Л. Штриппельмана с предисловием Бернгарда фон Котта» (СПб., 1873). *Линднер Р.* Предприниматели и город в Украине ... С. 188.

57 Там же. С. 190.

58 *Брандт Б. Ф.* Иностранные капиталы... Ч. 2. С. 52.

59 *Линднер Р.* Предприниматели и город в Украине... С. 190.

60 Там же. С. 190–191.

61 Там же. С. 187.

62 *Брандт Б. Ф.* Иностранные капиталы... Ч. 2. С. 53.

63 Там же. С. 53–54.

64 *Линднер Р.* Предприниматели и город в Украине... С. 192.

65 По Екатерининской железной дороге. Вып. 1. Екатеринослав. 1903. С. 23.

66 Из архива С. Ю. Витте. Воспоминания. ... Т. 2. С. 24.

67 *Николаева Тетяна.* Олександр Поль: підприємець, громадський діяч та дослідник Придніпровського краю // Краєзнавство. 2011. № 2. С. 186–187.

68 *Эварницкий Д.* Музей Поля ... С. 796–797.

69 *Брандт Б. Ф.* Иностранные капиталы... Ч. 2. С. 54–55.

70 Там же. С. 62–66.

71 Там же. С. 315.

72 Там же. С. 317–318.

73 Там же. С. 314.

74 Там же. С. 320.

75 *Гарин-Михайловский Н. Г.* В сутолоке провинциальной жизни... Т. 4. С. 461.

76 *Шепелев Л. Е.* Царизм и буржуазия во второй половине XIX века... С. 93.

77 Там же. С. 94.

78 Там же. С. 94–95.

79 Там же. С. 95.

80 Там же. С. 96.

81 Там же.

82 Рекомендую интересующимся этой темой работу А. А. Бессолицына «Государство и становление системы коммерческого образования в России на рубеже XIX–XX вв. – М.: ИРИ РАН, 2014.

83 *Шепелев Л. Е.* Царизм и буржуазия в 1904–1914 гг. Л.: Наука. 1987. С. 122.

84 Там же. С. 121.

85 *Шепелев Л. Е.* Царизм и буржуазия во второй половине XIX века ... С. 229–230.

86 *Витте С. Ю.* Собрание сочинений и документальных материалов. В 5 тт. М.: Наука. 2006. Т. 4. Кн. 1. С. 72–74.

87 Там же. С. 74.

88 Там же. С. 93–94.

89 *Шепелев Л. Е.* Царизм и буржуазия во второй половине XIX века... С. 231.

90 Цит. по: *Шепелев Л. Е.* Царизм и буржуазия в 1904–1914 гг. ... С. 121.

91 *Литвинов-Фалинский В. П.* Наше экономическое положение ... С. 140.

92 Там же. С. 141.

- 93 С 1865 г. полякам было запрещено покупать землю в 9 западных губерниях. (Шепелев Л. Е. Акционерные компании в России. Л., Наука. 1973. С. 122–123).
- 94 Шепелев Л. Е. Царизм и буржуазия во второй половине XIX века ... С. 230.
- 95 Там же. С. 233–234.
- 96 Из архива С. Ю. Витте... Т. 2. С. 48.
- 97 Витте С. Ю. Конспект лекций о народном и государственном хозяйстве, читанных его императорскому высочеству в.кн. Михаилу Александровичу в 1900–1902 годах. М., Юрайт. 2011. С. 173–175.
- 98 Из архива С. Ю. Витте... Т. 2. С. 45–46.
- 99 Там же. С. 48.
- 100 Гурко В. И. Черты и силуэты прошлого М.: НЛО. 2000. С. 135–136.
- 101 Шацилло К. Ф. Государство и монополии в военной промышленности России конец XIX – 1914 г. М.: Наука 1992. С. 45.
- 102 Берлин П. А. Русская буржуазия в старое и новое время. М., 1922. С. 228.
- 103 Шацилло К. Ф. Государство и монополии ... С. 212–213.
- 104 Шепелев Л. В. Царизм и буржуазия в 1904–1914 гг. ... С. 144–174.
- 105 Там же. С. 154.
- 106 Поликарпов В. В. Русская военно-промышленная политика. 1914–1917. М.: Центр-полиграф. 2015. С. 241.
- 107 Там же. С. 242.
- 108 Поликарпов В. В. Военная промышленность России в историческом разрезе // Политическая концептология. 2014 № 2. С. 195, 199.
- 109 Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма... С. 48.
- 110 Цит. по: Леонтович В. В. История либерализма в России. 1762–1914. Париж. УМКА-PRESS. 1980. С. 202–203.
- 111 Мозжухин И. В. Землеустройство в Богородицком уезде Тульской губернии. Очерк реформы крестьянского землевладения. М., 1917. С. 61–63.
- 112 Макаров Н. Социально-этические корни в русской постановке аграрного вопроса. Харьков. 1918. С. 3–4.
- 113 Там же. С. 5.
- 114 Там же.
- 115 Там же. С. 5–6.
- 116 Там же. С. 6.
- 117 Там же. С. 7.
- 118 Там же.
- 119 Герцен А. И. Собрание сочинений .... Т. 6. С. 280.
- 120 Макаров Н. П. Социально-этические корни ... С. 3–10.
- 121 Чернышевский Н. Г. Капитал и труд // Сочинения: в 2 т. М.: Мысль. 1987. Т. 2. С. 19.
- 122 Макаров Н. П. Социально-этические корни... С. 11.
- 123 Фигнер В. Запечатленный труд. Воспоминания в 2 т. М.: Мысль. 1964. Т. 1. С. 138–140.
- 124 Там же. С. 198–199.
- 125 Тихомиров Лев. Воспоминания. М.: ГПИИБ. 2003. С. 122.
- 126 Самарин Ю. Ф. О крепостном состоянии. Сочинения. Т. 2. С. 42.

- 127 *Туган-Барановский М. И.* Русская фабрика ... С. 514–515.
- 128 *Макаров Н. П.* Крестьянское хозяйство и его эволюция. М., 1920. С. 125.
- 129 Доклад Высочайше учрежденной комиссии для исследования нынешнего положения сельского хозяйства и сельской производительности в России. СПб., 1873 С. 6–7 .
- 130 *Кауфман А. А.* Статистическая наука в России. Теория и методология. 1806–1917. М., 1922. С. 35.
- 131 Там же. Макаров отмечает, что именно от Янсона «идейно... **идут все нити** изучения «нужд деревни»» (*Макаров Н. П.* Крестьянское хозяйство... С. 9).
- 132 *Черненко Н. Н.* К характеристике крестьянского хозяйства. М., 1918. С. 89–90.
- 133 Там же. С. 92.
- 134 Там же.
- 135 Там же. С. 93.
- 136 *Макаров Н.* Социально-этические корни ... С. 14–15.
- 137 Влияние урожая и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства. Сборник статей в 2 тт. под ред. А. И. Чупрова и А. С. Посникова. СПб., 1897.
- 138 *Макаров Н. П.* Крестьянское хозяйство ... С. 8–9.
- 139 *Миронов Б. Н.* Благополучие населения и революции в имперской России. XVIII–начало XX века. М., «Весь мир». С. 453–454.
- 140 Доклад Высочайше учрежденной комиссии для исследования нынешнего положения сельского хозяйства ... С. 8.
- 141 *Страховский И. М.* Крестьянские права и учреждения. 1903 СПб. С. 185.
- 142 *Скворцов А. И.* Аграрный вопрос и Государственная Дума. СПб., 1906. С. 77.
- 143 *Бржеский Н. К.* Очерки юридического быта крестьян. СПб., 1902. С. 113–114.
- 144 Конская перепись 1882 года. СПб., 1884. С. XXVI–XXVII.
- 145 Там же. С. XXVII.
- 146 *Каблуков Н.* ОБ условиях развития крестьянского хозяйства в России. М., 1908. С. 182.
- 147 *Семенов С. Т.* Крестьянское переустройство: Три статьи. М., 1915. С. 79.
- 148 *Толстой Л. Н.* Голод или не голод // ПСС. М., 1954. Т. 29. С. 221.
- 149 История СССР с древнейших времен до наших дней. М., 1968. Т. VI. С. 523.
- 150 *Головин К. Ф.* Мужик без прогресса или прогресс без мужика. СПб., 1895. С. 34–36.
- 151 Там же. С. 5–6.
- 152 *Бруцкус Б. Д.* Аграрное перенаселение и аграрный строй // Сельское и лесное хозяйство. 1922. Июль–Август. С. 19.
- 153 *Риттих А. А.* Крестьянское землепользование. СПб., 1903. С. 18–19 и др.
- 154 *Кауфман А. А.* Аграрный вопрос в России. М., 1918. С. 159–160.
- 155 Там же. С. 135.
- 156 *Давыдов М. А.* Всероссийский рынок в конце XIX – начале XX вв. и железнодорожная статистика. Издание 2-е, дополненное. СПб.: Алетейа. 2019. С. 310–341; *Миронов Б. Н.* Российская империя: от традиции к модерну. В 3 тт. СПб: Дмитрий Буланин. 2014. Т. 1. С. 228–233.
- 157 *Кауфман А. А.* Аграрный вопрос в России... С. 137.
- 158 Там же. С. 162.

- 159 *Кауфман А. А.* О переселении // Аграрный вопрос. Сборник статей. М., 1906. С. 151.
- 160 Там же. С. 163–166.
- 161 *Литошенко Л. Н.* Социализация земли в России. Новосибирск. Сибирский хронограф. 2001. С. 102.
- 162 *Ермолов А. С.* Наш земельный вопрос. СПб., 1906. С. 185–186.
- 163 Труды местных комитетов... XXXVII. Саратовская губерния. СПб., 1903. С. 579–580. Записка помещика Н. Н. Лихарева.
- 164 Труды местных комитетов... XXIV, Нижегородская губерния. СПб., 1903. С. 139–140. Записка члена комитета земского начальника 1 участка Ардаатовского уезда В. В. Кикина.
- 165 Существующий порядок взимания окладных сборов с крестьян. По сведениям, доставленным податными инспекторами за 1887–1893 годы. Вып. 2. СПб., 1894. С. 6.
- 166 *Ермолов А. С.* Наш земельный вопрос... С. 26–28.
- 167 Труды местных комитетов... VI. Владимирская губерния. С. 179.
- 168 Труды местных комитетов... XVII. Костромская губерния. С. 144–145.
- 169 Там же. С. 116.
- 170 Труды местных комитетов... VI. Владимирская губерния. С. 95.
- 171 Труды местных комитетов... XLII. Тверская губерния. С. 318.
- 172 См., напр. Внеземледельческие промыслы Вологодской губернии. Вологда. 1903.
- 173 Труды местных комитетов... XVII. Костромская губерния. С. 24, 26.
- 174 Труды местных комитетов... XLII. Тверская губерния. С. 423.
- 175 Там же. С. 166, 423; Труды местных комитетов... XLIX. Ярославская губерния. СПб., 1903. С. 82, 90, 114, 121.
- 176 *Бржеский Н. К.* Очерки аграрного быта... С. 34–36.
- 177 Существующий порядок взимания... Вып. 2. С. 25.
- 178 Труды местных комитетов... XLVII. Черниговская губерния. С. 69.
- 179 Труды местных комитетов... XV. Киевская губерния. С. 132.
- 180 *Миронов Б. Н.* Благополучие населения и революции... С. 292.
- 181 *Пихно Д. И.* Значение для России хлебных цен. Киев 1897. С. 39.
- 182 *Кауфман А. А.* Вопросы экономики и статистики крестьянского хозяйства. Вып. 1–2. 1917. С. 272.
- 183 Там же. С. 269.
- 184 *Осипов Н.* К вопросу о статистике урожаяев. СПб., 1901. С. 47–48.
- 185 *Блеклов С.* За фактами и цифрами. Записки земская статистика. М., 1894. С. 113–114.
- 186 Там же. С. 115–117.
- 187 Там же. С. 176.
- 188 Там же. С. 49.
- 189 *Давыдов М. А.* 20 лет до Великой войны... С. 64–67.
- 190 *Кауфман А. А.* Статистическая наука в России. Теория и методология 1806–1917. М., 1922. С. 67.
- 191 *Кауфман А. А.* Статьи. 1915. С. 458.
- 192 *Карabanов Н.* Переселение и расселение крестьян. М., 1912. С. 78–79.
- 193 *Давыдов М. А.* 20 лет до Великой войны... С. 67–73.

- 194 Шидловский С. И. Воспоминания Берлин, 1923. С. 138–139.
- 195 Там же. С. 139.
- 196 Давыдов М. А. Всероссийский рынок ... Издание второе дополненное. С. 813–887.
- 197 Свод данных о поступлении казенных окладных сборов по Империи за десятилетие 1888–1897 гг. СПб., 1898. С. 1–10.
- 198 Ермолов А. С. Неурожай и народное бедствие. СПб., 1892. С. 105–106.
- 199 Риттих А. А. Зависимость крестьян от общины и мира. СПб., 1903. С. 28–29.
- 200 Там же. С. 29.
- 201 Там же. С. 31.
- 202 Там же. С. 31–32.
- 203 Давыдов М. А. 20 лет до Великой войны ... С. 182–230.
- 204 Бржеский Н. К. Недоимочность и круговая порука ... С. 376–377.
- 205 Труды местных комитетов... XXXV. Самарская. С. 535–537.
- 206 Бржеский Н. К. Недоимочность и круговая порука... С. 229.
- 207 Бржеский Н. К. Общинный быт и хозяйственная не обеспеченность крестьян. СПб., 1899. С. 21.
- 208 Русский администратор новейшей школы. Записка Псковского губернатора Б. Обухова и ответ на нее. Берлин. 1868. С. 25–26.
- 209 Лилиенфельд-Тоаль П. Ф. (П. Л.) Земля и воля. СПб., 1868. С. 86–87.
- 210 Бржеский Н. К. Недоимочность и круговая порука... С. 229–230.
- 211 Цит. по: Труды Особого совещания... XXXVII. Саратовская губерния. С. 91–92.
- 212 Труды Особого совещания... XLI. Тамбовская губерния. С. 134.
- 213 Доклад Высочайше учрежденной комиссии для исследования нынешнего положения сельского хозяйства и сельской производительности в России. Приложения. VI. СПб., Типография товарищества «Общественная польза». 1873. С. 40.
- 214 Бржеский Н. К. Недоимочность и круговая порука ... С. 231.
- 215 Труды Особого совещания... XXXVII. Саратовская губерния. С. 316–317.
- 216 Давыдов М. А. 20 лет до Великой войны... С. 151–189, 195–206, 216–230.
- 217 Там же. С. 218–219.
- 218 РГИА, Ф. 573, оп. 25 д. 337. Л. 186об.–187об.
- 219 Бржеский Н. К. Недоимочность и круговая порука... С. 163–164.
- 220 Озеров И. Х. Основы финансовой науки. М., 2008. С. 151–152.
- 221 Давыдов М. А. 20 лет до Великой войны... С. 196–198.
- 222 Бржеский Н. К. Недоимочность и круговая порука... С. 238–239.
- 223 Там же. С. 377–379.
- 224 Там же. С. 250.
- 225 Существующий порядок взимания... Вып. 2, 1894. С. 99–101; Там же. С. 251–252.
- 226 РГИА, Ф. 573. Оп. 25, Д. 1032. Л. 47об.–48.
- 227 Бржеский Н. К. Недоимочность и круговая порука... С. 254–256; Существующий порядок взимания... Вып. I. С. 54, 63–64, 73, 89, 102; Существующий порядок взимания... Вып. II. С. 8; РГИА, Ф. 573. Оп. 25, Д. 221. Л. 263–264об.
- 228 Бржеский Н. К. Недоимочность и круговая порука ... С. 252–253.
- 229 Там же. С. 235.
- 230 Там же. С. 240.

- 231 Там же. С. 257.
- 232 Там же. С. 240.
- 233 *Успенский Г. И.* Собрание сочинений в 9 тт. М.: ГИХЛ. 1957. Т. 8. С. 651–652.
- 234 *Хомяков А. С.* О сельских условиях // ПСС. Т. 3. М., 1900. С. 72.
- 235 *Бржеский Н. К.* Недоимочность и круговая порука... С. 241–242.
- 236 Там же. С. 412.
- 237 *Бржеский Н. К.* Общинный быт... С. 13–14.
- 238 Там же. С. 30.
- 239 *Бржеский Н. К.* Недоимочность и круговая порука... С. 405–407.
- 240 *Столыпин П. А.* Переписка. М., 2004. С. 168–169.
- 241 *П. Д. (Дюшен П. П.)* Русский социализм и общинное землевладение. М., 1899. С. 98–100.
- 242 Труды местных комитетов... XXXVII. Саратовская. С. 75–76.
- 243 Протоколы по крестьянскому делу. СПб., 1905. Протокол № 23 от 12 марта 1905. С. 4–6.
- 244 *Риттих А. А.* Зависимость крестьян от общины и мира. СПб., 1903. С. 133–135.
- 245 Там же. С. 136–138.
- 246 *Риттих А. А.* Крестьянский правопорядок. СПб., 1904. С. 7–8, 9.
- 247 Там же. С. 8.
- 248 *Риттих А. А.* Зависимость крестьян от общины и мира... С. 166.
- 249 Труды местных комитетов... XIX. Курская губерния. СПб., 1903. С. 623–625.
- 250 *Риттих А. А.* Крестьянский правопорядок... С. 48.
- 251 Труды местных комитетов... XIX. Курская губерния... С. 626.
- 252 *Риттих А. А.* Крестьянский правопорядок... С. 12.
- 253 *Герье В.* Второе раскрепощение... М., 1911. С. 40.
- 254 *Страховский И. М.* Крестьянские права... С. 241–242.
- 255 Там же. С. 242–243.
- 256 Из архива С. Ю. Витте... Т. 1. Ч. 2. С. 536–537.
- 257 Там же. С. 217–219.
- 258 *Головин К. Ф.* Мои воспоминания. 1881–1894 гг. СПб. Т. II. С. 245.
- 259 Труды местных комитетов... XXVIII. Орловская губерния. С. 678–679.
- 260 *Страховский И. М.* Крестьянский вопрос в законодательстве и законосовещательных комиссиях после 1861 г. С. 136.
- 261 *Страховский И. М.* Крестьянские права... С. 170.
- 262 Там же. С. 172.
- 263 *Давыдов М. А.* 20 лет до Великой войны... С. 732–739.
- 264 Труды местных комитетов... XXXVII. Саратовская губерния. С. 407.
- 265 *Кони А. Ф.* Избранное. М.: Сов. Россия, 1989. С. 98–99.
- 266 *Куломзин А. Н.* Пережитое... С. 400.
- 267 Там же.
- 268 *Витте С. Ю.* Собрание сочинений... Т. 1. Кн. 2. Ч. 1. С. 173–174.
- 269 *Куломзин А. Н.* Пережитое... С. 406–407.
- 270 Там же. С. 407.
- 271 Там же. С. 435.

- 272 Там же.
- 273 Там же. С. 436–437.
- 274 Там же. С. 437.
- 275 ПСЗ, 1889. № 6198. С. 535.
- 276 Куломзин А. Н. Пережитое... С. 465.
- 277 Там же. С. 466.
- 278 Там же. С. 467.
- 279 Там же. С. 530.
- 280 Там же. С. 531.
- 281 Там же.
- 282 Там же. 531–532.
- 283 Там же. С. 532.
- 284 Там же. С. 539–540.
- 285 Головин К. Ф. Вне партий. Опыт политической психологии. СПб., 1905. С. 130–138.
- 286 Янжул И. И. Бисмарк и государственный социализм // Вестник Европы 1890. Т. 4. С. 731.
- 287 Там же. С. 729.
- 288 Витте С. Ю. Из архива С. Ю. Витте. Воспоминания. Т. 2. С. 42.
- 289 Лилиенфельд-Тоаль П. Ф. (П. Л.) Земля и воля... С. 81–82.
- 290 Куломзин А. Н. Пережитое... С. 329–330.
- 291 Головин К. Ф. Социализм как положительное учение. СПб. 1894. С. 186–187.
- 292 Вольский А. А. Экономическо-финансовая политика России. СПб., 1909. С. 28.
- 293 Успенский Г. И. Собрание сочинений в 9 тт. М.: ГИХЛ. 1956. Т. 4. С. 181.
- 294 Селиванов К. А. Русские писатели в Самаре и Самарской губернии. Куйбышев. Куйбышевское книжное издательство. 1953. С. 45.
- 295 Успенский Г. И. Собрание сочинений... Т. 4. С. 181–182.
- 296 Селиванов К. А. Русские писатели в Самаре... С. 45.
- 297 Успенский Г. И. Собрание сочинений... Т. 4. С. 182–184.
- 298 Селиванов К. А. Русские писатели в Самаре... С. 45.
- 299 Успенский Г. И. Собрание сочинений... Т. 4. С. 184.
- 300 Там же. С. 184–185.
- 301 Там же. С. 185–188.
- 302 Там же. С. 189.
- 303 Там же. С. 189–190.
- 304 Там же. С. 177–178.
- 305 Там же. С. 179–180.
- 306 Несколько лет в деревне // Гарин-Михайловский Н. Г. Собрание сочинений в 5-ти томах. М.: ГИХЛ. 1957. Т. 3. С. 11–12.
- 307 Там же. С. 61.
- 308 Там же. С. 62.
- 309 Там же.
- 310 Успенский Г. И. Собрание сочинений в 9 тт. М.: ГИХЛ. 1957. Т. 8. С. 625.
- 311 Там же. С. 627.
- 312 Там же. С. 627–628.

-
- 313 Там же. С. 628–629.
314 Там же. С. 629.
315 Там же. С. 630.
316 Там же. С. 630–631.
317 Там же. С. 631.
318 Там же. С. 632.
319 Там же.
320 Там же. С. 632–633.
321 Там же. С. 633–635.
322 Там же. С. 635–636.
323 Там же. С. 640.
324 *Фигнер В. Н.* Полное собрание сочинений. Т. III, М., 1932. С. 121.
325 *Успенский Г. И.* Собрание сочинений ... Т. 4. С. 533.
326 Там же.
327 Там же. С. 535.
328 Там же. С. 533–534.
329 Там же. С. 535–536.
330 Там же. С. 536.
331 Там же. С. 536–537.
332 Там же. С. 537–538.
333 Там же. С. 539.
334 *Успенский Г. И.* Собрание сочинений... Т. 8. С. 641.
335 Там же. С. 641–642.
336 Там же. С. 642–643.
337 Там же. С. 643.
338 Там же. С. 643–644.
339 *Успенский Г. И.* Собрание сочинений ... Т. 4. С. 531.
340 Там же. С. 543.
341 Там же. С. 32–33.
342 Там же. С. 557.
343 Там же. С. 543.
344 Там же. С. 543–544.
345 Там же. С. 109–112.
346 Там же. С. 113.
347 Там же. С. 114.
348 Там же. С. 114–115.
349 Там же. С. 197.
350 Там же. С. 198.
351 Там же. С. 543–544.
352 Там же. С. 544.
353 Там же. С. 545.
354 Там же. Т. 8. С. 646.
355 Там же. Т. 4. С. 165.
356 Отечественные записки. 1878. № 11–12. С. 243.

- 357 Там же. Т. 4. С. 555.
- 358 Там же. С. 94.
- 359 Несколько лет в деревне // *Гарин-Михайловский Н. Г.* Собрание сочинений в 5-ти томах. М.: ГИХЛ. 1957. Т. 3. С. 18–19.
- 360 Там же. С. 18.
- 361 Там же. С. 19–20.
- 362 Там же. С. 21.
- 363 Там же. С. 21–22.
- 364 Там же. С. 25.
- 365 Там же. С. 21–23.
- 366 Там же. С. 25–27.
- 367 Там же. С. 8–9.
- 368 Там же. С. 9.
- 369 Там же. С. 14–19.
- 370 Там же. С. 42.
- 371 Там же.
- 372 Там же. С. 43.
- 373 Там же.
- 374 Там же. С. 23.
- 375 Там же.
- 376 Там же. С. 24–25.
- 377 Там же. С. 44.
- 378 Там же.
- 379 Там же. С. 44–45.
- 380 Там же. С. 45.
- 381 Там же. С. 45–47.
- 382 *Семенов С. Т.* 25 лет в деревне. М., 1915. С. 37–39, 51.
- 383 Там же. С. 39–40.
- 384 *Гарин-Михайловский Н. Г.* Несколько лет в деревне... С. 29.
- 385 Там же.
- 386 Там же. С. 49.
- 387 Там же. С. 26–27.
- 388 Там же. С. 27.
- 389 Там же. С. 30.
- 390 Там же. С. 41.
- 391 Там же. С. 63.
- 392 Там же. С. 93–94.
- 393 Там же. С. 94–95.
- 394 Там же. С. 96–97.
- 395 Там же. С. 100–101.
- 396 Там же. С. 101.
- 397 Там же. С. 103–105.
- 398 Там же. С. 105.
- 399 Там же. С. 109–113.

- 400 Там же. С. 113.
- 401 Там же. С. 114–116.
- 402 Там же. С. 117–120.
- 403 Там же. С. 123–124.
- 404 Там же. С. 129–133.
- 405 Там же. С. 137–138.
- 406 Там же. С. 140.
- 407 Там же. С. 143.
- 408 *Гарин-Михайловский Н. Г.* В суголке провинциальной жизни ... Т. 4. С. 342.
- 409 Там же. С. 357.
- 410 Там же. С. 398–404.
- 411 Там же. С. 406–407.
- 412 Там же. С. 495–496.
- 413 Там же. С. 496–498.
- 414 Там же. С. 286.
- 415 Несколько лет в деревне... С. 60.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

«Я нашел свою цель жизни»

Пришло время снова встретиться с героем Пролога этой книги.

Кофод проработал в Титово до 1886 г. Затем он женился, счастливо прожив браке более полувека. Желание найти разверставшиеся деревни у него не пропало, но путь к этому оказался длинным.

Он поступил на службу оценщиком земель в Дворянский банк, однако иностранцу не просто было вписаться в русскую бюрократическую среду. В итоге он стал работать в Закавказье, где никакой общины не было.

Лишь весной 1901 г. Кофод был переведен из Колхиды в Могилев на ту же должность оценщика Крестьянского банка, а в августе поехал на север губернии осматривать одно имение, которое окрестные крестьяне хотели купить при содействии банка.

Как обычно в таких путешествиях, он, сидя в тарантасе, сверял карту Генерального штаба с местностью. И вдруг наткнулся на место, где, согласно карте, должна была стоять деревня, но ее не было, хотя было ясно, что еще недавно тут стояли дворы и избы.

На вопрос о том, куда исчезло Сомоново, кучер ответил, что «они все разъехались» и показал, где теперь стояли «ихние хутора».

В тот день Кофод дальше уже никуда не поехал, и до темноты переезжал от хутора к хутору, расспрашивая выселившихся крестьян.

И когда вечером он ложился спать у одного из них, он знал, «что сегодняшней день – поворотный пункт» его жизни, потому что он встретился с тем, что безуспешно искал 20 лет, – с русской деревней, которая разверсталась по собственной инициативе. «Я нашел свою цель жизни», – резюмировал он.

Конечно, он должен был раскопать эту историю с самого начала и, в частности, понять, каким образом крестьяне пришли к идее разверстания. На это ушло 3–4 дня.

Вокруг Сомонова разверстались многие деревни, и постепенно он нашел очаг этого движения – деревню Загородную в соседней Витебской губернии.

Ее жители хотели сообща купить соседнее имение. Несколько лет они приценивались и торговались, пока в 1876 г. его не перехватила у них группа латышских крестьян, предложивших более высокую цену. Купленную землю они, привыкшие, как и предки, всегда вести единоличное хозяйство, разделили

между собой так, что каждый получил свою часть в виде одного компактного участка, на котором он и поселился.

Понятно, с каким энтузиазмом крестьяне Загородной отреагировали на появление удачливых конкурентов, но, тем не менее, они внимательно наблюдали над тем, что у них происходит. Хуторская система ведения полевого хозяйства заинтересовала «их в высшей степени, и вскоре они начали обсуждать на сходах, не стоит ли им последовать примеру латышей».

После трехлетней дискуссии они поняли, что достичь согласия «в таком важном и таком новом деле» между 40 дворами невозможно.

Поскольку примерно половина из них хотела разверстаться и выселиться, а вторая половина перемен не хотела, то они попросту разделили всю общую землю пополам.

Три года спустя их примеру последовала еще одна деревня, а после этого дело пошло несколько быстрее¹, поскольку крестьяне придумали земельные аукционы, которые так уравнивали разнокачественную землю, что это соответствовало представлениям крестьян о справедливости.

Через 20 лет разверсталось уже несколько сот деревень и постепенно это движение из Витебской губернии перешло в соседнюю Могилевскую, где Кофод и встретился с ним.

Всякий раз он внимательно изучал предысторию расселившейся деревни, воздействие разверстания на хозяйство и быт крестьян, составлял планы разверстания и т.д. Он фактически в одиночку провел громадное исследование, своего рода перепись, результаты которого в итоге вылились в двухтомник «Крестьянские хутора на надельной земле». Это был настоящий подвиг – от слова подвижничество.

Сразу выяснилось, что люди стали больше работать, меньше пить и лучше жить.²

Кофод попытался заинтересовать свое ведомство сделанным открытием, однако успеха не имел. Он лично вручил в Петербурге свой отчет Главноуправляющему Дворянского и Крестьянского банков графу В. В. Мусину-Пушкину и попытался убедить его в том, что банку следовало бы найти и обследовать районы разверстаний, поскольку социальные и экономические результаты разверстания чересполосицы огромны. Он не сомневался в том, что хорошо выполненное разверстание надолго разрешило бы крестьянский вопрос, «серьезнейшую проблему России того времени», поэтому банку следовало бы взять руководство движением в свои руки.

«Напрасный труд!

Мои доводы были отклонены с высокомерной улыбкой:

– Есть так много других интересных задач, решение которых имеет большее значение, чем решение этой.

Я предложил, что буду ездить за свой счет, только в качестве представителя Крестьянского банка. И это предложение было встречено отказом:

– Если эта проблема Вас так интересует, Вы же можете взять отпуск, разъезжать как частное лицо и делать Ваши обследования самостоятельно».

Мусин-Пушкин отлично знал, что в то время любой, кто ездил по стране без особого поручения, превентивно воспринимался полицией как революционный агитатор и в этом качестве рисковал быть задержанным, что для чиновника было чревато серьезными последствиями.

«Тем не менее», – продолжает Кофод, – «я поднял эту презрительно брошенную перчатку и решил проводить мои обследования дальше, чего бы мне эта ни стоило»³.

С этого времени история жизни Андрея Андреевича Кофода оказалась неразрывно связана с аграрной реформой Столыпина, до которой оставалось еще 4 года. «Коллекция» разверстаний непрерывно пополнялась, и его открытие, о котором пока никто не знал, стало одним из эпиграфов к крушению Утопии.

Во многих отношениях для него наступило новое время. До этого его жизнь проходила «если не слишком однообразно, то все же довольно буднично».

Теперь он, «никому не известный иностранец... должен был создавать движение и искать сторонников в деле, совершенно противном общественному мнению».

Для этого нужно было в 46 лет становиться публичным человеком – писать и делать доклады, словом, заявить о себе, что было абсолютно не в его натуре. Притом же он сознавал, что «совсем не был оратором Божьей милостью».

Он написал статью «О разверстании крестьянских земель в России» с рассказом о своем открытии, однако ни «Новое время», ни другие ведущие ежедневные газеты в авторском варианте ее не взяли. Опубликовал ее еженедельник Министерства финансов (№ 9 за 1903 г.), практически одновременно с Манифестом 26 февраля 1903 г. Николая II о сохранении общины, однако Кофод слишком верил в значение своего открытия, чтобы пасть духом.

Статья вызвала сенсацию, чему, по словам Кофода, способствовало уменьшение преклонения перед общиной.

Номер с ней был распродан за несколько дней, ее цитировали в других статьях, ею крайне заинтересовался А. А. Риттих, правая рука Витте в период работы Особого совещания 1902–1904 гг., будущий последний министр земледелия Российской империи, который в то время был почти также неизвестен, как и Кофод, чьим непосредственным начальником он станет через два года.

Статья вышла в удивительно удачное время.

С 1902 г. аграрный вопрос стал особенно актуален из-за того, что его начали обсуждать в Редакционной Комиссии МВД по пересмотру крестьянского законодательства, в которой главную роль играл В. И. Гурко, и в Особом совещании о нуждах сельскохозяйственной промышленности во главе с Витте.

И работа Кофода уже на этом этапе принесла, как мы увидим, весомые плоды, потому что статья подкрепила конкретными фактами как программу, выдвинутую в проекте нового крестьянского законодательства 1903 г., так и идеи Витте.

Теперь А. А. должен был продолжить свои поиски новых районов разверстания. Делать это в отпуске, как ему предложил Мусин-Пушкин он не мог. Отпуск ему был нужен для встреч с теми, кто заинтересовался его статьей, потому что, говорит он, «я должен был, так сказать, создавать заговор против общины»⁴.

При этом финансировать его деятельность, конечно, никто не собирался. И несмотря на нехватку средств, он ухитрялся продолжать свои исследования.

1 апреля 1904 г. при помощи друзей Воейковых он смог прочесть лекцию в Императорском географическом обществе. Витте и Гурко прислали своих представителей.

«Главное внимание я уделил влиянию, которое это глубокое изменение основы крестьянского хозяйства оказывает на образ жизни крестьян; разнице в этом отношении между различными формами разверстаний; значению того примера, который вызвал разверстания. В конце своего доклада я указал, что предпринятые мною обследования нужно рассматривать как неокончательные и что необходимо продолжать их на более широком базисе.

Когда я день спустя разговаривал с Риттихом, он спросил меня, чем мог бы быть полезен для меня наш общий начальник Витте в деле, над которым я работаю.

Я предложил ему просить Витте освободить меня от служебных обязанностей, с сохранением жалования, – чтобы я имел возможность заниматься исключительно моими исследованиями, которые пока еще нуждались в разработке деталей этого движения.

О поддержке в форме возмещения моих дорожных расходов я воздержался сказать, чтобы мое предложение не выглядело так, будто я стремлюсь получить солидную выгоду из моего дела. Правда, я надеялся, что с их стороны последует предложение относительно этого, но ничего не последовало»⁵.

Его материальное положение сразу ухудшилось, потому что он перестал получать суточные и ему больше не возмещали дорожных расходов. Сообщать об этом Риттиху он не стал, т.к. был уверен, что ему в ответ посоветуют «бросить совсем» это предприятие.

«Я стал советоваться с моей женой, бывшей и моим лучшим другом. Мы решили, что было бы глупо выражать недовольство, а насчет денег на мои поездки она сказала:

– Раз ты веришь, что то, чем ты занимаешься, нужно моей стране, то я тоже верю в это. Значит, мы должны найти выход и достать нужные деньги.

И она предложила заложить наше серебро и продать мебель, а она с дочерью поселится временно в той вилле, которую мы, во время нашего пребывания в Закавказье, выстроили на берегу Черного моря, на полпути между Потти и Батумом.

Сказано – сделано.

Многие ли жены и матери способны смотреть на вещи с таким пониманием, как она?!»⁶.

Затем была поездка в Европу для изучения тамошнего землеустройства.

Всего он отыскал в Волынской, Гродненской, Ковенской, Витебской, Могилевской и Смоленской губерниях 10 районов расселения, захвативших 64 волости и 947 селений. В итоге образовалось 20 253 хутора на площади в 223,5 тыс. дес. земли. Положение крестьян после разверстания были проанализированы в двухтомной монографии⁷, вышедшей в 1905 г. Тем самым он дал сторонникам введения частной собственности 947 аргументов в виде деревень, решившихся выйти за рамки вековой обыденности и начать другую жизнь.

Кофод стал не только видным деятелем Столыпинской аграрной реформы, но и очень важной фигурой влияния. Авторитет его был громаден.

Метаморфозы С. Ю. Витте

После отмены ст. 165 о возможности досрочного выкупа и введения неотчуждаемости крестьянских наделов в 1893 г. неокрепостнический строй деревни, казалось бы, стоял нерушимо – как стена, как плотина.

Три тома материалов созванного МВД в 1894 г. совещания стали апогеем прообщинных настроений русского общества. Гневная статья Чичерина «Пересмотр крестьянского законодательства», в которой он констатировал новую победу крепостнического сознания в русском общественном мнении, изменить ничего не могла.

Однако это плотина вскоре начала размываться, и огромную роль в этом сыграл Витте, осознавший, что несмотря на все заклинания народников, общинный режим неуклонно ведет деревню к краху.

После пламенных речей 1893 г. в защиту общины он начал прозревать.

Описывая впоследствии эти перемены, он признается, что в момент назначения его министром финансов он «крайне поверхностно» был знаком с

проблемами деревни – на уровне «обыкновенного русского так называемого образованного человека». Поначалу он «блуждал» и воспринимал общину через призму славянофильства. К тому же он мало знал коренную крестьянскую Россию, поскольку вырос на Кавказе, а позже работал в Новороссии и Юго-Западном крае.

«Но, сделавшись механиком сложной машины, именуемой финансами Российской империи, нужно было быть дураком, чтобы не понять, что машина без топлива не пойдет и что, как ни устраивай сию машину, для того, чтобы она долго действовала и увеличивала свои функции, необходимо подумать и о запасах топлива, хотя таковое и не находилось в моем непосредственном ведении.

Топливо это – экономическое состояние России, а так как главная часть населения – это крестьянство, то нужно было вникнуть в эту область»⁸.

Сделать это ему помог Н. Х. Бунге, объяснивший ему, что главным тормозом крестьянского благосостояния является «средневековая община, не допускающая совершенствования». Но еще больше его «просветила» ежедневно проходившая перед его глазами статистика, которую он изучал и анализировал.

Вскоре он пришел к убеждению, «что при современном устройстве крестьянского быта машина, от которой ежегодно требуется все большая и большая работа, не будет в состоянии удовлетворять предъявляемые к ней требования, потому что не будет хватать топлива».

Ему стало ясно, «в чем заключается беда и как ее нужно лечить».

Ход мыслей Витте заслуживает внимания.

«Государство не может быть сильно, коль скоро главный оплот его – крестьянство – слабо. Мы все кричим о том, что Российская империя составляет 1/5 часть земной суши и что мы имеем около 140 млн. населения.

Ну что же из этого, когда громаднейшая часть поверхности, составляющей Российскую империю, находится или в совершенно некультурном (диком), или в полукультурном виде и громаднейшая часть населения с экономической точки зрения представляет не единицы, а полу– и даже четверти единиц»⁹.

Экономическая и политическая мощь любой страны основана на трех факторах производства: природе (природных богатствах), капитале (материальном и интеллектуальном) и труде.

Природа очень щедро одарила Россию, хотя климат и умаляет значение этого подарка. Мы небогаты капиталами – прежде всего потому, что страна «создана непрерывными войнами, не говоря о других причинах.

Она может быть весьма сильна трудом физическим по числу жителей и интеллектуальным, так как русский человек даровитый, здоровый и богобоязненный».

Однако сейчас народный труд не имеет должного напряжения, он недостаточно эффективен, потому что обстановка, в которой живет народ, не стимулирует его труд.

Необходимо создать условия для того, чтобы люди могли и хотели производительно работать и стремиться увеличивать эту производительность.

«У нас же народ так же трудится, как и пьет. Он мало пьет, но больше, чем другие народы, напивается. Он мало работает, но иногда надрывается работой».

Для того чтобы народ не голодал, чтобы его труд сделался производительным, нужно ему дать возможность трудиться, нужно его освободить от попечительных пут, нужно ему дать общие гражданские права, нужно его подчинить общим нормам, нужно его сделать полным и личным обладателем своего труда, одним словом, его нужно сделать с точки зрения гражданского права *person'ю*».

Люди не смогут развить свой труд, если у них нет уверенности, что им принадлежат плоды их труда, что это собственность их самих и их наследников. А как они могут сделать это в общине?

В общине обработанную ими землю отнимают при очередном переделе.

В общине плоды их трудов «будут делиться не на основании общих законов и завещательных прав, а по обычаю, а часто обычай есть усмотрение».

В общине они отвечают за подати, которые не внесли другие (круговая порука), они лишены свободы передвижения, а их жизнь определяется не общими законами страны, а «благом попечительного усмотрения и благожелательной защиты маленького «батюшки», отца – земского начальника (ведь дворяне не выдумали же для себя такой сердечной заботы)».

Словом, заключает Витте, сейчас быт крестьянина «в некоторой степени похож на быт домашнего животного; заинтересован владелец, ибо это его имущество, а Российское государство этого имущества имеет при данной стадии развития государственности в излишке, а то, что имеется в излишке, или мало, или совсем не ценится»¹⁰.

Вникнув в положение деревни, Витте со свойственной ему энергией он начал действовать в противоположном направлении.

Благодаря его усилиям с 1896 г. началась подготовка отмены круговой поруки, которая в основном произошла в 1903 г.

В мае 1898 г. он добился решения Комитета министров о создании Особого совещания по крестьянскому вопросу, однако Плеве, Победоносцев и Дурново отговорили царя.

В октябре того же года Витте написал Николаю II очень эмоциональное, «непридворное» письмо, в котором пытается найти нестандартные слова, чтобы вывести царя из состояния «общинного благодушия».

Он считает, что сейчас время ребром поставило вопрос: «Мощь России должна ли продолжать развиваться с тою же силою, с какою она развивалась с освобождением крестьян, или же рост этот должен ослабеть, а может быть, и идти назад?»

Крымская война открыла глаза наиболее зрячим: они осознали, что Россия не может быть сильна при режиме, покоящемся на рабстве. Ваш великий дед самодержавным мечом разрубил гордиев узел. Он выкупил душу и тело своего народа у их владельцев. **Этот беспрецедентный акт создал того колосса, который ныне находится в Ваших самодержавных руках.**

Россия преобразовалась, она удесятерила свои силы, свой ум и свои познания... Теперь нужно двигаться».

Нужно завершить то, что начал и не мог закончить император Александр II, который «выкупил душу и тело крестьян, сделал их свободными от помещичьей власти, но не сделал их свободными сынами Отечества, не устроил их быта на началах прочной закономерности».

Император Александр III, решавший проблемы восстановления международного престижа Империи, укрепления ее армии, финансов и подавления смуты, не успел завершить дело отца.

И теперь эта задача стоит перед Вами, обращается Витте к Николаю II.

Она выполнима и ее нужно выполнить, **«иначе Россия не сможет возвеличиться так, как она возвеличивалась.** Для этого нужны ясное сознание необходимости совершить подвиг, твердая решимость его совершить и вера в помощь Божью».

Бюджет Российской империи со 130 млн. жителей, из которых «едва ли много более половины живут, а остальные прозябают», равен 1400 млн. руб., притом, что тяжесть обложения очевидна.

В то же время бюджет Франции с населением 38 млн человек – 1260 млн. руб., а Австрии с 43 млн жителей – 1100 млн. руб. Если бы благосостояние русских плательщиков стояло на французском уровне, то наш бюджет равнялся бы 4200 млн. руб., и даже если на австрийском – то 3300 млн руб. вместо 1400.

Причина нашей низкой налогоспособности – прежде всего в неустройстве крестьян.

«Каждый человек по природе своей ищет лучшего. Это отличает человека от животного. На этом качестве человека основывается развитие благосостояния и благоустройства общества и государства. Но для того, чтобы в человеке развился сказанный импульс, необходимо поставить его в соответствующую обстановку. У раба этот инстинкт гаснет. Раб, сознавая, что улучшение его и бытия его ближних неосуществимо, каменеет. Свобода воскрешает в нем человека.

Но недостаточно освободить его от рабовладельца – необходимо еще освободить его от рабства произвола, дать ему законность, а следовательно, и сознание законности, и просветить его. Необходимо... сделать из него «person'у», ибо он теперь «полупersona». Все сие не сделано или почти не сделано.

Крестьянин находится в рабстве произвола. Закон не очертил точно его права и обязанности. Его благосостояние зависит не только от усмотрения высших представителей местной власти, но иногда от людей самой сомнительной нравственности... Им начальствуют, и он видит начальство и в земском, и в исправнике, и в становом, и в уряднике, и в фельдшере, и в старшине, и в волостном писаре, и в учителе, и, наконец, в каждом “барине”. Он находится в положительном рабстве у схода, у его горланов. Не только его благосостояние зависит от усмотрения этих лиц, но от них зависит его личность», потому что они могут пороть его.

Характерно при этом, что если губернатор сегодня велит высечь крестьянина, то его будет судить Сенат, а когда крестьянина выпорот волостной суд, «темная коллегия, иногда руководимая отребьем крестьянства», то это в порядке вещей.

Крестьянин стал рабом своих односельчан и сельского управления.

Его наделили землей, но он не владеет ею на совершенно определенном праве, точно ограниченном законом, в общине он и не знает, какая земля его.

Права наследства определяет «смутный обычай», поэтому уже второе поколение после освобождения пользуется землей не на законно определенных основаниях, «а по обычаю, а иногда и усмотрению».

Судебная реформа не коснулась правовой стороны жизни деревни. Словный суд руководствуется не общим для всех подданных Империи законом, а обычаем, т.е. фактически «произволом и усмотрением».

Не лучше поставлено податное дело. Прямые налоги часто взимаются «скопом, по усмотрению». Круговая порука «делает крестьянина ответственным не за себя, а за всех, а потому иногда приводит к полной безответственности».

В области просвещения мы «отстали не только от европейских, но и от многих азиатских и заазиатских стран.... Наш народ с православной душой невежествен и темен. А темный народ не может совершенствоваться. **Не идя вперед, он по тому самому будет идти назад** сравнительно с народами, двигающимися вперед.

Вот некоторые черты положения крестьянского дела. Крестьянство освобождено от рабовладельцев, но находится в рабстве произвола, беззаконности и невежества. **В таком положении оно теряет стимул закономерно добиваться улучшения своего благосостояния. У него парализуется жизненный**

нерв прогресса. Оно обезоруживается, делается апатичным, бездеятельным, что порождает всякие пороки»

И этому горю, говорит Витте, не поможет прощение правительством производственных долгов.

«Нужно прежде всего поднять дух крестьянства, сделать из них действительно свободных и верноподданных сынов Ваших. **Государство при настоящем положении крестьянства не может мощно идти вперед, не может в будущем иметь то мировое значение, которое ему предуказано природою вещей, а может быть, и судьбою»**¹¹.

Заканчивается текст предложением все-таки созвать совещание по крестьянскому вопросу.

Это письмо, где слово «община» не произносится ни разу, но как бы является на выдохе, осталось без ответа. Император, по замечанию Куломзина, был воспитан «в славянофильском обожании общинных порядков»¹².

Однако замолчать крестьянский вопрос было уже невозможно. Буквально с первого же года XX века он становится предметом активнейшего публичного обсуждения в правительственных кругах.

В поступавших с мест официальных документах всех уровней все чаще фигурировала тема правовой неустроенности крестьянства и ее вредных последствий. Так, в январе 1900 г. в Комитете министров был заслушан Всеподданнейший отчет генерал-губернатора Юго-Западного края М. И. Драгомирова, в котором тот доказывал, что подъем благосостояния крестьянства невозможен без ликвидации хаоса, царившего в крестьянском законодательстве. Его предложение срочно пересмотреть соответствующие законы было одобрено царем¹³.

Бюрократическая машина пришла в движение.

Как говорилось, в 1902–1905 гг. аграрный вопрос стал главной темой работ созданных практически одновременно Редакционной Комиссии МВД и вневедомственного Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности* во главе с Витте, а также так называемой Комиссии Центра (16 ноября 1901 г.).

МВД был поручен пересмотр крестьянского законодательства, а Особое совещание должно было дать заключение о целесообразности предлагаемых им мер. Однако за 1902–1905 гг. значимость Особого совещания менялась.

Фактически появилось два параллельных центра по пересмотру аграрного курса, стоявшие на противоположных позициях. МВД оставалось средоточием неокрепостничества, а в Особом совещании преобладали сторонники ликвидации правовой обособленности крестьянства¹⁴.

* Оно включало представителей высшей бюрократии и специально приглашенных считавшихся компетентными специалистов, в том числе профессоров.

Однако, как выяснилось позже, оба органа в конечном счете пролагали дорогу Столыпинской аграрной реформе.

Троянский конь в имперском МВД

Лицо, которое более всего потрудилось над законом 9 ноября 1906 г., был Гурко.

С. Ю. Вумме

Пересмотр законов о крестьянах царь поручил министру внутренних дел Д. С. Сипягину. Однако 2 апреля 1902 г. он был убит, и его место занял В. К. Плеве.

С июня 1902 г. в МВД начало создаваться новое крестьянское законодательство, фактически новое Положение. Уже в декабре 1903 г. для всеобщего сведения был опубликованы 5 томов с проектами:

1. Положения о крестьянском общественном управлении;
2. Положения о волостном суде;
3. Волостного устава о наказаниях;
4. Сельского устава о договорах и наследовании;
5. Положения о наделных землях;
6. Правил об отграничении крестьянских наделов и разверстании их с чересполосными угодьями частного владения.

На нескольких тысячах страниц с детальностью армейских инструкций по эксплуатации и ремонту радиотехники расписывалось, как должна быть устроена жизнь 100-миллионного крестьянства – и это в разгар модернизации!

Кажется, куда уместнее было бы провести подобную масштабную работу, на 20–30 лет раньше, когда вышедшее из крепостничества крестьянство, не очень понимавшее, в каком мире оно оказалось, очень нуждалось в руководстве.

А в декабре 1903 г. этот пятитомник оказался своеобразным памятником Утопии.

Через месяц после выхода этого труда японские миноносцы войдут в гавань Порт-Артура ...

В своем проекте МВД намеревалось законодательно закрепить линию на правовую изоляцию крестьянства, которая восторжествовала при Толстом и Дурново.

И в проектах это намерение последовательно реализовано по всем позициям – за одним очень важным исключением.

В проекте правительство **впервые** признало, что надежды на то, что община сохранит однородность крестьянства, что она препятствует пролетари-

зации и дифференциации крестьянства, оказались несостоятельны. Власть провозгласила нейтралитет по отношению к ней и даже, условно говоря, открыло узенькую калитку для выхода из нее.

Эта немислимая еще 10 лет история связана с Владимиром Иосифовичем Гурко, одним из самых выдающихся деятелей той эпохи, сыгравшим очень важную роль в истории Столыпинской аграрной реформы.

Однако по порядку.

В 1902 г. новый министр Плеве получил письмо от 40-летнего служащего Государственной канцелярии В. И. Гурко, в котором тот – ни больше, ни меньше – просил назначить его на очень важный и ответственный пост начальника Земского отдела МВД,* который был вакантным.

Это был совершенно не принятый в сановном Петербурге ход – там так не делали, будь ты хоть трижды сыном прославленного фельдмаршала и многолетнего наместника Польши.

Существовал освященный временем негласный протокол, точно описанный Толстым в начале «Войны и мира»**, когда родственники и друзья искали обходные пути, выходы на нужное лицо, которое кто-то должен был просить и т.д.

А Гурко действовал совершенно необычно – он лично, к тому же письменно, попросил о назначении на крупный пост малознакомого крупного сановника, который, конечно, знал его по службе в Государственной канцелярии, но не более того.¹⁵

Почему Гурко решился на этот неординарный поступок?

Им двигало «страстное желание» занять данный пост, поскольку так он рассчитывал повлиять на начинающийся общий пересмотр крестьянского законодательства.

К этому времени он, начавший службу в крестьянских учреждениях Царства Польского, «уже давно пришел к убеждению, что непреодолимым и грозным тормозом нормального развития сельских народных масс и тем самым всего государства является несомненный пережиток старины – земельная община».

Его «неотвязной мечтой» было активное участие в этом пересмотре, чтобы как-то повлиять на «скорейшее упразднение общины». Кроме того, как противник крестьянской обособленности он мечтал ввести всесословную волю («мелкую земскую единицу»).

Он был уже известен как публицист, напечатавший в «Новом времени» цикл серьезных статей, в которых, в частности, резко критиковал общину. Он

---

* Земский отдел, имевший права Департамента, курировал весь комплекс проблем «по общественному управлению и хозяйственному устройству сельских обывателей, а также по вопросам, касающимся воинской повинности».

** Устройство карьеры Бориса Друбецкого через князя Василия.

был уверен, что Плеве читал их*, и поэтому с моральной точки зрения считал свой поступок оправданным.

«Поступок мой, вероятно, удивил Плеве, но в конечном счете увенчался успехом», – пишет Гурко¹⁶. В беседе с министром он быстро сумел убедить его в высоком уровне своей компетентности, а заодно и сам понял, как мало его будущий начальник и чины министерства были знакомы с реальными условиями крестьянской жизни, которую они с такой ретивостью загоняли в бесчисленные параграфы.

В качестве испытания Плеве предложил ему вместе с будущими сослуживцами составить за 4 месяца проект нового положения крестьянского общественного управления.

Он справился с заданием, получил вождеденную должность и фактически стал мотором работы министерства.

Гурко фактически оказался в положении троянского коня – агентом влияния в штабе врага, идеологическим диверсантом, потому что три постулата считались незыблемыми при пересмотре законодательства:

1. Сохранение сословного строя.
2. Неприкосновенность общинного землевладения
3. Неотчуждаемость крестьянских наделов.

Идеи Гурко о ликвидации общины прямо противоречили этой программе, однако как опытный человек он рассчитывал, что сумеет провести свой «контрабандный товар» в законодательство – разумеется, «с крайней осмотрительностью и под весьма консервативным флагом».

Поэтому, с одной стороны, написанный им «Очерк работ Редакционной Комиссии»¹⁷, в котором на фоне истории крестьянского вопроса излагается суть грядущих реформ, может показаться манифестом воинствующего неокрепостничества, написанным в лучших традициях Толстого-Дурново.

А с другой стороны, этот необычный документ содержит идеи, которые с 1846 г. никогда не высказывались в официальных документах и которые, в сущности, дезавуировали всю предшествующую аграрную политику правительства.

Я не имею возможности подробно проанализировать этот мастерски построенный элегантный текст, однако логика автора заслуживает внимания.

Поскольку об упразднении общины речи быть не могло, и вести открытую борьбу против нее было бы просто глупо, Гурко перенес разговор в иную плоскость.

Он излагает знакомые нам аргументы сторонников и противников общины, причем последние звучат у него куда убедительнее за счет акцента на

---

* Предположение оказалось неверным.

росте сельского пролетариата и поощрения общиной правового нигилизма крестьян.

Вопреки традициям тогдашней публицистики*, он не выясняет плюсы и минусы общинного и подворного владения и заявляет, что «оба хуже». Ни та, ни другая форма не позволяют развиваться индивидуальным способностям отдельных крестьян и препятствуют ведению ими эффективного хозяйства, потому что они зависят от распоряжений общества.

Обе эти формы неотделимы от чересполосности и дробности земельных полос, от длинноземелья и дальнотемелья (удаленности пахотных угодий от усадьбы), вызывающих огромные потери рабочего времени в переездах с инвентарем.

Поэтому простой переход от общинного землевладения к подворному не повысит крестьянского благосостояния, ибо сельскохозяйственная культура останется на прежнем уровне.

Кроме того, этот переход вряд ли упрочит у крестьян уважение к чужим правам и искоренит взгляд на землю как на общее достояние, потому что подобные чувства определяются общим уровнем культуры населения и мерой его достатков.

То есть корень проблемы – степень зажиточности крестьян, которая прямо зависит от того, насколько полно они используют производительные силы почвы.

Главная цель нового законодательства – «подъем крестьянского благосостояния»¹⁸. И, пишет Гурко, крестьяне могут добиться этого по максимуму без перемены юридических форм землевладения.

Нужно только провести меры, которые возможны и в общине, и в подворье, а именно: уничтожить дробность и чересполосность крестьянских полос, свести владения каждого двора в один отрубной участок, словом – перейти к хуторскому хозяйству.

Вот тогда каждый домохозяин действительно сможет свободно распоряжаться всей землей, которой он пользуется, и внедрять на ней улучшенные приемы земледелия, которые соответствуют «уровню его культурного развития»¹⁹.

Итак, уведя полемику из привычного русла, Гурко, во-первых, разъяснил читающей публике суть агротехнологической революции, а во-вторых, объявил хутор **идеальной** конечной целью эволюции крестьянского хозяйства. Причем прямо наименовал это **идеалом**.

---

* Адепты общины на эти доводы обычно заявляли – в стиле «сам дурак!» – что все недостатки общины свойственны и подворному владению и что община дает примеры сельскохозяйственных улучшений.

Только на хуторе можно перейти к интенсивным способам земледелия, к плодопеременному многополью, которое является залогом роста производительности и доходности земли и позволяет удовлетворить все хозяйственные потребности крестьянина.

Однако этот идеал невозможно сразу воплотить в жизнь.

Да, нынешняя ситуация в деревне, неважно общинной или подворной, с общей пастьбой на жнивьях и паровых полях и вытекающим из нее принудительным севооборотом, сложилась исторически и соответствует среднему уровню общей культуры в стране и умственного развития народа.

Поэтому община и вынуждена использовать не самые прибыльные, а самые простые способы использования земли и ее распределения между своими членами – потому что они только и доступны всем им без исключения.

Именно отсюда и вытекает низкий уровень агрикультуры на крестьянских землях и отсутствие сколько-нибудь заметного прогресса в этой сфере.

Однако в России есть районы – все западные губернии, – где крестьяне уже переросли это уровень и где переход к хуторам не только возможен, но уже начался «без всякого принуждения и именно в силу его самобытности представляется вполне жизненным»²⁰. **Так информация Кофода оказалась востребована на самом высоком уровне.**

Описанный прорыв, продолжает Гурко, пока не касается массы крестьян. Вместе с тем нужно повсеместно дать выход из общины на хутора отдельным крестьянам, которые уже переросли рамки общины.

Да, на этом пути немало внешних препятствий, однако они «конечно, не могут служить причиной к отказу от всемерного стремления осуществить на практике этот идеальный порядок».

А затем с течением времени, когда крестьяне на примере отдельных хозяйств увидят, как влияет выдел участков к одному месту на их экономическое благосостояние, можно рассчитывать на то, что у них появится «общее течение в указанном направлении».

А то, что такое возможно, что «отдельные примеры в состоянии вызвать массовое движение, красноречиво свидетельствуют некоторые местности Европейской России, где вслед на единичными случаями устройства крестьянских земель отдельными хуторами, проявилось и общее стремление к тому же, охватившее довольно значительные районы»²¹.

Слово было произнесено...

Гурко, по сути, излагает конспект будущей Столыпинской аграрной реформы, перенеся центр тяжести проекта нового положения о землепользовании крестьян на разделы, которые касались собственно землеустройства.

Была признана неоднородность крестьянства – не только хозяйственная, но и интеллектуальная, культурная, и более развитой части крестьянства был предоставлен выход из общины.

Его проект предусматривал три основных способа образования хуторов и отрубов при общинном владении: 1) расселение крупных многолюдных селений и образование поселков; 2) выдел участков отдельным лицам; 3) переход целых сельских обществ «к владению в отрубных участках» (от общинного владения к подворному).²²

Были разработаны подробные правила уничтожения дробности и чересполосности крестьянских земель, а также дальне- и длинноземелья и облегчены все существовавшие формальные препятствия к расселению

Вместе с тем «основной и конечной целью было признано распределение всех крестьянских земель на отдельные самостоятельные участки с перенесением в их пределы жилых и хозяйственных строений, т.е. образование отдельных хуторов. Однако само собою разумеется, что **хуторская система крестьянского землевладения осуществима только при праве личной собственности на землю**». Но это считалось делом отдаленного будущего.

Предусматривались податные льготы выселенцам, говорилось о необходимости увеличения числа землемеров, поскольку предстояли большие работы по уничтожению внешней чересполосицы крестьянских земель с частными, казенными землями и другими землями.

Особый заключительный раздел Гурко посвятил проблеме «отграничения крестьянских наделов и разверстания их с чересполосными угодьями смежного владения», крестьянскими, помещичьими, казенными и др. (см. ниже).

Он считал, что «укрепить чувство уважения к чужой земельной собственности, устранить возникающие на почве земельных споров нарушения земского мира и добрых соседских отношений возможно лишь незамедлительным завершением этой стороны поземельного устройства крестьян».²³

В проекте впервые под защиту были взяты зажиточные крестьяне.

Гурко декларирует нейтралитет в отношении общины. Ее не следует ни специально разрушать, ни искусственно поддерживать, ее нужно лишить фискально-принудительного характера и дать возможность выйти из нее свободно тем, кто тяготится общинным бытом и не хочет в ней оставаться.

При всей внешней скромности эти меры были очень большим шагом вперед в сравнении с предшествующей политикой правительства.

И поскольку Плеве, несомненно, визировал этот текст, ясно что сдвиги были налицо даже в цитадели крепостничества.

Проекты, выработанные в земском отделе МВД, не были реализованы.

Однако они, безусловно, сыграли важную роль в русской истории, поскольку именно они не только стали основой и исходной точкой Высочайшего указа 9 ноября 1906 г. о праве свободного выхода из общины. На их же основании позже были утверждены правила о землеустройстве крестьян.

Словом, разработки Гурко были активно использованы при подготовке и реализации реформы Столыпина.

Для русского общества, пишет В. И., и даже для бюрократических кругов «указ 9 ноября 1906 г. появился как *Deus ex machina*, совершенно внезапно.

Между тем изданию этого указа предшествовали длительные подготовительные работы и несколько неудавшихся попыток проведения заложенных в этом указе принципов в жизнь...

Самому же проведению правил указа 9 ноября 1906 г. в жизнь оказалось возможным дать с места весьма быстрый ход только благодаря тому, что над разрешавшимся им вопросом в течение нескольких предшествующих ему лет усиленно работали многие лица.

Именно эти лица могли явиться и действительно явились деятельными, решительными и умелыми проводниками в жизнь идеи организации крестьянского хозяйства на праве личной собственности при полной хозяйственной самостоятельности каждого земледельца»²⁴.

Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности

Особое совещание открылось в феврале 1902 г. Оно включало элиту чиновничества и видных экспертов, которые в течение 1902–1905 гг. периодически собирались для обсуждения аграрной проблематики.

На начальном этапе работы в центре внимания оказалась Записка Департамента окладных сборов Министерства финансов, составленная по поручению Витте и отражавшая его взгляды.

Она содержала масштабную критику аграрной политики правительства, акцентируя два кейса, которые обрели к этому времени наибольшую остроту, – проблему общины и проблему правового положения крестьянства – в широком смысле слова. Эти проблемы, разумеется, пересекались друг с другом, но не были вполне идентичными.

В качестве практической меры Записка выдвигала безусловно новаторскую идею о создании в разных местностях страны опытных **хуторских и отрубных хозяйств**.

Судя по «Дневнику» статс-секретаря Половцева, эта идея принадлежала Витте, заявившему в беседе с ним, что «у нас до сих пор идет одна безжизненная болтовня», «так как никакое серьезное улучшение сельскохозяйственной промышленности невозможно без изменения форм землевладения и насаждения, твердого права собственности, то и следует взять два-три уезда и в них, не щадя казначейских пожертвований, ввести наследственное подворное владение»²⁵.

Эксперимент было решено провести в Виленской, Владимирской, Воронежской, Московской, Саратовской, Таврической и Черниговской губерниях, однако этому помешала русско-японская война²⁶.

В марте 1902 г. Витте добился разрешения учредить губернские и уездные комитеты. И с этого момента работа Совецания распадается на две части.

В 82 губернских и 536 уездных комитетах участвовало около 12 тыс. чел. (в массе чиновники и дворяне). Программа, предложенная для обсуждения комитетам, включала 40 вопросов, так или иначе касающихся развития аграрного сектора*, однако совершенно не затрагивала зависимости этого развития «от условий крестьянского землепользования и правопорядка»²⁷.

В конце 1903 г. были опубликованы 57 томов трудов местных комитетов – очень ценный источник по истории России конца XIX – начала XX вв., которые стали предметом обсуждения собственно Совецания в конце 1904 – начале 1905 г.

Совещание, мобилизовавшее немалую часть интеллектуальных сил страны, стало трибуной для людей разных взглядов.

Оно, безусловно, является срезом общественного мнения, и надо сказать, что его материалы разительно контрастируют с неокрепостническим Совецанием 1894 г.

Труды местных комитетов фиксируют заметный сдвиг в восприятии обществом крестьянского вопроса в целом.

Налицо серьезное массовое разочарование в общине и политике правовой изоляции крестьянства. В десятках выступлений представителей самых разных губерний и уездов мы видим уничтожающую критику общинных порядков и их влияния на жизнь деревни.

В сущности, именно так стихийно и формируется в истории некий коллективный здравый смысл, который в данном случае позже воплотился в преобразованиях Столыпина.

В трудах Совецания фактически рассмотрены и обоснованы все направления будущей реформы.

Это и необходимость землеустройства, это и выделение поселков из крупных селений, и упорядочение переселения в Сибирь, и расширение деятельности Крестьянского поземельного банка, и распространение мелкого кредита, и народное просвещение, в том числе и агрономическое (агрономическая помощь), и отмена выкупных платежей и многое другое.

* Местным комитетам предлагалось, выразить свое мнение о народном образовании, о развитии сельскохозяйственного опытного дела, о борьбе с оврагами и эпизоотиями, о пожарах, о землеустройстве крестьян, о нарушениях прав владения, о состоянии дорог, об аренде, о мелком кредите, о мелиорации, о кооперации, о развитии крестьянского животноводства, о мелкой земской единице, о хлебной торговле, о железнодорожных тарифах на внутренние перевозки и т.п.

Часть общества, несомненно, созрела до многих идей, лежащих в основе агротехнологической революции, в том числе и до идеи частной крестьянской собственности на землю. Но и защитники общины не сдавались. Множество людей либеральных взглядов ратовали за общегражданские права крестьян – однако не за предоставление им права собственности на землю. Такие вот парадоксы общественного сознания.

Особое внимание местные комитеты уделяли давно назревшей потребности в землеустройстве. На этом я хочу остановиться подробнее, поскольку именно землеустройство стало, по словам Столыпина, «осью экономической политики».

Гурко в своем проекте, как мы знаем, также акцентирует необходимость землеустройства, т.е. ликвидации внутренней и внешней чересполосицы, длинноземелья и дальнотемелья.

Труды Совещания изобилуют конкретными примерами фактической невозможности вести сколько-нибудь нормальное хозяйство в конкретных условиях той или иной местности. С некоторыми из этих фактов полезно ознакомиться здесь, чтобы представлять, в каких направлениях шла реформа Столыпина*.

Так, Совещание утверждает, что «чересполосность и длинноземелье, эти две главнейшие язвы крестьянского землевладения, нередко вызывают те же последствия, как и малоземелье, заставляя крестьян, вполне, казалось бы, обеспеченных землею, прибегать к усиленной аренде и покупке земли, переселению, забрасыванию наделов, сдаче их внаем. Заявления о распространении и вредных последствиях чересполосицы встречаются в трудах почти всех Комитетов»²⁸.

При этом повсеместно – и в нечерноземных, и в черноземных уездах, и в общинных, и в подворных обществах – полосы очень часто бывали так узки, что на них с трудом можно было использовать борону, нередко их ширина измерялась аршинами, лаптями, ступнями; например, в Саратовской губернии были наделы, состоящие из 100 и более узких аршинных полос.²⁹

Под межами, которые разделяли полосы нередко пропадали десятки, а то и сотни десятин – в зависимости от величины наделной земли. Подсчеты, сделанные для Ярославской губернии, показали, что здесь межи в крестьянских полях занимали до 7 тыс. дес., которые могли бы давать около 250 тыс. пуд. хлеба ежегодно.³⁰

Из-за дальнотемелья крестьяне непроизводительно теряли бездну времени на переезды, а, кроме того, это не позволяло удобрять отдаленные, так называемые запольные, пашни (навоз вывозился обычно не далее как за 3–3,5 версты).

* Я подробно изложил эту информацию в книге «20 лет до Великой войны» С. 447–456.

Особенно страдали от дальноземелья крупные общества, причем тем сильнее, чем были больше. Размеры сельских поселений нарастали с севера на юг, где не редкостью были селения с сотнями и даже тысячами дворов.

В Центрально-Черноземном районе считалось, что, если земля расположена далее, чем на 5 верст от усадьбы, то крестьянин работает себе в убыток, но именно в таком положении находилось, например, 40% крестьян Новоскольского уезда Курской губернии*.

Одним из следствий длинноземелья было образование так называемого заполья.

Запольные земли совсем не удобрялись и давали урожай, пониженный в сравнении с другими землями почти на 30%. Заполье играло заметную роль в хозяйстве крупных общин, а также получивших в надел землю с вытянутой конфигурацией. Как правило, оно росло по мере увеличения площади надела. Например, в Епифанском уезде Тульской губернии в общинах, имеющих до 100 дес. пашни, заполье составляло 10,5% общей площади, а в общинах с наделом свыше 500 дес. доля заполья равнялась 38,6%³¹.

Специалисты считали, что общий уровень благосостояния общины в большой мере зависел от величины заполья, и чем она была выше, тем ниже был средний достаток.

В годы Столыпинской реформы выделяющимся из общины крестьянам наделы очень часто будут отводиться именно на запольных землях.

Другим тяжелым пережитком крепостничества в аграрном секторе было наличие сложных, т.е. состоящих из нескольких селений, земельных обществ, которые часто назывались однопланными, поскольку землю в 1861 г. они получили по одному акту. (Их ликвидация станет одним из важнейших направлений землеустройства)

Это бывало и у бывших помещичьих крестьян, если два и более соседних селения принадлежали одному помещику, и у бывших государственных крестьян, если деревни находились в одной местности. В итоге сложные общества, состоявшие иногда более, чем из десяти селений, имелись в 37 губерниях Европейской России.³²

В таких селениях пашня у каждого отдельного селения была своя, обособленная, а остальные уголья (луга, пастбища, леса, выгоны и пр.) полностью

* «Легко себе представить положение крестьянина, вынужденного ездить за 5, 10 и за 15 верст на разбросанные в разных местах полоски, сеять, убирать потом копну своего хлеба, перевозить по такой дальней дороге, что по ней он рассеивает половину собранного хлеба, т.е. затрачивать огромное количество труда, прямо-таки непосильного в страдную пору. Для того, чтобы свезти только 50 копен собранного хлеба, посеянного всего только за 5 верст, крестьянин должен совершить путешествие по меньшей мере в 300 верст. 150 верст туда в телеге и столько же обратно пешком за возом! Это ли не труд в страдную пору? Длинноземелье составляет истинное экономическое бедствие крестьянского хозяйства». (Бржеский Н. К. Очерки аграрного быта... С. 63–64).

или частично были в общем пользовании всех или части селений. Эти общие угодья нередко ежегодно переделались между селениями заново, что неизбежно порождало массу раздоров и неудовольствий, а вражда доходила до прямых притеснений крупными селениями более мелких, включая захваты земли. Как это влияло на ведение хозяйства, объяснять не надо.

Площадь однопланых дач в отдельных губерниях составляла миллионы десятин*. Законы практически не позволяли бороться с этим злом³³.

Помимо *внутринадельной* чересполосицы, очень серьезным недостатком надельного землевладения во многих случаях была чересполосность *вненадельная*, т.е. чересполосность крестьянских земель с прилегающими землями частных владельцев, казны, церкви и т.п. Например, в Богородском уезде Московской губернии 59 селений имели общее владение площадью свыше 25000 дес. более чем на 700 участках «с вкрапленными чересполосно землями, принадлежащими Уделам и Павловскому Посаду»³⁴.

Однако самой распространенной формой была чересполосность с помещичьими землями, которая появилась еще до 1861 г., когда крестьянские наделы были нераздельной частью имений и с точки зрения политэкономии крепостничества это чередование с барской землей было нормальным.

В 1861 г. такая чересполосица в основном была сохранена, т.к. для ускорения процесса освобождения крестьянские угодья к одним местам обычно не сводились. Если же в данном поместье имели место отрезки земель в пользу помещика, то и они, как правило, не только не сокращали чересполосность, а нередко и увеличивали ее.

Закон дал на 6 лет помещикам право требовать от крестьян обязательного разверстания чересполосных и общих угодий, однако этим правом воспользовались немногие. А затем для этой операции требовалось полюбовное соглашение обеих сторон, что бывало редко, потому что одной из сторон чересполосность угодий почти всегда была выгодна.

Факты наглядно демонстрируют, насколько это было неудобно. Так, в Центрально-Черноземном районе и, в частности, в Курской губернии, было немало земель в неразмежеванных дачах, т.е. в общем и чересполосном владении между частными владельцами и общинами бывших государственных крестьян.

Помещик в подобной даче, окруженной со всех сторон крестьянской землей, должен был, естественно, держаться той же принудительной системы

* Нередко однопланность охватывала целые волости. Так, в Рыбинском уезде Ярославской губернии в 1909–1911 гг. «был произведен раздел 99 селений с 3572 дворами, составляющих три волости (Сретенскую, Никольскую и Чудиновскую), наделенных землей в количестве 13 444 десятин (146,9 кв. км; для сравнения – площадь княжества Лихтенштейн составляет 157 кв. км – М. Д.) по одному общему акту». (Отчетные сведения о деятельности Землеустроительных комиссий на 1 января 1913 г. СПб., 1913. С. 12.)

полеводства, что и его соседи-крестьяне. Если бы он решил перейти, например, к травосеянию или посевам корнеплодов, то его чересполосные участки с улучшенным севооборотом были бы обречены на гибель.

При этом соседи-крестьяне ежегодно производили «потравы, побои хлебов и покосов, и припахивали землю»: «Возникающее из-за этого судебное разбирательство портит взаимные отношения; охрана имений обходится дорого, хозяйство делается малоодоходным. Размежевание чересполосных участков необходимо, между тем судебное-межевое производство так сложно и длинно, что у редкого владельца хватает мужества предъявить иски о размежевании.

Для крестьян размежевание в большинстве случаев нежелательно. Они под предлогом прогона скота пользуются пастьбой на помещичьей земле и, кроме того, у них часто, благодаря захватам, больше земли, чем следует по документам»³⁵.

Бывало, что внаемная чересполосица, напротив, вредила крестьянам. Нередко они должны были делать длинные объезды чужих полей, чтобы попасть на свою сравнительно близкую пашню. За право проезда и прогона скота по чужой земле они вынуждены были отрабатывать – и не только помещикам, но и соседним общинам. Из-за чересполосицы росло число потрав и повреждений полей, она препятствовала минимальной интенсификации сельского хозяйства.

Безусловно, хуже всего было то, что она портила отношения между крестьянами и помещиками, «порождая одинаково невыгодную и неприятную для обеих сторон рознь и даже вражду... Русская деревенская жизнь многими своими дурными сторонами в значительной степени обязана чересполосности земель, их крайней разбросанности и отдаленности от мест населения. Чересполосность понижает уровень сельского хозяйства, вызывает множество судебных дел, споров и пререканий и приучает население к неуважению чужой собственности»³⁶.

До начала аграрной реформы Столыпина размежевать чересполосные дачи не удавалось.

Схожая ситуация была и у бывших государственных крестьян, которые были в чересполосице с собственно казенными землями.

Вообще в нечерноземных губерниях чересполосица между наделами крестьян и землями церковей, удела, казны и частных лиц достигала громадных размеров. Запутанность землевладения при крайнем дальноземелье лишала людей возможности вести нормальное хозяйство даже на архаичном уровне. Сплошь и рядом крестьяне запускали истощенные земли, которые обрабатывали раньше, потому что удобрять их из-за отдаленности было невозможно.³⁷

За сорок с лишним лет после 1861 г. стало ясно, что бороться с перечисленными недостатками крестьянского надельного землевладения в конкретных условиях России начала XX в. можно было только при активном содействии государства, путем принятия им целого ряда соответственных мер землеустроительного характера.

Финал Особого совещания

Вернемся, однако к Особому совещанию.

Точка зрения Витте и множества комитетов была изложена в двух «Записках по крестьянскому делу», составленных А. А. Риттихом. Первая появилась в 1904 г., вторая, более полная, в 1905 г.

В «Записке» анализируются мнения комитетов о таких проблемах крестьянской жизни, как суд, управление, имущественное право и община. И это сильный текст, весьма похожий на обвинительный акт – не только против общины, но и против аграрной политики правительства. Витте показывает, какими иезуитскими методами временные ограничения крестьянской свободы по Положению 19 февраля превратились в постоянные.

Я не буду повторять уже знакомые нам аргументы.

Отмечу лишь, что Записка говорит, что в русском обществе восхвалять общину начали раньше, чем поняли, что она собой представляет («преклонение перед общиной предшествовало ее изучению»).

Теперь же очевидно, что уравнительное землепользование и община не только не мешают появлению сельских пролетариев, но и грозят стране всеобщей пролетаризацией, поскольку наделы мельчают с каждым переделом.

Несостоятельны надежды на то, что община со временем превратится в кооператив западноевропейского типа, поскольку основа кооперации – твердое право собственности, фиксированная доля участия в доходах, соответствующая размеру владения, и, наконец, добровольность союза.

Россия пережила стадию, когда община могла быть полезна, – стадию архаичного земледелия и неразвитого гражданского права, при котором индивидуальные права личности не обеспечены. При этом, не будучи национальной особенностью русского народа, она схожа идеалами социализма и коммунизма.

Витте старается избегать крайних выводов из того, что говорит, и настаивает на нейтралитете в отношении общины, которую не следует ни насильственно ломать, ни искусственно сохранять. Однако она должна быть добровольным, а не принудительным союзом: «Вопрос о свободе выхода из общинного землепользования представляется мне основным в области упорядочения крестьянского землепользования».

Вместе с тем, несмотря на острую критику общинных порядков, Записка не содержит никаких конкретных рекомендаций, кроме самых общих.

В целом Записка проводила мысль о том, что все граждане страны должны находиться под действием общих законов, общей администрации и общего суда. Поэтому необходимо стремиться к сближению крестьян с остальными сословиями и отказаться от практики их разобщения.

Труды местных комитетов обсуждались Особым совещанием между 8 декабря 1904 г. и 30 марта 1905 г. Всем руководил Витте, оппозиция справа была представлена «почетным общинником» Российской империи П. П. Семеновым (с 1906 г. известным как Тянь-Шанский)*, сенатором А. Н. Хвостовым, а оппозиция слева – профессором А. С. Посниковым.

Финальный этап работы Особого совещания был очередным столкновением старого и нового. Большинство заседаний происходило уже после Кровавого воскресенья, однако участники еще не понимали, что революция началась и что проблемы, которые они обсуждают, требуют **немедленного** разрешения.

По мнению Гурко, в крестьянском вопросе Витте тогда видел «прежде всего и едва ли даже не исключительно его политическую, а не экономическую сторону. Такое странное для экономиста Витте направление мысли объяснялось, вероятно, тем, что и в самом изменении гражданского положения крестьянства он не без основания усматривал могущественный способ оживления экономической деятельности сельских народных масс. Зависело это в особенности от его весьма недостаточного знания особенностей крестьянского быта.

Наконец, тому же, несомненно, содействовало и то, что передовая общественность, становясь все более единомышленной в вопросе о слиянии крестьян с другими сословиями в порядке управления и суда, в вопросе о земельной общине продолжала держаться разных взглядов»³⁸.

У Витте, считал Гурко, по крестьянскому вопросу было «не столько обоснованное мнение, сколько ясно очерченное направление». Он был явным противником крестьянской обособленности, но «как это практически осуществить, ясно себе не представлял. Более определенно ему рисовалось слияние крестьян с другими сословиями в порядке местного самоуправления – путем образования мелкой земской единицы»³⁹.

В повестке дня Совещания община стояла последней, что, по Гурко, опять-таки говорило «о недостаточном понимании Витте сущности всего крестьянского вопроса», о том, что он «придавал этому вопросу лишь второстепенное значение». Ведь только предварительное разрешение проблемы

---

* Позже Витте отметит, что после погромов 1905–1906 гг. П. П. Семенов изменит свой взгляд на общину (то же, как мы помним, произошло и с Куломзинным).

общины позволяло успешно решать тесно связанные с ним вопросы крестьянского общественного управления и суда, а в первую очередь применение судами крестьянского обычного права⁴⁰.

Община вызвала весьма продолжительные прения.

Буквально на втором заседании выступил истинно-русский человек Хвостов с упомянутым выше спичем.

Защитники общины были в меньшинстве.

Однако из ее противников лишь Гурко ясно и недвусмысленно высказался за ее скорейшее упразднение.

Он сразу заявил, что вопрос об общине – центральный для жизни крестьян, и то или иное его решение определит дальнейшее течение этой жизни – «либо по пути процветания – материального и умственного, процветания, обеспечивающего местный порядок и государственную мощь, либо, по пути обеднения – неизменно ведущего к озверению населения и, следовательно, к земскому беспорядку и государственному бессилию.

Действительно, сколь ни важно обеспечить населению добропорядочное управление, беспристрастный и доступный суд, все же важнее обеспечить ему возможность материально богатеть и умственно развиваться.

При отсутствии последнего всякое управление, всякий суд будут – управление над нищими, суд над и между дикарями.

Наоборот, богатое и развитое население, силою вещей, само претворит всякий управительный порядок в отвечающей его потребностям, всякий суд – в скорый и праведный.

Словом, все остальное само придастся, а прежде всего возродится довольство населения своей судьбой, – эта основа спокойствия и благополучия человеческих обществ»⁴¹.

Свою яркую речь он закончил двумя тезисами:

1. Необходимо дать свободный выход из общины всем желающим крестьянам с предоставлением состоящей в их пользовании земли им в личную собственность

2. Упразднение общинного землепользования должно быть главной целью правительства⁴².

Однако другие критики общины не были столь решительны, хотя со знанием дела говорили о том, как она вредна.

Для понимания этой деликатности очень важно мнение того же Гурко: «Вообще в этом вопросе не только бюрократия, но и общественность проявляли какую-то странную робость. Число лиц, сознававших и, главное, признававших все отрицательные стороны общинного землевладения, было более чем значительно, но число решившихся высказаться за энергичные меры, направленные к разрушению общины, было совершенно ничтожно.

Так, среди множества уездных сельскохозяйственных комитетов не было ни одного, поставившего этот вопрос ребром и осмелившегося его определенно разругать.

Земельная община представлялась каким-то фетишем, и притом настолько свойственной русскому народному духу формой землепользования, что о ее упразднении едва ли даже можно мечтать. К числу таких лиц в течение долгого времени, несомненно, принадлежал и Витте, чем и объясняется, что центр тяжести крестьянского вопроса он переносил в его политическую плоскость.

Наконец, за общину усиленно стояли социалисты всех толков, а русская общественность, даже в той ее части, которая не была заражена социалистическими утопиями, все же не смела высказаться за меры, которые будто бы противоречили благу народных масс.

Да, социалистические учения у нас многими признавались за неосуществимые, но если бы они могли быть постепенно осуществлены – за отвечающие интересам большинства человечества.

В особенности же считалось у нас непристойным высказываться за такие меры, которые по духу своему были антисоциалистичны. Робость нашей ответственности в вопросе об упразднении общины во многом зависела от этого»⁴³.

Да, политкорректность – огромная сила.

Адепты общины чувствовали себя вполне уверенно, поскольку знали о поддержке царя.

12 марта 1905 г. Витте выступил с цитированной выше пророческой речью о будущем Империи, народ которой «систематически, в течение двух поколений... воспитывается в отсутствии понятия о собственности и законности».

В те же дни он, уставший от непробиваемого самодовольного фанфаронства защитников общины в Особом совещании, за спиной которых стоял царь, воспитанный, как и его отец, правыми славянофилами, сказал своим оппонентам, что «не пройдет и года, как мы в этом или в каком-либо ином зале будем говорить о переделе частновладельческой земли»⁴⁴. И оказался прав.

Вскоре его Особое совещание было закрыто и создано новое совещание под председательством И. Л. Горемыкина.

«Так светлась на нет», – пишет В. И. Гурко, – одна из тех бесчисленных предпринимавшихся лицами, искренно желавшими движения России по пути дальнейшего процветания, попыток сдвинуть наше устарелое законодательство с мертвой точки.

Передача вопроса о земельной общине в совещание, председательствуемое Горемыкиным, было сдачей его в первоклассную усыпальницу, где, как это всякий понимал, он мог пролежать в блаженном покое до скончания веков. События этого, однако, как известно, не допустили»⁴⁵.

Да, грозные события осени-зимы 1905 г. показали, что гипотеза о «самобытной» великой державе привела страну на грань гибели.

Конец Утопии

Тут надо иметь в виду остающиеся за «кадром» сюжеты.

В 1894–1895 гг. Япония разгромила Китай и по Симоносекскому мирному договору должна была получить – помимо контрибуции и острова Тайвань – Ляодунский полуостров с Порт-Артуром. Это означало утверждение Японии на континенте, ее фактическое господство в Корее и т.д.

Предпринятый по инициативе Петербурга совместный демарш России, Германии и Франции вынудил Японию отказаться от Ляодуна. Россия, таким образом, приняла на себя роль «защитника» Китая от японской агрессии.

После этого русская политика на Дальнем Востоке заметно активизировалась.

В 1896 г. в Москве был заключен русско-китайский договор об оборонительном союзе против Японии на случай ее нападения на Китай, Корею или русские владения в Восточной Азии. То есть Россия выступила как гарант территориальной целостности Китая.

Китай при этом соглашался на прокладку железной дороги через Северную Маньчжурию во Владивосток – будущую КВЖД; подписавший договор министр Ли Хун-чжан получил за это миллионную взятку.

Витте, считавший, что престиж золотого рубля в глазах местного населения важнее оккупационного батальона в соседней деревне, выступал за экономические методы утверждения России на Дальнем Востоке.

Однако в конце 1897 г. Россия по личному приказу Николая II – вопреки принятым на себя обязательствам – захватила Порт-Артур, а в марте 1898 г. вынудила Китай подписать с ней договор об аренде Ляодунского полуострова (по которому китайцы, кажется, не взяли ни копейки!). В литературе это принято оправдывать тем, что Германия захватила порт Цзяочжоу, а на Порт-Артур якобы претендовали англичане.

То есть – оставляя в стороне привычную демагогию в стилистике «если не мы, то они (англичане)», которую лично я слышу с августа 1968 г., и «они могут, а чем мы хуже?» – сухой остаток от этой истории таков: Российская империя нарушила данное ей Китаю слово.

И весьма наивно рассматривать эту акцию в отрыве от дальнейшей истории Китая*.

* Она оказалась последней каплей, переполнившей чашу терпения оскорбленных китайцев. В 1900–1901 гг. произошло восстание ихэтуаней против политики держав, в 1911 г. в Китае началась революция, в 1912 г. последний император Пу И отрекся от престола, а в 1948 г. к власти пришел Мао Цзе-дун.

На Дальнем Востоке развернулась «безобразовская шайка», группа аристократов, включавшая зятя царя великого князя Александра Михайловича, которая в стремлении нажиться на природных богатствах Кореи и Восточной Азии отвергала методы Витте, добилась его отставки с поста министра финансов и прямо повела дело к войне.

Уровень политического мышления «безобразовцев» хорошо показывает идея разместить на «площади огромной лесной концессии на реке Ялу, протянувшейся вдоль вей китайско-корейской границы, «наш боевой авангард, переодетый в платье лесных рабочих, стражников и вообще служащих» численностью «до 20 и более тысяч человек», которые должны будут предотвратить возможность атаки японцев на КВЖД и изоляцию Порт-Артура.⁴⁶

Витте с самого начала квалифицировал захват Порт-Артура как меру «возмутительную и в высокой степени коварную» в отношении как Китая, так и Японии⁴⁷. И он был прав – японцы восприняли оккупацию Порт-Артура, из которого их по инициативе России выставили в унижительной форме, как оскорбление.

Будучи категорически против этой «ребяческой» и попросту некрасивой акции, Витте хорошо видел, что движет императором, который «по склонности... прославиться, в глубине души всегда желал победоносной войны».

Он замечает по этому поводу: «Я даже думаю, что если бы не разыгралась война с Японией, то (война) явилась бы на границе Индии и в особенности в Турции из-за Босфора, которая, конечно, затем распространялась бы»⁴⁸. А Гурко пишет, что «легкость, с которой Россия развернула свои пределы на Дальнем Востоке, порождает (у Николая II – В. Г.) мысль идти дальше в этом направлении. Рисуетя возможность подчинить русскому владычеству и иные азиатские страны, как то: всю как Северную, так и Южную Маньчжурию, а равно и Корею. По словам Куропаткина, государь мечтал даже о Тибете и Афганистане»⁴⁹.

Вообще меру адекватности восприятия венценосцем окружающего мира, то есть меру «ребячества», вполне характеризует тот факт, что осенью 1904 года он был готов после победы над Японией воевать с Англией и США⁵⁰.

Однако выяснилось, что нарушение слова, данного великой державой, не всегда проходит безнаказанно.

Россия расплатилась за это унижительным поражением и спровоцированной ею революцией, которые за 1904–1905 гг. сломали Утопию.

Финал 40-летней политики принципиального отторжения опыта человечества был плачевным.

Русско-японская война – как ровно за полвека до нее Крымская – вновь показала «гнилость и бессилие царизма».

Как и в 1856 г., так и в 1905 г. далеко не все поняли связь между предшествующей политикой и военными катастрофами.

О причинах поражения русской армии в 1904–1905 гг. написано немало, и я отсылаю желающих к литературе.

Выше приводился фрагмент из письма В. В. Шульгина В. А. Маклакову о «кое-какстве», и в контексте изучаемых проблем должен заметить следующее.

То, о чем говорит Шульгин, и то, что осталось за кадром, было неизбежным следствием утопии.

Нелепо думать, что во время экзогенной, т.е. запоздавшей модернизации можно было проводить архаичную политику в экономике и социальной сфере, игнорировать все, что тогда в цивилизованных странах считалось азбукой, и при этом в сфере военной быть на уровне мировых стандартов.

Война усложняется по мере усложнения цивилизации.

И старые методы – закупить 15 тыс. мушкетов в Швеции у королевы Кристины, как это было в XVII в., а потом при Петре I – в Голландии, а после 1861 г. винтовки Бердан № 2 во Франции – уже не работали.

Однако военной промышленности, качество которой соответствовало амбициям императора и большей части его подданных Россия, как мы знаем, создать не смогла.

Это неудивительно.

Если ты игнорируешь опыт человечества в важнейших сферах, ты ментально и организационно не будешь успевать за ним и в том, что считаешь необходимым.

В какой мере презрение к капитализму могло способствовать повышению технического уровня военной промышленности?

Высокотехнологичные отрасли не могут возникать в обстановке негативного отношения к фабрично-заводскому производству. Не выходит. Даже теодолиты для реформы Столыпина часто закупали за границей.

Стоит ли удивляться тому, что когда в 1906–1907 гг. встал вопрос о строительстве дредноутов, России это оказалось не по силам?

А что насчет военной оптики? Авиации? Радиосвязи?

А разве система, при которой не профессионалы, а великие князья управляли вооруженными силами, помогла анализу англо-бурской войны и, в частности, пониманию значения пулеметов? Их на весь укрепрайон Порт-Артура было 8 штук.

И т.д. и т.д.

Очень грустные «и т.д.».

* * *

Итак, с января 1904 г. Россия начала платить по счетам политического инфантилизма.

Витте суммировал конец Утопии в нескольких строчках, первые из которых нам известны: «Российская империя, в сущности, была военной империей; ничем иным она особенно не выдавалась в глазах иностранцев. Ей отвели большое место и почет не за что иное, как за силу. Вот именно потому, когда безумно затеянная и мальчишески веденная японская война показала, что, однако же, сила-то совсем невелика, Россия неизбежно должна была скатиться (даст Бог, временно!), **русское население должно было испытать чувство отчаянного, граничащего с помешательством разочарования**; а все наши враги должны были возликовать, а **враги внутренние, которых к тому же мы порядком третировали по праву сильного, – предъявить нам счеты во всяком виде**, начиная с проектов всяких вольностей, автономий и кончая бомбами»⁵¹. Заслуживает внимания продолжение этих мыслей*.

«Отчаянное разочарование» отозвалось и двумя тысячами сторевших усадеб и крушением старых представлений об устройстве мироздания.

Опять повторилась Нарва – и Севастополь.

Поражение, которое умных заставило задуматься.

Поражение, после которого происходят реформы.

Одной из емких эпитафий несостоявшейся утопии стали слова прусского ученого Рудольфа Мартина, процитированные на 1-м съезде Союза промышленных и торговых предприятий Российской империи в 1905 г. А. О. Немировским: «Последний акт великой русской трагедии разыгрался на полях Ляояна и в проливе Цусимы. Главный актер этой трагедии – русский народ – в настоящее время и пожинает плоды после всего того, что вековая история дала ему; и насколько обратный поход Наполеона из Москвы был последним актом в трагедии жизни одного человека, настолько Ляоян и Цусима являются последним актом в трагедии целого народа.

Заслон Европы от желтого мира в течение долгих веков, русский народ, эта громадная Российская империя, в последнее время мнила себя стоящей на границе своего мирового могущества, своего мирового верховенства.

Обняв Азию с двух сторон, с одной стороны, железными путями до Тихого океана, а с другой, – путями на Индию, эта гордая Империи мнила, что

---

* Наверху же провозгласили, что все виноваты, кроме нас, – давай заматывать следы. Сверху пошел такой клич: все это крамола, измена, и этот клич родил таких безумцев, подлецов и негодяев, как иеромонах Илиодор, мошенник Дубровин, подлый шут Пуришкевич, полковник от котлет Путятин и тысячу других. Но думать, что на таких людях можно выйти, – это новое мальчишеское безумие. Можно пролить много крови, но в этой крови можно и самому погибнуть, и погубить своего первородного чистого младенца сына-наследника. Дай Бог, чтобы сие не было так и во всяком случае, чтобы не видел я этих ужасов!.. (Там же).

настали минуты, когда весь мир будет у ее ног, когда вся Азия рано или поздно станет частью России.

Тогда, конечно, мир должен был бы слушаться указаний этой великой монархии, тогда Европа была бы только маленьким придатком к этому громадному царству, – придатком, который должен был бы исполнять только веления его. Хотя этот европейский мир – богатый и высококультурный, но ему пришлось бы исполнять веления этой монархии в такой же степени, как в древнее время культурный грек был на побегушках у менее культурного и грубого, но сильного римлянина.

Однако судьбе было угодно распорядиться иначе. В дали азиатского мира на далеких островах жил маленький, почти неведомый желтый народ, которому судьба повелела остановить движение русского колосса. И этим моментом завершилось движение его туда. Произошел громадный поворот назад этого колосса, а вместе с ним такой поворот в событиях мира, каких мировая история знает не много...

Теперь эта гордая империя знает, что ее движение приостановлено, этот гордый народ теперь знает, что его мировые задачи в настоящее время не выполнимы; теперь панславизму конец»⁵².

Другой современник отмечал, что настало «время полной переоценки русской жизни... Перед нами время, когда мы должны отбросить нелепую славянофильскую проповедь самобытности... Пора нам уже понять, хотя бы по горькому опыту русско-японской войны, что, зашиваясь в свою самобытную и самодовлеющую ячейку, россиянин вообще и русский промышленник, в частности, никого не перехитрит и должен будет уступить свое место народам и элементам, лучше приспособленным к современной борьбе за существование.

Германия по Урал в недалеком будущем представляется мне далеко не такой утопией, какой это казалось русской прессе, подшучивавшей лет 5–6 назад над целым ворохом немецких брошюр, предсказывавших такую возможность и доказывавших ее необходимость и неизбежность»⁵³.

Многим стало ясно, что возврат к прошлому невозможен. Кое-что в стране должно было измениться.

Казалось бы, аграрные погромы ясно показали цену благодушным некрепостническим построениям об общине как опоре порядка. Тем не менее, значительная часть русского общества нацелилось на экспроприацию помещичьей земли – в том или ином варианте. В какой-то момент слабину дала и власть – я имею в виду проект Кутлера. Однако государственный смысл победил.

Чего хотела оппозиция?

Едва ли какая-нибудь страна страдала так от мечтателей, как родина Пушкина... Эти мечты о миропереустройстве от Бакунина до Льва Толстого зловещими хищными птицами кружили над Россией. Всякому реальному шагу вперед они противопоставляли химеры и разрушали творческую волю разлагающим действием миража. Волшебная палочка – это была необходимая принадлежность всех этих русских квазифилософов. Примитивный рассудок всегда имеет склонность все сводить к какой-нибудь одной идее.

В. В. Шульгин

Адекватно оценить народнохозяйственное значение программы Столыпина можно, лишь выяснив перспективы народнического и близкого к нему кадетского варианта решения аграрного кризиса.

Мы помним, что к началу XX в. в ряде губерний страны налицо был кризис аграрного перенаселения, о котором Струве писал еще в 1894 г.

Однако оппозиция считала, что в Европейской части страны кризис имеет всеобщий характер, связывала его с малоземельем и видела лишь один способ его преодоления – дополнительное наделение, т.е. экспроприация некрестьянских, прежде всего помещичьих земель и передача их в «трудовое пользование».

При этом в основе нового земельного права для всей России должно было лежать общинное землепользование, возведенное не просто в принцип, но в материализованный идеал.

Поскольку это право, по мнению народников, отражало интересы и потребности крестьянства, то оно отменяло любое иное право – в том числе и право частной собственности на землю, которая уничтожалась без всякой компенсации.

Новый аграрный строй должен был обеспечить за каждым гражданином «право на землю», т.е. право на пользование равной долей земли из общегосударственного фонда⁵⁴.

Реализация этого «права» якобы должна была привести Россию к социализму, минуя «мещанское царство» капитализма. Крестьянство, естественно, поддерживало эту программу, поскольку она санкционировала бесплатный захват помещичьих земель.

Мы уже знаем, что народники-идеологи натурального хозяйства, как и значительная часть русской общественности вообще, не воспринимали экономику в качестве единого целого, не видели и не понимали ни значения индустрии, ни связи между промышленностью и сельским хозяйством.

И кадеты фактически лишь пригласили эту программу. С одной стороны, им нужны были крестьянские голоса на выборах, а с другой, они были не прочь подорвать экономическую базу дворянства.

Представление о всеобщем характере кризиса сочеталось у народников с убеждением, что в России достаточно земли для эффективной прирезки крестьянам, ее только надо правильно распределить. При этом даже куда лучше эсеров образованными кадетами **дополнительное наделение принципиально противопоставлялось идее интенсификации** крестьянского хозяйства. Не зря А. Тыркова говорит, что Милюков искренне не понимал смысла аграрной реформы Столыпина.

Попробуем верифицировать эти взгляды.

1) Что касается идеи о том, что кризис малоземелья имеет всеобщий характер, то **это было фактически неверно**.

Статистика переселения в Сибирь ясно очерчивает район, где аграрное перенаселение ощущалось всего острее, – это северно-черноземные, степные и Белорусские губернии*.

В то же время она показывает, что Нечерноземная Россия, исключая Белоруссию, в целом осталась равнодушна к миграции в Азиатскую Россию. Крестьянство Центрально-Промышленного, Северного, Приозерного районов, Прибалтики и Литвы, т.е. 18-ти губерний, в 1896–1914 гг. в сумме дало переселенцев меньше, чем одна Киевская – 186,7 тыс. человек против 197,5 тыс.

Отсутствие **массового** стремления жителей Нечерноземья начинать новую **крестьянскую** жизнь за Уралом показывает, что значительная часть крестьянства здесь не связывала свои расчеты на будущее только с сельским хозяйством, точнее, с сельским хозяйством в его обычном экстенсивном виде.

Для этих людей земледельческий труд по тем или иным причинам уже либо потерял свою привлекательность, либо перестал быть стержнем жизни и основным источником доходов, уступив место отходу и промыслам, либо его (труда) интенсификация зашла настолько далеко, что им не было смысла менять налаженное молочное, животноводческое или овощное хозяйство, которое с началом реформы часто велось на кооперативных началах, на освоение сибирской целины.

---

* В число 20-ти лидирующих в 1896–1914 гг. по числу переселенцев губерний входят все Малороссийские губернии (860,7 тыс., т.е. 20,9% общего числа), все Юго-Западные (344,4 тыс. или 8,4%), четыре из шести Центрально-Черноземных (755,3 тыс. или 18,3%), три из пяти Новороссийских (517,5 тыс. или 12,6%), три из четырех Белорусских (458,4 тыс. или 11,1%), а также крестьяне Самарской, Саратовской, Вятской и Пензенской губернии. (Турчанинов Н. (сост.) Итоги переселенческого движения за время с 1896 по 1909 гг. (включительно). СПб., 1910; Турчанинов Н. А., Домрачев А. (сост.) Итоги переселенческого движения за время с 1910 по 1914 гг. (включительно). Пг., 1916.)

Это значит, в числе прочего, что население в достаточной степени адаптировалось к существующей экономической ситуации и не нуждалось в такой радикальной перемене, как переселение*. Сказанное относится также и к немалому числу крестьян черноземных губерний, равнодушных к земледелию, а значит, и к землеустройству из-за хороших промысловых доходов.

Таким образом, очевидно, что в Сибирь ехали те, кто принципиально хотел жить полноценной крестьянской жизнью, но по разным причинам не мог этого сделать на родине. И концентрировались такие люди преимущественно в северно-черноземных, степных и Белорусских губерниях.

Вместе с тем становится очевидной несостоятельность известного аргумента критиков реформы о том, что переселение в принципе не могло решить проблем деревни, поскольку уносило лишь четверть прироста сельского населения Европейской России. Как можно видеть, данный прирост тяготил отдельные губернии далеко не в равной степени, и для Нечерноземья этот довод совершенно не работает – емкость территории там оставалась достаточной, чтобы большинство крестьян не задумывалось о переезде**.

Итак, кризис не имел всеобщего характера.

Тезис № 2 – земли в России много, только ее надо правильно поделить – также не соответствовал действительности.

Достаточно было поработать с общедоступной поземельной статистикой, как это еще 1892 г. сделал такой, казалось бы, далекий от данной тематики человек, как философ В. С. Соловьев, чтобы убедиться в том, что это было заблуждением, – и притом крайне опасным⁵⁵.

При этом полностью игнорировалось то, что ценность земли (как и квартиры, например) определяется ее естественными и рыночными условиями, а не только площадью.

Помещичьи земли включали громадные массы лесов и неудобных земель,

А главное – народники не хотели видеть, что земля находится в изобилии не там, где нужда в ней была наибольшей. Гигантские латифундии Урала не могли помочь крестьянам Центрально-Черноземного района в увеличении наделов.

Статистика говорит, что в районе острого земельного кризиса некрестьянская земля (за вычетом лесов) к 1905 г. составляла примерно лишь

---

* В этом плане показателен пример Тульской и Рязанской губерний, давших соответственно 37,4 тыс и 49,4 тыс. переселенцев. Тамашние крестьяне говорили, как мы помним, что их «кормит не земля, а Москва», где они находили различные заработки и куда многие из них пассажирскими поездами везли молочные продукты и зелень с овощами.

** Куда меньше мы знаем о переселении крестьян внутри Европейской России. С точки зрения количественной оно, разумеется, не может идти ни в какое сравнение с переселением в Сибирь, однако то немногое, что нам пока известно, позволяет относиться к этой странице реформы с подобающим вниманием.

36–40% площади надельных земель. Так, в Средневолжском районе на 100 дес. крестьянской земли приходилось 37,5 дес. частновладельческой земли без леса (за вычетом земель трудового владения), в Средне-Черноземном – 36,1 дес., в Малороссийском – 40,7 дес.⁵⁶

То есть никакого земельного Эльдорадо не существовало.

Что вполне подтвердили результаты реализации Декрета о земле в 1917–1920 гг. – с количественной точки зрения ничтожные.

Конечно, это нетрудно было предвидеть и в 1905 г.

Но это не все.

3) Предположим, что расчеты народников верны, что некрестьянской земли много и она находится именно там, где надо и т.п.

Каков будет результат ее экспроприации?

Что ждет страну на этом пути?

Ответ очевиден.

Империя превращается в огромную всероссийскую общину, где власть и впредь собирается переверстывать землю в масштабе всей страны. Теперь из рыночного оборота выпадает не только надельная земля, но и бывшая помещичья, ставшая крестьянской. Земельного рынка в России больше нет.

Объем рыночной экономики вообще резко сужается. Пространство утопии расширяется.

Крестьяне получают прирезку, но продолжают хозяйствовать по-старому. И им не стоит надеяться на обеспеченное будущее – в условиях натурального хозяйства с примитивным трехпольем, оставляющим треть пашни незасеянной и дающим ничтожные урожаи, агрикультуру не улучшить.

Потому что без интенсификации хозяйства благосостояния деревни не повысить, а для нее нужна модернизация, нужно больше капитализма – нужно углубление развития экономики, улучшение транспорта, оживление торговли, рост промышленности и городов в тех же регионах или по соседству (как в Донецко-Криворожском бассейне).

Далее. Община сохраняется, следовательно, детей рожать по-прежнему выгодно. Вопрос – на какой срок прирезка затормозит новый раунд аграрного перенаселения?

То есть – перед нами торжество продовольственной, потребительской, а не производственной точки зрения, приоритет натурально-хозяйственного подхода над рыночным.

Поднимется ли благосостояние крестьян в этих условиях, когда отсталые приемы будут механически перенесены на новые территории?

Нет – прежде всего потому, что вместе с ненавистным помещичьем землевладением у крестьян исчезают миллионы рублей заработков.

А. С. Ермолов в книге «Наш земельный вопрос», задает вопрос о том, больше ли заработают крестьяне, если частная земля перейдет в их распоря-

жение. Ответ таков: «Нет, будет вознаграждаться хуже, производительность этого труда уменьшится, так как самое производство будет вестись без капитала, которого у крестьян нет, без знаний, которых у них тоже нет; орудия обработки станут хуже, удобряться земля будет меньше, а то и вовсе останется без удобрения, урожайность ее понизится, отчего потеряет и все государство»⁵⁷.

При этом упускается из вида и то, что бедным крестьянам одной прирезки мало. Да, они получают сколько-то земли по определенной норме, но где безлошадные возьмут лошадей и упряжь, а бескоровные – коров? А необходимый сельхозинвентарь?

Вспомним, что Гарин, когда крестьяне согласились на его ультиматум, вынужден был открыть им серьезный кредит для покупки скота, орудий, упряжи и др.

То есть это было бы продолжение Утопии.

Однако помещичье хозяйство – не только один из важнейших компонентов экономики страны, источник первостепенных товаров для внутреннего и внешнего рынка, источник крестьянских доходов и т.д.

Очень часто оно – еще и источник такой слабой у нас культуры и аграрной культуры, которая теперь будет уничтожена.

Может ли страна – не только экономика – выдержать такой удар?

Ведь еще никто всерьез не измерил во что обошелся России «Декрет о земле» в этом именно аспекте!

А после изъятия собственности помещиков – «аппетит приходит во время еды» – неизбежно появятся претензии к фабрикантам и заводчикам, к торговцам и к владельцам недвижимости вообще.

Тут ведь главное – начать!

4) Теперь вопрос – а что будет с Россией, с Российской империей сейчас, после 1905–1906 гг., в случае реализации этой программы?

Вдумаемся, в период, когда всю идет соревнование наций, когда мы только что потерпели тяжелое поражение, недоучки-эсеры вместе с профессорами-кадетами готовы сознательно обречь страну на застой, на господство натурального хозяйства, как во времена Ярослава Мудрого, – и ради чего?

Ради придуманного в Лондоне права на землю, которым никто из этих народолюбцев сам пользоваться не собирался.

То есть о статусе великой державы Россия должна была позабыть.

Странное чувство испытываешь, всерьез вдумываясь в этот бред...

О ТЕОРЕМЕ СТОЛЫПИНА

Крестьянство, ведомое по правильному пути уравнения его со всеми другими гражданами, не имущественного, не умственного, а именно гражданского равноправия, давным бы давно стало на ноги и сравнялось бы со всеми другими и в правах, и в обязанностях и благословляло бы час избавления своего от опеки, как правительственной, так и общественной.

С. И. Шидловский

Прежде, чем рассказать о том, что противопоставила власть оппозиционной программе, считаю важным сказать следующее.

Еще в 1868 г. упоминавшийся выше П. Ф. Лилиенфельд-Тоаль, выступая за ликвидацию общинного строя в свете печальных уроков неурожаев 1865–1867 гг. в Приозерных губерниях, писал, что адекватному восприятию проблем российской действительности препятствует, в частности, модная у части общества теория «Что русскому здорово, то немцу смерть».

«Вы все» – говорят приверженцы этой теории, «судите о России по Германии, Франции, Англии. Общие начала политэкономии и государственной мудрости к России неприменимы.

Русский народ живет особой, своеобразной жизнью; он развивается по иному направлению, по другим началам, чем те, по которым шло развитие Западной Европы»⁵⁸.

Автор отвечает на это так: «Иванов, подобно Гро-Жеану, Михелю и Джон Булю обедает каждый день; желудки всех сил индивидуумов переваривают пищу по тем же физиологическим законам; сердцебиение, кровообращение у них одинаковое; мышления равным образом происходит у них у всех по тем же законам логики.

Ergo* – для Иванова не могут существовать другие общие начала физической, нравственной и умственной жизни, как для Гро-Жеана, Михеля и Джон Буля, а могут быть только частные особенности, отличающие друг от друга как отдельные личности, так и целые племена.

То же следует применить и ко всему общественному и государственному строю, как выражению исторически сложившейся сборной личности многих неделимых.

Оттого-то не может быть и речи о какой-то русской политэкономии, по той же причине, по которой не существует собственно русской арифметики, геометрии, логики, химии и физики.

---

* Следовательно (лат.).

Мы готовы признать за русской народностью право на самый широкий простор для развития тех особенных свойств и способностей, которыми она отличается от прочих народностей; но мы не находим возможным применение на практике в государственном управлении Российской империи афоризма “что русскому здорово, то немцу смерть”»⁵⁹.

Однако именно этот подход восторжествовал в российской реальности, и в первую очередь в крестьянской политике.

Сейчас полезно познакомить читателей с рассуждениями на этот счет видной фигуры начала XX в. С. И. Шидловского, товарища Председателя III Государственной Думы, а затем главы ее Земельной комиссии.

Он осмысляет уже известные нам вещи в несколько ином и важном ракурсе.

Шидловский отмечает, что «русское крестьянство, к великому несчастью как его, так и всей России, всегда служило предметом особых забот правительства, общества, политических партий, представителей науки и отдельных лиц, одним словом, всех решительно.

Не было буквально ни одного человека, мыслящего и мало-мальски интересующегося общими вопросами, а таковых в России – без конца, который бы ни давал бесконечного простора своей фантазии в области благоустройства крестьян», «все решительно в России считают себя не только вправе, но даже обязанными так или иначе опекать крестьянство, навязывая ему свои теории»*.

Эти бесчисленные теории схожи друг с другом лишь «ничем необъяснимым стремлением каждого благоустроить крестьян по-своему». При этом банальная, самая естественная мысль – об отношении к крестьянам прежде всего как к людям – даже не возникает.

Почему, спрашивает Шидловский, никто не покушается на обустройство ни дворян, ни мещан, ни купцов?

---

* Вот, к примеру одна из них. Г. П. Сазонов порицал Положения 19 февраля 1861 г., якобы «впервые категорически провозгласившие» «право полной собственности на землю». «Вплоть до 19 февраля этого права на Руси не существовало. **Россия росла и стала могущественнейшей державой, не зная всех прелестей римского права собственности.** Эта чуждая народу теория заимствована извне, она совершенно не вызывалась данными условиями жизни, шла вразрез с вековыми традициями государства и **противоречила основным понятиям и инстинктам народа**, возросшего при иных условиях. Нарушен закон, действовавший много веков, национальные исторические традиции вышвырнуты как негодные... По-видимому, у нас серьезно мечтали мужика обратить в *rausan'a*, деревню в европейский город, а Россию в Европу. Тщетная надежда! Благодарение Провидению, этого никогда не будет, да и не может быть. Между Россией и Европой слишком большая разница». (Сазонов Г. П. Неотчуждаемость крестьянских земель в связи с государственно-экономической программой. СПб., 1889. С. 90–91).

Почему только крестьяне должны идти другим путем, «чем шло все человечество, отчего все то, что пригодно для всех остальных, непригодно для крестьян, отчего для них нужны какие-то особенные законы во всех областях, резко отличающиеся от общих, отчего предполагается для них какой-то особенный путь дальнейшего развития, культуры и прогресса?»⁶⁰.

На все эти недоуменные вопросы нет сколько-нибудь внятного ответа,

Между тем и правительственная и общественная (автор использует и такой термин) политика в отношении крестьян закономерно привела к тому, что они сами стали воспринимать себя «какими-то ... привилегированными клиентами государства и, допуская производство над собою всяких экспериментов, требуют особой помощи, недостаточно рассчитывая на свои собственные силы, а это в свою очередь создает недостаточную заботливость, беспечность и упадок стремления увеличить свое благосостояние»⁶¹.

То есть крестьяне превращаются в иждивенцев.

Обобщая свой немалый личный опыт воронежского помещика-практика, работавшего также членом Совета и агентом Крестьянского поземельного банка, Шидловский пишет, что крестьяне были не тем, «что в них видело правительство, и что хотело в них видеть значительная часть нашего общества, и чем хотела их выставить наша литература самых разнообразных направлений».

Давно прошли времена, когда Тургенев и его последователи подходили к крестьянам как художники, ибо «давали просто картинки с натуры, описывая то, что видели» и не окрашивая их никакой политикой.

А затем в литературе «появились гражданские мотивы, тенденции, и литература стала делать из крестьян не то, что они действительно из себя представляют, а что-то искусственное, подтверждающее ту тенденцию, которую хочет выявить автор», причем больше всех в этом преуспело «наше специфическое русское народничество, столь распространенное и столь мало отвечающее истинным чертам русского крестьянства»⁶².

Подобное восприятие властью и обществом крестьян как «чего-то особенного» было «**фундаментальной ошибкой всей эпохи, начиная с освобождения крестьян в 1861 году до настоящего времени**», а между тем единственно правильным путем было «относиться к ним просто, как к людям, совершенно одинаково, как к другим».

Правительство, исповедуя идею «особости» крестьян, обособляло и изолировало их из-за «стремления удержать какие-то, якобы исконные, русские начала, а передовая часть общества, протестуя против этого, в сущности, также стремилась удержать меньшого брата на низком уровне, чтобы не утратить объекта своих попечений»⁶³.

Между тем, если бы крестьяне были введены в общегражданский строй, ситуация в деревне была бы несравненно более благополучной, и «тогда они

не предъявляли бы... невыполнимых требований, отражающих взгляды давно канувших в безвозвратное прошлое веков.

Мечтать о возврате к временам какой-то пастушеской идиллии, если таковая когда-нибудь была, является тоже своего рода «безумным мечтанием».

Патриархальные времена миновали безвозвратно... хотя, конечно, в них была своего рода прелесть...

Но понятие, что добро – это, когда я украл, а зло, когда у меня украли, свойственно тоже патриархальным временам, следовательно, и они имели свои обратные стороны и жалеть об их миновании не приходится»⁶⁴.

Тем не менее, критикуемые Шидловским настроения были очень сильны, за десятилетия после 1861 г. они как бы окаменели, и все, что разрушало их, воспринималось буквально как покушение на основы мироздания. Вспомним мысль Кошелева о том, что «общинное начало не есть шестое чувство, коим Бог одарил славянина, но оно есть скрижаль завета, вверенная нам». А ведь хранителем этой скрижали считалось крестьянство.

Поэтому Столыпину и его соратникам в ходе реформы пришлось – на государственном уровне – доказывать своего рода теорему, суть которой несведущему человеку может показаться попросту комичной: русские крестьяне такие же люди, как и их соотечественники, как все остальные люди.

И им не в меньшей степени, чем другим, свойственно желание самостоятельно распоряжаться собой и своей жизнью, стремление к независимости, а значит, и к собственности, без которой эти понятия часто лишаются смысла, а также и к другим атрибутам, которыми обладает полноценная личность.

Это, понятно, не отменяет тех высоких качеств и свойств русского человека, которые в свое время так поразили Гарина-Михайловского.

Впрочем, в нашем распоряжении есть документы, которые демонстрируют неуместность ироничного подхода к указанной Теореме.

26 июля 1907 г. Л. Н. Толстой, один из главных отечественных «мечтателей», вспоминая Шульгина, написал П. А. Столыпину известное письмо, в котором изложил свое видение начавшейся реформы: «Причины тех революционных ужасов, которые происходят в России, имеют очень глубокие основы, но одна, ближайшая из них, это недовольство народа неправильным распределением земли....

Несправедливость состоит в том, что как не может существовать права одного человека владеть другим (рабство), так не может существовать права одного, какого бы то ни было человека, богатого или бедного, царя или крестьянина, владеть землею как собственностью.

Земля есть достояние всех, и все люди имеют одинаковое право пользоваться ею. Признается это или нет теперь, будет ли, или не будет это установлено в близком будущем, всякий человек знает, чувствует, что земля не

должна, не может быть собственностью отдельных людей, точно так же, как когда было рабство, несмотря на всю древность этого установления, на законы, ограждавшие рабство, все знали, что этого не должно быть. То же теперь с земельной собственностью.

Но для того, чтобы это могло быть сделано, необходимо действительно уничтожить ее, а не распространять, перемещать это право с одних лиц на других, не только признавая это право за известным сословием, за крестьянами, но поощряя их в пользовании этим правом, как это делается по отношению крестьян... Вопрос не в том, кто владеет землей и каким количеством, а в том, как уничтожить право собственности на землю и как сделать пользование ею одинаково доступным всем...

Пишу Вам, Петр Аркадьевич, под влиянием самого доброго, любовного чувства к стоящему на ложной дороге сыну моего друга...

Да, любезный Петр Аркадьевич, хотите Вы этого или нет, Вы стоите на страшном распутье: одна дорога, по которой Вы, к сожалению, идете – дорога злых дел, дурной славы и, главное, греха; другая дорога – дорога благородного усилия, напряженного осмысленного труда, великого доброго дела для всего человечества, доброй славы и любви людей. Неужели возможно колебание? Дай Бог, чтобы Вы выбрали последнее»⁶⁵.

Ответ Столыпина емко раскрывает его позицию : «Лев Николаевич... Вы считаете злом то, что я считаю для России благом. Мне кажется, что отсутствие «собственности» на землю у крестьян создает все наше неустройство.

Природа вложила в человека некоторые врожденные инстинкты, как то: чувство голода, половое чувство и т. п. и одно из самых сильных чувств этого порядка – чувство собственности. Нельзя любить чужое наравне со своим и нельзя обхаживать, улучшать землю, находящуюся во временном пользовании, наравне со своею землею.

Искусственное в этом отношении оскопление нашего крестьянина, уничтожение в нем врожденного чувства собственности ведет ко многому дурному и, главное, к бедности.

А бедность, по мне, худшее из рабств. И теперь то же крепостное право, – за деньги Вы можете так же давить людей, как и до освобождения крестьян.

Смешно говорить этим людям о свободе, или о свободах. Сначала доведите уровень их благосостояния до той, по крайней мере, наименьшей грани, где минимальное довольство делает человека свободным.

А это достижимо только при свободном приложении труда к земле, т. е. при наличии права собственности на землю.

...Я не вижу цели у нас в России сгонять с земли более развитый элемент землевладельцев и, наоборот, вижу несомненную необходимость облегчить крестьянину законную возможность приобрести нужный ему участок земли

в полную собственность. **Теперь единственная карьера для умного мужика быть мироедом, т. е. паразитом.**

Надо дать ему возможность свободно развиваться и не пить чужой крови. Впрочем, не мне Вас убеждать...

Вы мне всегда казались великим человеком, я про себя скромного мнения. Меня вынесла наверх волна событий – вероятно на один миг! Я хочу все же этот миг использовать по мере моих сил, пониманий и чувств на благо людей и моей родины, которую люблю, как любили ее в старину, как же я буду делать не то, что думаю и сознаю добром? А вы мне пишете, что я иду по дороге злых дел, дурной славы и, главное, греха. Поверьте, что, ощущая часто возможность близкой смерти, нельзя не задумываться над этими вопросами, и путь мой мне кажется прямым путем»⁶⁶.

Этот воистину потрясающий диалог показывает глубокую правоту мыслей Шульгина о том, как «бессмысленные мечтания» об окружающем мире противопоставлялись у нас реальному Делу, как социальные миражи стремились деморализовать творческую волю.

А кроме того, мы можем судить о глубине пропасти, отделявшей реформаторов от их оппонентов, а этих последних, включая самого настоящего властителя дум огромной страны, – от реальной жизни.

Так что Теорема Столыпина – это очень серьезно.

Это доказательство возможности для жителей России быть свободными людьми.

Новая программа правительства и начало аграрной реформы Столыпина

Равенство населения перед законом является показателем всего последующего пути нашей государственной и общественной жизни.

П. А. Столыпин

Революция и погромы 1905–1906 гг. вынудили власть отбросить – хотя и не без проблем – старый подход, основанный на идее уникальности русских крестьян, который с одной стороны, подразумевал «народолюбие» и неумеренные славословия в их адрес, а с другой, прикрывал самые что ни на есть крепостнические идеи, что у левых, что у правых народников.

Власть покончила с «проповедью самобытности», отказалась от утопии – по крайней мере в отношении 80% населения, т.е. крестьянства.

Был взят курс на уравнение крестьян в правах, на введение крестьян в общее правовое поле, а шире – на агротехнологическую революцию.

Победил общемировой подход, Правительство, наконец, решило считать крестьян нормальными людьми.

Глубоко символично прозвучали слова Гурко: «С этого дня (17 октября 1905 г. – М. Д.) мы стали на тот путь, по которому шли все государства Западной Европы. Тот **государственный социализм**, которым в течение долгого периода проникнуты были многие начинания нашей законодательной власти, а в еще большей степени многие из принимаемых правительством мер в порядке управления, **должен уступить место предоставлению широкого простора самодеятельности и предприимчивости отдельных лиц.**

Мы должны отказаться ныне от мысли равномерно поднять благосостояние всей массы населения, но зато обязаны облегчить отдельным лицам возможность развить все свои природные способности и тем увеличить свои материальные достатки... Тот государственный социализм, который мы преследовали, та опека, которую мы установили над массой населения целях поддержания ее хозяйственного быта и оберегания ее отдельных членов от перехода в разряд пролетарных рабочих, на деле превратились отчасти в административный произвол, а в еще более значительной степени в препону для повышения благосостояния наиболее предприимчивой части населения.

В надежде обеспечить каждого хотя бы малой долей земельного имущества, мы обрекли всех на нищету и недоедание, причем не достигли и первой цели, так как число безземельных с каждым годом все возрастало»⁶⁷.

Масштабы кризиса 1905–1906 гг. требовали адекватного ответа, которым могла быть только программа комплексных системных реформ, предполагавшая значительное, иногда радикальное изменение вектора развития страны. Она была изложена П. А. Столыпиным в его знаменитой речи при открытии II Государственной Думы 6 марта 1907 г.

Это была широчайшая программа системных либеральных реформ, которые касались практически всех сторон жизни страны. По объему и значимости они превосходили Великие реформы, будучи их логическим и историческим завершением. Они должны были в конечном счете разорвать вековую патерналистскую традицию российской истории и российской жизни.

Программа включала законопроекты, обеспечивающие терпимость и свободу совести, в то же время постепенно устранивающие все правоограничения, связанные с вероисповеданием (в том числе и для евреев).

Ряд законопроектов был связан с неприкосновенностью личности, с новой судебной реформой, с реформой в области самоуправления (в числе прочего, и с созданием волостного бессословного земства), с соответствующим расширением компетенции земств вообще, с сокращением сферы административного надзора и т.д. В Польше и Финляндии предполагалось введение

самоуправления. Административная реформа предусматривала объединение всей гражданской администрации и, прежде всего, создание административных судов, которое считались одним из наиболее важных предстоящих мероприятий.

В сфере трудового законодательства планировалось введение различных видов страхования рабочих и узаконивание экономических забастовок. Наконец, Столыпин предлагал целый ряд мероприятий для развития народного просвещения. Планировались меры по дальнейшему подъему экономики, большую часть которых мы бы назвали приватизацией, и др. Здесь же он говорил о программе аграрных преобразований, уже начавшихся к тому времени.

Даже столь беглое перечисление показывает, что эти меры составляют едва ли не самую четкую и эффективную программу системных реформ за века русской истории, реформ продуманных, реформ реальных, т.е. тех, которые могли бы быть начаты, а частью и реализованы, при жизни одного поколения. Пресловутые «20 лет покоя» из интервью газете «Волга» – фигура речи, превращенная в символ, но этот срок представляется вполне реальным.

Столыпин так определял связь между всеми этими законопроектами: «В основу их положена одна общая руководящая мысль, которую правительство будет проводить во всей последующей деятельности. Мысль эта – создать те материальные нормы, в которых должны воплотиться новые правоотношения, вытекающие из всех реформ последнего времени. **Преобразованное по воле монарха Отечество наше должно превратиться в государство правовое**»⁶⁸.

Таковы были задачи, решение которых должно было превратить страну в «Великую Россию» – и не в расхожем пропагандистском смысле (С. Ю. Витте любил поиздеваться над тем, что «мы все кричим», как «нас много и сколько у нас земли»), а **по сути, по существу, естественной силой вещей**, как говорили во времена Н. М. Карамзина.

Программа эта была, конечно, западнической.

Центральным ее компонентом должна быть стать аграрная реформа, которая, к счастью, началась до открытия Думы. Иначе ее постигла бы печальная судьба большинства столыпинских начинаний.

Однако вернемся в 1905 год. 6 Мая Министерство земледелия и государственных имуществ было преобразовано в Главное Управление Землеустройства и Земледелия. В новое ведомство были переданы из МВД руководство крестьянским землевладением, переселением и отграничением надельных земель. Во главе ГУЗиз стоял князь Б. А. Васильчиков, а 21 мая 1908 года его сменил А. В. Кривошеин, ставший достойным соратником Столыпина.

17 октября вышел знаменитый Манифест, а 3 ноября Манифест и указ об активизации деятельности Крестьянского поземельного банка в решении проблем крестьянского землевладения.

Указ 4 марта 1906 г. учредил, во-первых, Комитет по Землеустроительным делам при ГУЗиЗ, который должен был руководить делами о земельном устройстве крестьян и «деятельностью учреждений земельного кредита».

Во-вторых, на местах создавались подчинявшиеся Комитету губернские и уездные Землеустроительные комиссии. В их задачи входило: 1) содействие Крестьянскому банку в покупке земли у помещиков и продаже ее крестьянам, а также содействие крестьянам, покупающим при финансовой помощи Банка землю непосредственно у помещиков; 2) участие в продаже и сдаче в аренду казенных земель; 3) помощь крестьянам в переселении на казенные земли в Европейской и Азиатской России, и, наконец, 4) содействие сельским обществам и отдельным крестьянам в улучшении условий землевладения и порядков землепользования», а также ликвидация внешней чересполосицы⁶⁹.

Землеустроительные комиссии во всех сферах деятельности выступали не только как экспертная инстанция, но и как активный участник процессов.

10 марта возобновилось переселение в Сибирь, прерванное в связи с русско-японской войной.

8 июля П. А. Столыпин становится премьер-министром, а через месяц с небольшим раздался взрыв на Аптекарском острове.

12 августа 1906 г. Крестьянскому Банку передавались свободные удельные земли, не входящие в границы лесных дач по всему пространству Империи, за исключением Крыма, Закавказья и Беловежской пуши.

Указ 27 августа 1906 г. объявил о продаже свободных казенных земель в Европейской России (оброчных статей) площадью в 7 млн. дес. нуждающимся крестьянам. В этой операции должны были участвовать Землеустроительные комиссии.

К осени 1906 г. стал понятен **общий абрис реформы**.

Правительство противопоставило идеям оппозиции, уверенной, что все проблемы деревни исчезнут из-за прирезки пары десятин чужой земли к выпаханному крестьянскому наделу, куда более осмысленный и глубокий подход.

Аграрный вопрос, говорил Столыпин, нельзя **решить**, его можно только **решать**. Решать целым рядом отдельных мероприятий, основанных на том, что предоставление крестьянам гражданских прав позволит им – при активном содействии правительства – реализовать ряд новых, неизвестных им возможностей изменить свою жизнь к лучшему.

Отмена выкупных платежей с 1 января 1907 г. дала правительству законные основания начать перестройку аграрного сектора, в центре которой стоял вопрос о крестьянской собственности на землю. Власть тем самым как бы вернулась в правовое пространство Великой реформы, почему преобразования Столыпина так часто и назывались ее вторым этапом, завершением ее.

Столыпин намеревался поднять крестьянское благосостояние с помощью:

1) увеличения площади землевладения крестьян с помощью Крестьянского банка на льготных для них условиях, преимущественно в форме хуторов и отрубов. (Банк уже имел огромный земельный фонд (согласно указам 12 и 27 августа 1906 г., 9 млн. дес. и купленные с 3 ноября 1905 г. Крестьянским банком свыше 2 млн. дес.)

Это предполагало широкое развитие и организацию земельного, мелиоративного и переселенческого кредита;

2) Упорядочения крестьянского землевладения, т.е. землеустройства. Оно должно было устранить описанные выше коренные изъяны существующего землепользования – всех видов чересполосицы, дальнотелья и длиннотелья, о которых говорили Гурко и местные комитеты Особого совещания;

3) Переселения на льготных условиях – в первую очередь в Азиатскую Россию;

4) Операции с казенными оброчными землями.

Власть, исходившая отныне из того, что равенство жителей страны перед законом определит дальнейшее развитие российской государственности и общественности*, решила «сделать дальнейший шаг по пути гражданского равноправия и слияния крестьян с остальными сословиями»⁷⁰. Это и было дано двумя осенними указами, направленными на реальное обеспечение гражданских и политических свобод личности.

Они без преувеличения имели громадное значение и начали новый период в истории нашей страны.

Указ 5 октября 1906 г. де-факто уравнивал крестьян в правах с остальными сословиями и стал прорывом к ликвидации сословно-тяглового строя.

Все жители России, кроме инородцев» уравнились «по происхождению» с дворянами при поступлении на государственную службу.

Указ, в частности, покончил со всевластием общины над личностью своих членов. Крестьяне получили право поступать на государственную службу, в учебные заведения, принимать духовный сан и постригаться в монахи без разрешения общины и администрации.

Они могли теперь сами выбирать место жительства, получать бессрочные паспорта не только в месте приписки, но и там, где жили фактически. Отменялось право общины принудительно отдавать должника на заработки и назначать ему опекуна, а также наказания крестьян, не наказуемые по общим законам. Они могли проводить семейные разделы без согласия общины и выдавать векселя, даже если не имели частной недвижимости.

* Напомню, что Столыпин начал и закончил свою карьеру премьер-министра, пытаясь добиться от Николая II согласованная история на равноправие евреев.

Земские и крестьянские начальники не могли теперь наказывать крестьян без суда.

Отменен запрет бывшим горнозаводским крестьянам создавать «огнедействующие заведения», лесопилки и торговать лесом в заводских селениях.

Нельзя не согласиться с теми историками, которые считают, что этот указ был принципиально важен для перспектив формирования гражданского общества в России.

Логичным следствием превращения крестьянина в полноправного гражданина своей родины стал **Указ 9 ноября**.⁷¹

Он гласил, что отмена выкупных платежей дает крестьянину право выхода из общины.

Каждый отдельный домохозяин мог теперь требовать – вопреки воле общества – закрепления за ним на праве частной собственности той общинной земли, которую он получил по последнему переделу.*

Укрепленная земля становилась личной собственностью домохозяина и могла продаваться, сдаваться в аренду, закладываться в банке и т.д.

Он, как предусматривалось еще Положением 19 февраля, получил также право потребовать от общества собрать свою укрепленную землю, разбросанную по полосам, в один компактный участок, который именовался отрубом. **Это называлось землеустройством**. Все необходимые для этого межевые работы Землеустроительные комиссии производили бесплатно.

Если же крестьянин переселялся на свой отруб, то он становился хутором. В этом случае Комиссии нередко предоставляли льготные или даже безвозвратные ссуды на перенос построек.

Как переделные, так и подворные общины большинством в 2/3 домохозяев могли переходить к отрубному владению. Это предreshало разверстание на хутора и отруба целых селений.

Оба указа стали двигателем начавшейся реформы.

И здесь необходимо сказать следующее.

Аграрная реформа Столыпина была первой в нашей истории масштабной реформой, когда людей не ставили перед фактом перемен, а у них спрашивали, чего они хотят сами.

Столетиями российское крестьянство было «аппаратом для вырабатывания податей». При этом опекать его стремились все, кому не лень, т.е. едва ли не большинство умеющих читать.

Уродливое идейное развитие русского общества, с одной стороны, застывшего в крепостной эпохе, а с другой, пытающегося совместить с ней социализм разных оттенков, поставило крестьян в довольно своеобразное положение.

* Если со времени передела его семья сократилась, т.е. при новом переделе он получил бы меньше земли, то он выплачивал общине компенсацию за «избыточную землю».

Они одновременно сделались и иконой, и объектом крепостническо-социалистических экспериментов.

А после 9 ноября 1906 г. у десятков миллионов людей, живущих на территории, равной половине континента, с самыми разнообразными природными, культурными, историческими и иными условиями, появилась возможность **выбора**.

Ведь с некоторым упрощением можно сказать, что для обычного человека существуют два типа реформ, которые серьезно влияют на его жизнь. Одни просто меняют старый тип жизни на новый вне зависимости от желания самого человека. От него не зависит, к примеру, сам по себе факт подписания Манифеста об освобождении крестьян, или отречение Николая Второго, или переход к сплошной коллективизации – это принимается им как данность, как восход солнца и т.п.

Хочет он того или нет – он начинает жить в меняющемся мире, он должен адаптироваться к нему (удачно или нет – сейчас неважно). Но это вторично по отношению к его волеизъявлению, – выбора у него нет. Он может только решать, как ему действовать в этом мире.

Именно так и были бы реализованы программы эсеров и кадетов в случае победы в 1906 г. и по этому же пути пошли и большевики в 1917 г.

Эсеры заставили бы всех делиться – а как бы они могли это сделать без насилия?

Другой вариант – Столыпинская реформа и подобные ей, когда выбор **предлагается** – обычный человек может продолжать жить так, как жил (иногда – с некоторыми оговорками) а может попробовать сделать свою жизнь иной. При этом оба варианта реформ меняют старую среду обитания, но по-разному с точки зрения самого человека, с точки зрения участия его в этой новой жизни.

Он может выйти из общины, а может остаться в ней, может купить землю в Крестьянском банке, а может попытаться счастья в Сибири, может выделить свой надел, продать его или сдать в аренду и отправиться на заработки в Юзовку, как сделала семья будущего 1-го секретаря ЦК КПСС Н. С. Хрущева и т.д.

Итак, реформа стартовала.

Пока мы плохо представляем себе непосредственную реакцию крестьянства на указы 5 октября и 9 ноября. Мы не знаем также, насколько оперативно крестьяне узнавали о переменах. В разных районах уровень коммуникации между властью и населением был различным, и его явно не нужно преувеличивать.

Однако – так или иначе совокупность указов 1906 г. дала крестьянам главное – ряд **законных** возможностей и вариантов изменения их жизнен-

ных сценариев, а остальное решали личность, конкретные обстоятельства и время.

Современник емко охарактеризовал перемены в крестьянском сознании, произведенные этими указами: «**Прежде всего, была снята опека с народа. Впервые народ стал лицом к лицу не с начальством, а с самой жизнью**», и этого было «достаточно для того, чтобы у народа пропала вера в опеку, и заронила искра сознания, что надо самому строить свою жизнь. **Это огромный психологический сдвиг**. Уже это одно в связи с крушением некоторых надежд получить землю даром, послужило достаточным поводом для стихийного строительства»⁷².

Конечно, не у всех пропала «вера в опеку», и не все аспекты «опеки» немедленно ушли в прошлое. Можно спорить о том, что именно автор называет «стихийным строительством», – рост кооперативного движения или же весь комплекс преобразований, притом, что и развитие кооперации отнюдь не было спонтанным, а опиралось на созданные правительством благоприятные условия.

Тем не менее, основное тут схвачено верно.

В считанные месяцы модус жизни крестьянства России стал резко меняться.

Выяснилось, что неокрепостническая политика правительства и желания большей части самих крестьян соотносились примерно как два течения в проливе Босфор. Как известно, верхнее течение в нем идет из Черного моря в Мраморное, а глубинное течение движется в противоположную сторону.

В 1906–1908 гг. в стране разворачиваются несколько взаимосвязанных процессов – выхода крестьян из общины, укрепления наделной земли в собственность и ее продажи, ухода крестьян в города и на фабрики, покупки ими земель Крестьянского поземельного банка на новых условиях, возобновления переселения за Урал, личного и группового землеустройства, массового учреждения кооперативов всех видов и т.д.

Чрезвычайно важно то, что все указанные процессы шли одновременно*. В одних и тех же губерниях, уездах, волостях и во многих сельских населенных пунктах люди укрепляли землю в собственность, продавали ее, уезжая в Сибирь, уходя на фабрику, в город, покупая землю у Банка или же при его посредничестве, наконец, большинство начало решать свои проблемы с помощью землеустройства.

Словом, миллионы крестьян уже в эти самые первые месяцы и годы реформы начали **новую** жизнь, стали учиться принимать самостоятельные решения и нести за них ответственность, что само по себе означало крушение

* Подробнее см.: *Давыдов М. А.* 20 лет до Великой войны... С. 491–494; *Он же.* Всероссийский рынок... Издание второе, дополненное... С. 951–953.

того окостеневшего существования, которое так долго влачила немалая часть деревни.

Укрепление и мобилизация земли

Сначала внимание всех было приковано к статистике **укреплений земли в собственность**, которое было отдельным независимым направлением реформы. И пока не развернулись другие компоненты преобразований, в первую очередь землеустройство, укрепление превратилось в своего рода индекс их успешности.

Итак, судя по таблице 3 реакция деревни на указ 9 ноября 1906 г. была вполне живой*.

Таблица 3

Динамика укреплений земли в собственность (тыс. дворов)

ГОДЫ	Число домохозяев заявивших требование об укреплении земли в собственность	Число домохозяев, окончательно вышедших из общины
1907	211,9	48,3
1908	840,1	508,3
1909	649,9	579,4
1910	341,9	342,2
1911	242,3	145,6
1912	152,4	122,3
1913	160,3	134,6
1914	120,3	97,9
1915	36,5	29,9
Итого	2755,6	2008,4

Источник: Дубровский С. М. «Столыпинская реформа». Капитализация сельского хозяйства в XX веке. Л.: Прибой. 1925. С. 107.

Эффект закона не везде был одинаковым, и это справедливо связывают с различиями в интенсивности течения модернизации в отдельных регионах

Как можно видеть, за первых три года после 9 ноября 1,7 млн. дворов захотели укрепить свою землю.

Оппозиция пыталась доказать, что процесс распада общины носит искусственный характер и вызван политикой властей.

* Напомню, что подворным крестьянам укреплять землю было не нужно.

Действительно, формулировки и указа 1906 г., и закона 1910 г. делали выгодным выход из общины для тех дворов, которым ближайший передел грозил уменьшением наделов, причем община не имела возможностей – кроме насильственных – помешать этому.

Конечно, среди двух миллионов укрепленцев были и такие. Однако если бы основной причиной ухода из общины была возможность забрать с собой излишки земли, то выделялись бы многоземельные крестьяне.

А между тем, как можно видеть из таблицы 4, средние наделы укрепленцев во всех губерниях, кроме Бессарабской, были ниже – нередко чуть ли не вдвое – погубернских средних наделов по Переписи 1905 г., а значит, это предположение несостоятельно.

О том, что укреплялись отнюдь не кулаки говорит и то, что лишь в 4-х губерниях – Бессарабской, Киевской, Полтавской и Псковской – доля укрепленной земли чуть больше или равна доле выделившихся дворов.

За 8,5 лет порядка 30% всех общинных дворов заявили о своем желании стать собственниками и расстаться с общиной, и 22% действительно сделали это, укрепив за собой 14,1 млн. дес.* Цифры немаленькие, но и не запредельные.

Однако таблица 4 показывает, что в 16-ти из 39 губерний (без Ставропольской) доля домохозяев, решивших укрепить землю, выше среднего. Это Витебская (34,0% всех общинных дворов), Воронежская (35,0%), Екатеринославская (64,0%), Киевская (49,4%), Курская (51,0%), Могилевская (58,6%), Московская (39,8%), Орловская (45,5%), Пензенская (37,1%), Самарская (66,6%), Саратовская (40,0%), Симбирская (37,7%), Таврическая (76,0%), Тамбовская (35,1%), Харьковская (42,6%) и Херсонская (45,3%) губернии.

Губернии-лидеры включают северно-черноземные и степные губернии, которые, как видно на карте № 3 в Приложении, сплошной полосой пересекают Восточно-Европейскую равнину с Востока до крайнего Юго-Запада, а также расположенные отдельно Московскую и Могилевскую губернии.

Максимум заявлений падает на 1908 г.

После 1909 г. желающих становится заметно меньше, и это вполне объяснимо. В первые годы из общины вышли те, кто давно хотел этого, кто ею тяготился, – неважно по каким причинам.

Ленин объявил замедление выходов из общины после 1910 г. «крахом» реформы, и это его мнение обусловило «пораженческую» оценку преобразований советской историографией.

---

* Разница между числом заявлений и числом действительных укреплений вызвана в первую очередь тем, что многие крестьяне, запуганные односельчанами, отзывали свои ходатайства (поскольку община применяла к ним зачастую абсолютно варварские средства убеждения).

**Сведения об укреплении земли в личную собственность за время с издания указа 9 ноября 1906 г. по 1 мая 1915 г.
(По данным Земского отдела МВД)**

Губернии	Общее число домохозяев, укрепление земли за коими окончательно состоялось	Общее число домохозяев, заявивших требование об укреплении земли в личную собственность	Дворов, укрепивших землю в лич. собств., %		Площадь окончательно укрепленной крестьянами в полную собственность земли, дес.	Доля укрепленной земли ко всей площади общинной надельной земли, %	Средний укрепленный надел, дес.	Средний надел по переписи 1905 года, дес.	Примерное число общинных дворов**	Доля дворов, заявивших об укреплении от числа общинных дворов %
			к общему числу заявлений	к общему числу домохозяев, владеющих землей на общинном праве						
Астраханская	3569	11661	30,5	5,3	49774	2,6	13,9	32,7	67340	17,3
Бессарабская	12084	13588	88,1	15,1	131826	17,3	10,9	6,5	80026	17,0
Витебская	21168	24973	84,6	28,8	154828	21,8	7,3	11,5	73500	34,0
Владимирская	23960	35403	67,7	10,1	115535	5,5	4,8	8,9	237228	14,9
Вологодская	14975	29462	50,8	6,5	137458	3,7	9,2	15,5	230385	12,8
Воронежская	76919	133941	57,4	20,1	466171	12,7	6,1	9,6	382682	35,0
Вятская	23526	51360	45,8	4,9	296718	3,9	12,6	15,1	480122	10,7
Екатеринославская	145298	171878	84,5	54,1	948735	37,7	6,5	9,3	268573	64,0
Казанская	32232	66625	48,4	8,6	158092	5	4,9	8,6	374791	17,8
Калужская	40415	45286	89,2	23,6	288601	20,8	7,1	8,1	171250	26,4
Киевская	15948	16212	98,4	48,6	77987	50,7	4,9	5,8	32815	49,4
Костромская	23121	33267	69,4	9,6	187302	8,8	8,1	8,9	240844	13,8
Курская	102471	119267	85,9	43,8	409334	28	4,0	7,3	233952	51,0
Могилевская	90637	93565	96,8	56,8	702909	54,8	7,8	8,2	159572	58,6
Московская	65783	84114	78,2	31,1	331700	21	5,0	7,5	211521	39,8
Нижегородская	38103	57538	66,3	14,4	165707	8,5	4,3	7,4	264604	21,7
Новгородская	21693	31202	69,5	10,1	272613	9,5	12,6	13,5	214782	14,5
Олонецкая	6867	9631	71,5	11,8	147407	3,8	21,5	65,1	58195	16,5
Оренбургская	16248	26012	62,5	10,5	245484	4,3	15,1	46,8	154743	16,8
Орловская	100418	117164	85,7	39	464180	26,4	4,6	7,0	257482	45,5

Пензенская	58645	86338	68	25,2	275031	15,7	4,7	7,5	232718	37,1
Пермская	21065	43718	48,2	4	253289	3,1	12	16,1	526625	8,3
Петербургская	10720	16983	63,1	10,3	99995	9,8	9,3	9,7	104078	16,3
Полтавская	9739	11535	84,7	12,1	44572	13,8	4,6	4,9	80488	14,3
Псковская	29899	40992	72,6	18,8	253230	18,6	8,5	9,2	159037	25,8
Рязанская	46534	62550	74,3	17	167943	9,4	3,6	6,7	273729	22,9
Самарская	164226	221343	74,2	49,4	1954371	29,6	11,9	19,9	332441	66,6
Саратовская	97965	141551	69,2	27,7	619975	18,6	6,3	9,5	353664	40,0
Симбирская	57728	91170	63,3	23,9	293735	18	5,1	6,3	241540	37,7
Смоленская	33926	50666	66,9	15,8	281047	14,6	8,3	9,0	214722	23,6
Ставропольская *	43107	64043	67,3	Н/С	593513	Н/С	13,8	Н/С	Н/С	Н/С
Таврическая	77743	92901	83,7	63,6	751137	48,5	9,7	14,7	122237	76,0
Тамбовская	94390	137854	68,4	24	385762	14	4,1	7,0	393292	35,1
Тверская	47053	65099	72,3	15,7	329794	12,8	7,0	8,7	299701	21,7
Тульская	39517	50048	79	21,6	163913	14,5	4,1	6,3	182949	27,4
Уфимская	46072	65548	70,3	14,8	316985	5,2	6,9	18,8	311297	21,1
Харьковская	98810	144507	68,4	29,1	518513	20,6	5,2	7,3	339553	42,6
Херсонская	104534	124323	84,1	38,1	664059	33,2	6,4	7,8	274368	45,3
Черниговская	16166	22135	73,1	8,5	88377	7,1	5,5	6,3	190188	11,6
Ярославская	19113	30719	62,3	9,6	125532	8,9	6,6	7,1	199094	15,4
Итого	1992387	2736172	72,8	22,1	13933134	14	7,0	Н/С	9015326	30,4
Без Ставроп.	1949280	2672129	72,9						8820271	30,3

Источник: Статистический ежегодник России 1915 г. Раздел VI. С. 1 Пг., 1916

* Сведений о числе дворов и площади крестьянской наделной земли в Ставропольской губернии не имеется.

** Примерное число общинных дворов в губерниях высчитано по данным колонок 2 и 5 таблицы.

Однако он, по ироничному замечанию В. Г. Тюкавкина, почему-то «забыл» о нескольких сопутствующих обстоятельствах.

Во-первых, закон 14 июня 1910 г. (его принятия III Думой ожидали намного раньше) сделал для миллионов крестьян ненужным требование о выходе из общины. Все общества, где после 1861 г. не было переделов, были признаны тем самым добровольно перешедшими от коллективных форм землевладения к индивидуальной.

Каждый член такой общины мог потребовать от местного начальства удостоверительный акт в том, что находящийся в его пользовании участок наделной земли принадлежит ему на праве частной собственности. С момента выдачи такого акта на руки хотя бы одному крестьянину все его односельчане тем самым механически считались перешедшими к индивидуальному, беспередельному землепользованию и владеющими своими участками на праве частной собственности.

А в беспередельных общинах, как мы знаем, была треть общего числа дворов – 3,5 млн.

Во-вторых, Ленин не упомянул о том, что параллельно падению укреплений шел мощный рост землеустройства. По закону от 29 мая 1911 г. о землеустройстве крестьянину теперь не нужно было предварительно проходить процедуру получения разрешения на выход из общины, не нужно было «укреплять» землю – документы о землеустройстве его двора давали ему право на личное частное владение его участком.

После этого укрепление большинству крестьян стало неинтересно⁷³.

В то же время указ 9 ноября 1906 г. запустил процесс мобилизации наделной земли, и это стало громадным достижением реформы. Эта земля вошла в рыночный оборот, вследствие чего 1,1 млн. крестьян продали почти 4 млн. дес. земли не менее, чем на 444,7 млн. руб.; число покупателей составило примерно 1 млн. чел.⁷⁴ Это значит, что свыше двух миллионов семей смогли таким путем решить хотя бы часть своих проблем. За 1908–1913 гг. число продавцов выросло в 6,4 раза, а площадь проданной ими земли – в 4,6 раза.

Наделная земля стала средством (подспорьем) решения житейских проблем. Землю в первую очередь продавали те, кому надел был в тягость, кто давно оторвался от сельского хозяйства, жил на стороне, зарабатывая промыслами, переселенцы, создавая тем самым начальный капитал для обустройства на новых местах, покупатели земли у Крестьянского банка и т.д.

Материалы обследования ГУЗиЗ 1913 г. систематизируют причины продажи почти 1300 участков земли следующим образом:

Как всегда, за средними цифрами стоит многообразие жизни*.

* Так, доля продавших всю землю из-за переселения за Урал в среднем составляла 12,6%, однако она колебалась от 3,1% в Орловском уезде до 16,3% в Бердянском, 21,8% в Богодуховском и 22,5% в Кременчугском; при этом в 4 уездах вообще не отмечено переселения.

Таблица 5

Причины продажи наделной земли крестьянами 12 уездов, обследованных ГУЗиЗ

Причина продажи земли	Доля продавших всю землю	Доля продавших часть земли
Переселение за Урал	12,6	2,3
Покупка земли в Европейской России	30,0	12,1
Обеспеченность промыслами и службой	26,4	14,9
Недостаток рабочих рук	11,1	22,1
Неурожай, болезни, пьянство	8,6	24,8
Прочие причины	10,3	23,7
Всего	100	100

Источник: Землеустроенные хозяйства. Сводные данные. Карты и диаграммы. Пг.: Канцелярия Комитета по землеустроительным делам; 1915. таблица VII. Движение земельной собственности.

Поуездный разброс показывает, насколько разной была Россия, как различались житейские ситуации и интересы населения, и насколько полезной оказалась мобилизация земли для их решения.

Из общины выходили очень разнородные элементы. На одном полюсе были крестьяне, подобные С. Т. Семенову и лауреатам конкурса Романовых, которые тяготились общинными порядками и хотели создать собственное хозяйство, причем именно передовое хозяйство. На другом полюсе находилась те, кто давно и по разным мотивам готов был изменить образ жизни.

Так, невиданный подъем волны переселенцев в 1907–1909 гг. прямо связан с указом 9 ноября, который позволил бедноте, продав наделы на родине, двинуться за Урал, чтобы там поднять миллионы десятин девственной земли.

Продажа земли давала бедным крестьянам начальный капитал для доплаты Крестьянскому банку (см. ниже) и для переселения на купленные бывшие помещичьи земли.

Почти треть продавцов купила землю в других местах в Европейской России, однако в Орловском уезде их число составило 2,1%, а в Красноуфимском – 36,0%, в Кременчугском – 36,3%, в Бердянском – 46,5%, в Островском – 66,0% и 69,9% в Ржевском. Данный факт привлекает внимание к малоизученному аспекту реформы – переселению крестьян внутри Европейской России, который требует отдельного анализа.

«Обеспеченность промыслами и службой» фигурирует в качестве причины продажи в 26,4%. При этом в Красноуфимском уезде таких случаев 12,0%, в Трокском – 55,4%, а в Орловском – 80,2%

Из-за нехватки рабочей силы было продано 11,1% участков, но в Кременчугском уезде таких случаев было 2,0%, в Красноуфимском 28,0%, а в Мологском – 33,3%.

«Неурожай, болезнь и пьянство» стали причиной продажи земли в 9,6% случаев. Это средняя между 1,3% в Трокском уезде, 12,1% в Николаевском, 12,4% в Богодуховском и 16,0 в Красноуфимском.

Расставались с землей и городские рабочие, и те, кто подобно семье Н. С. Хрущева, уходил из деревни в Донбасс или другие места, а также опустившаяся, деклассированная часть крестьянства. Исчезала категория полупролетария, полугорожанина, полукрестьянина, которая часто фигурирует на страницах классической литературы.

Так или иначе исчезали хозяйства, не нацеленные на развитие, тормозившие общий прогресс в деревне.

На земле оставались те, кто хотел ей заниматься всерьез.

Понятно, что основную часть продавцов составили деревенские низы, и что площадь продаваемой земли была невелика, но огромное, зачастую системообразующее значение этих мелких продаж мы можем видеть по материалам конкурса земледельцев в честь 300-летия Дома Романовых, позволяющим судить о том, какие возможности для самореализации личности давала реформа.

В 1913 г. Землеустроительные комиссии по всей стране отобрали и выдвинули на конкурс сотни крестьянских хозяйств, из которых были отобраны 306 лучших, ставших лауреатами. Их описания – прекрасные иллюстрации на тему «человек – кузнец своего счастья и своей судьбы». Эти люди, благодаря полученной свободе, за считанные годы добивались тех самых европейских урожаев, о недостижимости которых при царизме так любила горевать русская интеллигенция, имея в виду, что как только она заменит самодержавие, урожайность немедленно станет выше.

Все лауреаты добились выдающихся, нередко образцовых по мнению авторов описаний, результатов, однако сейчас мы касаемся только вопроса о формировании их земельных участков.

Из многих историй пока приведу лишь две.

Хуторянин К. В. Кулибаба из Гадячского уезда Полтавской губернии в 1900 г. получил по наследству после смерти отца 17 участков чернозема общей площадью в 5 дес. «Крайнее неудобство чересполосного землепользования» вынудило его продать большую часть полученной земли – себе он оставил лишь 2 дес., находившиеся под усадьбой. Затем в 1901 г. он прикупил речную луку в 1,5 дес., а в 1902 г. – десятину пашни, примыкающую к усадьбе и 5 дес. леса.

В 1908 г. при посредничестве Крестьянского банка Кулибаба приобрел на имя сына смежный с усадьбой участок площадью в 9,4 дес., а в 1910 г. купил еще одну луку в 600 кв саж. В итоге к 1910 г. общая площадь его владений превысила 19 дес.

И с этого же года он с семьей, в которой было четверо работоспособных, приступил к организации полевого хозяйства, ориентируясь на советы агрономов.

На пашне в 14 дес. он установил три четырехпольных севооборота с различным чередованием полей.

1,5 дес. болотистой солонцеватой луки, которую он начал осушать канавами и стал постепенно засеивать смесью трав. Кроме того, завел люцерники и тем самым обеспечил скот кормом на год в стойле.

На отрубе в 9,5 дес. устроил показательное поле. Его урожаи были очень хорошими, и получаемое зерно в основном продавалось на семена окрестным крестьянам, помещикам и семенному складу Гадячского сельскохозяйственного общества.

Он завел достойный живой и мертвый инвентарь, большой хороший свинарник с йоркширами, приплод которых соседи разбирали на улучшение породы.

Рядом со старым садом развел и молодой с плодовым питомником. Пасека на 70 семей приносила в год 200 руб.

Был награжден бронзовой и серебряной медалями на двух сельскохозяйственных выставках.

В заключение отмечается «громадное влияние, которое имеет Кулибаба на окрестных крестьян», многие из которых по его примеру начали заводить в своих хозяйствах правильные севообороты и улучшения.⁷⁵

А вот как начал новую жизнь владелец хутора при дер. Горельские Выселки, Хрущевской волости Тульского уезда и губернии, К. Е. Фален.

Уроженец Епифанского уезда той же губернии, он тяготился жизнью в общине и, подобно многим крестьянам, мечтал устроить хутор еще до 9 ноября 1906 г. Отвергая модус общинной жизни, он, несмотря на настойчивые возражения родных, ушел служить в люди.

Реализовать свою мечту ему удалось с началом реформы. Сначала в 1906 г. он купил в Тульском уезде при посредстве Банка часть земли, образующей хутор, за 1300 руб., причем продавцу он уплатил при покупке 500 руб., 400 долга перевел на Банк и к 1913 г. почти расплатился с долгами из денег, вырученных за продажу меда и картофеля.

А затем прикупил по соседству участок в Горельских Выселках у одного из бывших общинников, продав свою землю и дом в Епифанском уезде за 1100 руб. В итоге образовался хутор в 12,4 дес.

Первый купленный участок был скорее истощенным до крайности арендаторами пустырем, чем пахотной землей, а второй – кустарниковым замшелным выгоном. Поэтому Фален до 1911 г. на хуторе не жил, а постепенно разрабатывал землю.

Урожаи понемногу росли благодаря тщательной обработке земли и обильному удобрению, которое он – в добавление тому, что давал скот, – ежегодно привозил из Тулы за 10 верст в количестве 250–300 возов навоза (т.е. 4,5–5 тыс. пудов).

Предпочтение отдавалось картофелю разных сортов, во-первых, из-за возможности сбыта его на соседний винокуренный завод, а во-вторых, в силу необходимости поднять плодородие почвы и уничтожить сорняки, чему способствовало сочетание посевов картофеля и вики.

После переселения на хутор Фален ввел подходящее к местным условиям четырехполье, и урожаи пошли вверх.

Однако упор он сделал на скотоводство, имея в момент обследования 2 лошадей и жеребенка, 4 дойных коров (из них трех породистых), 2 нетелей и 2 телок, 2 свиней общей стоимостью в 960 р. Состояние скота «очень хорошее», вся семья постоянно за ним ухаживает, стойла чистятся «очень часто».

Молочные продукты сбывались в Туле, а летом – на дачи у железнодорожной станции Хомяково. Молоко давало в месяц 45–50 руб.

Фален развивал и подсобные отрасли – пчеловодство садоводство и огородничество. Он завел пасеку, и все 50 рамочных ульев сделал своими руками. Мед дал 300 р. в 1910 г. и 500 руб. в а 1912 г.

В 1911–1912 гг. под наблюдением садовода Землеустроительной комиссии были посажены 75 яблонь, а в промежутках между ними – заложен огород с ранними и поздними овощами и клубникой. Семена также были получены в порядке агрономической помощи. Овощи частью тоже шли на рынок.

Хозяйство Фалена, по мнению автора описания, может служить образцом сельскохозяйственного предприятия на бедных нечерноземных почвах.⁷⁶

Таким образом, мы видим, как свобода распоряжения землей позволяла энергичным трудолюбивым крестьянам радикально менять свою жизнь к лучшему.

Землеустройство

Однажды я ехал с местным председателем землеустроительной комиссии по освещенной солнцем пыльной проселочной дороге. Был полдень, было невыносимо жарко. Впереди мы заметили фигуру человека. Твердыми, уверенными шагами шел он вперед в том же направлении, что и мы.

- Кажется, он не обращает внимания на жару, – заметил я.
- Да, действительно. Но он ведь хуторянин.
- Вы его знаете?
- Нет, но я вижу это по его походке.
- Скоро увидим, правы ли Вы. Мы поравнялись с мужиком.
- Откуда ты?
- Из Ивановки.
- Вы разверстались?
- Да, наша деревня разверсталась одной из первых, и я переселился на хутор.

Когда он узнал, кто мы такие, он начал рассказывать, как он обосновался там у себя. Мы обязательно должны заехать посмотреть его хозяйство.

К. А. Кофод. 50 лет в России

Стержнем реформы стало землеустройство.*

Однако в 1906 г. этого еще не знали. Главной целью землеустроительных комиссий поначалу считалась помощь Крестьянскому банку в продаже его огромного фонда.

Хотя на банковских землях в 1907–1908 гг. была проведена большая работа**, а волна переселенцев стала захлестывать Сибирь, довольно быстро стало понятно, что и деятельность Крестьянского банка, и переселение не смогут быть решающими факторами успеха реформы.

И здесь случилось то, на что никто не рассчитывал.

Уже в 1907 г. крестьянами были поданы 221,7 тыс. ходатайств об изменении условий землепользования. В 1908 г. к ним добавилось еще 385,8 тыс., а всего за 1907–1908 гг. в Комиссии поступило 607,5 тыс. прошений о проведении землеустройства. Стало ясно, что большая часть крестьян не хочет вести хозяйство в старых условиях.

Так к началу 1909 г. землеустройство вышло на первый план, и это радикально изменило первоначальную стратегию реформы.

---

* Я довольно много писал о статистике землеустройстве: *Давыдов М. А.* Всероссийский рынок. Издание второе, дополненное. С. 734–780; *Давыдов М. А.* 20 лет до Великой войны ... С. 497–510 и др. Сейчас постараюсь быть кратким.

** Банковские и казенные земли нужно было разбить на несколько сотен тысяч участков, обеспеченных водой, дорогами и пригодных для ведения самостоятельного хозяйства. Масштаб проблемы был огромен и быстро превысил силы землемеров, состоявших на службе Комиссий. Притом же задачи такого объема в России никто и никогда не решал.

Поток ходатайств о землеустройстве оказался весьма неожиданным и приятным сюрпризом для реформаторов. Кофод пишет, что **«никто, даже я сам, не верил в то, что разверстание в течение первых лет получит сколько-нибудь значительное распространение за пределами тех губерний, где крестьяне практиковали его по собственному почину... Сам Столыпин еще весной 1907 года смотрел на разверстание как на дело второстепенной важности в сравнении с огромной работой по дроблению и продаже многочисленных имений, купленных Крестьянским банком»**⁷⁷.

Почему Кофод не верил в немедленный успех землеустройства?

Потому, что закон обуславливал разверстание согласием 50–75% домохозяев (в зависимости от формы землевладения).

В то же время в Пруссии для этого требовалось желание владельцев 1/4 разверстываемой площади (а не числа дворов), а во всей Скандинавии, включая Финляндию, любая деревня могла быть разверстана по требованию одного-единственного владельца надела.

В итоге эта умеренность нашего законодательства, которую он считал излишней, сработала на пользу реформе.

Она девальвировала главный аргумент многочисленных противников реформы, которые как раз кричали о недопустимости принуждения крестьян.

Она облегчала работу землемеров, снижала сопротивление реформе в самих деревнях, «и она действовала сдерживающе на поток заявлений о разверстании, который в последние годы перед первой мировой войной был таким сильным, что при тогдашних технических силах было бы невозможно поспевать за ним, если бы условия требования разверстания были мягче»⁷⁸.

Как выяснилось, Кофод переоценил общинные симпатии крестьянства.

Превращение землеустройства в мейнстрим реформы потребовало, однако, серьезных изменений в существовавшей программе преобразований, прежде всего – резкого увеличения числа землемеров.

Страна не была готова к такому повороту – мы помним, что эту проблему огромная Российская империя не могла решить со времен Киселева. Точнее, не пыталась решить. Теперь ей приходилось заниматься в авральном режиме.

Если на 1906 г. в Землеустроительных комиссиях должны были работать 200 землемеров, то на 1908 г. потребность в межевых силах была определена уже в 1200 человек, а на 1909 г. – в 2500⁷⁹.

В стране начали открываться многочисленные землемерно-агрономические училища, а также краткосрочные землемерные курсы. Без этого реформа Столыпина не приняла бы столь впечатляющего масштаба.

Забегая вперед, замечу, что в день начала Первой Мировой войны в Землеустроительных комиссиях было 6998 землемерных чинов, из которых 2705 были призваны на военную службу или ушли добровольцами⁸⁰.

Землеустройство начиналось с подачи крестьянами ходатайств об изменении условий землепользования, потом составлялся проект, в соответствии с которым проводились землемерные работы, далее эти работы выполнялись на местности и, наконец, утверждались принятые населением проекты.

Землеустройство делилось на личное (единоличное) и групповое (коллективное). Первое с 1912 г. включало 3 вида землеустроительных действий, а второе – 5.

Мы уже знаем, что оно было необходимо для ликвидации качественных недостатков крестьянского землепользования* и превращения надела в один компактный участок, что само по себе должно было создать предпосылки для подъема крестьянских хозяйств.

Однако создавать хутора и отруба, чем занималось **личное землеустройство**, было возможно **только** в тех селениях, которые имели точные юридические границы.

Однако десятки тысяч деревень таких границ не имели, и их устанавливало **групповое землеустройство**. Оно отграничивало все земли данного общества от смежных с ним владений, уничтожало описанную выше внеадельную чересполосицу между селениями и землями разной юрисдикции. После этого крестьяне решали, выходить ли им на хутора и отруба или оставаться в общине.

Из 6,2 млн поданных за 1907–1915 гг. ходатайств о землеустройстве 48,0% относятся к личным и 52,0% – к групповым. Цифры сами по себе громадные.

Карты 4 и 5 в Приложении показывают, что Европейская Россия делится на два сплошных массива губерний, в одном из которых велики показатели группового землеустройства, а во втором – единоличного. В первый входят Центр, Север и Северо-Восток, т.е. большей частью великорусские губернии, во второй – районы, вошедшие в состав России в XVII в. и позже – Запад, Юг и Юго-Восток.

Наиболее популярными категориями личного землеустройство были:

1) разверстание на хутора и отруба целых селений, т.е., попросту говоря, раздел деревни на единоличные владения (29,3% всех ходатайств и 33,2% всех утвержденных проектов)

2) выдел отрубов отдельным хозяевам, или единоличные выделы (14,0% всех ходатайств и 15,2% всех проектов).

Этот вид землеустройства был очень сложным и часто опасным для крестьян, потому что выделявшийся, как правило, шел против воли всей деревни и подвергался поэтому серьезным испытаниям. Его всячески преследовали, обижали, дискриминировали.

---

* Внутренней и внешней чересполосицы, дальнотемелья, неотмежеванности наделных земель от соседних владений и т.д.

Таблица 6

Сводные данные по единоличному и групповому землеустройству

УТВЕРЖДЕНО ЗЕМЛЕУСТРОИТЕЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ									
Годы	По единоличному землеустройству			По групповому землеустройству			ВСЕГО		
	Число земельных единиц	Число домохозяйств	Площадь в дес.	Число земельных единиц	Число домохозяйств	Площадь в дес.	Число земельных единиц	Число домохозяйств	Площадь в дес.
1907	566	8315	88358	123	4296	44090	685	12611	132448
1908	1541	42350	434624	406	17664	136816	1934	60014	571440
1909	4196	119380	1215279	1348	85702	642715	5503	205082	1857994
1910	5903	151814	1447125	1678	110625	853720	7528	262439	2300845
1911	7239	206723	2031507	2150	112361	920926	9319	319084	2952433
Итого за 1907–1911	19445	528582	5217343	5705	330648	2598267	24969	859230	7815610
1912	5702	122522	1294439	2677	125642	837689	8219	248164	2132128
1913	7572	192988	1833556	3149	193586	1144023	10462	386574	2977579
1914	7816	203915	1980273	4086	268201	1925868	11568	472116	3906141
1915	6147	173502	1666875	3496	220918	1751201	9405	394420	3418076
Итого за 1912–1915	27237	692927	6775143	13408	808347	5658781	39654	1501274	12433924
ВСЕГО	46682	1221509	11992486	19113	1138995	8257048	64623	2360504	20249534

Источник: «Отчетные сведения о деятельности Землеустроительных комиссий на 1 января 1913 (1914, 1915, 1916 г.) СПб. 1913.

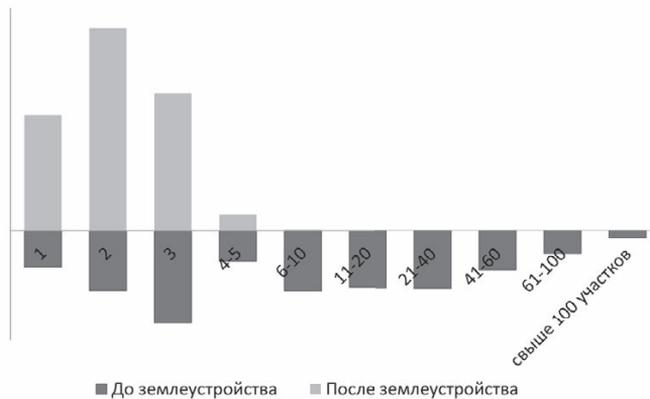

Диаграмма 12. Сокращение чересполосицы в результате землеустройства по данным обследования ГУЗиЗ

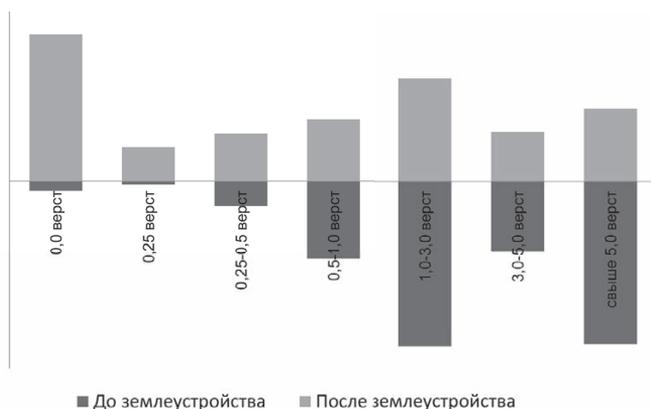

Диаграмма 13. Уменьшение дальнего землевладения в результате землеустройства по данным обследования ГУЗиЗ

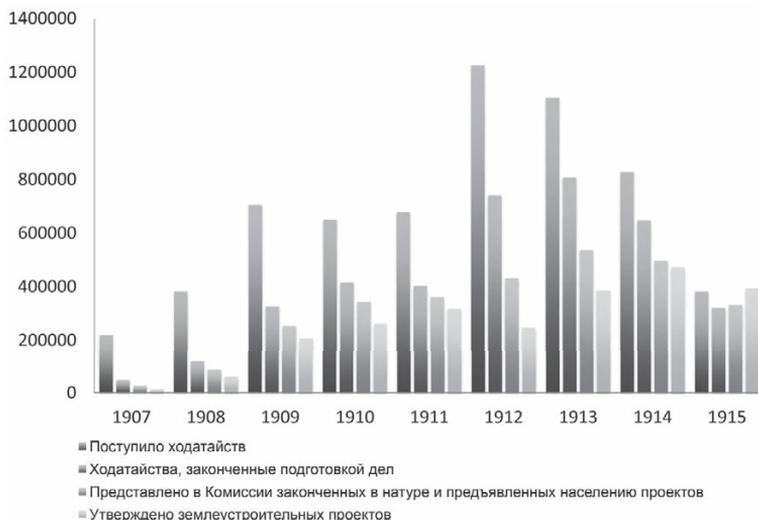

Диаграмма 14. Погодовая динамика землеустройства в 1907–1915 гг. (число домохозяйств)

Традиционная историография этому виду землеустройства уделяла особое внимание. Считается, что свое негативное отношение к реформе и к частной собственности крестьяне демонстрировали в бескомпромиссной – все на одного – борьбе против выделов, подробности которой, зачастую абсолютно варварские, противники реформы уже сто лет смакуют с *постыдным злорадством*.⁸¹

Источники говорят о том, что крестьянам для решения о единоличном выделе из общины действительно нередко требовалось самое настоящее мужество, как это часто бывает, когда речь идет о противостоянии немногих людей коллективу, точнее, толпе, сплоченной желанием наказать «слишком умного» соседа. Безусловно, в масштабах страны имели место тысячи случаев отказа крестьян от намерения выделиться – после проведенной «обществом» «разъяснительной работы» о необходимости быть таким, как все, о «пользе коллектива». В 1990-х гг. многое из этого вандализма повторилось в отношении колхозников к фермерам.

Но были десятки тысяч обратных примеров – ведь в ряде губерний число выделов превысило число разверстаний целых деревень.

Центром **группового землеустройства** стал раздел однопланнных селений – на него пришлось 29,0% всех ходатайств и 30,6% исполненных проектов.

Важное место заняло также уничтожение внешней чересполосности и отграничение земель, на которые в сумме пришлось 17,4% ходатайств и 15,6% проектов.

1907–1915 гг. делится на два этапа – 1907–1911 гг. и 1912–1915 гг., поскольку в каждом из них землеустройство проводилось на разных юридических основаниях. Указ 9 ноября 1906 г. стал законом 14 июня 1910 г. Разработанное на его основе Положение о землеустройстве 29 мая 1911 г. было введено в действие осенью того же года. Тем самым завершился первый этап преобразований, а с 1912 г. начался новый.

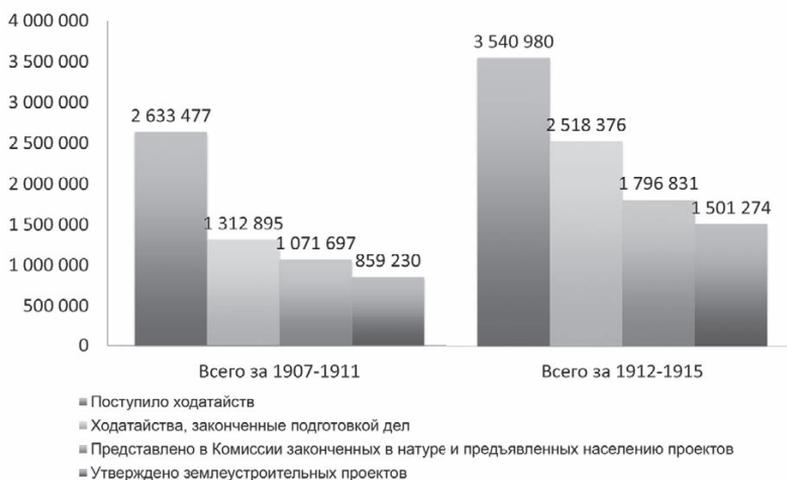

Диаграмма 15. Динамика землеустройства в 1907–1915 гг. по периодам (число домохозяйств)

Диаграмма 16. Погодовая динамика землеустройства в 1907–1915 гг. (площадь в дес.)

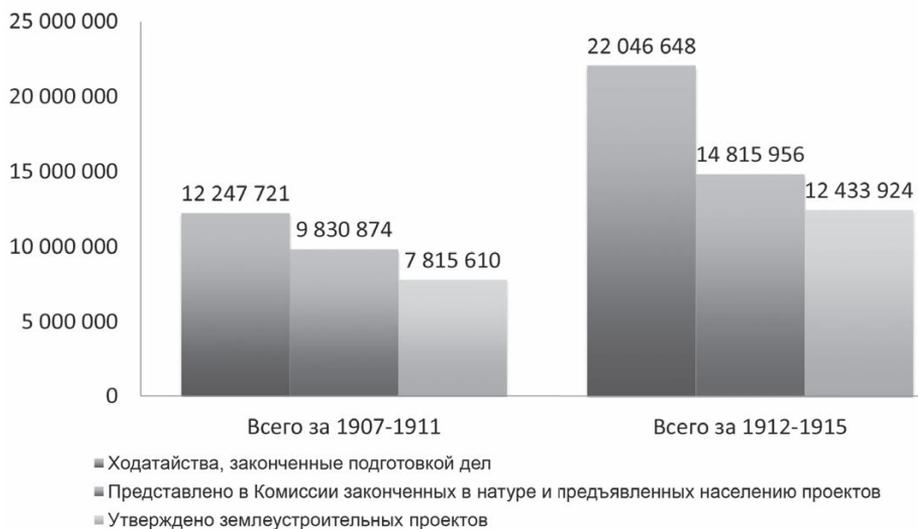

Диаграмма 17. Динамика землеустройства в 1907–1915 гг. (площадь в дес.)

Внутринадельное землеустройство. Общие сводные данные*

Годы	Поступило Ходатайств		Закончено подготовкой			Представлено в Комиссии законченных в натуре в натуре и предъявленных населению землеустроительных проектов			Утверждено землеустроительных проектов		
	Число земельных единиц	Число домохозяйств	Число земельных единиц	Число домохозяйств	Площадь в дес.	Число земельных единиц	Число домохозяйств	Площадь в дес.	Число земел. единиц	Число домохозяйств	Площадь в дес.
1907	4486	219332	1116	47648	578989	798	26556	262943	685	12611	132448
1908	8697	380691	3231	118903	1094628	2468	86381	789502	1934	60014	571440
1909	23738	704964	9043	326857	2974604	6431	252294	2356615	5503	205082	1858444
1910	26792	650347	12054	415692	3896934	9202	345316	3150825	7528	262439	2300845
1911	27057	678143	10912	403795	3702566	10230	361150	3270989	9319	319084	2952433
Итого за 1907–1911	90770	2633477	36356	1312895	12247721	29129	1071697	9830874	24969	859230	7815610
1912	47228	1226225	20913	741473	6625580	12325	431735	3705562	8219	248164	2132128
1913	39809	1105742	22446	807698	6854480	12770	537174	4408212	10462	386574	2977579
1914	30426	828096	16028	647436	5898473	11796	495720	3944740	11568	472116	3906141
1915	14669	380917	9361	321769	2668115	8242	332202	2757442	9405	394420	3418076
Итого за 1912–1915	132132	3540980	68748	2518376	22046648	45133	1796831	14815956	39654	1501274	12433924
ВСЕГО	222902	6174457	105104	3831269	34294369	74262	2868528	24646830	64623	2360504	20249534

Источник: «Отчетные сведения о деятельности Землеустроительных комиссий на 1 января 1913 (1914, 1915, 1916 г.) СПб. 1913.

Всего за 1907–1915 гг. было подано 6174,5 тыс. ходатайств о землеустройстве, из них в 1907–1911 гг. 42,6% (2633,5 тыс.), а в 1912–1915 гг. – 57,4% (3540,9 тыс.), т.е. на 34,5% больше – несмотря на начавшуюся Мировую войну. Это само по себе снимает вопрос о «провале» реформы.

Такой прогресс был связан с тем, что новый закон учел пятилетний опыт реформы и был куда лучше адаптирован к потребностям населения и конкретным ситуациям на местах.

Огромное значение имело получение Комиссиями судебных функций по решению почти всех споров и претензий, которые возникали при землеустройстве между соседними владельцами и которые раньше нередко относились к компетенции лично государя-императора.

Это резко расширило возможности Комиссий и само пространство землеустройства, т.к. появилась возможность решать проблемы, которые прежде годами стояли без движения.

Таблица 7 дает некоторое представление о масштабах перемен, уже происшедших в стране за считанные годы. За 1907–1915 гг. были закончены подготовкой (т.е. практически сделаны землемерами на местности) дела для 3,8 млн. дворов в 105,1 тыс. земельных единиц на площади в 34,3 млн. дес., что равно площади современных Германии и Черногории вместе взятых (или Италии и Ирландии). И это не считая землеустройства на землях Крестьянского банка и в Сибири!

Однако это было лишь началом. Кофод отводил землеустройству примерно 50 лет.

Хотя динамика землеустройства всегда конкретна и нередко прихотлива, ясно, что оно было востребовано в разных частях страны, что им заинтересовалось крестьянство губерний с различными исторически сложившимися типами землепользования.

Землеустройство развивалось неравномерно. Так, почти треть всех ходатайств было подано в 8 губерниях, половина (49,7%) – в 14-ти, примерно две трети – в 20-ти губерниях. В остальных 27 губерниях дело шло медленнее.

В подавляющем большинстве губерний мы видим прогрессивный рост показателей. В большинстве – однако не везде, и это вполне естественно. Реформа такого масштаба всегда живой процесс еще и потому, что зависит от людей.

Факторы землеустройства

В истории динамика практически всякого масштабного процесса определяется неким числом факторов. Они всегда образуют своего рода «периодическую систему», элементы которой в каждом отдельном случае слагаются

в индивидуальную «формулу процесса», в данном случае – землеустройства, атомный вес которых зависит от реальных местных условий.

На ход землеустройства при прочих равных воздействовали вполне объективные факторы.* За недостатком места я ограничусь здесь простым их перечислением не по степени значимости, ибо она почти всегда конкретна.⁸²

Это, во-первых, все, что связано с юридическими аспектами землевладения (однопланное селения, внеадельная чересполосность и т.д.), о чем уже сказано отчасти выше. Были и другие проблемы – например, особый «коллективистский» земельный режим, навязанный правительством в 1858 г. жителям Черниговской и Полтавской губерний и крайне затруднявший землеустройство⁸³.

Во-вторых, важную роль играли почвенные условия данной местности – чем они однообразнее, как, например, в степи, тем легче происходит землеустройство.

Третий важный фактор – размер земельного обеспечения населения. Чем он выше, тем охотнее происходит переход к единоличному землевладению.

Огромное значение имел характер неземледельческих занятий населения и их значение в бюджете крестьян. Часто хорошие промысловые заработки делали крестьян равнодушными к землеустройству – к чему лишние хлопоты?

Конечно, совокупное действие всех этих факторов общего характера во многом зависело от одного, который как бы оплодотворял их и серьезно влиял на темпы проведения реформы. Кофод его называет «степенью умственного развития населения». Допустимо определить его и как уровень психологической готовности крестьян к изменению условий привычного образа жизни.

Кофод считает, что «высшее умственное развитие крестьян, облегчающее им понимание существа землеустроительных работ», действует в позитивном для реформы направлении, ибо «повсюду наблюдается, что пионеры землеустройства принадлежат к наиболее развитой части крестьян»⁸⁴.

Опыт других стран показал, что если люди психологически не готовы к реформе, ее не удастся провести успешно – «недоверчивое, как везде, крестьянство противится введению неизвестных ему новшеств»⁸⁵.

Самостоятельное, самодеятельное расселение крестьян западных губерний лучше всего свидетельствовало о том, что по крайней мере в некоторых районах России крестьяне созрели для новой жизни.

И здесь, как и повсюду, сила примера была основным иницирующим началом – все разверстания возникли под прямым влиянием наглядных примеров соседних хуторских устройств, которые наглядно убеждали крестьян в полезности реформы⁸⁶.

---

* Достаточно подробный их анализ дан в монографии «Всероссийский рынок... Издание второе, дополненное.... С. 781–794.

Оценивая неслыханный размах российского землеустройства, Кофод писал: «Как необходимы школы для распространения грамотности, как необходим фермент для вызова брожения, так необходимы были живые примеры самостоятельного мелкого крестьянского хозяйства для всестороннего наглядного ознакомления крестьянских масс с предлагаемыми правительством новыми способами распределения их земель»⁸⁷.

В то же время стремление к новой жизни, к уходу не только от чересполосицы, но и от диктата общины не один год совершенно автономно вызревало в крестьянской среде. Мемуары С. Т. Семенова показывают, как думающие крестьяне шаг за шагом приходили к этой идее.

В литературе справедливо подчеркивается важность народнохозяйственного фактора в развитии личного землеустройства.

Так, П. Н. Першин отмечал, что основная часть хуторов и отрубков сконцентрирована в двух обособленных районах, где на них вышло более 10% всех дворов:

1) **северо-западный** (Петроградская, Псковская, Ковенская, Витебская, Смоленская и Могилевская), непосредственно примыкающий к старым районам хуторского расселения Латвии, Эстонии и Финляндии,

2) **южные и юго-восточные губернии** (Полтавская, Харьковская, Херсонская, Екатеринославская, Таврическая, Донская, Самарская, Самарская и Ставропольская), который также «непосредственно упирается в море».

Первый район – это территория с интенсивным полеводством и животноводством, на которые воздействуют близкие рынки сбыта.

Юг и юго-восток – районы экстенсивно-зернового и экстенсивно-скотоводческого хозяйства также прямо ориентированные на рынки⁸⁸. Эта его схема хорошо согласуется с типологией сельскохозяйственных районов А. Н. Челинцева и с хлеботорговыми районами, выделяемыми П. И. Лященко⁸⁹.

В сущности, тогда все грамотные экономисты были согласны, что **большая** вовлеченность в рынок, **большая** хозяйственная развитость крестьян перечисленных Першиным районов повышала их восприимчивость к выгодам индивидуального хозяйства.

Тем не менее, приводимые порайонные (и, соответственно, погубернские) данные о землеустройстве, интерпретируемые **только** подобным образом, на меня лично производят как минимум, двойственное впечатление.

С одной стороны, это самые настоящие документальные свидетельства эпохи, итоговые характеристики фундаментальной реформы. Это та самая история, которая якобы не имеет сослагательного наклонения.

Но, с другой стороны, цифры скрывают проблемы, внятного понимания которых у нас пока нет. Да, они (цифры) действительно могут и должны ин-

терпретироваться в рамках, обозначенных Першиным и другими исследователями.

Однако только ли эти объективные факторы объясняют количественные характеристики реформы?

Убежден, что нет, ибо неверно думать, будто все крестьяне априори имели равные возможности для землеустройства и что статистика – всегда верное зеркало этих возможностей. Мы знаем, например, что немалая часть крестьян была равнодушна к землеустройству и к сельскому хозяйству вообще из-за успешного отходничества.

На ход преобразований, в том числе и на статистику землеустройства, влияли и другие факторы, помимо перечисленных, прежде всего **качественный состав персонала Землеустроительных комиссий**, не говоря о его численности.

Рассуждая о реформе, мы видим прежде всего двух ее «участников» – правительство как источник законодательства и финансирования, с одной стороны, и население, с другой. При этом де-факто мы игнорируем тех, кто на деле *реализовывал* реформу – работников Землеустроительных комиссий, которым неявно придается сугубо вспомогательное служебное значение.

Историография, в сущности, вообще не касалась практической деятельности комиссий, их «внутренней кухни» и ее влияния на процесс землеустройства. Констатируется нехватка землемеров, что справедливо, но недостаточно.

Между тем важность этой деятельности для понимания хода реформы исключительно важна. Достаточно внимательно посмотреть на погубернскую динамику землеустройства, как возникает предположение – темпы работы отдельных Землеустроительных комиссий должны сильнейшим образом коррелировать с личностными качествами их сотрудников.

Почему в Воронежской губернии землеустройство развивается весьма энергично, а в соседней Курской губернии – довольно вяло? Почему в Московской губернии, крестьяне которой имели прекрасные возможности для заработков в столице и уже поэтому, казалось бы, не должны были идти в авангарде землеустройства, оно идет весьма интенсивно, а, к примеру, в Калужской нет?

С первых месяцев реформы стало очевидно, что личностная энергия тех, кому поручено проводить в жизнь указ 9 ноября, является одним из решающих факторов развития реформы. И это было вполне естественно.

Дело в том, что Столыпинская аграрная реформа, как мы знаем, была необычной и в том смысле, что роль личностного компонента в ней была специфичным образом повышена в сравнении с другими преобразованиями.

Она, повторяюсь, была той уникальной **в истории России реформой, когда население получало право выбора**, когда у крестьян, по существу, спрашивали – хотят они или не хотят менять привычный образ жизни.

Часть крестьян была готова это сделать сразу и без колебаний, но такие крестьяне были в меньшинстве. Остальных нужно было **убедить** в том, что перемены будут им выгодны.

А вот это в значительной степени зависело от степени энтузиазма, увлеченности реформой, глубины понимания преобразований и просто личностных качеств работников уездных и губернских комиссий.

В 1907 г. Кофод и два крупных чиновника ГУЗиЗ объехали с инспекцией 23 уезда Псковской, Витебской, Могилевской и Курской губерний, разъясняя позицию правительства по ключевым вопросам начавшихся преобразований.

Их отчет очень важен, потому что раскрывает атмосферу, в которой начиналось реформа, и делает понятным, в какой огромной степени оно зависело от уровня коммуникации между Комиссиями и населением.

В ряде уездов **«наиболее энергичные и деятельные»** Комиссии уже успели наладить хороший контакт с крестьянами, и это вызвало растущий поток ходатайств⁹⁰.

Но энергия и деятельная предприимчивость не являются, увы, общим достоянием.

Если члены Порховской уездной (землеустроительной – М. Д.) комиссии, пишут авторы отчета, жалуются, что крестьяне равнодушны в реформе, то это объясняется тем, что они еще ничего не сделали даже для того, чтобы в более или менее широких масштабах оповестить сельское население о своих целях и задачах: **«Тщетно, сидя в четырех стенах, ожидать, что крестьян охватит внезапное доверие и что они сами станут притекать. На первых порах, убедившись в отчужденности населения, члены комиссии должны сами объезжать волости, всюду разнося живую проповедь правительственных начинаний на пользу крестьян.**

Если в течение целых годов антиправительственные агитаторы, видевшие в темной сельской массе лишь обильный материал для бунта и погромов, успешно прививали этой массе яд своей лжи и лести, то может ли быть обречена на неудачу убежденная, правдивая проповедь экономического возрождения крестьян, составляющего задачу землеустроительных комиссий?

В общем, несомненно, что во всех двадцати трех уездах четырех посещенных губерний от самих комиссий зависит приручить к себе крестьян, а дальнейшее доверие сельского населения удастся сохранить исключительно лишь плодотворною деятельностью»⁹¹.

Сказано вполне внятно, хотя мысль о гарантированном успехе землеустроительной «проповеди» не бесспорна.

Одной из ключевых была фигура неременного члена Землеустроительной комиссии, ответственного руководителя всего комплекса землеустроительных работ, а также его помощников – землеустроителей (инструкторов по землеустройству)⁹².

Землеустроитель, получив дело для подготовки, должен был выехать на место, чтобы выяснить правовую ситуацию и те природные и бытовые условия, в которых придется проводить работы. Ведь каждое селение было своим маленьким миром, не похожим на другие, всякий раз это была другая задача, другая пьеса с другими актерами.

На землеустроителе и его сотрудниках лежала огромная черновая работа. Фактически они были, так сказать, «бойцами на передовой» землеустройства – вели чтения и лекции, общались и объясняли, пропагандировали и агитировали – зачем нужен переход на хутора и отруба и т.д. и т.д.

Априори понятно, **насколько** в принципе сложной была эта миссия, какой подготовкой и какими личностными качествами они должны были обладать, чтобы добиться успеха.

Нетрудно вообразить беседу землеустроителя с сельским сходом, состоящим из десятков, чаще – из сотен, а иногда и тысяч мужчин и женщин, которым незнакомый «барин» предлагает не больше и не меньше, как изменить тот строй их жизни, который был прожит поколениями предков. А значит, гарантировал выживание и им самим.

Какие слова нужно уметь находить в подобных случаях?

Ведь, по сути, такого рода собрания – особый тип митинга, а на митингах умеют выступать далеко не все.

Проблема привлечения симпатий населения к реформе не ограничивалась одной прямой агитацией. Комиссии должны были устраивать экскурсии в уже существующие районы хуторского расселения, которые оказались действенным средством убеждения крестьян, создавать агрономическую службу и многое другое.

В работе 47-ми губернских и 463 уездных Комиссий участвовали многие тысячи представителей образованного класса России, и априори понятно, что уровень их компетентности, заинтересованности и энтузиазма не мог быть в равной степени высок.

Различались, конечно, и сама **постановка дела** землеустройства, и то, что можно назвать стратегическим видением ситуации.

Так, исключительно благоприятная ситуация сложилась в Московской губернии, где реформе сразу начал уделять большое внимание яркий, талантливый и влиятельный губернатор В. Ф. Джунковский.

Неременными членами уездных комиссий были образованные, опытные, знавшие крестьянское дело люди, сторонники реформы, сумевшие за-

воевать авторитет у крестьян: **«В большинстве уездов отношения крестьян, их доверие к землеустроительным комиссиям и, в частности, к непрременным членам, не оставляет желать лучшего»**⁹³. Сформировалась компетентная землемерная часть, в которой было немало техников с высшим образованием.

Губернская комиссия сразу взяла стратегически верный курс. Число однопланнных селений в Московской губернии колебалось от 30 до 70% на уезд, и комиссия решила сосредоточиться сначала на их размежевании, чтобы тем самым создать условия для перехода на хутора и отруба.

Поэтому с 1912 г., когда почва для этого была уже достаточно подготовлена предшествовавшим разделом однопланнок, в губернии стало расти личное землеустройство⁹⁴.

Конечно, Московская – столичная губерния, априори имевшая ряд преимуществ в сравнении с провинцией. И тем не менее ее пример не был единственным.

Так, в России резко выделялся Новоузенский уезд Самарской губернии, в котором уже к 1 января 1913 г. разверстались 70,7%, из почти 44 тыс. дворов – прежде всего благодаря непремному члену А. Ф. Бир, его «энергии, превосходному знанию местных условий и умению находить отвечающие стремлениям местного населения формы землеустройства»⁹⁵. В результате «там, где раньше нельзя было встретить на много десятков верст ни одного жилья и только однообразные громадные пространства залежных земель и пшеничных полей, в настоящее время эта полупустыня пестрит хуторами с правильно устроенными севооборотами и рядовыми посевами»⁹⁶.

Однако, как минимум, не везде ситуация была столь благоприятной. Так, некомпетентность Комиссии стала причиной срыва начального этапа землеустройства в Астраханской губернии. Плохо началась реформа и в Бессарабской губернии.⁹⁷

Любопытно сравнить ход землеустройства в Воронежской и в соседней Курской губерниях. Первая губерния была лидером среди 47-ми губерний по числу всех ходатайств, а вторая – занимала 18-ю позицию.

Легче всего отнести относительно скромные результаты землеустройства в большинстве губерний ЦЧР на счет глубины и крепости общинных симпатий крестьян, чем десятилетиями и занималась традиционная историография. Привычку немалой части российской деревни к общине оспаривать нелепо – наоборот, удивляло бы повальное согласие на реформу. Однако это объяснение – явно недостаточное, поскольку общинная психология не столь постоянна, как Гринвичский меридиан.

Куда понятнее ситуацию делает резко негативное отношение курского, например, дворянства к реформе.

Курское земство считалось одним из наиболее реакционных в стране. Губернский предводитель дворянства граф Доррер и его единомышленники, влиятельные в губернии люди, были «безусловными защитниками общины и общинного владения». Хутора и отруба они «вперед осудили как несбыточную фантазию». Сочувствует эта партия лишь продаже крестьянам земли через Крестьянский банк, однако ее не устраивают цены, по которым банк покупает имения.

Достаточно взять негативные характеристики, которые инспекторы дают персоналу Комиссий курских уездов, чтобы выйти за рамки обычных рассуждений о прямой зависимости землеустройства от экономического положения крестьян.

Например, неперенный член Обоянской комиссии Кондратов – «бывший кавалерийский офицер, вероятно не дурной, и бывший земский начальник, несомненно, очень плохой. В бытность свою земским начальником Кондратов не наблюдал за своим участком, но склонность к произвольному попечительству над крестьянами имел большую и к собственноручным расправам над ними немалую. С населением он обращался привычно, смело, как с покоренным народом.

Кондратов отличается энергией, несколько дикою, и страстностью главнейше в нападках на низкие оценки Крестьянского банка при покупке имений у частных владельцев. Вообще же он не способен подняться над самыми узкими обиденными интересами, в том числе и чисто эгоистическими, не может отдаться служению делу.

При приезде командированных лиц Кондратов не знал ни Наказа, ни законов о выходе из общины и о залоге надельных земель: задачу землеустроительных комиссий сводил к купле-продаже земли, а свою – к составлению протоколов; поняв из разъяснений упомянутых лиц, что такое хуторское расселение, он стал против него приводить чисто крестьянские возражения»⁹⁸.

Думаю, что мы обойдемся без риторического вопроса о потенциале землеустройства в Обоянском уезде при таком неперенном члене. Вообще сохранившиеся аттестационные списки делают понятнее вялый ход землеустройства в целом ряде губерний.

1907 г. – самое начало землеустройства. Прошло 5 лет, и почти все неперенные члены, о которых говорилось тогда, сменились, однако подобрать энергичных и увлеченных реформой людей во все Комиссии Комитету по Землеустроительным делам не удалось⁹⁹. Ситуация явно улучшилась, но была далека от идеала.

Таким образом, реальные показатели землеустройства очень зависели от личностных характеристик членов комиссий и – что не менее важно – от их политических взглядов.

Реформа в той или иной местности могла идти успешно только при таком уровне взаимопонимания между Комиссиями и крестьянами, который был в Московской губернии, где обе стороны, сколько можно судить, взаимно обогащали энтузиазмом друг друга.

Однако такое было далеко не всегда, и нужно помнить, что какая-то часть работников – и в Комиссиях, и среди агрономов – была противниками реформы – прежде всего по идейным соображениям. Многие образованные русские люди видели свою жизненную миссию отнюдь не в утверждении частной собственности крестьян на землю.

Оппозиционная печать сумела создать образ гигантской государственной машины, обрушившейся своей неисчислимой мощью на незащитное общинное крестьянство – так, будто речь идет о сплошной коллективизации.

Приведенные материалы, как кажется, серьезно девальвируют подобные подходы. Завершать «дело 1861 г.» в ряде аспектов оказалось куда труднее, чем начинать его. Правительство, начиная реформу, рассчитывало на свой аппарат, на местных работников. Но выясняется, что они далеко не во всех случаях были лояльны и не спешили «брать под козырек».

Документы иногда говорят об открытом противодействии реформе на местах. Даже среди земских начальников, которых традиционная историография всегда считала надежнейшей опорой власти, были такие, которые могли бы порадовать записных критиков реформы.

Понятно, что партийная борьба вокруг реформы, столь резко проявившаяся в Думе и Государственном Совете, продолжалась и за их стенами. А ведь помимо явных политических противников в осуществлении преобразований Столыпина участвовали и люди просто равнодушные.*

Другими словами, дело **буквально** жизненно важного значения Империя начинала, не имея подготовленного полноценного кадрового резерва – и не только землемеров. Однако этот дефицит постепенно преодолевался.

Понятно, что все вышесказанное о роли субъективного фактора в развитии землеустройства как одного из направлений реформы, относилось и ко всем другим ее направлениям. Везде одним из важнейших факторов успеха были люди компетентные и неравнодушные.

Подведем некоторые итоги.

Итак, все основные показатели землеустройства растут во времени и по России в целом, и в подавляющем большинстве губерний.

---

* Об этом, в частности, можно судить по характеристике Кофодом неперменных членов уездных землеустроительных комиссий Екатеринославской губернии за 1909 год. Особый интерес вызывает то обстоятельство, что в ней оценки губернатора сопровождаются мнением А. А. Кофода. (Давыдов М. А. 20 лет до Великой войны... С. 781.)

Полагаю, это говорит об адекватности реформы социально-экономической ситуации в стране, и психологии миллионов крестьян, а также является и показателем мощности потенциала предпринимаемых преобразований.

Агрономическая помощь*

Мы должны ясно понимать, что землеустройство лишь создавало предпосылки для подъема крестьянского хозяйства и само по себе отнюдь не было гарантией роста благосостояния**.

Недостаточно было просто переместить крестьян на хутора и отруба, необходимо было изменить качество их труда, а для этого нужно было научить их работать эффективно, дать им агрономические знания, ликвидировать то, что выше условно названо «проблемой 53-го бензина».

Процесс сельскохозяйственного просвещения, образования крестьян называется агрономической помощью. Ее главной задачей была «организация мелкого хозяйства в смысле технически правильного и экономически выгодного сочетания отраслей»¹⁰⁰. Именно с ней был связан следующий за землеустройством этап реорганизации крестьянского хозяйства.

На бумаге это выглядит просто. Крестьяне-общинники стали единоличниками, и теперь к ним нужно привести агронома, чтобы показать, как хозяйствовать по-новому. Однако в жизни было два больших вопроса – во-первых, хотят ли этого сами крестьяне, а во-вторых, хватит ли в стране агрономов.

Первая проблема решалась ситуативно – были крестьяне с самого начала расположенные к сотрудничеству, а были те, кто вполне серьезно считал агрономов «антихристами», которые вмешиваются в отношения между Богом и крестьянином (вспомим Гарина-Михайловского). Едва ли первых было больше, чем вторых.

В одних местностях крестьяне жаждали агрономов, а в других прекрасно обходились без них. Не все задумывались именно о повышении эффективности своего труда. В сущности, вести хозяйство даже старыми способами на хуторах и отрубках было выгоднее, чем в чересполосице, если было, где пасти скот.

В момент после окончания землеустройства, когда крестьяне оказывались лицом к лицу с новой реальностью (вот она, *твоя* земля!), они были особенно восприимчивы к советам агрономов, и в психологическом отношении

* Подробный анализ этой проблематики см. Давыдов М. А. Всероссийский рынок... Издание второе, дополненное. С. 608–685; Давыдов М. А. «20 лет до Великой войны»... С. 519–578.

** Впрочем, источники говорят, что только за счет консолидации наделов хозяйственная ситуация улучшалась, т.к. отношение к труду у многих крестьян- единоличников достаточно быстро менялось.

это время было оптимальным для рациональной постановки полеводства и вспомогательных отраслей (животноводства, садоводства, пчеловодства). Но при условии, что крестьянину *это* было нужно. В нашем распоряжении есть примеры обоего рода.

В идеале каждое единоличное хозяйство должно было быть объектом агрономической помощи, однако действительность совпадала с идеалом далеко не всегда. Агрономов не хватало. Это было естественным следствием равнодушия и правительства, и общества к сельскохозяйственному просвещению крестьян¹⁰¹.

В планах правительства агрономическая помощь появилась с 1908 г.

Организация агрономической помощи в годы реформы

Агрономической помощью деревне в годы реформы занималось, во-первых, правительство в лице ГУЗиЗ, во-вторых, земства и, в-третьих, многочисленные сельские кооперативы.

Главным действующим лицом было ГУЗиЗ, ставшее как бы генеральным штабом Столыпинской аграрной реформы.

На местах оно создало на местах эффективную структуру руководства агрономической помощью, в частности, особые агрономические совещания с широким кругом участников. В губерниях его представляли уполномоченные, инспектора сельского хозяйства или правительственные агрономы. Уездные землеустроительные комиссии имели свой постоянно растущий агрономический персонал.

У земств не было единой для всей страны агрономической структуры, в каждой губернии была своя специфика – часть мероприятий могла проводиться только губернскими земствами, часть – только уездными, а нередко они действовали вместе.

Сельскохозяйственные общества и кооперативы проводили в жизнь свои мероприятия как самостоятельно, так и при финансовой помощи правительства и земства.¹⁰²

Ситуация с земской агрономической помощью после аграрных погромов 1905–1906 гг. была не простой. Некоторые земства на время вовсе упразднили агрономические организации – для чего стараться, если крестьяне грабят и жгут тех, кто пытается о них заботиться?

Однако остается фактом, что после 1906 г. земство в целом выделяет все больше средств на агрономическую помощь, а вскоре в ее развитии **произошел перелом**, о чем говорит рост ассигнований.

Если в 1895 г. в 34 староземских губерниях на сельскохозяйственные и экономические мероприятия было потрачено 0,94 млн. руб., то в 1907 г. 4,55

млн. руб., а в 1913 г. – 16,2 млн. руб.¹⁰³. Аграрные земские расходы в расчете на 1 десятину посева и на 1 сельского жителя за 1908–1912 гг. более чем удвоились¹⁰⁴.

Этот рост прямо связан с субсидиями правительства, без которых агрономы всерьез по-прежнему работали бы лишь в немногих губерниях.

Столыпин был согласен давать земствам деньги на эту сферу, однако при условии паритетных затрат с их стороны. В апреле 1908 г. циркуляр ГУЗиЗ декларировал принцип равного участия правительства и земств в финансировании агрономии, причем они сами определяли объёмы денежных вложений¹⁰⁵. Правительство требовало лишь гарантии целевого использования предоставляемых средств.

Как можно видеть, с 1911 г. расходы ГУЗиЗ на сельское хозяйство намного опережают земские расходы.

ГУЗиЗ, не имевшее на местах своей агрономической организации, с самого начала в максимальной степени стремилось к сотрудничеству с общественными органами, практически знавшими местную специфику.

Взаимоотношения между земством и правительством – отдельная и сложная проблема. Не углубляясь в нее, замечу, что усиленно акцентируемое иногда¹⁰⁶ противопоставление их друг другу, представляется во многом надуманным.

Конечно, отношения между земскими и правительственными агрономами не всегда и не везде были идиллическими. Отнюдь. Первые иногда банально «ревновали» вторых (что характерно, в бессмертном стиле «понаехали!»).

Однако магистральная тенденция была вполне ясна.

Своего рода фирменным знаком реформы стало **постоянное** стремление ГУЗиЗ во главе с А. В. Кривошеиным к установлению нормальных рабочих отношений с земскими и другими общественными организациями – и не из демагогических соображений, а по твердому убеждению, что только так можно добиться позитивных результатов. Это очень важно для понимания общего вектора преобразований.

И хотя взаимопонимание было достигнуто не сразу и не везде, тем не менее, ведомство определенно стремилось к передаче проведения **«всех ме-**

Таблица 8

Земские и правительственные ассигнования на сельскохозяйственные мероприятия (тыс. руб.)

Годы	Земства	ГУЗиЗ	Всего
1909	6949	7509	14458
1910	8969	9062	18031
1911	11339	14415	25754
1912	13100	20450	33550
1913	16000	33088	49088
Всего	56357	84524	140881

Источник: ГУЗиЗ. Итоги работ за последнее пятилетие (1909–1913 гг.). СПб., 1914. С. 7.

роприятий непосредственной агрономической помощи в ведение земств и других местных общественных организаций, при оказании им с этой целью соответствующей материальной поддержки». ¹⁰⁷ В 1912 г. в 13 губерниях руководство сельскохозяйственными мероприятиями в районах землеустройства полностью перешло в руки земств.

* * *

Успехи сельскохозяйственного просвещения крестьян во многом были связаны с введением **участковой агрономии**, когда уезды делятся на определенное число участков, и в каждом работает один агроном. Она сыграла очень важную роль в пробуждении российской деревни, став своего рода локомотивом сельскохозяйственного образования.

Вводили ее на основании предварительно составленных планов, четко регламентирующих сферу компетенции и взаимоотношения участковой, уездной и губернской агрономии ¹⁰⁸.

Если в 1906 г. лишь в двух уездах Европейской России было 10 участковых агрономов, то в 1913 г. в 386 уездах их насчитывалось 1312, а общее число участков было не менее 1726 ¹⁰⁹.

При этом земский агрономический персонал* в 34 староземских губерниях в 1877 г. включал 1 человека, в 1896 г. – 105, в 1907 г. – 517, в 1913 гг. – 3716 человек ¹¹⁰.

В 1910 г. ГУЗиЗ согласилось субсидировать земскую участковую агрономию, создавать ее в неземских губерниях или там, где возникает необходимость. С 1911 г. земствам, вводящим ее, выделялось до 50% необходимой суммы при наличии грамотно разработанной программы и готовности платить вторую половину из местных средств ¹¹¹.

Если в 1910 г. ГУЗиЗ выделило земствам и сельскохозяйственным обществам на содержание агрономов лишь 24 тыс. руб., то в 1913 г. – 1 млн. руб. Такая поддержка позволила большинству земств ввести участковую агрономию. Кроме того, в районах землеустройства ГУЗиЗ создало и собственную организацию.

Суммарная численность агрономического персонала, земского и правительственного, работающего на местах за 1909–1913 гг. выросла с 2,8 тыс. до 9,9 тыс. чел. ¹¹²

Жизнь быстро показала прямую связь между численностью агрономического персонала и землеустройством. Важнейший факт – там, где больше

---

* Губернские, уездные и участковые агрономы, помощники агрономов, низший агрономический персонал, инструкторы и специалисты по отдельным отраслям сельского хозяйства.

всего было агрономов (в губерниях Екатеринославской, Полтавской, Саратовской, Харьковской и Херсонской), там и единоличных хозяйств оказалось больше всего.

И наоборот, в губерниях с минимумом агрономов (Архангельской, Астраханской, Вятской, Олонецкой и Минской губерниях) и землеустройство развивалось весьма слабо¹¹³.

В среднем на уезд приходилось примерно 4 участка (бывало и больше 10), однако их все равно не хватало¹¹⁴.

Основные направления агрономической помощи

Основными направлениями агрономической помощи были:

1. Внешкольное распространение сельскохозяйственных знаний;
2. Проведение показательных мероприятий;
3. Создание прокатных и зерноочистительных пунктов;
4. Улучшение полеводства и животноводства;
5. Содействие развитию специальных отраслей (садоводству, огородничеству, пчеловодству, льноводству, хмелеводству, виноградарству и др.), которым крестьяне в общине не могли уделять должного внимания.

Очевидно, что создать эффективное хозяйство при наименьших затратах сил и средств могли только единоличники.

Во-первых, здесь производительность труда повышается, хотя бы счет того, что крестьянин не бегаёт с полосы на полосу.

Во-вторых, хозяйственная самостоятельность владельца позволяет вести полеводство по оптимальной для данного хозяйства системе – с учетом его конкретных естественных и экономических условий.

Считалось, что из-за общей неподготовленности крестьян к восприятию сельскохозяйственных знаний, агроном должен начинать с малого, с введения простейших улучшенных приемов, часто в рамках только полеводства.

А затем, по мере расширения кругозора аудитории агроном может ставить и более сложные задачи, одновременно воздействуя на все отрасли данного хозяйства.¹¹⁵

Одним из ключевых направлений агрономической помощи **было сельскохозяйственное просвещение крестьян в прямом смысле слова** путем лекций, чтений и курсов.

Внешкольное распространение знаний играло заметную роль в приобщении крестьян к агрикультуре, особенно на начальном этапе, когда очень важно было преодолеть их недоверие к агрономам.

Там, где агрономия была делом новым, чтения и начинавшиеся после них беседы были для обеих сторон прежде всего способом познакомиться.

Крестьяне узнавали о задачах агрономической организации. Позже чтения приобретали более практический характер, они объясняли проводимые на показательных полях и участках технические улучшения.

Затем создавались особые курсы для тех крестьян, которые могли стать проводниками сельскохозяйственных знаний среди односельчан.

Объем внешкольного просвещения постоянно увеличивался, что отражало нарастающий интерес крестьян к улучшению хозяйства. Постепенно в деревне возник спрос на компетентный совет, на полезную беседу, на печатное слово, на систематические курсы по сельскому хозяйству вообще или по отдельным его отраслям и т.д.¹¹⁶

Это спрос удовлетворялся, с одной стороны, участковой агрономией и заметным ростом инструкторского персонала на местах, а с другой, возникновением после 1906 г. в деревне – вместо прежних десятков и сотен – многих тысяч сельскохозяйственных обществ, товариществ и других кооперативов.

Поэтому лекторы и инструкторы теперь часто общались не с единичными крестьянами или случайными их группами, а с аудиторией, до известной степени организованной и наиболее активной, которая в большей мере была подготовлена к восприятию и практической реализации сообщаемой информации.

Если в 1907 г. чтения были проведены в 312 пунктах и в них участвовали 34,4 тыс. человек, то в 1912 г. – в 11,2 тыс. селениях, а слушали их более миллиона крестьян (1042 тыс.). Едва ли показатели 1913 г. были ниже, притом, что эта статистика не очень точна¹¹⁷. И хотя в традиционной историографии пренебрежительно говорится, что это лишь 4% всех крестьян страны, беспомощность этого аргумента совершенно очевидна.

Конечно, не все слушатели были действительно заинтригованы перспективами агрономии: «Первое время, когда подобные чтения являлись новинкой для населения, собирались три категории слушателей: старики, жаждущие услышать что-нибудь о прирезке земли, затем люди, заинтересованные чтением, как новым зрелищем в зимнее сравнительно свободное время, наконец, тот контингент слушателей, который действительно интересуется чтением; но уже после нескольких чтений остаются лишь те, для кого, собственно, и предназначаются чтения»¹¹⁸. Так, конечно, было не только в Саратовской губернии, но и в других районах страны. Ведь это было время, когда проектор с диапозитивами назывался «волшебным фонарем».

Следующее направление агрономической помощи – показательные мероприятия.

Практика установила три типа таких мероприятий – показательные участки, показательные поля и показательные хозяйства.

На показательных участках (площадь примерно в 1 дес.) крестьяне знакомы с прогрессивными методами обработки почвы и посева*.

На показательных полях демонстрировались подходящие для данного района многопольные севообороты, которые должны были помочь крестьянам в быстром решении важнейшего кормового вопроса – ведь с выходом из общины единоличники, как правило, теряли выгоны и коллективный выпас скота.**

Показательные хозяйства, где можно было увидеть эффективное сочетание отдельных отраслей, не получили большого распространения – эта форма оказалась слишком сложной для восприятия крестьян¹¹⁹. Большинству из них нужно было начинать с агрономических аздов.

Поэтому агрономы делали упор на показательных полях и участках, хорошо понимая, что крестьяне поверят им только тогда, когда то или иное мероприятие будет проводиться в самом обычном рядовом хозяйстве, что называется, у соседа.

Источники говорят, что рост урожайности и доходов, достигнутые именно в таких условиях, прямо влияли на окрестное население, которое также начинало применять неизвестные ему раньше приемы, вводить травосеяние и новые культуры¹²⁰.

Отдельное и очень важное место среди показательных мероприятий занимала деятельность **прокатных станций сельхозмашин и орудий, а также зерноочистительных пунктов (обозов)**.

С одной стороны, они знакомили крестьян с улучшенным инвентарем и доказывали выгоды его применения, что стимулировало расширение парка крестьянской сельхозтехники.

С другой стороны, массовое обслуживание крестьянских хозяйств должно было поднять в них технику земледелия и тем самым создать фундамент для дальнейшего их прогресса. Это было особенно важно для малоземельных крестьян, которые не всегда могли купить нужные орудия даже по льготному кредиту. Поэтому улучшив свое полеводство с помощью прокатного инвентаря, они могли накопить деньги на его приобретение¹²¹, и это был реальный вариант.

Зерноочистительные станции (обозы) демонстрировали крестьянам преимущество очистки семян, о необходимости которой русская деревня имела самые смутные представления.

---

* С ранней и осенней вспашкой, двойной вспашкой, рядовым посевом, с минеральными удобрениями, с кормовыми травами (клевером, викой, тимофеевкой, люцерной, костром), турнепсом, кукурузой, а также льном и коноплей и т.д.

** В районах землеустройства в конце 1913 г. в 41 губернии имелось 6896 показательных полей. По стране распределялись они, разумеется, неравномерно.

К концу 1913 г. в 47 губерниях имелось, как минимум, 4644 прокатных станции, 3247 зерноочистительных и прочих пунктов и 267 клеверотерочных пунктов. При этом в семи лидирующих губерниях – Волынской, Екатеринославской, Киевской, Полтавской, Самарской, Харьковской и Херсонской – каждая из которых имела свыше 200 прокатных станций, было сконцентрировано 2250 таких станций, т.е. 48.4%¹²². Уже по этим данным видна разница в работе отдельных земств.

Расчеты агрономов на влияние прокатных станций вполне оправдывались. В крестьянской среде возник массовый спрос на сельхозтехнику, что резко повысило обороты сельскохозяйственных складов. Лучшее подтверждение связи между этими явлениями – тот факт, что крестьяне обычно покупали орудия тех же марок и фирм, какие были на прокатном пункте¹²³.

Значительное внимание в процессе уделялось **улучшению животноводства**, которое при переходе к единоличному хозяйству было едва ли не самым уязвимым местом.

Агрономические организации тратили немало сил на устройство случных пунктов с целью добиться улучшения породы крестьянского скота. В районах землеустройства к концу 1913 г. в 41 губернии имелось 3127 случных пунктов крупного рогатого скота с 3650 производителями¹²⁴.

В новых условиях содействие **специальным отраслям** сельского хозяйства было совершенно необходимо. Источники говорят о том, что в общинной деревне было очень непросто завести сад и огород. Поэтому развитие садоводства, огородничества, пчеловодства, а в южных губерниях хмелеводства и виноградарства заняло видное место в агрономической помощи. Росло число показательных садов и питомников, снабжавших население посадочным материалом и т.д.

Агрономическая помощь: информация с мест

Приведенная выше информация, безусловно, важна. Однако ее нельзя воспринимать односторонне – все растет, все увеличивается и, следовательно, все в порядке.

Увы, цифрами нельзя обольщаться – миллионы крестьян только начинали понимать, что знают о сельском хозяйстве недостаточно.

В этом плане особенно важны агрономические отчеты, позволяющих хотя бы отчасти погрузиться в атмосферу, в тот круг больших и малых забот, из которых состояла жизнь и деятельность агрономов.

Мы знаем, как нелегко крестьяне впускали в свою жизнь что-то новое, – прежде всего это касалось сферы повседневности, в частности, хозяйственных привычек, приемов и т.д.

Поэтому усилия многих тысяч агрономов глобально были направлены на преодоление – в самом широком смысле – этого *недоверия*. Процесс этот был очень сложный, и (приемы) меры вырабатывались самой жизнью – где показательные поля, где образцовые хозяйства, чтения и беседы, экскурсии, выставки и др. Главным было убедить крестьян в том, что и они могут вести хозяйство *так*, по-новому, и что в конечном счете это будет выгодно для них.

Агроном зачастую выступал как новый учитель на первом уроке в незнакомом классе. Однако крестьяне не были детьми – и это усугубляло проблему.

Отчеты об агрономической помощи, с одной стороны, типологически схожи, а с другой, сам процесс преодоления недоверия имел свою – часто очень интересную – нюансировку

Приобщить крестьян к агрономии было очень непросто, поэтому отчеты нередко – своего рода педагогические пусть не поэмы, но баллады, хотя и посвященные жизни деревни, но отнюдь не буколического свойства.

Эти тексты – отнюдь не победные репортажи, они большей частью даже несколько пессимистичны, ибо в первую очередь описывают борьбу с человеческими предубеждениями, проводимую не всегда в благоприятных условиях.

Привлекательная черта отдельных отчетов – большая эмоциональность, непосредственность авторов, что вообще характерно для источников такого рода. Они позволяют представить круг забот земских агрономов, меру их трудов и цену их маленьких – и не маленьких! – побед над повседневностью.

Жизнь агронома – своего рода подвижничество с явным привкусом миссионерства.

Эти попытки объяснить, когда тебя не очень расположены слушать.

Это попытки учить, когда ученики часто годятся тебе в отцы и соответственно оценивают твоё мнение.

Кроме прочего – это кочевническая жизнь, это сотни и тысячи верст проселочных дорог, это ночевки не всегда в самых комфортных бытовых условиях, это месяцы и годы, проведенные в рутинной и, на первый взгляд, достаточно скучной жизни.

Надо было очень любить свое дело и обладать ощущением своей Миссии, чтобы заниматься им равнодушно. Ведь увлеченность учителя своим предметом – один из залогов успеха любой педагогики.

Однако постепенно эта ежедневная рутина начинала приносить плоды, и тогда тональность отчетов менялась. В этом смысле отчеты Херсонской и многих других губерний, читаемые подряд год за годом, слегка напоминают советские производственные фильмы, в которых главный герой проходит славный путь от Золушки мужского или женского рода до высот, определяв-

шихся фантазией сценариста и общественно-политическим климатом в стране в год выхода на экран.* Однако так было не всегда и не везде.

Зачастую начинался этот «кинофильм» (агрономическое просвещение) с безнадежных, казалось бы, ситуаций, с того, что даже те крестьяне, которые арендовали показательные поля, не выполняли советов агронома, будучи убеждены в том, что **«урожай не дело рук человеческих и что агроном советует «так, абы так»**», потому что ему за это платят деньги¹²⁵.

«В крестьянской массе были и такие хозяева (есть и теперь), которые самое появление агронома в деревне считали явлением совершенно лишним, ненужным. Им казалось странным, что **приехал какой-то сравнительно молодой человек, в городском платье, и будет учить их, пожилых деревенских жителей, как хозяйничать в поле**, – учить тому самому делу, на котором они родились, выросли и что для них самих настолько ясно и просто, что вряд ли они и нуждаются в чьих-либо советах и указаниях. Так относится большая часть крестьянской массы к выступлениям агронома.

Встречались и такие хозяева, которые отрицали всякую возможность отступлений от дедовских и отцовских правил хозяйничанья; но наряду с этим... находились и люди, которые верили моим словам о том, как хозяйничают в иных местах опытные хозяева и как ведется хозяйство на некоторых опытных полях. Правда, таких лиц было не много, но они были. Во время таких бесед никогда не упускал случая поговорить о недостатке кормов, о возможности травосеяния и о прочих улучшениях крестьянского хозяйства. Как результат таких поездок и бесед, явилась возможность заложить к весне 1911 года одно показательное поле и ряд показательных участков», – писал один их екатеринославских агрономов¹²⁶.

Схожим образом сельское население встречало агрономов и в Воронежской губернии: «Нельзя сказать, чтобы первые чтения привлекали много слушателей и вызывали большое внимание и интерес крестьян. Чтения посещались большинством просто из любопытства, в значительной доле вызываемого световыми картинками, плакатами и другими пособиями.

К советам и указаниям на чтениях большинство относилось недоверчиво: **смущало то, что неизвестно почему появился человек, называющий себя агрономом, который теперь приезжает сообщать, как надо вести крестьянское хозяйство**; было скептическое отношение к тому – знает ли этот агроном сам хорошо то, что говорит, умеет ли практически заниматься сельским хозяйством; не верилось в возможность многого, что рекомендует агрономом, применить к крестьянском хозяйстве»¹²⁷.

---

* Уместна и аналогия с голливудскими спортивно-шпионскими боевиками, где герой много и упорно тренируется, чтобы в хэппи-энде всех победить.

В 1909 г. земский агроном 2-го участка Гадячского уезда Полтавской пишет свой первый годичный отчет. В его участок вошли 6 волостей с примерно 7 тыс. крестьян-общинников, имевших порядка 45 тыс. дес. земли.

Автор отмечает, что каждый агроном фактически должен начинать работу с нуля, поскольку «изучить и воздействовать на такую массу – работа, требующая и больших сил, и значительного времени». Если земская медицина уже приобрела известную популярность среди крестьян, и врачам с фельдшерами не приходится искать своих клиентов, то у агрономов с этим проблемы.

Кроме того, крестьяне уже осознали, что «в совершенно темной для него области лечения болезней, необходимы специальные познания, необходима наука»¹²⁸. И вот в этом-то плане положение агрономии незавидное. Здесь отсутствует «преемственно годами накопленный опыт» и пока нет живой связи между агрономами и населением.

Кроме того, падение урожая, снижение производительности земли, «засорение и одичание полей» стали фактами, к которым крестьяне шли постепенно в течении десятилетий и к которым они так привыкли, что для перелома этой ситуации в лучшую сторону необходимы «громадное напряжение и полная мобилизация сил и средств» как правительства, так и земства¹²⁹. При этом крестьяне, конечно, считали, что знают сельское хозяйство лучше всех¹³⁰.

А вот мнение одного из районных агрономов Самарского уезда А. Рышкина, занявшего это место в декабре 1909 г.

Объезжая свой район и знакомясь с населением, он сразу же столкнулся «лицом к лицу с той стеной крестьянского недоверия ко всякому новому, по городскому одетому человеку, которая не падает и после близкого знакомства и о которую разбивались и разбиваются многие начинания.

Даже в тех селениях, где работа моего предшественника дала положительные результаты, даже в таких селениях в первое время я наталкивался на очень сдержанное ко мне отношение. Здесь опять между агрономом и населением вырастает недоверие».

Предшественник смог в некоторых селениях завоевать симпатии людей и наладить «более искренние» отношения, однако никакой преемственности здесь не было – ему пришлось все начинать заново: «Начинаю говорить о своей будущей деятельности, и физиономия аудитории меняется – я для них только агроном, но как личность я для них чужой, и они молчат.

Останавливаюсь на этой известной для всех черте крестьян потому, что для агронома эта черта есть тот центр, в который надо направлять все свои усилия, и когда это препятствие удастся преодолеть, можно сказать, что агроном взял быка за рога и дело у него наполовину наладилось»¹³¹.

Рышкин представляет себе свой участок «как громадную территорию противника, где каждый обитатель заперт в своей крепости. У каждой кре-

пости есть свои особенности, свои слабые стороны. Агроном как нападающий должен изучить все особенности этих крепостей и начать атаку против слабых, потом уже в союзе с побежденными нападать на более сильных»¹³².

Он отмечает, что есть селения, где крестьяне с любовью относятся к своему труду и к своей земле, на своем уровне обрабатывают ее хорошо и стараются сеять побольше. Когда агроном приходит к ним и начинает говорить о новых способах земледелия, он встречает благодатную почву – люди охотно слушают его и готовы попробовать у себя в хозяйстве тот или другой прием, который он предлагает, – «завоевать такую крепость легко».

Однако есть и такие села, где крестьяне «земледелия не любят, сеют меньше и хуже ходят за пашней». Здесь агроному если и удастся найти последователей, то лишь единичных хозяев (ср. «Три деревни»)

Вывод: «Каждое село и деревню нужно будить отдельно, пример окружающих сел и деревень не действует»¹³³.

Трудно сомневаться в том, что подобные эмоции испытывало большинство агрономов в начальный период своей деятельности, когда они знакомились с хозяйственным строем подведомственной территории.

Препятствия психологического плана, которые приходилось преодолевать агрономам на пути просвещения крестьян, не сводились, понятно, к одному лишь недоверию. Проблема была намного шире, и этот термин обнимал едва ли не весь самый сложный комплекс жизненных и хозяйственных привычек, сформировавшихся у крестьянства разных регионов страны и у каждого отдельного крестьянина.

Агрономическая помощь: краткие выводы

Полное впечатление об агрономической помощи читатели получают ниже после знакомства с материалами Обследования ГУЗиЗ 1913 г.

Однако уже сейчас можно согласиться с Кауфманом, который отмечал, что с 1910 г. агрономическая помощь переживала время «совершенно исключительного... небывалого подъема».

Исследователь делает необычное для представителя оппозиции признание: «Как бы не относиться к деятельности современного... министерства земледелия (имеется в виду ГУЗиЗ – М. Д.) в области аграрной политики, нельзя не отдать ему справедливости в том, что в деле агрономической помощи оно сумело хорошо использовать благоприятную для себя конъюнктуру; надо отдать ему справедливость и в том, что оно сумело найти для своей работы ту верную основную ноту – **единение с местными органами самоуправления и поддержка свободной общественной самодеятельности**, которая так резко выделяет его из общего уровня наших “ведомств” и которая успела

приобрести ему совершенно исключительные общие симпатии. И все же мы – как отлично сознает само сельскохозяйственное ведомство – почти что **не ушли дальше преддверья**».

При этом Кауфман отмечает, что имеющиеся недочеты в организации агрономической помощи в значительной мере связаны с тем, что «местные общественные, в частности, земские круги далеко не везде еще достаточно прониклись убеждением в полезности и **неотложности** широкого и всестороннего развития агрономической помощи»¹³⁴.

И все-таки на пути сельскохозяйственного образования крестьянства **уже** были достигнуты немалые успехи. Если в целом с точки зрения прогресса агрономической помощи страна и не пошла пока «дальше преддверья», то, продолжая аналогию Кауфмана, в некоторых губерниях уже началось знакомство с планировкой здания.

Я не обольщаюсь приведенными выше данными о поступательном развитии агрономической помощи в разных губерниях страны – в тысячах деревень все оставалось по-прежнему. Отчеты многих земств говорят лишь о самых первых шагах. Однако перемены начались – и это были перемены к лучшему.

Так что у реформаторов были безусловные основания для оптимизма. Ведь короткая история агрономической помощи – это еще и история начавшейся победы здравого смысла над косностью и предубеждениями как самих крестьян, так и образованного класса страны. Российские крестьяне оказались не менее восприимчивы к сельскохозяйственным знаниям, чем земледельцы других стран.

Агроном Ананьевского уезда Херсонской губернии в 1908 г. пишет, что в этом уезде, распаханном «до последних пределов... характер полеводства на надельных землях находится в самом неудовлетворительном состоянии, и **причины хронических недородов надо искать не в почвенных и климатических условиях, а исключительно в приемах обработки земли**». Ведь не случайно помещики по соседству собирают урожаи в 3–4 раза большие, чем крестьяне.

Даже земские показательные поля, на которых работает такой же «малосильный крестьянин с самым доступным инвентарем», дают двойные урожаи в сравнении с соседними крестьянскими полями. «Беспорно, **все бедствие неурожая истекшего, как и других прошлых лет, лежит в некультурной обработке земли**, хаотическом пользовании землей, в чересполосице, не дающей возможности разбить степь на клинья, в отсутствии признаков какого-либо правильного плодосмена»¹³⁵.

Столыпинская аграрная реформа начиналась там в таких условиях. Однако буквально за несколько лет многое изменилось.

В нашем распоряжении есть два мнения, которые для нашей темы имеют без преувеличения фундаментальное значение. Они показывают, насколько плодотворным было сельскохозяйственное просвещение деревни, если оно начиналось «не вдруг», если у агрономической организации, как в Херсонской губернии, был определенный опыт, а у крестьян – доверие к ней.

1. **«Время делает свое. Казавшееся несбыточной мечтой становится с течением времени осуществимым. Весь материал, брошенный в деревню в виде различного рода агрономических мероприятий (показательные поля, беседы, прокатные пункты и проч.), дает солидную работу мысли сельскому обывателю, и эта мысль, по-видимому выбивается постепенно на правильную дорогу; дорога эта – маленькие, но постепенные, упорно проводимые хозяйственные улучшения»**¹³⁶.

2. **«Успехи агрикультуры колоссальны. В течение 4–5 лет произошла какая-то магическая метаморфоза»**¹³⁷.

Эти слова в известном смысле вознаграждают многих и многих людей, чьими стараниями всего за несколько лет изменилось то, что не менялось столетиями. Речь идет не только о том, что вместо сохи появился железный плуг, вместо дедовской шапки – сеялки, а вместо кос и серпов – жатки и т.д. Куда важнее, что **иным** стало или начало становиться отношение крестьян к основе своего существования – к сельскому хозяйству. А отсюда неизбежно должны были последовать и более важные перемены во взглядах на окружающий мир вообще.

Принципиально важно для характеристики поля воздействия реформы, что агрономическое просвещение и помощь деревне отнюдь не ограничивались только хуторянами и отрубниками. Увидев, поняв и поверив в то, что агрономы не «антихристы» и что их советы полезны, к ним стали прислушиваться и многие общинники. Так – благодаря близким и живым примерам – естественный консерватизм крестьянства стал постепенно отступать.

Потребление минеральных удобрений и усовершенствованных сельхозмашин и орудий

Внешним выражением этого стал, в частности, рост потребления минеральных удобрений и усовершенствованной сельхозтехники. Только железнодорожные перевозки первых увеличились с 14,7 млн. пуд. в 1905 г. до 37,2 млн пуд. в 1913 г., т. е. в 2,5 раза, а вторых – с 12,8 млн. пуд. до 34,5 млн. пуд., т.е. в 2,7 раза*.

* Речь идет о сельхозмашинах и орудиях «кроме деревянных».

Эта тематика довольно подробно рассмотрена в моей монографии о все-российском рынке*, и я постараюсь быть кратким.

Громадный рост потребления усовершенствованной сельхозтехники в годы реформы был связан прежде всего с переходом к новым формам хозяйствования и радикальным усилением агрономической помощи.

Путем сравнения Переписи сельскохозяйственных машин и орудий 1910 г. и данных об их железнодорожной транспортировке мне удалось доказать, что информация о перевозках является надежным критерием оценки потребления сельхозтехники.

Количественный (кластерный) анализ погубернского прибытия сельхозтехники в 1900–1913 гг. позволил выделить три устойчивые группы губерний со схожим типом динамики потребления сельхозмашин.

В первую группу вошли Екатеринославская, Херсонская, Самарская и Томская губернии, Донская, Кубанская и Акмолинская области.

Во вторую – Московская, Варшавская, Бессарабская, Подольская, Киевская, Полтавская, Харьковская, Воронежская, Тамбовская, Таврическая, Саратовская, Оренбургская, Ставропольская и Тобольская губернии, а также Терская область.

В третью группу – все остальные губернии России¹³⁸.

Эта группировка вполне адекватна всей сумме наших знаний о сельском хозяйстве страны в конце XIX – начале XX вв.

Россия была очень разной и с точки зрения обеспеченности сельхозтехникой.

Разрыв в уровне потребления сельхозтехники между губерниями разных групп был огромным. Если в степных губерниях применение уборочных и других машин было необходимостью, то в Нечерноземье агрономам еще приходилось доказывать преимущества плуга перед сохой.

Поэтому факты, не без гордости упоминаемые в отчетах по, скажем, Нижегородской губернии как иллюстрация достижений агрономической помощи («плуги стали ходовым товаром»), вызвали бы улыбку специалистов Екатеринославской и соседних с ней губерний, где на повестке дня стояли проблемы другого качества. Хотя Нечерноземье априори не нуждалось в таком количестве сельхозтехники, которое было в южных губерниях, где зерновое хозяйство доминировало, тем не менее *все* примеры так или иначе важны как маркеры начавшегося движения вперед.

Огромный рост транспортировки сельхозтехники в начале XX в. – это прежде всего рост получения их в семи губерниях первой группы, на долю которых падает от 40 до 50% всей суммы перевозок. Рост особенно заметен с

---

* Давыдов М. А. Всероссийский рынок... Издание второе, дополненное. С. 513–607.

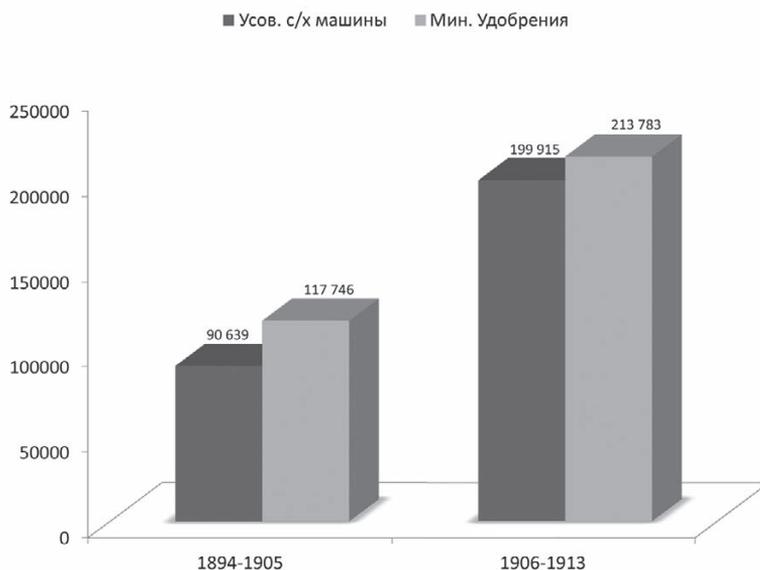

Диаграмма 18. Железнодорожные перевозки усовершенствованных сельхозмашин и орудий и минеральных удобрений в 1894-1905 и 1906-1913 гг. (тыс. пуд.)

началом реформы, и прежде всего – для Сибири и Дальнего Востока. Сибирь с 1906 г. превращается в рынок сельхозмашин мирового значения. Если до реформы она поглощала максимум 6% имперских перевозок, то в 1906–1913 гг. до 15% и более.

Пять из семи губерний первой группы – признанные лидеры в зерновом производстве, а в Томскую губернию и Акмолинскую область шел основной поток переселенцев.

Во вторую группу вошли губернии с разным начальным уровнем потребления, которые объединяет тип динамики потребления и средневысокие итоги получения, значительно возрастающие в 1910–1913 гг.

То же фиксируется и применительно к целому ряду губерний третьей группы, однако там речь идет, как правило, о «росте с нуля», который, однако, все равно остается ростом.

Сказанное характеризует один факт из разряда *sapienti sat*:

В 1906 г. Северные, Приозерные, Приуральские, Прибалтийские, Литовские, Белорусские, Центрально-Промышленные, Центрально-Черноземные и Средневожские губернии вместе взятые получили столько же сельхозтехники (на 3,7 тыс. пуд. больше), сколько Херсонская и Екатеринославская – 1929,0 тыс. пуд. против 1925,3.

В 1913 г. ситуация, хотя и остается как бы не вполне нормальной, но уже начала меняться – теперь 34 (!) губернии, входящие в состав этих районов получили в сумме 7095,7 тыс. пуд. сельхозмашин и орудий, а две Новороссийские – 2976,9 тыс. пуд. соответственно.

То есть продолжался рост потребления в губерниях-лидерах, но одновременно шло его увеличение в нечерноземных и северно-черноземных губерниях. Разумеется, не случайно в 68 из 86 губерний и областей России, т.е. в каждом четырех из пяти, в 1910–1913 гг. было получено сельхозтехники больше, чем в 1900–1909 гг. (без 1903–1904 гг.).¹³⁹

И это очень важный итог реформы.

Крестьянский поземельный банк

Деятельность Крестьянского банка была одним из главных направлений реформы.

Ее целью, как мы помним, было увеличение крестьянского землевладения. Поэтому он решал две задачи: продать крестьянам свои земли и играть роль посредника-кредитора в тех случаях, когда крестьяне самостоятельно находили варианты покупки земли*.

После 1906 г. Банк, условно говоря, слегка мистическим образом материализовал заветное желание поколений российских социальных «мечтателей» о «золотой рыбке», правда, в сфере, которую те игнорировали.

Как бы то ни было, но фактически Банк стал как бы «волшебником», позволявшим бедняку за вполне доступные деньги купить землю и стать самостоятельным хозяином.

Требований было два – желание трудиться и чувство ответственности.

С началом реформы условия продажи и погашения кредита стали намного выгоднее для крестьян. Платежи заемщиков (проценты по ссуде) понизились – с 5,25–5,75 руб. до 4,50 руб. в год с каждых 100 руб. ссуды при сроке 55,5 года. (на 14–21%)

Если землю приобретало товарищество или община, то ссуда Банка составляла 80% цены земли, а если крестьянин-единоличник – то 90% (т.е. он вносил лишь 10% стоимости).

Безземельным и малоземельным крестьянам разрешалась выдача 100% ссуд. «Однако это было скорее исключением. По мнению администрации Крестьянского банка, выплата части покупной стоимости приобретаемой крестьянами земли имела своеобразное «воспитательное» значение, так как

---

* В стране был огромный полутеневой «риэлтерский» рынок, о котором мы пока не очень осведомлены.

укрепляла в крестьянах-покупщиках чувство собственника: «Необходимо, чтобы покупатель раньше, чем превратиться во владельца приторгованной земли, покрыл известную часть покупной цены... Уплатив за землю из трудовых сбережений, крестьянин проникается сознанием, что эта земля его неотъемлемая собственность, и как бы роднится с нею»¹⁴⁰.

Банк стремился продавать землю в единоличное пользование.

Поэтому хуторяне получили дополнительные льготы – им ссуда выдавалась на полную стоимость земли, а отрубники сразу должны были вносить 5% наличными. Если покупатель не мог сразу внести задаток, Банк сдавал ему участок в аренду сроком до трех лет, позволяя, что называется, «подняться и собраться с деньгами». В среднем цены на землю, покупаемую крестьянами у банка, были на 23 процента ниже, чем на земельном рынке¹⁴¹.

Всего за 1906–1915 гг. Банк выдал 352,7 тыс. ссуд на сумму 1,071 млн. руб., в результате чего в собственность крестьянам перешло 10,013 млн. дес.¹⁴² (это площадь современной Болгарии).

Таким образом, государство только через Банк инвестировало в аграрную реформу свыше миллиарда рублей.

Попробуем «оживить» эту информацию и увидеть, как это работало.

Банковские истории

Вот несколько конкретных примеров того, как с помощью Банка обзаводились первоклассным хозяйством крестьяне, обладавшие характером, вызывающим уважение во все времена.

Каждая такая история – в своем роде робинзонада, жанр очень обаятельный, в том числе и потому, что эффективно стимулирует эмпатию.

История № 1. крестьянин Алексей Аристархович Лобода из полтавского села Малые Крынки, владелец банковского хутора, организованных на земле поместья П. Я. Маламы.

Его отец, безземельный крестьянин, всю жизнь прослужил приказчиком в этом поместье. Благодаря службе он приобрел сначала усадьбу (треть десятины с хатой), в 1889 г. – 2 дес., а в 1899 г. еще 2 дес. земли через Крестьянский банк, на которых до 1908 г. и работал Алексей Лобода, мечтавший о своей земле, на которой он мог бы вести правильное хозяйство.

Когда в 1908 г. Банк купил имение Маламы и начал его распродавать, он, увидев в этом свой шанс, стал уговаривать отца купить участок и поселиться на хуторе, продав до этого их хозяйство в Крынках. Отец, однако, не только не поддержал его, «но за вольнодумство прогнал, пригрозив лишить наследства».

Алексей не растерялся «от этого первого напутствия в самостоятельной жизни». У него было 75 руб. своих денег, еще 40 руб. он занял в кредитном товариществе, и купил хуторской участок в 10,15 дес., внося 5% наличными, т.е. 112 р. 63 коп.

Взяв участок в 1908 г. на правах арендатора (упомянутая банковская новация времен реформы), в 1909 г. он уже на правах собственника положил «много изворотливости и трудов» на оборудование своего хутора.

«Только неутомимая энергия и разносторонняя способность Лободы дали возможность ему по прошествии целых четырех лет, выйти полным победителем»¹⁴³.

Он получал медали на выставках за полеводство и птицеводство, вокруг него образовался кружок последователей¹⁴⁴.

История № 2. Хозяйство крестьянина Афанасия Алексеевича Супрунова из Новоскольского уезда Курской губернии.

Супрунов был батраком, имевшим клочок наделной земли. С помощью Банка он купил 7 дес. земли, за которые ежегодно платил 85 руб. процентов по ссуде, т.е. 12 руб. 15 коп. за дес. В его районе столько стоила дешевая многолетняя аренда десятины (15 руб. при краткосрочной аренде).

В 1907 г. он начал с трехполя, однако все время старался учиться у местного агронома, и в 1910 г. поехал на первые курсы для хуторян в Курске, где «отличался особой внимательностью ... и своим примером увлекал других слушателей; на экзамене он проявил удивительную память и сообразительность. Эти особенные личные свойства Супрунова отличают его и как хозяина».

Он инициировал создание в селе маслодельной артели и сам в итоге стал маслоделом, вырабатывающим продукцию высокого качества, которая продается по «высшей существующей цене».

Таким образом, пишет автор описания, его энергии «округ обязан тем, что создался выгодный сбыт продуктов молочного хозяйства и скотоводство начинает занимать надлежащее место в хозяйстве крестьян», вытесняя сильно истощающий землю подсолнух корнеплодами, а также усиливая удобрения земли.

Его небольшое хозяйство «благодаря энергии и трудолюбию его владельца, несомненно таит в себе высокую способность развития в сильное с правильным соотношением отраслей мелкое хозяйство»¹⁴⁵.

История № 3. Филипп Иванович Чернов, крестьянин нижегородского села Большое Ртищево.

Он был плотником и земледелием всерьез никогда не занимался. С одной стороны, ему вполне хватало доходов от отхожего промысла, с другой сто-

роны, «узкая и крайне неудобная чересполосица в наделе держали Чернова в стороне от хлебопашества».

Однако доходы от ремесла упали, а семья увеличилась. Тогда в 1909 г. Чернов оставил топор, продал свой надел в 3 дес. и на эти деньги купил 16 дес. у Крестьянского банка. Земля ему досталась совершенно истощенная, поскольку до того была в аренде у местных крестьян.

Весной 1910 г., получив в Землеустроительной комиссии 150 р. ссуды на домообзаводство, Чернов выкопал колодец и переехал на свой участок. Жили они с сыном сначала в соломенном шалаше, а к осени вырыли землянку с небольшим оконцем. Весь его инвентарь тогда состоял из топора и нескольких кур, поэтому первые два года купленную землю он сдавал в аренду.

Время, проведенное в землянке, было самым «худшим временем их жизни». Однако они быстро встали на ноги, благодаря трудолюбию и советам агронома. Чернов завел семиполье, стал применять улучшенные приемы обработки почвы, травосеяние и минеральные удобрения и в итоге урожаи повысились и доход от участка стал обеспечивать самостоятельное существование всего хозяйства.

Постепенно он приобрел скот, инвентарь, заложил сад (60 яблонь, 160 ягодных кустов), начал строить глинобитное огнестойкое помещение для скота.

«Несмотря на свою бедность и существующее среди крестьян воззрение, что для скота безразлично, в каком помещении находится и как он содержится, Чернов, можно сказать, на последние крохи строит теплый скотный двор»¹⁴⁶, думает о научном кормлении скота, улучшении породы и переходе к молочному скотоводству.

Вообще к ведению хозяйства Чернов относится вполне сознательно, много читает и советуется с агрономом. По его примеру в соседних отрубных поселках все поголовно ввели травосеяние и добывают клеверные семена.¹⁴⁷

История № 4 – о весьма небанальном человеке Михаиле Михайловиче Барбашове из села Высокина Чембарского уезда Пензенской губернии.

В 1909 г. он купил у Банка 16,25 дес. из соседнего имения, а в 1911 г. к этой земле прирезал отруб своей надельной земли (около 7 дес.), так что всего у него было 24 дес.

Описание его хозяйства заканчивается такими словами: «Успех хозяйства Барбашова обусловлен его личными качествами Небольшого роста, подвижной и молодой для своих лет, Барбашов одарен богатой способностью применяться к новым обстоятельствам и, раз поверив в какое-нибудь дело, умеет привести его в исполнение».

Когда Банк начал ликвидировать, т.е. распродавать купленное им соседнее имение графа Генок, Барбашов стал агитировать братьев и односельчан

за покупку отрубов, «но крепкие старине высоковцы, несмотря на то, что он пользовался их доверием и уважением и был председателем волостного суда, не послушались и осмеяли его.

Дело кончилось тем, что он порвал с семьей и купил банковский отруб; с обществом он вследствие выхода из общины также разошелся и оставил место председателя суда.

Под градом насмешек и угроз начал он хозяйничать на своей земле, ища новых путей и прислушиваясь к советам агрономов.

Энергия и любовь к делу привели его хозяйство в превосходное состояние, вследствие чего односельчане уже теперь подражают ему в приемах полеводства, и высокоинские посевы выглядят лучше, чем у крестьян соседних сельских обществ.

Хорошее ведение хозяйства вернуло ему прежнее уважение – он председатель местного сельскохозяйственного общества и член правления потребительского общества»¹⁴⁸.

Этому предшествуют 6 страниц весьма насыщенного информацией текста, которые вполне обосновывают эту характеристику. Уже в 1911 г. Барбашов получил на сельскохозяйственной выставке в Пензе малую серебряную медаль за полеводство.

История № 5. У Семена Афанасьевича Курдина был банковский хутор в 21,3 дес. возле дер. Большой Умыс Кузнецкого уезда Саратовской губернии.

До реформы Курдин был общинником, и у них с отцом на двоих был надел в 2 дес.

Землю приходилось арендовать или у помещиков или у Крестьянского банка. Из-за плохой обработки, посева из года в год одних и тех же хлебов без удобрения урожаи были крайне низкими, оправдывая лишь затраты по посеву.

Перезжая в ноябре 1910 г. на хутор, Курдин имел 2 жеребят, 2 телят и 5 кур, а также плуг Эккерта, соху и деревянную борону, телегу и сани.

У него было ни денег, ни рабочего скота, ни семян, но ссуду на перенос строений он не взял, «дабы не втянуться в долги». Поэтому в 1911 г. он часть земли сдал в аренду, и полученные деньги ушли на необходимые платежи. **«Но приходилось плохо: зиму вся семья ела только черный хлеб».**

Он взялся вести показательное поле и потому получил значительную поддержку семенами и сельхозтехникой со стороны губернской Землеустроительной комиссии.

Благодаря «настойчивому желанию обрабатывать хутор самому», весной 1912 г. вся земля была засеяна по плану, выработанному агрономами.

Однако «в данном случае агрономическая помощь, так сказать, только указала правильные пути полеводства, имея в лице Курдина готовую почву для всякого рода начинаний агрономического характера.

Не агрономическая организация искала подходящего хозяина для показательных полей, а, наоборот, Курдин ждал лишь советов агронома, понимая всю необходимость хозяйничанья по-новому»¹⁴⁹.

Одновременно Курдин закладывает плодовой сад, купив за свой счет посадочный материал в питомнике, устраивает парник для ранних овощей и заводит огород. «Заброшенное, засоренное усадебное место начинает принимать культурный вид»¹⁵⁰.

Полученный в 1912 г. урожай хлеба и трав позволил Курдину «стать уже совсем твердо на ноги и расширить свое хозяйство». С весны 1913 г. площадь под садом увеличивается (яблони, груши, сливы, вишня, малина, смородина), появляются 4 колоды пчел, разводится птица (34 курицы вместо 5 – плюс 50 уток), проданные овощи дали 80 руб., из жеребят выросли хорошие рабочие лошади, есть две дойных коровы и телка.

А на столе – «белый хлеб из своей муки, молочные продукты, малина из своего сада, мед от своих пчел».

В год Курдин платит 152 руб. (Банку, казне и земству) без недоимок. И все это благополучие – результат упорного, настойчивого труда хозяина.

Вот какую характеристику ему дает составитель описания: «Семен Курдин – грамотный 30 лет. Человек он в высшей степени бережливый. Работает с раннего утра и до поздней ночи на хуторе, в саду, в огороде, в поле. Все делает собственными средствами до парников включительно.

Любит свое хозяйство, свой хутор, свой скот, и ухаживает за ним с исключительной заботливостью и нежностью. Небольшой живой инвентарь его выглядит здоровым, сытым, бодрым. Интерес Курдина ко всякого рода новшествах в хозяйстве исключительный – никакая упорная, продолжительная и трудная работа не остановит его на пути к раз намеченной цели.

Организационный план полевого хозяйства, выработанный агрономами Землеустроительной комиссии, выполняется им безукоризненно и точно.

Никаких понуканий, ни одного напоминания о той или иной работе на паровом ли поле, в пропашном ли клину.

Состояние его полей в 1913 г. образцовое: все на своем месте, везде чувствуется уход и забота хозяина; несмотря на дождливое время сорных трав в хлебах не видно; пропашные посева промотыжены... пар представляет наилучшую обработку... даже по сравнению с показательными полями других хозяев...

И все это благодаря неустанному, упорному труду, недюжинному характеру, силе воли и настойчивости, интересу к каждой мелочи в хозяйстве, любви к земле и к работе на ней»¹⁵¹.

Отмечается, что «значение введенных улучшений Курдина огромно. Оно прежде всего разрешает важный кормовой вопрос, позволяя не уменьшать живой инвентарь, а, наоборот, увеличивать его.

Влияние хозяйства Курдина на соседей несомненно, и, несмотря на свою недолгую историю, у него уже есть подражатели. Ближайшие хуторяне уже переняли кое-что из новшеств в хозяйстве Курдина. Хорошие укусы кормовых трав убедительно показали крестьянам всю пользу травосеяния и возможность обойтись без старинных выгонов и пастьбы по парам до Иванова дня».

Пока мы говорили о земле, проданной Банком из своего фонда.

Однако не менее важную роль в увеличении крестьянского землевладения сыграли и посреднической операции Банка, благодаря которым в руки крестьян перешло свыше 5 млн. дес. земли.

У нас есть крайне интересный пример одной из таких операций.

С весны 1909 г. крестьяне ряда южных и западных губерний начали покупать в единоличное владение землю у помещиков Калужской и смежных губерний, а в августе начали на нее переселяться.

Журналист Н. Карабанов осенью 1911 г. произвел подворное обследование 912 переселенческих семей с 5655 душами обоего пола и изложил его результаты в работе «Переселение и расселение крестьян».

Из 912 хуторов 765 располагались в Калужской губернии, 107 – в Московской и 40 – в Смоленской. (83,8% – 11,7%, 4,4%). (56)

Киевская губерния дала 86% переселенцев, Волынская – 4,6%, Херсонская – 3,5%, а Витебская, Люблинская, Петроковская, Подольская, Келецкая, Курляндская в сумме 6 %.

Национальный состав крестьян был неоднородным. Так, впечатляющая «смесь племени и наречий» оказалась в бывшем имении Козлова в Калужском уезде, где на площади в 1400 дес. поселились представители шести (!) национальностей – украинцы, немцы, чехи, поляки, эстонцы, латыши.¹⁵²

Карабанова особенно поразил уровень грамотности переселенцев – 87,8% общего числа!

Я не до конца понимаю методику подсчета, однако его комментарий данного факта приведу полностью: «Процент американский! В Северо-Американских Соединенных штатах неграмотных 11,7%, грамотных – 89,3%. Откуда же это у нас при нашей общей некультурности, при среднем по России проценте – 27,7% грамотных?

Вывод может быть только один: на переселение вообще решаются в большинстве случаев только смелые люди. Для того же, чтобы решиться ехать в такое место, где еще никто из соотечественников не был, быть застрельщиком, передовым, – нужно быть из смелых смелым.

Особенно при нашей русской неподвижности и стадности. У нас и на заработок идут вместе, целой деревней или волостью. Если же приходится приглашать человека в новое для него место, где никто из родных или знакомых еще не работал, то он долго будет думать, сомневаться, отнекиваться.

А здесь переселение со всей семьей, со всем скарбом. На родине все уже продано, вернуться обратно нельзя. Да, нужно быть смелым, а смелые, решительные люди давно уже сознали пользу грамоты и научились находить ее даже помимо всякой школы»¹⁵³.

На родине четверть переселенцев (25,3%), «не имели никакой стройки и жили, очевидно, на заводах, в экономиях и т.п.».

Из числа остальных безземельных было 8%, менее 1 дес. имело почти 19%, 1–3 дес. – 34%, 3–7 дес. – 25,8%, и более 8 дес. – 13,5% переселенцев.

Что изменилось?

В Нечерноземье переселенцы приобрели участки земли размером от 10 до 98 дес. на домохозяина и расселились хуторами.

Две пятых семей купили 10–19 дес., более трети (34%) – 20–29 дес., свыше пятой (21,6%) 30–40 дес. и у 4,4% во владении оказалось от 50 до 98 дес.*

Средний размер нарезанных участков – 18 дес.

Это волшебные перемены были заслугой Крестьянского банка.

Интрига сюжета состоит в том, что десятина земли в Киевской губернии стоила 300 руб., а в Калужской – от 76 до 125 руб., причем Крестьянский банк выдал покупателям необходимую сумму почти полностью, так что им пришлось доплатить 8–10 руб. за десятину земли помещику.¹⁵⁴

Возьмем 365 хуторян, которые на родине или не имели ничего или имели 0,5–1 дес. Они купили себе от 10 до 19 дес., дав в среднем помещику 100–150 руб., притом в два срока: при подписании запродажной бумаги за землю и при получении купчей, т.е. почти через год.

Дорога стоила от 40 до 70 руб., значит, со 150–200 руб. в кармане вчерашний батрак сегодня стал хозяином с 10–19 дес. земли.

В итоге многие переселенцы смогли и купить землю, и завести хозяйство на новом месте, а на родине остались еще непроданными и земля, и усадьба с постройками.

Карабанов приводит один из своих расчетов (№ 27).

Человек продал перед отъездом:

Земли 1,5 дес. за 525 руб.

Постройки за 315 руб.

Лишней скотины – на 60 р.

Итого он привез с собой 900 руб. денег, кроме скота и инвентаря.

* Последняя величина хуторов (98 дес.), противозаконная на первый взгляд (по уставу Крестьянского банка для Калужской губернии предельный размер участка равен 36 дес.), объясняется очень просто. Домохозяева, владеющие участками выше нормы, являются главами семей с несколькими взрослыми сыновьями, имеют замужних дочерей. Участки записывались на сыновей и зятьев. Двор, скот, инвентарь принадлежит всей семье, и хозяйство ведется сообща.

Здесь купил участок в 34 дес., уплатил помещику 272 руб. остальные заплатил Крестьянский банк. Имеет 3 головы рогатого скота и пару свиней, необходимый инвентарь. Летом, помимо полеводства, откармливал 12 голов скота, продав который осенью, получил 150 руб. чистого барыша.

А те, у кого дома было по несколько десятин собственной земли, и вообще приехали богатеями с основным капиталом в несколько сот и даже тысяч рублей.¹⁵⁵

Карабанов расспрашивал переселенцев о мотивах изменения сценария жизни.

Очевидно, что у тех, кто был оторван от земли, было стремление опять к ней вернуться – и по соображениям духовного (психологического) порядка, а не хозяйственного. – «Надоело служить – захотелось вольной жизни», говорят они о мотивах переселения.

Автор замечает: «Для малограмотного крестьянина, душевному складу которого не соответствует это подчиненное положение, человеку с инициативой* один выход – приобретение земли».

Вторая группа, хорошо обеспеченная землей, «тоже ищет не столько земли, которой в большом количестве она владели и на родине, а скорее широты размаха для своей промышленной деятельности.

Когда я спрашивал их:

– Вот у вас и земли много было и скота достаточно. Почему же вы бросили насиженное место?

– Хотелось больше земли – отвечали мне.

– Хотелось еще больше земли иметь, большую усадьбу, пруд, больше скотины.

Ясно, что им не для удовлетворения насущных потребностей нужна новая земля. Занимаясь промышленным земледелием на родине, они тоже чувствуют тесноту, невозможность развернуть свои силы во всю ширину.

А с деньгами везде простор, капиталу везде почет. Торговец среди переселенцев опять откроет лавку. Промышленник найдет много способов увеличить свой капитал, улучшит благосостояние, а там глядишь, и в купцы выйдет.

Наконец, третья группа – среднего крестьянства. На родине они имели небольшие наделы и не могли пополнить их ни покупкой, ни арендой до необходимого по их понятиям размера.

– Тесно – коротко отвечали мне переселенцы. Не на чем работать.

Не с чего жить – земли мало, народу много.

– «Чересполосное хозяйство» – «Не было выпасу» – «Толоки нет». – «Лошади подошли».

---

* Примета времени – автор в сноске объясняет значение слова инициатива – «способность к самостоятельному почину».

Немногие пытались насмехаться над своим положением:

– Жить хорошо было – курку за ногу на дворе привязывали.

Некоторые на мой вопрос о количестве скота безнадежно махали рукой:

– Весной покупал пару коней, а как кончалась работа, опять на зиму продавал – кормить ечем. Сена зимой за рубль не найдешь.

– Нема же, где пасти и годувать худобу (скот) нечем».

Выгоды происшедших перемен были очевидны.

«Отсюда понятно то бодрое настроение, которое пришлось нам встретить среди хуторян. Ту веру в будущее и довольство настоящим, которые служат самым верным залогом процветания их на новой земле.

Впечатления переселенцев от новой земли таковы: «Здесь лучше, чем дома». «Бог его знает, земля нравится». «Лучше, чем на родине». «Жить можно, есть где годувать худобу, топливо есть и земля родит». «Рай отверзился здесь» и т.д.¹⁵⁶

И их не пугало то, что большей частью они купили лесистую землю, требующую очень тяжелой подготовки и обработки.

Немногим меньше половины всех хуторов (47%) совершенно не имели пахотной земли, их владельцы должны были сводить лес и заросшие вырубки.

Были и хутора сплошь лесные (16,1%) Один такой – в 98 дес. столетнего дубового и другого лиственного леса.

Однако людей не пугали трудности такого рода.

Купленное пространство было огромным полем приложения труда, это и был один из путей уменьшения аграрного перенаселения.

Так, благодаря Крестьянскому банку, изменились старые критерии землеобеспеченности – теперь земля стала доступной фактически для всех. Требовалась только добрая воля и усердие.

Переселение в Сибирь. Азиатская Россия и реформа Столыпина*

В этой тематике необходимо выделить два взаимосвязанных аспекта.

Первый связан собственно с тем, что принято называть переселением, второй касается экономических и геополитических аспектов развития Империи.

Переселение за Урал было одним из важнейших направлений реформы, со временем трансформировавшимся в масштабный план освоения Азиатской России.

---

* Подробнее см.: Давыдов М. А. «20 лет до Великой войны»... С. 706–765.

Я касаюсь этой проблемы лишь в той минимальной степени, в какой это необходимо для понимания стратегии и тактики реформы.

Столыпинское переселение и сто лет назад, и в наши дни является объектом интенсивного негативного мифотворчества, которое особенно мерзко выглядит сейчас, – ведь с тех пор наша история «обогатилась» такими перлами гуманизма, как принудительная депортация миллионов людей – раскулаченных, заключенных ГУЛАГа и целых народов.

В массовом сознании бытует мнение о том, что переселения – это очередная провальная акция царизма, заманившего наивных крестьян в Сибирь, изобретшего для этого пресловутый «столыпинский вагон» и бросившего их там на произвол судьбы.

В доказательство приводится высокий процент обратных переселенцев, т.е. тех, кто вернулся из Сибири, а также отвратительные якобы условия переезда. В интернете вслед за советскими историками твердят о том, что «людей везли как скот».

Попробуем разобраться.

Сибирь вошла в состав России в XVII в., и с тех пор было три основных вида ее колонизации: ссылка туда преступников, заселение по инициативе правительства, и «вольнонародное», т.е. стихийное, самовольное переселение. Доминировало, безусловно, последнее, хотя правительство его не поощряло.

Мы знаем, что после 1861 г. правительство, имевшее громадные запасы свободных земель за Уралом, не заботилось об их использовании и из чисто крепостнических соображений 30 лет тормозило переселение. Как всегда, оно опасалось излишней «подвижности и бродяжничества» крестьян и укрепления «несбыточных ожиданий общего дополнительного наделения их землей»¹⁵⁷.

Тем не менее, стихийное переселение людей – на свой страх и риск – продолжалось, и равнодушие власти к нему – не та страница пореформенной истории, которой можно гордиться. Картина С. И. Иванова «Смерть переселенца» вовсе не агитация и пропаганда.

Строительство Транссибирской магистрали начало новый этап в истории Азиатской России.

После 300 лет русского владычества население Сибири составляло 4,5 млн. чел., а Трансиб всего за 20 лет (1896–1916 гг.) почти удвоил это количество – за Урал переселилось 4 миллиона человек, из них свыше 3-х – в годы реформы.

Напомню, что начало организованного переселения относится к 1890-м гг. и связано с деятельностью Комитета Сибирской железной дороги (далее: КСЖД), который возглавлял цесаревич (позже император) Николай

Александрович, которому помогали Бунге и Куломзин. В 1892–1903 гг. КСЖД стратегически курировал строительство Транссиба и организацию процесса переселения в целом. При этом в 1896 г. в рамках МВД было создано Переселенческое Управление, решавшее технические вопросы переселения.

КСЖД начал создавать цивилизованную с учетом места и времени систему правительственной помощи переселенцам – и во время переезда, и в период обустройства на местах.

Была резко снижена стоимость билетов и организована врачебно-продовольственная помощь по пути следования, благодаря чему смертность среди переселенцев радикально сократилась.

По данным Кауфмана, в 1880–1894 гг. она составляла 3,6%, в 1896 – 0,4%, для 1899 г. – 0,17%.¹⁵⁸ По Куломзину, в 1895 году она равнялась 1%, в 1896 г. – 0,6%, в 1898 г. – 0,23%, в 1901 г. – 0,18%.¹⁵⁹

И вот на эту-то систему и опиралось возобновленное в марте 1906 г. переселение.

Переселенческий закон 1889 г. предоставлял тем, кто решался попытаться счастья в Сибири, два варианта:

1) Ехать с разрешения властей с соблюдением всех установленных законом правил и в этом случае пользоваться помощью и льготами при переезде и обустройстве на новом месте;

2) Ехать самовольцем, на свой страх и риск, как едут обычные пассажиры, по дорожному тарифу и без льгот и пособий (исключения бывали). Самовольцев расселяли только «по мере возможности».¹⁶⁰

В первом случае обязательным условием была предварительная посылка в Сибирь так называемых ходоков, т.е. людей, которые должны были осмотреть предлагаемые участки, выбрать подходящие и в установленном порядке зачислить за собой землю.

То есть правительство стремилось отсеять ненадежных переселенцев – люди должны были понимать, куда они едут и что их ждет.

В стоившую 5 коп. «Справочную книжку для ходоков и переселенцев» на 1913 г. перед оглавлением вклеивалась памятка с напечатанными крупным шрифтом тезисами: «**Не переселяйтесь на новые места, если там не был ходок и обеспечил вас землею**»; «Не переселяйтесь, если у вас нет собственных средств на устройство нового хозяйства и мало рабочих рук»; «Не рассчитывайте только на казенное пособие (ссуду)».¹⁶¹

Ходоков могла посылать одна семья или группа семей.

Благодаря отметке о зачислении земли семье выдавали необходимые документы для получения всех льгот – дешевого тарифа на проезд и провоз багажа (и скота!), ссуды на дорогу и на домообзаводство на зачисленном участке.

Однако были и другие способы переселиться. В Сибири широко практиковалась приписка к обществам крестьян-старожилов (в годы реформы Столыпина так сделало не менее 400 тыс. чел.), а также покупка и аренда земли.

Это был путь для самовольцев, но не для самых бедных, поскольку за приписку надо было платить.

При этом сотни тысяч самовольцев ехали просто по принципу – я хочу и я еду, а там посмотрим – будь, что будет.

Сказанное надо учитывать, когда мы обращаемся к статистике переселений.

Известно, что это проблемный источник, требующий дополнений, корректировки и т.д., что связано в первую очередь с несовершенством и неполнотой регистрации.

Чаще всего число оставшихся в Сибири за 1906–1914 гг. оценивается в 2,7 млн., однако более корректна цифра – в 3,1 млн.

60% переселенцев прибыло в 1906–1909 гг., когда Сибирь захлестнула переселенческая волна. Наплыв переселенцев был столь мощным, что правительство вынуждено было временно отменить свободное переселение.

Однако надо знать, что из 3 млн. зафиксированных в Челябинске переселенцев, 1170 тыс., или 38,5% – это самовольцы.

То есть в каждой тысяче переселенцев было 385 человек, которых никто не ждал и которые приехали на свой страх и риск.

А в числе 340 тысяч вернувшихся – обратная пропорция – каждые три пятых не имели необходимых документов.

В какой-то момент в Сибири скопилось около 700 тыс. неустроенных людей, но надо иметь в виду, что в массе это самовольцы, которые не хотели ехать на свободные земли в Восточной Сибири.

Они ждали окончания землеустройства старожилов на Алтае, где были лучшие в Сибири земли, и в массе дождались. Чаще всего риск оправдывался, но не всегда.

Кстати, громадное их число – лучшее доказательство добровольности переселения, того, что никто, вопреки мнению оппозиции, в том числе и Ленина, не выдавливал людей в Сибирь.

Ясно, что среди переселенцев было много людей, плохо понимавших, куда они едут и не готовых к испытаниям. Брошюрам, в которых говорилось о трудностях, они не верили. Естественно, что были те, кто не прижился и вернулся домой.

Вместе с тем не могу не привести следующую характеристику из «Обзора деятельности ГУЗиЗ за 1912 г.»: «Заметное уменьшение переселенческого движения, коснувшееся главным образом, самовольцев, дало возможность обратить усиленное внимание на устройство уже осевших за предыдущие

годы на местах водворения, но земельно необеспеченных самовольных переселенцев.

Точный подсчет числа проживающих на местах самовольцев крайне затруднителен, ибо контингент последних чрезвычайно подвижен; в постоянных поисках за землей самовольцы переливаются из одного района в другой, прибывают из России и снова возвращаются на родину...

Всего... самовольцами занято 111,5 тыс. долей. Предоставленный же им фонд был значительно больше и мог бы обеспечить землей почти всех самовольных переселенцев, но препятствием является упорное нежелание оставить облюбованные ими места, где свободных долей на всех самовольцев, не хватает, и перейти в другие подрайоны и районы, где свободных долей достаточно.

Все местные организации отмечают самовольцев как наиболее устойчивый, приспособленный и упорный в своем стремлении к земельному устройству и потому наиболее желательный колонизационный элемент.

Эта та категория переселенцев, которая пошла на переселение, несмотря на отсутствие каких-либо льгот по перевозке, по получению земли, ссуд и проч., значит, тронулась с насиженных мест с самым серьезным упорным намерением устроить свою судьбу на новых местах.

При тех вообще суровых условиях устройства и ведения хозяйства, какие существуют почти всюду в Сибири, такие качества самовольцев, как **настойчивость в достижении раз намеченной и действительно серьезной цели нового хозяйственного устройства – является лучшим приобретением для Сибири как колонии**; такие качества обеспечивают и дальнейшие успехи оседающего в Сибири самовольческого элемента в стремлении не только устраивать свои хозяйства, но и улучшать и двигать их вперед...

Эти испытанные судьбой в течение нескольких лет и все же оставшиеся на новых местах в ожидании лучших для них времен переселенцы, будучи наконец, устроенными, надо думать, пустят глубокие корни в колонизируемых районах»¹⁶².

Я не встречал лучшей характеристики – не пресловутых «слабых», которых бессовестное правительство якобы «выкачивало в Сибирь», а самых настоящих «сильных», сильных духом российских крестьян, которые стали главной движущей силой преобразований Столыпина.

Другой аспект статистики переселения иллюстрирует таблица 9.

Присмотримся. Таблица 9 ставит естественный вопрос – каким образом на каждых десяти переселенцев-одиночек в Сибирь в годы реформы оказалось одиннадцать таких, которым там не понравилось?

Если мы обратимся к данным за 1895–1905 гг., то увидим схожую картину. Как правило, 60-70% одиночных переселенцев из приехавших в Сибирь в

течение двух лет подряд возвращалось назад. Авторы монографии «Столыпинская аграрная реформа и Алтай» в связи с этим отмечают, что «под видом ходоков и переселенцев за Урал отправлялись сезонные рабочие, крестьяне-отходники, занимавшиеся промыслами. Например, в 1907-1914 гг. проехали на территорию Алтайского округа 40,6 тыс. одиноких переселенцев, а вернулись на родину в эти годы уже 45 тыс. чел., т.е. возвращались также «переселенцы» прежних лет»¹⁶³.

Таблица 9

Доля обратных переселенцев по категориям (%)

Год	Проследовало в обратном направлении			
	Семейные	Одинокие	Всего переселенцев	Ходоки
1906	6,6	124,5	9,8	42,0
1907	4,8	116,9	6,4	60,4
1908	4,7	99,1	6,8	80,9
1909	9,6	100,0	13,3	65,4
1910	26,6	128,0	36,3	87,1
1911	46,3	147,1	61,3	73,5
1912	19,3	94,8	28,5	70,1
1913	10,7	104,6	18,9	73,8
1914	6,8	73,3	11,4	73,3
Всего	11,8	111,0	17,4	67,9

Источник: Турчанинов Н. (сост.) Итоги переселенческого движения за время с 1896 по 1909 гг. (включительно). СПб., 1910. С. 44–45; Турчанинов Н. А., Домрачев А. (сост.) Итоги переселенческого движения за время с 1910 по 1914 гг. (включительно). Пг., 1916. С. 44–45.

Между тем в общей статистике одиночки составляют лишь 5,6% переселенцев проследовавших в прямом сообщении, однако в числе обратных переселенцев их доля равна 35,9%, а среди всех возвратившихся – 18,5%. И поэтому корректнее считать, что доля вернувшихся переселенцев не 17,4%, а 11,8%, что далеко не одно и то же.

В преддверии реформы в 1905 г. Переселенческое Управление перешло из МВД в состав ГУЗиЗ, что серьезно повлияло на все переселенческое дело.

Был реорганизован и увеличен аппарат Управления. Создано 12 специальных переселенческих районов. Каждый заведующий районом имел своем распоряжении землеотводные и поземельно-устроительные партии, гидротехнические и дорожные отряды, агрономические организации, в ко-

торых работали межевые специалисты, землемеры, агрономы, гидротехники, почвоведы, чертежники, дорожные техники и другие специалисты.

В районах в местах заселения выделялись подрайоны, главы которых руководили выдачей ссуд, строительством церквей и школ, врачебных и фельдшерских пунктов и больниц.

Тут важны не только организационные перемены. Переселенческое Управление превратилось в мощный инструмент аграрной реформы Столыпина, не говоря о том, что тандем Столыпин-Кривошеин оказался очень эффективным.

Все направления помощи переселенцам расширялись по мере роста бюджета Переселенческого Управления – с 4,8 до 30,2 млн. руб. за 1906–1914 гг.¹⁶⁴

Каковы же были условия переезда в Сибирь?

Цена билетов зачастую была решающим аргументом при принятии решения о переселении. В 1894 г. был введен общий переселенческий тариф, по которому каждый член переселенческой семьи платил 0,3 коп. за версту; дети до 10 лет ехали бесплатно. С 1898 г. цена переселенческого билета была снижена до стоимости детского билета III класса*, и теперь семья переселенцев из центральных губерний доезжала до Томска примерно за 15 руб. вместо 51 руб. в начале 1890-х гг.¹⁶⁵

Этот же тариф сохранялся и в годы реформы. При этом система льготных тарифов стала более детализированной и гибкой, поскольку кроме переселенцев в Азиатскую Россию ехали рабочие разных профессий.

По сниженной цене оплачивался и багаж, причем не нужно думать, что переселенцы отправлялись с несколькими, условно говоря, чемоданами**.

---

* 25% стоимости взрослого билета III класса. По тому же тарифу ехали в Сибирь жены ссыльных и ходоки.

** Багаж переселенцев оплачивался по весу – по 1/100 коп. с пуда и версты. Бесплатно перевозился 1 пуд клади на каждый платный билет. При этом за домашнюю птицу и мелких животных (ягнят, поросят и телят), помещенных в корзины или клетки, платили по весу, как за прочий багаж.

Переселенческий багаж делился на 3 категории:

1) «Домашние вещи и домашняя утварь упакованные; такой клади можно везти по переселенческому тарифу не более 8 пудов на каждую душу обоего пола, обозначенную в тарифном удостоверении, независимо от числа платных билетов.

2-я категория: животные, телеги, сельхозмашины и орудия и съестные припасы, причем к перевозке по удешевленному тарифу принимаются животные, телеги, машины и орудия только в количестве, указанном на обороте тарифного удостоверения.

3-я категория: семена, зерно, мука, крупа, саженцы и лозы, причем такой клади по переселенческому тарифу можно везти не более 10 пуд. на каждый платный билет.

Все количество клади, сверху указанного, должно перевозиться по общему коммерческому тарифу». Предусматривалось возмещение убытков за потерю багажа.

У людей была возможность, приехав на новое место, ощущать себя хотя и «без двора», но не «без кола» и не совсем уж «в чистом поле».

Кстати, «Памятка» советует переселенцам: «Не берите с собой лишней клади»; «Земледельческие орудия и машины всегда можно недорого и в рассрочку купить в Сибири»; «Привезенные из Европейской России семена часто оказываются в Сибири неподходящими».

Переселенцы имели право на путевые ссуды (не более 50 руб. на семью; на Дальнем Востоке – не выше 100 руб.). Их выдавали, когда нужно было после окончания железнодорожного пути добираться до места водворения на лошадях или водным путем. Реальные их размеры были намного ниже верхнего предела.

Очень важен вопрос об организации **медицинской помощи** переселенцам. Помнится, на одной из конференций в 2012 г. некая дама, что называется «на голубом глазу», объявила, что 20% переселенцев умирало в пути, видимо, перепутав их со спецпереселенцами эпохи «Великого перелома», – и это было не смешно во всех смыслах.

Санитарный надзор начинался еще в Европейской России, где в Пензе, Сызрани, Самаре, Абдулино, Уфе и в других пунктах люди проходили медицинский осмотр. Кроме того, в составе переселенческих поездов имелись особые санитарные вагоны. По мере необходимости приглашался дополнительный медперсонал.

В Сибири уже с 1893 г. вдоль путей следования переселенцев начали создаваться особые переселенческие пункты, число которых росло вместе с увеличением бюджета. В зависимости от оборудования они были врачебными, фельдшерскими, продовольственными, остановочными, регистрационными.

Уже в 1906 г. этих пунктов в сумме было 84, и в них работало 63 врача, 147 фельдшеров и 10 хозяйственных агентов. Понятно, на средних и больших станциях медицинская и продовольственная функции совмещались.

В каждом пункте была аптека, а в самых крупных – больничные помещения. В 1906 г. таких пунктов было 13, в 1907 – 19, в 1910 г. – 56, в 1913 г. – 62. Медицинская помощь была бесплатной для всех, как и отпускаемые лекарства.¹⁶⁶

В этих точках оказывалась и продовольственная помощь. Переселенцы могли здесь купить по заготовительным, т.е. низким ценам съестные припасы и горячую пищу. Поскольку в дороге люди долго ели всухомятку, это считалось важным профилактическим средством против кишечных заболеваний.

По общему правилу горячая пища отпускалась за плату – ковш щей с мясом за 4 коп. и ковш супа (в постные дни) за 2 коп., хлеб отпускался по заготовительной цене. Молоко с полуфунтом белого хлеба выдавалось детям до 5-ти лет бесплатно.

В экстренных случаях, например, при заболевании по дороге, «крайней бедности», задержке переселенца в пути не по его вине – по предписанию врача или распоряжению переселенческого чиновника выдавалась бесплатно и горячая пища, а детям молоко

Особые переселенческие столовые были открыты в Пензе, Сызрани, Самаре, Абдулине, Уфе и Челябинске, а затем и на других станциях Европейской России.

В 1906 г. через Челябинск проследовало необычно большое число переселенцев и ходоков – 216,6 тыс. чел. А затем Сибирь накрыла переселенческая волна: в 1907 г. – 577,0 тыс. чел., в 1908 г. – 758,8, в 1909 – 707,5 тыс. чел. Спад начался лишь в 1910 г. – 353,0 тыс. чел.

Конечно, Переселенческому Управлению было непросто справиться с этой абсолютно новой ситуацией. Тем не менее, в целом оно оказалось на высоте.

По мере роста бюджета расширялась врачебно-санитарная и продовольственная помощь. В 1908 г. по всему пути от Пензы до Иркутска появились медицинские пункты с санитарными вагонами и необходимым фельдшерским персоналом.

ГУЗиЗ отреагировало на резкий рост числа переселенцев увеличением числа питательных пунктов, а кроме того, попросило помощи у Военного министерства, выделившего армейские вагоны-кухни, «водогрейные приспособления» и свободные в данный момент помещения и казармы.

Особую опасность в 1908 г. таила угроза холеры. Вдоль Транссиба ГУЗиЗ и МПС построили специальные холерные бараки, пригласили туда необходимый медперсонал и оборудовали кипяильниками системы «Борю» все важнейшие пункты в районе движения переселенцев. Согласно заранее разработанному плану, были выделены деньги на организацию антихолерных мероприятий на сибирских реках и в районах водворения переселенцев¹⁶⁷.

Тюкавкин пишет, что «в России в 1908–1910 гг. были заболевания холерой, но среди переселенцев, как отмечали Столыпин и Кривошеин, этого удалось избежать благодаря действенной системе медицинской помощи»¹⁶⁸.

Врачебно-продовольственная помощь постоянно расширялась. Санитарный надзор распространился теперь на Забайкальскую, Китайскую-Восточную и Уссурийскую железные дороги. Ряд станций был оборудован новыми медпунктами. Выросло число санитарных вагонов, в составе переселенческих поездов имелись свободные теплушки на случай, если больных требовалось изолировать в пути.

Как можно видеть, Переселенческое Управление обрело опыт, и интересы переселенцев были для него на первом месте.

Отмечу, что в 1906 – 1916 гг. амбулаторно было принято 1,7 млн. переселенцев (население современного Новосибирска или Новгородской губернии

в 1913 г.), а стационарно лечились 570 тыс. человек (население нынешнего Томска).

Несомненно, в организации перевозок было немало проблем, трудностей и недочетов как объективного, так и субъективного характера. Они неизбежны в любом по-настоящему большом деле. И в оценках переселения – если мы хотим быть объективными, нужно избегать крайностей классового подхода.

В 1908 г. были весьма удачно оптимизированы условия транспортировки переселенцев, что позволило в целом заметно упорядочить движение и избежать значительных «заторов», т. е. скопления людей на отдельных станциях, где их неожиданно надо было накормить, приютить и т.д.

Система постоянно улучшалась, совершенствовалась. В частности, с 1908 г. началась постройка специальных переселенческих вагонов пассажирского типа¹⁶⁹. В 1913 г. их было уже 3,4 тыс. Там было водяное отопление, туалеты, титаны с кипятком. Параллельно продолжали использоваться теплушки из товарных вагонов. В 1907 г. было выделено 8,5 тыс. теплушек, а затем еще 2 тыс.

Учитывая, что новые вагоны в военное время могли использоваться и для перевозки солдат, МПС с помощью военного ведомства добилось согласия Думы на выделение огромной суммы в 48 млн. руб. на их производство.

Кривошеин, которому Коковцов не давал необходимых ассигнований на реформу, отнесся неодобительно и ревниво к такому, на его взгляд, расточительству. Во время поездки со Столыпиным в Сибирь Кривошеин возмущался, что внимание Думы и общества всегда сосредоточено на том, что находится перед глазами, на виду, в частности на этих вагонах, а на все другие нужды переселенческого дела она отпускает только 25 млн руб., т.е. почти в 2 раза меньше. Полезнее было бы истратить деньги на ссуды переселенцам.

Переселенец, по словам Кривошеина, никогда не имел дома таких удобств, как в этих вагонах, и не будет иметь их в Сибири, едет он всего две – четыре недели, а потом будет жить на новом месте много лет, и лучше уж там израсходовать больше средств¹⁷⁰. Строго говоря, с Кривошеиным трудно не согласиться.

Позже советская власть перевозила в этих вагонах заключенных, и в памяти нашего народа они остались как «столыпинские» – и – естественно – с трагической коннотацией. Замечу, однако, что за репрессивную политику советской власти Столыпин с Кривошеиным отвечают не больше, чем за падение Тунгусского метеорита – кстати, в 1908 г.

Что ожидало людей на новых местах?

Правительство предоставляло им целый комплекс мероприятий – ссудную помощь на домообзаводство, на общеполезные надобности, на внутринадельное межевание, им была доступна врачебно-продовольственная и агро-

номическая помощь; детей-сирот переселенцев не оставляли на произвол судьбы.

Максимальные размеры ссуд на хозяйственное устройство сначала составляли 100 руб. на семью (150 руб. на Дальнем Востоке), затем они повысились до 165 руб. (и 200 руб. соответственно)¹⁷¹. В исключительных случаях (пожар, падеж скота и т.д.) они увеличивались. Ссуды при этом назначались не всем одинаково, а в соответствии с действительной потребностью конкретной семьи. Если на полученном участке не было строевого леса, переселенцы могли бесплатно получить лесоматериалы – 280 бревен и 50 жердей на двор. Очень важно, что еще в 1894 г. КСЖД распространил право получения ссуд и на самовольцев¹⁷².

В целом Переселенческое Управление хорошо сознавало недостаточность выдаваемых пособий, но здесь ничего сделать было нельзя – Коковцов осознанно давал ведомству мало денег.

В июле 1912 г. был принят закон, по которому с 1913 г. размер ссуд зависел от «степени государственной важности заселения различных районов и в соответствии с трудностью водворения в них»¹⁷³.

Территория Азиатской России была разбита на 7 разрядов, причем в районах, близких к железной дороге, ссуд теперь не выдавали вовсе, а на Дальнем Востоке они были повышены до 400 руб., в остальных районах максимум равнялся 250 руб.

При этом на Дальнем Востоке и в пограничных местностях Семипалатинской, Семиреченской, Ферганской областей и Енисейской губернии половина ссуды была безвозвратным пособием.

Отдельную категорию государственной помощи составляли беспроцентные ссуды на общепользные надобности, которые выдавали сельским обществам, селениям и товариществам крестьян-домохозяев для строительства церквей и школ, хлебозапасных магазинов, мельниц, колодцев, и других хозяйственных объектов, а также для внутринадельного размежевания.

Правительство считало необходимой выдачу этих ссуд, без которых невозможно было бы «удовлетворение религиозных потребностей новоселов и развитие среди них грамотности»¹⁷⁴. Церкви и школы были предметом особой заботы властей, всерьез опасавшихся культурного «одичания» населения¹⁷⁵.

И в центре и на местах были созданы специальные органы, которые вели этим комплексом проблем. Их решению способствовал закон 19 апреля 1909 г. о выдаче ссуд на общепользные надобности, который увеличил объем кредитов, облегчил и ускорил сам процесс их получения.

За 1909–1915 гг. за счет ссуд на религиозно-духовные надобности были построены 388 церквей и молитвенных домов, 338 причтовых домов, 169 церковно-приходских школ и около 700 министерских (т.е. школ Министерства

народного просвещения).¹⁷⁶ В 1909 г. при Знаменском монастыре в Москве были открыты пастырские курсы для подготовки священнослужителей в сибирские приходы¹⁷⁷.

Переселенческое Управление последовательно создавало в Сибири медицинскую сеть из врачебных и фельдшерских пунктов.

В 1906 г. их было 84, а в 1915 г. – 416. В 1906 г. на них работало 40 врачей и 103 фельдшеров, фельдшериц и акушеров, а в 1915 г. – соответственно 130 и 684. В 1911–1915 гг. они обслуживали 6–8 тыс. поселков с населением приблизительно 2,6 – 2,9 млн. чел. За эти годы было принято амбулаторно 8,7 млн. больных, стационарно – 175,6 тыс., и они провели в больнице 2,3 млн дней.¹⁷⁸ Оценивая скромную по нынешним временам численность медицинского персонала нужно понимать, что совсем недавно в Сибири не было и этого. Все начиналось буквально с нуля.

Продолжала расширяться и сеть сельскохозяйственных складов Переселенческого управления в Сибири, организацию которых Кривошеин начал еще в 1896 г. Число пунктов продажи сельхозмашин и орудий за 1913 г. возросло с 253 до 324 – благодаря привлечению к продаже различных кооперативов.

Конечно, особо хочется отметить следующее сообщение: «Наблюдаемое во многих местностях Сибири стремление к распашке в широких размерах целинных земель **побудило склады испытать работу тракторных плугов**»¹⁷⁹. Отчет Переселенческого Управления за 1914 г. отмечает, что в Амурском районе «для работ во вновь заселяемых районах приобретены трактор системы «Катер Пиллер» за 13000 руб., пароплужная система Фаулера за 20 000 рублей и дисковый плуг за 1500 руб.»¹⁸⁰.

Кроме того, при складах работали оборудованные их техникой зерноочистительные пункты, они пытались способствовать кустарному производству вейлок, распространению льноводства в Енисейской губернии и Забайкальской области и т. д.

Успешно развивалась деятельность товарно-продовольственных лавок, которые с 1910 г. должны были снабжать переселенцев глухих местностей продовольствием и предметами домашнего обихода в Амурской, Приморской, Забайкальской областях и Енисейской губернии.

Из года в год росли обороты лесных складов, продававших лес переселенцам по льготным ценам.

В 1913 г. ГУЗиЗ разработало и начало апробацию рассчитанного на перспективу плана колонизации тайги: «Необходимость постепенного перехода к колонизации районов с тяжелыми природными условиями и уверенность, что при широкой постановке правительственной помощи все трудности первоначального устройства могут быть преодолены, подали мысль к составлению плана «последовательной» колонизации таких районов... Применение

этого плана рассчитано лишь на местности, заселение коих может быть признано или исключительно важным в государственных целях для обороны окраин, или же несомненно выгодным экономически в видах оживления производительности некультурных ранее пространств»¹⁸¹.

Планом предусматривалось устройство в определенный срок дорог, церквей, школ, больниц, даже домов для первоначального поселения, опытных полей и т. п.

В 1913 г. ГУЗиЗ начало его реализацию.

Уместно закончить этот краткий обзор мнением Бруцкуса о значении переселения. Он считает «крайне односторонней» народническую оценку переселения только с точки зрения сокращения избыточного населения в Европейской России.

Перемещение за несколько лет более чем 2,5 миллионов крестьян – «важнейший шаг к использованию богатств русских окраин, к строительству внешнего рынка для русской промышленности.

Промышленность успешнее всего развивается, если она располагает внешними рынками. Под последними следует разуметь районы экстенсивного хозяйства, в которых труд и капитал в сфере сельского хозяйства и вообще добывающей промышленности отличается максимальной производительностью.

Население этих экстенсивных районов отличается большой покупательной силой, эти районы являются богатыми покупателями товаров и выгодными поставщиками сырья для промышленности метрополии.

Этот обмен промышленных районов метрополии с экстенсивными районами создает благополучие и тех, и других, – так творится народное хозяйство и так создаются в метрополии богатые городские рынки для более ценных продуктов: местного сельского хозяйства, для продуктов животноводства и специальных культур для сахара и проч.

Россия находится в этом отношении в счастливых условиях. Этих рынков не надо приобретать за кордоном хитроумными торговыми договорами, их не надо было завоевывать за океаном, их можно было создать у себя, – надо было только уметь вскрыть богатства окраин.

В конце истекшего столетия Россия к этой работе только еще приступила, и это было не последнее средство для ликвидации ее аграрного кризиса, во всяком случае не менее действительное и радикальное, чем дележ земли.

С конца столетия стали развиваться экономические силы Кавказа с его нефтью, Туркестана с его хлопком, а Сибирь стала превращаться в многообещающий район экспорта сельскохозяйственных продуктов, как только его прорезала железная дорога. Вспомним стремительное развитие сибирского маслоделия.

Переброска миллионов крестьян в Сибирь имеет значение не только в том отношении, что эти миллионы, голодные в России, в Сибири будут сыты.

Экономическое значение этого явления больше.

Труд переселенцев на сибирском просторе становится во много раз производительнее, и эта высокая производительность их труда не безразлична для метрополии: переселенцы на новых местах становятся более ценными участниками русского народного хозяйства, чем они были на старых местах.

Этого недооценивали русские аграрные экономисты, ибо крестьянское хозяйство они иначе, как натуральным, себе не мыслили, а русского народного хозяйства, как единого целого, они себе не представляли»¹⁸².

Железнодорожная статистика убедительно подтверждает мысли Бруцкуса о возросшем экономическом значении колонизируемых регионов во всероссийском рынке¹⁸³.

Важно отметить, что в ходе реализации реформы изменился сам подход правительства к освоению Азиатской России, в чем большую роль сыграла поездка П. А. Столыпина и А. В. Кривошеина в Сибирь в 1910 г. Она перестала рассматриваться лишь как резервуар, куда можно перебросить из внутренних губерний лишние рты.

Лидеры реформы пришли к выводу о необходимости изменений отношений собственности и в этой части страны, о том, что Сибирь нуждается в частной собственности и устранении общинного режима.

Поэтому следует отменить титул государственной собственности для отводимых старожилам и переселенцам земель, распространить и на Сибирь действие указа 9 ноября 1906 г. и закона 14 июня 1910 г. о выходе из общины, провести разверстание общественных земель на подворные участки и способствовать выходу из общины наиболее эффективных хозяйств, размежевать новые переселенческие поселки, еще не имеющие прочно сложившегося землепользования.

Переселенческое Управление должно отводить переселенцам, прежде всего, хуторские и отрубные участки, причем в частную собственность.

Кроме того, Сибири требуется и помещичье хозяйство, способное справиться с хозяйственными задачами, непосильными для крестьян.

Необходимо расширение дорожного строительства в Сибири и отмена Челябинского тарифного перелома.

Таковы были главные идеи Столыпина и Кривошеина¹⁸⁴.

Знаменитый «Новый курс» переселенческой политики, окончательно изменивший парадигму переселения, зиждился на следующих постулатах: «1) колонизационная идея – **прочного заселения окраин русскими людьми, а отнюдь не возможно большего по своим размерам выселения за Урал крестьян из Европейской России;**

2) ближайшее согласование мер правительственной помощи новоселам с местными – иногда совершенно различными – условиями отдельных крупных районов Азиатской России;

3) приспособление переселенческой политики к новым условиям самого переселения, утрачивающего стихийный характер и выдвигающего **новое начало сознательной личной энергии**, и в связи с этим переход от общинного наделения земли переселенцев и старожилов Сибири к личной земельной собственности, и

4) перенесение центра тяжести правительственных работ на улучшение общей культурной и экономической обстановки заселения и, прежде всего, на развитие в Азиатской России планомерного железнодорожного строительства»¹⁸⁵.

Последняя задача реально оказывалась едва ли не важнейшим фактором эффективной реализации остальных частей программы. Серьезным подспорьем делу колонизации стало открытие в 1907 г. движения по Ташкентской железной дороге, соединившей Европейскую Россию с Туркестаном; ведь до этого Средняя Азия для остальной Империи была фактически островом. В то же время эта линия стала сильнейшим фактором роста посевов хлопчатника.

ГУЗиЗ разработал и затем представил в Государственную Думу подробный план сети новых железных дорог в колонизируемых районах.

В 1913 г. вошли в строй Омская и Северно-Уральская железной дороги, быстро «оживившие» Тобольскую губернию и вообще Юг Сибири, а также Амурская железная дорога, что сразу же повысило число переселенцев на Дальний Восток. Масштабное железнодорожное строительство за Уралом успешно продолжалось и в годы войны, так что к 1917 г. в строй вошли многие тысячи верст новых железных дорог.

Планы реформаторов не ограничивались Сибирью и Дальним Востоком. В 1910-х гг. по инициативе Кривошеина ГУЗиЗ разработало и начало выполнять обширную многолетнюю программу орошения и освоения пустынных областей Средней Азии и Закавказья, что должно было радикально изменить жизнь этих регионов. Предполагалось «создать здесь из степей и пустынь новую страну, богатую хлопком и заселенную русскими людьми».

Реализацию этих планов остановила война. Много лет спустя «2-е издание дополненное и расширенное» этой программы попыталась сделать советская власть. Однако ее волюнтаристские средства и методы привели к крупнейшей в истории рукотворной экологической катастрофе – уничтожению Аральского моря, разрушению природного баланса на громадной территории и превращению хлопководства в разновидность крепостного труда для жителей Средней Азии.

ГУЗиЗ намеревалось придать новый импульс экономическому развитию этих обширных регионов путем более полного вовлечения их во всероссий-

ский рынок, намеревалось заселить их переселенцами из Европейской России и создать условия для окончательного вытеснения азиатским хлопком импортного сырья для текстильной промышленности, большая часть которого по-прежнему ввозилась из-за границы.

Грандиозный план создания в течение 20–25 лет «Нового Туркестана» предусматривал возникновение сотен новых поселений, новых городов и сотен тысяч русских переселенцев.

В 1912–1913 гг. с помощью новейшей техники, включая экскаваторы, было ударно завершено многолетнее строительство «Романовского канала», начавшего орошение Голодной степи. В 1913 г. Дума по инициативе Кривошеина и по случаю юбилея Романовых приняла важнейшее решение о создании фонда «Романовские земельные улучшения» в 150 млн руб. для финансирования мелиоративных работ в Европейской и в Азиатской России. В начале января 1914 г. ГУЗиЗ представило пятилетний план (!) мелиорации на эту сумму, одобренный Советом министров 8 марта 1914 г. после того, как вечное противодействие реформе со стороны Коковцова закончилось с его отставкой.

Согласно этому плану, на создание «Нового Туркестана» выделялось 39 млн. руб. казенных ассигнований. Начались изыскания и составление проектов орошения огромной площади до 4 млн дес. в бассейнах рек Сыр-Дарьи, Зеравшана, Или и Чу. Кроме того, планировалось строительство водохранилищ в верховьях Сыр-Дарьи и Зеравшана, орошение в низовьях Аму-Дарьи и в бассейне Чу и расширение орошенной площади Голодной степи. Геологические и иные изыскания по реализации этих проектов шли полным ходом вплоть до 1917 г.¹⁸⁶

Параллельно велись активные работы по орошению Муганской и соседних степей, заселению их переселенцами из внутренних губерний и развитию там хлопководства. Кривошеин, посетивший в 1913 г. Закавказье, представил Николаю II план развития Восточного Закавказья, который включал орошение 1,2 млн дес. пустынных степей региона, доступных для орошения, и заселения их русскими переселенцами, получение концессии на персидскую часть Муганской степи, строительство Муганской железной дороги и железной дороги от Владикавказа до Тифлиса через восточную часть Кавказского хребта.¹⁸⁷

Гидротехнические и мелиоративные работы развернулись буквально по всей территории страны – от болот Полесья и Крыма до Степного края, и Дальнего Востока. Характерен в этом смысле пример Барабинской степи, давнего очага сибирской язвы, где осушительные работы, с разной степенью интенсивности ведшиеся с 1895 г., активизировались с 1909 г., окончательно изменив облик края, в котором перед Первой Мировой войной началось

автомобильное пассажирское движение. В 1913 г. здесь работало 200 маслодельных заводов, производивших около 200 тыс. пуд. масла, стоимостью в 2,5 млн. руб. Ежегодная производительность осушенного района превышала всю сумму, затраченную за 18 лет на мелиорацию¹⁸⁸.

Особо следует отметить, что хозяйственное освоение значительной части Азиатской России едва ли было бы возможно, если бы не инициатива предшественника Кривошеина, кн. Б. А. Васильчикова, благодаря которому с 1908 г. началось громадное по охвату территории почвенно-ботаническое исследование Азиатской России. За 1908–1914 гг. 97 отрядов обследовали 145 млн дес., из которых 28 млн дес. были признаны пригодными для культурного освоения.

Несомненно, за несколько лет реформы для интеграции Европейской и Азиатской России было сделано больше, чем за предыдущие десятки, а в случае Сибири – и 300 лет. О позитивных переменах в народнохозяйственной жизни и говорить не приходится. Реформа работала на долгосрочную перспективу.

Кооперация и Столыпинская аграрная реформа

Поразительный взлет кооперативного движения после 1906 г. – одна из самых ярких страниц изучаемой эпохи. Оно стало мощным средством вовлечения населения страны, в том числе и миллионов крестьян, в процесс мирного преобразования России.

В феврале 1914 г. В. Г. Короленко опубликовал в газете «День» небольшую заметку «Кооперация и “частушка”», в которой сообщил, что «кооперативное движение вошло уже довольно глубоко кое-где в деревенскую жизнь, о чем свидетельствуют новые “частушки”»* и привел некоторые из них:

«Нету, нету, маво милки,
Нету, не покажется.
Чай, сидит у потребилки,
Леший, кочевряжится.

Надоели девки нам,
Надоели барыни.
Пойдем ссуду открывать
Со стариками старыми.

* Термин «частушка» принадлежит Г. И. Успенскому.

Милые родители,
 Люблю я потребителя.
 Хорошо на счетах щелка(е)т,
 Хорошо песни игра(е)т.

Пойду выпрошу кредиту,
 Стану богатеем;
 Погуляем, попоем,
 Отдадим – успеем.

Где-й-то, где-й-то заиграли,
 Где-й-то затальянили.
 Знать, прошли ребята наши,
 Деньги в банке заняли»¹⁸⁹.

Короленко абсолютно прав, и эти забавные строчки – маркер целой эпохи.

Они – очень важное свидетельство воздействия модернизации на сознание крестьянства. Ведь еще 20 лет назад они не могли появиться в принципе. Для этого понадобилась аграрная реформа Столыпина.

После 1861 г. в России нашлись люди, оценившие усилия Германа Шульце-Делича и Вильгельма Фридриха Раффайзена по созданию кооперации, которая *мирным путем* в большой степени решила проблему повышения народного благосостояния на Западе и одновременно уронила акции революционных экстремистов.

Однако попытка пересадить европейский опыт на русскую почву, предпринятая в 1860-1870-х гг. земскими энтузиастами, окончилась плачевно*.

Крестьяне не воспринимали саму идею кредита и часто видели в ссудных товариществах просто раздачу дармовщины. Однако проблема сельского кредита по-прежнему оставалась злободневной – публицистика без устали клеймила кулаков и ростовщиков.

И вдруг на глазах воистину изумленной публики за 10 лет в России появляется 15 тысяч кредитных кооперативов с более чем 10 миллионами участ-

* С. Прокопович пишет, что «неутешительные результаты» ревизий созданных ссудо-сберегательных товариществ, «привели земства... к убеждению, что товарищества, основанные на начале самодеятельности членов, не под силу крестьянскому населению»... «земства стали находить, что успех сельских кредитных учреждений в виду поголовной безграмотности крестьян и низкого уровня их развития невозможен без постороннего деятельного контроля... другие земства находили совершенно бесполезным реорганизовать товарищества... при современном уровне умственного развития крестьян». (Прокопович С. Кредитная кооперация в России. 1923. С. 10–11.)

ников, преимущественно крестьян, которые понимали слово «ответственность» и в массе исправно отдавали полученные ссуды (а на досуге сочиняли об этом частушки).

Понятно, что это факт огромного значения.

Он говорит о многом, но главное – о переменах в той самой психологии, которая множеством образованных людей считалась неизменяемой в принципе. Мы снова видим, насколько абстрактно они судили о сознании народа.

Кооперация после 1861 г. развивалась медленно, однако именно Столыпинская реформа придала ей невиданное ускорение и по ряду параметров вывела на достойный международный уровень.

Ниже я касаюсь только деятельности кредитных кооперативов, сельскохозяйственных обществ, сельскохозяйственных товариществ и артелей, т.е. добровольных организаций, которые участвовали в повседневной реализации реформы Столыпина и помогали крестьянам жить лучше.

В книге «20 лет до Великой войны» достаточно подробно разбираются статистические и институциональные аспекты их деятельности, поэтому сейчас я коротко коснусь того, что важно для нашего изложения*.

Кредитная кооперация

Развитие кредитной кооперации – одна из самых ярких страниц реформы Столыпина. Она стала мощным средством вовлечения миллионов российских крестьян в процесс мирного преобразования страны.

Довольно забавно, что в традиционной литературе развитие кооперации не только остается как бы на периферии внимания, но даже не всегда связывается с реформой Столыпина.

Стремление преуменьшить ее масштаб и значение настолько велико, что и кооперация вольно или невольно трактуется как некий процесс, проходивший параллельно со «всеобщей хуторизацией страны», и вполне от нее автономный.

Кооперация, как и агрономическая помощь, как и многое другое, развивалась на деньги «ненавистного режима», что было неприятно осознать – отсюда, в частности, постоянная критика «опеки» правительства и т.п.

Это, разумеется, неверно.

Кооперация, с одной стороны, была плотью от плоти реформы, а с другой, во многом стала ее приводным ремнем.

---

* Давыдов М. А. 20 лет до Великой войны... С. 610–705.

Бруцкус отмечал, что для успешного развития сельского хозяйства важно не только упорядоченный аграрный строй, «для него необходимы еще другие предпосылки, в том числе капитал, материальный и духовный. Переселенцам на новых местах, покупщикам земли у Крестьянского Банка, крестьянам, переверстывающим свою землю, правительство выдавало некоторые ссуды. Но они были, конечно, недостаточны. Только на основе кооперации можно было действительно обеспечить крестьянское население кредитом. Это правительство понимало... Кредитная кооперация является в бедной капиталами стране, подобной России, необходимым позвоночным столбом всей сельскохозяйственной кооперации»¹⁹⁰.

После 1861 г. в России имелись ссудо-сберегательные товарищества, основной капитал которых создавался паевыми взносами участников, а также сословные кредитные учреждения*. В 1895 г. усилиями Витте появились беспаявые («раффайзеновские») кредитные товарищества, основной капитал которых составлялся из ссуд Государственного банка, а также кредитов земств и частных пожертвований. Остальные различия между ссудо-сберегательными и кредитными товариществами были непринципиальны¹⁹¹. Именно кредитные товарищества должны были охватить организованным кредитом преобладающую часть крестьянских хозяйств.

Однако до 1905 г. кредитная кооперация росла медленно.

С началом реформы правительство, предприняло ряд мер для развития мелкого кредита, которые, по мнению современников, имели ошеломляющий эффект, вполне заметный из таблицы 10.

Из нее следует, что за 10 лет общее число кредитных кооперативов выросло в 9,5 раз, а кредитных товариществ – в 15 раз.

Этот буквально взрывной рост стал результатом действия разных причин, совпавших по времени. В первую очередь нужно отметить разумную политику правительства. Были введены новые нормальные (стандартные) уставы и упрощена процедура создания кооперативов.

При Госбанке было создано **Управление по делам мелкого кредита**, на местах – подчиненные ему органы, главной задачей которых стало руководство действующими кредитными кооперативами и содействие в создании новых, а также всемерное распространение кооперативной идеи как таковой. Управление субсидировало учреждения мелкого кредита; краткосрочные кредиты Госбанка на 1 января 1913 г. составили 127,2 млн. руб.¹⁹²

---

* Начало им положила, как мы знаем, реформа Киселева. Это сельские, волостные и станичные банки, мирские заемные капиталы, сиротские кассы, вспомогательно-сберегательные кассы и др.

Таблица 10

Динамика развития кредитной кооперации

Дата	Кредитные товарищества	Сс.-сбер. товарищества	Всего	Принимая уровень 1 января 1906 г. за 100%		
				кредитные товарищества	сс.-сбер. товарищества	всего
на 1 января 1906 г.	773	856	1629	100	100	100
на 1 января 1907 г.	1199	886	2085	155,1	103,5	128,0
на 1 января 1908 г.	1913	1168	3081	247,5	136,4	189,1
на 1 января 1909 г.	2691	1474	4165	348,1	172,2	255,7
на 1 января 1910 г.	3005	1786	4791	388,7	208,6	294,1
на 1 января 1911 г.	4545	2136	6681	588,0	249,5	410,1
на 1 января 1912 г.	5940	2593	8533	768,4	302,9	523,8
на 1 января 1913 г.	7964	3025	10989	1030,3	353,4	674,6
на 1 января 1914 г.	9540	3487	13027	1234,2	407,4	799,7
на 1 января 1915 г.	10706	3785	14491	1385,0	442,2	889,6
на 1 января 1916 г.	11398	4038	15436	1474,5	471,7	947,6

Источник: Статистический ежегодник России 1908 г. СПб., 1909. С. 452–455; Статистический ежегодник России 1909 г. СПб., 1910. С. 428–431; Статистический ежегодник России 1910 г. СПб., 1911. С. 244–249; Статистический ежегодник России 1911 г. СПб., 1912. Отдел XII. С. 25–32; Статистический ежегодник России 1912 г. СПб., 1913. Отдел XII. С. 90–97; Статистический ежегодник России 1913 г. СПб., 1914. Отдел XII. С. 90–97; Статистический ежегодник России 1913 г. СПб., 1914. Отдел XII. С. 90–97; Статистический ежегодник России 1914 г. Пг., 1915. Отдел XII. С. 90–97; Статистический ежегодник России 1915 г. Пг., 1916. Отдел XII. С. 94–101; Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Год десятый. Пг., 1917. С. 563–569.

При этом, как и в случае с агрономической помощью, правительство, понимало важность контакта с общественностью и поэтому во всех начинаниях старалось опереться на местные культурные силы, на учителей, податных инспекторов и духовенство, которые играли очень важную роль в пропаганде мелкого кредита. У общественности, со своей стороны, был свой огромный интерес к кооперации*.

* Нельзя в связи с этим не вспомнить роман Марка Алданова «Самоубийство», охватывающий период 1903–1924 гг. Одна из героинь романа на первых страницах фигурирует как убежденная социал-демократка, участница II съезда РСДРП, а затем, разочаровавшись после событий 1905–1906 гг. в радикализме, идет работать в одну из московских кооперативных организаций и обретает свое место в жизни.

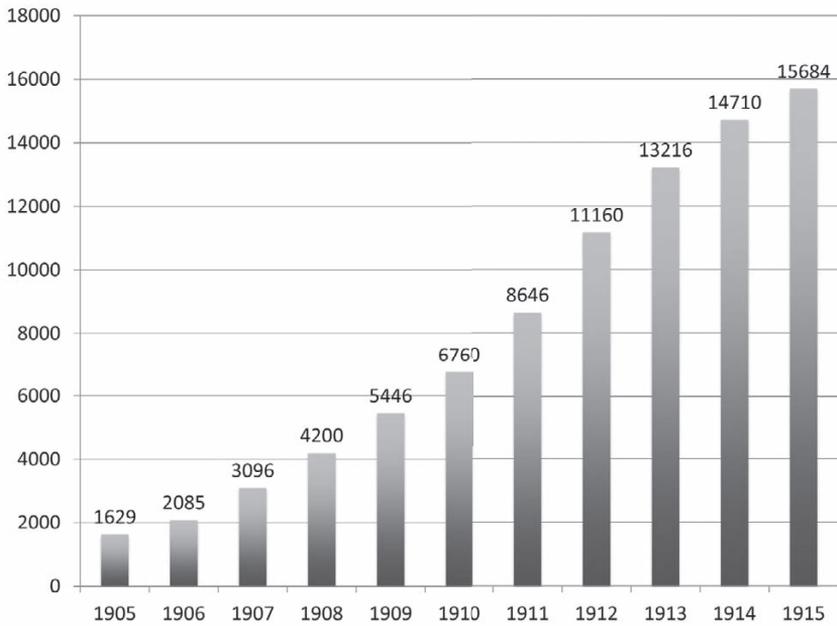

Диаграмма 19. Число кредитных кооперативов в 1905–1915 гг.

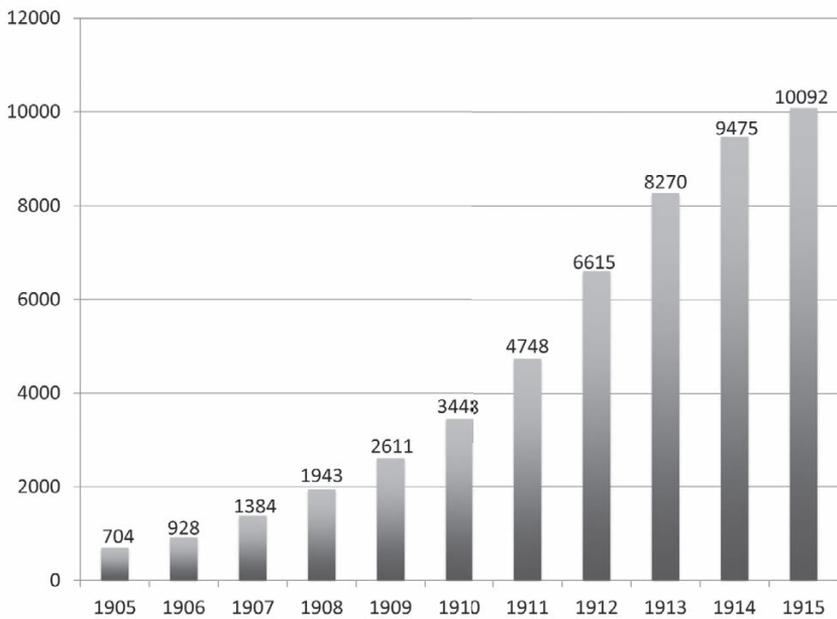

Диаграмма 20. Число участников кредитных кооперативов в 1905–1915 гг. (тыс. чел.)

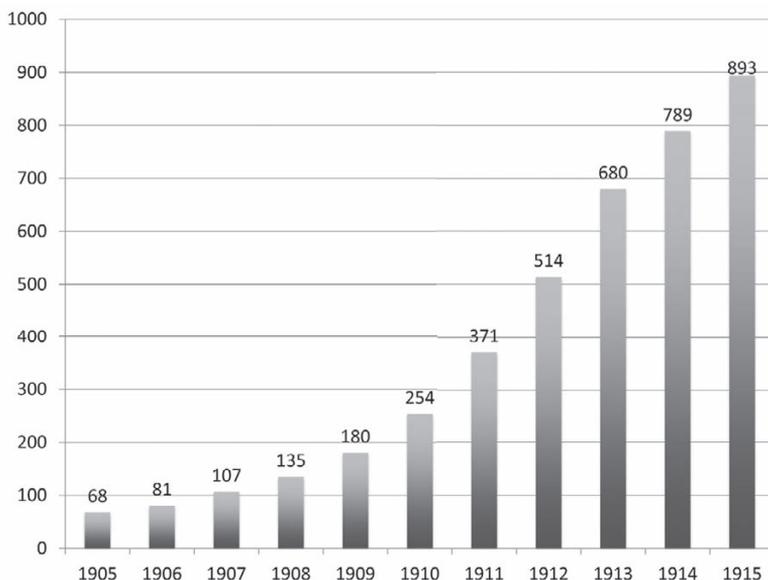

Диаграмма 21. Оборотные капиталы кредитных кооперативов в 1905–1915 гг. (млн. руб.)

Важнейшим фактором стало появление новой генерации крестьянства, которое читало книги и понимало, что кооперация – не раздача «Царского пайка» и что взятые долги нужно отдавать¹⁹³.

Стремясь донести смысл кооперации до крестьян, Управление издавало популярные брошюры, образцовые уставы и другую литературу не только на русском, но и на татарском, чувашском, марийском, удмуртском, туркменском, армянском, литовском и латышском языках и распространяло ее¹⁹⁴.

Все это обеспечило массовость кооперативного движения.

Из таблицы 10 следует, что кооперативный бум происходил прежде всего за счет кредитных и – в меньшей степени – ссудо-сберегательных товариществ.

Уже в 1906 г. кредитные товарищества опередили ссудо-сберегательные по числу учреждений и количеству членов. Однако вплоть до 1914 г. ликвидировать отставание в финансовой сфере они не могли; ссудо-сберегательные товарищества были намного богаче, потому что их создавали, как правило, относительно зажиточные крестьяне.

За годы реформы благодаря кредитным товариществам произошла серьезная демократизация участников кредитной кооперации, которая охватила значительную часть не только среднего крестьянства, но и многих бедняков, ведущих самостоятельное хозяйство¹⁹⁵.

В 1905 г. в кредитных кооперативах насчитывалось 704,0 тыс. чел., в 1913 г. – 8270,1 тыс. чел., в 1915 г. – 10087,3 тыс. чел. – увеличение, соответственно, в 11,7 и 14,3 раза.

Сумма оборотных капиталов кредитных и ссудо-сберегательных товариществ **вместе взятых** за 1905–1913 гг. выросла с 68,1 до 614,0 млн. руб., т.е. в 9 раз, а за 1914–1915 гг. – до 782,8 млн. руб., или в 11,5 раз.

Понятно, что кооперативный бум в отдельных регионах и губерниях проявился с разной интенсивностью; тут нельзя не увидеть аналогии с укреплением, с землеустройством и вообще любым массовым процессом.

Ясно и то, что бурное, «исключительно живое», по определению современников, количественное развитие кооперации не привело и не могло привести сразу к созданию полной и равномерно насыщенной сети кредитных учреждений.

Когда масштаб явления за 8 лет вырастает на порядок и более, то, понятно, речь идет о новой реальности. Кредитные товарищества появились там, где их просто не было, причем не только в Азиатской России, но, скажем, и в Литве. Характерно, что правительство сотнями создавало кредитные кооперативы в Сибири и в Средней Азии для борьбы с последствиями неурожая 1911–1912 г.¹⁹⁶ Эта активная кампания позволяет еще раз оценить не только потенциал, но и оперативность реакции власти на кризисные ситуации.

Больше всего кредитных кооперативов было в южной половине Европейской России, в степном и северно-черноземном районах, а также в западных губерниях, поскольку это касалось ссудо-сберегательных товариществ.

Отмечу, что Мировая война не прервала поступательного движения кооперации, и то, что можно назвать логикой развития кредитного дела оказалось нарушено войной куда меньше, чем можно было предположить.

Значение кредитной кооперации для русской деревни вполне обрисовывает таблица 11.

Таблица 11

Выдача ссуд кредитными кооперативами в 1906–1913 гг. (тыс. руб.)

Дата	Кредитными товариществами	Ссудо-сберегательными товариществами	Земскими кассами	Всего
Всего за 1906–1913 гг.	1069245,8	1321567,5	158423,6	2549236,9
Из них в Польше и Прибалтике выдано	28010,4	608903,6	0,0	636914,0
Без Польши и Прибалтики	1041235,4	712663,9	158423,6	1912322,9

Источник: Давыдов М. А. 20 лет до Великой войны... С. 705.

В историографии много и справедливо говорится о том, что ссуды, выдававшиеся правительством при землеустройстве и переселении, были относительно невелики; правительство и само постоянно сетовало на этот счет.

Землеустроительные комиссии за 1907–1915 гг. выдали ссуд и безвозвратных пособий на 34,3 млн. руб.,¹⁹⁷ домообзаводственные и путевые ссуды переселенцам за 1906–1914 гг. составили 75,9 млн. руб.,¹⁹⁸ а всего – 110,2 млн. руб.

Между тем только кредитные кооперативы за 1906–1913 гг. выдали крестьянам ссуд более чем на 2,5 млрд. руб., а исключая Прибалтийские и польские губернии, не участвовавшие в реформе, – 1,9 млрд. руб., т.е. в 17, 4 раза больше, причем львиная доля этой суммы попала к крестьянам.

Таким образом, кооперативы стали приводным ремнем Столыпинской аграрной реформы.

Эта сумма – 1,9 млрд. руб. вдвое превышает военный бюджет страны за 1913 г., в 4,5 раза стоимость «Большой Флотской программы», в 5,3 раза больше, чем затратило на землеустройство и переселение государство и земство (362,6 млн. руб., из которых земских средств 66,2 млн. руб.¹⁹⁹), в 6,4 раза больше, чем стоила вся ввезенная в Россию за 1907–1913 гг. импортная сельхозтехника (301 млн. руб.²⁰⁰).

Однако, помимо кредитов, кооперация давала отечественному крестьянству и то, что не было у них воспитано предшествующей историей России и не измерялось деньгами, – чувство самостоятельности и чувство ответственности.

Для нашей темы важен вопрос – откуда кооперативы брали деньги?

Что касается начальных ассигнований правительства, то кооперативы быстро возвращали их. Перед войной займы правительства составляли менее 20% их оборотных средств. А богатая маслодельческая кооперация зависела от них еще меньше²⁰¹.

Основой пассивного баланса кооперативов были привлекаемые ими вклады из местных источников²⁰². Здесь важную роль играли как экономические условия данного района, так и степень деловой «продвинутой» населения, понимание преимуществ вкладов под проценты перед «кубышкой».

И в этом плане на одном полюсе был Туркестан, на другом – Польша и Прибалтика. А между ними – целая градация переходов в уровне благосостояния, но прежде всего – в экономическом поведении²⁰³.

В сущности, кооперативы должны были брать нужные им средства из тех же местных источников, что и государственные сберегательные кассы, и это придавало вкладной операции определенную пикантность. Сберкассы самим фактом своего существования должны были затруднить их работу.

На 1 января 1905 г. в кассах кредитных и ссудо-сберегательных товариществ имелось 33,1 млн. руб., а в сберкассах – свыше 1 млрд. руб. У сберкасс пе-

ред кооперативами было несомненное преимущество в силу, во-первых, установившейся привычки к ним части населения, а во-вторых, ввиду того, что они отвечали перед вкладчиками всем государственным достоянием. Очень важно было и то, что избыточных денег у кооперативов поначалу было относительно немного и что они еще не завоевали у людей необходимый авторитет.

Существенный момент – население при появлении кредитного кооператива должно было не только освоиться с ним как с «фактом мироздания», но и убедиться в безопасности передачи ему своих излишков, а также в строгом соблюдении им тайны вкладов.

Очень часто крестьяне не хотели, чтобы соседи знали о наличии у них свободных средств. Это могло перевесить удобство территориальной близости кооператива.

О важности данного обстоятельства, говорил не слишком удачный опыт устройства сберегательных касс при волостных правлениях и слабое развитие вкладной операции в сословно-общественных кассах старого типа.

Весьма часто из «опасения податных требований» люди «без всяких иных видимых и объективных оснований помещают деньги не у себя в селе, а вне его и иногда довольно далеко»²⁰⁴.

Но если тайна вкладов соблюдалась, то кооперативы приобретали доверие населения. К тому же у них были «неубиваемые» козыри – более высокий процент по вкладам и отсутствие ограничений по его размерам.

В 1913 г. среднесложный процент по вкладам в кредитных товариществах «грубо» определялся в 6,5%, а для ссудо-сберегательных товариществ – приблизительно в 6%²⁰⁵. В то же время в сберегательных кассах по вкладам платили 4–3,6%²⁰⁶ и там не принимали вклады свыше 1000 руб.

Поэтому, как мы увидим, кредитные кооперативы оттягивали и весьма успешно к себе часть средств, которая раньше шла преимущественно в сберегательные кассы.

С течением времени новые кооперативы начинают восприниматься населением как нечто уже знакомое, и «свободные местные средства идут к ним легче и скорее».

Для нашей темы важно то, что уже в 1908–1909 гг. в ряде местностей фиксируется **избыточный прилив местных средств в кооперативы** – факт довольно неожиданный в рамках традиционных представлений негативистской историографии о крестьянском благосостоянии.

Согласно Отчету за 1910–1911 гг., «случаи перегруженности отдельных товариществ вкладами в 1911–1912 г. стали более частыми. Так, например, в Воронежской губернии в 1909 г. избыток вкладов был отмечен в 4 кооперативах, а в 1911 г. – уже в 19-ти (от 10 до 43 тыс. руб.), хотя в большинстве товариществ это было спорадическое явление»²⁰⁷.

Другими словами, у многих крестьян были лишние деньги!

Объем ссудной операции расширялся вместе с ростом капиталов, и это не могло не оказывать благоприятного воздействия на экономику страны и жизнь населения, крестьян в первую очередь.

Средний размер ссуд по всем категориям колебался от 70 руб. (на покупку земли), 57 руб. (торговые ссуды) до 22 руб. (личные расходы), а в среднем равнялся примерно 38 руб.²⁰⁸

Почти 66% всех выданных в 1913 г. ссуд пошли на нужды сельского хозяйства, 6,6% – на ремесленное и кустарное производство, а 27,7% – на торговые и на разные другие расходы (в том числе и личные).

Кредитные кооперативы все чаще и все активнее занимались торговым посредничеством. На правах мелкооптовых покупателей они приобретали для своих членов необходимые товары по пониженным ценам. Здесь на первом месте стояла сельхозтехника (если в 1909 г. на это ушло 400,4 тыс. руб., то в 1913 г. – 9,7 млн. руб.), затем семена трав и хлебов, сырье для ремесленного и кустарного производства, стройматериалы, корма для скота и т.д.

Благодаря посредничеству по закупке в обиход крестьян входили незначительные им раньше орудия и машины, сырье и материалы производства, что повышало производительность труда.

Снабжение крестьян сельхозтехникой, спрос на которую неуклонно возрастал с началом реформы, шло также и на комиссионных началах, когда товарищества принимали товар на комиссию от земства и от частных фирм. Иногда кооперативы входили в соглашение с земскими сельскохозяйственными складами, и те отпускали сельхозтехнику по ордерам товариществ.²⁰⁹ При товариществах часто имелись прокатные станции.

Кооперативы ряда южных губерний, прежде всего, Харьковской, Херсонской и Бессарабской все шире практиковали совместный сбыт хлеба, хотя эта операция заведомо была более рискованной, чем закупочное посредничество. В 1912 г. сельскохозяйственной продукции было продано на 1,4 млн. руб., а в 1913 – на 2 млн. руб.

Практиковалась совместная аренда или покупка земли. Иногда товарищества выступали как организаторы промышленных предприятий – мельниц, кирпичных и черепичных заводов, различных мастерских и др.²¹⁰

Очень важно отметить, что **число кооперативных товариществ, имевших чистую прибыль, колебалось в пределах 95–96% их общего числа.** За 1913 год ее получили 95,4% кредитных (9098) и 95,5% ссудо-сберегательных товариществ (3398). Средний размер чистой прибыли был относительно высок – 1150 руб. в первых и 1950 руб. во вторых.

Можно сколько угодно рассуждать о бедности новых кооперативов и недостаточности средней величины балансовых средств и займов, приходящих-

ся на 1 члена с учетом средних потребностей крестьянского хозяйства, как это делает А. П. Корелин,²¹¹ однако я поставлю вопрос так – крестьяне выиграли или проиграли от бурного распространения кредитных кооперативов?

Кажется, ответ может быть только один.

Если за 1905 г. кредитные кооперативы выдали ссуд на 74,0 млн. руб. и словенные кредитные учреждения еще на 82,0 млн. руб.²¹², а в 1912 г. – соответственно 571,4 млн. руб. и 131,8 млн. руб.²¹³ – это хорошо или плохо? Замечу, что и в годы войны остатки ссуд сократились незначительно.²¹⁴

Ведь раньше деньги на насущные нужды крестьяне весьма часто брали у ростовщиков за «кабальные» проценты.

Повторюсь – помимо кредитов, кооперация приучала российских крестьян к таким фундаментальным вещам как чувство самостоятельности и чувство ответственности, далеко выходящим за рамки народнического патернализма.

Сельскохозяйственные общества

Сельскохозяйственная кооперация всех видов играла огромную роль в развитии реформы, зачастую далеко перерастая рамки собственно агрономической помощи.

В 1897 г. в стране было 267 сельскохозяйственных обществ, в начале 1906 г. – 1000, в начале 1915 г. – 5800, причем 85% из них (4925) работали в аграрной сфере «вообще» а остальные 15,0% (870) были специальными*, т.е. занимались отдельными отраслями сельского хозяйства.²¹⁵ При этом 60% всех обществ возникло в 1910–1914 гг.

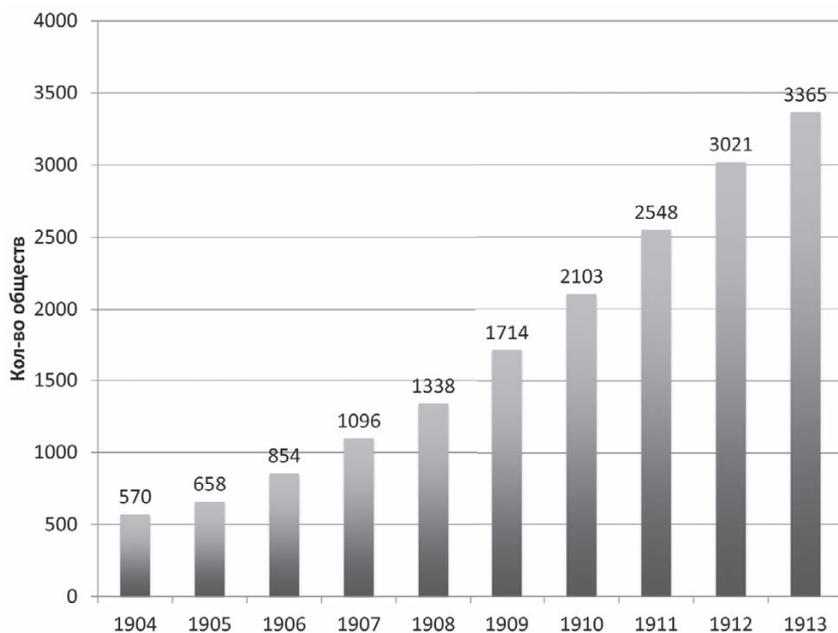
Этот быстрый рост был вызван тем, что правительство незадолго до реформы серьезно облегчило условия их образования, а затем субсидировало их деятельность вместе с земствами.

Район действия сельскохозяйственного общества мог охватывать всю Империю, а мог – часть волости. Старейшие из них имели долгую историю, как, например, Московское общество сельского хозяйства, у них были опытные станции, они издавали научные труды и т.д.

Однако 80% обществ, возникших после 1906 г., было мелкорайонными, т.е. действовали на территории уезда; в основном же они работали на нужды крестьян одной волости или даже ее части²¹⁶. Зачастую именно они были

---

* Первые назывались «общесельскохозяйственными», а из вторых 31,2% занимались пчеловодством, 17,0% – садоводством, огородничеством, хмелеводством, виноградарством и виноделием, 14,9% – коневодством и конным спортом, 12,3% – птицеводством, 6,7% – рыболовством и рыболовством, 5,7% – козоводством и т.д.

Диagramма 22. Число сельскохозяйственных обществ в 1904–1913 гг.

эффективными проводниками реальных улучшений в крестьянских хозяйствах*.

С одной стороны, они просвещали деревню в агрономическом отношении чтением, книгами экскурсиями, выставками и т.д.

С другой стороны, они не только знакомили ее с улучшенной сельхоз-техникой, очисткой семян, новыми культурами, удобрениями, с племенными скотом и пр., но и снабжали население всем этим на льготных условиях, а часто занимались и сбытом крестьянской продукции.

То есть они практически помогали крестьянам решать их насущные проблемы. Агроном мог подсказать, какой плуг необходим данному крестьянину, какие семена лучше использовать, поросята какой породы лучше приживутся в этой местности, но он не мог их купить ему. Это делало сельскохозяйственное общество, часто этим же агрономом и созданное. А нередко подобная инициатива исходила и от самих крестьян.

Данная форма самоорганизации дополняла агрономические усилия земства и правительства, которых не хватало на все и на всех²¹⁷.

* Сельскохозяйственные общества должны были «содействовать в районе своих действий ... развитию и усовершенствованию сельского хозяйства и сельской промышленности», гласила официальная формула устава.

С началом реформы специальные общества получили отличную перспективу, т.к. именно в единоличном хозяйстве – в отличие от общины – можно было продуктивно заниматься огородничеством, садоводством, пчеловодством и птицеводством, приносящими немалый доход.

Понятно, что по территории страны общества распределялись весьма неравномерно. Скажем, если в Полтавской губернии их было 345, то в 19-ти губерниях – менее десятка в каждой.²¹⁸ В обществах, как правило, было несколько десятков членов – инициативное ядро местного крестьянства. С течением времени число участников росло.

Хотя они платили членские взносы, основную роль в формировании бюджета обществ играли пособия и субсидии ГУЗиЗ, земства и частных лиц.

Мелкие крестьянские общества в основном занимались чисто хозяйственными задачами, выполняя нередко функции закупочного товарищества и приобретая для своих членов семена, сельхозтехнику, удобрения и т.д. В то же время общество нередко имело прокатную станцию и случайный пункт, которыми его члены и другие лица пользовались за плату. Нередко оно брало на себя функции сбытового кооператива, продавая продукцию своих членов²¹⁹.

По мере роста, как тогда выражались, **кооперативного самосознания** у членов сельскохозяйственного общества появлялись идеи о создании и других кооперативов – потребительных, производственных (молочными, маслодельными и др.), кредитных и т.д.

Бывало и наоборот – кредитные или потребительные товарищества создавали сельскохозяйственное общество²²⁰. Почти половина мелкорайонных обществ были так или иначе связаны с кооперативами других типов²²¹.

Сельскохозяйственные товарищества и артели

Одновременно в России росло число сельскохозяйственных товариществ и артелей, которые делились на два типа.

Одни работали на основании утвержденных властями уставов и были сельскохозяйственными кооперативами в чистом виде²²², другие – так называемые договорные товарищества возникали по особому договору между товарищами, закрепленному через нотариуса или другим путем, и подавляющее большинство их занималось маслоделием (только в Сибири их на 1 января 1914 г. было 2150).

В 1900 г. «уставных» товариществ было менее 50, в 1909 – около 200, а в конце 1914 г. – 1669, из которых 30,1% был общесельскохозяйственными (502), а 69,9% (1167) – специальными. 72,3% специальных товариществ были связаны с обработкой молока, 13,9% – с совместной закупкой и пользовани-

ем сельхозтехникой, 8,9% – с пчеловодством, животноводством и птицеводством и т.д.

Относительно медленный рост товариществ объясняется тем, что только в 1908 г. был разработан их упрощенный нормальный устав и облегчена процедура его утверждения.

Чем товарищества отличались от сельскохозяйственных обществ?

Общества, по уставу, должны были содействовать развитию сельского хозяйства в «районе своих действий», а товарищество содействовало в решении тех или иных хозяйственных задач только своим членам, которые к тому же отвечали своим имуществом по его обязательствам.оборотный капитал товарищества складывался из членских взносов, что делало его относительно кредитоспособным для заключения займов как у частных лиц, так и у различных учреждений.²²³

Товарищества помогали своим участникам в улучшении их хозяйств, в приобретении всего необходимого, в технической обработке продуктов в построенных «на общий счет заведений», как правило, молочных и маслодельных заводах, а также в сбыте продукции.

Распределялись «уставные» товарищества и артели по стране весьма неравномерно²²⁴. Район действия трех пятых из них не превышал волости.

Нередко товарищества брали на себя и смежные функции – брали средства на сбережение, устраивали зерноочистительные пункты, прокатные станции, случные пункты и т.д.²²⁵.

Деятельность сельскохозяйственных обществ имела огромный успех.

Итак, в ряду зримых и бесспорных признаков перемен, охвативших страну и прежде всего российскую деревню после 1906 г., очень важное место принадлежало кооперативному движению, которое переживало подлинный подъем и вовлекло в свои ряды десятки миллионов жителей страны.

Оно имело различные формы, и все они, безусловно, меняли положение населения к лучшему.

Реформа в действии. Мологский уезд Ярославской губернии

Безусловно, статистика землеустройства показывает, что миллионы людей поверили в реформу.

Однако для оценки эффективности проводимых преобразований очень важна проблема ее **реального** воздействия на жизнь деревни в разных регионах и на сельское хозяйство страны в целом.

Как повлияло изменение условий землепользования на крестьянское хозяйство?

В какой степени реформа смогла побороть такие недостатки общинного землепользования, как чересполосицу и дальнотемелье? Как отразилось все это на крестьянском полеводстве, на скотоводстве, на травосеянии, на обеспеченности сельхозтехникой, на ведении мелиорации и др.? Изменились ли бытовые условия жизни крестьян и др.?

И в этом контексте очень важны статистические материалы уникального обследования, проведенного ГУЗиЗ осенью 1913 г., которые опубликованы в издании «Землеустроенные хозяйства» (Петроград, 1915).

Ведомство понимало, что время подведения общих итогов реформы еще не настало – слишком мал был срок самостоятельной жизни хуторов и отрубков, чтобы ее последствия и проявились в должной мере. Тем не менее, и самые первые шаги новых хозяйств представляли немалый интерес. Хотелось понять, каково экономическое положение единоличных хозяйств в сравнении с прежним их состоянием и с соседями, оставшимися в общине, насколько хуторяне и отрубники смогли использовать новые условия для интенсификации и есть ли основания для благоприятных прогнозов на будущее и т.д.

Подобного исследования требовала и общественная атмосфера, настроенная весьма негативно к реформе.

Поскольку собрать данные о более чем миллионе единоличных хозяйств, существовавших в стране во второй половине 1913 г. было задачей нереальной, ГУЗиЗ принял решение сделать своего рода выборку из 12-ти уездов, признанных наиболее характерными для различных районов России.*

Количественные результаты обследования оказались настолько благоприятными для реформаторов, что противники преобразований обвиняли ГУЗиЗ в подтасовке фактов. В частности, С. М. Дубровский подверг это издание резкой, но притом совершенно несостоятельной критике.²²⁶ Достоверность данных обследования подтверждается и прямым сопоставлением с материалами монографии участвовавшего в обследовании еще студентом П. Н. Першина «Община и хутора Красноуфимского уезда Пермской губернии» (Пг., 1918) и высокой оценкой репрезентативности источника Бруцкусом.²²⁷ Данные обследования вполне соответствуют той картине обеспечения отдельных районов и губерний Европейской России сельхозтехникой, которая была получена мной при исследовании рынка сельхозмашин и орудий в начале XX в.²²⁸

* В их число вошли: Бердянский уезд Таврической губернии, Богодуховский уезд Харьковской губернии, Епифанский уезд Тульской губернии, Красноуфимский уезд Пермской губернии, Кременчугский уезд Полтавской губернии, Мологский уезд Ярославской губернии, Николаевский уезд Самарской губернии, Орловский уезд Орловской губернии, Островский уезд Псковской губернии, Ржевский уезд Тверской губернии, Сычевский уезд Смоленской губернии и Трокский уезд Виленской губернии. Из них 5 принадлежали к нечерноземной полосе, 4 – к черноземной, а 3 лежали на границе этих почвенных зон Европейской России.

Но главное – эти материалы не сообщают ничего такого, о чем бы не говорили другие независимые исследования хуторских и отрубных хозяйств в отдельных губерниях*.

Нас, однако, сейчас интересует прежде всего описание хода реформы журналистом Б. Юрьевским, посетившим ряд обследованных уездов вместе с командами статистиков, результатом чего явилась книга «Возрождение деревни», вышедшая в 1914 г., уже в Петрограде, а не Петербурге, еще до опубликования результатов обследования.

Автор строит свое повествование «частью на личных наблюдениях, частью на беседах с местными крестьянами, земскими агрономами, землеустроителями и другими общественными деятелями». Текст вполне объективный – мы увидим, что Юрьевский далеко не восторженный гимназист и весьма реалистично оценивает увиденное.

Начинает он с Мологского уезда, более или менее типичного для русского Севера «с его еще часто непроходимыми лесными дебрями, многочисленными болотами, скудной подзолистой, суглинистой или супесчаной почвами и крайне запутанными земельными отношениями».

В Ярославской губернии он считался едва ли не самым бедным. В отличие от Рыбинского, Ярославского и Ростовского уездов где, с одной стороны, многочисленные фабрики и заводы, а с другой, широко развитые промыслы давали людям постоянный и приличный заработок, здесь те, кто не шел в отход, занимались исключительно земледелием.

Однако до реформы пашня среди прочих угодий занимала примерно четверть крестьянского надела (при среднем крестьянском наделе в 4 дес. под пашней обыкновенно занято не свыше 0,5–0,75 десятины), а остальное пространство было покрыто мелкой порослью, болотами, частью (вдоль рек) лугами.

Проводить какие-нибудь мелиорации, увеличивать пашню за счет лесных зарослей или болот общинники не решались из-за неуверенности в возможности использовать затраченный труд – все равно при следующем переделе каждый крестьянский двор получит лишь столько угодий, сколько падает по разверстке на один надел. Кому же интересно при таких условиях тратить свой труд, время и деньги на общую пользу?

При этом землепользование из-за преобладания в этом районе однопланых селений крайне запутано. Юридическим владельцем земли является уже не отдельное селение, а иногда 40–50 сел и деревень, разбросанных на десятки верст. В этой сложной общине земля каждого из них раскидана вперемежку с землями остальных селений в 20–30, а нередко и более чем в 100 местах.

Междуселенная чересполосица дополнялась чересполосностью с казенными, церковными и частными землями, при крайне неправильном очерта-

---

* Анализ статистических материалов обследования см.: *Давыдов М. А.* 20 лет до Великой войны... С. 579–591.

нии земельных границ. Иногда на протяжении какой-нибудь версты граница делала по несколько десятков поворотов, да еще под острыми углами.

Словом, типичная северная сложная община – наследство крепостного права и проведенной впопыхах реформы.

Конечно, было немислимо вести какое бы то ни было разумное хозяйство в подобной земельной неразберихе, где, в сущности, ни одно селение не знает даже примерно площади своего фактического владения.

«Мало того, что нет расчета увеличивать культурные угодья за счет пустошей, немислимо и удобрять дальние поля, разбросанные от усадебной оседлости на громадные иногда расстояния. Не поедете же вы с возом навоза за 20–30 верст»²²⁹.

Ярославские крестьяне всегда и смотрели на земледелие, как на подсобный промысел, а расчеты строили на отходе. Во множестве селений лишь в трети дворов были взрослые мужчины. Сельское хозяйство, как часто бывало в Центрально-Промышленном районе, вели женщины или мужчины послабее.

Землеустройство, начавшееся здесь с 1908 г. (время открытия Мологской землеустроительной комиссии), во многом серьезно изменило эту ситуацию.

Оно началось с раздела однопланых селений, уничтожения внешней чересполосицы и проведения необходимых дорог.²³⁰

И только после этого стало возможным личное землеустройство.

На 1 января 1914 года в Мологском уезде было до 2000 хуторов и отрубков, однако обследовались лишь возникшие до 1 января 1911 г., т.е. 444 из них.

Юрьевский отмечает, что ярославская и, в частности, мологская деревня в сравнении с деревнями среднего Поволжья и центра России выглядит выигрышно: «Высокие крепкие избы и дворы, крытые дранкой или тесом, с массой резьбы на лицевом фасаде в старинном русском вкусе. Полное отсутствие полуразвалившихся хибарок, кое-как прикрытых соломой, приятно поражает глаз. Местами попадаются уже прямо великолепные дома с зеркальными стеклами, геранью в окнах и претензиями на стиль. Это “избы” местных тузов, разбогатевших в наших столицах на мясной, овощной или иной торговле. Ярославская губерния ведь родина Тестовых, Перловых, Смирновых, Бландовых и Чичкиных»*.

Эти дельцы, пишет Юрьевский, хотя и ворочают миллионами, но родины, родичей и соседей не забывают. Один даст 2–3 тыс. руб. на пожарный обоз, другой пожертвует на церковь. При этом они «считают долгом шикар-

---

* Справедливости ради замечу, что И. Я. Тестов был знаменитым ресторатором, Перловы торговали чаем, П. А. Смирнова увековечила его знаменитая водка. А вот друг Верещагина и Кофода фон Бландов, с которым читатели уже знакомы, и чьим протеже был будущий миллионер крестьянин А. Чичкин, упоминается здесь, конечно, «за компанию». Внук адмирала, он вырос все-таки не в избе.

но обстроиться» в своих деревнях, хотя и не живут в них постоянно: «Кто знает... если разорюсь и придется вернуться в деревню, так по крайней мере будет, где жить». И так уже случалось.

Поражает при этом, что ни один из них не отказался от своего надела в пользу общества: «Это мое родовое, – говорит ярославский богач, – и пригодится моим детям».

Юрьевский приводит конкретный случай, когда на сход, созванный для обсуждения условий разверстания на хутора и отруба, приехал из Петербурга разбогатевший односельчанин (именно он пожертвовал обществу деньги на покупку пожарного обоза), у которого, помимо капитала в полмиллиона рублей и 200 дес. собственной земли в этом селе, был общинный надел в 6–7 дес.

На сходе, однако, он вел себя эмоциональнее всех, поскольку ему хотели сначала дать дальний отруб в неразработанной пустоши, исходя из того, что человека его достатка эта тема не может всерьез интересовать. Не тут-то было! На отвод пустоши он не согласился²³¹, и, по словам агрономов, этот случай был не единственный*.

Что же сделало землеустройство для русского Севера?

Как повлиял на местную жизнь переход к личной собственности?

Земский агроном Кузнецов считал, что «осознание собственности земли» оказывает на крестьян «благотворное» воздействие, поскольку «почти все хуторяне» вкладывают «труда в землю и вдумчивости в труд» больше общинников и даже отрубников, добываясь, «часто при самых неблагоприятных условиях», лучших результатов в хозяйстве.

Хуторяне и отрубники, – говорил автору Кузнецов, – «гораздо восприимчивее ко всякого рода сельскохозяйственным улучшениям, чем общинники. Да это и психологически вполне понятно. **С переходом на хутора крестьяне стали осмысленнее относиться не только к своим хозяйствам, но и вообще к жизни, ибо хуторянин уже отрезан от своего сельского общества**»²³².

В общине жизнь идет по инерции: колокол зазвонил – ездай косить или пахать. Общинник часто относится к хозяйству беспечнее, возлагая все свои надежды на мнение других.

Став единоличником, крестьянин должен рассчитывать уже на самого себя, потому что опереться не на кого. Нередко возникает чувство беспомощности.

---

* Любопытная зарисовка. Однажды автор обогнал крестьянина с женой, возвращавшегося, очевидно, домой из города с покупками: «На телеге (по местному «одер»), кроме мужика сидела и баба, и рядом с ней возлежала большая картонка с шляпой. Местные бабы, особенно девушки – ужасные здесь модницы. Зимой на вечеринках, устраиваемых для молодежи в специально занимаемых для того избах, особенным шиком считается по 2-3 раза переодеваться в новые платья. Если у девушки есть двое часов, так все они на вечер и нацепляются. Танцуют, впрочем, в галосах...». (Юрьевский Б. Возрождение деревни... С. 7.)

И тогда новые собственники «гурьбой отправляются за советом к своему участковому агроному», который большую часть своего времени уделяет именно им, потому, что у них больше интереса к сельскому хозяйству (причем у хуторян больше, чем у отрубников).

Хуторяне обыкновенно получают участки на окраинах селения, чаще всего пустоши, а нередко и лесные заросли. Здесь сначала надо выкорчевать растительность, распахать землю, привести ее в сколько-нибудь «культурный вид», что, конечно, требует больших сил и времени. Даже если это не пустошь, а бывший пахотный участок, то он сильно истощен, т.к. «окрайки» редко уваживались. Поэтому хуторяне при всем желании не могут сразу вводить сельскохозяйственные улучшения и переходить многополью.

А вот отрубникам в массе сделать это проще. Кузнецов считал, что не менее 50% всех единоличников уезда перешло к многопольному севообороту.

Землю они обрабатывают лучше – под яровые она пашется с осени, применяются минеральные удобрения, улучшенные семена и т.д. Жалобы на землеустройство редки.

При этом в выигрыше остались те домохозяева, которые не побоялись взять побольше земли, пусть и хуже качеством. В сущности, качество почвы в уезде почти везде одинаковое, но в одном случае она только лучше разделана, чем плохо распаханные или неунавоженные окраины надела. При разделе земли все это учитывается, и те, кому достаются худшие участки, получают соответственно больше земли.

Через 3–4 года картина меняется, потому что «плохая» земля после соответствующей обработки по качеству уже не уступает перворазрядным почвам.

Кузнецов отмечает, что развитие агрономической помощи тормозит слабое финансирование, не позволяющее в должном размере развернуть показательные мероприятия, демонстрацию различного рода улучшений, а также снабдить прокатные станции всем необходимым инвентарем.

Денег мало и у самих крестьян, которые из-за этого часто не могут заводить различные полезные новшества. Кредитные товарищества действуют, но пока финансово они недостаточно сильны. Все это в комплексе замедляет прогресс в деревне²³³.

Кузнецов отметил также, что, по его личным наблюдениям, хуторяне и отрубники пьют гораздо меньше общинников. О том же говорили автору и сами крестьяне. Он имел продолжительный разговор с инициатором разверстания на отруба в одном из селений Афанасием Ивановичем Воронцовым.

«Помилуйте – говорит он – прежде при общине только и знали, что пропывали разные лужки, да окрайки. Другой раз бывало так. Встанешь летом пораньше, чтобы идти покосить свою часть в общей луговине. Придешь на ме-

сто, глядь, а уж там все скошено. Кто, спрашиваю, косил? Да, как же, говорят, Николай лавочник вчера поил стариков, так они ему за водку-то и продали покос. Да, как же меня, говорю, не спросили? А старички только посмеиваются. Мы все, говорят пили. Только тебя, вишь, не было. Так бывало только махнешь рукой, да и идешь домой ни с чем. А теперь разверстались и каждый своему отрубку хозяин, что хочешь с ним, то и делай. И потрав и судов у нас теперь тоже стало меньше»²³⁴.

Беседуя с мологскими крестьянами, автор был поражен их глубоким интересом к сельскому хозяйству: «В один-два года теперь наверстывается то, что раньше требовало чуть ли не десятка лет. Приобретаются одноконные плуги Липгарта, бороны зигзаг и дисковые, рядовые сеялки, жатки, веялки, минеральные удобрения. Широко развивается травосеяние»²³⁵.

Осенью 1913 г. агроном М. А. Самсонов, лично обследовавший единоличного хозяйства, докладывал Мологскому земскому собранию, что большинство единоличных хозяйств, образовавшихся в 1912 г, уже весной этого года ввели посевы трав. Через два года после разверстания годовой доход среднего крестьянского двора повышается на 50 рублей.

Параллельно с улучшением полеводства и травосеяния шел подъем крестьянского скотоводства. Большую роль в этом отношении играли молочные артели и контрольные союзы при сельскохозяйственных обществах.

Так, в молочной артели села Веретеи, одного из центров единоличных хозяйств, было уже 500 членов, не считая крестьян шести соседних деревень, владевших 700 коровами. Артель вырабатывала масло, продававшееся в Петербурге, и действовала весьма эффективно – удои выросли почти на 40%, а себестоимость молока снизилась почти вдвое²³⁶.

Землеустройство породило и другие культурные мероприятия, среди которых автор справедливо выделяет начавшееся огнестойкое строительство.

Кажется, со времен А. С. Ермолова, выпустившего в 1913 г. книгу «Пожарная эпидемия в России», в историографии никто всерьез этой как бы периферийной темой не интересовался.

Во что обходилась она России, говорят цифры, приводимые Ермоловым. За десятилетие 1895–1904 гг. Россия несла пожарных убытков в среднем на 81,5 млн. руб. в год. При этом число пожаров колебалось от 52,1 до 69,6 тыс. в год, а объем убытков – от 61,4 до 121,7 млн. руб.²³⁷

Особую и весьма неприглядную роль пожары играли в деревне. Частью они порождались отмечаемой чуть ли не с XVIII в. скученностью крестьянских построек*. Однако нередко, как мы помним по судьбе Гарина-Михайловского, это было то, что Успенский называл «своим средством», т.е. свиде-

* Некоторые помещики, в частности, А. А. Закревский, что называется, «декретом Совнаркома» расселяли своих крестьян на безопасные расстояния.

нием тех или других счетов с окружающими, от которых зачастую сторало все селение. Бывали и более сложные мотивы – получение страховки и др.

Тема борьбы с пожарами давно муссировалась в земствах и в печати, однако с началом реформы правительство перешло от слов к делу, начав не только создавать собственное производство огнеупорных строительных материалов для деревни, но и субсидировать тех, кто готов был заниматься этим делом.

По всей стране стали строить так называемые монолитные стены из цемента, песка, извести и щебня, или глинолитные из смеси соломы и жирной глины, которые «не оставляют желать ничего лучшего по прочности, огнестойкости и нетеплопроводности». Средний крестьянский дом из монолитных стен с черепичной крышей обходился в 400–600 руб. – с перспективой удешевления.

В Мологском уезде (и не только) уже возникли кадры опытных мастеров-инструкторов, которые могли не только сами сделать, но и научить крестьян, как делать и эти стены, и черепицу, и как класть «гигиеническую русскую печь – по системе инженера Кржишталовича, с вентиляцией и крайне экономным расходом дров».

ГУЗиЗ устроило в уезде несколько мастерских для выделки черепицы (при каждой была выставка рекламируемых огнестойких изделий), а также кирпичный завод, снабжавший хуторян кирпичом на льготных условиях (частные заводы за тысячу штук брали 16–18 руб., а этот завод – 12–13 руб.). Спрос крестьян, покупавших кирпич для кладки печей, опережал производство.

Кроме того, рядом с уездным городом ведомство устроило питомник плодовых деревьев, отпускаящий 3–4-летние саженцы по 25–30 коп. за дерево.

И завод, и питомник были устроены по инициативе «человека выдающейся энергии» – мологского землеустроителя В. В. Корниловича²³⁸.

Юрьевский откровенно пишет: **«Мое общее впечатление о Мологском уезде следующее: ничего подобного в смысле сельскохозяйственного прогресса я здесь заметить не ожидал.**

Землеустроительная горячка охватила уже всю массу населения и ни о каких поворотах назад к общине и речи быть не может. На почве этой “землеустроительной горячки” встречаются интереснейшие типы», например, священник, который «в этом году бросает свой приход» и будет поступать в Петровскую сельхозакадемию, чтобы затем стать земским агрономом.

Появился тип **«землеустроительного агитатора»**, например, хуторянин Дмитрий Дмитриевич Сомов, «человек интеллигентный, член союза 17 октября», секретарь в возникшем по его же инициативе местном сельскохозяйственном обществе. Будучи убежденным сторонником хуторского хозяйства,

он каждую минуту свободного времени посвящает поездкам по уезду, он собирает сходы и «вопит, именно вопит о необходимости развёрстываться, пишет крестьянам прошения в комиссию»²³⁹.

Землеустройство породило обратную тягу крестьян к земле.

И вместе с тем в уезде появились новые люди. Ими стали белорусы и латыши из Витебской и Минской губерний, купившие земли у Крестьянского банка.

Местные крестьяне раскупили лишь ту банковскую землю, которая прилежала к их наделам и годилась для выгонов. Однако в целом банковские хутора у них не были очень популярны, и не потому, что земля дорого стоила, а из-за необходимости вложить в нее слишком много труда до получения первой прибыли. «Банковская земля – сплошной лес, который надо срубить, выкорчевать и поднять плугом, а это требует затраты упорного труда и продолжительного времени, на что способен лишь белорус, да латыш... Понемногу хуторяне-пришлецы, а их человек уже 400, начинают оглядываться и являются на волостные сходы. По общему признанию, хуторяне на будущих волостных и земских выборах сыграют громадную роль в жизни уезда. Это народ энергичный, сплоченный, никуда из деревни не уходящий, живущей исключительно сельским хозяйством, и потому крайне заинтересованный в том, чтобы политика волости и уездного земства не расходилась с их интересами»²⁴⁰.

Так Российская империя интегрировалась на новом уровне.

В то же время автор замечает: «Мое обследование оказалось бы не полным, если бы я не коснулся одной теневой стороны, которая связана с аграрной реформой». Он имеет в виду вопрос об укреплениях наделной земли. Насколько разверстание однопланых селений и последующий переход на хутора или отруба единоголосно считаются прогрессивным явлением, говорит Юрьевский, настолько же укрепления крестьянских наделов на полосах в личную собственность отдельных домохозяев вызывают дружное осуждение, в том числе и со стороны самих землеустроителей²⁴¹.

Реформа в действии. Сычевский уезд Смоленской губернии

Основное отличие смоленской деревни от ярославской заключается в том, что Ярославская губерния – сравнительно многолесная. В ней есть обширные казенные леса, много леса у частных владельцев и даже иногда у крестьян.

В Смоленской губернии совершенно иная картина. Еще недавно она считалась лесной, но теперь совершенно обезлесена – «там, где еще 10–15 лет назад охотились на медведей, остались одни пни, а местами все выкорчевано и обращено в пашню».

При общей земельной площади Смоленской губернии в 4760 тыс. дес., казенных лесов всего 100 тыс. дес., да во владении крестьянского банка имеется около 13 тыс. дес. Частновладельческие леса беспощадно вырубаются, а лесоохранительный комитет бороться с этим бессилён. В результате этого хищничества в городах Смоленской губернии дрова стали стоить дороже, чем в Москве (кубическая сажень дров до 40 руб.).

Не лучше дело и в сельской местности, «где крестьяне за каждой хворостиной должны ехать иногда за десятки верст»²⁴².

Уездный город Сычевка с 7 тыс. жителей – «типичная русская провинция. Грязь непролазная. Цены на все выше столичных», потому что соседние деревни не очень балуют горожан подвозом продуктов.

В то же время есть и телефон, и водопровод, а в 1913 г. провели даже электричество, впрочем, пока только для платных абонентов. Однако из-за этого почему-то убрали керосиновые фонари и улицы города перестали освещаться, а «обывателю предоставляется ходить по вечерам, как Бог на душу положит».

Впрочем, иронично замечает автор, «в других городах Смоленской губернии по части комфорта еще хуже. В уездном городе Красном до сей поры сталкиваешься прямо с идилическими картинами. На городской площади в Красном дикие утки выводят своих птенцов, а местные обыватели охотятся на бекасов...»²⁴³.

Крестьянские избы в Смоленской губернии хуже ярославских, что и понятно ввиду высоких цены на лес. Экономическое положение крестьян – довольно пестрое.

Там, где качество земли было относительно высоким и где крестьяне занимались только сельским хозяйством, как, скажем, в Духовщинском уезде, они жило заметно беднее населения уездов с малопродуктивной почвой, например, Сычевского.

Везде в России, замечает автор, налицо один и тот же факт – чем хуже земля, тем люди живут сравнительно лучше. Низкое качество почвы, невозможность прокормиться только за счет нее возбуждает, стимулирует энергию народа. И он начинает искать выход из положения, создает местные и отхожие промыслы, которые дополняют, а часто с лихвой возмещают то, чего не может при данном уровне агрикультуры дать земля²⁴⁴.

Крестьяне соседних с Сычевкой деревень живут скорее зажиточно – хорошо питаются, едят мясо едят не только по праздникам, а более состоятельные, кроме водки, держат дома «русский коньяк и ликеры». При этом «народ в общем рослый, красивый. Новобранцев отсылают поэтому все больше в гвардейские полки».

В то же время недостаток смоленских крестьян довольно резко различается в зависимости от того, являются ли они бывшими государственными или помещичьими.

Первые, как общее правило, живут гораздо лучше вторых, и вовсе не потому, что лучше обеспечены землей.

Помещичьи крестьяне до 1861 г. работали на барщине «лениво, так сказать, из-под палки».

Сидевшие на оброке казенные крестьяне «издавна привыкли работать более интенсивно». И хотя крепостное право отменили более полувека назад, «на народном характере до сих пор сказывается принадлежность крестьян к разряду помещичьих или государственных. У последних все лучше: постройки, одежда, инвентарь, и только уже на хуторах нивелируется эта разница в экономическом положении».

И без того невысокое качество земли в Сычевском уезде усугублялось тем, что ее сильно истощили бессистемные посевы льна. Поэтому урожаи в общине «баснословно низкие», обычное явление здесь сам-2, и не более сам 3–4.

А с учетом того, что высевают общинники на десятину от 18 до 27 пуд., а иногда и больше, то картина выходит «крайне безотрадная – хорошее, можно сказать, хозяйство, когда, высевая 18 п., а собираешь 36 п. ржи. На хуторах хозяйство уже совершенно иное... Ясно теперь, почему крестьяне бросаются на хутора»²⁴⁵.

Юрьевский всякий раз особо говорит о тех, кто участвовал в обследовании. Отлично зная нравы российской красно-розовой общественности, он предвидел, что она будет обвинять правительство в ангажированном составе переписчиков, необъективности сбора данных и выводов.

Поэтому, отмечая, что гарантией «полного беспристрастия» материалов обследования является то, что их собирали только работники земства, он говорит: «Впрочем, говорить о каких-либо тенденциях, когда становишься лицом к лицу со Смоленскими хуторянами, довольно затруднительно.

Надо быть заведомо недобросовестным человеком, чтобы не отдаться тому радостному чувству, которое переживаешь при объезде Смоленских хуторов. Идейных противников землеустройства я на казенный счет отправил бы в Сычевский уезд посмотреть на тамошние хутора, и убежден, что они в корне изменили бы свои воззрения на землеустройство»²⁴⁶.

Словом «тенденции» тогда обозначали предвзятость направления мысли того или иного человека, партии и др. (например, «всем известные тенденции правительства» трактовать то-то и то-то).

Землеустройство, затронувшее в уезде 204 селения, образовало 3855 хуторов и отрубов, из них обследование коснулось 1529. Средний размер наделных хуторов 8,4 дес.

Сычевская Землеустроительная комиссия, как и множество других комиссий, из-за недостатка землемеров не справлялась с потоком ходатайств.

Иногда селения ждали разверстания по 2–3 года, что плохо отражалось на обработке земли – в период времени от составления обществом приговора о разверстании до самого разверстания крестьяне переставали заниматься своей землей. Зачем удобрять полосы, если они потом отойдут другому? Наоборот, каждый хозяин, расставаясь с общиной, стремился выжать из своей земли по максимуму. А ее качество и без того было далеко от совершенства.

Крестьяне, отлично понимая все это, буквально любыми средствами старались поскорее попасть в план работ.

Так, в 1912 г. к разверстанию было готово 50 селений, а в плане числилось 30 из них. И тут весной, перед самым началом работ 31-е по счету селение вдруг сгорает дотла.

Разумеется, погорельцы стали просить комиссию, чтобы для них было сделано исключение и чтобы их разверстали вне очереди.

Разумеется, их просьбу исполнили – им же нужно где-то жить после пожара, т.е. нужно строиться, а если они при этом выходят на хутора, то уже лучше им сразу строиться на новом месте.

Вполне себе человеческий подход – ведь в 1912 г. этот пожар посчитали случайностью.

Однако когда в 1913 г. аналогичным образом сгорело «целых 8» селений из числа не попавших в очередь «стало все ясно»²⁴⁷.

Описывая атмосферу землеустройства автор вполне конкретен.

У единоличников в первые 2–3 года урожаи еще сравнительно невелики, так как земля очень истощена.

Однако после посевов клевера урожаи заметно растут. Участки, побывшие под клевером три года, сдаются в аренду на один посев льна по 80–120 руб. за десятину. А между тем обычная продажная цена десятины пашни не превышает 150 руб., и это во многом объясняет популярность хуторов. Ведь только после ликвидации чересполосицы можно установить интенсивное хозяйство и многополье с травосеянием, чтобы сеять в нужных размерах ставший теперь столь выгодным лен.

Очевидный плюс индивидуального хозяйства – повышение урожайности до сам 6–7, т. е. вдвое выше, чем в общине. Кроме того, крестьяне стали еще экономить на семенах. Зерноочистительные пункты ознакомили крестьян с важностью улучшения посевного материала. На хуторах крестьяне высевают на десятину не свыше 10–12 пудов хорошо отсортированных семян²⁴⁸.

Автор объехал в Сычевском уезде до 20 деревень, опрашивал и самих крестьян и счетчиков, заполнявших, анкетные листки.

И вот к каким выводам он пришел.

«Редкий хуторянин» не начал теперь травосеяние.

«Разумеется, у большинства хуторян еще не может быть точно установленного севооборота; не может быть хотя бы потому, что самым старым хуторам 5–6 лет, а наиболее подходящий севооборот, к которому здесь переходят, это семиполье (пар, рожь, три клеверных поля, лен и овес).

Пар частью занят викой или ячменем. Обработка полей здесь гораздо выше, чем в общине... Из улучшенных сельскохозяйственных орудий среди хуторян особенно распространены: плуги, бороны Рандаля, косилки. Первое, что делают хуторяне после, разверстания, это – окопка каналами границ участка». Затем болотистые части участка осушаются канавами. Земля, взятая из канав при осушке торфяных болот, перевозится на пашню, потому что это отличное удобрение.

После разверстания падает овцеводство и сокращается «немного» число лошадей, но зато «заметно увеличивается» поголовье крупного рогатого скота и свиней.

Скот в огромном большинстве случаев держат на привязи, свиней выпускают в пугах, и эти способы пастьбы уже никого здесь не удивляют. А ведь еще 5–6 лет назад это считалось чем-то невозможным.

Хуторяне придумали, как им обойтись без пастуха – соорудилась переносная квадратная изгородь на колесиках, и туда загоняли овец. Потом изгородь передвигается на новое место и т.д.²⁴⁹

С большим подъемом автор говорит о встреченных им людях.

Непременным членом Сычевской комиссии был Л. Ф. Зеленин, «на которого и пала вся тяжесть и вместе с тем вся честь культурного развития уезда».

О степени его популярности можно судить по тому, что он стал персонажем частушек. В одной из них поется:

«Ах, Зеленин, что наделал,
На участки всех разбил,
Всю земельку поизмерил.
Всюду столбиков набил».

Неоспоримый подъем крестьянского хозяйства в уезде – во многом его заслуга.

Зеленин в частности, рассказал автору, что хуторяне или, по-местному, «участковцы», как только добиваются урожая сам – 6–7 и чувствуют себя обеспеченными хлебом и кормом для скота, начинают посматривать на общинников «несколько свысока, как бы считая себя за людей другой, более высокой культуры»²⁵⁰.

Активист землеустройства, 70-летний член Сычевской уездной земской управы И. П. Байков так объяснил Юрьевскому разницу между общинным

и единоличным хозяйством: раньше на полосах он удобрял свою пашню лучше всех в общине и урожаев ржи выше сам – 5 не получал, а теперь он среднем имеет сам 10–11 и отстает от других. У хуторянина земского учителя Ф. А. Строганова в 1912 г. урожай ржи был сам – 20, а в 1913 году сам – 16²⁵¹.

При этом в 1913 г. в уезде из-за «невероятной» для этих мест засухи урожаи хлебов и трав оказался очень плохим. На хуторах, благодаря травосеянию, кормов для скота хватит, а вот соседние общинники уже теперь начали распродавать скотину.

«Вот смотрите, как живут у нас на хуторах», – говорил мне крестьяне в деревне Конной. «Есть у нас хуторянин Василий Степанов Лосев, земли у него 16 дес. В общине ему хлеба до нового урожая не хватало. Весною должен был прикупать хлеба. А теперь, всего-то после 5-летнего хозяйства на хуторе, Лосев, прикупил на наличные деньги еще 8 дес. земли, обзавелся жнейкой, косилкой, конной молотилкой и льняной мялкой. Подсчитайте-ка, что стоит весь этот инвентарь, да прикупленная земля.

Да что Лосев. Возьмите нашего самого замечательного хуторянина Ивана Григорьевича Володенкова. Земли у него всего-навсего 2,5 десятины, а живет он лучше, чем крестьянин, имеющий в общине 20 десятин»²⁵².

«Заинтересовался я этим легендарным Володенковым», – пишет Юрьевский, – «Захотелось проверить показание крестьян. Не хвастают ли?».

Проверить оказалось несложно, потому что в 1913 г. некоторые самые интересные единоличные хозяйства в Сычевском уезде были подробно обследованы и описаны местными земскими агрономами для соискания Романовской премии.

И что же, крестьяне не обманули: «У Володенкова оказался и прекрасный инвентарь и скот, маленький пчельник, небольшой фруктовый сад; хозяйство ведется правильное, шестипольное, с посевом клевера. Через пять лет хозяйства на хуторе Володенков имел возможность прикупить 1,5 десятины земли и теперь его положение стало еще лучше»²⁵³.

Пользуясь материалами конкурса Романовых, автор описывает несколько выдающихся хозяйств в разных частях уезда, в том числе и будущего лауреата Куприяна Назарова (Володенков им, увы не стал), и повсюду он «был поражен и восхищен необычайным подъемом сельскохозяйственной культуры.

Поезжайте, господа Фомы-неверующие, в деревню Конную, Сычевского уезда, или, например, в Колодень, посмотрите, какие форменные чудеса творит свободный, избавленный от опеки мира крестьянский труд на земле и убедитесь в пользе хуторского расселения».

Конная и соседнее с ней Сутормино стали для окрестных крестьян, в сущности, «практической школой различных отраслей сельского хозяйства».

Туда приезжали люди из дальних углов губернии «поучиться уму-разуму, воочию убедиться в том, чего можно достигнуть на небольшом клочке земли при культурном ведении хозяйства»²⁵⁴.

Юрьевский делает тонкое и очень важное замечание: **«Сельское хозяйство в деревне Конной получило значение спорта, где каждый хуторянин старается перещегоолять соседа. В области сельского хозяйства здесь производится как бы скачка с препятствиями, причем призом является великолепный урожай»** как результат тщательной обработки земли, применения минеральных удобрений, введения многополья с травосеянием и целого ряда других агрикультурных факторов²⁵⁵.

Особенно хорошо тут поставлено молочное хозяйство. В 1910 году хуторяне Конной и Сутормина организовали первую в Смоленской губернии молочную артель, куда записались и крестьяне соседних селений (70 членов и 160 коров). Ее валовый приход за 1910–1912 гг. удвоился (с 6 до 12 тыс. руб.).

У артели свое помещение для сепараторов, большие ледники для хранения масла, племенной бык-швиц и потребительская лавка, деятельность которой в печатном отчете за 1911 г. характеризуется так: «О пользе ее (т.е. лавки) говорить не приходится, достаточно посмотреть на лица местных торговцев и – все скажется». Там есть все предметы первой необходимости крестьянского обихода. Продаются товары почти по себестоимости, что дает крестьянам «громадную экономию». Оборот лавки в 1912 г. достиг 14 тыс. руб.

Артельный маслодельный завод построен осенью 1910 г. на земле, пожертвованной одним из хуторян. Тут же выстроено здание местного сельскохозяйственного общества, имеющего свою библиотеку, прокатный и зерноочистительный пункты.

«Просто диву даешься, как здесь все великолепно налажено и организовано»²⁵⁶.

Юрьевский особо отмечает заслуги в организации этого большого дела местного земского агронома П. П. Прежевского, крестьян А. В. и И. П. Байковых и сельского учителя Ф. А. Строганова, который стал инициатором перехода на хутора и организации молочной артели.

Именно вокруг Строганова были сосредоточены все культурные силы двух волостей. И его деятельность «в этом отношении настолько поразительна, она настолько громадна по достигнутым результатам, что отметить ее является более чем необходимым. Вот тип сельского учителя, который в короткий срок при благоприятных условиях, мог бы перевернуть деревенский общинный уклад жизни».

«Пять лет прошло, – рассказывал автору Строганов, – и жизнь десятка тысяч людей целого уезда вывернута наизнанку. Не верится самому себе, своим глазам. Хочется крикнуть куда-то вдаль: «Да где же раньше-то были! К чему и

кому нужно было вековое страдание вечно голодного землероба!». Но, слава Создателю, все кончилось. Сдвинулись с мертвой точки и нет той силы на свете, чтобы остановить людей, двинувшихся на новый жизненный путь.

Как бы хотелось иметь ковер-самолет, облететь бы на нем всю Русь общинную и крикнуть задыхающимся в петле: «Братцы общинники! придите, ощупайте сами своими руками, ткните пальцем в здоровое тело вашего же брата, крестьянина, отряхнувшего прах от гнилой общины! Братцы общинники! ощупайте сами!». Я твердо знаю, что придется тогда любого из вас тащить обратно за хвост, как глупого щенка, которого мордой ткнули в молоко, а он сперва фыркает и пятится назад, пока не почувял вкуса в нем.

Но, горе, ковра-самолета нет, и приходится довольствоваться тем, что кого-нибудь встречного толкнешь мордой в молоко. Пофыркает, пофыркает – смотришь – припал... и коли хочешь, выдергивай хвост, а добровольно не уйдет. Ткнешь летом в разгар роста хлебов, ткнешь осенью в закромах, ткнешь и зимой на мельнице. Ткнешь и любишься, как постепенно забирает противника»²⁵⁷.

Действительно, судя по приводимым историям, Строганов любил и умел зацепить противника, понимал подобные ситуации.

Полагаю, эта пара картинок с мельницы стоят внимания читателей.

Однажды, рассказывает Строганов, «засыпал я рожь свиную (2-й сорт) и калякаю мирно с соседом, тоже хуторянином.

– Ах ты, чертова перечница! Пристала как банный лист. Что для тебя аль жернова испортить? Привезла какие-то стручья да траву вместо ржи и мели ей помельче.

– Что это ты, Макар, расходился? – обращаюсь я к мельнику, который с руганью подходит к нам.

– Да как же, гнилая душа, – покою нет. Людям хорошо, а ей, вишь ты, крупно... Глянь поди со мной, можно ли мельче смолоть? – и Макар, не дожидаясь моего согласия, тащит меня за рукав в другой конец мельницы.

– Вот посмотри, что сыплется! А? И это рожь? Ей мельче... – Черта в ступе тебе нужно еще! – В грех ты меня ввела.

Смотрю, баба насыпает в мешок какую-то темную смесь – именуемую «хлебом». Взял на ладонь... – костер, ржанец и спорынья.

– Ну, молодуха, – говорю я, – и верно твою «рожь» мельче и в ступе не столкешь: уж дуже не ядрена. Ты напрасно на Макара и обижаешься. Ну да свинья съест, ничего...

– Что ты, батюшка, свинья, – ведь это хлебушка, это для себя.

– Как для себя? – Да тут же одна спорынья, можно же отравиться!

– Окстись, родимый, – отравиться, эка выдумал; слава тебе Господи, уже сколько годов Бог питает, а ты – отравиться.

– Почему же рожь-то такая дрянь? Ты откуда – любопытствую я.

– Да недалече... из Черковищей!

Разговорились. «Пойдем-ка, молодуха, я тебе покажу, что я свиньям мелю». Подвожу ее к ковшу. Баба берет горсть, несет на свет, щупает, мнет, глядит в глаза: полное недоверие. «Ну, что? Как?» – спрашиваю.

– Полно тебе морочить людей добрых, – бахвал!

– Ей Богу, тетка, свинье мелю, а вон рожь и для себя стоит; сходи, посмотри в мешках.

Баба молчком запускает в мешок руку и на ладони – как боб, жемчужная чистая рожь. Сомнений не было. Обступил народ, заинтересованный всей этой процедурой.

– Родненький! ведь все равно, что свинье жрать, возьми мою, с надбавкой давай поменяемся! – завопила баба.

– Нет, брат, не выйдет у нас дело с тобой. Мои свиньи сбалованные, едва ли будут есть твою муку, они тоже ведь хуторяне.

Недоверие изобразилось на ее лице и слушателей, когда я сказал, что рожь пришла сам 16, а в прошлом году сам 19 (в общине – сам два и три), что мы, хуторяне, и не сеем еще такой, а сперва отсортируем, что овес приходится сам 8 и т.д., и мельница на два часа стала аудиторией»²⁵⁸.

В другой раз собралось пять человек из одной деревни. «Приехали рано. Встаскали мешки наверх. Народу тьма и все ждут очереди засыпать. Народ кучками от скуки чешет языки о житейских мелочах. От нечего делать толкаюсь и я по кучкам. Там толкуют про пожар, в другом месте про свадьбы, а вон там и участки вспоминают. Пошел туда.

– И скажи на милость, какая мода вышла. Жили люди, как след, нет не хочу, подавай им, вишь, участки. Взял бы, думается, да в поганое корыто и засадил бы того человека, кто это у них коноводом был. Теперь изволь-ка, – отгораживаться от них. И что им попритчилось? И деревня-то, кажись, не взбалмшная, а вот, поди ж ты, пересошли с ума да и только. У них теперь уже и землемер назначен к весне, – жаловался один из кучки.

– Это какая же деревня-то выходит? – вмешиваюсь я в разговор.

– Да Конопатино, – отвечал нывший.

– Вот молодцы, так молодцы! давно пора было одуматься, полно бедствовать, – начал я, желая возбудить этот больной вопрос.

– Так по твоему это хорошо?

– Ну да, молодцы, на что же милей. Сам хозяин на своей земле. Что захочешь, то и посеешь. Когда захочешь, тогда и вспашешь, уберешь. Не будут в затылок гнать управные. Что выдумаешь, то и попробуешь. Ошалевать на работе по звонку не будешь. Сам хозяин, а не горлопят, – начал было я.

– Не пой ты нам рацей, слышали мы не раз эти песни, нечего по губам мазать. А по нашему не молодцы, а первые прохвосты! вот что, – возражает мне

крестьянин. – Поверь мне, все они пропадут, содохнут с голоду, потому, коли уж на полосах не стало родиться в общине, так на участках и подавно.

Ну, думаю, тебя я легко разобью. И слово за слово я с ним, что называется, сцепился. Разговор крупнеет. Толпа растет. Встречают еще несколько общинников. Мои одноподдервенцы тоже подошли. Страсти разгорались. Столкнулись закоренелая община и новожилая хуторяне.

– Да что вы нам толкуете. Вон в деревне Конной за первый год три коровы удавились на цепях, да жеребенок сторублевый залился в реке; вот что ваши участки делают, – доказывает невеселую жизнь участковцев один из крестьян.

– Эге-ге! стой, голубчик! – останавливаю я. – Ты, брат, ври, да не завирайся. Мы сами-то и есть конновские и, кажись, у нас такого случая что-то не бывало, – вот что мил-человек...

– Да... как же... нам-то говорили... – слабо защищается невинно завравшийся.

– Вот-те и говорили! Ври, да оглядывайся.

– Полно, ребята, нам, попусту лаять, мы лучше на деле докажем, что лучше, а что хуже. Развязывай мешки! во, и спору конец.

Предложение принято. Всех забрало любопытство. Начался осмотр общины. Рожь известная: костер, синец, ржанец – все, что хотите, только не рожь; сами же говорят, что дрянь и сам два.

Ну, думаю, теперь-то я вас, голубчиков, совсем добью. Торопливо развязываем мешки и толпа человек пятнадцать тянется в мех. Между пальцами – горох (чудная была рожь). Мы зло торжествуем... Томительное молчание и сомнение. Переглядываются, кладут для чего-то в рот... хрустят...

– А это что-то за желтое, как боб? – спрашивает один.

– Пшеница!

– Ну что? Как? А? – нарушаю я долгое молчание.

– Ндааа!..

– Ндааа? – вот и все, чего добился.

И знаю, что это «ндааа» разрастется за год. Знаю, что проснутся к новой жизни. Знаю, что скажут: “Где ж мы раньше-то были?”²⁵⁹.

Кстати, выдающаяся культурная работа Строганова, его вклад в подъем крестьянских хозяйств, а также организацию кооперативов в уезде была отмечена ГУЗиЗ, наградившим его знаком отличия за особые труды по землеустройству и денежной премией в 300 руб. (такую сумму получали лауреаты конкурса Романовых). Он был первым народным учителем, получившим эту престижную тогда награду.

Больше всего Юрьевского в Сутормине и Конной поразило настроение крестьян: «Вместо обычного мужицкого типа, смотрящего на интеллигента исподлобья, видящего в нем “барина”, с коим у него, мужика, ничего не мо-

жет быть общего, мужика, отвечающего на задаваемые ему вопросы крайне неохотно, недоверчиво и опасливо, во всем к тому же видящего подвох, вы в Сутормине встречаетесь с редкою пока разновидностью культурного крестьянина.

Мужик как будто бы и тот же на первый взгляд – с внешней стороны, но вся жизнь, все помыслы, речь и настроение его совсем уже иные. Нет заботливого, ничему не доверяющего и озлобленного сельского обывателя – и вместо него народился гражданин обновляющейся России»²⁶⁰.

Конечно, Юрьевский знает, что таких культурных гнезд, как Сутормино и Конная, в смысле достигнутых результатов, в уезде пока немного, но ведь они разверстались первыми.

Все селения, которые пошли вслед за ними дают множество промежуточных вариантов – от состояния, почти не отличающегося от общинного, и до «форм севооборотов и обработки земли, близких к совершенству».

Здесь все зависело от времени, прошедшего после разверстания и степени обслуженности конкретного селения агрономическим персоналом, доступности сельскохозяйственного кредита и, наконец, от наличия или отсутствия таких «культурных работников и пионеров фермерского хозяйства», как учитель Строганов.

«Как бы то ни было, общая физиономия Сычевского уезда по сравнению с недавним прошлым резко изменилась. Куда бы вы ни кинули свой взор – повсюду селения или уже разверстались на хутора и отруба, или готовятся разверстаться, т.е. подали в комиссию приговор о желании перейти на отрубные участки» – так завершает Юрьевский свой рассказ²⁶¹.

Реформа в действии.

Новоузенский и Николаевский уезды Самарской губернии

Обследование ГУЗиЗ проводилось в Николаевском уезде, но Юрьевский сначала посетил находившуюся в соседнем Новоузенском уезде знаменитую Покровскую слободу (ныне – г. Энгельс), которая недавно разверсталась, и пообщался с депутатом 1-й Думы И. И. Пустовойтовым.

В селе Баронске, волжской пристани, автору, надо думать, по контрасту с Сычевкой, «пришлось поразиться довольно прилично вымощенным улицам, электричеству в домах и на улицах, наличию кинематографа, гостинице с приличным столом – вообще теми внешними проявлениями культуры, которые так редки в нашем отечестве, тем более в деревнях»²⁶².

Оттуда Юрьевский проехал до Покровской слободы, посетив 20 землеустроенных селений как в Новоузенском, так и в Николаевском уезде.

С внешней стороны все они произвели выгодное впечатление – особенно селения немецких колонистов. «Избы хорошие, крытые тесом, железом или глиносоломенные. Обыкновенных соломенных крыш, столь характерных для великорусской деревни», он не увидел.

Однако впечатления его от крестьянских хозяйств не столь подробны, как в Мологском и Сычевском уездах, и это явный симптом авторского недовольства.

Он отмечает, что «первым следствием землеустройства в юго-восточной России» стало «улучшение скота», который помещается «в лучших зданиях и за эти пять лет молодняк сделался несравненно крупнее и во всех отношениях лучше обычного общинного «тасканского» скота»²⁶³.

Что касается самой системы хозяйствования, то и она начинает понемногу сдвигаться мертвой точки. Хотя надо заметить, что сдвиг этот идет крайне медленным темпом», и причины тому «самые разнообразные».

Первая, сугубо психологическая, – это восприятие крестьянами свойств самарской почвы. Они в один голос твердили: «Вы плесните только водою, и у нас в степи черт знает, что вырастет». «Вот это “плесните только водою”» – продолжает Юрьевский, «до сих пор крайне развращающее действовало на психологию сельских хозяев. **Последние все свои упования возлагали и возлагают на природу, на количество выпадающих атмосферных осадков, не прилагая никаких усилий к улучшению самой техники хозяйства**»²⁶⁴. Ровно о том же, только более детально говорит и самарское земское обследование 1908 г.

Вторая причина – комплексная, сложная и раскрывается постепенно.

Юрьевский отмечает резкий диссонанс.

С одной стороны, Самарская губерния является одним из лидеров в личном землеустройстве. А с другой, по числу хозяйств, перешедших к многополью «и вообще порвавших с прежним хищническим способом эксплуатации земли», она, безусловно, занимает одно из последних мест в Империи.

Юрьевский прямо говорит, что «того культурного подъема, того подъема духа в народной массе, которые так поразили меня в Смоленской, Ярославской, Псковской, Пермской и Виленской губерниях и иных местах, посещенных мною минувшей осенью, – я в Самарской губернии не подметил.

Волна народного воодушевления, народный порыв к культурному строительству, к устройению своей жизни, своих хозяйств на более разумных началах до Самарской губернии, очевидно, еще не докатилась.

Вернее, местным работникам по тем или иным основаниям не удалось еще в достаточно сильной степени заинтересовать и подтолкнуть сельское население к организации хозяйств на новых более культурных началах»²⁶⁵.

Почему?

Отчасти из-за явной слабости, если не отсутствия де-факто агрономической помощи. Ни одно из разверставшихся селений Николаевского уезда, которые он осматривал, не видело агрономов.

Так, в Борегарде, где немцы-колонисты перешли на отруб еще в 1909 г., на вопрос о том, что именно рекомендовали им агрономы, автору отвечали, что «в нашем селении за 4 года ни разу агронома-то и не было». Земство прислало два года тому назад на пробу полпуда семян люцерны, крестьяне ее посеяли, но она не взошла, на чем все опыты и закончились.

А ведь в Борегарде 300 дворов, и притом стоит он не где-то на отлете, а в «кусте» землеустроенных поселений. В итоге там нет никакого травосеяния, а **потому численность скота после разверстания стала даже меньше**²⁶⁶.

Хотя справедливости ради Юрьевский замечает, что повсеместно, включая Борегард, в разверставшихся селениях качественно и количественно улучшился мертвый инвентарь, однако урожайность на николаевских хуторах и отрубях если и повысилась в сравнении с общинными хозяйствами, то также не слишком заметно. Хозяйства единоличников в Новоузенском уезде «несравненно выше», но там и агрономов работает больше и сама постановка агрономической помощи куда лучше, чем в Николаевском уезде.

Вместе с тем из текста неявно следует, что и Новоузенский уезд далек от совершенства²⁶⁷.

Тут явная местная проблема.

С одной стороны, – по идее – самарское крестьянство из-за постоянных неурожаев должно было бы лучше воспринимать новшества, чем, например, смоляне или псковичи. По крайней мере часть населения в Самарской губернии «ищет выхода из того хозяйственного тупика, в который оно попало после долгого периода равнодушного ковыряния земли». В этом он убедился еще в Покровской слободе: «Боже мой, сколько разговоров, сколько волнений было связано там с возведением построек на отрубях, сколько разговоров о необходимости вообще перестроить хозяйства на новых началах!»

С другой стороны, один из лучших местных крестьян И. И. Пустовойтов не раз говорил ему, что «мы все... находимся в периоде искания. Бредем с проторенной дороги на новые пути, но окончательно еще ничего не наметили. Не знаем, как и за что приняться, не знаем, с чего начать»²⁶⁸.

Юрьевский был поражен, если не шокирован, этой фразой, из которой следовало, что и в Новоузенском уезде агрономы пока ничего внятного крестьянам не предложили.

За этой коллизией стояла большая проблема.

Славу житницы России Самарская губерния снискала в те времена, когда почти на всем ее пространстве господствовала залежная система хозяйства

с долгим периодом залежи. Тогда при хорошем качестве земельных пластов засуха была не страшна.

Однако время этой системы истекало – крестьяне распахивали все больше земли, и им все труднее было забрасывать землю на много лет в залежь, а других способов спасения урожаев от засухи они не знали. В итоге, считало местное земство, они застыли на «первобытной ступени сельскохозяйственного промысла», которая перестала давать результаты. Неурожаи стали слишком частым явлением, и губерния все время была на прокорме у государства.

Здесь нужен был другой подход, и им должно было стать сухое земледелие, история которого в России началась еще в первой половине XIX в. и которое как раз к началу аграрной реформы Столыпина, благодаря деятельности опытных станций, добилось явных успехов.

Оно было построено в первую очередь на влагосберегающих приемах и подборе устойчивых к засухе растений, в том числе и кормовых трав, что было особенно важно для переходящих к единоличному хозяйству крестьян, потерявших общий выпас и пастьбу по пару.

Так, во время неурожая 1906 г. поля Безенчукской опытной станции «оказались единственным оазисом, где можно было видеть роскошную картину урожая», и это доказывало, что здешние специалисты стоят на правильном пути.

Сейчас их достижения все увидели бы в интернете, а как их можно было популяризировать тогда? В неграмотной стране?

Поэтому разработанные ими методы к 1913 г. еще не вошли в повседневный обиход нашей агрономической науки, хотя в 1912 г. отделение Крестьянского банка в Самаре приняло решение в пользу сохранения земель под черным паром как средства обеспечения лучшей урожайности.

За разъяснениями Юрьевский обратился к двум выдающимся людям, известность которых в то время далеко перешагнула границы Самарской губернии, – к агроному В. С. Богдану и землеустроителю А. Ф. Биру, так сказать, чемпиону Российской империи по землеустройству.

Агроном Василий Семенович Богдан, человек тогда легендарный (и не вполне забытый в наши дни), заведовал в 1913 г. Краснокутской земской опытной станцией. Он, по выражению Юрьевского, стал «отцом житняка» – новой ценной кормовой травы, которая получила в годы реформы сильное распространение на Юге и Юго-востоке России и остается таковой до сих пор.

Об этом человеке он пишет категорично: «Богдан в области агрономии получил мировую известность и в любой другой стране, особенно сельскохозяйственной, ему заживо поставили бы уже памятник. У нас в России заслуги перед родиной ценятся обычно после смерти ученого»²⁶⁹.

Что они рассказали Юрьевскому?

Оказалось, что, несмотря на «хищническое хозяйство, на бессистемные посевы из года в год одной пшеницы», самарский чернозем еще далеко не истощился. Непрерывные посевы злаков привели почву в состояние, которое специалисты называют «пшеничным переутомлением». В результате средние урожаи уменьшаются.

Следовательно, нужно восстанавливать прежнее строение почвы, а лекарством должно послужить травосеяние. Развивать его необходимо еще и потому, что важнейшим последствием землеустройства часто было уничтожение общих выгонов и общей пастбы скота по всему наделу.

Крестьянам были остро необходимы искусственные кормовые площади. Однако в юго-восточных степях сделать это было труднее, чем в других регионах – клевер не выдерживает местной засухи, а синяя люцерна растет не везде, во всяком случае, в Николаевском и Новоузенском уездах ее культура «почти невозможна». Не подходит здесь и такая трава, как костер.

И вот Богдан, начавший свою деятельность в 1896 г., путем селекции вывел из дикорастущего житняка культурную кормовую траву, которая к тому же восстанавливала физическое строение почвы. Параллельно он вел успешные опыты с желтой люцерной и луговым ячменем²⁷⁰.

Богдан считал, что первой заботой местных агрономов должно стать такое переустройство крестьянского хозяйства, которое повысит его устойчивость и уменьшит его зависимости от климата.

Плеводство не должно быть главным, а часто и единственным источником дохода крестьян. Они могут зарабатывать также скотоводством, переработкой молочных продуктов, пчеловодством, огородничеством и т.п.

Поэтому первым приоритетом и должно быть распространение в крестьянских хозяйствах травосеяния. Составленные Богданом севообороты позволяли в несколько раз увеличить поголовье скота в хозяйстве, что могло обеспечить не менее половины дохода и сделать крестьянские хозяйства намного устойчивее²⁷¹.

Другой перспективный путь повышения надежности крестьянских хозяйств – увеличение культуры озимых. Сейчас яровая пшеница поглощает все внимание, а между тем доказано, что в самые засушливые годы, когда на яровых полях нет даже семян, озимая рожь дает на десятину 40–50 пудов зерна.

Крестьянам можно твердо рекомендовать подтвержденные опытом сохраняющие влагу приемы, как ранняя (апрельская) вспашка пара, рядовой посев озимых с 15 августа и до 1 сентября, а также вспашку под яровые с осени предыдущего года возможно раньше до наступления периода дождей²⁷².

Наконец, особое внимание, считает Богдан, крестьяне должны обратить на распашку снега. Бывало так, что в особо засушливые годы на обычном поле

не получалось и семян, а там, где снег был зимой распахан, собиралось до 40 пудов.

К сожалению, пока в Самарской губернии агрономов еще очень мало, «агрономическая организация возникла недавно, да и в самой организации дела наблюдается целый ряд существенных дефектов.

Центр тяжести в работе агрономического персонала должен быть перемещен от чтения лекций и бесед на индивидуальную помощь хуторянам и отрубникам»²⁷³.

А. Ф. Бир был полностью согласен с тем, что сказал Богданом, и также подчеркнул важность распашки снега как влагосберегающего приема.

Опыты в этом направлении начались недавно, лишь в конце 1890-х гг. Сначала снег задерживали, расставляя щиты (наподобие того, как это делали на железной дороге), плетни, хворост, камыш и т.п. Это работало, но при больших посевных площадях на щиты уходило много денег, поэтому посевики перешли к вспахиванию снега: «Оно создает на поверхности поля неровности, среди которых, при непрекращающихся метелях, снег задерживается до полного выравнивания поверхности, после чего опять пашут и т. д. до тех пор, пока возможность выезжать на такое поле со скотом не прекратится в виду глубокого снега, что обычно наступает после второй, редко третьей вспашки»²⁷⁴.

Крестьянин села Малый Узень Михаил Карев придумал клинообразный деревянный плуг «снегопах», который в хорошем исполнении стоит 8–10 руб. Производительность его при двух лошадях или двух верблюдах 4–5 дес. в день.

Распашка снега стоит намного дешевле ловли его щитами, а результаты налицо, особенно в засушливые годы, когда средняя урожайность повышается на 20–40 пудов с десятины (притом, что в 1896–1912 гг. в Новоузенском уезде на обыкновенных полях не было урожая выше 40 пуд., а чаще выходило 16–32 пуда)²⁷⁵.

Казалось бы, говорит Юрьевский, что при таких условиях распашка снега должна была бы пропагандироваться на всем юго-востоке как коренная мера в борьбе с весенней засухой и в страховании хозяйства от полного неурожая

«К сожалению, однако, этого в действительности не наблюдается. Все-му виною наша проклятая русская инертность». Он считает, что агрономам юго-восточных губерний следует обратить самое серьезное на эту проблему. Подобно тому, как в каждом селении обязательно есть пожарные обозы, во всех деревнях юго-восточной России следует поставить хотя бы по одному снегопаху для самого широкого ознакомления крестьян со снеговой распашкой»²⁷⁶.

Островский уезд Псковской губернии

От объезда наиболее интересных районов хуторского расселения в Островском уезде, впечатления у Юрьевского остались двойные.

С одной стороны, он был глубоко удовлетворен настроением самих крестьян, их стремления порвать со старыми рутинными приемами хозяйства: **«Среди крестьян Псковской губернии, несомненно, существует стихийный порыв к улучшению хозяйства»²⁷⁷.**

С другой стороны, и здесь агрономическая помощь была поставлена неважно.

Псковичи, разверстывались на хутора еще до 1906 г. Да и сейчас, мечтая скорее перейти на хутора, они, не дожидаясь, пока подойдет их очередь в Землеустроительной комиссии, нанимают частных землемеров.

К своим хуторам («футорам», как они говорили) крестьяне относятся «чрезвычайно любовно». Это проявляется уже в том, что они устраивают своеобразные «крестины» хутора, потому что здесь каждый из них получает свое название, которое затем не меняется.

На хуторе Ивана Никандрова «Захарьино» автор встретился с несколькими десятками хуторян, соседей хозяина, и беседа с этими «пионерами новой земледельческой России» оставила в нем «неизгладимое впечатление»²⁷⁸.

Они рассказывали ему, что до разверстания в их деревне у каждого двора земля была в 200 местах, и половина ее пропадала зря. На хуторах же урожай у них повысился вдвое против общинного, овес теперь родится сам 10, рожь сам 2. При этом они обходились без поденных рабочих – теперь это дорого; «хотя и трудно было первое время», но старались делать все сами.

Недовольные хуторами есть, «да мало. Это или бездетные, которым не для кого хлопотать, или малоземельные»²⁷⁹.

Первым, с кем автор поговорил об обследовании, приехав в Остров, был только что покинувший военную службу помещик одной из центральных губерний В-в. Он решил служить по землеустройству и для начала ему «в виде особого искуса» предложили поработать простым счетчиком.

«Я, говорил он мне, – произвел тщательную подворную перепись 78 хуторским хозяйствам, и, представьте себе, из этого числа только два хуторянина ведут такое же хозяйство, что и в общине». На остальных 76 хуторах он зафиксировал ту или иную стадию перехода от трехполья к многополью с посевом клевера и весьма крупный подъем всех сторон хозяйства, по сравнению с прежним положением²⁸⁰.

На обследовании в качестве счетчиков работало много студентов и мелких чиновников из губернской администрации, например, из казенных и контрольных палат. Автору были очень интересны беседы с этой молодежью,

часто впервые попавшей в деревню и уж точно впервые близко познакомившейся с землеустройством.

И вот эти «русские, средней руки “интеллигенты”», после непосредственного общения с хуторянами радикальным образом меняли свой взгляд на реформу Столыпина. В деревню они приезжали с «известным запасом скептицизма», вполне понятного учетом отношения к землеустройству большей части прессы.

Однако у их быстро появлялся диссонанс между тем, что вещала оппозиционная печать, и тем, что они видели своими глазами.

Прикоснувшись к происшедшему за эти 5 лет колоссальному подъему сельского хозяйства, громадному сдвигу в развитии производительных сил деревни, они возвращались домой другими людьми²⁸¹.

Заведующий статистическим бюро Псковского губернского земства М. М. Кисляков, руководивший обследованием, сразу отметил, что уже сам факт точного определения границ селения и владения отдельного двора с установкой межевых знаков имеет для крестьян громадное значение.

Это устранило массу споров и раздоров, которые всегда были обычным делом в чересполосной общине, почти в каждой деревне, где он бывал как земский статистик. Были споры и с соседним селением, и с соседом-односельчанином. И кто физически был сильнее, тот и брал верх, часто совершенно несправедливо.

Официальные суды отнимали время и деньги, которых крестьянам всегда не хватало. Земельные споры, помимо судов, нередко вели к драками, а иногда кончались убийствами, каторгой или в лучшем случае тюрьмой, а значит, упадком и разорением тех, дворов, хозяева которых пошли по «Владимирке».

Теперь же все 1600 обследованных хозяйств отрицательно ответили на вопрос анкеты о спорах²⁸².

Второй и самой важной заслугой землеустройства Кисляков считает «раскрепощение, если можно так выразиться, сельскохозяйственной мысли населения».

В общине каждый пахарь должен был почти во всем подчиняться деревне и смотреть на свои хозяйственные проблемы глазами общины. Самодетельность сковывала рутину трехполья, требующего больших затрат энергии и средств – ведь обрабатывать приходилось до 60 узких полосок в каждом из трех полей, а всего 180.

А сейчас на хуторах энергично уничтожаются заросли, осушаются болота, все приводится в культурный вид. Редкий хуторянин не сеет клевера с тимофеевкой.

Да, правильное многополье с травами пока завели немногие, но важно то, что травы теперь почти всегда связаны с основным севооборотом.

Больше всего случаев перехода от трехполья к еще не совсем налаженному многополью, хотя уже есть правильное шести- и семиполье.

Посев трав на полях ведет за собою и улучшение скота в качественном отношении. Количество скота сразу после перехода на хутора уменьшается, так как крестьяне несут большие затраты на перенос построек, но личные впечатления Кислякова и материалы обследования говорят о том, что в сравнении с тем, что было в общине, скота на хуторах стало больше.

Постройки у хуторян тоже разрастаются. Больше стал и парк сельхозтехники, в обиход входят пароконные плуги, веялки и пружинные бороны, которых нет в общине. Дорогие машины иногда покупают вскладчину 3–10 домохозяев²⁸³.

Так, в 1908 г. сельскохозяйственный склад Островского земства продал сельхозмашин и орудий на 16,4 тыс. руб., а в 1913 г. – более чем на 160 тыс. руб., т.е. в 10 раз больше за 6 лет. Основной контингент покупателей – хуторяне²⁸⁴.

Обработка почвы стала более интенсивной, земля получает много как навозного, так и минерального удобрения, и это сразу же повысило урожайность хлебов. Крестьяне говорят, что у них на хуторах теперь «сена вволю и хлеба вдвое», в сравнении с общиной.

Скот у большинства хуторян пасется свободно под присмотром пастухов-детей на своем участке, и лишь иногда для него арендуют выгоны на стороне или сдают куда-нибудь на выпас. На привязи скот держат только на небольших участках и когда за ним некому присмотреть²⁸⁵.

В общем к индивидуальной пастьбе скота начинают привыкать, и уже многие хуторяне находят, что подножный корм на хуторе полезнее, чем в общем стаде.

Удой даже крестьянских «тасканок» выросли в полтора и более раз²⁸⁶.

Благодаря клеверосеянию восстанавливалось плодородие почвы, что сразу же повысило арендные и продажные цены земли в два и более раз. Если чересполосная земля продавалась не выше 100–110 руб. за десятину, то хуторская дошла уже до 200 руб., а иногда и вовсе до 600–700 руб²⁸⁷.

Кисляков отмечает на хуторах одно «очень нежелательное явление». У ребят школьного возраста на хуторах намного больше работы, чем было раньше. Несколько лет назад земская школа работала в период с октября и до Пасхи. Учебное время продолжалось 5–6 месяцев, и при хорошем преподавателе дети успевали в 3–4 года окончить курс земской школы. Так устроила сама жизнь. Однако сейчас дирекция народных училищ настаивает на том, чтобы учебный год начинался 1 сентября, и это неизбежно породит ненужные трудности²⁸⁸.

Кроме того, Кисляков остановился на проблеме агрономической помощи в уезде. У населения, особенно у хуторян, нужда в ней огромная, но, к сожалению, этот запрос удовлетворяется «довольно слабо».

Во-первых, достаточно опытные агрономы в дефиците. Работает все больше молодежь, только что со школьной скамьи, часто не имеющая никакого плана, но «с большими на все претензиями».

Во-вторых, «наши агрономы новой формации», которые и без того идут служить «в какой-нибудь Островский уезд» не за идею, а из-за жалованья, часто уходят туда, где больше платят. А только начатое ими дело останавливается на полдороге и погибает. Словом, тут «масса бесполезного и дорогого трения»²⁸⁹.

Юрьевский раскрывает эту тему в более широком контексте.

Он уверен, что несмотря на тот «ярко выраженный культурный порыв псковских крестьян к интенсификации их хозяйств», о котором ко времени обследования уже много писалось в прессе, здешние хуторяне за минувшие 7 лет могли бы достичь большего, если бы агрономическая помощь была организована иначе²⁹⁰.

Например, маслоделие. Казалось бы, широкое распространение травосеяния при хороших в данной полосе России укосах клевера и близости петербургского рынка, должны были элементарно натолкнуть псковских агрономов на пропаганду артельных крестьянских маслоделен, уже появившихся во многих местностях России.

Однако во всей Псковской губернии была только одна такая маслодельня в Новоторжском уезде.

Крестьян этот сюжет, несомненно, интересовал, что видно по значительным покупкам сепараторов в последние годы, однако переработка молока в одиночку совсем не так эффективна, как аналогичные усилия соединившихся в артель 20–30 хуторян со своими сепараторами²⁹¹.

Псковское земство, несмотря на свою в целом «весьма почтенную» деятельность, столь же безынициативно и в отношении других отраслей крестьянского хозяйства. И причина этого не в равнодушии (индифферентности) земства, а в том, что это принципиальная позиция.

Это позиция **невмешательства**.

У земства не «просто» нет определенного плана агрономической помощи, оно не считает такой план необходимым.

«Каждый агроном работает здесь, да и не только в Псковской губернии, как Бог на душу положит – без твердо поставленных директив, без всякой обязанности отчитываться перед кем бы то ни было в конце года о результатах своей деятельности»²⁹². В итоге множество людей не слышит советов агрономов.

Поэтому, продолжает Юрьевский, если псковские крестьяне добились большого прогресса в своих хозяйствах, то этим они обязаны преимущественно самим себе, а вовсе не земской агрономической помощи, которая на самом деле почти что отсутствует из-за неправильной постановки дела.

Псковское земство считает, что только сам владелец участка в состоянии учесть все экономические и естественные условия хозяйства, без чего невозможна его интенсификация.

Поэтому оно в основу своей агрономической деятельности поставило ссудную помощь хуторянам. Надо, дескать, лишь предоставить крестьянам материальную возможность заводить те или иные улучшения в хозяйстве, выдавая ссуды, например, на покупку семян кормовых трав, сельхозтехники и т.п., «но отнюдь не вторгаясь в самое существо дела, в обсуждение того, какие именно мероприятия следует предпринимать тому или иному хозяйству»²⁹³. А. Н. Челинцев оценивал эту позицию как явное недоразумение.²⁹⁴

Ограничивая этими скромными рамками свою работу, здешние агрономы в основном заняты чтением лекций на общие темы, сочинением объемных докладов для земских собраний и такой творческой работой, как выписка талонов на отпускаемые в кредит минеральные удобрения и семена клевера в сельскохозяйственных складах.

Разъезды по селам для пропаганды и закладки многопольных севооборотов, для организации различных кооперативов у них не в приоритете.

Юрьевский считает это положение «совершенно ненормальным».

Эти дефекты можно списать на сравнительную молодость агрономической организации, на общий дефицит агрономов и их постоянные «миграции» с места на место, но устранять их необходимо²⁹⁵.

Реформа в действии: Трокский уезд Виленской губернии

Юрьевский сразу же категорично заявляет, что «из всех посещенных мной за 1913 год губерний результаты землеустроительной реформы произвели на меня особенно сильное впечатление в Виленской губернии»²⁹⁶.

В Трокском (Тракайском) уезде обследовалось 3262 единоличных хозяйств, из которых на отруба пришлось лишь около 10%.

Землеустройство в техническом отношении проводится тут идеально. Селения и целые местечки разверстываются сплошь на хутора.

Деревня в Виленской губернии «это сплошное царство Литвы», говорит Юрьевский. Никаких тебе привычных уху россиянина Малиновок и Ивановок, а сплошные Рудзишки, Улькишки, Коновалишки, или Бутрыманцы с Адоманцами.

При всем том в самых глухих местах крестьяне хорошо понимали и говорили по-русски. А говорил Юрьевский с ними много, потому что его особенно интересовала постановка агрономической помощи.

Из более чем 5 тыс. хуторов уезда примерно 80% переживали разные стадии перехода к многополю с посевом клевера, 17% остались при трехполье с

угловым травосеянием, и не более 3% вели то же хозяйство, что и при чересполосице в общине.

Хутора, где серьезных улучшений сравнительно немного, как правило либо разверстались позже остальных, либо имеют песочную почву, на которой клевер не растет. Здесь его заменяют викой, а на парах сеют люпин в качестве зеленого удобрения.

Из 5 тысяч хуторов 300 поставлены буквально образцово. Это те, кого агрономы избрали для пропаганды среди населения сельскохозяйственных новаций²⁹⁷.

Важным свидетельством успеха реформы является тот факт, что хуторяне почти не ездят в Америку на заработки, в то время как в деревне это стало обычным явлением. Дома у чересполосников «очень часто» остаются только старики и дети, а все «сильные и способные к труду и вообще более предприимчивые люди» плывут за океан.

Весьма интересны рассуждения самих крестьян о жизни на хуторах.

Поскольку они не могут выразить своих удобств иначе, как только оценив их денежной мерой, то «многие из них говорят, что если бы им дали тысячу рублей или даже две, то даже и в этом случае они не согласились бы идти обратно на полосы²⁹⁸.

Один крестьянин на вопрос: чем же на хуторах лучше? – не мог дать первоначально другого объяснения, как только то, что на хуторе и есть, и спать никто ему не мешает, а только потом уже добавил, что работать легче и удобнее и «вообще лучше»²⁹⁹.

Однако от более или менее рассудительных крестьян приходилось слышать строго обоснованные и не подлежащие оспариванию рассуждения относительно удобства и выгоды хуторской жизни перед деревенской.

А другой хуторянин так резюмировал свое мнение: «На хуторах, – говорит он, – я уже завел многополье, сею конюшину (клевер) и бураки, а в пару сею мешанку (вика с овсом). Оно, конечно, урожай ржи после мешанины и бывает хуже но, если с вола две шкуры берешь, то они должны быть тоньше.

Теперь, – говорит он, – я хотя имею одной коровой менее, чем в деревне, но зато одна корова дает молока более, чем в деревне две, и теперь я всегда имею молока достаточно, и масло иногда продаю, скотина и лошади стали теперь более чем в два раза лучше прежнего.

На ночлег с лошадьми теперь я никогда уже не езжу, всегда кормлю их дома, сам не мучаюсь и всегда вовремя бываю на работе. В пожарном отношении теперь тоже спокойнее. В деревне, откуда ни возмись грех, а на хуторе сам только будь с огнем поаккуратнее.

На хуторе все под руками: высушил воз сена или копну, тут же и убрал под крышу, а в деревне пока дележи, то да другое, и пока соберешься привез-

ти на усадьбу, смотришь, и дождем сено смочило. И бабе с ребенком за две три версты не приходится тащиться на работу».

Этот же крестьянин не упустил даже из вида того, что и в санитарном отношении на хуторах лучше.

«Всякая зараза, – говорит он, – на хуторе не так скоро заводится, и детишки всегда ва овежем воздухе. В деревне только и слышишь: то там свиньи начала издыхать, у того-то на скотину падеж пошел, а то у соседа детишки позахворали. Нет, – заключил он, – на хуторе что ни говорить, а лучше». Даже женщины, которые повсеместно были противницами расселения, признавали, что мужья стали намного меньше пить³⁰⁰.

Все успехи здешних единоличных хозяйств автор связывает с тем, как организована агрономическая помощь: «В сущности говоря, ни в одной губернии я не встречал столь планомерной, разработанной в самых мельчайших деталях, постановки дела, какую пришлось встретить в Виленской губернии».³⁰¹

Агрономическая помощь, как мы знаем, особенно необходима крестьянам в момент перехода на хутора и отруба, когда идет полная реорганизация хозяйства, когда люди очень сильно нуждаются как в советах агрономов, так и в кредите для оборудования хозяйства по-новому.

Все это поставлено в Виленской губернии «прямо-таки блестяще», и это дает Юрьевскому повод обратиться к тому, что он видел в других губерниях.

В агрономической помощи единоличникам есть не только сугубо техническая сторона, понятная и интересная лишь специалистам.

Есть и другой принципиальный аспект, который обязана видеть общественность.

Можно ли и нужно ли скупиться на агрономию, отказывать в кредитах на проведение тех или иных агрономических мероприятий, реализация которых весьма быстро дает «блестящие результаты», позитивно воздействуя на положение крестьян?

Опыт говорит, например, что каждый рубль, истраченный на минеральное удобрение, дает 6 рублей чистого дохода. При удручающе низкой средней урожайности крестьянских полей только от улучшения обработки земли и уничтожения сорняков – даже без изменения севооборота – урожайность, как правило, повышается на 50–60%.

А значит, говорит Юрьевский, недопустимо, чтобы из-за нехватки агрономических кредитов, с одной стороны, и нередкого отсутствия у земских агрономов четкого плана работ, а также нецелевого расходования ими правительственных кредитов, с другой, – значительная часть хуторов и отрубов оставалась в течение двух-трех лет без всякой агрономической помощи³⁰².

Широкой общественности, конечно, не очень интересно, какие именно мероприятия и в каком порядке должны проводиться в том или ином районе конкретной губернии. Это профессиональная тема.

Но то, что агрономическая помощь обязательно должна оказываться всем крестьянам и в первую очередь землеустроенному населению, это уже вопрос, который выходит за рамки специальных суждений.

В этом плане невредно вспомнить, что Италия, например, благодаря эффективно поставленной агрономической помощи, за последние 10–15 лет в экономическом отношении совершенно переродилась.

В России же пока нет разумного баланса между землеустройством и агрономической помощью.

Доля хуторян и отрубников, которые обслуживаются агрономами, в сравнении с общим их количеством очень мала, и это ненормально.

Да, с одной стороны, сама жизнь, сами условия обособленного хозяйства наводят на идею введения в севооборот кормовых трав, поскольку общие выгоны и пастьба скота в общем стаде уничтожаются.

А с другой, через 2-3 года эта восприимчивость к переменам постепенно размывается. Жизнь на хуторе уже как-то наладилась, и – как все привычное – этот новый уклад уже не так просто изменить. Поэтому понятно, насколько важно, чтобы агроном попадал в землеустроенное селение с первого же года после перехода на хутора, а не через 3 или 5 лет.

И вот с этой точки зрения постановка дела в Виленской губернии «не оставляет желать ничего лучшего». Здесь заведено – как общее правило – агроном обязательно приезжает в каждое селение сразу же после разверстания, знакомится с людьми, устанавливает с ними определенные взаимоотношения и подбирает из них тех, кто может стать проводниками их идей.

Юрьевский считает, что исключений из этого правила нет³⁰³.

Зато теперь землеустроитель и агроном – самые популярные фигуры в литовских деревнях. А землеустройство принесло «русскому делу» в Западной России, где во многих местах доминируют католики, «совершенно не оценимую пользу».

В сущности, по мнению автора, русскую власть здесь достойно представляют только Землеустроительные комиссии и правительственные агрономы. Земства в Литве нет. Правительственные учреждения работают скверно. Общественной жизни нет. Кооперативы и мелкие сельскохозяйственные общества развиваются «крайне туго», потому что между «польским культурным элементом» и крестьянами общего немного.

Тем труднее реформе было в такой обстановке добиться успеха, и тем ценнее результаты деятельности местных работников. При этом нужно еще иметь в виду, что земля в Виленской губернии большей частью настолько неплодородная, что на полях крестьяне собирают ее в грядки, что сами земледельцы бедны, малоэнергичны и нелегки на подъем³⁰⁴.

Юрьевский особо выделяет постановку молочного хозяйства у хуторян.

До реформы у местных крестьян оно было в примитивном состоянии, что вполне понятно, если принять во внимание общее тяжелое экономическое положение деревни, плохое состояние кормовой базы, пастбищ, лугов и «полное отсутствие сельскохозяйственных знаний в крестьянской среде».

В Трокском уезде преодолеть крестьянскую косность помогли показательные мероприятия, которые, «чрезвычайно умело и систематично» организовал старший инструктор по молочному хозяйству К. Е. Фрейберг. Это беседы и курсы по рациональному скотоводству с кормлением скота «по науке», создание показательных крестьянских молочных заводов и др.³⁰⁵.

Ценность этих мер возрастала от того, что полученные знания тут же проверялись на практике в условиях крестьянского хозяйства.

На курсах скотоводства акцент делается на показательном кормлении скота с подробным расчетом стоимости кормового дня и полученного удоя.

В русских деревнях, говорит Юрьевский, огромное большинство скотных дворов не соответствует самым минимальным требованиям рационального скотоводства. Почти все они холодные, без потолка или с условным потолком в виде нескольких жердей с набросанной на них кучкой соломы. Попадают иногда и теплые скотные дворы, но темные и не проветриваемые. Кормушки тоже редкость.

Животных в наших деревнях кормят или слишком бедно, одной только соломой, или же чересчур обильно, задавая слишком много сена и муки, часть которых пропадает совершенно непроизводительно, потому что вытаптывается скотом. Поят скот на открытом воздухе и холодной водой.

Все это сильно снижает удоимость коров³⁰⁶.

Поэтому, на курсах по молочному хозяйству виленские инструкторы прежде всего выбирали не менее пяти хозяев, которые обязывались содержать и кормить скот по их указаниям.

После этого скотные дворы у этих крестьян доводились до кондиции, хотя бы несколько отвечающей требованиям рационального содержания скота.

Без особенных денежных затрат делались потолки, кормушки, законопачивались щели в стенах, двери обшивались соломой и рогожами и т.п.

Процесс показательного кормления – взвешивание коров, дойка, учет (взвешивание) и запись молока, составление кормовых рационов и само кормление крестьяне-курсисты вели при постоянном контроле специалистов.

Для каждой коровы ежедневно составляется подробный коммерческий расчет стоимости кормового дня и полученного удоя, причем стоимость корма и молока устанавливаются заранее по соглашению со слушателями курсов, на основании местных рыночных цен³⁰⁷.

Рациональное кормление скота со жмыхами, отрубями и кормовыми корнеплодами, которые куда питательнее грубой соломы, так быстро и так заметно повышает удои, что «прямо поражает самих крестьян своею убедительностью».

На опытных фермах в этой губернии было установлено, что обыкновенное кормление коров убыточно – кормежка одной коровы за сутки всегда на 2–7 коп. дороже надоенного молока.

Однако те же самые коровы при новом кормлении мало того, что заметно поправлялись и «становились красивее», но их молоко теперь всегда превышало по стоимости заданным им корм, иногда на 16 коп. в сутки на одну корову.

Вполне естественно, замечает Юрьевский, что в результате такого обучения слушатели молочных курсов дома уже сами, без участия инструкторов, продолжают делать то, чему их научили. Они объединяются в группы и вместе выписывают жмыхи и другие сильные корма, заводят у себя сперва на огородах, а затем и в поле турнепс и кормовую свеклу. То есть это было наглядное обучение в самом полном смысле слова.

За последние два года ГУЗиЗ провело курсы по молочному хозяйству в 50 населенных пунктах губернии. И там, где чтения, беседы и показательное кормление достаточно подготовили население к рациональному содержанию скота, виленские инструкторы под руководством Фрейберга организуют показательные крестьянские артельные маслодельни³⁰⁸.

За счет казны нанимается помещение, приспособливается под завод, покупаются сепараторы и прочее оборудование и, наконец, приглашается маслодел. Пока завод не окрепнет, крестьянам это ничего не стоит.

Они избирают на общем собрании артельного старосту, который заведует делами артели, ее финансами, ведет кассовую книгу и др., периодически отчитываясь на собраниях.

Когда в материальном плане артель встанет на ноги и сможет действовать совершенно самостоятельно, все оборудование передается крестьянам в собственность, а они обязуются за 3–5 лет выплатить казне его стоимость.

По мнению Фрейберга, если артель за сезон вырабатывает 150–200 пудов масла, то предприятие уже коммерчески выгодно.

Маслоделен, возникших описанным выше путем, в губернии было 10, в том числе 3 в Трокском уезде, и их дальнейшие перспективы были вполне ясны³⁰⁹.

Кроме того, в губернии активно улучшали породу местного крестьянского скота путем скрещивания с ангельнской породой, устроив 150 случных точек.

Ежегодно в различных пунктах губернии устраиваются выставки, на которых лучшие экземпляры крестьянского молодняка премируются денежны-

ми наградами. Если в 1912 г. таких выставок было 5, на которых крестьяне экспонировали 500 голов ангельских полукровок, то в 1913 г. на 7 выставках было представлено уже 1300 голов. И пусть деньги были небольшие, но получить награду было престижно. Так или иначе за последние 4–5 лет крестьянский скот стал заметно лучше, крупнее, красивее и приобрел однотипность.

«Дай Бог», – восклицает Юрьевский, – «чтобы во всех прочих губерниях России работа по поднятию производительности крестьянских хозяйств стояла так прочно и велась столь же умело и энергично, как она обставлена в Виленской губернии.

Здесь все предусмотрено до мельчайших деталей; начиная от устройства многочисленных питомников плодовых деревьев для снабжения хуторян на льготных условиях саженцами, и кончая бесплатной раздачей плакатов с картинками и чрезвычайно умело составленным текстом по различным сельскохозяйственным новшествам»³¹⁰.

Губернская Землеустроительная комиссия по всем отраслям сельского хозяйства издала при участии специалистов популярные брошюры с иллюстрациями для раздачи крестьянам: «Сад и огород», «Руководство по сельскому хозяйству» и др.

И автор вновь повторяет: «В результате между Землеустроительными комиссиями и населением установились самые близкие и сердечные отношения.

Для русского дела среди полуинородческого населения, для поднятия престижа русской власти землеустройство в Виленской губернии имело совершенно неоценимое значение»³¹¹.

Реформа в действии: Красноуфимский уезд Пермской губернии

Пермская губерния – громадный край, по площади – 290,2 тыс. квад. верст, т.е. 330,2 тыс. кв. км – превосходивший современные Норвегию (324,2), Польшу (312,7) и Италию (301,3 тыс.)

Ее крестьянство отличалось многоземельем и зажиточностью и относительно высоким процентом грамотности.

Казалось бы, это должно было само по себе способствовать развитию единоличных хозяйств. Однако его тормозил целый ряд причин, прежде всего условия крестьянского землепользования.

Эта губерния поражает разнообразием категорий крестьянства, устроенных по особым законоположениям. Так, например, только в Красноуфимском уезде, где производилось обследование, жили бывшие государственные крестьяне, бывшие помещичьи, горнозаводские, население посессионных за-

водов, башкиры-вотчинники военные и гражданские припущенники и просто припущенники.

При этом вплоть до 1913 г. поземельное устройство сельского населения в губернии еще не было завершено (!). Понятно, что их земли выпадали из сферы землеустройства, которому, тем не менее, в качестве поля деятельности все же оставалось свыше 8 млн. дес.

Куда более серьезным препятствием для личного землеустройства тут была беспримерная чересполосность и разбросанность наделов³¹².

Пермская губерния выделялась среди других губерний Европейской России крупным частным землевладением. Здешние помещики со времен Петра I едва ли не доминировали в списке латифундистов страны.

После 19 февраля 1861 г. они ради сокращения расходов, связанных с отводом земли крестьянам, как и других районах, старались объединить возможно большие группы своих крепостных составлением для них общего акта поземельного устройства.

В результате здесь возникли однопланки выдающиеся, если так можно выразиться, и по неоднородности состава и по различию в хозяйственных интересах населения.

Эти многоселенные общества были настолько искусственны, что тут никогда не было солидарной общины и все вместе они, понятно, почти никогда не переделялись. Однако чересполосность и разбросанность наделов между отдельными селениями была «прямо-таки ужасающая».

Так, например, в Ирбитском уезде лишь 3% всех селений имеют свою наделную землю в одном месте, а наделы остальных разбросаны в 20–30 и до 300 отдельных мест, иногда расположенных в десятках верст от селений.

Так, например, рядом с д. Шаламовой Байкаловской волости находятся лишь 300 дес. из всего надела в 2,5 тыс. дес. А остальная площадь разбросана на пространстве до 50-ти и далее верст, причем мелкими кусками, иногда в 3–5 дес.

В Шадринском уезде владения Тагильского общества располагались в 250 кусках среди 20 селений.

В Кунгурском уезде земля села Березовки той же волости разбросана в 120 кусках, а надел села Усть-Кишертского в 147 кусках; в Красноуфимском уезде земля Шараховского общества раскидана в 247 кусках.

В Соликамском уезде в Городищенской волости наделы рассеяны в 646 участках, из которых 308 имеют площадь менее десятины каждый; а есть участки по 200–300 кв. саж.

Эта картина достаточно типична для всех буквально уездов губернии и притом для большинства селений.

Кроме того, часто бывает и общность земельных владений между отдельными селениями. Так, например, в Клевакинской волости Камышловского уезда имеются 6 селений, которые пользуются общим владением, расположенным в 48 кусках.

Отдельные участки этого общего владения отстоят от селений на десятки верст. Внутри же этих 6 селений расположены земли еще 7 смежных в количестве 400 кусков, не считая еще и приграничной чересполосности³¹³.

Лично я не могу придумать, каким компьютером нужно было владеть, чтобы обрабатывать землю в таких условиях.

Не хочу утомлять читателей подобной информацией, я думаю, что и так понятно, что групповое землеустройство здесь было более чем необходимо. И это объясняет тот факт, что 63% (265 тыс. дес.) из 420 тыс. дес. землеустроительных работ пришлось на разделы однопланок и вообще на устранение внешней чересполосности³¹⁴.

Строй крестьянского хозяйства в Пермской губернии в огромной степени сформировался под влиянием такой чересполосности и разбросанности наделов.

Здесь не было каких-либо систем полеводства. Нечто, похожее на трехполье, имелось только на присельных землях и расположенных не далее 3–4 верст от жилища. На остальной площади была залежная система, при которой земля пашется несколько лет подряд пока не истощится, а потом она на долгий срок забрасывается – до восстановления ее плодородия. Удобряется не более 5% парового поля на присельных землях.

В Красноуфимском уезде, при наделе, например, в 10 дес. на двор, трехполье охватывает не более двух десятин, а на восьми существует пестрополье.

В Соликамском уезде, где наделы нередко доходили до 40 дес. на двор, под пашней было не более 5 дес., а вся остальная территория – это выгоны, леса, луга и болота. Вообще в Пермской губернии выгоны для пастьбы скота («шутьмы» и «паскотины») занимали иногда четверть надела.

Когда земля из-за отсутствия правильного чередования растений и удобрения полей полностью истощалась и потому забрасывалась, крестьяне арендовали помещичьи или башкирские земли, потому что башкиры сами землю почти не обрабатывали.

Тем не менее, несмотря на все вышесказанное, а также «крайне низкую степень сельскохозяйственной культуры, население Пермской губернии по сравнению с другими губерниями Европейской России, все же весьма зажиточно и в некоторых уездах (Камышловском и южной части Красноуфимского) приближается по типу и образу жизни к сибирякам».

При этом лишь в пяти уездах (Пермском, Чердынском, Екатеринбургском, Верхотурском и отчасти Соликамском) большинство жителей рабо-

тает на фабриках, заводах и вообще занята кустарными или отхожими промыслами.

А для 75% пермяков земледелие является главным занятием и основным источником существования (это в 1910 г. поразило П. А. Столыпина, возвращавшегося из Сибири вместе с А. В. Кривошеиным через Пермскую губернию).

На деле, говорит Юрьевский, ничего особенно удивительного тут нет: «Слишком уж много земли у местных крестьян. Слишком уж много земельного простора во всей губернии при наличности самых разнообразных угодий»³¹⁵.

Земская агрономия возникла в Пермской губернии едва ли не раньше всех в России. Однако ее попытки улучшить общинное чересполосное крестьянское хозяйство, несмотря на «колоссальную затрату времени, труда и средств», дали немного результатов. Юрьевский замечает, что «это и вполне понятно, так как трудно, а часто и совершенно невозможно улучшать то, что само по себе в корне никуда не годится».

Например, агрономы потратили много усилий на распространение в общине посевов клевера. Клевер в итоге в небольших количествах кое-где встречается, но, во-первых, из-за чересполосицы только вне севооборота, на запольных клиньях, «и притом на самых худших по качеству землях».

Во-вторых, общинники растят его не на сено, а на семена для продажи; то же самое, кстати, имело место в рекламируемом защитниками общины без устали (вплоть до XXI в.) случае общинного травосеяния в Волоколамском уезде.

То есть клеверосеяние не повлияло на увеличение и улучшение скота у общинников и рост доходов от молочного хозяйства. Более того, поскольку эту траву высаживают на одной и той же земле раньше, чем бы следовало, то на таких участках наступает так называемое «клевероутомление», и урожаи снижаются³¹⁶.

Хозяйство хуторян и отрубников находится в совершенно в других условиях.

Прежде всего соха, которой в общине пашут землю почти все домохозяева (в Красноуфимском уезде соху заменяет сабан), постепенно вытесняется плугом.

Обработка пара под посев озимых, которая в общине всеми поздняя (июньская), что часто губит всходы, производится или с осени (черный пар), или ранней весной. Землю под яровые хуторяне всегда пашут осенью.

Правительственные агрономы «громадное внимание» обращают на улучшение семенного материала. При каждом агрономическом старосте функционирует зерноочистительный обоз, который чистит хлеб от сорных трав и сортирует хлеб.

Ежегодно с осени по окончании полевых работ и вплоть до весны со-
ртировочные машины провозятся по всем районам хуторского расселения и
очищают хлеб всем желающим. На показательных участках агрономы демон-
стрируют оптимальные для данной местности сорта хлебов.

Конечно, большое внимание уделяется организации полевого хозяйства
на началах правильного плодосмена³¹⁷.

Для этого в том или ином районе выбираются наиболее энергичные хозя-
ева, которые согласны ввести у себя рекомендуемый агрономами севооборот.

Затем составляется план участка, и земля на плане и в натуре, т.е. на мест-
ности, разбивается на нужное число клиньев (полей), которые маркируются
столбиками.

На плане же, в виде особой экспликации (легенды), подробно расписыва-
ется порядок чередования культур по клиньям и по годам.

Подобное расписание составляется на такой период времени, по истече-
нии которого можно считать, что севооборот вполне установился.

Благодаря тому, что клинья пронумерованы и отмечены особыми стол-
биками, каждый крестьянин может самостоятельно разобраться, где, в каком
году и какое растение нужно сеять.

Эти расписания у каждого хуторянина обычно висят на стене на самом
видном месте³¹⁸.

Юрьевский пишет: «Вообще нужно сказать, что поскольку распростране-
ние улучшенных приемов в полеводстве и прочих отраслях сельского хозяй-
ства зависит от умелой пропаганды – **деятельность пермской агрономиче-
ской организации поставлена прямо-таки великолепно.**

У правительственных агрономов-пермяков отдельные улучшения мож-
но сказать, не “пропагандируются” и не “демонстрируются”, а рекламируют-
ся среди населения совершенно с тем же подъемом, с каким распространяет
свои изделия хорошо организованное частное предприятие.

Вы едете по полю и уже издали видите, например, где находится ка-
кой-нибудь показательный участок, по большому плакату на столбах, на ко-
тором кратко и понятно изложено, что именно рекламируется.

Эта чисто американская реклама различного рода сельскохозяйственных
улучшений уже принесла громадные результаты. Крестьянские хуторские хо-
зяйства Пермской губернии находятся, несмотря на молодость агрономиче-
ской организации на сравнительно весьма высоком уровне»³¹⁹.

Обследование единоличных хозяйств Красноуфимского уезда, житницы
Приуралья, «превзошло все ожидания».

«За каких-нибудь 3–4 года» у хуторян и отрубников – в сравнении с тем,
что было в общине, – значительно увеличились сельхозтехника, живой ин-
вентарь и постройки, налицо «колоссальные успехи» в полеводстве.

Если стараниями Пермского земства в общине порядка 15% крестьян сеет клевер на отдельных участках вне севооборота, то на хуторах клеверосеяние охватило уже до 80% хозяев, а 10% хуторян ввели правильный многопольный севооборот.

И «немудрено», замечает автор, «если в результате крестьянское население, в противоположность обычному отношению своему ко всяким опросам, которых оно, вообще говоря, опасается, в данном случае встретило обследовательскую партию весьма приветливо»³²⁰.

Начальник первой партии, тогда студент Петербургского университета Павел Першин (будущий советский историк-аграрник) говорил Юрьевскому, «что он прямо был поражен отношением крестьян к анкете».

В первом же селении был созван сход, на котором он в возможно понятной форме объяснил цель и задачу обследования.

«Можете себе представить – крестьяне настолько прониклись важностью предпринятого дела, что многие из них, прежде чем прийти на опрос, вымеряли шагами свои усадьбы, взвешивали хлеб, припоминали все, что могло нас заинтересовать и при опросе представляли наскоро составленные записочки, в высокой степени облегчившие работу счетчиков. При таком отношении крестьян не было нужды в хождении счетчиков по домам, на что теряется всегда масса времени»³²¹.

Опрос шел в сельском правлении, куда с самого утра сходилась вся деревня. Крестьяне внимательно прислушивались к вопросам, к их разъяснениям и ответам своих соседей.

При этом слушатели зачастую вносили поправки в ответы опрашиваемых. Напоминали, например, о какой-нибудь случайно забытой соседом овце, помогали считать полосы прежнего общинного пользования; дополняли показания излишне скромных хозяев.

Вообще, землеустроенное население в громадном большинстве случаев принимало самое деятельное участие в опросе, стараясь дать наиболее точный и правильный материал. У нас в партии все время оставалось такое впечатление, что обследование производится не столько счетчиками, сколько самим населением. Было много случаев, когда крестьяне, забывшие упомянуть при опросе о совершенно незначительных посевах конопли в огороде, или репы, или еще о каких-нибудь мелочах, – приходили на следующий день и прямо настаивали о включении подобного рода мелочей в опросные листки, «чтобы знали о том в Питере все как есть, до последней морковки»³²².

А какой-нибудь недовольный землеустройством мужичок, желавший почему-либо скрыть свои хозяйственные успехи, при первых же неправильных ответах встречал целую бурю негодования со стороны своих соседей и, уличенный в неправильном показании, более не пытался уже обманывать счет-

чика. С другой стороны, отдельные попытки хвастнуть пред приезжими богатством и зажиточностью так же встречали отпор окружающих³²³.

В результате при обследовании создалась такая обстановка, которая дала возможность собрать материал интересный, подробный и не возбуждающей никаких сомнений в смысле достоверности. И так было решительно везде. Крестьян особенно поражала подробность вопросов, поставленных в обследовательной карточке.

«Вот до чего дожили – В Петербурге хотят о нас знать», – говорили они счетчикам, – и действительно подробно рассказывали о своей прежней и настоящей жизни.

И опрос нередко затягивался далеко за полночь – так незаметно и быстро проходило время и для счетчиков, и для хуторян в этой вечно живой и интересной теме для крестьянина о его хозяйстве, успехах и неудачах последнего. Желание как можно глубже и подробнее ознакомить счетчика-обследователя со своим хозяйством иногда выливалось в прямо-таки наивную форму требования – осмотреть лично все хозяйство, полюбоваться на кладу хлеба, на стога клеверного сена, заглянуть в амбар, определить доброкачественность зерна в «сусеках» и т.п.

Не могу до сих пор забыть случай, – заметил в заключение Першин, – когда, опрашивая одного хуторянина, я усомнился в возможности получения урожая овса сам – 60 с показательного участка по навозному удобрению. Хуторянин сейчас же повел меня в амбар и здесь на моих глазах начал взвешивать крупные зерна овса «Победа». При таком обороте дела, конечно, нельзя было не убедиться в правдивости показаний опрашиваемого»³²⁴.

Должен ответственно заявить, что эта история – чуть ли не единственная в своем роде (не считая эксклюзивных рассказов Кауфмана, Щербины и других статистиков о том, как они добивались откровенности со стороны крестьян).

За 25 лет занятий этой тематикой мне куда чаще встречались истории в другом духе. Тот же Юрьевский передает подробный рассказ правительственного агронома Виленской губернии Рудзита, руководившего обследованием в Трокском уезде, на какие ухищрения ему приходилось идти, чтобы буквально вырывать у хуторян правдивую информацию³²⁵.

Есть истории и пострашнее – статистиков и агрономов, пытавшихся провести элементарное обследование подведомственного участка, как минимум, запугивали и, не удивлюсь, если избивали.

Итак, подводя промежуточные итоги, отметим, что благодаря Юрьевскому мы видели и отличный, и качественные, и скверные примеры организации агрономической помощи.

Абсолютизировать позитивную информацию было бы неправильно – вспомним мысль Кауфмана о том, что «мы» пока лишь вошли в преддверье.

Не будем забывать и то, что Россия не была готова к реформе, и тем ценнее та быстрота, мобильность, с которой происходил поворот целой страны на 180 градусов.

И вместе с тем преобладающая часть данных говорит о безусловном успехе преобразований, хотя понятно, что Россия не исчерпывалась этими шестью уездами.

Аграрный сектор России и реформа Столыпина

Как же отразилась реформа на состоянии сельского хозяйства?

Начало XX века дает картину быстрого его подъема, причем успехи были настолько очевидны, что их не оспаривала даже советская историография, правда, с естественными для нее оговорками, что это дело рук кулаков.

При этом, оценивая перемены в аграрном секторе страны, я исхожу из того, что позитивный перелом в развитии сельского хозяйства начался во второй половине 1890-х гг. Он был связан с появлением внутри крестьянства, благодаря начавшейся индустриализации и реформам С. Ю. Витте, расширившими возможности заработка, заметного слоя хозяйств (15–20%) с повышенными доходами и, соответственно, с повышенными же потребностями.

Это увеличило долю продуктов, покупаемых ими на рынке, а не производимых в своем хозяйстве. Выросли запросы деревни относительно одежды, обуви, «предметов комфорта», относительно качества еды, в результате чего в меню крестьянского стола появились белая мука, рис, сахар, чай, водка, приправы и пряности.

Так экономическая дифференциация деревни, по мнению Л. Н. Литошенко, «удачно» разорвала порочный круг между слабым развитием внутреннего рынка для промышленности и аграрным перенаселением. Потребности крестьянства стали больше и сложнее, что оживило спрос на продукцию промышленности, получившей в деревне все возрастающий круг массовых потребителей «с определенными вкусами и регулярным спросом на предметы массового потребления и средства производства». Это, наконец, расширило внутренний рынок до размеров, необходимых для полноценного развития индустрии.³²⁶

А затем началась аграрная реформа Столыпина, открывшая простор инициативе и предприимчивости крестьянства. Конечно, и землеустройство, и покупка земель у Крестьянского банка или через его посредничество, и переселение в Сибирь способствовали решению аграрного вопроса. Однако главную роль сыграло освобождение нравственных и физических сил крестьянства из-под гнета общины.

Итак, спонтанная интенсификация крестьянского хозяйства началась до 1906 г., а реформа Столыпина, условно говоря, открыла ей шлюзы, радикально расширила ее перспективы. Одновременно реформа стала важнейшим фактором промышленного подъема 1909–1913 гг.; я подробно разобрал это в книге «20 лет до Великой войны».

В нашем распоряжении есть десятки свидетельств агрономов о том, что урожайность в единоличных хозяйствах была намного выше, чем в соседних общинных.

Однако я из осторожности, возможно, чрезмерной, предпочитаю считать, что реформа масштабно не изменила ситуацию в зерновом хозяйстве и не склонен прямо связывать рекордные урожаи предвоенного пятилетия с реформой – прошло слишком мало времени. Источники показывают, что на приведение в порядок земли, истощенной в общине или аренде, у единоличников часто уходил не один год.

Вместе с тем нарастающие крещендо позитивные перемены практически во всех отраслях сельского хозяйства, в том числе и в таких доходных, как молочное дело, свиноводство, птицеводство, овощеводство – беспорны.

Аграрная статистика и статистика перевозок дают картину поступательного развития практически всех компонентов аграрного производства и ясно говорят о прогрессирующем процессе его интенсификации.

Приводить здесь подробные данные я считаю излишним, поскольку в общем они хорошо известны³²⁷.

Однако отметим рост посевной площади, особенно в Предкавказье, Сибири и Степном крае – в 1,4, 1,6 и 2,4 раза соответственно. Не случайно, именно эти регионы сыграют важную роль в поставках сельхозпродукции в годы Первой Мировой войны.

Стабильно росло зерновое производство. В 1911–1913 гг. средние суммарные урожаи главных хлебов в 72 губерниях в сравнении с 1896–1900 гг. выросли на 42,4% (ржи – на 17,5, овса – на 31,3, пшеницы – на 74,0, ячменя – на 91,9%). То есть сборы главных крестьянских хлебов (серых) – ржи и овса растут менее интенсивно, чем более дорогих красных – пшеницы и ячменя. А поскольку урожайная статистика занижала сборы, то на деле урожаи, несомненно, были еще выше.

При этом за указанный период заметно, на 42,5%, увеличились объемы главных хлебов, остававшихся в стране после экспорта. Для пшеницы остаток почти удвоился (рост на 90,8%), что, несомненно, говорит о росте потребления населением белого хлеба.

Другими словами, внутренний сельскохозяйственный рынок по-прежнему увеличивался – в связи с продолжавшейся индустриализацией и новым промышленным подъемом 1909–1913 гг. Рост цен на мировом аграрном рын-

ке также позитивно отразился на русском сельском хозяйстве, заметно повысив ценность урожая.

Одновременно продолжалась начавшаяся еще в XIX в. стихийная интенсификация, что, в частности, выразилось в росте посевных, урожайности и сборов практически всех культур, в том числе трудоемких и технических – льна, конопли, табака, картофеля, подсолнечника, свекловицы, и др., причем не только у помещиков, но и у крестьян. В частности, источники особо отмечают быстрый рост именно крестьянских посевов свекловицы. Как известно, для множества хозяйств сахаропроизводящего региона сахарная свекла стала мощным подспорьем и источником приличного заработка.

Заметно выросло травосеяние, причем и в районах, которые ранее его почти не практиковали³²⁸. Сборы картофеля в 1911–1913 гг. выросли более, чем на треть от уровня 1901–1905 гг. и на 44% в сравнении с 1896–1900 гг.³²⁹

Характерно, что значительный подъем сельского хозяйства не закончился и в годы войны.

Отдельного внимания заслуживает положение животноводства.

С одной стороны, в стране наблюдался «хронический кризис животноводства», как его именовала советская историография, т.е. заметное сокращение численности скота – прежде всего, крупного рогатого и овец – в сравнении с периодом 1880–1900 гг. С другой стороны, в начале XX в. по производству мяса Россия занимала 1-е место в Европе и 2-е в мире (после США).

В реальности в Европейской России происходил кризис экстенсивного скотоводства (подобный тому, который наблюдался до 1906 г. в крестьянском земледелии из-за уменьшения площади наделов), и переход к интенсивным его формам. При этом в Азиатской России картина была противоположной – там на 100 жителей приходилось 80–110 голов крупного рогатого скота и 200–800 мелкого.

Как известно, после реформы 1861 г. началась усиленная распашка пастбищ и сенокосных угодий под зерновые, что не могло не повлечь сокращения численности скота, в первую очередь крестьянского*. Эта ситуация усугублялась «разлившимся по всей России в 70-х и 80-х годах чумным пожарищем и вообще значительным распространением разного рода эпизоотий»³³⁰, периодически вспыхивавших в отдельных районах.

---

* Статистика животноводства, как и статистика урожаев, занижала численность скота, и прежде всего, по тем же «податным опасениям». «Ввиду этого, как статика, так и динамика скотоводства в России страдают крупными неточностями, и цифры в том и другом случаях дают только приблизительные представления о состоянии данной отрасли. Вообще же необходимо отметить, что для большинства районов, главным образом, окраинных скотоводческих цифры преуменьшены, так как население на всякого рода регистрацию **продолжает** смотреть как на начало нового обложения». (Полферов Я. Я. Русское скотоводческое хозяйство в связи с пересмотром торговых договоров. Выпуск IV. Пг. 1915. С. 6).

К началу XX в. уменьшение кормовой площади вызвало перестройку экстенсивного уклада нагульного скотоводства. На первый план стало выдвигаться скотоводство «рационалистическое и квалифицированное», т.е. научно организованное.

Началась интенсификация скотоводства, все шире распространялись самые продуктивные и экономически выгодные его направления.

В сфере крупного скотоводства ими были молочное и скороспелое мясное, в свиноводстве – скороспелое (беконное), в овцеводстве – мясошерстное. Этот процесс во многом был порожден реформой, позволявшей крестьянам достаточно быстро добиться позитивных результатов.

Источники отмечают, что картина развития животноводства по регионам была очень пестрой. При этом численность крупного рогатого скота по Империи за 1904–1913 гг. выросла на 5,9%, а свиней за 1909–1913 гг. – на 12,5%.³³¹

Прогресс в первую очередь был связан с переходом к молочному хозяйству – одному из магистральных вариантов интенсификации животноводства.

Промышленное молочное хозяйство и его главная отрасль – маслоделие – в конце XIX – начале XX вв. делали явные успехи. Если в 1901 г. железные дороги перевезли 4982 тыс. пуд. масла и 1438 тыс. пуд. сыра и других скопов (молочные скопы – принятое тогда архаичное название продуктов переработки молока – *М. Д.*), то в 1913 г. – соответственно 9146 и 3453 тыс. пуд., т.е. на 83,6% и 140,1% больше.

В 1901 г. из России было вывезено 1968 тыс. пуд. масла, в первую очередь сибирского, на 26,4 млн. руб., а в 1913 – 4763 тыс. пуд. на 71,6 млн. руб. то есть количественно экспорт вырос в 2,4 раза (на 142,0%), а по ценности – в 2,7 раза (на 170,7%)³³².

Промышленный характер имело развитие молочного хозяйства на Северо-Востоке, Северо-Западе, в Польше, Прибалтике; постепенно укреплялось оно в центральных и южных губерниях.

Характерна ориентация молочного хозяйства на экспорт. О сибирском маслоделии знают все, однако менее известно, что, например, товарищество «Бирута» (Поневежский уезд Виленской губернии) экспортировало молочные продукты в Англию в таких объемах, что даже имело собственную котировку на лондонской бирже. Землеустроительные комиссии, в частности, литовских и белорусских губерний раздавали крестьянским товариществам породистых быков швицкой и голландской пород и т.д.³³³

Наличие устойчивых рынков сбыта прямо стимулировало интенсификацию крестьянского хозяйства. Начиналось разведение улучшенного молочного скота, расширение травосеяния и пропашных кормовых растений, что повышало производительность почвы и т.д.³³⁴ Началось качественное улуч-

шение продуктов животноводства. В то же время молочное животноводство стимулировало попутное развитие и свиноводства, часто также для экспорта.

Свиноводство в ряде губерний переживало второе рождение – во многом благодаря реформе. Земства Юго- и Северо-Запада считали, что «свиноводством покрывается 10–15% всех крестьянских нужд» и что «свиноводство – одна из доходных статей крестьянского бюджета, пополняющая недобор в главном промысле – земледельческом». Киевское же земство придавало значение крупного рогатого скотоводства свиноводством, как и мясного направления – молочным, огромное значение для экономики края.

Свиноводство, наряду с птицеводством, стало удобной для крестьян формой интенсификации хозяйства, прежде всего в районах развития свекло-сахарной, винокуренной и молочной промышленности, дававших ценные кормовые отходы.

Эти отходы стимулировали появление в данных районах особого **откормочного промысла**, ставшего значимой статьей крестьянских (и не только) доходов. Откорм десятков тысяч выбракованных по возрасту волов и быков при винокуренных и свеклосахарных заводах (в одном Сумском районе – свыше 25 тыс. голов) был выгоден для всех – от заводчиков до чернорабочих. В том числе на этом промысле зарабатывало и местное население – как личным трудом, в роли откормщиков, возчиков и пр., так и поставкой кормов и подстилок для откармливаемого скота³³⁵.

Показательно, что крестьяне, соединившись в товарищества, сами начали заниматься откормом скота. Успехи одного из таких кооперативов (из села Белки в Харьковской губернии) были таковы, что он стал совершенно самостоятельно выступать на московском рынке, чем заметно поднял доходность промысла. Экономическая выгода откорма стала дополнительным стимулом для перехода крестьян данного района к новым плодосменам с преобладанием кормовых растений.

В то же время в годы реформы в свиноводстве возникло новое направление – **производство бекона**, успехи которого были связаны в первую очередь с внедрением холодильного оборудования прежде всего в Тамбовской губернии и Курганском районе.

Даже первые полученные результаты были весьма убедительны*.

---

* Не могу не привести следующее замечание: «Здесь нельзя не остановиться на одном весьма поучительном факте, свидетельствующем, **во-первых, об огромном влиянии прочного сбыта на развитие крестьянского хозяйства, а во-вторых, о росте крестьянского самосознания – этого предтечи могучей самодеятельности.**

До 1909 г. Козлово-Грязский район (Тамбовская губерния) представлял собой в отношении скотопромышленности обычное запустение – та же, что и в большинстве губерний российских, беспородная тосканка (слабая, недоразвитая корова – М. Д.), не дающая в год и 100 кружек молока, те же ежеподобные свиньи, купающиеся в деревенских лужах».

Анализ ситуации в каждом из скотоводческих районов Европейской России рисует картину перестройки животноводства на новых началах и перемещения его центров*.

Массовые позитивные перемены в этой отрасли, повторяюсь, источники часто прямо связывают с реформой, создававшей экономические предпосылки для развития интенсивного скотоводства.

Однако влияние реформы было отнюдь не прямолинейным.

Переход крестьян к единоличному владению поначалу закономерно приводил к временному сокращению скотоводства, которое должно было перестроиться на интенсивные начала.³³⁶ Однако по окончании перестройки картина меняется. Так, в Южном районе «увеличение коров и свиней в данном районе находится в связи с увеличением единоличных хозяйств и с умножением хуторов.

Эти последние создают для развития свиноводства особенно благоприятные условия. В этом же направлении действует и развивающееся в районе молочное хозяйство, дающее для откорма свиней обильные молочные отбросы». Во многом успешными оказались земские мероприятия по улучшению скота и агрономическая помощь³³⁷.

Лейтмотив при описании большинства районов таков – «Наряду с общим понижением количества рогатого скота, создаются условия для скотоводства на новых началах, и местами замечается обратный процесс – увеличение количественное и улучшение качественное»³³⁸.

Здесь в 1909 г. была создана компания по производству бекона для Лондона. Появился спрос на молодых свиней определенного веса. Поначалу дело шло крайне медленно из-за недостатка подходящих свиней. Однако уже в 1912 г. картина совершенно изменилась: «Деревни по радиусу 40–60 верст от беконного завода совершенно преобразились как с внешней стороны, так и по экономике, а некоторые из них, например, Никифоровка, превратились в целые посады.

Нет двора, который не выращивал бы 4–10 свиней культурной породы, что дает хозяйству в год 100–200 руб.; многие с целью иметь лучший корм для выращивания скороспелых свиней обзавелись молочными коровами с хорошим удоем и, сбывая молоко на ближайшие маслобойни по 60–70 коп. ведро, получают обрат для свиней». (Полферов Я. Я. Русское скотоводческое хозяйство в связи с пересмотром торговых договоров. С. 22–23).

Схожий эффект отмечается для Центрально-Черноземного района в целом в связи с ростом спроса германского рынка на крупных свиней не только в помещичьих хозяйствах, но и среди крестьян; чуть ли не «в каждом крестьянском дворе появились культурные скороспелые породы свиней, и выращивание их с целью продажи составляет одно из главных занятий населения. Вместе с тем это создало в районе целую промышленность – возникли бойни с холодильниками, кишечные и альбуминные заводы» (Полферов Я. Я. Русское скотоводческое хозяйство ... С. 76).

* Увы, почти в каждом районе отмечаются и эпизоотии. Так, «в Волынской губернии среди свиней свирепствует непрерывная чума, от которой из погибает в общем до 30%. За последние два года в этой губернии погибло от дистоматоза 50% овец и 2% крупного рогатого скота» (Там же. С. 73).

Экспорт сельскохозяйственной продукции в начале XX в. (тыс. пуд. и тыс. руб.)

Наименование товаров	Количество (тыс. пуд.)			Принимая 1901 г. за 100%			Ценность (тыс. руб.)			Принимая 1901 г. за 100%		
	1901	1906	1913	1901	1906	1913	1901	1906	1913	1901	1906	1913
Продукты земледелия												
<i>Продукция экстенсивных отраслей</i>												
Всего хлебов*	436597	553847	606200	100	126,9	138,8	328173	450608	561270	100	137,3	171,0
Отруби хлебные	32403	39523	48672	100	122,0	150,2	16406	21614	32716	100	131,7	199,4
Всего								344579	472222	593986	100	137,0
<i>Продукция средне-интенсивных отраслей</i>												
Жмыхи		23561	32007	44862	100	135,8	190,4	16745	25781	38687	100	154,0
Лен, льняная кудель и пакля	10492	15981	18626	100	152,3	177,5	49894	67958	94188	100	136,2	188,8
Пенька и пеньковая пакля	3208	3456	4148	100	107,7	129,3	11295	11717	22870	100	103,7	202,5
Семена масличные	7012	10847	15266	100	154,7	217,7	11771	15109	21234	100	128,4	180,4
Семена кормовых трав	2308	3098	3594	100	134,2	155,7	4734	5478	9769	100	115,7	206,4
Масло растительное	121	200	470	100	165,3	388,4	638	921	2305	100	144,4	361,3
Всего								95077	126964	189053	100	133,5
<i>Продукция интенсивных отраслей</i>												
Сахар		7830	5927	8995	100	75,7	114,9	10749	19510	27559	100	181,5
Спирт и млн.градусов	41	70	286	100	170,7	697,6	563	1301	5163	100	231,1	917,1
Табак и табачные изделия	369	597	838	100	161,8	227,1	2976	5573	9939	100	187,3	334,0
Свекловица	5533	3440	5008	100	62,2	90,5	711	430	901	100	60,5	126,7
Картофель	2075	3986	4996	100	192,1	240,8	514	817	1445	100	158,9	281,1
Хмель		59	55	107	100	93,2	181,4	642	758	2173	100	118,1
Фрукты и ягоды	270	455	508	100	168,5	188,1	1040	2137	2831	100	205,5	272,2
Овощи и пряности	771	773	1008	100	100,3	130,7	966	1377	1802	100	142,5	186,5
Всего								18161	31903	51813	100	175,7

Продукция животноводства												
<i>Продукция экстенсивных отраслей</i>												
Лошади в тыс.шт.	73	122	107	100	167,1	146,6	6633	10669	13885	100	160,8	209,3
Мясо свежее, кроме свинины	51	73	341	100	143,1	668,6	266	435	2416	100	163,5	908,3
Мясо соленое, копч., кроме свиного								103	322	558		
Кожи невыделанные и шкуры	1160	2766	3363	100	238,4	289,9	12338	35968	53183	100	291,5	431,1
Шерсть		659	1177	1072	100	178,6	162,7	5622	7488	10664	100	133,2
Конский волос	106	129	139	100	121,7	131,1	2876	2337	3088	100	81,3	107,4
Кость		1762	2161	2424	100	122,6	137,6	1221	1483	1559	100	121,5
Всего								29059	58702	85353	100	202,0
<i>Продукция среднеинтенсивных и интенсивных отраслей</i>												
Боровы и свиньи в тыс. шт.	70	106	110	100	151,4	157,1	2998	4456	8677	100	148,6	289,4
Свинина свежая	202	182	229	100	90,1	113,4	1001	1113	1457	100	111,2	145,6
Мясо копченое, соленое, проч.	171	285	724	100	166,7	423,4	884	1641	5129	100	185,6	580,2
Сало		97	48	29	100	49,5	29,9	588	350	238	100	59,5
Щетина		129	138	159	100	107,0	123,3	5425	4372	8871	100	80,6
Масло		1968	3211	4763	100	163,2	242,0	26434	44812	71558	100	169,52
Молочные продукты	367	700	1028	100	190,7	280,1	576	1063	2601	100	184,55	451,56
Птица домашняя живая в тыс.шт.	8152	9358	9898	100	114,8	121,4	6735	7857	9467	100	116,7	140,6
Птица битая	477	608	807	100	127,5	169,2	2812	3647	7048	100	129,7	250,6
Яйца в млн. штук	1997	2833	3572	100	141,9	178,9	35392	56157	90646	100	158,7	256,1
Всего								82845	125468	205692	100	151,4

Источники: Сельское хозяйство России в XX веке. М., Новая деревня. 1923 г. С. 300–305; Обзор внешней торговли по европейской и азиатской границе за 19... СПб.

Помимо отмеченных выше факторов, повсеместно фиксируется интенсификация крестьянского хозяйства, переход населения к стойловому содержанию скота и к рациональному уходу за ним, повышение уровня ухода крестьян за скотом, улучшение крупного рогатого скота и свиней, благодаря земским случным пунктам, расширение кормовой базы крестьянского хозяйства – развитие травосеяния, культуры корнеплодов и пропашных, особенно кукурузы. Рост посевов вики, люцерны, кормового бурака и пр. ведет к увеличению и улучшению скота.

Акцентируется позитивное воздействие земских мероприятий и агрономической помощи, различных видов кооперации, увеличения кредита, т.е. всего того, что создано реформой.

В 1909–1913 гг. под влиянием спроса на молочные продукты молочный скот вздоржал на 100%, а само молочное хозяйство развивалось настолько успешно, что сильно потеснило в некоторых районах мясное скотоводство. Этому очень способствовала крестьянская молочная кооперация.

Больших успехов добилась совершенно спонтанная поначалу интенсификация в такой сфере, как птицеводство. Экспорт яиц стал возрастать с конца XIX – начала XX вв., и не всем известно, что вывоз яиц и яичных желтков, а также живой и битой птицы, был второй по ценности статьёй российского сельскохозяйственного экспорта после хлеба, заметно превосходя лен и масло. В 1913 г. он равнялся 107,2 млн руб.

Превращение птицеводства в важную экспортную отрасль – яркий пример того, что важные сдвиги в сельском хозяйстве страны начали происходить до реформы, которая затем резко активизировала эти процессы. Здесь следует отметить позитивную роль прихода иностранного, в частности, английского бизнеса в сферу экспорта сельхозпродукции. Особого упоминания заслуживает деятельность компании «Richard Barselman & Co», начавшего строительства в Тамбовской губернии «огромных складов яиц, помещения для выкормки кур и холодильных аппаратов для искусственного замораживания яиц и битой птицы», а также свинобойни, «на которой свиные туши готовятся в приспособленном к английскому рынку виде»³³⁹. Позже у Барсельмана появились холодильники в Петербурге и Белгороде, а в 1911 г. он построил предприятие и на ст. Ртищево (Саратовская), начав скупать свиней на экспорт в битом виде в Англию, естественно, воздействуя на развитие местного свиноводства в количественном и качественном отношении³⁴⁰.

Список подобных фактов легко продолжить. Я потому так подробно останавливаюсь на этом, что скотоводство приносило крестьянам немало денег и что читателям важно понять, как многообразны были у людей возможности для заработков.

Таким образом, в конце XIX – начале XX вв. отечественное животноводство начинает переход от экстенсивной к интенсивной модели животновод-

ства. И хотя эта перестройка шла не просто, ее общий конструктивный тренд сомнению не подлежит. Нарастание процесса интенсификации и специализации животноводства, как и других отраслей сельского хозяйства, было теснейшим образом связано с аграрной реформой Столыпина, с кооперативной деятельностью, с пробуждением личной инициативы крестьянства и т.д.

Таблица 13

Соотношение стоимости экспорта продукции экстенсивных и интенсивных отраслей сельского хозяйства в начале XX в. (тыс. руб., %)

Наименование групп товаров	1901	1906	1913	1901	1906	1913
Экстенсивная продукция земледелия (хлебный вывоз)	344579	472222	593986	100	137,0	172,4
Экстенсивная продукция животноводства	29059	58702	85353	100	202,0	293,7
Сумма экстенсивной продукции	373638	530924	679339	100	142,1	181,8
Всего интенсивной продукции земледелия	113238	158867	240866	100	140,3	212,7
Всего интенсивной продукции животноводства	82845	125468	205692	100	151,4	248,3
Сумма интенсивной продукции	196083	284335	446558	100	145,0	227,7
Всего продукции сельского хозяйства	569721	815259	1125897	100	143,1	197,6
Доля хлебного вывоза (экстенсивной продукции земледелия) в общем экспорте (%)	60,5	57,9	52,8			
Доля всей экстенсивной продукции (%)	65,6	65,1	60,3			
Продукция интенсивных отраслей земледелия к хлебному вывозу (%)	32,9	33,6	40,6			
Продукция интенсивных отраслей животноводства к продукции экстенсивных отраслей животноводства (%)	285,1	213,7	241			
Сумма интенсивных отраслей к сумме экстенсивных отраслей (%)	52,5	53,6	65,7			
Сумма интенсивных отраслей к хлебному вывозу (%)	56,9	60,2	75,2			

Источники: Сельское хозяйство России в XX веке. М., Новая деревня. 1923 г. С. 300–305; Обзор внешней торговли по европейской и азиатской границе за 19... СПб.

Успехи аграрного сектора убедительно подтверждаются данными о транспортировке сельскохозяйственных товаров, которые говорят также и о том, что товарность сельского хозяйства непрерывно росла – продуктов не только больше производилось, но и больше продавалось. В условиях рыночной экономики это ясное свидетельство роста доходов населения. Особо заметно увеличение перевозок интенсивной продукции сельского хозяйства, прямо связанной с развитием реформы, широким распространением производственной кооперации и т.д.

Мощный рост производительных сил в сельском хозяйстве, прогрессивное развитие аграрного сектора подтверждают и данные внешней торговли.

Таблицы 12–13 содержат очень интересную информацию. Как можно видеть, растут и физические, и ценностные параметры всех пунктов экспорта, однако вторые, благодаря повышению цен на мировом рынке, увеличиваются быстрее. В силу абсолютного доминирования мелких крестьянских хозяйств на аграрном рынке преобладающая часть продукции, фигурирующей в этих таблицах, была произведена ими.

Приводимые данные весьма красноречиво свидетельствуют о повышении роли вывоза продукции интенсивных отраслей в 1901–1913 гг., что, понятно, отражало общую интенсификацию сельского хозяйства. Доля продукции всех экстенсивных отраслей в общей стоимости русского сельхозэкспорта за 1901–1913 гг. снижается с 65,6% до 60,3%, а хлебного вывоза – с 60,5% до 52,8%. Тенденция вполне ясная – хлеб перестает безраздельно доминировать.

Если в 1901 г. незерновая продукция земледелия составляла 32,9% стоимости хлебов и отрубей, то в 1913 г. – 40,6%. Ценность всей интенсивной продукции сельского хозяйства в 1901 г. равнялась 52,5% всей экстенсивной продукции, а в 1913 г. приблизилась к двум третям – 65,7%, а относительно стоимости зернового экспорта увеличилась с 56,9% до 75,2%. При этом термин «экстенсивный» в данном контексте не имеет негативной коннотации.

По существу, в аграрном секторе России начался тот переход от средневековья к современности, который на полвека раньше произвел переворот в сельском хозяйстве Запада и который был связан с внедрением новейших технологий, агрикультуры и агротехники.

Оценивая произошедшие перемены, А. В. Чаянов писал: «Наша родина переживает сейчас такое же «возрождение села», какое несколько десятилетий назад пережили датские, итальянские, бельгийские и другие европейские крестьяне. Конечно, возрождение это идет не всегда так гладко, как хотелось бы: бывают успехи, бывают и неудачи. Много сделано, еще больше остается сделать. Но несомненно одно: крестьянская Россия сдвинулась с мертвой точки векового застоя, голодовок и темноты народной и делает первые шаги к общенародному благополучию»³⁴¹.

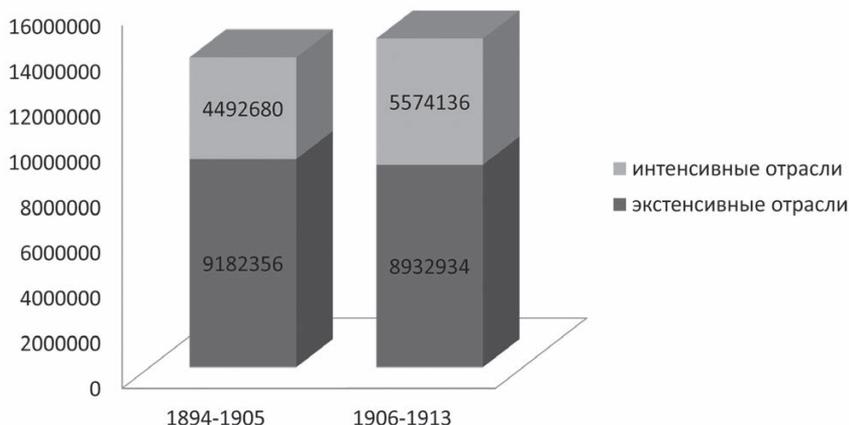

Диаграмма 23. Суммарные железнодорожные перевозки продукции экстенсивных и интенсивных отраслей сельского хозяйства в 1894-1905 и 1906-1913 гг. (тыс. пуд.)

Другой современник, Л. Н. Литошенко, перечисляя успехи сельского хозяйства и, видимо, не желая далее утомлять читателя, так резюмирует свое изложение: «Можно было бы **произвольно** увеличить число примеров и доказательств, свидетельствующих о подъеме сельского хозяйства в начале XX в. Все признаки говорили о том, что это был длительный и прочный прогресс, основанный на массовом расцвете мелкого крестьянского хозяйства.

Успехи последнего подвели фундамент и под все здание экономического благосостояния страны. Развитие покупательной силы крестьянского населения создавало платежеспособный спрос на продукты промышленности. Увеличение платежеспособности крестьянина позволяло найти точку опоры для государственных финансов. Начало XX в. отмечено не только прогрессивными течениями в сельском хозяйстве, но и пышным расцветом промышленности и ростом государственного бюджета. После долгого застоя, обусловленного по преимуществу аграрным кризисом, страна, наконец, вступила на путь несомненного экономического прогресса»³⁴².

Как нам измерить Россию

Эти оценки выдающихся экономистов разительно не совпадают с мнениями негативистов о перманентном упадке и кризисе Империи в конце XIX – начале XX вв.

И как же быть человеку, который не будучи историком, хочет понять, что в конце концов происходило?

Люди, как известно, очень склонны к упрощениям, к простым ответам на сложные вопросы, и вполне естественно, что это относится и к попыткам понять Историю. Когда мои студенты хотят получить от меня подобные ответы, я в ответ прошу поднять руки тех, кто считает свою жизнь простой. Рук никто не поднимает. И тогда я интересуюсь, почему же они так уверены в том, что совокупная жизнь миллионов людей описывается элементарно?

Но эту уверенность с ними разделяет с ними множество людей, обожающих приводить в качестве довода произведения художественной литературы, а также мнение бабушки, дедушки.

Однажды я получил письмо от телезрителя, который, ссылаясь на рассказ А. П. Чехова «Мужики», упрекал меня в приукрашивании дореволюционной действительности. И его точка зрения понятна. Только он странным образом не заметил слов матери Николая: «Мужики наши горькие, не в дом несут, а из дому. И Кирьяк пьет, и старик тоже, греха таить нечего, знает в трактир дорогу. Прогневалась царица небесная». Ситуация известная не только по Чехову.

Мы уже знаем, что положительного героя-предпринимателя мы от русской классической литературы не дождались. А позитивно описанного трудолюбивого зажиточного крестьянина – не мироеда? О том, что такие были, говорит тот же Успенский.

Может ли рассказ Чехова, или воспоминания условной бабушки, которая помнит, как чудесно жилось в СССР (мы ведь не в курсе, кем она была и какую должность занимал ее муж), быть серьезным аргументом?

Понятно, насколько важны для потомков мнения современников, но надо ясно понимать, что не всегда они «в одну цену». Статистика не расскажет о том, как воздействовали на окружающих своим магнетизмом Петр I или Наполеон, это может сделать только очевидец.

Однако очевидцы могут иметь совсем разные мнения относительно улучшения или ухудшения, например, благосостояния крестьян после 1861 г. или о причинах учащения неурожаев в конце XIX – начале XX вв., или о проблеме глобального потепления. Часто это обычная иллюстрация к сюжету о стакане воды, который то ли наполовину пуст, то ли наполовину полон. Так устроены люди.

К тому же личное мнение одного человека иногда выглядит довольно сиротливо на необъятных российских просторах, если он не Чичерин или Соловьев.

Напомню, что Франция с территорией порядка 550 тыс. кв. км. справедливо считается гигантом Западной Европы. Однако суммарная площадь лишь **трех** дореволюционных российских губерний из **девятиности** – Вятской, Пермской и Самарской – составляла 635 тыс. кв км! (557,9 тыс кв верст)

При этом не только каждая губерния, но часто и отдельные уезды были целым миром со своей историей, спецификой устройства и организации жизни*. Негативисты предпочитают этого не замечать, потому, что для их нехитрых построений куда удобнее рассматривать Россию как пространство внутри даже не МКАД, а Бульварного кольца.

Попробуем представить территорию Европейской России в 5 млн. кв км, равную половине части света Европа (около 10 млн. кв км). Здесь в 1861 г. в 334,5 тыс. сельских поселений проживало примерно 54 млн.чел., а в 1897 г. в 591,1 тыс. сельских поселений обитало порядка 82 млн.чел.³⁴³

Понятно, что число конкретных житейских ситуаций, имевших место на этом пространстве – от Урала до Польши, от Белого моря до Каспия и от Балтики до Черного моря – приближается к бесконечности. На этих просторах всегда можно найти аргументы, для создания, так сказать, и «Севильского цирюльника», и Реквиема. То есть, здесь нетрудно обнаружить факты, которыми можно что угодно подтвердить, и что угодно опровергнуть!

Мы уже видели, что традиционные методы демонстрации упадка благосостояния населения после 1861 г. в большей частью неосновательны.

Как ясно из изложенного, у нас нет ни одного источника, который позволял бы **прямо** проследить динамику благосостояния не только каждого человека в отдельности (это и сейчас нелепо), но и отдельных групп населения. И традиционные подходы к анализу этих проблем несостоятельны.

Всего два примера.

Первый характеризует положение крестьянства Костромской губернии: «По характеру промысловой жизни губерния может быть разделена на три района по 4 уезда в каждом: 1) северо-западный, с населением, состоящим из отхожих промышленников, 2) северо-восточный, с населением, занятым лесными промыслами и 3) южный, с фабрично-заводским населением». Меньше всего уделяют внимания своему хозяйству жители первого района, «уходящие на все летние месяцы на заработки в столицы и оставляющие хозяйство на попечение женской половины семьи, больше занимается им население лесного района, которое «всю зиму с половины ноября по март месяц проводит в лесу,

* Достаточно рассмотреть обеспеченность отдельных губерний сельхозтехникой на уровне уездов. Давыдов М. А. Всероссийский рынок... Издание второе, дополненное... С. 526–539.

а в ближайших к рекам селениям уходит с плотами и беянами даже до половины мая, и только в третьем районе население, занятое работою на фабриках и заводах, ведет более или менее оседлую жизнь, и, хотя урывками, но может уделять часть своего времени на ведение земледельческого хозяйства»³⁴⁴.

Второй касается крестьян Васильковского уезда Киевской губернии: «Земледелие составляет почти исключительное занятие крестьянского населения. Южная половина уезда относится к району культуры сахарной свекловицы. Там сосредоточены 6 свеклосахарно-песочных заводов, дающих свободному местному крестьянскому населению хорошие заработки. В северной части уезда подспорьем в хозяйстве служат главным образом, заработки на разработке и возке леса в казенных дачах, заработки и службы на железной дороге, прорезывающей уезд с севера на юг с разветвлением в м. Фастове. Кроме того, развиваются отхожие промыслы. В настоящем году за 9 месяцев волостными правлениями выдано 9500 паспортов крестьянам, отправившимся на разные заработки вне пределов уезда. Кустарная промышленность если не считать гончарного производства в 2-х селениях и ткацкого в одном селении, отсутствует в уезде... В уезде кроме уездного города с 19-тысячным населением находятся еще 4 торговые местечка, из которых три – Фастов, Белая Церковь и Ракитно расположены по железной дороге... Местечко Белая Церковь имеет жителей свыше 50 тыс., местечко Фастов более 10 тыс. Ввиду удобного расположения железной дороги и торговых пунктов возможность сбыта сельскохозяйственных продуктов вполне удовлетворительна»³⁴⁵.

Вопрос – как можно вывести среднее взвешенное суждение о благосостоянии сотен тысяч семей проживавших на этих территориях?

Какой источник может решить эту задачу – даже не в динамике, а на какие-то фиксированные даты?

Я привел 2 примера, а мог бы и 122. Только смысла нет.

Социально-экономические процессы такого масштаба, о котором мы говорим, в истории фиксируются на уровне статистической тенденции – больше или меньше.

И никакие подсчеты подушевых урожаев, подушевого потребления хлеба, площади наделов и другие вариации натурально-хозяйственного подхода к жизни крестьян не дадут адекватного представления о размерах их действительного достатка и доходов.

Кто и как сосчитает заработки «отхожих промышленников» северо-западного района Костромской губернии? И так ли им было важно сельское хозяйство, если им летом, т.е. в горячую пору, занимались в основном женщины?

А как быть с теми, кто большую часть года зарабатывает на лесных промыслах, рубит и сплавляет лес? Какую часть совокупного дохода их семей составляет эта работа?

А что значат сельскохозяйственные доходы в контексте фабрично-заводской зарплаты для крестьян южного района?

А если брать Васильковский уезд – то как мы учтем стоимость крестьянских контрактов на производство сахарной свеклы для заводов в каждом данном году и их воздействие на крестьянский бюджет?

А как сосчитаем заработки крестьян по доставке, разгрузке, обработке этой свеклы на сахарные заводы и последующей перевозке песка с заводов до станций железных дорог с погрузкой в вагоны? На маленьких станциях возле заводов специальных грузчиков не было.

А каковы доходы с крестьянских садов и огородов, продукцию которых можно было сбывать не только в Василькове и Белой Церкви, но и в соседнем Киеве? И т.д.

Смею думать, что здесь как бы узаконенная фальсификация, т.е. деление заниженного урожая продовольственных хлебов и картофеля на число жителей, не поможет. Диагноз будет поставлен неверно – он просто о другом.

Потому что из анализа выпадают целые пласты жизни людей. Они давно участвуют в модернизации, а их искусственно помещают в ситуацию натурального хозяйства, давно неактуальную для многих районов.

К тому же средние цифры нередко – сомнительный помощник.

Спора нет, они вполне работают, если речь идет о таких показателях, как число грамотных, как корректно вычисленная доля дворов с плугами или жатками и т.п.

Но в других случаях они искажают, затемняют картину. Россия *слишком* большая страна, чтобы *всегда* продуктивно описываться средними арифметическими.

Нередко эти цифры для России – грузовик, полученный из суммы паровоза и велосипеда, деленной пополам. В этом смысле мне нравится такой пример. В 1917 г. 52% крестьянских хозяйств не имели плугов, «обрабатывая землю сохами и косулями и т.п.»³⁴⁶. Действительно, если определять уровень развития, например, плужной обработки земли, исходя из того, что в Архангельской губернии, согласно Переписи сельхозмашин и орудий 1910 г., на 100 орудий подъема почвы приходилось 0,2 железного плуга, а в Ставропольской – 99,4, то средняя величина и составит примерно 50%.

Этот факт, безусловно, в известной степени показателен. Однако им в принципе игнорируется то обстоятельство, что в Архангельской губернии на каждые 500 сох, рал, косуль приходился всего 1 железный плуг, а в Ставропольской губернии их было в 497 раз больше.³⁴⁷

Или вот такой популярный пример нашей «вечной» отсталости («сравнения на Запад»). Несмотря на то, что в начале XX в. Россия имела вторую по протяженности длину железных дорог в мире, на единицу пространства в

Европейской России рельсовых путей было в 11 раз меньше, чем в Германии и в 7 раз меньше, чем в Австро-Венгрии и т.п.³⁴⁸

Все верно. Не могу, однако, не заметить, что площадь Германии составляла 10,4%, а Австро-Венгрии – 13,2% площади Европейской России, т.е. первая по размерам территории уступала последней в 9,6 раз, а вторая – в 7,6 раз. С учетом этого обстоятельства отставание России в густоте железнодорожной сети не выглядит уж совсем безнадежным.

Показательно также, что в 1913 г. в губерниях Архангельской, Олонецкой, Вологодской, Пермской и Вятской (примерно треть Европейской России) на пространстве в 1,64 млн кв верст, в полтора раза превышавшей суммарную площадь Германии и Австро-Венгрии, проживало порядка 11 млн. чел., т.е. в 10–11 раз меньше, чем в указанных странах вместе взятых*.

Вопрос – нужна ли была на русском Севере и Северо-Востоке такая же разветвленная железнодорожная сеть, как в центре Европы, несколько иначе насыщенном человеческой деятельностью?

Я не оспариваю пользы такого рода сопоставлений в принципе, но хочу заметить, что они имеют ограниченную *эффективную* сферу применения.

Граница сравнений – здравый смысл. Бездумные сопоставления правды не открывают, а восприятие портят.

Историческая наука уже вышла за рамки традиционных подходов к жизни крестьянства, введены в научный оборот массивы неизвестной ранее статистики, однако прививаются новые взгляды непросто.

В контексте разрушения стереотипов традиционной историографии особо следует отметить новейшее исследование Т. В. Натхова и Н. А. Василенка, посвященное анализу динамики и региональным различиям в детской смертности в России после 1861 г. Ее весьма высокие показатели, как считают негативисты, опровергают тезис о «триумфальном социально-экономическом прогрессе» Империи в пореформенный период.

Соавторы на основании множества статистических, этнографических и медицинских источников показали, что уровень детской смертности определялся прежде всего культурными практиками вскармливания и ухода за младенцами, а не от доходами, грамотностью или доступом к медицине родителей.

В сравнении с другими этническими и религиозными группами Европейской России самый высокий уровень младенческой смертности фиксируется среди великорусского населения, что в первую очередь было связано с ран-

---

* Добавлю, что плотность населения на 1 кв версту в Германии составляла 142 человека, в Австрии – 109,8, в Венгрии – 73,1, а в Архангельской – 0,6, в Вологодской – 4,6, в Вятской – 27,8, в Олонецкой – 3,9, в Пермской – 12,8 человека; в 50-ти губерниях Европейской России – 28,0 человека. (Статистический ежегодник за 1910. С. 35–49.)

ним отказом от грудного вскармливания и переходом на твердую пищу, начинавшимся порой с первых дней жизни ребенка.

Эти выводы вполне согласуются с результатами аналогичных исследований по демографической истории Европы и показывают, что использование уровня младенческой смертности как показателя, отражающего уровень жизни населения в аграрных обществах, не слишком оправданно. Следовательно, заключения о стагнации уровня жизни в предреволюционной России, сделанные на основе показателя младенческой смертности, необоснованны³⁴⁹.

Далее. Еще до революции немало было сказано о том, что нигде в Европе не было такого огромного количества нерабочих дней, как в России.³⁵⁰ **Принципиально** важно, что в пореформенное время у крестьян примерно на месяц увеличивается число выходных и праздничных дней.³⁵¹

Таблица 14

Годовой бюджет времени крестьянина-работника в середине XIX – начале XX в.

	1850-е гг.		1872 г.		1902 г.	
	Абсолют.	%*	Абсолют.	%	Абсолют.	%
Число рабочих дней в полеводстве и промыслах	135	37	125	34	107	29
Число нерабочих празднично-выходных дней	95	26	105	29	123	34
Распределенное время	230	63	240	66	258	71
Не распределенное время	135	37	125	34	107	29

Источник: Миронов Б. Н. Российская империя: от традиции к модерну. Т. 3. С. 418.

Я давно заметил, что научное сообщество обычно воспринимает этот важный факт, актуализированный Б. Н. Мироновым, как некий курьез, как что-то вроде экстравагантного галстука, пропускает мимо ушей и возвращается к привычному малоземелью и подушевым сборам.

А между тем это опровергает известное мнение о крайне напряженном бюджете трудового времени у российских крестьян, которые в силу плохого климата вынуждены-де работать, не покладая рук, и не успевают из-за этого обработать должным образом свою землю.

С. Т. Семенов заслужил в своей деревне репутацию вольнодумца именно потому, что хотел работать в праздники; дело закончилось доносами его односельчан «по инстанциям» и преследованиями властей.

* Доля от 365 дней.

Обилие праздников беспокоило тех, кто не на словах, а на деле желал улучшения положения крестьянства³⁵².

Известно, что затягивавшееся иногда празднование Пасхи становилось одной из важных причин недородов, и, в частности, масштабного неурожая 1906 г.*

Не всегда праздники отмечались шумно, но очень часто отмечались именно так, и это, конечно, косвенно свидетельствует о состоянии крестьянских бюджетов.

В этом плане нельзя обойти вниманием мнение уже знакомого нам А. В. Байкова, 70-летнего жителя деревни Конной Сычевского уезда Смоленской губернии.

На вопрос «Лучше ли стало жить на хуторах и отрубках?» он ответил, что «лучше и много лучше, но одна беда – это праздники и связанное с ним пьянство. Праздники календарные, церковные у нас сравнительно мало почитаются, а вся беда в так называемых “престольных”, местных праздниках, число которых за последнее время не только не уменьшается, но все увеличивает. На моей памяти в окрестных селениях был установлен целый ряд таких праздников... Праздники эти – не престольные, ничего общего с храмом не имеющие».

И духовенство, продолжает Байков, поощряет «это зло».

В итоге люди празднуют – **«и это в самое страдное время, когда у нас поденная плата до 1 р. – 1 р. 40 коп. в день!»**

Во что обходятся эти праздники. В текущем году мне пришлось быть в этом самом Конопатине на пятый день праздника, и, заметив, что крестьяне еще не очухались от праздничного угара, я вздумал вместе с ними подсчитать, во что обошелся им праздник, и что же оказалось? На 36 дворов выпито вод-

* Ермолов А. С. Наши неурожайи и продовольственный вопрос. ... Т. 1. С. 306–309.

В частности, ученый писал: «Пасха иной раз в самую пору ярового посева приходится, и вместо того, чтобы это лучшее для посева время использовать, они восемь, а то и десять дней празднуют, считая грехом на Пасху не только в первые дни, но и во всю неделю работать».

В первой же половине августа, **тоже в лучшее время для посева**, – опять ряд праздников – тут и первый Спас, и второй Спас – Преображения, и Успение; не только самый день, например, Спаса празднуют, но и на другой день после него – отданье Спаса, полу-Спас – тоже не работают, местами празднуют и третий Спас – Спас на полотне, – 16 августа. А коли в эти дни в деревенских церквах «престолы», то и по два и по три дня после того гуляют. Престолы не только в своих церквах справляют, а и в окрестные села по соседям ездят, и там тоже празднуют да пируют... Потом – 18 августа – Флор да Лавр идет – лошадиный праздник – на лошадях работать грешно, и т.л. **И оттягивается таким образом озимый посев до второй половины августа, а иногда и начало сентября прихватывает, что уж совсем плохо.**

Известно, что у крестьян, кроме установленных церковью, бывают еще и свои праздники, – разные «навкины велик-дни» (праздник русалок), девятые, Параскевы, Грозные, Ильинские пятницы, Паликопы, Борис–Глебы и т.п.» (Там же. Т. 2. С. 148–150).

ки и пива на 307 рублей, не считая чая и разных лакомства, да прогул четырех рабочих дней целой сотни рабочих с подростками при поденной цене 1–1.40 коп. должен быть определен сотнями рублей, и кроме того, в каждом дворе “гуляло” не менее 3–4 и до 10 “гостей” из других деревень. Так что один такой праздник обходится не менее 1000 рублей.

Подсчет это применим и к прочим селениям Сычевского уезда, и можно смело сказать, что в среднем каждый праздник обходится одному двору не менее 25 рублей...

А иностранцы еще говорят, что наш мужик беден! Да нехай любая наикультурнейшая страна в свете попробует при летнем периоде в 5–6 месяцев, а не в 9–10, как в Западной Европе, пускай, говорю, попробует отпраздновать 200 дней в году, да притом по преимуществу летом, – да у них и потрохов не останется...

А какое хулиганство рождают эти праздники!... В старину говорили, что земля стоит на трех китах. А теперешние наши русские киты, это – невежество, праздники и пьянство... На этих китах не устоишь... И Россия ждет богатыря, своего Еруслана Лазаревича, который избавит ее от этих чудовищ»³⁵³.

Дождалась Россия, увы, других «богатырей», Владимира Ильича и Иосифа Виссарионовича, но это другая тема, хотя и сопряженной с этой.

В 1914 г. вышел «Сборник задач антиалкогольного содержания (пособие при преподавании арифметики в низших классах всех ведомств)», составленный на основании **официальных** источников и обширной литературы.

Вот некоторые из этих задач, изменяющих привычный ракурс рассмотрения проблемы: «2. Каждый житель России (на круг) пропивает ежегодно на водке 5 р. 4 к., на пиве 1 р. и на вине 68 к. Сколько всего денег он пропивает?..

50. Ежегодно каждый житель России на круг получает доходу 60 р. 48 к., а пропивает из него 6 р. 72 к. Какую часть своего дохода пропивает ежегодно Россия?..

60. В прошлом (1913) году население России выпило (приблизительно) 2.000.100.000 бутылок водки. 13.334 бутылки, уставленные в ряд одна за другою, занимают расстояние в 1 версту. Сколько верст займут все выпитые бутылки, если их уставить таким же образом? Во сколько раз это расстояние будет больше земного экватора, длина которого равняется 37.500 верст?..

90. Каждый русский выпивает в год (на круг) по 12 бутылок водки. Если бы он вместо этого яда съедал то количество хлеба, из которого выкуриваются эти 12 бутылок, то 1) сколько ему приходилось бы ежегодно лишнего хлеба и 2) сколько бы он сберегал денег от такой замены? 1 бутылка водки выкуривается из 4 фунтов 10 лотов 2 золотников хлеба, фунт которого стоит 3 коп. (1 бут. водки стоит 42 коп.)»³⁵⁴.

Все это было бы смешно...

Размеры потребления спиртного и обилие праздников – темы, рассуждать на которые народнические и советские авторы считали неполиткорректным, и в своих писаниях они «деликатно» обходили их стороной и понятно почему.

Эти сюжеты явно разрушало гармонию создаваемого ими упрощенного варианта крестьянского апокалипсиса, при котором земледельцы потребляли только углеводы, питаясь одним хлебом (которого еще и не хватало!) и запивая его водой*. Поэтому указания оппонентов на то, что противоречило этой установке, они просто игнорировали, словно этой стороны жизни крестьян как будто и не было в природе.

Потребление алкоголя в рассматриваемый период стало одним из пунктов продолжающейся дискуссии об уровне благосостояния населения пореформенной России.

Так, один из оппонентов пишет: «Хотя расходы на водку отнимали у крестьянской семьи необходимые ей средства, доля этих расходов была относительно невелика, поэтому утверждения и насчет того, что пьянство являлось чуть ли не главной причиной разорения деревни, и насчет того, что потребление алкоголя – показатель наличия в деревне “лишних денег”, а значит, показатель относительного благополучия, не имеют под собой основания» и что нельзя «рассматривать динамику потребления водки как косвенное отражения благосостояния населения»³⁵⁵.

Нигде и никогда я не писал о том, что российская деревня до 1917 г. была разорена. Однако я уверен в том, что неуклонно растущие затраты населения России на алкоголь действительно отражают – и отнюдь не «косвенно» – растущий уровень благосостояния населения в конце XIX – начале XX вв., а доля расходов крестьян на водку вовсе не была «относительно невелика».

В свете приведенных выше данных логика оппонента мне не вполне понятна.

Если потребление алкоголя *не* является показателем «наличия в деревне (и не только) «лишних денег», а, значит, и показателем «относительного благополучия», то показателем чего оно является?

Отсутствия «лишних денег»? Алкоголь выдавали бесплатно?

Свидетельством *не*благополучия?

Если в 1894–1900 гг. среднегодовой вывоз хлеба стоил 384,1 млн. руб., а среднегодовой питейный доход составлял 358,3 млн. руб., в 1901–1908 гг. – соответственно 492,4 млн. руб. и 627,7 млн. руб., в 1909–1913 гг. – 746,8 млн. руб. и 845,5 млн. руб., то значит ли это, что благосостояние жителей России понижалось? Особенно с учетом неоспоримого роста внутреннего потребительского рынка?³⁵⁶

* У нас в армии ходили байки о сталинской «строгой гауптвахте», где арестованные через день сидели на хлебе и воде.

Полагаю, подобные попытки «обелить», «защитить» население страны от «обвинений» в значительном потреблении алкоголя выглядят весьма неубедительно, не говоря о том, что оно абсолютно не нуждается ни в нашем сегодняшнем одобрении, ни в порицании. Эти люди прожили *свое* время.

К тому же мне в принципе не кажется продуктивной ситуация, когда историк ставит себя, условно говоря, в положение новобранца, пойманного старшиной «за распитием спиртного в казарме», – он не должен «оправдываться» за информацию источников, а должен попытаться ее объяснить.

У меня в принципе другой подход к этим (и не только) сюжетам.

Жители России, чью жизнь я изучаю много лет, это – в том числе – прямые предки меня самого, моих детей, родных, друзей и знакомых – моих сограждан.

И меня в первую очередь интересует, *как* они жили. И не мое дело их обвинять, или выдавать им «индальгенции». Я хочу *понять*, насколько это возможно, их жизнь такой, какой она была. При этом я пытаюсь объяснять эту жизнь с учетом, с одной стороны, представлений того времени, а, с другой стороны, той трагической перспективы, которая ожидала наших предков после 1916 г.

Источники недвусмысленно показывают, как велика была роль алкоголя в этой жизни. Недооценивать этот сегмент российской жизни нельзя, потому что иначе мы просто не поймем то время.

И здесь совершенно неважно (по крайней мере, для меня), какое место занимала Россия по потреблению алкоголя (напомню – чуть ли последнее в Европе). Надо сказать, что эта застарелая и притом сомнительная идея – по *любому* поводу (и без повода) устраивать из истории вечное «спортивное» соревнование – порядком надоела. Российские проблемы – и прошлые, и нынешние – проще от этого не станут и легче решаться не будут.

Полезнее, полагаю, вспомнить приводившуюся уже мысль Витте, который писал, что наш народ «так же трудится, как и пьет. Он мало пьет, но больше, чем другие народы напивается. Он мало работает, но иногда надрывается работой», и ставил эти явления в прямую связь с правовой неполноценностью народа, запертого в общине.

По мнению Витте, обретение полноты гражданских прав и свободы распоряжения своим трудом ослабит действие факторов, благоприятствующих этим негативным явлениям, что и подтвердила реформа Столыпина. Источники определенно говорят, о сокращении пьянства среди хуторян. О том же говорит и позитивный опыт первых 9-ти месяцев введения сухого закона в 1914 г.

Прежде всего, рассуждая о благосостоянии населения, мы должны помнить о «семантической инфляции» и корректировать в соответствии с нею

негативные свидетельства современников. Насколько это важно, можно судить по следующему примеру.

До 1917 г. 70–75% сахара потреблялось в виде рафинада, песок покупали те, кого в источниках называли «средним классом потребителей» (крестьяне считали его неэкономичным продуктом).

Обычная разница в цене между песком и рафинадом составляла примерно рубль за пуд с тенденцией к уменьшению этой разницы. При этом в 1906–1914 гг. сахар неуклонно дешевел.

В 1910 г. в силу ряда причин производство рафинада в сравнении с предыдущим годом выросло на 17% (!), а потребление – на 10%. Цены, понятно, серьезно упали. В то же время в стране стала ощущаться нехватка песка, во-первых, из-за неурожая свекловицы, а, во-вторых, потому, что рафинеры внепланово изъяли с рынка более 7 млн пуд. песка.

Сложилась парадоксальная ситуация. С одной стороны, в ряде городов «нельзя было найти какого-нибудь вагона песка», а с другой, рынок был буквально завален рафинадом, который дешевел с каждым днем. В № 30 еженедельного «Вестника сахарной промышленности» появилась, например, такая телеграмма из Варшавы от 22 июля 1910 г.: «На истекшей неделе на нашем рынке замечался давно не бывалый факт при продаже сахара для местного потребления. Здешние потребители, видя, что песок крупного и среднего кристалла сравнялся в цене с кусковым сахаром, стали покупать разные дешевые сорта последнего и толочь таковой на песок (для варки варенья – М. Д.)... Тенденция с кусковым сахаром несколько лучше по вышеуказанной причине и спрос довольно хорош».

И вот эта ситуация в тогдашней прессе совершенно серьезно именовалась «сахарным голодом»!

Если в России конца XIX – начала XX вв. цена, положим, пуда железа вырастала на 0,2 коп./пуд, то в стране немедленно начинался «металлический» голод. То есть это слово, повторяюсь, обозначало не только недород хлебов, оно было синонимом понятия «дефицит». Вновь напомню, что «порог страданий» в конце XIX – начале XX вв. и конце XX – начале XXI вв. кардинально различаются.

Однако и учет семантической инфляции, разумеется, не означает, что «народ жил прекрасно» и что «все было хорошо». Отнюдь.

В рамках привычного черно-белого подхода противоречие между «позитивным» и «негативным» массивами данных непримиримо – тут может быть правильно либо одно, либо другое.

Однако на деле верны оба комплекса свидетельств, просто жизнь была несравненно богаче, чем ее описывали пристрастные и/или политически ангажированные современники.

Указанные противоречия оказываются большей частью мнимыми, стоит только понять, что **нельзя смешивать проблему положения крестьянского хозяйства** в пореформенной уравнильно-передельной общине **с проблемой народного благосостояния** (подобно тому, как в наши дни нельзя путать реальные доходы множества людей и те суммы, за которые они расписываются в ведомостях зарплаты).

Проблемы эти, разумеется, отчасти перекрывают друг друга, но лишь отчасти, поскольку далеко не идентичны. Как мы знаем, крестьянин мог мало обращать внимания на свое хозяйство, но при этом неплохо зарабатывать.

Сказанное настолько очевидно и даже банально, что, казалось бы, нет смысла говорить о нем специально.

Однако я вынужден это делать – из-за огромного влияния натурально-хозяйственной парадигмы на осмысление эпохи.

Положение крестьянского хозяйства определялось доходами крестьян от ведения собственного хозяйства, т.е. количеством сельскохозяйственных продуктов, получаемых со своего надела. И нет ничего удивительного в том, что множество крестьян отнюдь не преуспело в том модусе жизни, который сложился в русской деревне к началу XX в. и о котором нам кое-что известно.

Народное благосостояние складывалось из всей суммы доходов населения, и применительно к крестьянству он равен сумме доходов от надела и вненадельных заработков, полностью учесть которые невозможно.

И как же судить об этой величине? Подушевые сборы хлебов здесь не помогут.

А вот как.

Динамика уровня благосостояния населения отражается в интегрированных показателях, характеризующих развитие сельскохозяйственного и промышленного производства, в статистике перевозок народнохозяйственных и потребительских грузов, статистике внешней торговли, статистике акцизных поступлений, статистике движения вкладов в сберегательных кассах, динамике роста зарплаты рабочих, статистике развития кооперации и т.д. Разумеется, огромное значение имеют здесь и нарративные источники.

И – взятые в комплексе – они неоспоримо говорят о позитивной динамике потребления населения Российской империи, что вполне естественно. Здесь **крайне важно** подчеркнуть, что старый тезис о том, что модернизация проводилась за счет крестьян, современной историографией отвергается³⁵⁷

В конце концов пора понять, что экономическая модернизация, индустриализация проходили не в вакууме, что население страны получало деньги за то, что участвовало в строительстве железных дорог, предприятий, в городском строительстве и т.д., за работу на транспорте (железнодорожном, речном и морском) и в сфере услуг, за производство товаров, как сельскохо-

зяйственных, так и промышленных, и что одновременно оно покупало эти товары!

Иногда от коллег приходится слышать заявления о том, что «цифры ничего не доказывают». Не задавая бестактного вопроса о том, каким же радаром тогда – в отсутствие статистики – они улавливают «системный кризис самодержавия», я отсылаю их к Витте. Он, который понимал и видел функционирование экономики примерно так же, как врач-физиолог или анатом видит работу человеческого организма, однажды написал: «Статистические данные о росте нашей промышленности и торговли обрисовывают лишь количественное развитие нашего народного богатства, но они не должны заслонять собою того крупного явления, что **каждая новая цифра движения нашей производительности и торговли означает собой привлечение к общей промышленной жизни новых слоев населения, оживление и вступление в общий оборот новых местностей**, что в настоящее время промышленность и торговля отражают в себе экономическую жизнь всей страны, всего сложного и разветвленного русского народного хозяйства»³⁵⁸.

Например, если в 1894–1905 годах только железнодорожная транспортировка всех грузов (кроме перевозимых поштучно) составила 43,2 млрд пуд., а в 1906–1913-х – 48,9 млрд пуд., мы должны понимать не только то, что она выросла на 13,2%, но и что производство, перевозка и продажа каждого из этих миллиардов пудов была оплачена и не единожды. Равным образом, за каждым из миллионов рублей на сберкнижках и счетах кооперативов стоит оплаченный труд.

В стране с рыночной экономикой позитивная динамика роста сельскохозяйственного и промышленного производства означает, что **масса населения стала жить лучше**.

Другое дело – времена «Великого перелома» и форсированной индустриализации! Вот тогда действительно рост показателей (притом фальшивый, как со временем выяснилось) шел за счет многих миллионов людских жизней в прямом и переносном смысле!

Реформа Столыпина и преодоление кризиса аграрного перенаселения

Вышесказанное позволяет поставить едва ли не важнейший вопрос – **в какой мере реформа способствовала преодолению кризиса аграрного перенаселения?**

Тут в первую очередь важны два аспекта.

Во-первых, динамика уровня жизни крестьянства, второй – уменьшение плотности населения и перемены на рынке труда.

Диаграмма 24

Дело в том, что снижение аграрного перенаселения нельзя рассматривать только механически – с точки зрения прямого сокращения плотности населения (хотя оно очень важно само по себе). При любом ее (плотности) уровне ключевая проблема – уровень доходов жителей. И если эти доходы буквально за несколько лет заметно повышаются и данная тенденция устойчива, то у нас есть все основания говорить о том, что процесс разрешения кризиса аграрного перенаселения идет успешно.

В какой-то мере эту тенденцию – именно тенденцию! – отражают известные подсчеты С. Н. Прокоповича (методически довольно грубые), согласно которым за 1900–1913 гг. доход от зерновых хлебов и технических культур вырос с 1842,5 млн. до 3426 млн. руб., т.е. на 86%, а от скотоводства – с 831,5 до 1729,7 млн. руб., т.е. более чем вдвое (на 108%). Соответственно, доход на душу сельского жителя вырос примерно с 30 до 43 руб., а остаток чистого дохода – с 22 до 33 руб.³⁵⁹

В то же время в 1909 г. начался мощный промышленный подъем, также способствовавший росту благосостояния населения страны, о чем, в частности, говорит статистика сбережений*. Она в данном контексте заслуживает особого внимания.

* Подробнее см. *Давыдов М. А. 20 лет до Великой войны...* С. 359–420.

Диаграмма 25

Сопоставимая статистика сберегательного дела появляется в 1896 г. (полностью сопоставимая – с 1897 г.), после реформы государственных сберегательных касс, проведенной С. Ю. Витте. Так вот, если население Империи за 1896–1913 гг. увеличилось в 1,4 раза, а число сберегательных касс – в 2,2 раза, то число книжек и сумма вкладов на них, как следует из таблицы 15 – в 4,3 раза (в 1896 г. имелось 1991,8 млн сберкнижек, на которых хранилось 358,9 млн. руб., а в 1913 г. – 8608,7 тыс. книжек со 1549,8 млн. руб. А если считать вклады в процентные бумаги – то 1826,9 млн. руб.).

При этом численность сельского населения выросла за тот же период в 1,3 раза, количество же крестьянских книжек – в 6,9 раза, а сумма вкладов – в 7,2 раза. Больше всего их было в Центрально-Промышленном районе. Крестьяне, наряду с общественными и частными служащими, были наиболее преуспевающей категорией вкладчиков.

Если же, как это сделано в таблице 16, суммировать показатели тех категорий вкладчиков, которые безусловно обнимают понятие «простой народ», т.е. «земледелие и сельские промыслы», «городские промыслы», «фабрики, заводы, рудники», «услужение» и «нижние чины», то в 1896 г. представители этих «родов занятий» в сумме имели 977,0 тыс. книжек со 150,1 млн. руб., а в 1913 г. – соответственно 5173,6 тыс. и 867,7 млн. руб. То есть число принадле-

жащих им книжек выросло в 5,3 раза, а сумма вкладов – в 5,8 раз. Если сберкнижки вкладчиков этих категорий в 1896 г. составляли 49,0% всех книжек, то в 1913 г. – уже 60,1%, а доля их вкладов повысилась с 41,8 до 56,0%.

Таблица 15

**Распределение книжек с вкладов по родам занятий вкладчиков
в государственные сберегательные кассы в 1896, 1906 и 1913 гг. (шт. и тыс. руб.)**

Род занятий	1896		1906		1913	
	книжек	сумма	книжек	сумма	книжек	Сумма
Землевладение	23435	5913	42057	11018,6	39639	9260,6
Землед. и сельские промыслы	367106	66437	1397111	261854,9	2546643	480248,8
Городские промыслы	222440	33188	681261	100303,2	1121539	179527,5
Фабрики, заводы и рудники	86714	12076	282465	38759	456611	72592,8
Услужение	213654	29829	488915	67376,7	712741	113147,8
Торговля	165144	34589	490455	103749	680493	149527,3
Духовное звание	105332	33885	180715	55434,4	201844	59451,3
Офицеры	32012	7347	77225	18458,8	85303	17254,5
Нижние чины	87054	8580	267985	18253,8	336075	22193,4
Служба гражданская	128839	25413	229675	44210,4	297796	55967
Служба общественная и частная	186959	34384	809260	152688,5	1299828	246637,9
Прочие занятия	373156	67265	416888	73284,9	830170	144026,8
Итого	1991845	358906	5364012	945392,2	8608682	1549836,0

Источник: Отчет государственных сберегательных касс по сберегательной операции за 1897 г. СПб.: [Б.И.], 1898. Приложения. Таблица 18; Отчет государственных сберегательных касс по сберегательной операции за 1906 г. СПб.: [Б.И.], 1907; Приложения к отчету государственных сберегательных касс по сберегательной операции за 1913 г. Пг., 1914. Приложение 7.

Естественно, что специальный интерес вызывает вопрос о развитии сберегательного дела в годы аграрной реформы Столыпина.

За 1906–1913 гг. общее число книжек всех категорий вкладчиков увеличилось с 5364,0 до 8608,7 тыс., т.е. на 60,4%, а сумма вкладов на них – с 945,4 до 1549,8 млн. руб., т.е. на 64,0%. Напомню, что в 1913 г. бюджет Империи составлял порядка 3,5 млрд. руб., и такая величина сбережений населения представляется весьма значительной.

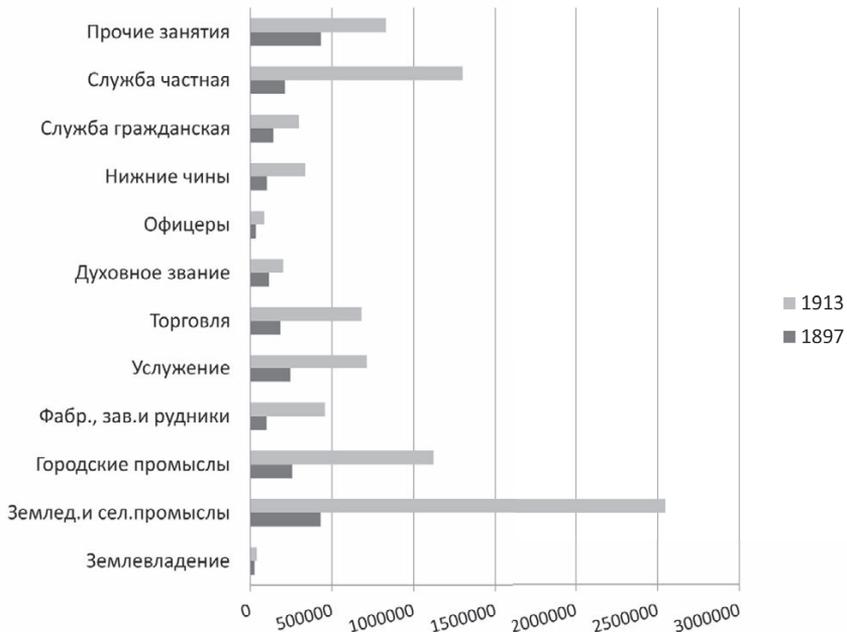

Диаграмма 26. Число сберкнижек по «родам занятий» вкладчиков (тыс.)

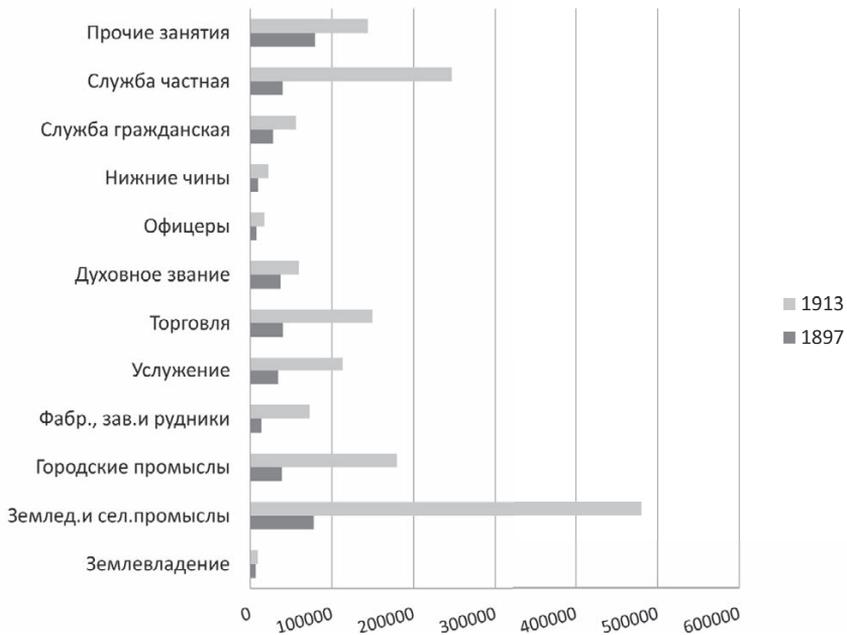

Диаграмма 27. Сумма вкладов по «родам занятий» вкладчиков (млн. руб.)

За те же годы число крестьянских книжек возросло с 1397,1 до 2546,6 тыс., т.е. в 1,82 раза, а сумма вкладов – с 261,9 до 480,2 млн. руб., – т.е. в 1,83 раза. Другими словами, крестьянские сбережения росли быстрее, чем сбережения по стране в целом.

Таблица 16

Динамика «народных» сберкнижек и вкладов (шт., тыс. руб.)

Род занятий	1896	1906	1913	1896	1906	1913
	книжек	книжек	книжек	сумма	сумма	сумма
Землед. и сельские промыслы	367106	1397111	2546643	66437	261854,9	480248,8
Городские промыслы	222440	681261	1121539	33188	100303,2	179527,5
Фабрики, заводы и рудники	86714	282465	456611	12076	38759	72592,8
Услужение	213654	488915	712741	29829	67376,7	113147,8
Нижние чины	87054	267985	336075	8580	18253,8	22193,4
Всего	976968	3117737	5173609	150110	486548	867710,3
Доля	49,0	58,1	60,1	41,8	52,0	56,0

то же в процентах

Землед. и сельские промыслы	100	380,6	693,7	100	394,1	722,9
Городские промыслы	100	306,3	504,2	100	302,2	540,9
Фабрики, заводы и рудники	100	325,7	526,6	100	321,0	601,1
Услужение	100	228,8	333,6	100	225,9	379,3
Нижние чины	100	307,8	386,1	100	212,7	258,7
Всего	100	319,1	529,6	100	324,1	578,0

Все эти показатели безусловно говорят о том, что в годы аграрной реформы Столыпина благосостояние населения страны вообще и крестьян в особенности повысилось; рост крестьянских вкладов более чем на 80% всего за 8 лет следует признать вполне удовлетворительным.

Важно отметить, что более чем в 30-ти губерниях доля крестьянских семей (принимая их среднюю численность в 6 человек), имевших сберкнижки, превышала 10%, в 14-ти – 20%, а в Ярославской, Тверской, Московской, Эстляндской, Костромской и Владимирской – была выше 30%; в Ярославской губернии она составила 68,1%, в Тверской – 47,4%.

Этот результат, на первый взгляд, был вполне ожидаем и предсказуем* – мы знаем, что реформа шла успешно.

Однако погубернский анализ сбережений выявил довольно неожиданный факт – в целом ряде губерний, прежде всего, губерний Юга России темпы роста сбережений сельских жителей явно замедлились в сравнении с 1897–1905 гг., в некоторых из них сумма вкладов даже снизилась.

Если за годы реформы сумма крестьянских вкладов в Тверской губернии возрастает на 15,8 млн. руб. (стоимость броненосца класса «Бородино»), в Московской – на 12,4, во Владимирской – на 9,7, в Смоленской (из которой Энгельгардт писал свои «12 писем из деревни») и Ярославской – на 8,4 и 8,5 млн. руб. (это два крейсера «Варяг»!), в Новгородской, Калужской, Костромской, Пермской, Рязанской губерниях – на 5–6 млн. руб. в сравнении с 1897–1905 гг., то в Бессарабской они уменьшились на 111 тыс. руб., а в Таврической и в Херсонской – на 770 тыс. руб.

В Области Войска Донского прирост вкладов за годы реформы в 5,5 раза ниже прироста за 1897–1905 гг. К этому можно добавить, что в Киевской, Саратовской, Астраханской – аналогичное уменьшение составило 2,2–2,7 раза, в Кубанской и Оренбургской – 3,1 раза, в Ставропольской – 4 раза, а в Полтавской – 9,8 раза.

Всего падение приростов вкладов в сберкассы в период преобразований фиксируется в 34-ти губерниях, из которых 9 расположены в Азиатской России.

В определенном смысле это беспрецедентный факт.

Понятно, что Столыпинская реформа, как и всякое преобразование громадного масштаба, не могла быть временем «всеобщего благоденствия» и не была им на деле. Вместе с тем факт уменьшения крестьянских сбережений в этом регионе противоречит сведениям множества других источников, не оставляющих сомнений в том, что благосостояние, как минимум, значительной части крестьян в годы реформы и притом именно в этих, отнюдь не «оскудевающих», губерниях повысилось.

Оказалось, что крестьяне губерний, в которых отмечено указанное падение показателей, несли свои сбережения в учреждения мелкого кредита, число которых за годы реформы выросло на порядок (с 1629 до 15436 за 1906–1915 гг.³⁶⁰) и которые за счет более высоких процентов по вкладам и отсутствия ограничений по их сумме после 9 ноября 1906 г. вполне успешно конкурировали со государственными сберегательными кассами.

---

* Напомню, что некоторые вкладчики могли иметь на свое имя две сберкнижки – одну на вклады до востребования и вторую на вклады условные (они делились на вклады «до совершеннолетия», «на погребение», «с другими назначениями»). На условные вклады приходилось порядка 3% всех книжек и суммы вкладов. (Отчет государственных сберегательных касс по сберегательной операции за 1915 г. С. 22).

Таблица 17

Порайонные приросты крестьянских вкладов в государственные сберкассы и приросты частных вкладов и займов в кредитных кооперативах за 1906–1913 гг. (тыс. руб.)

Район	Прирост вкладов в сберкассы	Прирост вкладов в кооперативы	Сумма прироста	Доля прироста (сберкассы)	Доля прироста (кооперативы)
Северный	7523,1	683,9	8207	91,7	8,3
Приозерный	13614,5	3529,8	17144,3	79,4	20,6
Литовский	19616,9	9494,6	29111,5	67,4	32,6
Белорусский	23212,9	15316,2	38529,1	60,2	39,8
ЦПР	58309,1	13631,2	71940,3	81,1	18,9
ЦЧР	22780,7	29817,3	52598,0	43,3	56,7
Средневожский	11371,3	10973,6	22344,9	50,9	49,1
Нижневожский	6581,0	17170,8	23751,8	27,7	72,3
Малороссийский	6923,1	26537,2	33460,3	20,7	79,3
Юго-Западный	4543,5	26735,1	31278,6	14,5	85,5
Новороссийский	1982,1	60800,7	62782,8	3,2	96,8
Приуральский	9758,9	13225,9	22984,8	42,5	57,5
Предкавказский	1636,3	19990,1	21626,3	8,2	91,8
Кавказ	2643,0	1711,5	4354,5	60,2	39,8
Сибирь и Д. Восток	9337,4	7554,3	16891,7	55,3	44,7
Степной край	1200,6	1621,4	2821,9	42,5	57,5
Туркестан	379,8	320,2	700,0	54,3	45,7
Империя	201414,2	259113,8	460527,8	43,7	56,3

Источник: Отчет государственных сберегательных касс по сберегательной операции за 1906 г. СПб.: [Б.И.] без издательства, 1907; Приложения к отчету государственных сберегательных касс по сберегательной операции за 1913 г. Пг.: [Б.И.], 1914. Приложение 7; Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Год шестой. СПб.: [Б.И.], 1913. С. 532–538; То же. Год десятый. Пг.: Тип. Ис. Ф. Вайсберга, 1917. С. 558–569.

В таблице 17 приведены данные о росте крестьянских вкладов в сберегательные кассы и вкладов, и займов у частных лиц в кредитных кооперативах. Можно уверенно говорить о том, что крестьянские деньги во вкладах и займах безусловно преобладают, тем более, что из анализа исключены Прибалтика и Польша, где реформа формально не проводилась и где заметную роль играли городские ссудо-сберегательные товарищества.

Особенно заметен перевес доли кооперативов в Нижневолжском районе (72,3% суммарного прироста вкладов приходится на кредитную кооперацию), в Малороссийском (79,3%), Юго-Западном (85,5%), Новороссийском (96,8%), Предкавказском (91,8%). Центрально-Черноземный район занимает в этом смысле промежуточное положение (56,7%)

В совокупности эти факты поворачивают проблему крестьянского благосостояния в совершенно иную плоскость, неизвестную традиционной историографии.

Как можно видеть, выданные ссуды распределялись по стране весьма неравномерно, что отражает различия в степени и характере развития кооперативного движения в отдельных регионах³⁶¹.

При этом накопления крестьян были еще больше, чем показывает статистика. Не нужно думать, что каждую лишнюю копейку крестьяне немедленно несли в сберегательные кассы или кооператив. Недоверие к открытому размещению сбережений оставалось, судя по источникам, весьма сильным*.

С. Н. Прокопович отмечает, что «у крестьян, кустарей, ремесленников и мелких торговцев несомненно есть сбережения, но эти сбережения прячутся от нескромного взора, это – “спящие деньги”, хранимые населением в чулках, мотках ниток, печурках, под стрехою и т.д.

Что сбережения эти действительно имеются, показывает хотя бы рост вкладов в государственных сберегательных кассах. Но разбудить эти сбережения не так-то легко. На юге, например, крестьяне закапывают деньги в полотнах в землю. В Туркестане туземное население совершенно не несет вкладов в кооперативные товарищества. Вообще крестьяне стараются скрыть, сколько у них сбережений. Старообрядцы считают за грех получать проценты на свои деньги и потому предпочитают их хранить дома»³⁶².

---

* Крестьяне нередко опасались вкладывать деньги в новые кредитные кооперативы. Официальный отчет так комментирует данный сюжет: «Лишь на первых порах, пока население не освоилось с организацией народного кредита, не убедилось еще как в безопасности передачи ей своих излишков, так, между прочим, и **в неприкосновенности тайны вкладов**, территориальная близость кредитных учреждений несколько парализуется большей в глазах вкладчиков **возможностью огласки наличности у них свободных средств**, когда последние помещены в своей местной кассе.

На немаловажность этого момента указывает опыт устройства государственных сберегательных касс при волостных правлениях. Возможно также, что в числе причин слабого развития вкладной операции в сословно-общественных кассах старой формации, построенных на основе общего крестьянского управления, нашел себе место и указанный момент – **опасения податных требований**, связанные с близостью к счетам кредитной организации органов местной власти. В дальнейшем, однако, известные из практики мелкого кредита случаи, когда вкладчики без всяких иных видимых и объективных оснований помещают деньги не у себя в селе, а вне его и иногда довольно далеко, должны встречаться реже» (Отчет мелкому кредиту за 1910 и 1911 гг. с главнейшими данными за 1912 год. Пг., 1914. С. 78).

Вместе с тем о размерах народных доходов можно судить по существенному росту таких интегрированных показателей, как транспортировка грузов, как акцизные доходы, особенно питейный и сахарный.

Так, за годы реформы стоимость вывезенных хлебов составила 4664,7 млн руб., а с добавлением семян и жмыхов, которые, строго говоря, не относятся к хлебам, – 5170,4 млн. руб. Однако за те же 8 лет питейный доход казны составил 6460,5 млн. руб., что на 38,5% больше первой цифры и на 25,0% – второй.

В то же время за 1895–1913 гг. душевое потребление сахара в России выросло более чем вдвое, а за 1906–1913 г. – на треть³⁶³.

Итак, мы вправе сделать следующий вывод: поскольку в конечном счете весь смысл преобразований Столыпина сводился к тому, что обретенная

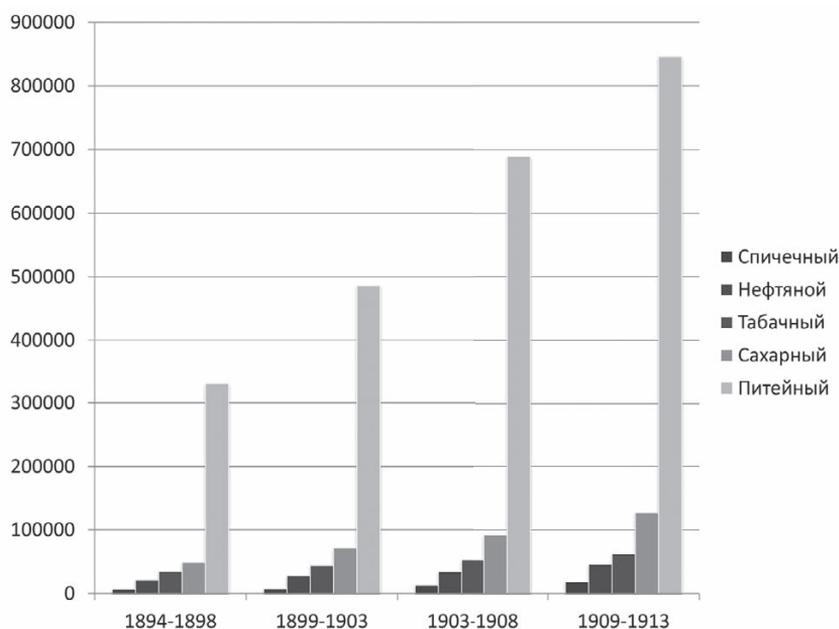

Диаграмма 28. Средние акцизные доходы по пятилетиям за 1894–1913 гг. (млн. руб.)

свобода позволит поднять благосостояние деревни, увеличить крестьянский достаток, постольку мы можем констатировать бесспорный успех преобразований в деле преодоления аграрного перенаселения.

Вместе с тем безусловный рост жизненного уровня крестьянства – очень важное, но не единственное свидетельство успешного решения этой огромной проблемы. Вторая группа фактов связана с переменами, связанными со

структурой занятости и рынком труда. Особое значение для подтверждения успешного развития аграрной реформы имеет бесспорный факт рост зарплаты сельскохозяйственных рабочих-отходников в 1906–1913 гг. Цены на труд **всех категорий** работников во **все периоды** сельскохозяйственных работ **повсеместно** увеличиваются³⁶⁴.

Это однозначно прослеживается и по отдельным губерниям, и по экономическим районам, в том числе и по главному рынку сельскохозяйственных рабочих – Новороссии, куда десятилетиями в первую очередь шел избыток рабочей силы из северно-черноземных губерний, в силу чего именно этот рынок всегда был своего рода камертоном ситуации в районе аграрного кризиса.

Рассмотрим данный сюжет подробнее.

Начало реформы Столыпина разделило историю отхода в степные губернии в конце XIX – начале XX вв. на время «до» и «после».

В 1888–1906 гг. число отходников росло, однако их заработная плата падала. В годы 1907–1912 гг., напротив, пришлых рабочих во всех районах их традиционного притяжения становится намного меньше, а оплата их труда, соответственно, возрастает.

В конце XIX – начале XX вв. действовало два главных фактора увеличения отхода. Это, во-первых, рост числа свободных рабочих рук там, где земли не хватало и где в то же время перманентно сокращалась площадь помещичьих экономий, в которых местное население привыкло зарабатывать. А во-вторых, периодические недороды в местностях, поставлявших наибольшее количество сельхозрабочих.

Пятилетие 1893–1897 гг. – время после голода 1891–1892 гг., включившее также неурожай 1897 г., – дало максимальный прирост пришлых рабочих. Впоследствии число отходников увеличивалось не столь интенсивно. Источники связывают это отчасти со строительством Транссиба и началом организованного переселения, захватившего, прежде всего, безземельных и малоземельных крестьян, т.е. как раз ту часть населения, которая давала максимальный процент отходников.

Совершенно иной характер имеет период 1907–1912 гг., в течение которого число рабочих неуклонно падало, что начало вызывать серьезную тревогу у помещиков. В осмыслении этого феномена главные источники – земские материалы и анкетное обследование «Торгово-промышленной газеты», проведенное в 1912–1913 гг. – полностью совпадают³⁶⁵.

Они выделяют три основных причины падения количества приходящих рабочих:

- 1) подъем переселенческого движения;
- 2) действие законов 9 ноября 1906 г. и 14 июня 1910 г. и
- 3) рост заграничного отхода.

Два первых фактора в корне изменили сам характер отходничества, как и всей аграрной сферы народного хозяйства Империи.

Мобилизация надельных земель, уменьшение плотности населения, благодаря переселению в Сибирь, уходу в города и в промышленность, покупка земли у Крестьянского банка, «массовый переход на хутора и отруба», сопровождавшийся внедрением трудоемких интенсивных культур, взрывное развитие кооперации позволили крестьянам занять значительную часть «недогруженных» рабочих рук в собственном хозяйстве.

У людей появились серьезные стимулы к удержанию свободной рабочей силы на местах.

Так, например, в Новгородской губернии, дающей более или менее типичную для большинства регионов Европейской России общую картину мобилизации наделов, покупателями наделов стали двory, у которых не хватало своей земли, однако был избыток рабочей силы и инвентаря. До реформы этот избыток тратился на обработку помещичьих полей, а после 9 ноября «массовое предложение надельной земли по крайне дешевой цене дало им возможность расширить собственное землевладение, которое теперь и поглощает их рабочую силу, что является уже чистой потерей для землевладельцев. Кроме того, среди покупателей довольно много безземельных (11,5%), часть которых также работала в экономиях»³⁶⁶.

Отход из губерний Северо-Запада, возраставший в первые годы XX в. по мере убыли лесных заработков, после 9 ноября 1906 г. стал сокращаться, поскольку ГУЗиЗ развернул в этом регионе, прежде всего в Полесье, гидротехнические работы.

Уменьшился отход из Юго-Западных губерний, благодаря «травосеянию с целью получения семян, винокурению, вызывающему усиленные посевы картофеля, расширяющимся посевам свекловицы»³⁶⁷.

Из Рязанской, например, губернии сообщали, что «отход на заработки уменьшается с каждым годом из-за развития в нашей местности “сенного дела” – стали улучшать луга, прессовать сено», «переходят на отруба, заводят разное хозяйство, например, молочное, и целый год заняты». В то же время в Курской и Воронежской отмечают влияние «яичного дела» и «свекловицы», которую начали сеять местные помещики и которая требует многих рабочих³⁶⁸.

В Орловской, Саратовской и Черниговской губерниях фиксируется падение отхода «за счет безземельных и малоземельных крестьян», а также и «многосемейных дворов». Следовательно, покупателями надельной земли, хуторянами и отрубниками стали, в числе прочих, и те двory, которые раньше вынуждены были искать заработка на стороне.

«Многосемейные дворы, имеющие 2–3 полных рабочих, да 1–2 полурабочих, из года в год посылали в Новороссию 1–2 полных рабочих и 1 полурабочего (бабу или подростка-парня), а теперь, смотришь, уходит 1 полный рабочий, а есть, и немало, которые совсем прекратили посылать работников на сторону, потому своей работы хватает» (Черниговская губерния); «С переходом на хутора и на отрубное хозяйство меньше стало отходить на заработки за Волгу, потому что там, где раньше одному работнику в семье работы на своем поле хватало, теперь вся семья занята...» (Саратовская губерния); «Раньше, бывало, откроется весна, отбоя не было от рабочих, а нынче с отрубями, да хуторами, сам ищешь, не наищешься...» (Орловская)³⁶⁹.

Многосемейные дворы, в процентном отношении давшие наибольшее падение числа отходников, благодаря реформе получили возможность оптимального использования своей рабочей силы у себя дома.

Характерно, что изменился и состав сельскохозяйственных рабочих в том смысле, что значительно сократилось число полурабочих, несущих всю тяжесть уборки сена и жатвы.

Не могло не повлиять на величину отхода и переселенческое движение, захватившее в массе самые работоспособные небогатые семьи, не утратившие интереса к сельскому хозяйству. Влияние это выразилось, с одной стороны, в прямом отливе рабочих рук из районов выхода переселенцев, а с другой, в соответственном увеличении там же емкости рабочего рынка. Статистика позволяет говорить о том, что после 1906 г. рост числа переселенцев из определенных губерний сопровождается более или менее соответствующим падением количества отходников. Ответы анкеты отмечают, что «переселение не только сократило количество отхожих сельскохозяйственных рабочих, но и на местах стал ощущаться из-за переселения недостаток в рабочих руках», притом, что выделенные из состава общины крестьянские земли также потребовали дополнительных трудовых усилий и инвентаря³⁷⁰.

Наконец, сокращению отхода серьезно способствовали дальнейшая индустриализация и урбанизация страны, которые стали оттягивать значительную часть той рабочей силы, которая раньше занималась только сельскохозяйственным трудом.

Источники отмечают, что «тяга крестьян из западного и северного района на сторонние заработки изменила свое направление – раньше она имела главное русло на юг, в степи Днепра, Дона, Кубани и Волги, а теперь разбилась на многочисленные тракты, ведущие к фабрикам и в города»³⁷¹. «Раньше парень по достижении 18–20 лет брал косу на плечи, да шагал в донские, либо херсонские степи, а ныне гармонию подмышку, да на фабрику, либо завод какой-нибудь» (Черниговская)³⁷²; «Бывало, из года в год в экономию приходили рабочие из одних и тех же деревень, не опасались, что без рабочих оста-

немся, а теперь явится артель, и все новички; начнешь спрашивать: где тот-то и тот-то – кто в дворники, кто на фабрику... Опять начинай учить около машин...» (Мелитопольский уезд)³⁷³.

Особое место в истории мобильности населения России в конце XIX – начале XX вв. занимает отъезд крестьян на заработки за границу, который фиксируется, как говорилось, уже в 1890-х гг. С началом реформы он стал возрастать, благодаря отмене ограничений в передвижении крестьян.

Все больше потенциальных отходников выбирало вместо привычных районов отхода летнюю работу за границей, преимущественно в Пруссии и Галиции, а также в Америке, но в этом случае уже не менее, чем на 2–3 года.

По официальной германской статистике, Россия накануне Первой Мировой войны стала главным поставщиком сельскохозяйственных рабочих в Германию, которая нуждалась в иностранных рабочих из-за прогрессирующей урбанизации.

Динамика процесса выглядит следующим образом. Если в 1890 г. было зарегистрировано 17,3 тыс. русских рабочих, то в 1900 г. – уже 120 тыс., в 1904 г. – 160 тыс., в 1908/9 г. – 228,4 тыс., в 1909/10 г. – 260 тыс., а в 1910/11 г. – 281,4 тыс. Сельскохозяйственные рабочие из России составляли более 40% всех германских сельскохозяйственных рабочих³⁷⁴.

Район отлива сельхозрабочих охватывал как западные пограничные местности, так и внутренние губернии Северо-Западного края, Малороссии (Черниговскую) и Новороссии (Бессарабская).

Заработки были хорошие – каждый рабочий приносил домой, как минимум, 50–100 руб., что в России бывало не слишком часто из-за отсутствия правильно организованного сельскохозяйственного рабочего рынка. Характерны отзывы: «Работа в заграничных экономиях хотя и тяжелая или, как говорят рабочие, строгая, но зато верная и определенная, а главное – хорошо оплачивается»; «Тяжко рабочим в Пруссии, а выгодно»³⁷⁵.

Еще привлекательнее были условия в Америке, где русский чернорабочий в среднем зарабатывал 10 долларов в неделю, т.е. почти 100 руб. в месяц. Ушедшие на заработки в США высылали на родину до 300–500 руб. в год, а иногда и больше. «И это настолько импонирует ... что уход за океан обещает принять массовый характер»; «Раньше волость выдавала 2–3 паспорта на отъезд в Америку, а теперь десятками»³⁷⁶. Характерно, что в ссудо-сберегательных кассах некоторых волостей Ковенской, Виленской и Минской губернии был открыт особый кредит на выдачу денег на проезд в Америку в размере 50–100 р.

«Американцы», как называли крестьяне таких односельчан, за 2–3 года зарабатывали немалые для деревни суммы и становились «экономически устойчивыми хозяевами», поскольку вливали в свое хозяйство не менее 500–800 руб., нередко и больше³⁷⁷.

Я останавливаюсь на всем, что связано с рынком труда, так подробно потому, что **именно данная информация является чрезвычайно весомым доказательством успеха реформы в деле преодоления кризиса аграрного перенаселения.**

Заработки на стороне – самое зримое свидетельство аграрного перенаселения (или любого иного), т.е. трудности или невозможности для человека заработать деньги там, где он живет; в наши дни данный тезис иллюстрируют, увы, трудовые мигранты из республик бывшего СССР.

И если в условиях стабильного денежного курса число пришлецов сокращается, то это ясное доказательство того, что теперь у них есть другие – и не худшие – возможности для приложения своих трудовых усилий.

СТАТИСТИКА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫХ ПЕРЕВОЗОК

Представляется уместным рассмотреть сейчас данные транспортной статистики как одного из важнейших индексов развития народного хозяйства.

Ф. Бродель писал, что «перевозки – необходимое завершение производства; когда они ускорялись, все шло хорошо или улучшалось. Для Семена Воронцова, посла Екатерины II в Лондоне, рост английского процветания (выражало) движение по дорогам, которое за пятьдесят лет увеличилось самое малое впятеро»³⁷⁸.

Эти мысли особенно актуальны для России в силу ее размеров территории. При этом у нас нет статистики гужевых перевозок, статистика речной транспортировки оперирует ограниченным ассортиментом грузов и считается не очень точной*, поэтому данные «Сводной статистики перевозок по русским железным дорогам» обретают особое значение.

Транспортировка товаров по стране – одна из основных форм, в которых материализовывалось функционирование громадного народнохозяйственного организма, тысячи и тысячи торговых контактов, происходивших на пространстве от Владивостока до Варшавы и Одессы, от Петербурга и Архангельска до Баку и Ферганы.

Поэтому железнодорожные перевозки – весьма важный и ясный показатель уровня развития народного хозяйства в каждый данный момент времени, по которому можно судить о динамике развитии промышленности и торговли, о степени товарности сельского хозяйства, о развитии рынка в целом и, соответственно, о динамике покупательной способности населения и др.

Кроме прочего, железнодорожная статистика позволяет улавливать такие изменения конъюнктуры производства и рынка, которые нередко не прослеживаются по другим массовым источникам.

В работе «20 лет до Великой войны» анализу грузового и пассажирского движения в 1894–1913 гг. посвящена глава 6 (С. 322–358), в которой, в частности, показана связь между реформой Столыпина и промышленным подъемом 1909–1913 гг. – какой она видится в свете перевозок основных народнохозяйственных грузов.

Я проанализировал 135 динамических рядов, почти на 90% включающих сведения о перевозке народнохозяйственных и потребительских товаров за 1894–1913 гг.**, содержащиеся в «Сводной статистике».

---

* Впрочем, мой анализ транспортировки хлебных грузов в порты Черного и Азовского морей в 1893–1913 гг. показал обратное (Давыдов М. А. Всероссийский рынок... издание 2-е дополненное. С. 813–887).

** Только с 1894 года имеются данные о перевозках всех товаров.

Для каждого показателя вычислялись средние ежегодные приросты, полученные при построении линейных трендов указанных динамических рядов.

Из 135-ти трендов отрицательную величину имеют лишь три: экспорт ржи и экспорта овса, в среднем ежегодно уменьшавшихся на 2742 тыс. пуд. и на 193 тыс. пуд соответственно, а также перевозки керосина (–440 тыс. пуд.). Остальные 132 динамические ряда имеют отчетливо выраженную положительную тенденцию. Из привлекаемых дополнительно данных о транспортировке 30-ти грузов за 1901–1913 гг. отрицательный тренд (–3,45 тыс. пуд.) зафиксирован только у перевозок пряностей.

В 2016 г. я в соответствии с поставленной задачей делил 1894–1913 гг. на три периода – 1894–1900 гг. (основная часть промышленного подъема 1890-х гг.), 1901–1908 гг. (годы кризиса и депрессии) и, наконец, предвоенный подъем 1909–1913 гг.

В этой книге я специально выделяю время реформы Столыпина, поэтому первый период охватывает 1894–1905 гг., а второй – 1906–1913 гг. и, как и прежде, сравниваю среднегодовые показатели по каждому из них

Напомню, что транспортировка всех грузов (кроме перевозимых поштучно) по русским железным дорогам выросла с 2 486 562 тыс. пуд. в 1894 г. до 7 984 459 тыс. пуд. в 1913 г., т.е. в 3,2 раза, в то время как длина железнодорожной сети увеличилась с 32 673 км в 1894 до 69 179 км в 1913 г., т.е. в 2,1 раза.³⁷⁹

За 1906–1913 гг. перевозка всех грузов по абсолютной величине выросла на 62,4%), а длина сети – на 16,0%. При этом среднегодовые показатели увеличились с 3602 до 6119 млн. пуд., т.е. на 69,9%.

Таблица 18 подтверждает высказанные выше соображения о росте внутреннего хлебного рынка, об уменьшении вывоза главных крестьянских хлебов – ржи и овса, о росте акцизов как показателей подъема благосостояния населения.

Таблицы 18 и 19 показывают значительный рост среднегодовых показателей перевозок подавляющего большинства грузов, что говорит о поступательном развитии народного хозяйства России – и отраслей группы А, производящих средства производства, и отраслей группы Б, производящих предметы потребления, а также сельского хозяйства и обрабатывающей сельскохозяйственной промышленности. Исключение – кризис в нефтяной промышленности, начавшийся в Баку после революции 1905 г.

В той мере, в какой железнодорожные перевозки являются отражением состояния промышленности, сельского хозяйства и торговли в стране с рыночной экономикой, информация таблиц 18 и 19 говорит о значительном прогрессе народного хозяйства страны как в 1894–1913 гг., так и в 1906–1913 гг. Все отрасли народного хозяйства страны, исключая нефтяную, развивались весьма интенсивно.

Перевозки главных хлебов, стоимость хлебного экспорта и акцизные доходы в 1894–1913 гг. (тыс. пуд., тыс. руб. и %)

	Сумма за 1894–1905	Сумма за 1906–1913	Средние за 1894–1905	Средние за 1906–1913	Сумма за 1906–1913, принимая 1894–1905 за 100%	Средние 1906–1913, принимая средние 1894–1905 за 100%
РОЖЬ						
урожай	15005324	10222525	1250444	1277816	68,1	102,2
экспорт	1023669	397663	85306	49708	38,8	58,3
остаток	13981655	9824862	1165138	1228108	70,3	105,4
перевозки	1839853	1480405	153321	185051	80,5	120,7
ПШЕНИЦА						
урожай	8888631	7804527	740719	975566	87,8	131,7
экспорт	2502261	1809455	208522	226182	72,3	108,5
остаток	6386370	5995072	532198	749384	93,9	140,8
перевозки	4147018	4273093	345585	534137	103,0	154,6
ЯЧМЕНЬ						
урожай	4430499	4356089	369208	544511	98,3	147,5
экспорт	1284565	1577832	107047	197229	122,8	184,2
остаток	3145934	2778257	262161	347282	88,3	132,5
перевозки	697326	953989	58111	119249	136,8	205,2
ОВЕС						
урожай	8235798	6378068	686317	797259	77,4	116,2
экспорт	790593	457158	65883	57145	57,8	86,7
остаток	7445205	5920910	620434	740114	79,5	119,3
перевозки	1396168	1156149	116347	144519	82,8	124,2

	Сумма за 1894–1905	Сумма за 1906–1913	Средние за 1894–1905	Средние за 1906–1913	Сумма за 1906–1913, принимая 1894–1905 за 100%	Средние 1906–1913, принимая средние 1894–1905 за 100%
ГЛАВНЫЕ ХЛЕБА						
урожай	36560252	28761209	3046688	3595151	78,7	118,0
экспорт	5601088	4242108	466757	530264	75,7	113,6
остаток	30959164	24519101	2579930	3064888	79,2	118,8
перевозки	8080365	7863636	673364	982955	97,3	146,0
Хлебный экспорт (тыс. руб.)	4654691	4664718	387891	583090	100,2	150,3
Экспорт семян и жмыхов (тыс. руб.)	535674	505648	44640	63206	94,4	141,6
Хлебный экспорт с семенами и жмыхами	5191365	5170366	432614	646296	99,6	149,4
Питейный доход (тыс. руб.)	5296197	6460504	441350	807563	122,0	183,0
Сахарный доход (тыс. руб.)	762448	938267	63537	117283	123,1	184,6
Табачный доход (тыс. руб.)	490375	483675	40865	60459	98,6	147,9
Нефтяной доход (тыс. руб.)	311842	337532	25987	42191	108,2	162,4
Спичечный доход (тыс. руб.)	93036	141393	7753	17674	152,0	228,0

Источники: Урожай 189...года. Спб.; Ежегодник Министерства финансов на 189.. год Спб.; Отчет Главного Управления неокладных сборов и казенной продажи питей за 1913 г. Пг., 1914. С. 14; Обзор внешней торговли России по европейской и азиатской границе за 189... год. СПб; Сводная статистика перевозок по русским железным дорогам за 189... год. СПб.

Перевозки основных народнохозяйственных грузов в 1894–1913 гг. (тыс. пуд.)

	Сумма перевозок 1894–1905	Сумма перевозок 1906–1913	Средние за 1894–1905	Средние за 1906–1913	Сумма перевозок 1906–1913, принимая 1894–1905 за 100%	Средние 1906–1913, принимая средние 1894–1905 за 100%
ПЕРЕВОЗКИ						
Все товары, кроме поштучных	43223730	48948796	3601978	6118600	113,2	169,9
Продукция группы А						
Каменный уголь	7634288	9872420	636191	1234053	129,3	194,0
Все минеральные масла	2913382	1995087	242782	249386	68,5	102,7
Керосин	1261342	696882	105112	87110	55,2	82,9
Руда	2200434	3085861	183370	385733	140,2	210,4
Чугун, железо и сталь не в деле	1365767	1669758	113814	208720	122,3	183,4
Железные изделия	789731	815783	65811	101973	103,3	154,9
Цветные металлы	85005	84086	7084	10511	98,9	148,4
Подвижной состав	372286	306206	31024	38276	82,3	123,4
Продукция химической промышленности	325163	381432	27097	47679	117,3	176,0
Минеральные удобрения	117746	213783	9812	26723	181,6	272,4
Все стройматериалы	3552457	3901720	296038	487715	109,8	164,7
Цемент	322444	466757	26870	58345	144,8	217,1
Лесные стройматериалы	3434209	4270812	286184	533852	124,4	186,5
Бочарные изделия	69383	81629	5782	10204	117,6	176,5
Приборы, часы, аппараты	15882	18172	1324	2272	114,4	171,6
Сельхозмашины и орудия	98939	187014	8245	23377	189,0	283,5

	Сумма перевозок 1894–1905	Сумма перевозок 1906–1913	Средние за 1894–1905	Средние за 1906–1913	Сумма перевозок 1906–1913, принимая 1894–1905 за 100%	Средние 1906–1913, принимая средние 1894–1905 за 100%
Машины, кроме сельскохозяйственных	138081	164478	11507	20560	119,1	178,7
Стекло и стеклянные изделия	184978	225180	15415	28148	121,7	182,6
Ламповый товар	5910	6043	493	755	102,3	153,1
Фарфор, фаянс и изделия из них	31081	32497	2590	4062	104,6	156,8
Продукция группы Б						
Табак и табачные изделия	117747	116171	9812	14521	98,7	148,0
Спирт винный	145537	163749	12128	20469	112,5	168,8
Сахарные грузы	795350	919541	66279	114943	115,6	173,4
Чай	72347	81041	6029	10130	112,0	168,0
Вина виноградные	80894	80914	6741	10114	100,0	150,0
Пиво	137655	214753	11471	26844	156,0	234,0
Водки, ликеры и др. крепкие напитки	77450	64813	6454	8102	83,7	125,5
Вода минеральная	16520	26227	1377	3278	158,8	238,1
Резина, каучук и изделия из них	18909	22519	1576	2815	119,1	178,6
Кожи и шкуры, кроме мехов	107674	131009	8973	16376	121,7	182,5
Пряжа и нитки	123753	118213	10313	14777	95,5	143,3
Хлопок	259175	249195	21598	31149	96,1	144,2
Мануфактура	414538	370226	34545	46278	89,3	134,0
Книжный товар	13650	19330	1138	2416	141,6	212,3
Бумага и картон	152273	189570	12689	23696	124,5	186,7
Платье готовое и белье	21638	24489	1803	3061	113,2	169,8
Галантерейный и мелочный товар	22443	20342	1870	2543	90,6	136,0
Мыло	38123	46676	3177	5835	122,4	183,7
Свечи	20573	15301	1714	1913	74,4	111,6

Спички	25879	26354	2157	3294	101,8	152,7
Канцелярские принадлежности	6100	7702	508	963	126,3	189,6
Игрушки	2453	2716	204	340	110,7	166,7
Обувь, кроме резиновой	11493	13641	958	1705	118,7	178,0
Продукция сельского хозяйства						
Семена всего	467789	498176	38982	62272	106,5	159,7
Солод	23658	24619	1972	3077	104,1	156,0
Жмыхи	207235	251622	17270	31453	121,4	182,1
Крахмал и мука картофельная	35735	45975	2978	5747	128,7	193,0
Лен всего	186815	172755	15568	21594	92,5	138,7
Пенька всего	68529	59941	5711	7493	87,5	131,2
Масла семенные	140030	171539	11669	21442	122,5	183,8
Фрукты, плоды, ягоды свежие	145821	198240	12152	24780	135,9	203,9
Овощи и фрукты обработанные	63414	65899	5285	8237	103,9	155,9
Овощи свежие	937387	1492357	78116	186545	159,2	238,8
Хмель	3822	3743	319	468	97,9	146,7
Животные, сумма (тыс. голов)	24874,8	24660,6	2073	3083	99,1	148,7
Рис	44790	57598	3733	7200	128,6	192,9
Рыбные грузы	381707	430428	31809	53804	112,8	169,1
Мясо, битая птица и дичь	129378	142918	10782	17865	110,5	165,7
Яйца	112543	115426	9379	14428	102,6	153,8

Источник: Сводная статистика перевозок по русским железным дорогам за 1903 год. Вып. 52. СПб., 1905; Сводная статистика перевозок по русским железным дорогам за 1913 год. Вып.54. СПб., 1915.

* Мука пересчитана в зерно, исходя из норм того времени: для ржи выход муки принимается за 90%, для пшеницы – 75%.

Следовательно, можно уверенно констатировать рост не только производства, но и народного потребления – перевозки потребительских и продовольственных товаров в течение рассматриваемого периода неуклонно увеличиваются.

Периодический пересмотр тарифной номенклатуры нередко не позволяет прямо вычленить перевозки ряда важных грузов за все время разработки «Сводной статистики». О некоторых из них мы можем судить лишь с 1901 г., в том числе о тех, которые непосредственно находятся в поле действия реформы*.

Поэтому в таблице 20 в некоторых случаях средние за 1906–1913 сопоставляются со средними за 1901–1905 гг.

Таблица 20

**Детализация перевозок ряда сельскохозяйственных и потребительских грузов
(тыс. пуд.)**

	Средние перевозки за 1894–1905 или 1901–1905	Средние перевозки за 1906–1913	Средние 1906–1913 к средним предыдущего периода
Минеральные удобрения	9812	26723	272,3
Сельхозмашины и орудия	8245	23377	283,5
Арбузы и дыни	4135	7268	175,8
Капуста	2935	6073	206,9
Картофель	20736	44302	213,6
Лук	2565	3995	155,8
Огурцы	1417	2504	176,7
Свекловица и свекла	44820	118740	264,9
Овощи с большой и пасс. скоростью	973	2679	275,3
Яйца	9379	14428	153,8
Масло подсолн., конопл., льн.	9328	16715	179,2
Яблоки*		6299	11977
Абрикосы, персики и сливы*	763	1201	157,5
Груши*		810	1098
Ягоды*		950	1392
Масло сливочное*	5332	7418	139,1

* Транспортировка таких важных для оценки реформы Столыпина грузов, как «свежее молоко и сливки», с приемлемой полнотой начала учитываться лишь с 1912 г.

	Средние перевозки за 1894–1905 или 1901–1905	Средние перевозки за 1906–1913	Средние 1906–1913 к средним предыдущего периода
Посуда чугунная и эмалирован.*	1373	1757	128,0
Посуда железная цинкованная*	604	1396	231,1
Ремесленные инструменты*	575	953	165,7
Скобяной и ножевой товары*	785	1358	173,0
Болты, кроме рельсовых*	2135	3233	151,4
Гвозди всякие*	5080	7043	138,6

* Приводятся среднегодовые перевозки за 1901–1905 гг.

Источники: см. источники к таблице ...

В общине держать сад и огород было делом достаточно рискованным из-за непрерывных краж*. Ситуация, как мы видели, менялась с переходом к единоличному хозяйству, и рост транспортировки овощей и фруктов подтверждает это. Среднегодовые перевозки лука увеличились в 1,6 раз, арбузов и дынь, а также огурцов – в 1,8 раз, капусты и картофеля – в 2,1, свекловицы и овощей большой и пассажирской скоростями (прежде всего зелени) – в 2,7 раза. «Фруктовые» показатели несколько скромнее из-за меньшего периода сравнения – ясно, что средние за 1894–1905 гг. были бы ниже средних за 1901–1905 гг. Тем не менее, прогресс налицо.

То же относится и к сливочному маслу, и к предметам домашней утвари. Впрочем, рост популярности оцинкованной посуды впечатляет.

Наконец, отмечу, что если в 1894–1905 гг. в среднем за год в пределах России совершалось 43 377 тыс. поездок по пассажирским тарифам I–IV классов, и 35 222 тыс. поездок по пригородным тарифам I–III классов (они начались с 1895 г.), то за 1906–1913 гг. эти показатели составили 97 973 и 53 984 тыс. Рост соответственно – в 2,26 и 1,53 раза.

То есть население стало ездить по своей стране намного больше и, как показано в 2016 г., дальше³⁸⁰.

* Пункт Е программы Особого совещания предполагал рассмотрение проблем «Охраны сельскохозяйственной собственности (мер к устранению земельных захватов, к сокращению порубок, конокрадства, воровства в фруктовых садах и продуктов с полей и огородов, порчи деревьев и т.п.)»

О тех, кто доказывал теорему Столыпина

Менее всего я хотел бы, чтобы данный текст о аграрной реформе воспринимался как некий бравурный отчет, или как рассказ о том, что, плоды почти двухвекового насаждения аграрного коммунизма вдруг исчезли, условно говоря, в Рождественскую ночь.

Мой подход к этой проблематике, сформировавшийся за десятилетия ее изучения, не раз декларированный в моих работах, весьма близок к тому, который был заявлен в предисловии к своей книге «Новые крестьянские хозяйства в Пензенской губернии» священником Н. Ф. Быстровым*.

Вот как автор описывает то душевное настроение, свои мысли и чувства, с которыми он сел за перо. Он – уроженец Пензенской губернии, проведший в деревне большую часть своей жизни, живший «ее радостями» и «скорбями», знающий ее, понимающий «мужика, его психологию и жизненный уклад» и умеющий разговаривать с ним.

Поэтому, постулирует Николай Федорович, его текст будет «не мимолетным впечатлением» и тем более, «не партийным выступлением».

Он будет говорить лишь о том, что «составляет плод долголетних наблюдений над деревней, что выношено было в душе в лучшую пору ее жизни и что теперь, современными условиями деревенской жизни, лишь подтверждается или опровергается». И он обещает по мере сил быть беспристрастным, «считаясь только с фактами».

Вообще, замечает Быстров, «однобокость, партийность, канцеляризм и трафаретность надоели до тошнотворности», и ссылка на то, что «теоретическое споры – родовая особенность славянского племени», даже если она и справедлива, никак не помогает «делу познания родины».

Он вспоминает, что когда-то Ф. М. Достоевский отмечал у русских юношей две «отличительные черты»: «полнейшее невежество и чрезмерное самомнение», и считает, что эта характеристика в определенной мере приложена и современной журналистике.

«И у нас часто с пеной у рта спорят о превосходстве общины пред единоличным владением, не зная ни той, ни другого, никогда даже не побывавши в деревне. “Так нужно”, “таков момент”, – вот что руководит партиями, а отнюдь не истина, не беспристрастное исследование фактов».

Только на почве партийности и абсолютного незнания деревенской жизни, могут возникать такие метаморфозы, какие мы видим в изобилии около вопроса об общине и единоличном владении»³⁸¹.

---

* Кошелева А. И. Пензенский священник Н. Ф. Быстров: пастырь, краевед, публицист. // www.gramota.net/materials/3/2016/12-1/30.html. Дата обращения 24.06.2021

Быстров не станет уподобляться тем, кто прежде выступал против общины, а теперь уверяет, что в ней «спасение России», и делает это только потому, что правительство выдвинуло принцип единоличной собственности.

Автор обещает, что будет «говорить только так, как сам выносил, в своей душе пережил». «Общину я видел», – продолжает он, – «в продолжение 30-ти лет, и идиотизм ее в определенном смысле чувствовал всеми фибрами своего существа.

В новом единоличном владении, в хуторском хозяйстве вижу залог новой, свободно – творческой крестьянской жизни.

В первой – застой, угнетение, рабство и дела, и мысли.

Во втором – бесконечные горизонты трудовой, светлой, радостной деятельности.

Мои симпатии на стороне свободного труда и личной инициативы.

В общину, в эту темную область пьянства, рутины, – область душевного крепостничества и развращения, пусть идут те, кто желает»³⁸².

Но это не означает, что в своей книге он будет закрывать глаза на плюсы общины или будет скрывать минусы единоличного и хуторского хозяйства.

«"Мир" работал очень долгое время и несомненно, лучшие его силы, воспользовавшись благоприятными условиями, кое-что делали и сделали.

Мы отметим это, хотя и уверены, что, будь эти силы единоличными собственниками, они сделали бы несравненно больше.

С другой стороны, хуторяне и отрубники – явление только что рождающееся. В их положении много недоговоренного, недоделанного, даже не определившегося. Получить отруб, даже поселить на хуторе – не значит зажить в земном раю.

Укрепление, выделение, хутор – только первые этапы новой жизни.

За ними должны следовать улучшенные способы обработки, улучшенные культуры хлебов, подъем образования, улучшение экономической и социальной жизни.

Землеустройство – половина реформы. Вторая часть ее – интенсивное землепользование. Перспективы этой стадии крестьянского хозяйства неотъемлемы ни по времени, ни по количественному масштабу»³⁸³.

Однако, не сомневаясь в том, что единоличное владение – «выход к новой жизни», Быстров не намерен закрывать глаза на трудности этого выхода, на то, сколько труда, сколько забот, не говоря о необходимом стечении благоприятных обстоятельств (например, ряда урожайных лет) «требуется это новое рождение новой жизни».

И лишь тогда, «когда хуторянин соберется с силами, когда хутор будет иметь свою маленькую "историю", только тогда и можно будет его материальное и бытовое положение и жизнь сравнивать с жизнью общинника.

А не теперь... Теперь на хуторе все в зародыше и в перспективах. Теперь сравнивать одно с другим – значит равнять старика с ребенком. Это несправедливо.

Итак, возможное беспристрастие, верная оценка общинной, поселковой и хуторской жизни с их недостатками и хорошими сторонами – вот наша платформа, с которой мы выступаем пред нашими читателями»³⁸⁴.

И в целом на 340 страницах своей книги Быстров держит это обещание.

Мы встретим у него и первого хуторянина Пензенской губернии, «русского американца» А. А. Лаганова, о котором А. А. Столыпин написал проникновенные строки в специальном очерке³⁸⁵, и других прирожденных хозяев, у которых «все рассчитано и расценено, и которые «смотрят на будущее открытыми глазами и испытания сумеют встретить»³⁸⁶, и производящие пока «убогое впечатление» Соловцовские хутора³⁸⁷.

Именно такой подход мне кажется оптимальным, хотя я не разделяю полностью смысла последнего сравнения автора (община – «старик», единоличное хозяйство – «ребенок»).

Имеющиеся в нашем распоряжении источники показывают чрезмерную строгость этого сопоставления, хотя бы потому, что во многих случаях «детский возраст» хуторов и отрубов не помешал их владельцам заметно увеличить свое благосостояние за счет развития молочного хозяйства, огородничества, птицеводства и других доходных отраслей в степени, которая была недоступна общинникам.

В то же время единоличное хозяйство как уклад сельской жизни России только начиналось, и здесь Быстров совершенно прав.

В связи с этим вновь вспоминаются материалы конкурса Романовых 1913 г. О нескольких лауреатах было сказано выше. Но я не буду считать свою задачу выполненной, если не познакомлю читателей с судьбами еще нескольких выдающихся российских людей начала XX века.

Всегда полезно знать рекордсменов – они маяк, они показатель того, что можно и возможно делать в той или иной сфере.

А благодаря реформе Столыпина в российской деревне равняться теперь начали не на слабейших, а на лидеров.

Вот краткие рассказы о некоторых из них.

Это и история архангельского крестьянина **Николая Федоровича Едемского**, который дослужился в армии до фельдфебеля, потом остался на сверхсрочную, а по возвращении домой «с большой энергией занялся хлебопашеством, мечтая о травосеянии и многополье». Однако «большая чересполосица» в общине не давала ему развернуться, и при первой возможности он в 1910 г. выделил свою землю в личную собственность, свел ее воедино и переселился на нее с семьей из 11-ти человек.

И его энергия нашла выход – за 2 года он успел построиться, обнести изгородью свой хутор, превратил в пашню 1,5 дес. кустарников, выкопал более 200 м осушительных канав, начал правильно удобрять землю, ввел угловое травосеяние, стал применять минеральные удобрения, развел огород, увеличил количество скота и стал готовить шестиполье.

При этом он был кустарем-кожевенником, и его «завод» приносил 300–400 руб. в год³⁸⁸.

Это и история Виленского крестьянина **Казимира Петровича Скерневи-ча**, которому как самому бедному в деревне и достался далеко не лучший хутор площадью 4,7 дес. А ГУЗиЗ широким жестом выдало ему в ссуду пружинную борону, 4 мешка удобрений, 6 пудов элитного картофеля и качественные семена на общую сумму 49 руб. 17 коп.

После это он устроил на своем хуторе шестиполье с посевом кормовых трав, и начал хозяйничать настолько усердно и энергично, что на своих неполных пяти десятинах удобной земли смог не только прокормить семью, но еще и получить излишки на продажу. И глядя на него, говорит автор описания, «многие из окрестных жителей изменили прежние взгляды и убедились, что на 5 десятинах вполне можно существовать и в побочных заработках не нуждаться»³⁸⁹.

Это и история отрубника **Федота Сампсоновича Мошенского** из Богодуховского уезда Харьковской губернии.

В общине, где, по его словам, «и худоба (скот) была дохла, и сами сдыхали», он имел 4,7 дес. в 6 кусках, находившихся на расстоянии от 1–15 верст. При этом земля – хороший и глубокий чернозем – была так истощена и засорена овсюгом, что урожаи упали до минимума, а некоторые полосы едва возвращали семена. Вряд ли здесь оплачивался труд хозяина.

В 1911 г. его общество перешло на отруба, и картина резко изменилась, – хозяйство Мошенского, получившего землю в 3 верстах от усадьбы, из захудалого довольно быстро превратилось в доходное.

Первым делом он пошел к агроному Землеустроительной комиссии с просьбой об улучшенном севообороте. Было выбрано четырехполье. Хотя Мошенский продавал на рынке часть молочных продуктов, капусту и поросят, упор был сделан на полеводстве.

Он строго следовал рекомендациям агронома, тщательно обрабатывал землю, покупал отборные семена, постепенно обзавелся качественным сельхозинвентарем.

И земля воздала ему – на отрубе урожаи выращивавшихся ранее культур повысились в 1,6–3 раза, и появились новые – кормовые свекла, люцерна и вико-яровая смесь. И эти высокие показатели объясняются исключительно пра-

вильной обработкой и уходом за посевом. Качество урожая таково, что часть его продается в Богодуховское общество сельского хозяйства.

Мошенский приобрел авторитет у односельчан, часть которых, вдохновленная его примером, начала постепенно переходить к улучшенным приемам хозяйства. То есть он стал своего рода передаточным звеном между агрономом и крестьянами, что, конечно, было очень важно³⁹⁰.

Один из буквально покоровивших меня героев конкурса – **Евстафий Захарович Высогорец** из Лепельского уезда Витебской губернии.

Он, «бедняк»-общинник, первым выделился из своей деревни на хутор в конце 1910 г., «преодолев единодушное озлобление общины», которая в отместку и в издевку посадила его на худший из возможных участков, «где лишь «овраги да горы», как воспевают его сам владелец в простодушном стихотворении «Хутор»»³⁹¹.

Он* с женой и двумя маленькими детьми оказались на площади в 6,8 дес., из которых для пашни в момент выдела годились лишь 3 дес. Поверхность земли – неровная, с двумя песчаными холмами, один из которых имел очень крутой склон к озеру, «заросший разоренным леском», и четырьмя заболоченными впадинами на полях.

И новый хуторянин сразу же взялся за работу.

Община использовала самый высокий холм для зимнего хранения картофеля, поэтому в нем было вырыто около 100 ям, глубиной до 2,5 аршин. Теперь ям осталось 5, остальные зарыты, и на выровненном месте стоят постройки. Однако большую часть этой земли хозяин сразу распахал.

Озимые на хуторе посеяны в 1911 г., первый урожай яровых и озимых был получен в 1912 г. Летом того же года был закончен перенос строений из деревни на хутор.

Главной заботой хозяина стало полеводство. Площадь пашни выросла в сравнении с первоначальной в полтора раза – до 4,5 дес. за счет леса и холма с ямами. На этой площади Высогорец применил 8-польный севооборот, составленный им самим. Кроме зерновых в севооборот введены клевер, вика, корнеплоды.

Пашню он разбил прямыми линиями на 4 поля, поставив на их границах столбики с обозначением «1-2 поле». «2-3 поле», «3 и 4 поле» и разделив, в свою очередь, каждое поле прямой бороздой на две части. Ежегодно одно поле находится под паром.

Удаленная от деревни запольная земля была сильно истощена, но благодаря настойчивым усилиям владельца и «сознательному» использованию приемов улучшения почвы даже первый урожай на хуторе был выше среднего крестьянского.

* Судя по фотографии, ему примерно 30 лет.

В 1912 г. он получил, согласно записям, урожай ржи сам 10, пшеницы – сам 9,6, шведского селекционного овса – сам 7, в то время как местного овса – сам 3,2 (из-за малой урожайности в 1913 г. его не сеяли).

Уже в первый год полеводство на 4,5 дес., обеспечив его семью нужными продуктами, дало избыток, и часть ржи, овса, картофеля и льна пошла на продажу.

Высокие урожаи – результат многократного рыхления почвы, полки и прореживания, повышенного внесения минеральных удобрений под корнеплоды и картофель.

На сельскохозяйственной выставке в уездном г. Лепеле в 1912 г. Высогорец получил за составленный им севооборот диплом на золотую медаль и диплом на бронзовую медаль за лук, выращенный на хуторе в первый же год.

При этом продолжалось улучшение территории. Полдесятины из двух, находившихся под лесом расчищалась под пашню. Остальную землю с крутым склоном, неудобным для пахоты, и плохой почвой Евстафий Захарович оставил под смешанным лесом (береза, осина и ольха). Его он расчищает и прореживает «по науке», получая от него в первую очередь дрова и поделочный материал. В сообщении отмечается, что «захудалый, разоренный лес за два года ухода за ним в ответ на заботы хозяина ожил и обещает быть ценным».

Хутор начали обсаживать сосной, а также корзиночной и обыкновенной ивой.

Заболоченные впадины на полях площадью 113 кв. саж. были осушены и обращены под сенокос. Автор сообщения говорит, что об этом «при других условиях не стоило бы упоминать, но при настойчивом стремлении владельца использовать всякий клочок земли эта небольшая площадь дает укос, который является заметным прибавлением к кормам, получаемым от полеводства»³⁹².

В данное время в хозяйстве есть лошадь, две коровы, две свиньи, куры, утки – местной породы, причем «животные находятся в хорошем теле». Свиньи содержатся исключительно в хлеву.

В 1912 г. продуктов животноводства и птицеводства (свинины, уток, кур и яиц) было продано на 21 руб.

В саду 21 плодовое дерево (15 яблонь и 6 слив)

Все полевые и другие работы семья выполняет самостоятельно.

В ведении хозяйства Высогорцу серьезно помог кредит в Стрижевском ссудо-сберегательном товариществе, членом правления которого он теперь состоит.

И это не случайно.

В своей деревне он был хуторянином-пионером, первым сознательно ушедшим из общины. Осуждаемый односельчанами он был поставлен ими «в самые неблагоприятные условия».

Однако его упорный труд преобразил безнадежный, казалось бы, участок, и односельцы не могли этого не оценить.

Автор описания констатирует: «Вначале гонимый общиной за измену старине и обреченный в глазах общинников на разорение, теперь он вызывает зависть той же общины. Около половины домохозяев деревни Слободки теперь открыто изъявляют полную готовность выделиться на хутора»³⁹³.

Кстати сказать, хозяин закончил народное училище и имел библиотечку, в которой были не только пособия и руководства по сельскому хозяйству, но и другие книги.

Главная цель хозяйство Высогорца – удовлетворение потребностей семьи. И эта задача была решена всего за два года, на классическом «малоземельном» наделе, на скудной истощенной земле. Причем так успешно, что есть излишек на продажу.

Что тут скажешь?

Помнится, в советское время это называлось трудовым подвигом.

Очень интересна фигура **Захара Яковлевича Люкова**, крестьянина села Нащокина Бобровского уезда Воронежской губернии. За строками описания его жизни и хозяйства ясно ощущается какое-то негромкое обаяние.

Семья Люковых, безусловно, не слишком типична для русской деревни. Столыпинскую реформу она как бы выстрадала заранее.

Автор описания говорит, что «выгоды единоличной формы землевладения еще задолго до выдела отруба Люкова уже сознавались отцом его Яковом.

Будучи сельским старостой Нащокинского общества, Я. Люков много раз поднимал вопрос об упорядочении владения землей и за свой поход против общинного уклада в конце концов поплатился жизнью: был убит односельчанами.

Свой завет, свое стремление к освобождению он передал своему сыну, владельцу описываемого отрубного участка – тихому, скромному, но упорному и трудолюбивому работнику, настойчивому в достижении своих целей. Закон 9 ноября дал Люкову право и возможность осуществить мечту отца и свое желание»³⁹⁴.

В семье было 2 мужчин (36* и 6 лет) и 7 женщин (80, 35, 15, 11, 9 и 2 лет), то есть 2 работника, 2 полурабочих и 5 неспособных к труду. Грамотными были сам хозяин и 3 его старшие дочери.

Люков владел 15,5 дес., из которых усадьба в селе Нащокине занимала 0,7 дес. (цена построек 370 руб.), леса и лугов в общественном пользовании – 1 дес. в 15 верстах и 13,7 дес. пашни, из которой 1,2 дес. еще оставались в общине и использовались независимо от отруба.

* Исходя из этого, Люков был 1887 г. рождения, а его отец – возможно, 1860-х гг. или несколько раньше.

Отруб был укреплен в 1910 г., а выделен в 1911 г.

Лиственный лес годился для мелких хозяйственных надобностей. Поскольку луг, дающий урожайность 80–100 пуд с десятины, находится в пользовании общины, никакого ухода за ним нет и не предвидится.

К агрономической литературе Люков приобщился еще до выхода на отруб. Он очень хотел улучшить свое хозяйство, но понимал, что знает недостаточно.

Решив заняться пчеловодством, он выписал «на свои трудовые деньги» книгу за 2,5 руб. из Петербурга и «целый год преодолевал книжные мудрости», после чего первым в своем районе занялся рамочным пчеловодством. Начал он с двух ульев, а теперь их было 20³⁹⁵.

Пионером он был и области правильного полеводства. Улучшать свое хозяйство он начал сразу же по получении отруба, причем в тесном контакте с агрономами, чьи рекомендации он неукоснительно исполнял.

Сразу же установил четырехполье с 8-летним чередованием растений и пятым клином с многолетними кормовыми травами.

Земля обрабатывалась самым тщательным образом, и урожайность ржи в 1912–1913 гг. составила 187–140 пуд., подсолнуха – 100–120 пуд., картофеля – 1000–1450, проса – 100 пуд., в полтора-два раза превышая средние сборы в других хозяйствах Бобровского уезда³⁹⁶.

В работе он пользовался машинами и орудиями с прокатного пункта, которым заведует, и своими двумя лошадьми.

Пользовательный скот состоит из коровы швицкой породы, телки и 5 овец. Люков чистит свой скот 2–3 раза в неделю – это редкость в крестьянских хозяйствах. Животные содержатся лучше, чем у соседей. Запольный кормовой клин должен был решить кормовую проблему – в 1914 г. там ожидался первый урожай.

Из подсобных отраслей у Люкова выделяются садоводство и пчеловодство. Его сад считается одним из лучших крестьянских садов в округе и приносит до 100 руб. в год. В саду расположен и пчельник. 20 ульев хорошего качества сделаны самим хозяином, при этом каждый дает 6–8 руб. чистого дохода.

Интенсивное хозяйство занимает все наличные силы семьи, не позволяя отвлекаться на сторонние заработки. Приходится прибегать и к найму рабочей силы на время уборки и молотбы хлебов.

В описании даются сведения о том, как поставлено дело у окрестных крестьян, из которых ясно, насколько далеко ушло от них в плане агрикультуры хозяйство Люкова, благодаря чему оно «имеет, несомненно, громадное культурное и показательное значение».

В самый первый год, когда Захар Яковлевич только переходил к многополью и начал применять улучшенные приемы обработки, удобрения, посева

и ухода за растениями, большинство соседей говорило ему: «Ты отступник, спознался с агрономами-антихристами; от твоих новых порядков в хозяйстве наступит разорение, а не обогащение, делал бы лучше по старому, по-дедовски»³⁹⁷.

Целый год односельчане внимательно смотрели за тем, как шло его хозяйство. И когда выяснилось, что его урожаи несравненно выше, чем у них, предубеждение против Люкова и его советчиков-агрономов стало исчезать.

Второй год еще больше укрепил его положение,

У него появилось немало подражателей, начавших использовать на своих полях все те приемы, что и он. В жизнь окрестных сел постепенно стали входить такие улучшенные приемы обработки, как вспашка под зябь плугом, ранний пар, предпосевная подготовка, рядовой посев улучшенными семенами и внимательный уход за растениями.

Завоевав авторитет односельчан, он стал распространять знания по сельскому хозяйству, став в этом деле хорошим помощником агроному.

Зимой 1913 г. он прослушал курсы правительственной агрономической организации, а вернувшись, стал собирать около себя крестьян-интересантов и преподавать «им всю мудрость слышанного и усвоенного. В длинные зимние вечера он ведет разговоры со своими “учениками” по всем отраслям сельского хозяйства, обучает желающих столярному ремеслу», чтобы люди могли сами сделать рамочный улей. И некоторые действительно сделали их.

Заканчивается описание весьма символично: «Влияние Захара Люкова и его хозяйства как живого и наглядного примера для односельчан идет гораздо далее, и крестьяне, желая применять в своем хозяйстве и дальнейшие улучшения, возможные только при условии свободного распоряжения своей землей – решили перейти всем обществом к отрубному землепользованию. Разверстание на отруба было произведено в 1913 г.»³⁹⁸.

А вот история казака села Песчаного Кременчугского уезда Полтавской губернии **Петра Прокофьевича Лихмана**.

В момент описания Лихман – 40-летний муж и отец 8 детей в возрасте от 2 до 16 лет, закончивший Песчанское народное училище, член Кохновского сельскохозяйственного общества.

Его отец имел усадьбу в 1,25 дес. и пахотный надел в 0,8 дес. Конечно, эта земля не обеспечивала семью из семи душ, поэтому отец Лихмана занимался извозом и поденщиной, а когда Петру минуло 16 лет, вынужден был отправить его на заработки в Таврическую губернию, несмотря на то, что тот был единственным сыном и помощником в хозяйстве.

В Керчи Лихман устроился рабочим в саду помещика Олива, где его усердие вскоре заметил владелец и дал ему постоянную работу. В 1892 г. он вернулся домой и там стал работать в садовом заведении Бера – сначала рабочим

за 13 руб. в месяц, а после повышения в 1898 г. до помощника садовника – за 35 руб.³⁹⁹ Таким образом, в 20 с небольшим лет он нашел свое призвание.

И им уже владела мечта о собственном доходном хозяйстве.

На участке пашни в 0,8 дес. при усадьбе отца он завел огород с баклажанами, картофелем, капустой, луком, перцем, петрушкой и пастернаком.

Со своим практическим опытом и навыками он сразу повел дело по требованиям науки и практики. Завел чередование огородных культур и в свободное время возил ночью из Кременчуга навоз для удобрения – за 8 верст.

Бюджет семьи сразу же поправился, и отец, который раньше был против «всяких» новаций, разрешил сыну в 1904 г. посадить на 0,25 дес. фруктовые деревья, а также купить смежную усадьбу для расширения площади под малину и огородные овощи⁴⁰⁰.

Наблюдательный Петр Лихман не мог не заметить, что на базаре в Кременчуге есть большой спрос на малину и вишню и цены на них, соответственно, стоят высокие.

Поэтому на земле, отведенной отцом под сад, и купленном усадебном участии были посажены элитные сорта малины и вишни. Понятно, что в первый год были только расходы, но удачный урожай малины, а также баклажан и других овощей в 1906 г. принес около 400 руб. чистого дохода.

Тогда он принял решение, во-первых, использовать под огород всю усадебную землю, во-вторых, непременно расширить площадь владения и, в-третьих, оставить службу у Бера, что он и сделал в 1908 г.⁴⁰¹.

И эти решения он реализовал. Были куплены другие смежные усадьбы и пахотная земля. В итоге у него оказалось 3,1 дес. усадебной земли и 4,75 дес. пахотной, хотя и в трех кусках, но неподалеку друг от друга⁴⁰².

Были построены новые помещения – жилые и хозяйственные, общей стоимостью около 2 тыс. руб., в хозяйстве было 2 лошади и 2 породистых коровы-анхельны, приобретен разнообразный мертвый инвентарь и все, что необходимо для огородничества, в том числе и парники⁴⁰³. Все куплено за наличные, и в момент описания Петр был должен 250 руб. Кременчугскому кредитному товариществу, а долг ему составлял 450 руб.⁴⁰⁴

Когда читаешь подробное описание методов ведения Лихманом хозяйства, невозможно не поражаться тому, насколько тонко он понимал свое дело, сколько оно требовало забот и как много и серьезно трудился над ним. Его продукция обретала известность – например, в 1913 г. из 310 пуд. собранных баклажан 40 пудов были проданы в Кременчуге, а 270 отправлены в Екаринослав – на общую сумму в 992 руб.

О доходности хозяйства можно судить по таблице 21.

Расходы в том же году составили около 480 руб., 85% которых было заплачено наемным работницам⁴⁰⁵.

Таблица 21

**Валовый доход П. Лихмана от сада
и огорода в 1912 г.**

Доход	Рублей
От малины	992
От вишни	330
От баклажанов свежих	300
От баклажанов соленых	120
От петрушки	60
От пастернака	130
От моркови	100
От прочих овощей	25
От парников	35
Итого	2092

Источник: Халютин П. В. (сост.) Крестьянское хозяйство в России. Малороссийские губернии. Т. 2. Вып. 2. С. 24.

Принимая средний расход по выращиваемым растениям, не считая стоимости трудов семьи Лихмана и его лошадей, в 500 руб. в год, чистый приход можно считать суммой порядка 1600 руб.

Естественно, соседи заметили и оценили столь быстрый подъем благосостояния Лихмана. У него появились последователи, которые также начали заводить сады с вишней и малиной, баклажанами и другими огородными культурами.

Автор описания справедливо считает, что в районе созревает почва для организации товарищества по совместному сбыту этой продукции «на более отдаленные рынки как в свежем виде, так и в переработанном, путем сушки, консервирования и приготовления вина»⁴⁰⁶.

Вот так сами собой созревали предпосылки для кооперации сельского хозяйства, и, как можно видеть, у истоков стояла Личность.

Совершенно необычным человеком был **Степан Тимофеевич Пискунов** – крестьянин села Балыклея Кирсановского уезда Тамбовской губернии.

В момент описания он имел двухдушевой надел – около 8 дес. Семья – жена, малолетние дети и старый отец.

Земля была в общинном владении с крестьянами Балыклейского общества, но лет 20 назад общество отвело под ветряную мельницу его отцу часть пахотной земли – неудобный бугор недалеко от села.

Отец работал на мельнице, а Степан занимался полевым хозяйством. Однако серьезно заболев катаром желудка (сейчас это чаще называют гастроэнтеритом), он не мог больше выполнять тяжелые работы.

Лечение помогало плохо, и он по обету ходил на богомолье. Так судьба привела его в Афонский монастырь, и он увидел, в числе прочего, как там ведется хозяйство. Его поразило, «как на голом камне путем упорного разумного труда достигаются прекрасные результаты»⁴⁰⁷. Будучи натурой любознательной, он остался там послушником и ближе познакомился с постановкой сельскохозяйственного дела, изучил применяемые монахами приемы обработки, ухода за растениями и землей.

Автор описания говорит: «Человек честный, трудолюбивый и энергичный, он решает снова вернуться на родину, где такие громадные площади тучного чернозема лежат невозделанные или, благодаря хищнической неправильной обработке, не прокармливают даже землеробов; он решает воочию убедить земляков, что разумным и упорным трудом можно создать себе благосостояние»⁴⁰⁸.

12 лет назад по возвращении домой он начал разводить плодовой сад на участке, отведенном его отцу под мельницу. Участок этот не был удобным, и путем обмена своих лучших полос на худшие Пискунов увеличил его и собрал в конце концов около 2,5 дес, на которых и поселился.

Таким образом, по мнению автора описания, он стал хуторянином задолго до 1906 г. «и смело можно сказать, явился первым хуторянином не только в уезде и в губернии, но, пожалуй, и во всей средней России»⁴⁰⁹.

Естественно, как и всегда в таких случаях, над ним насмехались, причем не только односельчане, но и люди более образованные. Однако его дело начинало развиваться и он убеждался, что встал на верный путь, а уверенность в этом поддерживали выписываемые книги.

Стремясь практически ознакомиться с местным садоводством, он пешком обошел некоторые садоводческие хозяйства Тамбовского, Козловского и Липецкого уездов и питомники плодовых деревьев.

Надельную землю он укрепил в личную собственность, а летом 1911 г. выделил ее к одному месту, к тому хутору, который существовал несколько лет.

Сейчас из почти 8 хуторских десятин на двух расположен 10–12-летний сад, на 0,25 дес. – плодовой питомник, на 0,5 дес. – помидоры и капуста, остальное – под бахчей и усадьбой.

В саду культивируется до 70 сортов яблонь, и хозяин изучает, как они адаптируются к местным условиям и переносят прививки. Все деревья пронумерованы, каждое записано в специальную книгу и имеет своего рода паспорт, куда вносится вся необходимая информация о нем (год посадки, откуда взят дичек, когда привито, обрезано, опрыскано и т.д.).

Сад поливается особым образом. Вода поступает из колодца при помощи конного насоса, затем по деревянным желобам идет в цементные баки (их 12), там согревается, и лишь затем идет к деревьям⁴¹⁰.

Дохода сад первые годы не только не приносил, а, наоборот, требовал немалых затрат. Поэтому предприимчивый хозяин засадил междурядье малиной высшего сорта, за которой тщательно ухаживает. Малина с большим успехом сбывается за 40 верст в уездном Кирсанове, куда доставляется в особом фургоне.

Не остались без внимания и овощи – томаты и капуста с искусственным орошением. С осени 1913 г. Пискунов планирует производить томат-пасту

(пюре), для чего построено специальное помещение с печкой и котлом, а также холодная теплица, где помидоры будут созревать осенью⁴¹¹.

В плодовом питомнике дело поставлено образцово – по лучшим методикам. При этом хозяин подходит к делу творчески, – он, судя по всему, был прирожденным селекционером.

Из питомника ежегодно продается 1,5–2 тыс. деревьев, а остальное идет на увеличение собственного сада. Питомник ежегодно расширяется, и перед посадкой вся земля полностью перекапывается на $\frac{3}{4}$ аршина (на 53,3 см, т.е. на 2,5 археологических штыка!)

Пискунов занимается также акклиматизацией нежных сортов яблок и груш, он создал под открытым небом небольшую плантацию винограда и душистого лука (алоджи). Несомненно, его питомник оказывает огромное влияние на развитие садоводства в Кирсановском уезде, давая при этом ценную информацию для опытной садовой станции.

А вот как описывает деятельность нашего героя: «Итак, Пискунов, начав дело с довольно скудными средствами и знаниями по садоводству и огородничеству, в течение 12 лет неустанно работая и пополняя свои знания, достиг настолько изумительных результатов, что его хозяйство напоминает образцовые сады в восточной Пруссии, только сад Пискунова содержится в большем порядке. Садовое дело Пискунова поставлено уже на твердую почву и верно идет по пути к более широкому развитию» Его хозяйство имеет «громкое влияние на окружающее его население в смысле усвоения правильных технических приемов и служит наглядным примером того, что путем разумного и упорного труда можно создать себе благосостояние»⁴¹².

Его усилия вызывают уважение, и первоначальные насмешки сменились удивлением и желанием подражать. «У него учатся, и он охотно учит и разбил многим сады. За много верст иногда приезжают любители посмотреть его хозяйство, побеседовать и поучиться, а поучиться есть чему у него всякому.

Ему было тесно в рамках нашей общины – он сам создал себе независимость от нее и, получив свободу приложения труда, едва грамотный, учась работать и работая, учился и создал, наконец, большое культурное дело. Все сделано его настойчивостью и трудом. Ссуд и пособий он никаких не получал и пока еще не расплатился с долгами, которые ему пришлось сделать за именованием собственных средств»⁴¹³.

Среди лауреатов конкурса было две женщины, и я хочу познакомить читателей с одной из них – **Екатериной Федосеевной Ермаковой** из урочища Руджум Юловской волости Городищенского уезда Пензенской губернии.

Описание рисует настолько нестандартную картину, что сразу хочется понять, какими силами хозяйка устраивала свой рай.

В «дружной», по определению источника, семье Ермаковой рабочие и не рабочие силы соотносились так: в 1909 г. – 2:2, в 1910 г. 3:2 (сын женился), в 1911 г. – 4:1 (средний сын вошел в рабочий возраст); в 1912 г. 5:1 (работать стал и младший сын, а у старшего родился ребенок), в 1913 г. – 5:2 (появился еще один внук)⁴¹⁴. При этом старший сын, прослушавший в 1910 г. 10-месячные курсы при Мариинском Земледельческом училище, безусловно, был для матери не только помощником, но и советчиком.

Хозяйство организовано на отрубке в 9,5 дес, выделенном из общественного надела крестьян села Юлова на 3 души. В 1911 г. в той же даче был приобретен смежный отруб в 6 дес.

Сейчас Ермакова владеет 15,5 дес., расположенных не самым обычным образом. Хозяйство находится на восточном склоне небольшого полуострова, омываемого р. Руджумом, имеет уклон к реке, причем в 5 местах пересекается небольшими водотеками. Из них 4 укреплены ступенчатыми плетневыми заграждениями, которые за 4 года помогли водотекам почти полностью заилиться. Они больше не растут и по всей длине используются в хозяйстве⁴¹⁵. Вдоль пятого водотека с большим водосбором пасется скот.

В плане обводнения участок расположен благоприятно, т.к. река рядом, на ее берегу есть родники, а подпочвенная вода близко. Тем не менее, Ермакова задерживает снеговые воды на полях на распаханном склоне.

В общине хозяйка удобрениями не интересовалась. Это было невыгодно – в Юловском обществе земли переделяли ежегодно, поэтому не было уверенности в том, что именно она воспользуется результатами удобрения. К тому же вывозить навоз нужно было далеко.

Хуторское хозяйство совершенно изменило отношение Ермаковой к земле. Сейчас она старается по максимуму накапливать навоз и удобрять им поля, чего добивается увеличением кормовой площади и скотоводства. По расчету на 1 дес. объем унаваживания вырос с 200 пуд. в 1909 до 750 пуд. в 1913 г. Сейчас Ермакова может удобрять все паровое поле, ежегодно внося на 1 дес. 2400 пуд навоза.

В итоге урожайность постоянно и стабильно растет. Началось применение и минеральных удобрений⁴¹⁶.

Коренная перестройка хозяйства стартовала уже в 1910 г.

Благодаря введению травосеяния, от зерновой системы хозяйка постепенно стала переходить к скотоводственной; полеводство было организовано плодосменное; специальные отрасли стали серьезным источником постоянного дохода⁴¹⁷.

Севооборот установлен четырехпольный, во-первых, с унавоженным ранним паром, во-вторых, с озимой рожью, в-третьих, с картофелем и викой,

которая подавляет сорняки и в этой местности повышает урожай яровых, если их сеют после вики, в-четвертых, яровые (колосовые) хлеба.

Отдельный клин в 3,5 дес занят смесью клевера с тимофеевкой, люцерной и костром безостым. Травы косят не только на сено, но и на семена, до 25 пуд, которых покупают соседи-хуторяне.

Обработка почвы ведется своевременно и тщательно⁴¹⁸. Применяется рядовой посев сеялкой с прокатной станции, а сейчас куплена своя.

В хозяйстве есть и сортировка семян, но «для подготовки посевного материала безукоризненного качества» Екатерина Федоровна пользуется зерноочистительными машинами Городищенской прокатной станции⁴¹⁹.

Семенной картофель сортируется вручную.

Таблица 22 показывает, что усилия семьи не пропадали даром.

Таблица 22

Сравнительная урожайность в хозяйстве Ермаковой и у ее соседей (пуд./дес.)

Растения	У Ермаковой	У соседних Хуторян
Рожь	115	40–60
Гречиха	140	20–35
Просо	50	30–60
Овес	70	40–50
Горох Виктория	40	30–40
Картофель	400	300–350
Вика (смесь)	80	40–50
Клевер и тимофеевка (семена)	32–40	40–50
Сено разных трав	400	250–300

Источник: Халютин П. В. (сост.) Крестьянское хозяйство в России. Средневожские губернии. Т. 2. Вып. 5. С. 26.

Нечасто в сборниках Халютина встречаются хозяйства, в которых специальные отрасли так развиты, как у Ермаковой, и оказывают столь серьезное влияние на устойчивость хозяйства и благосостояние семьи.

Их можно разделить на две категории:

- 1) отрасли, связанные с полеводством, – животноводство и птицеводство;
- 2) отрасли самостоятельные – пчеловодство, рыбоводство, садоводство, огородничество и лесокультура.

Активное травосеяние позволило Ермаковой значительно увеличить скотоводство, притом, что раньше она с трудом держала корову и лошадь⁴²⁰.

Сейчас в хозяйстве 2 хороших лошади и на время летних работ покупаются третья, 7 коров и 7 свиной средних беркширов. Весной в соседнем казенном лесу арендуется пастбище, а после уборки трав животные пасутся по отаве и на небольшом выгоне.

С 1914 г. Ермакова переходит к стойловому содержанию скота. Постройки уже готовы и характеризуются как очень продуманные – теплые, просторные, что нетипично для этой местности.

Стремясь получить как можно больше навоза, Ермакова не жалеет для скота подстилки, поэтому животные выглядят всегда опрятно, что позитивно влияет и на молочность. Молодняк содержится в специальном телятнике с полом – тоже невиданная в общине вещь.

На хуторе, как выяснилось, отличные условия не только для разведения птицы, но и для ее улучшения. С ранней весны птица пасется в соседнем лесу и у затопленных лощин, осенью же, когда ее откармливают к зиме, она переходит на смежные с хутором убранные поля, обильные кормом. Это дает возможность «почти без затруднений» ежегодно выводить к зиме до 150 кур Ланшан и до 20 уток местной породы. Между тем в селе у семьи не было и десятка птиц.

Следующей важной отраслью было пчеловодство, которое, благодаря изобилию медоносов, вообще было популярно в этом районе, так что некоторые хуторяне сами делают рамочные улья Дадана. Однако «по правильности постановки этой отрасли хозяйство Ермаковой занимает первое место». На пасеке 27 рамочных ульев, караульная изба, омшаник, сарай и навес для заготовки и хранения принадлежностей пчеловодства⁴²¹.

Пасеку семья создала еще 15 лет тому назад на арендованной в Городищенском лесничестве оброчной статье, к которой в 1909 г. и был прирезан отруб Екатерины Федосеевны при его выделе.

На этой же оброчной статье казенного лесничества Ермакова устроила рыбный садок, площадью в 150 кв. саж. (683 кв. м), т.е., по сути, небольшой пруд с карасем, сазаном и линем.

В первые годы садок давал немалый доход, ибо в этих краях рыба ценилась высоко, а ее вылавливали до 8 пуд., но теперь он засорился и его надо чистить. К тому же из-за ливней он в 1910 г. прорвался в речку Руджум. Теперь он приносит 40–50 руб. в год, что тоже очень хорошо для всего лишь 150 кв. саж.

Помимо очистки старого, в планах Екатерины Федосеевны – новый садок на своей земле.

В хозяйстве есть сад из сорока 16-летних плодовых деревьев с ягодными кустарниками, заложенный при пасеке на земле лесничества. Продукцию потребляет семья. Хозяйка решила устроить сад на своей земле – она хочет иметь доходы от садоводства. Уже вырыты ямы под посадку 1914 г.

Огородничество также имеет потребительский характер. Близких рынков сбыта для овощей нет, однако старший сын Ермаковой решил и для этой отрасли установить 4-летний плодосмен.

Ермакова занимается лесоразведением, чтобы укреплять берега Руджума – им придается небольшой уклон и там высаживаются черенки водолубивой ольхи, которая быстро укореняется и тем самым «значительно сокращает ежегодный размыв берегов и препятствует заносу льда на огород»⁴²².

Таблица 23

Рост доходности хозяйства Ермаковой (руб.)

	Полеводство	Животноводство	Другие отрасли	Всего
В общине	45	25	5	75
На хуторе:				
1909 (год выселения)	100	125	10	235
1910	150	70	50	270
1911	350	100	100	550
1912	600	250	100	950
1913	900	450	200	1550

Источник: Халютин П. В. (сост.) Крестьянское хозяйство в России. Средневолжские губернии. Т. 2. Вып. 5. С. 29.

Доходность хозяйства по отношению к стоимости земли увеличивалась так:

В 1909 г. десятина земли стоила 60 руб., а дохода давала около 25%, в 1911 г. соответствующие показатели равнялись 75 руб. и 50%, а в 1913 г. – 100 руб. и 100%. Как можно видеть, доходность растет параллельно росту ценности земли.

В 1909 и 1910 гг. семья тратила на выпуск газет и сельскохозяйственных журналов 5 руб. в год, в 1911 и 1912 гг. – 10 руб., в 1913 г. – 15 руб., а на 1914 г. выписано прессы на 17,2 руб.

Постройки на хуторе возводились постепенно, по мере роста доходов. В селе Юлове строения семьи стоили всего 100 руб. и были проданы на слом за 95 руб.

Выйдя на хутор, Ермакова получила 125 руб. ссуды на строительство и еще 100 руб. на обзаведение хозяйством от Крестьянского банка под залог земли.

В 1910 г. были построены жилой дом, конюшня, погребница, хлев, сарай, в 1911 г. – еще 2 конюшни, скотная изба, сарай и крытая кладовая, в 1912 г. – молотильный сарай, в 1913 г. – новая баня⁴²³.

Схожим образом решались проблемы с мертвым инвентарем. На хутор семья вышла, имея соху, борону, телегу и упряжь на лошадь (все стоило 75 руб.).

В 1910 г. был куплен плуг, в 1911 г. – железная борона Лина, в 1912 г. – двухлемешный плуг, в 1913 г. – ручная молотилка и 11-рядная сеялка Гриевза.

В 1909 г. живой инвентарь стоил 90 руб. (лошадь за 50 и корова за 40 руб.), а также кур на 3 руб. В 1910 г. на хуторе было уже 2 лошади, корова и телка. В 1911 г. коров стало 3, телок – 4, а также 30 кур и 10 уток. В 1913 г. куплена третья лошадь, появились 3 свиньи и 19 поросят, кур – 150 и 20 уток.

В конце 1913 г. строения на хуторе оценивались в 2,5 тыс. руб., мертвый инвентарь – в 450, а живой – в 750 руб., а всего – 3,7 тыс. руб. В общине аналогичный показатель составлял не более 268 руб.

Таким образом, можно говорить о росте благосостояния более чем в 10 раз.

Автор описания подытоживает: «Дружная работа всей семьи Ермаковой и разумное применение усвоенных на курсах ее старшим сыном технических приемов, поставили хозяйство Ермаковой выше всех окружающих хозяйств, а разнообразие отраслей его дали владелице обеспеченность средствами к жизни и возможность вкладывать известную долю доходов в мероприятия, улучшающие хозяйство коренным образом. Все это вместе взятое создало для Ермаковой влиятельное положение среди хуторян, почему к ней постоянно обращаются за советами»⁴²⁴.

Сергей Николаевич Охотник, крестьянин поселка Удельнино-Николаевского Екатеринославского уезда был вдовцом с женатым сыном, и 4-мя внучатами от 4 до 9 лет.

До реформы он жил в одной из волостей того же уезда, имел 1,25 дес. земли (0,5 дес. усадебной, 0,75 дес. пашни), со временем купил еще 2 дес. (за 460 руб.). Арендуя не менее 6 дес., он в итоге засевал порядка 10–12 дес., причем в среднем собирал не менее 80 пудов ржи и ячменя и 60 пудов пшеницы с дес.⁴²⁵ Столь высокая для крестьянских полей урожайность говорит, что он и в общине прилагал к земле больше труда, чем большинство его соседей.

Свой живой и мертвый инвентарь в 1908 г. он оценивал в 313 руб. (2 лошади, корова и пара свиней, однолемешный плуг, деревянная борона, старая веялка и бричка), а наличность к весне 1909 г. – в 300 руб.⁴²⁶

Охотник и 18 его односельчан образовали на купленной ими у Крестьянского банка земле Крутоярской дачи Удельного имени поселок.

При жеребьевке он получил отруб почти в 15 дес. с небольшим участком в овраге и обменял его на отруб в 21,1 дес. с оврагом около 8 дес. и 0,6 дес. неудобных земель. Он хотел иметь больше земли, рассчитывая, что сумеет с выгодой использовать овраг и неудобья. И оказался прав⁴²⁷.

Осваивать отруб он начал немедленно, посеяв осенью 1908 г. 2 дес. ржи и вспахав 8 дес. зяби для ярового посева.

Получив в Землеустроительной комиссии ссуду в 150 руб. на строительство, он за зиму 1908–1909 г. купил в Екатеринославе необходимые лесоматериалы и с помощью родственников перевез их в деревню.

Весной 1909 г. он переехал с семьей на отруб, купив к этому времени за 50 руб. третью лошадь.

Решив строиться в овраге на границе отруба, он засеял яровыми не только пашню, но и отведенное для усадьбы место в самом поселке (0,5 дес.). Всего в 1909 г. было посеяно ржи, ячменя, пшеницы, кукурузы и баштанов на 12,5 дес.⁴²⁸

После посева яровых он перевез лес и началась стройка.

К осени 1909 г. были возведены глинобитные хата и конюшня под одной крышей, крытая черепицей, клуня (т.е. овин, гумно – место хранения и молотбы хлеба) на стропилах, крытая соломой, погреб, колодец и малый свинарник. Все работы, в том числе и плотничьи, делались своими силами.

Тогда же хозяин обсадил вербой границу участка в овраге, вырыл ямы под посадку следующей весной фруктовых деревьев и приготовил место для огорода. Овощи решил выращивать не только для себя, но и на продажу.

Весной 1910 г. распахал 1,5 дес. овражной земли и в этом году посеял уже 14 дес. В овраге 300 кв. саж. посадил капусту, помидоры, морковь, свеклу столовую и кормовую, лук, перец. Овощей хватило не только семье, – соседи купили их на 100 руб. Отсюда решение увеличить площадь огорода вдвое⁴²⁹.

Весной 1910 г. он посадил фруктовые деревья: 10 яблонь, 5 груш, 10 вишен и 5 слив.

К уборке хлеба он купил за 120 руб. жнею-лобогрейку.

За год он заменил трех своих лошадей лучшими и добавил к ним четвертую, теперь все они стоили 400 руб. Кроме того, он купил у соседей-колонистов двух коров-«немок» по 100 руб. и быка за 35 руб.

К весне 1911 г. в хозяйстве появились буккер, новая веялка, новая бричка, подержанный молочный сепаратор, ручная маслобойка (все в сумме стоило 251 руб.) и молочная корова за 75 р.

К посеву 1911 г. в овраге распахана еще 1 дес. и в этом году было посеяно уже 15 дес.

Осенью на поля впервые была вывезена часть навоза. Выросла площадь под огородом. Овощей было продано на 120 руб.⁴³⁰

Четыре его коровы в 1911 г. дали для продажи масла и творога почти на 160 р. Масло, которое готовит невестка Сергея Николаевича, ценится на базарах Александровска на 5–8 коп. дороже за фунт и часто готовится по специальным заказам. То есть было заложено маленькое молочное хозяйство.

Клуня уже не вмещала зерно и инвентарь, поэтому за лето 1911 г. к конюшне был пристроен глинобитный сарай, крытый оцинкованным железом, который обошелся в 215 р.

В 1912 г. Охотник купил трехсильную молотилку с конным приводом за 335 руб., рядовую сеялку за 150 руб. и перешел к рядовому посеву, засеяв 16 дес. (взял 1 дес. в аренду). Огород вырос до 0,5 дес.

Весной 1912 г. в его хозяйстве имел место первый доморощенный отел – молочных коров стало 5. Молочная продукция принесла около 200 руб.⁴³¹

Тогда же Охотник перестает откармливать простых свиней на сало и переходит на племенное свиноводство, купив 6-недельных йоркширов – 1 боровка и двух свинок. Уже весной 1913 г. они принесли 14 поросят, проданных по 5 руб. за штуку (приплод простых свиней шел по 1–1,5 руб.). За весну и зиму боров покрыл 10 чужих свиней – случка стоила 3 руб. Отмечу, что обычно владелец свињи давал владельцу борова одного поросенка, но в этом случае люди предпочитали платить 3 руб.

Нераспаханная часть оврага (около 5 дес.) в 1909–1911 гг. использовалась и как сенокос, и как толока для скота. Там паслись и 10 своих голов рогатого скота и животные, принятые от хуторян и отрубников на дневное пастбище на все лето – по 8 руб. за штуку.

Стабильно высокие урожаи побудили хозяина арендовать еще 10 дес. пашни.⁴³²

Урожаи 1913 г. – рожь – намолочено 100 пуд с дес., ячменя – 146 пуд., пшеницы со своей земли – 100 пуд., с чужой – 80 пуд. Для улучшения молотыбы он купил в 1913 г. за 55 руб. элеватор, подающий обмолоченное зерно с половой на потолок сарая, где стоит веялка. Для молотилки построен специальный навес дощатыми стенами, крытый черепицей.

Суммарная стоимость стада составила 535 руб.

Молочных продуктов Охотники продают не менее как на 200 руб., его масло и творог в среднем стоят 45 и 6 коп. за фунт (обычные крестьянские – 32 и 4 коп.)⁴³³.

До 1913 г. в хозяйстве было 30–40 простых кур, цыплят бывало до 100–120 шт. С апреля 1913 г заведены куры Лангшан – 2 курицы и 2 петуха (от общества сельскохозяйственного птицеводства). К июлю было уже 30 чистопородных цыплят и 40 помеси⁴³⁴.

Итак, что же приобрел крестьянин Сергей Охотник за 4 года хозяйствования на отрубе?

1. Собственной земли вместо 3,25 дес. – 21 дес.
2. Крупного рогатого скота – вместо 1 коровы за 50 р. – 10 голов на 535 р.
3. Рабочих лошадей вместо двух за 100 руб. – 5 на 500 руб.
4. Свиней вместо двух на 60 руб. – трех на 120 руб.

5. Мертвого инвентаря – вместо 100 руб. – на 1091 р.

6. Построек вместо 313 руб. – на 830 руб.

До 1908 г. его имущество без земли оценивалось в 610 руб., теперь – в 2985 руб.

Его отруб ценится сейчас не ниже 350 руб. за десятину, т.е. всего – порядка 7,0–7,5 тыс. руб., а со всем остальным – в 10 тыс. руб.⁴³⁵

Что здесь сказать?

Догадываюсь, что читателей могло утомить столь подробное описание. Однако удивительное хозяйство С. Н. Охотника к моменту описания существовало дольше большинства остальных, упоминаемых в этой книге, и тут мы имеем возможность в деталях увидеть, как с началом новой жизни хозяйство в умелых и трудолюбивых руках постепенно развивается и соответственно заметно растет материальное благополучие малоземельной семьи, владевшей лишь 3,25 дес.

Конечно, Охотник – хозяин от Бога, человек со стратегическим видением своего дела, который и в общине был не последним. Мы видим, как усердный труд и серьезное отношение ко всем деталям хозяйства всего за 5 с небольшим лет позволили ему создать образцовое доходное хозяйство. Буквально каждый год был у него ступенькой вверх, ежегодно появлялась новая машина и/или скот, новая отрасль и становились лучше уже существующие.

Конечно, это же относится и к другим героям данной главы, и к тем, о которых читатели еще не знают.

Думаю, многим из нас знакомо ощущение уважения, которое возникает, когда через несколько минут после общения с незнакомым человеком, ты вдруг понимаешь, что столкнулся с большим профессионалом, со Спецом в своем деле.

Не хочется говорить высокопарных слов, которые просто напрашиваются после знакомства с этими историями.

Бесспорно одно – мы сейчас видели разные ситуации, когда человек становился выше и сильнее обстоятельств, в которые был поставлен жизнью.

ВЫВОДЫ

Время подводить итоги.

В книге «20 лет до Великой войны» есть два заключения общим объемом в 3,5 печатных листа – одно касается специально аграрной реформы*, другое имеет более широкий контекст**.

Понятно, что я не намерен воспроизводить их периодами в выводах по данной работе. Те, кого она заинтересовала, найдут время прочесть их. Однако кое-что неизбежно придется повторить.

Начну с того, что полученные моими коллегами-единомышленниками и мной научные результаты демонстрируют явную несостоятельность ряда ключевых положений парадигмы кризиса и обнищания населения страны после 1861 г.

Суммируя имеющуюся у нас информацию, можно уверенно утверждать, что пессимистический взгляд на социально-экономическое развитие России в конце XIX – начале XX вв. и упорные попытки представить «бедственное положение народных масс» главным фактором революции 1917 г. несостоятельны.

Это, однако, не означает, что все имеющиеся свидетельства тяжелого положения части крестьян – даже с учетом «семантической инфляции» – неверны и их следует игнорировать. Нет, но они должны оцениваться не с точки зрения НХК, а с учетом происходящей в стране модернизации.

Какими видятся промежуточные итоги аграрных преобразований Столыпина летом 1914 года? Я настаиваю на термине «промежуточные» применительно к аграрной реформе 1906–1916 гг., которая не закончилась не только с гибелью Петра Аркадьевича в 1911 г., но и с началом Первой Мировой войны, – ее ликвидировало Временное правительство.

Прежде всего мы должны ясно понимать, что по своему размаху аграрные преобразования Столыпина не имели аналогов в мировой истории. Конечно, жители США по Гомстед-акту получили больше земли, чем было обустроено в России в 1906–1916 гг., однако этот закон и действовал не 10 лет, а более ста – с 1862 г. до конца XX в. При этом ясно, что проводить землеустройство в давно населенной местности с огромной чересполосицей и дальнотемельем, как это было в Европейской России и даже в Сибири, несравненно сложнее, чем нарезать участки в пустой прерии.

Уникальность реформы Столыпина – и не только территориальная – была понятна уже непредвзятым современникам, таким, например, как германские профессора Аухаген и Вит-Кнутсен, как французский экономист Тэри.

---

* Давыдов М. А. 20 лет Великой войны... С 802–826.

** Там же. С. 938–961.

В частности, Вит-Кнутсен, опубликовавший в 1913 г. монографию о реформе, писал, что каждый непредубежденный человек, понявший суть преобразований, «не может не вынести впечатления, что мы тут стоим перед глубоко задуманной земельной реформой, с широким размахом проводимой в жизнь. Более того: следует признать, что изданные после 1905 г. русские аграрные законы не имеют себе равных во всемирной аграрной истории как по принципиальной важности их, так и по ходу их осуществления... Мы имеем дело с решительным, коренным поворотом к лучшему в истории русского сельского хозяйства. Громадные же размеры русского колосса и более, его способность к развитию, заставляют думать, что тут началась постепенная передвижка центра тяжести европейской хозяйственной жизни к востоку»⁴³⁶.

Так, Эдмон Тэри писал, что поскольку экономические успехи страны выражаются ростом ее производства, то статистика «неоспоримо доказывает, что, несмотря на неудачную войну 1904 г. и политические волнения 1905 г., российское сельское хозяйство развивается быстрыми темпами уже в течение десяти лет, особенно после вступления в силу» указа 9 ноября 1906 г.

«Эта великая реформа 1906 г., снискавшая славу царю Николаю II, Столыпину и его главным сотрудникам... будет завершена только через 10–15 лет, но ее проведение сразу же породило на всей территории империи надежду на лучшее будущее и вследствие этого стремление трудиться, которое все больше теряли крестьяне, принадлежавшие общине.

Указы, относящиеся к новому землеустройству, развитие сельскохозяйственного кредита и инфраструктуры, и 6200 км железных дорог, введенных в эксплуатацию в 1907–1912 гг., очевидно, способствовали подъему села в России, но основным фактором этой эволюции была сама аграрная реформа, ибо именно она являлась настоящей точкой отсчета. Мы видели в ходе нашего обследования, что в последние годы качество жизни русских крестьян серьезно улучшилось»⁴³⁷.

Не только иностранцы, но и наши соотечественники, которым по-настоящему были дороги российские крестьяне, высказывали сходным образом. Выше приводилась мысль А. В. Чаянова о том, что «крестьянская Россия сдвинулась с мертвой точки векового застоя, голодовок и темноты народной и делает первые шаги к общенародному благополучию».

В других работах он отмечает, что «одним из глубоких и важнейших явлений переживаемой нами эпохи в истории России является мощное, полное юной энергии возрождение русской деревни... Еще многие десятилетия нужны русскому крестьянину для того, чтобы прочно усвоить основные устои современной культуры, но для тех, кто своими глазами видит упорную каждодневную педагогическую работу, которую ведут культурные силы России в глубине ее деревень, - нет никакого сомнения в успешных результатах их

труда. Тысячи земских агрономов, деятелей внешкольного образования и кооперативных инструкторов посвящают свои силы этой широкой работе»⁴³⁸.

Особенно радует его то, что «крестьянство сделалось восприимчивым ко всякой культурной пропаганде, в том числе и пропаганде агрономической» и он заключает: «Ожидаемый нами подъем русского сельского хозяйства является главнейшей надеждой нашей в будущих экономических судьбах нашей земледельческой родины»⁴³⁹.

Даже в 1920-е гг., когда реформу оперативно переименовали в «столыпинщину» и позитивные высказывания о ней, мягко говоря, не приветствовались, он, хотя и более сдержанно, но вполне объективно фиксирует, что «в конце первого десятилетия XX наблюдалось значительное оживление русской сельскохозяйственной жизни; крестьянское хозяйство, изжившее старые формы трехпольного земледелия, приступает к созданию новых хозяйственных систем: быстро развивается травосеяние, промышленные яровые неуклонно увеличивают свою площадь, происходит повсеместная смена старого инвентаря на улучшенный, крепнут кооперативные формы маслоделия, и сотни других молекулярных процессов создают новое товарное крестьянское земледелие.

Земские и правительственные органы, отвечая запросам времени, необычайно широко развивают свободную «экономическую деятельность» и создают ряд институтов, содействующих сельскохозяйственному прогрессу деревни.

Земские сельскохозяйственные склады, земская участковая агрономия, институт специалистов, касса мелкого кредита, кооперативный инструкторский и инспекторский персонал и прочие начинания ввели в деревню целые кадры новых интеллигентных работников»⁴⁴⁰.

То положительное содержание преобразований, которые отмечаются в приведенных отзывах, разумеется, не заслоняло от их авторов множества нерешенных проблем и трудностей. Ведь реформа только начиналась.

Сумел ли Столыпин доказать свою Теорему?

Да, сумел.

В сущности, реформа Столыпина и то, что я называю Теоремой Столыпина, – это отрицание нового общественного настроения, построенного на культе крестьянской общинной несвободы, маскируемой привлекательными и даже одухотворяющими идеями.

Оказалось, что законы развития человечества распространяются и на Россию. Кто бы мог подумать?

Конечно, все было очень сложно, и антикапиталистические, антибуржуазные настроения общества никуда не исчезли, хотя русско-японская война и неудачная революция 1905 г. несколько снизили накал мессианства и социалистического напряжения.

Однако с 1906 г. резко изменилась роль народа, этих «серых» миллионов, которые начали сами выбирать свою судьбу, чего еще не понимала количественно ничтожная – в сравнении с общим народонаселением – оппозиционная общественность, едва не победившая в 1905 г.

И разнообразная статистика, которая доказывает позитивное развитие столыпинских преобразований, – это своего рода избирательные бюллетени, это, условно говоря, голоса на референдуме в пользу новой жизни.

Стратегия Столыпина была верна – именно ряд параллельных правительственных мероприятий в сочетании с личным раскрепощением крестьянства, с обретенной им свободой принятия решений в большой мере вырвали деревню из застоя еще до Первой Мировой войны. И значимость этого факта трудно преуменьшить. При этом понятно, что проведение преобразований такого масштаба априори не может быть идеальным, беспроблемным и т. п. Как и всегда, были трудности, случались эксцессы исполнителей и др. Это неизбежно.

Тем не менее, мы смело можем считать преобразования Столыпина началом долгожданной русской агротехнологической революции.

Основанная на получении крестьянами де-факто полноты гражданских прав, она оказалась целостным масштабным процессом реформирования аграрного сектора экономики Империи, оказавшим также всестороннее воздействие на развитие народного хозяйства в целом (и не только).

Этот процесс включал:

1) радикальное расширение площади крестьянской частной земельной собственности благодаря укреплению в собственность наделной земли, землеустройству, а также покупке земель у Крестьянского поземельного банка и при его посредничестве.

Напомню, что более чем 2 млн дворов укрепили в собственность почти 14 млн. дес.

Землеустройство создало на наделных землях 1,3 млн. единоличных хозяйств площадью около 13 млн. дес.

Благодаря ссудам Крестьянского поземельного банка (свыше 1 млрд. руб.) к крестьянам перешло 10 млн. дес.

По сути, речь шла о **массовом** внедрении в жизнь России принципа частной собственности. Современники оценивали число единоличников и членов их семей в 12,5 млн. чел.⁴⁴¹

2) реструктурирование крестьянского землепользования путем землеустройства, т.е. консолидацию десятков отдельных полос земли, составлявших надел, в одно целое, что создавало объективные условия для подъема агрикультуры.

Напомню, что до 1 января 1916 г. в Землеустроительные комиссии поступили ходатайства о землеустройстве от 6,2 млн. домохозяев-крестьян, жив-

ших в 222,9 тыс. земельных единиц. Из этого количества для 3,8 млн. дворов, или 62,1%, были произведены обследования на местах и предварительные землемерные работы, т.е. «закончена подготовка»; для 2,9 млн., или 46,4%, выполнены землеустроительные работы в натуре, и в отношении 2,4 млн. дворов, или 38,2%, последние юридически были завершены. В стране появилось около 1,5 млн. индивидуальных крестьянских хозяйств.

Площадь завершенных и подготовительных землеустроительных работ составила 34,3 млн. дес., или 374,7 тыс. кв. км, что равно сумме территории современных Италии и Ирландии. Если же добавить к этой цифре 10 млн. дес., купленных крестьянами у Крестьянского банка и при его посредничестве, и, как минимум, 20 млн. дес. землеустройства в Сибири (на деле – больше), то мы получим 64 с лишним млн. дес., т.е. 700 тыс. кв. км, что равно площади Франции, Бельгии, Швейцарии и Австрии вместе взятых. И все это землеустроители и землемеры сделали – формально – всего лишь за 9 полевых сезонов, из которых лишь немногие могут считаться нормальными! Ведь реформа с одной своей стороны была как бы подождена революцией 1905 г., а с другой – Мировой войной.

3) начало реального повышения уровня крестьянского земледелия, его производительности и материальных достатков деревни в целом путем интенсификации крестьянского хозяйства. Освобождение его от пут общины само по себе должно было стимулировать инициативу и предприимчивость крестьян. Параллельно, благодаря соединенным усилиям правительства и земств, стремительными темпами стало расти агрономическое просвещение крестьян, быстро принесшее позитивные результаты.

Так, только железнодорожная среднегодовая перевозка усовершенствованных сельхозмашин и орудий в 1906–1913 гг. в сравнении с 1894–1905 гг. выросла, повторюсь, с 8245 до 23 377 тыс. пуд., или в 2,8 раза. Аналогичные показатели для транспортировки минеральных удобрений составили 9812 и 26 723 тыс. пуд., а рост – 2,7 раза.

4) развитие всех видов кооперации, сделавшее Россию одним из мировых лидеров кооперативного движения.

В частности, возникли такие считавшие свои обороты десятками миллионов рублей кооперативные центры, как Московский Народный Банк, Московский Союз Потребительных Обществ, Центральное Товарищество льноводов, Союз Сибирских маслодельных артелей, объединявшие сотни кооперативов и миллионы крестьянских хозяйств.

Кредитная кооперация стала приводным ремнем реформы и инвестировала в деревню почти два миллиарда рублей. Десятки тысяч кооперативов с десятками же миллионов участников стали абсолютно новым и весьма значимым компонентом жизни страны. Настолько значимым, что после краха

военного коммунизма Ленин вынужден был задуматься о плане построения социализма через кооперацию.

5) новую переселенческую политику, позволившую более чем трем миллионам крестьян обрести новую малую родину и превратившую Сибирь, с одной стороны, в крупный рынок для русской промышленности, ибо переселенцы своим спросом стимулировали ее развитие, а с другой, в очень важный для экономики Империи сельскохозяйственный регион.

6) начало реализации грандиозного по замыслу и размаху плана освоения Азиатской России, а также ее интеграции в жизнь страны и во всероссийский рынок; напомним, что попытка советской власти повторить задуманное Столыпиным и Кривошеиным закончилась экологической катастрофой континентального масштаба.

7) реформа стала важным фактором промышленного подъема 1909–1913 гг., о чем довольно подробно написано в книге «20 лет до Великой войны».

8) Все перечисленное, несомненно, повысило благосостояние множества крестьян в прямом смысле слова.

Как говорилось, статистика сберегательного дела безусловно говорит о росте благосостояния населения страны в годы реформы вообще, а крестьян в особенности – за 1906–1913 гг. число крестьянских книжек возросло с 1397,1 до 2546,6 тыс., т.е. на 82%, а сумма вкладов – с 261,9 до 480,2 млн. руб., или на 83%. При этом крестьянские сбережения росли быстрее, чем сбережения по стране в целом. Свыше 80% всего за 8 лет – это вполне удовлетворительно.

Если в 1896–1905 гг. в России в среднем ежегодно прибавлялось 103,0 тыс. крестьянских сберкнижек, на которых лежало 19,5 млн. руб., то за 1906–1913 гг. аналогичный показатели составили 143,7 тыс. и 27,3 млн. руб. Рост соответственно на 39,5 и 39,7%.

При этом крестьяне прежде всего южной половины Европейской России вложили свыше 200 млн. руб. в кредитные кооперативы, успешно конкурировавшие со сберегательными кассами.

Так что оспаривать успех реформы могут лишь негативисты, но у них профессия такая.

Тем не менее, снова повторю, что я разделяю реалистичный подход самого ГУЗиЗ к оценке своей деятельности за 1909–1913 гг.: «Настоящий краткий отчет за пятилетие представляет собой первую попытку оглянуться на пройденный за эти годы путь, дать общий очерк деятельности ведомства в связи с его программю, свести воедино главнейшие цифровые итоги в той широкой перспективе, в которой утрачивают всякое значение и второстепенные ошибки и недочеты, – несомненные и многочисленные – и второстепенные успехи, и резко выступают лишь главные линии, общий смысл совершающейся работы.

Конечно, в такой перспективе яснее обнажается **вся недостаточность этой работы по сравнению с тем, что надо еще сделать, что требуется насущными интересами сельской жизни**, но для правильной оценки сделанного и для отчетливого сознания предстоящих задач, подведение время от времени таких итогов необходимо»⁴⁴².

Таким образом, ведомство совершенно не обольщалось достигнутым и не страдало обычной для отечественной бюрократии во все времена «исторической болезнью» – головокружением от промежуточных успехов

И эта сдержанность в оценке всех перечисленных выше бесспорных успехов и достижений – уже и тогда уникальных для человечества, – квалификация их лишь как итогов «подготовительного периода» была одним из залогов того, что, несмотря на то, что аграрный коммунизм еще оставался реальностью для миллионов крестьян, Россия успешно пройдет тот долгий путь, на который она вступила в 1906 г.

Если надеяться на будущее как естественный вывод из прошлого, то у преобразования России, известного как Столыпинская аграрная реформа, несомненно, было большое будущее.

Преобразования прямо, хотя и не в равной мере, затрагивали все пять сфер, в которых идут модернизационные процессы, – политическую, социальную, культурную, экономическую и психологическую. Благодаря реформе антирыночная и антимодернизационная ментальность большей части населения страны стала размываться.

И здесь необходимо привести еще одно очень важное соображение в пользу того, что Петр Аркадьевич Столыпин доказал свою Теорему.

Выше приводились слова И. М. Страховского, убежденного, что стоит только обществу отказаться от привычных взглядов на крестьянина, как «мы, наконец, увидим» в нем «не загадочное существо особой породы, а просто человека со всем присущим ему разнообразием общечеловеческих запросов и потребностей.

Мы откроем в нем тогда богатый запас дремлющих сил не того мистического характера, который грезились народникам, а сил реальных и жизненных, которыми, несмотря на все неблагоприятные условия, создана и расширена русская земля от моря до моря».

Переступить через застарелые догматы смогло не все общество, но это оказалось неважным.

Жизнь подтвердила правоту Ивана Михайловича.

Народ России оказался достоин обретенной свободы, в том числе и потому, что он начал повышать свою личную годность. Да, это не самый комфортный термин, однако чрезвычайно емкий и важный.

Вспомним мысли П. Б. Струве: «Большая **производительность** всегда опирается на более высокую личную **годность**. А личная годность есть сово-

купность определенных духовных свойств: выдержки, самообладания, добро-совестности, расчетливости.

Прогрессирующее общество может быть построено только на идее личной годности, как основе и мериле всех общественных отношений.

Идею годности англичане выражают словом: efficiency (эффективность), немцы – словом Tüchtigkeit (дельность). Француз просто скажет: force и будет прав. Ибо годность – сила.

...Если идея личной годности есть идея «буржуазная», то я утверждаю, что всякий хороший европейский рабочий – органический «буржуа»⁴⁴³.

В отличие от носителей идеи личной безответственности, люди, исповедующие идею личной годности, выдвигая какие-либо требования, готовы оправдать их своим личным поведением.

И эта книга демонстрирует, что крестьяне России, жаждавшие свободы приложения своих усилий и права самим определять собственную судьбу, своим трудом и поведением оправдали и доказали справедливость и обоснованность этих стремлений.

Вспомним и то, в чем Струве видит общий знаменатель враждебных друг другу «безрелигиозного механического рационализма» русской интеллигенции и «религиозного народничества», «для которого идеал человека – “Иванушка-дурачок”» – они оба **«не уважают и не любят в человеке “силы” и не различают в людях “качества”, т.е. именно того, в чем суть идеи личной годности»**⁴⁴⁴. Тут нельзя не вспомнить, что один из столпов «народолюбия», упоминавшийся выше Каблуков, прямо писал, что личная «предприимчивость» крестьян вредна и опасна⁴⁴⁵.

Так вот. Доказавшие и ежедневно доказывающие свои «силу» и «качество» российские крестьяне больше не нуждались ни в одобрении, ни в порицании этой публики. Как и тех образованных людей, которые видели в народе сборище лодырей и пьяниц. Крестьяне **уже** строили Новую Россию. Другую. Где упорная работа и преодоление трудностей вызывают уважение окружающих и дают людям авторитет.

Да, это не относится ко всем без изъятия 100 миллионам крестьян страны, но к очень многим относится. Ведь реформа только началась, но уже смогла раскрыть в российском народе качества, о которых тот сам, возможно, не всегда знал за собой. Потому что реформа банально раздвигала горизонты и была нацелена на движение людей вверх – в отличие от общины.

Понятно, насколько масштабно перечисленное само по себе. И все же вновь подчеркну – за этим стояло нечто большее, а именно: введение 100 миллионов крестьян в общегражданское правовое поле, что означало конец антикапиталистической Утопии и начало превращения Российской империи в правовое государство, ибо разрывало извечный российский патернализм.

При этом в реальной жизни роль власти намного усилилась, поскольку реформа сразу же заметно расширила сферу компетенции госаппарата и потребовала от него совершенно иного уровня активности и профессионализма. Мы видели, какую роль играла финансовая и организационная поддержка преобразований правительством.

Но это был другая схема отношений между государством и подданными – между пасомыми и ведомыми (ведомыми до поры!) есть принципиальная разница.

По сути реформа начала – и это нужно выделить особо – *мирное*, эволюционное, но притом ускоренное социальное, экономическое и во многом культурное переустройство Российской империи в целом.

Это оказалось возможным потому, что Столыпин использовал огромную силу легитимной самодержавной власти в сугубо креативных целях, подкрепив ее мощью и авторитетом проводимые преобразования.

Реформа показала не только масштабы созидательного потенциала власти, недостаточно востребованного до тех пор, но и значительно возросший класс правительственной деятельности.

В частности, мы помним, что когда, вопреки ожиданиям, на первый план выдвинулось землеустройство, что привело к значительным изменениям в структуре преобразований, ГУЗиЗ успешно справилось с этим, в невиданно короткий срок обучив тысячи землемеров.

На момент начала Первой мировой войны в землеустроительных комиссиях работали порядка 11–12 тыс. сотрудников. Численность правительственного агрономического персонала составила в 1913 г. 9935 человек (в 1909 г. их было 2810) и 3200 земских агрономов, свыше 800 гидротехников, а всего порядка 24 тыс. человек. Одновременно в 1913 г. в сельскохозяйственных учебных заведениях – высших, средних и низших – обучались свыше 21 тысячи будущих специалистов сельского хозяйства.

Таким образом, в реализации реформы прямо и косвенно участвовали, не считая кооператоров, не менее 45 тыс. человек, что сопоставимо с численностью офицерского корпуса Российской империи в 1914 г. (48 тыс. офицеров, врачей и чиновников). И это было лишь начало.

Такие результаты в любом случае можно назвать выдающимися, особенно с учетом того, что в 1906–1908 гг. все начиналось буквально с нуля, с 200 землемеров и неукomплектованных за недостатком кадров землеустроительных комиссий.

За годы реформы внутри образованного класса сформировался слой людей, специальностью которых стало мирное переустройство российской деревни.

Реформа начала воплощать любимую мечту Б. Н. Чичерина о союзе власти с лучшими силами общества.

К такому я отношу, разумеется, не критиков реформы всех мастей, для которых она стала моментом истины, продемонстрировавшим воистину крепостнический уровень их социального расизма.

Скверно приходилось социалистам – ведь успех преобразований просто лишал жизнь многих из них смысла, убирая важнейшую причину революции; это отлично понимал, в частности, В. И. Ленин.

Стоит только вдуматься в насквозь фальшивую и лицемерную ситуацию, когда правительство – извечный «противник вольности» – подвергалось жестокой травле за то, что предоставило крестьянам полноту гражданских прав, в том числе право собственности на землю.

Критики преобразований не видели противоречия в том, что они, «народные избранники», и среди них члены «партии народной свободы», заседаая в вожделенном российском парламенте, Думе, голосуют против предоставления каждым четверым из пяти своих сограждан элементарного права по своей воле распоряжаться собственной жизнью, против их права быть владельцами земли, которую они обрабатывают.

И не важно, чем прикрывались оппоненты Столыпина: «народолюбием» во всех возможных вариантах (охранительном, лево- и правосоциалистическом), заботой о духовных скрепах нации или иной словесной эквилибристикой: что бы они ни говорили, какие бы аргументы ни приводили – в основе их критики лежала апология рабства и социальный расизм.

Я уже писал о том, что знаменитая своим цинизмом мысль Ленина – нравственно то, что служит интересам пролетариата, – до 1917 г. не просто витала в воздухе. Для русской интеллигенции, вне зависимости от партийной маркировки, подобный подход был сам собой разумеющимся и неотъемлемым элементом осмысления окружающего мира, что, конечно, не было случайным. Ведь социалистов не десантировали с «летающих тарелок»: «В этом своеобразном отношении к философии сказалась, конечно, вся наша малокультурность, примитивная недифференцированность, слабое сознание безусловной ценности истины и ошибка морального суждения»⁴⁴⁶.

Заканчивая в 1918 г. цитированный выше очерк «Социально-этические корни в русской постановке аграрного вопроса», Н. П. Макаров утверждает, что «психология здорового крестьянства» является «безусловной этической ценностью», которой «можно социально (! – М. Д.) любоваться, а русской интеллигенции от него можно оздоравливать свою психологию. **А русской интеллигенции действительно придется лечиться духовно**, если только она хочет активно участвовать в творчестве жизни. Ибо если еще и до сих пор возможна такая гимназическая постановка вопроса, как постановка сравнительно недавно сделанная Гиммером-Сухановым в споре с Огановским: «Кто нужнее: социалист или агроном?», то нет сомнения, что **мы больны и тяжело больны**»⁴⁴⁷.

Спорить с Макаровым невозможно – история подтвердила его правоту.

Я считаю, что глобально большим значительная часть общества вышла из крепостного права.

В. О. Ключевский не зря писал о том, что это общество вступило в новую жизнь после 1861 г. с «запасом привычек», который он обтекаемо именует «недобрыми». И среди них важное место занимало отсутствие четких нравственных ориентиров и критериев*.

* В этом плане очень характерна дневниковая запись А. А. Блока 1917 г.: «Почему «учредилка»? Потому что – как выбираю я, как все? Втемную выбираем, не понимаем. И почему другой может быть за меня? Я один за себя. Ложь выборная (не говоря о подкупах на выборах, которыми прогемели все их американцы и французы).

<...> Инстинктивная ненависть к парламентам, учредительным собраниям и пр. Потому, что рано или поздно некий Милюков произнесет: «Законопроект в третьем чтении отвергнут большинством».

Это ватерклозет, грязный снег, старуха в автомобиле, Мережковский в Таврическом саду, собака подняла ногу на тумбу, m-me Врангель тренькает на рояле (блядь буржуазная), и все кончено...

Медведь на ухо. Музыка где у вас, тушинцы проклятые? Если бы это – банкиры, чиновники, буржуа! А ведь это – интеллигенция! Или и духовные ценности – буржуазны? Ваши – да.

Но «государство» (ваши учредилки) – не все.

Есть ещё воздух.
И ты, огневая стихия,
Безумствуй, сжигая меня:
Россия, Россия, Россия,
Мессия грядущего дня!..»

В апреле 1919 года Владислав Ходасевич писал в письме своему другу-монархисту: «Пусть крепостное право, пусть Советы, но к черту Милюковых, Чулковых и прочую «демократическую» погань. Дайте им волю – они «учредят» республику, в которой президент Рябушинский будет пасти народы железом железным, сиречь аршином. К черту аршинников!.. Россию, покрытую бюстом Жанны Гренье, Россию, «облагороженную» «демократической возможностью» прогрессивного выращивания гармонических дамских бюстов, – ненавижу, как могу.

Верю и знаю, что нынешняя лихорадка России на пользу... Будет у нас честная трудовая страна, страна умных людей, ибо умен только тот, кто трудится. И в конце концов монархист Садовский споется с двухнедельным большевиком Сидором, ибо оба они сидели на земле, – а Рябушинские в кафельном нужнике... К черту буржуев, говорю я.

Быть большевиком не плохо и не стыдно. Говорю прямо: многое в большевизме мне глупо боко по сердцу».

Что и говорить, весьма выразительные, емкие документы, едва ли требующие пространного комментария.

Живучими оказались традиции славянофилов и Герцена!

Ненависть к пошлости (о, пустынный Блок!) в одной связке с презрением к праву и правам, к демократии. И «кафельный нужник» как системообразующий фактор – это сильно!

Замечу только, что, живя в комфорте, пусть и относительно, легко презирать права человека и «сытое, пошлое буржуазное благополучие», по определению Б. М. Сарнова, соединившего в своей работе эти мысли Блока и Ходасевича (Феномен Солженицына. М.: ЭКСМО. 2012. С. 382–384). Однако замечу, что истинную цену этой якобы «пошлости», важность прав, «буржуазной» учредилки и «перехода к третьему чтению» Блок, возможно, поймет, когда будет вымалывать у большевиков жизнь. И НЕ ВЫМОЛИТ.

Если по-другому не получается, то осознание важности права приходит и таким образом.

И в этом не было ничего удивительного. Барская людская, где бы она ни находилась – в захудалом ли именьеце потомков Петруши Гринева, в роскошном ли Смелянском имении графов Бобринских (правнуков Екатерины II и Григория Орлова), в Зимнем ли дворце, – скверная школа нравственности.

К счастью, реформа продемонстрировала, что российская «партия здравого смысла» оказалась куда многочисленнее, чем могло показаться в утаре 1905–1906 гг.

После 1906 г. для людей неравнодушных открылись абсолютно новые, почти неизвестные русской истории возможности участвовать в жизни страны, и правительству нашлось, с кем работать.

Сотрудничество с общественностью стало одним из приоритетов ГУЗиЗ. С самого начала реформа была принципиально нацелена на преодоление извечной оппозиции «Мы – Они», возникшей в русском обществе в эпоху Николая I и резко усилившейся в начале XX века, то есть на масштабное сотрудничество с общественностью, с местными силами – везде, где это было необходимо и возможно. Так постепенно начала складываться новая модель взаимоотношений правительства и общества.

Проявилось это многообразно – в создании десятков (в сумме – сотен) союзов по землеустройству, агрономии, сельскому хозяйству, мелиорации, комитетов, организации множества выставок – очень важного в то время сегмента коммуникации. А организация десятков тысяч самых разных кооперативов?

Множество различных источников убедительно показывает, что новая схема отношений власти и общества оказалась не «бесмысленным мечтанием», не благим пожеланием, а реальностью российской жизни.

ГУЗиЗ смогло привлечь к участию в реформе тысячи представителей образованного класса самых разных политических взглядов, сделав их своими союзниками (вольными или невольными, постоянными или временными – в данном случае неважно!).

Правительство сумело найти общий знаменатель совместной деятельности – осознанная образованными людьми возможность эффективной самореализации, пробудившаяся у них заинтересованность в настоящем Деле, в том, чтобы помочь стране сдвинуть деревню «с мертвой точки векового застоя, голодовок и темноты народной», используя свои профессиональные навыки и человеческие качества.

Они поняли, вспоминая А. В. Тыркову-Вильямс, что Россию двинут вперед не «отвлеченные теории» не «политическая алгебра», а «немудрая арифметика», позволяющая крестьянам выйти за рамки обыденности, – агрономическое и хозяйственное просвещение, кооперация.

Тысячи образованных людей, работавших в самых разных сферах реформы, начали реализовывать новые сценарии своей жизни, в основе которых

лежала повседневная созидательная работа, приобщавшая миллионы крестьян, а значит, и Россию, к новой жизни.

И мы знаем, что их усилия не пропадали даром и что крестьянство оказалось во многом «благодарной аудиторией».

Успех преобразований в огромной степени был связан с новой генерацией российских крестьян, родившихся после 1861 г., для которых мифологическое сознание было преодоленным или преодолеваемым этапом развития личности. Они ощущали себя полноценными людьми в прямом смысле слова, не желали мириться с гнетом общины, жаждали самостоятельности и ответственно ее проявляли.

Конечно, все было непросто, однако очевидно, что народ в большой мере был готов к переменам, вытекавшим из получения им полноты гражданских прав. Следовательно, «развращающее действие казенного социализма» (Столыпин) затронуло далеко не всю деревню.

Реформа была нацелена на пробуждение таких качеств, как самостоятельность, ответственность, трудовая инициатива и деловая предприимчивость, и выяснилось, что этот расчет был верным и что сто лет назад в нашем народе в данном смысле было, что выявлять.

Годы преобразований продемонстрировали определенную степень открытости значительной части крестьянства, его готовности к изменению базовых характеристик повседневности. Это само по себе вело к довольно быстрым изменениям к психологии значительной части деревни; я имею в виду, в частности, фиксируемые источниками перемены в отношении к крестьян земле, в их трудовой этике, шире – другой взгляд на свою жизнь вообще.

Понятно, что эти сложнейшие процессы только начинались и их нельзя уподоблять чему-то механическому. Однако то, что сто лет назад наш народ был способен меняться, так сказать, «взрослеть» – для меня очевидно.

И в этой ситуации созданный «народолюбцами» треугольник Карпмана, в котором народу отводилась роль «преследуемого», переставал работать. Это ясно следует из источников – от текстов С. Т. Семенова до отчетов агрономов и материалов крестьянского конкурса в 1913 г.

Народ выходил из статуса вечного «агнца на заклание» и сам становился хозяином своей судьбы. А из психологии известно, что один из верных способов выйти из положения жертвы, – это обретение самостоятельности и самодостаточности, что неизбежно повышает самооценку.

Новое русское общество начинало строиться снизу, прощаясь с навязанной властью имущими коллективизмом. В стране появились миллионы носителей индивидуальных ценностей. Лично я убежден, что новая Россия должна была вырасти из этого импульса народа.

Страна зримо начала меняться.

Ряд современников отмечает огромный созидательный эффект синтеза энергии, разбуженной революцией 1905 г., и начавшейся аграрной реформы, а затем и промышленного подъема, давших выход этой энергии.

Так, философ Ф. А. Степун, в ту пору молодой лектор, разъезжавший по стране, вспоминает: «Москва росла и отстраивалась с чрезвычайной быстротой. Провинция преображалась, пожалуй, еще быстрее Москвы.

У нас в Московской губернии шло быстрое перераспределение земли между помещиками и крестьянством. (Известно, что накануне революции в распоряжении крестьянства находилось уже больше 80% пахотной земли).

Подмосковные помещики, поскольку это не были Маклаковы, Морозовы, Рейнботы, беднели и разорялись с невероятной быстротой; умные же и работоспособные крестьяне, даже не выходя на отруба, быстро шли в гору, смекалисто сочетая сельское хозяйство со всяческим промыслом: многие извозничали в Москве, многие жгли уголь, большинство же зимою подрабатывало на фабриках.

Большой новый дом под железную крышею, две, а то и три хорошие лошади, две-три коровы – становились не редкостью. Заводились гуси, свиньи, кое-где даже и яблонные сады. Дельно работала кооперация, снабжая маломочных крестьян всем необходимым: от гвоздя до сельскохозяйственной машины...

Ширилась земская деятельность. Планомерно работал земский случной пункт под надзором двух дельных ветеринаров, к которым я часто ездил в гости. Начинала постепенно заменяться хорошею лошадью мелкая, малосильная лошаденка – главный старатель крестьянского хозяйства. Улучшались больницы и школы, налаживались кое-где губернские и уездные учительские курсы. Медленно, но упорно росла грамотность.

Было бы, конечно, большою ошибкою утверждать, что хозяйственный и культурный подъем в одинаковой степени охватывал всю Россию. Равномерным он мог бы быть лишь в результате планомерной, правительственной работы. Но правительство, во всяком случае, в культурно-просветительной области, не работало, а в лучшем случае не мешало работать общественным силам: земству, городским самоуправлениям и отдельным талантливым личностям (от себя добавлю – очень часто давая им деньги – М. Д.).

Там, где такие личности находились, работа кипела и жизнь цвела; там же, где их не находилось, жизнь хирела и прозябала. Но таких «медвежьих углов» становилось в России, как мне помнится, из году в год все меньше и меньше.

Из своих четырехлетних лекторских разъездов по провинции я вынес определенное впечатление, что **начиная с 1905-го года многое начало видимо меняться в ней.**

Исчезли пригородные кварталы, в которые нужно было ходить со своим фонарем; даже в небольших провинциальных городах начало появляться электрическое освещение. Появились автомобили, которым в иных захолустных городах приходилось выдерживать атаки возвращающегося с поля стада. Помню рассказ о позорном водворении такого пионера культуры на двух волах в ближайший пожарный сарай какого-то уездного украинского города.

Юг развивался быстрее центра.

В Херсонской губернии вместо привычных ярмарок начались ежегодно устраиваться сельскохозяйственные выставки, которые с большим интересом посещались крестьянами. Мне рассказывали, что на одной из таких выставок можно было выиграть в лотерею верблюда, подаренного выставочному комитету передовым помещиком в качестве особенно сенсационной рекламы нового дела.

В Николаеве, где я читал дважды перед очень живой аудиторией, значительная часть вывоза хлеба уже велась кооперативами. Украинские деревни, опасаясь пожаров, начинали покрываться черепицей, великорусские – железом. Не только в уездных городах, но и в больших селах начали появляться женские и мужские прогимназии.

Наряду с ростом хозяйственного благополучия росла и культурная самодеятельность. Расширялась сеть провинциальных театров, учащались разъезды по большим провинциальным городам столичных актеров 201. Расширялась сеть провинциальных театров, учащались разъезды по большим провинциальным городам столичных актеров, писателей и лекторов.

...Я знаю, мои сведения и наблюдения над хозяйственным и культурным ростом довоенной России случайны, отрывочны и малосущественны. Все это я видел лишь мельком, из окна вагона. Будь я земцем, кооператором или, наконец, просто человеком с тем живым интересом к общественно-политической жизни, который во мне впоследствии пробудили война и революция, я безусловно мог бы сообщить гораздо больше интересного и важного, но все же я думаю, что мои скудные и поверхностные впечатления по-своему показательны: как-никак они учат тому, что **даже человеку с закрытыми на общественную жизнь глазами, нельзя было не видеть быстрого, в некоторых отношениях даже бурного роста общественных сил России накануне злосчастной войны 1914-го года**⁴⁴⁸.

А вот мнение А. Тырковой-Вильямс, члена ЦК партии кадетов: «Революция 1905 г. провела глубокие борозды, перепахала всю Россию, но ничего не сокрушила, не оборвала преемственности старой власти, не сломала быта, на который столетиями опиралась Россия. Новые ростки побежали от старых корней. Народное представительство было только одним из проявлений народной энергии, разбуженной событиями, войной, забастовками, речами,

новыми идеями, быстро проникавшими в мозги. Ну и, конечно, тем, что говорилось в Думе.

Во всех областях пошли сдвиги.

Стремительно развивалось просвещение и все отрасли народного хозяйства, промышленность, банки, транспорт, земледелие. Трудно было уследить за движением, осмыслить все, что происходило в стране...

Во время Третьей Думы правительство созвало в Петербурге съезд городских голов для обсуждения городского уложения, финансов, кредитов. Среди съехавшихся городских деятелей оказалось довольно много членов кадетской партии. Наши провинциальные товарищи пришли в думскую фракцию рассказать о своей деятельности. Живое, постоянное общение с провинциалами было одним из наших хороших партийных обычаев, заложенных Шаховским.

Они приносили с собой освежающее дыхание великой империи, которую не только чиновники, но и думцы, и общественники, жившие в столице, часто воспринимали чисто кабинетно.

Увлеченные столичной суматохой, они, они недооценивали того, что творится в глубине России, того, с какой быстротой налаживаются новые условия жизни. С тем большим интересом, почти волнением слушали мы доклады городских деятелей.

Особенный успех имели сибиряки. Городской голова Новониколаевска (переименован теперь в Новосибирск. – А. Т.-В.) имел большой успех*. Он рассказывал, как за какие-нибудь 10 лет маленький поселок разросся в образцовый город с 200 000 населения. Были разбиты сады, проложены хорошие мостовые, проведены трамваи, электричество, телефон, построены просторные общественные здания, школы, театр, комфортабельные частные дома. Маленький поселок перегнал старые города, получал все, что давала тогда передовая техническая цивилизация. Мы слушали что-то, напоминающее рассказы из американской жизни. Молодой городской голова видел, какое он производит впечатление на слушателей, и явно гордился своим городом. Это льстило его сибирскому честолюбию. Сибиряки свой край любили и заботиться о нем умели.

Росту городов и промышленности помогала правительственная система кредитов, правильная постановка железнодорожного хозяйства... Железные дороги отлично обслуживали интересы населения и в то же время не ложились бременем на казну. Дешевые дифференциальные тарифы для пассажиров и товаров очень помогли **быстрому экономическому и просветительному** росту.

Этот рост ощущался на каждом шагу, даже в нашем небольшом деревенском углу. Мужики становились зажиточнее, были лучше обуты и одеты.

* В. И. Жернаков (1878–1942).

Пища у них стала разнообразнее, прихотливее. В деревенских лавках появились такие невиданные раньше вещи, как компот из сушеных фруктов. Правда, он стоил только 18 коп. фунт, но прежде о такой роскоши в деревне не помышляли, как не воображали, что пшеничные пироги можно печь не только в престольный праздник, но каждое воскресенье. А теперь пекли, да еще с вареньем, купленным в той же деревенской лавке.

Варенье было скверное, но стоило оно 25 коп. фунт, был в нем сахар, были ягоды, все вещи, от которых под красной властью коммунистов пришлось отвыкнуть. С быстрым ростом крестьянского скотоводства и в Европейской, и в Азиатской России увеличилось производства молока и масла.

Жизнь действительно становилась обильнее, легче. В ней пробивалась всякая новизна, о которой не было помину, когда я молодой девушкой жила в Вергеже. Деревенская молодежь стала грамотной. Сама по себе грамотность не вносила резкой духовной перемены в деревенский быт, т.к. потребности у учению у большинства по-прежнему не было.

Но над общим уровнем уже вставало отборное меньшинство, завелась думающая молодежь. Стали появляться деревенские интеллигенты из крестьян. Одни из них отрывались от земли, уходили в города, другие возвращались после школы в деревню и там, в родной обстановке, становились местными общественными деятелями, искали способы улучшить крестьянскую жизнь.

Правительство шло им навстречу. Уж на что у нас было принято ругать каждое министерство отдельно и все правительство в целом, но и оппозиция вынуждена была признать, что министерство земледелия хорошо работает, систематически проводит в жизнь очень разумный план поднятия крестьянского хозяйства.

Мелкий кредит, ссуды для кооперации, производительной и потребительской, опытные сельскохозяйственные станции, агрономические школы, разъездные инструктора, склады орудий, семян, искусственные удобрения, раздача племенного скота – все это быстро повышало производительность крестьянских полей. Министерство действовало не столько через своих чиновников, сколько через местных людей, земцев, крестьян»⁴⁴⁹.

Я далек от абсолютизации воспоминаний Степуна и Тырковой, как и любых других, однако замечу, что они не единственные в этом роде. Понятно, что легко привести противоположные свидетельства, притом в изобилии, – ведь о «крахе» реформы написана целая библиотека.

Тут, однако, есть нюанс, который делает бессмысленным, условно говоря, соревнование – одни свидетели против других. Найти негативные оценки положения в российской деревне и в России в 1861–1916 гг. проще просто, а вот положительные – причем столь панорамные, какие дают Степун и

Тыркова, – до 1909–1910 гг., т.е. до момента, когда реформа Столыпина развернулась всерьез, полагаю, несколько сложнее.

Сама возможность появления подобных отзывов, немислимых в предшествующее время, свидетельствует о позитивном векторе развития преобразований.

Экономический рывок, сделанный Россией в ходе модернизации Витте – Столыпина, был огромен. Напомню, что средний темп промышленного роста России в конце XIX – начале XX века, согласно расчетам П. Грегори, подтвержденным Л. И. Бородкиным, составил 6,65%, в силу чего Россия в этот период была «абсолютным рекордсменом как по темпам роста промышленного выпуска, так и по темпам роста производительности труда».

Народнохозяйственные успехи сами по себе изменяли политическую ситуацию в стране, что прекрасно понимали оппозиционные политики, в том числе тот же Ленин.

Вместе с тем индекс модерности сознания населения страны, если бы его можно было измерить, далеко отставал бы от индекса промышленного развития. Это и понятно – слишком долго правительству и большей части общества средневековая психология крестьянства казалась национальным достоянием, не говоря уже о тактических удобствах, которые предоставляла такая психология для управленческих целей.

Мировая война и революция

Банкротство наше, левых деятелей, теперь совершенно несомненно. Если мы не шарлатаны, а честные работники, мы не имеем права теперь, после четырехлетнего опыта, приведшего Россию к гибели, не пересмотреть наших лозунгов, всей нашей идеологии и не сказать о результатах этого пересмотра массам, которые мы – пусть невольно – ввели в заблуждение и, поведя по ложной дороге, погубили... Мы представляли себе нашу роль в истории как какой-то триумфальный марш по вершинам веков в поучение всем народам. Мы ошиблись: нам предстоит не светлое торжество победителей, а унижение и позор побежденных...

И. Ф. Наживин. Записки о революции. 1921 г.

Я уже писал о том, что хотя – с внешней стороны – Февральские события начались с возмущения женщин в хлебных очередях Петрограда, но попытка представить революцию 1917 г. как «голодный бунт», в роде породивших Смуту катаклизмов 1601–1603 гг., совершенно несостоятельна. Поражения в войнах актуализируют у населения эмоции совсем другого порядка, чем го-

лодные спазмы. Как и революция 1905 г., революция 1917 г. произошла, условно говоря, «от головы», а не «от желудка».

Часто приходится слышать вопрос: «Если в царской России все было так хорошо, как вы говорите, то почему произошла революция?»

Начинать ответ приходится с того, что нигде и никогда ни мои коллеги-единомышленники, ни я сам не утверждали, что в Российской империи «все было хорошо».

Главное же состоит в том, что в самом вопросе заключена путаница. Он смешивает три разных, хотя и взаимосвязанных, как все в истории, сюжета.

Первый из них – проблема успеха российской модернизации, второй – проблема устранения от власти Николая II, то есть его отречения, третий – проблема возможности устроить в стране массовое безнаказанное мародерство, то есть «черный передел».

Николай II был свергнут не потому, что его экономическая политика провалилась, а в первую очередь из-за его неумения, как считалось, успешно вести войну.

Этот важнейший момент почему-то упускается из виду, когда задают данный вопрос. И понятно, почему упускается: советская власть всю свою 75-летнюю пропаганду строила на том, что революция случилась именно из-за обнищания трудящихся масс, да и в постсоветское время от этих утверждений не отказались. Поколения были воспитаны в этой парадигме, и плоды такого воспитания никуда не исчезнут.

Выдающиеся результаты, с которыми Россия встретила новый 1914 год, не означали, что у нее не было трудностей, не было проблем. Были – как и во всякой стране с многонациональным населением в 175 млн человек и огромной территорией. Однако они не были связаны с ухудшением положения народа, как нас уверяют уже сто лет.

Страна вступила в Первую мировую войну, находясь на пике экономического развития. Новейшие исследования доказывают, что трудности Первой мировой войны Империя переживала легче, чем ее противники, в первую очередь Германия. Б. Н. Миронов убедительно доказывает, что «только Россия не испытывала серьезных проблем с продовольствием. Во всех воюющих странах положение с продовольствием было гораздо хуже, чем в России, в том числе во Франции и Англии, не говоря уже о Германии и Австро-Венгрии»⁴⁵⁰. Л. И. Бородкин констатирует рост реальной заработной платы рабочих вплоть до 1917 г.⁴⁵¹

Л. Н. Литошенко демонстрирует, что война опровергла все пессимистические прогнозы относительно ее влияния на сельское хозяйство и жизнь деревни, которые были популярны в первые недели военных действий. Сразу после объявления войны семьи призванных начали получать от государства

денежные пособия, согласно закону от 25 июня 1912 г., весьма широко определившему круг лиц, имевших на это право. Это был один канал получения деревней денег, причем быстро возраставший.

За первые 5 месяцев войны было выдано пособий на сумму свыше 267 млн руб. В 1915 г. объем пособий достиг 623,7 млн руб., в 1916 г. – 1106,8 млн руб., в 1917 г. – около 3 млрд руб. Преобладающая часть этих гигантских сумм попадала в деревню, где ее значение было тем больше, что одновременно с выдачей пособий призванные на войну члены семьи переходили на казенное содержание и соответственно вычеркивались из расходного бюджета семьи.

Помимо «казенных пособий война еще и косвенным образом увеличивала денежные доходы крестьянина. Она оставила в его карманах ту сумму, которая тратилась раньше на покупку водки и других спиртных напитков. Для всей России эта сумма составляла почти 1,25 млрд руб. в год. Вместе с доходом от казенных пособий составлялась внушительная цифра (для 1916 г., например, – 2,5 млрд руб.), которая с избытком перевешивала денежные убытки от разорения промыслов»⁴⁵².

Понятно, что развитие аграрного сектора в годы Первой мировой войны, как и всей экономики, шло неоднозначно. Тем не менее вывод Литошенко категоричен: «Военное хозяйство принесло крестьянину не вред, а пользу. Все исследователи и наблюдатели деревни констатируют ее значительный расцвет с первого же года войны. Вместе с потоком бумажных денег в деревню потекли предметы городской культуры и комфорта. Крестьянин стал обзаводиться лучшей одеждой, обувью, граммофоном, мягкой мебелью. Сельское население переживало период небывалого ранее благополучия»⁴⁵³, что лучше всего доказывает сельскохозяйственная статистика этого времени.

При этом успехи деревни не были эфемерными. Если в торгово-промышленной сфере влияние войны было неоднозначным, то в аграрном секторе война усилила и укрепила тенденции, сформировавшиеся в крестьянском хозяйстве в годы реформы.

Война не требовала от сельского хозяйства чего-то необычного, как это было с промышленностью, которой пришлось перестраиваться на военный лад. Все производство мирного времени было востребовано и в войну.

«Не будет преувеличением сказать, – завершает свою мысль Литошенко, – что, если бы мировая война не окончилась для России революцией, русское сельское хозяйство начало бы свой путь послевоенного развития от более высокой точки, чем та, на которой его застала война»⁴⁵⁴.

Есть и другие свидетельства того, что отнюдь не бытовыми проблемами, в том числе проблемой питания, исчерпывалась жизнь людей в 1914–1916 гг.

Напомню, в частности, что с 1 января 1914 г. до 1 января 1916 г. число кредитных кооперативов увеличилось на 2 423, а количество их членов – на 1817,2 тыс. человек, то есть на 18,6% и 22% соответственно.

В 1913 г. число сберкнижек выросло на 515,8 тыс., за 1914 год – на 248,8 тыс., за 1915 г. – на 714,7 тыс., а за первые полгода 1916 г. – на 1028 тыс., то есть больше, чем за 1914-й и 1915 гг. вместе взятые. На 1 января 1914 г. в сберегательных кассах насчитывалось 8 609 тыс. книжек, а на 1 июля 1916 г. – 11 013 тыс.⁴⁵⁵, то есть на 27,9% больше.

Если в 1913 г. было открыто 548 новых государственных сберегательных касс, в 1914-м – 500, а в 1915-м – 802, то за январь – сентябрь 1916 г. – 2730 (!). В итоге на 1 октября 1916 г. в России числилось 12 585 сберегательных касс, то есть на 4033 кассы (на 47,1%) больше, чем на 1 января 1914 г.⁴⁵⁶ Иными словами, за неполных три года число сберегательных касс выросло почти в полтора раза.

Полагаю, это совсем неплохие, а главное – весьма неожиданные показатели для страны – участницы тотальной войны, мобилизовавшей самую большую в мировой истории армию – порядка 14 млн. мужчин, многие из которых были главами семейств.

Эти цифры плохо сочетаются с образом доведенного до отчаяния, до безысходности и так далее народа.

Так в чем же, спросят читатели, причина взрыва «народного гнева»?

Парадокс, однако, в том, что в феврале 1917 г. никакого взрыва не было. «Конец самодержавия» происходит даже без аккомпанемента холостого выстрела «Авроры». Февральские события возникают как бы ниоткуда, что прямо ставит вопрос о мере предопределенности свержения монархии.

Традиционная точка зрения состоит в том, что Февраль 1917 г. – это, условно говоря, ответ Истории на «системный кризис самодержавия». Убедительно аргументированная позиция С. В. Куликова такова – Февраль 1917 г. – это успешный верхушечный заговор под лозунгом «революция во имя победы», вызванный стремлением переломить ход войны, отодвинув от руководства Николая II с его «изменницей»-царицей, за пределами уронивших «распутинщиной» свой престиж. Заговорщики, находившиеся в тесном контакте с Рабочей группой ЦВПК, сумели прежде всего через Гвоздева в нужный момент поднять петроградский пролетариат и придать своему заговору вид массового возмущения народных масс⁴⁵⁷.

Разница между этими подходами – громадная.

Потому что в первом случае – речь идет о глобально неверной стратегии развития страны в течение длительного периода, а этому противоречит все, что мы знаем о преобразованиях Столыпина.

Во втором же варианте речь идет о роковой недалекости достаточно узкой элитарной группы, самонадеянно пробудившей силы, с которыми

она наивно рассчитывала совладать, но, разумеется, справиться не смогла. Не будь заговора во главе с А. И. Гучковым – до осени 1918 г. русская армия безусловно удержала бы фронт, и Россия оказалась бы державой-победительницей*. Едва ли не лучшее свидетельство того, что революция не вытекала из логики развития страны как после 1906 г., так и после 1 августа 1914 г., – произнесенные Лениным в январе 1917 г. известные слова о том, что «нам, старикам», грядущей революции уже не увидеть.

Массовость революции, особенно заметная с началом аграрных погромов, и Гражданская война – от Владивостока до Прибалтики и Бессарабии, как бы сами собой подразумевают наличие каких-то глобальных причин, способных всколыхнуть 160 млн. человек.

А тут какой-то заговор?!

Как-то несолидно получается.

Мне приходилось слышать от коллег скептические замечания по этому поводу в стиле: ну вот, опять теория заговора, конспиративные сюжеты.

В ответ я задаю вопрос: действительно ли Петр III умер от геморроидальных колик, а Павел I – от апоплексического удара?

Такая ли редкость подобный заговор в нашей истории и истории других стран с неустоявшимся правовым режимом и слабым правосознанием элит?

Ведь в любой внешне преуспевающей стране всегда имеются скрытые предпосылки революции, поскольку в социальной жизни общества неизменно присутствуют те или иные противоречия. Почему они выходят или не выходят на поверхность, актуализируются или остаются потенциальными возможностями – отдельная большая тема.

И если возмущение все же начинается, то ключевой вопрос в том, **что** играет роль детонатора. В данном конкретном случае не снижение уровня жизни, а поражения на фронтах сначала привели нескольких слишком инициативных людей к мысли о том, что Россия не сможет победить в войне, пока ею руководит Николай II, и с лета 1915 г. они начали готовить отстранение императора от власти, еще не планируя конца монархии в России.

Обернулось все иначе – главной причиной революционных катаклизмов, на мой взгляд, стало падение монархии. Именно этот фактор, начавший действовать со 2 марта 1917 г., нарастая вширь и вглубь в пространстве и времени, и всколыхнул огромную страну, запустив своего рода цепную реакцию одичания ее населения.

---

* Напомню, что в марте-апреле 1915 г. Англия и Франция согласились, в частности, на передачу России после войны Константинополя и проливов, а в 1916 г. – и значительной части восточной Турции («области Эрзерума, Трапезунда, Вана и Битлиса», а также части Курдистана). (История СССР с древнейших времен до наших дней... Т. VI. С. 543–544.)

С нашей страной произошла следующая страшная вещь – отречение изолированного и запуганного генералами Николая II росчерком пера уничтожило привычную, незыблемую для большинства из 160 млн. жителей России систему мироздания, вековой порядок вещей, в центре которого стояла фигура Императора. После 2 марта люди проснулись в другом мире.

И включило механизм реализации апокалиптического провидения Достоевского: если Бога нет, значит, все дозволено. По моему глубокому убеждению, все последующее вытекает из этого.

Падение монархии дало массе крестьянства моральную санкцию на реализацию своей вековой мечты – «черного передела». Как крестьяне могли воспринять крушение обычного правопорядка? Вот они и стали осуществлять свои мечты.

Российские газеты за март-апрель 1917 г. дают обильную информацию, позволяющую без труда прогнозировать дальнейшее развитие событий.

Не зря С. В. Зубатов, экс-начальник Московского охранного отделения, узнав об отречении императора, молча вышел в свой кабинет и застрелился. Он, в отличие от Гучкова и Ко, точно знал, что будет дальше, и не хотел на это смотреть. Так же, как и Витте, не исключавший в силу знания характера Николая II трагического разворота событий и не раз повторявший, что не хотел бы него дожить.

Иначе говоря, с ликвидации монархии началось постепенное разнуздание преобладающей части населения – в тылу и на фронте, освобождение ее от тех нравственных сдержек, которые в привычной жизни обеспечивают приемлемое общежитие, нормальную коммуникацию между людьми вообще и представителями различных социальных страт в частности.

Отречение царя разбудило архетипы сознания, тонкий слой цивилизации был в секунду – с точки зрения Истории – сметен проявившейся возможностью творить зло безнаказанно.

Большинством населения новая власть априори не могла восприниматься как настоящая, к тому же она, начиная с «Приказа № 1», не упустила ни одной возможности, чтобы разубедить народ в этом мнении.

Пресса того времени, многие мемуаристы зафиксировали бесчисленные свидетельства постепенного сползания страны в анархию и хаос.

Власть стремительно теряла авторитет и переставала внушать не то что страх, но даже опаску; тут многое было отрететировано в 1905–1906 гг. «Сколько агнцев обратилось бы в тигров, если бы не страх», – писал Н. М. Карамзин, и спорить с ним невозможно – история каждой массовой революции, в числе прочего, подтверждает его мысль.

Много позже Б. Д. Бруцкус так очертил соотношение обсуждаемых проблем. Перечисляя уже известные нам факторы успеха реформы Столыпина,

он отмечает важность вызванного революцией 1905 г. духовного подъема, который поколебал вековую рутину, пробудил мысль народа и стимулировал его энергию, а преобразования «дали этой энергии известный выход для деятельности».

Перед войной в нее были втянуты «все живые элементы крестьянства.

Одни строили свое хозяйство на купленной у Крестьянского банка земле, другие выделялись в хутора или отруба, третьи уходили на новые земли в Азиатскую Россию. Наиболее культурные элементы крестьянства втягивались в кооперативное строительство.

Никогда еще так ярко не намечались прогрессивные течения в русском крестьянском хозяйстве, как накануне войны. Община разлагалась, а вместе с ней отмирали и «чернопередельческие» настроения.

Ничто не предвещало бури.

И если она все-таки пришла, то была вызвана чисто внешней причиной.

Русская революция вообще и русская аграрная революция в частности есть результат тяжелой войны, непосильной для неокрепшей еще страны, – войны, совпавшей с роковым разложением ее исторической власти.

Стремительное крушение исторической власти вызвало на поверхность все разрушительные силы. Дух общины и «черного передела» ожил вновь. Вдруг представилась возможность осуществить мечты народа, которые не удалось осуществить в 1905 году. Интеллигенция к этому призывала, и народ соблазнился»⁴⁵⁸.

Да, народ, исковерканный правовым нигилизмом своей истории, «соблазнился».

Но интеллигенция?!

Лучшие якобы умы?!*

В свете всего вышесказанного не столь важен вопрос о том, как совмещается успешное развитие России в предвоенный период, повышение благосостояния крестьянства с теми ужасами, которые оно творило в 1917–1918 гг.

Мой ответ таков: народ не выдержал испытания возможностью безнаказанного мародерства.

Но часто ли представители *Homo sapiens* такое испытание выдерживают?

И в данном контексте, полагаю, не так важно, когда началась аграрная реформа Столыпина. В условиях 1917 г. от «черного передела» Россию могли спасти только эффективные силы охраны правопорядка, а именно они конкретными условиями и не подразумевались.

---

* Кстати, в 1917 г. стали «усиленно реставрироваться» старые идеи «о социалистичности нашего земельного уклада как готовом основании для социализма и о нашей славянской миссии – толкнуть вперед косный и заблуждающийся Запад». (Чернышев И. В. Аграрно-крестьянская политика ... С. XVIII).

И здесь самое время заглянуть за кулисы «Декрета о земле» 26 октября 1917 г. и оценить махинации, которые с ним, точнее, с нами проводят целое столетие.

Декрет объявляет, что «частная собственность на землю ликвидируется». Однако не нужно думать, что – как нас всех учили – что речь идет только о помещичьей собственности.

Декрет аннулировал частную собственность на землю не только помещиков, но и всех остальных социальных категорий населения, в том числе и крестьян. Во-первых, речь идет о 2,5 млн. укрепленцев, затем о 1,2 млн. хуторян и отрубников. Во-вторых, еще до 1905 г. крестьяне имели в частной собственности 23 млн. дес., а в ходе реформы, как мы знаем, они купили у Крестьянского банка или через него еще 10 млн. дес. То есть, все они копили деньги на эту землю, покупали ее – впустую.

Во-вторых, согласно закону 1910 г., миллионы крестьян в непеределывшихся общинах стали собственниками своей земли и де-факто могли реализовывать свое право когда им заблагорассудится.

Но и это не все.

Ведь наделная земля на 1 января 1907 г. была полностью выкуплена. Да, большая часть земли оставалась в общине и ею пользовались на общинном праве. Но потенциально эта земля *уже* была крестьянской собственностью. Ведь приватизация только началась.

Нам как-то не сразу приходит в голову, что «Декрет о земле» просто-напросто уничтожил результаты всей выкупной операции по реформе 1861 г. Оказалось, что три поколения крестьян выкупали землю, нередко с большим напряжением, напрасно.

Да, множество крестьян было в 1906–1916 гг. против частной собственности и выступало против Столыпинской аграрной реформы. Но это отнюдь не означало, что с течением времени они не изменили бы своей позиции – например, вернувшись с фронта после знакомства с сельским хозяйством австро-венгерских или румынских крестьян.

Это не означало также, что их дети принимали на себя моральное обязательство отвергать частную собственность и т. д.

Теперь этот путь был закрыт – только потому, что кучка – в сравнении с численностью населения страны – недоучек мечтала о мировой революции.

Конечно, масса крестьян в силу ряда причин и прежде всего низкой правовой культуры не осознавала всего этого. Позже они вникли в эту проблему предметно – помогут и продовольственная диктатура, и продразверстка и страшная гражданская война, закончившаяся голодом 1921–1922 гг. с 5,5 миллионами жертв.

Начавшийся «черный передел» коснулся и земель многих хозяйственных, зажиточных крестьян, которые сами немедленно стали объектом дележа.

В стране насчитывалось порядка 15 тысяч волостей и каждая волость в этом плане была маленьким самостоятельным государством. То есть все зависело от конкретных реальных местных условий в деревне А, Б, В, Г, Д и далее по пунктам.

Итак, сначала все крестьянство ограбило всех помещиков, потом бедные и средние крестьяне сделали то же самое с кулаками, а иногда и с середняками, а потом Советская власть в 1930 г. экспроприировала всех, кого смогла.

Таковы вехи решения аграрного вопроса в России.

Народ, как мы знаем, сполна за все расплатился, но никому от этого легче не стало.

Напомню, что согласно прогнозам Д. И. Менделеева, принявшего в 1906 г. среднегодовой темп прироста населения в 1,5%, в 1950 г. в России должно было насчитываться 282,7 млн. чел., а к 2000 г. – 594,3 млн. чел.⁴⁵⁹

Э. Тэри в 1914 г., исходя из того, что за 1900–1912 гг. прирост населения Империи составил 26,7%, сделал вывод – если такие темпы сохранятся в будущем, то население России составит к 1948 г. 343,9 млн. чел.⁴⁶⁰

Однако на начало 1951 г. в СССР жило 182,3 млн. чел.⁴⁶¹

Нужно ли спрашивать, почему наша страна не досчиталась ста миллионов человек – даже относительно осторожного прогноза Менделеева?

В 1942 г. в Москве Сталин сообщил У. Черчиллю, что коллективизация обошлась в 10 миллионов жизней.⁴⁶²

Если представить, что эти люди встали бы вдоль железной дороги и взялись за руки, причем на каждого человека пришлось бы не более метра, то один миллион погибших занял бы расстояние в тысячу километров. Таким образом, непрерывная цепь жертв коллективизации протянулась бы до Владивостока...

* * *

Эта книга – о том, насколько труден был путь России в целом и 100 миллионов российских крестьян, в частности, к свободе.

Тем ценнее победа П. А. Столыпина, которому в считанные годы удалось начать преобразование жизни и психологии миллионов людей.

Да, кажется, что вся история Российской империи утонула в безумии Революции и гражданской войны и последующем «социалистическом строительстве».

И все же, надеюсь, эта книга оптимистична, потому что показывает, что наш угрюмый цивилизационный код возможно преодолеть, что не все у нас бесполезно, не все бессмысленно, – хотя столетие, прошедшее после отречения Николая II и окончания гражданской войны, приучило нас к обратному.

То, что с началом реформы Россия не просто находилась на подъеме, – она вступила в принципиально новый, восходящий период своей истории, важно не только для академической науки.

Вред, нанесенный негативистской трактовкой предвоенной истории России, огромен, и в первую очередь потому, что это она во многом сформировала тот отчасти нигилистический, отчасти безнадежный взгляд на нашу историю, который поныне преобладает во многих умах и который лишает нашу страну перспектив.

Мои исследования, как и труды моих коллег-единомышленников, показывают также, что построенные на традиционной историографии (особенно в части «провала» аграрной реформы Столыпина) теоретические, историософские работы страдают весьма существенным изъяном.

Их авторам неизвестен большой массив информации, принципиально меняющей их пессимистический взгляд на русскую историю и не позволяющей закольцевать наше прошлое (и будущее) в безысходный патерналистский круг.

Это незнание неизбежно упрощает историю России. Не понимая сути и истинного масштаба событий предвоенного 20-летия, эти люди как бы пролистывают его в череде других «неудачных» (неправильных?) периодов нашего прошлого и интерпретируют его неверно.

А следствием этого становится якобы неизбежность – а для многих авторов и оправданность – большевистского «эксперимента» – ведь все остальное, дескать, было испробовано.

А между тем безусловный факт успеха модернизации Витте-Столыпина ломает эту схему и демонстрирует, что Россия была способна вполне успешно идти в сторону построения правового государства и полноценного гражданского общества. Да, этот путь был бы долгим и сложным, однако **не невозможным**. И определенно не более трудным, чем путь «построения социализма в одной отдельно взятой стране».

В то же время – это книга о том, как **жизненно** важно, чтобы элиты – и правительство, и общество – имели адекватное представление о себе и окружающем мире, в чем национальная спесь – плохой помощник.

Иначе это чревато крушением той **действительности**, в которой они – до поры – предаются беспочвенным мечтаниям на эти темы, а бывает, что и страны, в которой их почитают за элиты.

Глядя постфактум на пореформенную историю и ее трагический финал, поневоле приходишь в ужас, природа которого вполне понятна.

Это не ситуация, когда режим рушится из-за проводимой его лидером агрессивной внешней политики, которая не соответствует возможностям страны, – случай Карла XII, Наполеона, Гитлера.

Это ситуация, когда элиты вполне осознанно выбрали в качестве модели социально-экономического развития страны пореформенную версию аграрного коммунизма, в беззаконии которого так или иначе воспиталось три поколения российских крестьян, встретивших новый 1917 год. Катастрофические последствия этого выбора известны. Особенно обидно, что подобный исход многие предсказывали еще до 1861 г., однако их голос не был услышан.

И ведь нельзя сказать, что правительство не осознавало, что такое разумная аграрная политика. Мы видели горько ироничное сравнение – успешной агротехнологической революции во «вражеской» Польше и почти полувековые мучения русской деревни, которую та же власть обрекла на тяжкую невольную жизнь.

Немного найдется примеров подобной вопиющей политической близорукости образованного класса, столь глобального непонимания элитами гибельности избранного пути развития страны, какой дает Россия.

И тут, казалось бы, самое время заклеить их и закончить книгу.

Однако полноценно сделать это не получится.

Потому что не меньший ужас в том, что это непонимание была вполне естественно и даже предсказуемо.

Это нормальная реакция отсталой традиционной страны на модернизацию, которая грозит нарушением привычной жизни. В Японии по этому поводу была гражданская война. Привычка, инерция – великая движущая сила Истории. Известны случаи, когда в МЛС люди накануне освобождения совершают преступления, чтобы не менять привычной среды обитания.

В частности, от страны победившего патернализма иного ждать было просто невозможно.

Ведь что такое патернализм?

Система взаимоотношений, исходящая из тезиса о неспособности подданных, «подвластных» и т.д. к рациональному мышлению и самостоятельному принятию рациональных и эффективных решений. Поэтому ключевые (и не только) вопросы бытия за них должен решать кто-то другой, кто в данной системе координат считается более компетентным, а это, конечно, вышестоящие всех мастей – вне зависимости от их IQ, а также социальной страты, где происходит действие.

Патернализм подразумевает пассивность народа, ибо крестьяне – «аппарат для выработки податей», «и сей есть их жребий». Для огромной части элит иное положение было просто невыносимым, поэтому народ был обречен на общину и со всеми вытекающими последствиями.

За века патернализм стал неотъемлемой и весьма органичной частью сознания большинства жителей России вне зависимости от социального положения. Разумеется, он не мог (и не может) быть отменен механически.

Конечно, далеко не все образованные люди поверили в «волшебную сказку», сочиненную славянофилами и Герценом с Чернышевским

Разумеется, скептики не оспаривали уникальности нашей истории (впрочем, и не нашей тоже), но не понимали, почему из-за этого мы должны воспринимать достижения человечества только в военно-технической сфере.

Однако не «партия здравого смысла» принимала решения и формировала общественное мнение.

В тренде были социалистическо-крепостнические настроения, подогреваемые воспоминаниями о былом военном величии.

Когда задумываешься о восприятии носителями этих идей реальных потребностей и нужд России, то из цензурных вариантов ответа на ум приходит история о том, как Папа Пий IV велел прикрыть наготу фигур «Страшного Суда» Микеланджело, что и сделал Даниэле Да Вольтерра, прозванный за это современниками «штанописцем» (Braghettone).

Отечественные «штанописцы» исходили (и исходят) из официально-парадной, «правильной» трактовки нашей «самобытности», которая всегда стремилась красивыми словами замаскировать тот банальный факт, что «скрепы» во все времена почему-то означают ущемление прав населения страны.

А Столыпина они перекрашивают так, что от его понимания «Великой России» остается только «Мы им всем покажем!», произносимое с ноздревскими интонациями.

Между тем Петр Аркадьевич (как и С. Ю. Витте, как и Б. Н. Чичерин) Великую Россию видел правовым государством, страной, где люди имеют реальные права, где они имеют полную возможность самореализации, где правительство не противник, а союзник своих граждан. При этом, естественно, страной, соответствующей своей великой истории, а значит, умеющей за себя постоять. Тут нет ни малейшего противоречия.

Новое общественное настроение еще при Николае I, т.е. в разгар крепостничества, объявило нас пределом совершенства и тем самым лишило стимула к поступательному развитию в ряде важнейших аспектов. Ведь, как и всякая монополия, монополия на идеал ведет к загниванию.

Естественно, когда на такие идеи есть повышенный общественный спрос, всегда появляются те, кому хочется быть большими католиками, чем Папа Римский.

Не уверен, что мне хотя бы наполовину удалось передать в книге ту злость и то чувство обиды «за державу», которые тысячи раз охватывали меня при чтении самодовольных разухабистых текстов народников-«самобытников» всех времен и мастей – и просто неучей, и недоучек с профессорскими регалиями, и государственных мужей с «толстыми» эполетами и звездами.

Это под аккомпанемент «парадной самобытности» мы ввязались в русско-японскую войну и заполучили революцию 1905 г.

Это ею – и не слишком опосредованно – были сформированы «бесправная личность и самоуправная толпа», – движущая сила Русской революции.

Это ее вариация была одной из главных идейных опор советской власти; как и в 1900-х гг. опора сгнила, сыграв выдающуюся роль в крушении той страны, в которой мое поколение родилось и выросло.

Кто сосчитает, во что обошлось России, всем нам это ложно понятое величие своей страны?

И вот теперь мы видим новый виток тех же настроений, которые уже не раз доводили Россию до катастрофы.

Да, заканчивать эту книгу куда сложнее, чем подводить итоги преобразований Столыпина.

Позволю себе привести обширную цитату из В. С. Соловьева, поскольку это не тот случай, когда мысли можно пересказывать. В 1892 г. он писал: «Представим себе человека от природы здорового и сильного, умного, способного и незлого – а именно таким и считают все и весьма справедливо наш русский народ. Мы узнаем, что этот человек или народ находится в крайне печальном состоянии: он болен, разорен, деморализован.

Если мы хотим ему помочь, то, конечно, прежде всего постараемся узнать, в чем дело, отчего он попал в такое жалкое положение. И вот мы узнаем, что он в лице значительной части своей интеллигенции, хотя и не может считаться формально умалишенным, однако одержим ложными идеями, граничащими с манией величия и манией вражды к нему всех и каждого.

Равнодушный к своей действительной пользе и действительному вреду, он воображает несуществующие опасности и основывает на них самые нелепые предположения.

Ему кажется, что все соседи его обижают, недостаточно преклоняются перед его величием и всячески против него злоумышляют. Всякого из своих домашних он обвиняет в стремлении ему повредить, отделиться от него и перейти к врагам, – а врагами своими он считает всех соседей.

И вот вместо того, чтобы жить своим честным трудом на пользу себе и ближним, он готов тратить все свое состояние и время на борьбу против мнимых козней. Воображая, что соседи хотят подкопать его дом и даже напасть на него вооруженною рукой, он предлагает тратить огромные деньги на покупку пистолетов и ружей, на железные заборы и затворы. Остающееся от этих забот время он считает своим долгом снова употреблять на борьбу – со своими же домашними.

Узнав все это и желая спасти несчастного, мы... постараемся убедить его, что мысли его ложны и несправедливы. Если он не убедится и останется при своей мании, то ни деньги, ни лекарство не помогут...»⁴⁶³.

И вот когда я вижу, что происходит вокруг, мне совсем не смешными видятся ироничные, на первый взгляд, параллели между сегодняшним пропагандистским мейнстримом и тем, что писал великий русский философ 130 лет тому назад.

Это значит, что уроки снова не выучены, что мы снова идем по тому же кругу – со вполне предсказуемыми последствиями.

Опять торжествуют «как-нибудь» и «кое-как».

И все же.

И все же...

Никто не знает будущего.

Примечания к третьей части

- 1 *Кофод К.* 50 лет в России. М., 1997. С. 130–135.
- 2 Там же. С. 137–140.
- 3 Там же. 143.
- 4 Там же. С. 150.
- 5 Там же. С. 157–158.
- 6 Там же. С. 159.
- 7 *Кофод А. А.* Крестьянские хутора на надельной земле. СПб., 1905.
- 8 Из архива С. Ю. Витте....Т. 2. С. 43–44.
- 9 Там же. С. 44.
- 10 Там же. С. 46–48.
- 11 Из архива С. Ю. Витте...Т. 1. Кн. 2. СПб. 2003. С. 537–541.
- 12 *Куломзин А. Н.* Пережитое ... С. 445.
- 13 *Симонова М. С.* Кризис аграрной политики царизма накануне первой русской революции. М.: Наука 1987. С. 9–10.
- 14 Там же. С. 12–17.
- 15 *Гурко В. И.* Черты и силуэты прошлого... С. 160.
- 16 Там же. С. 164–165.
- 17 Труды Редакционной Комиссии по прересмотру законоположений о крестьянах. В 6-ти т. СПб., Типография МВД. 1903. Т. I. С. 1–102.
- 18 Там же. С. 89.
- 19 Там же. С. 23–24.
- 20 Там же. С. 25.
- 21 Там же. С. 92.
- 22 Там же. С. 92–93.
- 23 Там же. С. 98–99.
- 24 *Гурко В. И.* Черты и силуэты... С. 219.
- 25 Красный архив. 1923. Т. 3. С. 144.
- 26 *Симонова М. С.* Кризис аграрной политики царизма ... С. 145.
- 27 *Риттих А. А.* Крестьянский правопорядок ... С. 1.
- 28 *Шидловский С. И.* Общий обзор трудов местных комитетов. СПб., 1905. С. 43.
- 29 Объяснительная записка к проекту положения об улучшении и расширении крестьянского землевладения. СПб., 1907. С. 2–3.
- 30 Там же. С. 3.
- 31 *Бржеский Н. К.* Очерки аграрного быта ... С. 65.
- 32 Объяснительная записка ... С. 7.
- 33 Там же. С. 7–8.
- 34 РГИА Ф. 408. Оп. 1. Д. 696. Л. 46об.
- 35 *Бржеский Н. К.* Очерки аграрного быта... С. 70–71.
- 36 Там же. С. 71–72.
- 37 Отчетные сведения о деятельности Землеустроительных комиссий на 1 января 1912 года. СПб., 1912. С. 20–21.
- 38 *Гурко В. И.* Черты и силуэты ... С. 387–388.
- 39 Там же. С. 390.
- 40 Там же. С. 395.

- 41 Протоколы по крестьянскому делу... Протокол 22 января 1905 г. С. 29–30.
- 42 Там же. С. 40.
- 43 *Гурко В. И.* Черты и силуэты ... С. 396.
- 44 Там же. С. 401.
- 45 Там же. С. 403.
- 46 История внешней политики России. Конец XIX – начало XX вв. (от русско-французского союза до Октябрьской революции). М., Международные отношения. 1997. С. 146.
- 47 Из архива С. Ю. Витте... Т. 1. Кн. 1. С.499.
- 48 Там же. Т. 2. С. 23.
- 49 *Гурко В. И.* Черты и силуэты... С. 311.
- 50 *Поликарпов В. В.* От Цусимы к Февралю. Царизм и военная промышленность в начале XX века. М.: «Индрик». 2008. С. 266.
- 51 Из архива С. Ю. Витте ... Т. 2 С. 43.
- 52 Первый съезд Союза промышленных и торговых предприятий Российской империи. А.О. Немировский. Перспективы русской промышленности и торговли. СПб., 1905. С. 2–3.
- 53 *Вольский А. А.* Производительные силы и экономическо-финансовая политика России. 2-е исправленное издание. СПб., 1905. С. 3–4.
- 54 *Бруцкус Б. Д.* Аграрный вопрос и аграрная политика. Пг., 1922. С. 76.
- 55 *Соловьев В. С.* Мнимые и действительные меры к подъему народного благосостояния // *Собрание сочинений.* 2-е издание СПб., 1911–1914. Т. 5. С. 466–473.
- 56 *Бруцкус Б. Д.* Аграрный вопрос ... С. 105–106.
- 57 *Ермолов А. С.* Наш земельный вопрос ... С. 21.
- 58 *Лиленфельд-Тоаль П. Ф. (П. Л.)* Земля и воля. СПб., 1868. С. 158–159.
- 59 Там же. С. 159–160.
- 60 *Шидловский С. И.* Воспоминания... С. 130–131.
- 61 Там же. С. 137–138.
- 62 Там же. С. 68.
- 63 Там же. С. 68–69.
- 64 Там же. С. 69.
- 65 *Столыпин П. А.* Переписка. М. Росспэн. 2004. С. 168–169.
- 66 Там же. С. 174–176.
- 67 *Гурко В. И.* Отрывочные мысли по аграрному вопросу. СПб., 1906. С. 38–41.
- 68 *Столыпин П. А.* Нам нужна великая Россия. Полное собрание речей в Государственной Думе и Государством Совете. 1906–1911. М. 1991. С. 51.
- 69 ПСЗ №27478, С. 199–201; Землеустройство в Европейской России за 1906–1912 гг. Задачи, результаты, организация и средства. СПб., 1912. С. 6–7.
- 70 *Особые журналы Совета министров царской России.* 1906 г. Вып. 2. М., 1982. Особый журнал Совета министров 9 и 12 сентября 1906 г. С. 333–334.
- 71 ПСЗ № 28528 С. 970.
- 72 *Хейсин М.Л.* Кредитная кооперация в России (Исторический очерк и современное положение). Пг.: Книгоиздательство Кооперативной Литературы «Мысль», 1919. С. 88.
- 73 *Тюкавкин В. Г.* Великорусское крестьянство и Столыпинская аграрная реформа. М., 2001. С. 124–158.
- 74 История СССР с древнейших времен до наших дней. Т. 6. С. 379.

- 75 *Халютин П. В.* (сост.) Крестьянское хозяйство в России. Извлечение из описаний хозяйств, удостоенных премий в память трехсотлетия Царствования Дома Романовых. Т. 2. Вып. 2. Малороссийские губернии. Пг., 1915. С. 6–9.
- 76 Там же. Центральные земледельческие губернии. Т. 2. Вып. 1. С. 88–101.
- 77 *Карл Кофод*. 50 лет в России. 1878–1920. М., 1997. С. 197–198.
- 78 Там же. С. 198–199.
- 79 Обзор деятельности ГУЗиЗ за 1907 и 1908 гг. СПб., 1909. С. 27–28.
- 80 РГИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 957. Л. 2.
- 81 *Анфимов А. М.* Неоконченные споры // Вопросы истории. М., 1997, № 6. С. 60.
- 82 *Давыдов М. А.* Всероссийский рынок... С. 781–786.
- 83 Там же. С. 107; РГИА, ф. 408, оп. 1, д. 696, лл. 147об–148.
- 84 *Кофод А. А.* Русское землеустройство. СПб., 1913. С. 118.
- 85 Там же.
- 86 Там же. С. 118–119.
- 87 Там же. С. 107.
- 88 *Першин П. Н.* Участковое землепользование в России. М., 1922.
- 89 Там же. С. 9.
- 90 *Гутерц А. В.* Столыпинская реформа и землеустроитель А. А. Кофод. Документы. Переписка. Мемуары. М., 2003. С. 189–190.
- 91 Там же. С. 190.
- 92 *Кофод А. А.* Русское землеустройство... С. 46–47.
- 93 РГИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 696. Л. 49об–50.
- 94 *Давыдов М. А.* 20 лет до Великой войны... С. 772–775.
- 95 *Кофод А. А.* Русское землеустройство... С. 109–110.
- 96 РГИА. Ф. 408, Оп. 1. Д. 827 Л. 49.
- 97 *Давыдов М. А.* 20 лет до Великой войны... С. 499–500, 592–593.
- 98 Столыпинская реформа и землеустроитель А. А. Кофод... С. 185.
- 99 РГИА. Ф. 408. Оп. 3. Д. 33. Л. 36об–37, 39об.
- 100 *Губский Н. Н.* Агрономическая помощь в районах землеустройства за 1913 г. Пг., 1915. С. 23.
- 101 *Давыдов М. А.* 20 лет до Великой войны... С. 519–530.
- 102 *Морачевский В. В.* (ред.). Агрономическая помощь в России. СПб., 1914. С. 124.
- 103 Обзор земских сельскохозяйственных и экономических мероприятий в 1913 г. С. 5.
- 104 *Морачевский В. В.* (ред.). Агрономическая помощь в России... С. 101.
- 105 Сборник узаконений и распоряжений по землеустройству и землевладению крестьян. СПб., 1912. С. 469.
- 106 *Ефременко А. В.* Земская агрономия и ее роль в эволюции крестьянской общины. Ярославль. «Ремдер». 2002.
- 107 *Кауфман А. А.* Агрономическая помощь в России. Самара. 1915. С. 19.
- 108 *Морачевский В. В.* (ред.). Агрономическая помощь... С. 165.
- 109 Там же. С. 166–167; Сведения о деятельности земств по сельскому хозяйству в 1913 г. Вып. 14. Пг., 1916. С. 29.
- 110 Сведения о деятельности земств по сельскому хозяйству... С. 26.
- 111 *Морачевский В. В.* (ред.). Агрономическая помощь... С. 166–167.
- 112 ГУЗиЗ. Итоги работ за последнее пятилетие (1909–1913 гг.) СПб., 1914. С. 7.
- 113 Там же. С. 14–15.
- 114 *Морачевский В. В.* (ред.) Агрономическая помощь... С. 170.

- 115 *Губский Н. Н.* Агрономическая помощь в районах землеустройства ... С. 24.
- 116 *Морачевский В. В.* (ред.) Агрономическая помощь... С. 313–314.
- 117 Там же. С. 330, 333.
- 118 Отчеты инспекторов сельского хозяйства и правительственных агрономов по 25 губерниям Европейской России за 1911 год. в 2-х ч. СПб., 1913. Ч. II. С. 497.
- 119 *Губский Н. Н.* Агрономическая помощь в районах землеустройства ... С. 31–32.
- 120 Там же. С. 37–38.
- 121 Там же. С. 43–44.
- 122 Там же. С. 46.
- 123 Там же. С. 46–47.
- 124 Там же. С. 54–56.
- 125 Отчет о земской агрономической помощи населению Херсонской губернии в 1911 г. Херсон, 1912. С. 21.
- 126 Отчет о деятельности агрономической организации при Екатеринославской губернской Землеустроительной комиссии за 1911 год. Екатеринослав, 1912. С. 58.
- 127 Отчеты инспекторов сельского хозяйства и правительственных агрономов по 25 губерниям Европейской России за 1911 год. Ч. II. Б. Черноземная полоса. СПб., 1913. С. 478–479.
- 128 Отчет о деятельности агронома 2-го района Гадячского уезда Полтавской губернии за 1908 г. Гадяч 1909. С. 1–2.
- 129 Там же. С. 2.
- 130 Там же. С. 3–4.
- 131 Участковая агрономическая организация Самарского уездного земства за 1910 г. Самара, 1912. С. 54.
- 132 Там же. С. 55.
- 133 Там же. С. 54–56.
- 134 *Кауфман А. А.* Агрономическая помощь в России... С. 31.
- 135 Отчет о деятельности агрономического персонала и о мероприятиях земства по улучшению сельского хозяйства в (Ананьевском уезде Херсонской губернии). Б.м.б.г. С. 3.
- 136 Отчет о земской агрономической помощи населению Херсонской губернии в 1912 г. Херсон, 1913. С. 38–39.
- 137 Отчет об организации агрономической помощи в районах землеустройства Херсонской губернии в 1913 г. Составил зав. агрономической помощью в районах землеустройства Херсонской губернии А. А.Сорокин. Херсон 1915. С. 5.
- 138 *Давыдов М. А., Гарскова И. М.* Рынок сельскохозяйственных машин в России в начале XX в. // Круг идей. Материалы VI конференции АИК. М., С. 17–22.
- 139 *Давыдов М. А.* Всероссийский рынок ... С. 556–557
- 140 *Проскуракова Н. А.* Земельные банки Российской империи. М., РОССПЭН. 2002. С. 335–336.
- 141 Там же. С. 342–343.
- 142 Там же. С. 346. При этом 212,2 тыс. ссуд в объеме 421,5 млн. руб. было выдано на покупку 3783,2 тыс. дес. из своих имений, 126,1 тыс. ссуд – на приобретение 5722,1 тыс. дес. за 606,5 млн. руб., 14, 47 тыс. ссуд общей суммой 42,8 тыс. руб. – на покупку 552 тыс. дес. и 9,72 тыс. ссуд под залог наделных земель в объеме 10,9 тыс. руб. для приобретения 284 тыс. дес.
- 143 *Халютин П. В.* (сост.) Крестьянское хозяйство в России. Извлечение из описаний хозяйств... Т. 2. Вып. 2. Малороссийские губернии. Пг., 1915. С. 10–11.
- 144 С. 17.
- 145 Там же. Центральные земледельческие губернии. Т. 2. Вып. 1. Пг., 1915 С. 30–33.

- 146 Там же. Средневолжские губернии Т. 2. Вып. 5. С. 14–16.
- 147 Там же. С. 16.
- 148 Там же. С. 31, 37.
- 149 Там же. Нижневолжские губернии. Т. 2. Вып. 6. С. 45.
- 150 Там же. С. 46–47.
- 151 Там же.
- 152 *Карабанов Н.* Переселение и расселение крестьян. М., 1912. С. 54–56.
- 153 Там же. С. 57–58.
- 154 Там же. С. 60.
- 155 Там же. С. 82.
- 156 Там же. С. 39–41.
- 157 *Куломзин А. Н.* Сибирская железная дорога в ее прошлом и настоящем. СПб., 1903. С. 294.
- 158 *Смирнова В. Е.* Организация перевозки переселенцев в России (1881–1914). Кандидатская диссертация. Челябинск. 1998. С. 54.
- 159 *Куломзин А. Н.* Сибирская железная дорога... С. 310.
- 160 Там же. С. 302.
- 161 Справочная книжка для ходоков и переселенцев (Переселение за Урал в 1913 г.). СПб., 1913.
- 162 Обзор деятельности ГУЗиЗ за 1912 г. ... С. 235–236, 238.
- 163 *Разгон В. Н., Храмов А. А., Пожарская К. А.* Столыпинская аграрная реформа и Алтай. Барнаул. Издательство Алтайского университета. 2010. С. 71.
- 164 Обзор деятельности ГУЗиЗ за 1914... С. 249.
- 165 *Куломзин А. Н.* Сибирская железная дорога ... С. 306.
- 166 Там же. С. 307–308.
- 167 Обзор деятельности ГУЗиЗ за 1907–1908 гг. СПб., 1909. С. 174–175.
- 168 *Тюкавкин В. Г.* Великоорусское крестьянство ... С. 243.
- 169 Обзор деятельности ГУЗиЗ за 1907–1908 гг. ... С. 173–174.
- 170 *Тюкавкин В. Г.* Великоорусское крестьянство ... С. 242.
- 171 Переселение и землеустройство за Уралом (Отчет о работах Переселенческого Управления за 1913 г.) Пг., 1914. С. 32.
- 172 *Куломзин А. Н.* Сибирская железная дорога... С. 334–335.
- 173 Переселение и землеустройство за Уралом ... С. 32.
- 174 Там же. С. 36.
- 175 Там же. С. III–IV.
- 176 *Тресвятский В. А.* Итоги переселенческого дела за Уралом с 1906 по 1915 гг. // Материалы по земельному вопросу в Азиатской России. Вып. 6. Пг., 1917–1918. С. 16. Подсчеты автора.
- 177 Обзор переселения и землеустройства за Уралом (1906–1910 гг.). Пг., 6/г. С. 37–38.
- 178 *Тресвятский В. А.* Итоги переселенческого дела... С. 19. Точные цифры таковы: принято амбулаторно 8707,940 тыс. чел., стационарно – 175 593, которые провели в больнице 2 307 618 дней
- 179 Обзор деятельности ГУЗиЗ за 1913 г. СПб., 1914. С. 11.
- 180 Переселение и землеустройство за Уралом в 1913 г. ... С. 236.
- 181 Обзор деятельности ГУЗиЗ за 1913 г. ... С. VI, 9.
- 182 *Бруцкус Б. Д.* Аграрный вопрос и аграрная политика ... С. 116–117.
- 183 *Давыдов М. А.* 20 лет до Великой войны. С. 729–732.

- 184 *Тюкавкин В. Г.* Великоорусское крестьянство. С. 235–236.
- 185 *Гинс Г. К., Шафранов П. А.* Сельскохозяйственное ведомство за 75 лет его деятельности (1837–1912 гг.). Пг., 1914. С. 86–87.
- 186 *Давыдов М. А.* 20 лет до Великой войны... С. 751–758.
- 187 Там же. С. 758–760.
- 188 Там же. С. 762–763.
- 189 *Неизданный В. Г.* Короленко. В 3-х т. М.: Пашков дом, 2011. Т. 1. С. 66.
- 190 *Бруцкус Б. Д.* Аграрный вопрос и аграрная политика... С. 95, 98.
- 191 *Корелин А. П.* Кооперация и кооперативное движение в России. 1860–1917 гг. М., РОССПЭН. С. 70.
- 192 Отчет по мелкому кредиту за 1910 и 1911 гг. с главнейшими данными за 1912 год. Пг., 1914. С. 5.
- 193 Там же. С. 11.
- 194 Там же. С. 1–2.
- 195 *Бруцкус Б. Д.* Аграрный вопрос и аграрная политика... С. 98.
- 196 Отчет по мелкому кредиту за 1910 и 1911 гг. ... С. 12.
- 197 Отчетные сведения о деятельности Землеустроительных комиссий на 1 января 1915 г. Пг., 1915. С. 24; Отчетные сведения о деятельности Землеустроительных комиссий на 1 января 1916 г. Пг., 1916. С. 25.
- 198 Обзор деятельности ГУЗиЗ за 1907 и 1908 гг. СПб., 1909. С. 12; Обзор деятельности ГУЗиЗ за 1909 г. СПб., 1910. С. 23; Обзор деятельности ГУЗиЗ за 1910 г. СПб., 1911 г. С. 9; Обзор деятельности ГУЗиЗ за 1912 г. СПб., 1913 г. С. 12; Переселение и землеустройство за Уралом в 1914 г. Пг., 1915. С. 29.
- 199 *Миронов Б. Н.* Российская Империя: от традиции к модерну. В трех томах. СПб., Дмитрий Буланин. 2015. Т. 2. С. 237.
- 200 *Давыдов М. А.* Всероссийский рынок... С. 540–546.
- 201 *Бруцкус Б. Д.* Аграрный вопрос и аграрная политика... С. 96–97.
- 202 Отчет по мелкому кредиту за 1910 и 1911 гг. ... С. 65.
- 203 Там же. С. 66.
- 204 Там же. С. 78.
- 205 Отчет по мелкому кредиту за 1913 г. ... С. 63.
- 206 Гранат, т. 37, стлб. 418.
- 207 Отчет по мелкому кредиту за 1910 и 1911 гг. ... Там же. С. 69–70.
- 208 Там же. С. 121.
- 209 *Белинский В.* Учреждения мелкого кредита в 1910 и 1911 годах по материалам Отчета Управления по делам мелкого кредита, в связи с данными за последующие годы. Пг., 1915. С. 44–45.
- 210 Там же. С. 45–46.
- 211 *Корелин А. П.* Мелкий кредит // Петр Аркадьевич Столыпин. Энциклопедия. М., РОССПЭН. 2011. С. 313.
- 212 Статистический ежегодник России на 1908 г. СПб., 1909. С. 455, 463.
- 213 Статистический ежегодник России на 1915 г. СПб., 1916. Отдел XII. С. 96–97.
- 214 Сборник сведений о сельском хозяйстве России и иностранных государств. Год десятый. Пг., 1917 г. С. 563, 569, 581, 583, 585.
- 215 Справочные сведения о сельскохозяйственных обществах по данным на 1915 г. Пг., 1916. (под ред. В. В. Морачевского). С. 1.
- 216 Справочные сведения ... С. 38.

- 217 Там же. С. 227.
218 Там же. С. 5.
219 Там же. С. 312–313.
220 Там же. С. 229–230.
221 Там же. С. 230–232.
222 *Кауфман А. А.* Агрономическая помощь ... С. 19.
223 *Морачевский В. В.* (ред.). Агрономическая помощь ... С. 232–233.
224 Там же. С. 235–236.
225 Там же. С. 236–237.
226 *Дубровский С. М.* Столыпинская реформа: капитализация сельского хозяйства в XX в. Л.: Прибой, 1925. С. 162–164.
227 *Бруцкус Б. Д.* Аграрный вопрос и аграрная политика... С. 181.
228 *Давыдов М. А.* Всероссийский рынок... С. 513–607.
229 *Юрьевский Б.* Возрождение деревни. Пг., 1914. С. 1–3.
230 Там же. С. 3–4.
231 Там же. С. 5–6.
232 Там же. С. 7–8.
233 Там же. С. 9–11.
234 Там же. С. 11.
235 Там же. С. 12.
236 Там же. С. 12–14.
237 *Ермолов А. С.* Современная пожарная эпидемия в России. СПб., 1910. С. 7.
238 Там же. С. 16–18; в книге есть особая глава «Значение огнестойкого строительства для русской деревни» (С. 29–60).
239 Там же. С. 18–19.
240 Там же. С. 19–20.
241 Там же. С. 20–28.
242 Там же. С. 61–62.
243 Там же. С. 66–67.
244 Там же. С. 62, 64.
245 Там же. С. 67–69.
246 Там же. С. 64.
247 Там же. С. 65–66.
248 Там же. С. 68–69.
249 Там же. С. 69–70.
250 Там же. С. 92–94.
251 Там же. С. 70–71.
252 Там же. С. 71–72.
253 Там же. С. 72–75.
254 Там же. С. 78–79.
255 Там же. С. 79.
256 Там же. С. 79–80.
257 Там же. С. 81–83.
258 Там же. С. 83–85.
259 Там же. С. 85–87.
260 Там же. С. 91.
261 Там же. С. 91–92.

-
- 262 Там же. С. 123–124.
263 Там же. С. 124.
264 Там же. С. 115–116.
265 Там же. С. 124–125.
266 Там же. С. 125.
267 Там же. С. 125–126.
268 Там же. С. 126.
269 Там же. С. 117.
270 Там же. С. 177–120.
271 Там же. С. 127–128.
272 Там же. С. 128.
273 Там же. С. 128–129.
274 Там же. С. 129–130.
275 Там же. С. 130–131.
276 Там же. С. 131.
277 Там же. С. 132.
278 Там же. С. 133.
279 Там же. С. 133–134.
280 Там же. С. 139.
281 Там же. С. 139–140.
282 Там же. С. 134–135.
283 Там же. С. 135–137.
284 Там же. С. 141.
285 Там же. С. 137.
286 Там же. С. 141.
287 Там же.
288 Там же. С. 137–138.
289 Там же. С. 138–139.
290 Там же. С. 142.
291 Там же.
292 Там же. С. 143.
293 Там же.
294 *Челинцев А. Н.* Участковая агрономия и счетоводственный анализ крестьянского хозяйства. Самара. Тип. Губернского земства. 1914. С. 6
295 *Юрьевский Б.* Возрождение деревни... С. 143–144.
296 Там же. С. 149.
297 Там же. С. 174.
298 Там же. С. 172.
299 Там же.
300 Там же. С. 172–173.
301 Там же. С. 157.
302 Там же. С. 157–158.
303 Там же. С. 158, 160.
304 Там же. С. 160–161.
305 Там же. С. 176–177.
306 Там же. С. 177–178.
307 Там же. С. 178.

- 308 Там же. С 179–180.
309 Там же. С. 180–181.
310 Там же. С. 181.
311 Там же. С. 181–182.
312 Там же. С. 183, 185.
313 Там же. С. 185, 187, 189, 191.
314 Там же. С. 192–193.
315 Там же. С. 193–195.
316 Там же. С. 196–197.
317 Там же. С. 198–199.
318 Там же. С. 199.
319 Там же. С. 199–200.
320 Там же. С. 200–201.
321 Там же. С. 201–202.
322 Там же. С. 202.
323 Там же. С. 202–203.
324 Там же. С. 203–204.
325 Там же. С. 161–168.
326 *Литошенко Л. Н.* Социализация земли в России... С. 123–128.
327 История СССР с древнейших времен до наших дней. Т. VI. М.: Наука. С. 298–302;
Дубровский С. М. «Столыпинская реформа»... С. 81–89; *Литошенко Л.Н.* Социализация
земли... С. 143–147.
328 Сельское хозяйство России в XX веке. Сборник статистико–экономических сведен-
ний за 1901–1922 гг. М.: «Новая деревня». С. 123–134, 155–156.
329 Там же. С. 160–173.
330 *Полферов Я. Я.* Внешняя торговля России скотом и мясными продуктами в связи с
пересмотром торгового договора. СПб. 1914. С. 1.
331 *Полферов Я. Я.* Русское скотоводческое хозяйство в связи с пересмотром торговых
договоров. Выпуск IV. Пг. 1915. С. 38.
332 Там же... С. 21.
333 Народное хозяйство в 1913 году. Пг.; 1914. С. 204.
334 *Полферов Я. Я.* Внешняя торговля России скотом ... С. 21.
335 Там же. С. 24.
336 Там же. С. 41.
337 Там же. С. 68.
338 Там же. С. 70.
339 РГИА. Ф. 573. Оп. 25. Д. 1191. Л. 28–28об.
340 *Полферов Я. Я.* Русское скотоводческое хозяйство ... С. 77.
341 *Чаянов А. В.* Война и крестьянских хозяйство. М.: Т–во И. Н. Кушнерев и К°, 1914.
С. 4.
342 *Литошенко Л. Н.* Социализация земли в России. С. 146–147.
343 *Миронов Б. Н.* Российская империя: от традиции к модерну... Т. 1. С. 803.
344 Землеустройство в Костромской губернии. 1907–1912 гг. Кострома, 1913. С. 5.
345 ЦГИА Украины. Ф. 442. Оп. 709. Д. 482. Ч. 2. Л. 60.
346 История СССР с древнейших времен до наших дней. Т. VI... С. 299.
347 *Давыдов М. А.* Всероссийский рынок... С. 523.
348 История СССР с древнейших времен... т. VI, С. 576.

- 349 *Натхов Т. В., Василенок Н. А.* Младенческая смертность в пореформенной России: динамика, региональные различия, и роль культурных норм // Историческая информатика. 2020. № 3. С. 71–88.
- 350 *Ермолов А. С.* Сельскохозяйственные этюды. Киев, 1892. С. 63–64.
- 351 *Миронов Б. Н.* Благополучие населения и революции ... С. 557, 662.
- 352 *Давыдов М. А.* 20 лет до Великой войны... С. 232–238.
- 353 Юрьевский. Возрождение деревни... С. 88–91.
- 354 *Беляев, М. М., Беляев С. М.* Сборник задач противоалкогольного содержания. М., 1914. С. 13, 19, 20, 25.
- 355 *Островский А. О.* «Пьяная деревня»: факты и домыслы и факты // Новейшая история России. 2013. № 2. С. 154.
- 356 *Давыдов М. А.* Статистика и политика // Вопросы истории, 2012, № 12. С. 122–140.
- 357 См., в частности, *Корелин А. П.* Ключевые проблемы социально-экономической истории пореформенной России // Индустриальное наследие. Сборник материалов международной конференции. Саранск, 2005. С. 66.
- 358 *Витте С. Ю.* Собрание сочинений и документальных материалов: В 5 т. М.: Наука, 2006. Т. 4. Кн. 1. С. 72.
- 359 История СССР с древнейших времен до наших дней. Т. 6. С. 302.
- 360 *Давыдов М. А.* 20 лет до Великой войны... С. 644.
- 361 Там же. С. 644–687.
- 362 *Прокопович С. Н.* Кредитная кооперация в России. М.: Кооп. Изд-во, 1923. С. 51.
- 363 Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Год десятый. Пг.: [Б.И.], 1917. С. 222.
- 364 *Давыдов М. А.* 20 лет до Великой войны... С. 809–811; *Бруцкус Б. Д.* Аграрный вопрос и аграрная политика. С. 127–129.
- 365 *Полферов Я. Я.* Сельскохозяйственные рабочие. Статистико-экономический очерк. СПб.: Вестник финансов, 1913 г. С. 38. В этой работе осмыслены результаты анкетного обследования рынка сельскохозяйственной рабочей силы, проведенного в 1912–1913 гг. «Торгово-Промышленной газетой».
- 366 Там же. С. 39.
- 367 Там же. С. 8.
- 368 Там же. С. 7–8.
- 369 Там же. С. 39–40.
- 370 Там же. С. 43.
- 371 Там же. С. 9.
- 372 Там же. С. 46.
- 373 Там же.
- 374 Там же. С. 43. Однако примерно 90% этих рабочих – выходцы из польских губерний (*Лейтес К. С.* Русские рабочие в германском сельском хозяйстве. Пг. 1914. С. 18, 21–39).
- 375 Там же. С. 44.
- 376 Там же. С. 44–45.
- 377 Там же. С. 45.
- 378 *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII вв. Т. 2. Игры обмена. М., 1988. С. 345–346.
- 379 Сводная статистика перевозок по русским железным дорогам за 1899 г. СПб., 1902. Вып. 60. С. 60; *Дробижев В., Ковальченко И. Д., Муравьев А. В.* Историческая география СССР. М., 1973. С. 257.

- 380 Давыдов М. А. 20 лет до Великой войны... 2016. С. 355–358.
- 381 Быстров Н. Ф. «Новые крестьянские хозяйства в Пензенской губернии». Пенза 1911. С. 1.
- 382 Там же.
- 383 Там же. С. II–III.
- 384 Там же. С. III.
- 385 Там же. С. 289 и далее.
- 386 Там же. С. 149.
- 387 Там же. С. 145.
- 388 Халютин П. В. (сост.) Крестьянское хозяйство в России... Северные и Приуральские губернии. Т. 1. Вып. 1. С. 3–5.
- 389 Там же. Литовские губернии. Т. 1. Вып. 5. С. 5–6.
- 390 Там же. Малороссийские губернии. Т. 2. Вып. 2. С. 27–32.
- 391 Там же. Белорусские губернии. Т. 1. Вып. 4. С. 6.
- 392 Там же. С. 12.
- 393 Там же. С. 14.
- 394 Там же. Центрально-Черноземные губернии. Т. 2. Вып. 1. С. 4.
- 395 Там же. С. 4–5.
- 396 Там же. С. 6–7.
- 397 Там же. С. 9–10.
- 398 Там же. С. 12.
- 399 Там же. С. 18.
- 400 Там же. С. 18–19.
- 401 Там же. С. 19.
- 402 Там же. С. 19–20.
- 403 Там же. С. 20.
- 404 Там же.
- 405 Там же. С. 25.
- 406 Там же. Малороссийские губернии. Т. 2. Вып. 2. С. 25–26.
- 407 Там же. С. 78.
- 408 Там же. С. 78.
- 409 Там же. С. 78.
- 410 Там же. С. 80.
- 411 Там же. С. 80.
- 412 Там же. С. 82.
- 413 Там же.
- 414 Там же. Средневолжские губернии. Т. 2. Вып. 5. С. 23.
- 415 Там же. С. 21–22.
- 416 Там же. С. 23.
- 417 Там же. С. 23.
- 418 Там же. С. 24.
- 419 Там же. С. 25.
- 420 Там же. С. 26–27.
- 421 Там же. С. 27–28.
- 422 Там же. С. 28.
- 423 Там же. С. 29–30.
- 424 Там же. С. 30.

- 425 Там же. Новороссийские губернии. Т. 2. Вып. 4. С. 23.
- 426 Там же. С. 24.
- 427 Там же. С. 22–23.
- 428 Там же. С. 24.
- 429 Там же. С. 26.
- 430 Там же. С. 28.
- 431 Там же. С. 29.
- 432 Там же. С. 30.
- 433 Там же. С. 3–32.
- 434 Там же. С. 33.
- 435 Там же. С. 34.
- 436 Цит. по: ГУЗиЗ. Итоги работ за последнее пятилетие (1909–1913 гг.). СПб., 1914. С. 28.
- 437 *Тери Эдмон*. Экономическое преобразование России. М.: РОССПЭН. С. 63.
- 438 *Чаянов А. В.* Методы изложения предметов. М., 1916. С. 1–2.
- 439 *Чаянов А. В.* Каким будет наше народное хозяйство после войны? // Крестьяноведение. 2021. Т. 6. № 1. С. 10–11.
- 440 *Чаянов А. В.* Бюджетные исследования. История и методы // Oeuvres Choiesies de A. V. Sajonov. Издательство: S. R. Publishers Limited Johnson Reprint Corporation Mouton & Co 1967. Т. 7 С. 48.
- 441 *Бубликов А. А.* Русская революция. Впечатления и мысли очевидца и участника. Нью-Йорк. 1918. С. 109.
- 442 ГУЗиЗ. Итоги работ за последнее пятилетие (1909–1913 гг.). СПб., тип. «Сельского Вестника». 1914. С. 3–4.
- 443 *Струве П. Б.* Интеллигенция и народное хозяйство // Избранные сочинения. М., РОССПЭН. 1999. С. 81–82.
- 444 Там же. С. 83.
- 445 *Каблуков Н.* ОБ условиях развития крестьянского хозяйства в России. М., 1908. С. 180–182.
- 446 *Бердяев Н. А.* Философская истина и интеллигентская правда // Вехи. М., 1991. С. 28–29.
- 447 *Макаров Н. П.* Социально-этические корни... С. 26.
- 448 *Степун Ф.* Бывшее и несбывшееся. Том 1. Нью-Йорк. 1956. Т. 1. С. 299–301.
- 449 *Тыркова-Вильямс Ариадна.* На путях к свободе. М.: Московская школа политических исследований. 2007. С. 379–381.
- 450 *Миронов Б. Н.* Благополучие населения и революции в имперской России... С. 576–578.
- 451 *Бородкин Л. И.* Промышленность Российской империи и положение рабочих в период между революциями (1906–1916): циклическое развитие и испытания военного времени // Российская империя между реформами и революциями, 1906–1916. Коллективная монография / под ред. А. И. Миллера и К. А. Соловьева. М. : Квадрига, 2021. С. 453–477.
- 452 *Литошенко Л. Н.* Социализация земли... С. 148, 151, 153.
- 453 Там же. С. 157.
- 454 Там же. С. 164.
- 455 Отчет государственных сберегательных касс по сберегательной операции за 1915 год. Пг., 1916. С. 2.
- 456 Там же. С. 4–5.

457 Куликов С. В. «Революции неизменно идут сверху...»: падение царизма сквозь призму элитистской парадигмы // Нестор. СПб., 2009. С. 115–183.

458 Бруцкус Б. Д. О природе русского аграрного кризиса // Сборник, посвященный П. Б. Струве. К 35-летию научной деятельности. Прага, 1925. С. 61–67.

459 Менделеев Д. И. К познанию России. СПб., 1907. С. 12.

460 Тери Эдмон. Экономическое преобразование России... С. 14. Предположенная им численность населения России должна была превзойти суммарное население Германии, Австро-Венгрии, Англии, Франции и Италии (336 млн. чел.), если бы и в этих странах сохранился тот темп прироста населения, что за 1900–1912 гг.

461 Андреев Е. М., Дарский Л. Е., Харькова Т. Л. Население Советского Союза. М., Наука. 1993.

462 Черчилль Уинстон. Вторая мировая война. В 6 т. М., 1955. Т. IV. С. 493.

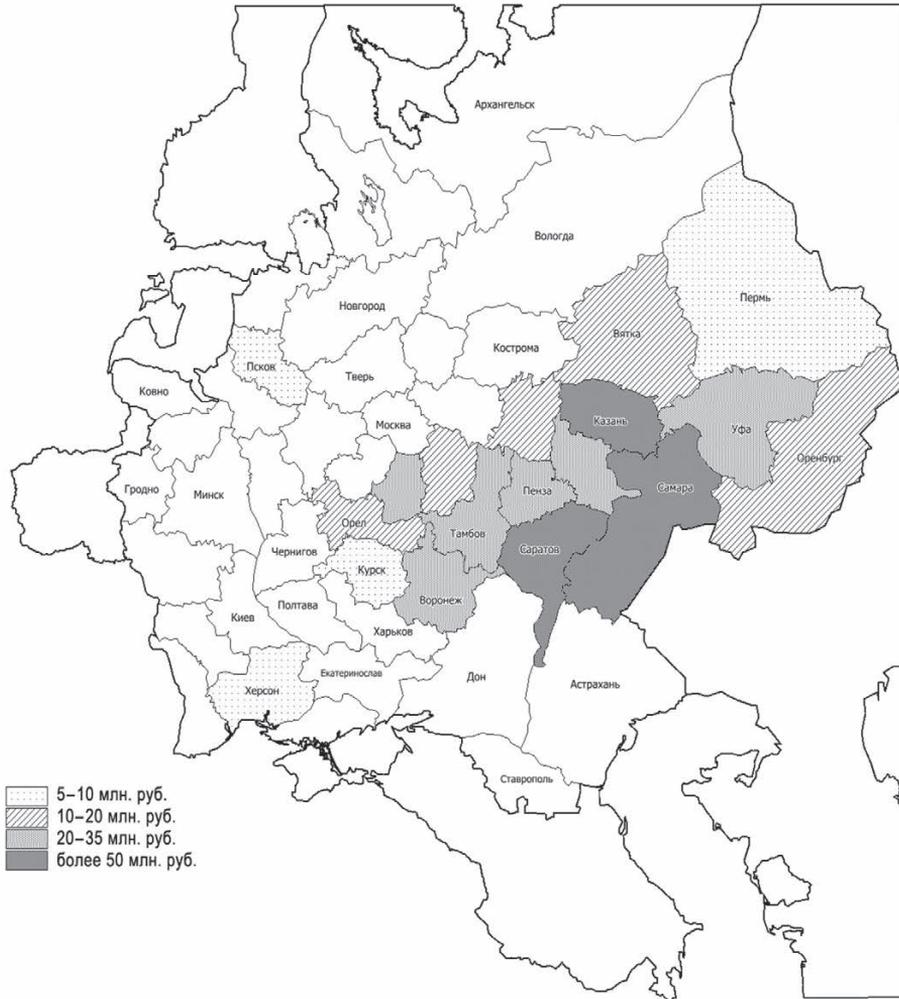
463 Соловьев В. С. Мнимые и действительные меры к подъему народного благосостояния... С. 474–475.

Приложение

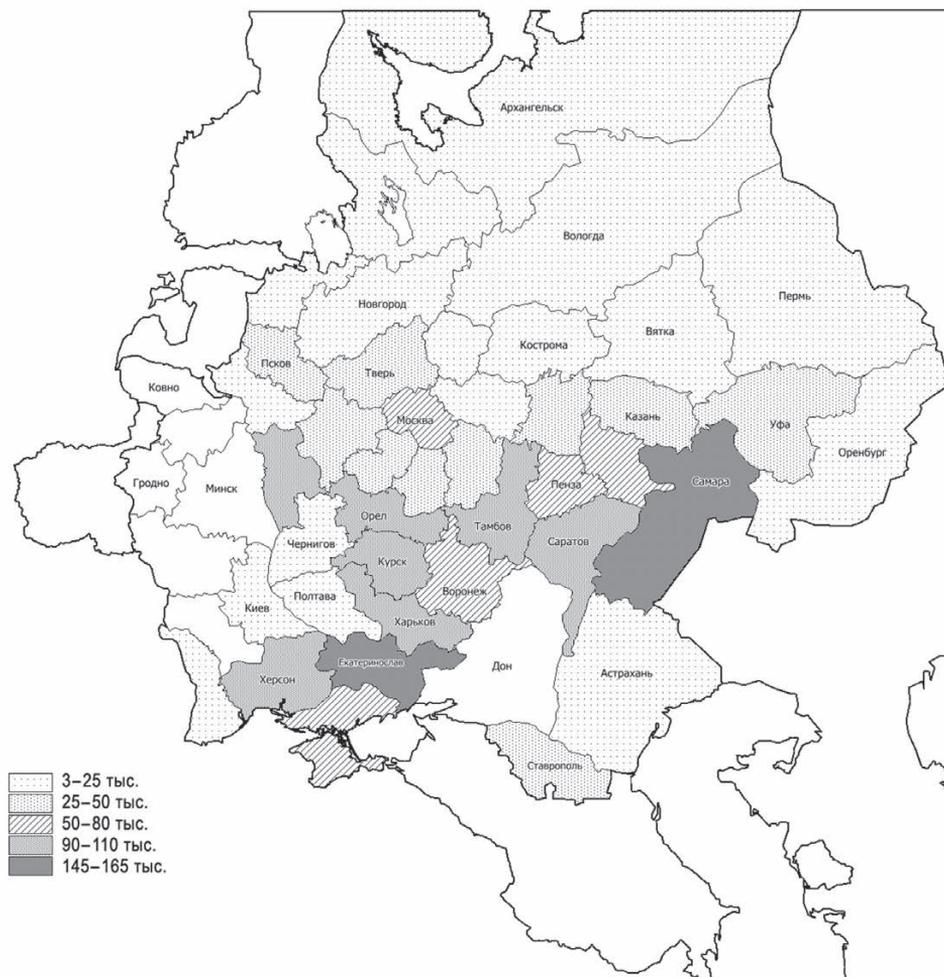

Карта 2. Губернии-лидеры по получению государственной продовольственной помощи в 1891–1908 гг.

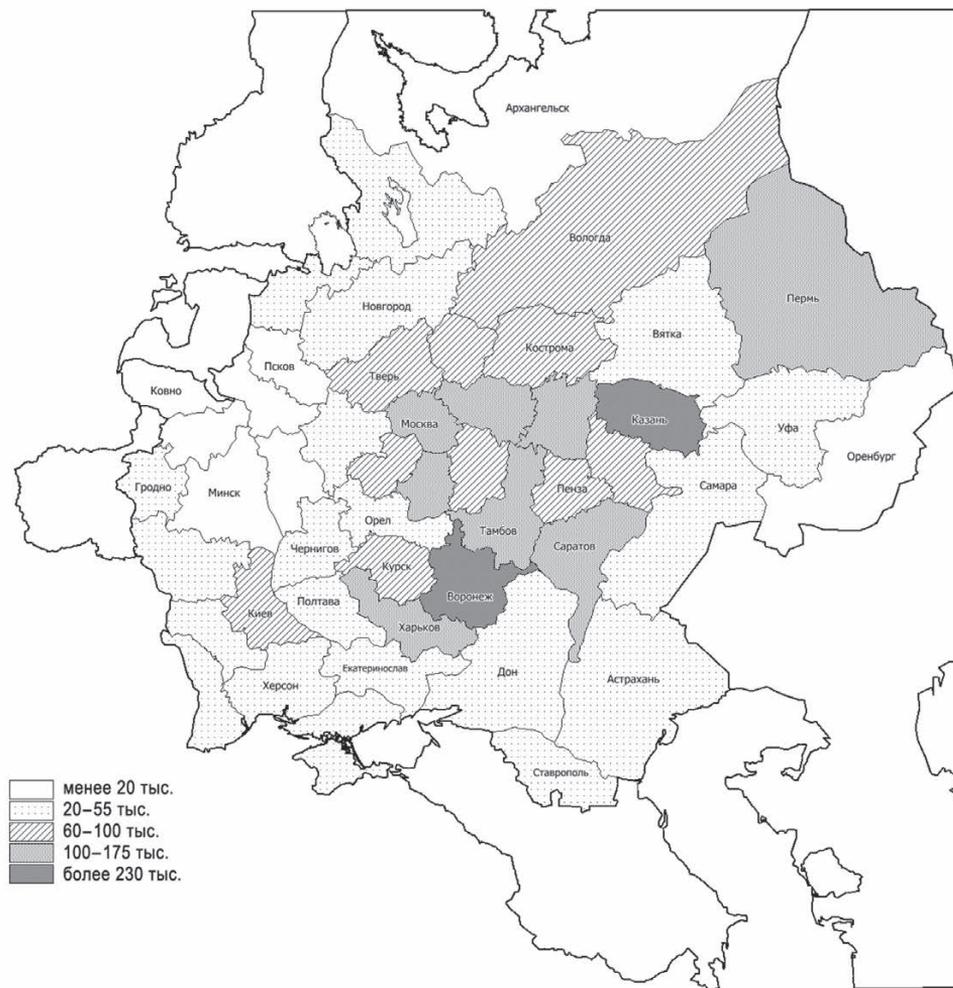
Карта 3. Общее число домохозяев, окончательно укрепивших за собою землю по 1 мая 1915 г.

Карта 4. Число ходатайств о личном землеустройстве в 1907–1915 гг.

Карта 5. Число ходатайств
о групповом землеустройстве
в 1907–1915 гг.

Содержание

От автора	6
Пролог	10
Что такое агротехнологическая революция?	21
ЧАСТЬ 1.	29
Всеобщее закрепощение сословий	29
Две ипостаси дворянства	33
«Очернитель» Текутьев, или Пятое путешествие Гулливера	53
Что такое социальный расизм?	66
Раскулачивание в крепостную эпоху	79
Накануне реформы П. Д. Киселева	95
Ревизия 1836–1840 гг.	103
Реформа государственной деревни П. Д. Киселева	112
О «как-нибудь» и «кое-как»	123
Правосознание «азиатства»	138
Как зарождалось новое общественное настроение	155
Славянофилы	170
Приключения социализма в стране крепостной общины	175
Удивляться будем?	184
Приезд «ученого немца»	190
О чем звонил «Колокол»?	193
Явление Чичерина	199
Герцен в апогее	207
Проверка подлинности	223
Возникновение нового общественного настроения	237
ЧАСТЬ 2.	251
Великая реформа	251
Дискуссия об общине	264
«Бухгалтерский» подход, или кто кого ограбил?	267
Что не так с Великой реформой?	270
Судьба реформы: «Нет ничего более постоянного, чем временное»	280
Начало российской модернизации	287
Антикапиталистическая утопия при капитализме	287
Первая утопия: как это было	294
Как начиналась индустриализация	303
Два героя индустриализации России	312

Нелегкие пути модернизации	328
Народники и народничество	342
Очень странное сближение	342
Родословная левого народничества	346
Родословная нищеты, или как нам придумать Россию	358
Что такое семантическая инфляция?	371
Малоземелье и аграрное перенаселение	375
Что не так с понятием «малоземелье»?	379
Что не так с малоземелье –2	383
Злоключения урожайной статистики	392
Был ли «голодным» экспорт хлеба?	401
Переделы, недоимки и продовольственная помощь	407
Крестьянское самоуправление – общие замечания	414
Крестьянское самоуправление: человек в коллективе	419
Что не так с недоимками?	427
Идея-оборотень: уравнительно-перedelьная община как фактор пролетаризации русского крестьянства	436
Крестьянский правопорядок	444
Неокрепостничество пореформенной эпохи	453
Социальный расизм после 1861 г.	453
Споры вокруг Транссиба	459
Государственный социализм без правового государства	469
Пореформенная деревня глазами Г. И. Успенского	477
Шесть деревень Успенского и Гарина-Михайловского	477
Тайны народной жизни	486
Эксперимент инженера Гарина-Михайловского	506
Явление героя	506
Уроки эксперимента	525
ЧАСТЬ 3	543
«Я нашел свою цель жизни»	543
Метаморфозы С. Ю. Витте	547
Троянский конь в имперском МВД	553
Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности	559
Финал Особого совещания	565
Конец Утопии	569
Чего хотела оппозиция?	574

О Теореме Столыпина	579
Новая программа правительства и начало аграрной реформы Столыпина	584
Укрепление и мобилизация земли	592
Землеустройство	601
Факторы землеустройства	609
Агрономическая помощь	618
Организация агрономической помощи в годы реформы	619
Основные направления агрономической помощи	622
Агрономическая помощь: информация с мест	625
Агрономическая помощь: краткие выводы	629
Потребление минеральных удобрений и усовершенствованных сельхозмашин и орудий	631
Крестьянский поземельный банк	634
Банковские истории	635
Переселение в Сибирь. Азиатская Россия и реформа Столыпина	643
Кооперация и Столыпинская аграрная реформа	659
Кредитная кооперация	661
Сельскохозяйственные общества	670
Сельскохозяйственные товарищества и артели	672
Реформа в действии. Мологский уезд Ярославской губернии	673
Реформа в действии. Сычевский уезд Смоленской губернии	681
Реформа в действии. Новоузенский и Николаевский уезды Самарской губернии	691
Островский уезд Псковской губернии	697
Реформа в действии: Трокский уезд Виленской губернии	701
Реформа в действии: Красноуфимский уезд Пермской губернии	707
Аграрный сектор России и реформа Столыпина	714
Как нам измерить Россию	726
Реформа Столыпина и преодоление кризиса аграрного перенаселения	738
Статистика железнодорожных перевозок	753
О тех, кто доказывал теорему Столыпина	762
Выводы	783
Мировая война и революция	800
Приложение	827

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «АЛЕТЕЯ» МОЖНО ПРИОБРЕСТИ:

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН С нкт-Петербург, Литейный пр., 57 8 (812) 273 50 53	«ПОДПИСНЫЕ ИЗДАНИЯ» (с 10:00 до 22:00) www.podpisnie.ru
КНИЖНЫЙ МАГАЗИН С нкт-Петербург, ул. Некр сов , 23 8 (911) 977 40 47	«ВСЕ СВОБОДНЫ» (с 12:00 до 22:00) www.vse-svobodny.com
КНИЖНЫЙ МАГАЗИН С нкт-Петербург, Невский пр., 66 8 (812) 640 44 06	«КНИЖНАЯ ЛАВКА ПИСАТЕЛЕЙ» (с 10:00 до 22:00) www.lavkapisateley.spb.ru
КНИЖНЫЙ МАГАЗИН С нкт-Петербург, ул. М л я Коношенин я, 9 8 (812) 571 20 75, 8 (812) 312 52 00	«СЛОВО» (с 11:00 до 20:00) www.slovo.net.ru
ДУХОВНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР С нкт-Петербург, Невский пр., 177 8 (812) 643 77 43	САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ЕПАРХИИ «НЕВСКИЙ, 177» (с 10:00 до 20:00) www.vk.com/dpcspbe
КНИЖНЫЙ МАГАЗИН Москв , ул. Тверск я, д. 8, стр. 1 8 (495) 629 64 83, 8 (495) 797 87 17	«МОСКВА» (с 09:00 до 24:00) www.moscowbooks.ru
КНИЖНЫЙ МАГАЗИН Москв , М лый Гнездииковский пер., 12/27 8 (495) 749 57 21, 8 (495) 629 88 21	«ФАЛАНСТЕР» (с 11:00 до 20:00) www.falanster.su
КНИЖНЫЙ МАГАЗИН Москв , Пятницкий пер., 8 8 (495) 951 19 02	«ЦИОЛКОВСКИЙ» (с 11:00 до 22:00) www.primuzee.ru
КНИЖНЫЙ МАГАЗИН Москв , ул. Мясницк я, 20 8 (495) 621 49 66, 8 (495) 628 29 60	«БУКВЫШКА» (пн.–пт. с 10:00 до 20:00, сб. с 10:00 до 19:00) www.bookshop.hse.ru
КНИЖНЫЙ МАГАЗИН Москв , Мясницк я ул., д. 6/3, стр. 1	«БИБЛИО-ГЛОБУС» (пн.–пт. с 9:00 до 22:00, сб.–вс. с 10:00 до 21:00) www.biblio-globus.ru
КНИЖНЫЙ МАГАЗИН Москв , ул. Ч янов , 15 8 (495) 250-65-46	«У КЕНТАВРА» (пн.–пт. с 10:00 до 19:30, сб. с 10:00 до 17:00) www.rsuh.ru/kentavr
КНИЖНЫЙ МАГАЗИН Минск, ул. К зинц , 123, оф. 4 +375 17 338 95 23	«ЭПОСЕРВИС» www.tregross.com
КНИЖНЫЙ МАГАЗИН Киев, Вербов я ул., 8 +375 17 338 95 23	«КНИЖНЫЙ БУМ» (вт.–вс. с 11:00 до 17:30) www.academbook.com.ua
КНИЖНЫЙ МАГАЗИН Ptasia 4, 00-138 Warszawa +38 067 273-50-10	при «Centrum Nauczania Języka Rosyjskiego w Warszawie» www.jezykrosyjski.com.pl
КНИЖНЫЙ МАГАЗИН Кг. Varona iela 45/47, Riga +371 67315727	«Intelektuāla grāmata» (пн.–пт. с 10:30 до 19:00, сб. с 11:00 до 18:00) www.merion.lv

ЭЛЕКТРОННЫЕ КНИГИ:

ДИРЕКТ-МЕДИА www.directmedia.ru ЛИТРЕС www.litres.ru

ИНТЕРНЕТ-МАГАЗИНЫ:

www.ozon.ru www.my-shop.ru www.esterum.com www.academbook.com.ua
www.bookvoed.ru www.nkbooksellers.com www.chitai-gorod.ru www.moscowbooks.ru

Научное издание

Давыдов Михаил Абрамович

ТЕОРЕМА СТОЛЫПИНА

Главный редактор издательства

Игорь Александрович Савкин

Дизайн обложки *И. Н. Граве*

Оригинал-макет *Л. Г. Иванова*

Корректор *С. А. Семенов*

ИД № 04372 от 26.03.2001 г.

Издательство «Алетейя»

Заказ книг: тел. +7 (921) 951-98-99,

e-mail: fempro@yandex.ru, Савкина Татьяна Михайловна
192029, г. Санкт-Петербург, пр. Обуховской Обороны, д. 86 А, оф. 536, 532

Редакция:

e-mail: aletheia92@mail.ru

www.aletheia.spb.ru

Книги издательства «Алетейя» можно приобрести

в Москве:

Дом книги «Москва», ул. Тверская, 8. Тел. (495) 629-64-83

«Фаланстер», М. Гнездииковский пер., 12/27. Тел. (495) 749-57-21, 629-88-21

«Циолковский», ул. Б. Молчановка, 18. Тел. (495) 691-51-16

Книжная лавка «У Кентавра». Миусская площадь, д. 6, корп. 6

Тел. (495) 250-65-46, +7-901-729-43-40, kentavr@kpole.ru

«Русское зарубежье», ул. Нижняя Радищевская, 2. Тел. (495) 915-27-97

в Киеве:

«Книжный бум». Тел. +38 067 273-50-10, gron1111@mail.ru

в Минске:

«Трэгросс-Бук», ул. Казинца, д. 123, оф. 4.

Тел. +37 517 338 95 23, www.tregross.com

в Варшаве:

«Centrum Nauczania Języka Rosyjskiego»,

ul. Ptasia 4. Тел. +48 (22) 826-17-36, szkola@jezykrosyjski.com.pl

в Риге:

«Intelektuāla grāmata»

Rīga, Kr. Varona iela 45/47. Тел. +371 67315727, info@merion.lv

Интернет-магазин: www.ozon.ru

Формат 70x100¹/₁₆. Усл. печ. л. 67,89. Печать офсетная. Тираж 500 экз.

Заказ №